

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ

Конец XV-
начало XX века

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ

**Конец XV –
начало XX века**

Ижевск
2004

УДК 9(С143)
ББК 63.3(2)Удм
И90

Книга издана при финансовой поддержке Правительства Удмуртской Республики

Редакционная коллегия:

Е. М. Берестова, канд. ист. наук, *Л. Н. Бехтерева*, канд. ист. наук, *О. И. Васильева*, канд. ист. наук, *М. В. Гришкина*, д-р ист. наук, *К. И. Куликов*, д-р ист. наук (главный редактор), *Н. П. Лигенко*, д-р ист. наук, *Н. А. Родионов*, канд. ист. наук, *В. С. Чураков*, канд. ист. наук

Авторы:

М. В. Гришкина (введение, главы 1–5); *Н. П. Лигенко* (введение, главы 6–8 при участии *Г. А. Никитиной*, *С. Л. Мельникова*); *В. С. Чураков* (глава 9), *А. Н. Кутявин*, *О. И. Васильева*, *Л. Н. Бехтерева*, *Н. А. Родионов*, *М. В. Гришкина*, *А. М. Субботина*, *Е. М. Берестова* (глава 10 в соавторстве)

Рецензенты:

кафедра дореволюционной отечественной истории УдГУ, зав. отделом истории XVI–XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН канд. ист. наук *И. В. Побережников*, д-р ист. наук *Т. И. Останина*

История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под ред. К. И. Куликова;
И90 введение *М. В. Гришкиной*, *Н. П. Лигенко*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
552 с., ил. + цв. вкл.

ISBN 5-7691-1461-4

В книге предпринята попытка создания целостной картины исторического развития Удмуртии с момента ее присоединения к Русскому государству до начала XX в. на основе накопленного предшествующей историографией фактического материала и введенных в научный оборот новых архивных источников. Большое внимание уделено социально-демографическим и экономическим процессам, многообразным аспектам политики государства по отношению к различным социальным и этническим группам населения, крестьянскому и рабочему движению, становлению общественно-политической мысли. Впервые обстоятельно рассматриваются проблемы развития городов и заводских поселений, процессы формирования и дальнейшей эволюции купечества, воссоздается картина развития культуры и быта населения края. Книга богато иллюстрирована.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов вузов и средних учебных заведений, для всех интересующихся историей.

ISBN 5-7691-1461-4

УДК 9 (С143)
ББК 63.3(2)Удм

© Институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004
© М. В. Гришкина, часть первая, 2004
© Авторы, указанные на обороте титульного листа и во введении, поглавно, 2004
© В. Л. Белых, иллюстрации, 2004

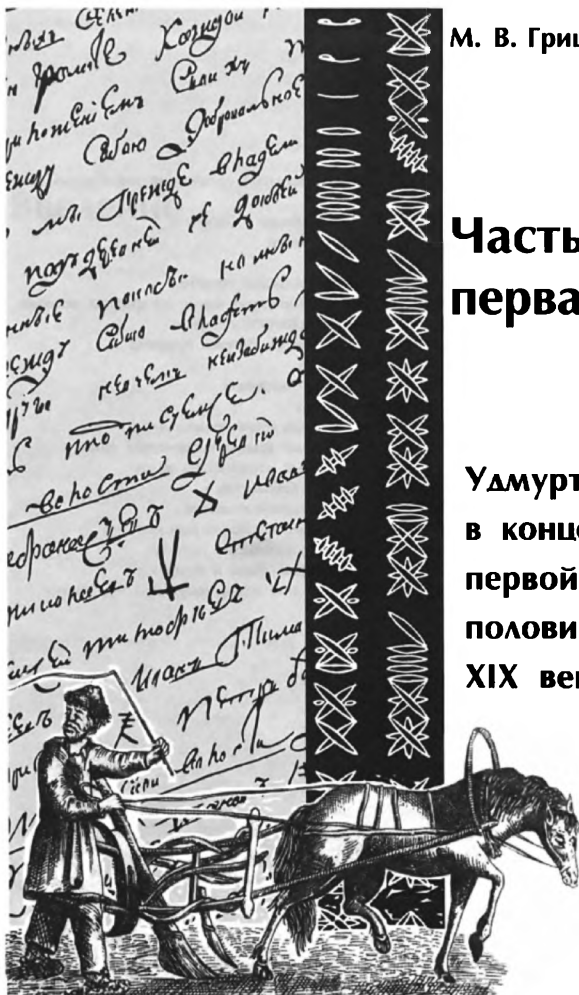
Список сокращений

АВИМАИВиВС	– Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
АОА г. Сарапула	– Архивный отдел администрации г. Сарапула
ВГВ	– Вятские губернские ведомости
ВИ	– Вопросы истории
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
Марийский НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
МСВГ	– Материалы по статистике Вятской губернии
ПКиКВГ	– Памятная книжка и календарь Вятской губернии
ПСЗ	– Полное собрание законов
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИБ	– Российская историческая библиотека
ТВУАК	– Труды Вятской ученой архивной комиссии
УГПИ	– Удмуртский государственный педагогический институт
УдНИИ	– Удмуртский научно-исследовательский институт
УИИЯЛ	– Удмуртский институт истории, языка и литературы
ЦГА УР	– Центральный государственный архив Удмуртской Республики

М. В. Гришкина

Часть первая

Удмуртия
в конце XV –
первой
половине
XIX века

Введение

После выхода в свет "Очерков истории Удмуртской АССР" (Ижевск, 1958. Т. 1), представлявших первую попытку обобщения знаний по истории нашего края и создания целостной картины исторического процесса на его территории, прошло свыше 40 лет. Будучи первой пробой пера, "Очерки..." не могли не отличаться схематизмом. Документальная база, на которой строились многие разделы издания, отличалась чрезвычайной скудностью. Многие вопросы дореволюционной истории края были изучены крайне слабо. Сама книга давно уже стала библиографической редкостью. Почти за полвека со времени издания этого труда историками, археологами, этнографами, искусствоведами, фольклористами и представителями других наук накоплен новый материал, выявленный в центральных и местных архивах, в литературных источниках, в ходе археологических, этнографических и других экспедиций, защищены докторские и кандидатские диссертации, опубликованы монографии и многочисленные научные статьи. В 90-е гг. была предпринята попытка обобщения накопленных данных в "Материалах к истории Удмуртии": с 1994 г. отделами истории и археологии Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН было издано три выпуска "Материалов...", посвященных проблемам дооктябрьской истории Удмуртии. За истекшие годы со времени

их появления они получили апробацию. Высказанные замечания и предложения позволили дополнить и доработать многие разделы, пересмотреть некоторые положения. Изданные небольшим тиражом "Материалы", в свою очередь, тоже успели стать библиографической редкостью. Кроме того, в этих изданиях, имевших ярко выраженный очерковый характер, были, к сожалению, фрагментарно освещены далеко не все вопросы истории нашего края.

Отсутствие обобщающих работ, отражающих современные методологические подходы и уровень знаний, а также учебников для общеобразовательной и высшей школы по курсу истории Удмуртской Республики и краеведению на фоне возросшего интереса к этим предметам у широкого круга читателей заставили ускорить подготовку данного издания, несмотря на то, что изучение многих разделов истории нашего края еще далеко от завершения. Первая книга предлагаемой читателям "Истории Удмуртии" охватывает период с конца XV в., когда северная группа удмуртов вошла в состав Московского государства, и начало XX в. В свою очередь, внутри этого исторического этапа выделены две части, рубежом между которыми являются буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., означавшие окончательное становление в России индустриальной цивилизации.

В названии и тексте книги употребляется термин "Удмуртия", который, как известно, возник лишь в 20-е гг. XX в., после создания Удмуртской автономной области. По уже сложившейся историографической традиции мы вкладывали в это понятие представление о территории, заселенной преимущественно удмуртами, примерно соответствующей четырем уездам: Глазовскому, Елабужскому, Малмыжскому, Сарапульскому, оформившимся к концу XVIII в. в пределах Вятской губернии. Современная Удмуртия занимает около 66,5 % площади этих уездов. Перечисленные уезды Вятской губернии являлись собой сформировавшееся экономически единое простран-

ство с определившейся структурой торговых, транспортных связей и хозяйства в целом, со сложившимся в течение длительного времени составом населения, особенно с землевладением и землепользованием, которые нашли соответствующее отражение как в демографической статистике, так и в экономико-географической. Вычленение из этого пространства только территории Удмуртии означало бы утрату целостности и привело бы к невозможности использования статистических данных, к которым авторы каждый раз обращаются при анализе многообразной хозяйственной деятельности, социального и этнического состава населения.

При подготовке книги авторский коллектив, состоящий преимущественно из сотрудников отдела истории УИИЯЛ УрО РАН, опирался на труды своих предшественников и коллег, работающих в Удмуртии и за ее пределами.

В дореволюционной историографии история Удмуртии не могла выделяться как предмет самостоятельного изучения и привлекала внимание лишь как часть истории Вятского края. Основы вятской историографической традиции были заложены неизвестными авторами, попытавшимися осмыслить события местной истории в форме летописных заметок и хроник ("Вятский временник", "Летописец старых лет" "Повесть о стране Вятской"). Несмотря на тенденциозность и сильный налет авторского воображения, эти памятники письменности отражают некоторые подлинные события вятской истории. В последнее время они еще раз стали объектом серьезного текстологического анализа в работе американского исследователя Даниеля Уо ("История одной книги: Вятка и несовременность в русской культуре Петровского времени". СПб., 2003).

Заметный вклад в изучение не только природных богатств, флоры и фауны края, но и образа жизни населяющих его народов и их истории внесли участники знаменитых академических экспедиций XVIII в.:

И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. П. Фальк и другие, опубликовавшие в последней трети XVIII – начале XIX в. свои “дневные записки” и “описания”. Это живые наблюдения современников, непосредственно общавшихся с представителями местного населения. Они уделяют большое внимание природно-климатическим условиям края, хозяйственным занятиям жителей, их численности, расселению, социальным отношениям. Особую ценность представляют агроэтнические наблюдения ученых-путешественников, а также любопытные детали быта и культуры народов края, отмеченные ими.

Основоположником вятской историографии можно по праву назвать А. И. Вештомова – учителя Сарапульского малого, а затем Вятского главного народного училища, создавшего первый обобщающий труд по истории Вятского края, изданный в 1907 г. в Казани. Автор “Истории вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год, чрез 600 лет. . . дал свою гипотезу происхождения удмуртов, проследил картину изменения их этнической территории по мере расширения русской колонизации края, проанализировал данные об их численности. Очень ограниченный круг известных А. И. Вештомову источников привел его к ошибочному выводу о том, что лишь в 1717 г. удмурты были впервые переписаны и присоединены к Вятскому воеводству.

Работы, появившиеся позднее, претендующие на обобщение известного им материала, мало продвинули изучение истории края. Они содержали преимущественно сведения об органах управления, деятельности церкви и отдельных миссионеров, повторяя вместе с достижениями и ошибки своего предшественника А. И. Вештомова.

В последней четверти XIX – начале XX в. общий подъем интереса к истории нашел отражение и в Вятском крае, где развернулась деятельность целой плеяды историков, поставивших перед собой задачу создания надежной источниковедческой базы

для изучения местной истории и приступивших к выявлению и собиранию источников не только в центральных архивах, но и в ходе археографических разысканий на месте. Нельзя не воздать должное подвижнической деятельности А. С. Верещагина, стоявшего у основания Вятской ученой архивной комиссии – одной из лучших в России. В ее трудах были опубликованы многие комплексы документов: писцовые и переписные книги по Вятке и ее уездам, грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря и архиерейского дома, подборка известных общерусских и местных летописных сводов о событиях на Вятке и в ее округе и т. д. На основе выявленного богатейшего материала А. С. Верещагин написал свыше 40 работ, представляющих интерес и для исследователей истории Удмуртии и удмуртского народа.

Большой вклад в изучение вятской истории с древнейших времен до XVII в. внес А. А. Спицын, впоследствии ставший крупным советским археологом. Из серии его работ, посвященных истории местного и областного управления, распространенным на Вятке разновидностям землевладения и землепользования, податям и повинностям местного крестьянства, для нас особый интерес представляет статья “К истории вятских инородцев” (Вятка, 1888).

Из круга исследователей этого периода необходимо выделить и Н. Н. Романова, работы которого, основывающиеся на статистических источниках, прежде всего на материалах ревизий, дают детальную картину изменения численности и увеличения плотности населения по выделенным им местностям Вятской губернии. Интересными данными о развитии земледелия, неземледельческих промыслов и торговли насыщена и другая работа Н. Н. Романова – “Краткие очерки уездов Вятской губернии” (Вятка, 1875).

На рубеже веков началась деятельность П. Н. Луппова, крупнейшего исследователя истории края XVI – первой половины XIX в. Сводом всех известных к концу XIX в.

сведений об истории удмуртов стала его монография "Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в." (СПб., 1899; Вятка, 1901). В 1890 г. увидело свет историко-этнографическое исследование И. Н. Смирнова "Вотьяки" (Казань, 1890), которое также открывалось историческим очерком, "всего известного об удмуртах". Кроме уже введенных в оборот исторических источников, автор впервые в историографии привлек к анализу данные топонимики, удмуртского языка и фольклора.

Определенный вклад в изучение истории края внесли в этот период и исследователи, занимавшиеся проблемами русского Севера, Урала и Среднего Поволжья. В этом ряду ученых следует выделить А. Я. Ефименко, М. Н. Островскую, М. М. Богословского, С. В. Ешевского, Н. А. Фирсова, Г. И. Перетятковича. Эти исследователи заметно продвинули изучение особенностей крестьянского землевладения и землепользования, общинного самоуправления, включения народов Поволжья в систему Русского государства, политики Московского правительства по отношению к крестьянству, в том числе и к "инородческому" условий освоения вновь приобретенных районов Среднего и Нижнего Поволжья. Конкретная история крестьянства впервые стала в центр исследовательского внимания историка-народника В. И. Семевского. В его фундаментальных трудах: "Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II" (СПб., 1881, 1901. Т. 1–2), "Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в." (СПб., 1888) – нашли отражение многие вопросы истории черносошного крестьянства и таких своеобразных его категорий, как половники и лашманы. Много внимания уделил исследователь борьбе крестьян, в частности выступлениям приписных Ижевского и Воткинского заводов.

После революции перед исторической наукой была поставлена задача – "дать более или менее систематизированно историю Удмуртии на основе марксистско-

ленинского учения об общественно-экономических формациях" которая стала осуществляться в деятельности сотрудников созданного в 1931 г. Удмуртского научно-исследовательского института при правительстве Удмуртской автономной области. Выполнение этого социального заказа было возложено на П. В. Кильдебекова и Ф. П. Макарова. В условиях отсутствия введенного в оборот нового фактического материала их роль при написании "Истории классовой борьбы в Удмуртии" (Ижевск, 1933) свелась в приложении к уже известным фактам новой схемы.

Насыщенностью конкретным материалом, обстоятельностью и аргументированностью отличались послеоктябрьские работы П. Н. Луппова, построенные на новом материале, извлеченном из многочисленных фондов московских, казанских, вятских и других архивов. Впервые в историографии ученый проанализировал динамику численности и расселение отдельных групп удмуртов, их взаимоотношения с русскими соседями и каринскими татарами – потомками каринских арских князей, особенности их общинной организации и территориально-административного деления, а также политику центральной и местной власти по отношению к северным, вятским, удмуртам. Исследователь, подготовив сборник документов "Удмурты в XV–XVII веках" (Ижевск, 1958), послуживший основой для дальнейшего изучения истории края указанного периода, внес неоценимый вклад в изучение истории Удмуртии.

Начиная с середины 1930-х гг., историческая наука стала напрямую увязываться с политической системой, все более превращаясь в предмет, призванный обслуживать политическую конъюнктуру и нацеленный на выполнение социального заказа. Монография Н. Н. Латышева "Удмурты накануне реформы 1861 г." (Ижевск, 1939), большим достоинством которой была насыщенность разнообразным материалом, добытым в архивах и впервые вводимым в научный оборот, была призвана реабилитировать исто-

рическую науку в глазах партийных органов и власти после ее разгрома в 1934 г. Всем своим содержанием она была направлена на идеологическое разоблачение "буржуазных националистов": К. Герда, П. Кильдебекова, Ф. Макарова и др. На них автор обрушивается со всей силой полемического таланта. Н. Н. Латышев успешно справился с задачей – показать глубокое проникновение в удмуртскую деревню первой половины XIX в. товарно-капиталистических отношений, привлекая материалы по русскому крестьянству Вятского края и распространяя полученные выводы на удмуртское население. Таким способом был доказан тезис о готовности удмуртов к восприятию идей Октябрьской революции. В работе, так же как в статье М. Н. Мартинова "Удмурты (вотяки) в эпоху раннего феодализма" (Л., 1934), много внимания уделялось колонизаторской политике царизма и ее роли в задержке социально-экономического развития удмуртского этноса.

Объективная картина положения удмуртов в Казанском ханстве и присоединения их к Русскому государству была представлена в опубликованной в 1923 г. книге М. Г. Худякова "Очерки по истории Казанского ханства" М. Г. Худяков внес заметный вклад и в изучение этнографии и фольклора удмуртов. Процессы включения северных удмуртов в состав Вятской феодальной республики, а затем Русского государства были рассмотрены в статье А. Ф. Трефилова "Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках" (Ижевск, 1951). Автор полагал, что в Вятскую республику на равных правах с русскими вошли этнические группы удмуртов и мари, что вряд ли соответствует действительности. Кроме того, А. Ф. Трефилов слишком архаизировал удмуртское общество, утверждая, что у удмуртов еще в XV в. сохранялся в неприкосновенности родовой строй. Проблемы, поднятые А. Ф. Трефиловым, разрабатывались далее Г. Н. Трефиловым в сборниках, посвященных 400- и 425-летию при-

соединения Удмуртии к Русскому государству (Ижевск, 1958, 1983).

В 1936 г. статьями Г. А. Лаговой и П. Н. Лупова было начато изучение истории промышленности. После войны разработку этой темы продолжили В. Д. Зеленцов (1949, 1964), Б. Г. Плющевский (1954), В. Л. Сергеев (1958), А. А. Александров (1957, 1971, 1996), Г. И. Осколков (1967), А. М. Фомичев (1977) и др.

Одним из самых разработанных сюжетов истории Удмуртии в силу господствовавших идеологических установок стало участие трудовых масс в восстании Е. И. Пугачева. Значительное количество новых документов о восстании в Прикамье было введено в оборот М. Н. Мартиновым (Л., 1930). Об Ижевском заводе во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. написала статью А. В. Пруссак (М., 1940), участие удмуртов в пугачевщине осветил М. А. Садаков (Ижевск, 1949). События, происходившие в этот период в Удмуртии, нашли детальное отражение и в обобщающих работах А. И. Андрущенко, В. В. Мавродина, Р. В. Овчинникова и других советских историков. В связи с 200-летним юбилеем восстания был издан сборник документов "Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Удмуртии" (Ижевск, 1974), составленный А. А. Александровым и представляющий наиболее полный свод дошедших до нас материалов. К этой дате была приурочена и научно-популярная брошюра А. А. Александрова и М. А. Садакова "Гнев народа".

Итог всем предшествовавшим исследованиям был подведен в обобщающих работах по истории Удмуртии и Вятского края: в уже упомянутых "Очерках истории Удмуртской АССР" и "Историческом очерке Вятского края XVII–XVIII веков" А. В. Эммуусского (Киров, 1956), в "Очерках истории Кировской области" (Киров, 1972). В этих работах были учтены выводы об уровне социально-экономического развития Удмуртии и Вятской губернии, к которым пришли в своих

статьях Б. Г. Плющевский и А. В. Эммаусский, В. Л. Бушуева, А. Ф. Трефилов, Н. Н. Латышев. В последующих публикациях Б. Г. Плющевского (1981, 1996) был расширен материал и несколько уточнены выводы о социальном и экономическом развитии Удмуртии в первой половине XIX в.

Большим вкладом в изучение социально-экономических проблем истории Вятского края XVIII в. стали работы А. И. Комиссаренко, увидевшие свет в 1960–1970 гг. В них были по-новому поставлены и решены вопросы динамики численности, миграций вятского крестьянства, роли и объема крестьянской торговли, положения половников на землях крестьян и вятского купечества, проявлений социального протеста экономических крестьян и т. д. То же можно сказать о фундаментальной монографии П. А. Колесникова "Северная деревня в XV – первой половине XIX века" (Вологда, 1976), осветившей процессы заселения и земледельческого освоения европейского Севера России, имущественное и социальное положение различных категорий северных крестьян, развитие аграрной культуры и земледельческого производства, в том числе и Вятского края.

Круг проблем, связанных с социально-экономическим положением непосредственно удмуртского крестьянства северных районов на рубеже XVII–XVIII вв., был поднят в диссертации и последующих публикациях В. Л. Бушуевой (М., 1953, 1961; Стерлитамак, 1963). Новые для истории края вопросы формирования купечества, в том числе и удмуртского, и роль в этом процессе крестьян осветила Г. И. Обухова. Скрупулезное изучение архивных материалов позволило ей восстановить генеалогию нескольких купеческих кланов Удмуртии, выявить торговые связи глазовского купечества с другими районами Вятского края и круг лиц, являвшихся контрагентами известных купеческих фамилий, проследить процесс формирования купеческого землевладения.

Для изучения истории южной, прикамской, части Удмуртии неоценимое значе-

ние имеют работы крупных историков Среднего Поволжья, прежде всего В. Д. Димитриева, И. П. Ермолаева, Д. А. Мустафина, А. В. Клеянкина, С. Х. Алишева и др., посвященные политике правительства, управлению Казанским краем, положению полиэтничного населения Среднего Поволжья в системе Русского государства. Принципиальную значимость для истории Удмуртии XVI – первой половины XIX в., продолжавшей оставаться колонизируемой окраиной, представляют труды А. А. Преображенского (Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956; Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; Эволюция феодализма в России. М., 1980). В этих работах показана роль постоянного притока в восточные районы черносошного крестьянства из районов Поморья, где царила относительная свобода распоряжения землей и где не было крупного землевладения. Особую ценность имеет анализ взаимодействия экономических структур русского и нерусских народов Урала и Среднего Поволжья. Не обходя сложные моменты в развитии этих взаимоотношений, А. А. Преображенский показал позитивное значение постоянного хозяйственного и культурного взаимодействия нерусских народов и русского крестьянства.

Изучение демографических проблем в исследуемый период в значительной мере опирается на работы Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, особенно на монографии последнего "Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в." и "Народы России в XVIII веке" (М., 1963, 1990).

При характеристике уровня социально-экономического развития удмуртов накануне присоединения к Русскому государству были использованы работы Ю. А. Кизиловой, В. С. Чуракова, археологов В. А. Оборина, М. Г. Ивановой, А. Г. Иванова, Т. И. Останниной. Изучение особенностей социальной и фискальной политики и процесса формирования единого Русского государства, взаимоотношений внутри великокняжеско-

го дома, приведших к большой феодальной войне, невозможно без обращения к трудам таких корифеев советской историографии, как Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, С. О. Шмидт, Н. Е. Носов и др. Неопознанию помощь при освещении своеобразия Вятской земли до ее включения в состав Московского княжества оказала монография А. В. Эммаусского "История Вятского края в XII – середине XIX века" (Киров, 1996).

И, разумеется, при написании глав и разделов данного издания использованы работы самих авторов, а также неопубликованные материалы, выявленные в самых различных архивах страны в ходе многолетних разысканий. К числу наиболее часто используемых относятся документы Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Кировской области, Центрального государственного архива Удмуртской Республики.

Пореформенный период истории Удмуртии в отечественной дореволюционной историографии представлен довольно широко, в большинстве своем литература систематизирована в библиографических указателях. По содержанию и месту издания дореволюционную литературу по истории Удмуртии можно разделить на два вида. К первому относятся издания центральных правительственных учреждений и различных московских и петербургских технических, экономических, сельскохозяйственных обществ, написанные на основании данных, собранных централизованным порядком через местные органы власти и специальных корреспондентов путем анкетирования. В данном случае отдельные проблемы истории Удмуртии представлены на общероссийском фоне. Другой вид литературы – это местные издания: публикации в периодической печати местных учителей, священников, земских деятелей, основанные на личном наблюдении, а также отдельные работы историков, экономистов, издания земства или статкомитета,

подкрепленные добротным статистическим материалом. Богатая фактическим материалом, интересными наблюдениями, первично обработанными статистическими данными дореволюционная литература об удмуртском крае является незаменимым источником в изучении ее прошлого.

Большую роль в формировании источниковой базы, изучении исторического развития Вятского края играли региональные научные центры, статистические комитеты, различные краеведческие общества, а также периодические издания. Определенную лепту в исследование экономики, быта, традиций различных народов России внесли императорское Вольное экономическое и Русское географическое общества. Среди многих статей, опубликованных в 50-е гг. XIX в., полнотой сведений привлекает работа И. Савина "Заметки о Вятском крае" Основательную источниковую базу, в том числе и для истории Удмуртии, представляет "Свод материалов по кустарной промышленности России" А. К. Мещерского и К. И. Модзалевского.

Важнейшим научным центром, как и в первой половине XIX в., оставался Казанский университет. Организованное при нем Общество археологии, истории и этнографии проводило активную научную работу. С 1878 г. оно приступило к систематическому выпуску научных трудов в своем издании "Известия Общества археологии, истории и этнографии". Большую роль в изучении края, сборе первичного материала, его публикации играл губернский статистический комитет. На страницах издаваемого им ежегодника "Календарь и памятная книжка Вятской губернии" были опубликованы значительные труды по истории, археологии и этнографии, а также ценные сведения, ставшие незаменимым историческим источником. С 1863 г. начали выпускаться "Вятские епархиальные ведомости", содержащие более 100 статей, касающихся четырех "удмуртских" уездов. Богатый краеведческий материал печатался в "Вятских губернских ведомостях"

В 70-е гг. XIX в. большой вклад в исследование Вятского края внесли статистики Н. Н. Романов и Н. Н. Блинов. Земство поручило им собрать сведения и описать отдельные уезды Вятской губернии. Труды обоих авторов неоднократно были удостоены премий различных ученых обществ и правительственных учреждений, вошли в золотой фонд классических экономических работ земской статистики. В 80-е гг. губернское земство в результате вновь проведенного статистического подворного обследования уездов, проводившегося корреспондентами-статистиками, издало "Материалы по статистике" и "Материалы по описанию промыслов Вятской губернии", являющиеся важным источником в исследовании социально-экономического, культурного развития Удмуртии. Среди исследователей, сделавших значительный вклад в регионоведение, выделяются И. А. Козаченко, один из крупных общественных деятелей Вятской губернии, ветеринарный врач по образованию, автор многих значительных историко-статистических и медицинских трудов, участник издания "Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России" (т. 11, 12, 16), М. П. Куролтев, секретарь Вятского статистического комитета, автор многочисленных работ, посвященных этнографии, истории и экономике отдельных уездов Вятской губернии, Н. А. Спасский, член-секретарь статистического комитета, составитель и редактор "Календаря и памятной книжки Вятской губернии", автор многих статей обзорного характера, содержащих богатый статистический материал. В работах земских деятелей конца XIX в. П. А. Голубева, А. Н. Новикова, Ф. И. Берсенева подняты вопросы экономического, культурного развития Вятского края, а также деятельности вятского земства. Неутомимым исследователем, глубоко знающим народную культуру, быт, традиции удмуртского народа, был Г. Е. Верещагин, опубликовавший монографии, статьи, сборники документов. Вместе с П. Н. Лупповым он возглавил историко-археологи-

ческую и этнографическую секции научно-общества по изучению Вотского края.

В конце XIX в. внимание российской и мировой общественности приковало и вызвало горячие споры судебное дело мултанских удмуртов, обвиненных в человеческом жертвоприношении языческим богам. Среди массы статей, посвященных этому историческому факту, глубиной анализа, научным подходом, исключительностью по своей значимости отличаются работы В. Г. Короленко, М. Г. Худякова, Л. С. Шатенштейна и особенно исследование П. Н. Луппова "Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении (1892–1896 гг.)"

Постреволюционная историография строилась на марксистско-ленинском, формационном подходе в исследовании исторического процесса. Независимо от политической оценки деятельности В. И. Ленина неоспоримым является значительный вклад, внесенный им в изучение социально-экономических процессов XIX в. Исследовать историю формирования российского капитализма и, в частности, его проникновения в область аграрных отношений и промышленности, становления единого, общероссийского капиталистического рынка вне учета теоретических положений, выдвинутых В. И. Лениным, едва ли возможно. Среди обширнейшего фактического материала, на который опирался В. И. Ленин в своих работах, неоднократно привлекались данные и по Удмуртии.

После Октябрьской революции вопросами этнографии и истории народов Вятской губернии, в том числе и удмуртов, занимался Вятский научно-исследовательский институт, организованный при педагогическом институте. Коллективом авторов под руководством П. Н. Луппова изучалась деятельность сыльных в Вятской губернии М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, В. Г. Короленко, В. В. Воровского и др. Результатом этой работы явилось издание книги "Политическая ссылка в Вятском крае" Региональная историография 20–30-х гг.,

как и общероссийская, в центре проблематики ставила вопросы трех русских революций. К юбилейным датам были подготовлены и изданы сборники статей и документов: "Рабочие и крестьяне Вотской области в революции 1905 года" "1905 год в Вотской губернии" К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье В. Л. Сергеев и Н. Ф. Туранов написали первый очерк о деятельности социал-демократической организации с 1904 г. по 1917 г.

В 50-е гг. историки обратились к социально-экономическим проблемам истории Удмуртии периода капитализма. Основательным исследованием, не потерявшим интереса и в наши дни, является работа А. Н. Вахрушева, посвященная социально-экономическим процессам в Удмуртии в пореформенный период. Н. Г. Луковников поднял вопросы проведения столыпинской аграрной реформы на территории Удмуртии, Н. Н. Латышев – о вкладе Камских заводов в развитие русской техники в XIX в., Б. Г. Плющевский – об истории частных владений заводов Вотской губернии. Изучение заводской тематики было продолжено А. А. Александровым. Вышел в свет сборник документов о революции 1905–1907 гг. в Удмуртии, представив хорошую источниковую базу исследования. Социально-экономическое положение населения и революционное движение в Удмуртии в годы первой мировой войны плодотворно изучал М. А. Садаков.

Накопленный исследователями источниковый материал, уровень разработанности основных проблем по истории Удмуртии позволили создать "Очерки истории Удмуртии". В главах, написанных А. А. Александровым, А. Н. Вахрушевым, М. А. Садаковым, Н. Г. Луковниковым, рассмотрено социально-экономическое, политическое, культурное развитие Удмуртии в пореформенный период. В 1968 г. были изданы "Очерки истории Удмуртской организации КПСС" – первое крупное исследование по истории партийной организации Удмуртии. В них представлена социально-экономическая жизнь края, в ус-

ловиях которой началось распространение идей марксизма, создание и деятельность социал-демократических организаций. Однако существовавшее донныне приоритетное внимание исследователей к партийно-политическим вопросам и слабая изученность таких основополагающих проблем, как сельское хозяйство, частновладельческая промышленность, торговля, развитие социальной структуры общества привели исследователей к ошибочному выводу о том, что Удмуртия "являлась отсталым аграрным районом царской России". Последующие исследования показали, что она была активно вовлечена в российский капиталистический рынок, а ее экономика носила аграрно-промышленный характер. На это указывают и противоречивые выводы в самих "Очерках", где отмечается, что особенностью пролетариата Удмуртии с самого начала его формирования являлась относительно высокая концентрация.

В 60–70-е гг. XX в. историками по-прежнему много внимания уделялось событиям, связанным с распространением марксизма, развитием социал-демократического движения, подготовкой и проведением Октябрьской революции, в частности, в ряде статей и книг Е. И. Рябухина, а также в работе "Краткий очерк истории социал-демократических организаций Удмуртии (Ижевск, 1963)" написанной им в соавторстве с М. А. Садаковым. Значительное место было уделено исследованию социально-экономических проблем. М. М. Мартынова обратила внимание на удмуртскую общину, ее особенности, а также проанализировала причины краха столыпинской аграрной реформы в Вотской губернии и в том числе в удмуртской деревне. Состояние сельского хозяйства Удмуртии в период империализма, экономическое положение рабочих-оружейников было исследовано М. А. Садаковым. Глубокое освещение получили вопросы просвещения в книге Г. Д. Фроловой "Из истории удмуртской школы" (Ижевск, 1971). В историографию Удмуртии ощутимый вклад внесли научно-популярные издания по истории

городов и сел Б. С. Вихарева, О. В. Севрюкова, А. П. Перевощикова, А. А. Решетова, М. И. Буни, В. Н. Ступишина, А. Н. Подшивалова.

Появились первые историографические работы. А. Н. Вахрушевым, М. А. Садаковым, В. Г. Гусевым, А. И. Сухановым были подведены итоги развития исторической науки Удмуртии, результатом исследования явилось издание историографического сборника статей, охватывавшего широкие хронологические рамки: с древнейших времен до 70-х гг. XX в.

В 80–90-е гг. XX в. в центре внимания исследователей пореформенного периода Удмуртии стояло дальнейшее углубленное и расширенное изучение прежде всего проблем ее промышленного развития, аграрной истории, товарно-денежных отношений. Пополнение рядов историков новыми силами позволило расширить проблематику исследования, поднять такие важные, но мало изученные вопросы, как крестьянская промышленность, формирование рабочего класса Удмуртии, частновладельческая промышленность, купечество Удмуртии, торговля, речной транспорт Камско-Вятского бассейна, просвещение, земство, конфессии.

Значительное место в исследуемый период было уделено изданию тематических сборников статей. По решению отдела истории последние сборники были посвящены ушедшим из жизни ведущим ученым Удмуртии, внесшим значительный вклад в развитие исторической науки: профессору В. Е. Майеру (сборник статей "Проблемы аграрной истории Удмуртии" Ижевск, 1988); заслуженному деятелю науки УАССР А. Н. Вахрушеву (Очерки истории Удмуртии. Ижевск, 1996).

Статьи сборника "Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в." (Ижевск, 1981) посвящены изучению характера землевладения, землепользования и дифференциации крестьянства, развитию товарно-денежных отношений в деревне, а также формированию условий,

влиявших на развитие крестьянской промышленности, подняты вопросы производства сельскохозяйственных машин в Удмуртии. Сборник "Вопросы истории развития промышленности Удмуртии" (Устинов, 1986) охватывает широкие хронологические рамки исследования промышленности 1861–1985 гг.

Исследователи А. Н. Вахрушев, М. А. Садаков, М. М. Мартынова, Г. А. Никитина, Л. А. Волкова сосредоточили свое внимание на проблемах аграрной истории второй половины XIX – начала XX в. Вопросы развития государственной промышленности, заводских поселков рассматривались в работах А. А. Александрова. Кроме того, он основательно проработал проблему отмены крепостного права, буржуазных реформ второй половины XIX в. Н. П. Лигенко исследовала развитие крестьянской и частновладельческой промышленности, торговли, купеческого сословия. А. П. Васильев рассмотрел становление Ижевского частного оружейного производства, С. Л. Мельников – речного транспорта Камско-Вятского бассейна. Формирование, численность, состав рабочих Удмуртии в 1861–1900 гг. изучал А. Ф. Ворончихин, земству в Удмуртии уделяла внимание А. М. Субботина. Е. Ф. Шумилов, Е. М. Берестова, И. Н. Зайцева, Г. И. Самарцева и Ю. М. Ивонин осветили конфессиональные вопросы. Кроме того, Е. Ф. Шумилов известен как исследователь заводской проблематики. Картину становления и развития системы народного образования дореволюционной Удмуртии представил А. Н. Кутявин. Историографический анализ результатов исследований ученых УИИЯЛ УР О РАН с 1980-х гг. по 2001 г. произведен в книге, посвященной 70-летию института.

Серьезный вклад в расширение базы источников по изучению истории Удмуртии внесли издаваемые Центральным государственным архивом УР сборники документов и материалов, представляющие собой научно-популярные издания серии "История городов Удмуртии". Ценность данных

книг, во-первых, заключается в том, что подавляющая часть документов впервые вводится в научный оборот, во-вторых, источниковая база основывается на материалах, выявленных в различных архивах страны: Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве Советской Армии, в государственных архивах Кировской, Свердловской, Пермской областей, Центрального государственного архива Удмуртской Республики и местных архивных отделах администрации городов. Источниковедческая база исследований по краеведению значительно была расширена открытием для пользования личных архивов О. В. Севрюкова, А. В. Новикова, Г. Д. Кутузова.

Разработка вопросов развития культуры края стала возможной, благодаря трудам этнографов, фольклористов, искусствоведов: Т. А. Крюковой, А. Н. Белицер, В. Е. Владыкина, Т. Г. Владыкиной, Г. А. Никитиной, Е. Ф. Шумилова, Г. К. Шкляева, Л. С. Христолюбовой, К. М. Климова, В. В. Напольских, В. Б. Кошаева, Е. Я. Трофимовой.

Для региональной историографии важное значение имеют отдельные крупные монографические исследования Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, П. Г. Рындзюнского, Т. М. Китаниной, Л. Е. Шелелева, А. Н. Боханова, В. Я. Лаверычева, М. Л. Гавлина, Б. Н. Миронова и т. д., в которых в масштабе всей России дана глубокая характеристика социально-экономического, политического, государственно-правового развития страны, в том числе и отдельных регионов, в частности Вятской губернии.

За последнее десятилетие возросла активность региональных исследований. В работах уральских, казанских, кировских исследователей в общем контексте проблем затрагиваются отдельные вопросы истории Удмуртии. Значительную роль в пробуждении интереса к удмуртской проблематике сыграли подготовка и издание региональных энциклопедий.

Таким образом, за последнее время историками была расширена источниковед-

ческая база исследований, в научный оборот введены неопубликованные архивные материалы. Более углубленному изучению подверглись кардинальные проблемы: развитие государственной и частновладельческой промышленности, крестьянские орудия труда и аграрные отношения в Удмуртии. Были подняты ранее не исследованные темы: крестьянская промышленность, купечество, речной и железнодорожный транспорт, торговля, земство, православие и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой коллективную монографию, в которой выражены авторские позиции, особенно это касается дискуссионных проблем истории Удмуртии. Редакция издания не считала возможным нивелировать выраженные подходы и позиции даже в тех случаях, когда ее мнение не совпадало с авторским.

Как уже отмечалось, данное издание отражает степень и уровень изученности истории Удмуртии и отнюдь не претендует на освещение всех вопросов и проблем. К числу таких мало разработанных на данном этапе тем продолжают относиться численность, эволюция социальной и этнической структуры населения, в том числе и заводского. Для XVIII – первой половины XIX в. слабо разработаны вопросы развития промышленности, торговли, транспорта и городов. Кроме того, в данном издании не нашли освещения проблемы древней и средневековой истории Удмуртии, которыми традиционно занимаются археологи и этнологи. Полагаем, что при подготовке следующего издания эти разделы найдут достойное место в раскрытии исторического процесса в нашем регионе.

Большими пятнами остаются вопросы общественно-политического развития, культура городов и заводских поселков и т. д.

Предлагаемое издание "Истории Удмуртии" состоит из введения (авторы М. В. Гришкина и Н. П. Лигенко) и двух частей: "Удмуртия в конце XV – первой половине XIX в." и "Удмуртия во второй половине XIX – начале XX в." Автор первой части, включающей пять глав, – доктор исторических наук М. В. Гришкина. Вторая часть также состоит из пяти глав, три из которых (шестая, седьмая, восьмая) написаны доктором исторических наук Н. П. Лигенко при участии доктора исторических наук Г. А. Никитиной (сельское хозяйство), кандидата исторических наук С. Л. Мельникова (транспорт). Глава девятая подготовлена кандидатом исторических наук В. С. Чураковым. Глава десятая разработана коллективом авторов: старшим преподавателем УдГУ А. Н. Кутявиным (образование), кандидатами исторических наук О. И. Васильевой и Л. Н. Бехтеревой (наука), кандидатом исторических наук Н. А. Родионовым (периодическая печать, книгоиздание, культурно-просветительные учреждения, литература и искусство), кандидатом исторических наук А. М. Субботиной и М. В. Гришкиной (здравоохранение), кандидатом исторических наук Е. М. Берестовой (религия).

Книга снабжена словарем некоторых устаревших и специальных терминов, который подготовлен Т. А. Васиной, списком сокращений, краткими историческими справками о выдающихся личностях, выдержками из архивных документов, картами, диаграммами, таблицами, многочисленными иллюстрациями. Кроме того, справочный аппарат снабжен хроникой наиболее важных исторических событий и кратким списком рекомендуемой литературы. Иллюстрации подобраны М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко, Е. М. Берестовой, А. Н. Кутявиным. Диаграммы подготовлены Е. М. Берестовой. Авторский коллектив предпочел форму затекстовых ссылок на литературу и источники для данного издания более удобочитаемой. К такому списку затекстовых ссылок читатель может обращаться после каждой главы.

Выражаем искреннюю благодарность нашим рецензентам: заведующему отделом истории XVI – XIX веков Института истории и археологии УрО РАН И. В. Побережникову, кафедре дореволюционной отечественной истории УдГУ, доктору исторических наук Т. И. Останиной, высказавшим ценные критические замечания и предложения, которые не только способствовали доработке авторских вариантов текста, но и поставили задачи для дальнейших исследований.

Присоединение Удмуртии к Российскому государству

Образование Вятской земли. Присоединение северных удмуртов в составе Вятской земли к Московскому государству

В XIII–XIV вв. в бассейне Вятки оформился своеобразный государственный организм – Вятская земля, напоминающий по своему политическому устройству Новгородскую и Псковскую вечевые боярские республики.

Коренными жителями Вятской земли были финно-угры: удмурты, отчасти марийцы и коми. Основная масса удмуртов расселялась в бассейне Вятки, преимущественно на правобережье, и в бассейне Камы, от низовьев до среднего ее течения, частично в междуречье нижней Камы и Волги. Марийцы заселяли Вятско-Ветлужское междуречье. В северных районах Вятского края проживали отдельные группы коми.

Основу хозяйства наших предков составляло земледелие, навыки которого были освоены еще в эпоху бронзы. В конце I – начале II тыс. н. э. удмурты устойчиво занимались пахотным земледелием с использованием тягловой силы лошади. Об этом свидетельствуют многочисленные находки на археологических памятниках железных наральников – наконечников пахотных орудий типа плуга. Набор возделываемых культур: полба-двузернянка, ячмень, овес,

рожь (яровая), мягкая и карликовая пшеница, просо, в меньшем количестве горох, репа, конопля, чечевица – был почти таким, как и в других лесных районах Восточной Европы.

Урожай убрали серпами и косами-горбушами, полученное зерно молотили на ручных жерновах, находы которых становятся достаточно частыми с IX–X вв. Размеры пашни постоянно расширялись за счет подсеки, когда вырубался или поджигался лес, а на новине высевалось зерно, которое заборанивалось с помощью бороны-сукватки. Старая пашня при этом не забрасывалась. Она тщательно обрабатывалась с помощью пашенных орудий типа сохи.

Удмурты разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец, свиней, занимались охотой, рыболовством. Добываемая в лесах пушнина: шкурки куницы, соболя, горностая, бобра, белки, лисицы являлись эквивалентом при торговом обмене со странами Юга и Востока. Для употребления в пищу добывалось большое количество зайцев, медведей, лосей, даже северных оленей и разнообразной промысловой птицы: тетеревов, глухарей, рябчиков, уток, куропаток и т. д. Основным охотничьим оружием был лук со стрелами, использовались также копья, дротики, разнообразные капканы и ловушки, силки, сети и манки.

Столь же древним занятием было рыболовство. Для ловли щук, стерлядей, осетров, налимов и более мелкой рыбы служили разнообразные по размерам медные и железные рыболовные крючки, остроги. Ловили рыбу и с помощью сетей.

Ремесленники, выделившиеся в составе удмуртской общины, специализировались на изготовлении большого ассортимента изделий из металла. Железо получали из местной болотной руды. Об этом свидетельствуют остатки сыродутных металлургических горнов, крицы, шлаки, многочисленные тигли для плавки металла и отходы металлургического производства, обнаруженные на многих чепечих городищах. Из кузнечного инструментария выявлены наковальни, молотки, клещи, зубила.

Изучение инструментария и изделий показало, что удмуртские кузнецы и литейщики вполне успешно освоили передовые европейские технологии производства. Уже в IX–X вв. ими была освоена варка стального лезвия в железную основу. В итоге получали трехслойный пакет, который использовался при изготовлении скобелей, резцов, ложжарников, ножей, топоров. Другой технологический прием изготовления режущих и ударных инструментов – это наварка стального лезвия на вязкую железную основу. Были освоены ковка, чеканка, но наиболее излюбленным технологическим приемом стало литье изделий по готовым формам.

Археологи отмечают, что в целом кузнецы "вполне удовлетворяли внутренние потребности развивающегося комплексного хозяйства"

Развитая домашняя промышленность обеспечивала удмуртов всем необходимым. Конопля и лен давали волокно для выработки тканей, в ткачестве издревле использовалась и овечья шерсть. Животноводство обеспечивало овчиной для зимней одежды, кожей для обуви, ремней. Кости и рога шли на изготовление самых разнообразных поделок: гребней, ложек, копоушек, украшений в форме скульптурных изображений коньков, уток, головы лося и др. Лес давал материал на строительство жилья и хозяйственных сооружений, производство мебели, сельскохозяйственного инвентаря (сох, борон, вил, граблей, рукоятей топоров, кос, серпов, ножей), транспортных средств (саней, телег, лыж, лодок). Из дерева домашние мастера выделяли кадушки, бочки, ведра, чаши, из луба и бересты – туеса разных размеров, короба, лукошки, детские колыбели, из лыка – лапти, веревки и т. д.

Излюбленным материалом для изготовления посуды: всевозможных чаш, горшков, жбанов – была глина. Для того чтобы при обжиге посуда не трескалась, в приготавливаемую смесь добавляли толченую раковину. Керамическим производством, как правило, занимались женщины, формиро-

вавшие сосуды вручную из жгутов глины техникой налепа.

Изделия развитого ювелирного искусства были представлены многочисленными серьгами и височными, нагрудными, поясными подвесками, бусами, браслетами, кольцами и так называемыми гривнами глазовского типа. Особенно характерны шумящие украшения с изображениями головок коней, птиц, с подвесками, символизирующими утиные лапки и выражающими космогонические представления удмуртов.

Значительно расширились в IX–XI вв. и торгово-обменные связи. С северным удмуртам попадали массовые предметы импорта: разноцветные стеклянные бусы из стран Средиземноморья, сердоликовые, хрустальные и халцедоновые – из Средней и Южной Азии, многочисленные монеты восточных династий VII–X вв., серебряные с позолотой чаши, блюда, кувшины из Византии, Хорезма, Ирана, шелковые ткани из Византии, Сирии, Ирана. Торговцы артериями служили Волга, сухопутно-караванный путь через Прикаспийские степи и Приуралье, сухопутно-водный путь из Причерноморья по Дону на Волгу.

Реконструируя эти пути, археолог А. Г. Иванов предположил, что страны Закавказья, северо-западные районы Прикаспия и Среднюю Азию объединяла древняя торговая магистраль, бывшая ответвлением Великого шелкового пути. Далее сухопутные дороги, ведущие из Средней Азии и Нижнего Поволжья, скрещивались и выходили на р. Белую, затем на рр. Уфу, Сылу и Ирень. С формированием в X в. государства волжских булгар и с его укреплением торговые пути изменили свои главные маршруты и стали направляться в основном в Волжскую Булгарию. Расположенные на Волге и Каме богатые булгарские города – Биляр, Булгар, Сувар – стали крупными торговыми центрами. Сюда съезжались караваны из стран Средней Азии и Ближнего Востока, прибывали суда славян и народов, живших на севере лесной полосы Восточной Европы. В XII–XIII вв., как отмечают археологи,

ввоз из стран Востока почти прекращается, преобладающими становятся изделия Волжской Булгарии, в том числе и керамика². По-видимому, булгарские купцы стали проникать в населенные пункты удмуртов и скупать у них драгоценную пушнину, мед и воск.

С XI в. начинают проследиваться опосредованные булгарами, а возможно, и коми связи с Западной Европой. Об этом свидетельствуют находки серебряной английской и германской монет XI–XII вв. в захоронениях Солдырского и Весьякарского могильников, позолоченной застежки-фибулы из Скандинавии, украшений из Прибалтики и Волго-Окского междуречья. Среди них представлены и вещи древнерусского происхождения: различные луницы, браслет, прорезица из розового шифера и др.

В свою очередь, удмуртские изделия проникали к жителям Волжской Булгарии, на территорию Приладожья, Белоозерья, ярославского Поволжья, вплоть до Скандинавии. Это характерные чепечие копоушки, ложки из кости, шумящие подвески с треугольной основой и др. И, конечно, главным предметом вывоза были пушнина, мед и воск.

Разделение труда, выделение ремесленников, развитие торгового обмена приводили к скоплению богатств в руках отдельных общинников. Имущественное расслоение разлагало патриархально-родовой строй. Родоплеменная верхушка стала трансформироваться в знать, передававшую власть над общинниками по наследству. На Чепце сформировалось локальное объединение северных удмуртов с центром на городище Иднакар, которое по своей стратиграфии напоминает русские протогорода. Однако процессы стратификации находились на начальном этапе и не привели к сложению классов, классовых отношений и развитой формы государственности.

Более быстрыми темпами шло социально-экономическое развитие южных удмуртов. Они издревле расселялись в более плодородных районах Прикамья, нижней Вятки и Белой, вблизи от крупных торговых маги-

стралей как речных, так и сухопутных. Социальное расслоение населения Волго-Камского бассейна было достаточно заметным уже в ананьинский период (VIII–III вв. до н. э.). В древнеудмуртском обществе видное место стала занимать военно-аристократическая верхушка. Эпоха военной демократии, в которую вступило древнеудмуртское общество, являла собой, как подчеркивают археологи, "заключительный этап первобытной истории, переходный к классовому обществу"

Ускорению социальных процессов и экономического развития способствовали контакты с культурами пришлых гуннов и именковцев. Именковская культура (V–VII вв. н. э.), созданная балтоязычными (по другим предположениям, славянскими или тюркскими) племенами, имела ярко выраженный земледельческо-скотоводческий характер. Находки железных наконечников сох, каменных жерновов и остатков злаковых культур: ржи, проса, пшеницы, полбы – свидетельствуют о пашенном земледелии. Развитое скотоводство, ремесло, товарно-денежные отношения оказывали большое воздействие на экономику и социальный строй местного населения.

Не избежали предки удмуртов и влияния других объединений типа Великой Венгрии (VII – начало IX в.), сформировавшейся между Камой и Уралом на базе местных тюрко-угорских, финно-угорских племен и мадьяр, мигрировавших из Сибири и южного Приуралья.

Согласно выводам исследователей, конец I тыс. н. э. в Приуралье и Поволжье характеризовался "началом формирования новых социально-экономических отношений, в том числе и ранних форм классовых отношений"³

Раннеклассовое общество предполагало формирование иерархически структурированной знати, главными функциями которой были управление, организация войска и взаимоотношений с соседними племенами и протогосударственными объединениями.

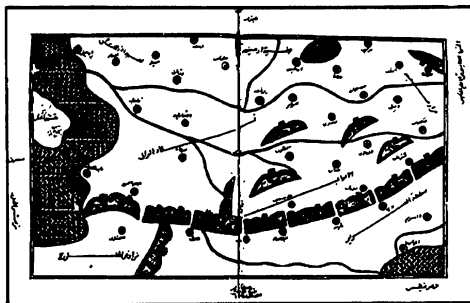
Удмуртские предания рассказывают о том, что в городе Арске была резиденция уд-

муртского царя (эксея), а в окружающих Арск селениях, в частности в селе Чекурче, жили удмуртские князья. Эти предания почти дословно совпадают с сообщениями целой группы арабских географов IX–XII вв. (Абу Исхах ал-Факих ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Ибн-ал-Саважди, Абу Абдалах Мухаммад ал-Идриси) о стране ал-Арсания с центром в Арсе (Арте) – городе, где сидит царь этой страны. Детализируя свои сообщения, арабы отмечают, что нога чужеземца не ступала на землю Арсании, так как там убивают всякого чужестранца, приходящего в их землю, "сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих, и никому не позволяют следовать за собой и входить в страну свою. И вывозят из Арсы черных соболей, черных лисиц и олово (свинец) и некоторое число рабов". В восприятии арабских авторов земля Арсания имела достаточно высокий уровень развития ремесла и торговли, пушной охоты, дававшей значительное количество ценных мехов. Торговля с соседями и особенно с чужестранцами – представителями стран Ближнего Востока и Средиземноморья – способствовала накоплению прибавочного продукта в руках военно-аристократической верхушки и углублению стратификации.

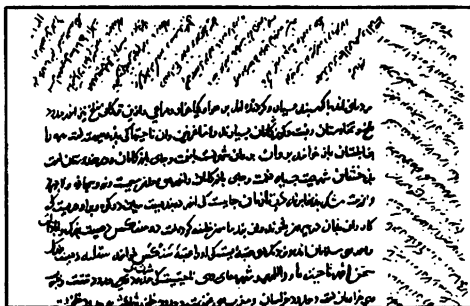
Еще во второй половине XIX в. известный востоковед Д. А. Хвольсон предположил, что страна Арсания – это пермяки и их земля. В 1971 г. советский археолог А. Л. Монгайт высказал гипотезу о том, что "Земля Арса – это Арская земля русских летописей", т. е. территория расселения южных* удмуртов⁴.

Судя по тому, что южные удмурты в отличие от северных и центральных не сохранили никаких следов племенной организации, можно полагать, что здесь достаточно давно возникла военно-потестарная организация, базировавшаяся на союзе удмуртов (аров)

* Под южными удмуртами автор имеет в виду часть этноса, расселившуюся южнее водораздела Чепцы и Вятки (выше впадения в нее р. Кильмези).

Один из листов рукописи арабского географа ал-Идриси

Автограф анонимного сочинения "Худуд ал-алам мин ал-машарик ила-л-магриб" 1258
Из книги И. Ю. Крачковского "Избранные сочинения" М.; Л. 1957. Т. 4

и бесермян (чувашей) и возглавляемая арскими князьями. Хотя проблема происхождения бесермян остается дискуссионной, можно предполагать, что к средневековую часть этноса была покорена удмуртами и приняла удмуртский язык в его южном варианте. Бесермяне расселялись по соседству с арскими удмуртами. Местом их концентрации стала Зюрейская дорога, которую источники называли еще Чувашской дорогой. Часть бесермян вместе с арскими князьями в позднем средне-

вековье оказались, кроме того, на территории Каринского стана. По аналогии с организацией обско-угорского мира в XIV–XVI вв. можно предполагать, что понятия "батыр" и "князь" в сущности совпадали. Батыры удмуртских преданий, особенно южной и центральной зоны, – это прежде всего военачальники. Тутой, Калмез-Бия, Ожмег, Селта, Эштерек, Ядыгар возглавляют борьбу своего народа.

По всей вероятности, к концу I – началу II тыс. н. э. сложилась южноудмуртская иерар-

хия знати, основанием которой были старейшины родов, затем шли сотные князья, на вершине пирамиды находился верховный вождь – эксей. Свою нишу в этой иерархии имели языческие жрецы – туно, пелляси. Представители знати уже не принимали участия в материальном производстве и специализировались на управлении.

Однако с приходом в Среднее Поволжье болгар южные удмурты постепенно стали втягиваться в орбиту влияния формирующегося на основе союза болгар и местных финно-угров государственного объединения.

Арабский путешественник и миссионер Абу-Хамид ал-Гарнати, побывавший в Поволжье в первой половине XII в., сообщает, что у болгар есть область Арв, жители которой платят булгарам дань – харадж – поземельный налог.

Таким образом, в XI–XII вв. южные удмурты стали данниками Волжской Булгарии, которая попыталась распространить свое влияние и на север. Однако Арская земля и тем более северные удмурты продолжали сохранять относительную самостоятельность.

В конце XII в. начинается русская колонизация территории расселения северных удмуртов. Русские поселенцы проникали в бассейн Вятки из владений Новгорода Великого, двигались по рр. Северной Двине, Югу, Моломе, а из Владимиро-Суздальской земли – по рр. Волге, Унже, Ветлуге на р. Молому и затем на р. Вятку. Оба потока поселенцев встречались в бассейне средней Вятки, от р. Моломы на севере до р. Пижмы на юге, где основали свои деревни, починки и погосты.

В вятских нарративных (повествовательных) источниках конца XVII – начала XVIII в., таких как "Повесть о стране Вятской", "Вятский временник", "Летописец старых лет", начало поселения русских на р. Вятке отнесено к 1181 (1184)* г. В них рассказывается, что отряд новгородцев, плывущий по

р. Чепце, покоряя жилища "чуди-отяков", захватил удмуртское городище Чудь-Болвановское, расположенное при впадении Чепцы в Вятку, на правом ее берегу. Изгнав коренных жителей, новгородцы поселились на нем и назвали его Никулицыном. "Повесть о стране Вятской", кроме того, сообщает, что второй отряд новгородцев захватил марийский городок Кокшаров и при его заселении переименовал его в Котельнич. Пожив некоторое время в этих городах, оба отряда встретились на р. Хлыновце и основали в ее устье г. Хлынов, ставший центром Вятской земли. По преданиям удмуртов, столица Вятской земли была построена на месте древнего удмуртского поселения, где потестарно-политическое объединение удмуртов Ватка содержало Быдзым куа (Великую куалу) для общих молений. Официальной датой основания г. Хлынова в вятских документах конца XVIII в. считался 1199 г.⁵

Первоначальная колонизация русскими бассейна Вятки не была массовой. В среде пришельцев, по всей вероятности, преобладали воины, о чем свидетельствует вооружение, составляющее заметную долю археологических находок в ранних слоях укрепленных поселений.

О сказочном богатстве Вятки первоначального периода колонизации, по-видимому, ходило немало слухов, привлекавших сюда авантюристов, предприимчивых людей. "Вятка – всему богатству (миру) matka", "Живет на Вятке, да ходит в однорядке", – говорили среди русских разных губерний, точно так же, как впоследствии распространились легенды о Сибири, Таврии, Самаре. Само название вятской столицы Хлынов имеет в своей основе слово хлын – плут, воришка. Отсюда, вероятно, получило распространение ироническое выражение "хлыновские бояре", что было равносильно выражению "хлыновские воры"⁶.

Приток русского населения, прежде всего земледельческого, заметно увеличился после разгрома русских княжеств татаро-монголами в 1237–1240 гг., особенно после

* Даты в редакциях памятника имеют разночтения.

сокрушительного разгрома соседнего с Вяткой Нижегородско-Суздальского княжества татарским царевичем Арапшой в 1377 г. Изменился и характер колонизации: среди прибывающих преобладало мирное крестьянское население, начавшее освоение земельных пространств края. Во второй половине XIII – первой половине XIV в. появились довольно много слобод, погостов, сел и деревень, основанных выходцами из Новгородской, Устюжской, Суздальской, Нижегородской и других земель.

Под давлением русской колонизации удмурты начали постепенно переселяться со своих освоенных земель по Вятке и низовьям Чепцы на притоки этих рек.

Хозяйственный уклад жизни пришлого русского крестьянства во многом совпадал с укладом жизни коренных жителей. Они занимались земледелием, используя подсеку для освоения новых участков и трехполье – при обработке старопахотных угодий. Выращивали овес, ячмень, рожь, отчасти пшеницу, из технических культур – лен и коноплю. В огородах культивировали овощи: лук, репу, свеклу, морковь. Домашнее скотоводство специализировалось на разведении лошадей, коров, овец, коз, свиней, а также домашних птиц: кур, уток, гусей. Подсобная роль принадлежала неземледельческим промыслам: охоте, бортничеству, рыболовству. Домашняя промышленность: обработка дерева, кости, металла, глины, кожи, пушнины, шерсти, волокна и других материалов – снабжала натуральное хозяйство вятчан всем необходимым для его нормального функционирования. Как считает А. В. Эммаусский, в XIV–XV вв. ремесло отделилось от сельского хозяйства и ремесленники перешли от изготовления изделий на заказ к их производству на продажу⁷.

Ремесленники и торговые люди концентрировались в селах, постепенно становившихся торгово-ремесленными центрами-протогородами. В конце XIV–XV в. наладились систематические связи Вятки с Новгородом Великим, а через него – с европейскими

рынками. Товаром, с которым вятчане проносили в Европу, была драгоценная пушнина⁸. Наиболее крупные поселения: Вятка (Хлынов), Котельнич, Орлов в XV в. превратились в типичные средневековые города. Самым древним из них был г. Вятка, упомянутый в "Списке всех русских городов дальних и ближних" (1387–1392 гг.) среди так называемых "залесских" городов вслед за Нижним Новгородом и Курмышем на р. Суре.

В политическом отношении Вятская земля, окончательно сформировавшаяся в эпоху феодальной раздробленности, длительное время сохраняла экономическую и политическую самостоятельность. В определении характера власти и политического строя Вятской земли среди историков нет единства. Как и в XIX в., некоторые исследователи, в частности В. В. Низов, утверждают, что, как и Новгород Великий, это была вечевая республика. Не отрицает выборности власти и А. В. Эммаусский, хотя и не квалифицировавший Вятку как вечевое образование⁹.

На вече, на котором, по-видимому, были представлены, по образу и подобию Новгорода, все семьи Вятки, а также подчиненные города и волости, в том числе, по всей вероятности, арские князья, управлявшие удмуртами, выбирались земские воеводы и ватаманы, ведавшие военными делами. Для выполнения судебно-полицейских и административных функций избирались подвойские. В сельской местности все вопросы управления находились в руках сотских и старост. Управление церковными делами было сосредоточено у десятника – старшего священника.

Основную массу населения Вятской земли составляли крестьяне-земледельцы и ремесленники. Верхушка была представлена немногочисленными боярскими родами, затем шли средние или мелкие землевладельцы – житьи люди, купцы и духовенство. В отличие от Новгорода Великого бояре здесь имели несравненно меньшее влияние. В долговой зависимости от бояр и житящих людей

были холопы и кабальные люди. Часть крестьян сидела на положении половников, т. е. обрабатывала владельческие участки земли из половины урожая.

Крестьяне (смерды) и ремесленники, а также коренное население, по-видимому, были обложены данью. Повинностью всех жителей Вятской земли, способных носить оружие, была ратная: в случае военной опасности все мужчины составляли военное ополчение (рать), которым командовали ватаманы и подвойские. Военные походы занимали большое место в жизни вятчан, совершавших постоянные набеги на местное население и на русские княжества. В 1379 г. они предпринимали попытки распространить свое влияние на Арскую землю – территорию расселения южных удмуртов-аров, как называли их булгары, а за ними и татары. Поход для вятчан оказался неудачным: отряд вятчан вместе с их предводителем Резаном был уничтожен¹⁰

Новый значительный приток русского населения был связан с набегами золотоордынских ханов на соседнее с Вяткой Нижегородско-Суздальское княжество, которое в 1382 г. было покорено ханом Тохтамышем. Уцелевшее от разгромов население бежало на север – в Костромскую, Галицкую и Вятскую земли. Последнее обстоятельство, по-видимому, дало повод нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу считать Вятку своей вотчиной.

После смерти Дмитрия Константиновича в Нижегородско-Суздальском княжестве началась междоусобица, в которой принимал участие его сын – Семен и Василий (Кирдяпа) и их дядя – князь Борис Константинович. Враждующие стороны имели поддержку: Семен и Василий Кирдяпа – великого московского князя Дмитрия Донского, а Борис Константинович – золотоордынского князя Тохтамыша. Хан Тохтамыш по приглашению последнего в 1391 г. направил на Вятку значительное войско во главе с царевичем Бектумом, чтобы разгромить одну из вотчин суздальских князей и тем самым подорвать их силы. Татары опустошили

Донской Дмитрий, великий московский князь
Миниатюра из "Титулярника". 1672

и русские, и удмуртские селения, разрушили г. Вятку и вернулись в Орду с большим "полоном" и добычей.

Вятчане не привыкли оставаться в долгу. В 1392 г. вятская рать совершила поход на подвластную Орде Волжскую Булгарию, захватила города Жукотин и Кашан и разгромила их.

Борьба между Борисом Константиновичем и его племянниками завершилась тем, что Нижний Новгород был закреплен за князем Борисом, а Семену и Василию Кирдяпе достались Суздальское княжество и Вятская земля. Однако в нижегородско-суздальские дела не преминула вмешаться Москва, ведущая линию на собирание русских княжеств вокруг себя.

В 1393 г. великий московский князь Василий I – сын Дмитрия Донского – добился от золотоордынского хана Тохтамыша ярлыка на владение Нижегородско-Суздальским княжеством. Сыновьям Дмитрия Константиновича в удел осталась только Вятская земля. По весьма вероятным предположениям П. Н. Луппова, дворцовые владения этих князей располагались вокруг

Василий I, великий московский князь
Миниатюра из "Титулярника". 1672

с. Никулицына и включали села Кстинино, Кирдяпино, Карино и др. В с. Никулицине, недалеко от впадения р. Чепцы в Вятку, полагает он, проживала жена Семена Дмитриевича – княгиня Александра. Можно согласиться с П. Н. Лупповым и в том, что в 15 верстах от Никулицына, в с. Карине, были поселены арские князья, на которых возлагалась обязанность охранять княгиню¹¹

Вопрос о времени появления на Вятке арских князей и их происхождении вызывает массу разноречивых мнений и остается доныне открытым. Несомненная генетическая связь с каринскими татарами дает основание большинству исследователей считать их представителями раннего, добулгарского, слоя тюрков или волжских булгар, либо золотоордынских татарских (кыпчакских) родов, или потомками ногайской знати. Но не исключено также, что арские князья, как предполагали, например, А. А. Спицын, С. В. Бахрушин, В. Е. Владыкин и автор этих строк, были представителями удмуртской знати. Вполне возможно, что процесс их тюркизации произошел еще

во времена господства Волжской Булгарии, а на Вятке они появились в золотоордынскую эпоху в качестве татарских князей и воспринимались местным населением уже не как удмурты, а как "бигеры"¹². Этническое обозначение при этом выступало в качестве индикатора социальной принадлежности к правящей знати.

В дальнейшем, как мы сможем убедиться, арские князья на Вятке были тесно связаны с коренным населением – удмуртами, а также с бесермянами, тоже имевшими южное происхождение. Арские князья закрепили за собой в поместье крупные участки земли, поставили в зависимость удмуртских крестьян и стали крупными вятскими феодалами, взимая с подвластного населения дани и пошлыны и обладая правом суда над ними.

В 1401 г. потомки Дмитрия Константиновича окончательно переселились на Вятку. Князь Семен Дмитриевич тяжело болел и спустя 5 месяцев скончался здесь. Его брат Василий Кирдяпа тоже умер. Великий князь передал Вятскую землю в удел своему брату Юрию Галицкому.

Потомки последних суздальских князей продолжали жить на Вятке и не оставляли помыслов о возвращении Нижнего Новгорода и других "вотчин и дедин". В 1412 г. они даже смогли добиться в Орде передачи им ярлыка на Нижегородско-Суздальское княжение. Однако Юрий Галицкий не стал считаться с волей золотоордынского хана и изгнал их из Вятки. Он пытался управлять Вятской землей, присылал сюда своих наместников и тиунов. Однако их власть была номинальной, сохранялось местное выборное самоуправление: население продолжало выбирать земских воевод, ватаманов, подвойских, старост. Единственное, в чем вятчане уступили свои prerogatives, это внешняя политика, в которой они стали признавать главенство Москвы¹³. Под ее началом жители Вятской земли принимали участие в борьбе Руси с Золотой Ордой. В 1409 г. великий московский князь Василий I принял удар на подчиненную Орде Волж-

Часовня в г. Вятке на месте погребения устюжан и вятчан, погибших во время сражения 1418 г. Из книги *"Живописная Россия"*. 1901. Т. 8 Ч 2

скую Булгарию, использовав для этого территорию Вятской земли. Вятский полк под командованием московского наместника Анфала Никитина спустился по Вятке на Каму и подступил к г. Булгару. Произошла жестокая сеча. Вятский полк потерпел поражение, Анфал Никитин попал в плен.

Вятчане использовались Москвой и в борьбе с Великим Новгородом. Юрий Галицкий в 1417–1418 гг. организовал поход на Двинскую землю, в Заволочье. В походе участвовали галичане, устюжане и вятчане, командовал войском новый вятский наместник Михаил Рассохин. Дойдя до Холмогор, он потерпел поражение и отступил. Вскоре Михаил Рассохин вынужден был сам отражать атаку своих бывших союзников – устюжан. Анфал Никитин, освободившийся из татарского плена, попытался вернуть себе власть на Вятке. Устюжане поддержали его. Попытка взять г. Вятку ночным штурмом, в ходе которого часть вятчан, по преданию, перебили друг друга, тем не менее увенчалась успехом. Анфал Никитин с сыном Нестором были убиты.

В 1425 г. Василий I скончался, передав власть малолетнему сыну Василию. Права последнего на великокняжеский престол оспаривал его дядя – князь Юрий Дмитриевич Галицкий, в удел которому были переданы в свое время Василием I Звенигород, Галич и Вятка. Столицей удела был Звенигород. У князя к тому времени было четверо взрослых сыновей: Василий (Косой), Дмит-

рий Большой (Шемяка), Дмитрий Меньшой (Красный) и Иван.

Готовясь к борьбе, Юрий перевел столицу в Галич.

Благодаря деятельности митрополита Фотия, враждующие стороны на этот раз заключили перемирие. В 1428 г. соглашение было закреплено "докончанием", по которому Юрий Дмитриевич с сыновьями получили города Звенигород с волостями, Галич с волостями и Вятку со слободами и со всеми местами.

Зимой 1430 г. князь Юрий расторгнул договор с Василием II. Попытки решить вопрос о великокняжеском престоле в Орде закончились тем, что великим князем был

Василий II Темный, великий московский князь. Миниатюра из *"Титулярника"*. 1672

признан Василий II, а князь Юрий расширил свой удел за счет подмосковного г. Дмитрова¹⁴

В 1433 г. началась большая феодальная война за великокняжеский престол. В сражении на р. Клязьме Василий II проиграл и вынужден был бежать. Великокняжеский престол достался Юрию Галицкому. Однако противодействие боярства и других князей дома Калиты привело к тому, что Юрий

Галицкий добровольно покинул Москву и отдал великое княжение Василию II. Между ними было заключено новое "докончание"

Тем не менее, старшие сыновья Юрия продолжали оставаться в оппозиции. Василий II послал на них в Кострому свое войско. На помощь к Юрьевичам прибыли галичане и вятчане. Одержав победу над московским войском, Василий Косой и Дмитрий Шемяка настаивали на занятии великокняжеского престола их отцом. Юрий Галицкий отказался. Василий II отправился на Галич с новым карательным походом, однако не преуспел.

В 1434 г. война возобновилась с новой силой. Вятчане неизменно оказывали противникам Василия II серьезную помощь. Как отмечает А. В. Эммаусский, сепаратизм, который отстаивали галичские князья, был на руку вятским боярам, жителям людям и купцам, которые стремились сохранить местную автономию¹⁵. В 1434 г. Юрий Галицкий, занявший московский стол, скончался. Его сын Василий Косой без согласования с кем-либо объявил себя великим князем, чем навлек на себя гнев своих братьев Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. Последние снова призвали в Москву Василия II, а сами удовлетворились пожалованием новых земель. Вятка оказалась в совместном владении Юрьевичей. Вятчане неоднократно помогали Василию Косому, наносившему удары по ряду земель, поддерживавших Василия II и его братьев. Последний, видя, что наиболее верным и боеспособным его союзником стала Вятка, решил укрепиться на Вологде и в Устюге, чтобы максимально приблизить свои владения к землям вятчан¹⁶.

В Ростовской земле на р. Черхе 14 мая 1436 г. состоялась решительная битва между Василием II и Василием Косым. В результате тактического просчета (Василий Косой отпустил свою главную ударную силу – 400 вятчан – к Ярославлю) войска его были разбиты, а сам непокорный князь схвачен в плен и в Москве ослеплен. Победители, расценившие действия вятчей особо опас-

ными, сурово расправились с ними. Воевода вятчан – Дятел – был повешен в Москве, а другого воеводу – Семена Жадовского – забили насмерть в Переславле.

Между Василием II и Юрьевичами, прежде всего Дмитрием Шемякой, был заключен новый договор. Однако проблема взаимоотношений между ними оставалась столь же серьезной, и осенью 1441 г. Василий II снова пошел на противника войной. Шемяка потерпел поражение. По новому "докончанию" 1442 г. Дмитрий Шемяка уступил Василию II все бывшие владения Василия Косого: Дмитров, Звенигород и Вятку – и сохранил за собой Галич, Рузу и Вышгород.

Воспользовавшись поражением и пленением Василия II во время сражения с татарским ханом Улу-Мухаммедом летом 1445 г., Дмитрий Шемяка воссел на московский престол. Возвращение Василия II с помощью татарского отряда было использовано Шемякой для создания нового сепаратистского блока. Василий II был схвачен и ослеплен в доме Шемяки.

Однако этот акт, беспрецедентный в русской истории, как пишет А. А. Зимин, не укрепил позиции Шемяки, а, наоборот, осложнил его положение внутри государства и вызвал недовольство в Орде. Казанский двор совершил набег на Устюг. Сторонники Василия II составили заговор. Чувствуя непрочность своего положения, Шемяка заключил с Василием II мир и дал ему в удел Вологду.

Василий II начал копить силы для борьбы, и 25 декабря 1446 г. его сторонники взяли Москву; Шемяка бежал в Галич. Началась подготовка к решающей схватке.

Дмитрий Шемяка попытался осуществить план восстановления Нижегородско-Суздальского княжества, используя бывших его князей Василия и Федора Юрьевичей. Князья должны были получить в свое владение и Вятскую землю. Шемяка попытался привлечь к себе вятчан: в 1447 г. он "на лихо" великого князя послал к ним своих посланцев. Но на этот раз вятчане не от-

кликнулись на его призыв. Вскоре прекратило свое существование и Нижегородско-Суздальское княжество¹⁷

Новая военная экспедиция против Дмитрия Шемяки готовилась очень тщательно и началась осенью 1449 г. В сражении под Галичем 27 января 1450 г. войска Шемяки были разбиты. Сам он бежал в Новгород, оттуда двинулся к Устюгу. Готовясь к этому походу, он снова призвал вятчан. После захвата Устюга Шемяка обратился к вятчанам с призывом "грабити" великокняжеские волости. Вятчане не преминули воспользоваться этим призывом: "...приходили на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили" Митрополит Иона в своем послании так живописал "подвиги" вятчан: "...приходили ... многожды на великого князя вотчину, на Устюг, на Вологду, на Галич, а через крестное целованье", т. е. преступив клятву. Но это было не все: "...ныне ново, сими часы, воевали есте великого князя вотчину, Сысолу, и Вым, и Вычегду ...людеи ...безчисленно пожигали... иных в воду пометали ...иным очи выжигали, а иных младенцев, на кол сажая, умертвляли". Митрополит требовал, чтобы вятчане прекратили свои злодеяния¹⁸.

Шемяка закрепился в Устюге и пользовался здесь покровительством Новгорода Великого. Несколько успешных походов против него были совершены полководцами Василия II. В 1453 г. Дмитрий Шемяка "преоставлен". По сведениям летописей, он был отправлен по распоряжению Василия II.

Так завершилась эта большая феодальная война. В отечественной историографии до 80-х гг. XX в. она трактовалась достаточно однозначно как борьба представителей централизации с остатками княжеского сепаратизма. А. А. Зимин увидел в ней гораздо более глубокий смысл. Он убежден, что в этой войне, как и позже, в конце XV – первой половине XVI в., решался вопрос – по какому пути пойдет Русь: по более свободному, прозападному, с приоритетом предпринимательства, которым развивался Север с его соледобывающей промышлен-

ностью, или по крепостническому, средоточием которого был земледельческий центр.

Борьба Москвы с Галичем, Вяткой, Устюгом была предвестником этого противостояния. Князь Дмитрий Шемяка, бывший, по словам исследователя, "самым блистательным сыном той мрачной эпохи", стремился к созданию самостоятельного государства на севере, государства, в которое входили бы Устюг, Галич, Вятка с дальнейшим соединением с Новгородом Великим. Этот путь Дмитрий Шемяка методом проб и ошибок нашел слишком поздно. Его противник сумел создать боееспособное и послушное войнство, а сам он постепенно растерял своих союзников. Вятчане, игравшие решающую роль в победах его отца Юрия Галицкого, его старшего брата и его самого, на последнем этапе утратили веру в галичских князей, "не плативших по векселоу ничего"¹⁹.

Поражение Шемяки, а вместе с ним и вятчан означало, таким образом, окончательную победу крепостничества над вольницей и свободой.

Однако Вятка не собиралась так легко сдавать свои позиции. Во главе вятчан стояли местные бояре: выборный земский воевода Яков Пугвин и братья Ложкины: Юрий и Аникий. Вятчане спешно вооружались, укрепляли города. По предположениям А. В. Эммаусского, в 1455 г. в г. Вятке был построен кремль с земляным валом и рвом, с деревянными стенами и башнями²⁰.

Предосторожность оказалась отнюдь не излишней. В 1457 г. (в некоторых летописных сводах в 1458 г.) Василий II направил на Вятку войско под командованием полководцев князя И. В. Горбатого, князя И. И. Ряполовского и воеводы Григория Перхушкова. Московская рать осадила г. Хлынов (по версии Ермолинского летописца, войско даже не дошло до Вятки. – М. Г.), но взять укрепленный кремль не смогла. По данным некоторых летописей, вятчанам "норовил" Григорий Перхушков. По-видимому, это был результат подкупа: в 1458 г., догадавшись (или получив донос) об этом про-

ступке Г. Перхушкова, великий князь велел "его изымати, и вести в Муром, и посадити в железа"²¹

В 1459 г. желанная победа над Вяткой была, наконец, одержана. Поход возглавил молодой и энергичный воевода князь Иван Юрьевич Патрикеев, с которым Василий II отпустил "двор свой весь". Московская рать взяла вятские города Орлов и Котельнич, но под г. Хлыновом задержалась "бься на всяк день". Вятчане в конце концов приняли условие Москвы, били челом Василию II "на всей его воли"

Вятская земля стала управляться наместниками московского князя. Вятчане обязались платить великому князю дань и окончательно передали Москве одно из важнейших своих прав – право самостоятельного решения вопросов о взаимоотношениях с соседними землями.

Однако, как показали последующие события, подчинение Вятки было опять-таки временным и номинальным. Несмотря на то, что основная масса вятчан, уставших от бесконечных авантур своих предводителей и жаждавших мира, была настроена промосковски, феодальная верхушка Вятской земли продолжала вести независимую политику, постоянно лавируя между Московским государством и Казанским ханством.

В 1468 г. вятчане были привлечены великим князем к участию в походе на Казанское ханство. В московском войске, кроме них, были представлены галичане, устюжане, воложжане и другие бывшие соратники Дмитрия Шемяки. Однако по пути к Казани вятчане узнали, что казанский хан Ибрагим со своими ратниками направился к Вятке. Они спешно покинули московскую рать и вернулись назад, но тем не менее отразить нашествие не смогли. Вятка покорилась воле казанского хана, сюда прибыл наместник последнего, и вятчане обещали сохранить нейтралитет и "не помогати ни царю (хану. – М. Г.) на великого князя, ни князю великому на царя"²². Верность вятчан данному слову обеспечивали заложники, взятые ханом Ибрагимом и увезенные в Казань.

В результате в 1469 г. вятчане, ссылаясь на свой вынужденный нейтралитет, отказались участвовать в новом походе на Казань. Поход для русского войска был удачным: Казань взята, освобождено множество русских, томившихся в казанском плену, в том числе вятчан. Казанский хан для борьбы с московской ратью собрал значительные силы, в составе которых, по сообщениям летописей, оказались и жители "Вотяцкой земли". Есть все основания предполагать, что в сложившейся политической обстановке "Вотяцкая земля" была представлена не только южными, арскими, удмуртами, находившимися в непосредственной зависимости от ханства, но и северными "вотяками". Стало быть, временная зависимость от Казанского ханства распространялась и на коренное население Вятской земли, которое жестоко страдало не только от постоянных набегов, но и насильно вербовалось в ханское войско.

В 1478 г. хан Ибрагим совершил новый набег на Вятскую землю. Он не смог овладеть вятскими городами, но "села и волости повоювал", перебил множество жителей и многих, в том числе удмуртов, увел в плен.

В 70–80-х гг. XV в. позиции Московского великого княжества усилились. В 1478 г. было покончено с остатками независимости Новгородской республики. В состав Русского государства вошли огромные пространства северо-восточных владений Новгорода, во много раз превышавшие территорию Московского государства. В основном были ликвидированы и удельные княжества. В 1480 г. Русь окончательно освободилась от татарского ига. Зимой 1484/85 г. после похода великокняжеского войска к Московскому княжеству была присоединена Тверь – один из последних оплотов феодальной раздробленности.

В этих условиях попытки руководящей верхушки Вятской земли сохранить остатки независимости были обречены на полный провал. Тем не менее, в 80-е гг. XV в. на Вятке противники Москвы усилились и активизировались. Местные бояре –

Иван III, великий московский князь
Гравюра из "Космографии" А. Плевел. 1584

богатые землевладельцы Иван Аникеев Мышкин, Пахомий Лазарев и Павел Богодайчиков – смогли захватить власть и заставили действовать в своих интересах даже воеводу Константина Юрьева, много сделавшего для укрепления связей с Москвой. Особенно велики были его заслуги в борьбе с Золотой Ордой. В 1471 г. он в соответствии с замыслом московского правительства совершил дерзкий набег на столицу Золотой Орды г. Сарай с небольшим отрядом вятчан. Основная масса татар в это время была на летних кочевках. Это обеспечило Юрьеву полный успех: разгромив стражу, он ворвался в город, захватил богатую добычу и отправился назад. Попытки хана Ахмата преградить ему путь не имели успеха. Константин Юрьев успешно прорвался и сквозь засаду казанцев. Этот поход позволил Ивану III расправиться с Новгородом Великим, так как задержал намечаемое ханом нашествие на Москву.

Однако в 1485 г. вятчане наотрез отказались участвовать в новом походе на Ка-

зань. Иван III послал на Вятку рать во главе с воеводой Юрием Шестаком Кутузовым. Московское войско не смогло взять приступом хлыновский кремль и вернулось ни с чем. Вятские сепаратисты изгнали с Вятки московского наместника. В 1486 г. и в 1488 г. они организовали несколько успешных набегов на Устюг Великий и ряд других волостей Московского государства. Один из этих походов был вынужден возглавить и Константин Юрьев. Попытки московского митрополита Геронтия вразумить вятчан через увещательные грамоты не имели результата.

Иван III прибегнул к последней, наиболее радикальной мере. Летом 1489 г. он направил на Вятку 64-тысячное войско из пешей и судовой рати. В состав войска вошли представители многих русских земель, а также коми и казанские татары. Руководство походом было возложено на наиболее опытных и талантливых полководцев, пользовавшихся особым доверием Ивана III – Даниила Щеню и Григория Морозова.

Без особых усилий московское войско взяло вятские города Орлов и Котельнич и в середине августа приступило к Хлынову. Осажденные вятчане пытались вступить в переговоры и даже подкупить, как это уже не раз бывало, воевод Ивана III. Однако на этот раз воеводы были непреклонны и потребовали незамедлительно выдать предводителей и целовать крест на верность Москве с обещаниями платить дань и осуществлять волю великого князя. Вначале вятчане отказывались выполнить эти условия. Однако, увидев серьезность намерений воевод, готовившихся уничтожить укрепления и деревянные строения города в пламени, они вывели своих предводителей за городские ворота. П. Богодайчиков, И. Мышкин и П. Лазарев были схвачены, вывезены в Москву, биты батогами на торговой площади и повешены. Все рядовые вятчане в короткий срок были приведены к присяге на верность Москве. Русские жители целовали крест. Коренное население – удмурты и другие язычники ("аряне, арские князья и

иные агаряне, по Вологодско-Пермской летописи) – были приведены "к роте"²³, т. е. к присяге на верность, в соответствии с установившимся среди местного населения языческим обычаем.

Так завершилось окончательное присоединение Вятской земли и северных удмуртов вместе с жившей на ее территории группой южных удмуртов и арских князей к Московскому государству.

В 1490 г. в качестве дополнительной меры для усиления своей власти Иван III распорядился провести "развод" Вятки. Наиболее знатные и влиятельные семьи были перевезены в Москву. Им пожаловали поместья в южных приграничных городах – Боровске, Алексине, Кременце. Таким образом, на них была возложена охрана южных рубежей государства. Вятчане-торговцы были поселены в г. Дмитрове – на водном пути, соединяющем р. Москву с Волгой.

Ряд источников свидетельствует в пользу того, что среди вятской знати, расселенной в Подмоскovie, были и удмурты. Очевидно, не случайно одно из селений на южной границе Московского княжества называлось Вотяково²⁴.

Арские князья, оказавшиеся среди "разведенных", были возвращены на Вятку в качестве доверенных лиц великокняжеской власти с особыми полномочиями.

В 1504 г. Иван III завещал вновь приобретенную вотчину своему сыну Василию III "со всем, что к ней потягло, и с Арскими князьями, как было при мне"²⁵. Перед этим, в 1503–1504 гг. на Вятке были произведены писцовые работы, порученные писцу Григорию Коробьину, который описал и положил в оклад земельные угодья жителей Вятской земли, русских и удмуртов.

Таким образом, в 1489 г. вместе с русским населением Вятской земли к Московскому государству были присоединены северные удмурты. Великокняжеская власть не нуждалась в выражении волеизъявления какой-либо группы населения, тем более удмуртов. Военная сила была решающим аргументом при присоединении

Василий III, великий московский князь
Гравюра из книги А. Тезе. XVI в.

той или иной территории к Московскому великому княжеству в процессе его разрастания и превращения в Российское государство.

Объективно присоединение к Московскому государству означало прекращение раздоров и смут, ареной которых так долго оставалась Вятская земля. Был положен, наконец, предел опустошительным набегам казанских ханов, во времена которых прежде всего и более всего страдало мирное сельское население. Создавалась более благоприятная обстановка для мирного труда пахаря и ремесленника, для дальнейшего развития производительных сил. В то же время приток русского населения из различных районов, прежде всего из Поморья, в увеличении которого была заинтересована великокняжеская власть, вытеснял коренное население с освоенных и обжитых земель.

Внешняя политика Русского государства XV – первой половины XVI века и присоединение южной части Удмуртии

Казанское ханство, сформировавшееся на развалинах Золотой Орды, занимало Среднее и Нижнее Поволжье. Ядром его территории стало пространство между рр. Волгой, Камой и Малым Черемшаном. Оно почти совпадало с границами современного Татарстана. Наряду с татарами в составе Казанского ханства оказались чуваша, мари, часть мордвы, башкиры и удмурты, которые заселяли периферийные земли, примыкающие к основному ядру. Вряд ли можно согласиться с С. Х. Алишевым, утверждающим, что в XV в. эти "границы доходили до реки Агидель и верховьев Камы, реки Вятки и до Хлыново", однако мысль о том, что подвластные ханству народы были покорены значительно раньше образования Казанского государства "булгарами и так и остались в одном государстве"²⁵, представляется достаточно плодотворной.

Международная обстановка благоприятствовала укреплению позиций нового государства. Золотая Орда к этому времени окончательно распалась, от нее наряду с Казанским ханством отделились Крым и Ногайская Орда. Турция была занята захватом Балкан. В Москве разразилась "большая" феодальная война между потомками Ивана Калиты, и Русь не могла помешать укреплению Казани.

Географическое положение Казанского ханства, расположенного на скрещении важных торговых путей: Волга связывала его с Востоком, Кама – с Зауральем, Ока и верхняя Волга – с Северо-Восточной Русью, – было чрезвычайно выгодным. Караванный путь обеспечивал связь со Средней Азией, прежде всего с Бухарой и Хивой. Территория ханства была расположена на границе леса и степи: степные скотоводческие районы граничили с районами древнего земледелия,

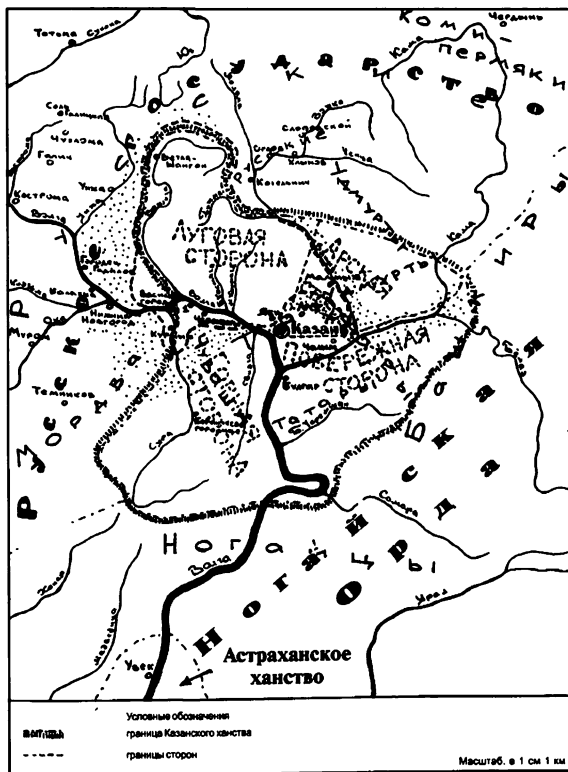
сочетавшегося с бортным, рыболовным, охотничьим промыслами.

Экономической базой Казанского ханства являлось сельское хозяйство с его земледельческой и скотоводческой отраслями, дополнявшимися лесными промыслами. Среди отраслей первое место занимало кожевенное производство. Юфть и сафьян вывозились в Россию и на Восток, где казанский сафьян славился под названием "булгари". Остальные промыслы (плотницкое, столярное, гончарное, кузнечное, ювелирное дело, резьба по камню и т. д.) находились на уровне ремесла. Важнейшая роль в экономическом развитии ханства принадлежала торговле между Западом и Востоком, Европой и Азией, где Казань была посредником²⁷.

Социальный строй Казанского ханства определялся феодальными отношениями восточного типа, которые переплетались с пережитками родового быта. Во главе государства стоял хан, его власть контролировал диван – государственный совет, состоявший из 4 советников (эмиров) из самых знатных родов ханства. Высший слой знати представляли эмиры и беки, имевшие огромные владения и управлявшие одной из даруг (податных округов). Мурзы и уланы (феодалы рангом помельче) имели небольшие владения. Важнейшие государственные вопросы: избрание и низвержение хана, объявление войны – решал курултай (съезд феодалов). Власть ханов была неустойчивой. Постоянная борьба между феодальными группировками расшатывала государство.

Казанское ханство строилось на господстве татарских феодалов над другими народами Среднего Поволжья, что привело к осложнению их экономического и социального положения.

Основная масса южных удмуртов (аров, как называли их еще булгары) продолжали расселяться на северо-востоке ханства, в так называемом Заказанье, или Предкамье. Они составляли большинство населения Арской и часть жителей соседней Зюрейской даруги. Центром Арской

Среднее Поволжье во второй четверти XVI в.

С. К. Свечников. Присоединение Марийского края к Русскому государству: Рукопись. Казань. 2002

даруги был один из достаточно крупных и древних городов Арск (Арча), упоминаемый еще в известиях арабских географов и путешественников IX–XII вв.

Арская даруга была одной из густонаселенных и высокоразвитых в экономическом отношении областей ханства. А. М. Курбский с восторгом описывал ее богатства:

“В земле той поля великие и зело преизобильные... хлебов же всяких такое там множество... наподобие множества звезд небесных! Тако же скотов различных стад безчисленные множества, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих, бо там рождаются куны дорогие и белки, и прочие зверие, ко ядению

и ю одеждам потребны, и мало затем далее – соболей великое множество, также медов: не вем, где бы под солнцем больше было”²⁸ Таким образом, высокоразвитое земледелие сочеталось с занятиями скотоводством, дававшим, судя по описанию А. М. Курбского, столь же отличные результаты, и дополнялось лесными промыслами (охотой, бортным пчеловодством). Мед, пушнина, в том числе драгоценный соболь, были наиболее ходовыми товарами, издревле привлекавшими торговцев из самых разных стран, прежде всего восточных. На многочисленные ярмарки, которые происходили на “гостином острове” около Казани, прибывали русские и иностранные купцы и местное население, в том числе удмуртское “с рухлом своим” (мяжкой рухлядью – мехами. – М. Г.).

На территории Арской земли располагались владения ханского двора и многих высокоставленных ханских вельмож. А. М. Курбский во время похода на Арскую землю в 1552 г. был поражен великолепием княжеских дворцов и хором: “...дворцы княжат их и вельмож зело прекрасны и удивления достойны”, – писал он.

В управлении коренным населением и в его эксплуатации ханская власть и казанские феодалы опирались на феодально-патриархальную верхушку местного населения, интересы которой были кровно связаны с интересами правящей элиты. Как справедливо отмечал А. Ф. Трефилов, “их роднило не только обогащение за счет эксплуатации местного населения, они роднились и кровно, путем перекрестных браков”²⁹ Начало тюркизации феодально-патриархальной верхушки относится к булгарской эпохе. Тюркизация продолжалась в золотоордынский период и усилилась в Казанском ханстве. Постепенно “инородческие корни” этой элиты забывались и она начинала выступать в исторических источниках как татарская знать. М. Г. Худяков, основательно изучивший социальную структуру Казанского ханства, пришел к выводу, что “местные

инородческие князья входили в состав признанной знати. Самыми значительными из них, по его мнению, были князья Арские, владевшие уделом в Вотской земле, по верховьям р. Казанки”³⁰

Этническая принадлежность арских князей, к сожалению, продолжает оставаться одной из спорных проблем³¹

При почти полном отсутствии сведений о происхождении арских князей все гипотезы остаются достаточно умозрительными.

Столь же равное право на существование имеет и другая точка зрения об удмуртском, точнее, южно-удмуртском происхождении этой группы казанской знати, высказанная еще А. А. Спицыным – известным советским археологом и историком. Он считал арских князей “вотскими князьями” – представителями аристократической администрации, установившейся в Казанских областях³². Эта гипотеза, как мы имели возможность убедиться, была поддержана М. Г. Худяковым, а впоследствии – академиком С. В. Бахрушиным, считавшим, что “арские князья – это отатарившаяся удмуртская знать”³³

Ни у кого не вызывает сомнений, что в число представителей феодальной верхушки ханства вошли чувашские, марийские, мордовские князья. Логика подсказывает, что удмуртские князья не составляли исключения, и, поскольку булгары, а затем татары называли удмуртов арами, они и именовались соответственно арскими князьями. В сообщениях исторических источников арские князья выделяются в особую от татар “инородческую” группу знати. Так, летопись 1531 г. сообщает, что послы из Казани, просившие Василия III поставить ханом Шах Али, обещали после прибытия последнего послать “в Казань от себя грамоту, да и к Черемисе к горней и луговой и к Арским князем, о государеве жалованье”³⁴. Аналогичное место занимают арские князья и в послании из Казани крымскому хану с просьбой о помощи, направленном летом 1552 г.: “Казанские земли Мамай князь в головех, и уланы, и молны,

афизы и изеи, и все князи, и сотенные князи, и десятичники, и горные люди, и арские князи, и все люди о твоём жаловании бьют челом»³⁵

Нетрудно убедиться, что в приведенных отрывках арские князья фигурируют среди подвластных ханству народов: упоминаются горные люди (чуваши и марийцы, живущие на правом берегу Волги), затем – арские князья как полномочные представители арян – удмуртов.

Арские князья, как единодушно отмечают исследователи, играли выдающуюся роль в жизни ханства и принимали участие во всех судьбоносных решениях. Их столь заметная роль в политической жизни дает основания предполагать, что Арская земля пользовалась в пределах ханства определенной автономией.

Следующей за арскими князьями ступенью иерархической лестницы, представленной удмуртами, на территории Арской земли были сотные князья – эльзыры. Из среды удмуртов, как и из числа других народов ханства, рекрутировалась и прослойка военных – казаков. Так, челобитные арских людей о прощении и направлении к ним посольства с жалованными грамотами Ивана Грозного 2 октября 1552 г. привезли казаки Шемай и Кубиш.

Положение основной массы южных удмуртов – калык (кара-калык – черные люди) было нелепким. Кроме основной подати – ясака, подчиненное феодалам население платило оброк с возделанных земельных участков в пользу хана и его семьи (калан), налог с дома (тютюн сани), подушный налог (салыг), налог на содержание ханских наместников (даругильную подать), запросные деньги и т. д. Денежные платежи дополнялись натуральными повинностями – поставками продовольствия для войск и фуража для конницы, поставками продовольствия для проезжающих послов, чиновников, курьеров. Разнообразным характером отличались пошлины: судебная, сваденная, дорожно-мостовая, торговая, за провоз товаров, судовая (с лодок и других судов). Сбор налогов

был сопряжен с неприкрытым насилием – сборщиков сопровождали воинские команды. Крестьяне, помимо всего этого, выполняли тяжелые повинности: ямскую (обслуживание подводами ямских станций), постоянную, по строительству и ремонту городских укреплений, дорог и мостов. Очень тяжелой была обязательная служба в ханской армии³⁶.

Возникновение Казанского ханства означало появление на восточных границах Русского государства еще одного опасного противника. Один из первых казанских ханов Улу-Мухамед уже с 1439 г. совершал набеги на русские земли. С 1444 г. он «начал помышлять к Новгороду Нижнему» Ханя привлекали неисчислимые «прибытки» этого богатого волжского города.

Василий II снарядил против хана основательно подготовленный воинский контингент, который побил татарские отряды. Первая и достаточно легкая победа над восточным врагом воодушевила московского князя. Однако весной 1445 г. Улу-Мухамед направил на Русь сыновей Якуба и Мамутяка. Выступивший навстречу Василию II на этот раз к походу подготовился плохо. Не все князья, обещавшие помощь, явились к назначенному месту соединения войск. Сражение, происшедшее ранним утром 7 июля, закончилось полным поражением. В плен попали сам Василий II и многие князья и дети боярские. Татарские царевичи достигли г. Владимира.

Власть в Москве перешла к Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Улу-Мухамед отпустил Василия II с другими русскими князьями в сопровождении эскорта татар. Дмитрий Шемяка, не собиравшийся уступать великокняжеский стол, стал сколачивать оппозицию, в состав которой вошли наряду с ним тверской князь Борис Александрович и Можайский князь Иван Андреевич³⁷.

Воспользовавшись выездом Василия II в Троицкий монастырь, в феврале 1446 г. сторонники Шемяки схватили его и ослепили. Большая феодальная война между князьями «дома Калиты», начавшаяся после смерти Василия I в 1425 г., вступила в кульми-

национную стадию. Между тем в Казани к власти пришел сын Улу-Мухамеда хан Махмуд (Мамутяк), который по традиции, унаследованной от отца, совершил два похода на Русь в 1446–1448 гг., а в 50–60-е гг. установил мирные взаимоотношения с московским правительством.

Военные действия возобновились после смерти Мамутяка и его сына Халила и восшествия на престол Ибрагима. Попытки передать ханскую власть касимовскому царевичу Касиму, предпринятые московским войском, не дали успеха. Царя Ибрагима поддержало большинство. С этого похода начались военные действия, которые продолжались до 1470 г. В них были втянуты и вятчане, и арские люди.

В 1468 г. вятчане приняли участие в очередном походе московских войск на Казань. Большая рать во главе с князем Семеном Романовичем Ярославским была отправлена в северные районы Казанского ханства, населенные мари́йцами и удмуртами. Русские воеводы истребили все, что не могли взять с собой: "людей изсекоша, а иных в полон поведоша, а иные изожгоша"

Весной 1468 г. шли военные действия на Каме и Вятке. Посланный из Казани сильный отряд взял столицу Вятской земли г. Хлынов. Вятская земля в результате этого похода была присоединена к Казанскому ханству, в город назначен наместник хана³⁸. Вятчане обязались соблюдать нейтралитет³⁹.

Весной 1469 г. московское войско, состоявшее из двух отрядов, должно было взять Казань в клещи. Нижегородская рать во главе с воеводой Иваном Руно сожгла казанский посад. Перед попыткой атаки Казанской крепости русское войско отошло на Коровничий остров. Воеводы вскоре получили известие о том, что хан Ибрагим собрался на них "со всею землею своею, с Камскою, и с Сыплинскою, и с Костяцкою, и с Беловолжскою, и с Вотяцкою, и с Башкирскою"⁴⁰. В этом известии русских летописей впервые употреблен этноним, в дальнейшем используемый в нарративных и актовых источниках для обозначения

удмуртов. Очевидно, под "Вотяцкой (Вятской) землей" в сложившейся ситуации имеются в виду все удмурты, не только южные, находившиеся издавна в орбите влияния Казанского ханства, но и северные, входившие в состав Вятской земли. Не исключено, что в 1469 г., когда "вятчане предашася за хана Обреима", северные удмурты тоже вынуждены были принять участие в походе казанского войска.

В 1470 г. между Москвой и Казанью был заключен мир, который в последующие 7 лет не нарушался. Поводом к возобновлению военных действий явился поход казанского хана зимой 1478 г. на г. Хлынов в целях нового покорения Вятской земли. В течение 4 недель казанские отряды разоряли Вятку, взяли много пленных, но не смогли овладеть г. Хлыновом. Московское правительство сочло поход на Вятку нарушением условий мирного договора и весной организовало ответную акцию, завершившуюся установлением мира "на всей воле великого князя"

В 1479 г. хан Ибрагим умер. В 1480 г. после великого противостояния на р. Угре власть Золотой Орды над Русью была окончательно ликвидирована. Это обстоятельство развязало руки Ивана III для действий против Казани и более активного вмешательства в ее внутренние дела.

Между тем в Казани сложились и противостояли друг другу восточная (тяготевшая к среднеазиатскому рынку) и промосковская (заинтересованная в развитии мирных отношений и торговли с Россией) группировки. В 1484 г. был совершен очередной поход на Казань, в результате которого промосковская группировка посадила на престол хана Мухамет-Эмина⁴¹.

В Казани разгорелась династическая борьба между Мухамет-Эмином и прежним казанским ханом Али, которого активно поддерживала восточная партия. Мухамет-Эмин был изгнан и бежал в Москву.

В 1487 г., 9 июля, Казань, осажденная русским войском, пала. Противники промосковской партии вместе с ханом были вывезены в Москву. Над ханством устано-

вился русский протекторат, выражавшийся прежде всего в строгой опеке над внешней политикой правительства Мухамет-Эмина, восстановленного на казанском престоле.

Однако восточная партия смогла укрепить свои позиции, используя недовольство служилых людей политикой нового хана. Она призвала на ханский престол сибирского царевича Мамука, представителя династии Шейбанидов. Мамук двинулся к Казани. Оповещенный Мухамет-Эмином, Иван III направил к Казани войско во главе с воеводой С. И. Ряполовским. Это остановило Мамука и его сторонников. Однако уход С. И. Ряполовского лишил Мамуку уверенность, и он снова двинулся "со многую силою ногайскою и со князи Казанскими". Мухамет-Эмин с приближенными бежал. В ноябре 1496 г. Мамук взял Казань и начал править самовластно, не считаясь даже с самыми влиятельными представителями восточной партии, призвавшей его на трон. Спустя некоторое время он решил предпринять поход на г. Арск — центр Арской земли, князья которой проявили самостоятельность, и богатства которой очень привлекали Мамука, привыкшего грабить своих подданных.

Можно предполагать, что не только сотрудничество грабительской политике Мамука вызвало восстание арских людей. Население Арской земли проявило твердость в своей политической ориентации на Москву, что было вполне естественно в сложившихся обстоятельствах. Как известно, в 1489 г. северные сородичи арских людей окончательно вошли в состав Московского великого княжества, в 1490 г. Иван III пожаловал арских князей, живущих на Вятке и вывезенных, было, в Москву наряду с другими опальными предводителями Вятской земли. Казнив одних и разместив других вятских "больших" людей в Подмоскovie, правительство Ивана III сделало исключение только для арских князей. Очевидно, немаловажное значение имела та роль, которая отводилась последним в будущей решительной борьбе с Казанским ханством. Думается, что арские князья, возвращен-

ные на Вятку и щедро пожалованные земельными угодьями, вели немалую работу, с тем чтобы настроить своих южных, казанских, сородичей на промосковскую волну.

Все попытки Мамука овладеть Арском были безрезультатными: "Арские же князи града своего не сдаша, но бишася с ними крепко". Тем временем опомнились и казанцы: они закрыли городские ворота и не пустили Мамука в Казань. Мамук откочевал в свои улусы, но по пути умер⁴². Таким образом, восстание арских людей способствовало сохранению московского протектората над Казанским ханством.

Возражая против кандидатуры Мухамет-Эмина, казанцы попросили дать им ханом Абдул-Латифа. В 1499 г. была предпринята еще одна попытка переворота в Казани и установления власти сибирских царевичей. Отражение этой попытки, однако, не упрочило позиции Абдул-Латифа. Действия бывшего, но все еще влиятельного главы правительства привели к его замене Мухамет-Эмином.

Мухамет-Эмин по мере укрепления своего положения в Казани стремился к усилению самостоятельности и ослаблению протектората. В 1505 г., объединившись с ногайцами, он начал наступление против Московского государства, устремившись к Нижнему Новгороду. Однако взять город Мухамет-Эмин не смог и вернулся в Казань. В 1506 г. Москва совершила ответный поход. Русские войска дважды потерпели поражение, сняли осаду и ушли под Нижний Новгород и Муром.

Военные действия 1505–1506 гг. прервали длившиеся более 18 лет отношения протектората. Тем не менее после смерти Мухамет-Эмина в 1519 г. Казань обратилась к Василию III с просьбой определить кандидатуру нового хана. Им стал касимовский царевич Шах Али, который проводил достаточно определенную линию, отдавая предпочтение интересам Москвы. Недовольство этой линией привело к перевороту и установлению в Казани власти представителя крымской династии Сахиб-Гирея.

После переворота 1521 г. и воцарения Сахиб-Гирея отношения между Казанским ханством и Московским государством вступили в стадию конфронтации. Поход крымского хана Мухамет-Гирея на русские земли завершился подписанием Василием III грамоты о выплате дани Крыму. Сахиб-Гирей поддержал брата и разграбил окрестности Нижнего Новгорода. Москва ответила решительным отказом на требование Крыма о признании Сахиб-Гирея казанским ханом⁴³.

С 1521 г. восточное направление становится во главу угла политики Москвы. Наибольшей опасностью стали Крым и Казань, соединенные тесным союзом. Русь добивается восстановления протектората над Казанью. Летом 1523 г. был организован поход судовой и конной рати на Казань, завершившийся строительством г. Васильсурска на р. Суре, ставшего одновременно и наблюдательным пунктом, и плацдармом дальнейшего продвижения на Восток⁴⁴. Великий князь рассчитывал, что "тем-деи городом всю землю Казанскую возьмет".

Весной 1524 г. поход русских войск на Казань был повторен. На этот раз численность русского войска по разным оценкам составила от 150 до 180 тыс. Сухопутная рать должна была разбить войска казанцев в поле, а судовая рать – организовать осаду и взятие крепости. Рассказы источников о событиях похода очень разноречивы. Очевидно, к 15 августа Казань была окружена. Острог и посад были сожжены, но кремль оставался неприступным. Русская армия испытывала огромный недостаток в продовольствии, была вынуждена постоянно отражать набег татарской конницы и "черемисской" пехоты. Надо полагать, что под "черемисой" имелись в виду не только марийцы, но и удмурты, так как события 1523 г. и 1524 г. в значительной мере происходили на территории расселения удмуртов. Так, "на Отяковом поле" произошли решающие сражения во время обоих походов. На р. Казанке, куда, по рассказу С. Герберштейна, переправился

воевода М. Ю. Захарьин со своим войском 28 июля и где выжидал 20 дней, на русский лагерь совершала дерзкие набег "черемисская пехота". Кроме того, "черемиса" опустошила все окрестности и тщательно наблюдала за движением врагов. В результате в лагере наступил голод, а связь с Москвой была прервана⁴⁵.

Переговоры в Москве, на которые в результате похода 1524 г. согласилась Казань, завершились признанием на ханском престоле Сахиб-Гирея. Василию III удалось настоять на переводе ярмарки из Казани в Нижний Новгород. Это событие имело очень важные последствия. Отныне торговый центр Поволжья переносился из Казанского ханства в Россию и Казань теряла свое исключительное экономическое положение на Волжском пути⁴⁶.

С 1524 г. до 1530 г. между двумя государствами продолжались мирные взаимоотношения, подкрепляемые обменом посольствами. Однако напряжение нарастало. Весной 1530 г. переговоры прервались. Начался третий большой поход русских войск на Казань, в котором участвовало около 30 воевод. Военные действия были успешными. Судовая и конные рати соединились и окружили Казань. Им противостояли татарские, марийские, чувашские, удмуртские и ногайские воины. Русской рати удалось овладеть острогом, сооруженным под Казанью у р. Булак. Осаждающие начали обстрел крепости. Взятию кремля, который был открыт, помешал местнический спор между главными воеводами. Взять город не удалось. Представители казанской знати прибыли в стан воевод с предложением мирных переговоров. Они дали письменную клятву о том, что "будут во всем неотступны от великого князя".

Узнав об исходе казанского похода, Василий III был взбешен. Воеводы были брошены в темницу. Дальновидные круги казанской знати постарались ускорить переговоры: осенью 1530 г. в Москву пришло посольство, которое принесло от имени казанцев присягу на верность москов-

скому государю. Для того чтобы привести к шерти самого хана, в Казань отправился русский посол И. В. Полев. Но Сафа-Гирей отказался принести присягу и не стал отдавать ни пленных, ни пушки, ни пищали, захваченные казанцами.

Это грозило новым кровопролитием. Тогда казанские послы, находившиеся в Москве, выдвинули идею смены хана и попросили отпустить на казанский престол Шах Али. Они предполагали отправиться с Шах Али в г. Васильсурск, а оттуда послать грамоты в Казань, "к горной и луговой черемисе и арским князьям" С тем чтобы выяснить отношение к этой идее в Казани, туда выехал Постник Головин. Тем временем в Казани произошел переворот. Прибывшие в Москву казанцы попросили поставить ханом Яналея (Джан Али), находившегося на русской службе в Горodце, и 29 июля 1532 г. он был торжественно посажен на казанский престол⁴⁷.

Над казанским ханством снова был установлен русский протекторат. При Джан Али постоянно находились советники великого князя, ханство лишилось права вести самостоятельную внешнюю политику. Даже женитьба Джан Али на ногайской царевне Сююмбике произошла с дозволения московского правительства. Ханство должно было помогать России в ее борьбе с внешними врагами, присылая необходимые воинские контингенты.

Однако смерть Василия III, воцарение в Крыму бывшего казанского хана Сахиб-Гирея, начавшего энергичную борьбу за возвращение Казани в руки династии Гиреев, изменили в корне политическую ситуацию. В Казани 25 сентября 1536 г. произошел государственный переворот. Джан Али был убит. Казанцы "взяли себе на Казань царем из Крыма" Сафа-Гирея. В ответ московское правительство послало своих воевод "казанских мест воевати"⁴⁸. Сафа-Гирей двинулся им навстречу. Состояние войны между государствами возобновилось.

Решительное наступление на Казань в 1538 г. было приостановлено угрозами

набегов со стороны Крыма. В 1538–1540 гг. шли переговоры о мире. В мае 1541 г. от главы казанского правительства последовала просьба отправить русских воевод и помочь в избавлении от засилия крымцев. Готовящийся поход был отложен из-за нападения на южные русские земли крымцев во главе с Сахиб-Гиреем. До 1545 г. между Москвой и Казанью шли переговоры, не давшие результатов. Ханские войска при этом продолжали совершать набеги на отдельные русские области. Так, в 1541 г. и в 1542 г. они вторглись в пределы Вятской земли и многие вятчане, в том числе и северные удмурты, оказались в ханском плену. Усилилось и общение между вятскими и казанскими удмуртами: многие вятчане приходили в Казань, с тем чтобы выкупить своих сородичей из плена. Этим обстоятельством воспользовались арские князья, возвращенные правительством Ивана III на Вятку в качестве служилых людей великого князя. Они начали активно влиять на умонастроение арян – казанских удмуртов, исподволь укрепляя в них желание оказаться подданными московского великого князя. По-видимому, дипломатическая деятельность арских князей была небезуспешной. В 1542 г. они заручились особой грамотой Ивана IV, позволяющей без опасений призывать во владения Москвы, на Вятскую землю людей "ис казанских мест" – "вотяков и чувашу". Детально оговаривались и условия переселения этих людей на Вятку: они должны были представлять хлыновскому наместнику "явку", исчисляемую в мехах: по 1 кунице с семьи и по 3 белки со взрослого неженатого мужчины⁴⁹.

В середине 40-х гг. Русское государство начало решительную борьбу за окончательную ликвидацию Казанского ханства. Весной 1545 г. был организован большой поход: одна рать из Нижнего Новгорода на судах, другая – из Вятки, третья – из Перми тоже на судах двинулись на Казань. Поход не отличался значительными результатами, но он дал толчок для развязки внутренних

Иван IV Грозный, царь
Неизвестный русский художник.
XVI – начало XVII в.

неурядиц в ханстве. Сафа-Гирей казнил целый ряд видных государственных деятелей. Ненависть к крымцам выплеснулась через край.

Порабощенные народы: чувашы, марийцы, южные удмурты – развернули национально-освободительное движение, которое сомкнулось с движением казанских вельмож, недовольных засильем крымцев. В январе 1546 г. в Казани произошел дворцовый переворот: "...казанцы Сафа-Гирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили". Послы к великому князю просили восстановить на ханском престоле Шах Али.

В июне Шах Али воцарился в Казани при поддержке русских воевод, но, процарствовав всего месяца, был свергнут Сафа-Гиреем. Начался жестокий террор против сторонников Русского государства.

В конце 1546 г. против Сафа-Гирея и крымцев восстала Горная (правобережная) сторона. Марийский князь – старшина Тугай – со своими сторонниками послал в Москву к великому князю двух марийцев с просьбой направить против Сафа-Гирея войско.

В ноябре 1547 г. был объявлен следующий поход на Казань во главе с самим Иваном IV, накануне этого ставшим первым русским царем, который состоялся в начале 1548 г., но не был результативным. Смерть Сафа-Гирея в 1549 г. привела к установлению власти малолетнего сына Утямыш-Гирея при регентстве Сююмбике. Главой правительства стал крымский улан Кошчак.

Русские походы осенью 1549 г. и зимой 1550 г. тоже не дали ожидаемых результатов. В ходе подготовки к взятию Казани в 30 км от нее, в устье Свияги, был вздвигнут г. Свияжск, который стал опорным пунктом для дальнейших действий против татар.

Строительство г. Свияжска, завершившееся в рекордно короткие сроки, "стало поворотным моментом русско-казанских отношений"⁵⁰ и привело к отпадению от ханства всей Горной стороны. Пример чувашей и горных марийцев, мирно, по челобитью вошедших в состав Русского государства, имел воздействие и на население Арской земли. Убедившись, что "горные люди твердо к государю укрепились", арские люди оценили сложившуюся ситуацию и попытались в реальном направлении воздействовать на политику правящей верхушки: "...и приходила чуваша арская з боем на крымцев. О чем де не бьете челом государю? Пришли на царев двор, и крымцы Кучак улан с товарищи с ними бились, и побили чувашу"⁵¹. После подавления этого выступления многие представители социальной верхушки Арской земли: князья и мурзы – перешли на сторону русских воевод и были направлены в г. Свияжск.

Положение улана Кошчака и его окружения ухудшалось со дня на день. Крымцы в составе 300 человек решились на бегство. Оставив в Казани семьи, они добрались до р. Камы, однако встретили здесь заставы из стрельцов и детей боярских. Тогда крымцы пробрались к р. Вятке, рассчитывая, что смогут беспрепятственно переправиться здесь, в безлюдных лесных районах. Соорудив плоты, они поплыли вниз по течению. Находившиеся в засаде вятчане, возглавля-

емые Бахтеяром Зюзиным, и отряд казаков напали на них. Многие утонули в Вятке, в плен было взято 46 человек, которых тотчас отправили в Москву. Там их ожидала казнь⁵²

Власть в Казани перешла к сторонникам Москвы. Временное правительство провело переговоры с русскими в г. Свияжске. Вскоре депутация прибыла в Москву. Во время переговоров было достигнуто соглашение о выводе из Казани Утямыш-Гирея с матерью Сююмбике и о замене его на ханском престоле Шах Али. Однако Шах Али получил под свое управление только Луговую сторону с Казанью и Арской землей, правобережье Волги с г. Свияжском осталось в ведении России, "понеже государь Божиим милосердием да саблю взял их до челобития"

На переговорах между русскими воеводами и казанским правительством, настаивавшим на возвращении Горной стороны, решение о судьбе последней было отсрочено до собрания феодалов всей Казанской земли – курултая. Русской стороне удалось настоять на своем. Подвигаемые грозным видом стоявшего под Казанью русского войска казанцы 14 августа подписали грамоты. Горная сторона окончательно отошла к Русскому государству. Сама Волга была поделена пополам. Началась массовая присяга казанцев: "...и к правде пошли все люди казанские... и к правде ходили три дни, и правду давали на том, на чем и большие люди (князя, духовенство, уланы. – М. Г.) правду давали"⁵³.

Планы русского правительства шли значительно дальше тех пунктов, по которым присягали казанцы. Предполагалось, что Шах Али будет заменен русским наместником, и Луговая (левобережная) сторона тоже отойдет к Русскому государству. Таким образом, намечалось мирное вхождение Казанского ханства на правах автономии.

В феврале 1552 г. в Казань прибыл ближайший советник Ивана IV А. Ф. Адашев "делать свое дело с Казанью" Он потребовал, чтобы Шах Али впустил в Казань русские войска, а сам ушел к великому

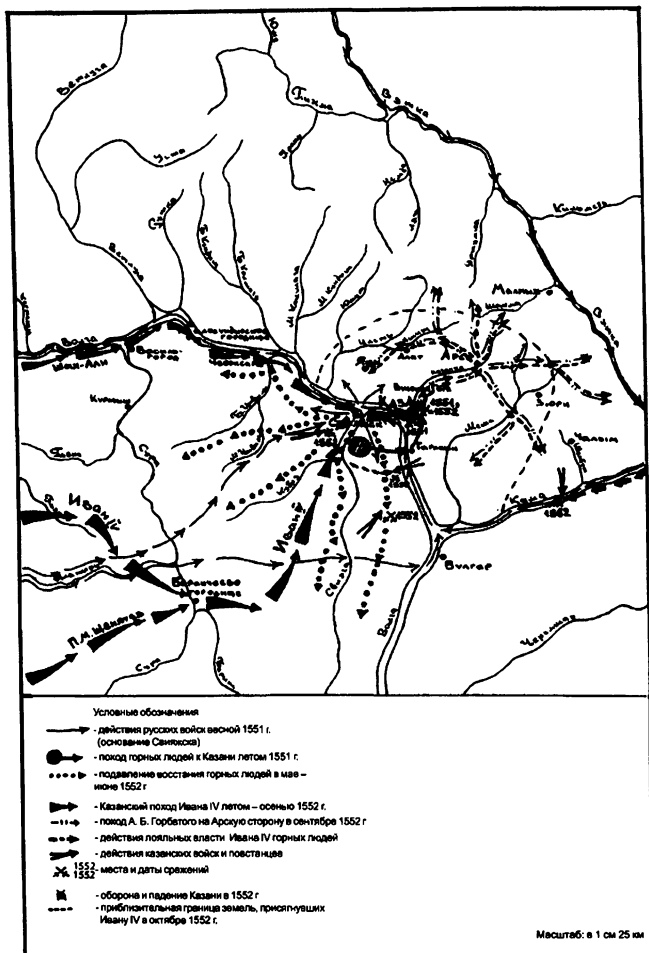
князю. Однако Шах Али попытался воспротивиться вводу русского войска. В результате он вынужден был отречься от престола и выехал в сопровождении русского гарнизона в г. Свияжск. В Казани 6 марта была провозглашена грамота Ивана IV о том, что он "по казанских людей челобитью" низвел Шах Али с престола и дал им вместо хана своего наместника князя С. И. Микулинского, бывшего воеводой в г. Свияжске. "Лутчие люди" были приведены к присяге 7 марта, а 8 марта присягу принимало остальное население. На 9 марта был назначен въезд в город С. И. Микулинского.

Но события приняли неожиданный оборот. Оторвавшись от сопровождения русского наместника, в город первыми въехали несколько татарских князей. Они заперли ворота и заявили казанцам, что воеводы хотят всех их уничтожить. Казанцы заняли оборонительные позиции. Переговоры не дали результатов: "...и много было ссылок и речей с ними, да видят воеводы, что доброва дела нет" Тогда С. И. Микулинский распорядился арестовать направленное к нему для переговоров посольство из влиятельных казанских "больших людей": князей Худайкула, Долимана с сыном, Чуру Казыева и Богодана (Багаутдина) Арского и др. Воеводы с войском 12 марта возвратились в г. Свияжск⁵⁴. Итак, план мирного присоединения Казани потерпел полный провал.

Казанцы пригласили на престол астраханского царевича Ядыгара (Едигера). Он приехал в Казань весной 1552 г. с отрядом в 500 человек. Вскоре от Русского государства "отложилась" и Горная сторона. Казань готовилась к обороне.

В Москве в апреле состоялось заседание Боярской думы, где обсуждался вопрос о взятии Казани. В г. Свияжск были отправлены воеводы А. Б. Горбатый, П. И. Шуйский со вспомогательными войсками, артиллерией и походным снаряжением, а также сторожевые отряды, с тем чтобы накрепко заблокировать Волгу, Каму и Вятку.

Курс на окончательную ликвидацию ханства знаменовался движением на Казань

Присоединение Горной стороны к России и падение Казани (1551–1552 гг.)

Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: Рукопись. Казань, 2002

Выступление русского войска во главе с Иваном IV в июле 1552 г. на Казань

Взятие Казани и пленение казанского хана русскими войсками в 1552 г.

Миниатюры из списка "Казанской истории" Начало XVII в.

150-тысячной армии во главе с самим Иваном IV, которая 5 августа переправилась через р. Суру и вступила на правобережную сторону Казанского ханства; 23 августа русские воины стали лагерем на Царском лугу под Казанью.

В то же время на службу к царю перешел один из видных казанских мурз Камай Хусеинов с 7 казаками. Он рассказал Ивану IV о руководителях и планах обороны Казани. Гарнизон и все жители города, по его словам, держат оборону изнутри, а кавалерия и все военные силы, которые есть за городом, собираются на Арском городище (засеке) и нападают на тылы русских войск. Руководство этими силами и операциями было возложено на арского князя Явуша, князя Япан-

чу и на мурзу Шунака. С этим сообщением о состоянии обороны Казани и ханства Камай-мурза выступил на военном совете⁵⁵

Под командованием Явуша и Япанчи было около 20–30 тыс. воинов, т. е. примерно столько же, сколько сосредоточено в осажденной Казани. К ним присоединился отряд ногайцев более 2 тыс. человек. Действия защитников города и тех, кто укрепился на Арской засеке, были согласованными. По словам А. М. Курбского, как только начинали с высокой башни города махать знаменем, конница Япанчи и Явуша "грозно и прытко" нападала на тылы русских, а из города совершались вылазки. Особенно тяжело приходилось полкам, стоявшим на Арском поле.

Иван Грозный и Никита Казаринов
идут к Казани. Микита Казаринов
идет с Иваном Грозным.

Иван Грозный направляет к арям посланство
во главе с Никитой Казариновым

Иван Грозный и Никита Казаринов
идут к Казани. Микита Казаринов
идет с Иваном Грозным.

Иван Грозный приводит архских людей к шерти

Миниатюры из Лицевого летописного свода XVI в.

Войска повели наступление на Арск. Пленные здесь "12 архских князей, 7 воевод, 300 лучших сотников и старейшин" и 5 тыс. простых воинов для устрашения защитников Казани были казнены перед ее стенами.

Армия А. Б. Горбатого была разделена на отдельные отряды, которые "воевали" всю территорию по обе стороны от р. Казанки и до Камы в радиусе 150 верст. Эта территория была очищена не только от воинов, но и от мирных жителей. К Казани армия вернулась с огромными запасами продовольствия и пленными⁵⁷

После разгрома Арской земли Казань осталась в тесном кольце окружения один на один с огромной русской армией. Иван IV 1 октября 1552 г. еще раз предложил осажденным сдать город без боя. Получив отказ, он приступил к решительному штурму.

Несмотря на героическое сопротивление защитников, 2 октября Казань пала.

Вопрос о политике по отношению к населению уже теперь бывшего Казанского ханства рассматривался на особом совете. Часть бояр, по свидетельству А. Курбского, советовала Ивану IV остаться под Казанью, с тем чтобы он "успокоил землю на веки". Другая часть бояр и сам Иван IV не поддерживали политику продолжения войны и уничтожения мирного населения⁵⁸

Южные удмурты, еще не оправившиеся от ужаса после сокрушительного разгрома Арской стороны, 2 октября прислали своих представителей – казаков Шемая и Кубиша с грамотой, в которой просили, "чтобы государь их ...пожаловал, велел ясаки имати, как прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, кто бы им сказал цареву жало-

валное слово, а их собрал, понеже оне от страху разбежались”⁵⁹

По-видимому, челобитная арских людей и подсказала царю содержание “жалованных опасных грамот”, с которыми были отправлены послы ко всем народам бывшего Казанского ханства. В грамотах содержался призыв, “чтобы шли ко государю, не бояся ничего” Непременным условием, которое должны были выполнять будущие подданные, была уплата ясака “якоже и прежним Казанским царям”

К арским людям были направлены Камай-мурза и боярский сын Никита Казаринов. В результате их успешной миссии 10 октября в ставку Ивана IV прибыли “многие арские люди”, от имени всей земли изъявившие покорность и намерение платить ясак. Прибывшие были приведены к шерти, последовало распоряжение “ясак на них имати прямые, как было при Магмуделиме (Мухаммет-Эмине) царе” Управление Арской стороной было поручено А. Б. Горбатову, возглавлявшему поход на ее территорию в сентябре.

Покинув Казань 11 октября, Иван IV поставил воеводой в Свияжске П. И. Шуйского, а в Казани – А. Б. Горбатого. Последней подчинялась вся Луговая, т. е. левобережная сторона с Арской землей.

Царь, уверенный в успехе политики присоединения бывших народов ханства к Русскому государству, выступая перед митрополитом и Освященным Собором с речью, заявил: “Из всех Казанских предел, все земские люди, Арские и Луговые, нам доби́ли челом и обещались нам до века дань давати”⁶⁰

Восстание 1552–1557 годов

Начатая интеграция народов Поволжья в новую государственную систему была прервана восстаниями, спровоцированными прежде всего поведением оставленных на месте русских правителей. Летопись без

И поспыды посыланы были в Арскую сторону
и поспыды посыланы были в Арскую сторону
и поспыды посыланы были в Арскую сторону
и поспыды посыланы были в Арскую сторону

Награбавши порозниахъ розноу
дороганы стрелы и казаки, и
ишахъ арские люди и луговые
и поспыды посыланы были в Арскую сторону
и поспыды посыланы были в Арскую сторону
и поспыды посыланы были в Арскую сторону

Восставшие арские и луговые люди сражаются с отрядами стрельцов и казаков
Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

обиняков указывает: “Боярам приказал государь без себя о Казанском деле промышляти да о кормлениях сидети; они же от великого такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелаша богатства...”⁶¹

В декабре 1552 г. воеводы направили отряды боярских людей для сбора ясака. Злоупотребления сборщиков вызвали многочисленные конфликты, вскоре переросшие в восстание.

На Арскую сторону, где действовали “Ту-гаевы дети (очевидно, дети сотного князя Тугая, уже упомянутого выше. – М. Г.) с товарищами”, были направлены Никита Казаринов и Камай Мурза. Восставшие потерпели поражение, каратели привели в Ка-

и р. Вяткой – на востоке. Арская сторона была опустошена, только в плен было взято, по сведениям летописей, 6 тыс. мужчин и 15 тыс. женщин и детей. К осени 1554 г. карательные мероприятия развернулись и на “черемисской стороне” по р. Ветлуге и р. Рутке⁶⁴

Зимой 1554 г. восстание жителей Арской стороны, казалось, было окончательно подавлено. Его предводители отчасти были уничтожены, некоторые заявили о своей покорности, а многие податные “черные” арские люди принесли шерть русскому царю.

Летом 1554 г. усилилось восстание на Луговой стороне. Война вновь охватила Казанскую землю, возникла угроза для самой Казани. Направленный против повстанцев отряд под командованием И. Ф. Мстиславского в короткое время опустошил 22 волости и уничтожил селения, расположенные в них. Все пленные были казнены.

Наряду с военными действиями правительственные силы стремились, и небезуспешно, внести рознь в ряды восставших, искусно используя пестроту этнического и социального состава повстанцев. Луговых людей (марийцев) настраивали против арских людей (удмуртов), горных людей (чувашей) – против луговых. Рядовые массы натравливались против предводителей восстания – местных феодалов. Стремясь обезглавить движение, воеводы осенью 1555 г. перебили многих “именитых людей”: князей, казаков, мурз и инородческих сотных князей, захваченных в плен. Перешедшие на сторону русских арские и бережские люди захватили многих повстанцев: “...иных сами побивали, а иных к воеводам приводили, да сами резали их и побивали. А побили их той осенью 1560 пленных людей, князя да мурзу да сотного князя да лутчего казака” Отличившиеся были поощрены выдачей “золотых”⁶⁵

В 1555 г. русской администрации удалось собрать яsak с Арской и Бережской сторон.

В начале 1556 г. борьба разгорелась с новой силой. Одним из его предводителей

стал луговой сотный князь Мамич-Бердей, который укрепился в Чалымском городке.

Центром восстания продолжали оставаться Луговая и Арская стороны. Предпринимались попытки активизации Горной стороны. Мамич-Бердей прибыл сюда с отрядом около 2 тыс. человек. Однако горные люди, используя коварный план, перебили его отряд, захватили и передали русским самого Мамич-Бердея. За предательство горные люди были поощрены “великим жалованием”: царь “всяких им пошлин полегчил”⁶⁶

В мае воевода П. В. Морозов предпринял новый поход на Арскую сторону. На р. Меше произошел решающий бой, в котором царские войска встретились с основными силами повстанцев. Последние потерпели серьезное поражение. После этого Морозов еще в течение 10 дней проводил карательные мероприятия: “...все арские места воевал, побил много людей, полно вывел безчисленно много, женки да робята, а мужиков всех побивали” Таким образом, производилась “зачистка” непокорной Арской стороны.

В июне подобные мероприятия повторялись, в итоге “Арскую сторону всю и Бережскую до конца в нуже учинили”. Арские и бережские повстанцы к осени 1556 г. сложили оружие.

Итак, основные очаги восстания были разгромлены, участники восстания почти поголовно перебиты, не говоря уже о его руководителях. Восстание, как считает И. П. Ермолаев, прошло свою кульминационную точку и стало затухать⁶⁷

К весне 1557 г. силы восставших даже на Луговой стороне были истощены до конца. В мае ее посланцы прибыли в Казань и Свяжск бить челом “о своих винах” и просили “учинить их в холопстве и ясаки с них имати, как прежние цари имали” Таким образом, условия, на которых народы Казанского ханства были присоединены к Москве, остались прежними.

В Москву от имени Левобережной стороны, игравшей ведущую роль в ходе казанской войны, была направлена депу-

Кака (Куака)
Художник В. Белых

тация из князей Казимира, Янтимира и Каки с товарищи. Депутация была челом о том, чтобы Луговой стороне быть "навек" в русском подданстве. По сведениям летописей, царь дал им жалованные грамоты с условиями, как "им государю впредь служить".

Прибывший в Казань представитель царя Семен Ярцев еще раз засвидетельствовал от имени всех воевод "что всюю землею все люди правду дали, что им неотступными быть от царя и государя во веки веков и ясаки платить сполна"⁸⁸. Далее в летописи сообщается, что казанский воевода П. И. Шуйский в 1557 г. разделил земли казанского хана и всех казанских князей на русского царя, казанского архиепископа, казанского наместника, архимандрита и детей боярских: "пахать учили на Государя и на всех Русские люди и на новокрещены и на Човашу"⁸⁹.

Итак, восстание было подавлено. Оно было очень многоликим по этническому и социальному составу и разноплановым по целям. Трудовые массы всех этнических групп – татар, марийцев, южных удмуртов, чувашей – боролись за облегчение своего экономического положения. Уже первый сбор ясака и злоупотребления новой администрации, допущенные при этом, показали, что жестокий ханский гнет сменился новым, что вхождение в состав Русского государства не принесло облегчения. Протест народных масс был использован в своих интересах группой казанских феодалов, не утративших веры в возможность восстановления самостоятельности Казанского ханства.

Восстание, не имевшее реальных шансов на изменение политической ситуации в Среднем Поволжье, принесло неисчислимые страдания трудовому люду. В ходе его подавления некогда процветавшая Ар-

ская сторона несколько раз подвергалась полному опустошению, погибло огромное число мужского населения, дети и женщины вывозились с ее территории в качестве пленников. Невосполнимый урон понесла верхушка иерархической структуры южно-удмуртского общества: "именитые люди" были физически уничтожены. "Мало живых оставалось во всей земле Казанской, разве простых черных людей и худых, и немощных и убогих земледельцев", – восклицает автор "Казанской истории", рассказывая о казанской войне⁹⁰.

В итоге произошло окончательное перераспределение главного богатства "подрассейской земли" – земельной собственности. Освободившиеся в результате истребления и бегства коренного населения земли начали раздавать русским служилым людям и крестьянам. Создалась возможность для формирования и укрепления дворцового и помещичьего землевладения. Как указывает летопись, построив Лаишево для охраны низовьев Камы, казанский воевода П. И. Шуйский поместил в нем русских людей, новокрещен и стрельцов во главе с боярскими детьми.

Земли вокруг крепости были распределены между служилыми людьми. То же происходило в округе г. Казани и других укрепленных городков.

Таким образом, присоединение юга Удмуртии в составе всего Среднего Поволжья завершилось лишь к 1557 г. в ходе беспощадной борьбы с восстаниями народов Казанского края, возглавленными местной феодальной и патриархальной верхушкой. Только после подавления восстания 1552–1557 гг. начали формироваться структура управления краем и русское феодальное землевладение.

Восстания 1572–1574 и 1582–1584 годов

Завершение присоединения Удмуртии к Русскому государству, последний этап которого происходил в условиях успешного

подавления восстания 1552–1557 гг., не решило противоречий, существующих в социально-экономическом и политическом развитии края и всего Среднего Поволжья. “Замирение” края во многом было внешним, огонь продолжал тлеть. Отдельные источники свидетельствуют о том, что еще в продолжение следующих 6 лет разрозненные отряды татар продолжали беспокоить пределы Казанского края⁷¹

Уже в июле 1558 г. из г. Свияжска поступила тревожная весть о том, что “приходили крымцы на Горную сторону” Одновременно были нанесены удары по всем направлениям Волжского пути. Руководитель отряда вятчан Иван Клушин сообщил в июле того же года о том, что крымцы напали на рыболовов “на Волге под Увеком” И. П. Ермолаев полагает, что инициаторами этих походов были не только крымцы, но и многочисленная группа эмигрантов из Казани, не желавшая примириться со сложившимся положением⁷².

Намерение совершить поход “на казанские места войною” высказывали крымцы и в 1559 г.

Шестидесятые годы XVI в. были относительно стабильными, но следующее десятилетие ознаменовалось новым мощным взрывом народного недовольства.

Ливонская война, начавшаяся в 1558 г., и введение опричнины в 1565 г., опричный террор, ссылка многих бояр в Поволжье, наделение их здесь земельными угодьями обострили ситуацию в крае, усилив тяготы народных масс. Активизация христианизации после создания в 1555 г. Казанской епархии также не способствовала стабилизации социально-политической атмосферы.

Восстание 1572–1574 гг. в Среднем Поволжье было реакцией народных масс на усиление гнета, на национально-колониальную и русификаторскую политику правительства. Одновременно среди причин и движущих сил восстания были представлены сепаратистские устремления казанских феодалов, часть которых эмигрировала в Крым. Нападение на Москву крымского хана Дев-

лет-Гирея в 1571–1572 гг. совпало по времени с началом восстания марийцев и других народов на Луговой стороне Казанского края. Восстание вскоре охватило и Горную сторону и перекинулось в Прикамье. Первые сообщения о бунте поступили в Москву в июле 1572 г., но, по-видимому, начало его относится к более раннему времени. Восставшие татары, удмурты, башкиры и др. в устье Камы перебили “пермичь торговых людей и вытащили 87 человек”. В ответ на сообщение о восстании Иван Грозный 6 августа 1572 г. отдал приказ “войною ходить и воевать наших изменников, на черемису и на остяков, и на вотяков и на нагаи, которые нам изменили, от нас отклонились”

Иван IV в наставлении пермскому воеводе И. Ю. Булгакову предлагал расколоть ряды восставших и использовать в качестве опоры ту часть, которая станет на сторону властей. “А будет которая черемиса и остяки добрые, а похотят к своим товарищам приказывать, чтобы они, от воров отстав, нам прямил... и вы б тех не убивали и берегли, и мы их пожалуем” Предлагалось широко использовать и прием амнистии, отдавая раскаявшимся повстанцам имущество тех, кого они “побыют”, а жен и детей убитых – “им в работу”, широко использовались также обещания льгот в податях и повинностях⁷³

На подавление восстания правительство отправило отряды из Казани, Свияжска, Чебоксар, Алатыря и войско из 5 полков во главе с воеводой Н. Р. Одоевским из Москвы. Строгановым, незадолго до восстания получившим земельные владения в Приуралье, предлагалось “жить с великим бережением”, создавать вооруженные отряды из казаков и представителей местных народностей. Одновременно правительство прибегало к испытанному верному средству – внесению раскола в лагерь повстанцев уговорами и путем предоставления льгот. В конце 1573 г. в Муроме было сосредоточено еще 5 полков, готовых выступить против повстанцев.

В результате военных действий, обострения классовых и внутриклассовых

противоречий в лагере восставших силы последних были истощены. Переговоры с руководителями движения привели к тому, что в начале 1574 г. в Муром начали прибывать представители "казанских людей, татаровя и черемиса" и заявлять о прекращении борьбы. Восстание было окончательно подавлено.

Продолжающееся усиление податного гнета в условиях тяжелейшего хозяйственного и социально-политического кризиса, охватившего всю страну, начало активной русификации коренных народов стали причиной нового взрыва, охватившего Казанский край. Как и ранее, наиболее сильные очаги восстания 1582–1584 гг. были сосредоточены на Луговой стороне. Уже в конце 1582 г. на подавление движения русское правительство отправило 8 полков, усиленных "судовой ратью". Весной 1583 г. контингент правительственных войск был дополнен конной и судовой ратью, а осенью этого года – еще 5 полками. В начале 1584 г. воинские соединения, усиленные тремя полками, имели конкретную задачу – "луговые черемисы воевати".

В ходе подавления восстания на Луговой стороне были поставлены новые города-крепости: Царевосанчурск и Царевокосшайск. Опираясь на эти города и используя все сосредоточенные в крае войска, в конце 1584 г. правительство справилось с восстанием.

Необходимо отметить, что о событиях двух последних восстаний до нас дошло очень немного сведений, не дающих возможности восстановить картину происходивших событий в деталях. Судя по сохранившимся фрагментам, к 1582–1584 гг. удмурты были настолько обескровлены, что активность их была сведена к минимуму.

Таким образом, в силу геополитического положения присоединение удмуртов к Русскому государству растянулось на длительный период и заняло хронологический отрезок почти в 70 лет. В этом процессе достаточно явно выделяются три этапа: 1489 г. – завершение присоединения северных удмуртов в составе Вятской земли; 1552 г. – взятие Казани и номинальное присоединение юж-

ных, арских, удмуртов; 1552–1557 гг. – "черемисская война", разгром восстаний народов Среднего Поволжья и завершение процесса присоединения удмуртов к единому Русскому государству.

Русское государство укрепило свои восточные границы и создало базу для дальнейшего продвижения на юг и восток. Территория его увеличилась за счет плодородных, хорошо освоенных и развитых в экономическом отношении пространств Вятско-Камского междуречья и Среднего Поволжья. Важнейшее значение для развития экономики формирующегося молодого многонационального государства имело приобретение Волжского торгового пути – важнейшей артерии, связывающей Европу со Средней Азией и Кавказом.

С 1557 г. для удмуртского народа открылась новая страница его истории. В ходе присоединения было окончательно ликвидировано военно-политическое объединение южных удмуртов – Арская земля, сохранявшая свою относительную самостоятельность в составе Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Процесс феодализации получил ощутимый толчок извне: удмурты оказались включенными в систему развитых феодальных отношений, характерных для Русского государства. При этом сложившаяся ранее социальная структура этноса была усечена за счет почти полной ликвидации патриархально-феодальной верхушки. На службу Русскому государству перешли очень немногие ее представители, и русское правительство использовало их лишь до полной ликвидации опасности реставрации Казанского ханства.

Окончательное присоединение Удмуртии к России произошло в достаточно сложный момент истории, когда страна переживала экономический, а затем и политический кризис, поэтому прогрессивные сдвиги в развитии производительных сил стали проявляться лишь со второй половины XVII в. К этому времени в основном затянулись и раны, нанесенные разорительными походами, карательными мероприятиями по подавлению

восстаний. Начала постепенно восстанавливаться и численность удмуртов.

В результате передвижек, происшедших в ходе казанской войны, когда уцелевшее арское население, оставив территорию За-казанья, передвинулось в лесные массивы Предкамья, ускорилась географическая консолидация удмуртов. Формирование единой этнической территории, укрепление экономических связей в рамках Российского государства способствовали складыванию единой удмуртской народности.

Усиленный приток русского населения вел к расширению контактной зоны, где взаимодействовали культуры русского и удмуртского народов. Под влиянием социально-экономических процессов, вызванных миграциями населения, происходило становление комбинированной системы земледелия, главным компонентом которой являлось трехполье и которая была наиболее приспособлена и эффективна в природно-климатических условиях края с преобладанием лесных и болотистых пространств. С формированием этнической чересполосицы хозяйственное и культурное взаимодействие народов углублялось, изменялись в прогрессивном направлении орудия земледелия, расширялся ассортимент возделываемых культур, развивалось огородничество.

Несмотря на все усиливающийся гнет, на отсутствие элементарных экономических и политических прав в рамках Российского государства, процесс взаимодействия народов сыграл определенную роль в экономическом и культурном развитии края.

Ссылки на литературу и источники

¹ *Иванова М. Г.* Хозяйство и социально-экономические отношения удмуртов накануне вхождения их в состав Русского государства // 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск, 1983. С. 14.

² *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. С. 78–141.

³ *Халиков А. Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств. М.: Наука, 1987. С. 94–96.

⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М.: Наука, 1971. С. 102–103.

⁵ *Эммаусский А. В.* История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 28.

⁶ *Зеленин Д. К.* Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: Этнографический и историко-литературный очерк // Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 98.

⁷ *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 29.

⁸ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. С. 19.

⁹ *Низов В. В.* К вопросу о социальной организации "Земли Вятской" в XIV – XV вв. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1985. С. 19–20; *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 30.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 201.

¹¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 21.

¹² См. обзор точек зрения: *Гришкин М. В.* Удмурты: Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 53–55.

¹³ *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 32.

¹⁴ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 47.

¹⁵ *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 34.

¹⁶ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 75–76.

¹⁷ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 126–127.

¹⁸ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 8–9.

¹⁹ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 155.

²⁰ *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 36.

²¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 156.

²² ПСРЛ. Т. 26. С. 224.

²³ ПСРЛ. Т. 26. С. 279.

²⁴ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. С. 33.

²⁵ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. С. 17.

²⁶ *Алишев С. Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. С. 23.

²⁷ *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 216–222.

²⁸ *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // РИБ, СПб., 1914. Т. 31. С. 190–191.

²⁹ *Трефилов А. Ф.* Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Записки УдНИИ. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 37.

³⁰ *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 199.

- ³¹ Обзор вышеупомянутых точек зрения см.: Исхаков Д. М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынского тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980; Его же. О происхождении "арских князей" и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Закавказье: Проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С. 95–98; Чураков В. С. Южные удмурты в X – середине XVI в.: (Проблемы социально-политической истории): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. С. 28.
- ³² Сплицын А. А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888. С. 220.
- ³³ Архив РАН, ф. 811, оп. 1, д. 54, л. 66.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 56.
- ³⁵ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 489.
- ³⁶ Димитриев В. Д. Мирное присоединение Чувашии к Русскому государству. Чебоксары, 2001. С. 34–35.
- ³⁷ Зимин А. А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. С. 107–109.
- ³⁸ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 34.
- ³⁹ ТВУАК, 1905. Вып. 1. С. 59.
- ⁴⁰ Там же. С. 58, 60.
- ⁴¹ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 39–40.
- ⁴² ПСРЛ. Т. 26. С. 279.
- ⁴³ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. С. 247–254.
- ⁴⁴ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 62–63.
- ⁴⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 264.
- ⁴⁶ Указ. соч. С. 266.
- ⁴⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 369–371.
- ⁴⁸ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 74–75.
- ⁴⁹ Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 37–38.
- ⁵⁰ История Татарской АССР с древнейших времен до наших дней. Казань, 1968. С. 91.
- ⁵¹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 117.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 13. С. 166–167.
- ⁵³ Там же. С. 169.
- ⁵⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 136–142; ПСРЛ. Т. 13. С. 176.
- ⁵⁵ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 125–126.
- ⁵⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 418.
- ⁵⁷ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 133.
- ⁵⁸ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 143.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 221.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 113.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 523.
- ⁶² Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 18.
- ⁶³ Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 19.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 523; Т. 37. С. 214–215.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 247.
- ⁶⁶ Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 24.
- ⁶⁷ Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 282.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 283.
- ⁷⁰ Алишев С. Х. Указ. соч. С. 152.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 19. С. 186.
- ⁷² Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. С. 28.
- ⁷³ Там же. С. 28.

Удмуртия в XVI–XVII веках

Социально-демографическая ситуация после завершения процесса присоединения

Длительный процесс присоединения удмуртов к Российскому государству, которое к середине XVI в. стало приобретать многонациональный характер, завершился в основном к 1557 г.

Русское государство с присоединением Вятской земли и Среднего Поволжья укрепило восточные границы. Огромное геополитическое значение имела ликвидация опасности завоевания Среднего Поволжья со стороны Крымского ханства и Османской империи. Одновременно с прекращением существования Казанского ханства был сметен последний рубеж, задерживавший продвижение русской колонизации на восток. В XV – начале XVII в. Россия стремительно превращалась в евроазиатскую державу со всеми позитивными и негативными последствиями этого явления.

Большое значение для экономики формирующейся империи имело приобретение Волжского пути. Территория Русского государства заметно увеличилась за счет хорошо освоенных плодородных земель Среднего Поволжья – "подрайской земли", по выражению идеолога русского дворянства Григория Котошихина, и богатых

природными ресурсами пространств Вятско-Камского междуречья. Вятская земля, так же как и Пермский край и все Поморье в целом, стала материальной базой для снабжения продовольствием и людским резервом в процессе освоения Сибири. Крестьянское население края поставляло хлеб и фураж, выделяло людей, лошадей и транспорт для переправки продовольствия, принимало непосредственное участие в заселении Сибири.

Однако сложившаяся к моменту присоединения социальная структура народа была усечена в верхней своей части за счет почти полной ликвидации феодально-патриархальной прослойки общества. На службу новому сюзеру – белому царю – перешли очень немногие ее представители, и правительство пользовалось их услугами лишь до полной ликвидации народных восстаний в Поволжье и опасности восстановления Казанского ханства.

Удмурты, как и большинство других присоединенных и присоединяемых народов, оказались в составе неполноправного, эксплуатируемого слоя развитого феодального общества, пополнив ряды крестьян, черносошных на севере и ясачных на юге. При этом заметно уменьшилась и общая численность удмуртов. Потери, понесенные во время похода русских войск на Арскую землю и взятия Арской крепости в 1552 г., многочисленные карательные экспедиции в целях подавления восстаний 1552–1557, 1572–1574, 1582–1584 гг. привели к тому, что оставшиеся в живых “черные люди” – арские удмурты – передвинулись в северо-восточные районы Арской дороги, на территорию южных и центральных районов современной Удмуртии. Многие клановые объединения удмуртов еще долго сохраняли память об уходе из-под Арска и освоении современной территории их расселения. Часть арских удмуртов ушла в Закамье, часть передвинулась на территорию Пермского края.

Сходные миграционные процессы еще ранее начались среди северных удмуртов. В силу особенностей постепенной, начиная с конца XII – начала XIII в., инфильтрации

русских в пределы среднего течения Вятки, где располагался основной массив северных удмуртов, отток их происходил значительно медленнее. В результате еще в XVI в. на территории Вятской земли удмурты продолжали расселяться небольшими островками среди уже преобладающего русского населения в Спенцынском, Быстрицком, Березовском, Бобинском, Волковском, Велико-рецком, Чепецком станах Хлыновского уезда, Лужановском, Сырьянском, Холуницком станах и Верховской волости Слободского уезда, в отдельных селениях Котельничского, Орловского, Шестаковского уездов. Само название административной единицы – стан, т. е. пункт, где останавливались сборщики дани, свидетельствует о системе даннических отношений, налаженной в Вятской земле по отношению к коренному инородческому населению. Каринский стан, впоследствии превратившийся в основной источник концентрации удмуртов, еще только оформлялся, и географические контуры и статус его проступали еще недостаточно отчетливо: в некоторых правительственных актах его называли среди других уездов Вятской земли. Даже в первой четверти XVII в., по дозорной книге воеводы Ф. А. Звенигородского, в Каринском стане насчитывалось всего 25 удмуртских деревень и починов, в то время как на территории русских станов Хлыновского, Слободского, Котельничского, Орловского, Шестаковского уездов было отмечено около 60 бывших удмуртских населенных пунктов¹.

К сожалению, до нас не дошли материалы писцовых описаний и дозорных книг XVI в., хотя, по косвенным данным, известно, что Вятская земля впервые была описана московскими писцами вскоре после завершения процесса ее присоединения, накануне передачи московского престола от Ивана III – Василию III. В 1503/04 г. Григорий Коробьин и Федор Ушаков описали земельные угодья и хозяйствующих на них крестьян. По-видимому, в самом начале XVI в. большинство удмуртов не было еще сосредоточено в Каринском стане, а редкое население, живущее в верховьях Чепцы, вообще не

Территория Среднего Поволжья и Приуралья
"Чертежная книга Сибири" С. Ремезова. 1701

попало в описание, так как в указной грамоте Ивана IV, адресованной вятским старостам, целовальникам и всем русским крестьянам о запрещении "воевать и грабить" удмуртов, отмечалось, что за Сейтяком Алисуфовым "вверху Челцы реки вотяки, обойнинчи, и погрэнчи, и понничы, и ворчинцы неписьменные люди", которыми последний владел по жалованной грамоте Василия III. В начале XVII в. значительное количество удмуртов было сосредоточено, кроме центральных станов Вятской земли, из которых они в основном ушли в течение XIII–XVI вв., в верховьях Вятки, Лужановском и Сырьянском станах. В Сырьянском стане, удмурты которого в 1557 г. изъявили добровольное желание принять христианскую веру, перепись 1629 г. отметила 8 бывших удмуртских деревень и починков и еще 5 селений, заселенных потомками удмуртов, хотя переписчики уже не выделяли их из среды окружающего русского населения². В Лу-

жановском стане, расположенном несколько восточнее, по данным дозорной книги 1615 г., была сосредоточена почти 1/5 всех учтенных удмуртских дворов (65 из 374). Однако уже к 1629 г. в этом стане оставалась небольшая часть прежнего населения, в отношении большинства пустующих дворов перепись дает пометы: "...живут в Каринской да Верх-Чепецкой волостях", "...бежал в Каринскую волость", "...сшел безвестно".

Свидетельства достаточно широкого расселения удмуртов в прошлом разбросаны и в других источниках конца XVI – начала XVII в. Оброчные книги 1616/17 г. зафиксировали в Великорецком стане на Медяне – правом притоке Вятки – деревни: Ожегову, Отыцкую, Гришкинскую, Асылчина. Поручителем при отдаче этих деревень на оброк русскому крестьянину Мартыану Костину выступал крестьянин Спенцынского стана Денис Иванов сын Новокрещенов³, судя по фамилии, тоже удмурт³, принявший православие.

В 1599 г. при пожаловании Хлыновского Успенского монастыря земельными угодьями был осуществлен размен: монастырь получил участок земли в черте города, принадлежавший до этого хлыновскому наместнику. Последний в порядке компенсации получил погост Лаптев в Спенцынском стане. По писцовым книгам Богдана и Саввы Григорьевых 1590 г. (тоже не дошедшим до нас. – М. Г.), в этом погосте «жили вотяки Боря Сутин да Кий Дамин да Сой Бурдин». Грамоты этого монастыря на владение Вобловицкой волостью отмечают здесь починок, «что была пустошь Сырчевская», починок Омеляновский – владелец его «Омельянок вышел в Карину в 97» (1580/81 г.).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в XVI – начале XVII в. удмурты отчасти еще продолжали заселять среднее и верхнее течение Вятки, а концентрация их в пределах Каринского стана, в том числе и в верховьях Чепцы, продолжалась на протяжении всего XVII в.

Процессы миграции имели одновременно негативные и позитивные последствия. Первые выражались прежде всего в том, что удмурты вынуждены были покидать освоенные угодья в бассейнах Вятки, Камы, Казанки, Меши и обживать новые по правым притокам Камы (Ижу, Варзи, Умяку, Тойме), по притокам Вятки (Вале и Кильмези) и особенно по Чепце с ее притоками. Это сопровождалось определенным регрессом в развитии земледельческого хозяйства и гигантским увеличением трудовых затрат населения в связи с освоением новых земельных угодий посредством подсеки.

Позитивные последствия миграционных потоков выразились в географической консолидации южных и северных удмуртов, в формировании единой этнической территории, что имело следствием ускорение этнической консолидации и складывание единого удмуртского этноса. По-видимому, этот процесс завершился в конце XVII – начале XVIII в.

Правительственные органы были заинтересованы в скорейшем приведении социального и этнического состава населения вновь присоединенных районов в соответствие

с основными территориями Русского государства. В первую очередь стимулировалось переселение сюда русских крестьян. Особые льготы на Вятке представлялись переселенцам из районов русского Поморья. В начале XVII в. Вятская земля занимала одно из первых мест по интенсивности заселения. Причины столь усиленного притока мигрантов были многообразными. Прежде всего следует отметить природно-географические факторы. Как подчеркивал М. Н. Тихомиров, бассейн среднего и нижнего течения Вятки, куда прежде всего устремилось русское население, по почвенно-климатическим условиям напоминал знаменитое суздальское Ополье – один из самых благоприятных для земледелия районов Русского государства⁵. Кроме того, Вятская земля не знала ужасов опричнины, военной интервенции, стороной обошли ее и стихийные бедствия второй половины XVI – начала XVII в. (эпидемия чумы, голод, мор). Преобладающие в писцовых материалах фамилии жителей края: Верхолалчевы, Вылегжанины, Вычужанины, Двиняниновы, Каргополовы, Каргопольцевы, Лузянины, Мезенцевы, Пермляковы, Перминовы, Устюгов, Устюжанины, Холмогоровы, Цыгвинцевы и др. – свидетельствуют о большом удельном весе среди населения Вятки выходцев с территории русского Поморья. В начале XVI в. началось интенсивное освоение русскими не только среднего, но и верхнего течения Вятки. Около 1505 г. здесь был основан г. Слободской, ставший центром соответствующего уезда, а между 1540–1546 гг. построен г. Шестаков, получивший статус уездного. О высоких темпах освоения территории свидетельствует преобладание среди населенных пунктов починок. Из 2 184 вновь возникших к 1629 г. поселений на территории русского Поморья на долю уездов Вятской земли приходилось 1 616, т. е. 32,8 %. В пределах самой Вятской земли починок составляли почти половину всех учтенных писцовой книгой населенных пунктов⁶. По дозорной книге Федора Рязанцева 1595/96 г. в монастырской волости Вобловичи значится 44 починок и всего 4

деревни, таким образом 91,7 % селений волости составляют вновь возникшие селения. Примерно такая же картина выясняется в Чепецком стане по оброчным книгам 1615/16 г. Даже в последней четверти XVII в. в русских станах и волостях по нижнему течению Чепцы преимущество оставалось за "вновь рощистыми починками"⁷

Численность русского населения пополнялась и за счет ассимилятивных процессов. Отсутствие конкретного материала не дает возможности выяснить темпы ассимиляции, но косвенно о ней можно судить по достаточно распространенным в писцовых и дозорных книгах фамилиям русских крестьян: Вотяковы, Вотинцевы, Новокрещеновы, Новокшеновы, Пермьяковы, Черемискины, Черемисиновы, Чувашовы и другие, которые говорят сами за себя.

В силу особенностей сложившейся военно-политической обстановки освоение Казанского края сопровождалось строительством большого числа городов-крепостей, в которых устраивались гарнизоны из стрельцов, пушкарей, затинщиков и других служилых людей "по прибору". Были построены города: Чебоксары, Алатырь, Кокшайск, Козьмодемьянск, Цивильск, Яранск; пригороды Казани – Тетюши, Алаты, Арск – тоже стали военно-административными опорными пунктами. В нижнем течении Вятки опорным пунктом правительственной колонизации стал Малмыж, построенный в 1584 г. Среди дел Малмыжского городского магистрата в ГАКО сохранилась отводная выписка на земельные угодья малмыжским стрельцам от 15 декабря 1591 г. Для компенсации годового хлебного жалованья предполагалось наделить стрелецких десятичников (2 человека) по 7 четвертей в поле, а рядовых стрельцов (18 человек) по 6 четвертей в поле, "а в дву по тому ж". Таким

образом, в окрестностях Малмыжа "близко от города, для того чтобы стрельцам пашню пахать переменяться пополам, чтоб в городе без людей не было", следовало нарезать 366 четвертей, или 183 дес.

На деле с трудом удалось обеспечить норму в 2 четверти с полуосьминой для десятичников и по 2 четверти в поле, "а в дву по тому ж" – для рядовых стрельцов. Больше в окрестностях Малмыжа пашни не нашлось, кругом был "большой черный лес верст на 20 и больши на две стороны" Любопытен прилагающийся к записи именной список стрельцов, в котором фигурируют 6 казанцев, 4 ярославца, 2 пермяка, по 1 нижегородцу, балахонцу, чебоксарцу, костромичу, владимирцу. Иван Григорьев был родом из Шацка, Клим Петров – из Углича, Васка Семенов – из Галича. Таким образом, ратные люди рекрутировались из самых разных районов государства.

В сложной обстановке восстания под предводительством Ивана Болотникова гарнизон Малмыжа был усилен, число стрельцов доведено до 40⁸

Примерно такие же гарнизоны были развернуты в других городах-крепостях и в административных центрах. Так, по переписным книгам Матвея Супонева 1678 г., в пригороде Арске отмечено 34 двора стрельцов, в которых проживало 106 стрельцов с детьми мужского пола. Кроме них, в составе арского гарнизона были иноземцы (2 двора), пушкари (1 двор) и воротники (2 двора)⁹

С началом правительственной колонизации края было связано формирование дворового хозяйства. С конца XVI в. в Прикамье стали формироваться дворовые волости, принадлежавшие царю и его семье. По переписным книгам Богдана Нехаева, в селе Трехсвятском (Елабуге) было 49 бобыльских и 79 крестьянских дворов, к 1621 г. число крестьянских дворов увеличилось до 104, число бобылей осталось неизменным¹⁰

Любопытно, что, судя по прозвищам, 30 % из общего числа населения Елабуги составляли бывшие жители русского Помо-

* В XVI–XVII вв. наделение и писцовый учет земельных угодий велись по системе "в поле, а в дву по тому ж", предполагающей правильное трехполье. Таким образом, для выяснения общего количества земли приводимые в документах размеры одного поля следует утроить.

рья, 28 % – из районов Верхнего Прикамья, 24 % – вятчане, менее 1 % – выходцы с территории Среднего Поволжья.

По данным дозорной книги 1621 г., "письма и дозору" Осипа Зюзина и подьячего Терентия Матвеева, в "селе Вознесенском, что на Сарапуле", было 132 двора. Кроме того, к Сарапулу "тянули" деревни Костоваты (8 дворов), Гольяны (12 дворов), Докша (12 дворов), Нечкина (8 дворов), другая Нечкина (15 дворов), Ершевка (24 двора), д. Сигаева (63 двора), с. Никольское, что на речке Березовке (80 дворов). В целом в Сарапуле с приписанными к нему селами и деревнями было насчитано 325 крестьянских и 63 бобыльских двора¹¹.

Наиболее высокими темпами освоение сарапульско-елабужского Прикамья русским населением шло в первой половине XVII в. По данным подворной переписи 1646 г., число селений в Сарапульской дворцовой волости увеличилось в 5 раз, количество крестьянских дворов – более чем в 3 раза. Параллельно велось освоение как правого, так и левого побережья Камы. К 1646 г. на левом берегу Камы к Сарапулу "тянуло" 5 новых починок. Выходцы из Елабуги основали на территории уфимского левобережья 8 новых населенных пунктов. Состав жителей в них был достаточно разношерстным: наряду с елабужанами и сарапульцами во вновь возникших селениях значились ярославцы, астраханцы, галичане, стародубцы и даже мордва¹². В самой Елабужской волости в 1646 г. числилось 543 двора и 1 506 душ мужского пола (д. м. п.). В какой-то степени возможность восстановить процесс возникновения дворцовых владений дают материалы по Вятско-Полянской вотчине. В 1607 г. казанский жилец Михайло Онучин поехал в удмуртские селения Арской дороги для сбора "посопного" хлеба и заприметил, между прочим, удобные для обработки полянки. Следующим шагом Онучина было обращение к казанскому воеводе о передаче ему этих угодий, с тем чтобы собирать дворцовую слободу. Казанский воевода дал распоряжение произвести отвод земельных

угодий для будущей слободы Саве Аристову. Отвод земли занял довольно длительное время, тем не менее существование новой дворцовой слободы было узаконено¹³.

Отметим, что в целом по Арской дороге удельный вес дворцовых владений был самым высоким. В середине XVII в. 57,8 % общего количества описанной земли приходилось на дворцовые селения¹⁴.

К концу XVII в. темпы прироста населения в дворцовых владениях несколько снизились. К 1678 г. число дворов и крестьян в Сарапульской и Елабужской волостях даже уменьшилось¹⁵. Обусловлено это было оттоком крестьян в другие осваиваемые районы Русского государства: в Сибирь, в Нижнее Поволжье, – да и в самом Прикамье русские стали расселяться значительно шире. Так, в конце XVII в. в пределах Удмуртии они начали заселять бассейн Сивы.

В отличие от дворцового землевладения, сосредоточенного преимущественно в Прикамье, монастырское землевладение одинаково успешно развивалось как на юге, так и в северных районах края.

В 1555 г. в Казанском крае была создана самостоятельная епархия. По указу Ивана IV казанский воевода князь П. И. Шуйский дал казанскому архиепископу Гурию целый ряд земельных владений в Казани и в южной части Казанского уезда – бывшие ханские дворцовые села, расположенные в междуречье Волги и Мёши, а также рыбные ловли от устья Камы до владения в нее р. Чертык¹⁶.

В 1580 г. в г. Хлынове был основан Успенский Трифонов монастырь, который, кроме земельных угодий в самом г. Хлынове и в Хлыновском уезде, в 1595 г. получил во владение в Казанском уезде в устье Ошторы и по р. Вятке 60 четвертей пашни в поле, "а в дву по тому ж", сенокосов против монастырского филиала за р. Вяткой и по р. Ошторме на 500 копен и рыбные ловли по р. Вятке на 20 верст от устья вверх по течению¹⁷. По дозорным книгам

Константина Шушарина и подьячего Григория Амирева 1621 г., в отмеченных владениях монастыря было два села Полянки. В одном из них числилось 22 двора оброчных крестьян и несколько дворов льготчиков, которым было дано освобождение от всех податей до 1624 г. Кроме того, монастырю принадлежала мукомольная мельница на р. Кушак, оброчные платежи за которую шли в Казань¹⁸

На земли по р. Чепце претендовали Холуницкий монастырь, основанный на р. Холунице – правом притоке Вятки – около 1584 г., и Екатерининский Верховятский монастырь, возникший в 1582 г. в верхнем течении Вятки. В самом начале XVII в. был создан Верхочепецкий Крестовоздвиженский монастырь. Его строитель старец Гурий в 1608 г. добился от правительства Василия Шуйского пожалования ему из оброка в 1 руб. в год большого участка разнообразных земельных угодий по обоим берегам Чепцы от Тютрюмских гор до р. Сады. В челобитье он дал заведомо ложную информацию о том, что монастырь находится от русских поселений в 70 верстах, а от каринских татар и отяков еще дальше – в 120 верстах. В действительности к началу XVII в. русские жили уже значительно ближе – приблизительно в 20 верстах, а селения чепецких и верхочепецких удмуртов находились почти рядом, по р. Лекме. Каринские и верхочепецкие удмурты, считавшие побережье Чепцы своими родовыми землями, естественно, не согласились с этим решением правительства и продолжали «вступать» во владения монастыря. Окончательное размежевание территории Верхочепецкого монастыря и окружающих селений не было достигнуто вплоть до XVIII в. В 1701 г. Поместный приказ дал «память» выезжающему на Вятку стольнику Артемию Челищеву с поручением произвести это размежевание¹⁹

В 1616 г. в Елабуге старцем Костромского Божоявленского монастыря Ионой был основан Елабужский Троицкий монастырь. Ему были пожалованы 200 четвертей пашни с прилегающими санными покосами и рыбными ловлями по притокам Камы – Заю

и Бетке. По переписным книгам 1678 г., монастырь владел 64 крестьянскими и 25 бобыльскими дворами, которые обрабатывали на монастырь 122,5 дес. пашни и 4 509,5 дес. покосов. К 1692 г. его вотчинные владения включали 4 селения, в них насчитывалось 98 жилых дворов и 803 души²⁰

Развивалось в крае и помещичье землевание. Вскоре после завоевания Казанского ханства и особенно после подавления восстаний земли вокруг Казани и ее пригородов стали раздаваться в поместье русским дворянам. Как отмечали Ю. Г. Алексеев и М. И. Копанев, «превращение окраинных земель на отвоеванных у неприятеля территориях, производимое посредством правительственного акта, было осуществлением суверенных прав государства»

На первом этапе правительству приходилось посылать на службу в Казань более или менее принудительно. Кроме того, привлекались служилые люди не только из русских, но и иноземного происхождения²¹. С началом опричнины в 1565/66 г. в Казанском уезде было выделено свыше 23 тыс. четвертей земли представителям опальной боярской аристократии, высланным из опричных районов. Бояре и дворяне переводили сюда своих крестьян, хотя чаще вынуждены были садить «на льготу» местных крестьян.

Особый интерес для этого этапа представляет существование прослойки помещиков из местной «инородческой знати», за которой жалованными грамотами царя закрепляются поместья и право собирать «доходы» с живущего на этой территории населения.

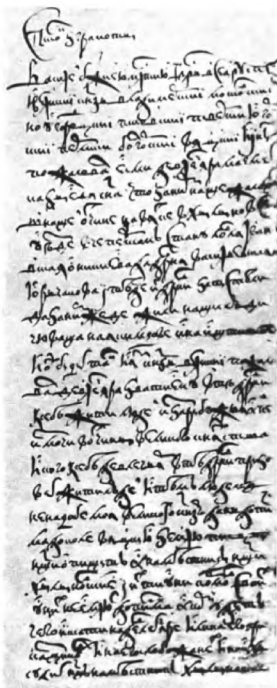
Земельными угодьями за службу государству наделялись прежде всего сохранившиеся представители татарской знати, в последнюю очередь пожалования получали чувашские, марийские и удмуртские (арские) князья, тарханы. Так, в 1582 г. Иван Грозный пожаловал князю Багишу Яушеву (по некоторым предположениям, многочисленные князья Яушевы были потомками арского князя Явуша, вместе с татарским полководцем Япанчой участвовавшего в за-

щите Казани. — М. Г.) волость Терси с живущей на ее территории "чювашой". В качестве компенсации за службу Багиш Яушев в соответствии с грамотой царя за приписью дьяка Андрея Щелкалова наделялся правом "собирать с волости Терси ясак на 90 (1582) год и привести в Казань, а впредь Багишу мурзе деревней Терсею владеть, с волости Терси ясак забирать с 91 (1583) году на себя"²². Владения Багиша Яушева не ограничивались Терсинской волостью. В 1590–1591 гг. он получил жалованную грамоту на д. Старый Менгерь по Алацкой дороге. В 1600–1601 г. Борис Годунов закрепил за Яушевым вотчину в д. Кошарь Алацкой дороги²³.

В 1602/03 г. Терсинская волость была подвергнута писцовому описанию. Вместо 5 дворов "чюваши", которые жили в д. Терси, когда ее пожаловали Яушеву, в волости было насчитано 28 дворов, плативших владельцу по 12 руб. в год. Кроме того, по сведениям помещика, в волости было 6 дворов крестьян, с которых он "хлеба и денежного оброку не емлет и изделья на него никакова не делают"²⁴.

В 1610 г. волость Терси была передана в фонд казенных земель, в 1611 г. по приговору казанского воеводы В. П. Морозова Б. Яушев был восстановлен во владельческих правах. Вскоре волость была передана сыновьям Багиша Яушева — Ишмаметю и Досмаметю Яушевым. В копии с разборных казанских книг воеводы князя Б. М. Лыкова 1621–1622 гг. отмечалось, что "Ишмаметь и Досмаметь мурзы князь Багишевы служат службу вместо отца и вотчины, и поместья, и всякие угодья, и волость Терсю велено справить за ними". В приписке к документу значилось, что "отец их в Казани был первый человек, а в волости Терси крестьян за ними 100 человек"²⁵.

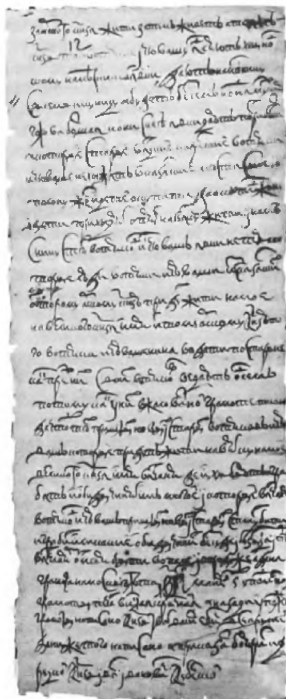
Многие представители местной знати продолжали владеть своими землями еще "по казанской даче" и добивались подтверждения собственности на эти угодия указами новых правительств. Так, внук известного

Жалованная грамота Василия III
Девлечяру Казыеву от 18 декабря 1510 г.
Копия XVII в. (РГАДА)

мурзы Камая, ездившего в октябре 1552 г. вместе с Никитой Казариновым с особым поручением Ивана IV к южным удмуртам, закрепил за собой самое крупное на территории Арской дороги поместье в 600,5 дес. угодий в трех полях²⁶.

Основную массу феодалов составляли мелкие служилые люди, имевшие менее 25 четвертей земли. К ним относилось и большинство феодальных владельцев из нерус-

Жалованная грамота Ивана IV каринским князьям Сейтяку Алисуфову, Касыму Газыеву, Шейсламу Мурсеитову от 6 мая 1542 г.
Копия XVII в. (РГАДА)

ских народов. В источниках они объединяются под общим социальным термином "служилые татары"²⁷

В XVII в. служилое землевладение помещиков стало преобладающей формой на всей территории Среднего Поволжья. Особую страницу в развитии поместной системы представляло землевладение каринских арских князей и каринских татар на севере Удмуртии.

После присоединения Вятки арские князья наряду с другой вятской знатью были вывезены в Москву, однако вскоре вернулись назад в качестве верных вассалов великих московских князей: "...арских князей князь великий пожаловал, отпустил же в свою землю" Причина этого акта милосердия достаточно прозрачна. Само географическое положение Вятской земли, выдвинутой непосредственно к границам Ка-

занского ханства, определило ее роль как одного из форпостов в назревающей решительной схватке между Москвой и Казанью. Это обстоятельство диктовало правительству Ивана III, как, впрочем, и его последователям, необходимость создания и всемерной поддержки в крае группы мелкой знати нерусского происхождения.

При этом сам "вывод" не был случайностью или ошибкой, он имел глубокий смысл: старые, сложившиеся еще в домосковский период отношения разрушались. Такая "процедура" не была совершенно оригинальной, она уже апробировалась при присоединении к Москве других территорий с нерусским населением, в частности Перми Великой и Коми края.

До нас не дошло никаких сведений об условиях договора, но по аналогии с подобными случаями можно предположить, что в Москве арские князья еще раз принесли присягу верности с обязательствами "прямити государю во всем до живота и во всем хотети добра", содействовать распространению его власти и влияния на окрестные территории, давать ежегодно дань и "службу служить, беречь государевых данщиков и посольщиков".

Уже в 1499 г. арские князья с подвластными им удмуртами и татарами были привлечены в качестве служилых людей к участию в походе на Югорскую землю. В Разрядных книгах отмечается, что вместе с воложжанами шли "Вятчане, что живут в Московской земле, Якушко Татаринов да Гришка Татаринов, а Вятчан с ними 200 человек Руси, 100 человек Арян, Татар и Остяков" (вероятнее всего, отяков. – М. Г.)²⁸.

Таким образом, под руководством вятчан, судя по фамилиям, нерусского происхождения в поход направился отряд из 200 русских вятчан и 100 татар, южных (арян) и северных (отяков) удмуртов.

В 1504 г. Иван III завещал Вятскую землю "со всем, что к ней потягло, и с арскими князьями, как было при мне", сыну Василию III²⁹. Последняя фраза духовной подтверждает, что основы взаимоотношений

великокняжеской власти и арских князей были установлены между 1490–1504 гг.

Самая ранняя дошедшая до нас жалованная грамота, данная каринским татарам, датируется 18 декабря 1510 г., когда Девлечьяр Магмет Казыев получил от Василия III подтверждение на ранее пожалованные угодья, перешедшие к нему после вывода представителей вятской знати Ивана Аникеева и Василия Юрчакова в Москву. По видимому, основным мотивом обращения Девлечьяра Казыева к царю было заступление угодий, которые покинула жившая в его деревнях "чюваша". В ответ Василий III пожаловал помещика правом призывать на отведенные ему угодья "людей из зарубежья, а не из моей вотчины великого князя". В данном случае это "зарубежье" не могло быть ничем иным, как территорией соседнего Казанского ханства, где жили сородичи северных удмуртов – аряне, арские люди и "чюваша", т. е. бесермяне. Миграции населения из ханства на Вятку, во владения Казыева должно было способствовать и освобождение будущих подданных Девлечьяра от дани в пользу великого московского князя и от кормов хлыновским наместникам, правда, на ограниченный срок: "...до письма, доколе Вяцкую землю писцы наши опишут"³⁰.

О более ранних пожалованиях каринским татарам свидетельствует и текст второй грамоты Василия III уже упомянутому Девлечьяру Магмет Казыеву и его детям – Ивану и Семену от 20 сентября 1520 г. В данном случае грамотчики получали в поместье половину Карино. До 1520 г. эта половина, как следует из текста, принадлежала некоему Шептяку Агзянову, его детям и брату Момачу, а другая половина – Тохтамышу и Тонешу. Шептяк Агзянов, по видимому, кроме Карино, владел еще и д. Шептяковской. Вместе с самим владением к Девлечьяру Казыеву перешли и все привилегии прежних владельцев: право брать со всего подвластного населения – "арян, татар, вотяков" – дань "по старине", судить их по всем уголовным делам, кроме наибо-

лее опасных преступлений – “душегубства” (убийств) и разбоя (“татыбы с поличным”). Представители великокняжеской власти: праведники и доводчики хлыновского наместника – не имели права въезжать и собирать какие-либо пошлины во владениях грамотчиков.

В делах, касающихся крестьян Девлечьяра, с одной стороны, и городских людей и уездных крестьян, – с другой, устраивался “смесный суд”, в котором владельческих людей защищал Девлечьяр с сыновьями, интересы уездных крестьян и городских людей представлял хлыновский наместник и его тиуны, а судебные издержки и пошлины делились пополам. Надо отметить, что иммунитет в данном случае имел ограничения: арские князья ставились рангом ниже русских светских феодалов. В обеих приведенных грамотах подчеркивается, что самого Девлечьяра и его детей судит не великий князь, как обычно в несудимых грамотах, а хлыновский наместник³¹

В июле 1534 г. эту грамоту без каких-либо изменений с припиской: “Сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, а наместником хлыновским и их тиуном и всем пошлинником у них ходить по тому, как в сей грамоте писано”, – подтвердил Иван IV.

Ссылки на старину, определяемую прежними пожалованиями, гарантировавшими владельцам податной и судебный иммунитет, содержатся и в “опасной заповедной грамоте” Ивана IV каринским князьям Сейтяку Алисуфову, Касыму Газыеву и Шеисламу Мурсеитову от 6 мая 1542 г. Эта грамота наиболее ярко характеризует гибкую и дальновидную политику московского правительства по отношению к южным удмуртам, пребывающим под властью казанских ханов. Всеми мерами поощряя миграцию населения ханства и прежде всего южных удмуртов в соседние районы Вятской земли, грамота, выданная в ответ на челобитье Сейтяка Алисуфова, разрешает ему “ис казанских мест вотяков и чювашу призывати на Вятку жити на мое великого князя имя, на опас” Вновь прибывающие

казанские удмурты и “чюваша” (по всей вероятности, будущие бесермяне) поступали под зависимость призвавшего их арского князя и эксплуатировались по прежним жалованным грамотам – “по старине”, как и “старые вотяки и чювашене”. В миграции казанского населения на Вятку были заинтересованы и хлыновские наместники: по условиям “опасной грамоты” с каждого новопришлого они получали “явку” – куницу с семью и 3 белки – с каждого взрослого неженатого мужчины³².

Таким образом, московское правительство давало возможность пополнять численность крестьянства, зависимого от арских князей не за счет своих подданных, а за счет мигрантов с территории Казанского ханства.

За выполнение этой миссии и, разумеется, за военную службу на стороне Москвы каринские служилые князья и татары оградялись от податей и повинностей в пользу государства, получали во владение наиболее ценные промысловые угодья: рыбные ловли и бобровые охотничьи угодья по р. Чепце и право безраздельно эксплуатировать и судить новопришлых крестьян.

Даже после принятия Судебника 1550 г., предписавшего “торханых” (жалованных грамот, освобождавших от основных налогов в казну. – М. Г.) впредь не давати никому, а старые торханые грамоты поимати у всех”, арские князья на Вятке продолжали пользоваться довольно полным податным иммунитетом.

Право “брать пошлины” с подвластных крестьян сохранялось за многочисленными потомками Мурсеита Ильясова, которым 20 июля 1548 г. было пожаловано поместье его умершего в Москве брата Мусы³³

Иван IV 28 января 1551 г. пожаловал “арских татаровей” Сейтяка Алисуфова и Касыма Газыева правом “ведать и доход с них брать по старине” с живущих по верховьям Чепцы и ее притокам “неписьменных людей”. При этом перечисляются территориально-земляческие объединения – общины

Федор Иванович, царь
Гравюра из книги *"Краткое историческое
и хронологическое описание жизни и деяний
великих князей российских, царей,
императоров..."*. М., 1807. Ч. 2

северных удмуртов – "обойнинчи, и погреничи, и понничи, и ворчинци"

Важно отметить, что грамота была спровоцирована жалобами Сейтяка Алисуфова и Касыма Газыева на попытки вятских людей – земских старост, целовальников и русских крестьян – вмешиваться во внутреннее дела вотчины, которые в грамоте обозначены словом "воевать". Иван IV в обращении к вятским земским людям однозначно предупреждал: "...и вы б тех вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили"³⁴.

Иван Грозный 20 января 1556 г. "поновил", т. е. подтвердил без изменений сговарившую в г. Слободском грамоту своего отца Василия III "вятским князьям" Шамаю Казыеву и Матвею Девятьярову на деревни

Шептяковскую и Желтиковскую, расположенные в Слободском уезде³⁵.

Служба арских князей обеспечивалась также щедрыми пожалованиями оброчных промысловых угодий. С самого начала XVI в. писцы Григорий Коробьин и Федор Ушаков закрепили бассейны Чепцы, начиная от р. Бахтьевой (в районе Балезино) до самых верховьев – до Очерского волока: бобровые реки и озера по обоим берегам и притокам – за каринскими мурзами Газыем Шигмансуровым, Алисуфом Алиевым, Малышкой Алешиным и Мурсеитом Ильясовым. Архаическая натуральная форма оброка с этих угодий "по 10 бобров карих, а коли деи не добудут бобров... по 1 000 белок" сохранялась до 1551 г. Грамотой от 24 января 1551 г., вводившей в число владельцев нового "вытчика" – Чекаву Аземетева с сыном Езикешем, владельцы были освобождены от уплаты какого-либо оброка. В марте 1553 г. новую грамоту на владение остальным участком р. Чепцы – от устья до р. Бахтьевой – получили потомки неоднократно упоминавшегося Девлечьяра Казыева – Иван и Матвей Девятьяровы. В обстановке разгоревшегося в Казанском крае антирусского восстания размеры оброка были уменьшены вдвое: вместо прежних 6 руб. владельцы должны были вносить "в повытье дьяков Юрия Сидорова и Павла Никифорова" в Москве по 3 руб. и пошлин по 10 денег (по 5 коп.) – с каждого рубля³⁶, т. е. оброчный сбор составил 3 руб. 15 коп.

Важно подчеркнуть, что и объем иммунитета, и размеры платежей напрямую зависели от обстановки в Казанском крае и намерений Московского правительства. Каждое обострение взаимоотношений Москвы и Казани сопровождалось усилением позиций каринских служилых помещиков.

"Служба своими головами", которую была обязана нести эта группа землевладельцев, выражалась прежде всего в защите рубежей Русского государства, в т. ч. Вятской земли. Так, во время похода русских войск на Казань в 1551 г. сторожевую службу на Каме несли "Бахтеяр Зюзин

с вятчаны, а с служилыми татары – Борис Иванов сын и Григорий Микитин”

Каринские татары принимали активное участие и в походах русских войск на Казань. В 1552 г. в сторожевом полку князя Серебряного они участвовали в штурме Казани, а затем в карательных царских войсках шли на восставших арских людей и марийцев. В числе других вятчан они принимали участие и в покорении Астраханского ханства³⁷

Однако с решением внешнеполитических задач, связанных с покорением татарских ханств, а также с усмирением сепаратистских и антифеодальных восстаний 1552–1557, 1572–1574, 1582–1584 гг. основные функции каринских служилых людей были исчерпаны.

Немаловажную роль в реформе, положившей конец землевладению каринской группы феодалов, сыграли, по-видимому, челобития зависимого от них чепецкого населения с просьбами оградить их от “всеконечного разорения”, т. е. ничем не ограниченных от злоупотреблений владельцев. В ответ на челобитную удмурта Третьяка Ожмегова 23 июля 1583 г. Иван Грозный грамотой на имя хлыновского городского приказчика Афанасия Лобанова распорядился запретить каринцам въезжать в удмуртские селения и брать с удмуртов и бесермян какие-либо доходы “впредь до особого указа”. Такой указ последовал после кончины Ивана IV при правлении его сына Федора Ивановича. Грамотой от 1588 г. (месяц неизвестен, так как грамота дошла до нас лишь в копии XVII в. в составе другого дела. – М. Г.) верхочепецкие удмурты и бесермяне были окончательно отведены “судом и пошлиною” от каринских мурз³⁸. Отныне они переводились в разряд государственных черносошных крестьян. Постепенно среди этой категории населения оказались и каринские служилые татары.

Таким образом, реформа 1583–1588 гг. положила конец служебному землевладению арских князей и каринских мурз. В дальнейшем на севере Удмуртии, если не считать

элементов корпоративной собственности церквей и монастырей, развивались лишь отношения государственного феодализма.

Говоря в целом об изменении социально-демографической ситуации в крае после присоединения, необходимо еще раз подчеркнуть, что усилия правительства привести социальную и этническую структуру населения в соответствие с составом населения центральных районов государства увенчались успехом. К XVII в. в Удмуртии за исключением крупных бояр были представлены все социальные группы: помещики, служилые люди, представители приказной бюрократии, духовенство черное и белое, стрельцы, крестьяне владельческие, монастырские, дворцовые и государственные (черносошные на севере и ясачные на юге). Неподатные сословия в основном были русскими. Среди государственных крестьян пока еще преобладали коренные жители. Дворцовые, владельческие и монастырские крестьяне были представлены преимущественно русскими. Впрочем, среди владельческих и митрополичьих крестьян были татары, “чюваша”, под которыми скрывались не столько этнические чуваша, сколько татары, южные удмурты и бесермяне.

В течение XVII в. завершилось формирование современной территории расселения удмуртов. В результате интенсивного процесса правительственной и вольнонародной колонизации западных районов Вятской земли и правительственной колонизации Арской дороги удмурты, покинувшие прежние районы расселения, сомкнулись в единый этнический массив. Уже писцовая книга 1629 г. зафиксировала освоение истоков Чепцы и даже водораздела Чепцы и Камы. В верховьях Ижа – притока Камы, северные удмурты основали деревни Малую Игру, Юзгу, Ворчу. Уже в первой четверти XVII в. д. Малая Порга была заселена северными и южными удмуртами. К 1678 г. северные удмурты основали здесь еще три новых селения, южные – четыре новые деревни. Совместно осваивались территории по р. Шаркан, а по притокам Сивы – Кивару, Большой

и Малой Вотке, по Чюру и Постолю – притокам Ижа – расселялись южные удмурты³⁹.

В конце XVII в. довольно тесно сомкнулись и территории расселения глазовской и кильмезско-вагинской групп удмуртов. В 1678 г. Новгородский приказ рассматривал спорное дело о борных угодьях по Лозе – притоку Чепцы, которыми владели верхочепецкие и казанские удмурты. Провести четкую границу между Хлыновским и Казанским уездами оказалось невозможным и, по мнению приказных людей, нецелесообразным. Принятое решение исходило прежде всего из фискальных интересов: "...кто наддаст болшии (оброчных денег. – М. Г.), тому тот бор и отдать"⁴⁰.

Территориально изолированной оказалась цыпильско-кукморская группа удмуртов по правому берегу низовьев Вятки, постепенно изолировалась от основной массы удмуртского населения и косинско-каринская группа в верховьях Вятки, в районе г. Слободского. В XVI–XVII вв. стала формироваться удмуртская диаспора на территории Пермского края и в Башкирии.

Восстановить общую численность населения Удмуртии, соотношение социальных групп и представителей отдельных этносов для XVI–XVII вв. представляется невозможным из-за почти полного отсутствия источников, особенно по южной ее части.

По самым приблизительным подсчетам на основе сохранившихся отдельных фрагментов писцовых, дозорных, переписных книг, а также на основе ретроспективы с использованием данных ландратской переписи 1716–1717 гг. можно предположить, что к концу XVII в. население Удмуртии составило около 67 тыс. человек обоего пола. Из них 32 тыс. жителей нашего края – удмурты, татары, бесермяне. Численность удмуртов, по предположительным подсчетам, составила около 29 тыс., при этом около 17 тыс. приходилось на долю южных удмуртов. Северные удмурты, по данным переписи 1678 г., составляли около 12 тыс. человек обоего пола. Значительный урон, понесенный арской группой удмуртов в ходе при-

соединения территории Казанского ханства, стал медленно восполняться. Стабилизировалась ситуация и на севере Удмуртии: с концентрацией абсолютного большинства удмуртов на территории Каринского стана замедлились ассимилятивные процессы. Прирост населения стал приобретать более естественные темпы, обусловившие демографические процессы уже в XVIII столетии.

Усиленная колонизация края привела к довольно быстрому росту русского населения, преимущественно за счет механического увеличения количества мигрантов. Численность русских с включением населения Чепецкого тяглого и оброчного станов и новой Филипповой слободки, расположенных в низовьях Чепцы, составила около 35,3 тыс. человек.

Абсолютное большинство податного населения относилось к государственным ясачным и черносошным крестьянам. Следующую за ними по численности группу представляли дворцовые крестьяне. В будущих Елабужской, Сарапульской и Каракулинской волостях они составляли около 16 тыс. человек обоего пола, причем численность дворцового населения росла достаточно интенсивно. По переписи 1646 г., только в Сарапуле и в тяготевавших к нему селениях насчитывалось 3 827 д. м. п. русских дворцовых крестьян.

Помещичьи крестьяне примерно составляли около 1 % населения. При этом среди них были представлены не только русские, но татары и "чюваша". Выяснить численность и удельный вес церковно-монастырского крестьянства пока не представляется возможным.

Социально-экономическое развитие

Земледелие и животноводство. Эти хозяйственные занятия в XVI–XVII вв. были поставлены в достаточно суровые условия. На всей территории Европы с середины XV в. и до конца XVIII в. царил малый ледниковый период, характеризовавший

ся общим похолоданием и уменьшением увлаженности (арридизацией). Пик похолодания пришелся на середину XVII в.⁴¹

На неблагоприятные климатические условия наложились чрезвычайные исторические обстоятельства. Системный кризис, поразивший страну в последней четверти XVI в. и продолжавшийся вплоть до 20-х гг. XVII в., в Поволжье был углублен событиями "Казанского взятия" и последовавшей затем "черемисской войной", с небольшими перерывами продолжавшейся почти до самого конца XVI в. В ходе завоевания Казанского ханства и подавления восстаний народов вновь присоединенного Казанского края неоднократно разгрому и опустошению подвергалась и территория расселения южных удмуртов – Арская дорога. К социальным потрясениям, как всегда бывает в такие периоды, присоединились стихийные бедствия: чума, мор, небывалое нашествие грызунов и т. д. В 1558–1560 гг. разоренные и опустошенные районы постиг страшный голод, к которому присоединилась чума, унесшая, по подсчетам англичанина А. Дженкинсона, не менее 100 тыс. жителей Среднего Поволжья. В 1566–1567 гг. невиданное количество мышей, неведомо откуда взявшихся, уничтожили весь урожай в закромах и на полях. Не обошел юг нашего края и голод, обрушившийся на страну в 1602–1604 гг., настолько страшный, что людоедство стало обычным, повседневым явлением⁴².

Положительные сдвиги в экономическом развитии края, связанные с массовыми передвижками населения, введением в хозяйственный оборот необработанных земель, стали намечаться лишь в конце первой четверти XVII в. Однако до достижения того уровня, который был засвидетельствован участником одного из карательных походов на Арскую землю, было еще далеко. Восхищенный и пораженный представшими его взору богатствами Арской земли князь Андрей Курбский восклицал тогда: "В земле той поля великие и зело преизобильные, и гобзующие на всякие плоды... и села часты, хлебов же всяких такое там множе-

ство, воистину вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных, такожде и скотов различных бесчисленные множества, и корыстей драгоценных..."⁴³ Высокий уровень развития земледелия и животноводства, характерный для Арской земли до казанской войны, подтверждается и тем, что из походов на нее русские войска возвращались с богатой добычей, привозя в Казань большое количество хлеба и скота⁴⁴.

В несколько более благоприятных условиях находилась Вятская земля, которую почти не затронули события Смутного времени и кризиса. Однако усиленная колонизация бассейна Вятки русским, крестьянским в своей основе, населением (Вятская земля занимала одно из первых мест среди районов Поморья по темпам освоения) тоже привела к тому, что удмурты вынуждены были уходить с обжитых территорий и "врубаться" в лесные массивы бассейна Чепцы и ее притоков. Это также не могло не сказаться на темпах и особенностях развития отмеченных отраслей хозяйства в данный период. Главным тормозом был недостаток введенных в хозяйственный оборот угодий: пашен, покосов, усадебной земли.

Северо-восточные и центральные районы Удмуртии, куда произошел отток основной массы коренного населения, оказались к XVII в. наименее освоенными: удельный вес пашни здесь был низким, соответственно незначительной была и земельная обеспеченность крестьянского двора.

По данным дозора (контрольной переписи) 1615 г., в Лужановском стане Слободского уезда, расположенном в верховьях Вятки, на удмуртский двор в среднем приходилось 6,12 дес. пашни в трех полях и всего 1,13 дес. покосов. В Каринском стане в целом эта цифра была ниже: 5,14 дес. пашни, 0,87 дес. покосов. Если провести подсчеты по селениям, основанным в конце XVI в. в верховьях Чепцы, то эти цифры оказываются вдвое ниже: здесь удмуртский крестьянский двор располагал всего 3,49 дес. пашни и 0,77 дес. сенокоса.

Таким образом, приведенные цифры убедительно свидетельствуют о том, что удмурты, переселившиеся и продолжающие мигрировать с Вятки на Чепцу и ее притоки, еще не успели отвоевать у леса достаточное для ведения полноценного сельскохозяйственного хозяйства пространство. По писцовой книге Афонасия Толочанова 1629 г., у бесермян и удмуртов было отмечено в пашнях доброй земли 71 четверть, средней – 1 001 четверть, под перелогом находилось доброй земли 370 четвертей с осьминою, средней – 312 четвертей без полчетвертика⁴⁵. Эти данные подтверждают факт постоянного обновления фонда обрабатываемых угодий и заметное место перелога, который составлял почти 40 % от обрабатываемой пашни. Кроме этого, можно с уверенностью говорить об общем увеличении земельной обеспеченности крестьянства. По обобщенным данным писцовой книги, на двор бывших арских князей и татар приходилось в среднем 20,4 дес. пашни, а на удмуртско-бесермянский двор – 7,1 дес.

Важнейшее место при определении уровня сельскохозяйственного производства занимает вопрос о системе земледелия. Опираясь на традиционный учет пашни "в трех полях" или "в трех переменах", характерный для писцовых описаний и дозорных книг, авторы "Очерков истории Удмуртской АССР" утверждали, "что удмурты уже в начале XVII в. имели вполне утвердившуюся трехпольную систему севооборота"⁴⁶. Однако в действительности не все обстояло так просто. По всей вероятности, паровая зерновая система с трехпольным, чаще с двухпольным севооборотом утверждалась на старопашотных, давно освоенных землях, прежде всего на припойменных участках. Есть достаточные основания полагать, что учет пашни "в трех полях", с которым мы сталкиваемся в дошедших до нас фрагментах писцовых книг Казанского уезда 60-х гг. XVI – начала XVII в. и в материалах дозорной книги 1615 г. по Вятскому уезду, не был просто данью сложившейся традиции, он фиксировал реальность. Это касалось прежде

всего Прикамья и территорий, прилегающих к Вятке. В северо-восточных и центральных районах края, по-видимому, для расчистки массивов "черного", т. е. нетронутого леса, да и для введения в хозяйственный оборот давно заброшенных и поросших лесом пашен пришлось прибегать к архаической подсечно-огневой системе. При подсеке в первый год все деревья на выбранном для расчистки участке "подчерчивались": на определенной высоте (примерно в 1 аршин – 71,1 см от уровня почвы) кора надрезалась и снималась. Через 3–5 лет деревья высыхали, их срубали либо сжигали прямо на корню, подкладывая огонь под каждое дерево. Невыгоревшие части собирались в кучу и еще раз поджигались. "Палы" производились ранней весной, когда обилие влаги не допускало распространения огня на соседние участки (невзирая на принимаемые меры предосторожности, выгорание больших массивов леса вследствие этих "палов" было не столь редким явлением. – М. Г.).

Без особой предварительной вспашки, лишь вскопав твердые места вокруг невыгоревших пней ручной "мотыгой-куштаном", прямо по теплой земле разбрасывали семена. Чтобы заделать зерна, по пашне волочили борону-суковатку – расколотую пополам сучковатую ель. Твердые сучья заборанивали землю, заделывая семена на нужную для их прорастания глубину.

На второй год, убирая урожай, земледелец стремился оставить высокую стерню, которую сжигал, и посев снова производился в теплую, удобренную золой почву. Для заделки зерна вновь использовалась суковатка. Наилучший урожай культур на этих землях получали именно в этот год. Урожай на таких участках был необычайно высоким, по свидетельствам документов XVIII – первой половины XIX в. достигал до сам-40 и даже до сам-60. Отличалось

* Сам-40 – в 40 раз больше посеянного количества.

** Сам-60 – в 60 раз больше посеянного количества.

зерно и качеством: было крупным, полноценным, поистине "золотым" Так происходило около 10 лет, затем почва истощалась и поле забрасывалось.

Подсека могла устраивать земледельца как самостоятельная и безальтернативная система ведения земледелия до тех пор, пока оно (земледелие) было одной и отнюдь не главной отраслью комплексного хозяйства, в котором значительное место отводилось не земледельческим промыслам. При огромных затратах человеческого труда и времени и достаточно коротком сроке эксплуатации подсечно-огневая система не могла обеспечить необходимым количеством обрабатываемой пашни, особенно когда земледелие стало одной из главных отраслей хозяйства. К тому же она была возможна при больших площадях свободных, никем не занятых земель, а стало быть, и при небольшой плотности населения.

Изучая эволюцию систем земледелия на Руси, специалисты пришли к выводу, что уже в домонгольский период подсека уступала место трехпольной паровой зерновой системе. Многие исследователи полагают, что в XIV–XV вв. трехпольное хозяйство стало господствующим и на русском Севере⁴⁷.

Однако вдумчивый анализ фактов убеждает в том, что в климатических и геополитических условиях Вятско-Камского междуречья шло не вытеснение подсечно-огневой системы классическим трехпольем, а постепенное становление комбинированной системы земледелия, соединившей в себе наиболее рациональные элементы подсеки, перелога и паровой зерновой системы с двух- или трехпольем. Паровая система применялась, как правило, на давно освоенных, старопашотных присельных пашнях, вывоз "назьма" на которые не был затруднен. Подсека оставалась единственным способом расширения запашки и обновления фонда обрабатываемых угодий. В то же время в условиях нечерноземной зоны, к которой относится практически вся территория Удмуртии, истощение земли наступало очень бы-

стро, и часть угодий, для удобрения которых не хватало навоза, неизбежно забрасывалась под перелог, лежала "впусте"

Эта комбинация в силу идеального соответствия природно-климатическим условиям края оказалась чрезвычайно живучей и существовала в Удмуртии, несмотря на все запреты расчищать казенные леса, до конца XIX и даже начала XX в.

В XVI–XVII вв. новые починки и заимки, естественно, устраивались на расчистках. По всей вероятности, появлению починка предшествовала распространенная пашня "наездом", когда почти каждое крестьянское хозяйство стремилось "распрятать" в лесу на всякий экстремальный случай участки пашни. Он обрабатывался "наездами"

При проведении дозоров и составлении новых оброчных книг обнаруживалось, что крестьяне "припахивали" к своим угодьям дополнительные участки за счет лесных массивов. Так, в 1622 г. вятский воевода П. И. Мансуров получил указ царя Михаила Федоровича за приписью думного дьяка Михаила Грамотина с повелением "сыскивать, хто посадские люди и уездные всякие люди владеют всякими угодьями и в речках и в озерах рыбными ловлями, звериными и бобровыми гоны, и пашнями и санными покосы, и мельницами и перевозки безоброчно; а оброчных денег с тех угодий в государеву казну не платят" Выявляя таких крестьян, расширивших свое хозяйство за счет леса, Мансуров облагал их новым оброком, исходя из размеров вновь расчищенной пашни. Так, в Чепецком стане было вновь обложено оброком угодий на 42 руб. 21 алтын 10 денег, в Сырьянском стане новоросчистей, "которые распаханы без дачи безоброчно, что хто припахал к прежним своим пашням из лесов же – 3 выти без полполчети выти" и т. д.⁴⁸, а всего на Вятке было выявлено "новораспашных пашен, которые распаханы из черных лесов без дачи, безоброчно, что хто распахал к прежним своим пашням из переложных земель и лесов 79 вытей без полчетверти выти", с которых

и было доправлено денежного оброка 118 руб. 15 алтын 3 деньги.

В докладе Новгородской чети о посылке писцов от 11 марта 1628 г. в отношении каринских и верхочепецких татар и удмуртов подчеркивалось, что писцы, кроме переписи слобод, сел и деревень с починками и детальной росписи платежей каждого селения, должны были с привлечением старост, целовальников, сотских, пятидесятских и всяких людей "по их вере" обыскать "пашни наездом"⁴⁹

По-видимому, процессу прочного оседания на одном месте предшествовал, как правило, период поиска методом проб и ошибок. При рассмотрении спора о земельных угодьях по р. Камыжовке между Будей Худяковым, прибывшим из Карино, и удмуртами д. Полом выяснилось, что Будя Худяков первоначально "поселился подле маненкую речку, а не подле Камыжу, и на том починке дворы и всякие хоромы построил, жил на том починке и землю под пашню распахал"⁵⁰. Спустя некоторое время он переехал на р. Камыж и начал расшищать место для нового починка, вторгшись на территорию, которую уже начали осваивать "наездом" удмурты V Пургинской доли д. Поломской и где были уже заведенные их становья и шалаши. По спорному делу было произведено два сыска, в ходе которых выяснилось, что "прежние займища Будки Худякова с товарищи, старые шалаши и дворища и гуменные хоромы, близ старого дворища овин с житницей и около того их дворища и поль старые огороды и осеки" действительно "явились особ стаетей подле маленькие речки"⁵¹

Таким образом, новопоселенцы, поставившие на новом месте полный комплекс хозяйственных построек, без особого сожаления оставили их и стали основываться на другом участке, построив временное жилище "чюм" и засеяв землю "овсом, ячменем и горохом"⁵².

Спор разрешился мировой лишь в 1703 г., когда истцы и ответчики при "сторонних людях, при русских старожилах и при ка-

ринских татарах" согласились разделить расчищенные участки пополам и поселиться постоянными дворами⁵³

В своей челобитной от 1699 г. чепецкие удмурты Кестымской, Кожильской, Базезинской, Подгорновской и Мутницкой деревень так изображали процесс освоения новых территорий: "В Чепецкой волости от Бахтыевы речки по Чепце реке вниз до Шуры речки, речка Выжошур, а от Выжошура до Кестыму, а от Кестыма до речки Коровая, а с Коровой и до Чепцы реки и по тем речкам с устья до верховей были наши отяцкие родовые места... всякие лешие угодья... по лесом борти со пчелами и без пчел, канежники и колодники и путики, и с тех бортей мед подлазили ис канежников, путиков и колодников всякого зверя и птицу ловили" Как изображали челобитчики, "в прошлые, тому будет лет с 30, судом Божиим те наши лешие угодья бурей выломало, и после того с год тот лес ломаной огнем выжгло, и стало то место полом, опалило... И мы на житье дворы построили и пашенные земли и санные покосы распрытали. А старые свои поместья покинули влусте, потому что земли стали выпашные и хлеб не родит"⁵⁴

Именно факт расчистки леса являлся в обычном праве последним и наиболее убедительным аргументом в пользу принадлежности спорного участка пашни тому или иному владельцу. Признавала эту норму обычного права и официальная власть. В 1673 г., например, Уфимская воеводская канцелярия решала затянувшийся спор между бобылями д. Кескутан (Кечкутан, по другой версии. — М. Г.) и каринскими татарами, перебравшимися в Уфимский уезд в начале XVII в., о земельных угодьях по р. Варзи. Старожилы, как всегда в подобных случаях привлеченные к следствию, утверждали, что спорными угодьями владели и впредь должны владеть жители д. Кескутан. В качестве неоспоримого доказательства они ссылались на то, что видели, как "Танатарка Кибекеев лес секли на той земле лет 30 назад", другие старожилы утверждали, что Танатарка Кибекеев

С. Г. Сандырев
Художник В. Белых

Сандырев Савва Григорьевич (последняя четверть XVII – первая четверть XVIII в.), дьяк. В 1692–1694 гг. служил дьяком при вятском воеводе М. Хилкове. Удмурты продолжали поддерживать с ним связи и после его перевода в Москву, в Конюшенный приказ. В период наиболее

обострения отношений между вятской администрацией, каринской татарской верхушкой и удмуртами в 1699 г. ему было поручено ведение сыска на Вятке. В ходе расследования непосредственно в удмуртских и татарских селениях в мае 1699 г. – феврале 1700 г. он решил почти все поставленные перед сыском задачи. После отъезда в Москву по многочисленным челобитным татарской верхушки и вятской администрации был привлечен к следствию. До 1717 г. продолжал служить дьяком в Конюшенном приказе.

расчистил и распахал спорный участок "лет 35 тому назад"⁵⁵

Появление в том или ином селении нового тягльца тоже, как правило, сопровождалось расчисткой из-под леса необходимого для ведения хозяйства комплекса угодий. Так, в 1687 г. крестьянин дворцовой слободы Каракулино Тимофей Безхвостиков жаловался, что по приглашению жителя этого селения Якова Саватиева он сел на его тягло, но последний не обеспечил его, как было условлено при составлении договора, тяглой землей. Тимофею в течение 8 лет пришлось расчищать лес под пашню и другие хозяйственные угодья. Уфимская воеводская канцелярия зафиксировала появление нового полноправного тягльца, распорядившись снять с него чужое тягло, а расчищенные Т. Безхвостиковым угодья положить "на новонакладный оброк"⁵⁶

На таких отвоеванных от леса пашнях и пожнях-покосах в верховьях Чепцы и на ее притоках основались 109 новых удмуртских починок, выявленных в ходе сыска, проводимого по указу Новгородского приказа сыщиком С. Г. Сандыревым в 1699–1700 гг. Он учитывал только селения и дворы, возникшие после проведения подворной переписи 1678 г. Количество зафиксированных во время сыска новых селений, возникших за какие-то 20 лет, еще раз подтверждает интенсивность миграции населения в верховья Чепцы. К подсеке достаточно широко прибегали и как к средству частичного обновления фонда обрабатываемых угодий. Многочисленные крестьянские подряды о наемной работе (жилые записи) и подряды на половничество содержат, как правило, обязательное условие "повсягодно" расчищать определенное количество земли из-под леса.

Судить о времени возникновения паровой зерновой системы трудно из-за отсутствия источников. Дошедшие до нас "наемные жилые записи" и подрядные на половничество со всей определенностью говорят о "подпаривании" пашни со второй половины XVII в., о вывозе на поля "назьма" и удобрении им присельных старопахотных участков земли. Так, половники Маметкула Касимова Бегеней и Етекей Чигаревы по записи, заключенной в 1672 г., обязывались "ржаная солома не жечь и не продавать, и даром не отдавать, сорить во дворе в назем, и тот усорной назем ежегодно возить на свою пахоту дочиста". Половники Иркея Арасланова обязывались "насоренной назем возить... на поле в год до сту возов"⁵⁷

Чрезвычайно важное значение для прогресса хозяйства имело то, что при паровой системе часть пашни ежегодно отдыхала, кроме того, получала удобрения, поэтому поле вместо 3–5 лет, как было при подсеке, можно было использовать значительно дольше. Это экономило силы и средства и позволяло тщательнее обрабатывать участок с использованием двоения и троения. При двоении первоначально пахали при внесе-

Сенокос в Среднем Поволжье
Деталь карты А. Олгария

нии навоза, летом, а второй и третий раз – уже на следующий год, непосредственно перед посевом⁵⁸.

В конечном итоге паровая система, даже при более низких в среднем урожаях, чем на новоросчиях, позволяла получать сельскохозяйственной продукции больше. Однако эта система предъявляла ряд требований к орудиям обработки почвы. При вспашке сохой (на глубину около 5–8 см) не происходило оборачивание пласта и поле довольно быстро зарастало сорняками. Возможно, В. Л. Бушуева, которая утверждает, что к паровой зерновой системе окончательно перешли зажиточные крестьяне, располагавшие более совершенным хозяйственным инвентарем, не грешит против истины⁵⁹.

При недостатке навозного удобрения лесные подзолы нашего края, имевшие достаточно небольшой плодородный слой, быстро выпаживались, и, чтобы избежать катастрофического падения урожайности, крестьяне

периодически забрасывали часть пашни под перелог, заменяя ее "причистиями"

Как отмечают исследователи, сроки перелогов были при этом разными. Сами крестьяне выделяли "пометные" земли – еще не успевшие зарости, только что заброшенные пашни, "пустоши" – паровое поле, оставленное после 5 лет обработки на 2–3 года отдыха, и "новины", когда земля отдыхала 8–10 лет и успевала зарости молодым лесом⁶⁰.

Итак, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что к XVII в. завершилось формирование сложной, комбинированной системы земледелия, сочетавшей в себе наиболее рациональные, проверенные временем элементы подсечно-огневой, переложной и паровой зерновой систем. Ведущее место при этом в данной комбинации уже принадлежало двух- или трехполью, но оно не могло существовать без элементов перелога и подсеки. Именно такая комбинированная система была условием, обеспечивающим успешное ведение земледелия в достаточно суровых природно-климатических условиях Приуралья да еще и при очень замедленной эволюции аграрной техники.

Основным орудием обработки земли оставались в XVI–XVII вв. соха, деревянная с железным сошником, и деревянная рамная борона с деревянными зубьями, которую иногда с успехом заменяла борона-суковатка. Жали серпом, который появился в крае, как свидетельствуют археологи, еще на памятниках ананьинской эпохи, т. е. до нашей эры. С тех пор он несколько видоизменился. Орудием косьбы являлась горбуша, очень удобная в работе на лесных пожнях, где встречались кочки, кустарники и прочие препятствия для широкого размаха.

Весь этот набор постоянно перечисляется в многочисленных подрядных на половничество, в жилых записях и описях имущества. Так, в подрядной, которую в 1652 г. дал Маметкулу Шагумову удмурт Балеизинского погоста Матвей Семенов, отмечается условие обработки пашни с применением орудий работника и хозяина: "...пахать на одной

своей хозяйской лошади, а сохи и бороны, и серпы, и косы мои, а ральники хозяйские⁶¹ Таким образом, наиболее ценные железные части сохи – ральники – в данном случае представлял хозяин. В описи имущества удмурта Почаша Чупина из д. Дондинской значатся 3 ральника целых, 2 ральника ломаных, 11 серпов старых, 11 кос железных⁶².

Ральники для сох выковывались на месте, иногда приобретались на достаточно отдаленных рынках оптом в целях дальнейшей реализации. Так, в 1650 г. каринские удмурты Бачей Урсегов и Бачей Сидоров продали в Устюге Великом мед и воск на общую сумму в 225 руб., а на вырученные деньги купили 80 ральников для сох и 13 пудов уклада – сырья для кузнечного промысла⁶³.

Выращивались на крестьянской пашне в XVI–XVII в. ячмень, рожь, озимая и яровая, овес. Дополняли их небольшие посевы полбы, пшеницы, гречихи, гороха и репы.

Распространенным приемом, призванным застраховать земледельца от полного неурожая, была так называемая ссорица: семена яровых смешивались, и участок засеивался, исходя из выработанных практикой норм высева. В случае неурожая одной культуры выручала другая, и пашня, на подготовку которой к посеву было затрачено столько сил, таким образом, не пропадала.

Количество хлеба в хозяйствах отдельных крестьян, особенно зажиточных, было довольно значительным. Опись имущества удмурта д. Дондинской Почаша Чупина содержит сведения о 152 четвертях ржи, 57 четвертях ячменя, 12 четвертях пшеницы. У Исуца Мушина в запасах значилось 36 четвертей 2 четверика ржи, 13 четвертей 2 четверика пшеницы, 13 четвертей с осьминой овса, 1,5 четверти ячменя, т. е. около 51 четверти зерна⁶⁴.

Интересны в этом плане и половничьи подрядные. Исходя из размеров ежегодной поставки хлеба владельцу земли, можно судить и о производительности хозяйства

в целом. Так, Иштерек Зянбаев жил в половничество у Искендера Арасланова и отдавал ему ежегодно ржи и овса по 10 кунц (30 четвертей). Кадыш и Кулыш Зянсеитовы обязывались до искупа долга отдавать своему хозяину Аскею Арасланову по 2 кунцы ржи, 3 кунцы овса, по четверику ячменя и ядрицы. Патерик Ядычев обязывался ежегодно отдавать 1,5 кунцы ржи и 1,5 кунцы овса⁶⁵. Из приведенных примеров следует, что размеры производства зерна в хозяйствах половников, как и в разных крестьянских хозяйствах, колебались от 30 до 9 четвертей ржи и такого же количества овса. Другие зерновые: ячмень, ядрица, горох – производились в значительно меньшем количестве.

Кроме зерновых, каждое крестьянское хозяйство возделывало технические культуры – лен или коноплю, из волокна которых или в смеси с шерстью производилось большинство тканей, употребляемых в быту. В описи имущества уже упомянутого Почаша Чупина мы встречаем льняного семени с четверичок московский, 93 десятка поскони, 37 десятков льну, 7 десятков конопли. Судя по всему, все это было произведено в собственном хозяйстве Чупина.

Вятская земля в XVI – начале XVII в. являлась одной из житниц Русского государства. В последней четверти XVI в. на население края была возложена повинность поставлять хлеб для снабжения ратных и служилых людей новопостроенных сибирских городов. Грамотой царя Федора Ивановича от 15 декабря 1597 г. повелевалось собрать с вятских городов и уездов 1 434 четверти с осьминой и четвериком муки ржаной, 258 четвертей с полуосьминой крупы, столько же толокна и отправить все это на 650 подводов в сопровождении 30 плотников, которые должны были соорудить амбары для хранения указанных припасов. Кроме фуража и продовольствия, вятчане поставляли в Сибирь семенное зерно.

С 1600 г. к поставкам хлеба в Сибирь стал привлекаться и Казанский уезд. По

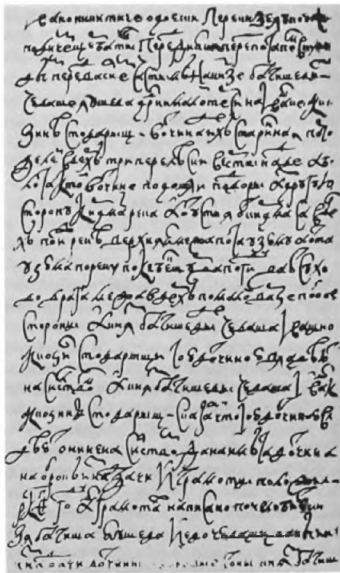
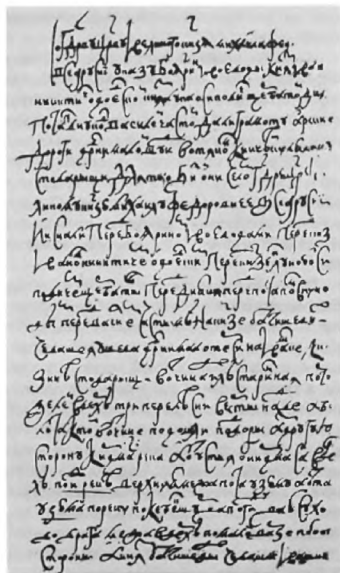
указу царя Бориса Годунова от 27 октября 1600 г. из Казани было вывезено 12 596 четвертей муки, толокна и круп. Жители вятских уездов должны были поставить 5 209 четвертей хлеба⁶⁶. После отмены обязательных поставок в Сибирь большая часть теперь уже казенных хлебных закупок продолжала направляться в казанские и вятские уезды. Денежные доходы, собираемые с Вятки и ее уездов, за исключением полоняничных денег, не посылались в Москву и в Новгородский приказ, а оставались на Вятке. На них специальные "государевы головы и целовальники хлебной покупки" приобретали вятский хлеб. В выписке Новгородского приказа от 1674 г. о вятских денежных сборах говорится: "А на вятские денежные доходы по указу великого государя покупают хлеб на Вятке ... А присылаются с Вятки только одне полоняничные деньги по 267 рублев по 21 алтын по 2 деньги на год"⁶⁷.

Так, в декабре 1630 г. слободскому воеводе Алексею Борзцову было повелено закупить у вятчан, у посадских и уездных людей, чтобы тот "хлеб ставить на Ношульскую пристань у Лузы реки". В 1662 г. на Вятке было закуплено 13 тыс. 171 четверть с четвериком ржи и овса. На покупку зерна, строение амбаров, оборудование судов для его отправки водой казна затратила 15 042 руб. 74 коп. По первому "половодью" в сопровождении "целовальника хлебной покупки" зерно на 10 судах было доставлено в Коломну⁶⁸. В выписке, составленной в 1674 г. Новгородским приказом, отмечалось: "...а на вятские денежные доходы покупают хлеб на Вятке и посылают на Двину и в Кольской и Пустозерской острог ратным людям на жалованье"⁶⁹. В 1682–1683 гг. на выдачу стрельцам, служившим в Архангельске, в Холмогорском, Пустозерском и Кольском острогах, требовалось 19 360 четвертей зерна; вся партия была приобретена на Вятке "по самой меньшей торговой цене"⁷⁰. Эти и другие многочисленные примеры свидетельствуют, хотя и косвенно, об успехах земледелия на Вятке, в достижении которых нема-

лая заслуга принадлежала и удмуртскому крестьянину.

Второй важнейшей отраслью комплексного хозяйства крестьян Удмуртии было животноводство, дававшее тягловую силу для земледелия и извоза, удобрения для присельных старопашотных полей, шерсть и шкуры для выделки одежды и обуви, молочные и мясные продукты для питания. Как и другие народы Поволжья и Приуралья, удмурты разводили лошадей, коров, овец, свиней, отчасти коз и держали птицу.

Помехой для развития животноводства был недостаток сенокосных угодий. Кроме лугов, расположенных в поймах рек, которые ценились очень высоко, для сенокосения использовались лесные полянки-поженики, а также недавно заброшенные пашни, еще не успевшие зарости лесом. Дефицит сенокосных участков приводил к тому, что в XVI–XVII вв. они были постоянным предметом судебных разбирательств. Так, в 80–90-е гг. XVI в. возникло несколько судебных дел по поводу владения покосом в так называемом Черемховом наволоке по нижнему течению Чепцы, площадью свыше 127 дес., на который претендовали удмурты, считавшие эти места "искони родовыми", каринские татары и русские. Удмуртам удалось отстоять эти угодья благодаря вмешательству центральной власти. В 1598 г. перед хлыновским судным целовальником Андреем Носковым составались русские крестьяне Чепецкого стана и каринские удмурты. Спор выиграли удмурты, так как ответчик Степан Онисимов "хотел пойти на пожню с образом, да не пошел, а сказал, что с образом пойти на пожню невозможно". Однако в XVII в. покос был снова захвачен русскими крестьянами. В 1654 г. удмурты вновь закрепили наволок за собой, вятский воевода В. А. Змеев выдал им "владенную выпись". Несмотря на это, русские крестьяне продолжали владеть лугом и даже заложили его другим русским крестьянам Лазарю Бармину и Никите Дресвянникову за довольно большую сумму в 12 руб. за пай.

Отрывок из жалованной грамоты казанских воевод на спорные земли по р. Ижу удмуртам д. Малой Шуды Арской дороги. Между 1620–1624 гг.
ГАКО

В 1699 г. Савва Сандырев, рассмотрев предъявленные спорящими сторонами документы, опросив всех окрестных старожил, принял решение о возврате Черемхового наволока его истинным владельцам – удмуртам Ситке Ахкузину и Петру Почашеву⁷¹. Столь же длительную историю имел спор между удмуртами и каринскими татарами о Мутницком луге площадью около 50 дес. В 1694 г. судьба покосов еще не была решена и Новгородский приказ наложил на чепобитные спорящих сторон противоречащие резолюции⁷². Приведенные документы свидетельствуют о том, насколько напряженной была борьба за каждый более или менее значительный участок сенокоса.

Распространенным явлением была и аренда сенокосных угодий. Оброчные сенокосы из дополнительной платы (оброка) брали удмуртские и русские общины и отдельные состоятельные крестьяне, охотно идя при переоборочке на выплату "наддачи". Пожни были столь же частым объектом купли-продажи и заклада.

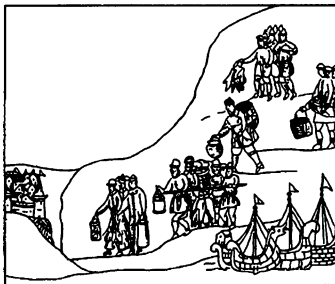
Неравномерность в распределении сенокосов неизбежно обращивалась в неравномерность и в обеспеченности рабочим и мясо-молочным скотом. Судя по половничьим и "жилым" записям, ведение самостоятельного земледельческого хозяйства требовало наличия хотя бы двух лошадей. Так, удмурт Базезинского погоста Матвей Семё-

нов в 1652 г. подрядился на полowie к Маметкулу Шагумову с условием "пахать на одной своей да другой хозяйской лошади"⁷³ Удмурт Казанского уезда д. Венны жил в полониках у Искандера Арасланова и выполнял "всякую татарскую деревенскую работу на своих 2 лошадях"⁷⁴ Другой казанский удмурт Кекей Шехаяров жил у того же Искандера Арасланова со своими пятью сыновьями, "а пахали на своих 4 лошадях"⁷⁵

У зажиточного, судя по описи имущества, удмурта Почаша Чулина было 3 лошади, 11 коров, 2 быка, 4 теленка, 10 овец. У другого удмурта Исупа Мушина было 4 мерина, 3 коровы, 3 нетели, 2 теленка, 16 овец. Каринский татарин Аскей Долгоаршинный сказал Артемию Челищеву, что скота у него: 2 мерина, 2 коровы, 2 нетели, 2 бычка, 2 теленка, 5 овец и "того же скота он, Аскей, с братом Сеитом отдали кормить половнику своему Кулыкю Кайсину ис приплоду пополам"⁷⁶. Думается, что это отнюдь не весь скот, принадлежавший Долгоаршинным. Большая его часть, очевидно, осталась в собственном хозяйстве братьев.

Татары содержали не только рабочих лошадей, использовавшихся на сельскохозяйственных работах, но и выездных, и скаковых. Ярославец Иван Архипов сын Алтын выменял у Дмитрия Арасланова 1 февраля 1634 г. "жеребца игреня, грива направо" ценой в 7 руб., отдав за него "коня колмацкого рыжа" ценой в 2 руб. и денежную компенсацию. Игреньевый жеребец явно не был рабочей лошадию. О таких же дорогих нерабочих лошадях говорил, по-видимому, удмуртский толмач Андрей Харин, обвиняя каринского татарина Исупа Касимова в том, что он "носит к воеводе поноски великие и коней добрых приводит". В числе убытков, якобы причиненных дяком Саввой Сандыревым во время проведенного в 1699–1702 гг. сыска, каринский татарин Бахей Арасланов упомянул двух лошадей, купленных для сыщика у Искандера Арасланова за 24 руб.⁷⁷

Скот, кроме продажи, служил распространенным средством оплаты долговых де-

Сбор ясак

Миниатюра из Куньурской летописи XVII в.

нег. Так, бесермянин д. Ежевской Баймамет Иштуганов сообщил сыщику, что за "намуценную" кабалу в 40 руб. они с отцом отдали Исупу Касимову 21 четверть ржи, 30 четвертей овса, 2 коровы, 2 быка, 2 лошади⁷⁸

Летом домашнее стадо находилось на пастбищах, выгонах и в поскотинах без пастухов. Во избежание потрав поля огораживались. Для доения коров в лесу устраивались "становища". Зимой скот содержался в "скотских хлевах". Основным кормом для скота было сено. По данным источников, требовалось от 20 до 25 копен сена, на корм скоту шли яровая и ржаная солома, мякина и т. д.

Преобладание в хозяйствах, особенно у зажиточных крестьян, лошадей было обусловлено и тем, что они использовались не только в сельском хозяйстве, но и в извозе. Материалы Устюжской и Сольвычегодской таможен, фиксирующие сбор пошлин "с судов и с людей, и с саней проезжие", отмечают большие обозы, идущие с Вятки. Так, 27 февраля 1678 г. в Сольвычегодск прибыли вятчане на 7 лошадях, 28 февраля – на 8 лошадях, 2 марта – каринские бесермяне Хамаш Сабреков "с товарищем" – на 8 лошадях, 8 марта вятчане – на 8 лошадях, 17 марта – на 11 лошадях, 24 марта – на 6 лошадях и т. д.⁷⁹ Как правило, крестьяне приезжали вдвоем, в некоторых случаях втроем. Таким образом, количество

лошадей, поставляемых для обоза торгующими крестьянами, было не менее 3–4.

Животноводство в XVII в. начало вовлекаться в товарно-денежные отношения не только через извоз. На местных рынках – “торгах и торжишках” – продавались кожи, шерсть, сало говяжье и свиное, масло коровье и т. д.

Неземледельческие промыслы. Большое значение в хозяйстве крестьянства Удмуртии сохранялось за неземледельческими промыслами: охотой, бортничеством, рыболовством.

Промысловые угодья: бортные ухояи, канежники, колодники, путики, перевесища, а на юге и хмельные щипанья – входили в комплекс общинных владений – общины-доли, общины-волости. В 1699 г. чепецкие удмурты писали в Новгородский приказ, что по Чепце и ее притокам от р. Бахтыевой и до вершины Чепцы издавна имелись у них “всякие лешие угодья: в тех их отяцких урочищах по лесам борти со пчелами и без пчел, канежники и колодники, и путики, и с тех бортей мед подлазили, и с канежников, путиков и колодников всякого зверя и птицу ловили”⁸⁰. Иногда промысловые угодья входили в комплекс владения крестьянского двора. Так, в 1695 г. бесермяне Большого Погоста Мавлиш и Ишмеметь Тюнины продали каринским татарам и бесермянину Иштереку Биянову “сены свои покосы и около них бортные угодья, канежники и колодники с луговыми хмельниками”⁸¹.

Добываемая в “черных” девственных лесах пушнина, в том числе и такая ценная, как шкурки куницы, бобра, соболя, горностая, лисицы, издревле была предметом эквивалентного обмена, уже в Казанском ханстве шла “на росплату” податей.

Старинной мерой обложения северных удмуртов, свидетельствующей о том, что с них, как и в Коми крае, брали дань пушиной, был “лук”. Даже в середине XVII в. северные удмурты раскладывали внутри общины подати “по лукам”. Так, в 1650 г. Чепецкой доли целовальник Шудег Асанов

брал “по мирскому приговору с лука по 25 алтын по 2 деньги”. В 1669 г. Иван Андреев “брал збор с лука по 2 рубли великого государя за стрелецкой хлеб”⁸². Сама вятская мера сыпучих тел, равная 3 московским четвертям, называлась куницей, что также вызывает мысль о ее былом тождестве с меховой единицей эквивалента.

Некоторые казанские удмурты платили ясак в Казани деньгами, а на Уфе – “мягкой рухлядью”. Так, в 1652/53 г. на жителях д. Илбахтиной на старосте “Темечурке Илбахтине с товарищи” с каждого человека было взято “по окладу великого государя по 48 куниц на год”⁸³.

Каринские татары, поселившиеся на оборочных землях по р. Ижу, в 1635 г. писали уфимскому воеводе стольнику Ф. Я. Милославскому, что “оброку с той земли и сennyх покосов положено на них на год по 2 куницы с человека”⁸⁴. Мед и воск, добываемые в многочисленных “бортных ухояях”, которые закреплялись за крестьянскими общинами, являлись средством уплаты так называемого “медвяного оброка”, а также шли на продажу. Участника казанских походов А. М. Курбского поразили не только уровень развития земледелия, но и изобилие пушнины и меда на территории Арской земли.

О размерах добычи мехов в какой-то степени можно судить по заемным кабалам. Так, каринский удмурт Исуп Мушин обязался доставить в зачет занятых им денег 2 тыс. беличьих шкурок. Уже неоднократно упомянутый Почаш Чулин должен был поставить московскому купцу Я. Соленикову 2 тыс. заячьих шкур, “добрых и не рудяных” (не окровавленных. – М. Г.). В 1699 г. воевода П. Бутурлин взял с целовальника Каринской удмуртской доли С. Марданова, кроме денег, “40 куниц с шерстью”⁸⁵. Меха хуже шли на выделку верхней одежды: шуб, воротников, шапок. В описи имущества того же Почаша Чулина отмечены “кафтан шубный, ожерелок (воротник) бобровый”. Во время сыска А. И. Челищева 20 каринских удмуртов в числе отнятого у них карински-

ми татарами имущества называли "шубу белью"

В перечне лесных угодий неоднократно упоминаются "весища" и "перевесища" – места, где устраивались приспособления для охоты на птиц: тетеревов, рябчиков, уток. Рябчиков, по-видимому, ловили в таком количестве, что у Исула Мушина среди имущества значились "перина да подушки с перьем рябиным"⁶⁶.

Даже в конце XVII в., несмотря на огромную конкуренцию высококачественных сибирских мехов, казна продолжала делать в крае закупки крупных партий пушины. Так, в 1687 г. вятскому купцу Андрею Рязанцеву было дано поручение купить "в Казани, на Вятке, на Уфе и на Уржуме для крымского отпуска" 6 405 куниц, 165 900 белок⁶⁷.

Меха продолжали поступать и в виде ясачных платежей. Не случайно известный публицист XVI в. Г. Котошихин писал: "Присылается из тех городов (поволжских) казна с ясачных людей: лисицы, куницы, белки, горностаи, песцы, зайцы, волки – немалое число"⁶⁸.

В "Наказе" от мая 1628 г. из Новгородской чети Афонасию Толочанову и подьячему Андрею Иевлеву для описания городов Хлынова, Орлова и Котельнича с уездами в отношении каринских и верхочепецких удмуртов и татар особо подчеркивалось, "сколько з бортных лесов, и с рек, и с озер, и с ыстоков, и с перевесей, и с рыбных ловель, и з бобровых гонов и со всяких угодий, которым людем по окладу вперед деньгами и ясаком, собольми и куницами, и иной какой рухлядью, и медом, и всякими оброки в государеву казну давати на год, то все велети переписать в книги порознь". Бортные угодья в "Наказе" выделялись в особую статью: "...или где найдут бортные ухожеи, и те ухожеи написать з знамены и с подтесы имянно порознь, сколько у которого татарина или отяка и в которых местах и урочищах бортных ухожаев и бортных дельных деревьев с пчелами и без пчел, и у кого какие на бортях знамена кладены"⁶⁹.

Из этого отрывка "Наказа" следует, что бортные угодья, точнее, бортное дерево с дуплом для пчел закреплялось в наследственном владении родовыми знаками собственности – "знаменами" – пусами. При этом передававшиеся из поколения в поколение бортные угодья могли оказаться даже в различных административно-территориальных единицах, как это случилось, например, со спорными бортными ухояжами казанских и вятских удмуртов. Опрошенные во время сыска 36 удмуртов заявили: "Казанских де отяков бортное угодье в Вятском уезде, а вятцких отяков – в Казанском уезде, а владеют все по своим пятнам"⁷⁰.

Число бортей, которыми владели отдельные семьи, могло быть весьма и весьма значительным. Так, в вотчине жителя д. Байгози Арской дороги Урусайки Чукунова в 1626 г. было зафиксировано 979 бортных деревьев, однако лишь 29 из них (менее 3 %) были "со пчелами"⁷¹. Можно предположить, что вотчина сильно пострадала во время очередного башкирского восстания и только-только начала восстанавливаться.

Мед был основным товаром, который скупали в целях вывоза за пределы края каринские татары, бесермяне и некоторые удмурты. Бортные угодья охотно принимались в качестве залога, обеспечивавшего кредит. Так, в 1699 г. удмурт д. Богатырской Каринского стана заложил каринскому татарину 17 бортей со пчелами до возвращения долга и отдал 35 пудов меда⁷². Можно предполагать, что это был урожай, собранный за одно лето. Удмурты д. Селыч Чепецкой нижней доли Кулыш и Чюпа Байсаровы обязались под занятые у Филимона Девятъярова деньги поставить 27 пудов меда⁷³.

Обилие многоводных рек и прибрежных озер, стариц, изобиловавших самой разнообразной рыбой, обуславливало занятие населения рыболовством. В XVI в. рыболовство носило исключительно натуральный характер и дополняло рацион питания жителей края весьма ценными продуктами.

В XVII в. для жителей Елабужской, Каракулинской и Сарапульской прикамских дворцовых волостей рыболовство стало приобретать товарный характер. Об этом свидетельствует стремление монастырей и землевладельцев закрепить за собой рыболовные угодья. Так, по р. Чепце "от устья до р. Бахтеевой рыбные и бобровые ловли" на оброчном праве держали каринские татары совместно с игуменом Верхочепецкого Воздвиженского монастыря Гурием. Они же пытались переоброчить промысловые угодья по верхнему течению Чепцы (от р. Бахтеевой – в районе погоста Балезино – до Очерского волока), в 1600 г. взятые на оброк удмуртом Каринской волости Тойкузой Ветысевым с товарищами⁹⁴

Рыбные ловли по р. Вятке и в прибрежных озерах отдавались охочим людям на оброк с условием "все рыбные запасы, языки белужьи, теш осетровый, молоки осетровые и пупки привозить на государев обиход" Уловом же "мелкой рыбы: стерлядей, щук, лещей, яззей, сорог" и пр. оброчники могли распоряжаться по своему усмотрению⁹⁵

Вновь строящиеся монастыри в XVI в., как правило, получали в жалованье рыбные ловли. Если же отмеченные угодья по какой-либо причине отсутствовали в пожалованном комплексе, монастырские старцы особо били челом об их пожаловании⁹⁶

Значение рыболовных угодий обуславливалось и тем, что в озерах и речках, наряду с рыбой, ловили "водяного зверя": бобра, норку, выдру. В 1694 г. удмурт Ванка Кайсин продал Маметю и Онике Сенкиным "свой пай угодья с озером и с маленькими речками" с условием "по той Лынь речке для всякого водяного зверя для бобров и норки и для выдры ходить, и рыба ловить, и з бередником, и с мордами, и снастью в моем Ванкином паю"⁹⁷

Заметное развитие получило огородничество. Комплекс угодий крестьянского двора содержал в своем составе "капусники", "конопляники", "хмельники". На юге края, наряду с грибами, разнообразными ягода-

ми собирали также хмель: среди промысловых угодий нередки упоминания о "хмелевых щипаньях"

По-видимому, лен и коноплю, как и овощные культуры, возделывали на приусадебных землях. У Почаша Чупина в числе прочего имущества было описано "льняного семени с четверичок московский, 93 десятков поскони, 37 десятков льну и 7 десятков конопля"⁹⁸

Развитие огородничества и садоводства являлось, по-видимому, результатом влияния на удмуртов их соседей: большинство названий огородных культур имеет татарское (булгарское) происхождение на юге и русское – на севере.

Хозяйство крестьянина края было почти самодовлеюще натуральным, поэтому земледелие и животноводство сочетались с самыми разнообразными промыслами. Важное место среди чисто мужских занятий имело изготовление орудий труда (деревянных сох, борон, грабель, цепов, вил, лопат), транспортных средств (саней, телег, различных повозок, плотов). На уровне домашнего производства развивалось ткачество, кожевное, валяльное дело, деревообработка. Ткани изготавливались из льна, из конопля и шерсти, в том числе и из смесовых волокон. Об их разнообразии свидетельствует опись имущества Почаша Чупина, у которого хранились "3 лоскута гребенных, мерою 12 аршин... гребенина толстая в 6 лоскутах 30 аршин, 4 аршина да лоскут тонкой гребениной в широту в четверть, а в длину 4 аршина... тонкого холсту в 3 лоскутах по 3 аршина... сукна сермяжного 4 аршина, холсту тонкого 28 аршин, крашенины пол-аршина... в 4 концах холсту толстого 10 аршин, 3 лоскута тонкой гребенины, 2 лоскута тонкой гребенины 9 аршин, тонкого холсту полтора аршина... 2 лоскута тонкого холсту, в 2 лоскутах холсту 10 аршин"⁹⁹

Ткани окрашивались преимущественно домашними красками, состав и секреты изготовления которых были хорошо известны местному населению. Покупались

и привозились краски: лавра, голубец, брусковая, — которыми торговали каринские татары.

Женская одежда украшалась богатой вышивкой. У Почаша Чупина среди "домового завода" отмечаются "8 нагрудников, шитых по холсту, рубашка хлопчатая, шита шелком", тут же упоминается 4 золотника шелка, запасенного для вышивки.

В XVI–XVII вв. на уровне домашнего промысла развивалось и кожевенное производство. Почаш Чупин имел на момент описи "4 овчины деланные, 5 овчин сырых, лоскут овчины черной, кожи два лоскута сырмятных" У Исула Мушина встречаем: "6 овчин сырых барановых да кожу бычью сырую"¹⁰⁰

Специфическим ремеслом, характерным для нашего края, была обработка капа — особых наростов на березах. Интересно отметить, что кап в XVII в. вывозился с Вятки на рынки Устюга Великого. Так, в мае 1678 г. каринский татарин Дунайко Енхолов приплыл в Устюг Великий на лодке и привез 30 куниц да "дерево репчатое" и 120 белок. Любопытно, что "дерево" разошлось мгновенно, а с остальным товаром Дунайко поехал дальше. В августе того же года Искандер Арасланов продал "22 свалка репчатых"¹⁰¹ и т. д.

Из состава домашних промыслов в силу особенностей производственного процесса, требующего специального оборудования и профессиональных навыков, рано выделился кузнечный промысел. Деревенские кузнецы обслуживали жителей целой округи и работали на заказ. На юге Удмуртии развитие кузнечного ремесла было приостановлено запретительными указами правительства, которые, по предположениям исследователей, появились еще в последней четверти XVI в. Запрет кузнечного и серебряного дела, включение в список заповедных товаров не только предметов вооружения, но и металлических орудий труда: топоров, кос, серпов, а также сырья для кузнечного дела — уклада и железа, привели к постепенному исчезновению куз-

нецов и деградации навыков. На север Удмуртии эти запреты не распространялись. В одной из грамот северным удмуртам подчеркивалось, что они "куют по великого государя указу и по грамоте" Пытаясь освободиться от мобилизаций ремесленных людей для строительства новых городов и крепостей, удмуртские челобитчики пытались представить, что "у них прямых их, кузнечного дела мастеров нет", "а их де отяжкие и бесермянские кузнечишки от города живут в дальном расстоянии и куют только про свою нужду коточиги, ральники и топоры приваривают, а иного ничего ковать не умеют"¹⁰²

Однако трудно поверить, что удмуртские кузнецы, по данным археологии, в IX–XII вв. стоявшие на уровне европейского мастерства, в XVI–XVII вв. утратили все свои навыки. Другие источники свидетельствуют о том, что хорошие мастера в селениях северной Удмуртии еще не перевелись. Так, по долговой записи удмурта Михаила Бердьчева следует, что он взялся изготовить для каринского татарина Аскея Долгоаршинного 165 ножей "на устюжскую руку... в своем мягком железе и в укладе, а длиною те ножи делать от припоев по полчетверти вершка, а припои класть железные к тем ножам, а черные липовое... выкрасить и выолифить, а по концу череня к половине тем ножам положить зеленая медь, а другая половина тех ножей делать из меди. А делать те ножи добрые, без пленю и без седин"¹⁰³ Речь явно шла об изготовлении ножей для рыночной продажи.

Часть удмуртских кузнецов ушла в города. В дозорной книге 1615 г. по г. Хлынову упоминается 30 ремесленных мастерских, в том числе кузница Ивашки Сабанаева, судя по фамилии, удмурта по происхождению. В г. Слободском дозорная книга учла 11 кузниц. Средоточением ремесла были также монастырские слободки и дворцовые села — Сарапул, Елабуга, Каракулино. Так, перечневые выписки из переписных книг 1678 г. отмечают в Сарапуле двор белых кузнецов, 2 двора езовых уставицков —

специалистов, обслуживавших камские рыболовные устройства – езы. В Елабуге отмечены 3 двора мельников, 6 дворов засыпок, 2 двора белых кузнецов, дворы рудознатцев – специалистов по поиску полезных ископаемых. В монастырских вотчинах перечислены кузнецы, мельники, засыпки, иконописцы, каменщики¹⁰⁴. Парадоксально, но набор ремесленных специальностей в конце XVII в. по сравнению с его началом сократился, и имеющиеся ремесленники, как правило, работали на заказ, а не на рынок.

Крупным шагом вперед в развитии промышленности края в XVII в. стало строительство в нижнем течении Вятки, в районе с. Кукмор медеплавильного завода, действовавшего на базе медных руд, отысканных командированными из Москвы иностранными специалистами¹⁰⁵.

Административно-территориальное деление и управление краем

После присоединения Вятской земли к Московскому государству основная территория расселения удмуртов вошла в состав Вятского (Хлыновского) уезда. Лужановский и Сырьянский станы, расположенные в верховьях Вятки, оказались в пределах Слободского уезда. Южные удмурты были сосредоточены по Арской и отчасти по Зюрьянской дороге Казанского уезда.

Управление Вятской землей после ее присоединения к Московскому великому княжеству осуществляли великокняжеские наместники, которые назначались, кроме Хлынова, в города Слободской, Котельнич и Орлов. Каждый наместник привозил с собой аппарат управления: двух тиунов, волостелей, до десяти праведчиков и доводчиков и других должностных лиц.

Наместники следили за сбором государственных податей и исполнением повинностей, обладали всей полнотой судебной власти по крупным уголовным преступлениям: "о душегубстве, татьбе с поличным

и разбое", – исполняли полицейские функции. Так, грамота Василия III наместнику г. Слободского от 1528 г. обязывала его в соответствии с уставной грамотой, данной населению города и уезда, вести розыск "лихих людей и скоморохов" и высылать их из города и волостей¹⁰⁶. Власть наместников распространялась и на удмуртское население, лишь подвластные арским князьям удмурты, татары и бесермяне рядом имунитетных грамот освобождались от наместничьего суда и кормов в его пользу.

Тиуны и волостели были ближайшими помощниками воеводы. Праведчики, доводчики и приставы следили за исполнением судебных постановлений и взысканием судебных пошлин. Для отыскания и преследования воров и разбойников в аппарате управления содержались обысчики и недельщики. Сбор торговых пошлин – мыта и явки – возлагался на особых пошлинников. Составление различных частноправовых актов вели земские дьячки, письменные дела при наместниках – дьяки с приписью¹⁰⁷.

Наместник и весь его аппарат обеспечивались за счет населения, получая уезды "в кормление". Злоупотребления наместников при сборе кормов, при осуществлении судебных функций привели к обострению социальной борьбы. В 30–50-х гг. XVI в. в вятских городах произошли сильные волнения, большое число "лихих людей, разбойников и татей" появилось и в других вятских уездах. Губная грамота Ивана IV населению Слободского уезда от 8 февраля 1540 г. явилась результатом многочисленных челобитных, в которых посадские люди, уездные крестьяне, среди них и удмурты, жаловались на непомерно усилившиеся разбои и грабежи, и на "великие убытки", которые претерпевают крестьяне от наместников и их аппарата управления. Она наделяла слобожан правом выбирать из своей среды грамотных целовальников и "лутших людей", человека по 3–4, обыскивать "татей и разбойников" самим и казнить их смертью. Через два года грамотой от 2 марта 1542 г. право выбирать в каждом стане и волости по

Михаил Федорович, царь
Гравюра из книги *"Краткое историческое
и хронологическое описание жизни и деяний
великих князей российских, царей,
императоров..."*.
М., 1807. Ч. 3

3–4 целовальника, старост, десятских и "лучших людей из крестьян" человек по 5 или 6 было дано населению всей Вятской земли, в том числе и удмуртам Каринского стана¹⁰⁸.

Судебник 1550 г. запретил суд наместников без присутствия выборных губных старост и целовальников. Стоглавый собор, завершивший работу в мае 1551 г., окончательно отменил сбор налогов кормленщиками и передал эти функции самому местному населению в лице земских старост и целовальников. Однако по Вятке земская система была окончательно введена лишь в 1557–1558 гг.¹⁰⁹ Земские органы были здесь представлены земскими старостами, земскими судьями и разбойными головами в уездных городах и волостными судейками, в юрисдикции которых находилось крестьянское население волостей.

К концу XVI в. окончательно оформилась система управления краем из центра. После

1588 г., т. е. после освобождения от власти арских князей, северные удмурты вносили подати непосредственно в Москву в четверть, которой управлял дьяк Андрей Щелкалов. Здесь же ежегодно на Сретенье, т. е. 12 февраля, проводился суд по уголовным и гражданским делам. В 1594 г. на базе чети Андрея Щелкалова была создана Новая четь, в 1599 г. преобразованная в Новгородскую четверть, которая ведала всей территорией Поморья, в том числе и Вятского края¹¹⁰.

Присоединение Казанской земли сопровождалось становлением здесь военного – воеводского управления. Первые десятилетия после присоединения южные удмурты и территория нашего края находились в ведении казанского воеводы. В 1576 г. после подавления очередного восстания народов Казанского края самостоятельный воевода (голова) стал назначаться из центра и в пригород Арск – административный центр Арской (удмуртской) дороги.

Аппарат воеводского управления состоял из голов, дьяков, подьячих, приставов, толмачей. Для управления нерусским населением назначались особые "татарские головы" из русских крестьян и детей боярских. Они совместно с "лучшими людьми" – татарскими мурзами, десятниками и сотенными князьями из чувашей, марийцев и удмуртов вершили суд, возглавляли отряды ясачных людей во время походов. Воеводы и головы были обязаны обеспечить поступление податей, выполнение повинностей ясачными людьми, подавлять народные движения, пресекать грабежи и разбои. Уставные грамоты, выдаваемые волостям Казанской земли, запрещали воеводам наносить местному населению обиды, требовать с него взятки и подношения, предлагалось судить население и управлять им "безволокитно". Центральным органом, управляющим всем Средним Поволжьем, отчасти и Сибирью, был Приказ Казанского дворца в Москве¹¹¹. В ходе подавления Смуты, в начале XVII в., воеводское управление было введено во всех уездных городах края.

Сбор податей и управление крестьянским населением на протяжении XVI–XVII вв. осуществлялись через низшее звено, которое было сосредоточено в сотнях на юге Удмуртии и в станах и долях – на севере. Избиравшиеся миром старосты и сотники, их помощники – целовальники – утверждались воеводами и наместниками. Самым низшим звеном в структуре управления были деревенские старосты с их помощниками, отвечавшие за сбор налогов и исполнение различных повинностей. Кроме того, общины крестьян на своих сходах избирали сотских, пятидесятских и целовальников.

Упрочению царской власти и подчинению нерусских народов феодалам должна была содействовать православная церковь. На Вятке церковная власть сосредотачивалась в руках протопопа Хлыновского собора. В 1555 г. была создана Казанская епархия, под ведение казанских архиепископов перешла и Вятская земля. Главной миссией церковников, как указывалось в наказе Ивана IV первому казанскому архиепископу Гурию, являлось крещение нерусских народов и обучение их христианскому закону. В 1557 г. группа удмуртов Сырьанской волости, принявших крещение, на 3 года была освобождена от всех податей и повинностей¹¹². Этими мерами, а также освобождением от наказаний за преступление и принуждением небольшая часть удмуртского населения была обращена в христианство, но христианизация носила формальный характер. В 1593 г. казанский митрополит Гермоген сообщал в Москву, что "новокрещены с татары, и с чувашею, и с черемисою, и с вотяками живут вместе, едят и пьют с ними с одново, и к церквам Божиим не приходят, и крестов на себе не носят... крестьянской веры не держатся и не навыкают"¹¹³.

Насильственная христианизация вызывала недовольство народов, усугубляя и без того тяжелое социально-экономическое положение, вызванное ростом податей и повинностей.

Подати и повинности

В XVI в. Удмуртия представляла собой край, заселенный преимущественно черносошными и ясачными крестьянами. Уничтожение землевладения местных бояр, а затем и арских князей привело к тому, что принадлежавшие им угодья перешли в собственность великого князя. Владельцами их стали крестьяне, обязанные выплачивать за пользование государевой землей феодальную ренту в виде дани, пищальных денег (на воинское дело), казначеевых пошлин, дьячих и подьячих денег (шли на содержание государственного аппарата). Кроме того, черносошные крестьяне несли пососную (воинскую) службу, выставляя определенное число воинов с каждой сохи, давали полоняничные деньги (на выкуп пленников), несли ямскую службу, обязаны были строить и ремонтировать укрепления в городах и охранять их, снабжать наместника и его аппарат всем необходимым – "кормить", возводить для них разнообразные "хоромы".

Возможно, для удмуртского населения Каринского стана в XVI в. единицей обложения служил лук – один взрослый мужчина-охотник, вносивший дань мехами. Отзвуки этой дани находим и в грамоте Ивана IV от 6 мая 1542 г. каринским татарам Сейтяку Алисуфову, Касыму Газыеву и Шеисламу Мурсеитову, по которой прибывающие на Вятку казанские удмурты должны были давать хлыновскому наместнику по 1 кунце с семьи и по 3 белки, если "будет безсемейной, но мужская голова большая"¹¹⁴. Известно, что в Коми крае с лука брали по 2 шкурки белки. Возможно, размеры лукового оклада в Удмуртии были больше и составляли 3 белки. Любопытно, что даже в конце XVII в. чепецкие крестьяне раскладку повинностей внутри общины производили по лукам. После реформы 1588 г., освободившей каринских удмуртов и берсермян от власти служилых людей – арских

князей и татар, луковой оклад был заменен валовым оброком "за все, про все" в 500 руб. Рудименты лукового оклада остались лишь во внутренних взаимоотношениях общинников.

Русское земледельческое население Вятки после окончательного присоединения к Московскому князю, по всей вероятности, стало облагаться налогами и прочими повинностями "по сохам". Первоначально на Вятке мерой обложения служила вятская сошка, которая была в 8 раз меньше большой московской сохи и включала в себя 10 вытей. На выть при проведении писцовых описаний "кляли" по 10 четвертей "доброй", 12 четвертей "средней" и 14 четвертей "худой" земли.

По сохранившейся в составе дозорных книг 1615 г. выписи из писцового описания 1590 г., удмурты Лужановского стана, в котором было учтено 25 вытей, или 2,5 сошки, включавших 250 четвертей (125 дес.) "доброй" земли, платили по 12 руб. 50 коп. данных денег, казначеевых пошлин, дьячих и подьячих 29 алтын с деньгой (87,5 коп.), пищальных денег 25 алтын 5 денег (77,5 коп.), кормовых денег – 2 руб. 16 алтын 4 деньги (2 руб. 50 коп.), оброчных за излишние "сверх наделов" сенокосы – 26 алтын 4 деньги (80 коп.). В итоге набиралась сумма в 17 руб. 45,5 коп. Без оброчных денег на сошку выпадало 6,66 руб., на выть соответственно приходилось около 67 коп. денежных выплат¹⁵.

В начале XVII в. во всех районах русско-го Поморья была введена единая большая московская соха. Как отмечает С. Б. Веселовский, "правительству понадобился масштаб для определения сравнительной тягловоспособности различных городов всего государства"¹⁶.

В большую московскую соху на Вятке было положено 66 $\frac{2}{3}$ вытей (по остальным районам – 80 вытей). Московская соха состояла обычно из 500 четвертей доброй, 600 четвертей средней и 700 четвертей худой земли в одном поле. Поместные земли облагались сохой, состоящей из 800 четвертей, а монастырские и церковные – по 600 четвертей в поле.

Население городов тоже заносилось в сошное тягло. В посаде на 1 соху приходилось 160 дворов.

Русские черносошные крестьяне и удмурты, проживавшие на территории черносошных станов, в начале XVII в. вносили в казну с сохи дани по 40 руб., кормовых денег по 8 руб., казначеевых пошлин – по 1 руб. 20 алтын (1 руб. 60 коп.), дьячих пошлин по 26 алтын 4 деньги (80 коп.), подьячих пошлин по 13 алтын 2 деньги (40 коп.), пищальных денег – по 2 руб. 16 алтын (2 руб. 48 коп.)¹⁷. Таким образом, оклад сохи "доброй земли", включавшей на Вятке 800 четвертей в поле, составлял в денежном выражении 53 руб. 28,5 коп.

В 1588 г. была введена повинность по снабжению хлебом Сибири, тоже раскладывавшаяся по вытям и сохам. Жители посадов должны были собрать деньги и на них закупить необходимые хлебные запасы, как и крестьяне, засыпать их в рогожные кули и "меха" и отправлять зимним путем в Верхотурье. Нанятые миром плотники строили здесь суда и под наблюдением особых целовальников отправляли хлеб дальше, а верхотурский воевода выдавал целовальникам отписки, свидетельствующие об исполнении повинности¹⁸.

Забегая вперед, отметим, что в 1622 г. была сделана попытка завести в Сибири свое хлебопашество: из казанских дворцовых сел было выслано в Верхотурье 50 крестьянских семей, с тем чтобы "впредь из поморских городов и Казани хлебных запасов не посылать, а исполнять тамошнюю сибирскую пахоту"¹⁹.

В результате поставка сибирского хлеба в 1626 г. была отменена, однако в 1632 г. восстановлена и окончательно упразднена лишь в 1685 г.

По расчетам исследователей, поставка сибирского хлеба обходилась около 100 руб. с сохи, когда она заменялась денежными сборами, и почти вдвое дороже, когда восстанавливалась натуральная форма повинности.

В связи с обслуживанием большой Сибирской дороги возрастала тяжесть ямской гонь-

А. М.

Алексей Михайлович, царь
Гравюра из книги "Краткое историческое
и хронологическое описание жизни и деяний
великих князей российских, царей,
императоров...".
М., 1807. Ч. 3

бы, которая сопровождалась иногда экстренными денежными сборами. Так, в 1617/18 г. на Вятку был наложен сбор в 1 000 руб. за "пермское ямское строение", которые разводили на жителей уездов и городов, кроме церковных, монастырских земель и "каринских сох"¹²⁰. Сверх всех перечисленных налогов в 1614 г. правительство Михаила Федоровича ввело новый ошутимо тяжелый налог – "стрелецкий хлеб – ратным людям на жалованье". В зависимости от обстоятельств его размеры, также и формы обложения (натурой или деньгами) ошутимо колебались. В 1614 г. старосты и целовальники пяти вятских городов разверстали между тяглыми, оброчными, льготными и "каринскими сохами" 5 000 руб. На каждую сошку (вятскую, а не москов-

скую) выпало по 18 руб. 96 коп. денежных платежей¹²¹.

Денежный оклад с большой сохи колебался в определенные годы между 100–150–250 руб.¹²² Однако в отдельные годы правительство предпочитало брать хлебом – рожью, крупами и толокном. Так, в 1670 г. Стрелецкий приказ предписывал Новгородской четверти собрать и доставить с вятских городов хлеб, а с остальных – деньги. Хлебный оклад также, как и денежный, колебался от 700 юфтей* (1 400 четвертей) до 1 400 юфтей (2 800 четвертей), а в 1673 г. был введен дополнительный оклад в 1 475 юфтей. Таким образом, необходимо было собрать 2 875 юфтей¹²³. На соху с черных волостей выпадало примерно 350 юфтей хлеба. В случае, если крестьяне отказывались от натуральных сборов, они должны были выплатить по 3 руб. 50 коп. за юфть серебряными деньгами или 1 225 руб. с сохи. Явная непосильность такого оклада для крестьян привела к тому, что правительство понизило цену юфти до 2 руб. 35 коп., а оклад сохи – до 822 руб. 50 коп.¹²⁴

Не оставался неизменным и валовой оброк "за все, про все", установленный для "каринских отхожих сох". Особенностью податного положения каринских татар, бексермян и удмуртов было то, что наряду с крупнейшими монастырями, такими как Соловецкий, Сийский, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, и некоторыми волостями Поморья (Лузской Пермской, Зюринской и Колышской) они имели право платить все налоги непосредственно в Москве, таким образом освобождаясь не только от несения мирских расходов, но и от контроля местных воевод. Вятское, особенно русское, население, естественно, не могло мириться с такой "особенностью" Каринской волости и постоянно стремилось "притянуть" ее к тем или иным повинностям и налогам. Как мы уже убедились, стрелецкий хлеб был наложен в 1614 г. и на "каринские сохи"

* Юфть – 2 четверти хлеба, из которых одна – рожь, другая – овес.

Приезд воеводы
Репродукция с картины художника С. В. Иванова

Одновременно в этом же году при подписании прежней жалованной грамоты на имя царя Михаила Федоровича сумма оброка была увеличена до 550 руб.

В 1619 г. вместе с подтверждением права на уплату налога в Москве удмуртские общины были "притянуты" к несению городской повинности – "на поделки воеводских дворов, в городовые, мостовые, тюремные поделки, без которых нельзя, потому что то дело всей земли" Эта натуральная повинность давала чувствовать всю свою тяжесть раз в 10–15 лет, когда приходилось чинить или возводить вновь запущенные или сгнившие напрочь городские укрепления. Кроме того, на эти нужды ежегодно собирались деньги с каждой сохи.

Так, в 1666 г. слободской земский староста Юда Быданов с товарищами развели на тяглые и на оброчные и на "каринские и на верхочепецкие сохи" полугодовые земские платежи: на содержание хлыновских тюремных сторожей разбойной тюрьмы (4 человека) – 18 руб., на содержание сторожей

мирской тюрьмы (4 человека) – 15 руб., тюремному дьячку и священнику, воеводским денщикам (4 человека) – 36 руб., городовым сторожам (13 человек) – 13 руб. 20 коп., в казну Воскресенской церкви г. Слободского, за то что городовые сторожа отбивают днем и ночью часы, – 5 руб., всего на соху пришлось по 3 руб. 68,5 коп. Ямские деньги, разведенные по сохам, дали по 21 руб. 66,5 коп.¹²⁹ Однако эти систематические, ежегодные сборы не шли ни в какое сравнение с поборами, связанными с наездами воевод и приказной бюрократии. В том же 1666 г. хлыновский воевода Г. А. Козловский и его люди: "сезжие избы подьячие и хлыновские приставы и подьячие" – посетили г. Слободской и его уезд. Расходы на их прием и содержание составили по 19 руб. 38,5 коп. на соху, т. е. примерно столько же, сколько полугодовые издержки на выполнение ямской повинности.

В 1623 г. при новом подтверждении грамоты валовой оброк с Каринского стана

возрос уже до 657 руб., а в сумме с деньгами за стрелецкий хлеб платежи составили 931 руб. 15 коп. После проведения писцового описания 1629 г. совокупность валового оброка возросла до 845 руб. 75 коп., кроме того, каринские татары, выделенные в отдельные выты, были обложены оброком в 58 руб. 24 коп.

Тяжесть обложения вызвала многочисленные жалобы, и в 1636/37 г. Новгородская четверть вынуждена была "збавить треть" Оброк был оформлен в размере 563 руб. 86,5 коп. Разумеется, эта сумма дополнялась ежегодным денежным или натуральным сбором стрелецкого хлеба.

Вновь резко повысились платежи каринского населения после проведения подворной переписи 1678 г. "За государевы денежные доходы, за дань, за пошлыны и с пеших угодий" на волость была наложена валовая сумма в 677 руб. 25 коп. Кроме того, за солдатскую службу предписывалось брать, как и прежде, по 1 руб. с каждой выты.

Реформа податного обложения, проведенная в 1679–1681 гг., выразилась в изменении принципа обложения с посошного на подворный и в замене стрелецкого хлеба, данных, полоняничных и других сборов едиными стрелецкими деньгами. Как и все податное население Вятской земли, каринские удмурты с 1681 г. стали платить стрелецкие деньги по "гостиному окладу" – по 1 руб. 10 коп. с каждого двора. Не обложенными налогом остались лишь бобыли*, соседи** и захребетники***. Всего с Каринского стана с этого времени взыскивалось по 1 465 руб. 6 алтын 4 деньги ежегодно¹²⁶

В Казанском крае после присоединения к Русскому государству сбор ясака с ясачных крестьян, в том числе и с южных

удмуртов, шел по нормам, установленным еще при хане Мухаммет-Эмине. По всей вероятности, это обстоятельство – "ясак имати как при прежних царях" – оговаривалось в приносимых населением "шертных" грамотах, в том числе и в грамотах, подписанных южными удмуртами.

В конце XVI в. ясак стал фиксированной денежной и натуральной податью за пользование "государевой землей" и, в сущности, соответствовал посошному обложению черносошных и дворцовых крестьян. В конце XVI – начале XVII в. в Казанском уезде на 1 ясак приходилось в среднем 9–10,5 дес. пашни в трех полях и 10 дес. сенокоса. По данным писцовой книги Ивана Кайсарова, по Юрской дороге на 1 ясак приходилось 12 дес. пашни в трех полях и 8 дес. покосной земли. В зависимости от земельной обеспеченности и комплекса хозяйственных возможностей крестьянские дворы были обложены целым ясаком или его половиной. Ясак, как и дань черносошных крестьян, дополнялся другими податями. Это были полоняничные, ямские и прочие деньги. Наиболее ценные промысловые угодья: боровые гоны, бортовые ужожи, мельничные места – облагались дополнительным оброком. С пасечных угодий брали медвяный оброк, с охотничьих – куничные деньги, с оброчных пашен, сенокосов и пр. крестьяне платили соответствующий денежный оброк. Основными натуральными повинностями ясачных людей было городовое и засечное дело – повинность по строительству и ремонту укреплений, подводная повинность, а также заготовка леса для "понизовых" городов, т. е. городов Нижнего Поволжья. В конце XVI в. был введен хлебный ясак – посопный хлеб.

Кроме того, во время войны с ясачных людей брали даточных людей – по 1 воину-ополченцу с трех ясаков. В Ливонской войне, которую правительство Ивана IV вело в 1558–1583 гг., участвовали отряды конных татар, чувашей, марийцев и удмуртов, общая численность их достигала 20–30 тыс. человек. Так, только в Ливонском

* Бобыли – бедные безземельные крестьяне, обычно бессемейные.

** Соседи – поселившиеся у кого-либо в тягло-способных дворах на правах соседства

*** Захребетники – нетягоспособные работники во дворах у крестьян, жившие "за хребтом"

походе 1577–1578 гг. участвовало 2 тыс. нерусских воинов из Казанского, Чебоксарского, Кокшайского уездов. В их числе, несомненно, были и южные удмурты¹²⁷

В XVII в. основными налогами для населения южных и центральных районов Удмуртии продолжали оставаться денежный ясак и посолный хлеб. С целого ясака, как правило, взыскивалось по 1 руб. деньгами и по 1 четверти ржи и столько же овса.

Земельное содержание ясака по сравнению с XVI в. несколько снизилось. Так, в среднем в Казанском уезде на целый ясак приходилось 4,5–9 дес. пашни в трех полях и 7–8 дес. сенокосов. Снизилась и платежеспособность двора. По итоговым данным подворной переписи 1678 г., по Арской дороге на крестьянский двор в среднем выпадало пол-ясака, а по Зюрейской дороге – и того меньше – четверть ясака¹²⁸

В XVII в. четко определился процесс перевода натуральных повинностей и оброков в денежную форму. Вместо несения ямской повинности и возведения крепостных сооружений, заготовки леса крестьяне стали платить по 5 коп. ямских, 4 коп. полоняничных, по 7 алтын 2 деньги (22 коп.) "лесовых" и т. д. В сумме все эти сборы составляли около 1 руб. на целый ясак. Ясачных сборов приходилось около 10 алтын (30 коп.) на целый ясак. Посолный хлеб сохранял натуральную форму и состоял из 1 четверти ржи и 1 четверти овса с ясака. При этом вместимость четверти постепенно росла: в 1624/25 г. она вмещала 4 пуда ржи, затем – 6 пудов, а с 1679 г. – уже 8 пудов¹²⁹

За пользование дополнительными, сверх ясачной нормы, участками, особенно промысловыми угодьями, крестьяне, как и в XVI в., платили оброк. Любопытно, что некоторые удмурты по разным статьям вносили платежи в разных ведомствах. Так, в 1628/29 г. за оброчные угодья по р. Ижу, "между двумя речками Варзями" удмурт Бачка Шудегов с товарищами платили оброк в 1 руб. 20 коп. в Казани, в то время как ясачные платежи по 2 куницы с человека они вносили в Уфе¹³⁰

Одинаково обременительными и для чернососных, и для ясачных крестьян были таможенные пошлины с провоза товаров, конские пошлины с купли и продажи лошадей, крепостные пошлины за оформление купчих, закладных, подрядных, кабальных и прочих документов, деньги с "иноверческих свадеб" и т. д. Страдало крестьянство и от косвенных налогов: высоких цен на соль, хлебное вино и т. д., которые были объявлены монополий государства.

На постоянные налоги накладывались чрезвычайные сборы так называемых "запросных" денег для удовлетворения тех или иных чрезвычайных нужд государства. Так, в 1613 г. собирались деньги для ратных людей, на пушечные запасы и на лошадей для армии. В 1614–1615 гг. ясачные люди Среднего Поволжья платили первую и вторую пятны (пятую часть совокупного годового дохода). Ясачные люди облагались запросными деньгами еще в 1634–1635 гг. и в 1686 г.¹³¹

Все эти многочисленные подати "разрубались", раскладывались в конечном итоге на крестьянский двор с учетом его тягlosigkeit: численности работников, количества обрабатываемых угодий, обеспеченности рабочим скотом и т. д. Крестьянские миры – общины-доли на севере и общины-сотни на юге – выбирали, кроме старост, особых окладчиков из "лучших, средних и молодых" людей, т. е. из всех имущественных категорий налогоплательщиков.

Вся община отвечала за своевременную и полную выплату налогов и несение повинностей. "На правеж", в случае недоимки, ставились прежде всего ее выборные представители.

Положение каринских удмуртов усугублялось тем, что старосты и целовальники русских станов и волостей постоянно стремились "притянуть" их к несению общих тягот. Так, в 1671 г. каринские удмурты просили в Москве зачесть им за стрелецкий хлеб собранные с волости и отправленные в Москву 400 руб. В Новгородском приказе, по-видимому, с подачи хлыновца

Василий Шуйский, царь
*Гравер из книги "Краткое историческое
и хронологическое описание жизни и деяний
великих князей российских, царей, императоров..."*
М., 1807. Ч. 2

Никифора Дружинина, отвезшего эти деньги, их зачли в уплату недоимок Вятской земли, невзирая на то, что на жителей Каринского стана "доимочных за прошлые годы денег никогда не бывало"¹³².

В 1678 г. удмурты, татары и бесермяне вновь просили "от русских людей во всем оберегать, чтобы им от воевод и от русских земских старост и от целовальников от лишних навалов в конец не погибнуть и врознь не разбредиться"¹³³.

В 1686 г. вятские земские старосты пытались привлечь каринских удмуртов и татар наряду с монастырскими крестьянами к ямской гоньбе и наложить эту повинность по дворовому числу, зафиксированному переписью 1678 г., а 6 марта 1686 г. последовала соответствующая грамота, равняющая в податном отношении население Каринской волости с населением дру-

гих уездов. Каринские крестьяне не согласились с этими претензиями и обратились с ответной челобитной на царское имя, 25 сентября они добились указа, возвращающего их в прежнее положение экстерриториальности¹³⁴.

Тем не менее, судя по материалам ссыла 1699–1704 гг., стрелецкие деньги продолжали раскладываться уже по числу дворов, а не "валовой статьёй", как было ранее.

Представить всю обременительность податного положения крестьян можно достаточно рельефно, если учесть, что стоимостью пуда зерна на ближайших рынках не превышала 2–3 коп., а крестьянская лошадь даже в конце XVII – начале XVIII в. оценивалась не выше 3 руб.¹³⁵ Таким образом, лишь для выплаты основного налога – стрелецкого хлеба – каждому двору следовало продать не менее 30–35 пудов зерна.

Отработочные повинности не ограничивались строительством и ремонтом укрепленных сооружений в городах, поставкой подводу под казенные грузы, воинские команды и царских гонцов. В XVII в. к ним прибавилась повинность по возведению укрепленных линий – засечных черт. В 1652–1656 гг. на работы по возведению Закамской укрепленной линии были мобилизованы марийцы, чуваш и удмурты по 1 рабочему с трех дворов, в последующие годы мобилизации подвергалось по 1 работнику с шести дворов.

Новокрещенные из марийцев, чувашей, удмуртов насильственно переселялись на засечные черты для сторожевой службы. В 1654 г. грамотой царя Алексея Михайловича предписывалось "прибрать и устроить в вечное житье" в города и остроги по Закамской линии 1 100 человек. В 1655/56 г. осуществлялась высылка этих людей в Старицкий и Ахтанинский остроги¹³⁶.

Как и другие народы Поволжья, южные удмурты в XVII в. продолжали привлекаться к ратной службе. С них, как и с северных удмуртов, брали по 1 даточному с трех дворов. Даточных мобилизовали на время походов, после их завершения отпускали домой. Они не проходили специального

обучения, поэтому были вооружены только холодным оружием. Ратные люди из удмуртов сражались в составе Вятско-казанского ополчения под знаменами Минина и Пожарского. Большое число людей из вятчан участвовало в Смоленской войне 1632–1634 гг., воевало за воссоединение Украины с Россией. Из вятских ополченцев в 1654–1667 гг. было сформировано 4 полка по 500 человек в каждом. После 1678 г. по челобитиям удмуртов поставка даточных людей с них была заменена денежной податью в размере 1 руб. с выти¹³⁷

Податное бремя многократно увеличивалось из-за безудержного лихоимства воевод, приказных служителей и прочих должностных лиц, от которых прежде всего и больше всего страдали нерусские крестьяне. Нескончаемый поток челобитных на эти злоупотребления вынуждал центральное правительство время от времени направлять в уезды специальных "сыщиков" для расследования служебных злоупотреблений воевод и их приспешников. "Сыски" были призваны создавать видимость заинтересованности правительства в улучшении положения трудовых масс. Ограждая от непомерных злоупотреблений податное население, правительство заботилось прежде всего о своих фискальных интересах, так как "всеобщее разорение" и бегство крестьян подрывали их платежеспособность.

В 1636–1637 гг. на Вятке осуществлялся сыск о деяниях хлыновского воеводы Григория Волынского, лихоимство которого вызвало массовое народное восстание. Сыщики И. А. Дашков и Д. Карпов расследовали одновременно и дела о злоупотреблениях слободских и шестаковских воевод. В ходе сыска выяснилось, что удмурты Каринского стана, отделенные царской жалованной грамотой от русских черных сох и от каринских татар, тем не менее являлись объектом хищнического грабежа не только вятских воевод, но и воевод городов Слободского и Шестакова. Так, воевода Б. Приклонский взыскал с каринских татар и удмуртов въездное пособие в 200 руб., брал с них долговых обяза-

тельств-кабал на 180 руб. и сверх того еще деньгами 100 руб., требовал с них посомшный хлеб, столовые припасы, пиво и водку¹³⁸

Злоупотреблениями еще больших масштабов прославился в конце XVII в. вятский воевода Римский-Корсаков. Собирая стрелецкие деньги, он дополнительно взыскал с удмуртов 480 руб., забирая их в тюрьму по 30–50 человек в самую страдную пору. Для вымогательства взяток он находил любые поводы: женитьбу, несчастные случаи; требовал непомерные пошлины за торговые поездки в Соль Камскую, на дороге к которой были расставлены его караулы, за освобождение от солдатской службы и т. д. Только за 1694 г. он собрал в свою пользу с удмуртских мирских старост, ценовальников и рядовых удмуртов 2 200 руб.¹³⁹

"Всеобщим разорением", от которого "все отяжи и бесермяне хотят разбредиться врознь", обернулось и правление воеводы П. В. Бутурлина. Учтя опыт своих предшественников, он брал взятки не деньгами, а оформлял заемные документы-кабалы на имя подставных лиц. Только в 1698 г. П. В. Бутурлин оформил кабальные записи на 1 240 руб., якобы взятых удмуртами у вятских посадских людей взаймы¹⁴⁰

Население пограничных с Казанским уездом районов одновременно испытывало на себе гнет вятской и казанской администраций. Казанские дворяне, подьячие и приставы совершали настоящие набеги на удмуртские селения Хлыновского уезда и увозили как пленников население в казанские пригороды, требуя за возвращение выкуп в 10 руб. и в 20 руб. за человека, правили ясачные сборы и брали подводы, которые гоняли до Соли Камской и дальше до казанских пригородов – Арска, Малмыжа и Уржума¹⁴¹

Злоупотребления приказной администрации среди ясачного населения принимали такой размах, что в 1672 г. казанский воевода Голицын дозволил собирать ясачные деньги самим ясачным крестьянам, выбирав из своей среды "лутчих и зажиточных

людей", и привозить подати в Казань. Однако после воеводы Голицына прежний порядок был возобновлен, ясачные крестьяне оказались беззащитными перед лихоимством казанских дворян, детей боярских и подьячих. В 1697 г. в царском наказе казанскому воеводе предписывалось ввести принцип экстерриториальности и для ясачных крестьян: ясак и другие платежи следовало собирать выборным людям из числа самих крестьян и отвозить их непосредственно в Казань, а служилых людей, бояр и детей боярских в ясачные сотни и волости не посылать¹⁴². Однако уже в начале XVIII в. этот порядок был вновь нарушен.

Формы социального протеста крестьянства

Возрастание относительной земельной тесноты, связанное с захватом обработанных угодий светскими и духовными феодалами, бывшими каринскими мурзами и русским населением, усиление податного гнета и злоупотреблений хлыновских и казанских воевод и приказных людей и тесно связанной с последними зажиточной верхушки деревни с неизбежностью вели к обострению классовых противоречий и возникновению новых форм социального протеста крестьянства. Восстания, охватившие юг Удмуртии во второй половине XVI в., во многом сняли пассионарное напряжение, но не принесли улучшения в положение народных масс, напротив, намного ухудшили его. Этим объясняется определенная пассивность коренных народов, в том числе и удмуртов, которую они проявили по отношению к событиям Смутного времени и к восстанию под предводительством И. И. Болотникова, которое охватило, тем не менее, районы Поволжья и Волго-Вятского междуречья. Активной действующей силой в них проявило себя прежде всего русское население. Это было обусловлено накоплением здесь большого числа беглых, покинувших пре-

жние места жительства из-за голода, охватившего в 1601–1604 г. почти всю страну. Вспыхнувшие в 1601–1603 гг. во многих уездах России антифеодальные выступления слились в мощное восстание, продолжавшееся вплоть до 1610 г.

Оно усугубило и без того сложную внутриполитическую обстановку в стране и вызвало негативные явления в международных отношениях. В конце 1604 г. польские феодалы развернули широкомасштабную интервенцию против России и посадили на престол Лжедмитрия I, выдававшего себя за убитого в 1591 г. сына Ивана Грозного царевича Дмитрия. Правление Лжедмитрия I продолжалось до восстания москвичей в мае 1606 г., в результате которого он был убит. К власти пришло боярское правительство Василия Шуйского.

На борьбу против Шуйского поднялись крестьяне и холопы южных окраин Русского государства. Возглавил их движение Иван Болотников.

В 1606 г. в Среднем Поволжье развернулись массовые волнения ясачных крестьян, которые были связаны с появлением на правобережье, в г. Свияжске, самозванного "царевича Петра" – Илейки Горчакова, бывшего кабального холопа. Русские крестьяне, мордва, марийцы, чуваша в конце 1606 г. осадили Нижний Новгород. Воеводы Василия Шуйского, разгромив повстанцев в Муроме, Арзамасе и Алатыре, повернули на Нижний Новгород и сняли с него осаду. Однако в уездах повстанческое движение продолжалось.

К событиям восстания примкнул и Вятский край. Осенью 1606 г. начались волнения в г. Котельниче. Движение городских низов возглавили посадские люди Сидор Максимов, Андрей Иванов и Ефим Дементьев. Посадская зажиточная прослойка, противостоящая "смутьянам", сплотилась вокруг городского старосты Дмитрия Куршакова. Его попытки привлечь к борьбе с городскими мятежниками отряд под предводительством Петра Благова, следовавший из Перми в Москву, не увенчались успехом. Значительное число ратников примкнуло к повстан-

цам, сам Петр Благов подвергся серьезной опасности и бежал. В Москву он явился без подчиненного ему отряда.

Хлыновский воевода направил в г. Котельнич находившийся в его распоряжении отряд стрельцов во главе с сотником Захарием Пановым, который усмирил брожение низов¹⁴³.

С конца 1607 г. с поражением главных сил Ивана Болотникова в повстанческом движении в центре страны наметился спад.

Однако в 1608 г. классовая борьба в районах Поволжья развернулась с новой силой. Волнениями были охвачены Чебоксарский, Козьмодемьянский, Цивильский, Свияжский, Алатырский уезды. Повстанцы 30 ноября попытались захватить Нижний Новгород. Правительственные войска, разбив повстанцев под Чебоксарами, продвигались по территории правобережья Волги. В январе 1609 г. повстанцы потерпели поражение под г. Свияжском: мятежников «побили наголову, и топтали их, и кололи, и трупы их положили на семи верстах».

Часть повстанцев у Козьмодемьянска перебралась на левый берег Волги. Уже 6 января 1609 г. восставшие жители левобережья заняли города Царевококшайск, Яранск, Санчурск и намеревались идти на г. Хлынов.

В 1609–1610 гг. главным центром волнений в Волго-Вятском регионе стал г. Яранск. Движение возглавили русские служилые люди Иван Волинский, Елизар Бартенев и прибывшие из-под г. Арамакса мордовские мурзы Бибай и Теребердей Мустафины. Планы повстанцев были весьма обширны. Они собирались захватить г. Котельнич, совершить походы на города Вятку, Пермь и Казань. По доношениям, поступившим из района восстания к хлыновскому воеводе Михаилу Ухтомскому, силы повстанцев состояли из ядринских, курмышских, царевосанчурских, царевококшайских, чебоксарских, яранских казаков и стрельцов. Чтобы расширить территорию, контролируемую повстанцами, они овладели слободой Кукаркой и посадили здесь своего ставленника

Афанасия. Восставшие кукарские крестьяне разгромили Жерновогорский Предтеченский монастырь, уничтожили все жалованные грамоты на владение земельными угодьями. В то же время представители повстанцев прибыли в г. Яранск и начали там агитацию в пользу царя Дмитрия.

Нарастающая опасность дальнейшего распространения очага восстания вплоть до Вятки и Перми заставила царскую администрацию активизировать действия. Из Казани прибыл большой отряд стрельцов и ратных людей под командованием Истома Хвостова, которые сожгли мятежную слободу Кукарку. Наступление правительственных отрядов, в которые наряду с чувашами, татарами, марийцами, казанскими стрельцами были мобилизованы и удмурты, завершилось удачей и на Горной стороне.

Перед вятским воеводой М. Ухтомским была поставлена задача мобилизации сил в г. Хлынове. Однако решительные действия повстанцев привели 18 ноября 1609 г. к падению г. Котельнича. Многие дворяне и купцы, засевшие здесь, были перебиты, а сотник Захарий Панов, расправившийся с повстанцами в 1606 г., посажен на кол.

Чтобы блокировать дальнейшее продвижение восставших, князь Ухтомский выступил в направлении г. Котельнича и остановился в г. Орлове. Отсюда он обратился за помощью к воеводам Перми, Чердыни, Устюга Великого и к баронам Строгановым. В декабре 1609 г. на помощь М. Ухтомскому прибыли ратные люди из Перми, Устюга Великого, Соли Камской. С силами, которые почти в 10 раз превышали численность повстанцев, сторонники Василия Шуйского двинулись на г. Котельнич. Мятежники не решились на открытое сражение и отошли к г. Яранску¹⁴⁴.

На следующем этапе восстания, охватившем 1610 г., наиболее организованные и активные действия вновь развернулись под г. Яранском. М. Ухтомский снова неоднократно обращался во все окрестные города с просьбами о подкреплении. Однако пермяки не спешили с отправлением рат-

ных людей, обвиняя Ухтомского в попустительстве повстанцам и в нерешительности: "Татарове де Каринские... у того князя Михаила Ухтомского с государевыми ратными людьми на тех государевых изменников просились, и князь Михайло не пустил". Сложившаяся критическая обстановка заставила правительство направить на Вятку воеводу П. И. Мансурова, который немедленно вступил в переписку с воеводами Казани и Перми, требуя в помощь ратных людей и "наряду сколько пригоже"¹⁴⁵.

В сентябре 1610 г. повстанцы, прибывшие из районов правобережья, создали новую угрозу для Вятки и Перми, но осуществить задуманные планы не успели и были разбиты.

Восстание 1606–1610 гг., несмотря на разношерстный состав участников, царистские лозунги ("за настоящего царя Дмитрия"), под которыми они объединились, носило антифеодальный характер: русские и нерусские крестьяне боролись против ухудшения своего положения и против национального гнета. Удмурты, обескровленные в ходе предыдущих восстаний, почти не принимали участия в волнениях 1606–1610 гг. Из народов Поволжья наиболее активными в восстании были марийцы.

Угроза потери Россией независимости, становившаяся все более реальной, вызвала к жизни патриотическое движение за освобождение страны от интервенции. Летом 1607 г. престол перешел к новому ставленнику польских феодалов Лжедмитрию II, чьи попытки взять Москву весной 1608 г. не привели к успеху, и он обосновался в Тушине.

Василий Шуйский не смог заключить договор со Швецией и укрепить свое положение. Шведские войска начали интервенцию на севере страны, а в конце 1609 г. к открытому наступлению на Русское государство перешла и Польша. В июле 1610 г. группа бояр после свержения Василия Шуйского признала царем польского королевича Владислава. Власть в Москве захватили польские интервенты.

Осенью 1608 г. против польских захватчиков поднялись жители Устюга, Каргополя, Вологды, Белоозера, Костромы, Галича, Соли Вычегодской, Тотьмы и других северных городов.

В марте 1609 г. вятчане собрали отряд численностью свыше 1 000 человек, в состав которого вошли и северные удмурты, и направили его к г. Вологде. Объединенные силы поморских городов во главе с М. В. Скопным-Шуйским принимали участие в борьбе с интервентами в районах севернее Москвы¹⁴⁶.

В 1611 г. русский народ начал активную борьбу против польских и шведских захватчиков. В начале 1611 г. в Рязани и других городах сформировалось Первое ополчение. Для участия в нем в Казани был создан отряд во главе с воеводой В. П. Морозовым. В его состав вошли и представители коренных народов Поволжья, в том числе и удмурты. Присоединился к нему и вятский отряд. Казанское ополчение принимало участие в боевых действиях против польских интервентов под г. Коломной. Летом 1611 г. под Москву прибыли новые отряды казанских и чебоксарских ополченцев, среди которых были и татарские, марийские, чувашские, удмуртские ратники¹⁴⁷.

В ответ на обращение временного правительства с просьбами о поддержке казанцы: "всякие люди... и князи, и мурзы, и татарове, чуваша, и черемиса, и вотяки" – изъявили желание "быть за один, идти под Москву в сходе к боярам и ко всей земле, очищати Московское государство от польских и литовских людей"¹⁴⁸.

Разногласия в лагере Первого ополчения завершились его распадом.

В сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде по инициативе Кузьмы Минина началось формирование Второго народного ополчения. В ноябре 1611 г. сюда прибыл передовой отряд казанских людей, в составе которого были и многие нерусские ратники.

Руководители ополчения направили в поморские и поволжские города грамоты, в которых они обращались к широким мас-

сам: "к новокрещеному, тарханом, и татаром, и чуваше, и черемисе, и всяким служилым и жилецким людям" – с призывом начать сбор денег и ратных людей. Население Казанского и Вятского края горячо откликнулось на этот призыв. Как следует из казанской грамоты от 9 февраля 1612 г., "головы стрелецкие сприказы, и князи, и мурзы, и новокрещены, и служилые татарове, и чуваша, и черемиса, и вотяки (выделено нами. – М. Г.) идут в Нижний на земскую службу" В состав ополчения, кроме того, вошел отряд под командованием воеводы П. И. Мансурова, в котором, наряду с русскими, были северные удмурты и каринские татары. Крестьянское население Удмуртии снабжало отряды ополчения продовольствием, фуражом, лошадьми¹⁴⁹.

Казанский отряд принимал участие в операциях по освобождению Москвы от интервентов.

Положение черносошного и ясачного крестьянства в годы, последовавшие за Смутным временем, резко ухудшилось. Казна была опустошена, а на содержание войск, аппарата власти, на вознаграждение дворянства, обеспечивавшего избрание на престол династии Романовых, требовались немалые деньги. Начался беспощадный грабёж податей и недоимок, накопившихся на ясачных людях за прошлые годы, который сопровождался, как всегда, злоупотреблениями воевод и приказных людей. Кроме того, для пополнения казны с тяглых людей начали сбор запросных и пятинных денег. За период 1614–1618 гг. на посадское и торговое население, черносошных и ясачных крестьян дополнительным бременем легли шесть сборов пятинных (пятая часть доходов) и один сбор запросных денег. Нерусские крестьяне Казанского уезда при попытке сбора первой пятины в 1615 г. пришли в волнение. "По ся места де мы заодно не стояли за собя и ныне де дождалиси на собя сверх ясаков лишних наметов... и чем де нам денги на ратных людей давать, и мы де разбежимся по лесам или, собрався, станем за собя и денег не дадим", – гово-

рили они между собой¹⁵⁰. Реальная угроза народного восстания заставила отменить первый сбор пятинных денег. От второй пятины, собиравшейся с августа 1615 г. по март 1616 г., ясачные люди Казанской земли не были освобождены, что явилось одной из причин нового восстания в Среднем Поволжье. Активными его участниками, наряду с татарами, мордвой, чувашами, марийцами и башкирами, стали удмурты. Восстание охватило как Горную, так и Луговую стороны, в него было вовлечено и удмуртское Прикамье, возникла угроза распространения его в северные районы Удмуртии. В декабре 1615 г. на границе с Казанским уездом вятские служилые люди под руководством вятских воевод Жемчужникова и Звенигородского спешно укрепляли военные сооружения, строили надолбы и засеки¹⁵¹. Повстанцы "татаровья, и чуваша, и черемиса, и вотяки, и башкирцы пришли на Сарапул войною", 25 января 1616 г. осадили г. Осу.

Царское правительство мобилизовало на подавление восстания дворян и детей боярских, которые были собраны в Нижнем Новгороде, а также гарнизоны всех городов Поволжья. Активное участие в расправе с ними приняли Строгановы¹⁵². В феврале 1616 г. восстание было потоплено в крови.

Хрупкое равновесие, которое стало устанавливаться в крае, в ходе подавления повстанческих движений последней четверти XVI – первой четверти XVII в. было нарушено вновь. Карательные мероприятия царских войск завершили разорением и запустением многих селений, гибелью людей.

Необходимо отметить, что для Удмуртии "бунташный" XVII в. выдался относительно спокойным. Активные выступления крестьянства Удмуртии, преимущественно в поддержку движений других народов, не приняли заметного размаха и тех масштабов, которые были характерны для других регионов, в том числе и для районов Урало-Поволжья.

Вплоть до 60-х гг. XVII в. в крае преобладали более или менее мирные формы социального протеста крестьянства.

Утайка дворов и людей, тайная распашка и обработка земельных угодий взамен забрасываемой "впусте" тягловой пашни, учтенной писцовыми книгами, отказ от уплаты стрелецких денег и ясака – таковы были самые распространенные формы борьбы крестьянского населения Удмуртии против непомерного роста податей и повинностей.

Масштабы бегства в русских станах и волостях крестьян с тяглых участков вынудили вятские власти провести в 1629 г. сыск беглых в Перми Великой: предписывалось возвращать на Вятку всех, кто прожил в Перми менее 10 лет¹⁵³.

По данным переписи 1678 г., на Вятке запустела $\frac{1}{6}$ часть податных дворов. Русские крестьяне бежали, как правило, на недостаточно освоенные земли в бассейне Чепцы и селились по соседству с удмуртами. Таким путем в промежутке между переписью 1646 г. и переписью 1678 г. среди селений удмуртов возникла новая Филиппова слободка, в которой к 1678 г. было зафиксировано 153 деревни и починка, населенных 1 772 бывшими жителями западных русских волостей и станов. На 72 деревни и починки и на 1 552 человека увеличилось население Чепецкого оброчного и тяглого станом. Одновременно здесь запустело 37 починков и деревень и 258 дворов и дворовых мест.

Беглые русские крестьяне оседали и на землях каринских татар и бесермян, в так называемом Закаринье. Переписью 1678 г. здесь было учтено 232 половника и кортомщика – бывших жителей Сырьянского, Холункинского, Чистянского и Чепецкого тяглого и оброчного станом¹⁵⁴.

В свою очередь, чепецкие удмурты бежали на земли казанских удмуртов, а те – на территорию Башкирии и в Зауралье. Несмотря на то, что в 60-х гг. XVII в. здесь были поставлены "крепкие заставы", призванные задержать поток беглых, численность последних не уменьшалась. Не дал ощутимых результатов и указ 1688 г. о сыске и возврате беглых¹⁵⁵.

Удмуртские крестьяне на протяжении всего XVII в. продолжали борьбу против

попыток вятской земской власти нарушить их экстерриториальность. Вплоть до 1686 г. им удавалось вновь и вновь доказывать свое право платить подати непосредственно в Москве, минуя вятских и слободских воевод и земских старост.

Столь же большим упорством была отмечена борьба удмуртских крестьян с монастырями, каринскими татарами и другими владельцами, которые захватили их "вотчинные родовые места" Игумены и старцы Верхочепецкого Воздвиженского монастыря на протяжении XVII в. постоянно жаловались, что "отяки сенные их покосы насильством косят и пашни не велят пахать и угрожают всякими угрозами". Спор о монастырских земельных угодьях был решен в пользу последнего лишь в 1700 г.¹⁵⁶

В 70-х гг. XVII в. удмурты развернули решительную борьбу с засильем в их общинах бывших каринских феодалов, которые явочным порядком захватывали земли в чепецких долях, закабалили и эксплуатировали удмуртов в своих хозяйствах, используя самые разнообразные приемы внеэкономического принуждения. Разрозненные попытки отдельных крестьян добиться возврата отнятых участков земли и освободиться от кабалы не дали результатов, хотя и в г. Хлынов, и в Москву, непосредственно в Новгородский приказ, шел непрекращающийся поток челобитных. Тогда общины-доли стали спланиваться и выработали единую линию поведения в отношении каринских татар. На своих мирских советах-собраниях удмуртские крестьяне заключали "одинашные" записи о том, чтобы во всех вопросах, касающихся захвата земли, избрания мирских старост и целовальников, поддерживать друг друга, оказывать материальную и моральную поддержку представителям общины, добивающимся восстановления справедливости, апеллируя к центральной власти¹⁵⁷.

Удмурты проявили в этой борьбе много энергии и изобретательности. Так, в 1699 г. челобитчик Нурыз Асанов, убедившись в полной тщетности своих попыток решить

Нурыз Асанов
Художник В. Белых

Асанов Нурыз (годы рождения и смерти неизвестны), чепецкий удмурт. В документах упоминается в конце XVII – начале XVIII в. Неоднократно направлялся в Москву с челобитными на злоупотребление воеводы П. Бутурлина, приказных подьячих и каринских татарских богачей. В 1698 г. добился назначения на Вятку сыска – следствия о злоупотреблениях. Так как сыск был поручен воеводе П. Бутурлину, Асанов отправляется в Москву с челобитной. Ему удалось добиться назначения нового следствия. Для того чтобы сыск был поручен известному удмуртам дьяку Конюшенного приказа С. Г. Сандыреву, Асанов передает челобитную непосредственно Петру I. Именной приказ Петра I с предписанием послать "с Москвы на Вятку дьяка Савву Сандырева" был получен 10 апреля 1699 г. Благодаря смелости и предпримчивости Асанова в результате сыска удмуртам удалось добиться некоторого улучшения экономического положения.

вопрос о новом правительственном сыске (первый сыск был поручен вятскому воеводе П. Бутурлину) в Новгородском приказе, державшем сторону П. Бутурлина, отправился в походный стан Петра I в г. Воронеж и добился назначения нового сыска.

В ходе сыска, возглавленного дьяком Конюшенного приказа С. Г. Сандыревым (не исключено, что он был удмуртом по происхождению), на Вятке разразилась полная драматизма борьба, в которой предельно обнаженно выступили глубокие противоречия между вятскими воеводами, приказными людьми, покровительски защищаемой ими зажиточной прослойкой – бывшими арскими князьями – и основной массой удмуртского крестьянства. Только

в результате третьего правительственного сыска, длившегося с 1701 г. по 1704 г., удмуртам удалось добиться более или менее ощутимых результатов – выселить бывших каринских мурз с угодий, незаконно захваченных последними после переписи 1678 г., освободить большинство полонников и "крепостных" работников и ликвидировать часть долговых кабал, "намученных за устранием и угрозами". Борьба, начатая удмуртами еще в 70-е гг. XVII в., принесла ощутимые результаты лишь в XVIII в.

В ходе активных выступлений наметилось слияние устремлений посадского и крестьянского населения, возникновение определенного единства интересов трудовых слоев различных этносов.

Так, в 1635 г. удмурты поддерживали выступления посадских людей и уездных крестьян против воеводской власти и их союзников – богатых посадских людей и церковников. Непосредственной причиной восстания стали пожары 1632 г., во время которых г. Хлынов жестоко пострадал от огня. Правительство не оказало никакой помощи горожанам, напротив, возложило на них восстановление всех общественных зданий. Народное бедствие было усугублено злоупотреблениями властей. Присланный в 1635 г. из Москвы новый воевода Григорий Волынский потребовал с городов Хлынова, Орлова и Котельнича "выезжее пособие" в сумме 500 руб. (около 10 тыс. руб. золотом на деньги начала XX в.). Когда население отказалось давать ему эти деньги, воевода поставил "на правех" целовальников всех трех уездов, одновременно требуя и государственные налоги. Однако посадские люди и крестьяне освободили своих представителей из-под правяжа и, явившись к прежнему воеводе В. Чевкину, потребовали вернуть взысканное с них последним выезжее пособие в 400 руб. Перепуганный В. Чевкин выдал 200 руб. и заявил, что остальные 200 руб. находятся у подьячего Одинцова. Жена последнего также отдала требуемую сумму. Восставшие 20 декабря потребовали вернуть неза-

конно взысканные 300 руб. у приказного подъячего М. Рябинина. Он вместе с богатым торговцем Кальсиным (судя по фамилии, удмуртом по происхождению) бежали и укрылись в церкви, куда и ворвалась разъяренная толпа. М. Рябинин был арестован, а Кальсин убит. Народ неоднократно требовал у сидевшего под караулом М. Рябинина выдачи денег. При этом земский дьячок П. Русских говорил, что на помощь восставшим идут каринские татары и удмурты и тогда не сдобровать ни Чевкину, ни Волинскому, ни Рябинину, ни Одинцову¹⁵⁸. Хотя допрашиваемые в ходе сыска о причинах хлыновского восстания 1635 г. удмурты и бесермяне упорно отрицали свое участие в этих событиях, связь их с повстанцами несомненна, так как возмущение злоупотреблениями хлыновских, сподобских и шестаковских воевод было столь же сильным, и, как выяснилось в ходе дальнейшей сыска, они страдали от этих злоупотреблений в еще большей степени, чем русские крестьяне и посадские люди¹⁵⁹. Огромное число привлеченных к сыску удмуртов и бесермян всех долей также свидетельствует о связи между восставшими горожанами и уездным населением.

Предгрозовая атмосфера кануна Крестьянской войны 1667–1671 гг., осложненная в Поморье и Приуралье целым рядом неурожайных лет, когда, по свидетельству вятского воеводы С. А. Хитрово, "лето было дождево, и хлеба вымокли, и недород был большой", разрядилась восстанием башкир и присоединившихся к ним татар, марийцев и удмуртов. Восстание развернулось в башкирских волостях в 1662 г. Несмотря на то, что власти предпринимали все меры, чтобы не допустить его распространения на территорию Казанского уезда, повстанцы поддерживали тесные связи с населением правобережья Камы. Казанские власти послали в район Закамской черты сотенного голову А. Аристова, который должен был следить, чтобы башкирцы не перешли за Каму. К лету 1664 г. царским властям удалось подавить восстание. Наряду с кара-

тельными мероприятиями, были использованы частичные уступки повстанцам и привлечение на свою сторону башкирских феодалов – руководителей движения¹⁶⁰.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина, во всю мощь развернувшаяся на Дону, затем охватила все Нижнее и Среднее Поволжье. Активное участие в ней приняли мордовские, татарские и марийские крестьяне. Важным районом восстания после поражения С. Т. Разина под г. Симбирском стал Марийский край, откуда в сентябре – ноябре 1671 г. оно угрожало перекинуться и на территорию Вятского края. Местные власти предпринимали лихорадочные меры по укреплению городов Хлынова и Яранска. Один из отрядов повстанцев во главе с Ильей Ивановым (Долгополовым) и Мироном Мумариным был направлен в Галичский уезд, на р. Ветлугу, т. е. непосредственно к границам Удмуртии. Илья Долгополов рассылал населению вятских городов и уездов "прелестные грамоты" Правители были очень обеспокоены тем, что грамоты эти принимались крестьянством и посадскими людьми "с верой" Власти г. Яранска готовились к обороне от повстанцев: городские крепости были укреплены, а по дорогам и лесным местам устроены засеки и расставлены караулы¹⁶¹.

После поражения отряда Ильи Долгополова в Галицко-Ветлужском районе 13 декабря 1671 г. часть уцелевших в бою повстанцев перебравшись в вятские уезды, Илья Долгополов со своими помощниками пробрался к Соли Камской, а часть его отряда во главе со Степаном Леонтьевым и повстанческим старшиной Мироном Федоровым и сотником Никитой Новокрещеновым осталась на Вятке. Отряд должен был осуществлять разведку о состоянии крепостных укреплений и наличных запасах оружия и одновременно "вятчан всяких чинов людей в прелесть приводить и на всякое дурно научать...". Планы повстанцев были достаточно широкими и смелыми. Илья Долгополов предполагал укрепить на Вятке и в Соли

Камской свои силы за счет притока повстанцев из местных жителей, запастись провиантом и оружием и весной 1672 г. идти снова на Каму и Волгу. Однако осуществить планы не удалось, повстанческий атаман был схвачен в районе Тотмы и повешен. Вятский отряд также был разгромлен, трех из 63 выловленных повстанцев казнили в г. Хлынове, а остальных отправили в Сибирь, в г. Тобольск¹⁶².

Крестьянская война была подавлена. Несмотря на жестокую расправу с его участниками, надолго добиться спокойствия правительству не удалось. В 1673 г. развернулось восстание в Кайгороде. В 1675–1676 гг. взбунтовались монастырские крестьяне в Кырчано-Сунской вотчине Вятского Успенского Трифонова монастыря на р. Вов. Этот район длительное время являлся местом скопления беглых вятчан, сюда же устремились беглые солдаты и стрельцы. Во главе восстания встал беглый крестьянин Илья Рохин. Повстанцы захватили Кырчаны и Суну, арестовали монастырских старцев. Некоторое время крестьяне осуществляли самоуправление. На подавление восстания был брошен из Казани отряд М. Скорикова. Части повстанцев удалось уйти от карателей и скрыться за р. Воей¹⁶³.

В 1681–1684 гг. прикамская часть Удмуртии была вновь вовлечена в борьбу башкирского народа. В 1682 г. повстанцы развернули агитационную работу среди удмуртов, марийцев и татар правобережья Камы. Около дворцового с. Каракулина схватили "подговорщика Абыза Илметайку, который был от вора Сеит Сафирка подговаривать Казанского и Уфимского уезды свою братью к измене" Весной 1682 г. объединенные силы повстанцев заняли с. Пьяный Бор, разгромили здесь церковь, увозя с собой все церковное имущество, осадили с. Каракулино¹⁶⁴.

Неспокойно было и в северных районах Удмуртии. Вятский воевода писал на царское имя, что в 1682–1683 гг. "было на Вятке и в Вятском уезде воровство, разбой и в людях шатость большая". Для борьбы

с восставшими властью по согласованию с центральным правительством ввели экстраординарные меры: пойманные повстанцы без суда и следствия подвергались смертной казни. "Вешаем по дорогам, хто с которой стороны пришел", — докладывал вятский воевода¹⁶⁵. В обращении к повстанцам-башкирам от имени царя Петра и Ивана Алексеевичей от 8 июля 1682 г. подчеркивался многонациональный характер восстания: "башкирцы и чуваша, и черемиса молотчие люди... забыв милость царей и свои шерты, забунтовали"¹⁶⁶.

Правительству и на этот раз не удалось справиться с восстанием одними лишь карательными мерами и воинскими командами. Основные очаги борьбы были подавлены в конце 1684 г., в значительной мере благодаря уступкам требованиям восставших башкир.

Такой же характер временной уступки, направленной на смягчение социальных противоречий в среде ясачных народов, имел указ от 20 октября 1682 г., по которому повелевалось переписать и размежевать земли марийских, мордовских, чувашских, удмуртских крестьян. Указ предписывал возвращать захваченные русскими феодалами земли ясачным крестьянам на "ясак по-прежнему" и запрещал впредь раздавать ясачные земли помещикам¹⁶⁷.

В действительности захваты земель продолжались, продолжалась и борьба крестьянства, в которой, наряду с разнообразными скрытыми формами классового сопротивления, приобретался опыт совместной борьбы. Однако все выступления крестьянства Удмуртии в XVII в. имели локальный характер и легко подавлялись правительством. Постоянное сопротивление народных масс вынуждало господствующие классы ограничивать уровень эксплуатации в разумных пределах. Крестьянам нередко удавалось добиться и определенных уступок, по крайней мере, возврата к ранее установленным и узаконненным отношениям.

Итак, в XVI–XVII вв. Удмуртия и сформировавшийся удмуртский этнос совме-

тно с другими народами многонационального Русского государства преодолевали последствия системного кризиса и казанской войны. В результате передвижек населения, вызванных военными действиями, затем – русской колонизацией бассейна Вятки и центральных и западных районов Арской земли, сложилась современная этническая территория расселения удмуртов. Началось постепенное восстановление численности этноса. Количество русского населения постоянно возрастало, в крае формировались характерные для всего Русского государства разновидности феодального землевладения и социальные группы населения. Однако преобладающим стал уклад государственного феодализма, в структуре которого удмурты, бесермяне и другие коренные народы, за исключением татар, в абсолютном большинстве пополнили ряды зависимого, ясачного и черносошного крестьянства, чье хозяйство продолжало сохранять комплексный характер при приоритетном положении земледелия и животноводства. Природные и геополитические условия способствовали становлению в крае комбинированной системы земледелия, сочетающей наиболее рациональные элементы подсеки, трехполья (иногда двухполья) и перелого. Такая система позволяла в какой-то мере смягчить влияние неблагоприятных природных условий (малый ледниковый период) и застойности агротехники, в то же время требовала от земледельца чрезвычайного напряжения сил. Животноводство в своем развитии встречало препятствия в виде недостатка кормовой базы. Крестьянский скот был мелким и малопродуктивным. Продукция животноводства шла лишь на удовлетворение натуральных потребностей крестьянского хозяйства.

Неземледельческие промыслы, за исключением охоты и бортowego пчеловодства, также имели натуральный характер. Из-за правительственного запрета металлообработка и кузнечное ремесло южных удмуртов пришли в полный упадок. Их обслуживали русские кузнецы-отходники.

На протяжении изучаемого периода государство стремилось к унификации податного положения социальных и этнических групп крестьянства. Введение стрелецкой подати окончательно ликвидировало особенность северных удмуртов, а ясак на юге был и остался единым по содержанию для всех ясачных людей Поволжья.

Формы крестьянского протеста варьировались преимущественно в рамках борьбы за сохранение устоявшихся, узаконенных ранее отношений. Всплески активных вооруженных действий провоцировались преимущественно извне, и население края, принимая в них участие, не проявляло ни особой инициативы, ни чрезмерной активности.

Ссылки на литературу и источники

¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. д-р ист. наук П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 179–190, 192–195, 197–207.

² Там же. С. 353–354, 200–202.

³ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 4, л. 3.

⁴ Там же. Д. 1, л. 17.

⁵ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР М., 1962.

⁶ Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 83.

⁷ Там же; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 529, л. 669–697; д. 1030, л. 3 об. – 122 об.; д. 520, л. 669–1029 об.

⁸ ГАКО, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. 259–260.

⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1102, л. 549.

¹⁰ ТБУАК, Вятка, 1905. Вып. 3. С. 89–92; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 153 кз., л. 655–662.

¹¹ Там же. Л. 633–654.

¹² Гюровский И. М. К истории помещного и экономического быта в Казанском крае в половине XVII в. Казань, 1909. С. 99–108; Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII – начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 132–133, 136; Галлямов Р. После падения Казани... Казань, 2001. С. 41.

¹³ РГАДА, ф. 1117, оп. 1, д. 1, л. 19 об., 75 об.

¹⁴ Муштафина Д. А. Землевладение в деревне Казанского уезда второй половины XVII в. // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 21.

- ¹⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5809, л. 549–550 об.; *Перетяткович Г. И.* Указ. соч. С. 344, 349.
- ¹⁶ *Каштанов С. М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х гг. XVI в. (по актовому материалу) // Уч. зап. Казанского пединститута. 1970. Вып. 80: Из истории Татарии. С. 171.
- ¹⁷ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 1, л. 175–176.
- ¹⁸ РГАДА, ф. 1209, д. 153, л. 611–612 об.
- ¹⁹ *Луппов П. Н.* Северные удмурты в XVI–XVII вв.: Очерки из истории колонизации бассейна р. Чепцы // На удмуртские темы. М.: Центриздат народов СССР, 1931. Вып. 2. С. 128–129; Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. С. 84–85.
- ²⁰ *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XVII – начале XVIII в.: Очерк из истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 118; *Мустацин Д. А.* Указ. соч. С. 22; *Галимов Р.* Указ. соч. С. 38.
- ²¹ *Алексеев Ю. Г., Копанев А. И.* Развитие политической системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. статей, посвященных памяти А. А. Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 58; *Галимов Р.* Указ. соч. С. 29.
- ²² *Ермолаев И. П.* Казанский край во второй половине XV–XVI в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. С. 37–47.
- ²³ РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 894, л. 48.
- ²⁴ РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 894, л. 50 об.
- ²⁵ РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д. 894, л. 51.
- ²⁶ *Алишев С. Х.* Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань: АН СССР. Казанский филиал, 1984. С. 55.
- ²⁷ *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: Изд-во Казанского ун-та, 1982. С. 70–71.
- ²⁸ ТБУАК. Вятка, 1908. Вып. 1. С. 14.
- ²⁹ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 356.
- ³⁰ *Гришкина М. В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII вв. // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 26.
- ³¹ Там же. С. 26–27.
- ³² Там же. С. 27.
- ³³ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. ... С. 90.
- ³⁴ *Гришкина М. В.* Указ. соч. С. 39–40.
- ³⁵ Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. ... С. 93–94.
- ³⁶ Там же. С. 93.
- ³⁷ *Разрядная книга 1475–1605 гг.* М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 399.
- ³⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 1702 г., д. 446, л. 244; Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. С. 394.
- ³⁹ Там же. С. 263–330; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1673 г., д. 65, л. 104–105.
- ⁴⁰ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 911, л. 25–33.
- ⁴¹ *Милов Л. В.* Великоурский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 13.
- ⁴² *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М.: Наука, 1987. С. 173.
- ⁴³ *Курбский А. М.* История о великом князе Московском РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 190–191.
- ⁴⁴ ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 1. С. 211.
- ⁴⁵ *Бушueva В. Л.* Социально-экономические отношения Чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII–XVIII вв.: Рукопись дис. канд. ист. наук. М., 1950. С. 75.
- ⁴⁶ Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 51.
- ⁴⁷ *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка, 1968. С. 10–11; *Слободин В. М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до 1 тыс. н. э.) // Материалы по истории земледелия в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Сб. 1. С. 45–46; *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 136; *Туғанбаев В. В.* Агрофитоценозы современного земледелия и их истории. М.: Наука, 1984. С. 84.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 1, 1621/22 г., л. 160 об., 278.
- ⁴⁹ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1917. Т. 2. Вып. 1. С. 75.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 131, оп. 7, 1702 г., д. 1 (ч. 4), л. 270.
- ⁵¹ Там же. Л. 268–313.
- ⁵² Там же. Л. 336.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1699 г., д. 2, ч. 4, л. 557.
- ⁵⁵ РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 42, л. 3, 7.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 1179, оп. 1, д. 966, л. 1–3.
- ⁵⁷ *Бушueva В. Л.* Указ. соч. С. 76.
- ⁵⁸ *Милов Л. В.* Указ. соч. С. 97.
- ⁵⁹ *Бушueva В. Л.* Указ. соч. С. 77.
- ⁶⁰ *Никитина Г. А.* Системы земледелия удмуртских крестьян в пореформенный период (60–90-е годы XIX века) // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 47.
- ⁶¹ РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1699 г., д. 2, ч. 2, л. 612.
- ⁶² Очерки истории Удмуртии. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 52.
- ⁶³ Там же. Книжки Московского государства XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 329.
- ⁶⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1702 г., д. 165, л. 160–163.
- ⁶⁵ *Бушueva В. Л.* Указ. соч. С. 198.
- ⁶⁶ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С. 11–13, 67.
- ⁶⁷ *Бушueva В. Л.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1662 г., д. 199, л. 1–2.
- ⁶⁹ *Бушueva В. Л.* Указ. соч. С. 95.
- ⁷⁰ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 1618, л. 18.

- ⁷¹ РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1699 г., д. 2, ч. 2, л. 42–47.
- ⁷² Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск, 1958. С. 109–115.
- ⁷³ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 2, л. 612.
- ⁷⁴ Там же. Л. 574.
- ⁷⁵ Там же. Л. 573.
- ⁷⁶ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 80–81.
- ⁷⁷ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁸ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 3, л. 120.
- ⁷⁹ Таможенные книги Московского государства XVII века. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 433–434.
- ⁸⁰ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 4, л. 557.
- ⁸¹ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 3, л. 20.
- ⁸² РГАДА, ф. 131, 1702 г., д. 16, ч. 3, л. 494.
- ⁸³ РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 23, л. 4.
- ⁸⁴ РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 271, л. 1 об.
- ⁸⁵ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 84.
- ⁸⁶ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 85.
- ⁸⁷ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 2233, л. 226–227.
- ⁸⁸ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 84.
- ⁸⁹ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1917. Т. 2. Вып. 1. С. 74.
- ⁹⁰ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 911, л. 25–33.
- ⁹¹ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 4, л. 157–158.
- ⁹² РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 2, л. 461.
- ⁹³ РГАДА, ф. 131, 1702 г., д. 1, л. 457.
- ⁹⁴ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 4, л. 157–158; ф. 141, 1684 г., д. 203, л. 1–2.
- ⁹⁵ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 1, л. 54–54 об., 73.
- ⁹⁶ Макаров Д. М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.) Чебоксары, 2000. С. 45, 77, 78.
- ⁹⁷ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 86.
- ⁹⁸ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 89.
- ⁹⁹ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁰⁰ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 86.
- ¹⁰¹ Таможенные книги Московского государства... С. 170, 174.
- ¹⁰² Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁰³ Бушueva В. Л. Указ. соч. С. 93.
- ¹⁰⁴ РГАДА, ф. 356, оп. 3, д. 5809, л. 55 об. – 551, 610 об. – 611.
- ¹⁰⁵ Материалы по истории Татарской АССР. М.; Л., 1932. С. 2.
- ¹⁰⁶ Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи. М.: ЧОИДР при Московском университете. 1911. Вып. 6. С. 13–14.
- ¹⁰⁷ Спицын А. А. Местное и областное управление на Вятке до XVII века // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка, 1888. С. 170–173.
- ¹⁰⁸ Акты XIII–XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898. Ч. 1: 1257–1261 гг. № 65; Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 51–56.
- ¹⁰⁹ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л.: Наука, 1969. С. 56–57, 525.
- ¹¹⁰ История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. С. 43.
- ¹¹¹ Димитриев В. Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 100–101.
- ¹¹² Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 353.
- ¹¹³ Акты археографической экспедиции. Т. 1. С. 436–437.
- ¹¹⁴ Гришкина М. В. Служилое землевладение архиепископов в Удмуртии XVI – первой половины XIX веков // Проблемы аграрной истории. Ижевск, 1988. С. 38.
- ¹¹⁵ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... Ижевск, 1958. С. 70, 194.
- ¹¹⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 95.
- ¹¹⁷ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 194.
- ¹¹⁸ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 129.
- ¹¹⁹ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 132.
- ¹²⁰ Там же. С. 253.
- ¹²¹ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 252.
- ¹²² Мацук М. А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. М.: Наука, 1990. С. 20–21.
- ¹²³ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 177–178.
- ¹²⁴ Мацук М. А. Указ. соч. С. 26–27.
- ¹²⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1884. Т. 3. С. 98–99, 100.
- ¹²⁶ РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1673 г., д. 65, л. 1–30; ф. 137, оп. 1, д. 2, л. 64, 63–69 об., 70–70 об., 73–74, 119–120.
- ¹²⁷ Димитриев В. Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 105–106.
- ¹²⁸ РГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5809, л. 613, 674 об. – 675.
- ¹²⁹ История Чувашской АССР Чебоксары, 1983. Т. 1. С. 89.
- ¹³⁰ РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 642, л. 44–45.
- ¹³¹ Димитриев В. Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 254–255.
- ¹³² Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 360.
- ¹³³ Там же. С. 361.
- ¹³⁴ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 364–367.
- ¹³⁵ РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1702 г., д. 1, л. 505 об.
- ¹³⁶ РГАДА, ф. 1312, оп. 2, ч. 1, д. 1010, л. 23–23 об.
- ¹³⁷ Эммууский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 163.

- ¹³⁸ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 374–390.
- ¹³⁹ Там же. С. 403–407.
- ¹⁴⁰ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 1, л. 8–11.
- ¹⁴¹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 391–397.
- ¹⁴² Чичерин Б. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. С. 209.
- ¹⁴³ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 52–53.
- ¹⁴⁴ Айплатов Г. Н. К вопросу об участии трудовых масс Марийского края в Крестьянской войне в России в начале XVII века // Труды Марийского НИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1964. Вып. 19. С. 164–166; Древние акты... С. 60–61, 66–69, 77–95.
- ¹⁴⁵ Древние акты... С. 92–100.
- ¹⁴⁶ Эммауский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 61–62.
- ¹⁴⁷ Димитриев В. Д. Участие населения Чувашии в борьбе против шведской и польской интервенции в начале XVII века // Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 187–191.
- ¹⁴⁸ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 541–542, 568–569.
- ¹⁴⁹ Древние акты... С. 113–114.
- ¹⁵⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 160.
- ¹⁵¹ Димитриев В. Д. Восстание ясачных людей Среднего Поволжья и Приуралья в 1615–1616 гг. // Чувашия в эпоху феодализма. С. 223.
- ¹⁵² Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 155–156.
- ¹⁵³ Дополнения к Актам историческим. Т. 6. С. 262.
- ¹⁵⁴ Спицын А. А. Земля и люди на Вятке в XVII в. // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1887 год. Вятка, 1886. С. 160.
- ¹⁵⁵ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 364–367.
- ¹⁵⁶ Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 1978. С. 42.
- ¹⁵⁷ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 364–367.
- ¹⁵⁸ Владыкин В. Е., Гришкина М. В. К характеристике этносоциальных отношений в удмуртской деревне конца XVII – начала XVIII вв. // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 22.
- ¹⁵⁹ Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков... С. 377–391.
- ¹⁶⁰ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 57, 97–108.
- ¹⁶¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов и материалов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 227–228, 295–296.
- ¹⁶² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. Ч. 1. С. 468–469, 475–476, 500–501; Т. 3. М., 1976. С. 83–86; РГАДА, ф. 141, 1671 г., д. 222, л. 1–2.
- ¹⁶³ Древние акты... С. 170–171, 197.
- ¹⁶⁴ Акманов И. Г. Указ. соч. С. 45–54.
- ¹⁶⁵ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 1618, л. 53–54.
- ¹⁶⁶ Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 81.
- ¹⁶⁷ ПСЗ-1. Т. 2. № 959.

Удмуртия в XVIII веке

Реформы управления и административно-территориаль- ного деления

Конец XVII в. и начало XVIII в. в России прошли под знаком больших перемен, которые выпали преимущественно на эпоху правления Петра I. Став царем, он решительно приступил к коренным преобразованиям. Большинство Петровских реформ было продиктовано необходимостью преодоления отставания России от стран Запада, улучшения системы управления государством и его финансового положения.

Реформы, затронувшие все слои и группы российского общества, привели к глубоким изменениям в управлении, территориально-административном устройстве, в социальной структуре и экономическом положении населения Удмуртии. Устаревшая приказная система управления, строившаяся по территориально-отраслевому принципу, когда некоторые приказы ведали определенными территориями, а другие – целыми отраслями, оказалась к концу XVII – началу XVIII в. громоздкой и малоэффективной.

Для того чтобы упорядочить систему управления многочисленными уездами России, Петр I ввел новые территориально-административные единицы – губернии. Даже среди восьми огромных губерний, которые были созданы в 1708–1710 гг., Сибирская

губерния, охватившая территорию от Приуралья до Тихого океана, выделялась гигантскими размерами. Север Удмуртии в составе Хлыновского уезда вошел в ее пределы. Южная часть края с Казанским уездом была включена в Казанскую губернию, охватившую пространства Среднего и Нижнего Поволжья. Надо отметить, что первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин сделал г. Хлынов центром вверенной ему губернии, откуда совершал регулярные поездки по ее территории в целях создания органов управления и налаживания ямского сообщения. Население нашего края непосредственно ощутило всю тяжесть нововведений. Так, только с удмуртов, башкир и татар Каринского стана в 1714 г. сподвижники М. П. Гагарина собрали взятку и "поносков" на общую сумму в 4 200 руб. Это составляло третью часть годового податного оклада волости. За злоупотребления, превышавшие все мыслимые злодеяния своих предшественников-воевод, первый сибирский губернатор был предан суду и по личному указу Петра I повешен¹

Губернская система сама по себе оказалась очень громоздкой из-за чрезвычайно обширного территориального пространства. Появилась необходимость в промежуточном звене управления. В 1719 г. губернии были разделены на провинции. Вятская провинция включила в свой состав северные районы нашего края, а Казанская, соответственно, его юг.

Новые изменения последовали в 1727 г., когда Вятскую провинцию передали из фактически не управляемой Сибирской губернии в Казанскую.

Петровские реформы не коснулись низовых единиц территориально-административного деления. Как и ранее, сохранились уезды, и они по-прежнему делились на станы и волости на севере, дороги и сотни – на юге.

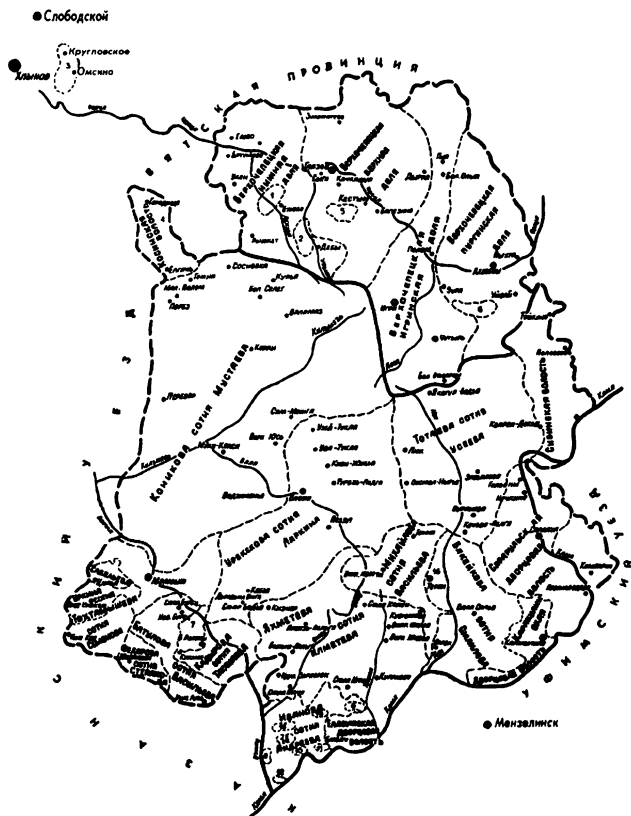
На севере все нерусское население по-прежнему концентрировалось в Каринском стане. Из-за выгод в виде неконтролируемых взяток и поборов за него вели по-

Петр I, император России
С картины И. Никитина

стоянную борьбу между собой хлыновские и слободские воеводы, оспаривавшие друг у друга право управлять нерусским населением. В результате Каринский стан неоднократно переводился из Хлыновского в Слободской уезд и наоборот. В 1737 г. он окончательно отошел в состав Слободского уезда.

Каринский стан, Арская и Зюрейская дороги, доли и сотни, наряду с административными функциями, выполняли роль крестьянских (мирских) общинных организаций, объединявших и стоявших над деревенскими сельскими общинами. Сотники, возглавлявшие сотни, и старосты, стоявшие у руководства станами и долями, а также их помощники: целовальники, пятидесятские, деся-

Удмуртские доты и сотни в середине XVIII в.
Карта составлена М. Гришкиной

Центрами 10 уездов стали старинные вятские горда: Вятка (Хлынов), Слободской, Котельнич, Кайгород, Яранск, Малмыж, Уржум, Царевосанчурск и др. Уезды получили соответствующие их центрам названия.

Начальниками уездов становились капитан-исправники, а во главе городов были поставлены городничие.

В соответствии с указом Сената были открыты новые губернские учреждения.

Важнейшими из них были наместническое (с 1797 г. – губернское) правление и канцелярия наместника (губернатора). Далее шли Казенная и Судебная палаты, последняя, в свою очередь, состояла из двух подразделений: гражданского и уголовного. Казенная палата ведала всеми строительными и казенными делами, вела ведомости о численности населения, ревизию казенных счетов, давала сведения о приходе и расходе средств и т. д. Палата гражданского суда занималась ревизией всех гражданских дел и подчинялась Сенату. В палате уголовного суда окончательно рассматривались все дела по должностным и уголовным преступлениям, в которых содержалось посягательство на жизнь человека. Совестьный суд учреждался для ограждения личной безопасности каждого, для оказания помощи нуждающимся, а также рассматривал дела об уголовных преступлениях, совершенных безумными, малолетними и т. д. Все три суда представляли собой высшие судебные инстанции в губернии.

Верхний земский суд являлся судебной инстанцией для дворян и разночинцев и тоже делился на гражданскую и уголовную палаты, губернский магистрат рассматривал судебные дела, касающиеся городского населения, а верхняя расправа стала судебной инстанцией губернского значения для крестьян. Приказ общественного призрения ведал просвещением, здравоохранением и "богоугодными" заведениями (приютами для инвалидов, сирот и т. д.). Управа благочиния представляла собой полицейский орган. Надзор за производством всех дел в наместничестве был возложен на губернского прокурора и губернских стряпчих, а в уездах – на уездных стряпчих.

После подготовительных работ, продолжавшихся в течение трех месяцев, 18 декабря 1780 г. состоялось открытие наместничества, сопровождаемое торжественным шествием назначенных на должности чиновников и дворян, собравшихся в Вятке по этому поводу. В Кафедральном соборе в честь этого события была совершена Бо-

жественная литургия. Вечером для избранного круга губернатор дал бал. Город был украшен праздничной иллюминацией²

На следующий день состоялось торжественное открытие присутственных мест.

Новое административно-территориальное деление не учитывало ни границ прежних территориальных единиц, ни этнической принадлежности населения. Так, территория Каринского стана, где с XVI в. концентрировалось преимущественно удмуртское и татаро-бесермянское население, была разделена между Глазовским, Слободским и Кайгородским уездами. Территория Арской и Зюрейской дорог вошла в Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды.

Большая часть удмуртского населения была теперь сосредоточена в пределах Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов. Незначительное количество удмуртов оказались в пределах Кайгородского и Слободского уездов. В Арском и Мамадышском уездах Казанской губернии, в которой ранее проживали все южные удмурты, их осталось 2 168 душ³ Кроме того, удмурты продолжали проживать в Бирском уезде Уфимского наместничества, куда они переселялись, начиная со второй половины XVI в. В 60-е гг. XVIII в. здесь было учтено всего 510 удмуртов, а к 1795 г. их оказалось уже 7,7 тыс. человек⁴

Указ императора Павла I о преобразовании Вятского наместничества в губернию, которая отныне должна была состоять из 10 уездов, последовал 12 декабря 1796 г. Из "удмуртских" уездов упразднен был Малмыжский, восстановленный только в 1817 г. С этого времени в губернии неизменно числилось 11 уездов. Вятский губернатор тем не менее подчинялся генерал-губернатору пермскому и вятскому.

Следующая реформа территориально-административного деления последовала вследствие указа об изменении управления государственными крестьянами. С 1797 г. во всех уездах, в которых жили "казенные поселения", вводились единообразные во-

не более 3 000 д. м. п. Эта реформа окончательно ликвидировала все сложившиеся в течение столетий мелкие территориальные единицы: дороги, станы, сотни, доли, рубежи, концы, десятки. На всей территории края вводилось двухступенчатое деление: уезд – волость, хотя архаические единицы административного устройства продолжали еще некоторое время употребляться в документах, особенно исходящих непосредственно от крестьян.

Каждая волость получила название от главного селения – центра волости, в котором учреждалось волостное правление, состоявшее из волостного головы, волостного писаря и старосты. Волостного голову и писаря избирали на волостном сходе на два года из крестьян, "добрых поведением и примерных в хозяйстве". Старост селения избирали на 1 год, а их помощников – десятских (представителей каждых десяти дворов) – меняли ежемесячно, соблюдая очередь.

Уездом правил капитан-исправник, подчинявшийся непосредственно губернатору. На все должности в местном аппарате назначались русские чиновники, высшие должности стремились распределить между дворянами, при этом предпочтение отдавалось военным. Все делопроизводство велось исключительно на русском языке. Возможно, на самые низшие должности сельских заседателей нижнего земского суда, заседателей нижней расправы попадали и представители местных народов, в достаточной степени обрусевшие.

Городское население управлялось собранием городского общества, общей городской и шестигласной думами (в соответствии с шестью разрядами, на которые делились горожане).

Эта система территориально-административного устройства, сложившаяся в последней четверти XVIII в., сохранилась вплоть до первой четверти XX в., лишь отчасти изменяясь и демонстрируя свою эффективность и гибкость даже в динамических условиях бурного развития капиталистического уклада в России.

Население. Изменения в его численности и расселении

До последней четверти XVIII в. население Удмуртии в абсолютном большинстве было крестьянским. Единственный г. Малмыж был заселен сословием, занявшим промежуточное положение между крестьянами и военными: пахотными солдатами – ландмилицией.

Сельское податное население в 1716–1717 гг. составило около 35 тыс. д. м. п., к 1764–1766 гг., когда производилась III ревизия, возросло до 98–100 тыс. д. м. п., к 1795 г. достигло 148,5 тыс.

Соотношение групп крестьян выглядело следующим образом (см. рис.1).

Диаграмма ярко демонстрирует, что разряд государственных крестьян, созданный в ходе податной реформы Петра I и по Плату 1724 г. включивший бывших черно-

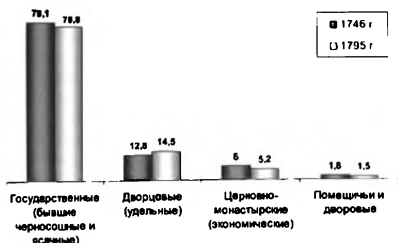

Рис. 1. Соотношение социальных групп крестьянства

сошных и ясачных крестьян, был наиболее многочисленным.

Во второй половине XVIII в. абсолютная численность государственных крестьян несколько снизилась, что объясняется припиской значительного числа русских крестьян к заводам графа Шувалова, а также припиской татар, бесермян и отчасти удмуртов к Казанскому адмиралтейству в качестве лашманов. Удельный вес приписных крестьян возрос между II и III ревизиями с 4,7 до 17 %.

На втором месте по численности и удельному весу находились дворцовые крестьяне. К 1795 г. их доля в составе крестьянства увеличилась на 1,7 %. Удельный вес церковно-монастырских крестьян, ставших экономическими вследствие секуляризации, проведенной в 1764 г., к концу XVIII в. несколько уменьшился, составив 5,2 %. Заметно снизилась и численность помещичьих крестьян и дворовых.

По этническому признаку сельское население распределялось так (см. рис. 2).

Значительное увеличение удельного веса русского населения между III и V ревизиями было обусловлено не столько высокими темпами естественного прироста, сколько включением в пределы края густо населенных волостей, расположенных в нижнем течении Чепцы и заселенных русскими, а также усилившимся притоком русского населения в другие районы Удмуртии.

Удельный вес удмуртов продолжал снижаться, невзирая на непрерывный и довольно быстрый прирост их абсолютного числа. Причина заключалась в активизации освоения

территории Удмуртии русским крестьянством⁶

Русское население к XVIII в. сосредоточилось по обоим берегам Камы, в низовьях Вятки, в низовьях и по нижним притокам Чепцы: Косе, Святице, Кордяге, Филипповке, Проснице. В течение XVIII в. продолжалось освоение территории расселения удмуртов русским крестьянством. Так, в начале XVIII в. активно заселялась р. Сива, ко II ревизии (1744 г.) здесь окончательно оформилась Сивинская волость, которая "сходцами из разных мест сама собою населилась". Быстрыми темпами была освоена территория, ограниченная р. Лобанью и правым берегом Кильмези, до этого почти пустовавшая. Здесь возникла Верхнерождественская волость, приписанная к Камским заводам.

Удмурты достаточно компактной группой проживали на значительной территории края, ограниченной на юго-востоке правым берегом Ижа, на западе – р. Лумпунь, на юге – нижним течением притоков Камы (Тоймы, Ерыксы, Умяка), на севере – верховьями правых притоков Чепцы. Границы удмуртско-русских контактов проходили преимущественно по окраинам этой территории. Кроме того, в каракулинском Прикамье и в низовьях Ижа и Тоймы располагались селения татар, марийцев, башкир. На севере, по р. Лекме – левому притоку Чепцы – в XVI–XVII вв. расселились бесермяне и каринские татары.

В целом среднегодовые темпы прироста крестьянства Удмуртии были выше, чем по России. За период 1746–1794 г. они со-

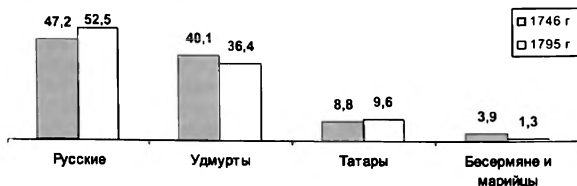

Рис. 2. Соотношение этнических групп крестьянства

ставили 2,1 %, т. е. более чем в 2 раза выше, чем по России, – 0,94 %. В 1764–1782 гг. темпы прироста составили 1,56 %, за 1782–1795 гг. – 0,9 %, что тоже превышало темпы прироста населения России. Это было обусловлено тем обстоятельством, что Удмуртия оставалась районом интенсивной колонизации: приток населения извне был беспрерывным и значительным.

Темпы прироста удмуртов были тоже достаточно высокими, хотя вызвано это не столько естественным приростом, сколько увеличением точности учета населения: число "прописных и утаенных", выявленных каждой очередной ревизией, увеличивалось.

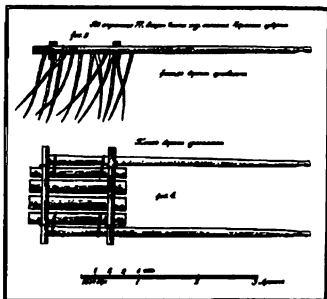
Надо подчеркнуть, что в XVIII в. миграционные процессы в Удмуртии отличались мирным характером. Источники не отразили каких-либо фактов столкновений между коренным и пришлым населением. Академик И. П. Фальк так оценивал ситуацию в Поволжье 70-х гг. XVIII в.: "Деревни разных народов стоят рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появились... Соплатение этих жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела..."

Экономическое развитие. Состояние сельского хозяйства и аграрной культуры

Расширение сферы товарно-денежных отношений, рост связей с другими районами страны и с зарубежными государствами, развитие промышленности вызывали, в свою очередь, увеличение производства сельскохозяйственной продукции.

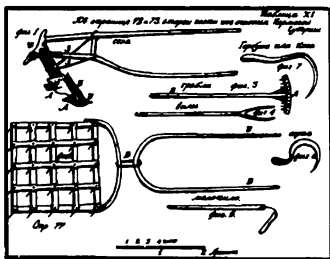
Ведущую роль в хозяйственной жизни края продолжало играть сельское хозяйство. Площадь обрабатываемых угодий в течение XVIII в. удвоилась: в начале столетия пашня составляла 9–11 % территории "удмуртских" уездов, к концу – 20,4 %.

Комбинированная система земледелия при приоритетном положении среди ее составляющих трехполья продолжала оста-

Борона-суковатка. Вид сбоку и сверху
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. Ч. 2

ваться господствующей. Подсека в определенной степени модернизировалась и была преимущественно средством введения в хозяйственный оборот новых участков из-под леса. Подчеркивая значение подсеки для сохранения устойчивости своего хозяйства, крестьяне в 90-х гг. XVIII в. заявляли, что "если несколько лесу под пашню расчищать не позволят, то они придут не в состояние к платежу государственных податей". Другим элементом комбинированной системы земледелия, направленной на восстановление

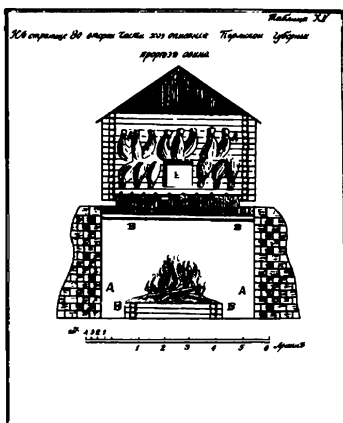
Земледельческие орудия народов Приуралья
конца XVIII – начала XIX в.
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. Ч. 2

естественного плодородия почвы, был перелог. Продолжал практиковаться периодический запуск некоторых участков для отдыха, правда, не на столь большой, как ранее, срок.

Набор земледельческих орудий менялся чрезвычайно медленно. По-прежнему продолжала господствовать соха. На юге края получили распространение такие ее разновидности, как соха с брылой и косуля. Обе они приближались к орудиям плужного типа, так как обеспечивали оборачивание пласта земли и способствовали более успешной борьбе с сорняками.

Среди других орудий обработки земли и уборки урожая были деревянная борона (в конце столетия нередко с железными зубьями), серп, коса-горбуша, отчасти коса-литовка, цеп. Этим универсальным, проверенным на практике набором орудий пользовались при посеве и уборке зерновых все этнические группы крестьянства: русские, удмурты, марийцы, бесермяне.

Набор возделываемых культур тоже оставался традиционным. От 27 до 48 % посевных площадей в зависимости от природно-климатических зон занимала рожь. Под ячмень отводилось от 6 до 13 %, под пшеницу – от 1,5 до 8 %, под горох – от 0,5 до 10 % посевной площади. Во всех климатических зонах была распространена репа – полевая культура. Пшеница и гречиха выращивались только в Сарапульском, Елабужском, отчасти Малмыжском

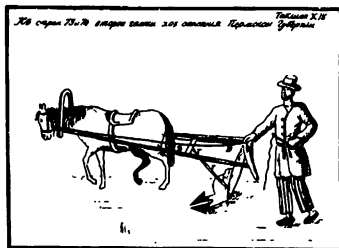

Овин для сушки снопов
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. ч. 2

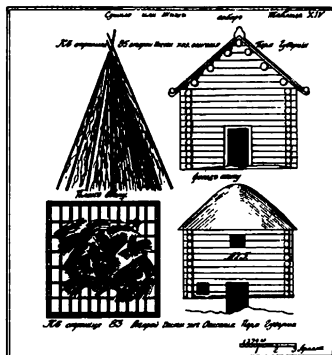
уездах. Из технических культур на севере был распространен лен, на юге – конопля. Крестьянские огороды обеспечивали капустой, свеклой, редькой, брюквой, начали культивироваться морковь, чеснок, лук, огурцы, тыква, бобы.

Урожайность культур была выше в более южных Сарапульском и Елабужском уездах, где преобладали почвы, приближающиеся к черноземам, и черноземы. Здесь средний урожай ржи и яровых составлял сам-5, редко снижаясь до сам-3.

Недостаток удобрений, посредственная обработка почвы, нередкие стихийные бедствия (ранние осенние и поздние весенние заморозки, засухи, град, избыточная увлажненность и т. д.) были причиной неустойчивости урожаев. Урожаи выше среднего выпадали на два-три года из десяти. Случались и общие неурожаи, хотя чаще неурожай яровых сопровождался хорошим урожаем озимых и наоборот. Общие недороды и неурожаи, по данным источников, поражали край в 1704, 1716, 1736, 1765–1766, 1774–1775,

Крестьянин, пашущий деревянной сохой
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. ч. 2

Приспособления для сушки и хранения зерна
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. Ч. 2

1782, 1786–1787, 1795 гг. По-видимому, в 80–90-е гг. неурожаи, по сравнению с предыдущими десятилетиями, стали наблюдаться чаще, нередко они сопровождались эпизоотиями и эпидемиями⁹.

В урожайные годы в Удмуртии появлялись излишки зерна, что создавало предпосылки для постепенного вовлечения сальско-хозяйственного производства в товарно-денежные отношения. Впрочем, крестьяне вынуждены были продавать зерно, даже не располагая его излишками, ибо это был почти единственный источник добывания денег "на расплату податей".

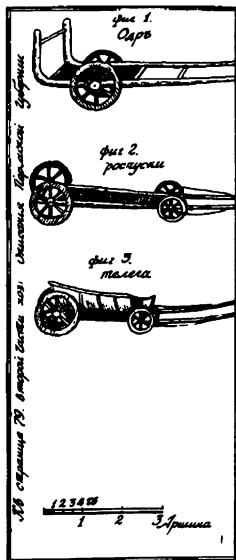
Второй по значению отраслью сельского хозяйства оставалось животноводство. Подчиненное его положение по отношению к земледелию во многом было обусловлено природными условиями Удмуртии — дефицитом пойменных заливных лугов и сенокосов и хроническим, как и во многих районах России, недостатком корма для скота.

Во всех крестьянских хозяйствах Удмуртии разводили коров, лошадей, овец; русские и удмурты, в отличие от татар и марийцев, содержали много свиней. В боль-

шинстве хозяйств было от 2 до 3 лошадей и коров, 2–5 голов мелкого рогатого скота, до 10–12 голов птицы. Зажиточные крестьяне содержали от 20 до 30 лошадей и "безмерное количество", по выражению И. Г. Георги, другого скота.

Большое место в хозяйстве крестьянства продолжали занимать неземледельческие промыслы. Бортничество с сокращением лесных массивов все больше вытеснялось пасечным пчеловодством. Промежуточной формой между бортничеством и пасечным пчеловодством было содержание пчел в ульях-колодах, привязанных к деревьям в лесу.

Падало и значение промысловой охоты на ценных пушных зверей. На рынки через посредничество скупщиков из зажиточных

Приспособления для возки снопов
Из книги Н. Попова "Хозяйственное описание
Пермской губернии". СПб., 1812. Ч. 2

крестьян поступали в основном шкурки белки, зайца, лисицы, горностая, в меньшем количестве – куницы, бобра, медведя, рыси, росомахи. С увеличением распаханности территории, с повышением плотности населения добыча ценных мехов почти сошла на нет, прекратилась добыча соболя.

Рыболовство в Прикамье имело выраженный промысловый характер. Зажиточные дворцовые крестьяне вкладывали немалые денежные суммы в аренду рыболовных угодий у башкир и поставляли много рыбы, в том числе осетровой, и черной икры на рынки Хлынова, Москвы, Кунгура, Соли Камской и других городов. Рыба, добытая в Прикамье, шла также в дворовое ведомство, на продовольствие августейших особ и их приближенных, так как по вкусовым качествам она значительно превосходила волжскую.

Крестьянская промышленность

Обязательным дополнением крестьянского хозяйства, имевшего по преимуществу натуральный характер, была домашняя промышленность, связанная с изготовлением тканей, одежды, нехитрой утвари, мебели, средств передвижения, орудий труда. Часть промыслов стала в XVIII в. перерастать рамки домашней промышленности и приобретать мелкотоварный характер. Так, ткачество, ориентированное на изготовление тканей из льна, из конопля, шерсти и разнообразных смесей этих волокон, стало производить изделия и на рынок. Часть продукции уже в первой половине XVIII в. попадала на рынки поморских городов. Материалы Каракулинской таможи свидетельствуют о вывозе из края значительных партий холста и сукна. Так, в 1741 г. татарин Бехкул Кошанбаев купил в Каракулино "у разных продавцов" и увез в Соль Камскую 1 000 аршин холста-хрища. Каринский татарин Муслим Дюняшев увез в Уфу 3 000 аршин холста и 50 аршин сукна, работник одного из каргопольских купцов скупил и вывез 3 900 аршин сукна сермяжного и 300 аршин холста.

В конце XVIII в. заказы на подкладочный холст для армии в крае разместило интенданство. В 1753 г. оно закупило 1 092 аршин в Елабужском, 2 178 аршин в Глазовском и 185 аршин холста в Сарапульском уездах.

Любопытно, что крестьяне, использовавшие для окраски тканей натуральные красители, стали обращаться и к специалистам, применявшим привозной краситель – кубовую краску (индиго). Красильщики шли в отход в другие губернии.

Относительно высокого уровня развития достигли в Удмуртии промыслы по переработке кожи. В документах содержится много фактов, свидетельствующих о наличии в селениях Удмуртии ремесленников, выполняющих заказы населения целой округи. Нередко эти специалисты уже не ограничивались работой на заказ, а сочетали ее с производством продукции на широкий рынок. Так, в 1792 г. у удмурта д. Старый Кушкет М. Алексеева украли "40 деланных собственных козых и бараньих кож да взятых у разных хозяев кыргитских и русских баранов, телячьих и козлов 160 кож".

Дальнейшая эволюция этих заведений вела к появлению наемной рабочей силы. Интересным явлением были кожевенные "заводы" удмуртов д. Кутешь Арской дороги Алексея и Степана Артемьевых. Владелец одного из них Степан Артемьев не принимал участия в производственном процессе, у него по найму работали "кожевенных дел мастер" В. Алексеев, удмурт д. Средний Кушкет, и 4 подмастерья.

В последней четверти XVIII в. несколько подобных "кожевенных домовых заводов" возникло в Сарапуле. В 1782 г. начал действовать "завод" дворцового крестьянина Тимофея Злыгостева, в 1786 г. "заводы" основали Борис и Прокопий Барабанщиковы, открыл свое предприятие Самсон Балашов, в 1789–1791 гг. – Афанасий Гаревский, Гавриил Злыгостев и сарапульские купцы Александр Зайцев и Максим Седов. В Малмыже действовал кожевенный завод купца из татар Бекчентая Южанова, в Глазове – Сидора Макарова. Кроме того, в Сарапуле

открылись 3 мыловаренных завода "при домах" крестьян Тимофея Солина, Алексея Мошевитина, Демида Колчина.

Все перечисленные предприятия возникли на основе семейной кооперации, дополненной 1–5 наемными работниками. Они имели устойчивые связи с восточными рынками, поставляя на них "кожу деланую", юфть, козлины, мыло.

Из промыслов по переработке сельскохозяйственной продукции особенно был развит мельничный. Так, в 1752 г. тяглые общины северной части Удмуртии, входившей в состав Вятской провинции, заплатили оброчные деньги за 284 мельницы. К концу XVIII в. в четырех "удмуртских" уездах было 1 545 мельниц. Удмуртские крестьяне, как и русские, стали строить более совершенные и более производительные колесчатые мельницы. В отличие от мельницы-мутовки, которая в сезон могла смолоть немногим более 40 четвертей, на колесчатой мельнице перерабатывалось от 90 до 140 и более четвертей зерна. Мукомольный промысел стал перерастать рамки домашней промышленности и превращаться в мелкотоварное производство. Строились крупные мельницы, владельцы которых использовали труд наемных работников – мельников и засыпщиков.

Тесную связь с земледелием имел и винокурный промысел. До введения государственной монополии русские крестьяне Казанского края имели крупные винокурные "заводы". Так, в 1723 г. по Арской дороге был зафиксирован винокурный завод ясачного крестьянина Андрея Золотавина, имевший 12 казанов в 107 ведер, на котором было занято 49 работных людей. Предприятиями мануфактурного типа располагали также купцы и приказные люди.

Винокурное производство удмуртских крестьян, несмотря на запрещение, продолжавшее в 1751 г., продолжалось в форме домашней промышленности. Многочисленные дела "о корчемстве" свидетельствуют о довольно больших объемах производства ритуального напитка – кумышки, требовавшего внушительного количества зерна.

Рамки домашней промышленности, в которых долгое время находилась обработка дерева, в последней четверти XVIII в. становятся тесными. Крестьянские изделия из дерева начинают проникать на широкий рынок. Так, "Камеральное описание Вятской губернии" 1796 г. отмечало, что крестьяне некоторых селений Елабужского уезда занимаются "снятием лубьев, тканьем из оных рогож и кулей, местамй – сидкой дехтю". В 1797 г. малмыжский купец А. Худяков требовал запретить крестьянам вывоз производимого в уезде товара: "лубков, дехтю, рогожек мочальных гуртовым (массовым. – М. Г.) количеством для приезжающих в те селения донских казаков".

На речных пристанях Камы, Вятки, Чепцы развивалось судостроение, предъявлявшее, в свою очередь, спрос на доски, тес, бревна. К концу XVIII в. в крае действовало 18 пильных мельниц, 9 из них принадлежали сарапульским дворянским крестьянам. Особенно крупным владельцем был сарапульский купец Федот Федотов, построивший в 90-х гг. 5 мельниц, одну из которых даже приобрел вятский губернатор С. Н. Зиновьев. Производительность мельницы колебалась от 1 100 до 2 200 бревен в год. Некоторые владельцы не ограничивались производством полуфабриката и налаживали при пильных мельницах производство речных судов. Н. П. Рычков в 70-х гг. отмечал, что в Сарапуле находится пильная мельница, "где из пильного лесу делают различной величины суда, которые, нагрузив хлебом, отправляют в разные места".

В 1796 г. последовал запрет рубить дровя в казенных дачах, и это нанесло сильный удар по указанным заведениям. Пильные мельницы в крае перешли к работе на заказ или прекратили свою деятельность.

Однако строительство речных судов на сплавных реках продолжалось. На Чепце плоты и другие суда силами наемных работников сооружали татары и зажиточные удмурты. На Каме вместительные суда для сплава леса, изделий из него, перевозки

хлеба, соли и других товаров строили купцы и крестьяне-предприниматели. Строительство большегрузных судов: ладей, насадов, коломонок, каюков, шитиков, бархатов, барок, полубарок и т. д. по самим техническим условиям требовало большого числа рабочих рук, т. е. простой капиталистической кооперации.

С переработкой древесины было тесно связано поташное производство. В 1796 г. губернская канцелярия отмечала, что крестьяне Елабужского и Сарапульского уездов "выжигают золу и вывозят на базар... для продажи". В 90-е гг. в крае появляются поташные "заводы". В 1794 г. открыли предприятия этой отрасли Мартьянские дворяне крестьяне Иван Мартьянов и Василий Смагин, в 1796 г. был построен "завод" мощностью в 8 котлов, принадлежавший купцу второй гильдии Назару Алметеву.

Дворянские села и слободы еще до преобразования их в города выступали в качестве центров концентрации ремесленников различных специальностей. "Мастерство же и художества имеют иконописное, кузнечное, чеботарное, серебряное, медное, набоешное", – констатировало "Топографическое описание Елабуги 1784 г.". В Сарапуле были отмечены "медное, чеботарное, портное художества". В Глазовском уезде развито "валяние шляп", очевидно, имеются в виду удмуртские мужские головные уборы из войлока и поярка. Отмечено здесь и "кузнечное ремесло".

Кузнечный промысел рано выделился в ремесло с достаточно высоким уровнем развития технологических приемов обработки металла. Однако запретительные указы, последовавшие в XVII в. и распространявшиеся на все ясачные народы Поволжья, привели к тому, что на юге Удмуртии занятие кузнечным промыслом стало прерогативой русского населения, которое обслуживало удмуртов и представителей других нерусских народов как через сеть стационарных кузниц, так и в форме отхожего промысла.

Например, в 1736 г. русские крестьяне с. Азелина Иван Федосеев с сыном просили "отпустить их в уезде в разные вотские

деревни для кузнечной работы". Любопытно, что Малмыжская воеводская канцелярия потребовала от них "поруки под смертною казною, чтобы они, будучи в деревнях, делали кузнечную работу, а именно топоры, серпы, косы и протчие домашние работные нужды, кроме копей и прочего военного случаю инструментов".

Стационарные кузницы были, как правило, оборудованы довольно разнообразным инструментарием. Так, в кузнице Семена Шихова (1754 г.) имелась следующая "кузнешная снасть: наковальни, мехи, шестеры клещи, четыре молота, двое тиски ступовые, трехрушные, 12 пил, 3 нолинные, 3 гвоздишные, фурмы колесашные, 3 гнезда, 2 доски винтовальные, 3 секача, 3 веретей из точила, подбородошник". Перечисленное говорит само за себя. Владелец оценивал оборудование своей кузницы в 21 руб. 16 коп.

Судя по некоторым свидетельствам документов, в определенной степени продолжало сохранять свое значение и ювелирное ремесло. В описи удмурта Сидора Будина отмечен среди прочих ювелирных изделий "перстень серебряный, мужской, на нем печать – мое бортовое пятно". Несомненно, перстень с фамильным знаком Будина был изготовлен местным ювелиром.

Вполне вероятно, что в татарских долях имелись такие редкие специалисты, как часовщики. Во всяком случае Филимон Дюняшев, давая объяснение по поводу найденных у него весьма специфических инструментов, отмечал, что "железные ножницы, клещи, тиски и прочие" он использовал "для делания медных стенных часов".

Развитие крупной промышленности

Для России XVIII в. стал столетием стремительного роста промышленности. Огромная потребность армии в оружии и снаряжении, а вновь созданного флота – в парусах, канатах, изделиях из дерева стала основной причиной зарождения промышленности в эпоху Петра I. Индустриализация

Елизавета Петровна, императрица
Неизвестный художник XVIII в.

страны, подчиненная военным целям, пошла невиданными для России темпами и невозможными для Запада крепостническими методами. Быстрее всего развивалась металлургия Урала.

Самыми плодотворными для развития крупной промышленности в Удмуртии стали 50–70-е гг. XVIII в. На первом месте по значению и темпам развития оказалась крупная металлургическая промышленность.

Первыми на базе медистых песчаников, эксплуатировавшихся местным населением с эпохи бронзы, стали строиться медеплавильные заводы.

В 1732 г. на месте бывшего казенного Саралинского завода на р. Коринке, близ Елабуги, крупный предприниматель Григорий Красильников, уже располагавший целым рядом медеплавильных и железоделательных заводов на Урале, построил Коринский медеплавильный завод, который был оборудован четырьмя плавильными печами, имел 25 рудников. В 1756 г. местные залежи руды привлекли внимание купца из г. Балахны Игнатия Осокина. На р. Большой Бемышевке – притоке Вятки – он построил Бемышевский медеплавильный завод.

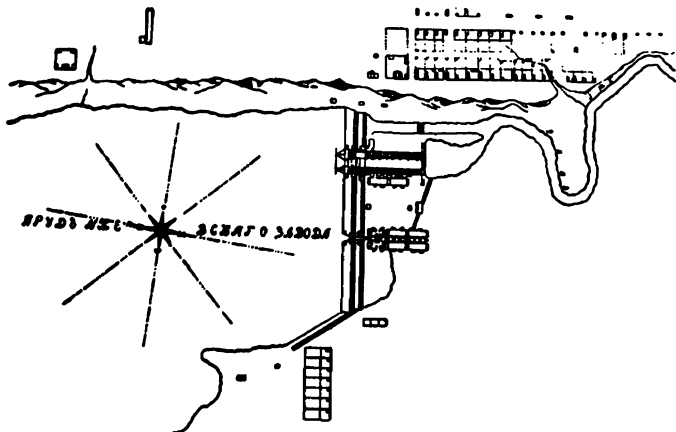
В 1760 г. разрешение Берг-коллегии на строительство медеплавильного завода на р. Варзи – притоке Ижа – получил также

владелец Терсинской волости помещик О. И. Тевкелев. Они в компании с заводчиком С. Д. Фитоновым возвели завод, имевший 4 медеплавильные печи и 332 рудника. Предприниматель Иван Кобелев в 1768 г. построил такой же завод на р. Пыжманке, близ Вятских Полян. Руда для завода, располагавшего четырьмя печами, добывалась из находившихся в его округе 155 рудников. Местные болотные руды, залегавшие в бассейне Чепцы и Вятки с их притоками, также не остались без внимания предпринимателей. Пионерами в освоении железнорудных богатств края оказались казанские купцы П. Келарев и А. Ляпин. В 1759 г. они возвели Пудемский чугуноплавильный завод на р. Пудем, впадающей в р. Чепцу. На заводе действовала одна доменная печь и два молота, проковывавших крицы. Руда добывалась из 38 принадлежавших заводу рудников. Вскоре владельцы продали предприятие уральскому промышленнику И. Осокину, который, не довольствуясь производительностью Пудемского завода, в 1775 г. основал на р. Омутной, впадающей в Вятку, новый Омутнинский чугуноплавильный завод с доменной печью и шестью молотами. При заводе было 290 рудников.

П. И. Шувалов
Неизвестный художник.
XVIII в.

Шувалов Петр Иванович (1710 – 4 января 1762 г.), государственный и военный деятель. В 1754 г. получил в полное распоряжение Гороблагодастские заводы вместе с приписными крестьянами и мастеровыми. Указом Сената от 20 октября 1757 г. ему было разрешено строить новые передельные заводы. Ими стали Камские заводы. В 1761 г. П. И. Шувалов стал их владельцем, а в 1763 г. они были переданы казне.

План Ижевского завода

Устюжский предприниматель Антип Мосолов основал в 1772 г. Залазньинский чугуноплавильный и железоделательный завод на р. Залазне – притоке Белой, – впадающей в Вятку⁸. Завод располагал одной домной и тремя молотами.

Все эти заводы размещались на территории будущего Глазовского уезда. Главными условиями, необходимыми для работы этих предприятий, были запасы руды и наличие заводского пруда, ибо кричные молоты и меха, обогащавшие процесс плавки металла в доменных печах кислородом, приводились в движение водой. Заводы в процессе своей работы истребляли огромное количество леса, так как работа домны обеспечивалась древесным углем. Уголь выжигался в особых курнях. Кроме того, неперенной составной частью заводского хозяйства были вододействующие пильные мельницы, обеспечивавшие строительным материалом сооружение речных судов для перевозки чугуна и железа к потребителю.

Все перечисленные заводы объединяло то, что их основатели и владельцы были выходцами из других регионов России и имели дворянское либо купеческое происхождение. Местных предпринимателей, обладавших капиталом, достаточным для развертывания металлургического производства, в крае еще не было.

Самыми крупными металлургическими предприятиями в Удмуртии стали Воткинский и Ижевский заводы, построенные в 1759 г. и в 1760 г. известным елизаветинским вельможей и царедворцем П. И. Шуваловым.

Будучи владельцем крупнейших Гороблагодатских заводов на Урале, он был заинтересован в новых производственных мощностях для переработки получаемого там чугуна. И Ижевский, и Воткинский заводы предназначались для переработки этого чугуна в железо и, соответственно, назывались железоделательными.

Строительство заводов началось с возведения плотин и устройства заводских прудов.

дов. Дно котлована, на Ижевском заводе достигавшее 60 верст в окружности, а на Воткинском составлявшее свыше 30 верст, тщательно утрамбовывалось вручную с применением жирной глины.

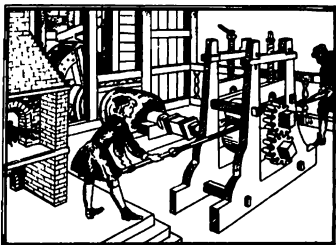
На Воткинском заводе было установлено 16 действующих и 5 запасных, а на Ижевском заводе – 16 действующих и 6 запасных молотов. Нагревательные печи работали на древесном угле, процесс горения происходил при нагнетании кислорода с помощью приводимых в действие мехов.

Пользуясь своей близостью к императрице Елизавете, П. И. Шувалов добился приписки к заводам 13 тыс. государственных крестьян Вятской и отчасти Пермской губерний. Приписные использовались на вспомогательных работах: рубке и подвозке леса, выжиге угля и его доставке на заводы.

Непосредственно заводские механизмы и кричные фабрики обслуживали крепостные мастеровые, численность которых была во много раз ниже приписных. Так, в 1767 г. на Ижевском заводе работало 311 мастеровых, на Воткинском – 586.

После смерти П. И. Шувалова в 1763 г. Камские заводы были переданы в казну и надолго стали государственными предприятиями⁹.

К концу XVIII в. чугуноплавильные и железоделательные заводы Глазовского уезда, входившие в Северный Вятский округ, давали ежегодно около 200 тыс. пудов чугуна, около 45 тыс. пудов железа. Металл вывозили по преимуществу за пределы края: в Казань, Санкт-Петербург, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки и т. д. На месте находила сбыт ничтожная часть продукции. На этих заводах было занято в среднем 750 крепостных и более 700 вольнонаемных мастеровых. Вольнонаемные крестьяне ближайших деревень Глазовского уезда использовались в основном на подсобных работах – копке и подвозке руды, рубке леса, выжиге и перевозке угля, на сплаве металла. Только на Песковском заводе Я. Курочкина вольнонаемные крестьяне были заняты в основном процессе производства металла.

Производство на железоделательном заводе

Производительность Ижевского и Воткинского заводов была значительно выше. За 1760–1807 гг. они произвели 8 653 тыс. пудов разнообразного железа (по 184 тыс. пудов в среднем ежегодно), отличавшегося очень высоким качеством.

Медеплавильные заводы работали менее успешно, встречаясь с большим числом проблем, связанных прежде всего с бедным содержанием меди в местных рудах. Они вместе давали чуть более 4 тыс. пудов меди ежегодно. В основной своей массе металл отправлялся в Екатеринбург на монетное дело¹⁰.

В конце XVIII в. в нашем крае появились и зародыши легкой промышленности. В 80–90-х гг. XVIII в. в Сарапуле бывшими дворовыми крестьянами и мещанами С. Злыгостевым, А. Мошечитиным, Д. Колчиным,

Кладка куч и жожение угля

Т. Солиным были построены небольшие кожевенные и мыловаренные “заводы” при домах. На них работали сами хозяева, нанимая в помощь 1–2 наемных работников-подмастерьев. Продукция – кожи, красная юфта – сбывалась сарапульским чеботарям (мастерам-обувщикам), вывозилась в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку, в Оренбург – на Троицкую ярмарку, на которой представляли свой товар и сарапульские мыловары.

В некоторых помещичьих вотчинах существовали полотняные и суконные мануфактуры, удовлетворяющие потребности владельцев и производившие часть продукции на продажу. Так, один из крупных помещиков Елабужского уезда П. Е. Озеров основал в 1767 г. в с. Старый Бурец полотняную мануфактуру, производившую по 500–1 000 аршин полотна “на голландский манер”

Хлопчатобумажную фабрику основали в 1785 г. малмыжские купцы из татар М. Г. и А. А. Утямышевы. Она располагалась в д. Маскары и производила кумач, сбывавшийся на Макарьевской, Троицкой, Ростовской ярмарках. Сырье покупалось в Бухаре¹¹

Таким образом, во второй половине XVIII в. промышленность Удмуртии сделала заметные шаги в своем развитии, что свидетельствовало о втягивании края в общероссийские процессы. Вывоз промышленной продукции укреплял связи с другими районами страны. Продажа металла на заводах давала возможность расширять ассортимент продукции крестьянской промышленности и набор сельскохозяйственных орудий. Роста численность мастеровых и работных людей. Правда, при этом они продолжали оставаться в крепостной неволе и пользовались меньшей свободой даже по сравнению с крестьянами.

Закрепостительные тенденции, столь ярко проявившиеся в ходе реформ Петра I, усиливались. С развитием промышленности в крае появились не только крепостные мастеровые и работные люди. Государственные крестьяне “неотменно” приписывались

к строящимся заводам и становились приписными, занимая промежуточное положение между заводским населением и крестьянством. Приписные были обязаны отбывать подушную подать на заводах, получая ничтожную плату – по 4 коп. в день зимой и по 5 коп. летом. Некоторые селения приписных находились на расстоянии 600 верст от завода, а время, затраченное на дорогу, не учитывалось. Занимаясь заводской работой в самую страдную пору, они упускали земледелие и разорялись. Не в меньшей степени приписные крестьяне страдали от произвола управителей, приказчиков и надсмотрщиков. Их избивали палками, публично секли розгами, заставляли работать в кандалах или с рогаткой на шее.

Социальные отношения

Одним из основных показателей, определяющих и маркирующих социальные отношения в условиях развитого феодализма, является структура землевладения. Приходится сразу констатировать, что исследователь при их характеристике располагает весьма приближенными данными не только для XVIII в., но и для первой половины XIX в. Даже после завершения генерального межевания земель (в Вятской губернии проводилось с 1804 г. по 1834 г., а сводные “табели” были составлены к 1855 г.), сами государственные органы, в том числе и Вятская казенная палата, неоднократно отмечали, что точными сведениями не располагают¹².

Экстраполируя данные генерального межевания на конец XVIII в., можно отметить, что помещичье землевладение не занимало заметного места в общей структуре земельных угодий края. Дворцовому ведомству вместе с помещиками принадлежало около 350 тыс. дес., что составляло приблизительно 7 % земельных угодий.

Помещичьи владения, так же как и удельные (дворцовые) волости, располагались в наиболее плодородных и экономически выгодных из-за непосредственной близости к

крупным водным артериям – Каме и Вятке – районах Сарапульского, Елабужского и отчасти Малмыжского уездов. Так, в Елабужском уезде было выделено 17 помещичьих дач, в которых числилось 31 782 дес. 668 сажен угодий. Значительная часть этих угодий находилась под лесом. Наиболее крупными были владения Тевкелевых, приобретенные ими в 1733 г. у помещиков Яушевых. В пределы владения входили с. Терси, деревни Туба, Биктова, Юри, Мордва, Чишма, Болтачева, за которыми было закреплено 42 915,1 дес. земли. Кроме того, 2 754, 2 дес. были отмежеваны к Варзино-Алексеевскому заводу, построенному в 1756 г. Тевкелевым в компании с О. Фитоновым.

Второе место по размерам дачи принадлежало владениям помещиков Лебедевых. В д. Лебедевке было 2 528,15 дес. угодий. При Бемышевском медеплавильном и Ключинском винокуренном заводах Лебедевых состояло 14 446,2 дес. преимущественно лесных угодий¹³. В Сарапульском уезде своими размерами выделялось поместье Пироговских, располагавших при с. Шумшор и Семеновской пустоши 2 020 дес. угодий¹⁴.

Дворцовые волости (Сарапульская, Каракулинская, Елабужская) также примыкали к Каме. В Каракулинской волости при межевании было выявлено 61 461,2 дес. угодий, в Козловском и Нечкинском приказах Сарапульской волости – 72 726,1 дес., в Елабужской волости – 40 572,2 дес.¹⁵ Отличительной особенностью землевладения дворцовых волостей и приказов было преобладание в составе угодий пашни.

Заводское землевладение, интенсивно развивавшееся со второй половины XVIII в., имело несколько больший удельный вес. Так, только к строящимся Ижевскому и Воткинскому железоделательным заводам было приграничено 820 тыс. дес. лесов. Расчет размеров лесной дачи велся, исходя из необходимости обеспечить заводы древесным топливом из расчета на 100 лет их деятельности. Кроме того, к началу XIX в. частным, преимущественно металлургическим, пред-

приятиям и приписанным к ним крестьянам принадлежало свыше 300 000 дес. угодий.

Однако главным собственником земли в условиях Удмуртии, в которой, начиная с XVI в., развивался преимущественно государственный феодализм, было само государство в лице всей корпорации собственников. Свое право неограниченной собственности на земельные угодья правительство реализовывало не только через подати и повинности, но и путем постепенного ограничения крестьянского землевладения и землепользования. В начале XVIII в. оброчные статьи были расширены за счет рыболовных угодий, мельничных, "покидных" мест. Указами 1703, 1720 гг. значительные массивы южной Удмуртии были объявлены заповедными и учтены в специальных вальдмейстерских книгах. Пользоваться этими угодьями можно было с особого разрешения вальдмейстеров – лесных надзирателей. Но при всех ограничениях крестьянского землевладения до завершения генерального межевания почти 87 % земельных угодий Удмуртии – около 4,5 млн. дес. – продолжали оставаться в распоряжении крестьян.

В северных районах Удмуртии, как и на всем русском Севере, крестьянское землепользование в первой половине XVIII в. фактически граничило с правами собственности, так как земля состояла в индивидуально-подворном владении крестьянских хозяйств. Каждый крестьянский двор распоряжался своим "паем", в состав которого входили усадебная земля, пашня, сенокосы, иногда даже поскотина и лес, хотя чаще последние виды угодий находились в общем пользовании селения. Крестьяне передавали свой пай или часть его по наследству, продавали, закладывали в качестве гарантии своевременной уплаты долга, меняли, поэтому земля находилась в процессе постоянного активного оборота. Однако при этом неукоснительно соблюдалось условие, чтобы земельный участок не выходил из тягла, т. е. земельная рента за пользование им должна была поступать в

казну исправно, независимо от смены владельца, и ответственность за это возлагалась на крестьянскую общину.

В южных районах Удмуртии, где земля со времен Казанского ханства была закреплена в наследственном владении крестьянских общин, которые осуществляли земельные переделы и неукоснительный контроль за использованием подворных наделов, такой свободы землепользования не было.

Покупение на земельные угодья общины со стороны крестьян без санкции мирской власти здесь преследовалось довольно строго. Приведем один пример: "мирской начальник" (очевидно, староста. – М. Г.) д. Азелинской при осмотре общинных сенных покосов обнаружил, что Максим Трофимов "отгородил часть покосов себе, а на общественные набросал кустарник и смял траву". Во избежание повторения подобных случаев на мирском сходе Трофимову "сделали на теле пристойное наказание"¹⁶

В какой-то мере крестьяне распоряжались: передавали по наследству, закладывали и продавали – лишь участками новин, недавно введенных в хозяйственный оборот трудом данной крестьянской семьи. Зажиточная прослойка вынуждена была расширять свои земельные наделы за счет аренды земельных угодий в соседних башкирских волостях.

Аренда была особенно развита в дворовой деревне, причем объектом становились, как правило, рыболовные угодья, используемые в предпринимательских целях. Но встречаются и исключения, когда аренда башкирской земель предусматривает их обработку с последующим поселением. Так, крестьяне с. Старый Пьяный Бор (10 человек) арендовали у башкир Енейской волости земли "на распаханые, с правом поселиться 10 дворами на 20 лет"¹⁷. Е. И. Индова в исследованиях о дворовом крестьянстве отмечает, что "богатеи из Сарапульской волости арендовали землю и угодья у башкир по 100 и более десятин"¹⁸. Можно назвать десятки имен таких "богатеев" из Сарапульской и Каракулинской волостей, арендовавших угодья для ведения предприниматель-

ского промыслового (рыбная ловля, добыча пушнины. – М. Г.) и зернового хозяйства силами наемных работников в целях последующей поставки продукции на рынок.

На севере Удмуртии, когда община-доля, идентичная северорусской волости, фактически не вмешивалась в распоряжение земельными угодьями и когда каждый двор имел право "лес чистить, пашни и покосы распрятывать", сообразуясь лишь с границами доли, земля все больше концентрировалась в руках зажиточных крестьян, располагавших денежными средствами и разными способами прибиравших к рукам земельные владения крестьян своей округи. Особую активность в земельных приобретениях проявляли татары – потомки арских князей Араслановых, Долгоаршинных, Девятьяровых, Касимовых и других, которые из поколения в поколение округляли свои владения, доставшиеся им по купчим и закладным. За ними следовали, кое-где вступая в конкурентную борьбу, зажиточные бесермяне и удмурты, которые выступают в качестве покупателей земли в большинстве купчих, зафиксированных в крепостных конторах в XVIII в. Хотя возможности зарождающейся удмуртско-бесермянской деревенской знати не шли ни в какое сравнение с возможностями бывших каринских князей, тенденция развития земельных отношений была общей и в русской черносошной, и в татарской, и в удмуртско-бесермянской деревне – концентрация земли в руках зажиточных крестьян, налаживающих предпринимательское хозяйство, и постепенное обезземеливание деревенских низов.

Однако этот процесс становления элементов буржуазных отношений в крестьянском землепользовании Удмуртии был насильственно прерван государством. После появления указов Сената от 23 августа 1751 г., 13 мая 1754 г. и 4 мая 1768 г., а также по требованиям инструкции к генеральному межеванию от 25 мая 1754 г. все крестьянские сделки на земельные угодья были признаны недействительными. Подверглись аннулиро-

ванию и все арендные договоры между крестьянскими общинами и владельцами частных предприятий. Мотивировка была предельно ясной: "Дабы крестьяне не могли за казенные земли пользоваться получением денег"

Со временем мысль об отсутствии прав распоряжения землей внедряется и в крестьянское сознание. Требования правительственных органов здесь совпали с устремлениями обезземеливающихся низов деревни. В 70-е гг. XVIII в. земельные переделы по-прежнему начинают проводиться в отдельных общинах севера Удмуртии и индивидуально-подворное владение постепенно вытесняется общинным. Однако добиться окончательного и бесповоротного внедрения в жизнь северной деревни уравнительного принципа землепользования и полной отмены свободы распоряжения земельными угодьями в XVIII в. не удалось. Товарно-денежные отношения успели достаточно глубоко проникнуть в эту сферу крестьянской жизни, и искоренить их единым махом было невозможно. Это стало реальным лишь после завершения генерального межевания, когда крестьянские дачи были жестко ограничены 15-десятиной "душевой пропорцией"

Расслоение крестьянства

Имущественная дифференциация крестьянства Удмуртии, ощущаемая уже в XVII в., на протяжении XVIII в. углублялась и перерастала в социальное расслоение. Абсолютное большинство дворов засевали 3–4 дес. в одном поле, содержали 2–3 лошади (минимум, без которого было невозможно ведение самостоятельного хозяйства), 3–4 коровы, 5–6 голов мелкого скота. На этом фоне резко выделялись деревенские богатеи. Обрабатывая от 15 до 25 дес. пашни, они имели до 100 голов скота, в том числе и до 20–30 лошадей. В то же время были дворы, засевавшие не более 0,5–1 дес., не имевшие лошадей и другого скота, а также "нищенские" дворы, без посевов и имущества.

Деревенские "коштаны, ябедники, горлапы", как именуют их в своих челобитных удмурты, использовали самые разнообразные способы эксплуатации своих односельчан и сородичей. Чужой труд особенно широко применялся в хозяйствах каринских татар. По данным 1721 г., 47 % хозяйств Каринской татарской доли использовали в своих хозяйствах наемных работников, причем в 65 % этих дворов их было по 2 и более. Кроме того, в указанных хозяйствах эксплуатировались 124 половника. Излишки приобретенной с помощью разнообразных сделок земли, которые не удавалось осилить даже с помощью наемных работников и половников, сдавались в аренду – в "кортому". Так, в 1721 г. на землях каринских татар было выявлено 625 кортомщиков из русских крестьян.

Как свидетельствуют данные за этот год, в Каринской бесермянской доле к эксплуатации чужого труда прибегали 18 % хозяйств, в большинстве из них было по 1 работнику. На 89 хозяйств здесь было отмечено 11 половников и 97 кортомщиков.

Социальный состав удмуртской деревни разительно отличается своей однородностью. В пяти удмуртских долях в 1721 г. был зафиксирован всего 21 наемный работник, 13 половников и кортомщиков¹⁹.

Ко второй половине XVIII в. наметился отчетливый процесс вытеснения наиболее кабальных форм использования чужого труда, каким являлось половничество, широко распространенное в XVII в. В 1744 г. татарские богатеи отказались от половничества. Выборные от каринских татарской и бесермянской долей заявили, что в Закаринской, Косинской волостях Слободского уезда у них имеется 616 душ половников и кортомщиков и "ныне де оные половники оказались им неспособны". Просьба об освобождении половников от власти их бывших владельцев была удовлетворена²⁰.

После 20-х гг. XVIII в. подрады на половничество почти не встречаются и в Прикамье, хотя в конце XVII – начале XVIII в. по свидетельствам документов Каракулинской

крепостной конторы, эта кабальная форма эксплуатации широко использовалась зажиточным дворцовым крестьянством.

Можно предположить, что в условиях абсолютного преобладания денежной ренты и продолжающих развиваться товарно-денежных отношений половничество, основанное на натуральной форме взаимоотношений владельца земли и работника, уже не было рентабельным. Наиболее распространенной формой привлечения чужого труда в зажиточные хозяйства становится жилая запись, как правило, обусловленная денежным долгом. Последнее обстоятельство подчеркивает кабальный характер жилой. Не случайно татарская верхушка всех работников, привлекаемых по жилой записи, объединяет под понятием "крепостные срочные работники". Особенно кабальным характером отмечены жилые, навязанные каринскими татарами слободским удмуртам. В 20 записях зафиксировано условие, очень тяжелое для работника: до полного возмещения долга выполнять "всякую работу беспрекословно, а за пожилые ничего не спрашивать". Любая попытка воспротивиться воле хозяина усмиряться "домовым смирением", которое заходило достаточно далеко; в целом ряде актов содержится оговорка: "Токмо головы, рук и ног не изувечить". Интересы кредитора-хозяина гарантировались даже в случае болезни или смерти работника, заемщик был обязан предоставить взамен такого же полноценного работника или "заживать долг самому". Нередко зависимость от хозяина простиралась на всех членов семьи заемщика.

К данным записям достаточно близки жилые, обусловленные значительной суммой долга, отработка которого растягивалась на 10–20 и более лет. Так, удмурт Михайло Кожин вместе со всей семьей попал в 25-летнюю кабалу к татарину Мавлишу Девятярову. Труд его семьи оценивали в 1 руб. пожилых за год, зачитываемых в уплату долга. Удмурт д. Чутырской Зянсеит Курбаналиев, занявший 13 руб. у своего односельчанина Данила Агбердеева, согласился на еще бо-

лее кабальные условия. Он обязался отбывать долг в течение 26 лет, "пити и ести хозяйское, а рубашки и порты ево и подушные деньги... окупать ему, Зянсеиту, собой"²¹. Таким образом, год работы Курбаналиева оценивается всего в 50 коп., в то время как еще Уложение 1649 г. установило оплату труда по жилой записи для мужчин – в 5 руб., для женщин – 2 руб. 50 коп., для детей старше 10 лет – 2 руб. в год. В Удмуртии оплата крайне редко достигает этого минимума, в большинстве записей она колеблется между 1–2 руб., правда, с условием "пити и ести ево, хозяйское". Вариации договоренностей натурального обеспечения работника отличаются большим разнообразием.

При анализе всей совокупности выявленных жилых записей нельзя не отметить, что в наибольшей степени кабальными отношениями опутана удмуртская деревня. Для заключения крестьян деревенские ростовщики, особенно бывшие каринские князья, чаще всего прибегали к разнообразным методам внеэкономического принуждения. Как показали сыски 1699–1704 гг., они брали жилые записи, прибегая к угрозам и шантажу, используя свое господствующее положение в удмуртских общинах и корыстные связи с представителями вятской администрации.

Наряду с переходной, полукабальной формой найма, какую представляла жилая запись, существовал и развивался свободный найм. Из источников следует, что уже в первой четверти XVIII в. 20–30 % разорившихся крестьян обращались к срочной наемной работе.

Нередко крестьянин, ушедший из своей деревни из-за разорения, десятилетиями не возвращался в нее, работая по найму у разных хозяев, часто меняя их, что исключает возможность долгового закабаления. В многочисленных допросах прописных во время ревизий перед нами проходит множество крестьянских судеб, чьим уделом стала "черная работа". Так, допрошенный в 1755 г. удмурт д. Лиминской Чепецкой нижней доли Матвей Чабыров сказал, что

из своей деревни ушел "за скудостью" лет 15 назад в Казанский уезд и жил у разных татар по году, затем у удмурта д. Чюжги-Пельги В. Абдулатова "да у брата ево Васеня по году", в д. Кецгурт у Ахмата Туганашева 2 года, в д. Кызывырской у Никиты Искандерова да у Зянбека Тинбекова, в д. Лозязин у Давлика Бегеева по году, у Акбулата Зянбердеева 2 года²². Итак, за 15 лет Чабыров сменил 11 хозяев. Число подобных примеров можно умножать бесконечно. Несмотря на угрозу жестокого наказания, таких работников довольно охотно нанимали, так как эта категория наемных работников соглашалась на самую минимальную оплату своего труда. Количество наемных работников у захиточных хозяев могло быть довольно значительным. Например, у Каринского татарина Бизяка Долгоаршинного, наряду с "крепостными срочными" (закабальными по условиям жилой), "в работе ис платы" находились удмурты Ф. Саитов, Ф. Курбашев, А. Мололин с женой и русский крестьянин И. Опалев с женой. У удмурта Чепецкой нижней доли Первуши Лукина жили 5 наемных работников²³ и т. д.

Во второй половине XVIII в. дифференциация крестьянства и наемная работа беднейшей его прослойки стали настолько заметными явлениями, что нашли отражение в официальных ответах на анкету Академии наук: "...богатые крестьяне довольство как в земледельстве, так и в торговле лучшее имеют, а малоземельные и не имущие довольного скота и имущества... нанимаются как у своей братьи, так и у русских людей в работы ис платы"²⁴.

Наемную работу как обычный удел "неимущих" крестьян характеризуют и ответы на анкету Вольного экономического общества 1794 г. "Неимущие находятся у прожиточных в работе", — отмечается в ответах из Елабужского уезда. В то же время не прошло мимо внимания составителей ответов на вопросы анкеты и сохранение кабальных форм найма. В ответе из Малмыжского уезда сообщается, что первостатейные крестьяне, "хлеб имея в достатке, продают за деньги,

иные отдают бедным в работу"²⁵. В 70-е гг. XVIII в. подобное явление в Слободском уезде отмечал в своих записках, путешествуя по России, академик И. И. Лепехин.

Углубление товарно-денежных отношений

Использование чужого, наемного и полукабального труда, в свою очередь, стимулировалось проникновением в экономику крестьянского хозяйства товарно-денежных отношений и их дальнейшим углублением.

Как и в предшествующие столетия, одним из важнейших стимулов обращения крестьянства к рынку являлась денежная рента. Именно в поисках денег "на расплату государственных податей" крестьяне вынуждены были из года в год продавать значительную часть земледельческой продукции на ближайших и отдаленных рынках. При этом все больше на первый план, тесня продукцию добывающих и обрабатывающих промыслов (мед, воск, пушнину, щетину, кожу), выходила продукция земледелия (зерно, мука, крупы, толокно, лен, льняное семя).

В XVIII в. первостепенное значение для нашего края продолжали иметь освоенные еще в XVI–XVII вв. северные рынки — Архангельск, Соль Камская, Пермь, Чердынь.

Дошедшие до нас таможенные книги Соли Камской свидетельствуют о том, что свыше половины хлебной продукции, реализуемой здесь, было доставлено удмуртами. При этом с 1710 г. по 1734 г. объем этой продукции возрос в 13 раз²⁶. Кроме того, купцы Соли Камской и других городов Пермского края закупали хлеб на сарапульском рынке и доставляли его водным путем. Сами удмурты, пользуясь зимним путем, привозили пшеничную муку, крупы, толокно, горох, мед и т. д. в Пермь и в другие города края.

Еще более налаженной была торговля хлебом с Архангельском, откуда удмурт-

ский хлеб в общем потоке грузов, доставленных из различных районов, отправлялся за рубеж. К сожалению, систематические сведения о размерах хлебной торговли с Архангельском не сохранились, поэтому приходится пользоваться лишь фрагментарными данными. Так, в 1713 г. по казанской и вятской книгам в привозе к Архангельску значилось 7 545 четвертей ржи, 95 – яшной муки, 12 четвертей овса, 2 153 четверти ржаной муки, 52 – ячменя²⁷. В 1734 г. только из г. Слободского к Архангельску было отпущено 3 567 четвертей хлебных припасов.

Вятский хлеб продолжал поступать и вывозиться через Архангельск, а не через Петербург и во второй половине XVIII в. Для снабжения Санкт-Петербургских хлебных магазинов велись целенаправленные закупки зерна и муки в удмуртских уездах Вятской губернии. Так, в 1787 г. только в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах казенным ведомством было закуплено 270 тыс. пудов муки. В 1788 г. вятский губернатор получил задание закупить 495 тыс. пудов. В 1791 г. было приобретено 35 тыс. 9-пудовых кулей хлеба.

В XVIII в. к традиционным рынкам сбыта прибавился "низовой отпуск". Кроме Макарьевской ярмарки под Нижним Новгородом, удмуртское Прикамье наладило прочные связи с Астраханью, землей войска Донского и др. Сюда по Каме и Волге шли караваны судов, груженных хлебом, лесными изделиями и др.²⁸

В первой половине XVIII в., судя по материалам крепостных контор, вывоз хлеба и других товаров из Прикамья сосредоточили в своих руках иногородние купцы: казанцы, туляки, симбирцы, костромичи²⁹, а во второй половине XVIII в. начинают активизироваться местные купцы, создавшие в крае четкую действующую систему закупки меда, воска, пушнины, но прежде всего хлеба.

Действие этой системы рельефно проявлялось в неурожайные годы, когда многие районы ощущали дефицит и начиналась конкурентная борьба между скупщиками и предпринимателями за право вывоза удмурт-

ского хлеба. Так было в 1760–1763 гг., когда северо-восток Вятской губернии постиг неурожай. В Удмуртии, хотя "и с уменьшением", излишками зерна на продажу крестьяне все-таки располагали. Голодающие жители Кайгородского уезда купили в каринских долях нужное им количество хлеба, но вывезти его за пределы Глазовского уезда они не смогли, так как приказчики Западинского завода с заводскими людьми его реквизировали. Реквизиции подверглись и запасы, подготовленные удмуртами и каринскими татарами для транспортировки через Егорьевскую пристань. Тем не менее, вятские купцы имели возможность вывезти из края около 19 тыс. пудов хлеба.

В 1764 г. в удмуртских селениях было устроено "общее свидетельство хлеба для изъятия излишков" и запрещено вывозить крестьянский хлеб через Лецкую и Ношульскую пристани, но, как и ранее, для зерна и муки, приобретенных купцами, делалось исключение. Продолжалась и поставка хлеба для казенных и частных заводов. Особой заботой были окружены винокуренные предприятия генерал-прокурора Сената А. И. Глебова, приказчики которого в этой обстановке не останавливались перед преступными действиями, добывая зерно и муку для своего патрона. Зимой 1763 г. один из приказчиков Глебова Матвеем Черным был на мельницу, принадлежавшую свободному купцу Рязанцеву, и выявил на ней 9 610 пудов муки и ржи. Собрав окрестных удмуртов, он вынудил их вывезти зерно без всякой оплаты на завод хозяина.

Попутно выявилось еще одно обстоятельство: удмурт Афанасий Кайсин, бывший приказчиком Рязанцева, одновременно выполнял в Удмуртии поручения по покупке хлеба владельцев ряда железоделательных заводов. Так, подчиняясь Рязанцеву, он вместе с хозяином был агентом заводовладельца Курочкина.

Такую же трехзвенную цепь образовали слободской купец Яков Киреев, его посредник слободской крестьянин Анфила-

тов и агент последнего удмурт А. Ахкузин. Посредником слободских купцов Макарова и Дряхлова был удмурт д. Усть-Лекомской Ф. Буддаков. Через посредников закупали хлеб в удмуртских селениях слободские купцы Шмелев, Дряхлов, Каркин, кунгурский купец Василий Юхнев и др.³⁰ Их агенты стремились, чтобы не упустить зерно нового урожая, заранее "обзадачить" крестьян округи.

Кредиты под поставки хлеба давали возможность снизить цены до минимальных размеров, а порой получить его в качестве оплаты процентов, т. е. даром.

Появление скупщика, с одной стороны, означало углубление товарно-денежных отношений, так как он способствовал вовлечению продуктов земледелия в рыночное обращение. В то же время скупщик отрезал крестьянина-производителя от рынков сбыта и опутывал его сетью кабальной зависимости и ростовщических прижимок. Диктуя свои условия и цены, присваивая в виде торговой прибыли не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого труда крестьянина, он обрекал его на воспроизводство хозяйства в одних и тех же масштабах, лишал возможностей расширения. Стало быть, с другой стороны, скупщик в значительной мере способствовал консервации натурально-патриархального уклада. Особенно это касалось удмуртско-бесермянской деревни, которая в XVIII в. и была главной ареной деятельности торгово-ростовщического капитала.

Другой парадокс заключался в том, что господство скупщика и кабалы, в свою очередь, обуславливалось недостаточным уровнем развития товарно-денежных отношений в самой Удмуртии. Потребность неземледельческого населения края в хлебе составляла даже в конце XVIII в. около 24–25 тыс. четвертей. Какую-то часть зерна покупали приписные крестьяне. Но основная масса произведенного в крае хлеба находила сбыт на достаточно отдаленных рынках, доступ к которым для крестьянина был затруднен.

"Сеть мелких местных рынков" в Удмуртии сформировалась довольно поздно. Лишь с

60-х гг. XVIII в. со становлением крупной металлургической промышленности наблюдается увеличение сети торжков, торжищ и базаров, которые стали проходить в заводских поселениях. Кроме того, выделились крупные селения, знаменитые своими ежегодными ярмарками и еженедельными базарами: Балезино, Богородское (Лобань), Дебесы, Каракулино, Уни, Укан. Однако список таких сел оставался довольно ограниченным, а обороты действовавших в них ярмарок небольшими.

Немалую роль в замедленном развитии торговой сети и товарно-денежных отношений играло то обстоятельство, что статус торгующего крестьянина был сопряжен с постоянным и немалым риском: соперничество с купечеством воспринималось весьма и весьма неодобрительно, а местная бюрократия никогда не пренебрегала возможностью поживиться за его счет. Очевидно, вследствие этих обстоятельств крестьяне стремились найти защиту для своей деятельности в лице крупных представителей торгового капитала, становясь их агентами и действуя под их защитой. Неудивительно, что по мере накопления капитала торгующие крестьяне стремились порвать со своим сословием и перейти в купечество. Уже в первой половине XVIII в. попытку официально получить купеческое звание сделали каринские татары Араслаповы, Девятяровы и Бектемир Зянчурин³¹ (по всей вероятности, бесермянин), но тогда переход в купеческое сословие этой группы не состоялся.

Выйти за стесняющие торгово-предпринимательскую деятельность рамки крестьянского сословия удалось в последней четверти XVIII в. довольно большой группе дворцовых крестьян. В 1794 г. в Удмуртии статистика насчитывала 224 купца. Капитал, накопленный ими в крестьянском сословии, равнялся 123 045 руб.³² Кроме того, своей очереди на переход в купечество ждали еще 62 крестьянина Елабужского уезда. В 1796–1798 гг. в купечество записалось еще 15 дворцовых крестьян³³.

Таким образом, зажиточные крестьяне предпочитали не расширение земледель-

ческого производства, которое в природных условиях края, да и в социальных, было куда более рискованным, даже по сравнению с торговой деятельностью, а получение прибыли, узаконенное переходом в купечество, что было куда более предпочтительным способом реализации замыслов зажиточной прослойки деревни.

В итоге в XVIII в. в удмуртской деревне абсолютно и безусловно преобладала масса "среднестатейных" крестьян, ведущих натуральное хозяйство и обращавшихся к рынку лишь в силу необходимости денежных средств для уплаты податей и удовлетворения appetитов многочисленных представителей бюрократии и духовенства. В своем собственном хозяйстве они довольствовались самым минимальным количеством товаров и вещей, приобретаемых через сферу рынка. Неудивительно, что в этой обстановке чрезмерно возрастало значение и размеры деятельности скупщиков – агентов местных и отдаленного происхождения купеческих фамилий.

Податная и этноконфессиональная политика

Подавляющее большинство крестьян Удмуртии продолжали состоять в официально узаконенном Платком 1724 г. сословии государственных крестьян.

Податной и налоговой гнет на протяжении XVIII в. возрос многократно. Уже в XVI в. – первой четверти XVIII в. ясачные платежи народностей Поволжья представляли сочетание феодальной ренты и государственного налога. То же можно сказать и в отношении черносошных крестьян северных районов Удмуртии. Огромные государственные расходы на ведение войн, строительство городов, крепостей, каналов, заводов, армию и флот со всей тяжестью ощутило на своих плечах и крестьянство Удмуртии.

В северных районах края в первой четверти XVIII в. платили стрелецкую подать,

дополняемую самыми разнообразными сборами. В 1701 г. на каждый удмуртский двор Каринской волости падало по 2 руб. 11 коп. денежных платежей, которые уже в 1702 г. возросли почти до 3 руб., а к концу первой четверти XVIII в. удвоились.

Денежная часть ясачных платежей крестьянства южной Удмуртии увеличивалась столь же стремительно. Так, в 1717 г. на 1 ясак приходилось 14 руб. 43 коп. денежных платежей с нерусских и 10 руб. 78 коп. – с русских крестьян. Значительная разница объясняется тем, что среди удмуртов и других народов число бежавших, умерших, а также перешедших в христианство и т. д., оказалось намного больше, чем среди русских, и платежи за выявленную ландратской переписью "пустоту" оказались намного выше³⁴.

Наиболее тяжелым было бремя государственных налогов с ясачных и черносошных. Налоги с помещичьих и дворцовых крестьян были намного ниже. Так, в 1723 г. ясачные крестьяне в пересчете на дворы платили в казну по 4 руб. 46 коп. в среднем, в то время как помещичьи – по 2 руб. 65 коп., дворцовые – по 2 руб. 98 коп., церковно-монастырские – по 3 руб. 93 коп. Львиную долю феодальной ренты государство оставляло собственникам этих крестьян. С учетом этого податное положение помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян было еще хуже, чем государственных³⁵.

Но при всей обременительности денежные поборы были далеко не единственной разновидностью государственных платежей крестьянства Удмуртии. Для всех ясачных людей, как и в XVII в., сохранялась хлебная подать – по 1 четверти ржи, 2 четверти ржаной муки и 2 четверти овса с каждого ясака.

К этим обязательным сборам постоянно добавлялись разного рода новоизобретенные: с бань, пасек, ношения бороды, так называемых "иноверческих свадеб", мусульманских мечетей и языческих молибиз и т. д. В 1706 г. побором в 550 руб. было обложено право северных удмуртов на изготовление национального напитка – ку-

мышки. Это право было отменено в 1749–1751 гг., однако деньги продолжали взыскиваться ежегодно. В 1757 г. удмурты просили незаконно взысканные с них по этой статье 3 480 руб. зачесть в подушный сбор, но просьба осталась без ответа³⁶.

Прямые налоги сочетались с косвенными: безоговорочная монополия государства на продажу соли, вина, табака сопровождалась очень высокими ценами на эти товары. Так, для покупки пуда соли, без которой в отличие от вина и табака было совершенно невозможно обойтись, требовалось продать около 8 пудов хлеба. Кроме того, при продаже крестьянских товаров, при оформлении купчих и прочих документов с крестьян взыскивались таможенная (до 1753 г. существовала сеть таможенных караулов, следивших за провозом товаров и уплатой пошлин с веса товара и с продажной суммы) и конская (с торговли лошадьми) пошлины.

С 1701 г. были введены постоянные мобилизации для строительства крепостей, городов, а с 1703 г. – новой столицы Санкт-Петербурга. Так, в 1705 г. удмурты Каринской волости поставляли на строительство Архангельска по 1 человеку с каждых 5 дворов, одновременно снабжая работников деньгами на пропитание, снаряжение и заготовку необходимых строительных материалов. В какой-то мере судить о размерах работной повинности можно по сохранившимся данным по Казанскому уезду.

В 1717 г. русские ясачные крестьяне этого уезда были обязаны поставить 1 730 работников для строительства Санкт-Петербурга, 173 специалиста-плотника на строительство гаваней и Адмиралтейства, 1 055 работников для строительства судов в Казанской верфи. Нерусские крестьяне уезда давали ежегодно по 2 900 работников на возведение Петербурга, по 1 конному работнику с 206 ясаков на возведение гаваней и т. д.³⁷

Естественной реакцией крестьянства на непосильность бремени были бегство, утайка душ во время ревизии. Разорение крестьян вело одновременно и к уменьшению ясачного оклада двора: целый ясак выдерживали

очень немногие хозяйства, многие дворы были обложены $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. долями ясака.

Неэффективность подворной системы обложения, введенной в последней четверти XVII в., привела к новой податной реформе. В 1724 г. подворный принцип обложения был заменен подушным. После проведения первой подушной переписи и ревизии ее результатов, длившейся до 1724 г., в основу податного обложения была взята душа мужского пола, независимо от возраста и трудоспособности. Одновременно был официально узаконен разряд государственных крестьян, в состав которого вошли все русские и нерусские ясачные и черносошные крестьяне. Первоначально подушная подать была установлена в размере 81,5 коп., затем снизилась до 74 коп. Государственные крестьяне, кроме того, должны были платить в казну 40 коп. оброчных денег "вместо помещичьего дохода".

В 1760 г. оброчный сбор возрос до 1 руб., в 1768 г. – до 2 руб., в 1783 г. достиг 3 руб. В 1797 г. по распоряжению Павла I оброк был дифференцирован в зависимости от уровня развития губерний. Государственные крестьяне Вятской губернии были обложены по ставке 3 руб. 50 коп., и, кроме того, несли специфический сбор "на содержание обывательских лошадей" по 1 руб. 15,7 коп. с каждой мужской души³⁸.

Тенденции к росту, хотя и менее стремительные, проявляла и подушная подать: в 1794 г. она возросла до 1 руб. 2 коп.

Подушная подать отнюдь не заменила собой другие как денежные, так и натуральные поборы. Так, с нерусского населения Каринской волости продолжал взыскиваться сбор "на провиант и фураж" – по 1 руб. 37 коп. с каждого двора. Сохранялись оброчные сборы с самых разнообразных угодий, арендуемых крестьянами у казны: мельничных мест, рыбных ловель, бобровых гоней, бортовых ужожаев, сенокосов и т. д. В 1737 г. последовал указ о введении натурального хлебного налога с русских ясачных и черносошных крестьян по 1 четверику, а с нерусских – по

2 четверика с каждой души. В 1741 г. размеры хлебной подати с нерусских крестьян Поволжья утроились – по 6 четвериков с души. Только многочисленные волнения и выступления вынудили правительство отказаться от этой натуральной повинности. Продолжались и мобилизации работных людей. Начиная с 1732 г., крестьяне Удмуртии поставляли работников для строительства второй Закамской крепостной линии – от Самары к Елабуге. В 1736 г. проводились мобилизации работников для ремонта крепости Азов. В 1768–1773 гг. набирали работников для строительства и ремонта крепостных сооружений в Черкасске, Азове, Таганроге, крепости Святого Дмитрия и т. д.

С 1705 г. на нерусские народы Поволжья и Приуралья всей тяжестью легла рекрутская повинность, ставшая для них, из-за особенностей ментальности и незнания русского языка, одной из тягчайших. Удмурты неоднократно просили заменить рекрутскую повинность денежной податью по самой высокой ставке, но успеха не добились.

Много нареканий на свою обременительность вызывала и ямская повинность, повинности по исправлению дорог и мостов на почтовых трактах и т. д.

Социальный гнет многократно усугублялся тем, что крестьянство было всецело отдано на разграбление чиновно-бюрократическому аппарату самодержавия. Беззастенчивый грабеж, грубое вымогательство, не знающие пределов, процветали во всех инстанциях государственной власти, начиная с Сената, губернской, провинциальных канцелярий, кончая солдатами, рассыльщиками и выборными представителями власти в волости и сотне.

Злоупотребления чиновно-бюрократического аппарата неоднократно становились предметом обсуждения в Сенате, в ходе следствий вскрывались такие ужасающие картины произвола, что проводившие это следствие "едва смели донести" о них.

В пособников в грабеже крестьянства были превращены выборные представители мирской власти, назначавшиеся из крестьян-богатеев.

При сборе подушных денег они ежегодно собирали с каждой души по 2–3 коп. для взятков представителям бюрократии.

Ужасающие размеры этих поборов, взыскиваемых через общину, можно продемонстрировать на примере Сивинской волости, населенной русскими крестьянами. Они добивались расследования дела о взятках во всех инстанциях, включая и Сенат, в течение четырех лет. В ходе расследований выяснилось, что сверх подушных денег с каждой живой души было взыскано по 40 коп., а с покойников – по 15 коп., в 1751 г. – по 25 и 15 коп. соответственно и т. д. В итоге собралась довольно внушительная сумма в 6 730 руб.³⁹

Решительными переменами характеризуется в XVIII в. и конфессиональная политика правительства, которая в Петровскую эпоху от увещаний перешла к насильственному насаждению христианства. В 1720–1722 гг. было издано несколько указов о массовой христианизации народов Поволжья и Приуралья, в их числе удмуртов, о вознаграждении крестившихся и о трехлетней льготе им в уплате податей и повинностей.

Указом от 11 сентября 1740 г. и целым рядом последовавших за ним указов и распоряжений подати и повинности язычников, принявших крещение, перекладывались на оставшихся в "языческом суевеии"⁴⁰. Для новокрещен сохранялись льготы, введенные указами 1721–1722 гг., к ним прибавились обещания освобождения их от долговой кабалы, а виновных – от наказаний. Появились нередкие случаи, когда убийцы переходили в лоно христианства и за это им отменяли неминуемое наказание.

В 1740 г. была создана Новокрещенская контора со штатом проповедников и сопровождавших их солдат "инвалидной команды".

Еще большее рвение в приведении язычников-удмуртов "ко крещению" стали проявлять служители воеводских и провинциальных канцелярий, которые прививали христианство через "битие плетью немилоостивно", "за волосы и бороду драли", подвешивали вниз головой, морили голодом и т. д.⁴¹

Оставшиеся "в неверии" удмурты, как и другие народы, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. К 1750 г. на некрещеных Казанской губернии, численность которых (130 тыс. д. м. п.) была почти вдвое меньше новокрещен, значилась огромная сумма недоимок – около 303 тыс. руб. Свидетельство направленных в губернии штаб- и обер-офицеров показало, что эти несчастные язычники находятся не в состоянии к платежу податей не только за новокрещен, но и за себя. По сенатским подсчетам, каждый платежеспособный должен был, кроме суммы, приходившейся на его ревизскую душу, внести дополнительно по 6 руб. 80 коп. Сенат был серьезно обеспокоен сложившимся положением, так как предполагал, что вскоре "подати и рекрут брать будет не с кого" Не исключалась и возможность волнений⁴².

"Всеконечное разорение" вынуждало язычников делать выбор в пользу христианства: к концу XVIII в. большинство удмуртов приняли крещение. Однако это отнюдь не избавило их от злоупотреблений. Они в своих челобитных жаловались, что священники приезжали к ним по 4–5 раз в год, брали "ис под насилия и побой" денег от 30 коп. до 3 руб. в каждый свой приезд, а за "незнание русского языка" по 50–60 коп. Крещение младенцев обходилось им по 20–30 коп., венчание – до 2 руб., погребение покойников – до 2 руб. Представители Новокрещенской канторы, созданной "для зашити новокрещен", тоже разъезжали по селениям и брали в каждый приезд от 150 до 500 руб. с общины⁴³.

В этих условиях постоянного возрастания податного и прочих видов феодально-крепостнического гнета и безудержного произвола "властей предержащих" недомогания стали хроническим явлением жизни деревни. Удмурты, отличавшиеся законопослушностью, пытались нести тяготы исправно, но в лихорадочных поисках денег "на росплату государственных податей" попадали в кабалу к владельцам этих денег, нередко пожизненную.

К концу XVIII в. власти стали применять вполне крепостнические методы взыскания

недомог: крестьяне-недомогички ссылались для их отработки на казенные винокуренные заводы, на обслуживание казенных соляных караванов и т. д.

Социальный протест крестьянства. Удмуртия в период восстания Е. И. Пугачева

Увеличение податного бремени и крепостнического гнета, сопровождавшееся углублением имущественного и социального раскола общества, вызывало обострение классовых противоречий и борьбы населения Удмуртии, прежде всего крестьянского, против конкретных проявлений гнета и всей государственно-бюрократической системы в целом.

Одно из направлений борьбы крестьянства в XVIII в. характеризовалось выступлениями против налоговой политики правительства. Утайка дворов, слияние отдельных семей в один хозяйственный двор, характерные для первой четверти XVIII в., сменились после 1724 г. утайкой душ мужского пола. Удмуртские крестьяне скрывали, как правило, новорожденных мальчиков, мотивируя это тем, что они "все равно умрут", а подати за них придется платить до следующей ревизии.

Численность "прописных" оставалась весьма значительной даже в конце XVIII в. По результатам V ревизии вятский губернатор Рунич докладывал Александру I, что в лесах губернии проживает немало удмуртов, не учтенных ревизией. Царь распорядился об издании указа, предписывающего "всех вотяков, в Вятской губернии обитающих, записывать в ревизские сказки, по мере того как они будут являться, не подвергая за сие штрафа и наказаний". В итоге к концу 1803 г., т. е. через 7 месяцев после издания указа, впервые было зарегистрировано 1 284 человека мужского пола.

Введение новой системы, раскладка податей и повинностей по душам вызвали яр-

кий протест. Попытка начать сбор подушных денег по Арской и Зюрейской дорогам с помощью воинских команд закончилась провалом. Крестьяне сотни Темячки Бекбулатова и удмуртской сотни Кадырки Кадрёкова собрались толпой до 1 000 человек, выгнали сборщиков подати, отбив арестованных сотников и отняв уже собранные деньги.

В сотне Пронки Янмурзина удалось взыскать подушную подать с пяти селений, но в д. Завьяловской толпа крестьян "выгнала из сотни вон" солдат, также отобрав деньги и вызволив сотника и целовальников. Не справился с ситуацией и поручик Чернавский, высланный сюда с карательной командой: команду разогнали, а поручика били "смертным боем". Настроение восставших было воинственным. Расправляясь с карателями, они заявляли: "Того бы и прислали к ним, кто о взятые с них подушных денег указ привез, и они б его впрягли в телегу. А ежели де и впредь по ним будут присылать, и они де тех посланных побыют до смерти".

Однако решимости хватило ненадолго. Собравшиеся "скопом" крестьяне стали расходиться, и посланные в сотни воинские команды подавили движение. Следствие выяснило, что под руководством мирских властей бунт готовился основательно, а не был стихийной реакцией. Удмуртский сотник Кадыр Кадрёков ездил по селениям своей сотни и приглашал на совет в д. Сырьяс. Совет вынес единодушное постановление – "подушных и штрафных денег не давать", а потенциальным отступникам от этого решения пригрозили, что их будут "рубить"⁴⁴. События показали, что решение мирского совета выполнялось неукоснительно и крестьяне сопротивлялись введению нового принципа обложения активно и сплоченно.

Сбор провианта и попытки его вывоза на крестьянских подводах тоже завершились вспышками массового протеста. В 1714 г. нерусские крестьяне Арской и Зюрейской дорог отказались поставить подводы для собранного с них провианта⁴⁵.

Другой более частой используемой формой выражения недовольства против налогового бремени было бегство. Особенно оно усилилось в первой четверти XVIII в. По данным ландратской книги 1716–1717 гг., по 6 удмуртским сотням в бегстве находилось около 28 % населения. За 6 лет, отделивших

Кадыр Кадрёков,
сотник
Художник В. Белых

ландратскую перепись от предшествующей подворной, пустоело 1 185 дворов, что составило около 30 % наличного их числа⁴⁶.

Часть беглых уходила в Башкирию, несмотря на предпринимаемые меры по их задержанию. В 1720–1722 гг. в пограничных с Башкирией пунктах: Заинске, Мензелинске, Новошешминске, Сарапуле, Каракулино были расставлены форпосты. Только в июле 1720 г. в Мензелинске подверглись задержанию 226 семей "сходцев из Казанского уезда (свыше 800 человек обоого пола)". Беглецы направлялись в Башкирию со всем своим имуществом и домашним скотом. Очевидно, разведчики, посланные заранее, уже определились с местом нового жительства. Введение в 1724 г. паспортного режима не смогло сразу остановить этот поток. В 1725 г. командир Вологодского драгунского полка, приписанного к Арской дороге, Дорригний писал, что во вверенной ему сотне он выявил 3 892 души беглых, многие из оставшихся на месте тоже изъявляли готовность бежать "в башкирцы за скудостью и пустотой"⁴⁷. Этот поток беглых в Башкирию пополняли и жители севера Удмуртии: в 1736 г. "в башкирцах" было зафиксировано 210 д. м. п. из каринских бесермянской и татарской долей⁴⁸.

В Удмуртию шел встречный поток беглых. В 1760 г. Казанская губернская канцелярия донесла в Сенат, что "вся та Сивинская волость (по р. Сиве – притоке Камы. – М. Г.) из разных мест сходцами на пустых порожних дачах сама собою населилась"

Из 762 человек, выявленных в волости, выселению подлежали 402: государственных, черносошных и ясачных (174 человека), помещичьих (145 человек) и дворцовых (34 человека). Государственные крестьяне были выходцами из Вятской и Великоустюжской провинций, из Казанского, Кунгурского, Соликамского, Чердынского, Свияжского, Арзамасского, Нижегородского и других уездов⁴⁹. Это типичный пример продолжающейся вольнонародной колонизации территории Удмуртии русским крестьянством. Ареал, поставивший беглых на территорию края, судя по Сивинской волости, был ограничен по преимуществу территорией Поморья и Среднего Поволжья.

Распространенной формой действий крестьянства Удмуртии, стремившегося к исчерпывающему использованию приемов, укладывающихся в рамки законности, была подача челобитных в правительственные инстанции с последующими настойчивыми действиями, направленными на принятие необходимых решений. В начале XVIII в. северные удмурты упорно добивались восстановления узаконенного прежними указами и ставшего обычаем валового оброка "за все, про все", а также закрепления за ними "вотчинных" земельных угодий. Проявив чудеса изворотливости и настойчивости в борьбе с местными вятскими воеводами, представители удмуртов добились в конце XVII—начале XVIII в. в правительственных инстанциях, в том числе и при личной аудиенции с Петром I, назначения двух правительственных сысков, возвращения части земельных угодий, отнятых каринскими богатыми, и освобождения своих сородичей от долговой кабалы.

В 1715 г. северные удмурты снова вынуждены были бить челом в Сенат с жалобами на непомерные злоупотребления сибирского губернатора М. П. Гагарина, избравшего местом своего пребывания г. Хлынов. Они писали, что только в 1714 г. на "взятки и поноски" Гагарину, его поверенному стольнику И. И. Немотинову и действовавшей с ними "заодно" каринской зна-

ти с мирских людей было собрано 4 200 руб., немногим меньше годовой суммы налогов⁵⁰. Как знать, возможно, именно эта челобитная стала каплей, переполнившей чашу терпения Петра I и вызвавшей указ о повешении этого вошедшего в историю казнокрада и мздоимца.

В 30-е гг. XVIII в. удмуртские крестьяне обращались в Сенат с просьбой изменить принцип обложения и исключить из податного оклада хотя бы "убылых, взятых в рекруты и вдове написанных"⁵¹, правда, на этот раз безуспешно.

Большое количество челобитных от имени крестьян целых сотен поступили на рассмотрение так называемой "комиссии А. И. Свечина", ревизовавшей состояние казенных лесов Казанской губернии. По жалобам удмуртов на вальдмейстеров и других чиновников вырисовывается картина действия всей государственной машины. Это привело А. И. Свечина к обоснованному выводу о том, что "государственные крестьяне в бедность приведены не от одних лесных смотрителей"⁵².

Чаяния и требования государственных крестьян Удмуртии можно увидеть и в их наказах депутатам Уложенной комиссии, работавшей в 1767–1768 гг. Кроме жалоб на малоземелье, недостаток сенокосов, тяжесть налогов и повинностей, мздоимство правителей, в них звучат требования свободы крестьянской торговли, освобождения от заводской повинности и возврата в крестьянское состояние. Удмуртские крестьяне, кроме того, выдвинули предложения о создании справедливого суда, опирающегося на обычное право и учитывающего их этнические особенности.

Много жалоб и нареканий вызывали действия духовенства по насильственной христианизации удмуртов, активизировавшиеся после издания указов 1720–1722 гг. и особенно с созданием Казанской ново-крещенской канторы в 1740 г. Излишняя назойливость миссионеров вызывала не только жалобы, но и открытое противодействие.

Так, в 1745 г. в д. Глазовскую для крещения инородцев прибыл вятский архимандрит Сильвестр в сопровождении одного из наиболее активных миссионеров – священника с. Елова Федора Ившина. Удмурты окрестных селений, "собравшись с дрекольем", закрыли Сильвестра с Ившиным в одном из домов и стали закупоривать все выходы, чтобы истребить проповедников огнем. Перепуганные священники спаслись бегством под градом ударов. Такую же встречу подготовили миссионерам и в с. Уканском. Для умирения жителей д. Глазовской была направлена воинская команда во главе с прапорщиком Иудой Бакиевым, но крестьяне окружили отряд и "испроломали голову" его командиру. Пришлось ретироваться ни с чем. Только следующая усиленная новым пополнением команда справилась с бунтовщиками и арестовала зачинщиков.

Однако 50-е гг. XVIII в. ознаменовались вспышкой новых выступлений против христианства. На этот раз они носили более замаскированный характер. Во всех селениях под воздействием языческого проповедника "по прозвищу Яшка" удмурты начали восстанавливать молбичи и устраивать в них моления, на которые собирались жители целых долей и сотен. Проповедников, посланных для увещевания, удмурты беспощадно избивали.

В 1752 г. жители Базезинского и Глазовского приходов устроили языческое моление в д. Чиргинской. Прибывших в целях "увещевания" священников новокрещеных схватили и били, приговаривая при этом: "Чего ради приехали, разве смерти охота?" Священники южных приходов неоднократно обращались в Мензелинскую воеводскую канцелярию с просьбами о выделении воинских команд для умирения бунтующих новокрещен⁵³.

Более организованные формы социального протеста крестьянства принимал в периоды крупных движений, эпицентры которых чаще всего находились за пределами края. Уже первые десятилетия XVIII в. были ознаменованы башкирским восстани-

ем 1704–1711 гг., развернувшимся одновременно с восстанием Кондратия Булавина. В 1707–1708 гг. первое охватило не только Уфимский, но и части Казанского и Вятского уездов и стало перерастать в совместное движение народов Поволжья и Приуралья. Активными его участниками стали удмурты Башкирии и Прикамья. В январе 1705 г. восставшие осадили Каракулино и Сарапул, другие отряды появились в удмуртских и татарских селениях близ Елабуги.

В первой половине 1708 г. основные силы повстанцев сосредоточились на территории Казанского уезда. Одним из предводителей восстания стал удмурт Юбраш Никита. Документы, исходившие от повстанцев, отражали требования всех народов. "Бьем челом со всем Казанским уездом, мусульманами и вотяками", – обращались повстанцы к каринскому воеводе П. И. Хованскому. Среди требований восставших главным было облегчение податного бремени, "чтоб с них, башкирцев, и с татар, и с вотяков, и с черемисы... новонакладную на них прибыль снять".

К движению начали подключаться и северные, вятские, удмурты. О широте охвата территории Удмуртии повстанческим движением свидетельствует ультиматум, поставленный П. И. Хованским весной 1708 г., "чтоб которые люди живут меж Вятки и Камы и приехали б на Сарапул и целовали б куран со всеми добрыми людьми... и на 8 дней сроку дал". Затем П. И. Хованский приступил к решительным действиям: 17 марта 1708 г. правительственные войска заняли Елабугу, изгнав башкирские отряды за р. Каму, привели к повиновению остальных участников движения: "...чюваша, черемиса и вотяки шертовали и обещались... впредь к измене

Юбраш (Никита),
один из предводителей
башкирского восстания
1704–1711 гг.
Художник В. Белых

и башкирскому воровству и ни к какой шатости не приставать".

К апрелю 1708 г. восстание в пределах Казанского уезда было подавлено окончательно, началось взыскание податей: "денежного и хлебного ясака, старого и новонакладного, сполна, без доимки"

Спокойствие в крае гарантировалось с помощью заложников – "аманатов", в числе которых были 6 южных удмуртов⁵⁴

Башкирское восстание 1735–1737 гг. тоже нашло отклик и сочувствие в среде удмуртов. Есть основания полагать, что повстанцы запасались на севере Удмуртии оружием, в частности наконечниками копий и стрел, в выковке которых северные удмурты были большими мастерами⁵⁵

Очагом постоянного напряжения в XVIII в. была Терсинская волость помещиков Тевкелевых, расположенная в бассейне Ижа. Продолжая борьбу, начатую еще при прежних владельцах Яушевых, крестьяне упорно осаждали правительственные инстанции чепобитными, "чтобы не держать их насильно в крестьянстве"

С 1742 г. они перестали повиноваться своим помещикам, а в октябре перешли к вооруженной борьбе. В ноябре между крестьянами и присланной для подавления их выступлений воинской командой в 500 человек произошли сражения у деревень Чишмы, Назяр, Мордвинкино, Болтачево. Восстание было подавлено лишь в 1743 г.⁵⁶

В 60-х гг. начался новый подъем борьбы, связанный со следующим этапом наступления феодально-крепостнического государства на государственных крестьян – передачей их в тяжелую заводскую кабалу. К строящимся Камским (Ижевскому и Воткинскому) заводам П. И. Шувалова было приписано более 13 тыс. д. м. п., преимущественно русских ясачных крестьян. Указом от 12 февраля 1761 г. крестьяне закреплялись за заводовладельцем "неотъемлемо", их разрешено было переселять с места на место и переводить в мастеровые. Каждый приписной крестьянин, обрабатывающий на заводе подушную подать, должен

Пригон работников на уральский завод
С картины художника Г. К. Савицкого

был трудиться здесь не менее 158 дней. Однако у тех приписных, чьи селения располагались на расстоянии 200–300 и даже 500 верст от заводов, это число дней увеличивалось до 200 и более за счет переходов до заводов и обратно, которые приходилось совершать три раза в год.

Крестьян, отлученных от земледельческого хозяйства, что уже само по себе являлось для них бедствием, ожидали почти каторжные условия труда на заводах, и они оказывались совершенно беззащитными перед произволом заводской администрации. Вымогательство, взяточничество, избиения до полусмерти, случаи забивания насмерть должны были создать обстановку террора и предотвратить их выступления, но крестьянское терпение оказалось не бесконечным. Уже в 1758 г. Сивинская сотня отказалась идти на работы по возведению Воткинского завода. Пришлось направить в волесть отряд солдат, который подверг порке немало возмутителей спокойствия.

Приписные Ижевского завода прибегли к более скрытой форме сопротивления: не организуясь в команды, не создавая "скопов", они упорно не являлись на заводские работы. В приписные селения была направлена воинская команда в 300 солдат с пушкой, дополненная отрядом подполковника Левашова, только что вернувшегося с фронта борьбы с работными людьми Евдокима Демидова.

В селениях приписных началась подготовка к схватке с воинской командой. Страсти подогрел распространенный среди крестьян подложный манифест, в котором утверждалось, что указом Екатерины II крестьяне отныне и навсегда освобождаются от заводских работ. Любопытно, что в приписных селениях Удмуртии его распространяли два мальчика, один новокрещеный удмурт 14 лет, а другой приписной – 16 лет. Приписные многих селений собрались в с. Костенево, вооруженные ружьями и подручными средствами. Во время схватки с Ревельским драгунским полком 16 крестьян было убито, 5 – ранено, 40 схвачено в плен. Подобное сражение произошло в с. Нижней Тойме.

Крестьяне не были единодушны, часть из них готовы были подчиниться и начать работы, но сторонники продолжения борьбы окружали селения малодушных и никого из них не выпускали.

К марту 1762 г. волнения удалось подавить. Крестьян выгнали на строительные работы. Но лишь только из селений были выведены команды солдат, движение возобновилось. Для расследования его причин Екатерина II направила комиссию во главе с А. А. Вяземским, который получил инструкцию "прежде всего крестьян привести в должное рабское послушание и усмирить, а потом уже исследовать причины их волнений". А. А. Вяземский в первую очередь отправился на Камские заводы П. И. Шувалова. Комиссия по ходу следствия выносила один за другим приговоры о наказании крестьян плетью, еще больше озлобляя их. "Следствие на заводе ненадолго, – говорил один из крестьян другому на Воткинском заводе, – а после переберем вас"⁵⁷

По результатам деятельности комиссии 9 апреля 1763 г. был опубликован указ, а затем на его основании подготовлено "Учреждение для Ижевского и Воткинского заводов", в определенной мере снявшее накопившуюся социальную напряженность. "Учреждение..." запретило налагать на крестьян работы "сверх подушного оклада", в какой-то мере оградило крестьян и работных людей от

А. А. Вяземский, генерал-прокурор Сената
Гравюра XVIII в. ГИМ

произвола заводской администрации, дав возможность решать возникавшие между ними конфликты судом выборных.

Однако главная причина волнений осталась без разрешения. Передача Ижевского и Воткинского заводов в казенное ведомство не решила проблему. Уже весной 1764 г. крестьяне с. Котловки начали сбор денег для подачи челобитной об освобождении их от заводской барщины. В марте 1765 г. начались волнения в Верхнерождественской волости, для усмирения которых вновь была затребована воинская команда⁵⁸

Борьба за освобождение от заводской кабалы продолжалась на всем протяжении XVIII в. Достаточно заметным потоком она влилась в общую струю антифеодальной борьбы крестьянства России в период восстания 1773–1775 гг. и после него.

В 60-е гг. усилились волнения помещичьих крестьян, которые обрели надежду на свое освобождение в связи с выборами депутатов в Екатерининскую законодательную комиссию. Жители Терсинской волости, волновавшиеся и до этого, подняли бунт, после того как удмурты д. Юмьяшур Кадырметь Маметов и д. Ятчи Павел Тарасов (Аймайка) заверили их, что "в увольнении

от помещиков указы состоялись" Этой искры оказалось достаточно. Тевкелеву пришлось вызывать третий батальон Казанского пехотного полка. Трех главных зачинщиков Габбеса Минкина, Ибраша Исенева, Галю Амирова били плетью и отправили в Нерчинск вместе с семьями. Арестованных Павла Тарасова и Егора Гаврилова (Кадрыметь) после "большого повального обыска" в окрестных удмуртских селениях освободили без наказания⁵⁹.

Кульминацией крестьянского движения в России XVIII в. стало восстание под предводительством Е. И. Пугачева. Наряду с другими окраинными районами России, оно охватило и Поволжье, и Приуралье, включив в единое русло и борьбу народов этих регионов против усиления социального и национального гнета.

Вести о начавшемся восстании достигли Удмуртии в октябре 1773 г. Первые повстанческие отряды появились в Сарапуле и в Терсинской волости. В декабре в Прикамье начали распространяться манифесты Пугачева с обещаниями земли и воли, переведенные с татарского и башкирского языка. Юг Удмуртии начал бурлить. Повстанцы заняли с. Алнаши, Коринский, Бемышевский, Варзино-Алексеевский медеплавильные заводы. В удмуртском с. Водзимонье на сельском сходе, познакомившись с манифестом Е. И. Пугачева, решили направить к нему сотника М. Иванова с просьбой о присылке в село команды.

Удмуртское население Арской дороги отказалось платить подать. "Мы намерены все собранные деньги передать в башкирскую толпу", — заявил новокрещеный М. Иванов чиновнику, уполномоченному ускорить сбор недоимок.

Дворовый человек Тевкелева Юска Кудашев сформировал отряд в тысячу человек. Обосновавшись в Агрызи, повстанцы готовились к походу на Ижевский завод⁶⁰.

Командир Камских заводов полковник фон-Венцель бежал в Казань. Отряд Юски Кудашева 1 января 1774 г. занял Ижевский завод. Денежную казну отправили к Чике-

Чупаш (христ. имя Кузьма Иванов, годы рождения и смерти неизвестны), новокрещеный удмурт д. Анлет-Монья Арской дороги, Казанского уезда, участник восстания 1773–1775 гг. Руководитель повстанческого отряда. Присоединился к повстанческому отряду А. Сулейманова, действовавшему на территории Татари и юге Удмуртии. Отряд был разбит 14 мая 1774 г., Чупаш бежал. Среди удмуртов своей округе распространял манифест Е. Пугачева, агитировал не подчиняться представителям власти. Когда Е. Пугачев появился в пределах Удмуртии, отряд Чупаша присоединился к главной повстанческой армии, принимал участие в боях за Казань. После поражения Пугачева под Казанью продолжал действовать в Казанском уезде. Дальнейшая судьба неизвестна.

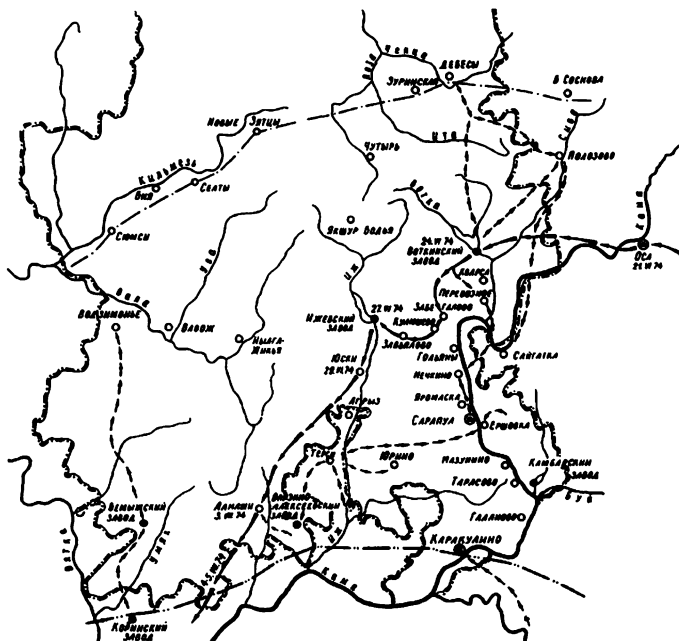
Чупаш (Кузьма Иванов), предводитель повстанческого отряда
Художник В. Бельих

Зарубину под Уфу, хлеб раздали населению, а документы уничтожили. На заводе в пугачевцы записалось 100 человек.

Воткинский завод до конца января 1774 г. оставался без власти, мастеравые направили Н. Запольского и М. Козлова к Чике-Зарубину с просьбой о присылке команды повстанцев.

В центр повстанческого движения превратилась Сивинская волость, где сформировался многочисленный отряд, возглавленный приписным к Воткинскому заводу крестьянином Андреем Носковым. Последний установил непосредственную связь с Чикой-Зарубиным и получил от него указания по организации действий⁶¹.

Андрей Носков 20 января с отрядом в 1 700 человек вступил на Воткинский завод. Однако заводу угрожала команда его управителя А. Клепикова, располагавшаяся у д. Полозовой. Сюда направлялось подкрепление от поверенного пермских вотчин

Пугачёвское движение на территории Удмуртии
Карта-схема составлена А. А. Александровым

Строгановых Я. Волегова, подходили также отряды из других пермских вотчин.

Между силами А. Клепикова и А. Носкова 29 января состоялось сражение. Последний потерпел поражение. А. Клепиков занял Воткинский завод. Объединившись с отрядом другого приписного крестьянина Ф. Калабина-Шмоты, А. Носков попытался вернуть завод, но безуспешно.

Тем не менее обстановка в крае оставалась достаточно напряженной. В руках составших были Каракулинская и Сарапульская дворцовые волости. Они распоряжались на Ижевском и Камбарском заводах.

В Терсинской волости действовал отряд Абзелила Сулейманова, люди А. Носкова угрожали Воткинскому заводу с северо-запада. Эпизодически появляющиеся повстанцы продолжали контролировать район Елабуги⁶².

Направляемые сюда правительственные отряды были не в силах переломить ситуацию. Тем не менее к марту 1774 г. правительственные силы укрепились в Сарапуле, а в начале апреля на подкрепление к ним двинулся отряд Михельсона. На Ижевский и Воткинский заводы вернулась администрация и начала восстанавливать прежние порядки. Действия правительственных войск

особенно активизировались летом. В бунтующую Терсинскую волость был направлен отряд секунд-майора О. Дуве. Вступая в стычки с повстанцами, он прошел через волость и занял Сарапул. Чтобы предотвратить объединение повстанческих сил Удмуртии и Башкирии и переход отряда Салавата Юлаева через Каму "в вояки и к готовым навсегда к злодеяниям заводским мужикам и лишь тогда усмирённым терсинцам", казанский губернатор направил в дополнение действующим силам отряд во главе с майором Скоротицыным. Перед последним была поставлена задача – удержать от волнения население на пространстве между Мензелинском и Осой и окончательно усмирить Терсинскую волость. Пройдя маршем через Сарапульскую волость, Воткинский завод и пополнив здесь свой отряд, Скоротицын направился к Осе⁶³.

Правительственные войска предпринимали все возможное, с тем чтобы предотвратить движение Пугачева к правобережью Камы. Между тем главная повстанческая армия стремительно двигалась по территории Приуралья, горные заводы которого с их работными людьми и мастерами стали основной базой движения. Целью Пугачева на этом этапе стало взятие Казани. Повстанческая армия 19 июня 1774 г. подошла к Осе, взяв ее через три дня осады.

В Удмуртии правительственные силы лихорадочно готовились к неминуемой встрече с армией Пугачева. Управители Ижевского и Воткинского заводов в спешке собрали команду из 1 300 солдат, мастеровых и первостатейных приписных крестьян. Между тем попытки управителя Сарапульской дворцовой волости и командира правительственного отряда И. Гурьева оказать сопротивление пугачевцам потерпели полный провал.

Команда Ижевского и Воткинского заводов была разбита у д. Кулюшевой, а затем между д. Паздеры и д. Перевозное. Армия Пугачева, встреченная хлебом-солью, 24 июня 1774 г. заняла Воткинский завод. Заводская контора, дом управителя и церковь были сожжены.

Управляющий Ижевского завода фон-Венцель попытался организовать новый отряд. Его столкновение с армией Пугачева у с. Завьялова закончилось полным поражением. Утром 27 июня повстанцы заняли Ижевский завод. Фон-Венцель был убит. Мастеровые и приписные крестьяне разрушили деревянные части плотины, уничтожили долговые бумаги. Из заводской казны жителям были розданы денежные вознаграждения.

Наступил кульминационный момент в развитии событий восстания на территории Удмуртии. Армия Пугачева пополнилась новыми силами. Один из пугачевских атаманов Б. Канжаев признавался впоследствии, что на территории удмуртского Прикамья к ним "пристало татар и русских мужиков до 7 тысяч да пушек с 12". Сарапул снова перешел в руки повстанцев. Здесь очень решительно действовал отряд Данилы Шитова, получившего от Е. Пугачева чин полковника.

Отзвуки Крестьянской войны достигли самых глухих уголков Вятского края. Волновались мастеровые люди и крестьяне севера Удмуртии. Они рассчитывали, что Пугачев "податей сбавит и волю даст".

Повстанческая армия 28 июня покинула Ижевский завод, 29 июня она была уже в Алнашах. Крестьяне принесли жалобу на пола, которого по приказу Пугачева тут же казнили. Двигаясь быстрым маршем, армия переправилась через р. Вятку и 12 июля была уже в казанских предместьях. К повстанческой армии присоединились отряды, сформированные на территории Удмуртии. В штурме Казани активное участие принимал удмурт д. Анлет-Монья Чупаш (Козьма Иванов) со своим отрядом. Повстанцы взяли Казань и сожгли ее.

Полковник Михельсон, следуя за Пугачевым, переправился через р. Каму у Каракулино, 7 июля – через р. Иж, а 8 – форсировал р. Вятку. Проходя через территорию Удмуртии, он имел возможность еще раз убедиться, насколько велика вера народа в Пугачева, "сколько ослепленно народы к нему клонятся"⁶⁴.

Расправа с восставшими крестьянами

Михельсон догнал главную повстанческую армию в Казани, 13–15 июля произошло ожесточенное сражение. Пугачев был разбит. На поле боя он оставил 2 тыс. убитыми, 5 тыс. ранеными и 10 тыс. пленными. С остатками войска всего в 500 человек Е. И. Пугачев переправился на правый берег Волги.

В Удмуртии начался разгул карательных отрядов. Несмотря на всю серьезность положения в Поволжье, правительство вынуждено было держать под Мензелинском целый корпус генерал-майора Голицына, призванный контролировать ситуацию в Прикамье.

До конца июля в крае продолжали действовать отряды пугачевских полковников Б. Канкаева и Г. Лихачева. После поражения у с. Байтерякова отряд переправился через р. Вятку и вступил 25 июля в пределы Удмуртии. Г. Лихачев намеревался "по набрании людей идти... на Уржум и Казань". В начале августа 1774 г. отряд из окрестностей Ижевского завода прошел через селения Нылгу, Вавож, Водзимоноу, Седмурчи, Большую и Малую Кильмезь. Объявляя

удмуртам указы Пугачева, он пополнял ими свой отряд. Каратели настигли его у д. Мелекес. Г. Лихачев был убит, а труп его повешен в д. Большая Кильмезь "в страх таковым же злодеям"⁶⁵

После этого небольшие отряды повстанцев оставались лишь в Сарапульской и Каракулинской дворцовых волостях. Согласно распоряжению командующего правительственными войсками от 25 августа 1774 г. повелевалось установить во всех селениях и на дорогах виселицы, тела убитых пугачевцев "класть на колоды у проезжих дорог". Обстановка террора нагнеталась.

Тем не менее новая администрация Ижевского и Воткинского заводов не сразу смогла наладить производство. В сентябре 1774 г. для усмирения приписных крестьян прибыла команда майора Д. Гагарина, которая привела "в верноподданническое повиновение" мастеровых и приписных Воткинского завода. Спротивление приписной Верхнерождественской волости, возглавленное Егором Слотиным, удалось окончательно подавить только в январе 1775 г.⁶⁶

Восстание Е. И. Пугачева, являвшееся результатом резкого нарастания социальной энтропии и кризиса власти, закончилось поражением. Однако репрессирование наиболее активной части крестьянства, заводских мастеровых и рабочих людей не дало желаемого эффекта. Крестьяне продолжали борьбу то скрытую, то открытую. Они по-прежнему бежали, создавали разбойные отряды, "отыскивали вольность" от помещиков.

Так, в 1783 г. волновались 400 крестьян помещика Зубова в Малмыжском уезде, волнения перекинулись на Лаишевский уезд Казанской губернии. В 1791 г. поднялись на борьбу крепостные Евграфа Лебедева, работавшие на принадлежавшем ему Бемышевском медеплавильном заводе⁶⁷

Приписные крестьяне Ижевского и Воткинского заводов продолжали уклоняться от заводских работ, принудительно мобилизованные на них бежали с заводских делянок, поджигали их и т. д.⁶⁸

Таким образом, пережив кульминацию в ходе восстания, сопротивление крестьянства, работных и мастеровых людей вернулось в свои прежние повседневные формы. Несмотря на свою рутинность, эта повседневная борьба вынуждала правительство и самодержавие избегать чрезмерного увеличения размеров эксплуатации, а иногда делала реальностью определенные уступки, в какой-то мере облегчавшие положение социальных низов.

Итак, XVIII в. стал для Удмуртии новым этапом интеграции в систему Российского государства. Она сделала шаг вперед в экономическом развитии. Вдвое увеличилась площадь обрабатываемых земель, возросла урожайность, углубились товарно-денежные отношения, появились новые рынки сбыта земледельческой продукции. Наряду с крестьянской домашней и мелкотоварной промышленностью, в крае появилась крупная горнозаводская отрасль.

Вместе с тем усилились явления крепостнической эксплуатации, часть государственных крестьян стала неотъемлемым придатком развивающейся промышленности. Росло податное бремя, усилилось наступление государства на свободу вероисповедания. Насильственная христианизация, углубление имущественного и социального расслоения, бремя заводских работ стали горючим материалом, усилившим пламя повстанческого движения в крае в период восстания под предводительством Е. И. Пугачева. Ответной мерой правительства стала губернская реформа 1775 г., в ходе претворения которой была создана Вятская губерния; 4 из 11 созданных в пределах губернии уездов составили территорию Удмуртии, на которой преимущественно размещалось удмуртское население. Однако преобладающим населением Елабужского, Малмыжского, Сарапульского и Глазовского уездов к концу XVIII в. были уже русские крестьяне.

Ссылки на литературу и источники

¹ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 152–153.

² Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 1. С. 1–13.

³ Там же. Т. 1. С. 76.

⁴ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 224.

⁵ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 33–40.

⁶ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 41–56.

⁷ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 66–82.

⁸ Гришкина М. В. Частновладельческая промышленность // Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. С. 159–160.

⁹ Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1958. С. 8; Воткинские были. Ижевск, 1959. С. 7–21.

¹⁰ Гришкина М. В. Частновладельческая промышленность... С. 160–161.

¹¹ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 166–169.

¹² РГИА, ф. 383, оп. 2, д. 1573, л. 1 об. – 2.

¹³ РГАДА, ф. 1355, д. 337, л. 34 об. – 35, 193–198, 329 об. – 330 об., 348 об. – 349.

¹⁴ Там же. Д. 351, л. 45–46.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАКО, ф. 583, оп. 15, д. 149, л. 2 об. – 12.

¹⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; П., 1949. С. 383–384.

¹⁸ Индова Е. И. Земельная аренда в дворянской деревне первой половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964. С. 283.

¹⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 5877, л. 35, 51–55, 60–68.

²⁰ РГАДА, ф. 573, д. 74, л. 142–152.

²¹ РГАДА, ф. 615, д. 10289, л. 9, 19 об.

²² Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 137.

²³ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 86, л. 67–68; ф. 573, д. 11, л. 29–36.

²⁴ Архив РАН в СПб., ф. 3, оп. 106, д. 56, л. 4 об. – 5.

²⁵ РГИА, ф. 91, д. 540, л. 78 об. – 79, 89 об. – 113.

²⁶ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 104.

²⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 25, д. 51, л. 387 об.

²⁸ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 165.

²⁹ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 95.

³⁰ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 93–106.

³¹ РГАДА, ф. 425, д. 1546, л. 162.

³² ГАКО, ф. 583, оп. 16, д. 957, л. 1.

³³ ГАКО, ф. 582, оп. 2, д. 255, л. 2–2 об.

³⁴ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 140–143.

³⁵ Троицкий М. Ф. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М.: Наука, 1964. С. 291.

- ³⁶ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 86, л. 433–439 об.
- ³⁷ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 144, 151.
- ³⁸ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 148.
- ³⁹ РГАДА, ф. 248, оп. 6, кн. 271, д. 2, л. 851 об.
- ⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 11, № 8236, 8349, 8792; Т. 12, № 8928.
- ⁴¹ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 2000.
- ⁴² РГАДА, ф. 16, д. 717, л. 1 об. – 5 об., 8 об.
- ⁴³ РГАДА, ф. 248, оп. 10, кн. 545, л. 389–390, 401 об., 430 об., 432 об., 470 об.–471.
- ⁴⁴ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 169.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 6, кн. 225, д. 65, л. 915–915 об.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 1061, л. 1–953.
- ⁴⁷ ПСЗ-1. Т. 12, № 8733.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 52, л. 41.
- ⁴⁹ Бондаревская Т. П. Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в. М., 1965. С. 388.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 19, д. 50, л. 283–283 об.
- ⁵¹ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 52, л. 24.
- ⁵² РГАДА, ф. 248, оп. 10, д. 545, л. 386–386 об., 389, 390 об., 401–401 об., 470 об., 473.
- ⁵³ Луппов П. Н. Христианство у вотяков... Вятка, 1901. Т. 1. С. 146–207.
- ⁵⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 217–221, 234–235; Акманов И. Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С. 97–100; РГАДА, ф. 248, оп. 6, кн. 225, д. 65, л. 915–915 об.
- ⁵⁵ РГАДА, ф. 425, оп. 3, д. 16, л. 214 об.
- ⁵⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 21, д. 148, л. 289–292.
- ⁵⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 346–365.
- ⁵⁸ Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1974. С. 10–54.
- ⁵⁹ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 170–171.
- ⁶⁰ Александров А. А., Садаков М. А. Гнев народа: К 200-летию Пугачевского восстания. Ижевск: Удмуртия, 1974. С. 18–21.
- ⁶¹ Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Удмуртии... С. 95–96, 101–102, 106–107.
- ⁶² Там же. С. 132–137, 194–203.
- ⁶³ Там же. С. 194–203.
- ⁶⁴ Там же. С. 213–219; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л.: Изд-во ЛГУ. Т. 3. С. 100.
- ⁶⁵ Овчинников Р. В. Пугачевский полковник Гаврила Лихачев // Вопросы истории. 1976. № 6. С. 135–136.
- ⁶⁶ Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Удмуртии... С. 243–255.
- ⁶⁷ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 178–179.
- ⁶⁸ Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 44–45.

Удмуртия в первой половине XIX века

Демографические и социально-экономические процессы

В конце XVIII – первой половине XIX в. с некоторой степенью заторможенности Удмуртия входила в русло общероссийских процессов: развивалась крупная мануфактурная промышленность, укореняло свои позиции товарное производство в земледелии, крестьянских промыслах, усиливалась дифференциация крестьянства, росла численность купечества и мещанства, укреплялись и разнообразились связи с другими районами страны.

Конец XVIII в. ознаменовался преобразованием наместничеств в губернии. Указ об этом последовал 12 декабря 1796 г., однако практические мероприятия по внедрению нового территориально-административного устройства начались в 1797 г. Отныне Вятская губерния состояла из 10 уездов (вместо прежних 13). Среди упраздненных оказался и Малмыжский уезд, территория которого была разделена между соседними Елабужским и Уржумским, Сарапульским и Глазовским уездами¹

Любопытно, что вопрос о возвращении Малмыжу городского статуса был поднят еще в 1811 г. сенатором Обресковым, ревизовавшим Пермскую губернию. Он аргументировал свое предложение необходимостью обеспечить безопасность перевоз-

ки по Сибирскому тракту ценных казенных грузов, в том числе и серебра, поэтому, наряду с Малмыжем, предполагал "устроить город" еще и в Дебесах. Вятский губернатор представил свои соображения на этот счет в Сенат, который признал за Малмыжем все выгоды географического положения, а с. Дебесы "как не имеющие никаких выгод для казны" было оставлено в прежнем состоянии²

Таким образом, с 1817 г., с возвращением Малмыжу статуса уездного города, территория Удмуртии снова, как и после 1780 г., стала распределяться между четырьмя уездами: Глазовским, Елабужским, Сарапульским и Малмыжским.

В 1797 г. была введена еще одна единица территориально-административного деления – волость, которая заменила собой прежние единицы: концы, десятки, сотни, доли и т. п., отличавшиеся пестротой не только в названиях, но и в размерах, и в численности населения. При проведении реформы государственной деревни 1837–1841 гг. часть волостей была укрупнена, в системе местного управления казенными селениями появились окружные и волостные правления. Таким образом, для первой половины XIX в. стало характерно трехступенчатое административно-территориальное деление: губерния – уезд – волость. К 1849 г. в "удмуртских" уездах насчитывалось 32 волости, в которых состояло 139 сельских обществ, преимущественно образовавшихся из нескольких сел, деревень и починок. Численность селений по разрядам представляла следующую картину: сел – 135, в них было 14 772 двора (в среднем 149 дворов), деревень – 2 531, в них – 53 580 крестьянских дворов (в среднем 21–22 двора), хуторов и починок – 912, в них – 12 831 двор (в среднем 14 дворов)³. Наибольшим числом хуторов и починок выделялся Глазовский уезд, где было сосредоточено 726 этих вновь устроенных населенных мест, что является косвенным подтверждением выявленной Н. Н. Романовым интенсивной миграции сюда жителей других уездов Вятской

губернии. К 60-м гг. XIX в. волости были вновь разукрупнены, в итоге их стало 114, а число селений практически осталось неизменным⁴

Вопрос о численности населения, темпах его роста, этнической и социальной структуре остается неизученным. По данным Н. Н. Романова, к VI ревизии (1811 г.) в четырех уездах нашего края проживало около 170 тыс. д. м. п.⁵ В это число не входят мастеровые и работные люди Ижевского и Воткинского заводов, а численность населения упраздненного Малмыжского уезда была восстановлена по приблизительным подсчетам. Более детальные сведения, полученные в результате обработки данных VIII ревизии (1834 г.), содержит "Статистическое описание Вятской губернии" 1850 г., хранящееся в Государственном архиве Кировской области. По данным этого источника, в четырех уездах на 1834 г. проживали 595 тыс. человек, в том числе 283 782 человека мужского и 311 218 человек женского пола⁶. К 1855 г., по данным IX ревизии (1850 г.), общая численность населения возросла до 721 тыс. человек⁷

Абсолютное большинство населения, как и ранее, было крестьянским. По данным губернаторского отчета за 1855 г., в четырех городах края проживало около 16 тыс. человек, что составляло 2,2 % от общей численности населения⁸. Согласно этому источнику, наиболее полно отразившему сведения о сословном составе населения, в крае насчитывалось 445 человек (171 д. м. п. и 274 д. ж. п.) дворян, потомственных и личных, 937 человек (492 д. м. п. и 445 д. ж. п.) православного духовенства, 500 человек (223 д. м. п. и 277 д. ж. п.) представителей мусульманского духовенства. В городах и уездах было зафиксировано 28 потомственных дворян и 218 личных. Чиновничество (621 человек) было сосредоточено по городам и уездам края. Еще одним разрядом населения, выделяемым в источниках особой строкой, были военные (штаб- и обер-офицеры и нижние чины, служащие и отставные, а также кан-

тониисты, т. е. солдатские дети). Таковых (вместе с членами семей), по данным IX ревизии, в крае насчитывалось 30 965 человек. В Сарапульском уезде, преимущественно на Ижевском и Камско-Воткинском заводах, проживали иностранцы – 29 человек. По происхождению они представляли европейские страны: Австрию, Англию, Пруссию, Саксонию и Францию. В городах края был сосредоточен 1 031 представитель купеческого сословия, в уездах зарегистрированы 95 купцов. К мещанству были причислены 1 170 человек обоего пола, в абсолютном большинстве сконцентрированных в городах. Кроме того, здесь проживали 2 430 человек государственных крестьян⁹.

Среди сельских жителей безусловное большинство принадлежало крестьянам государственному, численность которых достигла 504 206 человек (79, 2 % крестьянства). Второй по численности и удельному весу категорией были удельные (бывшие дворцовые) крестьяне, составлявшие 74 233 человека (11,6 % крестьянства края). Помещичьи: дворовые и крепостные крестьяне (11 034 человека) составили около 1,7 % крестьянского населения.

К сельскому населению, помимо этого, относились сословные группы, совмещавшие земледелие с промышленным трудом. Из них прежде всего отметим лашманов – бывших служилых татар, бесермян и отчасти марийцев, приписанных к Казанскому адмиралтейству для заготовки леса. К середине XIX в. в крае (в Малмыжском и Елабужском уездах) насчитывалось 21 700 лашманов. Второй категорией крестьянского населения, связанной с индустриальной цивилизацией, были неперенные работники, заменившие в 1803 г. приписных крестьян. К 1855 г. неперенных работников с их семьями при Камских заводах было насчитано 25 115 человек. Мастерские заводов (тоже с членами семей) составляли 30 435 человек, причем свыше 18 тыс. из них проживали в поселке Ижевского завода, принадлежавшего Артиллерийскому ведомству.

Особую категорию сельских жителей представляли собой тептяри и башкиры (12 704 человека), сосредоточенные в основном в Елабужском уезде. Все они в середине XIX в. были переданы в состав 12-го кантона башкирского войска, управляемого из Мензелинска. Непосредственное руководство юртами, на которое делилось башкирское и тептяро-бобыльское население, осуществляли юртовые начальники¹⁰.

Характерной особенностью демографических процессов первой половины XIX в. было активное освоение территории "удмуртских" уездов русскими крестьянами – переселенцами из других уездов Вятской губернии. По наблюдениям уже упомянутого Н. Н. Романова, до 1811 г. шло "заметное, но слабое переселение русских", для периода 1811–1834 г. была характерна "чрезвычайно большая прибыль русских в чисто нерусских местностях Малмыжского, Елабужского и Сарапульского уездов", а в 1834–1854 г. наметилась "высшая прибыль населения" во всех нерусских местностях Глазовского уезда¹¹. В 1839–1854 гг. в пределах Вятской губернии переселилось свыше 7,3 тыс. д. м. п., и большая часть этих мигрантов осела в уездах нашего края. Одновременно северную часть Сарапульского уезда продолжали осваивать выходцы из Пермской губернии, особенно из Осинского и Оханского уездов¹².

Результатом оживления колонизационных процессов стало неуклонное возрастание удельного веса и численности русского населения на фоне постепенного снижения удельного веса коренных жителей. Так, по сведениям Н. Н. Романова, к V ревизии (1795 г.) в четырех указанных уездах русские составляли 50,3 %, удмурты – 37,4 %, татары – 8,7 %, марийцы – 2,0 %, бесермяне – 0,9 %. К 1834 г. удельный вес русских возрос до 52,3 %, а удмуртов соответственно сократился до 33,6 %. Доля остальных народов осталась практически неизменной.

Уменьшился удельный вес нерусских народов и в пределах всей Вятской губернии. По данным IV ревизии (1782 г.), рус-

ские здесь составляли 75,1 %, удмурты – 14,4 %, а другие народности (татары, марийцы, бесермяне, коми-пермяки) – 10,5 %, к X ревизии (1858 г.) процентное соотношение стало следующим: русские – 75,9, удмурты – 10,4, прочие – 9,7¹³. Это было следствием уже отмеченных миграционных, а также ассимилятивных процессов.

Что касается абсолютных цифр, то к IX ревизии (1850 г.) в Вятской губернии было выявлено 100 378 д. м. п. и 107 869 д. ж. п. удмуртов, сосредоточенных преимущественно в четырех названных уездах. Несколько сотен удмуртов было представлено в Слободском уезде. Бесермяне (2 214 д. м. п. и 2 579 д. ж. п.) концентрировались в Глазовском уезде, тептяри (3 420 д. м. п. и 3 954 д. ж. п.) – в Елабужском, башкиры (2 772 д. м. п. и 2 738 д. ж. п.) – в Елабужском и Сарапульском уездах¹⁴.

Другим следствием миграционных процессов было увеличение этнической чересполосицы. Заметно сократилось число волостей с чисто удмуртским населением, появились смешанные русско-удмуртские селения, не характерные для предыдущих периодов. Так, по данным статистического описания 1850 г., в губернии насчитывалось 1 335 чисто удмуртских, 189 татарских, 153 марийских, 6 бесермянских, 8 коми-пермяцких и 155 селений со смешанным составом жителей¹⁵.

Рост населения сопровождался уменьшением крестьянских наделов. Завершившееся к 1834 г. генеральное межевание Вятской губернии жестко ограничило крестьянское землевладение и землепользование, исходя из 15 дес. на 1 д. м. п. Огромные массивы леса были "отрезаны" и выделены в казенные лесные дачи. В "удмуртских" уездах в казенных лесничествах было сосредоточено 2 784 559,4 дес.¹⁶ В корабельных рощах, которые были ограничены еще в Петровское время и строго охранялись вальдмейстерами, числилось 33 493,5 дес.¹⁷ Кроме того, 114 445, 2 дес. лесных угодий было отмежевано к строящимся заводам. К ним, как правило, приграницивались лесные дачи из расчета потребности на "завод-

ское действие" с перспективой на 100 лет. К 1824 г. при Ижевском заводе числилось 161 394 дес. земель, планировалось отвести еще 624 395,2 дес., преимущественно леса. Воткинский завод располагал 471 575 дес., однако в 1851 г. обнаружилась нехватка леса (завод вырубал ежегодно свыше 3 300 дес.) и к нему было приграницено еще 90 тыс. дес.¹⁸ Ижевский завод фактически к 1858 г. располагал 305 460 дес. леса¹⁹.

Фонд надельных земель существенно сократился и за счет "высочайших" пожалований. Так, шести сановникам из дворян (барону Энгелью, генерал-губернатору Модеру, Руновскому, графу Коновницину и др.) было отведено 19 729 дес. угодий²⁰. Часть крестьянских земель, причем лучших, была отведена под казенные оброчные статьи, которые к 1849 г. по четырем уездам составляли 33 044 дес.²¹

Чрезвычайную несправедливость межевания по отношению к крестьянам констатировали и сенаторы, ревизовавшие губернию, и вятские губернаторы. В частности, в 1836 г. губернатор Корнилов отмечал, что "межевание было проведено с неимоверной несправедливостью, стеснением для крестьян и небрежностью... По беспорядкам и злоупотреблениям, допущенным при генеральном межевании и отводе земель по высочайшим пожалованиям частным лицам, во многих местах были отрезаны у крестьян лучшие поля, сенокосы, огумнишки и огороды"²².

Спорные дела о крестьянских дачах тянулись до конца XIX в., но не получили удовлетворительного разрешения.

В результате роста численности населения 15-десятинная норма надела быстро сокращалась. Уже к 1850 г. агроном Б. Любанский констатировал, что в среднем по губернии крестьяне имеют не более 5,2 дес. удобной земли на душу. По расчетам канцелярии вятского губернатора, произведенным в 1854 г., в Глазовском уезде на 1 д. м. п. государственных крестьян приходилось удобной земли 6 $\frac{1}{4}$ дес., в Елабужском – 8 $\frac{1}{4}$ дес., в Малмыжском – 11 дес.,

в Сарапульском – 13 $\frac{3}{4}$ дес.²³ Как видим, в Удмуртии картина с земельной обеспеченностью была несколько лучше, но до установленной межеванием нормы тоже было достаточно далеко.

В 1855 г. была сделана попытка прирезки дополнительных участков земли к тем волостям, в которых обнаружилась нехватка пашенных и прочих угодий. По Елабужскому уезду крестьянское землепользование было увеличено на 179 149 дес., по Глазовскому уезду – на 402 556 дес., по Сарапульскому – на 126 255 дес., по Малмыжскому – на 292 361 дес. Таким образом, правительственные органы вынуждены были признать несправедливость генерального межевания и вернуть крестьянским сообществам более 1 млн. дес. отрезанных ранее угодий. В итоге в большинстве волостей была снова восстановлена 15-десятинная норма, однако в таких общинах, как Пислеговская Елганской волости (5 дес.), Сеземская Рябининской волости (10 дес.), Белозерская Измайловской волости (9 дес.), Староюрашевская Еловской волости (10 дес.), Глазовского уезда, Колосовская и Полянская Хлытовской волости (8 дес.), Мериновская и Матвеевская Усадской волости (9 дес.), Шудинская Арборской волости и Шишнерская Малорожнинской волости (11 дес.), Малмыжского уезда и т. д., указанная норма так и не была достигнута²⁴. Кроме того, дополнительные прирезки производились за счет казенных лесных дач и не могли восстановить баланс угодий, достигнутый крестьянами до генерального межевания.

К 60-м гг. XIX в. стало получать распространение частное землевладение: крестьяне, наконец, начали пользоваться правом приобретения земельных угодий, закрепленным за ними указом от 12 декабря 1801 г. Если в 1804 г. канцелярия вятского губернатора сообщала, что государственными крестьянами нигде земель приобретено не было²⁵, то в 1858–1862 гг. только в Глазовском и Малмыжском уездах в собственность было закреплено 45 478 дес. угодий²⁶. Крестьяне

покупали земли на паях и в единоличное владение, дополняя общинные наделы.

Активно формируется в этот период и купеческое землевладение. По данным Г. И. Обуховой, только купечество Глазова с 1831 г. по 1860 г. заключило 158 актов по покупке, продаже и аренде земли. Значительную часть приобретаемых купцами земель составляли покосы и лесные участки со строевым и дровяным лесом.

Анализируя совокупность поземельных актов, заключенных крестьянами и купцами Глазовского уезда, Г. И. Обухова пришла к выводу, что в дореформенный период многие зажиточные крестьяне воспользовались благоприятной ситуацией и, скупая у дворян пожалованные им земли, приобрели первоначальный капитал и крупную земельную недвижимость, послужившую им базой для перехода в купечество²⁷.

Статистические данные за 1862 г. сообщают, что в крестьянском наделном пользовании находилось 3 328 608 дес. По размерам средних наделов на 1 ревизскую душу на первом месте (8 дес.) находился Малмыжский уезд, за ним следовал Елабужский (7 дес.), на третьем месте оказался Глазовский уезд (6 дес.), на последнем – Сарапульский (4 дес.). Количество земли, закрепленной в частной собственности не дворян, увеличилось до 123 133 дес.²⁸

В удельных имениях Сарапульского и Елабужского уездов (8 приказов: Качкинский, Каракулинский, Галановский, Мостовинский, Козловский, Нечкинский, Петропавловский) на 1858 г. числилось 133 154 дес. угодий, в том числе 12 781 дес. пашни. В пересчете на душу населения это составило всего 3,17 дес. угодий и 2,92 дес. пашни²⁹. Как видим, земельная обеспеченность удельных крестьян была заметно ниже средних данных по краю.

Уменьшение земельных наделов неизбежно влекло за собой кризис трехпольной системы, лишенной подпитывающих ее элементов подсеки и перелога. Расчистка леса под пашню, практикуемая, как и в XVIII в., повсеместно, стала запрещаться. Так, в 1850 г.

поступило распоряжение запретить в некоторых волостях подсеку на 3 года с мотивировкой "по случаю достаточного количества под пашню и покосы"³⁰

Разумеется, крестьяне пытались игнорировать эти запреты, поскольку наличие новоросчистей в земледельческом хозяйстве стало традицией, закреплённой практикой не одного столетия. Землемеры, межевавшие губернию в 1804–1834 гг., с немалым удивлением отмечали, что на территории "удмуртских" уездов огромные площади, которые на планах значились как "строевые и дровяные леса", оказались "самовольным расчищением совершенно превращены в пашенные земли, и, несмотря на строгую бдительность законов и строгую ответственность, совершенно все запаханы и засеяны хлебами"³¹

После межевания у крестьян не осталось такого простора для деятельности по превращению леса в пашню, но там, где в крестьянских дачах имелось достаточное количество леса, они по-прежнему продолжали прибегать к подсеке. Как отмечал Н. Н. Романов, "отдельные хозяева постепенно увеличивают свои полосы, обращая под пашню заповоски, покрытые лесом. После расчистки сжигают только мелочь, дерн надрезают, используя чертец"³² (вернее, чертеж – разновидность сохи с одним лемехом. – М. Г.).

Введение в оборот 1 дес. пашни при подсеке обходилось в 3 руб. 50 коп. серебром, или около 12–14 руб. ассигнациями³³

Разумеется, такая приверженность к подсеке и ее оппозиции – перелог, была обусловлена не особым консерватизмом крестьянских масс, а прежде всего нехваткой удобрений, необходимых для успешного функционирования трехполья.

Достаточное количество органических удобрений, как известно, можно получить при соблюдении определенного баланса между пашней и сенокосами. Идеальным считается соотношение 2:1. В "удмуртских" уездах этот баланс был нарушен издревле в сторону значительного преобладания пашни. По дан-

ным генерального межевания, в Удмуртии на 1 043 874 дес. пашни приходилось 148 471 дес. сенокосов³⁴ Таким образом, соотношение между ними выглядело как 7:1. Палата государственных имуществ в 1849 г., как и ранее, констатировала: "В округах малоземельных селений овраги, болота, все места превращены в сенокосы, но при всем этом даже в урожайные годы происходит недостаток сена. Это главное препятствие к разведению скота..."³⁵ Был разработан план мероприятий, который предусматривал отдачу крестьянам на оброк на 20 и более лет неудобных мест и болот, "дабы они обсушили прорытием каналов или другими средствами", пропаганду практики травосеяния, выращивания корнеплодов и т. д.³⁶ Однако эти меры, неоднозначно и не столь быстро воспринимаемые крестьянами, не могли дать ощутимых результатов. Тем не менее преобладающей и ведущей системой земледелия продолжало оставаться трехполье, элементы других систем только дополняли его. Лишь к 60-м гг. XIX в. стали отмечаться попытки внедрения многополья за счет травосеяния. В образцовых хозяйствах практиковались посевы красного и белого клевера, тимopheвки (палошника), колосницы, травы-свухи и т. д. С сокращением элементов подсеки и перелога трехполье вступило в затяжной кризис, который выразился ярче всего в снижении урожайности. По данным Б. Г. Плющевского, средний годовой урожай по Вятской губернии за период 1804–1840 гг. был сам-2,94³⁷ Отчет вятского губернатора за 1855 г. сообщал, что средний урожай хлебов был сам-4. Описание селений непременно работников Ижевского завода подчеркивало, что в большинстве из них урожай "посредственный" – сам-5 и сам-6, а урожай в сам-3 и сам-4 считался "худым"³⁸ На деле под этими средними данными скрывалось разнообразие урожайности по разным годам, уездам, культурам, а также по отдельным разрядам крестьянства.

Отметим прежде всего, что Елабужский и Сарапульский уезды считались урожай-

ными, Малмыжский уезд относился к современникам к среднеурожайным, а Глазовский характеризовался низкими урожаями. По данным статистических описаний отдельных волостей Глазовского и Сарапульского уездов за 1827 г., урожайность ржи в Глазовском уезде составила сам-3,5 – сам-2, яровых – сам-3 – сам-4, в Сарапульском – показатели выше: озимые – сам-4 – сам-3, яровые – сам-5 – сам-3³⁹.

В Малмыжском уезде отмечена урожайность озимых – сам-6, яровых – сам-3 – 1,5⁴⁰. В 1835 г. урожайность яровых в отмеченном уезде составила от сам-8 (посо) до сам-2,5 (горох), а рожь дала сам-3,4. Наиболее высокие урожаи были отмечены на помещичьих землях, средние – на землях казенных крестьян, на полях удельных крестьян урожайность оказалась заметно ниже (в среднем сам-3 яровых и ржи)⁴¹.

Согласно ведомостям за 1849 г. рожь дала урожай от сам-3 в Елабужском до сам-4,8 в Сарапульском уезде, яровые – от сам-3,5 в Сарапульском до сам-1,9 в Елабужском уезде⁴². Низкая урожайность зерновых объясняется неблагоприятными климатическими условиями: "До самой половины июня стояли большие холода в такой степени, что всех растений едва показавшиеся всходы удерживались в росте, потом вдруг наступили сильные жары, которые ускорили одно только созревание, не давая возможности растениям развиться вполне. Наконец, когда нужно было приступить к уборке хлебов, тогда начали перепадать постоянные дожди, и оттого часть зерна подверглась порухе и утрате"⁴³.

В то же время в удельных приказах, даже при отмеченных погодных условиях, урожай ржи достигал сам-7,9, урожай яровых держался на уровне сам-3, а технические культуры (конопля и лен) дали соответственно сам-8,1 и сам-9,5⁴⁴. В 1850 г. по Малмыжскому уезду наивысший урожай составил сам-10, на неудобренных местах – сам-4 – сам-5⁴⁵.

В середине 50-х гг. палата государственных имуществ сообщала, что средний уро-

жай хлебов на землях казенных крестьян был сам-3 $\frac{1}{4}$ ⁴⁶. В 1860 г. урожайность составила по озимым сам-3,5, по яровым – сам-2,75⁴⁷.

Набор земледельческих культур в первой половине XIX в. оставался прежним. Основную площадь пашни занимали культуры, проверенные опытом предыдущих поколений. Зарекомендовавшими себя и приспособленными к вызреванию культурами были озимая рожь, ячмень, овес. За редким исключением они давали устойчивые урожаи. Другие культуры, как и прежде, сеяли в небольших количествах. В южной зоне, к которой традиционно относились Елабужский, Сарапульский и часть Малмыжского уездов, возделывали полбу, просо, чечевицу, гречиху, отчасти ярицу – яровую рожь. Из технических культур в этой зоне предпочитали коноплю, посевы которой дополнялись льном. В северной зоне (Глазовский и часть Малмыжского уездов) набор культур был чуть беднее. Яровой клин дополнялся посевами пшеницы, гороха, гречихи. Среди технических культур преобладал лен, посевы конопли практиковались на юге, а на севере – преимущественно на усадьбах.

В 40-х гг. XIX в. в практику земледелия стал внедряться картофель. Насильственные меры по его насаждению, предпринимавшие местной администрацией, вызвали протест крестьянства, принявший в ряде уездов Вятской губернии, в том числе и в Глазовском, форму "картофельных бунтов". Однако уже в 60-х гг. XIX в. картофель занял прочное место среди огородных, а в некоторых, особенно помещичьих хозяйствах, и среди полевых культур. Палата государственных имуществ в своем отчете за 1860 г. отмечала, что "крестьяне сами стали осознавать те материальные выгоды, которые доставляет им это полезное растение. Первоначально разведение картофеля ограничивалось только несколькими грядками на огородах и небольшими площадками в лужках поблизости домов, ныне же его возделывают и на полях, хотя, впрочем, не повсеместно"⁴⁸.

Вятская администрация, особенно палата государственных имуществ, для распространения посевов картофеля на крестьянских полях и огородах довольно успешно сочетала методы административного воздействия с методами поощрения. Крестьянам, преуспевшим в разведении новой культуры, назначались премии в размере от 10 до 100 руб., велась пропаганда способов ее посадки и уборки. В частности, предлагалось сажать картофель не только клубнями, но и стеблями и ветками: "...Когда весной посаженный картофель пустит стебли вершка на 2 или 3, то, оставив на месте по 1 или 2 ростка, остальные срезать, захватив стебли на вершок глубиной в землю. Стебли эти сажать на земле, обыкновенно приготовленной, с такими же промежутками, но четвертою долей глубже, нежели они были в земле. Когда рассада поднимется от земли вершков на 5, то должно каждый куст окутывать землею" Составители инструкции уверяли, что посаженный таким образом картофель созревает одновременно с обычными посадками⁹. Оригинальностью отличались и предлагаемые способы уборки картофеля, среди которых была рекомендация, обеспечивавшая раннее получение клубней. "С Успенского поста, – писал неизвестный автор, – вынутый куст, обобравши с него крупный картофель, не должно бросать, а следует опять посадить на то же место, корни прикрыть землею и землю придавить ногою. Маленькие картофелины, которые останутся при корнях, будут к Воздвижению по крупному яйцу"¹⁰. В качестве наилучшего удобрения рекомендовались "смесь навоза с остатками мыловарен, хорошо перегорелый скотский навоз без смеси и в смеси с золою, деревянными опилками, прудовым илом или мохом". Хранить картофель предлагалось переложенным сухим хворостом "во избежание гнили от испорченных картофелин".

Рецепты использования картофеля были весьма разнообразны. Рекомендовалось подмешивать картофельную муку в тесто для хлеба, заменять им седьмую часть

дневного рациона домашних животных¹¹. Кроме того, предлагалось открыть в каждом уезде по 1–2 небольших заведения "для обращения картофеля в крахмал", а также винокурный завод для переработки его в вино и т. д. Всем помещикам губернии предписывалось в обязательном порядке завести четвертое поле – овощное¹².

По губернии широко распространялся опыт разведения картофеля коллежского советника Ростовцева, управляющего имением помещицы Овцыной в с. Богородском (Савали) Малмыжского уезда. Он писал, что сажет эту культуру в начале мая на 40 дес., по 12 четвертей на 1 дес., дважды боронит поле "нарочно для того устроенною железной бороной, а потом уж двухкрылым распахником для обвалу (окучивания. – М. Г.) картофеля". После второго окучивания картофель растет до 1 сентября, а затем выкапывается. Кроме того, Ростовцев описывал действие крахмалопаточного завода, устроенного им в 1838 г. на р. Ирюк. Терка приводилась в действие с помощью водяного колеса, производительность составляла до 100 четвертей в час, хотя обыкновенно "истиралось 30 четвертей в сутки" Из полученного крахмала вываривалось в месяц 900 пудов патоки, которая отправлялась и "сбывалась в Казани"¹³. Ростовцев отмечал, что самым активным поставщиком картофеля на его завод являлся крестьянин Кирилл Кирпишников. В свою очередь, в 1841 г. К. Кирпишников поделился своим опытом выращивания новой культуры: "Занимаясь хозяйством 18 лет, много я слышал ропота на недостаток кормов... С 1838 г. начал разводить картофель, начал с 3 десятин, в 1839 г. посадил 14 десятин" Крестьяне за то, что начал разводить эту культуру, называли его боготопустником и видели в нем причину постигших их неурожаев. Тем не менее, Кирпишников год от года расширял посевы картофеля, причем под половину посевов отвел совершенно истощенную землю и собрал с каждой десятины в среднем по 112 1/2 четверти. По примеру Ростовцева он завел

картофелепаточный завод с механической теркой, выписанной из Москвы с металлургического завода братьев Бутенот, и уже в 1841 г. выварил патоки 750 пудов на общую сумму в 1 928,5 руб. В своем трактате "Нечто о приобретении корма скоту и убедительном способе возделывания поселянами картофеля" он подчеркивает: "Я родился от простого земледельца, вырос и живу между поселян и отличаюсь от них только особенною страстью в земледелии". К сочинению приложен чертеж и описание чрезвычайно простого и удобного приспособления из лозы для посадки картофеля, позволяющего делать это на одинаковом расстоянии, избегая утомительных наклонов. Рассуждая как истинный предприниматель, этот крестьянин-новатор завершает свое сочинение умозаключением о том, что не принуждение, а свободный и выгодный сбыт есть "достаточное средство к возбуждению поселян на возделывание картофеля"⁵⁴.

Последователи Кирпишниковы были и в других волостях. В 1842 г. похвальным листом с премией в 15 руб. серебром был отмечен татарин Сардыбашской волости Малмыжского уезда Самуил Мустаев, который весь свой огород (792 кв. сажени) засадил картофелем⁵⁵. Однако размеры посевов новой культуры росли довольно медленно. Так, к 1850 г. в "удмуртских" уездах было засажено 1 880 дес., получено 11 324 четверти картофеля⁵⁶. Его посевы, как следует из отчетов, концентрировались преимущественно в городах и в помещичьих имениях. Даже в 1860 г. палата государственных имуществ констатировала, что "значительного разведения картофеля в губернии ожидать невозможно, так как ныне сбыт его ограничивается только городами, где жители по большей части имеют также огороды"⁵⁷.

В 40-х гг. XIX в. начинаются эксперименты и по расширению ассортимента возделываемых зерновых и других культур. В образцовых усадьбах и других крестьянских хозяйствах были апробированы и пропагандирова-

лись среди земледельцев новые сорта ржи: "ваза", "кустовая", "многоплодная", "английская", "американская" – озимые, и яровая "шведская" рожь. Намного шире был ассортимент яровых. Так, в образцовых хозяйствах апробацию прошли 11 сортов ячменя. Это были "раннепосевной", "голландский", "малый простой", "английский", "арабский", "рижский", "раннепосевной большой", "небесный" и другие сорта. Еще большим разнообразием отличался список рекомендуемых к возделыванию овсов: "английский", "египетский", "скороспелый", "малый", "краковский", "желтый", "простой", "кустоватый", "черный", "большой смоленский", "арабский", "английский скороспелый" и др. Предлагались также следующие сорта пшеницы: "белотурская", "краковская", "белоарабская", "витингтона", "самарская", "саратовская" и т. д. Среди других апробируемых культур были гречиха "сибирка" и "красная", чечевица – "мелкая белая", "крупная", лен "рижский".

Разводили также различные сорта картофеля: "обыкновенный", "миндальный", отличающиеся отменным вкусом и питательностью, и № 111, 165, 65, 3, присланные из департамента сельского хозяйства⁵⁸.

Кроме означенного учреждения, распространением новых улучшенных сортов семян занималась Казанская учебная ферма и образцовые хозяйства. По-видимому, в последних имелись и начатки селекционной работы. В этой связи особое внимание обращают на себя сорта местной, судя по названиям, селекции: пшеница "каракулинская" и "глазовская", овес "сивинский" и др. Довольно действенным способом пропаганды новых агротехнических приемов и новых культур стали сельскохозяйственные выставки, губернские и региональные, которые начали проводиться с 1849 г. Следует отметить, что первая выставка сельскохозяйственных произведений должна была открыться в 1847 г. в Казани⁵⁹. Крестьяне Вятской губернии выразили

⁵⁹ Первая выставка на Вятке состоялась в 1837 г. Она была приурочена к приезду в губернию цесаревича Александра, а ее организатором был сосланный А. И. Герцен. Она имела комплексный характер.

готовность принять в ней участие, были уже отобраны экспонаты, но разразившаяся холера заставила отменить мероприятие⁶⁰. Вятская выставка была устроена распоряжением министра государственных имуществ. По первоначальному замыслу в ней должны были принять участие крестьяне шести губерний: Вятской, Казанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской. Прием экспонатов продолжался только 3 дня (с 25 по 27 августа). На выставке от 1 227 экспонентов (все они из Вятской губернии) был представлен 1 861 предмет. Из других губерний по причине "отдаленного положения Вятской губернии" не поступило ни одного образца. Крестьяне Елабужского уезда представили 56 экспонатов, Малмыжского – 51 экспонат, Глазовского – 32 экспоната и Сарапульского – 18 экспонатов⁶⁰.

Выставка была открыта для посетителей 29 августа. Она размещалась в доме почетного гражданина Репина, расположенном напротив Вятского окружного управления. Место было выбрано не случайно, предполагалось, что крестьяне, обращавшиеся в окружное управление, волей-неволей попадут и на выставку. С 10 до 18 часов ее посетили немало городских жителей и крестьян. "Любопытство земледельцев, – как отмечали наблюдатели, – вызвали своим необыкновенным в здешнем климате ростом некоторые хлеба, из коих в числе 29 разных пород рожь "канадская" озимая, рост от корня – 1 сажень (2 м 13 см), овес "саксонский" – 2 аршина (1 м 42 см), овес "рижский" – 1 аршин (71,1 см), лен из Риги – 1 аршин"

По результатам выставки крестьянин Е. П. Русских был удостоен первостепенной серебряной медали за ячмень "небесный голый", 8 человек получили похвальные листы и денежные награды за ярицу "американская", ячмень "английский", рожь "канадская" и др.⁶¹ Денежной премией за экспонаты зерновых был отмечен также Павел Ляпунов (Глазовский уезд), а Игнатий Асанов (Малмыжский уезд) был на-

гражден малой серебряной медалью. Отметим попутно, что такую же награду он получил на Казанской выставке 1852 г. за образцы зерновых и семена овощей⁶².

На второй выставке (1850 г.) ассортимент представленных зерновых и технических культур был значительно богаче. Многие посетители закупили семена понравившихся им образцов.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что среди участников выставки, отдававших дань новациям, были и удмурты. Так, на второй Вятской выставке 1850 г. премией в 15 руб. серебром были отмечены образцы культур, представленных новокрещеным удмуртом Глазовского уезда Емельяном Митюкляевым. Он был постоянным участником не только вятских, но и региональных выставок. На Казанскую выставку 1852 г. Е. Митюкляев представил образцы возделываемой им озимой ржи "кустовая", яровой ржи "шведская", пшеницы – "белотурка", "арабская", "каракулинская", ячменя "английский", овсов – "высокий желтый", "арабский", "кустовый", "смоленский". Похвальным листом были отмечены образцы его зерновых и на Вятской выставке 1858 г.⁶³ Не вызывает сомнений, что Е. Митюкляев при возделывании столь широкого ассортимента новых культур не обходился без значительных новаций в агротехнике и орудиях труда.

Активным участником смотров сельскохозяйственной продукции был и другой удмурт Глазовского уезда Петр Горбушин. На Вятской выставке 1850 г. его отметили денежной наградой, а на губернской 1858 г. – малой серебряной медалью "За отличные образцы разного рода хлебов"⁶⁴.

Количество сортов зерновых, экспонировавшихся крестьянами на Вятской выставке 1858 г., поражает воображение и меняет сложившееся представление о рутинности крестьянства. Земледельцы края выставили 46 сортов овса в колосе и 30 сортов в зерне, 50 сортов ячменя в колосе и 30 в зерне, 39 сортов ржи и 26 сортов пшеницы⁶⁵. Кроме уже перечисленных сор-

тов, следует отметить овсы "гоптоун", "саксонский", ячмень "шестистрочный", "рыцарский", "виктория", пшеницы "туземная", "краковская", "неаполитанская", "тосканская", "кавказская", "тумилия" и т. д.

Обновление ассортимента коснулось и овощных культур. Наряду с традиционными луком, репой, редькой, свеклой, на крестьянских огородах стали культивировать капусту — "коломенская", "любская", "брауншвейгская", огурцы "муромские" и "голландские", бобы, редис, морковь, тыкву, салат и др.⁶⁶

Семена улучшенных сортов приобретались крестьянами у частных лиц, на сельскохозяйственных выставках, присылались из департамента сельского хозяйства и с Казанской учебной фермы, черенки и семена огородных и фруктовых растений — из депо Московского общества сельского хозяйства. Следует отметить особую роль в распространении улучшенных сортов зерновых Уржумской образцовой усадьбы, учрежденной в 1843 г., хозяином которой стал Макар Максимов⁶⁷

Министерство государственных имуществ выработало тактику внедрения инноваций в крестьянское земледелие, используя в качестве экспериментальной площадки образцовые хозяйства, создаваемые во всех уездах и губерниях. Особенно широко эта практика была распространена в 40-х гг. XIX в. Владельцами этих усадеб, как правило, становились крестьяне, склонные к постоянному поиску. Некоторые из них были выпускниками сельскохозяйственных учебных ферм и училищ.

К 1846 г., по сведениям губернаторского отчета, в Вятской губернии было создано 134 крестьянских образцовых хозяйства. Кроме того, экспериментальную работу вели 72 приходских священника. К 1847 г. число образцовых хозяйств достигло 449, затем пошло на снижение. К 1854 г. в губернии насчитывалось 78 образцовых хозяйств из крестьян и 53 — из приходского духовенства. Кроме того, 21 образцовое хозяйство было создано в удельных приказах. В них поселили 30 молодых крестьян, окончив-

ших курсы при Санкт-Петербургском удельном земледельческом училище.

В соответствии с Положением от 28 мая 1841 г. будущих владельцев образцовых усадеб готовили также на учебных фермах. Для нашего региона таковой была Казанская учебная ферма (в источниках она иногда называется Северо-Восточной. — М. Г.).

В 1846 г. сюда были направлены 10 крестьянских мальчиков. Из отчета палаты государственных имуществ за 1854 г. следовало, что из 19 крестьянских мальчиков, проходивших обучение на Казанской ферме, один "за особыми успехами" был направлен в Горыгригореецкое земледельческое училище (Могилевская губерния), другой устроен в особом хозяйстве с ремесленной специализацией, 15 нашли место в хозяйствах родственников⁶⁸. Среди таких образованных хозяев своими опытами особенно выделялся Ефим Метелев, крестьянин Мальканской волости Малмыжского уезда, внимательно следивший за текущей агрономической литературой, которую он выписывал из Петербурга и Москвы. Установив связи с Московским обществом сельского хозяйства, Казанской и Горыгригореецкой учебными фермами, он выписывал семена улучшенных растений: американской яровой ржи, китайского овса, шестирядного египетского ячменя, яровой пшеницы — талавери, рижского и псковского льна и т. д. Е. Метелев записывал в особую ведомость условия и результаты своих опытов, в случае неудачи менял почву и время высева. Большое количество разводимого им скота (8 лошадей, 20 голов рогатого скота, 35 овец, 50 свиней) давало возможность обильно удобрять почву. На огороде у него хорошо родились петровская репа, коломенская и брюссельская капуста, белые турецкие огурцы и розовато-огненный редис. При усадьбе был сад с липовыми и березовыми аллеями, яблонями и вишнями, кустами малины и смородины⁶⁹.

Для успешной деятельности и выживания образцовые хозяева пытались кооперироваться. В конце 40-х гг. XIX в. крестьяне-

новаторы Глазовского уезда создали сотоварищество, в целях "взаимного сообщения самим себе и местному начальству сведений об улучшениях в сельском хозяйстве" Члены сотоварищества обязывались раздавать крестьянам улучшенные сорта зерновых и других культур даром или с получением взамен обыкновенного зерна. Активными его членами были приходские священники, пожелавшие "производить разные опыты как по пробным посевам, так и по удобрению земли". В 1854 г. члены Глазовского сельскохозяйственного общества собрали 198 руб. серебром для приобретения семян, улучшенных земледельческих орудий и проведения "опытов" Они обязались ежегодно высылать во все приходские училища "Земледельческую газету", "дабы поколения земледельцев могли заблаговременно приобрести некоторые теоретические знания по части сельского хозяйства". В целях расширения влияния на крестьян, особенно на удмуртов, общество обязалось выделить стипендию в 50 руб. каждому из 20 мальчиков, пожелавших обучаться на Казанской учебной ферме.

Наиболее активным членом товарищества был крестьянин Верхосвятицкой волости Игнатий Огородников. Созданная им Улановская образцовая усадьба специализировалась на возделывании яровых. Используя предложенный им способ удобрения почвы, в 1848 г. он получил урожай в сам-14. Кроме того, Игнатий Огородников производил опыты по усовершенствованию орудий труда, приступив в 1849 г. к сооружению "молотильного катка с овином и круглым током"⁷⁰.

В 40-е гг. усилилась и тяга крестьян к усовершенствованию сельскохозяйственных орудий, которые тоже появились прежде всего в образцовых хозяйствах, где были апробированы новые для нашего края орудия: плуг-глыбодроб, используемый на тяжелых глинистых почвах, плужок (распашник) для окуривания картофея, кочкорез для окультуривания лугов, снаряд для удаления пней на новоросчиях, брабантская

борона, штирийская коса, английский серп и т. д. Широко внедрялась коса-литовка, призванная вытеснить традиционную косу-горбушу, причем появились модификации косы с граблями. Некоторые крестьяне заменяли крупное било традиционного молотильного приспособления – цепа – четырехгранным, полагая, что это увеличивает производительность труда⁷¹.

К 60-м гг. XIX в. в зажиточных хозяйствах цеп, который был в течение многих веков единственным орудием молотыбы, начал заменяться молотильными машинами. Описание 1850 г. отмечает, что у Леонтия Порсева, крестьянина из д. Сенихи Нечкинского приказа, имелись конная молотилка, которая приводилась в действие одной лошадей и при содействии двух взрослых и двух малолетних работников обмолачивала до 300 снопов в час⁷², а также американская веялка, способная при содействии двух работников (взрослого и подростка) очистить "самым лучшим образом, с отделением крупного от мелкого зерна и всякого сорного семени" до 8 четвертей зерна в час⁷³.

В 40-е гг. своей деревянной молотилкой оригинальной конструкции прославился сарапульский крестьянин Никита Санин, неоднократно отмечавшийся серебряными медалями на вятских сельскохозяйственных выставках. Молотилка Н. Санина оказалась настолько популярной, что сарапульская купчиха Н. М. Ижболдина даже попыталась наладить ее производство на собственном чугунолитейном заводе. Наряду с молотилкой, Н. Санин демонстрировал на выставках сортировочную и жатвенную машины⁷⁴.

Творческим поиском конструкций сельскохозяйственных машин, адаптацией их к условиям нашего края занимались и другие земледельцы. Так, крестьянин Глазовского уезда Иван Касаткин представил на Казанскую выставку 1852 г. модель жатвенной машины. На Вятской выставке 1858 г. экспонировалась ручная веялка крестьянина из Субботина. По признанию экспонента, на создание этой модели его вдохновил пример Н. Санина⁷⁵.

К середине XIX в. произошли определенные сдвиги и в агротехнике. Экспериментальный поиск в этом направлении вели преимущественно образцовые хозяйства. В условиях уже отмеченной хронической нехватки навозных удобрений они пытались найти полноценные его заменители, вводя в почву древесные листья, вереск, болотные травы, известь, мергель, тину, "жирную землю", вывозимую из болот (по всей видимости, торф. — М. Г.). По наблюдениям хозяев, удобрение песчаных почв последним из способов дает очень хороший эффект: "Урожай зерен бывает полнее, нежели на свеженавозной земле" Практиковалось внесение в тяжелые глинистые почвы песка, а в песчаные — глины, что заметно улучшало структуру пашни⁷⁶.

Стабилизации урожая способствовало "двоение и троение", т. е. двойная и тройная перепашка и боронование почвы, обогащающее ее кислородом и улучшающее ее структуру.

Способы сушки и хранения убранного зерна определились не только природно-климатическими условиями, но и глубокими этническими традициями. "Никогда сжатый хлеб не кладут в кучи или не ставят в суслоны, как это делают русские мужики, а вешают на изгороди или надевают на колья так, чтобы колос наружу. Это делается с той целью, чтобы если зерна зелены, то они могут дойти, в дурную же погоду скорее выветриваются и, следовательно, не прорастают", — такие особенности уборки зерновых у удмуртов Елабужского уезда отмечал И. Н. Савинов в своих корреспонденциях в губернскую газету.

Следуя сложившейся традиции, русские крестьяне складывали сжатую рожь в суслоны по 20 снопов, а яровой хлеб — в бабки из 10 снопов. Удмурты, татары и марийцы в сухую погоду формировали из снопов груды по 50 снопов ржи и по 25 снопов яровых. Если во время уборки шли дожди, удмурты, кроме вышеописанного способа, использовали вбитые на поле жерди, накалывали на них снопы вниз колосьями. Для

сушки использовались также овины-шиши. Для длительного хранения из снопов формировали кладухи или кабаны. У удмуртов такие кабаны стояли десятилетиями, и искусство укладки снопов было столь высоким, что зерно не портилось при любых, даже самых плохих метеорологических условиях⁷⁷.

Товарность (соотношение товарного хлеба ко всему сбору зерновых) крестьянского хозяйства оставалась, по официальным данным, не слишком высокой. Профессор Казанского университета М. Киттары определял ее для губернии в 3,27 %⁷⁸. Б. Г. Плющевский на основании губернаторских отчетов пришел к выводу, что она составляла 3,8–5,7 %⁷⁹. По "удмуртским" уездам в неурожайном 1804 г. было получено 1 052 499 четвертей зерна, излишки составили 51 134 четверти, на деле вывоз был значительно больше. Губернская администрация объясняла это явление тем, что "многие поселяне имеют у себя в большом запасе от прежних лет и тем делают оборот, и сие было причиною количества хлеба, бывшего в том году в обороте по сравнению с остатками родившегося"⁸⁰. В 1806 г. было собрано 1 186 152 четверти, в остатке считалось 80 865 четвертей⁸¹ (6,8 % валового сбора).

Урожай 1816 г. считался посредственным. По данным губернаторского отчета, в четырех уездах было собрано 802 426 четвертей ржи и 1 299 374 четверти яровых, за вычетом необходимого на посев и продовольствие "в остатке" считалось 462 357 четвертей⁸². Таким образом, товарность достигла почти 22 %.

Анализ отчетов по последующим годам свидетельствует о том, что в южных Елабужском, Малмыжском, Сарапульском уездах излишки были значительно выше. В 1820 г. в крае было собрано 1 690 570 четвертей зерна⁸³, соответственно, и товарность упала почти вдвое.

В 50-е гг. XIX в. в "удмуртских" уездах собиралось более 4 млн. 660 тыс. четвертей зерновых, на семена требовалось 1 млн. 227 тыс. четвертей. За пределы края вывози-

лось 385 700 четвертей ржи, пшеницы, ячменя и овса. На винокурение в пределах самих уездов употреблялось 10 600 четвертей⁸⁴. Товарность составляла 8,5 %. На деле вывоз хлеба за пределы края был значительно выше. Приведенные данные позволяют утверждать, что в "удмуртских" уездах товарность земледелия была значительно выше средних показателей по губернии, и, как и урожайность, ощутимо колебалась по отдельным годам.

Оценивая в целом уровень развития этой отрасли, все наблюдатели в один голос утверждают, что земледелие в Вятской губернии "в положении хорошем сколько по плодородию земли, столько же по трудолюбию самих поселян", что крестьяне "в обработке земли строго держатся тех обыкновенных и привычек, кои принадлежат предкам их за 100 и более лет тому назад, но, несмотря на это, "урожай бывает хорош и с избытком награждает труды земледельца"⁸⁵.

Лучшими землепашцами в губернии, по мнению представителей администрации и сторонних наблюдателей, являлись удмурты, превосходящие которых в этом роде занятий признавали все, даже маришцы, стоявшие в земледельческом мастерстве на втором месте⁸⁶.

Вторая отрасль сельского хозяйства – скотоводство – находилась в значительно более худшем положении, нежели земледелие. Как неоднократно отмечали современники, "скотоводство не может привлечь на себя особого уважения" или "скотоводство вообще ничтожное"⁸⁷, хотя обеспеченность хозяйств скотом в целом была выше, чем во многих других губерниях⁸⁸. Согласно нашим подсчетам, по четырем уездам в 1845 г. на 100 душ населения приходилось свыше 46 лошадей, 58 коров, 99 овец, в 1850 г. – 45 лошадей, 51 корова, 91 овца. В 1855 г. в крае насчитывалось, по данным статистики, 235 733 лошади, 232 526 голов крупного рогатого скота, 474 тыс. овец, 26,6 тыс. коз и 165,2 тыс. свиней. В пересчете на 100 душ населения это составило 32 лошади, 31 корову, 68 голов мелкого рогатого скота, 22 свиньи⁸⁹. Таким образом,

налицо постепенное снижение показателей обеспеченности скотом на душу населения. Причины крылись, как уже отмечалось, в недостатке кормовой базы. Меры по устранению недостатка сенокосных угодий были неэффективны. Как отмечалось в губернских отчетах, "овраги, болота и все места превращены в сенокосы, но при всем этом даже в урожайные годы имеется недостаток корма"⁹⁰. Травосеяние, настоятельно рекомендуемое палатой государственных имуществ, не получило распространения, так как "при трехпольной системе травосеяние неудобно"⁹¹. Попытки по возделыванию тимopheевки на лесных росчистях, хотя и были успешными, не могли кардинально изменить положение вещей, так же как и отдача болот в безоборочное содержание крестьянских общин на срок от 15 до 40 лет с условием их мелиорации и превращения в сенокос⁹².

Другим бичом, подрывавшим скотоводство, был падеж скота, который случался в каком-либо из уездов почти ежегодно. Наиболее распространенными болезнями животных были сибирская язва и чума. Так, в 1808 г. в Сарапульском, Елабужском и Глазовском уездах свирепствовала "скотская чума". На борьбу с ней был командирован из Вятки акушер Кушелевич, "который ...действует с возможным искусством и усердием"⁹³. Похоже, меры ограничились административным распоряжением – "чтобы торгующие кожами и разными шерстными товарами имели бы свидетельства, что они из тех мест, где заразы нет". В 1829 г. только в Нижнечетаевской и Старотрыской волостях Малмыжского уезда пало 3 383 головы разного скота. В 1835 г. "скотские падежи существовали" в Сарапульском и Елабужском уездах, пало рогатого скота 2 091 голова, лошадей – 13⁹⁴. В 1849 г. снова отмечалась чума рогатого скота в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах, сибирская язва – на лошадях и рогатом скоте, чесотка – на лошадях в Малмыжском уезде, воспаление легких у рогатого скота в Сарапульском уезде.

Пало 2 427 голов⁹⁵ Отметим, что особой ветеринарной службы в губернии не имелось и борьба с эпизоотиями вменялась в обязанность уездным врачам и даже акушерам. Только в 1844 г. при палате государственных имуществ появилась должность ветеринара, ему на обучение было отдано 10 крестьянских мальчиков. При лечении чумы употреблялись "минеральные кислоты" как внутрь, так и для окуривания хлевов. При сибирской язве "делались кровопускания, употреблялись противовоспалительные и противогнилостные средства" "Медико-полицейские меры" заключались в изоляции больных животных, в окуривании и очищении хлевов и в закапывании павших животных в глубокие ямы. Однако и эти простые меры соблюдались отнюдь не всеми поселянами, а если и соблюдались, то "не в точности"⁹⁶

Крестьянский скот, как правило, был мелким и отличался малой продуктивностью: "Коровы здешние мало дают молока как от недостатка хорошего и изобильного корма, так и от слабой породы" Зажиточные хозяева начали заботиться об улучшении породы скота, стали покупать коров холмогорской породы, тонкорунных овец и т. д.⁹⁷

Для улучшения породы лошадей палата государственных имуществ в 1844 г. создала в Вятке земскую случную конюшню, на которой содержалось 60 жеребцов английской, персидской, арабской и турецкой породы. Велась также поиски жеребцов "битюгской" породы. Председатель палаты А. Д. Игнатьев ходатайствовал о замене иностранных жеребцов наиболее приспособленной к местным условиям обивинской породой, однако отыскать чистокровных ее представителей уже не удалось. На грани вырождения находилась и другая местная порода крестьянских лошадей – вятка, отличавшаяся набором великолепных качеств. Как отмечало статистическое описание 1855 г., особенностью этой замечательной породы являлся небольшой рост, до 2 аршин (1 м 42 см), широкая грудь при небольшой голове и недлинной шее, совершенно пря-

мая спина и т. д. Она удовлетворяла крестьян быстротой бега, крепким сложением, неприхотливостью⁹⁸ По-видимому, именно эти качества привлекли к ней внимание военного министра графа А. А. Аракчеева, распорядившегося организовать поставку жеребцов данной породы военным поселениям. Эта мера при полном отсутствии селекционной работы привела к постепенному вырождению популярной обивинской породы, как и некогда знаменитой вятки⁹⁹

В какой-то степени улучшением породы лошадей занимались и помещики, в частности А. И. Юшков, имение которого располагалось в Малмыжском уезде. В отличие от земской конюшни на его конном заводе имелись вятки (71 матка) и арабские жеребцы. Из-за довольно высокой цены, установленной за использование жеребцов, крестьяне редко прибегали к услугам завода, и за 17 лет (с 1845 г. по 1862 г.) от этой конюшни был получен приплод всего 6 105 голов¹⁰⁰

Помещики Елабужского уезда Камашев и Шаргин пытались также завести тонкорунных овец, но это начинание не имело особого успеха¹⁰¹

Палата государственных имуществ, как уже отмечалось, занималась распространением овец романовской породы. Результатом этой деятельности стало появление новой породы, полученной от скрещивания романовских и местных овец. Она давала "шерсти вдвое более обыкновенных овец, а овчина была вдвое толще и крепче"¹⁰²

Птицеводство было представлено гусями, утками, курами, индейками "обыкновенной крестьянской породы". Как отмечалось в отчете 1849 г., разведением птиц занимались больше крестьяне Елабужского, Сарапульского и Глазовского уездов¹⁰³

Неземледельческие промыслы, местные и отхожие

Значение неземледельческих промыслов, связанных с пчеловодством, охотой и

рыболовством, в первой половине XIX в. по сравнению с предшествующими периодами существенно снизилось. Описания губернии и уездов отмечают, что охотой больше занимались удмурты и марийцы, используя капканы "разных родов", ружья, в том числе и "винтовые" которые применялись чаще при отстреле куниц, белок и норки. Последнюю, кроме того, ловили мордами. Любопытные данные о размерах охотничьей добычи сообщает описание Малмыжского уезда 1835 г.: здесь ежегодно добывали "олений до 20, медведей от 50 до 70, волков от 40 до 60, зайцев до 5 тыс., белок до 10 тыс., норки до 1 тыс." Меха сбывались татарам, которые продавали их в Казани, получая прибыль в размере около 9 500 руб.¹⁰⁴ Из других уездов меха, преимущественно шкурки зайцев и белок, реализовывались на Макарьевской и Ирбитской ярмарках.

Рыболовство при изобилии водоемов и рыбы в них не имело товарного характера. Рыба ловилась в основном "для своего употребления". Ценные породы рыбы: осетр, стерлядь, белуга, судак – водились в Каме. Источники отмечают, что стерлядь, кроме того, ловили в Вятке, Чепце и Кильмези. В остальных реках и озерах водилась обычная рыба: сомы, лещи, окуни, щуки, караси, ерши, пескари, сороги¹⁰⁵ Крупную рыбу ловили на продажу и развозили по губернии зимой в свежемороженом, летом – в соленом виде. Описание губернии 1857 г. свидетельствует, что в Малмыжском и Елабужском уездах ежегодно вылавливали до 6 тыс. пудов рыбы в каждом, а в Глазовском и Сарапульском – до 7 тыс. пудов.

Палата государственных имуществ в 50–60-е гг. различными мерами¹⁰⁶ пыталась поощрять пчеловодство, которое "прежде было в цветущем состоянии". Уровнем развития пчеловодства из всех уездов губернии отличались Глазовский и Сарапуль-

ский. В крае было немало пчеловодов, обращавших на себя внимание как знаниями, так рачительностью и любовью к своим занятиям. К таким пчеловодам, по отчету губернатора за 1860 г., относились удмурты Глазовского уезда П. Горбушин, Н. Селиверстов, Г. Наговицын и др.¹⁰⁷

Поскольку удмуртский мед "отличался тонким ароматом и высоко ценился покупателями", он вывозился не только на местные рынки, но и в Москву, и в Нижний Новгород. Среди пчеловодов пропагандировались посевы медоносных трав и культур: синяка, вайды, белого клевера, кипрея, гречихи; распространялись усовершенствованные ульи Прокоповича-Витвицкого, некоторые пчеловоды направлялись для обучения в школу Прокоповича. Предметы пчеловодства экспонировались и на сельскохозяйственных выставках в Вятке, Казани и даже в Москве. Так, на Вятской выставке 1854 г. было показано 46 предметов от 13 пчеловодов. Среди других экспонатов был представлен улей оригинальной конструкции, изобретенный крестьянином Глазовского уезда Костиным¹⁰⁸

Широкое развитие, как и ранее, имела домашняя промышленность. Каждый крестьянин в своем дворе занимался изготовлением нехитрого сельскохозяйственного инвентаря, рыболовных снастей, снаряжения для пчеловодства и т. д. Женщины пряли, ткали шерстяные ткани и холсты, шили одежду, вязали. Крестьянские ткани были обычным видом товара, вывозившегося за пределы края. Так, в 1837 г. губернатор отмечал, что в уездах изо льна выделялось 2 млн. 500 тыс. аршин холста, который большими партиями отправлялся к Архангельску, где он охотно покупался "иностранными торговцами". Вообще считалось, что торговля холстом занимает второе место после хлебной. В. Шестаков, описывая кустарные промыслы Глазовского уезда в 50-х гг. XIX в., отмечал: "Тканьем холста и пестряди занимаются несколько тысяч рук и преимущественно женский пол... Кроме холста, ткнут сукно, которого вырабатывается значительное количество, также бьют

* Винтовкой называлось очень длинный гладкоствольное ружье мелкого калибра. Оно заряжалось дробинкой величиной с горошину. Эти ружья производились на Ижевском заводе.

шерсть, валяют из нее войлоки, валенки, шляпы, удмуртские и русские, выделывают также овечьи шкуры. Все эти произведения большей частью сбываются на торжках и местных базарах"¹⁰⁹. В 1850 г. из губернии вывозилось до 15 млн. аршин, в том числе в Казань для мешков – около 800 тыс. аршин. В 40-е гг. предпринимались определенные меры по усовершенствованию крестьянского ткачества. Палата государственных имуществ выписала самопрялки, которые усиленно внедрялись среди крестьянок, велась также пропаганда посевов льна¹¹⁰.

Значительное распространение получили промыслы по обработке лесных продуктов. Как отмечалось в одном из описаний Вятской губернии, "лесные промыслы: заготовка брусьев и бревен для сплава, выделка мочал, кулей, рогож, циновок, дегтя, постройка судов и барок для продажи – очень выгодны для крестьян как в видах облегчения подати, так и потому, что в занятиях ими принимают участие незрелые мальчики и женский пол, особенно в ткании кулей и рогож". Наибольшее распространение перечисленные промыслы имели в Малмыжском и Елабужском уездах. Документы отмечают особую приверженность к занятиям ими удмуртов и марийцев. Производство из дерева посуды, кадок, ведер, телег, повозок, саней было развито, кроме того, в удельных приказах. Описание Глазовского уезда также сообщало о распространенности этих видов промыслов: "Мочало заготавливается до 25 тыс. руб., рогожи и кули – до 100 тыс. штук". Строительство судов велось не только на Каме и Вятке, но и на их притоках. Описание Глазовского уезда отмечает, что по Чепце ходили "баржи и подчалки" от 18 до 20 сажень длиной, шириной от 8 до 10 четвертей. Вверх по Волге они двигались с помощью конных машин. На Нижегородской ярмарке по распродаже товаров суда также продавались на слом"¹¹¹.

Крестьянские изделия закупались торговцами-гуртовщиками и сплавлялись по воде в Среднее и Нижнее Поволжье (Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую гу-

бернии и Область войска Донского). Отчет по губернии за 1837 г. сообщал, что строевого леса было вырублено и сплавлено до 190 тыс. деревьев, дров – до 5 тыс. сажень, лесных изделий – до 1 млн. 860 тыс. штук, смолы и дегтя – до 35 тыс. ведер¹¹².

К 60-м гг. XIX в. промыслы по обработке лесной продукции стали приходить в упадок. Причина крылась прежде всего в снижении хлебной торговли и уменьшении спроса на рогожи и кули, а также на речные суда для сплава зерна. Немалую роль сыграл и запрет на истребление липовых лесов, наложенный на казенные дачи в 50-е гг. XIX в. Наряду с лесными, постепенное развитие получили и другие виды промыслов. Любопытную картину их распространенности содержат описания удельных приказов 1850 г. Так, из 4 575 крестьян Мостовинского приказа крашением кубовой краской занимались 8, кузнечным промыслом – 13, изготовлением телег и колес – 35, сидкой смолы – 15, производством горшков – 30, обработкой леса – 26, рыболовством и пчеловодством – 140. Таким образом, к промыслам, как правило, сочетая их с земледелием, обращалось 5,8 % крестьян. В Галановском приказе рыбной ловлей, пчеловодством занимались 310 человек, крашением – 18 человек, кузнечным промыслом – 23 человека, столярным – 23 человека, портняжным – 2 человека, кожевенным – 8 человек¹¹³.

Плотничное ремесло, в котором были задействованы преимущественно удельные крестьяне Сарапульского уезда, имело характер отходничества. Ежегодно до 5 тыс. крестьян отправлялись из удельных приказов в Казанскую, Оренбургскую, Пермскую и Сибирскую губернии, зарабатывая от 30 до 60 руб., иногда до 90 руб. серебром за сезон¹¹⁴. К подобным видам ремесла относилось крашение кубовой краской, распространенное среди удельных крестьян, хотя были и стационарные мастерские, подобные кубово-красильному заведению крестьянина д. Сенихи Сарапульского уезда Л. Поросева. Мастера занимались крашением шерстяных, бумажных, холщовых тканей и пряжи, наби-

А. Ф. Дерябин
Художник
В. Любарев. 1984

Дерябин Андрей Федорович (6 ноября 1770 г. – 11 июня 1820 г.), основатель Ижевского оружейного завода. В 1801 г. назначен начальником Гороблагодатских, Пермских, Богословских и Камских заводов. По заданию Военной коллегии занимался поиском места для нового оружейного завода. Выбор пал на Ижевский завод. В 1807 г. под его руководством здесь был построен оружейный завод. За сравнительно короткий срок ему удалось привлечь специалистов и наладить производство военных ружей. А. Ф. Дерябину принадлежит идея введения института неперенных работников (1807 г.), создания на Ижевском (Главная) и Воткинском (Малая) заводах горных школ.

ванием столовых скатертей, платков и т. д.¹¹⁵ Бурлачеством – обслуживанием судов, идущих по Вятке и Каме, занимались крестьяне приречных волостей Елабужского, Сарапульского и Малмыжского уездов. В 1830–1840-х гг. в Сарапульский уезд в целях найма бурлаков для караванных операций направляли своих подрядчиков некоторые заводовладельцы Пермской губернии, в частности, Яковлев-Сабакин¹¹⁶. Жители Глазовского уезда шли в отход на Пудемский, Омутнинский, Песковский и Залазнинский заводы для выполнения подсобных работ (копка, вывозка руды, заготовка леса). Часть отходников уходили на Сибирские золотые прииски и на Пермские горные заводы¹¹⁷. Заметное место среди отхожих промыслов занимал извоз – доставка хлебных грузов, семени льняного и конопляного к Ношульской пристани на Лузе, а также перевозка грузов по Сибирскому и другим трактам.

В 1848 г. в Вятской губернии насчитывалось 38 482 человека, занятых обслужива-

нием транспорта. Из них 14 217 были собственниками лошадей, нанимавшими на условиях подряда 24 265 работников¹¹⁸.

Мануфактурная промышленность

Мелотоварная крестьянская промышленность, на базе которой совершенствовались производственные навыки крестьянства, а также богатейшие природные ресурсы края, стала основой дальнейшего развития мануфактурной промышленности.

Как и в XVIII в., на первом месте по количеству предприятий и размерам выпускаемой продукции находилась металлургическая промышленность. Наиболее крупными из металлургических предприятий по-прежнему были Ижевский и Воткинский казенные заводы.

Знаменательным событием в истории Ижевского железоделательного завода и в истории края в целом стало создание в 1807 г. при нем оружейного производства. Руководитель проекта организации нового оружейного завода горный инженер А. Ф. Дерябин нашел, что при Ижевском заводе имеется "достаточное количество воды для машин... лесов для строения и выжигу угля, возможность приграничить еще большее количество оных, удобность получения самых лучших металлов для оружия, без дальнейшей перевозки оных, обширность места, довольно плодородная округа"¹¹⁹. Летом 1807 г. было начато строительство нового завода, за 1807–1808 гг. были возведены помещения для заварки стволь, приготовления замков, оружейного прибора и пр. Железа избавить Россию от затрат на покупку дорогостоящих английских инструментов, А. Ф. Дерябин сразу наладил на заводе и инструментальное производство.

Он столкнулся с большими трудностями в обеспечении нового производства опытными кадрами мастеровых-оружейников. Попытка пополнить их ряды за счет рекрутского набора (за 1807–1808 гг. на завод поступило около 4 тыс. рекрутов) не была успешной.

Городище северных удмуртов Иднакар
Художник В. Белых

Столица вятских удмуртов Кыпнокар
Художник В. Белых

Арск с высоты птичьего полета
Художник В. Белых

Базар в средневековом Арске
Художник В. Белых

Строительство Ижевского завода
Художник В. Белых

Ожидание
Художник В. Белых

с карты Вятскаго Наместничества изъ Атласа
 Чингизии, изданнаго въ градѣ С. Петра, въ царствованіе
 въ 1796.

ишской.

Екатерины II

Лит. № 12572. 12572. 12572.

Гербъ

ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ

Высочайше утверждёнъ 8 декабря 1864 года.

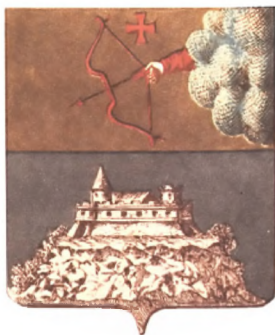
Герб уездного города Глазова

Герб уездного города Елабуги

Герб уездного города Малмыжа

Герб уездного города Сарапула

Е. И. Пугачев в Юськах
Художник Н. Карев

А. Ф. Дерябин и С. Е. Дудин
Художник А. Олин

Посещение царевичем Александром Николаевичем Воткинского завода в 1837 г.
Художник Е. Скобелев

Мултанское дело
Художник В. Белых

Основной контингент составлялся из мастеровых, направленных сюда с других горных заводов. Среди них были кузнецы, молотобойцы, мастера укладного и колотушечного дела. Мастера-оружейники готовились на Нижнетуринском, Серебрянском и Воткинском заводах. Кроме того, на полученные от правительства 15 тыс. руб. через поверенных А. Ф. Дерябин нанял более полусотни иностранных специалистов. Однако среди приехавших иностранцев истинных знатоков инструментального и оружейного дела оказалось меньше, нежели откровенных авантюристов. В итоге к началу деятельности завода квалифицированные оружейники составляли менее 9 % общей массы рабочих людей.

Вспомогательные работы на заводах (заготовка дров, выжиг угля, изготовление ложевых болванок) были возложены на непременных работников. Институт непременных работников возник в 1807 г. на базе приписных крестьян. С каждой тысячи приписных полагалось взять 58 человек в непременные работники и 2 – в мастеровые. Первоначально к Ижевскому железодельательному заводу предназначалось причислить 750 непременных работников. Однако при передаче завода в Военное министерство численность приписных была увеличена до 3 тыс., в это число вошли и удмурты Завьяловской и Юськинской волостей.

Производство оружия нарастало медленно: в 1807 г. было собрано 7 пехотных ружей, 5 пистолетов, 6 солдатских тесаков; в 1808 г. – 25 ружей, 14 пистолетов,

14 тесаков; в 1811 г. было заварено 2 412 стволов, из которых до конечной продукции довели только 1 262. В целом за 1809–1866 гг. на заводе было изготовлено более 1 млн. ружей и винтовок. Росту производительности способствовали усовершенствования, внедряемые не только непосредственно в оружейную, но и в металлургическую промышленность. Кривое железо не всегда удовлетворяло такое сложное производство, как оружейное, поэтому с 1855 г. на Ижевском металлургическом заводе был внедрен контуазский способ получения железа. В итоге брак при изготовлении стволов сократился более чем втрое. Выплавка металла колебалась: в 1807 г. было получено 152,5 тыс. пудов полосового и колотушечного железа, около 10 тыс. пудов уклада, в 1810 г. весь ассортимент продукции составил всего 69 тыс. пудов, в 1820 г. – 50 тыс. пудов, в 1830 г. – почти 105 тыс. пудов. В 1850 г. производство упало до 45 тыс., а в 1860 г. поднялось до 108 тыс. пудов¹²⁰.

Оружейное производство по оснащенности станками и механизмами выгодно отличалось от металлургического. Замечательным событием стала установка в 1811 г. выдающимся техником-изобретателем Л. Ф. Сабакиным шустовального станка, повысившего эффективность труда в 2 раза. Устройство в 1835 г. плющильного станка подняло производительность и снизило себестоимость продукции. В 1840 г. на заводе были установлены двойные стволосверлильные и лицевальные станки. Все эти усовершенствования сказались на качестве производимой продукции. Если до 1845 г. на заводе изготавливались только кремневые ружья, то затем началось производство ударных ружей, а с 1857 г. – шестилинейной винтовки, заряжаемой с дула. На выставке, состоявшейся в середине 50-х гг. XIX в., изделия ижевских оружейников обратили "всеобщее внимание чистотой отделки, легкостью и правильностью форм"¹²¹.

Другой металлургический завод – Камско-Воткинский – с появлением А. Ф. Дерябина в качестве горного начальника стал развиваться интенсивнее. Внедрение про-

Кремневое пехотное ружье выпуска 1829 г.

изводства инструментальной стали, начатое еще в 1801 г., было успешно завершено с приездом на завод С. И. Бадаева. В 1811 г. опытные образцы инструментальной стали были отправлены в Санкт-Петербург. "Бадаевская" сталь успешно конкурировала со знаменитой английской сталью. При Дерябине на заводе был установлен прокатный стан. Кроме него, видными организаторами производства на этом заводе были Н. Р. Мамышев, И. П. Чайковский и И. А. Иосса.

Признаком вступления в эру технической революции было внедрение на заводе в конце 30-х гг. пудлингового способа получения металла. Важно подчеркнуть, что пудлингование появилось здесь раньше, чем на других заводах Урала. При И. П. Чайковском завод стал комплексным, сочетая металлургию с машиностроением. Кроме стали, на Воткинском заводе производили тончайшую проволоку, ридеры (скрепления для судов), часовую пружину и тяжелые плиты для военных кораблей, мелкие пробойные гвозди и 300-пудовые якоря для морских судов. С 1847 г. завод стал осваивать строительство речных пароходов и барж. На первую губернскую выставку "естественных и искусственных произведений" в 1837 г. завод представил литую магнитную и рафинированную сталь, оковки и различные принадлежности для артиллерийских орудий, слесарные, измерительные и хирургические инструменты, пистолеты, бритвы, ножи и вилки¹²².

Кроме предприятий, владельцем которых выступало государство, в крае, как и в XVIII в., продолжали развиваться частные заводы. Владельцами их являлись преимущественно дворяне. По численности они преоб-

Чайковский

Илья Петрович (20 августа 1795 г. – 9 января 1880 г., генерал-майор (1849 г.). Отец П. И. Чайковского. Трудовой путь начал на Ижевском заводе после окончания двухклассного народного училища. Окончил Горный кадетский корпус (1817 г.). Работал в Пермском горном правлении, департаменте горных и соляных дел, преподавал в Горном кадетском корпусе. В 1837–1848 гг. – горный начальник Воткинского завода. При нем были расширены, освоены новые производства, построена первая в России пудлинговая печь. Поддерживал развитие образования. Награжден орденом Святого Станислава III степени и орденом Святой Анны II степени.

И. П. Чайковский
Неизвестный художник

ладали и в металлургической промышленности, однако по объему производства и качеству выпускаемой продукции заметно отставали от казенных заводов. К тому же большинство медеплавильных заводов прекратило свое существование из-за нерентабельности производства в условиях преобладания на них крепостного труда. Другой причиной закрытия заводов явилась бедность местной руды по содержанию в ней меди.

Уже к 1805 г. более или менее рентабельным оставался лишь Бемышевский завод, перешедший от первоначальных

Фасад главного корпуса Воткинского завода. 1838

его основателей в руки малмыжских помещиков Лебедевых. В 1800–1805 гг. из 6 медеплавильных печей действовали 4, ежегодно выплавлялось от 900 до 1 030 пудов меди. В производстве было занято 197 основных и 267 вспомогательных работников – крепостных заводоуправляющих. К 1816 г. численность рабочих людей увеличилась до 554 д. м. п.

Коринский медеплавильный завод имел лишь 2 действующие печи. В 1800 г. на заводе было выплавлено 1 264 пуда меди, затем производство ее стало неуклонно падать, и в 1805 г. завод остановился.

Подобная участь постигла Пыжманский завод А. И. Кобелева. В 1800 г. на нем при наличии четырех печей было выплавлено всего 236 пудов меди, в 1804 г. – 67 пудов. В 1806 г. завод был окончательно закрыт.

Не увенчалась успехом и попытка реанимировать Варзино-Алексеевский завод Тевкелевых, "медеплавильная фабрика" которого сгорела в 1798 г.

Итак, медеплавильная промышленность не смогла преодолеть состояние затяжного кризиса. Участь других предприятий разделил и Бемышевский завод. Выработка металла на нем постоянно колебалась, наивысшие цифры не превышали 2 500 пудов меди, а низшие – 294 пуда меди в год. Производство было убыточным и не покрывало расходов на обработку сырья, перевозку готовой продукции и на содержание рабочих людей. Любопытно, что при общем сокращении производства металла численность рабочих росла, составив в 1795 г. 464 человека, в 1816 г. – 554 человека, в 1850 г. – 1051 человека. Заводоуправляющий попытался найти разные способы стабилизации предприятия, в частности, пойти по пути сокращения числа рабочих людей и мастеровых. Завод дождался отмены крепостного труда, но найти возможность заменить его вольнонаемным он так и не смог¹²³.

Заводы Северо-Вятского горного округа: Залазинский, Омутнинский и Песковский, расположенные в Красноглинской во-

лости Глазовского уезда, – были чугуноплавильными и железоделательными, за исключением Пудемского завода в Еловской волости Глазовского уезда. Последний составлял единый производственный комплекс с Омутнинским, перерабатывая выплавляемый там чугун в железо. Заводы, оборудованные доменами и кричными молотами, приводимыми в движение водяными двигателями, производили штыковой чугун, чугунное литье, полосовое железо. В первой четверти XIX в. они давали около 195–225 тыс. пудов чугуна и от 44 до 54 тыс. пудов железа в год. Продукция находила сбыт отчасти на месте: при заводах, в уездных и губернском центрах; львиная доля ее вывозилась в Казань, Нижний Новгород, Санкт-Петербург. В 30-е гг. XIX в. объем производства почти удвоился. Так, в 1835 г. они выплавляли 400 284 пуда чугуна и 108 574 пуда железа на 786,5 тыс. руб. серебром¹²⁴.

К 1855 г. они выплавляли до 400 тыс. пудов чугуна и выковывали свыше 140 тыс. пудов железа. На первом месте по численности занятых работников и объему производства находился Залазинский завод, состоявший из трех взаимосвязанных предприятий. Второе место принадлежало Омутнинскому заводу, на третьем месте находился комплекс Песковских заводов из четырех предприятий¹²⁵. Несколько изменились и характеристики используемой рабочей силы. Вплоть до 30-х гг. на этих заводах, за исключением Песковского, преобладали крепостные рабочие. В 1835 г. из общего числа 3 496 работающих 67,8 % были уже вольнонаемными, последние доминировали на Песковском и Пудемском заводах, на остальных – крепостные и вольнонаемные распределялись почти поровну. В дальнейшем сокращение удельного веса крепостного труда продолжалось.

В 30–50-е гг. список железоделательных заводов пополняется небольшими чугунолитейными заведениями купчих Ижболдиной и Дедюхиной в Сарапуле и миниаторными заводиком крестьянки Степаниды Бехтеревой в с. Шаркан. Размеры этих заведений не

Геометрический план Воткинского железоделательного завода. 1838

шли ни в какое сравнение со старинными металлургическими мануфактурами, но обращение к этой отрасли купцов, мещан и даже крестьян представляется весьма знаменательным для нашего края явлением.

На втором месте по объему продукции и численности рабочих (а по степени проникновения капиталистических отношений – на первом месте. – М. Г.) к концу первой половины XIX в. находилась хлопчатобумажная промышленность, сосредоточенная в руках татарских купцов Утямышевых и др., размещавшаяся в Малмыжском уезде. Первой по времени возникновения (1785 г.) была хлопчатобумажная фабрика М. Г. и А. А. Утямышевых в д. Маскары. К 1835 г. в уезде имелось уже 5 кумачных и китайских «фабрик», располагавших 195 станками и производивших, по самым минимальным подсчетам, свыше 120 тыс. кусков (в каждом куске считалось по 9 аршин) китайки и кумача. Они использовали готовую пряжу, доставляемую из Бухары. К 60-м гг. XIX в. число предприятий достигло 12, объем производства вырос до 380 тыс. кусков, а число рабочих превысило 780 человек. Это были вольнонаемные работники, преимущественно

из татар. Производство ориентировалось на вкусы восточных потребителей, и продукция вывозилась на Бугульминскую, Белебеевскую, Мензелинскую и Ирбитскую ярмарки. Помимо бухарской, постепенно стала появляться американская хлопчатобумажная пряжа.

Наряду с указанными текстильными заведениями в крае действовала крепостническая текстильная мануфактура. Типичными вотчинными заведениями с крепостным трудом были полотняная и суконная фабрики одного из крупных помещиков Елабужского уезда П. Е. Озерова. Полотняная фабрика изготавливала полотно «на голландский манер» для нужд помещика, а суконная – выделывала серое солдатское сукно для нужд армии, позже часть сукна стала поступать на продажу. Обращает на себя внимание чрезвычайно низкая производительность крепостного труда на этих вотчинных предприятиях. Суконная фабрика при 69 крепостных производила всего 1 097 кусков сукна в год, а полотняная при 111 рабочих (ткачи, пряжи, шпульщики, цешовники) давала в год не более 3 200 аршин полотна.

Кожевенное и мыловаренное предприятия, как и в XVIII в., были сосредоточены в Сарапуле: все 3 мыловаренных и 10 из 11 кожевенных "заводов" находились здесь. Это были мелкие "домовые" заведения с одним мастером (обычно владельцем заведения) и 1–2 рабочими, выделывавшие от 300 до 1 200 кож в год. Самым крупным был завод мясника С. Злыгостева, располагавший, помимо мастера, шестью рабочими и выделывавший 23 тыс. кож в год. Кожевенные заведения сбывали продукцию на месте сарапульским чехотарям. Излишки вывозились на Макарьевскую ярмарку, на эту же ярмарку отправлялось мыло (от 600 до 3 тыс. пудов), произведенное в Сарапуле.

Особняком стояла кожевенная фабрика купцов Утямишевых, расположенная в Елабужском уезде. На ней работало до 16 наемных рабочих и выделывалось до 3 тыс. кож различного ассортимента¹²⁶. "Домовые" кожевенные заведения то исчезали, то возникали вновь, менялись владельцы, но характер производства оставался по-прежнему мелким, рассчитанным на местный рынок. До 50-х гг. XIX в. кожевенное производство было монополией г. Сарапула, в 1850–1855 гг. возникло 7 заводов в Елабуге и Елабужском уезде. В итоге к 1855 г. в крае действовало 20 кожевенных заводов с общим объемом производства 8–9,5 тыс. кож в год на 15 730 руб. серебром. Число занятых рабочих составляло всего 39 человек. Таким образом, это были мелкие и мельчайшие заведения. Число рабочих и объем продукции на кожевенном заводе Утямишевых заметно увеличилось. Но его превосходил кожевенный завод купца Якова Ляпунова в Глазовском уезде, располагавший 42 вольнонаемными рабочими и производивший свыше 4 500 кож ежегодно.

В мыловарении прочно обосновались сарапульские купцы Зайцевы и Колчины. Три мыловаренных завода при помощи 12 занятых на них рабочих к 1855 г. производили около 3 тыс. пудов "простого мыла" на 7 500 руб. серебром.

Изобилие сырья, чрезвычайная простота оборудования способствовали развитию в крае производства поташа. В 20-е гг. XIX в. на территории Удмуртии было учтено 18 "заводов" (2 помещичьих, 4 купеческих, 7 мясничьих, 5 крестьянских). К 30-м гг. осталось лишь 8 поташных "заводов", 5 из них принадлежали помещикам. Падение спроса на поташ привело к тому, что к 1855 г. в крае продолжали действовать всего 2 поташных заводов, елабужских помещиков Тевкелевых и Лебедевых.

В списке промышленных заведений края выделялся химический завод елабужских купцов Ушковых, основанный в компании с московским купцом Малютиным в Кокшанской даче. К 1855 г. Кокшанский завод располагался в семи деревянных корпусах, в которых производились серная, соляная, селитренная кислоты, хромпик (хромовокислый калий), квасцы, нашатырь, синька, сода на общую сумму 123 650 руб. серебром. На заводах было занято 150 рабочих. Производством руководил приглашенный из Франции химик. Завод оказался первым в Удмуртии предприятием, внедрившим в производственный цикл паровую машину. На весь ассортимент продукции предъявляли спрос отечественные промышленные предприятия, продавалась она и на ярмарках¹²⁷.

В 1820 г. в д. Мелети Малмыжского уезда был открыт стекольный завод, принадлежа-

Памятник-якорь, выкованный в честь пребывания на Воткинском заводе наследника престола в 1837 г.

щий помещику Л. И. Юшкову. Первоначально здесь работали крепостные помещика: 10 мастеров, 2 горшечника и 15 рабочих. К 1855 г. на заводе было занято уже 185 крепостных, производилась разнообразная стеклянная тара: штофы, полуштофы, бутылки, банки вместимостью от ведра до осьмины, крестьянские кружки и пр. на тысячу и более рублей серебром.

Значительно крупнее были стекольные заводы Ушковых (Кокшанский) и Лебедева (Сюгинский). Ушковы производили до 800 ящиков разнообразной посуды на сумму в 8–15 тыс. руб. серебром. Сюгинский завод (85 рабочих) специализировался на производстве листового белого и полубелого стекла, которое продавалось "по разным городам Российской Империи"¹²⁸

Бумагоделательное производство было представлено крепостной фабрикой Озеровых и фабрикой на р. Малой Варзи (Елабужский уезд), принадлежавшей сарапульскому купцу Н. Курбатову. Купеческое предприятие вырабатывало столько же продукции (1 500 стоп бумаги) при четырех мастерах, в то время как на помещичьей фабрике работало 20 крепостных.

Во второй четверти XIX в. заметное развитие получило кирпичное производство. К 1855 г. в Сарапуле работало 6 кирпичных заводов, производивших около 420 тыс. кирпичей на 1 800 руб. серебром. В уездах имелись небольшие кирпичные заведения, поставлявшие кирпич на местные стройки.

Знаменательным для Удмуртии стало появление в 1832–1834 гг. пищевых предприятий – маслобоен сарапульских мещан А. Злыгостева и С. Колчина. В 50-е гг. к ним прибавились пряничные заводы К. П. Баутина и Г. Шестова, пивоваренные заводы в Елабуге и Сарапуле. Салотопенный завод А. К. Баутина в Елабуге поставлял сырье для трех свечных заводов, действовавших в этом же городе и производивших 2 200 пудов свеч¹²⁹.

Таким образом, по числу предприятий, по количеству занятых рабочих и объему продукции на первом месте в крае находи-

лась металлургическая и машиностроительная промышленность, в которой приоритетные позиции занимали казенные Ижевский и Камско-Воткинский заводы. Частновладельческая промышленность Удмуртии производила чугуны, железо, металлическую посуду, стекло и стеклянную посуду, кирпич, мыло, свечи, кожи, хлопчатобумажные ткани, сукно, бумагу, поташ, пряники, пиво и т. д. Наиболее развитыми в промышленном отношении были города Сарапул и Елабуга, а также Малмыжский уезд. Глазовский уезд располагал лишь несколькими железоделательными и чугунолитейными заведениями, но они превосходили всю оставшуюся частновладельческую промышленность по числу занятых рабочих и объему произведенной продукции как в абсолютном, так и в стоимостном выражении.

Характерно, что большинство предприятий обрабатывающей промышленности за консервировались на уровне мелкотоварных заведений. Невелика была и преемственность капиталов, и устойчивость предприятий.

Предвестником наступающей индустриальной эпохи являлся химический завод Ушковых, оборудованный паровой машиной и использовавший передовую технологию. Это было единственное на территории нашего края частновладельческое предприятие, вступившее в сферу промышленной революции. Признаки промышленного переворота наметились и на Воткинском заводе, первым на Урале внедрившем в производственный процесс пудлингование.

Решительный поворот к замене крепостного труда вольнонаемным в металлургии наметился лишь в 60-е гг. XIX в. Обрабатывающая промышленность базировалась на вольнонаемном труде, но размеры промышленных заведений и объем продукции были настолько невелики, что говорить о приоритете капиталистических отношений в промышленности края для первой половины XIX в., по-видимому, преждевременно.

Города

В ходе реализации губернской реформы законодательными актами: указом Екатерины II от 11 сентября и указом Сената от 15 сентября 1780 г. – на территории Удмуртии было создано 4 уездных города. Глазов, Сарапул и Елабуга были преобразованы из удмуртского села с одноименным названием и из дворцовых сел Вознесенское и Трехсвятское. Малмыж был известен с XVI в. как город-крепость. Он располагал военным гарнизоном из стрельцов, которых впоследствии заменила ландмилиция. Гражданское население было представлено мещанами.

Города края прошли типичный путь становления – от аграрных поселений до административных центров. Статус уездного города предполагал наличие в нем органов управления и суда: уездного и нижнего земского суда, нижней расправы и городского магистрата. Полицейские дела находились в ведении городничего. В каждом городе размещалось уездное казначейство во главе с казначеем. В 1784 г. в Сарапуле для ведения специфических городских дел была открыта ратуша, в ней заседали 2 бургомистра и 4 ратмана. В Елабуге, Глазове и Малмыже магистратов не было.

С приобретением городского статуса начала меняться и застройка. К 1797 г. все города получили генеральные планы, составленные губернским архитектором. Начали постепенно возводить здания присутственных мест, каменные соборы, винные и соляные магазины и т. д.

Однако состав населения во вновь образованных городах оставался преимущественно крестьянским. По данным IV ревизии, в них были зафиксированы 81 купец из крестьян, причем 45 из них проживали в Сарапуле, 471 мещанин (преимущественно в Малмыже), 2 124 дворцовых и 237 черносошных крестьян мужского пола. В Малмыже, кроме того, были представлены так называемые ланцы – пахотные солдаты¹³⁰

Купечество в основном относилось к самой низшей третьей гильдии. Однако в 1787 г. во время ревизии губернии, осуществляемой генерал-губернатором Мещерским, было выявлено, что некоторые из городских купцов вели торговлю, превышавшую по масштабам объявленные капиталы. Предупреждение в противозаконности такой деятельности получили глазовский купец Сидор Макаров, имевший пильную мельницу и кожевенный завод, малмыжские купцы Бекчентай Южанов, владевший кожевенным заводом и отправлявший выделяемую юфть в Оренбург, а закупаемую в уезде пушнину – на Макарьевскую ярмарку, и Калла-Булла Касимов, специализировавшийся на скупке и доставке на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки меда и воска. Промышленную и торговую деятельность сочетали и сарапульские купцы: Максим Седов, сбывавший производимые на его заводах юфть и мыло в Оренбург, и Михаил Курбатов, продававший в Оренбурге юфть не только собственного производства, но и скупленную у других заводоуправленцев. В Елабуге нарекания получили Андрей Мыльников, Иван Загуменов и Егор Лепавев, закупавшие сельскохозяйственную продукцию и отправлявшие хлеб по Каме и Волге до Ярославля и Рыбинска, мед и воск – на Ирбитскую ярмарку, а масло, сало и кожи – в Казань¹³¹

К началу XIX в. в городской инфраструктуре и составе населения произошли определенные изменения. Появились здания присутственных мест, соляные и винные магазины, соборные церкви, везде, за исключением Малмыжа, они были каменными. Заметно увеличилась в составе населения доля купцов и мещан – специфических городских сословий.

Подробные сведения о состоянии городов края собрал финский академик А. М. Шегрен, в 1827 г. побывавший в Вятской губернии.

По его данным, к Глазову было пригнано 80 дес. земли, по генеральному плану он имел 4 площади, 26 кварталов, 11 улиц. Среди 130 обывательских домов своими размерами выделялись 2 каменных

здания, одно из которых принадлежало купцу первой гильдии из удмуртов Ивану Волкову, второе – мещанину Ивану Завалину. В центре города размещался каменный собор во имя Преображения Господня с двумя приделами, при нем имелись каменные лавки, нанимаемые торговцами. Было начато возведение каменной кладбищенской церкви. В то же время городничье правление размещалось в деревянном доме, арендуемом у купца Я. Ляпунова, а уездное и приходское училища занимали деревянное здание, пожертвованное городом одним из купцов.

Население города насчитывало 986 человек, заметную прослойку по сравнению с началом XIX столетия составляли в нем мещане и купцы. Среди 430 мещан один происходил из немцев, один – из калмыков, 17 были удмуртами и 49 – татарами. Купеческих капиталов было зарегистрировано пять: один – первой и четыре – третьей гильдии. Капиталом первой гильдии владела семья Ивана Волкова, состоящая из 4 мужчин и 5 женщин новокрещеных удмуртов. Среди 19 д. м. п. и 12 д. ж. п. 10 купцов третьей гильдии были также представлены новокрещеными удмуртами.

Православное духовенство с членами семейств составляли 58 человек. Дворян, потомственных и личных, занимавших преимущественно чиновничьи должности, с членами семей насчитывалось 71 д. м. п. и 58 д. ж. п. Они владели 53 дворовыми людьми. Инвалидная команда, осуществлявшая в городе внутреннюю охрану, насчитывала 180 человек в совокупности с семьями. Кроме всех прочих, в Глазове проживали крестьяне и мещане из других городов и уездов (24 человека).

Практически все горожане занимались огородничеством, выращивая характерные для данной климатической зоны овощи, а также животноводством. На каждый двор приходилось по несколько лошадей, коров, мелкого рогатого скота и домашней птицы. Купечество продолжало вести торговлю хлебом, мехами, кожей, льняным

семенем, медом и т. д. Мещане пробавлялись случайными заработками, служили продавцами и подавальщиками в питейных заведениях, некоторые занимались рыболовством. Мещане из татар специализировались на мелочной торговле постным маслом, мылом, табаком, скипидаром, медным купоросом и др.

Мало чем отличался в указанный период Малмыж, к которому была отведена территория в 66,2 дес. В городе было 125 деревянных обывательских домов. По генеральному плану в нем предполагалось иметь две площади, 28 кварталов и 12 улиц, из них 8 уже могли считаться застроенными. Центр города украшала каменная соборная церковь во имя Богоявления Господня с тремя приделами. Были выстроены здания уездного училища, больница, имелись казенный питейный дом и винные магазины, а также 32 частные лавки, расположенные в двух каменных корпусах. Из казенных зданий в городе, кроме того, отмечены соляной магазин, городская тюрьма с гауптвахтой и путевой острог для содержания отправляемых в Сибирь арестантов.

Население Малмыжа составляло 1 877 человек, в том числе купцов с членами их семей 195 человек, мещан – 1 216 человек, духовенства – 30 человек, чиновников – 61 человек, разночинцев – 72 человека. Служители инвалидной команды вкупе с членами их семей составляли 243 человека. Кроме того, в городе проживали 66 человек помещичьих крестьян и дворовых людей. Как отмечает источник, среди купцов и мещан "имеются иноверцы – татары и отяки", однако более конкретные сведения о численности и занятиях "иноверцев" отсутствуют.

Как и в Глазове, все горожане занимались огородничеством и животноводством, мещане нанимались на судовые работы, имели некоторые разновидности промыслов: кузнечный, сапожный, красильный, столярный и портновский. Купечество занималось преимущественно скупкой хлеба и доставкой его водой до Рыбинска,

Город в Николаевское время
Репродукция картины М. В. Добужинского

сплавом леса и изделий из него, закупкой сырых кож и прочих товаров¹³²

Сарапул и Елабуга более соответствовали присвоенному им статусу и по численности населения, и по величине стали центрами торговли и промышленности. По классификации, предложенной Б. Н. Мироновым¹³³, их можно отнести к городам смешанного типа, совмещавшим административно-военные и аграрные функции с торговыми и промышленными.

Самым крупным городом края оставался Сарапул, в нем было две площади, 24 квартала, 18 улиц. В центре размещался каменный собор, имелась одна приходская и одна кладбищенская церкви и старообрядческая церковная часовня. Из 620 обывательских домов 19 были каменными. Из четырех общественных зданий два также были выполнены в камне, как и здание городской больницы и богадельня. Торговля была сосредоточена в 84 каменных лавках, в трех казенных питейных домах и двух питейных магазинах. Имелось два казенных соляных магазина. Любопытно, что городская тюрьма в этот период размещалась в частном доме.

Население города составляло в первой четверти XIX в. 4 104 человека. Наиболее заметную группу в 3 246 человек представляли мещане, купцов с семьями было 176 человек, духовенства – 64 человека, чиновников – 90 человек, разночинцев – 117

человек, чинов инвалидной команды и отставных военных – 267 человек, крестьян – 79 человек. Временно по паспортам в городе проживали 87 купцов, мещан и крестьян. На городской территории размещалось 7 кожевенных “заводов”, 4 мыловаренных, 3 кирпичных “завода”, 2 водяные мельницы и 4 ветряные толчеи.

Купечество третьей гильдии и зажиточные крестьяне были заняты хлебной торговлей, другие торговали поташем, шадриком и разной обувью, которая производилась в городе. Все это отправлялось в Оренбург и на другие ярмарки страны, преимущественно восточные¹³⁴

Елабуга размещалась с приграниченными к ней угодьями на пространстве в 186 кв. дес. По плану в городе должно было быть 3 площади, 29 кварталов и 11 улиц, 21 квартал считался уже вполне застроенным. Достопримечательностями были одна каменная соборная, две приходские церкви, а также каменные здания уездного училища и присутственных мест. Торговля происходила в 3 питейных домах, казенном винном магазине и в 10 частных лавках, размещавшихся на нижних этажах каменных обывательских домов.

Из 30 имевшихся в городе частных каменных домов 3 принадлежали чиновникам, 2 – купцам второй гильдии, остальные – мещанам, 530 обывательских домов были деревянными.

К 1827 г. население Елабуги достигло 3 466 человек и состояло из купеческих семей – 191 человек, мещанских – 897 человек, духовенства – 106 человек, дворянских – 92 человека, разночинских – 60 человек. Чины инвалидной команды с членами семей и отставными военными, жившими в городе, составляли 223 человека. Однако основное население Елабуги (1 896 человек) по-прежнему было представлено крестьянами.

В городе размещались 8 кирпичных, 4 кожевенных, 1 мыловаренный заводы, 2 ветряные мельницы, 36 кузниц. Купечество и мещанство вели крупную торговлю хле-

бом, закупаемым на городских базарах, в уезде и в Оренбургской губернии. Некоторые приобретали деготь и смолу, отправляя их по Каме и Волге на судах, а также вели торговлю в лавках разными мелкими товарами, вином, столовыми припасами, солью и овощами. В городских лавках можно было достать все необходимое для жизни, в том числе и предметы роскоши.

Нужды горожан и отчасти уездных жителей удовлетворяли 60 кузнецов, 3 сапожника, 3 портных, 2 столяра, 2 иконописца, 1 резчик, 5 каменщиков, 3 медника, 5 красильщиков, 4 набойщика, сосредоточенные в городе и работавшие в своих домах при участии членов семьи.

Крестьяне занимались хлебопашеством, животноводством и огородничеством, имелись зачатки садоводства. Кроме того, городские крестьяне шли в отход для крашения и набивки холстов,ковки железа, продажи огородных семян, деревянной посуды и других крестьянских товаров. Малоимущие нанимались в работники, в конюхи и выполняли мелкие поручения торговцев¹³⁵.

К середине XIX в. Сарapul и Елабуга стали подлинными промышленными и торговыми центрами. В 1850 г. в Елабуге было сосредоточено 57 купеческих лавок, причем 32 из них размещались в каменных помещениях, действовало 15 заводов: чугунолитейный, канатный, мыловаренный, пивоваренный, овчинный, 4 пряничных, 2 кирпичных. Отряд елабужского купечества насчитывал 515 человек обоего пола, было заявлено четыре капитала второй и 53 капитала третьей гильдии. Концентрации купеческих капиталов во многом способствовало удобное географическое положение города. Описание 1850 г. отмечало: "Город лежит на Каме и на больших почтовых трактах, проходящих через Казань из Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, и из Вятки в Оренбургскую, Пермскую и другие сибирские губернии". В результате Елабуга имела свободное и выгодное сообщение с отдаленными сибирскими городами, Оренбургом и даже Кяхтой, с городами Нижнего и Среднего

Поволжья: Астраханью, Симбирском, Самарой, Саратовом, на западе – с Казанью, Нижним Новгородом, Костромой, Ярославлем, Рыбинском и Санкт-Петербургом. Самые значительные прибыли приносила купечеству торговля хлебом, которого в течение года сбывалось примерно на 600 тыс. руб. Торговля "разным панским товаром": ситцами, китайкой, шелковыми и полушелковыми и прочими материями, стеклянной и фаянсовой посудой, колониальными товарами – давала около 1 млн. руб.; кубовой краски поставлялось почти на 400 тыс. руб., лесных изделий – примерно на 100 тыс. руб., чая и сахара – на 400 тыс. руб., химической и стекольной продукции – на 250 тыс. руб. Кроме того, купечество вело торговлю, хотя и в значительно меньших масштабах, постным маслом, солью, рыбой, воском, свечами, деревянным маслом, холстом, льняным семенем, кожей и сырыми овчинами, пенькой и снастями из нее, щепным товаром, колоколами и чугунным литьем, лошаадьми. В Елабуге выделялись 45 ремесленных специальностей, объединявших 186 специалистов, работавших с привлечением 199 работников и учеников.

Значительно возросла и численность населения Елабуги. К 1855 г. здесь в 622 дворах проживали 2 821 д. м. п. и 2 747 д. ж. п.¹³⁶

Сарapul по своим размерам значительно превосходил Елабугу. Здесь числилось 993 двора, в которых было учтено 7 055 человек населения обоего пола (3 488 д. м. п. и 3 567 д. ж. п.). Купцов третьей гильдии вместе с членами их семей было учтено 446 человек, мещан – 4 968 человек. В городе концентрировалось наибольшее в условиях нашего края количество ремесленников – 404. Они распределялись по 42 специальностям и привлекали к обслуживанию населения 857 подмастерьев и учеников. Сарapul превосходил Елабугу и по численности промышленных заведений с общей суммой производства в 28 890 руб. серебром. Это были заводы: 2 мыловаренных, 3 кирпичных, 2 чугунолитейных, 10 кожевенных,

пивоваренный и канатный. Как отмечает источник, их продукция в основном удовлетворяла потребности местного населения, за исключением мыловаренного завода: мыло вывозилось в Оренбург. Впрочем, продукция кожевенных заведений также находила достаточно широкий сбыт в пределах всей Вятской губернии, прежде всего на Ижевском и Воткинском заводах, кроме того, отправлялась в города Глазов, Слободской, Мензелинск. В отношении размеров торгового оборота Сарапул в 50-х гг. XIX в. стал уступать Елабуге. Причина заключалась в уменьшении спроса на российский хлеб со стороны Англии. В итоге обороты торговли с Архангельском, на который преимущественно ориентировались сарапульские купцы, стали неуклонно снижаться. Хлебная торговля постепенно переориентировалась на Санкт-Петербург. Крупным перевалочным пунктом на водном пути к последнему являлся Рыбинск.

Кроме Рыбинска, хлеб продолжал вывозиться в "понизовые города", особенно в Астрахань. Крупный спрос на хлебные припасы представляли и заводские поселки Пермского края, а также расположенные непосредственно на территории Сарапульского уезда Ижевский и Воткинский заводы¹³⁷.

Таким образом, города за первую половину XIX столетия эволюционировали от города смешанного типа с преобладанием аграрной функции к поселениям торгово-промышленного характера. Особенно заметно это на примере Сарапула и Елабуги. Однако и Глазов, и Малмыж также переживали развитие именно в этом направлении. Об этом свидетельствует и увеличение во всех городах доли населения, занятого в градообслуживании: нельзя не заметить расширение списка ремесленных специальностей и возрастание числа самих ремесленников с их учениками и подмастерьями.

В 1800 г. в Елабуге было представлено 13 ремесленных специальностей, в Сарапуле – 10, в Глазове – всего 4. В Елабуге в этот период преобладали кузнецы (50 чело-

век), набойщики (42 человека), кожевники, красильщики, ведерники (по 14 человек соответственно). В Сарапуле наиболее распространенной ремесленной специализацией был чеботарный промысел (21 человек), на втором месте находились калашники (15 человек). Последние преобладали и в Глазове (7 из 14 ремесленников)¹³⁸. В 1835 г. в Малмыже было 3 портных, 3 сапожника, 1 башмачник, 3 кузнеца. Спустя 25 лет список ремесленных специальностей стал значительно шире. Описание 1860 г. выявило здесь 128 ремесленников. Кроме уже отмеченных специалистов, появились лудильщики, стекольщики, бочкари, перчаточники, цирюльники, живописец, золотых и серебряных дел мастер, 46 человек специализировались на изготовлении пищевых продуктов¹³⁹. В Елабуге насчитывалось в 1860 г. 182 ремесленника, соответственно шире стал и набор специалистов. Среди пищевиков здесь отмечены кондитеры, колбасники, уксусники. Остальные специалисты представлены шубниками, шапошниками и картузниками, каретниками, малярами, обойщиками, резчиками дерева, штукатурами, замочниками, свечными мастерами и т. д. По ряду специальностей открылись мелкотоварные заведения с наемными работниками и учениками. Так, на 8 портных приходилось 17 работников и 7 учеников, на 7 сапожников – 13 работников и 9 учеников. Работников и учеников имели кузнецы, свечные мастера, столяры, штукатуры, золотильщики, красильщики, кожевники, овчинники, колоколотейщики¹⁴⁰. Такая же картина наблюдалась в Сарапуле, где на 404 мастера приходилось 852 наемных работника. Как и следовало ожидать, высоким уровнем развития отличалась здесь сапожная промышленность, где 78 мастеров и владельцев заведений эксплуатировали 540 наемных работников и 157 учеников, затем шла кожевенная промышленность: 16 заведений – 30 наемных работников. Наемные работники отмечены также у башмачников, портных, модисток, шапочников, булочников, мясников и т. д.

Однако наивысшая концентрация наемных работников на 1 мастера наблюдалась у плотников: здесь 4 специалиста эксплуатировали 150 наемных работников.

В Глазове имелось 156 специалистов-ремесленников, обслуживавших население¹⁴¹. Характерно, что здесь даже в 60-е гг. ремесло оставалось в своем чистом, не замутненном отношениями найма виде, не отмечено здесь и явление ученичества.

Заслуживает внимания и появление такой специфически городской функции, как культурная: в каждом городе имелось приходское и уездное училище, были открыты уездные больницы, работали врачи, учителя. Заметную струю в культурную жизнь городов вносили и представители духовенства, особенно священники городских соборов и церквей. В Сарапуле в 1835 г. появилась первая в Вятской губернии публичная библиотека, читателем которой при небольшом денежном взносе мог стать любой горожанин.

Своеобразную струю в жизнь городов Вятского края вносили политические ссыльные, особенно поляки. Большинство ссыльных размещались в губернском городе Вятке, однако часть из них не удостоивалась такой чести и вынуждена была отбывать ссылку в уездных городах, в том числе и в Елабуге, Сарапуле и Глазове. Уездные города стали местом размещения участников Польского восстания 1830–1831 гг. Это были офицеры польской армии, представители духовенства и польской интеллигенции. В 1832 г. вятский губернатор сообщил шефу жандармов Бенкендорфу о том, что уже прислано 300 человек и приток новых ссыльных продолжается¹⁴². Одновременно с этим началось и возвращение части ссыльных на родину. Так, сосланный в марте 1832 г. в Глазов отставной чиновник 14-го класса Красовский был возвращен в Польшу 20 ноября 1831 г.

В 1832 г. в городах края отбывали ссылку 54 польских офицера и нижних чина. Наибольшее их число – 18 человек – было сосредоточено в Глазове, 14 человек

содержались под наблюдением в Сарапуле, 12 – в Малмыже и 10 – в Елабуге. Условия их пребывания в уездных городах имели такую специфику, что ссыльные не могли найти для себя дополнительные занятия и часто испытывали крайнюю нужду. Многие из них стремились устроиться на службу или искали частные занятия. Характерна просьба о принятии в "российскую службу", с которой обратился к малмыжскому городничему подпоручик Эхальский: "Жизнь праздная без всякой приметной деятельности есть несноснее плена, в котором я нахожусь, и великая. скука и отчаяние пожирают мои силы и мою молодость", – писал он.

В какой-то степени тяготы ссылки смягчались сочувственным отношением к ссыльным со стороны местного населения и даже со стороны должностных лиц, призванных осуществлять строжайший надзор. Так, глазовский городничий фон-Гельбер неизменно спал в канцелярию губернатора реляции типа: "...на коих ввиду моем, в буйно революционных мыслях не заметил, кроме как завсегда благосклонно с покорностию совершенно покорялись законной власти с упованием на высочайшую милость". Однако губернатор выразил крайнее недовольство деятельностью городничего: "Дошло до сведения моего, что вы слабо наблюдаете за поведением находящихся в Глазове пленных, имеете с ними короткое знакомство и часто бываете у них в гостях". Губернатор требовал прекратить неофициальные отношения с пленными, угрожая в противном случае отрешением от должности и преданием суду. Фон-Гельбер не без достоинства отвечал, что мягкое отношение к ссыльным продиктовано его христианскими принципами "странноприимства и человеколюбия, и через сие я никакой измены своему отечеству не делаю". С достоинством держались и ссыльные, допрошенные по этому поводу. Так, поручик Каменский, переведенный в Слободской за ссору с другими польскими офицерами, на вопрос, знает ли он о тесных связях глазовского

городничего с ссылными, отвечал: "Ни о каких тесных связях он не знает, и, как заметить мог, сей городничий исполняет обязанности насчет надзора в точности, наблюдая при этом и в обращении с ними по возможности законы человеколюбия"

Толерантность со стороны представительской власти проявлялась и в религиозном вопросе. Так как на территории губернии не было католических храмов, ссылным было разрешено собираться вместе для свершения религиозных обрядов, службу, как правило, вели ссылные представители духовенства. В этом отношении представляет интерес еще один документ канцелярии вятского губернатора: мая 1832 г. глазовский городничий доносил, что среди 23 ссылных находится один подпоручик из татар-магометан. Он просил дозволения съездить в татарскую д. Кестым на богомолье. Губернатор разрешил эту поездку при наличии сопровождения из одного караульного¹⁴³.

Большинство ссылных к началу 1833 г. получили разрешение вернуться на родину. Однако часть наиболее активных участников восстания осталась в губернии. В Малмыже в течение 12 лет отбывал ссылку Ф. Мадалинский, участник Овручского мятежа. Он исполнял обязанности смотрителя уездной больницы¹⁴⁴.

Далее списки ссылных пополнялись за счет участников различных тайных обществ, раскрываемых в Польше. Так, в течение 7 лет обязанности канцеляриста в Глазовском, Сарапульском и Слободском уездных судах выполнял сын уездного предводителя дворянства Волынской губернии Адам Янчевский. В 1836 г. в Глазов были сосланы И. Биль, А. Богуславский, в Сарапул – Ф. Велиобицкий, в Елабугу – И. Роженецкий, затем В. Любаньский. Все они проходили по делу о беспорядках в школе прапорщиков, а Любаньский обвинялся в произнесении дерзких слов в адрес императора Николая I. Казимир Коханский, высланный по распоряжению наместника Царства Польского в 1843 г., прожил в Глазове 29 лет¹⁴⁵.

В 1848 г. вятская ссылка стала пополняться участниками разоблаченного Кирилло-Мефодиевского общества. В феврале 1848 г. в Елабугу прибыл действительный студент Александр Навроцкий. Он занял место писца в Елабужском уездном суде¹⁴⁶.

В 50-е гг. среди ссылных чаще всего оказывались горцы – участники Кавказской войны. Так, в 1859 г. в Малмыже отбывал ссылку житель Дагестана Кочерман Али оглы "по подозрению в сношениях с непокорными горами и в содействии им". Здесь же находился кавказский горец Абдул Исса оглы, в д. Верхний Четай Малмыжского уезда был направлен из Нолинска Баба-Магмед Али Муртазалик Оглы. В Глазов без объявления срока ссылки был отправлен Абу Бекир Магометов¹⁴⁷.

Несмотря на достаточно короткий срок пребывания в ссылке большинства польских военнопленных, нельзя не отметить их благотворное влияние на местные сообщества в сфере культуры, образования и медицины. Само присутствие благородно мыслящих, способных жертвовать собой во имя идеалов высokoобразованных и интеллигентных людей способствовало воспитанию местной интеллигенции, развеивало недоверие к другим народам и формировало новые общественные ценности и установки.

Торговля. Пути сообщения

Картину экономического развития края невозможно представить без торговли и путей сообщения. Степень развития товарно-денежных отношений, количественный, качественный состав и движение товарных масс, происхождение, удельный вес и характерные особенности социальных групп населения, специализирующихся на торговле, – все эти вопросы на сегодня недостаточно изучены.

Обратимся прежде всего к человеческому фактору, т. е. к уяснению численности, происхождения, особенностей деятельнос-

ти купечества, выступавшего посредником между производителем и потребителем, действуя в целях получения торговой прибыли.

В условиях Удмуртии это была относительно молодая прослойка, фактически оформившаяся после губернской реформы 1775 г. К началу XIX в. в четырех уездах Удмуртии было зафиксировано 324 купца. Питательной средой, вскормившей относительно новый для нашего края социальный слой, было зажиточное крестьянство. Проявляя необычайную гибкость, способность к выживанию, не брезгуя ничем – от ростовщичества и неэквивалентной торговли до скупки земледельческой продукции небольшими партиями, зажиточные крестьяне наращивали капиталы, а затем стремились порвать с породившей их средой, бесправие которой становилось препятствием для дальнейшего развертывания предпринимательской деятельности. Переход в купечество для данной категории крестьян давал больше простора и свободы.

Другим источником пополнения купечества края были иногородние купцы и крестьяне других уездов и губерний России. Особенно заметной была роль иногородних купцов в торговле лесными припасами. Изучение состава торгующих в поселке Воткинского завода в 1843 г. выявило здесь крестьян Нижегородской, Костромской, Рязанской, Ярославской губерний. В 1844 г. было предпринято исследование о торговцах, имевших складские и другие помещения для заготовки леса на р. Вале и ее притоках. Выяснилось, что постройкой судов и закупкой лесных изделий на этом достаточно ограниченном участке занимались саратовские третьей гильдии купцы В. Варшавский и К. Штаев, нижегородский второй гильдии купец Ф. Суетин, московский мещанин К. Блаблин, владимирский крестьянин Ф. Треумов и донской казак А. Мухин, уржумские второй и третьей гильдии купцы М. Миронов, Г. Максимов, Я. Корчемкин и т. д. Хлебные потоки Глазовского уезда в значительной мере находились под контролем вологодского купца первой гильдии

Грибанова, кроме того, уезд был традиционной зоной влияния вятских и слободских купцов. В Сарапуле активнейшую деятельность по закупке хлебных припасов вели чердынские купцы, мешане и крестьяне¹⁴⁸. Разумеется, все иногородние купцы имели в крае разветвленную сеть торговых агентов из крестьян, не только русских, но и татар, бесермян и удмуртов.

Одним из выразительных примеров стремительного и успешного развития торгового предпринимательской деятельности является крестьянин Слободского уезда Ксенофонт Анфилатов, начинавший свою деятельность в качестве скупщика – агента одного из вятских купцов. В 1761 г., нажив приличный капитал, он перешел в купечество. В 1790 г. вместе с дядей Лукой он уже вел заграничную торговлю через Архангельск. К 1800 г. К. Анфилатов располагал объявленным капиталом в 16 200 руб., имел в г. Слободском каменный дом с двумя флигелями. В 1802 г. возник проект создания в Лондоне "Российской купеческой конторы на всех тех правах и преимуществах, каковыми пользуются англичане в России", активными участниками которого стали братья Анфилатовы. В 1803 г. К. Анфилатов вместе с двумя другими купцами основал "Беломорскую компанию для эксплуатации китобойных и сельдевых промыслов на Севере". Обороты компании за 10 лет ее существования достигли нескольких миллионов рублей. В 1806 г. К. Анфилатов отправился с экспедицией из трех кораблей в Америку и лично от Александра I получил право на беспощадную торговлю с этой страной.

Судя по обнаруженным в Государственном архиве Удмуртской Республики подлинным письмам К. Анфилатова, он располагал разветвленной сетью крестьян-скупщиков и в нашем крае. Так, полным его доверием и неограниченным кредитом пользовались бесермяне Глазовского уезда Филимон Зянкин, Петр Зянкин, Тумаш Абашев. В письме от 28 декабря 1801 г. К. Анфилатов поручает Петру Зянкину принимать купленные приказчиками в Перм-

ской губернии товары: сало, кожи, рожь, пшеницу, муку и льняное семя, нанимать подводы с извозчиками и отправлять все это в г. Слободской. Агент наделялся полной свободой действий, столь необходимой в предпринимательстве: "...что он, Зянкин, в силу сего законным образом учинит и действие произведет, в том спорить и прекословить не буду"

К. Анфилов 14 января 1804 г. поручил покупку 10 тысяч пудов ржи с поставкой их в г. Слободской Тумашу Абашеву, предоставляя при этом полный кредит: "...а денег будет надобитца, присылай за ними". Письмо от 24 января 1802 г. адресовано Филимону Зянкину. В характерной для К. Анфилова неизменно доброжелательной манере он поручает своему агенту приобретение крупной партии ржи, оговарив лишь одно условие: пуд ржи с доставкой в г. Слободской должен обойтись не дороже 40 коп. Агентом К. Анфилова был и удмурт Омутнинской волости Сидор Чирков, впоследствии тоже пополнивший ряды купечества. Таким образом, масштабная деятельность К. А. Анфилова в незначительной степени базировалась на торговле разнообразной продукцией сельского хозяйства, приобретаемой, кроме других районов, и в нашем крае через посредничество широкой сети агентов, в том числе и нерусских крестьян.

В 1809 г. по инициативе К. А. Анфилова в г. Слободском был основан "на правах Государственного заемного банка и учетных контор" банк, которому при его открытии было присвоено имя Анфилова. Главная задача банка – освобождение купцов и ремесленников, нуждавшихся в кредите, от кабалы ростовщиков путем предоставления дешевого кредита. Характерно, что среди первых 70 членов этого кредитного общества оказалось 57 ремесленников и мещан. Как отмечают исследователи, это учреждение организованного кредита, несомненно, послужило большим толчком для укрепления торговли и промышленной деятельности в крае. К сожалению, в 1812 г. успешно

начатая и столь масштабно развернувшаяся предпринимательская карьера закончилась жестоким банкротством, последовавшим за континентальной блокадой и разрывом торговых отношений с Англией¹⁴⁹

Необходимо отметить, что инициатива Анфилова нашла продолжение в деятельности других купцов нашего края. Так, в 1850 г. глазовский третьей гильдии купец Павел Бородин пожертвовал 4 тыс. руб. серебром на открытие в г. Глазове общественного банка, с тем чтобы 4 % капитала ежегодно отпускалось на содержание беднейших и престарелых граждан и малолетних сирот, кроме того, Бородин обязался построить здание богадельни. Устав общественного банка и проект здания богадельни были отправлены на утверждение министра внутренних дел. С подобной инициативой выступил елабужский купец и почетный гражданин Федор Чернов, пожертвовавший на заведение подобного банка в Елабуге 28 тыс. руб. Проценты от 25 тыс. он завещал на содержание детского приюта, а от 3 тыс. – на приданое "беднейшим и прилежным девицам при выходе их замуж". Помимо того, он изъявил желание построить в Елабуге здание приюта и пожертвовал на это 5 тыс. руб. Елабужский городской голова купец второй гильдии Стахеев выделил 10 тыс. руб. на ликвидацию последствий пожара, случившегося в Елабуге в 1849 г.¹⁵⁰

Среди купечества нашего края не было столь колоритных, как К. А. Анфилов, фигур, что вполне объяснимо небольшим временным промежутком деятельности купеческого сословия. В некотором роде характеристику купечества можно представить по сохранившимся данным Сарапула, в котором в начале столетия было сосредоточено 29 купеческих фамилий. Все они состояли в третьей гильдии. Наиболее представительным был клан Курбатовых. Степан Курбатов с сыном Иваном при объявленном капитале в 3 100 руб. вели торговлю хлебом, размеры которой они определяли в 8 920 руб. Михаил Курбатов с сыном

Николаем объявили капитал в 2 200 руб. и вели хлебную торговлю с "верховыми городами" Иван Курбатов с сыновьями Дмитрием и Федором также специализировались на торговле хлебом, располагая объявленным капиталом в 2 050 руб. Еще один представитель клана Курбатовых Степан с четырьмя взрослыми сыновьями объявили капитал в 2 001 руб. и тоже занимались скупкой и вывозом хлеба. Не столь разветвленная фамилия Зайцевых специализировалась на торговле шелком, закупая его на Макарьевской ярмарке и в Казани. Помимо этого, А. А. Зайцев, являясь владельцем кожевенного завода, вывозил в Оренбург кожу, красную и черную юфть. Д. Г. Зайцев с сыновьями Иваном и Федором при объявленном капитале в 2 010 руб. фактически торговал в 1800 г. на 2 505 руб.

Торговля шелком и другими "мелочными товарами" была предметом специализации Н. М. Ижболдина и П. Мартянова с братом Федором и сыном Максимом. На торговле шелком увеличивали свои капиталы и купцы из татар Сафергалла Шафиев с братом и детьми, Мухамет Субханкулов с братьями и сыновьями, зарегистрированные в Сарапуле, но проживавшие в д. Агрызи. В целом из 29 купцов, числившихся по г. Сарапулу, 20 (69 %) занимались исключительно скупкой и перепродажей хлеба¹⁵¹.

Эта сфера торговли в первой половине столетия была наиболее успешной и давала самые лучшие возможности для приращения капиталов. В итоге к 1806 г. в Сарапуле в купеческом сословии состояло уже 159 человек, в том числе 4 купца имели свидетельства первой гильдии, остальные – третьей гильдии. Сумма объявленного купцами на этот год капитала составила 153 767 руб. Большинство купцов, как и ранее, специализировались на торговле хлебом, закупая его через гуртовщиков в Сарапульском и Уфимском уездах, попутно приобретались также сало, сырые кожи, щетина, льняное семя, мед, воск и другие продукты сельского хозяйства¹⁵².

Число объявленных капиталов в пределах нашего края росло довольно медленно: к 1830 г. числилось в четырех уездах Удмуртии 89 капиталов, в 1832 г. – 93. Резкий скачок произошел к 1840 г., когда число капиталов составило 236, а сумма их – 736 600 руб.¹⁵³ Затем цифры стали неуклонно снижаться: уже на 1846 г. осталось 164 капитала, а на 1850 г. было зафиксировано 158 купеческих капиталов с суммарным размером в 433 800 руб.¹⁵⁴

К 1855 г. в крае действовало 155 купеческих капиталов, местных и иногородних (10 капиталов третьей гильдии). Два капитала (в Елабуге и Малмыже) были отнесены к первой гильдии, шесть (2 в Малмыже, 3 в Елабуге и 1 в Глазове) – ко второй гильдии, остальные 147 пребывали в третьей гильдии¹⁵⁵.

Таким образом, пик увеличения числа и суммы купеческих капиталов был пройден в 40-е гг. XIX в., в середине столетия наступила стагнация, вызванная кризисом торговли с зарубежьем через Архангельск. Англия и Голландия – основные потребители традиционных крестьянских товаров: хлеба, льна, паки, льняного семени, сала, щетины, поташа – стали неуклонно сокращать спрос. В итоге купеческие дома в Сарапуле и Елабуге, связанные с этим процветавшим направлением, мельчали и разорялись.

Характерной чертой сарапульского купечества в этих условиях стало сочетание торговой деятельности с промышленной, что несколько облегчало существование в условиях серьезных конъюнктурных перепадов. Сужение рынков сбыта естественным образом усиливало конкуренцию, которую выдерживали далеко не все купцы. Достаточно типичной является судьба нескольких купеческих семей из татар. В 1833 г. четыре крестьянские семьи деревень Агрызи и Иж-Бобьи записались в сарапульское купечество. Однако вскоре "некоторые несчастные в торговле обстоятельства" разорили их. Уже в 1840 г. представители бывших купеческих семей занимались либо

Рыбинская пристань на Волге
В. Белоназов. 1850

мелочной торговлей, либо нанимались для извоза и разной наемной срочной работы. Крестьянская община требовала их выселения и представила сведения еще о четырех незадачливых купеческих семьях из татар, которые разорились еще раньше, в 1812 г., были переведены в мещанский статус и перебивались наемной работой¹⁵⁶

К середине XIX в. наметилась специализация купцов, проживающих в разных городах и уездах. Так, елабужские предприниматели занимались преимущественно скупкой и доставкой хлеба в Рыбинск для последующей его отправки в Петербург. Из торгового оборота этого направления, в 1850 г. составившего 1,5 млн. руб., 1 млн. неизменно приходился на эту группу купечества. Кроме того, елабужские купцы не имели конкурентов в торговле кубовой краской в пределах Удмуртии¹⁵⁷

Сарапульские купцы, помимо поставок сельскохозяйственной продукции в Архангельск и Рыбинск, почти полностью удовлетворяли потребности в хлебе прилегающих районов Пермской губернии, особенно Чердынского и Соликамского уездов. Кроме этого, они монопольно контролировали доставку сельскохозяйственной продукции на Ижевский и Воткинский заводы¹⁵⁸.

Глазовское купечество в отличие от елабужского и сарапульского не имело непосредственных связей с крупными перевалочными пунктами и поставляло хлеб и иные продукты сельского хозяйства вятским и слободским купцам. Оно пользовалось монопольным правом поставки хлебных припасов на железоделательные заводы Глазовского и Слободского уездов. Ежегодный объем торговли в Глазове и уезде статистическое описание 1850 г. определяло в 590 тыс. пудов, в том числе ржи – 150 тыс. пудов, муки ржаной – 300 тыс. пудов, пшеницы – до 100 тыс. пудов, ячменя – 5 тыс. пудов, ячневой крупы – 15 тыс. пудов, овса – до 20 тыс. пудов. Кроме того, в Глазове и уезде ежегодно приобреталось до 10 тыс. пудов льняного семени и 5 тыс. пудов льноволокна. В стоимостном выражении торговля сельхозпродукцией оценивалась в 250 тыс. руб. серебром, для транспортировки этой продукции крупными партиями на сумму около 20 тыс. руб. серебром скупались рожи и кули.

На территории уезда была создана разветвленная сеть торговцев-перекупщиков. Наряду с хлебом, они приобретали меха, которые успешно реализовывались на Казанской и Нижегородской ярмарках. В свою

очередь, для продажи местному населению купцы ежегодно доставляли до 300 пудов сахара, до 50 пудов чая, до 15 пудов кофе, до 40 ящиков сортового табака, на 1 850 руб. сукна, шелковых и шерстяных тканей, на 4 тыс. руб. хлопчатобумажных тканей. Потребность в виноградных винах выражалась суммой в 3 тыс. руб., в металлической и иной галантерее – в 8 700 руб. серебром¹⁵⁹

Помимо сельскохозяйственной продукции, значительной статьей вывозной торговли, особенно для Малмыжского и отчасти Елабужского и Глазовского уездов, был лес и разнообразные изделия из него. Брус, лубки, мочало, рогожи и кули сплавлялись водой по Каме и Волге до Саратова и далее, деревянные бочонки и лубяные коробки по зимнему пути транспортировались в Мензелинск и на базары этого уезда. В большом количестве вывозились также деготь в деревянных лагунах. "Выработка этих изделий производится преимущественно вотяками в свободное от работ время и приносит им выгоду до 45 тыс. руб. серебром", – отмечало статистическое описание Елабужского уезда.

Глазовские купцы нередко приобретали земли, с тем чтобы наладить торговлю лесом и лесными изделиями. Так, купчиха Е. В. Шулятикова в 1854 г. купила 1 500 дес. земли в Малополомской волости у наследников полковника Воронина. Через три года, 18 марта 1857 г., она выдала своему мужу И. Л. Шулятикову, купцу третьей гильдии, доверенность на эти угодья с правом "распродавать лесные изделия, строевой и дровяной лес, лубья, всех сортов рогожи и кули, деготь, смолу, а также закладывать эту землю в кредитные установления или в частные руки" Уже в декабре 1857 г. И. Л. Шулятиков заключил контракт с малмыжским купцом А. М. Усовым о поставке последнему 5 700 брусьев и бревен на сумму 1 950 руб. серебром. Скупкой и продажей леса и лесных изделий в Глазовском уезде, кроме того, занимались слободский купец первой гильдии П. И. Гусев, бронницкий купец первой гильдии И. А. Кононов,

потомственная почетная гражданка из дворян А. А. Машковцева, екатеринбургский купец второй гильдии М. Е. Клопов, глазовская второй гильдии купчиха Н. И. Сергеева, уржумский купец второй гильдии Г. Я. Корчемкин и др. В 1849 г. крестьянин Уржумского уезда Макар Максимовых, приобретший участки леса в Глазовском уезде, предложил проект акционерной компании с капиталом в 500 тыс. руб. и попытался ее создать. По всей вероятности, эта идея не получила реализации. Однако торговля лесом продолжала составлять одну из выгодных статей деятельности зажиточных крестьян и купцов. В 1858 г. учитель Вятской мужской гимназии Н. И. Савинов в своей статье "Нечто о Глазовском уезде" отмечал, что из уезда "по р. Лумпуни сплавляется ежегодно до 40 тыс. брусьев и до 80 тыс. бревен... Кроме того, сплавляется по Чепце до 10 тыс. деревьев разного сорта. Дров трехполенных, еловых – до 20 тыс. сажень и березовых... до 10 тыс. сажень. Всего лесу сплавляется примерно из Глазовского уезда на 110 150 рублей и дров рубится на 14 000 рублей"¹⁶⁰.

В отношении Малмыжского уезда источники подчеркивают, что близость Казани "уничтожает в Малмыже всякую промышленность, кроме лесной" Торговые обороты Малмыжа не превышали 90 тыс. руб. и значительная часть их приходилась на "всякие деревянные рукоделья"¹⁶¹ Не случайно "Военно-статистическое описание Вятской губернии", составленное поручиком генерального штаба Коведяевым в 1850 г., отмечало, что "сущность богатства губернии составляют хлеб и лес, торговля этими предметами развита между жителями по преимуществу, так что на них обращена торговая деятельность самых значительных капиталистов"¹⁶².

Определенное место в вывозе из края заняла продукция легкой промышленности: кожа, обувь и мыло купеческих и мещанских мелкоотварных заведений Сарапула, хлопчатобумажные ткани фабрик малмыжских купцов Утямышевых. В Казань и на

Макарьевскую ярмарку вывозилась бумага, производимая на бумажных фабриках Озеровых, елабужского купца Ушкова и сарапульского купца Курбатова. В разных городах Российской Империи находила сбыт стеклянная посуда, производимая на двух стеклоделательных предприятиях Лебедевых. В Казань, Нижний Новгород, Петербург вывозился поташ. С 1850 г. в крае начала действовать химическая промышленность, представленная Кокшанским заводом К. Я. и Д. Я. Ушковых, вся продукция которого реализовывалась на крупных российских ярмарках.

Однако на первом месте по стоимости и по объему в общей массе вывозимых из края товаров, несомненно, была продукция металлургических предприятий, сосредоточенных преимущественно в Сарапульском и Глазовском уездах. Так, в 1835 г. 6 заводов выплавляли 400 284 пуда чугуна, 108 574 пуда железа, 1 128 пудов меди на 819 975 руб. серебром. К 1855 г. численность частных металлургических предприятий увеличилась до 9, они произвели 390 тыс. пудов чугуна и 141,5 тыс. пудов железа. Большая часть отмеченной продукции вывозилась водой до Лаишевской пристани, откуда отправлялась в Казань, Екатеринбург и Санкт-Петербург¹⁶³.

Большое значение для оживления торговли и роста торговых оборотов имела сеть местных торговых пунктов – торжков, базаров, ярмарок. Здесь сосредотачивалось все, чем был богат наш край, прежде чем концентрированной массой поступить в крупные торговые артерии, связывающие Удмуртию со всероссийским и отчасти европейским рынком. "Все товары, бывшие в торговом обращении, закупались небольшими партиями от первых производителей на местных торжках и базарах", – отмечают вятские губернаторы в своих отчетах¹⁶⁴.

Сеть торжков и базаров складывалась с XVII в., а ярмарки начали возникать в последней четверти XVIII в. К середине XIX столетия в крае действовало 9 ярмарок. Самыми крупными из них были Балезин-

ская (Петровская) с оборотом в 20–22 тыс. руб., функционировавшая с 15 по 30 июня, Никольская в г. Глазове, проходившая с 1 по 7 декабря и имевшая оборот в 19–21 тыс. руб., и Караулинская (Соборная) с оборотом в 12–16,5 тыс. руб., проводившаяся в Соборное воскресенье Великого поста. Балезинская ярмарка была знаменита тем, что на ней происходил крупнейший в масштабах Вятской губернии торг лошадьми, привлекавший внимание и жителей смежных губерний. Ежегодно на эту ярмарку доставлялось до 10 тыс. лошадей, торговля ими давала половину оборотов ярмарки.

Характерно, что ярмарки были сосредоточены в Сарапульском и Глазовском уездах. Попытки учреждения этой разновидности торговых съездов в Малмыже и Елабуге не увенчались успехом: Елабужская ярмарка, назначенная на 12–25 декабря, вскоре угаšla из-за того, что одновременно с ней открывались две очень крупные ярмарки в Мензелинске и Оренбурге. Близость Казани была препятствием и для развития крупных торговых съездов в Малмыже и его уезде.

В Сарапульском уезде ярмарки, за исключением Караулинской, были мелкими и непродолжительными: всего по одному дню функционировали Алексеевская (17 марта) и Михайловская (8 ноября) в с. Кигбаеве и Петровская (29 июня) и Михайловская (8 ноября) в с. Петропавловском. Описания уезда отмечали, что стечение народа на этих больших сельских базарах бывает незначительное, а товары преимущественно составляют потребность крестьянского быта: ситцы-китайки, шелковые платки и т. д.¹⁶⁵

В Глазовском уезде старинная ярмарка (1–8 сентября) размещалась в с. Бельском, ее оборот не превышал 7 тыс. руб. В 1849 г. была учреждена Унинская ярмарка (24 ноября – 4 декабря). Вскоре она стала одной из немногих в Вятской губернии ярмарок, определявших уровень местных хлебных цен. К 1850 г. в крае были учреждены еще две ярмарки: Уканская в Глазовском уезде и в с. Крымская Слутка Елабужского уезда¹⁶⁶.

Обороты "удмуртских" ярмарок не шли ни в какое сравнение с крупными ярмарками страны и даже с известными рынками товаров Вятской губернии, такими как Алексеевская в Котельниче (оборот в 1 млн. руб.) и Семеновская в Вятке (оборот в 100 тыс. руб.). Источники отмечают, что с середины столетия денежные обороты действующих ярмарок начинают неуклонно снижаться, и видят причину этого явления в увеличении числа торжков и базаров, которые были ближе к крестьянам. В результате последние, "имея как бы под рукою все вещи, необходимые в поселянском быту, избавляются от необходимости дальних отлучек в города"¹⁶⁷

Наиболее насыщенным базарами выделялся Малмыжский уезд, в котором в 1850 г. их числилось 19, в Елабужском уезде отмечено 6 базаров (в селах Иксое Устье, Пьяный Бор, Можга, деревнях Сарсак-Омге, Камаевой, в поселке Бемышевского завода). В Сарапульском уезде по воскресным дням происходили базары в тех же селениях, в которых размещались ярмарки, кроме того, базары появились в татарском с. Агрызи и в удмуртском с. Нылга-Жикья.

Стечение народа на торжках и базарах зависело от времени года и даже от такого психологического фактора, как желание посетить церковь в воскресный день.

Как правило, на ярмарках и базарах встречались два потока товаров: крестьянские (хлеб в зерне и муке, крупы, солод, пенька, холст, щетина, сало, мясо, рыба, лук, семя льняное и конопляное, картофель, капуста, горох и другие овощи, мед, воск, меха, кожи, деревянная посуда и другие лесные изделия, поташ, деготь, крестьянский скот) и товары промышленные (шелковые, суконные, хлопчатобумажные ткани, металлическая, стеклянная галантерея, железо, кубовая краска, нефть, чай, сахар, кондитерские изделия и т. д.).

На местных базарах цены и торговую политику определяли крестьяне-гуртовщики, являвшиеся посредниками между мелкими скупщиками и купцами-оптовиками, вывозившими товары на всероссийский

и европейский рынки. Гуртовщики диктовали цены на главных хлебных рынках губернии: в городах Орлове, Слободском, Елабуге, на ярмарках в Унях и в Балезино. Кроме хлеба, они охотно скупали лен, льняное семя, холст, сало, щетину, кожи и др.¹⁶⁸

В пределах Вятской губернии крупных скупщиков-гуртовщиков было не так уж много, где-то около 100 человек. В конце 50-х гг. торгующие крестьяне стали брать свидетельства, которые в зависимости от размера заявленного капитала делились на четыре разряда. В 1858 г. в пределах четырех "удмуртских" уездов крестьянам было выдано 39 свидетельств, преимущественно третьего и четвертого разрядов, наибольшее число крестьян, торгующих по свидетельствам, было сосредоточено в Сарапульском уезде¹⁶⁹. Нередко один гуртовщик подчинял себе мелких крестьян-скупщиков всего уезда. Одним из таких крупных рыночных воротил в Глазовском уезде был крестьянин поч. Телицынского Лумпунской волости Иона Телицын, ежегодно заготавливавший 60 и более тыс. пудов зерна. В Малмыжском уезде подобного рода операции вел крестьянин Чайников. В 1841 г. он закупил для елабужского купца Чернова 10 тыс. пудов зерна и сосредоточил его на Ломеслудской пристани на р. Вале. Таким же образом, "переходя из рук в руки", были закуплены 450 тыс. пудов муки, сконцентрированные на Сарапульской пристани для вывоза из края. На Елабужской пристани отправления в Нижний Новгород и Рыбинск ждали 13 тыс. четвертей муки, 12 тыс. четвертей овса, 50 тыс. четвертей круп и 1 тыс. четвертей льняного семени, закупленных гуртовщиками. Отметим, что 1841 г. оказался для них не слишком удачным: осенью и зимой 1840 г. цены на хлеб были высокими, а к весне 1841 г. они заметно упали, и затраты на закупку не могли быть оправданы, кроме того, 15 тыс. пудов хлеба так и не нашли покупателя¹⁷⁰.

Ближе к середине столетия в крае наблюдается становление стационарной формы торговли, преимущественно в городах

и заводских поселках. В местных лавках, которые открывали не только купцы, но и мещане и отставные военные и мастера, продавались предметы первой необходимости, рассчитанные на удовлетворение потребностей непривилегированных слоев населения. Чиновничество более высоких классов заказывало на Макарьевскую ярмарку кофе, сыр, макароны, вермишель, манную крупу, миндаль, изюм, шоколад, белое, горское, tenerифское вина, ром, мадеру, кизлярскую водку, высококачественное сукно, наборы столового серебра, фарфоровую и хрустальную посуду, зеркала в оправе из красного дерева, изысканную мебель и др.¹⁷¹

Одним из важнейших условий развития товарно-денежных отношений и включения края в систему всероссийского и европейского рынков были пути сообщения, связывающие мелкие местные рынки с другими районами страны. Как и в древности, среди транзитных водных путей непреходящее значение принадлежало Каме и Вятке с системой их притоков. Речные пути, превышающие по протяженности и превосходящие по дешевизне перевозок гужевые дороги, играли важнейшую роль в обеспечении транзита основных товарных потоков.

На Каме в пределах нашего края действовало 8 торгово-грузовых пристаней: "Сарапульская", "Каракулинская", "Свиногорская", "Чегандинская", "Вятская", "Тихогорская", "Елабужская", "Икско-Устьинская". Важнейшими в отношении хлебных перевозок были "Сарапульская" и "Елабужская" пристани. Из притоков Камы в пределах края судоходной была р. Иж.

На р. Вятке с притоками Валой, Кильмезью и Чепцой насчитывалось 32 пристани. В какой-то мере представить грузопроводность речных путей можно по данным 1850 г.: за навигацию по речным системам прошло 923 судна и 1 279 плотов с грузом, общая стоимость которого определялась в 4 568 830 руб.¹⁷²

Речной флот того времени отличался огромным разнообразием. Для перевозки

чугуна и железа использовались плоскодонные коломенки, полуколоменки, дощаники, барки, отличавшиеся большой грузоподъемностью. Суда самых крупных габаритов: лодьи, бархоты, межеумки, способные поднимать до 75 тыс. пудов, употреблялись для перевозок соли. Хлеб транспортировался в так называемых кладных, шитиках, павозках, расшивах, тихвинках и т. д. Лес грузили в насады, вмещающие до 1 100 сажень. Все эти разновидности судов, строившиеся непосредственно на пристанях, были одноразовыми: в конечном пункте плавания они шли на слом и продавались местному населению.

В зависимости от направления движения суда назывались или сплавными – они шли вниз по течению, либо гребными – плывущими вверх по течению. Вверх по течению суда тянули бурлаки либо они были заводными – подтягивались канатом, закрепленным впереди судна. Во втором десятилетии XIX в. на Каме появились так называемые коноводные суда: они были снабжены машинами, вал которых вращали лошади.

Технический переворот в судоходстве был связан с появлением паровых судов, первые из которых в Камском бассейне стали плавать с 1841 г. В 1846 г. здесь образовалось Пермское пароходное общество, а в 1851 г. – Камско-Волжское пароходное общество, которое располагало 11 пароходами. В 1861 г. по Каме уже курсировало 43 парохода. Свой вклад в развитие пароходостроения внес, как известно, Воткинский завод, который в 1847 г. выпустил первый железный корпус для парохода "Астрабат" в 80 лошадиных сил. По рекам Сиве и Вотке его спустили в Каму. В последующем завод наладил производство котлов и других частей для пароходов и таким образом способствовал совершенствованию водных коммуникаций¹⁷³

Значительную роль в развитии связей с внешним миром сыграли и сухопутные дороги. Протяженность торгово-почтовых

трактов в Вятской губернии составляла около 1 730 верст. Важнейшее значение из них имели Сибирский и Вятско-Пермский тракты. Кроме того, по территории края проходил Глазовско-Кайский тракт, начинавшийся в Глазове и идущий через Слободской на Кай. Глазовско-Нолинская дорога служила ближайшим сообщением для купечества Глазова и Слободского с Нолинском, Казанью и Нижним Новгородом. Глазовско-Сарапульская дорога шла от Поломской станции на Вятско-Пермской дороге до станции Зуринской на Сибирском тракте, затем выходила на Ижевский завод и на Ижевско-Воткинский тракт. Таким образом, эта дорога была устроена для соединения городов Глазова и Сарапула с Сибирским трактом.

Елабужско-Ижевская дорога соединяла Ижевский завод с Елабугой, Казанью и Нижним Новгородом. Вятско-Ношувльская дорога с XVII в. служила для провоза товаров, прежде всего хлеба и льна, до Ношувльской и Быковской пристаней на р. Лузе и р. Юг, от которых товары погружались на суда и следовали далее до Архангельска¹⁷⁴. К концу столетия этот имевший ранее огромное значение тракт начал приходить в упадок из-за постепенного снижения торгового значения Архангельска. Важность Сибирского тракта выражалась и в том, что почтовые станции, располагавшиеся на нем, все более превращались в торговые пункты и приобретали новые функции в экономической жизни края.

Таким образом, транзитные пути соединяли наш край со всей страной, а через Архангельск и Санкт-Петербург – с Европой. Сословными группами, организующими движение товаров, были купцы и торгующие крестьяне, которые взаимно пополняли друг друга в зависимости от экономической конъюнктуры. Если взглянуть в этническое происхождение купечества, приходится констатировать, что в основе своей оно было русским. Энергичную деятельность наряду с ними развивали купцы из татар. Удмуртов среди купцов выделить довольно трудно, хотя хорошо известно, что они были пред-

ставлены среди малмыжского и глазовского купечества. Только детальное изучение генеалогии позволило Г. И. Обуховой выделить среди купечества Глазова три семьи удмуртских купцов: Ивана Волкова с сыном Осипом, Григория Чиркова с сыном Яковом и купца третьей гильдии Федора Зонова, которые прошли типичный для этого сословия путь – от крестьян до купцов¹⁷⁵.

Фискальная и этноконфессиональная политика государства

Как уже отмечалось, подавляющее большинство населения края продолжали составлять крестьяне государственные, подвергавшиеся крепостнической эксплуатации со стороны всей корпорации феодалов и феодально-бюрократического аппарата. Основные денежные повинности государственных крестьян состояли из государственного налога и феодальной ренты за пользование государственной землей – оброчных платежей. Денежные налоги, в свою очередь, состояли из подушной подати, которая по закону 1818 г. составляла 3 руб. ассигнациями с ревизской души. К этой сумме присоединялся специальный душевой сбор по 30 коп. на устройство путей сообщения. Земские повинности колебались в разные годы в пределах 1 руб. Мирские сборы шли на нужды крестьянского самоуправления и на удовлетворение все возраставших запросов чиновничье-бюрократического аппарата, поставленного над крестьянской общиной. Как правило, эти сборы превышали подушную подать и имели постоянную тенденцию к дальнейшему увеличению. Некоторое представление о размерах этих сборов дают дела о злоупотреблениях, открывавшихся во время нередких сенаторских ревизий. Так, во время ревизии 1824 г., проводившейся сенаторами А. А. Долгоруким и Е. А. Дурасовым, выяснилось, что с 14 волостей Сарапульского уезда чиновники во главе с исправником Шепалиным через волостных голов путем вымогатель-

ства собрали 190 783 руб. Из них только исправнику "было сделано подарков" на 36 403 руб. Во время ревизии волостных книг Елабужского уезда "излишних сборов" было открыто на 314 048 руб., на подарки исправнику Сырневу и другим чиновникам (39 человек) было употреблено 81 833 руб. 80 коп. В Глазовском уезде исправник Ковалдин с 42 приспешниками получили подарков на 175 566 руб. 25 коп., всего незаконных сборов по этому уезду было выявлено 344 294 руб. По Малмыжскому уезду волостные начальники незаконно собрали 158 685 руб. С удельных крестьян Нечкинского приказа таких сборов приходилось по 10 руб. на ревизскую душу. Приведенные примеры отнюдь не представляли исключения из правил. В 247 волостях губернии ревизоры обнаружили незаконные сборы на несколько миллионов рублей. Было призвано к ответственности около трех тысяч чиновников и представителей волостной общины¹⁷⁶

Вторую категорию крестьянских денежных платежей составлял денежный оброк, размеры которого были установлены законом 1823 г. От уплаты денежного оброка были освобождены неперенные работники Камских заводов и лашманы, отработывавшие подати на предприятиях и при Казанском адмиралтействе. В 1832 г. денежный оброк увеличился и стал составлять 11 руб. 49 коп. с ревизской души. В конечном итоге общая сумма денежных поборов, приходившихся на ревизскую душу, к 20-м гг. XIX в. составляла 14 руб. и продолжала неуклонно возрастать¹⁷⁷

Из натуральных повинностей наиболее тяжелой, особенно для удмуртов, бесермян и марийцев, продолжала оставаться рекрутская повинность. Ее несла преимущественно работоспособная часть мужского населения деревни. Неудивительно, что рекрутские наборы сопровождался огромным числом злоупотреблений. Зажиточные крестьяне откупались от своей очереди или нанимали вместо себя охотников за деньги, так как 25-летний срок службы не оставлял

надежды на возвращение рекрута в семью и родную деревню. Нередко в рекруты вне очереди забирались единственные кормильцы из бедных и среднего достатка семейств. Архивные материалы пестрят жалобами подобного рода. В одной только Казанской губернии ревизору V отделения Императорской канцелярии на злоупотребления бюрократии и мирских органов при рекрутских наборах было подано 420 жалоб¹⁷⁸

Не менее обременительными для крестьян были дорожная, ямская и подводная повинности. Крестьянским общинам вменялась обязанность содержать в исправности дороги, как главные, так и второстепенные почтовые тракты. Тяжесть дорожной повинности усугублялась особыми условиями ее отбывания: на дорогах приходилось работать в страду. Некоторые селения откупались взятками, и тогда доля их работы переходила на соседние селения. В 1815–1818 гг. дорожная повинность в Вятской губернии была заменена особым денежным сбором, но в 1819 г. она была восстановлена в прежней натуральной форме.

Администрация, ведавшая казенной деревней, пользовалась самыми разными уловками, чтобы под угрозой еще большего увеличения этой повинности вымогать с крестьян взятки. Были нередкими случаи прикрепления селений к участкам дороги, отстоящим на 100 и более верст, с тем чтобы заставить общину откупиться. Ревизия 1837 г., проводившаяся в Вятской губернии коллежским советником Холодовским, как подготовительное мероприятие, предшествовавшее реформе государственной деревни, выявила, что участки дорог для починки и исправления отводились за 80, 100 и даже 200 верст от селений. В итоге крестьяне вынуждены были либо нанимать работников, либо платить за перемену участка. Иногда чиновник, которому было поручено распределение дорожных участков, заранее предупреждал крестьян об имеющемся выборе. Так, в Ухтымской волости Глазовского уез-

да уездный землемер собрал "за перемену дорожного участка по Вятско-Пермскому тракту с 342 душ по 50 коп. с каждой"¹⁷⁹

На крестьян возлагалось также строительство и содержание в надлежном порядке тюрем, лазаретов и этапных пунктов, расположенных на Сибирском тракте. Поставка подвод под перевозки, содержание сопровождавших партии арестантов воинских команд ложились тяжелейшим бременем на крестьянское население края. Через Вятскую губернию прошло от 25 до 30 тыс. арестантов, и указанные повинности также вызвали огромное количество жалоб, обусловленных тем, что большая часть подвод требовалась в летнее время, когда на учете был каждый час. При проезде чиновников, чтобы сократить время пути, вместо одного перегона подводы гнали 2–3 и более станций. Все это изнурило, а нередко и загоняло крестьянских лошадей. Доставалось и самим крестьянам: горячие седоки угощали их зуботычинами и тумаками "за нерасторопность и непонятливость". Прогонных денег крестьяне обычно не получали, отказываясь от дачи подвод не могли под угрозой того же избиения и прочих мер физического воздействия.

Попытки крестьян протестовать против незаконных действий, любые жалобы, приносимые во время сенаторских ревизий, расценивались как проявления "злонравия и буйства", поголовные свидетельства крестьян признавались не заслуживающими внимания "изветами", а жалобщики подвергались массовым репрессиям, вплоть до высылки в Сибирь. В Вятской губернии злоупотребления нередко поражали своими масштабами даже выдавших виды ревизоров из Сената.

Неудивительно, что на крестьянах накапливались огромные недоимки. По Вятской губернии к 1814 г. они достигли 9,6 млн. руб. Причины их лавинообразного роста было поручено расследовать тайному советнику сенатору А. З. Хитрову. Он пришел к выводу, что недоимки с казенных крестьян произошли от "умножения податей, случившихся неурожаев

и необыкновенной рекрутской повинности, а также от слабости земской полиции"¹⁸⁰

Были предложены разнообразные меры ликвидации недоимок, вплоть до отдачи крестьян-недоимщиков в работу к зажиточным односельчанам, с тем чтобы последние оплачивали за них подати. В качестве карательной меры применялось размещение на постой в недоимочных селениях воинских команд. После реформы Киселева система попечительства предполагала назначение опекунов над обедневшими крестьянскими хозяйствами. Они должны были осуществлять постоянный контроль над ведением недоимочных хозяйств: своевременным посевом и удобрением полей, уборкой зерна и даже домашними занятиями, – изыскивая средства к промыслам и заработкам, следить за поведением, управлять домами и расходами, отдавая отчет вместе с домохозяином сельскому обществу и старшинами¹⁸¹

Крестьяне, подчиненные с 1797 г. Удельной экспедиции и удельным приказам, которые создавались исходя из численности в 3 000 ревизских душ на каждый приказ, так же как и государственные крестьяне, платили подушную подать в казну, а оброк – удельному ведомству. В 1808 г. в Вятке была открыта Удельная контора, подчинявшаяся непосредственно департаменту уделов, минуя все губернские инстанции. В 1809 г. крестьяне Петропавловского и Козловского приказов Сарапульского уезда (5 529 ревизских душ) были переданы в удел великой княгине Екатерине Павловне с "последующим ее потомством". В 1826 г. удельное ведомство вошло в состав Министерства императорского двора, а в губернии при Вятской казенной палате была открыта экспедиция уделов. В волостях удельных крестьян были созданы сельские приказы. На сходах крестьяне избирали старосту, сотских и десятских.

В стремлении повысить доходность имений удельное ведомство систематически увеличивало крестьянские повинности. Указом 1830 г. система подушного обложения

в удельных имениях была заменена новой: крестьяне были распределены на тягла (по двое взрослых мужчин в каждом) и должны были платить поземельный сбор за наделенную землю – "коренной участок", превышавший прежний подушный оклад. С 1828 г. в удельных имениях стали вводить общественные запашки, доходы с которых должны были употребляться на обеспечение продовольствием в неурожайные годы, устройство больниц, школ, ветеринарных пунктов и т. д.

Помещичьих крестьян в среднем по губернии на каждого владельца приходилось по 370 человек. Среди 12 крупных помещичьих имений губернии, на долю которых приходилось 70 % крепостных, 3 располагались на территории нашего края. Это были имения Тевкелевых, Озеровых, Юшковых. Помещичьи крестьяне вносили в казну подушную подать и выполняли, как и государственные, различные натуральные повинности. Кроме того, они платили помещику оброк от 8 до 9 руб. с души ежегодно и натуральные поборы, в том числе шерсть, льноволокно, хлеб, яйца, масло, мясо и т. д. В общей сложности натуральный оброк составлял от 1 до 3 руб. с каждого тягла в год. В имениях Озеровых, Юшковых, Тевкелевых и в ряде других помещичьих хозяйств крепостные отработывали тяжелую барщину на вотчинных мануфактурах¹⁸².

К 1849 г. податное положение государственных крестьян выглядело следующим образом. Подушная подать дополнялась добавочным сбором в 95 коп. на устройство дорог и водных сообщений. Оброчная подать составляла 2 руб. 86 коп. серебром с ревизской души, кроме того, на пополнение продовольствия в запасных хлебных магазинах с каждой ревизской души взыскивалось по 6 коп. Многочисленные земские сборы в совокупности составляли по 1 руб. 51,5 коп. с ревизской души. Мирские сборы (по официальным данным, отражавшим лишь часть фактических взысканий) в разных сельских обществах со-

ставляли от 7,5 до 23,5 коп. с души¹⁸³. По Б. Г. Плющевскому, в пересчете на прежние ассигнации денежные налоги доходили до 16 руб. на ревизскую душу в год. Кадастр, предполагавший перечисление податного обложения с ревизской души на общую сумму дохода крестьянского хозяйства, имел бы прогрессивное значение. Но в Вятской губернии он так и не был осуществлен.

Подати удельных крестьян складывались из подушного сбора, к которому также присовокуплялся сбор в 95 коп. на устройство дорог и водных коммуникаций. Государственные земские повинности удельных крестьян обходились в 68 коп. с каждой души мужского пола. В 1857–1858 гг. к ним был причислен дополнительный земский сбор в 5,5 коп. с ревизской души. Вместо оброчных платежей удельные крестьяне вносили подесятинные сборы за земли, находившиеся в индивидуальном пользовании крестьян и под общественными запашками. В 1858 г. с удельных приказов следовало взыскать в казну 74 705 руб. поземельного налога¹⁸⁴.

Натуральные повинности к концу столетия оставались примерно в том же объеме. Так, в 1849 г. по Вятской губернии по 8-му рекрутскому набору должно было поступить натурой 2 688 рекрутов, на деле поступило 2 645, по квитанциям было зачтено 43 рекрута. Из этого числа по разным причинам, среди которых были "неуказные лета", недостаточный рост и другие физические недостатки, было забраковано 676 человек (25,5 %). В денежном выражении сдача каждого рекрута дополнительно обошлась по Глазовскому уезду в 20 руб. 45 коп., по Елабужскому уезду – в 21 руб. 78 коп., по Малмыжскому уезду – в 24 руб. 22 коп., по Сарапульскому уезду – в 23 руб. 11 коп.¹⁸⁵

Администрация Вятской губернии признавала непосильное для населения бремя

* Уменьшение абсолютных цифр объясняется денежной реформой 1840 г., когда был введен новый серебряный рубль, равнявшийся 3 руб. 60 коп. прежних ассигнаций.

подводной повинности. Основной своей тяжестью она ложилась на селения, расположенные при трактах. В 1849 г. в целом по губернии исправлением дорог занимались 93 927 конных и 147 157 пеших государственных крестьян, из удельных этой повинностью были заняты 13 849 конных и 6 718 пеших, из помещичьих – 2 тыс. конных и 3 тыс. пеших работников¹⁶⁶. Постоянная повинность тоже распределялась неуравнительно и падала преимущественно на селения, расположенные при главных дорогах. Признавая вредное влияние этих повинностей на благосостояние крестьян, вятский губернатор предлагал перевести их в денежное выражение и разложить необходимую сумму на наличное в губернии число крестьянских душ. В отношении дорожной повинности это было сделано, остальные повинности сохраняли натуральную форму, так же как строительство и обслуживание этапных пунктов и лазаретов. В 1850 г. строили лазарет в с. Дебесах по Сибирскому тракту. Кроме того, крестьяне Глазовского, Сарапульского и Малмыжского уездов обслуживали 7 этапных и полустепных зданий. Сверх всего перечисленного очень обременительным для крестьянства оставалось исполнение различных выборных должностей при органах крестьянского самоуправления (список этих должностей содержит 11 наименований). Они отнимали массу времени и не давали никакого вознаграждения при условии честного и порядочного отношения выборных к возложенным на них обязанностям. В 1849 г. по губернии из числа крестьян было избрано 9 897 сотских и десятских, 1 743 лесных надзирателя, 1 131 пожарный староста, 1 122 рассыльных по волостным и сельским правлениям и т. д.¹⁶⁷

Реформы удельной и государственной деревни

Неудовлетворительное состояние государственной и удельной деревни, тем более крепостного крестьянства, наталкивало правительственные органы на поиск путей

совершенствования социальной структуры и системы хозяйствования. Одной из первых подверглась реформе удельная деревня. Осуществление реформы было поручено известному государственному деятелю Л. А. Перовскому. Удельное ведомство под его руководством решило осуществить давно задуманное переложение оброка с ревизской души на землю. Эта мера диктовалась экономическими и социально-политическими соображениями: вводя поземельную форму оброка, удельное управление могло равномернее распределить взыскиваемые суммы между многоземельными и малоземельными селениями. Взямая оброк с земельных наделов, оно стремилось приучить крестьян к мысли, что земля принадлежит не тем, кто ее обрабатывает, а царской фамилии, и что они лишь пользователи удельной земли, обязанные платить за это денежный оброк. Одновременно осуществлялся еще один замысел: при переводе на поземельный принцип обложения обязательные крестьянские наделы уменьшались. Чтобы облегчить проведение реформы, Л. А. Перовский решил обменять определенную часть удельных имений, рассеянных по стране, на казенные владения. При исчислении количества казенных крестьян, необходимого для обмена, сопоставлялись суммы получаемого с них оброка. При этом в удельном управлении оставались наиболее доходные и наиболее многоземельные имения, в том числе в Казанской и Вятской губерниях. Достигалась двойная выгода: царский домен сосредотачивался компактной массой в наиболее экономически рентабельных районах, что упрощало управление.

Проект закона об удельных имениях был обсужден и принят на заседании Государственного совета в январе 1830 г. В 1835 г. началась замена душевого оброка поземельным. Оценка земли производилась весьма и весьма приблизительно. За каждым крестьянином закреплялся участок, приносящий по этим исчислениям 75 руб. дохода. Все остальные земли отрезались и при необходимости могли арендоваться

крестьянами за дополнительную плату. В результате реформы земельные наделы удельных крестьян существенно уменьшились, а платежи увеличились¹⁸⁸

Реформа вызвала брожение и открытые выступления не только в удельной, но и в государственной деревне. Государственные крестьяне были взбуждены слухами о передаче их "под барина Перовского", а удельные открыто выражали протест против ухудшивших их положение перемен.

Кризис, который стал с особой силой ощущаться во второй половине 30-х гг., натолкнул окружение Николая I на мысль о необходимости реформирования казенной деревни. Третье отделение неоднократно обращало внимание царя на тяжелое и, следовательно, опасное положение государственных крестьян. "Казенные крестьяне, сия значительная часть нашего народонаселения, почти повсеместно находятся в самом худшем положении. Не имея должного надзора... и будучи жертвой своих голов и земской полиции, они год от года беднеют и разражаются", — отмечали агенты Третьего отделения, требуя ускорения реформы.

В марте 1835 г. был учрежден новый комитет "для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий". В состав комитета, наряду с другими известными лицами, был введен генерал-адъютант П. Д. Киселев, которого Николай I намеревался сделать главным разработчиком законопроектов по крестьянскому вопросу и "начальником штаба по крестьянской части". Реформа, проект которой был разработан П. Д. Киселевым, по замыслу чиновничьей бюрократии, должна была доказать возможность преодоления кризисных явлений без потрясения основных устоев самодержавного режима. Такую реформу легче было провести в отношении государственных крестьян, которые всецело находились в распоряжении казны. Впоследствии рецепты, выработанные в условиях государственной деревни, предполагалось

Киселев Павел Дмитриевич

(1788–1872 гг.), государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., дослужился до чина генерал-адъютанта. В 1835 г. был назначен членом Государственного совета и секретного комитета по крестьянскому делу. Под руководством П. Д. Киселева был разработан проект постепенной ликвидации крепостного права, не получивший поддержки у высшего руководства страны. Возглавил созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ. В 1837–1841 гг. провел реформу управления государственными крестьянами. За свою деятельность в 1839 г. возведен в графское достоинство. По инициативе Киселева в 1842 г. были созданы школы для детей казенных крестьян. В 1856 г. направлен послом в Париж.

П. Д. Киселев

лось перенести и на частновладельческих крестьян.

П. Д. Киселев выдвинул программу, включающую целый ряд административных и хозяйственных мероприятий, способных, с его точки зрения, обеспечить всесторонний подъем государственной деревни, превращение ее в некий оазис всеобщего благоденствия крестьян. Это должно было, по представлениям бюрократии, дать помещикам назидательный пример, следуя которому они приступили бы к рационализации своего хозяйства. Реформа предусматривала перестройку управления казенной деревней, создание новых органов чиновничьего управления ею, а также ряд поощрительных мероприятий, таких как борьба с крестьянским малоземельем, подъем агрокультуры, развитие крестьянской торговли и промыслов, устройство школ, медицинских и ветеринарных пунктов, перенесение податного обложения с ревизской души

на общую сумму дохода крестьянского хозяйства. Таким образом, государственная казна должна была выполнять по отношению к собственным крестьянам обязанности расчетливого и энергичного хозяина. Управление государственными крестьянами было выделено в ведение особого Министерства государственных имуществ.

Губернии, в которых сосредотачивались государственные крестьяне, по очередности проведения намеченных реформой мероприятий делились на три группы. Вятская губерния оказалась среди губерний второй очереди. В начале 1839 г. здесь была создана так называемая Приготовительная комиссия, принимавшая от Вятской казенной палаты дела по управлению государственными крестьянами и составившая проект нового административного деления губернии.

В 1839 г. также была создана Вятская палата государственных имуществ. Палата делилась на хозяйственное и лесное отделения во главе с советником и губернским лесничим. В уездных городах по мере прибытия назначенных чиновников открывались окружные управления, возглавляемые окружными начальниками со штатом низших чиновников и мелких служащих. Окружной начальник выступал посредствующим звеном между руководящим губернским органом и крестьянскими выборными. Задача окружного начальника прежде всего заключалась в наблюдении за законностью и правильностью деятельности волостных и сельских учреждений, в поддержании полицейского порядка, в обеспечении неуклонного и своевременного поступления налогов с крестьян, бездоимочной поставки рекрутов и т. д.

Четвертый ярус в системе управления составили волостные правления. Как отмечает Н. М. Дружинин, "это был приводной ремень, через который окружной начальник передавал свои распоряжения и устанавливал свою власть над крестьянскими массами". В 165 волостях, в которых были сосредоточены государственные крестьяне Вят-

ской губернии, в волостное правление входили волостной голова и два избранных заседателя, один – по полицейской, другой – по хозяйственной части. Волостной писарь назначался окружным начальником и заведовал письмоводством волости. Волостной сход созывался один раз в три года из представителей домохозяев (по норме от 10 домохозяев два избранных) и избирал волостное правление, которое везде и всюду должно было претворять в жизнь распоряжения окружного начальника, действуя через подчиненных.

Самый низший ярус управления государственной деревней был сосредоточен в сельских обществах. Сельское общество должно было включать 1 500 ревизских душ, поэтому оно не совпадало с естественными границами крестьянских поселений и обычно состояло из нескольких деревень и починков. Органами сельского общества были сельский сход, созывавшийся для решения общих дел, сельское начальство, управлявшее обществом, и сельская расправа – низшая судебная инстанция для разбора споров и мелких крестьянских проступков. Как и волостной, сельский сход не был мирской сходкой всех крестьян. В нем участвовали выборные – совершеннолетние домохозяева, по два от каждых 10 дворов.

Один раз в три года созывались специальные сходы для выборов на сельские должности: сельского старшины, старосты, сборщика податей, смотрителя запасного хлебного магазина, сотских, десятских, пожарного старосты и полесовщика. Сход избирал на каждую должность не менее трех человек, затем это решение схода рассматривалось волостным правлением, окружным начальником и палатой государственных имуществ. Последняя подбирала из числа избранных крестьянами кандидатов наиболее соответствующих ее требованиям. Крестьянские выборные, как и ранее, представляли в большинстве случаев послушное орудие ограбления деревни чиновничьим аппаратом, каждая новая ревизи-

зия выявляла новые и новые злоупотребления, совершаемые через органы крестьянского самоуправления. Развращаемые всей системой чиновничьего управления сами крестьянские выборные, волостные и сельские, стремились использовать период своих полномочий не только в интересах начальства, но и в собственную пользу. Как отмечает Н. М. Дружинин, количество следствий о растратах и поборах голов, старшин, сборщиков податей, писарей и других представителей деревенской администрации достигло в 40–50-х гг. чудовищных размеров¹⁸⁹.

Введение нового порядка управления было в основном завершено в 1840–1841 гг. В октябре 1841 г. А. Д. Игнатьев доносил Киселеву, что “введение новых порядков управления государственными крестьянами прошло в общем благополучно и не подало повода к серьезному беспокойству”¹⁹⁰. Система чиновничьего надзора и попечительства уже при ее утверждении вызывала серьезные опасения крестьян, впоследствии вполне оправдавшиеся. Любопытно, что чиновники Министерства государственных имуществ, уполномоченные при проезде через губернии негласно собирать сведения об отношении крестьян к реформе, констатировали, что в Вятке среди чиновников палаты государственных имуществ “наглость и привычка к взяткам столь очевидны, что следует обратить особое внимание на это обстоятельство” Крестьяне на распросы отвечали, что они боятся утраты свободы деятельности, опасаются, что они в результате реформы будут либо крепостными, либо удельными, другие отвечали более осторожно: “Так, батенька, так, да начальства много будет, сбору больше”¹⁹¹.

Опасения крестьян не преминули исполниться в довольно скором времени. Система чиновничьей опеки обернулась для них нескончаемыми злоупотреблениями. Управляющий Вятской палатой государственных имуществ подполковник Круковский, отмеченный многими наградами, в том числе и тремя орденами, все назначения на дол-

жности производил за деньги. Взятничество подчиненных рассматривалось им как естественная форма возмещения расходов за получение должности. Шеф жандармов Орлов в секретном донесении Николаю I отмечал, что в палате со всех просителей берут деньги, окружные начальники избирают крестьян через голов, старшин и писарей, а лесничие из денег, получаемых за лес, записывают в книги не более половины. Одни взяточники действовали открыто и нагло, другие были более изворотливы и изобретательны, но крестьянам от этого было не легче. В 1852 г. ревизор Брилевич переслал Киселеву жалобу вятского крестьянина Нелюдимова: “Такого грабежа и мошенничества в рекрутских присутствиях Вятской губернии, какое ныне существует, не бывало и уму непостижимо”. Бюрократическая волокита в решении дел с увеличением числа инстанций и чиновников достигла неимоверных размеров¹⁹².

Все же, отмечая неизбежность в условиях России вопиющих злоупотреблений бюрократической машины, нельзя не признать определенные достижения патерналистско-попечительской линии киселевского ведомства. Борьба с малоземельем за счет внутренних резервов Вятской губернии не дала ощутимых результатов, и в 1852 г. Министерство государственных имуществ отказалось от безусловного причисления губернии к числу многоземельных. Район переселения для вятских крестьян была объявлена Енисейская губерния. Пособы, выдаваемые переселенцам, были весьма незначительными. С 1852 г. по 1859 г. переселились 1 029 семейств в составе 6 930 человек. Земли переселенцев распределялись между сохранившимися хозяйствами¹⁹³. Однако основным способом расширения крестьянских наделов оставались переселения внутри губернии. Еще в 1849 г. отмечалось, что Вятская губерния принадлежит к числу многоземельных и не может допускать переселения в другие губернии. В 1839–1849 гг. преимущественно в “удмуртские” уезды переселились 5 590 семейств¹⁹⁴.

Мероприятия по совершенствованию агротехники коснулись незначительной прослойки хозяйств, но тем не менее не оказались совершенно бесследными для общего уровня развития сельского хозяйства. На крестьянских полях, как уже отмечалось, появились новые культуры, в том числе картофель, внедрение которого в губернии прошло отнюдь не безболезненно. Пытливая крестьянская мысль искала и находила новые способы удобрения полей, внедряла кое-где многополье, усовершенствовала традиционные земледельческие орудия и изобретала новые. И сельскохозяйственные выставки, и образцовые хозяйства, и практика обучения молодых земледельцев на учебных фермах при всей их незначительности в масштабах всего крестьянского населения губернии были шагом к прогрессу. То же самое можно сказать о школах, открывавшихся в селениях государственных крестьян, и о лечебницах и ветеринарных пунктах. Это были инициативы принципиального значения, хотя скудость материальных средств и качество оказываемых услуг нередко сводили их на нет.

Реформа стала заметным явлением не только в жизни государственной деревни, но и оставила определенный след в историческом развитии страны. Однако попытка сохранить систему феодальной эксплуатации и облагодетельствовать крестьян патерналистской опекой правящего сословия вызвала массовое сопротивление. Создание громоздкого и дорогостоящего чиновничьего аппарата, мелочное вмешательство в хозяйственную жизнь, чудовищные поборы и насилие чиновников и представителей мирского "самоуправления" вызвали активные выступления крестьян против новой системы управления. В неудаче своего замысла Киселев мог убедиться и на материалах многочисленных ревизий, охвативших 47 губерний, и в ходе личной поездки по губерниям, в которых концентрировались государственные крестьяне, в том числе и по Вятской¹⁹⁵

Этноконфессиональная политика

В первой половине XIX в. правительственная политика по отношению к инородцам Приуралья и Поволжья, как отмечает в своей монографии швейцарский историк А. Капеллер, вернулась в прежние рамки толерантности¹⁹⁶. В податном и административном плане в отношении к удмуртам, бесермянам, марийцам не было никаких различий по сравнению с русскими крестьянами. Озабоченное медленным ростом численности податных душ правительство Александра I издало указ от 15 мая 1803 г., предписывающий "всех вотяков, в Вятской губернии обитающих, записывать в ревизские сказки по мере того, как они будут являться, не подвергая за сие штрафа"¹⁹⁷. Другое дело, что чиновно-бюрократический аппарат в полную меру использовал в своих корыстных интересах особенности этнического характера и менталитета этих народов, плохое знание ими законодательства. Очень яркие свидетельства об этой стороне деятельности оставил А. И. Герцен, находившийся в вятской ссылке в 1835–1837 гг. Особое рвение, по его впечатлениям, проявляли судебные, полицейские чиновники, а также межевое ведомство, хотя стремились в злоупотреблениях не отставать и другие представители бюрократии. "Чиновничество раскинулось беспрепятственно, без оглядки ...даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится делом каждого", – заключает он, отмечая, что наиболее беззастенчиво ведут себя чиновники в отношении нерусских крестьян: "Настоящий клад для земской полиции – это вотяки, мордва, чувашки... Исправники дают двойной откуп губернаторам за назначение в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками"¹⁹⁸.

Особенности политики по отношению к нерусским народам, как и в XVIII в., более четко выражались в конфессиональной политике. Православная церковь не оставля-

Александр I, император

ла надежды сделать народы Поволжья, в том числе и удмуртов, правочерными христианами. Однако в борьбе с язычеством она не рассчитывала только на свой авторитет и силу проповеди. Церковные деятели, несмотря на то что с 1830 г. в Вятской губернии действовала православная миссия и в каждый уезд с нерусским населением были назначены особые миссионеры, основные надежды на содействие в дальнейшем распространении христианства и укреплении ранее крещенных в христианских убеждениях по укоренившейся привычке возлагали на светскую власть. В 1835 г. вятский епископ Иоанникий и вятский губернатор обратились в Комитет министров с просьбой издать особое распоряжение об избрании волостными головами в удмуртских волостях непременно русских людей. Мотивировка просьбы была достаточно показательной: волостные головы вместе с земской полицией и чиновниками должны были осуществлять неослабный надзор за удмуртами в целях скорейшего искоренения язычества. Вышестоящая инстанция не нашла возможным исполнить эту просьбу: "Определение в волости, населенные вотяками, волостных голов из посторонних казенных поселен было бы несогласно с узаконениями"¹⁹⁹.

В 1837 г. уже следующий вятский епископ Неофит предложил привлечь полицию к уничтожению всех существующих языческих мольбищ и к преследованию язычников за устройство новых мольбищ и совершение языческих обрядов. Некоторые священнослужители проявляли особую активность и воинственность в претворении в жизнь замыслов Неофита. Так, священник Иосиф Стефанов в течение лета 1838 г. в Глазовском уезде "уничтожил две куалы и сжег 11 воршудов, чтимых под именем Дурга. В деревне Поскотин истребил капище Идна-батыра... Так же поступлено с капищем идола Губера, для чествования которого делались ежегодные сборы денег" В приходе с. Святогорского в июле 1840 г. Стефанов уничтожил "два молитвенных чума и 5 воршудов". Он не только жег культовые сооружения, но и составлял списки религиозных деятелей, подлежащих выселению в Сибирь²⁰⁰. Святейший Синод обратился к министру внутренних дел графу Блудову, который выразил сомнение в возможности привлечения полиции к претворению указанных в просьбе Неофита мер из опасений, что "они могут при этом показаться для некрещенных вотяков гонением и дать повод к ропоту, а может быть, даже к самим между ними волнениям" Блудов представил эти обстоятельства на высочайшее императорское рассмотрение. Резолюция Николая I рекомендовала "в подобных обстоятельствах руководствоваться объявленным уже высочайшим повелением, чтобы не преследовать сих людей за невежество, но местному духовенству стараться заменять таковые обряды установленными Православной Церковью молебствиями". В 1836–1837 гг. Синод и Министерство внутренних дел неоднократно обращались непосредственно к Николаю I по поводу конкретных случаев языческих молений, в частности, в Чутырском и Шарканском приходах. Сам факт этих обращений свидетельствует о том, насколько большое значение придавалось борьбе с языческими предубеждениями удмуртов. Однако резолюции императора

на этих обращениях продолжали оставаться достаточно мягкими: "Ограничиться только духовным увещанием и не тревожить народ исследованиями о сих обрядах" В высочайшем повелении от 19 мая 1837 г., касавшемся всех новокрещеных инородцев, предписывалось изъять из ведения местных органов светской власти все дела о свершении языческих обрядов и передать их непосредственно в ведение министра внутренних дел.

Наконец, в 1846 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселев секретно представил обер-прокурору Синода программу мер по борьбе с язычеством удмуртов, предполагавшую более или менее цивилизованные формы в рамках законности, исключавшую наиболее грубые меры полицейского произвола. Киселев предлагал уничтожать воршуды только у новокрещеных, имея в виду, что ликвидация домашних молелен представляет опасность больших злоупотреблений и крайних притеснений для народа. Предлагалось также не насильничать и не высылать представителей языческого культа в отдаленные места, в то же время запрещалось выбирать их из числа новокрещен, собирать какие-либо деньги на их содержание без особого решения мира и утверждения этого решения палатой государственных имуществ и т. д.

Эта программа 22 марта 1846 г. получила полное одобрение царя²⁰¹

Новый правительственный курс, оставлявший в арсенале местных органов власти и церкви только меры убеждения, не совсем устраивал духовенство и бюрократию. В ответ на толерантность высших эшелонов власти местная бюрократия стала исподволь доказывать, что коснеющие в язычестве удмурты гораздо опаснее, чем представляется на первый взгляд, что за стенами языческих капищ происходят страшные вещи, не совместимые с человеческим образом жизни. В итоге в 1848–1854 гг. в Малмыжском уезде были сфабрикованы и рассмотрены два дела о человеческих жер-

твоприношениях, ставшие прологом скандально знаменитого Мултанского дела. Оба они закончились оправданием обвиняемых: несмотря на весьма тщательное расследование, доказательств вины выявить не удалось, тем не менее прецедент был создан²⁰². Свое логическое завершение он получил в конце XIX в.

Самым тесным образом с конфессиональной политикой был связан вопрос о кумышке – алкогольном напитке, сопровождавшем языческие обряды и другие традиционные празднества удмуртов. Так же, как проблемой искоренения язычества, "кумышечным вопросом" в первой половине XIX в. неоднократно занимались высшие органы государства и сам император. Александр I удмуртам Вятской губернии 8 февраля 1802 г. дал право выкуривать кумышку "только для домашнего обихода, чтобы количество оной отнюдь не превосходило домашних нужд" на условии выплаты дополнительных 25 коп. с каждой души мужского пола так называемых "прибыльных денег". Эта акция была предпринята после длительного обсуждения и вызвана тем, что ревизовавшие Вятскую губернию сенаторы Свиридов и Лопухин отнесли к числу важнейших злоупотреблений по отношению к удмуртским крестьянам принуждение закупать казенное вино.

Кумышка становится основным поводом для обращения высших эшелонов власти, таких как Министерство финансов и юстиции, затем и Министерство государственных имуществ, Комитет министров, Сенат и непосредственно император, к удмуртской проблеме. За 1800–1855 гг. ей было посвящено 18 указов, распоряжений и положений. В 1818 г. по ходатайству Министерства финансов последовал очередной запрет на производство домашнего вина, мотивируемый вредными последствиями его выкуривания для казенных откупов и нравственности народа. В 1827 г. "в уважение к привязанности (удмуртов. – М. Г.) к сему напитку и невозможности прекратить всегдашние покушения их к приуготов-

лению оногo" запрет был снят. Не обошлось и без курьезов. Давая разрешение, Сенат определил "воспретить вотякам делание кумышки из хлеба, внушив им, что в противном случае они подвергнутся всей строгости законов". Разрешение распространялось на приготовление кумышки... "из кислого молока" Министерство юстиции, подключившееся к "кумышечной проблеме", после расследований нашло, что "вотяки никогда не делали кумышку из молока" и что "кумышка есть обыкновенной доброты хлебное вино, высиживаемое вотяками от избытка остающегося у них за распределением хлеба"²⁰³. При подготовке новых условий на винные откупа 1828–1831 г. право на изготовление кумышки было определено как "ненарушимое", вместе с тем подчеркивалось, "чтобы под видом кумышки не было высиживаемо горячего хлебного вина". Последнее обстоятельство стало новым поводом для сомнений и разбирательств. В 1831 г. вопросом о кумышке вновь занимались и Сенат, и Комитет министров, и Министерство внутренних дел, и Министерство финансов. В 1845 г. в удмуртских уездах была введена особая административная должность корчемного заседателя. Указом Сената удмуртов, обвиняемых в корчемстве, предлагалось подвергать взысканиям на основании общих узаконений о корчемстве. Эти меры привели к новым огромным злоупотреблениям в удмуртских волостях и селениях. В 1846 г. министр финансов внес в Сенат и Комитет министров очередное ходатайство о запрете на изготовление кумышки. Комитет министров был не склонен соглашаться с доводами финансового ведомства, полагая, что, "когда курение кумышки будет запрещено, многие из вотяков будут корчемниками по сильной привязанности к ней, а преследование корчемщиков приведет к разорительным штрафам, к расстройству благосостояния народа". Исходя из этих соображений право на винокурение было оставлено, но обставлялось целым рядом ограничений и сопровождалось введением должности

особых "корчемных надзирателей"²⁰⁴. Их деятельность, отличавшаяся не меньшими злоупотреблениями, чем чиновников других ведомств, еще больше усугубила положение удмуртского крестьянства.

Таким образом, при всей, казалось бы, незначительности предмета кумышка наглядно аккумулировала всю противоречивость отношения власти к традициям и обычаям удмуртов. С одной стороны, правительственные органы выступают в качестве охранителей этих традиций и стремятся оградить их от огромных злоупотреблений винных откупщиков и акцизных служителей. С другой – бюрократический аппарат был заинтересован в соблюдении фискальных интересов казны и стремился возместить могущие возникнуть убытки для винных откупов за счет тех же удмуртов. Не забота о здоровье и нравственности народа, а узкопрагматический подход просматривается и в этом аспекте правительственной этноконфессиональной политики.

Формы социального протеста населения

Первая половина XIX в. не отличалась от предыдущих эпох особым благополучием. Формы социального протеста крестьянства по-прежнему были разнообразны: относительно пассивные его проявления сочетались с волнениями и открытыми бунтами, которые подавлялись военной силой.

Поводом для широкого брожения в удмуртских волостях, расположенных вблизи Камских заводов, стала реформа 1803 г., касавшаяся обеспечения этих предприятий рабочей силой, когда, по настоянию А. Ф. Дерябина, было принято решение о переводе в категорию непременных работников, наряду с населением русских общин, удмуртов Юськинской и Завьяловской волостей. Практическая реализация указа началась в 1807 г. В июле этого года приступили к переписи населения, предназначавшегося для перевода в непремен-

ные работники. Удмурты, хорошо представлявшие, что нововведение правительства обернется для них изнурительным трудом на околосовхозных работах, категорически отказывались называть свои имена. Как следует из донесения вятского вице-губернатора Стакельберга, толпа удмуртов численностью до 3 тыс. человек наговорила чиновникам много "грубых и азартных слов" и не соглашалась ни при каком условии идти на заводские работы, заявляя: "Пусть нам хоть головы рубят" В непокорные волости прибыл губернатор Болгарский. В с. Юськи его встретила толпа из 500 человек, настроенных достаточно агрессивно. Угроза немедленного применения оружия заставила крестьян подчиниться. Главари волнений Исай Афанасьев, братья Тимофей и Федор Дмитриевы были арестованы. Из 32 деревень по 2 удмурта были взяты на Ижевский завод в качестве заложников. Вслед за Болгарским в волнующиеся волости прибыл пермский генерал-губернатор Модерах. Однако 11 августа волнения вспыхнули с новой силой, на этот раз в Завьяловской волости, куда была введена казачья команда. Крестьян заставили коленопреклоненно просить о помиловании. Некоторые активные участники волнений были сосланы на отдаленные заводы, двое священников, по мнению заводууправления, оказывавшие вредное влияние на удмуртов, были удалены из своих приходов.

Волнения непримиримых работников повторились и в 1808 г. Карательный отряд казаков был размещен в удмуртских волостях на целых четыре месяца, и только к маю 1808 г. сопротивление крестьян-удмуртов введению заводской барщины было сломлено²⁰⁵.

Как и ранее, открытые выступления крестьян, наряду с переменой в их положении, вызывали попытки усиления податного гнета. В 1810 г. удельные крестьяне Галановского приказа под руководством крестьянина Юшкова активно протестовали против увеличения податей.

В 1812 г. многие государственные крестьяне губернии отказались выполнять указ

о разведении картофеля из-за того, что семенной материал, представленный администрацией, оказался мерзлым или отсутствовал вообще.

В 1828 г. вновь заволновались удельные крестьяне. На этот раз против нового повышения податей поднялся Качкинский приказ, расположенный в Елабужском уезде. Особенной активностью отличались женщины, заставлявшие своих мужей и сыновей не подчиняться удельной администрации. Некоторых чиновников избили, пришлось вызывать казачью команду, с помощью которой волнение было подавлено. Крестьянских вожakov сослали в Сибирь.

В 1831 г. волнения перекинулись на удельные приказы Сарапульского уезда. В 1834 г. вспыхнул так называемый картофельный бунт среди удельных крестьян Нечкинского приказа. Распоряжение департамента уделов об обязательном разведении картофеля на отведенных для этого участках, изъятых из крестьянских наделов, крестьяне восприняли как попытку распространения на них крепостнической барщины. Местная администрация угрозами и наказаниями заставляла выполнять приказ, однако за взятки и подношения освобождала некоторых от выполнения повинности. На базаре в с. Каракулине крестьянин Егор Вечтомов агитировал собравшихся: "Картошку сеять не надобно, а кто посеет, тот будет подписан под барина Перовского". Естественно, в ответ крестьяне заявляли: "Не хотим быть за барином, не хотим быть за уделами"

В 1841–1842 гг. картофельные бунты охватили и селения государственных крестьян. Волнениями были затронуты Нолинский, Слободской, Вятский и Глазовский уезды. Наиболее упорное сопротивление "картофельному террору", по выражению А. И. Герцена, оказали крестьяне Поломской волости Глазовского уезда. Здесь они уничтожали уже произведенные посадки картофеля и подчинились начальству лишь с прибытием военной команды. Однако летом 1842 г. вновь волновались крестьяне

Камит Усманов

других волостей Глазовского уезда, причем "своеволие и непослушание" проявили и русские, и удмурты²⁰⁶. Последние участвовали и в своеобразной форме борьбы с социальным неравенством и гнетом, которая в источниках называется "разбоем".

Так, в 1811–1814 гг. в

Сарапульском уезде действовал отряд Абдуллы Сафарова, состоявший из татар и удмуртов. Внезапно появившись в административных центрах и помещичьих имениях, отряд наводил на население страх. Заметный след в источниках и в народной памяти оставил отряд Камита Усманова – уроженца д. Баграш-Бигра Ильинской волости Сарапульского уезда. В 1822 г. за сопротивление властям при сборе податей К. Усманов был сослан в Сибирь. Сбежав из Сибири, Камит собрал отряд из 10–12 выходцев из удмуртских селений. Его ближайшими помощниками стали братья Курнабаевы, Вахит и Мурат, уроженцы д. Агрызи. В одном из столкновений с карателями К. Усманов ранил известного взяточника и притеснителя удмуртов исправника Шабалина. В конце 1824 г. исправнику удалось задержать К. Усманова при помощи его родного сына, предавшего отца. Память о нем надолго вошла в удмуртские предания и песни, в которых он рисуется как положительный герой, защитник своего народа.

Характерным явлением для удмуртской деревни были также волнения, связанные с правительственной политикой в вопросе о кумышке. Местная администрация и представители питейного откупа проводили постоянную слежку за удмуртами в целях уличения в нарушении установленных правил. При этом системой стали побои, издевательства и другие способы унижения человеческого достоинства. Удмурты, в целом отличаясь законопослушностью, в слу-

чаях, когда чаша терпения переполнялась, отвечали отпором. К ряду фактов подобного рода относится выступление в д. Сарайкино Елабужского уезда. Летом 1820 г. помощник надзирателя питейного сбора Репин и сопровождавшие его унтер-офицеры, нагрянувшие на Сарайкино, были избиты. Крестьяне уничтожили все документы об обнаруженной кумышке. На подавление бунта была направлена воинская команда под начальством дворянского заседателя Домрачева. Население подверглось жесточайшим истязаниям.

Гораздо реже, чем крестьяне, волновалось горнозаводское население. Так, в 1811 г. на Ижевском оружейном заводе рекруты, присланные на заводскую работу вместо солдатской службы в армии, выступили против тяжелейших условий труда. В 1824 г. непосильные работы, жестокие наказания за малейшие провинности, бесчисленные штрафы и вычеты спровоцировали выступление кадровых мастеровых Ижевского завода. Волнения, то утихая, то разгораясь с новой силой, продолжались вплоть до 1834 г. В это время стали более частыми побеги мастеровых, было предпринято несколько попыток поджечь завод. Новое волнение, вспыхнувшее на заводе в 1834 г., было подавлено. По личному указанию Николая I на заводе усилили военный гарнизон, был введен военный суд для мастеровых и низших служителей²⁰⁷.

Таким образом, крестьянство и другие категории зависимого населения вели борьбу за выживание и сохранение определенного пространства свободы в сложившейся системе отношений, используя все формы скрытого и дозволенного законом выражения протеста. В моменты отчаяния, следовавшие за резкими переломами в политике правительства, борьба выплескивалась в открытые волнения и восстания.

Удмуртия в Отечественной войне 1812 года

Наполеоновские войны в Европе, вступление России в антифранцузскую коалицию вызвали необходимость мобилизации внутренних резервов. В 1807 г. был опубликован манифест Александра I о создании временного ополчения. Вятская губерния вместе с Казанской, Костромской, Вологодской и Нижегородской губерниями вошла в состав последней 7-й области, на которые была разделена территория России. В Вятской губернии предполагалось собрать 18 000 ратников. Начальником вятской милиции был назначен генерал-майор Ивашев. Предполагалось собрать по одному ратнику с 57 д. м. п. Каждого ратника необходимо было снабдить 3 руб. денег и запасом провианта на три месяца. Кроме того, в губернии был начат сбор добровольных пожертвований. Население собрало 68 758 руб. деньгами, 24 605 пудов муки и множество оружия, в том числе 186 ружей, 11 пушек, 11 130 пик и т. д. Холста было отдано 2 431 аршин²⁰⁸. В числе крупных пожертвователей был и елабужский купец Ушков, внесший 2 000 руб. Однако вскоре был заключен мирный договор с Францией, и ополчение было распущено, а оружие собрано и передано на хранение в особый арсенал, учрежденный для этой цели в Вятке.

Когда в июне 1812 г. армия Наполеона вторглась в пределы России, правительство снова обратилось к народу с призывом о сборе ополченцев, денег и оружия. На этот раз мобилизации в состав ополчения подлежали дворяне, духовенство, чиновники, мещане и казенные крестьяне. Дворяне обязывались поставить на свой счет дворовых людей и крепостных крестьян, мещане и крестьяне подлежали мобилизации по приговорам мирских советов. Сбор на нужды ополчения составлял 20 руб. с ревизской души. С первых дней после объявления манифеста в уездные города стали являться десятки крестьян, заводских людей, мелких канцелярских служителей и

даже представителей духовенства с просьбами о зачислении их в состав ополчения. Так, мелкопоместный помещик Сарапульского уезда Демголец явился в ополчение с 5 дворовыми людьми, одетыми и вооруженными за его счет. Из мещан г. Сарапула в ополчение вступило 28 человек, из крестьян Елабужского уезда – 10 человек, среди них был удмурт с. Можги Сысой Иванов 17 лет. С просьбами о зачислении в состав ополчения обращались мастеравые и даже учащиеся заводских школ Ижевского и Воткинского заводов. Прошение о зачислении в состав ополчения подали служители горной команды Воткинского завода: унтер-офицер К. В. Зотов, рядовые А. И. Бельченко, И. П. Попов, И. К. Кондрашенко, М. Д. Розлевалов и барабанщик В. С. Злибнев.

Вятские ополченцы (733 пехотинца и 97 конных) влились в состав Казанского ополчения и были направлены в Польшу. Ополчение состояло из 3 250 человек, организованных в 5 батальонов пехоты, и две конные сотни в 760 человек. Осенью 1812 г. ополченцы участвовали в сражениях под Гамбургом, Дрезденом и Магдебургом.

В поддержку ополченцев население собрало около 138 тыс. руб. деньгами, более 24 тыс. пудов муки, много холста, обуви, одежды, серебряных и золотых вещей. Добровольные пожертвования поступали из всех городов. По Глазову наиболее крупные суммы (по 200 руб. каждый) жертвовали городской голова Иван Волков, купцы Яков Ляпунов, Иван Бородин, Григорий Чирков. Купец из татар д. Маскары Малмыжского уезда Абдул Утямышев внес 1 000 руб., сверх того, пожертвовал еще сумму в 10 939 руб. 19 коп., которую следовало взыскать с крестьян по тягбе²⁰⁹. Продолжался сбор оружия. Всего было собрано 1 566 винтовок, 1 344 турок, 1580 дробовиков, 123 пистолета, 5 197 пик, 279 сабель и т. д.

Свой посильный вклад в усиление боеспособности русской армии внес и молодой Ижевский оружейный завод. В 1812 г. ижевские оружейники дали армии 5 877 ружей, 860 тесаков для артиллерии, а в

1814 г. – более 10 тыс. ружей и около 5 тыс. тесаков.

В окружающих Ижевский завод удмуртских деревнях были организованы изготовление и закуп ложевых болванок. Норма для каждого постоянного работника составляла не менее 4–5 болванок в день²¹⁰. Таким образом, наряду с мастеровыми, скромный вклад в победу русского оружия над Наполеоном внесли и удмуртские крестьяне. Пока выявлены немногие имена героев Отечественной войны – наших земляков. Среди них крестьяне д. Полом Глазовского уезда Ф. А. Култышев, награжденный серебряной медалью и произведенный в чин вахмистра. Он принимал участие в шести наиболее крупных сражениях, а 19 марта 1814 г. въехал в Париж²¹¹. Еще одно имя стоит в особом ряду. Это имя дочери вятского дворянина А. В. Дурова, с 1789 г. занимавшего пост сарапульского городничего. Будучи командиром эскадрона в гусарском полку, он женился на дочери богатого помещика Н. И. Александровича. Родители не поощряли своеволие дочери, и единственной надеждой на прощение было рождение сына, но родилась дочь. Реакцией на рождение нежеланного ребенка была нелюбовь, сопровождавшая юную Надежду в родительском доме. Фактически ее воспитателем во время походной жизни был фланговый гусар, которому поручил ее отец. В Сарапуле Надежда перешла из рук гусара на попечение матери, которая тщетно пыталась приохотить ее к женским занятиям. Единственной отрадой дочери был конь Алкид, которого подарил ей отец. Нередко, убежав из дома, она скакала на нем по полям до рассвета. Когда подошло время, мать выдала ее замуж. В 1803 г. у нее родился сын. Однако семейная жизнь не складывалась, и, оставив сына, Надежда вернулась домой. Намерение порвать с семьей, а заодно и с оковами пола и стать воином крепло в ней с каждым днем. Вскоре представились благоприятные обстоятельства. Из Сарапула 15 сентября 1806 г. выступил казачий полк, и На-

дежда приняла решение присоединиться к нему на одной из стоянок. Надев шапку с красным верхом и казакин, она оставила женское платье на берегу Камы. «Итак, я на воле! Я свободна! Независима! Я взяла мне принадлежащее, мою свободу, свободу! Драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку! Я умела взять ее... И отныне до могилы она будет и уделом моим и наградою!» – напишет она об этом решающем моменте своей жизни впоследствии в «Записках...»²¹²

С казаками Н. Дурова прошла до Гродно, где завербовалась в Коннопольский уланский полк под именем рядового Соколова.

Коннопольцы 22 мая 1807 г. участвовали в бою под Гутшадтом. В этом сражении Н. Дурова совершила героический поступок: рискуя собой, спасла жизнь раненому поручику Финляндского драгунского полка Панину. Н. Дурова 29 и 30 мая принимала участие в боях под Гейльзбергом. В сражении у Фриндланда спасла жизнь еще одному раненому офицеру. И хотя шеф полка генерал Каховский сделал ей замечание, она не отказалась от своих высоких принципов: «Неустрасимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрасимостью неразлучно величие души, и при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам и низким страстям», – считала она.

Когда войска Наполеона перешли границу, Н. Дурова – корнет Александров – участвовала в боях под Миром, Романовом, Дашковой, в конной атаке под Смоленском, в Бородинском сражении. Она 26 августа была ранена в ногу, а 29 августа корнет Александров был произведен в поручики и после оставления Москвы стал ординарцем М. И. Кутузова.

В июне 1813 г. Литовский уланский полк, в котором теперь служил поручик Александров, выступил в заграничный поход, вторгся в Пруссию, прошел к Праге. Н. Дурова участвовала в блокаде крепостей Модлин, Гарбург, в переходе через Богемские горы. В отставку поручик Литовского уланского полка Александров был уволен 9 марта

1816 г. после десяти лет беспорочной службы. Н. Дуровой 24 апреля пришлось распрощаться с военной службой. И печаль, и восторг одновременно звучат в прощальном монологе, которым завершаются "Записки кавалерист-девицы": "Минувшее счастье! Слава! Опасности! Жизнь, кипящая деятельностью! Прощайте!"²¹³

Отечественная война оставила еще один своеобразный след в истории нашего края. Вятская губерния стала, наряду с другими губерниями, местом ссылки французских военнопленных. Французы начали появляться в городах губернии уже во второй половине 1812 г. В октябре 1813 г. военнопленных в губернии насчитывалось 1 954 человека, через несколько месяцев стало 5 851 человек. Содержание их ранжировалось в зависимости от чина: генералу в сутки полагалось 3 руб., полковнику и подполковнику – 1,5 руб., майору – 1 руб., обер-офицеру – 50 коп., а нижним чинам – всего 5 коп. Не удивительно, что нижние чины испытывали немалые затруднения, но тем не менее отказывались заниматься какой-либо деятельностью. Глазовский земский исправник доносил губернатору 18 января 1813 г.: "Всем оным пленным, так как они природные французы, объявив... повеление о приглашении их в нашу военную службу, они приняли сие с надменностью, отозвались презрительно, что российская служба по дисциплине и по числу жалования им не нравится и потому никто желания вступить в оную не изъясил" Тогда всем пленным, проживающим в губернии, было предложено искать заработка на предприятиях и у частных лиц. В Сарапуле они занимались земляными работами и строили каменную ограду вокруг Воскресенского собора и колокольни Покровской церкви²¹⁴

В 1813–1814 гг. рассматривался вопрос о размещении пленных французов в поселках Ижевского и Воткинского заводов. Воткинская заводская контора с разрешения департамента горных и соляных дел согласилась принять специалистов: плотников, кирпичников, кузнецов, каменщиков, слесарей,

токарей, гранильщиков, печников, штукатуров и т. д., всего 33 человека из числа французских военнопленных. Из Уржума на завод прибыли 4 каменщика, а пермские военнопленные отказались от предложенной работы. Каменщики начали работать, но уже к ноябрю 1814 г. заявили, что жалование 2 руб. в месяц "не награждает труды их и недостаточно на их содержание" В итоге пленные были высланы обратно в Уржум²¹⁵

Многие из пленных не смогли освоиться с суровыми климатическими условиями, и прах их был погребен в Вятской земле. К 1814 г. по Вятской губернии с момента прибытия по сентябрь 1814 г. умерли 623 человека, больных было 1 814 человек. Они "находились в слабом состоянии, хотя и годны к отправке домой"

После Венского конгресса все пленные были освобождены, однако в начале 1815 г. их задержали в Пскове и вновь возвратили в Вятскую губернию. Окончательное освобождение пленных последовало после сокрушительного поражения Наполеона под Ватерлоо в июне 1815 г.²¹⁶ Так завершилась эта страница истории края, связанная с потрясениями мирового масштаба.

Таким образом, первая половина XIX в. была переходной эпохой во многих отношениях. Впервые в истории земледелие – это древнейшее занятие населения края – подверглось столь заметному воздействию инноваций, часть которых привилась и стала превращаться в традицию, во многом благодаря патерналистской попечительской деятельности правительства, особенно Министерства государственных имуществ. Были сделаны заметные шаги в направлении становления индустриальной цивилизации: рост объемов промышленной продукции, завоевание европейских и восточных рынков страны. В ряде отраслей и предприятий (Камско-Воткинский завод, Кокшанский химический завод Ушковых) отмечены заметные шаги технической революции. Продолжалось вытеснение крепостного труда воле-

нонаемым. В крае укреплял свои позиции рынок, росли объемы вывоза сельскохозяйственной и животноводческой продукции, началось становление инфраструктуры внутреннего рынка. Однако позиции старого крепостнического уклада были еще сильны. Особенно они сказывались на положении крестьянства, задавленного все возрастающим налоговым прессом государства. Этноконфессиональная политика государства также отмечена противоречивостью: с одной стороны, наблюдается стремление подчинить контролю все стороны жизни, с другой — определенная толерантность к ее проявлениям, не совсем укладывающимся в рамки представлений церкви и бюрократии.

Ссылки на литературу и источники

- ¹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 1. С. 268, 362.
- ² Там же. С. 364.
- ³ Подсчитано по данным: РГИА, ф. 1290, оп. 5, д. 15, л. 38–37; ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 408–409.
- ⁴ ГАКО, ф. 582, оп. 52, д. 322, л. 17.
- ⁵ Романов Н. Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 779, 787, 791, 796.
- ⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 3–4, 30–30 об., 53–56, 87–87 об., 96–97, 102–102 об., 107–107 об., 297–297 об.; д. 11, л. 375–376.
- ⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 4–6.
- ⁸ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 89, л. 126.
- ⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 10–12, 17.
- ¹⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 10–12, 39.
- ¹¹ Романов Н. Н. Указ. соч. С. 814–816.
- ¹² РГИА, ф. 1281, оп. 1, д. 89, л. 126.
- ¹³ Плещевский Б. Г. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последнее предреформенное десятилетие // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск, 1981. С. 14.
- ¹⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 89, л. 14–14 об.
- ¹⁵ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 167 об.
- ¹⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 3–3 об., 53–53 об., 87–87 об., 107–107 об.
- ¹⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 17, л. 58–67; РГИА, ф. 383, оп. 1, д. 2364, л. 21–22.
- ¹⁸ Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. С. 50–51.
- ¹⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 17, л. 95 об. – 96.
- ²⁰ Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 17.
- ²¹ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 258 об. – 259.
- ²² Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 15.
- ²³ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 200 об. – 201.
- ²⁴ РГИА, ф. 398, оп. 1, д. 6505, л. 20–31.
- ²⁵ ГАКО, ф. 582, оп. 24, д. 295, л. 5 об.
- ²⁶ ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 659, л. 1–31.
- ²⁷ Обухова Г. И. Купеческое землевладение и землепользование на территории Глазовского уезда в начале XIX – 70 гг. XIX в. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб., Ижевск, 2002. С. 143.
- ²⁸ ГАКО, ф. 582, оп. 52, д. 322, л. 17.
- ²⁹ Подсчитано по: ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 17, л. 8–8 об.
- ³⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 103.
- ³¹ РГАДА, ф. 1306, оп. 2, ч. 1, д. 895, л. 50–50 об.
- ³² Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. Вып. 1. С. 124.
- ³³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 103.
- ³⁴ Гришкин М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. С. 42–43.
- ³⁵ ВГВ. 1858. № 24. С. 157; ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 20 об.
- ³⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 136 об.
- ³⁷ Плещевский Б. Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и в середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 134.
- ³⁸ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 17, л. 72 об. – 91.
- ³⁹ Архив РАН в СПб., ф. 94, оп. 1, д. 3, л. 1–25; д. 7, л. 277–314.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1, л. 18–18 об.
- ⁴¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 7, л. 98–99.
- ⁴² ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 426 об. – 427.
- ⁴³ Там же. Л. 191.
- ⁴⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 128–129.
- ⁴⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 111.
- ⁴⁶ РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 89, л. 20.
- ⁴⁷ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 40.
- ⁴⁸ Там же. Л. 93 об. – 94.
- ⁴⁹ ГАКО, ф. 582, оп. 166, д. 190, л. 5–6.
- ⁵⁰ ГАКО, ф. 582, оп. 16 об., д. 190, л. 8.
- ⁵¹ ГАКО, ф. 582, оп. 166, д. 190, л. 7 об. – 10 об.
- ⁵² Там же. Л. 28–32.
- ⁵³ ГАКО, ф. 582, оп. 166, д. 190, л. 96–96 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 129–132 об.
- ⁵⁵ РГИА, ф. 7398, оп. 6, д. 1248, л. 7 об.
- ⁵⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 26, л. 429–438.
- ⁵⁷ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 94.
- ⁵⁸ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 211 об., 429–438.
- ⁵⁹ РГИА, ф. 398, оп. 8, д. 2180, л. 42; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 13, л. 49.
- ⁶⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 142.

- ⁶¹ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 230.
- ⁶² Там же. Л. 226; Каталог предметов, выставленных на Казанской выставке сельских произведений 1852 г. Казань, 1852. С. 10.
- ⁶³ ВГВ. 1851. № 4. С. 36; Каталог предметов, выставленных на Казанской выставке 1852 г. С. 15.
- ⁶⁴ Барановский Н. С. Вятская очередная выставка сельских произведений в 1858 г. Вятка, 1859. С. 128.
- ⁶⁵ Барановский Н. С. Указ. соч. С. 120.
- ⁶⁶ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 107.
- ⁶⁷ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 123, 130.
- ⁶⁸ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 49 об., 99 об.; ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 130 об. – 131.
- ⁶⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.: Изд-во АН СССР 1958. Т. 2. С. 390.
- ⁷⁰ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 198 об., 222, 237–237 об.; РГИА, ф. 398, оп. 8, д. 2180, л. 40.
- ⁷¹ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 199, 234; ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 96.
- ⁷² ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 138 об.
- ⁷³ Там же. Л. 138 об.
- ⁷⁴ Барановский Н. С. Указ. соч. С. 64; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1859. С. 195.
- ⁷⁵ Барановский Н. С. Указ. соч. С. 120; Каталог предметов, представленных на Казанской выставке... С. 64, 122.
- ⁷⁶ РГИА, ф. 398, оп. 8, д. 2180, л. 40; ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 234.
- ⁷⁷ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 99 об.; ВГВ. 1856. № 10. С. 73.
- ⁷⁸ ПКВГ на 1857 г. Вятка, 1857. С. 209.
- ⁷⁹ Плющевский Б. Г. Указ. соч. С. 135.
- ⁸⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 3.
- ⁸¹ Там же. Л. 246 об. – 247.
- ⁸² РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 18а, л. 31 об. – 32.
- ⁸³ Там же. Д. 383, л. 18 об. – 19.
- ⁸⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 110–110 об.
- ⁸⁵ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 6; ф. 1263, оп. 1, д. 1269, л. 397 об.
- ⁸⁶ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 168 об.; ф. 1263, оп. 1, д. 1269, л. 366 об.
- ⁸⁷ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 11 об.; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 850.
- ⁸⁸ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 389.
- ⁸⁹ Подсчитано по: ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 4–5, 117.
- ⁹⁰ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 24.
- ⁹¹ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 208–208 об.
- ⁹² ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 264.
- ⁹³ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 57, л. 381.
- ⁹⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 38ж, л. 66.
- ⁹⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1045, л. 762 об.
- ⁹⁶ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 75; ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 240–241.
- ⁹⁷ Там же. Л. 24.
- ⁹⁸ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 117 об.
- ⁹⁹ Латышев Н. Н. Земледелие и ремесленная промышленность государственных крестьян Удмуртии в первой половине XIX века // Записки УдНИИ. Ижевск, 1951. Вып. 15. С. 117.
- ¹⁰⁰ Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 117.
- ¹⁰¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 94 об.
- ¹⁰² ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 140.
- ¹⁰³ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 40, л. 132.
- ¹⁰⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1, л. 100 об.
- ¹⁰⁵ ГАКО, ф. 712, оп. 15, д. 8, л. 47; ПКВГ на 1857 г. Вятка, 1857. С. 222.
- ¹⁰⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 144 об.
- ¹⁰⁷ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 108.
- ¹⁰⁸ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 8, л. 144 об. – 145 об.
- ¹⁰⁹ Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 109.
- ¹¹⁰ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1269, л. 398; ф. 398, оп. 8, д. 2180, л. 50; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 13, л. 58–57.
- ¹¹¹ ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 113; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 134–137, 146, 149, 363, 366.
- ¹¹² РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1269, л. 400.
- ¹¹³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 123 об., 149.
- ¹¹⁴ ПКВГ на 1857 г. Вятка, 1857. С. 221.
- ¹¹⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 139.
- ¹¹⁶ Плющевский Б. Г. Социальное и экономическое развитие Удмуртии в первой половине XIX века // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 41.
- ¹¹⁷ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 492, л. 94 об.
- ¹¹⁸ Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 392.
- ¹¹⁹ Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 47.
- ¹²⁰ Там же. С. 55.
- ¹²¹ Там же. С. 61.
- ¹²² Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 118.
- ¹²³ Александров А. А. Из истории Бемышевского завода // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 103–105.
- ¹²⁴ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 786, л. 146–146 об., 153–155, 160.
- ¹²⁵ Гришкин М. В. Частновладельческая промышленность // Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. С. 171.
- ¹²⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 2К, д. 380, л. 15 об. – 16; д. 305, л. 236 об.
- ¹²⁷ Гришкин М. В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. С. 166–172.
- ¹²⁸ Указ. соч. С. 173.
- ¹²⁹ Там же. С. 174.
- ¹³⁰ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1780. Т. 1. С. 220–221.
- ¹³¹ Там же. С. 243–244.
- ¹³² Архив РАН в СПб. ф. 94, оп. 1, д. 3, л. 13–19, 35–35 об.; д. 4, л. 238–240, 273–276.

- ¹³³ Миронов Б. Н. Русский город во второй половине XVIII – первой половине XIX века: Типологический анализ // История СССР. 1988. № 5. С. 150–168.
- ¹³⁴ Архив РАН в СПб., ф. 94, оп. 1, д. 3.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 4, 10–12.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ РГИА, ф. 1537, оп. 1, д. 5, л. 398 об. – 399, 422–422 об., 470–471, 474.
- ¹³⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 87, л. 60.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 90–91.
- ¹⁴¹ Там же. Д. 85, л. 46 об. – 47.
- ¹⁴² РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 89, л. 116–117.
- ¹⁴³ ГАКО, ф. 582, оп. 128з, д. 11, л. 26–28, 66, 197–199 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 11, л. 312.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 11, л. 130, 247.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 129, д. 4, л. 14, 32; оп. 14а, д. 77, л. 27 об. – 28.
- ¹⁴⁷ Там же. Оп. 836, д. 69, л. 5 об. – 6, 40, 41, 44 об. – 45.
- ¹⁴⁸ Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма. С. 180–181.
- ¹⁴⁹ Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939. С. 35–37; Гришкина М. В. Указ. соч. С. 177.
- ¹⁵⁰ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 48–49, 49 об. – 50 об.
- ¹⁵¹ ГАКО, ф. 582, оп. 2, д. 381, л. 16–23.
- ¹⁵² Там же. Оп. 5, д. 188, л. 109 об. – 110.
- ¹⁵³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1465, л. 466–467; оп. 7, д. 1777, л. 184; оп. 1, д. 769, л. 142.
- ¹⁵⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 121–122 об.
- ¹⁵⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 30, л. 17.
- ¹⁵⁶ ГАКО, ф. 575, оп. 13, д. 146, л. 1–80.
- ¹⁵⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 30 об.
- ¹⁵⁸ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 44, л. 125.
- ¹⁵⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 11, л. 360–362.
- ¹⁶⁰ Обухова Г. И. Купеческое землевладение и землепользование на территории Глазовского уезда в начале XIX – 70 гг. XIX в. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб.: Ижевск, 2002. № 1. С. 145–146.
- ¹⁶¹ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 154; ф. 1537, оп. 1, д. 5, л. 398 об.
- ¹⁶² РГВИА, ф. ВУА, д. 18687, л. 57.
- ¹⁶³ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 786, л. 145–146, 153–155, 160.
- ¹⁶⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 193.
- ¹⁶⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, т. 2, л. 57 об.
- ¹⁶⁶ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 169–170, 383.
- ¹⁶⁷ Там же. Оп. 11, д. 189, л. 29, оп. 5, д. 50, л. 180 об.
- ¹⁶⁸ ГАКО, ф. 582, оп. 2, д. 259, л. 1–46.
- ¹⁶⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 17, л. 10.
- ¹⁷⁰ ГАКО, ф. 582, оп. 5, д. 3, л. 3 об.; оп. 83, д. 8, л. 160.
- ¹⁷¹ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 11261, л. 21–23 об.
- ¹⁷² ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12, л. 66, 115.
- ¹⁷³ Гришкина М. В. Указ. соч. С. 190; Воткинские были. Ижевск, 1959. С. 29–30.
- ¹⁷⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 77, л. 22–75 об.
- ¹⁷⁵ Обухова Г. И. Опыт генеалогического изучения семей крестьян-скупщиков Глазовского уезда Вятской губернии // Аграрный рынок в его историческом развитии: XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. М., 1991. С. 149–151.
- ¹⁷⁶ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т. 1. С. 375–376; РГИА, ф. 1341, оп. 25, д. 2048, л. 221, 341 об. – 342.
- ¹⁷⁷ Плещеевский Б. Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 132.
- ¹⁷⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 337.
- ¹⁷⁹ Столетие Вятской губернии. Т. 2. С. 441.
- ¹⁸⁰ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 59, л. 64–65.
- ¹⁸¹ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 143.
- ¹⁸² Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 104–105.
- ¹⁸³ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 26, л. 124–127.
- ¹⁸⁴ Там же. Оп. 139, д. 25, л. 148–151.
- ¹⁸⁵ РГИА, ф. 1281, оп. 5, д. 50, л. 132; ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 40, л. 93.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 121.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 132, 142.
- ¹⁸⁸ Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 121.
- ¹⁹⁰ Плещеевский Б. Г. Указ. соч. С. 144–145; Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 521–572.
- ¹⁹¹ РГИА, ф. 383, оп. 2, д. 2279, л. 10 об. – 11, 50.
- ¹⁹² Дружинин Н. М. Указ. соч. М., 1958. Т. 2. С. 95–96, 167.
- ¹⁹³ Плещеевский Б. Г. Указ. соч. С. 151–152.
- ¹⁹⁴ ГАКО, ф. 582, оп. 14, д. 16, л. 262.
- ¹⁹⁵ Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. 2. С. 574–575.
- ¹⁹⁶ Калеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 107–108.
- ¹⁹⁷ Архив РАН в СПб., ф. 811, оп. 1, д. 61, л. 4.
- ¹⁹⁸ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1963. Ч. 1–5. С. 234–235.
- ¹⁹⁹ Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. С. 94.
- ²⁰⁰ Куликов К. И. Кому выгодна ксенофобия. Ижевск, 1996. С. 28.
- ²⁰¹ Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 67–68.
- ²⁰² Гришкина М. В. Мултанский пролог // Мултанское дело: история и современность. Ижевск, 2000. С. 20–27.
- ²⁰³ РГИА, ф. 571, оп. 8, д. 469, л. 88–91 об.
- ²⁰⁴ ПСЗ-2. Т. 21. № 20056.

²⁰⁵ Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 126–127.

²⁰⁶ Плющевский Б. Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 146–148.

²⁰⁷ Плющевский Б. Г. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 30–35; Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. С. 126–128.

²⁰⁸ Столетие Вятской губернии. Т. 1. С. 332–333, 346–348.

²⁰⁹ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 358; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 г. Вятка, 1912. С. 40–42.

²¹⁰ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 108.

²¹¹ Куликов К. И. Вятская земля в годы Отечественной войны: Рукопись. С. 4.

²¹² Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы / Вступительная статья Б. В. Смиренского. Казань. 1960. С. 4, 22.

²¹³ Там же. С. 8.

²¹⁴ Куликов К. И. С этой минуты Россия спасена! Ижевск, 2001. С. 72–74.

²¹⁵ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 332, л. 7–13.

²¹⁶ Куликов К. И. Указ. соч. С. 74–75.

Культура и быт населения Удмуртии в XVI – первой половине XIX века

Народные эмпирические знания

Широкой и неисчерпаемой базой для развития культуры в эпоху феодализма являлись народный опыт и народное творчество в его разнообразных жанрах.

На накопленные тысячелетиями эмпирические знания, обогащенные в процессе взаимодействия различных этносов, опиралась народная агрономия, выработав самые рациональные приемы ведения земледелия, огородничества и животноводства в природных условиях Приуралья, не отличавшихся особой благоприятностью.

Ощущая неразрывную связь с землей, которая дает все необходимое на протяжении земной жизни и принимает в свое лоно, когда заканчивается бранный путь в этом мире, крестьянин испокон веков относился к ней как к живой плоти, наделенной душой и магической силой. Соблюдались и бережно передавались из столетия в столетие традиционные обряды для повышения ее плодородия. Так, во время праздника первой борозды пашню "угощали" лепешками, пивом, кумышкой, в первую борозду вместе с зерном бросали яйца – символ плодородия¹. В удмуртских пословицах и поговорках отразилось неискоренимое убеждение в том, что земля нуждается в такой же заботе, любви и питании, как сам человек: "Музьемдэ ке яратйд, ческыд сйёд", "Луддэ

ке ѓд вѓя, нянед уз луы", "Ачид ке сиськид, музъемдэ но сюд", "Валпы – сѓзыы, музъемлы – кыед" ("Будешь землю любить – будешь хорошо есть", "Не умаслишь землю – останешься без хлеба", "Сам кормишься – корми и землю", "Лошади – овес, земле – навоз") и т. д.

Наиболее рациональным методом обработки земли стала комбинированная система земледелия, окончательно утвердившаяся к XVII в. и сочетавшая достоинства подсеки, трехполья и перелога. Именно она стала важнейшим условием обеспечения урожайности в лесной полосе при невысоком плодородии лесных подзолов и достаточно замедленной эволюции аграрной техники. Эмпирическим путем крестьяне искали и другие приемы повышения плодородия земли. Тысячелетние наблюдения и взаимодействие агрикультуры разных народов выработали наиболее целесообразный в условиях Удмуртии календарь земледельческих работ. Стабилизации урожайности способствовали двойная и тройная перепахка земли.

Крестьянин в условиях рискованного земледелия вел достаточно жесткий отбор культур, дабы свести к минимуму возможность остаться без хлеба. Предпочтение отдавалось ячменю, отличавшемуся наиболее коротким вегетационным периодом, и ржи, преимущественно озимой, хотя имелись и посевы ярицы (яровой ржи). Затем шли овес и горох. Пшеница, просо, полба занимали в структуре полеводства небольшой удельный вес. С XVIII в. пшеница возделывалась преимущественно для продажи. Непременными компонентами в наборе крестьянских культур были лен (на севере) и конопля (на юге), репа. Практиковался посев семян зерновых "соорицей", т. е. в смеси овса – ячменя, ярицы – ячменя, что тоже снижало риск неурожая. Четко учитывалось местоположение возделываемого участка: низина, пригорок, близость леса и т. д. – и в зависимости от него использовались соответствующие приемы агротехники.

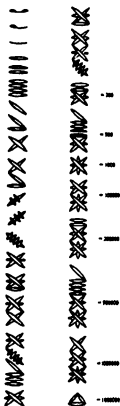
Стихий, в которой безошибочно ориентировалось население края, был лес. Охота и бортовое (лесное) пчеловодство – излюб-

ленные занятия удмуртов в свободное от земледелия время. На смену бортничеству постепенно приходило пасечное (первоначально колодное, затем и ульевое) пчеловодство.

В XVII – первой половине XIX в. крестьяне продолжали охотиться на мясных и пушных зверей: белок, зайцев, лисиц, волков, лосей, опеней, куниц, бобров, выдру, норку, медведей, росомаху. Из птиц отлавливали глухарей, рябчиков, куропаток, тетеревов, уток, гусей. Наиболее древними орудиями лова были луки и стрелы (пукыч, ньбл), капканы, корытообразные захлывающиеся ловушки (нальк), ловушки из бревен (кечкор), тенета (казь). Устраивались, кроме того, различные ловчие ямы, на птиц ставились силки из конского волоса, веток, прутьев, западни из кольев и мелких досок². Исторический процесс взаимодействия с другими народами также способствовал совершенствованию приемов охоты, рыболовства, пчеловодства. С приходом русских более разнообразным стал охотничий инвентарь, получило распространение ружье (пычал).

На наблюдениях за природным и хозяйственным циклами был основан удмуртский лунно-солнечный календарь, дошедший до наших дней. Счет времени велся по сезонам года: зиме, весне, лету, осени. Определяющими моментами весенне-летнего и осенне-зимнего периода были дни зимнего и летнего солнцестояния (уйвожо и инвожо).

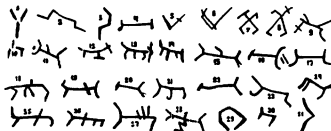
Началом года считался март – время весеннего пробуждения природы. Завершал год февраль. Месяц состоял из четырех недель (арня). Сутки исчислялись дневным и ночным временем, каждое из которых, в свою очередь, делилось на более короткие отрезки: сактон или жардон (восход солнца), чукна пал (время, близкое к рассвету), чукна (утро), лымшор (полдень), жытпал (время, близкое к вечеру), акшан (сумерки), жыт (вечер), уйшор (полночь), уйшор бере (время после полуночи). Деление на более мелкие единицы времени (час, минут, секунд) получило распространение позже

Система счета у удмуртов (по М. Буху)

и было связано с влиянием татар (сагат) и русских (час, минута, секунда).

Как и другие народы Поволжья, удмурты широко использовали приемы пиктографического письма, применяя тамги, бортовые знамена. Существовали знаки-пусы и для обозначения цифр. Народная метрология выработала оригинальные меры веса, объема и длины, приемы и способы измерения площади неправильных геометрических фигур. В основе наиболее древних систем измерения лежали части человеческого тела или простые его движения: шаг (вамыш), локоть (гырпум), пядь (вись), ладонь (кикур), маховая сажень (сыл, сул), косая сажень (сузьмон). Начиная с середины XVII в., в практику стали внедряться "казенные" меры: сажень (2 м 13 см), аршин (71,1 см), который делился на 4 четверти и 16 вершков. Удмурты за четверть аршина брали пядь, или 2 ладони. Самой крупной единицей измерения длины была верста, равная официальной путевой версте – 500 саженам, или 1,067 км. При земельных переделах употреблялась веревка, на которой узлами отмечались сажени и аршины. Изме-

Удмуртские тамги (пусы), употребляемые вместо имен и фамилий
Из книги П. Н. Луппова
"Христианство у еотьяков". СПб., 1899

рение поверхности производилось также переездами (40 x 40 сажений). Переезд имел в составе 40 веревок.

При вычислении площади участка, имеющего форму прямоугольного треугольника, произведение основания на высоту делилось на два. Площадь участка в форме параллелепипеда находили умножением основания на боковую сторону. Площадь круга исчислялась удвоением его диаметра². Мерой объема длительное время являлась казенная четверть – сосуд, вмещавший около 5–6 пудов зерна. В XVIII в. получила распространение четверть в 8 пудов. В зависимости от качества и степени влажности зерна она могла вмещать и 9 пудов. В быту зерно меряли липовой долбленной кадушкой цилиндрической формы (пудовкой), в которую входил 1 пуд зерна. На юге иногда использовался, чаще для измерения меда, батман, вмещавший около 4 пудов.

Распространенной мерой жидкости был штоф (штоп), заключающий в себе 2 бутылки; в бутылке содержалось 4 шкалика, 5 чарок. Для кумышки употреблялись чарки, вмещавшие около 3 столовых ложек жидкости.

Существовали разнообразные единицы измерения полученного урожая. В ходе жатвы снопы устанавливали в груды (10 снопов), бабки (10–14 снопов), суслоны (14–18 снопов). В сухую погоду их ставили в большие копны от 50–60 до 100–150 снопов. Не обмолоченный хлеб крестьяне считали возами и овинами. В один воз, как правило, умещалось 150–200 снопов⁴

Результатом коллективного народного опыта являлась традиционная медицина. Используя многовековые практические наблюдения, она выработала комплексную систему профилактики и лечения заболеваний. Сама дифференциация болезней свидетельствовала об определенном уровне накопленных знаний. Так, удмурты различали болезни сердца (сюлэм висен), спазмы (булык), заболевания верхних дыхательных путей (кызэм, ым потос), золотуху (чучы, тэсэ), лихорадку (кезег), ревматизм (кӧс висен), грипп (кеч кыль), грыжу (дэй), чесотку (лыдон), чирьи (пӧськы) и др. Среди инфекционных болезней выделяли эпидемические (радын висен кыль), тиф (сӧд кыль), оспу (чача пӧськы), дизентерию (вир сйтян), корь (пужы) и т. д. В то же время часть болезней объяснялась воздействием злых божеств и духов типа Кутысь, Чер, а также порчей, сглазом, влиянием злых сил через посредничество колдунов (ведин, веднась). Вера в магию и колдовство была характерна для всего крестьянского населения, в том числе и русского. О том, насколько сильным было действие слова, свидетельствует множество примеров. Так, Леонтий Князев, русский крестьянин починка Былинского Сарапульского уезда пришел "в смертную болезнь", оттого что жена соседа, подойдя к нему, произнесла: "Как твои дети погибли, так и ты погибнешь". Дети его незадолго до этого умерли⁵.

Широкое применение в народной медицине имели лечебные средства растительного происхождения, которые использовались в виде отваров, настоев, настоек, мазей, применялись, помимо этого, ингаляции, компрессы, ванны.

Лечебными считались почти все травы. Собранные в Иванов день (24 июня по старому стилю) обладали наибольшей целебной силой. Самыми полезными признавались зверобой и душица (от 77 болезней лечат).

Из огородных растений в качестве лекарственных использовались лук, чеснок, листья капусты, свеклы, редька, сок свек-

лы и моркови. Широко применялись конопля, лен, из семян которых изготавливали мази.

Ассортимент лечебных средств пополнялся продуктами животного происхождения: молоком, гусиным, утиным салом, нутряным овечьим салом, печенью, кровью домашних животных.

Много места в народной медицине занимали продукты пчеловодства: мед с самогоном или молоком пили от простуды, при язвах и поносе, растворяли в воде и закапывали в глаза. Прополис использовали при головных болях, туберкулезе и трахоме.

Кожные заболевания, ревматизм лечили минеральными веществами: глиной, золой, солью, квасцами, красками, мелом и т. д. Для лечения венерических болезней широко применяли пары ртути и даже сулему.

Удмуртское население использовало выявленные им лечебные факторы местных минеральных источников. Так, жители д. Кузбаевской Елабужского уезда минеральную воду и грязь использовали для лечения ревматизма, чесотки, лишая, для облегчения похмельного синдрома и т. д. По свидетельству уездного врача, они добивались неплохих результатов. В 1858 г. на источнике было организовано экспериментальное лечение 27 больных. В 1859 г. купец Н. И. Ушков устроил при деревне небольшую лечебницу с несколькими ваннами, в которые подавалась подогретая вода. Лечение получили 40 человек. Таким образом, формирующаяся в крае профессиональная медицина не пренебрегала народным опытом⁶.

Широчайшие возможности для лечения предоставляла баня. Прогревание в жарко натопленной бане с веником из березы, крапивы, чистотела, соевичника весеннего, натирание соком редьки, медом применялось при многих внутренних и наружных заболеваниях. В бане делали массаж, здесь принимали роды, лечили чахнувших детей, промывали раны, правили вывихи⁷.

В каждой деревне были свои врачи-ветели: массажисты, костоправы, бабки-повитухи, знахари и лекари более широкого про-

филя – ведуны, туно. По документам известны даже знахарки, содержавшие при своих домах небольшие стационары для лечения венерических заболеваний.

Наряду с признанными лекарями, в каждой семье женщине-матери были известны элементарные навыки лечения болезней, приемы магии и рациональные методы ухода за заболевшими.

Среди способов воздействия на больных, используемых народными целителями, было очень много иррациональных, связанных с колдовской магией. Это, прежде всего, были ритуальные действия, направленные на нейтрализацию сил, насылавших болезни. Духам людских болезней – Акташу, Вожо, Кутысю, Шайтану и особенно Кереметю – приносились разнообразные жертвы, начиная от куяськон – щепотки крупы, муки, яиц и блинов – до птиц и даже крупных животных. Место и характер жертвоприношения определялись знахарем.

Многие предметы и явления были окружены ореолом магической силы. Универсальным средством, очищающим от всех болезней, считался выль тыл (букв. новый огонь), добытый от трения друг о друга сухих кусков дерева. Лечебные свойства приписывались беленитам – так называемым пальцам водяного (вумурт чиньы) – камням цилиндрической формы. Действенными средствами лечебной и вредоносной магии считались змеиный жир и порошок из сушеной змеи. Воздействие магическими предметами сопровождалось наговорами, заговорами. Для охраны от болезней широко использовались обереги. Огромная вера народа в магию нередко обуславливала положительные результаты, оказывая на больного психотерапевтическое воздействие. В то же время медицинская практика врачей-целителей приносила население и немалый вред, ибо эмпирическая медицина не могла быть панацеей от всех бед, а лечение такими ядами, как ртуть и сулема, нередко заканчивалось смертельным исходом.

Исполнительница с гуслями (крезь)
Фото А. Ермолова

Народное творчество и искусство

Эстетические представления крестьянства нашли отражение в народном изобразительном искусстве: резьбе по дереву, плетении из лыка, корней, щепы, металлическом литье, многоцветном брачном ткачестве и вышивке.

В пространственно-предметном ансамбле крестьянской усадьбы особое место принадлежало летнему жилищу без отопления – кеносу. Нарядная галерея предвляла внутреннее пространство, особенностью которого было обильное использование декоративных занавесов и пологот, а также тканых полотенец, деливших это пространство на отдельные сферы – помещения брачных пар.

Традиции, сложившиеся в убранстве кеноса, позднее были перенесены, как считают исследователи, на убранство избы⁶

Национальный характер выражался в народной песне, сопровождавшей все важнейшие события в жизни общины, семьи и отдельной личности. Большое место в устно-поэтическом творчестве народа занимала инструментальная музыка, исполняемая на духовых, струнных и ударных инструментах: чипчиргане, узьы гумы, ым крезе, тутэктоне, такыртоне. Наиболее известным и почитаемым инструментом был крезь. Он

использовался как бытовой и культовый (бадзым крезь) инструмент, связанный с языческими обрядами. Крезь являлся атрибутом молений, и гуслир (крезьчи) входил в число лиц, участвовавших в ритуале выбора жрецов, хранителя святилища и других служителей культа. Под аккомпанемент гуслей исполнялись сакральные пляски, в родовых святилищах – моленные напевы. Обряды сопровождался, кроме того, звучанием ударных инструментов, таких как бубен и тангыра. Последний сооружался в лесу и служил одновременно и сигнальным средством связи между селениями. Необходимым элементом свадебного обряда являлись колокольчики (чингыли)⁹. Широко бытовали и заимствованные у русских и татар быз, кубыз, орган (гармонь), гитара, балалайка, мандолина, варган (скрипка). Народные увеселения и некоторые языческие обряды сопровождались оригинальными танцами, в том числе и сюжетными.

Этические идеалы и мироощущение народа воплощались в разнообразных жанрах устного народного творчества – мифах, легендах, сказках, пословицах, поговорках и загадках. Этапы истории, представления о социальной справедливости, народных вождей и героях-батырах, о взаимоотношениях с другими этносами получили своеобразие отражение в исторических преданиях, в эпических сказаниях, объединенных в циклы: чепецкий, кильмезский, валинский и др. Герои этих сказаний: Донды, Идна, Зуй, Гомег, Эштерек, Янтамыр, Ядыгар, Тутый, Мардан – наделены сказочной мощью.

Язычество и христианство

Языческие верования представляли сложившуюся в ходе тесного межэтнического взаимодействия народов Поволжья и Приуралья систему воззрений и представлений об устройстве мира и месте человека в нем.

Удмуртам, как и многим другим народам, была свойственна трихотомическая

модель мира. Она состояла из трех сфер: нижней (подземной, водной), средней (земной) и верхней (небесной). Все три мира объединяло мировое дерево, состоящее из трех частей: корней, ствола, ветвей, – которые соответственно располагались в трех сферах мироздания. Олицетворением верхнего мира были Шунды (Солнце), Толзъ (Луна). Небесной сферой, а впоследствии и всем мировым порядком ведало верховное божество – Инмар.

Средний мир, по представлениям удмуртов, был сотворен по повелению Инмара, как и сам человек, – главное действующее лицо этого мира. Нижний мир олицетворяла прежде всего вода. Река представлялась дорогой, по которой души покойников уходили в нижний подземный мир. Умерший (купэм мурт) становился человеком общепермского бога подземного царства Куля. Обитателем нижнего мира у многих финно-угорских народов и славян-язычников был бык, известный также и татарам Среднего Поволжья. Двойником водяного быка являлся конь. По поверьям удмуртов, бык (муш) или конь стояли на спине огромной рыбы, плавающей в подземном море. Земля держится на рогах быка. Когда бык двигает ими, происходят землетрясения. Как и у других народов, религиозно-мифологические представления удмуртов сочетались со знаниями, основанными на рациональных наблюдениях над устройством Вселенной. Звезды и созвездия служили ориентирами в пространстве. Среди них особо выделялись Большая Медведица (Жӧк Куко кизили), Плеяды (Шерпуж кизили), Орион (Тарази кизили), Венера (Югыт Луон кизили), Млечный Путь (Луд Заӝер кизили)¹⁰.

Язычество удмуртов, характеризующееся детально разработанной системой культовых мест, обрядов и ритуалов, располагало обширным пантеоном, включающим около 40 духов и божеств, которые были строго соподчинены друг другу. Низшие божества (духи) располагались вокруг дома и хозяйственных строений. Это были Коркамурт (Корка кузё) – домовый, Гидкуамурт (Гид кузё) –

усадебный человек, Мунчомурт (Мунчо кузё) – банный человек. Чуть выше в пантеоне располагались Нюлэсмурт (лесной человек), Лудмурт (полевик, луговик), Вумурт, Вупуш (водяной), Тёлпери (дух ветра) и др. Любопытно, что злые духи являлись заимствованными у тюрков: Албасты (женское существо гигантского роста), Акташ (злой дух), Акшан (злой дух сумерек), Кереметь (злой дух, сатана), Убир (злой дух, людоед), Шайтан (сатана, черт) и т. д. Большая группа духов олицетворяла разнообразные болезни: Кыль (злой дух), Мыж (болезнь, порча), Чер (злой дух эпидемических болезней) и т. д.

Венчал удмуртский пантеон божеств Инмар. Его выдвижение, по мнению специалистов, произошло под воздействием ислама и христианства. В верхнюю триаду входил также Кылдысин. Он имел много воплощений, но наиболее известными были Кылдысин, живущий на небе, и Му-Кылдысин, живущий под землей. Северные удмурты и бесермяне почитали, кроме того, Кузя – божество атмосферы¹¹. Посредниками между божествами и народом были служители культа. Главным жрецом был вёсья (тот, кто молился), выбираемый на 12 лет или исполнявший обязанности пожизненно, утись (тот, кто заклинает). Они имели помощников, обязанности которых регламентировались и специализировались на определенном действии. Жрецы общались с божествами во время жертвоприношений посредством курьсконов (заклинаний, обращений).

Религиозно-обрядовая жизнь осуществлялась в строго определенных местах. Наиболее значительными среди них были куала (ритуальная постройка) и луд (священная роща). Самые торжественные ритуалы и жертвоприношения посвящались Инмару, Кылдысину и Кузяю. Наряду с животными и птицами, вид и цвет которых тоже строго регламентировались в соответствии с божеством и духами, во всех ритуалах использовалась домашняя вода – кумышка.

Большое место в языческих верованиях занимали семейно-родовые культы, проявлявшиеся в виде культа воршуда и в по-

хоронно-поминальных обрядах. Местом обитания воршуда считалась куала (куа). В семейной куале производилось до 70 молений в год. Все более или менее заметные события в жизни семьи отмечались здесь. Главными и обязательными были моления по поводу рождения детей, женитьбы сына или болезни члена семьи. Моления в большой (родовой) куале, собиравшие население целой округи (выла), происходили на много реже.

В основе культа предков была вера во всеислие души умершего. Детализированным был похоронный обряд. Обычно покойника сопровождали вещи, которые якобы могли пригодиться на том свете. При этом их ломали (выпускали из них душу). В своей жизни удмурты ничего не предпринимали, не советуясь с умершими сородичами. Большое место в обрядовой жизни занимали поминки, родовые и семейные.

Аграрные культы были нацелены на обслуживание основного занятия удмуртов –

Тёлпери
Художник В. Бельх

земледелия. Ученые насчитывают около 10 больших и малых обрядов, относящихся к земледельческой религии. Самым ярким из них был праздник сохи, известный всем народам Поволжья и называвшийся у удмуртов акашка или геры поттон (геры шыд). Он предшествовал началу полевых работ и продолжался 2–3 дня.

Язычество удмуртов в процессе взаимодействия с мировыми религиями – исламом и христианством – трансформировалось незначительно, пополнив пантеон в основном божествами, олицетворяющими зло.

Южные удмурты испытали более сильное влияние ислама, результатом чего был уход целых удмуртских деревень "в татары", забвение ими удмуртского языка и языческих верований. Воздействие мусульманства ощущалось, начиная с X–XIII вв., а христианство стало проникать к удмуртам значительно позже, после присоединения обеих групп удмуртов к Русскому государству. Возможно, имели место и более ранние случаи принятия христианской веры, связанные с проникновением на Вятку русского населения в конце XII–XIII в. Однако первый зафиксированный письменными источниками факт крещения в христианскую веру относится к 1557 г., когда 17 удмуртских семей Сырьянского стана Слободского уезда обратились к Ивану Грозному с изъяснением желания перейти в православие. Влияние на них шло, вероятно, не со стороны образованной в 1555 г. Казанской епархии, а со стороны Коми края, ставшего еще в XIV в. полем деятельности миссионера-просветителя Стефана Пермского, создавшего пермскую азбуку и сделавшего очень многое для распространения христианства и просвещения своего народа (Стефан по линии матери был коми). Очень важно подчеркнуть, что указом Ивана IV новокрещены получили на 3 года освобождение от всех податей и повинностей. Несмотря на это, пример сырьянских удмуртов не оказался заразителем.

Как и многие другие сферы жизни, христианизация нерусских народов получила

мощный толчок в эпоху Петра I. Правительство в 1720, 1721 и 1722 гг. издало указы об освобождении принявших христианство от податей и повинностей, от обязательной рекрутской службы на три года. На практике эти льготы дополнялись освобождением пожелавших креститься от уголовной ответственности за преступления, даже самые тяжчайшие, вплоть до убийства. Однако и эти очень ощутимые льготы давали малозаметные результаты до тех пор, пока в сентябре 1740 г. не последовал указ о переложении податей и повинностей, от которых освобождались новокрещены, на оставшихся "в языческом суевении". Размеры подушной подати некрещеных удмуртов вскоре возросли в 3 раза, и метод кнута оказался гораздо более действенным средством привития христианской веры.

Первой церковью, устроенной для новокрещен-удмуртов, была Еловская, освященная 14 июня 1741 г. Между 1741–1745 гг. были основаны еще три прихода: Дебесский, Уканский, Пургинский. К 60-м гг. XVIII в. в удмуртских селениях было открыто 25 приходов, часть новокрещен была приписана к уже существовавшим старорусским церквям.

Священникам новокрещенских приходов вменялось в обязанность "неленостно" обучать свою паству молитвам, "должностям и обычаям христианским". Однако многие священники не умели донести до новокрещен основы христианского вероучения и отказывались произносить проповеди. Духовенство, как правило, ограничивалось слежкой за тем, не склоняется ли паства к исполнению языческих обрядов. Нередко в вину новокрещеным вменялось не только несоблюдение постов, нехождение на богослужение и исповедь, неумение креститься, но даже ношение удмуртской одежды. За совершение языческих молений, которые были нередкими, следовали бичение плетями нещадно ("стегаля в четыре плети") и прочие не менее жестокие меры физического воздействия, не говоря об эпитимье, ссылке в монастырь для обучения молит-

вам, которые тоже использовались для наказания и исправления злостных язычников.

И хотя к концу XVIII в. (1795 г.) все удмурты Елабужского и Сарапульского уездов, 92 % удмуртов Малмыжского и 99 % Глазовского уездов были отнесены в число новокрещен, влияние христианства в XVIII – первой половине XIX в. не было ни достаточно глубоким, ни прочным. Новокрещенные сплошь и рядом демонстрировали склонность к языческим обрядам и поверьям, мечтали о возвращении к “прежнему идолоторскому заблуждению”, неоднократно выражали эту мечту в своих обращениях с депутациями к императрицам Елизавете и Екатерине II, к самозванцу Петру III – Е. И. Пугачеву. Особенно ярко неприятие результатов насильственного крещения они проявили во время восстания под предводительством Е. И. Пугачева. Возмущение поведением духовенства удмурты выражали в самой крайней форме: 19 членов причта церкви сел Алнашей, Завьялова, Водзимоны, Пуже-Учи и Воткинского завода были преданы смерти.

В конце XVIII – первой половине XIX в. центр тяжести в деятельности церкви и правительственных органов был перенесен с христианизации на борьбу с остатками язычества. Указ о веротерпимости от 17 июня 1773 г. касался всех вероисповеданий, кроме иудаизма и язычества. К проблемам борьбы с последним в первой половине XIX в. неоднократно обращались высшие эшелоны власти: Государственный Совет, Сенат, Кабинет министров, Министерство внутренних дел и лично император Николай I. Постепенно вырабатывалась более взвешенная политика компромиссов и толерантности. Так, в 1802 г. был снят запрет на изготовление ритуального напитка – кумыш, введенный в 1751 г., а с 19 мая 1837 г. все дела, касавшиеся язычества, изымались из ведения местных светских органов власти и передавались на рассмотрение министра внутренних дел. В 1838 г. Синод секретно распорядился “не преследовать за невежество”, т. е. за совершение языческих обрядов, а в 1846 г. министр государ-

ственных имуществ П. Д. Киселев предложил систему мер, направленных на вытеснение язычества без грубого произвола и насилия, в рамках закона. Она была одобрена Николаем I¹²

Другим направлением деятельности православной церкви и правительственных органов была борьба с расколом. Старообрядчество в нашем крае впервые проявилось в период восстания под предводительством Е. И. Пугачева. Возможно, местное население склонялось к “старой вере” под воздействием раскольников, как известно, сыгравших заметную роль в восстании Пугачева. Любопытно, что в отряде приписного крестьянина Воткинского завода Андрея Носкова был священник с. Касева Данил Иванов, который приводил население к присяге на верность императору Петру III и вел пропаганду за “старую веру”. В начале XIX в. влияние старообрядцев усилилось на севере края: в Карсвайском, Кулигинском, Святогорском приходах Глазовского уезда. Появились старообрядцы и на Воткинском, и на Ижевском заводах. Зачинателем старообрядческой секты поморского толка на Воткинском заводе стал тульский мастер Яков Гайдуров, прибывший сюда в 1801 г. По всей вероятности, влияние секты перекинулось и на Ижевский завод.

В первой трети XIX в. усиление старообрядчества стало предметом беспокойства столичных иерархов. Петербургский митрополит Серафим писал Вятскому архиепископу Иоаникию: “До сведения правительстве дошло, что в вверенной Вам епархии число раскольников умножается, особенно в Глазовском уезде”

По указанию Иоаникия Вятская духовная консистория попыталась определить численность старообрядцев. По собранным ею данным, в 1834 г. в губернии проживали 28 689 старообрядцев, в том числе 16 519 человек – на территории “удмуртских” уездов. К началу 60-х гг. их насчитывалось 46 020 человек, на территории Удмуртии – 28 231 человек, или 61 % общего числа, зафиксированного в Вятской губернии¹³

СОЧИНЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ къ ГРАММАТИКЪ ЧУВАШСКАГО ЯЗЫКА.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ
1775 года

Титульный лист первой грамматики
удмуртского языка

ков мира. П. С. Паллас во время своего путешествия составлял словарь непосредственно по реестру слов, предложенному императрицей. Его труд, состоявший из 273 понятий с переводом на 200 языков народов Европы и Азии, включил и удмуртский язык. Сбор слов происходил с помощью толмачей-переводчиков. Среди удмуртов это были Иван Марданов, Афанасий Саитов, Василий Саитов, Иван Кудяшев, Савелий Анисимов, Василий Васильев, Тарзим Зямаев – удмурты Слободского, Елабужского и Малмыжского уездов. Самым крупным из сохранившихся памятников удмуртской письменности XVIII в. стал словарь, составленный в 1785 г. священником с. Елова Захарием Кротовым¹⁵

В 1767 г. было записано первое четверостишие на удмуртском языке, составлен-

ное одним из учащихся Казанской новокрещенской школы по случаю посещения Казани Екатериной II. Второй поэтический текст, посвященный открытию Казанского наместничества, был создан учащимися Казанской духовной семинарии и произнесен на публичном мероприятии в 1781 г.

Завершением работы по созданию удмуртской письменности и одновременно осмысления закономерностей развития и функционирования удмуртского языка стало издание Академией наук первой грамматики, написанной под руководством Казанского архиепископа В. Г. Пуцек-Григоровича. Это событие знаменовало собой очень важный переворот в умонастроениях формирующейся русской интеллигенции, означавший признание за языками коренных народов Урало-Поволжья права на будущее. Примечательно предисловие, которым В. Г. Пуцек-Григорович предвещает изданные в 1769 г. "Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка". Подчеркивая необходимость знания языков народов Поволжья, совместно с которыми строится государство и общество, он писал: "Когда многие для разных причин желают знать языки не только ближних, но отдаленных, не только нынешних, но и прежде бывших народов, то кольми паче надлежит нам стараться довольно узнать языки тех народов, которые между нами обитают и составляют часть общества нашего. Не одно нас любопытство, но и польза к тому поощрять должна"

Подготовка трех грамматик народов Поволжья: чувашской, марийской и удмуртской, была вполне закономерным этапом творческого и жизненного пути В. Г. Пуцек-Григоровича – иеромонаха и митрополита Вениамина.

Примечательно, что почти одновременно и параллельно с Пуцек-Григоровичем работу по созданию грамматики удмуртского языка вел священник (предположительно с. Укан Вятской епархии) Михаил Могилин. Рукопись его грамматики не была издана по ее завершении, после сложных перипетий она оказалась в библиотеке академии наук и увидела свет лишь в 1998 г.

Архиепископ Вениамин
Из книги Е. Ф. Шумилова
"Христианство в Уд-
муртии". Ижевск, 2001

Пуцек – Григорович Вениамин Григорьевич окончил Киевскую духовную академию, преподаватели которой, как отмечают современные исследователи, стремились подготовить европейски образованных деятелей просвещения, способных решать сложные социально-политические задачи в условиях скла-

дывания национального самосознания и новых межнациональных отношений. Сразу после окончания академии в 1732 г. он был направлен в Казанскую епархию, где стал преподавателем духовной семинарии и непосредственно столкнулся с задачами миссионерской деятельности и учившимися – представителями коренных народов. В 1740 г. вскоре после принятия монашеского сана он – помощник управителя Новокрещенской конторы, в 1744 г. – ректор Казанской духовной семинарии и архимандрит Казанского Спасо-Преображенского монастыря. В 1746 г. Пуцек-Григорьевич был переведен в Петербург и после череды назначений вернулся в 1762 г. в Казань уже в сане архиепископа и начал энергично возрождать миссионерское дело. Несмотря на постоянную занятость, он исподволь продолжал работу по изучению "инородческих" языков, с тем чтобы создать для них алфавит и грамматику. Труд по созданию грамматики удмуртского языка был завершен к 1770 г. В журнале академической комиссии за этот год содержится распоряжение о напечатании в 300 экземплярах грамматик удмуртского и марийского языка. Однако рукопись увидела свет лишь в 1775 г. Драматические события восстания Пугачева и следствие, в которое оказался вовлеченным и преосвященный Вениамин, были тому причиной¹⁶.

в серии "Лингвистическое наследие", издаваемой отделом языка УИИЯЛ УрО РАН. Читатель имеет возможность убедиться, какими гуманными соображениями и лучезарными надеждами руководствовался М. Могилин, предпринимая свой многослож-

ный труд, скромно обозначенный "Краткой отяцкия грамматики опыт" "Не сомневаюсь, чтоб от разумных людей не был благосклонно принят в некотором порядке представляемый язык такого народа, который внутри общества нашего и государства обитает и издревле Российской державе верноподданный, по христианству благословенный, по простоте своей и трудолюбию благополучный и здравый, от хищничества, от лукавства, от гордости, от честолюбия отдаленный, достойный всякой любви и признания", – пишет он в предисловии¹⁷. В миссионерских целях была создана в конце XVIII в. еще одна грамматика удмуртского языка. Автор "Новой отяцкой грамматики" священник Михаил Мышкин подчеркивал, что он "потрудились с целью помочь научиться священникам языку отяцкому, дабы лучше и скорее они просветить язычников могли"¹⁸.

В первой половине XIX в., благодаря деятельности церкви, Библейского общества, правительственных органов и отдельных доброхотов, предпринимались попытки перевода на удмуртский язык основных книг православия. В 1806 г. в Берлине в книге И. Х. Аделунга был напечатан перевод на удмуртский язык текста молитвы "Отче наш". Как следует из примечания к публикации, текст этот был переслан в Берлин Ф. Аделунгом, племянником И. Х. Аделунга, работавшим в Петербурге, в археографической комиссии Н. П. Румянцева. Выполняя задание своего дяди по сбору лингвистических материалов по языкам народов России, он получил его "через екатеринбургского генерал-губернатора, для которого составил текст присягнувший переводчик"¹⁹.

Группа переводчиков подготовила к 1822 г. тексты Евангелия от Луки и Евангелия от Марка. В октябре 1823 г. епархиальные власти разрешили к печати на удмуртском языке Евангелие от Матфея, которое вышло в свет в декабре 1823 г. Переводчиками стали священники И. Анисимов и Г. Решетников. В 1828 г. был издан "Краткий катехизис" в переводе Г. Решетникова, священника с. Нылга-Жикья; в 1847 г. последовало из-

В. Н. Татищев

Татищев Василий Никитич (19.4.1686 г. – 15.7.1750 г.), государственный деятель, ученый. Окончил Инженерную и Артиллерийскую школу в Москве. Выполнял военно-дипломатические поручения Петра I в Пруссии, Речи Посполитой, Швеции. В 1720–

1722 и 1734–1737 гг. управлял казенными горными заводами Урала. В 1737–1739 гг. руководил Оренбургской комиссией. Содействовал активному заводскому строительству, улучшению путей сообщения и развитию просвещения на Урале. Основатель первых горных школ, куда принимались и дети нерусских народов. Автор работ по истории, географии, экономике и социологии России.

(1692–1696 гг.). В 1699 г. источники фиксируют С. Г. Сандырева уже среди дьяков московского Конюшенного приказа.

В удмуртских общинах в роли знатоков русского языка и делопроизводства длительное время подвизались каринские татары, использовавшие свое положение для своего обогащения и закабаления удмуртов. Надо полагать, что обстановка ожесточенной борьбы с этим монопольным положением каринских богатеев, наряду с экономической необходимостью налаживания разнообразных контактов с русским населением, в том числе и торговых, сыграла заметную роль в успехах удмуртов в овладении языком и грамотой. Любопытно, что во время сысков Сандырева – Челищева (1699–1704 гг.) крестьяне многих селений севера Удмуртии отказались от услуг толмачей "для того, что они русский язык знают и по-русски говорить умеют"²¹

Надо подчеркнуть, что представители прогрессивной русской общественности XVIII в., такие как И. Посошков, В. Татищев, В. Симонов ратовали за обучение народов Поволжья и Приуралья с использованием их родного языка.

Систематическая деятельность по организации школ для обучения христианизируемых народов Поволжья и Приуралья начинается после Указа от 26 февраля 1735 г. об открытии в Казани, Цивильске, Царевококшайске и Елабуге миссионерских новокрещенских школ. Попытки Синода организовать обучение новокрещенских детей, предпринимаемые до этого, не имели существенных последствий. Реализация проекта растянулась до 1749 г., когда были построены предполагаемые новокрещенские школы в Свияжске, Елабуге и в Казани. В 1750 г. был проведен набор учащихся. Всего было принято 20 удмуртских мальчиков. Уже в следующем году их число сократилось до 18. В 1751 г. здание Елабужской школы сгорело и более не восстанавливалось. С 1750 г. по 1774 г. в указанных школах обучались всего 29 удмуртов. Возможно, в продолжавшей функционировать до 1801 г. Захарие-Елиза-

вание Евангелий от Марка и Матфея "на глазовском и елабужском наречиях". В ряде храмов стали звучать отрывки из Библии на удмуртском языке²⁰. Впоследствии Евангелие от Матфея на сарapulьском наречии было транслитерировано на латиницу Ф. И. Видеманном и в 1863 г. издано в Лондоне.

Первые начатки грамотности были также связаны с церковью. По-видимому, в XVI–XVII вв. элементарная грамотность распространялась через посредство монахов, русских крестьян, наподобие крестьянина заградной слободки Верхочепецкого Воздвиженского монастыря Анфима Бушмакина, "грамоте умеющего и наречие их (удмуртов. – М. Г.) ведающего"

В XVII в. складывающаяся среди удмуртов грамотная прослойка была очень незначительной и использовалась в аппарате местного управления. Среди них можно отметить толмача при малмыжском воеводе И. С. Вотякова (1665–1673 гг.) и дьяка при вятском воеводе С. Г. Сандырева

ветинской школе в Казани тоже были отдельные удмурты, но каких-либо конкретных сведений о них до нас не дошло.

Преподавание в учебных заведениях велось на церковнославянском языке. Учебниками служили церковные книги (катехизис, псалтырь, часослов), дополняемые азбукой и букварем. Задача обучения сводилась к заучиванию текстов, чтобы проговаривать их "речевито и твердо"

Удмурты, не знавшие русского языка, с огромным трудом осваивали малопонятные церковнославянские книги: процесс заучивания часослова (сборник песнопений и молитв для ежедневных церковных служб в православной церкви) мог растянуться на несколько лет.

В целом курс обучения состоял из 9–11 лет. Из 19 учащихся-удмуртов, судьбу которых можно проследить по документам, окончили полный курс и были определены в церковники всего 5 человек, 3 человека бежали, 9 (почти 50 %) – умерли в процессе обучения, не выдержав крайне суровых условий. Судьба выпускников новокрещенских школ сложилась по-разному. К их числу относился Семен Иванов, один из руководителей большого пугачевского отряда, возглавленного Мясогутом Гумеровым и состоявшего из татарских крестьян. Здесь С. Иванов вел всю письменную документацию отряда. Другой выпускник Борис Иванов стал депутатом от новокрещенных удмуртов Казанской губернии в Уложенной комиссии 1767 г. Он дважды выступал на ее заседаниях, защищая интересы своих сородичей и высказываясь за особые суды для нерусских народов. Заботила его и свобода крестьянской торговли. Впоследствии Б. Иванов служил толмачом в Казанской губернской канцелярии²².

Гораздо более систематическим и результативным религиозное образование было среди татар. Уже первая ревизия (1722 г.) зафиксировала почти в каждом крупном селении Каринской татарской доли религиозных деятелей, занимающихся обучением детей. Так, в Большом Погосте жил "для обучения

детей грамоте" абыз (просвещенный, грамотный человек) Курбанай Уразаков, в д. Ильясоской – абыз Абдула Баметов, в д. Кестымской – мулла Абрамон Бегулов. Мальчики обучались татарскому письму и чтению, изучали Коран и приобретали навыки поведения правоверного мусульманина²³.

Система светского образования стала формироваться в нашем крае, как и по всей России, в последней четверти XVIII в., когда правительство Екатерины II стало создавать народные училища двух типов: четырехклассные главные народные училища с 5-летним сроком обучения в губернских городах и двухклассные малые народные училища – в уездных городах. Малые народные училища должны были готовить грамотных, умеющих хорошо писать и считать людей. В первом классе учились чтению и письму, первой части арифметики, рисованию. Во втором классе учащиеся штудировали книгу "О должностях гражданина и человека", изучали грамматику, тренировались в чистописании и рисовании.

Одним из первых народных училищ, открытых в Вятской губернии, стало Сарапульское, начавшее действовать 22 сентября 1790 г. На территории Удмуртии оно было единственной к тому времени светской школой, обслуживавшей все сословные группы населения: и крестьян, и дворян, и чиновников, и городских жителей.

В училище ежегодно обучались в среднем 30 человек, примерно половину из них составляли крестьянские дети, в том числе и удмурты, обучавшиеся на общих основаниях. Так, в 1808 г. их было 14. Лишь некоторые учащиеся проходили полный курс обучения. Например, в 1806 г. из 46 учащихся с аттестатами окончили курс лишь 4 мальчика. В целом результаты просветительской деятельности церкви и правительства в Удмуртии в XVIII в. оказались чрезвычайно незначительными. По данным Вятской губернской канцелярии, пытавшейся в 1806 г. выявить процент грамотных среди взрослого мужского населения, число умеющих читать и писать колебалось в разных уездах

от 0,12 до 1,3 % и при самых значительных допусках не превышало 2–3 %²⁴

Медленными темпами развивалось просвещение народа и в первой половине XIX в. Как полагали идеологи дворянства, "обучение всего народа принесло бы больше вреда, нежели пользы", а шеф жандармов Бенкендорф был даже убежден, что "не должно слишком торопиться с просвещением, чтобы народ не стал по крупу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул на ослабление их власти"

В 1804 г. правительство Александра I осуществило реформу системы образования. При претворении в жизнь Устава об учебных заведениях 1804 г. на территории Удмуртии, которая вошла в состав Казанского учебного округа, возглавленного Казанским университетом, предполагалось открыть 4 уездных и 4 приходских училища. Программа их характеризовалась преемственностью, т. е. после приходского училища можно было поступить в уездное училище, а после него – в гимназию. В отличие от гимназий, предназначавшихся для детей дворянства и чиновничьей бюрократии, уездные приходские училища были всеобщими. При приеме не было формальных ограничений и для нерусского населения, однако программа требовала хорошего знания русского языка. Приходские училища в отличие от уездных не финансировались из бюджета, поэтому их открытие затягивалось на десятилетия в ожидании благотворительных пожертвований.

Первым уездным училищем в Удмуртии и в Вятской губернии в целом стало Елабужское, открытое 25 июня 1809 г., благодаря елабужскому священнику Павлу Юрьеву, пожертвовавшему под него свой двухэтажный каменный дом и согласившемуся исполнять обязанности смотрителя.

Преобразование Сарапульского малого народного училища в уездное затянuloсь до 1817 г. из-за материальных затруднений. Приобретение нового дома дало возможность сразу открыть в Сарапуле и приходское, и уездное училища и обеспечить таким

образом преемственность двух первых ступеней школьного образования. В 1817 г. было открыто приходское училище в Глазове. Бедность городского общества была настолько вопиющей, что деньги на приобретение необходимого школьного оборудования разыскивались целый год и в конце концов на эти цели было использовано жалование учителя. Только в 1827 г., после того как глазовский купец Шилиев пожертвовал свой дом и оборудовал его всем необходимым, начало функционировать в Глазове и уездное училище.

Открытие уездного училища в Малмыже, снова благодаря пожертвованиям мещанина Ивана Журавлева, отдавшего под него свой дом, состоялось 19 декабря 1827 г. Таким образом, к 1827 г. в Удмуртии вместо 8 предполагаемых действовало 6 училищ. Численность учащихся в каждом из них не превышала 30–40 человек в год, удмурты и другие "инородцы" представлены были буквально единицами. Так, в Елабужском приходском училище дети инородцев составляли не более 1–1,5 %. В течение десяти лет (1827–1837) в нем учились 8 удмуртов, 3 татарина, 2 марийца, 1 башкир, и все они оставили учебное заведение, не получив аттестата.

К середине XIX в. тяга к грамотности со стороны удмуртов и других народов усилилась. Удмурты Елабужского уезда в своих мирских приговорах писали: "По доброй нашей воле желаем все мы детей племени нашего обучать российской грамоте и всему тому, что могло бы обогатить их познанием" Смотритель Сарапульского училища П. Кошкарёв подчеркивал, что некоторые из удмуртов, "незавирая на отдаление детей своих от семейств и немалые издержки, сопряженные с содержанием детей в городе, отдавали и отдают детей своих в училища"²⁵

Однако сеть сельских школ, более доступных для удмуртов и других коренных народов, стала складываться лишь после Указа об обучении детей государственных крестьян от 23 ноября 1842 г. По распоряжению Министерства государственных иму-

ществ все школы, имевшиеся в казенных селениях, следовало переоборудовать в приходские училища и разместить их таким образом, чтобы в каждой волости имелось учебное заведение. В результате к 1845 г. на территории Удмуртии действовало 40 сельских приходских училищ с контингентом учащихся в 1 107 крестьянских детей, около 70 % из них были удмуртами. С 1844 г. вследствие настоячивых просьб крестьян в училища стали допускаться девочки. К 1860 г. училища для девочек открылись в селах Юкаменском, Унинском, Уканском, Святицком, Порезском, Еловском, Зюринском, Люкском и Афанасьевском. Кроме сельских приходских школ, инородцы допускались в училища, открывшиеся в удельных селениях, а также в школы для непреходящих работников, действовавшие в Гольянах, Завьялове и Юськах.

Татары, как и в XVIII в., открывали школы в своих селениях, полагаясь лишь на поддержку крестьянских общин и состоятельных людей. Так, в д. Агрызи в 1831 г. работало 3 приходских училища, находившихся на содержании татарских купцов. В д. Иж-Бобье татарская школа содержалась общиной. Обучались в этих школах 94 мальчика, а преподавание вели "из татар профессор и ахун", а в одной – указной мулла. В Елабужском уезде татарские школы, располагавшиеся в домах мулл, действовали в 12 селениях. Под наблюдением духовенства в них учились 421 мальчик и 292 девочки²⁸.

К 50-м гг. XIX в. в Удмуртии работало 80 школ, открытых и контролируемых различными ведомствами. В них обучались 4 100 детей. Один учащийся приходился примерно на 4,5 тыс. жителей. Для коренного населения это соотношение было намного ниже. Необходимо подчеркнуть, что в изучаемый период после неудачной попытки организации особых новокрещенских школ для инородцев ни церкви, ни правительственные органы не возвращались к проблемам национальной школы с преподаванием предметов на родном языке учащихся, учитывающей их социально-психологические особенно-

сти. Дети коренных народов, за исключением татар, учились в русских школах, с немощными тяготами преодолевая незнание русского языка, пытаясь адаптироваться в иноязычной и нередко враждебной среде. Не удивительно, что они чаще всего покидали школы, не завершив процесса обучения. Тем не менее, в XVIII – первой половине XIX в. был накоплен опыт, хотя в значительной степени негативный, ученный и использованный во второй половине XIX столетия Н. И. Ильминским и его последователями.

Особую страницу в развитии народного образования в крае составили горные школы, являвшиеся в первой половине XIX в. зародышем профессионального образования. Практические шаги по организации школ на Камских заводах связаны с именем А. Ф. Дерябина. В 1806 г. были утверждены штаты главной и малой горнозаводских школ. В соответствии с ними в августе 1807 г. при Воткинском заводе была открыта малая горная школа, в которую было отобрано 32 ученика. В учителя были определены церковнослужители. Программа обучения ограничивалась привитием навыков чтения и письма, черчения и рисования, внушением представлений о Законе Божьем, о достоинствах гражданина и человека.

Программа главной горной школы, открытой при Ижевском заводе в 1807 г., была значительно шире: русский, немецкий, французский язык, алгебра, геометрия, тригонометрия, основы химии и металлургии, минералогии и горного искусства, горного права и делопроизводства. Одним словом, по замыслу создателей, главная горная школа должна была не только готовить к поступлению в одно из привилегированных учебных заведений страны – в Горный кадетский корпус, но и давать достаточно квалифицированных специалистов среднего звена для предприятия.

Между малой и главной горными школами осуществлялась преемственность: в декабре 1808 г. 10 мальчиков из Воткинской прибыли для обучения в Ижевской горной школе.

Однако главные горные школы с указанной программой вскоре (в 1809 г.) были объявлены несостоятельными, очевидно, при отсутствии подготовленных кадров преподавателей обеспечить столь фундаментальную подготовку оказалось невозможным. Вместо них при Горном кадетском корпусе в Петербурге учреждался пансион для 50 детей чиновников уральских заводов. Таким образом, социальная база подготовки квалифицированных заводских специалистов была резко ограничена.

В 1827 г. при Ижевском заводе была учреждена арсенальная школа для "оружейных детей", существовавшая до 1867 г. В нее принимали успешно окончивших начальные классы заводской школы детей мастеровых. За 4 года обучения учащиеся этой школы становились квалифицированными оружейниками и обслуживали не только Ижевский арсенал, но и распределялись по другим арсеналам страны. Наряду с арсенальной школой, по программе уездного училища работало особое училище для детей чиновников, которое было окончательно утверждено штатами завода от 19 декабря 1829 г. В 30-е гг. преподавание в ней вели протоиерей заводского собора Василевич (история и Закон Божий), священник З. Лятушевич (грамматика и география), пастор лютеранской церкви немец Карский (арифметика). Алгебра, геометрия, механика и статистика из-за отсутствия подготовленного преподавателя не изучались. Кроме того, с начала столетия действовала школа для детей мастеровых, в которой обучались 100 и более человек. Обе школы совмещались в одном здании купца Жерехова, приобретенном для них заводской конторой в 1810 г. Из-за неимоверной тесноты в 1853 г. школа для детей чиновников была переведена в здание денежной кладовой и чертежной заводского архитектора. В отмеченных школах при Ижевском заводе к середине XIX в. обучались свыше 400 детей.

В существовании Воткинской малой горной школы также наблюдались достаточно сложные перипетии. Весной 1808 г. школа

была закрыта из-за отсутствия помещения и необходимого оборудования. Временное помещение, выделенное в 1809 г., было настолько ветхим, что в 1816 г. учащихся распустили по домам, школу посещали лишь ученики музыкального отделения, освоившие "партесное нотное пение".

В 1821 г. было введено в строй новое здание школы, занятия в которой вели 10 священников и дьякон, рисование и черчение преподавали заводские архитекторы, имевшие академическое образование. Так, в 1808 г. эти предметы вел Я. Е. Дудин (брат знаменитого архитектора С. Е. Дудина), выпускник Академии художеств. Впоследствии рисование преподавали художники Чернявский и Винокуров, тоже окончившие это учебное заведение.

В школе было 3 отделения. Часть учащихся высшего отделения посещала, наряду с общеобразовательными предметами, класс нотного пения, специализируясь на исполнении церковной музыки, в том числе и сочинений известного композитора Д. С. Вортнянского. Ученики латинского класса под руководством заводского врача готовились к роли служителей заводского госпиталя: они учились выписывать рецепты, изучали состав сложных лекарств, переводили их названия с латинского на русский, помогали на аптечном огороде и в сборе дикорастущих лекарственных трав.

В 1841 г. на Воткинском заводе по инициативе вдовы коллежского регистратора Дарьи Степановой была открыта женская школа, впоследствии переведенная на бюджет завода. Число учащихся в ней не превышало 50 человек, с которыми занимались две учительницы. В программу четырехлетнего женского образования входили чистописание, чтение, знакомство с основами домоводства, рукоделия и садоводства.

К 1850 г. численность учащихся воткинских школ (вместе со школами для детей непременных работников в д. Перевозной и с. Июльском) превысила 400 человек. Преобладали среди них дети мастеровых, которые после завершения

обучения направлялись на заводские работы. Дети мелких чиновников, как правило, определялись на службу в заводскую канцелярию, чертежную, межевую. Дети высших чиновников выпускались "на попечение родителей" и стараниями последних и заводского руководства определялись в различные средние и высшие учебные заведения страны.

В 1848 г. на Воткинском заводе открылось окружное горное училище, комплектовавшееся за счет выпускников высшего отделения горной школы. С 1853 г. основное внимание в окружном училище стало уделяться преподаванию предметов, напрямую связанных с заводским производством, таких как столярное, слесарное, кузнечное и прочие "мастерства", а также практическим занятиям по распознаванию горных пород, заводских изделий. В этих целях к учащимся прикрепляли опытных мастеров. Таким образом, в условиях технического переворота в окружном училище на фоне общеобразовательных предметов все большее место стали занимать элементы профессиональной подготовки. Коснулась училища и военизация горного ведомства: для учащихся была установлена форма единого военного образца и введено преподавание элементов военного строя.

Часть выпускников горной школы для приобретения среднего технического образования ежегодно направлялись в Горную техническую школу в Санкт-Петербург, где с 1839 г. для уральских заводов выделялось 13 мест. Выпускники последней, так же как и выпускники Горного института, продемонстрировавшие хорошие успехи, затем проходили стажировку за рубежом: в Англии, Германии, Бельгии, Пруссии и Австрии.

Эти же способы профессиональной подготовки квалифицированных специалистов использовались и на Ижевском заводе. Так, в 1806 г. на чугуноплавильный завод англичанина Берда в Петербурге были отправлены 6 мальчиков, в 1813 г. – 4 мальчика, в 1822 г. семь из них вернулись на завод. В 1844 г. Ижевский завод получил возможность еже-

годно обучать в Москве 5–6 специалистов, в которых ощущалась острая нужда. В 1851 г. 4 детей оружейников были отправлены в Петербург для овладения столярным, ювелирным делом, искусством резьбы по дереву и художественным литьем металла. Обучались они преимущественно у иностранцев. Дети высших чиновников направлялись, как правило, в Горный кадетский корпус, в 1833 г. преобразованный в Горный институт. Выпускником Горного кадетского корпуса был сын глазовского городничего Илья Петрович Чайковский, ставший впоследствии главным начальником Камско-Воткинского завода. Сыновья последнего Николай и Петр тоже стали студентами Горного института, как и сыновья служившего на заводе доктора медицины С. Ф. Тучемского – Валериан и Александр.

Для выпускников горных школ, кроме того, выделялись места и в менее привилегированных учебных заведениях. Так, в 1818 г. по инициативе департамента горных и соляных дел были выделены два места в Академии художеств. Воспитанники Воткинской горной школы Яков Грахов и Василий Шалавин, которые были направлены для испытаний, не смогли показать достаточный уровень подготовки для обучения в классе архитектуры и скульптуры и были зачислены в музыканты Горного кадетского корпуса.

Выделялись места и в Медико-хирургической академии. В 1815 г. в нее поступил сын воткинского мастерового Лаврентий Морозов, успешно окончивший ее, несмотря на огромные материальные трудности. К сожалению, последующие попытки оказались менее удачными. В 1817 г. сюда была направлена группа из 5 мальчиков, с тем чтобы они овладели ветеринарным искусством. Однако, несмотря на усиленные занятия латинским языком и словесностью, ни один из них не смог продемонстрировать необходимые для обучения в академии знания.

Для подготовки кадров заводское руководство не пренебрегало и использованием иностранных специалистов на самих заводах. Для овладения тем или иным мастерством к ним прикреплялись выпускники гор-

ных школ. Так, в 1810 г. к скульптору Карлу Посту для приобретения навыков работы по камню и металлу были прикреплены дети мастеровых Василий Быстров и Иван Степанов. В 1816 г. для обучения резьбе по дереву к мастеру-резчику Алексею Канцывеву, прибывшему из Москвы, прикреплены нескольких воспитанников Воткинской горной школы. Ученика по распоряжению заводской конторы получил и выпускник Академии художеств Винокуров, исполнявший должность архитектора. С 1808 г. по 1811 г. 4 мальчика проходили обучение у переплетчика Экгольма и т. д.²⁷

Таким образом, заводские школы стали необходимой базой для формирования и пополнения кадров заводской интеллигенции со средним техническим и высшим образованием. Основной контингент специалистов среднего звена, благодаря этим школам, пополнялся за счет детей мелких чиновников и мастеровых.

Становление профессиональной медицины

Становление в крае профессиональной медицины было связано преимущественно с заводскими поселками. Несмотря на то, что согласно Учреждению об управлении губерниями в каждом уезде полагалось иметь по 1 доктору, 1 лекарю и несколько лекарских учеников, к 1797 г. в Вятской губернии было всего два лекаря и один аптекарь. В 1797 г. в Вятке была учреждена врачебная управа, в обязанности которой был вменен контроль за работой подчиненных ей уездных врачей, госпиталей, казенных и частных аптек. К 1813 г. были открыты больницы в Сарапуле, Елабуге и Глазове, влчавшие в первые десятилетия весьма жалкое существование.

Гораздо большее значение в развитии профессиональной медицинской помощи населению имели госпитали, открытые во второй половине XVIII в. при Ижевском и Воткинском заводах и содержавшиеся на их сред-

ства, которые дополнялись отчислениями из заработков из расчета 1,5 коп. с 1 руб.

Обратить особое внимание на развитие медицинской службы заставила чрезвычайная обстановка, сложившаяся на Ижевском заводе в период организации здесь оружейного производства. Эпидемии "горячек", туберкулеза, цинги, чесотки, высокая заболеваемость ревматизмом, эпилепсией и т. д. привели к огромной смертности населения. В сентябре 1806 г. в госпитале, размещенном в столярных мастерских и казенных помещениях, находились 600 тяжелобольных. Кроме того, 400 больных были переправлены в Воткинск, а 250 – размещены в окрестных удмуртских селениях. В 1807 г. смертность среди взрослого населения составила 10 %, в 1808 г. – 13 %, в 1809 г. – 13 %, в 1810 г. – 12 % и в последующие годы медленно пошла на снижение. За 3 года потери в заводских кадрах составили 1 837 человек. Эпидемиологической обстановкой на Ижевском заводе дважды занималась особая комиссия медицинского департамента Военного министерства.

Эти обстоятельства заставили форсировать строительство госпиталя, который вступил в строй в апреле 1808 г. Комплекс госпиталя состоял из четырех изолированных палат с отдельной кухней и двумя банями.

В 1809 г. специальное здание для госпиталя было введено в строй и на Воткинском заводе. В штате госпиталя имелся врач, лекарь, лекарские ученики и 25 служителей. Госпиталь был неплохо оборудован, обеспечен хирургическим, анатомическим, глазным инструментарием. Аптека регулярно снабжалась медикаментами, приобретаемыми в Казани, Москве, Нижнем Новгороде. Запасы их постоянно пополнялись и за счет местных лекарственных трав. Кроме того, имелся аптечный огород. Госпитальные библиотеки систематически пополнялись новинками отечественной и зарубежной медицинской литературы.

Большую роль в развитии медицинского обслуживания сыграл врач И. Т. Воскобойников, работавший на Воткинском заво-

С. Ф. Тучемский (в центре)

**Тучемский
Сильвестр
Федорович**
(1795–1868 гг.),
доктор меди-
цины и хирур-
гии, врач. Заведо-
вал с 1823 г.
Воткинским
заводским
госпиталем,
практикуя в
лечебных уч-
реждениях
Ижевского за-
вода и Вятки.

Занимался терапией, хирургией, глазами, болезнями, акушерством, гигиеной, оспопрививанием и медицинской статистикой. Являлся членом Ученого общества Камско-Воткинского завода, был удостоен двух орденов, бриллиантового перстня и золотой медали Вольного экономического общества за борьбу против оспы.

де с небольшим перерывом свыше 25 лет (с 1798 г. по 1825 г.). Его преемником стал С. Ф. Тучемский, выпускник Медико-хирургической академии, доктор медицины и хирургии. Авторитет этих врачей, особенно С. Ф. Тучемского, распространялся на всю губернию, пациентами последнего были многие высокопоставленные чиновники, в том числе М. Е. Салтыков-Щедрин и ссыльные поляки. При горной школе была создана школа лекарьских учеников, которая тоже сыграла важную роль в подготовке медицинских кадров среднего звена для нашего края.

Непосильный труд, плохие гигиенические условия на производстве и в быту вели к высокой заболеваемости и смертности населения. В годы эпидемий через госпиталь проходили до 3 тыс. человек в год, столько же больных получали помощь на дому. В отдельные годы смертность в заводских поселках превышала рождаемость. В довершение всего в 30–40-е гг. XIX в. материальная база заводских госпиталей почти перестала пополняться, ветшали здания, участились случаи эпидемических заболе-

ваний холерой, дизентерией, брюшным тифом. По подсчетам врача И. И. Андржеевского, эпидемии охватывали от 6 до 13,5 % работающего населения Ижевского завода. В 40–50-е гг. из 15 тыс. населения заводского поселка в сутки болели около 1,5 тыс. человек. Особенно пагубными были эпидемии для детей: в 1847 г. умерло 67 %, в 1850 г. – 58 %, в 1857 г. – 71 % детей в возрасте до 5 лет. Эти данные красноречиво свидетельствуют о бессилии заводской медицины перед неблагоприятной социальной обстановкой, царившей на заводах. О них чрезвычайно ярко писал в своей записке командированный на завод из Петербурга медик-хирург Сохраничев.

В уездах профессиональная медицина влачила еще более жалкое существование. Небольшие уездные больницы (в Сарапуле на 15, в Елабуге и Глазове – на 10, в Малмыже – на 30 коек) существовали на жалкие гроши, взыскиваемые с больных за их лечение, не получая никаких ассигнований из казны. Комиссии Вятской врачебной управы и медицинского департамента Министерства внутренних дел, как правило, констатировали, что больницы "не улавливают в себе ничего, требуемого законом от больницы гражданского ведомства"²⁸

Положение уездных врачей, должности которых замещали преимущественно выпускники Петербургской и Московской медико-хирургических академий, а также медицинских факультетов Московского, Казанского и Виленского университетов, тоже не отличалось ни материальным благополучием, ни высоким моральным удовлетворением от службы. Круг их обязанностей был весьма обширен. Кроме работы в уездной больнице, они обслуживали военные и арестантские лазареты, расположенные по Сибирскому тракту, занимались судебной медициной, совмещали еще и должности ветеринаров, работая не только по ликвидации очагов эпидемий, но и эпизоотий. Не удивительно, что некоторые врачи к своим непосредственным обязанностям относились весьма небрежно, хотя правил без

исключений не было. Некоторые из них оставили заметный след в общественной жизни края. Так, по инициативе сарапульского уездного врача Х. И. Чудновского, окончившего Московскую медико-хирургическую академию (в Сарапуле работал с 1831 г. по 1849 г.), в городе была открыта публичная библиотека. Занимался он и научной работой. Выпускник медицинского факультета Московского университета И. Г. Дмитриев, практиковавший в Малмыже, являлся активным членом-корреспондентом Вятского губернского статистического комитета, нередко публиковался в губернских ведомостях. Заслуженным авторитетом у населения пользовался елабужский уездный врач Ф. Торчинский – выпускник Виленского университета.

Однако даже самым лучшим, преданным своему делу врачам ничего не оставалось, как констатировать тяжелейшие условия жизни крестьянского населения и свирепствующие среди них эпидемии, противопоставить которым профессиональная медицина мало что могла. В 1830–1831, 1847–1848 гг. в крае, как и по всей России, распространилась эпидемия холеры. В 30-е гг. (с 1832 г. по 1839 г.) в удмуртских селениях свирепствовала "злая корча", вызванная обилием среди ржи семян спорыньи, ставшая причиной мучительной смерти большинства заболевших.

Заурядными болезнями крестьян, как констатировали уездные врачи, были горячки всех видов, перемежающиеся лихорадки, воспаления верхних дыхательных путей, дизентерия, заболевания глаз, венерические болезни. Тысячи детей умирали от ветряной и натуральной оспы, скарлатины, кори, дизентерии. Таким образом, медицинская служба, делавшая в Удмуртии первые шаги, не способна была оказать помощь даже тысячной доле страждущих. К тому же и сами крестьяне предпочитали обращаться к деревенским знахарям и ведунам, испытывая недоверие к казенной медицине и не имея средств на оплату лечения и приобретение медикаментов.

Развитие технической мысли и заводской технологии

Ижевский и Воткинский заводы были для своего времени типичными предприятиями металлургической промышленности, характерными для горнозаводского Урала. Ученые-путешественники И. И. Лепехин, Н. П. Рычков и П. С. Паллас, посетившие Ижевский завод в последней четверти XVIII в., констатировали во всем "образцовый порядок и аккуратность" Заслуга в этом прежде всего принадлежала устройству завода горному инженеру А. С. Москвину, руководившему до этого строительством крупнейших на Урале Серебрянского и Нижнетуринского предприятий.

Камские заводы сочетали металлургическое производство (разнообразный ассортимент сортового, полосового и модельного железа) с машиностроением (производством якорей, строительством судов и т. д.), с опытами по налаживанию инструментального производства. Многие новации были связаны с именем талантливого инженера и организатора горного дела А. Ф. Дерябина. По его инициативе на Ижевском заводе было открыто в 1807 г. оружейное производство и велся неустанный поиск приемов усовершенствования всего производства²⁹.

Первые опыты по изготовлению инструментальной стали были начаты на Воткинском заводе, куда в 1801 г. был приглашен тульский мастер Я. Гайдуров, который был рекомендован в качестве человека, умеющего делать литую и цементную сталь. Однако опыты не дали желаемого результата даже после подключения к ним приехавшего из Германии техника Грасгофа. Дальнейшее продвижение идеи было поручено С. И. Бадаеву, до этого проводившему довольно успешные эксперименты на Петербургском заводе хирургических инструментов. В 1810 г. С. И. Бадаев приехал на Воткинский завод. Уже в 1812 г. в Петербург ушла первая опытная партия стали, а через год С. И. Бадаев приступил к ее производ-

ству в заводских условиях. С этого времени стали, получившей название "бадаевской", в Воткинске изготовлялось до 2 тыс. пудов ежегодно. Она шла на изготовление изделий, требующих особой прочности и чистоты. Дальнейшие опыты С. И. Бадаева были связаны с соединением стали с платиной, что повышало ее вязкость³⁰

Постепенно Воткинский завод становился заводом-экспериментатором, заводом-школой мастерства. В середине XIX в., особенно когда его начальником был И. П. Чайковский, здесь производилась и тончайшая часовая пружинка, и пароходы, ножницы, перочинные ножи и тяжелые плиты, якоря для военных кораблей, приборные гвозди, ридерсы и многое другое, свидетельствующее о высоком искусстве и мастерстве воткинских мастеровых³¹. Я. Гайдуров устроил на заводе катальный стан для изготовления кровельного железа. В 20-е гг. XIX в. листокатальная фабрика Воткинского завода была одной из лучших на Урале³². Продолжая эксперименты, в 1857 г. крестьяне Федор и Иван Соснины наладили на Воткинском заводе производство железа из окалины, т. е. из шлака, обрезков и других металлических отходов. Изобретение Сосниных получило применение и на других уральских металлургических предприятиях.

Внедрение и совершенствование прокатного производства на Воткинском заводе было связано с деятельностью даровитого механика-самоучки Л. Ф. Сабакина. Его неутомимая изобретательская деятельность обогатила список технических усовершенствований оригинальными астрономическими часами, приспособлением для измерения скорости корабельного хода, "инструментом для инженеров, артиллеристов, землемеров и колонновожатых при снятии разных местоположений, расстояний и высот", весами для взвешивания больших тяжестей и др.³³ А. Ф. Дерябин пригласил его на Воткинский завод. Под его руководством на заводе был установлен первый на Урале листопркатный стан и улучшена воздуходувная машина. В результате производство листового железа увеличилось, а стоимость его уменьшилась³⁴

Завод, несмотря на отдаленность от столиц, получал ответственные заказы. Еще в 1774 г. он выковывал железо для строительства Екатерининского дворца в Кремле, позднее здесь были изготовлены балки для потолочных перекрытий Зимнего дворца и белая листовая жесть для покрытия Царскосельских дворцов. В 1858 г. на Воткинском заводе изготовили каркас шпиля для собора Петропавловской крепости³⁵

Принципиальное значение для металлургии России имело внедрение на Воткинском заводе пудлингового метода получения железа. Пудлинговая печь, построенная в 1836 г., была первой на Урале. Пудлингование внедрялось с помощью английских мастеров С. и Д. Пеннов, большое содействие оказал им П. А. Олышев, сын потомственного мастера Воткинского завода, окончивший Горный институт и длительное время работавший там в должности профессора. На Воткинском заводе установилась технологическая система пудлингования: пудлинговая печь – молот – сварочная печь – прокатные валки. Прежде чем наладить валовое производство, здесь было проведено более 300 опытных плавов и около 230 экспериментов по сварочным работам. И. П. Чайковский и его помощник В. И. Романов предвидели, что пудлингование принесет заводу широкое признание и обеспечит производство намного более качественного металла по сравнению с кричным. Уже в 1839 г. завод дал 13 894 пуда пудлингового железа. Пудлинговая печь Воткинского завода по основным показателям обгоняла аналогичные печи заводов Западной Европы в два раза. В 40-е гг. XIX в. на предприятии появились двойные пудлинговые печи, обеспечившие дополнительную экономию в топливе без снижения качества металла. В то же время пудлинговое железо обходилось дороже кричного. Инженерная мысль искала выход из критического положения, и он был найден во внедрении пудлинговых печей с газовым отоплением. Широкое развитие газового пудлингования пришлось на 50-е гг. XIX в.,

когда по проекту инженера А. А. Иоссы на заводе было построено несколько таких печей. Расход топлива сократился почти в 4 раза, а производительность труда поднялась в 2 и более раза. На газовое отопление перевелись и сварочные печи. По инициативе А. А. Иоссы Воткинский завод одним из первых на Урале стал использовать каменный уголь при ковке якорных цепей и плавке стали³⁶. Пудлингование означало начало технического переворота.

На Ижевском заводе до 1855 г. железо получалось кричным способом, затем перешли на более совершенный контуазский способ, а в начале 60-х гг. был сделан первый шаг к производству литой стали для оружейного производства³⁷. Уже в 1841 г. в артиллерийском департаменте, к которому относился завод, рассматривался проект установки на Ижевском оружейном заводе парового двигателя, но в жизнь он так и не был претворен.

Принципиальное значение для развития оружейного производства имела установка на заводе шустовального станка, который был построен и пущен в действие в 1811 г. выдающимся изобретателем Л. Ф. Сабакимым, а также двойных стволосверлильных станков, повысивших в два раза производительность труда³⁸.

Как отмечают исследователи, особенный подъем в развитии оружейной техники наблюдался в 50 – начале 60-х гг., когда на заводе появились новые станки и приспособления, позволившие приступить к валовому производству нарезного оружия³⁹, гораздо более эффективного и поднявшего уровень боеспособности русской армии.

Наличие значительного числа высококвалифицированных инженеров с высшим техническим образованием сделало возможным уже в 20-е гг. XIX в. открытие Горного учебного общества при Воткинском заводе, в состав которого входили инженеры А. Бадаев, Ф. Грасгоф, А. Давидович-Нащинский, В. Игнатьевский, В. Романов. Как указывалось в отчете за 1826 г., Горное учебное общество было занято поисками полезных

ископаемых. В мае 1826 г. на заседании было заслушано сообщение унтер-шхт-мейстера Златоустовских заводов Пономарева, командированного на Воткинский завод, о придуманном им устройстве для отливки "легких чугунных припасов" Общество занималось также вопросом о возможности использования брошенного Варзино-Алексеевского завода для открытия там подсобного заводского производства, требующего большого количества рабочих рук. Ученое общество при этом особый упор делало на изобилии хлеба и его дешевизне и предлагало поселить здесь мастеровых, "не выдавая провианта натурой, определить достаточные пашни и уволить их от заводской работы на летние месяцы"⁴⁰. Летом 1827 г. инженер В. Игнатьевский исследовал также воды минерального источника близ д. Варзи-Ятчи и констатировал высокое содержание в них сероводорода, хотя объяснить причины этого явления не смог. В 30-е гг. общество занималось вопросами производства железа по малокричному способу, а также пудлингованием и изготовлением на заводе литой цементированной стали, а к 40-м гг. XIX в. деятельность общества прекратилась.

При Воткинском заводе усилиями инженеров был создан обширный минералогический кабинет, из коллекции которого были отобраны образцы редких пород для Горного института в Санкт-Петербурге⁴¹.

При Ижевском оружейном заводе в 30-е гг. XIX в. по инициативе директора артиллерийского департамента были предприняты попытки организации музея оружия. Однако даже в 1846 г. заводская контора не смогла точно отрапортовать инспектору оружейных заводов, в каком состоянии находится музей. По всей вероятности, образцы оружия хранились в Ижевском заводском арсенале отнюдь не для всеобщего обозрения, а как материал для служебного пользования. Так, в 1839 г. отмечалось, что в арсенале имеются ружья пехотные образца 1808 г., 1829 г., солдатское пехотное 1806 г., кирасирское 1809 г., конно-егерское 1814 г., 1817 г., 1828 г., мушкетон 1813 г., штуцер 1827 г. и т. д.⁴²

Развитие технической мысли было невозможно без приобщения к отечественному и зарубежному опыту. Наличие при заводах библиотек способствовало знакомству с передовым опытом. Заводские инженеры довольно активно формировали и свои личные библиотеки. Так, в 1839 г. для Воткинской заводской библиотеки были выписаны "Горный журнал" и "Практическая механика" Марена, "Технология" Гермштедта, переведенная с немецкого "Геогнезия", "Журнал мануфактур торговли", из периодики выписывались "Северная пчела", "Московские ведомости", "Друг здоровья", "Парижская медицинская газета". В 1841 г. заводская библиотека пополнилась пособием по гальванопластике, немецко-русским словарем технических терминов, "Священной историей Ветхого и Нового Завета" издательства Плюшара, а также сочинениями парижского архитектора Эка и "Руководством к архитектуре" Связьева, "Горным словарем" Спасского.

В 1850 г. в библиотеку поступили английские, французские и немецкие журналы по механике, горному делу, минералогии. С 1849 г. библиотека стала выписывать труды Вольного экономического общества⁴³.

Личные библиотеки управителя завода и горных инженеров пополнялись разнообразной периодикой, изданиями для детей, женщин, модными журналами, повременными книгами. В 1850-е гг. модным чтением стали "История России" Н. М. Карамзина, "История Петра Великого" Н. П. Ламбина, "Сочинения" А. В. Старчевского, историческая повесть "Ермак", "Описание Отечественной войны 1812 года" А. И. Михайловского-Данилевского и т. д.

Библиотека Ижевского завода к 1850 г. имела свыше тысячи томов самых разнообразных изданий не только по технике и механике, но и по географии, истории, русскому, французскому и латинскому языку, рисованию, черчению, архитектуре, садоводству, минералогии, арифметике, геометрии⁴⁴.

Собственными библиотеками, как уже отмечалось, располагали заводские госпитали.

Ведомственный характер имели и библиотеки уездных училищ, располагавшие преимущественно учебной литературой. Так, в 1842 г. в библиотеке Глазовского училища значилось 138 названий и 249 томов, в основном на русском языке, в библиотеке Елабужского училища – 184 названия и 358 томов, в том числе 166 томов на русском, 10 томов – на классических языках, 13 томов – на новейших европейских языках, 5 томов – на "азиатских" языках⁴⁵.

Первой публичной библиотекой на территории Удмуртии и Вятского края стала Сарapulьская, торжественно открытая 1 января 1835 г. Попечительный совет библиотеки состоял из 11 человек, из числа которых были избраны библиотечарь (штатный смотритель училищ П. П. Кошкарёв) и его помощник (уездный лекарь Х. И. Чудновский). По подписке и от добровольных пожертвователей было собрано 356 экземпляров книг, 831 руб. деньгами. У сарapulьского протоиерея был нанят "приличный и удобный" деревянный дом. Знаменитому книгоиздателю и книготорговцу А. Ф. Смирдину был сделан заказ на 543 книги на общую сумму в 1 500 руб. В фонд библиотеки периодически поступали пожертвования от министерств и ведомств, от Вольного экономического общества. К 1851 г. в фондах библиотеки имелось 1 900 томов книг и 772 тома периодических изданий. Библиотека открывала свои двери в понедельник, среду и пятницу с 14 до 18 часов для всякого человека "в приличном виде и одеянии". Каждый читатель, бравший книгу на дом, вносил плату за год по 3 руб. серебром. В 1851 г. 577 томов прочитали "чиновники и дамы", 215 – купцы и мещане, 65 – духовные лица и крестьяне.

Однако уже в 1854 г. в отчете о библиотеке фигурирует унылая фраза о том, что "книг на чтение не употреблено, потому что читателей не было". Библиотека задолжала 100 руб. мещанину В. Мясникову, в доме которого нанимала 2 небольшие комнаты⁴⁶.

Развитие архитектуры и домостроительства

В первой половине XIX в. были сделаны серьезные шаги в оформлении архитектурного облика заводских поселков. В XVIII в. созданы заводские пруды и плотины – неотъемлемая часть заводских сооружений того времени. Мощный стимул к развитию Ижевска дало строительство оружейного завода, которое началось в 1807 г. и возглавлялось выдающимся горным инженером А. Ф. Дерябиным. По его инициативе в Ижевск были приглашены талантливые строители, инженеры, механики, оружейники и профессиональные архитекторы, наиболее выдающимся среди которых оказался выпускник Санкт-Петербургской академии художеств С. Е. Дудин, только что завершивший стажировку в Италии. Как пишет исследователь, «для Ижевска он стал первым и лучшим зодчим, который надолго определил основные направления его градостроительного развития»⁴⁷. В 1809 г. С. Е. Дудин разработал первый генеральный план Ижевска, который назвал «будущим городом Ижа». Заводской поселок застраивался по прямоугольной сетке улиц с выделением двух основных взаимно перпендикулярных магистралей и четырех площадей. Центром являлся пруд и четырехэтажное классическое здание заводского корпуса с многоэтажной круглой башней высотой в 50 м, которую венчал шар с двуглавым орлом, установленный на дорической колонне. Корпус располагался параллельно плотине. Чтобы здание соизмерялось с лежащим перед ним огромным зеркалом пруда, С. Е. Дудин нашел ритмично повторяющиеся укрупненные формы: сдвоенные и строенные окна, большие арочные ниши, колоннады. Башня над главным корпусом – самая живописная часть заводского комплекса – стала своего рода триумфальным памятником в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Верхний ярус башни был украшен деревянными скульптурами, выполненными резчиком А. М. Канцыревым

по рисункам братьев Дудиных. Это были пушки, знамена, рыцарские латы, шлем и щиты с вензелями – знаки воинской славы. В 1834 г. сгоревшие деревянные детали заменили полосой кованных рельефов, вызолоченных А. И. Самотехиным. В 1833–1838 гг. мастер Карл Шюцц установил на башне куранты, продолжающие звучать и поныне через каждые четверть часа. Трехэтажные флигеля, примыкающие с запада и востока к главному корпусу, украшены колоннадой, с плотни к ним вели арочные мосты, фронтоны были отделаны рустом, изображающим сияние. Одноэтажные переходы между главным корпусом и флигелями увенчивались зубцами, что придавало постройке облик средневекового замка.

С востока к заводу примыкала по уральской традиции предзаводская Базарная площадь. По замыслу С. Е. Дудина, она должна была застраиваться самыми важными общественными зданиями с собором в центре.

Главный собор Ижевска был воздвигнут по проекту знаменитого петербургского архитектора А. Д. Захарова – учителя С. Е. Дудина. Чертежи собора, возведенного в Кронштадте по его проекту, в 1817 г. были присланы в Ижевск, после того как его рассмотрел и приспособил к поселку Ижевского завода член строительного комитета при артиллерийском департаменте архитектор Руско. С. Е. Дудин упростил некоторые детали, дополнил их чугунным литьем и вписал собор в общий архитектурный облик поселка, стараясь создать единый ансамбль с корпусами завода. К концу 1823 г. Александров-Невский собор был «совершенно отстроен».

Как отмечают специалисты, классические портики с колоннадой, полукруглый алтарный выступ, членения стен собора отличаются необычайной гармоничностью. Стройная многоярусная колокольня завершается шпилем. Здание придавало центральной площади Ижевска парадный характер.

На других площадях, запроектированных С. Е. Дудиным, были возведены такие

Александров-Невский собор

же крупные сооружения: на Михайловской площади – церковь, на Карлутской – арсенал, на Сенной – госпиталь⁴⁸. Арсенал на Карлутской площади, возведенный в 1823–1825 гг., стал “лебединой песней” С. Е. Дудина. Здание арсенала в плане представляло собой подкову, раскрытую на юг, что имело большое значение для внутренней освещенности помещений. В центре размещался отмеченный портиками корпус для сборки и чистки оружия.

Арсенал С. Е. Дудина – новый для своего времени тип здания, сочетавшего строгую рациональность и благородную сдержанность. Фасады строения по центральным осям отмечены шестиколонными дорическими портиками, позволяющими избежать монотонности в восприятии протяженных по длине фасадов. Узкие прямоугольные окна сочетаются с рустованными на их высоту стенами. Закругления над оконными проемами в портиках контрастируют с простыми прямоугольниками окон и линиями колоннад. Стены портиков покрыты квадратным рустом, что до-

полнительно выделяет их на фоне горизонтально рустованных стен. Градостроительная роль арсенала подчеркивалась тем, что он был сориентирован так же, как основной заводской корпус: открытым двором на юг, главным фасадом на север. Арсенал и донныне является одним из архитектурных украшений города, особенно после того как были убраны уродливые пристройки и заборы и в нем разместились Национальный музей.

В 1814 г. перспектива одной из главных улиц Ижевска, ведущей начало от заводского корпуса, была замкнута кладбищенской церковью, названной Троицкой. Эта постройка во многом напоминала излюбленные мотивы В. И. Баженова.

На планировке поселка четко сказалась социальная дифференциация населения. Все наиболее значимые общественные и культовые здания, дома администрации и жилищных мастеров возводились в Нагорной части. Зарека отводилась для лагуч бедняков, складских и производственных помещений.

Основы архитектурного облика Воткинского также закладывались в конце XVIII – первой половине XIX в. Старейшими градообразующими сооружениями являются заводская плотина, основанная в 1759 г. по проекту А. С. Москвина, и главный корпус железодельного завода, построенный по проекту архитектора В. Н. Петенкина, который представляет, наряду с корпусом Ижевского завода, наиболее значительный памятник промышленного зодчества в стиле русского классицизма. В 1806 г. архитектор Н. А. Андреевский спроектировал здание дома горного начальника, которое приобрело окончательную отделку в 1826 г. под руковод-

Арсенал (северный фасад)

Дом горного начальника Воткинского завода
(Ныне Дом-музей П. И. Чайковского)

ством В. Н. Петенкина. Он представляет собой не только памятник архитектуры русского классицизма, но и выдающийся памятник истории и культуры, благодаря тому что здесь родился и провел ранние детские годы гениальный русский композитор П. И. Чайковский. В 1817–1818 гг. здесь был построен каменный собор по проекту архитектора департамента горных и соляных дел Постникова. Любопытно, что строительные работы возглавил тот же крестьянин Балахонского уезда Нижегородской губернии А. Бруснигин, который занимался возведением корпусов на Ижевском заводе. Резьбу иконостаса поручили Алексею Канцыреву, тоже отличившемуся при отделке зданий Ижевского завода и Александро-Невского собора, а колокол для церкви взялся отливать на своем колокольном заводе мещанин г. Елабуги Г. Шишкин. Иконостас расписал учитель рисования Казанской гимназии А. Винокуров, а вызолотил мещанин г. Вятки М. Горкин.

Надо отметить, что среди народа было немало самородков, которые самостоятельно овладевали иконописным мастерством и искусством художника. Так, в 1792 г. аттестат с разрешением писать и исправлять иконы был выдан крестьянину с. Талоключинского Лобанской волости, Глазовского уезда Кириллу Утробину, который нигде не учился, но был даровит от рождения⁴⁹. Некоторые из мещанских и даже крестьянских детей, самостоятельно овладев искус-

ством рисования, получали после освидетельствования право преподавать рисование в уездных и приходских училищах.

Губернская реформа 1775 г., реализованная в нашем крае в 1780 г., привела к появлению новых городов, среди которых были Глазов и Сарапул. Уникальной особенностью Глазова стала веерная планировка центральной части, раскрывающая семантику его названия и осуществленная архитектором И. Лемом.

В городах и заводских поселках наиболее приметными в архитектурном отношении были храмовые постройки. Так, в Сарапуле в 1782 г. по проекту губернского архитектора Ф. М. Рослякова была воздвигнута Покровская церковь. Здание было построено в стиле «вятского барокко». В 1818 г. к храму были пристроены каменные дома священнослужителей, выдержанные в том же стиле и составившие единый ансамбль с церковью и самой высокой в Сарапуле колокольней⁵⁰. Другим культовым сооружением Сарапула, построенным в 1817 г. на пожертвования купцов Ижболдиных, является Воскресенская кладбищенская церковь, выдержанная в стиле русского классицизма.

Ф. М. Росляков стал автором проекта одного из старейших сельских храмов Удмуртии в с. Елове (ныне Ярского района), построенного в 1795 г. в лучших традициях раннего классицизма. В первой половине XIX в. в селах Удмуртии была сооружена целая серия храмов в стиле раннего и позднего русского классицизма, в том числе и по проектам С. Е. Дудина. Среди дошедших до нас в том или ином виде и состоянии храмов выделяются Вознесенская церковь в с. Водзимонье (1829 г., русский классицизм), Петропавловская церковь в с. Тыловыль-Пельга (1859 г., поздний классицизм), Никольский собор в с. Вавож (1835 г., поздний классицизм), Троицкая церковь в с. Понине (1816 г., русский классицизм), Свято-Троицкая церковь в с. Дебесы (1816 г., классицизм), Богоявленская церковь в с. Завьялове (1820-е гг., русский классицизм), Вознесенская церковь в с. Чутырь (1819 г., русский классицизм),

Свято-Троицкая церковь в с. Елове

Рождественская церковь в с. Колесникове (1819 г., русский классицизм), Георгиевская церковь в с. Кулюшево (1819 г., русский классицизм), Троицкая церковь в с. Бемыж (1829 г., русский классицизм), Ильинская церковь в с. Ильинском (начало XIX в., русский классицизм), Троицкая церковь в с. Мостовом (1804 г., ранний классицизм), Богоявленская церковь в с. Нечкине (1807 г., ранний классицизм), Преображенская церковь в с. Мазунине (1814–1836 гг., русский классицизм), Михайло-Архангельская церковь в с. Кигбаево (начало XIX в., классицизм) и т. д.⁵¹

Умело вписанные в окружающую природную среду, они оживляли и облагораживали сельский пейзаж Удмуртии строгими классическими формами. Даже сейчас полуразрушенные, обезображенные позднейшими хозяйственными пристроями, они производят на зрителя впечатление мощи, возвышенности красоты и являются демонстрацией возможностей человека, направленных и на созидание, и на разрушение. Можно представить ощущения современников, воспринимавших эти культовые сооружения во всем их великолепии на фоне скромных сельских изб и других строений, а также на фоне великолепного природного ландшафта.

Развитие научных знаний по этнографии и истории края

В XVIII – начале XIX в. были сделаны первые шаги в изучении истории и этнографии края, в выявлении его природно-климатических особенностей и ресурсов. В эпоху Петра I, как известно, была осуществлена грандиозная программа по изучению и историко-географическому описанию страны.

Среди первых исследователей, побывавших в нашем крае и оставивших лингвистические и этнографические сведения об удмуртах, был пленный офицер шведской армии Ф. И. Страленберг, принимавший участие в сибирской экспедиции 1720–1727 гг. Страленберг считал удмуртов потомками арамейев, о которых писал еще римский писатель и ученый Плиний Старший. Он впер-

П. С. Паллас

Паллас Петр Симон (1741–1811 гг.), академик-естествоиспытатель, руководитель так называемой “Физической” экспедиции. В 1768–1774 гг. побывал в центральных областях России, в районах Нижнего Поволжья, Среднего и

Южного Урала, Южной Сибири. Оставил трехтомный труд о своем путешествии по различным регионам (провинциям) России. Он подробно описал природно-климатические условия нашего края, дал характеристику его наиболее примечательных торгово-экономических центров, таких как дворцовые села Сарапул, Каракулино, Елабуга. Обращаясь к историческому прошлому, П. С. Паллас отметил, что центром удмуртских племен был древний город Арск. Причиной продвижения арских удмуртов из районов первоначального расселения на северо-восток, в междуречье Вятки и Камы, ученый-путешественник считал господство на средней Волге булгаро-татар и движение марийских племен в направлении к Вятке.

вые дал определение уральской языковой семьи, к которой, как впоследствии доказали ученые, относятся по своему происхождению все финно-угорские народы, в том числе удмурты. Основы научного описания языка, быта и обрядов удмуртского этноса были заложены немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом, привлеченным на российскую службу Петром I. Им было впервые зафиксировано самоназвание удмурт, дано первое научное описание удмуртского жилища, костюма и элементов народной религии, предложен первый рисунок, изображающий удмуртку⁶².

Большой вклад в изучение жизни удмуртского народа и нашего края в целом внесла "Великая северная", или, как ее еще называют, "Вторая Камчатская" экспедиция. Руководитель ее сухопутного отряда историк Г. Ф. Миллер, академик Российской Академии, в 1733 г. побывал в Поволжье и Приуралье и составил научное описание народов, проживающих к тому времени в Казанской губернии. Г. Ф. Миллер дал достаточно полное описание жилища, одежды, хозяйственных занятий, свадебных, погребальных, родильных и других обрядов удмуртов. Он смог подметить различия между северной и южной группами народа и выделил в удмуртском языке два диалекта (наречия).

Другой участник названной экспедиции академик И. Г. Гмелин, естествоиспытатель-натуралист, большее внимание уделил природным условиям южных районов Удмуртии, в которых он побывал в 1733 г. Среди этнографических особенностей удмуртов он отметил некоторые элементы их одежды и женских головных уборов.

В 1740 г. проездом в Сибирь в Удмуртии побывал академик Н. И. Делиль, заложивший основы астрономических наблюдений в России. Он дал очень краткое описание замеченных им особенностей удмуртов в одежде и в религии.

Примерно такой же круг сведений содержится в работе другого ученого-путешественника, также изданной в форме днев-

ных записок путешествия по разным провинциям Российского государства, – Иоганна Петрея Фалька. Фальк был одним из первых российских ученых, обративших пристальное внимание на межэтническое взаимодействие народов Поволжья. "Древни разных народов стоят рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появлялись... Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие дела...", – писал он.

Непосредственные наблюдения и сведения, почерпнутые во время академической "Физической" экспедиции 1776–1780 гг., легли в основу одной из первых в России сводных этнографических работ – "Описания всех обитающих в Российском государстве

И. И. Лепехин

Лепехин Иван Иванович (1740–1802 гг.), ученый-путешественник и естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук. Участник "Физической" экспедиции. Его "Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства", изданные

в трех томах, содержат очень большой фактический материал по географии и этнографии России. В отличие от большинства ученых-путешественников И. И. Лепехин побывал не только в южных, но и в северных, вятских, районах нашего края. Описывая старинное село Сырьянское, удмурты которого приняли христианство еще в 1557 г., он отметил социальное расслоение вятского крестьянства, распространенный обычай платить подушные сборы зажиточными за бедных. В результате состоятельные крестьяне в течение всего года пользовались трудом своих должников. Описывая г. Слободской и его уезд, И. И. Лепехин сообщил сведения об этническом составе населения, отметил, что новокрещеных удмуртов в уезде насчитывается 19 551 человек, крещеных татар – 411 человек, некрещеных – 111 человек.

народов" Ее автором был этнограф и естествоиспытатель академик И. Г. Георги. Как и в работах предшественников, в труде И. Г. Георги основное внимание уделялось удмуртам Казанской губернии. Из него мы узнаем о самоназвании удмуртов, об их расселении, численности, можем почерпнуть сведения о материальной культуре, хозяйстве, иных занятиях, семейных обрядах и верованиях, одежде, обуви, украшениях и т. д. И. Г. Георги отметил существование далеко зашедшего имущественного неравенства среди удмуртов, выражавшегося прежде всего в разном количестве скота и в неодинаковых площадях обрабатываемой пашни. Книга И. Г. Георги сопровождается рисунками, среди которых уникальное изображение удмуртки в высоком головном уборе – айшоне, выполненное на шелке и хранившееся в Музее этнографии народов СССР.

Говоря о трудах ученых-путешественников, нельзя обойти вниманием работы отца и сына Рычковых.

П. И. Рычков

Рычков Петр Иванович (1712–1777 гг.) – русский ученый, автор трудов по экономике, географии и истории России, первый член-корреспондент Петербургской академии наук. В 30-х гг. XVIII в. служил в Оренбургском крае, был участником Оренбургской экспедиции. Основной его труд – "Топография

Оренбургская...", которая является пояснительным текстом к составленным в 1755 г. картам Оренбургской губернии, представляет первый в России региональный свод сведений по истории и географии, имевший непосредственное практическое значение. Материалы по истории, этнографии, хозяйственным занятиям удмуртов в первой половине XVIII в. нашли также отражение в целом ряде его статей, опубликованных в изданиях Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге.

Сын П. И. Рычкова – Николай Петрович Рычков – был привлечен к участию в экспедиции 1768–1772 гг. В 1769–1770 гг. он объехал Казанскую, Пермскую и Вятскую губернии, составил их описание, содержащее сведения о природе, древних историко-археологических памятниках, обычаях и характере населяющих их народов, в их числе южных удмуртов и удмуртской диаспоры в Башкирии и Пермском крае. Восхищение ученого-путешественника вызвало беспримерное трудолюбие удмуртов, их гостеприимство. В то же время он неодобрительно относился к языческим суевериям народа. В отличие от других участников академических экспедиций Н. П. Рычков отметил относительную зажиточность удмуртского крестьянства⁵³.

Свою лепту в описание края внес А. Н. Радищев, посланный в 1790 г. в Илимск. Проезжая через Муки-Каки, он отметил, что удмурты "свинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молот, то сушат в печах. Народ боязливый и добрый" В д. Юбери ему пришлось наблюдать праздник, который выражался в том, что "бабы и мужики ходят из двора во двор и пьют пиво" Из деталей женского костюма путешественнику бросились в глаза "высокие кички с бахромою, с шитьем и кончиками серебряными" и то, что женщины "наряды перемещают часто" В Дебесах и Чепце Радищеву показалось примечательным, что жители "похожи на русских", "женаты многие на русских бабах".

Возвращаясь из сибирской ссылки, в 1797 г. Радищев проехал водным путем по Каме. 19 мая остановился в Сарапуле, где нашел дальнего родственника. Сарапул поразили А. Н. Радищева оживленной торгово-промышленной деятельностью. "Много хлеба идет в Россию... Заводы со времени неурожая хлеба за Уралом довольствуются отсюда", – замечает он. По-видимому, из бесед с местным населением и литературных источников А. Н. Радищев выяснил примечательные детали истории. "Несколько раз земля Арская присягала и снова изменяла. Россияне пять лет не опускали меча. Без

А. Н. Радищев

Радищев Александр Николаевич (1749–1802 гг.) – русский писатель, философ, юрист, революционер. Учился в Пажеском корпусе, затем в Лейпцигском университете. Под влиянием французских просветителей проникся ненавистью к самодержавию. Вернувшись на Родину, служил в Сенате и в Коммерц-коллегии. В

1790 г. издал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», пронизанную революционными идеями. Был приговорен к ссылке в Сибирь. Во время вынужденного путешествия в Сибирь и возвращаясь в Россию, проехал через территорию Удмуртии.

пощады губя вероломных, Иоанн награждал верных... Им давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства...», – повествует он о событиях присоединения края к Русскому государству⁵⁴

Определенный вклад в изучение экономики, сельского хозяйства края внесли описания Вятского наместничества, предпринятые по заданиям Академии наук и Вольного экономического общества в 1784 г., 1794 г. и 1796 г.⁵⁵ Ответы на эти анкеты давали представители местной бюрократии. Не обходилось при этом без курьезов. Так, на один из вопросов академической программы, разосланной для составления статистического обозрения Российской Империи: «Имеется ли в городе какое-либо укрепление или нет, и что о нем по местным летописцам известно», глазовский городничий Семен Глотков ответил: «Город Глазов никаких укреплений не имеет, кроме приезда и выезда при рогатках обывательского караула. Летняя пища только горох, репа, марков»⁵⁶. По всей видимости, городничий «смешал» летописцев с «летней пищей»

Одним из первых иностранных путешественников, писавших об удмуртах, был нидерландский государственный деятель Н. К. Витсен. В 1641–1667 гг. в составе дипломатической миссии он посетил Россию

и на основе собранных материалов опубликовал книгу «Северная и Восточная Татария» Н. Витсен приводит данные об удмуртах Вятской земли, сообщая, что некоторые из них христиане, остальные – язычники и что язычникам здесь не разрешается жить в городах вместе с христианами. Уникальностью отличаются сведения о верованиях удмуртов, описание одного из воршудов и вариант легенды об утрате удмуртами письменности. Кроме прочего, Н. Витсен издал карты Европейской России и Сибири.

Традиции ученых-путешественников XVIII в. продолжил финский исследователь доктор философии А. М. (Антти) Юхан) Шегрен, в 1827–1828 гг. побывавший у удмуртов Глазовского и Сарапульского уездов. На основе комплексного изучения материалов, разного рода письменных источников, устных сообщений и личных полевых наблюдений А. Шегрен выделил почти все основные группы удмуртского населения Камско-Вятского региона, описал погребальный обряд и женский костюм северных удмуртов, широко применяя лингвистические данные для освещения проблем этнографии и древней истории народа. Интересовал его и «бесермянский вопрос», и проблемы ассимиляции удмуртов⁵⁷.

По пути в сибирскую экспедицию по территории Глазовского и Малмыжского уездов в 1845 г. проехал другой знамени-

А. М. Кастрен, финский этнограф и исследователь-путешественник

тый финский исследователь Матиас Александр Кастрен. Любопытно, что он отметил полиэтничный характер населения Волжской Булгарии, которая включала в свой состав, кроме булгар, все финские племена Поволжья. На основе изучения исторических и лингвистических материалов он пришел к выводу, что одним из мест расположения древнейших поселений удмуртов был бассейн Казанки, область "Арского пригорода"⁵⁸

Значительную роль в изучении истории, природных особенностей, экономического развития края сыграли учителя школ и гимназий. Первым историографом, если не считать "Повести о стране Вятской", стал А. И. Вештомов, одновременно являвшийся первым профессиональным педагогом нашего края. А. И. Вештомов родился в Пермской губернии, происходил из духовного звания. Учился в Вятской духовной семинарии, а в 1786 г. он перешел в Вятское главное народное училище и по "выслушании метода" был определен в Сарапул учителем обоих классов малого народного училища.

Его успешная деятельность вызвала предложение стать учителем второго класса главного народного училища в Вятке. Еще работая в Сарапульском училище, А. И. Вештомов приступил к подготовке научных трудов: "Вятская флора" и "История вятчан со времени поселения их при реке Вятке и до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год, через 600 лет". Последний труд, основывающийся на разнообразных источниках, был первой попыткой дать читателю представление о Вятском крае и его населении. Нашли в нем отражение и материалы по истории удмуртов. Труд А. И. Вештомова до конца XIX в. оставался первой и единственной монографией по местной истории. "Вятская флора" представляла собой описание всех известных автору растений, произраставших в крае. Завершив оба эти труда, в 1808 г. А. И. Вештомов принялся за подготовку "Статистического описания Вятской губернии"⁵⁹. Очевидно, это был труд, аналогичный знаменитому "Статистичес-

кому описанию Пермской губернии" Н. С. Попова, однако в отличие от последнего он не был опубликован ни при жизни автора, ни после и оказался утраченным для науки.

Традиции А. И. Вештомова продолжили учителя Вятской гимназии, особенно В. Я. Баженов, прибывший в г. Вятку после окончания педагогического института в Санкт-Петербурге. Среди большого списка работ, представленных им, был "Вотский словарь" из 500–600 слов, подобранных в алфавитном порядке, "Тамги, или знаки с переводом", "Описание судоходных и сплавных рек в Вятской губернии", "Описание пристаней вятских" и т. д. Некоторые из трудов В. Я. Баженова были опубликованы в "Ученых записках Казанского университета", преподавателем которого он стал впоследствии⁶⁰.

Большое значение в накоплении статистического материала, живых наблюдений над бытом населения, в пробуждении интереса к истории и этнографии у читателей имело создание в 1835 г. Вятского статистического комитета, первым сотрудником и фактическим руководителем которого стал А. И. Герцен.

Значительную роль в изучении истории, этнографии, экономики края сыграла первая газета "Вятские губернские ведомости", которая начала выходить в 1838 г.

К официальным номерам газеты прилагались "Прибавления", где печатались самые разнообразные исторические и литературные статьи. Так, в "Прибавлениях" за 1839 г. была напечатана большая статья местного учителя И. Д. Савинова "Статистическое и географическое описание города Елабуги", "Описание Глазова и его уезда" протоиерея Глазовского собора И. А. Редникова, зарисовка лесничего Н. С. Иванова "О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии"

В 1841 г. было напечатано описание Ижевского завода, в 1841 г. – три статьи И. С. Шубина, преподавателя уездного училища, о Малмыжском уезде и Малмыже и т. д. Как отмечает Г. Ф. Чудова, "публикация краеведческих материалов в местной печати имела огромное значение для раз-

А. И. Герцен

Герцен Александр Иванович (1812–1870 гг.), русский писатель, философ и общественный деятель. В 1834 г. за свои убеждения был арестован и сослан сначала в Пермь, а затем в г. Вятку, где пробыл до 1837 г. Служил в губернском правлении и в статистическом комитете.

Тщательно изучив материалы, получаемые из уездов, он приступил к подготовке "Статистической монографии Вятской губернии". Вятские впечатления составили заметную часть книги "Бытов и думы" – одного из самых замечательных произведений русской мемуарной литературы. На основе материалов, поступающих с мест, были написаны А. И. Герценом статьи "Вотьяки и черемисы" и "Нечто о характеристике племен, обитающих в Вятской губернии", опубликованные в "Вятских губернских ведомостях". После ссылки жил в разных городах России, в 1847 г. уехал в Париж, где вел большую политическую и издательскую деятельность.

вития краеведения". Призыв статистического комитета к изучению отдельных местностей края, возможность публиковать краеведческие работы в "Губернских ведомостях" направили местных деятелей культуры по пути краеведческих поисков⁸¹. В 1856 г. редактором "Вятских губернских ведомостей" стал Н. И. Савинов, преподаватель Вятской мужской гимназии, взявшийся за дело с таким энтузиазмом, что "Ведомости" стали одной из лучших провинциальных газет. В редактируемом издании он поместил ряд статей, среди них "О вотьяках Вятской губернии"

Открытие в 1845 г. Императорского русского географического общества стало новым стимулом для развития краеведения и этнографии. Работы местных исследова-

телей публиковались в "Записках...", "Этнографическом сборнике" и "Вестнике общества"

Местные учителя и священники включались по призыву географического общества в работу по географическому и этнографическому описанию местностей. Корреспондентом Географического общества был священник с. Дебесы С. И. Шубин⁸²

Историком Елабуги и уезда зарекомендовал себя священник П. Н. Кулыгинский. Уроженец с. Серали, он учился в Елабужском уездном училище и в Вятской духовной семинарии, затем преподавал в Сарапульском уездном училище, был рукоположен в сан священника с. Можги. С 1831 г. он жил в Елабуге, собирал самые разнообразные материалы о городе и его уезде, особенно о восстании Пугачева и событиях, связанных с ним. Эти материалы были опубликованы в губернских ведомостях и в изданиях географического общества⁸³

Появились публикации, освещающие историю, быт и экономику края и в других центральных изданиях, в частности, в "Журнале Министерства внутренних дел". В 1840 г. здесь была опубликована статья уже упомянутого сарапульского уездного врача Х. И. Чудновского "Медико-топографическое описание Сарапульского уезда"

В 1846–1848 гг. неофициальную часть губернских ведомостей редактировал М. В. Блинов, сын известного священника и деятеля культуры, близкого друга семьи Чайковских в Воткинске В. Е. Блинова.

В 1847 г. М. В. Блинов опубликовал в газете статью "Вотьяки Вятской губернии". Живые зарисовки быта жителей Воткинского завода содержались в его статье "Масленица в Казани и Воткинском заводе" Вокруг М. В. Блинова в Вятке сложился кружок близких единомышленников, в число которых входили учителя гимназии, чиновники, врачи. Среди них был видный польский экономист и философ, военный теоретик Генрик Каменьский, сосланный в Вятку за участие в польском освободительном движении.

В 1852 г. М. В. Блинов был назначен управляющим Уральского горного училища.

Успешную службу он совмещал с изучением истории и деятельности уральских заводов, статьи о которых систематически публиковались в "Журнале Министерства внутренних дел" Любопытно, что некоторые публикации М. В. Блинов подписывал псевдонимом Удмурт.

Вятские наблюдения и впечатления сыгнали большую роль в творчестве русского писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, отбывавшего здесь ссылку в 1848–1855 гг. Являясь чиновником губернского правления, старшим чиновником особых поручений, он исколесил всю территорию Вятской губернии, подолгу жил в Сарапуле, был в Камбарке, дважды посетил Глазов, останавливался в селениях, расположенных на Сибирском тракте. Полученные впечатления легли в основу его знаменитых "Губернских очерков"

В 50-е гг. с целой серией публикаций о природных ресурсах, промышленности и экономике Вятского края выступил И. Н. Савинов. В его статьях, помещенных в губернских ведомостях и "Вестнике" географического общества, были собраны и опубликованы сведения о Глазовском и Елабужском уездах. Вскоре И. Н. Савинов стал членом-сотрудником географического общества, а его "Статистические очерки Вятского края" получили серебряную медаль⁶⁴. Серебряной медалью географического общества был также отмечен труд учителя математики Вятской гимназии П. А. Шестакова, дающий описание Глазовского уезда и г. Уржума.

Учителя стали понемногу проявлять себя и в сфере художественной литературы. В 1861 г. в столичном журнале "Сын Отечества" с продолжением в трех номерах были напечатаны рассказы учителя Глазовского приходского училища А. К. Никитина. Рассказы свидетельствуют о его дружественных отношениях с удмуртским населением⁶⁵.

Быт населения

Быт населения в XVI–XVIII вв. изменялся мало. Его консервации способствовали гос-

подствовавшее в деревне натурально-патриархальное хозяйство, относительная однородность крестьянского сообщества и значительная изолированность социальных и этнических слоев друг от друга. Однако в конце XVIII – начале XIX в. инновации начинают проникать не только в хозяйственную жизнь, но и в быт. Сама структура общества в этот период усложнилась: увеличилось после губернской реформы городское население, появились мастеровые и категории крестьян, прочно связанные с промышленным производством, возросли торговые и прочие связи между районами государства и в самой Удмуртии.

Преобладающей была беспорядочная планировка селений, настолько искусно вписанных в окружающую среду, что беглый глаз проезжего порой не мог их заметить. "Строения... расположены как бы группами, из которых каждая отделяется от соседней самым легким и обыкновенным забором. Каждая группа домов принадлежит отдельному семейству и называется азбаром. Живущие в одном азбаре все друзья и все родные между собою, потому что каждый отец, отделяя из своего семейства сына, строит ему избу, чум и клеть подле своего дома и никто не может переходить из одного азбара в другой", – писал упомянутый М. В. Блинов в своей статье "Вотяки Вятской губернии"⁶⁶. В XVI–XVIII вв. в селениях края преобладали курные избы, об этом очень ярко свидетельствуют путевые за-

Курная изба в конце XVII в. Голландская гравюра
Из книги А. Г. Брикера
"История Петра Великого". СПб., 1882

метки Д. Г. Мессершмидта, описавшего обстановку такой избы и процесс топки печи в ней. В то же время он отмечает, что у каринских татар уже в первой четверти XVIII в. были "красивые горницы", которые тем не менее топились по-черному⁶⁷.

Под влиянием русских и административных органов в селениях, расположенных поблизости от почтовых трактов, начинается появляться уличная планировка.

Дела о пожарах содержат описание строения крестьянского двора. Так, в июле 1803 г. в починке Пышкинском Глазовского уезда от молнии сгорела усадьба Устина Булдакова: "Три клетки, две избы, анбар, называемой повотьяки чум, две конюшни, скотской двор" В усадьбе Андрея Александрова было 2 избы, 3 клетки (кеноса. – М. Г.), чум (куала), погреб, 3 конюшни, скотский двор, у Михаила Бушмакина – изба, 2 клетки, погреб, 2 конюшни, скотский двор⁶⁸. Другие подобные дела подтверждают, что этот комплекс строений был вполне типичным: наряду с 1–2 избами, в азбаре непременно имелись 2–3 клетки (кеноса), погреб, чум, конюшня для лошадей, хлев для остальных животных, а также овин для хранения и обработки хлеба. Вот, например, описание надворных построек татарина Нижнего Погоста Каринской доли Юнуса Касимова, сделанное по поручению сыщика С. Г. Сандырева в 1899 г.: "На дворе хоромного строения: две избы на глухих подклетах, перед ними сени; две клетки, под клетью погреб да отхожая клеть – омшанник на дворе; изба скотская, житница на огороде, а в ней овса три осымны; конюшня, баня с предбанником, чум"⁶⁹. Описания отделяет период более чем в сто лет, да и этническая принадлежность владельцев дворов разная, однако список и расположение строений, выработанные хозяйствованием в одних и тех же природно-климатических условиях, отмечены почти полной идентичностью.

Непременной принадлежностью каждого удмуртского двора была куала, в которой совершались семейные моления и в которой летом готовили всю пищу за исключением хлеба. Крестьянин д. Сыги Глазовского уез-

да Василий Ефремов рассказывал, что пришел домой по окончании полевой работы ночевать: "...по обыкновению вотяцкому, имеют они жительство и ночуют в летнее время в особых клетях, а в избах по надобности пекут хлеб"⁷⁰ Удмурт д. Чужекшурской Дмитрий Корепанов отмечал, "что пишу для ужина и на обед изготовляли в чуме, а после, перепарившись в бане, легли спать по клетям"⁷¹

По данным отчета палаты государственных имуществ, до реформы Киселева в Удмуртии в государственной деревне было 34 582 курные избы, к 1860 г. осталось 13 423⁷² При высоте избы в 3,5–4,5 м и более дым в ней держался выше головы взрослого человека, не мешая ему находиться в доме. Дверь и волоковое окно, тем не менее, открывали настежь. Типичную картину отопления курной избы рисует уголовное дело от 1803 г. П. Могунов, крестьянин починка на р. Ульве Глазовского уезда объяснил, что печь в его доме "зделана без выводной трубы, и во время топления для свободного ухода дыма прорубленное вверх окно было открыто и отворена дверь"⁷³

Крестьянские дома были достаточно просторными, так как должны были вмещать многолюдные семьи. Любопытна порядная, в которой бесермяне Чигиревы, живущие в полоничестве у каринского татарина, объяснили поставить новую избу из сосновых бревен толщиной в 5–6 вершков (22,5–26,5 см), высотой в 19 рядов до матицы, "а свершить по хозяйскому велению, крюки вырубить и желобы положить и покрыть своими драмицы и в избе нутро сделать до готова"⁷⁴ Итак, перед нами изба высотой в 4,5 м, покрыта она рубленой сосновой доской. Крышу венчает охлупень, а водосточные желоба поддерживаются крюками. В другой порядной речь идет об избе из еловых бревен высотой в 20 рядов до матицы и длиной в 2 печатные сажени (4,26 м)⁷⁵

Описание избы удмурта с. Уканского П. Вершинина содержит дополнительные детали: "На дворе по входе в ворота в 4 саженьях (в 8,5 м) изба, а позади оной сени

и горница, сопряженные в одну связь” Перед нами предстает сложное двухэтажное строение, находящееся в глубине двора, как принято традицией, в котором, наряду с зимней избой, через сени следует чистая изба-горница, под ней устроена “нижняя изба” с крыльцом, выходящим прямо во двор. Высокое (в 2,5 м) “парадное” крыльцо с тремя окошками оборудовано перилами, от земли к нему ведут 11 ступеней⁷⁶

Этнографические описания отмечают, что в некоторых удмуртских селениях в первой половине XIX в. можно увидеть “избу с косячатыми (окаймленными косяками и застекленными) окнами, с тесовой крышею и кирпичною трубой”⁷⁷. Попытки вятской администрации регламентировать крестьянское домостроительство упиралась в сложившиеся традиции. Как отмечало одно из описаний губернии: “Крестьяне большей частью сначала рубят срубы в самом лесу, приглашают своих однодеревенцев и часто в один день поднимают избу до крыши, а в два – закрывают и выделывают окна”

Необходимо отметить, что крестьянство владело разнообразными приемами строительной техники. Так, в 1719 г. дворцовые крестьяне с. Каракулина (5 человек) подрядились у церковного старосты на ремонтные работы в церкви Казанской Богородицы и обязались заготовить необходимое количество теса и “кресты сделать полые деревянные, и главы, и бочки лемехом (небольшими выгнутыми деревянными дощечками. – М. Г.) отлечь до старого годного лемеху новым, и кресты сделать и отлечь, и всякое украшение сделать против старого строения... а гвозди железные ево, Прокофьевы”⁷⁸ (церковного старосты. – М. Г.).

Постепенно в селения Удмуртии проникает новый строительный материал – кирпич. В конце XVIII в. из него начинают возводиться храмы, появляются кирпичные заводы и мастера-кирпичники, занимающиеся отхожим промыслом. У крестьянина с. Укан Василия Вершинина в нижней избе жил кирпичный мастер Алексей Рылов, в

другом доме снимал квартиру Василий Косолапов, который подрядился “для делания кирпича с женой, сыновьями, дочерью и дядей”, “которые до этого не один год делали кирпич в с. Елове”⁷⁹

Каменные (кирпичные) здания были украшением заводских поселков и городов, однако даже в них они занимали весьма незначительное место. Статистическое описание 1827 г. отмечало, что в Малмыже, Сарапуле и Глазове имелось по одному каменному храму, а обывательских домов из кирпича в Малмыже не было совсем, в Глазове значилось 2 дома (один из них принадлежал купцу из удмуртов Ивану Волкову), в Сарапуле – 19, в Елабуге – 30, причем 3 из них принадлежали чиновникам, 2 – купцам второй гильдии, остальные – мещанам⁸⁰. Ближе к середине XIX в. число каменных строений в сельской местности значительно возросло. По сведениям канцелярии вятского губернатора, в 1849 г. в “удмуртских” уездах было 11 каменных крестьянских домов, “деревянных, на каменном фундаменте” – 1 934, “деревянных, на каменных столбах” – 1 517, остальные 58 709 крестьянских домов были деревянными⁸¹. Статистическое описание Ижевского завода от 1850 г. отмечало, что в поселке находится 317 каменных строений⁸².

Заводские селения строились по генеральным планам. С 1806 г. администрация Воткинского завода начала выдавать пособия на строительство дома, достаточно жестко контролируя его возведение, вплоть до размеров окон и высоты фундамента. В целях борьбы с антисанитарией было запрещено строительство традиционных для крестьянства севера крытых дворов и устройство под жилым помещением подполья⁸³

Тем не менее, наряду с добротными пятистенными и двухэтажными домами высококвалифицированных мастеровых, в поселках было немало ветхих лачуг, принадлежащих заводской бедноте.

Особенностью внутреннего убранства удмуртского дома было минимальное количество мебели, которую заменяли широкие лавки, идущие вдоль стен. Одним из сак-

ральных центров избы была печь, обращенная к стене, противоположной входу. По диагонали от нее располагался красный угол. Почти треть части избы занимали полаты.

Интерьер дополняли предметы из дерева: резные прялки и швейки, подголовники, детские люльки, бытовая посуда из дерева, бересты, вещи, плетенные из ивовой коры, сосновой щепы и т. д. Большую роль в убранстве дома играли декоративные ткани: выполненные в браной и закладной технике узорные занавеси, покрывала, скатерти-столешницы, ковры, полотенца. Они придавали интерьеру радостный облик, теплоту и уют⁶⁴.

Крестьянская одежда четко делилась на праздничную и будничную, хотя и та и другая изготовлялась из тканей домашнего производства: льняного белого холста, пестряди, шерстяной домотканины, сукна. Особый комплект составлял обрядовый наряд. Кроме того, одежда строго распределялась по половозрастным категориям.

Исследователи полагают, что наиболее ярко этнические особенности отражал североудмуртский комплект. Источники XVIII в. показывают, что в одежде преобладал белый цвет. Она была украшена богатой вышивкой, в которой выразилось высокое колористическое и орнаментальное искусство, использующее такие старинные и трудоемкие швы, как "счетная гладь", "косая стежка", "набор" и т. д. Дополнением костюма были головные уборы: унизанные серебряными монетами женский высокий айшон на твердой основе из бересты и девичья шапочка такья. Эти уборы представляли собой большую ценность не только в художественном, но и в материальном отношении. В 1803 г. удмурт д. Анлет Моньи Глазовского уезда Василий Петров подал иск о краже у него из клетки серебра "с одного женского низаного мелким серебром, по водскому названию, айшона, который носят на голове, и перевязи", а также девичьих уборов, "которые называются татя, низаны мелким серебром"⁶⁵.

В 1726 г. Д. Г. Мессершмидт приобрел в д. Балезино удмуртский женский костюм. Приведем описание комплекта в том виде,

в каком это сделано в его дневниковых записях: "Льняные штаны или штани; чулэс, льняные чулки, обшитые тканью; кут, лыковые башмаки, с ними шерстяные подвязки; дэрем – нижняя рубаша до пят; кабачи – вышитый матерчатый нагрудник для прикрытия разреза рубахи на груди; зар – пояс, или пояс на бедрах поверх рубахи; шортдэрем – льняной верхний кафтан, полотняное одеяние, спереди открытый так, что, когда кафтан запахивают, грудь не бывает закрыта, и в этом случае он должен быть опоясан заром, или поясом. Сирес – шелковый < широкий отложной > воротник, или оплечье, прикрепляемый к кафтану лентами; ашкон – высокий головной убор с неотделимыми принадлежностями. Он надевается на обернутый вокруг головы длинный льняной платок так, что надвигается сильно на лоб почти до бровей, почему может стоять на макушке головы, а сзади привязывается вокруг шеи. Сюлык – вышитый белый покров на ашкон, подобный французскому куаффиюру, опускаемый на лицо

Удмуртка в костюме XVIII в.
Рисунок И. Г. Георги

или поднимаемый по желанию... пришитый... вокруг шеи носят они зимой шарф, так же ли летом, не знаю. Дукус, белое (также бывает зеленого, красного сукна) суконное пальто, или зипун, от дождя или снега, спереди обычно застегивается, а при входе в помещение его тут же снимают"

Приобретение комплекта обошлось Мессершмидту в 2 руб. 51 коп. Второй аналогичный комплект, купленный в д. Дизминской, стоил путешественнику 2 руб. 12 коп. Характерно, что Д. Г. Мессершмидт не обратил внимания на металлические украшения женского костюма, приобретая лишь "разное тряпье"⁸⁶. Возможно, металлические украшения получили широкое распространение несколько позже и стали одним из наиболее характерных отличий женской праздничной одежды. В 1830 г. при вновь открываемом в Оренбурге Неплюевском училище предполагалось создать музей. Администрация Воткинского завода получила просьбу о помощи в пополнении его коллекций, на которую последовал следующий ответ: "Что касается до одежд народа, то к числу заслуживающих внимания хотя и принадлежат вояки, но добыть их одежду, всегда украшенную монетами и разными металлическими и стеклянными фигурками, их браслеты и головные украшения... без расходов значительных невозможно..."⁸⁷ Особой популярностью пользовались серебряные украшения. В каждой "коробке", в которой хранились наиболее ценные для крестьянина вещи, упоминаются, как правило, серебряные браслеты, перстни, серьги, не говоря уже об айшонах и перевязях. Изготавливались они, по-видимому, на заказ местными и приезжими ремесленниками-отходниками. Так, крестьянин Лаишевского уезда Казанской губернии с. Шумского Михаил Королев отмечал, что "находился в вотяцких селениях для делания по ево ремеслу серебряных вещей: перстней, наручей, серег и прочего", причем ремесло это было унаследовано им еще от отца⁸⁸. С. Н. Курочкин, оставивший описание удмуртов Малмыжского уезда, отмечал, что "одежда мужчин,

ежедневная и праздничная, походит на одежду русских крестьян, кроме рабочей одежды, когда вояк подпоясывается ремнем с железной пряжкой, к которому пришиты железная натопорня (скоба, в которую топор кладут), нож в кожаных ножнах и кожаная сумка с кремнем, огнивом, трутом. Лапти у него плетены отменным от русских манером, привязаны к ногам плетнями, сделанными из ниток белых портяных пополам с черными шерстяными. Летом вояк на голове носит иногда шляпу, а чаще суконный колпак, зимой одет худо"

В женской одежде С. Н. Курочкин, кроме айшона, сюлыка, перевязи и ожерелья из двух рядов пронизок, отметил белую длинную пеньковую рубашку, обшитую по краям китайкой или ситцем, "на ней, покороче, кафтан, суконный синий, либо зеленый, либо полосатый, лапти лычные, пояс шерстяной, пестрый" "Впрочем, в разных волостях уезда имеет он (женский костюм. – М. Г.) свои изменения и прикрасы"⁸⁹, – заключает свое описание автор.

Одежда русского крестьянства тоже изготавливалась из домотканины. "Тканье холстов по обыновению" было будничным занятием женщин и в русский семье. В материалах о краях имуществва среди русского крестьянства, как правило, отмечаются "холст, крашенина, шерсть домотканая, сарафаны из крашенины, верховицы женские из сермяжного сукна и т. д." Верхней зимней одеждой служили шубы. Вот типичное описание крестьянского имуществва, унесенного из клети русского крестьянина Зюздинской волости Сергея Вихляева в августе 1798 г.: "Холста 250 аршин, шуба малоношенная, кафтан новой, сермяжной, сукна сермяжного 15 аршин, коты двои, поношенные, чулки, платок поношенный, шелковый, бумажный платок, красной пестряди платок, лента канительная, кушак коломчатой, 2 кушака своего дела, вареги, кожа дубленая, кружева бумажные, трепаного льну на 1 руб., рубаха женская"⁹⁰

Гораздо более щегольской предстает одежда зажиточных каринских татар. Так, во время сыска С. Г. Сандырева были сломаны

татарские хоромы, отстроенные на захваченных у удмуртов землях. Татары в 1700 г. принесли челобитные об утраченном в это время имуществе в Посольский приказ. В списке Дусаметя Дюняшева, например, значились: "...овчина деланая, шубка поношенная женская под крышкой (покрытая. – М. Г.) тафтяной, пуговицы серебряные; двои сафьяновы бахилы да двои башмаки, да сапог двои, шапка из хвостов собольих, женская, штаны кежевые (из пестряди, в полосу. – М. Г.), 2 мужские рубашки александрийской пестряди, женская однорядка красного сукна английского с кружевом, ковер, женской кузни серебряной, зарукавья – на 4 руб., епанча белья, шуба и одеяло бараньи"⁹¹ Обращает на себя внимание наличие в списке имущества вещей из дорогих привозных тканей: тафты, английского сукна; сафьяновых башмаков, собольей шапки, хотя Дусаметь Дюняшев по статусу был к этому времени обычным черносошным крестьянином.

Любопытный материал о наиболее типичных наущно необходимых предметах одежды мастерового содержит "Статистическое описание Ижевского завода от 1850 г.", в котором дан типичный бюджет семьи оружейника, состоящей из мужа с женой и дочери (малолетней). Как полагала заводская контора, на год мастеровому-оружейнику и его семье были необходимы:

Кафтан из простого сукна	3 р. 50 коп.
Шапка зимняя	40 коп.
Шляпа	40 коп.
Зимние суконные штаны	1 р. 50 коп.
Холщовые летние штаны	80 коп.
Коты (пара)	60 коп.
Подметки к ним	20 коп.
Рукавицы кожаные	30 коп.
Тулуп овчинный	6 р.
Полушубок	2 р. 80 коп.
Фартук кожаный*	
Фартук холщовый*	

Шуба женская на заячьем меху, крытая нанкой или подобной материей*	
Платье ситцевое	3 р.
Платье холщовое набойчатое*	
Платок на шею	30 коп.
Платок на голову*	
Черевички*	
Чулки шерстяные (пара)	70 коп.
Рубашка холщовая мужская*	
Рубашка холщовая детская*	
Порты холщовые	1 р. 20 коп.

Любопытно, что в отношении таких предметов, как фартуки, женская шуба, платье холщовое, чулки и черевички, детская рубашка в источнике стоит помета – в продаже нет, соответственно отсутствует и цена вещи. В целом на этот весьма ограниченный комплект одежды, по мнению заводской конторы, с пропитанием, расходами на непредвиденные случаи, как то: крестины, похороны и т. д. – требовалось 48 руб. в год⁹²

Семья и община

Основой существования крестьянства и его социальной организации испокон веков были семья и община. Семья являлась основной хозяйственной единицей, тем коллективом, где осуществлялось производство материальных благ и воспроизводство самого населения. Какой была крестьянская семья по количеству, по родственному составу? Этот вопрос давно интересует ученых.

Дореволюционные этнографы, наблюдавшие быт удмуртов второй половины XIX – начала XX в., отмечали преобладание у них больших семей.

В 30-е гг. XX в. в Удмуртию из Москвы были направлены комплексные экспедиции, в составе которых работали и этнографы. В Глазовском районе они обнаружили боль-

* В источнике цена не указана.

шие семьи, численность которых составляла 40 и более человек. Кроме того, семьи были объединены прочными связями в патрионимии, носившие имя их родоначальника по мужской линии – Куака-пиос, Быды-пиос и т. д.

Вывод, который сделали из этих фактов этнографы, был достаточно однозначным: у удмуртов сохранился осколок патриархального рода – большая патриархальная семья.

Изучение крестьянской семьи в районах русского Севера, Сибири, центра России, у коми, мордвы и т. д. началось в 70–80-е гг. XX в. на основе дошедших до нас переписей. Исследования показали, что большие семьи примерно с таким же, как у удмуртов, составом сохранялись везде, у всех народов, в том числе и у русских. Однако наряду с ними существовали, а в определенные периоды и преобладали малые семьи, состоявшие из отца и матери (супружеской пары) и детей, численностью от 2 до 5 человек. Исследуя конкретные семьи, ученые выявили, что и тип семьи, и ее численность, и состав по возрасту и полу меняются. Семья может разрастаться, становиться сложной, когда, наряду с родителями и детьми, в ней появляются женатые дети с собственными детьми. Нередко после смерти родителей женатые братья продолжают жить вместе. Таким образом, возникают неразделенные семьи женатых братьев с детьми и даже внуками.

Столь же часто происходили и явления другого порядка, когда сложная семья начинала выделять из своего состава малые семьи. Процессы разделения и разрастания семей шли одновременно и параллельно.

Изучение демографического поведения удмуртской семьи на протяжении двух столетий – с конца XVII в. до 60-х гг. XIX в. – на основе материалов переписей и ревизий показало, что господство большой семьи и здесь не было однозначным и постоянным. В конце XVII – первой четверти XVIII в. преобладали малые семьи. Семейные коллективы численностью свыше 10 человек встречались достаточно редко, а сообщества из 15–17 и даже из 13–14 человек вообще были единичными.

Во второй половине XVIII в. сложные, неразделенные семьи стали встречаться чаще. В середине XIX в. свыше трети удмуртских семей состояли из 6–15 человек, 9 % – из 16–20 человек, 6 % – имели в своем составе свыше 21 и более человек. Таким образом, неразделенные семьи выходят в середине XIX в. на первый план. Почти 45,5 % стали составлять большие неразделенные семьи, состоявшие из женатых братьев с женатыми и холостыми детьми, иногда с женатыми племянниками с детьми и внуками.

Почему семейные разделы, приводившие к преобладанию малой семьи, приостановились? Причина, прежде всего, заключалась в малоземелье. После генерального межевания каждая семья была жестко ограничена определенной нормой (15 дес.), выделявшейся на мужскую душу. По мере роста населения эта норма неуклонно снижалась. Распад семьи приводил к дроблению и без того небольшого земельного участка, поэтому крестьяне стали относиться к разделам очень осмотрительно. Не обошлось и без вмешательства государства. Указом Сената от 30 марта 1823 г. семейные разделы можно было производить только при наличии специального разрешения губернатора, при условии, что в каждом дворе должно остаться не менее 3–4 работников-мужчин. Получить такое разрешение при бюрократической волоките и коррупции было делом достаточно сложным. Очень ярко это положение может проиллюстрировать пример семьи новокрещеного удмурта д. Батитовой Бурановской волости Кондратия Максимова, состоящей из 7 д. м. п.: его самого, сына Ивана с сыновьями Исаем и Андреем, с внуками Григорием, Матвеем и Мироном. Это типичный отцовский вариант неразделенной семьи. В 1834 г. К. Максимов просил позволения на раздел, мотивируя это тем, что "через раздробление семейства лучше можем себе всякой раз старание приличное нашему быту содержания иметь". Община дала свое согласие, однако Вятская казенная палата отказала

в разделе, так как при расследовании открылось, что семейство Максимова только 7 лет тому назад "без позволения начальства" выделилось из состава другой семьи⁹³. Таких примеров можно привести великое множество. Необходимо подчеркнуть, что вятская администрация вообще чрезвычайно отрицательно относилась к семейным разделам, полагая, что "раздробление семейств без крайней в том нужды для поселения бедственно, а потому необходимо употребить все меры и удерживать их от того". Каждое обращение с подобной просьбой вызывало у представителей бюрократии подозрения в стремлении крестьян "избегать рекрутской очереди и прочих повинностей"⁹⁴.

Распад неразделенной семьи задерживал и то обстоятельство, что большая семья в хозяйственном отношении выигрывала по сравнению с малой. Она обладала значительными ресурсами для развешивания товарно-денежных отношений, обеспечивала более устойчивые связи с рынком.

Необходимость тесных контактов между родственниками, частая потребность во взаимопомощи обуславливали, кроме того, сохранение патронимических, или, по выражению удмуртов, "бóлячных" связей между сложившимися отдельными семьями. Каждое более или менее крупное селение состояло из бóляков, которые селились концами, улицами. Эти союзы, в свою очередь, объединялись в соседские общины⁹⁵.

Что касается особенностей русской крестьянской и городской семьи, а также семьи мастеровых, то они еще ждут исследований. Сравнительное изучение типологии русской и удмуртской семьи первой четверти XVIII в. не выявило особой разницы в численном составе и половозрастной структуре русской крестьянской семьи в Удмуртии. Отметим лишь, что в первой половине XIX в. русские семьи стали распадаться значительно чаще, молодежь не хотела мириться с ограничением своей воли. Так, в 1800 г. Бельское волостное правление пыталось примирить свекровь Пелагею Мусихину и ее невестку. Невестка не жела-

ла жить в одном доме с Пелагеей, требовала раздела, а мать не соглашалась, "почитая за малолетних детей (14 и 12 лет) в платеже государственных податей несостоятельною, за старостию своей" Невестка не унималась и выносила "сор из избы", постоянно требуя вмешательства волостных органов⁹⁶. Материалы уездных судов изобилуют подобными делами.

Характерными особенностями удмуртской семьи, правда, не имеющими большого распространения, были многоженство (двоеженство) и остаточные явления левирата и сорората. Принятие христианства сопровождалось отказом от многоженства. Типичная для данной ситуации коллизия описывается новокрещеным Тимофеем Анисимовым из д. Нижний Кумор сотни Бектула Бакеева Арской дороги: "Наперед сего имел я у себя две жены – одна отка Бектей Амирова, другая – Сизий Аламышева, а как восприял святое крещение, то мне две жены держать стало нельзя... окрестил обеих жен, за себя взял большую, а вторую хотел отдать повольно, за ково она похочет"⁹⁷. По-видимому, в подобном положении в XVIII в. оказался отнюдь не один Тимофей Анисимов.

Другое явление, с которым столкнулась и с которым боролась христианская церковь – брак умыканием, причем невеста, как правило, была заметно старше жениха. Типичную картину обрисовал крестьянин починка Якшур-Монья Селтинской волости Андрей Сидоров (Атыр): "Сыну Дмитрию, от роду ему 15 лет, по случаю нахождения в болезни жены взял с. Мултанского у Трофима, по отчеству не знаем, дочь Татьяну назад тому другой год с тем, когда Дмитрией достигнет указанные годы (18 лет), обвенчать с Татьяной" Татьяна Трофимовой было 20 лет и, будучи уже в доме Сидоровых, она родила дочь, как призналась в расспросах, от своего однопорочника Андрея Петрова, который "уже отдан в рекруты"⁹⁸.

Священник с. Мултан в 1839 г. доносил приставу первого стана, что новокрещеные засватанные невест везли в дома, хотя были предупреждаемы. Женихи и их отцы вы-

нуждены были писать объяснения, из которых выясняется, что совершить это нарушение их вынуждала необходимость в рабочих руках и несовершеннолетие женихов. Одно из подобных дел об "умыкании" невесты в 1849 г. рассматривал даже Сенат: дело дошло до высоких инстанций из-за того, что родители "невесты" и сама она никак не согласились с подобным способом создания новой семьи. Участники похищения (15 человек) – удмурты д. Новой Бии – полагали, что "таким средством по их вотскому быту нередко случается во избежание излишних расходов". Сенат нашел, что "поступок учинен по невежеству и по старинному вотскому обычаю и не имел никаких дурных и предосудительных последствий", и ограничился внушением, чтобы "впредь от таких самовольных поступков удержались"⁹⁹.

Большинство супружеских пар жили "в любви и согласии" И в семьях, во всяком случае внешне, царил мир, ибо выносить на суд домашних разногласия было не принято, даже если между супругами возникла неприязнь. Характерно в этом отношении дело об убийстве татаринном д. Починошной Глазовского уезда Бетупом Бахлезиным своей жены Наспи за то, что та "ево не любила, никогда почти не говорила". При расследовании мать убийцы заметила: "Сын при ней с женой никакой ссоры и драки не имел по случаю тому, как по магометанскому закону... при отце и матери чинить того не могут". Мать убитой тоже подтвердила, что жалоб от своей дочери на мужа "не слыхала"¹⁰⁰.

О том, что под видимым благополучием разгорались порой нешуточные страсти, свидетельствует и дело об убийстве в 1806 г. бесермянина д. Ежевской Кирилла Ахбулатова. Последний всего за 5 недель до убийства женился на дочери Дениса Королева – бесермянина д. Шамардан, Марине, которая была влюблена в своего женатого соседа Андрея Малых и забереманела. Однако Андрей посоветовал ей выйти замуж и обещал вскоре убить ее мужа и собственную жену и жениться на ней. Поражает хлад-

нокровие, с которым готовилось это убийство Мариной, и малодушие и предательство ее возлюбленного. Когда предложенный Андреем план был осуществлен, но убийство раскрылось, он настаивал на том, что все устроила одна Марина, которая была бита кнутом и сослана на вечное поселение в Сибирь¹⁰¹.

Нешуточные страсти разыгрались и в другом случае, который тоже закончился убийством. Новокрещеный Трофим Никитин из д. Камышевской "по вечеру выпарившись в бане, уходил неизвестно куда, а пришел перед светом разбитой и на спрос, кто его прибил, ничего не говоря, помер". Дочь укачала на соседа Сергея Главатских, к супруге которого наведывался убитый, потерявший 3 года тому назад жену, "о чем все соседи их деревни довольно известны"¹⁰².

Уголовные дела в силу их особенностей изобилуют повествованиями о супружеских изменах, о притеснениях невесток свекровями и членами семьи мужа, об уничтожении незаконнорожденных младенцев и т. д.

Семейные отношения, так же как и соблюдение нравственности, находились под неусыпным контролем соседской общины, главной функцией которой была защита ее членов от враждебных стихий. Община вступала в единоборство с направленными против человека силами природы. Расчистку земли из-под леса члены общины вели совместно. Общими усилиями тушили нередкие в то время пожары. В случае неурожая, болезни, смерти кормильца, пожара, урагана и других стихийных бедствий община приходила на помощь пострадавшим и спасала от нищенства, бродяжничества и т. д.

Общины-деревни объединялись, в свою очередь, в союз более высокого порядка: общину-долю, общину-сотню. На севере края было известно 6 долей: Каринская бесермянская, Каринская татарская, Каринская первая и вторая удмуртские, Нижне-чепецкая и Верхочепецкая удмуртские доли. В последней четверти XVII в. к ним прибавились еще две удмуртские доли: Верхочепецкая V Пургинская и Верхочепецкая

Игринская. В первой четверти XVIII в. на юге края, по Арской дороге, было зафиксировано 6 удмуртских сотен, носивших имена возглавлявших их сотников: Прони Яммурина, Андрея Байтемирова, Тотая Иванова, Токбулата Рысова, Ямая Досмакеева, Бегаша Илмекеева. Постепенно, к середине XVIII в. сотни стали дробиться, выделяя из своего состава новые образования. В 1743 г. насчитывалось уже 9 удмуртских сотен, в 1762 г. – 18 сотен. В долях в это же время стали выделяться сотни, концы, рубежи, десятки, тоже игравшие роль общин со своим руководством, общинными сходами и свойственными для любой общины функциями. Эти общины включали в свой состав несколько десятков селений и от трех и более тысяч людей. Государство использовало их в системе управления в качестве самых низших территориально-административных единиц. Старосты долей и сотники несли перед государством ответственность за своевременную выплату податей, аккуратное выполнение повинностей в полном объеме, “за тишину”, т. е. отсутствие проявлений социальной неприязни и всплесков борьбы, за точность ревизских сказок – сведений о населении, подаваемых во время ревизий. Выполнение обязанностей руководителей общины (старост, сотников, целовальников, пятидесятских, десятских и т. д.) было сопряжено с огромной ответственностью, большими затратами энергии, материальных ресурсов и при добросовестном, без злоупотреблений их исполнении ничем не компенсировалось.

Мирские сходы-советы сотен и долей собирались в отличие от деревенских сходов по наиболее важным делам, прежде всего для раскладки податей и повинностей по деревням. Созывались они и в случае каких-либо экстраординарных событий, происшествий, необходимости обращения в вышние инстанции, заключения “одинашных записей”, т. е. коллективных соглашений быть заодно в том или ином вопросе.

По мере роста населения созыв мирских сходов из представителей столь большого

числа деревень, которые соединялись в волостные общины, становился все более затруднительным. Распад сложных, крупных общин привел к тому, что их функции стали замыкаться в общине-деревне.

В конце XVIII в. общины начали все чаще прибегать к уравнительному переделам земли. Свобода распоряжения землей, когда крестьянские дворы, особенно на севере, могли продавать, закладывать, дарить, передавать свои участки по наследству, постепенно сходила на нет. Правительственные органы всячески поощряли внедрение земельных переделов. С другой стороны, в насаждении уравнительного принципа распределения земли были заинтересованы разорившиеся крестьяне, из-за различных обстоятельств потерявшие свои земельные угодья. Это встречное движение привело в конечном результате к приобретению общиной поземельных функций, которые ранее выражались довольно слабо. Последнее обстоятельство тоже укрепило позиции общины, особенно усилило первичную ступень крестьянских сообществ – общину-деревню.

Главным регулятором внутренней жизни общины являлось обычное право. Суд по мелким делам: ссорам между соседями и членами семьи, нарушениям нравственности, мелким хищениям, потравам и другим несоблюдениям норм повседневной жизни общины происходил на сходе. Ему, как правило, предшествовало предварительное следствие, которое велось десятскими и пятидесятскими с привлечением других членов общины и заинтересованных лиц. Решение выносилось на сходе. Чаще всего это были меры физического воздействия, штраф. За более тяжкие преступления община могла изгнать виновного из своих пределов, отдать в руки правительственных органов для последующей ссылки в Сибирь. Однако, как показывает практика, провинившихся по решению мирского схода, как правило, без очереди сдавали в рекруты. Особенно это было характерно для общины русских крестьян. Так, Бельской волости

староста Федор Турунуев и сотник Егор Хлобыстов объясняли, что просителя Злобина сын Павел отдан в рекруты "по причине нерачения к хлебопашеству и домоостроительству и за обхождение с подозрительными людьми". Мирские люди Тимофеевой сотни Васильева в лице мирских начальников Михея Первякова, Фокея Коновалова и Карпа Умякова пояснили, что Ивана Попцова, Ефима Перескокова, Сидора Хорошавина отдали в рекруты "по причине, что они состояния были худого, в обществе никакие службы непорядочными их обхождениями нести не могли, часовременно из домов своих имели отлучки, от каковых отлучек пришли в бедность, а затем и государственных податей в срок не оплачивали"¹⁰³. Вообще, рекрутская повинность была самой страшной, особенно для удмуртов, поэтому неудивительно, что здесь проявлялось наибольшее число злоупотреблений: взятки за освобождение от этой повинности были обычным явлением для мирских старост и сотников. Естественно, что повинность перекладывалась с состоятельных на наиболее безгласных и беззащитных, наподобие Капитона Яковлева из д. Косинской Первой удмуртской Каринской доли, который жаловался в уездный суд, "что лет 20 тому назад отец его был сдан в рекруты без всякой очереди, после коего они остались в малолетстве и мать воспитывала их одна собою с великим по одиночеству ее трудом, почти через собиране только мирского подаяния одна, и ныне, несмотря на отдачу отца, в защитение семейственных и очередных их сотник большого брата ево Андрея отдал же в рекруты, оставя в доме ево одново с престарелой матерью"¹⁰⁴.

Дела, касающиеся взаимоотношений общины с правительственными органами, чиновниками, жителями городов и членами других общин решались официальным законодательством – указами царя, Сената, Синода, провинциальной и губернской канцелярий. Руководство общины стремилось быть в курсе важнейших правительственных распоряжений и законов. Так, в одном из

архивных дел конца XVII в. речь идет о том, что Соборное уложение 1649 г. передавалось из одной общины в другую, где с него снимали копии. Знание законодательства помогало крестьянам ориентироваться в жизни и в требованиях, предъявляемых представителями администрации. Однако удмуртам, недостаточно знавшим русский язык и неграмотным в основной своей массе, было сложно и чаще невозможно разобраться в хитросплетениях российского законодательства, поэтому они оказывались беспомощными перед произволом власть имущих. Община противопоставляла произволу единение. Общинники принимали единодушные решения, заключали "одинашные записи", договаривались стоять "за один". Только благодаря этому крестьянам удавалось в некоторых случаях добиваться успехов в борьбе против произвола властей.

Культура XVI – первой половины XIX в. базировалась на народных эмпирических знаниях, которые длительное время определяли отношения человека с окружающей природой и наряду с рациональными знаниями содержали магические приемы воздействия на нее и на человека. Достаточно консервативным был и быт населения, определяющей линией организации которого оставалась традиция.

С появлением крупной промышленности, становлением и укреплением связей с другими районами в XVIII – первой половине XIX в. появляются зачатки профессиональной культуры, которые развиваются, впитывая инновации и влияние не только российской, но и мировой культуры.

Ссылки на литературу и источники

¹ Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1991. С. 83–84.

² Удмурты: Историко-этнографические очерки Ижевск, 1993. С. 83–84.

- ³ Удмурты... С. 255–256.
- ⁴ Удмурты... С. 257
- ⁵ ЦГА УР, ф. 26, д. 40, л. 125.
- ⁶ Гришкина М. В. Народная медицина удмуртов: (Из опыта XVIII–XIX вв.) // Вестник УдГУ, 1992. № 6. С. 51.
- ⁷ Удмурты... С. 262.
- ⁸ Никитина Г. А., Шкляев Г. К. Культура и быт удмуртского крестьянства в эпоху феодализма // Материалы по истории Удмуртии. Ижевск, 1995. С. 141.
- ⁹ Голубкова А. Н. Роль музыкальных инструментов и инструментальной музыки в духовной культуре удмуртов // Вестник УдГУ. 1992. № 6. С. 64–65.
- ¹⁰ Удмурты... С. 252.
- ¹¹ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск, 1994. С. 85–126.
- ¹² Гришкина М. В. Христианизация как направление государственной политики по отношению к нерусским народам // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С. 5–8.
- ¹³ Иевонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Устинов: Удмуртия. С. 33–40.
- ¹⁴ Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Месершмидта. Ижевск, 2001. С. 15–20, 163–206.
- ¹⁵ Кротов З. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995. С. 7. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии).
- ¹⁶ Куликов К. И. Вениамин Пуцек-Григорьевич – первый просветитель удмуртов // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск, 2002. С. 17–54; Краснова Т. А., Шкляев А. Г. Критическая мысль и истоки формирования удмуртского письменного и литературного языка в XVIII веке // Там же. С. 74–75.
- ¹⁷ Мозилин М. Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. С. 7–13, 23–24. (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие).
- ¹⁸ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 73.
- ¹⁹ Телляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965. Вып. 1. С. 229–230.
- ²⁰ Шумилов Е. Ф. Указ. соч. С. 77.
- ²¹ РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1702 г., д. 1, л. 6, 15, 25 об., 26.
- ²² ГАКО, ф. 583, оп. 1, д. 40, л. 1 об.; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1974. С. 156, 178.
- ²³ РГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 5877, л. 1–9.
- ²⁴ Мосин А. Г. Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVIII – середина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1986. С. 12–13.
- ²⁵ Гришкина М. В. Народное образование в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX в. // Социально-экономическое и культурное развитие Удмуртии в XVII–первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 131–141.
- ²⁶ Там же. С. 153.
- ²⁷ Гришкина М. В. Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ в первой половине XIX в. // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 5–20.
- ²⁸ Сысоев М. В. Из истории развития здравоохранения в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX века // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 28–39.
- ²⁹ Латышев Н. Н. Вклады Камских заводов в историю русской техники в XIX веке // Записки УдНИИ. Ижевск, 1950. Вып. 13. С. 54–58.
- ³⁰ Воткинские были: (Исторические очерки). 1759–1959. Ижевск, 1959. С. 49–50.
- ³¹ Латышев Н. Н. Указ. соч. С. 61.
- ³² Александров А. А. Состояние техники и инженерно-технических кадров на Ижевском и Воткинском заводах. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 188.
- ³³ Выхарев Б. С. Ижевск. Ижевск, 1963. С. 14.
- ³⁴ Воткинские были: (Исторические очерки). 1759–1959. Ижевск, 1959. С. 51.
- ³⁵ Воткинские были. С. 53.
- ³⁶ Александров А. А. Состояние техники и инженерно-технических кадров на Ижевском и Воткинском заводах. С. 195–200.
- ³⁷ Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 54–55.
- ³⁸ Там же. С. 57–58.
- ³⁹ Там же. С. 58.
- ⁴⁰ ЦГА УР, ф. 212, д. 8609, л. 3–91.
- ⁴¹ Там же. Д. 10564, л. 1.
- ⁴² ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 249, л. 1–21 об.; д. 373, л. 9–9 об.; д. 603, л. 9–10.
- ⁴³ ЦГА УР, ф. 212, д. 10788, л. 1–62; д. 11081, л. 1–90; д. 11286, л. 3–124; д. 12106, л. 44–140 об.; д. 12974, л. 3–79 об.; д. 13411, л. 1–68 об.
- ⁴⁴ АВИАМАИВС, ф. 9, оп. 56, д. 217, л. 332–337.
- ⁴⁵ ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 1255, л. 18 об.–19, 32 об.–33; д. 1356, л. 12–13, 14–17.
- ⁴⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 577, л. 2–9, 10–16 об., 25–25 об.; оп. 56, д. 182, л. 18–18 об.; оп. 53, д. 198, л. 12–12 об.
- ⁴⁷ Шумилов Е. Ф. Архитектура Ижевска. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 11.
- ⁴⁸ Шумилов Е. Ф. Указ. соч. С. 22, 23; АВИАМАИВС, ф. 3, оп. 11, д. 92, л. 99–189.
- ⁴⁹ Труды ВУАК. Вятка, 1910. Вып. 3. С. 92.
- ⁵⁰ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 2070, л. 4–141; д. 2671, л. 6–128; Памятники истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 21, 24, 28.
- ⁵¹ Там же. С. 54, 67, 74, 78, 80, 93, 98, 104, 141; Православные храмы Удмуртии: Справочник-указе-

тель по документам Центрального госархива Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 38–306.

⁵² Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Месершмидта. С. 9.

⁵³ Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977. С. 19–21; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 9–14.

⁵⁴ Поздеев П. К. Русские писатели об Удмуртии. XVIII – начало XX в. Ижевск, 1978. С. 10–12; Эммууский А. В. История Вятского края XII – середины XIX века. Киров, 1996. С. 146–147.

⁵⁵ Эммууский А. В. Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80–90-е гг. XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. С. 204–215; ГАКО, ф. 583, оп. 600, д. 28; РГИА, ф. 91, оп. 1, д. 540; Архив ИИРАиН в СПб., ф. 36, оп. 1, д. 482.

⁵⁶ Столетие Вятской губернии 1780–1880. Вятка, 1880. Т. 1. С. 33.

⁵⁷ Загребин А. Е. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 20–27.

⁵⁸ Загребин А. Е. Указ. соч. С. 28–32.

⁵⁹ ГАКО, ф. 205, оп. 5, д. 1, л. 321, 329.

⁶⁰ Васильев М. Г. История гимназии за сто лет ее существования // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 год. Вятка, 1911. С. 31–33.

⁶¹ Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1981. С. 24–32.

⁶² Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 293.

⁶³ Чудова Г. Ф. Указ. соч. С. 35–38; Поздеев П. К. Русские писатели об Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 41–62.

⁶⁴ Чудова Г. Ф. Указ. соч. С. 47–48.

⁶⁵ Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги. Киров, 1965.

⁶⁶ ВГВ. 1846. № 45. Часть неофициальная. С. 310–311.

⁶⁷ Напольских В. В. Указ. соч. С. 87.

⁶⁸ ЦГА УР, ф. 126, д. 40, л. 398.

⁶⁹ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 3, л. 96.

⁷⁰ ЦГА УР, ф. 126, д. 41, л. 406 об.

⁷¹ ЦГА УР, ф. 126, д. 41, л. 406 об.

⁷² ГАКО, ф. 575, оп. 21, д. 449, л. 288.

⁷³ ЦГА УР, ф. 126, д. 39, л. 362 об. – 363.

⁷⁴ РГАДА, ф. 131, 1702 г., д. 1, л. 535 об.

⁷⁵ РГАДА, ф. 131, 1699 г., д. 2, ч. 2, л. 612.

⁷⁶ ЦГА УР, ф. 126, д. 42, л. 352.

⁷⁷ ВГВ. 1847. № 23. С. 143; ГАКО, ф. 582, оп. 14г, д. 16, л. 15–15 об.

⁷⁸ РГАДА, ф. 615, оп. 1, ч. 2, д. 1248, л. 3.

⁷⁹ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 42, л. 352–352 об.

⁸⁰ Архив РАН, ф. 94, оп. 1, д. 3, л. 15; д. 4, л. 237; д. 7, л. 273 об., 348 об.

⁸¹ ГАКО, ф. 582, оп. 14г, д. 16, л. 408–409.

⁸² ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 782, л. 317; Архив РАН в СПб., ф. 94, оп. 1, д. 3, л. 14; д. 4, л. 236 об., 273 об., 349.

⁸³ ЦГА УР, ф. 212, д. 5776, л. 1; д. 6356, л. 24–25.

⁸⁴ Климов К. М. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX–XX вв. Ижевск, 1999. С. 100–166.

⁸⁵ ЦГА УР, ф. 126, д. 42, л. 8.

⁸⁶ Напольских В. В. Указ. соч. С. 85–88.

⁸⁷ ЦГА УР, ф. 212, д. 9202, л. 11–11 об.

⁸⁸ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 36, л. 352.

⁸⁹ ВГВ. 1851. № 24. С. 199–204.

⁹⁰ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 52, л. 666.

⁹¹ РГАДА, ф. 131, 1700 г., д. 3, л. 7–8.

⁹² ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 782, л. 53–55.

⁹³ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 546, л. 1–1 об., РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 240 об.

⁹⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 37, л. 240 об.–241.

⁹⁵ Гришкина М. В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII – первой половины XIX в. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: Материалы XX сессии по изучению проблем аграрной истории. Таллинн, 1987.

⁹⁶ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 33, л. 232 об.–233.

⁹⁷ РГАДА, ф. 1040, д. 10, л. 24–24 об.

⁹⁸ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 42, л. 395–396.

⁹⁹ ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 258, л. 1–2.

¹⁰⁰ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 46, л. 102–102 об.

¹⁰¹ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 47, л. 183 об.–184.

¹⁰² ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 33, л. 334–364.

¹⁰³ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 23, л. 250–250 об.

¹⁰⁴ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 23, л. 141–141 об.

Н. П. Лигенко
Г. А. Никитина
С. Л. Мельников
В. С. Чураков
А. Н. Кутявин

Часть вторая

Удмуртия
во второй
половине XIX –
начале XX века

Буржуазные реформы. Отмена крепостничества

Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века

К 1861 г. Россия оставалась единственной великой державой, где в полной силе сохранялось крепостное право для большинства населения страны. Что такое крепостное право? Крепостное право – совокупность юридических норм, закреплявших подчиненное положение человека. Крепостничество в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений – государство, корпорация или отдельный человек, могло существовать соответственно как государственное, корпоративное или частное¹. Оно могло принимать как мягкие, так и суровые формы, до полной, всеобъемлющей зависимости человека от его господина. В России крепостное право существовало в суровых формах; оно имело следующие признаки крепостнической зависимости: 1) внеэкономическую, личную зависимость от господина: отдельного лица, корпорации или государства; 2) прикрепление к месту жительства; 3) прикрепление к сословию; 4) ограничения в правах на владение частной собственностью и на совершение гражданских сделок; 5) ограничение в выборе занятия и профессии; 6) социальную незащищенность: возможность лишиться достоинства, чести, имущества и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина².

В соответствии с утверждающейся в современной историографии концепцией в пореформенной России свободным человеком был только царь, а все остальное население было закрепощенным, причем на нескольких уровнях: священник – государством и епископом; посадский человек – государством и посадской общиной; помещичий крестьянин – государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин – казной и сельской общиной; дворянин – только государством. Крепостное право в России носило всеобщий характер: охватывало все население государства снизу доверху – от крестьянской избы до императорского дворца, пронизывало все государственные институты, до 1860-х гг. являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества.

Крепостничество сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод, затрудняло социальные перемещения и переселения, развращало общественную психологию народа всеобщим похолоплением, оставившим негативный след в формировании национальных характеров. Существует мнение, что оно способствовало организации командной экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье.

К середине XIX в. для верховной власти и всех мыслящих людей России стало очевидно, что страна остро нуждается в реформировании политической и правовой системы, в проведении промышленной революции, в просвещении народа. Было также очевидно, что освобождение крестьян от власти помещика должно предшествовать всем другим реформам. Отмена крепостного права была делом не только государства, но и всего русского общества. Она была вызвана следующими факторами: требованием предоставления свободы со стороны всех сословий; утверждением частной собственности; влиянием европейских порядков; объективными политическими, военными, экономическими и культур-

ными потребностями общества и государства. Уже с 1762 г. каждое сословие поочередно стало освобождаться от крепостничества. Самый сильный удар по нему был нанесен реформами 1860-х гг.: именно тогда крестьянство освободилось от частного, а городское сословие от государственного и корпоративного крепостничества.

Освобождение крестьянства

В огромном государстве с большим разнообразием географических, климатических условий, природных ресурсов, со значительным различием уровней хозяйственного и социального развития реформирование страны по-разному отразилось на жизни отдельных регионов. Каковы же общие и особенные черты проводимых преобразований на территории Удмуртии?

Тяжесть крепостничества в значительной степени определялась социальным составом населения, находящимся в далеко не одинаковых правовых условиях. На территории Удмуртии подавляющее большинство жителей составляли крестьяне (93,7 %)³. Земледельческое население было выражено практически всеми категориями, отмеченными в других регионах: государственные (79,5 %), удельные (10,2 %), помещичьи (1,3 %), горнозаводские крестьяне (8,7 %) и т. д. Подавляющее число жителей составляли государственные крестьяне, поэтому крепостное право не носило здесь столь ярко выраженного крепостнического закабаления. Горнозаводских, удельных, а также помещичьих крестьян, находившихся в более тяжелом положении, было сравнительно немного. Общую атмосферу сельской жизни определяли государственные крестьяне. Рассмотрим конкретную картину проведения реформ в жизнь, по мере того как они происходили.

³ Современная территория Удмуртии занимает 2/3 четырех уездов Вятской губернии: Глазовского, Елабужского, Сарапульского, Малмыжского.

Помещичьи крестьяне. Особенно ощутимыми, кардинально изменившими жизнь крестьянства России, прежде всего помещичьего, были Манифест 19 февраля 1861 г. и Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Последствия этой реформы всколыхнули жизнь всей страны, даже самых отдаленных ее уголков.

На территории Удмуртии находилось четыре помещичьих владения, располагавшихся в Малмыжском, Сарапульском, Елабужском уездах⁴. В имениях насчитывалось 11 тыс. 106 крепостных и дворовых людей, что составляло 1,86 % от числа крестьян, населявших эти уезды. В Елабужском уезде крепостные крестьяне к общему числу населения составляли 4 %, в Малмыжском – 2,54 %, Сарапульском – 0,5 %. В Глазовском уезде помещичьих имений не было, на правах крепостных находилось 13 дворовых крестьян, работавших в качестве прислуги. С учетом Глазовского уезда общий процент крепостных и дворовых людей по всей Удмуртии составлял 1,34.

Помещичьи имения располагались в деревнях: Пустоши, Михайловка, Тимеевка, Агаревка, Лебедевка – и в селах: Арзамасцево, Шумшоры. Помещику А. Е. Лебедеву принадлежали владения в районе д. Лебедевки Граховской волости, Елабужского уезда, в с. Бемышевском – медеплавильный завод, при р. Сюгаил – стекольный завод, в Ключевской крепостной даче – поташный завод. В с. Арзамасцево находилось имение помещиков В. Я. Чайковского и Н. Величко. Кроме того, первый владел еще 500 дес. земли. В Сарапульском уезде помещик М. Г. Имшенецкий имел 1 тыс. 79 дес. земли и два винокуренных завода. Помещик Г. Е. Юмашев владел 385 дес. земли.

Подготовка к реформе в Вятской губернии началась в первой половине 1859 г. Губернский комитет по крестьянскому вопросу под председательством чиновника Министерства государственных имуществ А. Тиховидова подготовил "Проект Положения об улучшении быта помещичьих крестьян Вятской губернии". Авторы его отмечали,

**О жестоком обращении помещиков
Максимовых со своими крестьянами.
1857–1858 годы**

(РГИА, ф. 1286, оп. 18, д. 404, л. 6)

1857 г. октября 24 дня, по указу Его Императорского Величества Губернское Правление в Общем Собрании Палат Уголовного и Гражданского Суда, Казенной и Государственных имуществ, при исправляющих должность Губернского Предводителя Дворянства Вятском Совестном Суде и Губернского Прокурора слушали записку из дела о жестоком обращении помещиков Максимовых с крепостными людьми; обстоятельства дела этого следующие: Казанской Полиции майстер, рапортот от 30 апреля сего года довел до сведения Г., Начальника тамошней Губернии, что 29 числа того месяца дворовый мальчик Г-жи Максимовой Варфоломей Иванов, имеющий от роду 16 лет, намеревался удавиться, но был усмотрен и снят с петли, по приведении же в чувства на распрос объявил, что имел намерение лишить себя жизни и тем избавиться от жестокого с ним обращения Господина своего Максимовского и устрашавания наказанием розгами; при производстве о сем следствия открылось: крепостной мальчик Г-жи Максимовой В. Иванов на опрос следователя показал, что 29 апреля Г. Максимовский причинил ему жестокие по щекам руками побои за то, что он, Варфоломей, был в кухне, а не в горнице, несмотря на то, что он докладывал своему барину, что он чистил его сапоги, но барин не принял оправданий.

После побоев этих он, Варфоломей, чувствуя нестерпимую боль в голове и висках, сошел опять в кухню и увидал, что кучер, крепостной же госпожи Максимовской, связывает в кучки березовые прутья, и когда кучер на спрос, для кого он вяжет эти розги, ответил, что барин хочет наказывать ими его, Варфоломея, для чего и приказал ему оные навязать, то он, Варфоломей, сильно испугавшись, потому что уже не в силах был

что крепостное право "давно уже отжило свой век" Проект Вятского дворянского комитета ни в чем не противоречил общему, выработанному в столице. Помещики настаивали на сохранении барщины в течение 9-летнего переходного срока, до тех пор, пока не будут выкуплены наделы, свободными хозяевами которых станут крестьяне. Вятский губернатор в своем дополнительном послании, приложенном к Проекту... одобряя его, задался вопросом, что же теряют "истинные дворяне" в результате реформы, и тут же отвечал: "Главный интерес их (помещиков-дворян) – иметь рабочие руки для возделывания своих полей... Крестьянин, делаясь собственником усадьбы, прикрепляется к месту и, не будучи в состоянии обойтись без найма помещичьей земли, всегда и охотно будет обеспечивать рабочую силу, необходимую помещику"⁵. Следует отметить, что в Вятско-Камском регионе, как и по всей России, вопрос об условиях освобождения крестьян решали сами помещики. Реформирование осуществлялось с учетом интересов прежде всего господствующего сословия.

С 19 февраля 1861 г. вводились в действие Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Крестьянству давалась личная свобода. Бывший крепостной, у которого ранее помещик мог отнять все его достояние, а его самого продать, подарить, заложить, теперь получал возможность свободно распоряжаться своей личностью. Крестьянин получал ряд гражданских прав: от своего имени заключать разного рода гражданские и имущественные сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия.

Вся земля в поместье признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в пользовании крестьян. Размеры крестьянского надела и повинностей по каждому имени фиксировались в так называемой уставной грамоте, по взаимному согласию крестьянина и помещика. Уставная грамота составлялась на

переноситься от господ своих тяжкие наказания, делаемые почти каждый день если не розгами, то руками по голове и прочим частям тела, решился лишить себя жизни и, приготовивши для обеденного стола посуду, взял попавшуюся в сених веревку и отправился на подволоку погребца, где, обернув веревку ту кругом перевода, конец оной привязал себе за ногу, для того чтобы скорее затянуться на ней и, таким образом надевши себе на шею петлю, повис на веревке с намерением удавиться на ней, но, каким образом и кем был снят с петли той, не помнит. В доказательство же прежнего жестокого с ним обращения привел следующие примеры: в день принесения им словесной жалобы Казанскому Полицийстеру на жестоков обращение Господином, на пятой неделе Великого поста сего года, но какого именно месяца и числа не знает, по возвращении домой барин спросил его, куда он отлучался, и, когда Варфоломей сказал, что ходил с девкой Матреной Ивановой (крепостной же Максимовых) жаловаться на жестоков обращение с ним, барин сначала прибил его жестоко руками, а потом в горнице ужасно высек собственноручно, приказав кучеру Тимофею держать, затем после подали им и девкою Матреною докладной записки Уездному Предводителю Дворянства барин хотя и не наказывал его розгами, но всякий день колотил руками без всякой со стороны его причины, что могут подтвердить живущие вместе с ним хозяева дома, в котором квартируются господа и постояльцы. Причем Варфоломей Иванов приговорил, что 1) к вышезначенному отчаянному поступку побудило его еще и то, что барин, угрожая розгами, говорил, что он разорит все его, Варфоломея, семейство и сошлет всех его родных, проживающих в Вятской губернии, в Сибирь, что могут также подтвердить крепостные люди его господ Дарья Никитина, помнящая Матрена Иванова, и девочка Олимпиада, 2) Господа обращаются так жестоко не только с ним, Варфоломеем, но и со всеми прочими крепостными людьми, так, во время Великого поста сего года барин, прибив женщину, жену кучера Тимофея, Ирину без всякой со стороны ее вины, несмотря на то, что она находилась тогда в беременности, поставил ее еще на два часа на колени. Крепостная девка Матрена Иванова показала, что она вследствие постоянно жестоких с нею обращений господ действительно обращалась с жалобою

каждое владение помещика. Она рассматривалась как определяющий документ, являющийся юридическим актом, закрепляющим конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости. В уставной грамоте были записаны размеры наделов и повинностей, условия выкупа земельного надела у помещика, за пользование которым лично свободные крестьяне должны были отбывать барщину или выплачивать оброк до тех пор, пока не заключат выкупную сделку.

Уезды Удмуртии, где были крепостные крестьяне, относились ко второй полосе; высшая норма надела определялась в 4 дес. на одну ревизскую душу⁶. Земля здесь считалась более плодородной, нежели в первой полосе, к которой причислялся Глазовский уезд. В общей сложности 94,6 % дворов крепостных крестьян данных уездов оставались на барщине и только 5,4 % переводились на оброк. Крестьяне, отбывавшие барщину, несли ряд натуральных повинностей, а оброчные, получая земельный надел, платили помещику денежный оброк. Лесные массивы в надел не включались. Усадебная земля отдавалась в потомственное пользование за выкуп. Срок введения уставных грамот был установлен в два года.

Процесс внедрения уставных грамот, условия освобождения крепостных в каждом из имений помещиков на территории рассматриваемых трех уездов имели свои отличительные особенности? Так, помещиками В. Я. Чайковским и Н. Величко на имение в с. Арзамасцеве уставная грамота была составлена в июле 1862 г. В декабре 1864 г. она обсуждалась на мирском сходе. Сход села отказался подписывать уставную грамоту. Помещики внедряли ее в принудительном порядке. До отмены крепостного права у крестьян было 719 дес. земли. Помещики определили больший размер надельного фонда, чем был, – в 747 дес. Однако к крестьянским участкам были прирезаны неудобные, т. е. негодные для обработки земли, которые крестьяне обязаны были

начальству, ибо не проходило дня, чтобы барин не бил ее руками без всякой причины, а после принесения жалобы господ стали обращаться с нею еще жестче, так, однажды она, идя по горнице, по случаю новых башмаков топала ногами, барин рассердился на это, хотел высечь ее розгами, но вместо этого приказал встать к окошку и жестоко бил ее толстою веревкою с связанными на ней узлами, наказания этого хотя никто не был свидетелем, но она объявляла о нем постоянно, проживавшей вместе с ним в общем доме Авдотье Андреевой, о постоянно жестоком обращении с нею господ могут подтвердить все те лица, кои выставлены в показании мальчика Варфоломея... Она с 26 апреля... содержится при Полиции за то, что на вопрос барыни, починено ли пальто, отвечала ей тихо, что починено. На что госпожа, рассердившись, прибила и просила барина отвести ее, Матрону, для наказания в Полицию, куда она была отправлена.

Имение помещиков Максимовских находится в Вятской губернии Яранского уезда дер. Озерской. Люди, крепостные означенных владельцев, огласили, что они на жестокое обращение господ своих подавали жалобы Вятскому начальству, но, какое последовало распоряжение, им не известно. Майор Максим.

Постановили:

Имение взяты в опекуновское управление, однако Максимовы продали его чиновнице Молдавской и остались безнаказанными. Правда, было оговорено, что если у Максимовых будет какое-то другое имение, то его возьмут под опеку.

Подписал министр внутренних дел,
стат-секретарь Столыпин

Крестьянский двор. Молотба. XIX в.

выкупить. Тем не менее, в результате прирезки на каждую душу стало приходиться немногим более 3 дес. земли, тогда как норма надела для этих земель правительством определялась в 4 дес. на душу. При этом в одном и том же имении были оброчные и барщинные крестьяне. Оброчные, выкупая наделенную землю, должны были платить по 20 руб. с единицы обложения, а барщинные значительно меньше – по 6 руб. 90 коп., однако компенсация разницы происходила за счет исполнения повинности в виде барщины: с мужской души – 32 дня, женской – 24 дня.

Другая картина наблюдалась в имении помещика А. Е. Лебедева в Граховской волости Елабужского уезда. Крестьяне по соглашению с помещиком отказались от полного надела, и все 298 ревизских душ перешли на "дарственный", т. е. бесплатный, надел, составлявший 1 дес. Не без основания крестьяне называли такой надел "сиротским". У того же помещика на Сюгинском стекловаре крепостные и дворовые пользовались усадьбой и сенокосной землей.

За землю с помещиками расплачивалась казна, с казной – крестьяне в течение 49 лет из расчета 6 % годовых (выкупные платежи). Сумма вносимых выкупных платежей превышала рыночную стоимость земли более чем в 3 раза. Фактически крестьяне платили за землю и за свободу. Став лично свободными, они должны были исполнять казенные и земские повинности. Ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи и проценты за ссуду государству зависимость от него бывших помещичьих и удельных крестьян в экономическом отношении даже увеличилась по сравнению с дореформенным временем.

В то же время наиболее радикально решаемый вопрос о личном освобождении крестьян не получил еще полного, последовательного претворения: ликвидация феодальных отношений в деревне растянулась на несколько десятилетий. Два года (до 1863 г.) крестьяне находились на положении "временнообязанных", должны были

нести феодальные повинности: платить оброк или отбывать барщину; таким образом, черты внеэкономического принуждения продолжали оставаться. Сохранялась и их сословная неполноправность: прикрепление к месту жительства и общине. Крестьянство продолжало оставаться низшим, податным сословием, которое обязано было нести рекрутскую, подушную и другие денежные и натуральные повинности.

Благодаря последующему реформированию, продолжавшемуся всю вторую половину XIX – начала XX в., государственное крепостничество постепенно ослабевало: в 1874 г. рекрутство заменяется всеобщей воинской повинностью; в течение 1883–1906 гг. на смену подушному налогу приходит государственная оброчная подать (комбинация поземельного налога и арендной платы); в 1895 г. вводятся в действие новые паспортные правила, значительно облегчившие передвижение крестьянства; в два приема, в 1899 г. и в 1903 г., отменяется круговая порука; в 1907 г. ликвидируются выкупные платежи. Однако телесные наказания для крестьян сохраняются вплоть до 1917 г.

Что же касается корпоративного крепостничества крестьян, то оно в полной мере удержалось до начала столыпинской реформы 1906–1915 гг., так как в стремлении компенсировать ликвидацию помещичьей власти государство усилило роль сельской общины. Вторым раскрепощением крестьянства можно считать указ 9 ноября 1906 г., когда каждый отдельный крестьянин получил право выделиться из общины, даже в случае ее возражения. На его основе 3-й Государственной думой был принят закон 14 июня 1910 г. Историк В. И. Герье заметил: "Если Положение 19 февраля 1861 г. *освободило* их землю из-под власти помещиков, то Закон 14 июня 1910 г. обеспечил за ними личную, *наследственную собственность их надела*. Эти два великих законодательных акта составляют одно целое: второй из них является логически необходимым дополнением первого" (курсив мой. – Н. Л.).

Горнозаводское население. Одновременно с Манифестом и Положениями... 19 февраля 1861 г. были утверждены "Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов", на основе которых отменялись крепостнические отношения на частных (вотчинных и посессионных) горных заводах и промыслах. Законы касались трех сторон жизни и быта горнозаводского населения: личной зависимости, поземельных отношений и системы управления. Крепостные горнозаводские люди всех категорий получали личную свободу и освобождались от обязательных работ на заводах и промыслах. В проекте подготовки реформы активное участие приняли все крупные горнозаводчики Урала, в том числе владелец Омутнинского горнозаводского округа, потомственный почетный гражданин А. Пастухов. В Удмуртии положения данной реформы касались предприятий "Акционерного общества северных заводов наследников Н. П. Пастухова": чугуноплавильного и железоделательного Омутнинского завода, Песковского и Пудемского железоделательных заводов; предприятий фирмы "Поклевский – Козелл И. А.": Климовского чугуноплавильного, Верхнезалазинского, Нижнезалазинского, Белорецкого заводов, Бемышевского медеплавильного завода, принадлежавшего помещику А. Е. Лебедеву⁹

Образцы уставных грамот в Вятской губернии для горнозаводских людей были заготовлены к июлю 1861 г. На частных заводах прекращение обязательных отношений между сторонами было обусловлено двухлетним сроком введения уставных грамот, а приписных крестьян – трехлетним: со времени объявления закона.

Дополнительные правила... ужесточили порядок наделения землей мастеровых по сравнению с помещичьими крестьянами. Мастеровым отмежевывались усадьбы, покосы и пахотные угодья. Усадьба составляла 1 дес. на мужскую душу с уплатой ежегодного оброка в 6 руб. Пашню масте-

ровой получал ту, которую имел до реформы, но не свыше 4 дес. Он мог вообще отказаться от надела. Если же до реформы мастеровой не имел пашни, то не получал ее и после. Оброчная подать на отведенные земли, собственно выкуп, стала взиматься через год после получения личной свободы.

Приписные крестьяне, или согласно Дополнительным правилам... сельские работники, занимавшиеся рубкой дров, выжигом угля, подвозкой и отвозкой заводской продукции, приравнивались по условиям освобождения к крепостным крестьянам. Они получали усадьбу с правом приобретения ее в собственность и независимо от размера вносили плату 1 руб. 50 коп. в год. Земельный надел, помимо усадьбы, предоставлялся им в полном размере, установленном для данной местности. В течение трех лет сельский работник переводился на денежную повинность, а $\frac{1}{4}$ стоимости полевого надела должен был уплатить сразу, без рассрочки. Однако такими средствами крестьянин не располагал. Вынужденный пользоваться заводскими выгонами, покосами, оброчными статьями сельский работник ставился в условия, когда ему ничего не оставалось делать как идти за приработком к прежнему заводчику. Такова общая картина земельного обеспечения заводского населения. Однако она вовсе не раскрывает фактического положения дел на каждом отдельном предприятии.

На Пудемском заводе до реформы числились 160 мастеровых и 85 вспомогательных рабочих. По уставной грамоте мастеровые получили только усадьбы и покосы в общей сложности 168 дес.; таким образом, на каждого человека приходилось немногим более 1 дес.; наделы работников оставались мизерными, доходы от них не покрывали и десятой доли потребностей их семей. При этом завод располагал 2 755 дес. земли, которые хотя бы частично могли быть пущены в надел. Следует заметить, в конце 60 – начале 70-х гг. все 160 человек бывших крепостных, продолжая работать на заводе, так и не перешли в разряд

сельских обывателей. Бывшие крепостные крестьяне Н. Тимофеев, А. Андреев и др. обращались в Министерство земледелия и государственных имуществ с просьбой наделить их землей, хотя бы по 3 дес. на душу. Уральское горное правление в октябре 1897 г. уведомило, что наделение крестьян волости землей может быть "не ранее двух лет, когда и последует поземельное устройство Пудемского завода"¹⁰

Неадекватным Дополнительным правилам... было реформирование и на Бемышевском заводе. Накануне реформы на производстве числились 30 мастеровых и 390 вспомогательных рабочих. Их наделы составляли 3,2–3,5 дес. на мужскую душу. Недовольные положением дел на заводе мастеровые объявили свое решение о том, что, как только появится указ об их освобождении, они покинут завод. Уставная грамота по Бемышевской волости была введена только в конце февраля 1863 г. В марте 1863 г., когда крепостным была объявлена личная свобода, мастеровые, не согласившись работать на прежних условиях, покинули завод "и затем совершенно оставили работы". Попытки пустить завод вновь потерпели провал. Это было первое выступление рабочих Удмуртии как реакция на проводимую реформу. Поземельное устройство населения Бемышевского завода решалось и в начале XX в.¹¹

С одной стороны, реформа до известной степени раскрепостила личную инициативу рабочих: лишив их надельной земельной собственности, создала резерв наемных рабочих. В то же время имевшиеся небольшие участки усадебных и покосных земель приковывали рабочих к месту, ограничивали пространство передвижения в поисках более выгодной работы, и, как того добились реформаторы, являлись своеобразным гарантом для заводоладельцев – возможностью "...беспримерного снижения заработной платы..."¹². Очень низкая заработная плата основной массы рабочих, не обеспечивавшая их семьи хотя бы минимальным прожиточным минимумом, заставляла ис-

кать дополнительные средства вне завода. Наемные внезаводские работы стали постоянным явлением в жизни рабочих.

В 1861 г. (8 марта) было издано Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов, согласно которому упразднялся военно-крепостнический режим на заводах и промыслах, принадлежавших казне: крепостные горнозаводские люди получали личную свободу и освобождались от обязательных работ¹³. На казенных заводах прекращение обязательных отношений проводилось в три срока: после обнародования закона 8 марта 1861 г. от обязательных работ освобождались проработавшие на заводах 20 и более лет, спустя год – проработавшие 51 год, и еще через год – все остальные. Вышедшее из крепостной зависимости горнозаводское население подразделялось на мастеровых и сельских работников. Определение пореформенного режима труда рабочих было целиком поставлено в зависимости от заводоладельцев и их заводоуправлений. При поступлении на заводские работы мастеровые должны были заключать с заводоуправлением письменные условия (договоры), выполнение которых до конца обусловленного срока было обязательным. Договор о найме заключался на срок не более трех лет. Об уходе с предприятия рабочий должен был предупредить начальство не позднее чем за три месяца до истечения договорного срока. Взаимоотношения между рабочим и администрацией определялись правилами о порядке найма и увольнения, о времени, месте и плате за работу, подчиненности и ответственности во время работы и других обязанностях сторон. Все нанимаемые получали "рабочие книжки", куда вносились размер заработной платы, режим работы, виды наказания и т. д. Рабочие, получая увольнительное свидетельство, становились "свободными сельскими обывателями" и имели право заниматься торговлей, промыслами, но не могли открывать предприятия, требующие "огненного дей-

ствия", т. е. с использованием дров из заводских лесных дач.

Согласно статье 3-й Общего положения... все земли вотчинных горнозаводских округов признавались собственностью заводоуправляющих, а посессионных и казенных округов – собственностью казны. Владыческое право распространялось не только на земледельческие угодья и лесные массивы, но и на богатства недр. Подтверждалось монопольное право на горнозаводское производство.

Крепостные мастеровые и "непременные работники" казенного Воткинского завода были освобождены от крепостной зависимости по особому указу в 1863 г., а Ижевского оружейного завода – по указу от 1866 г.¹⁴ Содержание обоих указов объединялось общим положением: мастеровые и непременные работники освобождались от обязательных заводских работ и перечислялись в разряд "сельских обывателей". Все мастеровые имели право получить из заводских земельных фондов по 8 дес. полевого надела на ревизскую душу.

В целях удержания квалифицированных работников на заводах мастеровым выделялись усадьбы ("строения с усадебной землей под ними, равно под огородами"), выгоны по 200 кв. сажен и покосы по 1 дес. на душу. Усадьбы, выгоны и места водопоев предоставлялись на казенных и посессионных заводах "безвозмездно в собственность" с выдачей "владенных актов", на вотчинных – в пользование за оброк с правом последующего выкупа. Покосные земли оставались в постоянное оброчное пользование. Выкуп их не был предусмотрен. Пахотные земли определялись "мерой возможности". За полевой надел полагалась оброчная подать в зависимости от качества почвы – от 25 до 42,5 коп. в год за десятину. Мастеровые, имевшие пашню до реформы, сохраняли ее и после "за оброчную плату в пользу завода".

Сельские работники казенных заводов получали пашенные, покосные и другие угодья, которыми они владели раньше,

в постоянное пользование за оброк. Усадебная земля со всеми постройками передавалась бесплатно в их собственность с получением владенных записей. В обязанность этой категории крестьян входила уплата денег (или денежного сбора) на обеспечение волостных правлений, на строительство и ремонт дорог. Вопрос о выкупе ими своих наделов был оставлен открытым.

В 1862 г. была издана специальная инструкция, как удержать рабочих на заводе в случае понижения расценок и появления каких-либо непредвиденных обстоятельств. Особое место отводилось земельному вопросу. От его решения зависело многое и прежде всего обеспеченность производства рабочей силой. Возникла дилемма: при выделении мастеровым достаточного количества земли они могли переориентироваться на занятие земледелием, отказаться от заводских работ, последнее могло произойти и в случае, если ее не дать совсем. Было решено наделить землей так, чтобы рабочий чувствовал свою зависимость от завода и согласился бы работать на заранее предложенных ему условиях.

Воткинский завод являлся крупным держателем земли. В 60-е гг. XIX в. земельный фонд составлял 450 тыс. дес., из них под лесом находилось 180 тыс. дес. Ежегодно более 5 тыс. дес. уходило на вырубку леса для дров, углежжение и другие потребности. Древесный уголь являлся основным видом топлива. Леса, составлявшие "главную поддержку благосостояния всей Уральской области", быстро вырубались. В 1861 г. места вырубки отстояли от Воткинского завода на 40–60 км и больше. Казенное земельное хозяйство перераспределению не подлежало, что наложило свой отпечаток на поземельное устройство населения Воткинского завода в процессе реформирования¹⁵

По 10-й ревизии, ставшей основным документом при обеспечении земельными душевыми наделами, а также фискальной политики правительства, при заводе насчитывалось 6 470 мастеровых и 8 585 уроч-

ных работников. Население завода, подлежащее освобождению от крепостной зависимости, как выше отмечалось, было разделено соответственно трудовому стажу на три группы. В первую группу вошли 1 139 мастеровых, 1 185 урочников, во вторую – 499 мастеровых, 708 урочников, в третью – 1 391 мастеровой, 1 856 урочников. Заранее зная, к каким последствиям может привести реформирование, администрация завода спешила сделать все, чтобы "опытных рабочих пригласить к поступлению немедленно в заводские работы, по добровольному найму, и затем на основании сего первого опыта приступить немедленно к составлению подготовительных мер для последующих периодов увольнения людей от обязательной службы и устройства как заводского хозяйства на вольном труде, так и нового быта освобождаемых людей" Жизнь подтвердила, что расчет администрации был точно выверен. Например, в 1867 г. заводская работа была основным источником существования 2 151 рабочего, а "хлебопашество, скот" по-прежнему служили для них "подспорьем"

В начале 70-х гг., по сведениям администрации завода, производительность предприятия "до того сократилась, что рабочие терпят крайнюю нужду", "при уменьшающихся заработках куда только не бросается заводской рабочий, пробует он и землю пахать, ждет работы по своей специальности на других заводах, уходит на работу в рудники, на золотые прииски, ищет работы между крестьянами и хлебопашцами, и только наконец мало-помалу начинает принимать за какой-нибудь постоянный промысел"¹⁵

В периоды, когда завод находился в кризисном состоянии, с новой силой всплывал земельный вопрос. Право на земельный надел имели 6 752 человека мужского пола. В надел им предполагалось выделить 5 302 дес., из которых 789 дес. пашни, 48 дес. росчистей, остальное – усадьбы, выгоны, покосы. По данным уставной грамоты, рабочие получили всю ту землю, кото-

рую они имели до реформы. Не имевшие надела (621 человек) так его и не получили. Уставная грамота, составленная волостным сходом, была отвергнута рабочими. Но под давлением губернатора она была введена в действие с большим запозданием – в середине января 1864 г. Уставная грамота не содержала данных о точных размерах участков наделной земли. К примеру, значилась не существовавшая в натуре 431 дес. Кроме того, помеченная площадь для наделов в 2 194 дес. представляла росчисти, подлежащие по закону отдаче им в бесплатное и пожизненное пользование. Количество земли для выгона также не соответствовало истине: вместо 2 544 дес. было 1 215 дес. Средний размер надела на ревизскую душу составил 0,78 дес. Земельная недостаточность при увеличении численности населения быстро нарастала.

Вятский губернатор В. И. Чарыков в 1874 г. констатировал: "Устройство быта обывателей Воткинского завода продолжается почти 10 лет"¹⁷ Неудовлетворенность рабочих решением земельного вопроса, отягощение различными денежными платежами были причиной их неоднократных выступлений. Рабочие отказывались от уплаты податей и повинностей, требовали повышения заработной платы.

Крепостные крестьяне Воткинского завода, или, каких официально именовали, урочные работники, получали по Положению... от 8 марта 1861 года наравне с мастеровыми статус "сельских обывателей". Они становились свободными от прежних форм зависимости спустя два года со дня объявления закона. Пашни и покосы им выделялись за оброчную подать, которая должна была взиматься через год после освобождения, усадебная земля со всеми постройками передавалась бесплатно с получением владенных записей.

Урочные работники до реформы имели не менее 5 дес. на ревизскую душу. Они делились на конных и пеших, последних было в три раза больше. В плане этнических характеристик из числа урочных работ-

ников 40 % составляло удмуртское население, проживавшее в 96 населенных пунктах. Уставные грамоты для урочных работников были введены в действие только в октябре – ноябре 1863 г. Они получили в надел 400 884 дес. пашни и покоса, 2 339 дес. усадеб, оставшимся работникам отшло в надел 3 955 дес. В среднем на душу мужского пола приходилось по 4,78 дес. Негативные последствия реформы в данном случае проявились в том, что крестьяне-урочники в результате размежевания лишились 0,4–0,6 дес. земли на душу. В Сабинском и Липовском обществах Липовской волости, а также в Дмитриевском обществе Светлянской волости отрезки земли составили 0,4 дес., в Петраковском обществе Перевозинской волости было выделено в собственность удельного ведомства по 0,6 дес. с души. И только в Ольховском обществе Перевозинской волости, включавшем 5 деревень, крестьяне получили значительную прирезку. Учитывая, что главное богатство в крестьянском хозяйстве – это пашня и покосы, проблема отрезков обострилась и без того сложную обстановку в крае. Размеры наделов далеко не удовлетворяли нужды при заводских крестьян. Деревня была поставлена перед фактом разорения. В мае 1865 г. произошло крупное волнение в Липовской волости. В январе 1910 г. межведомственное совещание из чинов нескольких министерств, обсуждавшее вопрос о дальнейшей деятельности Воткинского завода, отметило: "Земельное устройство населения завершено... Наделы уже ограничены и перешли в фактическое пользование населения. Отведено надела на наличную душу 0,6 дес. Такой надел не может быть признан обеспечивающим. Переселения в другие места невозможны!"¹⁸

В обязанность этой категории крестьян входил денежный сбор на обеспечение волостных правлений, на строительство и ремонт дорог. Завод сохранял свою юрисдикцию по надзору за общественным порядком и безопасностью в селениях. Характеризуя свое положение, бывшие крестьяне Воткин-

ского завода в жалобе, поданной на имя царя в 1868 г., писали: "Манифест не улучшил быта нашего, дав нам свободу, но сделал нас пролетариями без земли и средств к жизни!"¹⁹

Аналогичным было положение и на Ижевском заводе²⁰. Работа по подготовке и проведению реформы на оружейных заводах России возлагалась на военное министерство. В конце 1860 г. была образована специальная комиссия по выработке проекта положения об отмене крепостного права под председательством инспектора оружейных заводов генерал-лейтенанта А. Г. Игнатьева, в которую вошли и командиры заводов, в частности, от Ижевского завода – полковник Короставцев. Комиссия имела предписание "применить к рабочему населению заводов... те коренные преобразования... какие предприняты для освобождения от крепостной зависимости крестьян"²¹. Члены комиссии выработали и представили на рассмотрение несколько проектов об освобождении заводских людей от крепостного права. Чтобы составить объективную картину и выработать четкую позицию, комиссия вынуждена была заняться выверкою данных о материальном положении рабочих, размерах усадеб и угодий. В результате проделанной работы она пришла к выводу о том, что оплата труда мастеровых и оружейников была слишком низка, "ее достаточно на одно только ежедневное пропитание". Все рабочее, по замечанию комиссии, были обременены долгами, и среди них не было таковых, которые были бы обеспечены "в материальных средствах их скромной жизни". А податные долги были действительно велики: к концу 1863 г. они составили 54 371 руб. Военный совет обсудил проекты и мнения отдельных лиц и вынес предложение об отдаче завода в аренду, присоединившись к мнению инспектора А. Игнатьева, указывавшего, что аренда есть "мера, вынужденная обстоятельствами, вследствие уничтожения прежних обязательных отношений"

В октябре 1865 г. Ижевский оружейный завод был сдан на правах арендно-коммер-

ческого управления его командиру – полковнику Д. С. Фролову на пять лет. По условиям контракта арендатор обязывался готовить новые марки металла для стволов, пригодных также для Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов. Арендатор надеялся за контрактный срок модернизировать производство и тем самым понизить себестоимость продукции, предполагая получить значительную прибыль. Аренда была выгодна казне, поскольку могла вывести завод из тулско-вой ситуации.

Александр II 22 ноября 1866 г. подписал Положение о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому заводу людей, согласно которому мастеровые и оружейники освобождались от несения податей и отбывания повинностей на 6 лет, а неперенные работники – на 3 года. Все долги с рабочих снимались. Рабочие, имевшие стаж работы не менее 20 лет, а также оставшиеся без работы, получив паспорта, обретали полную свободу. Потеряв право внеэкономического принуждения, заводская администрация намеревалась компенсировать действия правом неограниченного вмешательства в общественные и личные дела рабочих. До полного создания органов самоуправления в сельских обществах завод сохранял полицейскую власть над заводским населением, арендатор имел право «в случаях, не терпящих отлагательства, принимать немедленно все меры для прекращения беспорядков, могущих нарушить безопасность»²².

Арендно-коммерческое управление заводом вступило в силу с 15 января 1867 г. С этого времени начали претворяться в жизнь законодательные нормы отмены крепостного права на предприятии. Освобождению подлежало 4 125 человек мастеровых и оружейников, 1 276 человек неперенных работников. Всего в заводском поселке проживала 21 тыс. человек, в окрестных деревнях, связанных с работой на заводе, насчитывалось 14 200 человек. В мае 1867 г. были открыты волостные правления в селах Юськи и Завьялово, а при заводе образо-

ваны 11 обществ мастеровых и оружейников, которые были объединены в две волости – Нагорную и Заречную.

Составление и введение в действие уставных грамот началось с конца 1871 г. в 49 селениях, а весной следующего года – в остальных 4 селениях. Земельное устройство заводских людей возлагалось на администрацию и местные уездные власти. К 1867 г. завод имел 462 512 дес. Из них под лесом находилось 395 614 дес. Бывшие неперенные работники, как и бывшие государственные крестьяне, по закону получали в свое пользование все земли, которыми «доселе пользовались», т. е. в этом отношении они приравнивались. Для надела в 8 дес. на ревизскую душу земли не хватало, и завод отдавал неперенным работникам дровосечные, заведомо худые участки земли. Жители многих деревень проявили недовольство полученными наделами. Распределение земли между крестьянами отдельных деревень было неравномерное и колебалось от 4,7 дес. до 2,2 дес. на душу. Сразу после принятия уставных грамот крестьяне стали требовать дополнительные наделы. Так, бывшие неперенные работники с. Николаева, получив уставную грамоту, подали жалобу о том, что земельный надел составлял всего лишь 6 дес. на душу и, «находя себя крайне стесненными в пахотном и сенокосном наделе», просили сделать прирезку, в чем им было отказано, хотя завод оставил за собой часть рощистей, которыми неперенные работники владели до реформы.

Мастеровые и оружейники обеспечивались землей чрезвычайно медленно. Губернатор признавал, что если рабочие не будут наделены землей, то могут «возникнуть от того серьезные волнения»²³. Однако при распределении мастеровые и оружейники не получили и четверти земель от общей цифры нормального надела. Для Заречной и Нагорной волостей земли для наделения рабочих не было. Установленный законом льготный срок на подати и повинности истекал. Боясь беспорядков, губер-

натор в 1872 г. предложил ввести на Ижевский завод впредь до поземельного устройства мастеровых один батальон солдат. Кризис временно был преодолен поступлением большого заказа от министерства. От мастеровых и оружейников последовали многочисленные просьбы в адрес администрации об отводе земель. Однако они так и не получили обещанных законом наделов. Правда, отдельные требования крестьян, не приносивших ущерба заводу, были удовлетворены. К примеру, дополнительные наделы были выделены из Селтинской дачи лишь по той простой причине, что эти земли являлись "менее полезными заводу по их отдаленности". Более того, порой крестьяне были обмануты еще и тем, что за ними числились наделы согласно установленным законом нормам, а не те, которые они фактически имели. Так, крестьяне поч. Старковского Нагорной волости заявили волостному правлению, что они платят подати как за 8 дес. на душу, на самом деле имеют только по 6,5 дес. Аналогичная просьба поступила в 1873 г. и от жителей поч. Киякиа.

Значительным изменениям подверглось общественное устройство и управление горнозаводским населением. Специальные военно-судебные учреждения и военная полиция упразднились. В заводских селениях и деревнях создавались общества мастеровых и сельских работников во главе с выборными сельскими старостами. Сельские старосты и волостные старшины были обязаны обеспечивать охрану порядка в своих селениях и выполнять требования "судебных следователей, земской полиции и всех поставленных властей по предметам их ведомства"

Удельные крестьяне. Основные положения реформы 1861 г. с некоторыми особенностями были распространены на удельных и государственных крестьян. Так, 26 июня 1863 г. было утверждено Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворянских и удельных, являвшихся крепостными царской фамилии. В Положении... определялся порядок на-

деления крестьян землей, проведения выкупной операции, организации сельского и волостного управления в удельной деревне²⁴. По сравнению с помещичьими удельные крестьяне получали некоторые преимущества. В их распоряжение передавались находившиеся у них тяглые и запасные земли. Если же надел был меньше высшей нормы, то производилась прирезка земли из фонда резервных земель. В тех случаях, когда надел был больше высшей нормы, установленной для данной местности, излишки земли отрезались в пользу удельного ведомства. Главная особенность реформирования удельных крестьян состояла в том, что закон исключал временнообязанное состояние удельных крестьян и требовал срочного перевода их на выкуп, который начинался через два года после его объявления, т. е. 26 июня 1865 г. Крестьянин, обязанный быть собственником надела, должен был внести в казну в течение 49 лет выкупные платежи в размере, не превышающем оброчной суммы, прежде вносимой им в удельное ведомство за пользование той же землей, только с прибавлением указанных процентов. Выкупная сумма основывалась на прежнем оброке, капитализированном из 6 % годовых.

На территории Удмуртии числилось 84 005 удельных крестьян, отличавшихся в распределении по уездам большой неравномерностью²⁵. Так, самое большое число (40,7 %) удельных крестьян наблюдалось в Сарапульском уезде, значительно меньшее – в Елабужском (8,3 %) и Малмыжском (2,3 %) уездах. В состав Сарапульской удельной конторы входили приказы: Качкинский, Козловский, Каракулинский, Галановский, Мостовинский и Нечкинский; Сардыкбажская волость была причислена к Вятской удельной конторе. В Елабужском уезде удельные крестьяне проживали в основном в Качкинской волости. В Малмыжском уезде они располагались в 10 селениях разных волостей. Удельные крестьяне, проживавшие в с. Савали, д. Калининой, поч. Володар, обслуживали производство двух винокурен-

ных, крахмалопаточного заводов, небольшого предприятия по выработке поташа и двух мельниц.

Как уже отмечалось, для составления и введения в действие уставных грамот на удельные имения отводилось два года, поземельное устройство должно было закончиться летом 1865 г. По установленному порядку все наделы заносились в уставные грамоты, которые составлялись чиновниками удельных контор, подписывались, утверждались и претворялись в действие мировыми посредниками. Крестьяне полностью были устранены от участия в составлении жизненно важного для них юридического документа, судьбу их вершили местные помещики. Во главе Сарапульской удельной конторы стоял помещик М. Г. Имшенецкий, являвшийся в данное время предводителем дворянства. В тесном контакте с ним работали мировые посредники: помещик В. Я. Чайковский и Г. Е. Юмашев. В Елабужском уезде функции мирового посредника исполнял в этот период председатель уездного мирового съезда, надворный советник Н. А. Заварзин. Их деятельность контролировалась членом от правительства надворным советником И. И. Сурило.

Уставные грамоты составлялись с большими погрешностями: в них были занесены заведомо непригодные к обработке земли, количество наделов во многих из них было завышено. При введении уставных грамот обнаружилась неравномерность наделения крестьян землей: 32 % крестьянских дворов в удельной деревне получили по 4–6 дес., 52 % – по 3–4 дес. Оказалось, что при поземельном устройстве крестьяне потеряли часть своих земель. Так, в д. Коробейниково Мостовинской волости, Сарапульского уезда по списку было 89 д. м. п. и 779 дес. земли. По уставной грамоте им причиталось менее половины имевшейся у них земли, т. е. 374 дес., а душевой надел составил 4,1 дес. земли. Таким образом, 52 % ушло в отрезки. То же самое произошло и в поч. Дуброва: на 120 человек мужского пола приходилось 995 дес. земли. По ус-

тавной грамоте они получили 374 дес.; отрезки составили 50,3 %, и поэтому душевой надел вместо имевшихся 8,3 дес. стал наполовину меньше. В Галановской волости удельная контора отрезала от крестьянских земель 11 408 дес., в Козловской – 10 809 дес., в Мостовиновской волости – 19 132 дес. и т. д. "И волость, – по словам одного из современников, – никогда не придет в прежнее состояние...", так как жизненные устои ее были сильно подорваны.²⁶ Все вышесказанное и определяет причину отказа значительной части крестьян от подписания уставных грамот: на начало осени 1865 г. не подписанных грамот по уездам губернии числилось 62,4 %. Нередки были случаи отказа крестьян от земли, прекращения ее обработки, ухода в Сарапул, Елабугу, на Ижевский и Воткинский заводы.

Передел земельных наделов усилил имущественную дифференциацию крестьянства. По данным источников, из его среды вышли немногочисленные, но крепкие кулаки и хозяйственные мужики, прибравшие к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составившие кадры нарождающейся буржуазии. Так, в Сарапульском уезде 106 дворов приобретали отрезки в собственность. Кроме этого, Сарапульская удельная контора в 1865 г. сдала в аренду крестьянам 862 дес. земли.

Тяжелым бременем на плечи крестьян ложился выкупные платежи. Крестьяне Сарапульского уезда должны были ежегодно выплачивать 113 879 руб. 09 коп., Елабужского – 12 318 руб. 74 коп., Малмыжского – 1 055 руб. 87 коп.²⁷

Государственные крестьяне. Реформированию подлежала и самая крупная часть населения – государственные крестьяне, права которых не подвергались таким ограничениям, как права помещичьих крестьян. Администрация не приобрела здесь таких широких полномочий в отношении суда, наказаний, ссылки и отдачи в рекруты, какие имели помещики. Личность казенного крестьянина была более защищена. Казенные крестьяне, будучи в несколько

лучших условиях по сравнению с помещичьими, удельными и т. д., не особенно тревожили правительство, и потому преобразования были проведены через пять с лишним лет.

Однако государственные крестьяне, несмотря на проведенные прогрессивные реформы П. Д. Киселева, продолжали сохранять ряд признаков крепостного состояния: прикрепление к сельскому обществу, рекрутскую повинность, круговую поруку, подушную подать и т. д. Крестьяне юридически были ограничены в имущественных правах: по закону они не могли покупать и продавать землю, вступать в подряды и откупа, заниматься торговлей и промышленностью, обязываться векселями, вступать в поручительства²⁸. Прогрессивные явления коснулись главным образом крестьян-предпринимателей, связанных с городом. Вышеуказанные ограничения серьезно сдерживали развитие прав собственности крестьян. В деревне вплоть до XX в. преобладающее развитие получила коллективная общинная собственность. Отставание деревни в сфере имущественных отношений соответствовало ее отставанию по всем другим аспектам ввиду их взаимобусловленности. Город развивался в направлении расширения индивидуальной свободы и прав человека, по пути рыночной экономики, модернизации и секуляризации массового сознания; город втягивал Россию в мировой рынок, в тесные контакты с западноевропейскими странами. Деревня стала отставать в социальном и экономическом отношениях от города с XVIII в., в среде крестьянства до некоторой степени консервировалось все традиционное. Только в последние трети XIX – начале XX в. наметились пробуждение крестьянства, тяга к новым формам жизни. Однако неблагоприятные обстоятельства в 1914–1917 г. помешали этому процессу завершиться²⁹.

Освобождение казенных крестьян от государственного крепостничества произошло в 1866 г. Законом от 18 января 1866 г. государственные крестьяне выходи-

ли из подчинения Министерства государственных имуществ и передавались в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Закон о поземельном устройстве государственных крестьян, по которому они признавались собственниками наделов, был утвержден 24 ноября 1866 г. Он закреплял за крестьянами существующие наделы, но не свыше 8 дес. на ревизскую душу в малоземельных уездах и 15 дес. в многоземельных. Однако "собственниками наделов" крестьяне объявлялись формально, так как имели только "право пользования", тогда как право частной собственности есть "право пользования и право распоряжения по своему произволу". Земля до 1907 г. по закону была исключена из рыночного оборота. Не только в народном сознании, но также и в сознании интеллигенции, в общественной и политической мысли России доминировало отрицательное отношение к частной собственности на землю³⁰.

Удмуртия относилась к многоземельному району. Общее количество земли, находившееся в распоряжении государственных крестьян четырех "удмуртских" уездов, составляло 4 млн. 405 тыс. 895 дес. В Глазовском уезде крестьяне имели 1 млн. 978 тыс. 829 дес. земли всех угодий, в Малмыжском – 1 млн. 369 тыс. 75 дес., в Сарапульском – 531 тыс. 14 дес., в Елабужском – 526 тыс. 977 дес.³¹ Размеры душевого земельного надела крестьян во многом зависели от географического расположения уездов, плотности населения, качества почвы, экономической состоятельности хозяйств. В специальных актах – владенных записях – определялись размеры их владений и повинностей. Составление владенных записей на территории Удмуртии началось в 1869 г., к концу 1874 г. оформление их было закончено. При составлении данных актов была осуществлена проверка размеров владений, произведено приведение их к установленной норме, а также определена сравнительная доходность земли и оброчная подать. Дополни-

ния и уточнения продолжались до середины 1886 г. В полную собственность земельные наделы отдавались крестьянам через 20 лет, когда они должны были перейти на обязательный выкуп земли. Сельские общества государственных крестьян сохраняли за собой все земли, находившиеся в их пользовании. В зависимости от площади надела определялись размеры подушной и оброчной податей.

В результате осуществления закона 1866 г. произошло сокращение наделного землепользования государственных крестьян Удмуртии. Распределение земли между государственными крестьянами края в конце 1860-х гг. было примерно одинаковым: от 9 дес. на ревизскую душу в Малмыжском уезде до 10,3 дес. в Глазовском уезде. Уменьшилось количество удобных земель, находившихся в их пользовании, сократился средний душевой надел. За пользование своими землями крестьяне платили более высокую по сравнению с дореформенным временем подать. Юридически за крестьянами так и не было закреплено право частной собственности, право свободного распоряжения наделенной землей.

Реформа 1861 г. подтвердила существование передельно-уравнительных функций земельной общины тем, что наделная земля отводилась не единолично, а всей общине в целом. При этом община могла время от времени переделывать землю между отдельными членами, которые получали участки общинной земли лишь во временное пользование. Повинности выполнялись при помощи круговой поруки всей общины. Наделение производилось по наличным душам, по работникам или едокам, т. е. общему числу семейного состава.

Система местного крестьянского управления в результате реформы 1861 г. претерпела значительные изменения. В селениях бывших помещичьих крестьян создавались сельские общества, объединявшие одно или несколько селений. Сельское общество (община) являлось административной единицей. Крестьяне получали

словное самоуправление с правом выбора сельского старосты. Важнейшие вопросы хозяйственной и общественной жизни сельского общества, такие как пользование общинной землей, раскладка и выполнение повинностей и податей, решались на сельском сходе.

Сход избирал сельского старосту, в обязанности которого входило наблюдение за выполнением крестьянами повинностей, за своевременной уплатой выкупных и других платежей. Несколько сельских обществ объединялись в волость. Управление волостью осуществлялось волостным сходом и волостным правлением во главе с волостным старшиной. Волостной сход состоял из представителей сельских обществ.

Таким образом, частное крепостное право было отменено, вследствие отрицательного отношения к нему со стороны верховной власти, церкви и прогрессивной части общества, повышения образовательного и культурного уровня населения, пробуждения самосознания у крестьянства и его настойчивой борьбы за свое освобождение, коммерциализации экономики. Однако крестьянство еще долго оставалось в тисках пережитков частновладельческого, а также государственного и корпоративного крепостничества, которое сковывало инициативу крестьян, затрудняло их социальную и географическую мобильность, тормозило проникновение в деревню буржуазных отношений.

Буржуазные реформы 1863–1874 годов в области местного управления

Отмена крепостного права в экономическом секторе страны вызвала необходимость проведения буржуазных реформ в области местного управления, суда, образования, финансов, военного дела. Реформы проводились в целях приспособления самодержавного политического строя России к новым социально-экономическим

условиям, к потребностям капиталистического развития. До великих реформ основная тенденция состояла в подчинении самоуправления коронному управлению. В результате великих реформ произошло размежевание самоуправления и коронного управления, что являлось первой стадией становления гражданского общества в России.

Земская реформа. Александром II было утверждено Положение о губернских и уездных земских учреждениях, получившее силу закона 1 января 1864 г. Земская реформа возникла в результате поиска эффективной модели управленческого механизма на путях децентрализации: передачи части полномочий самому населению. Земство было призвано решить три главные задачи: культурно-хозяйственное преобразование регионов; формирование на этой основе общественного единства и согласия; осуществление посреднической функции между государством и обществом³².

Земские учреждения в Вятской губернии начали создаваться спустя три с лишним года после принятия закона. Первые организационные земские собрания состоялись только зимой–весной 1867 г. По Положению председателями уездного и губернского земских собраний должны были быть уездный и губернский предводители дворянства. Замедленность претворения реформы в жизнь в Удмуртии была вызвана малочисленностью дворян и в связи с этим отсутствием дворянских предводителей, что повлекло за собой трудности подбора гласных (членов земских собраний). Формирование земских учреждений вынужденно складывалось из представителей других сословий, особенно крестьянства.

По принятому законодательству, создаваемые земские учреждения состояли из распорядительных органов – уездных и губернских земских собраний и исполнительных – уездных и губернских земских управ. Те и другие избирались на трехлетний срок. Выборы в уездные земские собрания проводились на трех избирательных съездах по куриям. Все избиратели делились на

три курии: уездных землевладельцев; городских избирателей; выборных от сельских обществ. Первую и вторую курии представляли дворяне-землевладельцы, торгово-промышленная буржуазия, в том числе купечество обеих гильдий, владельцы городской недвижимости. Третья курия состояла из представителей сельских обществ, главным образом крестьян. Если по первым двум куриям выборы были прямыми, то по третьей – многоступенчатыми. Сначала сельский сход выдвигал представителей на волостной сход, на котором избирались выборщики, а затем уже уездный съезд выборщиков избирал гласных в уездное земское собрание. Многоступенчатые выборы по третьей курии преследовали цель провести в земства наиболее состоятельных и благонадежных гласных из крестьян. От третьей курии в гласные проходили главным образом сельская буржуазия и сельские чиновники. Рабочие, сельская и городская интеллигенция, лишенные имущественного ценза, правом выбора гласных не пользовались³³.

Стенограммы заседаний земских собраний Удмуртии, свидетельства современников и делопроизводственная переписка опровергают традиционное представление об отстранении нерусского населения от участия в работе земских учреждений в крае. К сожалению, отсутствие графы "национальность" в списках гласных не позволяют выявить точный национальный состав земских собраний и управ³⁴.

На состав и деятельность земских учреждений в крае существенное влияние оказывали аграрно-промышленный характер экономики, неравномерность уровня ее развития в разных уездах, абсолютное преобладание общинного крестьянского землевладения, наличие значительного фонда государственных и удельных земель и слабое развитие частного землевладения, незначительное число дворян и высокий процент крестьян в сословной структуре населения, приверженность крестьянства традиционным формам хозяйствования и

общегития, распространение, наряду с официальным православием, мусульманства, старообрядчества и язычества и ряд других факторов. В четырех "удмуртских" уездах, в условиях вышеперечисленных факторов, по определению самих же земцев, земство носило более "мужицкий" характер, чем во многих других регионах России.

В первых уездных земских собраниях края самую большую группу гласных составляли крестьяне – 47 %, на втором месте стояли купцы – 17 %, затем чиновники – 12,4 %, священники – 10 %, военные – 5,6 %. Тогда как в целом по России в уездных земских собраниях самую большую группу гласных составляли прежде всего дворяне – 42 %, затем крестьяне – 38 %, купцы – 10 %, духовенство – 6,5 %, прочие – 3 %³⁵

Несколько другая картина наблюдалась относительно представительства гласных в губернском земском собрании от каждого из уездных земств: 37,6 % (6 человек) составляли чиновники, 18,7 % (3 человека) – военнослужащие, 18,7 % (3 человека) – крестьяне, 12,5 % (2 человека) – купцы, 12,5 % (2 человека) – священники. Среди чиновников и военных в уездном земском собрании были и дворяне. Так, от Малмыжского уезда были избраны дворяне Л. О. Юшков и А. О. Юшков. В целом по России в губернских земских собраниях дворяне составляли 74 %, крестьяне – 10,6 %, прочие – 15 %³⁶.

По законодательству, председателем уездного земского собрания мог быть только уездный предводитель дворянства. Председатели управ избирались на земских собраниях. При этом председателя уездной земской управы утверждал губернатор, а губернской управы утверждал губернатор, а губернской управы утверждал губернатор, а губернской управы утверждал губернатор, а губернской управы утверждал губернатор. Первыми председателями уездных управ в Удмуртии были чиновники и купцы. Председателем Глазовской уездной земской управы был избран коллежский секретарь П. И. Колотов, малмыжской – купец второй гильдии Н. Е. Родыгин, сарапульской – купец второй гильдии Н. Л. Мошкин, елабужской –

коллежский секретарь А. Т. Дернов. В составе членов уездных земских управ большее число мест занимали крестьяне – 4 человека, затем шли чиновники – 3 человека и купцы – 2 человека, один военный. Практически в первых земских управах дворяне отсутствовали³⁷

Конкретная сфера деятельности земств определялась хозяйственными вопросами локального значения: устройство и содержание местных путей сообщения, земской почты, земских школ, больниц, богаделен и приютов, попечение о местной торговле, промышленности, взаимное страхование, местное продовольственное дело, ветеринарная служба, постройка церквей, содержание тюрем и т. д. Ранее этим занималась администрация, теперь заботы об общественных делах перекладывались на плечи земства. Следует заметить, что роль идейного вдохновителя и организатора земской преобразовательной деятельности принадлежала не крестьянскому большинству, а образованным представителям привилегированных сословий, чиновничества и интеллигенции. Среди них можно назвать дворян Л. В. Юмашева, П. Ф. Пекена, Н. В. Алашеева, потомственных почетных граждан, бывших купцов А. П. и В. А. Батуевых, И. И. и П. И. Александровых, врача М. М. Синцова и др.³⁸

На первом очередном губернском земском собрании, состоявшемся в конце ноября 1867 г., сарапульские гласные заявили о необходимости оживления Сарапульского речного порта путем сооружения новых и перестройки старых помещений. Гласные Сарапульского и Елабужского земств по запросам купечества подняли вопрос и о Сибирском тракте, который бы следовало выпрямить, приблизить к водной Камской магистрали и, таким образом, оживить торговлю. Был поднят вопрос о возможности строительства Вятско-Двинской и Сарапульско-Тюменской железных дорог, которые включили бы губернию в общеуральскую транспортную систему³⁹

Положенный в основу земского самоуправления принцип самофинансирования

выразился в появлении у земских собраний права облагать население налогами и самостоятельно распоряжаться собственными средствами. Административное вмешательство ограничивалось обязательностью утверждения земских смет и раскладок губернатором, а также законодательным регулированием норм оценки и установлением пределов земского налогообложения. Главное место в структуре земских доходов принадлежало налоговым поступлениям. Таким образом, состояние земских бюджетов напрямую зависело от уровня экономического развития данного уезда. Одним из самых богатых земств в крае было Сарапульское, самым бедным – Глазовское. Реализация принципа подоходного “уравнительного” налога способствовала перераспределению тяжести налогового бремени между крестьянами и другими сословиями. Таким образом произошло сокращение неравенства в обложении земель крестьян и других владельцев. Весной и летом 1867 г. прошли заседания земских управ, упорядочилась система раскладок и обложения движимого и недвижимого имущества, натуральные повинности переводились в денежные, что способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений.

В решении проблем повышения образовательного уровня населения земство наметило работу по трем направлениям: формированию системы начального образования, развитию среднего и профессионального образования, организации внешкольного обучения и культурно-просветительской работе. Сарапульские и глазовские земцы требовали расширения сети школ. Они указывали, что главная цель просвещения должна “составлять нравственное развитие народа, возвышение уровня его понятий”, что обуславливалось распространением полезных сведений и знаний⁹⁰. Ставился вопрос о создании при школах библиотек с необходимым набором книг. Уездные библиотеки были оснащены книгами, журналами, газетами. Глазовское земство обратилось к губернским властям с просьбой об

открытии школ для удмуртских детей и о необходимости обучения детей на их родном языке. При поддержке земства был подготовлен и издан учителем Бахтинской средней школы Н. Н. Блиновым букварь “Лыдзон” для удмуртских детей. В самом начале своей деятельности земству впервые в истории края удалось провести два губернских съезда учителей в 1869 г. и в 1871 г. и первый съезд врачей в 1874 г. Земства сумели настоять на устройстве телеграфных линий Ижевск–Сарапул, Сарапул–Воткинск, Глазов–Дебесы.

Работа земств находилась под контролем местной и центральной власти – губернатора и министра внутренних дел, – которые имели право приостановить любое постановление земского собрания, если оно “противоречило высшей власти”. Многие из постановлений земского собрания не могли вступать в силу без утверждения губернатора или министра внутренних дел. Кроме того, само общество еще не было готово к реализации положений, заложенных в земское законодательство. Поэтому правительство вскоре после введения земств начало принимать ограничительные меры: губернатор получал право отказывать в утверждении всякого избранного земством должностного лица, признанного губернатором “неблагонадежным”, земствам разных губерний запрещалось сотрудничать и сообщать друг другу свои решения, ограничивалась возможность земств облагать сборами торговые и промышленные заведения, что в какой-то мере подрывало их финансовые возможности.

Процесс реализации реформы в жизнь показал, что исторические, социально-экономические, политические и этнические факторы отдельных регионов страны оказали существенное влияние на состав земских собраний и управ, состояние земских бюджетов, формы воздействия на население, степень земской активности и ее результативность в разных сферах культурно-хозяйственной деятельности.

Городская реформа. Александром II был утвержден проект Городового положе-

ния, 16 июня 1870 г. ставший законом. Целью городской реформы было создание бессословных органов городского самоуправления, приведение в нормальное состояние городского хозяйства, взятие на учет всех жителей городов с последующим налогообложением⁴¹.

Высшим органом власти в городах объявлялась городская дума, новый бессословный орган "общественного управления", избираемый на 4 года. Городская дума имела постоянно действующий исполнительный орган – городскую управу, которая состояла из городского головы и двух или более ее членов. Городской голова одновременно являлся председателем и городской думы, и городской управы.

Избирательная система давала возможность обеспечить в думе преобладание самых зажиточных и влиятельных элементов города. Процедура выборов коренным образом изменилась: население голосовало не по сословным группам и не по сословно-профессиональным корпорациям, а по имущественным куриям. Ввиду этого купеческие, мещанские и ремесленные общества, гильдии и цехи потеряли значение в городском самоуправлении. Право быть избранным и избирать в городскую думу получал каждый русский подданный в возрасте 25 и выше лет, обладавший определенным имущественным цензом, являвшийся плательщиком прямых городских налогов. Таковыми являлись владельцы промышленных и торговых заведений, банков и городской недвижимости (домов, земли). Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам. В соответствии с размерами уплачиваемого городу налога они разделялись на три избирательных собрания: в первом участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие треть общей суммы городских налогов, во втором – средние налогоплательщики, уплачивавшие также треть городских налогов, и в третьем – мелкие налогоплательщики, уплачивавшие остальную треть общей суммы городских налогов. Рабочие, служащие, интеллиген-

ция, составлявшие основную массу населения города, как неплательщики городских налогов устранились от участия в городском самоуправлении. На каждом собрании избирали одинаковое число гласных в думу (по 50 человек), обеспечивая преобладание в ней самой зажиточной части горожан, составлявшей незначительный удельный вес в общем составе его населения. Гласные думы избирались сроком на 4 года. Их присутствие в думе было обязательным. Заседания думы считались законными, если на них было не менее $\frac{1}{3}$ гласных.

Реформа внесла также коренное изменение в отношения между городским обществом и коронной администрацией и вследствие этого изменила традиционный дуализм городского общества. Городская реформа, как и земская реформа 1864 г., проводилась на принципах общественной концепции самоуправления, согласно которой местное общество и государство имели разные интересы, цели и сферы деятельности. Соответственно этому закон провел размежевание государственных и общественных функций, передав податные и полицейские вопросы коронной администрации, судебную функцию – бессословным судебным органам, а проблемы городского хозяйства (транспорта, водоснабжения, связи, канализации и т. д.), общественного призрения, здравоохранения, культуры и образования – городским думам в городе и земствам в уезде. Компетенция городской думы была сужена, но зато по закону она получила автономию от городской администрации. Органы городского самоуправления утратили свой двойственный характер учреждений государственных и общественных: с этого времени они стремились отстаивать только общественные интересы.

Согласно Городовому положению в компетенции городского самоуправления находились дела общественные и правительственные. К общественным относились: внутреннее устройство городского самоуправления, городское общественное хо-

зайство, благоустройство города, общественное благосостояние – обеспечение населения продовольствием, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и народном образовании, принятие санитарных и противопожарных мер. К разряду правительственных относились: наблюдение за исполнением правил и законов относительно торговли и промышленности, клеймение весов и мер, отвод помещений для квартирующих войск, наблюдение за исправным отправлением государственных и земских повинностей.

Разработкой городского бюджета занималась финансовая комиссия городской думы. Бюджет формировался исключительно из сумм налоговых сборов. Городской думе предоставлялось право обложения имущества и доходов частных лиц города. Однако дума могла облагать дома и прочую городскую недвижимость не выше 1 % их стоимости; в таком же размере облагались сбором городская торговля и промышленность. Значительная часть собранных средств направлялась на содержание полиции и гражданского управления (50–60 % городских сборов). Расходы на благоустройство городов составляли до 15 % городского бюджета, на образование – 13 %, на медицину – лишь 1 %.

Городской устав был введен вначале в Сарепуле и Елабуге, во вторую очередь – в Малмыже и Глазове. Реформа городского управления на территории Удмуртии закончилась в 1871 г. Среди гласных преобладали представители торгово-промышленных кругов. Активными деятелями в органах городского общественного самоуправления уездных городов с момента образования и до их ликвидации были купцы. На втором месте стояли мещане. Так, по данным на 1873 г., из 133 гласных, представленных в четырех уездных городах Удмуртии, 68,1 % (89 человек) составляли купцы, 26,6 % (35 человек) – мещане, 1,6 % (2 человека) – духовенство, 3,7 % (5 человек) – остальные, в том числе один крестьянин. Думу,

как правило, возглавляли купцы первой и второй гильдии. Первым председателем городской думы, городским головой Сарепулы был избран купец второй гильдии Г. Д. Пешехонов, Елабуги – купец первой гильдии С. К. Емельянов, Глазова – купец второй гильдии М. С. Смышляев, Малмыжа – купец второй гильдии Д. В. Попов. Представители купеческих династий Сарепулы (Зылевых, Бодалевых, Барановых, Колчиных, Пешехоновых, Барабанщиковых, Ижболдиных, Мощевитиных, Смагиных), Елабуги (Стахеевых, Ушковых, Гирбасовых, Емельяновых), Глазова (Смышляевых, Булычевых, Чарушниковых, Гырдымовых), Малмыжа (Батуевых, Черновых, Кунаевых, Худяковых) из поколения в поколение были в составе гласных, передавая свои служебные должности⁴². Городской голова носил мундир и особый знак, помещенный на цепь, на котором были обозначены герб города и надпись: "Городской голова" Этот атрибут был обязательен для ношения на всех официальных мероприятиях, в которых участвовал голова.

Несмотря на ограниченность реформы городского самоуправления, она явилась крупным шагом вперед, поскольку заменила прежние сословно-бюрократические органы управления новыми, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза. Реформа создала всеобщее общество горожан, однако при этом 95 % городского населения вследствие введения имущественного ценза лишились избирательных прав. Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам, среди которых численно преобладало богатое купечество. Купеческие, мещанские и ремесленные общества, гильдии и цехи потеряли значение в городском самоуправлении. Городская реформа 1870 г. нанесла сильнейший удар по общественным отношениям в среде городского сословия. Начиная с 70-х гг., органы городского самоуправления утратили свой двойственный характер учреждений государственных и общественных: с этого времени они стремились отстаивать только обще-

ственные интересы, вступая порой в конфликт с коронной администрацией. Новые органы самоуправления сыграли немалую роль в хозяйственно-культурном развитии пореформенного города.

Судебная реформа. Вслед за земской реформой правительство приступило к преобразованию судебных учреждений. Александр II 20 ноября 1864 г. утвердил "Судебные Уставы", вводившие в России буржуазные принципы судостроительства и судопроизводства. Были провозглашены гласность суда, независимость судей, отмена сословных судов, сокращались сроки ведения уголовных и гражданских дел, вводился состязательный процесс: обвинение поддерживал прокурор, защиту – адвокат (присяжный поверенный). Устанавливалось несколько судебных инстанций: коронный и мировой суды. Коронный имел две инстанции: окружной суд и судебную палату, объединявшую несколько судебных округов. Принимавшие участие в судебном процессе несколько присяжные заседатели устанавливали лишь виновность или невиновность подсудимого; меру наказания определяли судьи и два члена суда. Решения, принятые окружным судом, считались окончательными, а без их участия могли быть обжалованы в судебной палате. Решения окружных судов и судебных палат могли быть обжалованы только в случае нарушения законного порядка судопроизводства. Апелляции на эти решения рассматривал Сенат, который являлся высшей кассационной инстанцией, имевшей право пересмотра и отмены судебных решений. Сенат передавал дело во второе рассмотрение либо в другой суд, либо в тот же суд, но с другим составом членов суда и присяжных заседателей.

Для разбора мелких проступков и гражданских дел с иском до 500 руб. в уездах и городах учреждался мировой суд с упрощенным судопроизводством. Состав мировых судов избирался на уездных земских собраниях сроком на три года. Каждый уезд в судебном отношении составлял мировой округ, который делился на мировые участки.

Решения мирового суда могли быть обжалованы на уездном съезде мировых судей.

Мировые судьи в уездах выбирались на земских собраниях, а в городах – городскими думами по заранее составленному списку кандидатур, одобренному губернатором. Окончательные списки мировых судей утверждались Сенатом. Председатели и члены судебных палат и окружных судов утверждались императором. После этого они по закону не подлежали ни увольнению в административном порядке, ни временно-му устранению от должности, за исключением привлечения их к суду по обвинению в уголовном преступлении.

"Судебные уставы" 1864 г. вводили институт присяжных поверенных – адвокатуру, а также институт судебных следователей – особых чиновников судебного ведомства, которым передавалось изымаемое из ведения полиции производство предварительного следствия по уголовным делам. Председатели и члены окружных судов и судебных палат, присяжные поверенные и судебные следователи должны были иметь высшее юридическое образование, а присяжный поверенный и его помощник – сверх того пятилетний стаж судебной практики. В присяжные заседатели избирались лица, обладавшие определенным возрастным и имущественным цензом. Присяжными заседателями не могли быть духовные лица, военные и учителя народных школ.

В Вятской губернии судебная реформа начала проводиться с 1869 г. В губернии было создано два судебных округа: Вятский и Сарапульский. Глазовский уезд входил в Вятский округ, Елабужский и Малмыжский – в Сарапульский. Оба судебных округа причислялись к округу Казанской судебной палаты. Суды присяжных в Вятской губернии были созданы в 1874–1875 гг.⁴³

В феврале 1869 г. на Чрезвычайном губернском земском собрании начались выборы мировых судей. Для того чтобы быть избранным в мировые судьи, требовался имущественный ценз. На территории Удмуртии был создан 21 судебный участок.

Списки мировых судей оглашались на волостных сходах. Съезды мировых судей в каждом из уездов созывались ежемесячно. Первыми председателями мировых съездов были чиновники: в Глазовском уезде – титулярный советник П. В. Сунгуров, в Малмыжском – коллежский секретарь В. А. Дзягилевич-Литвинский, Сарапульском – надворный советник В. Я. Чайковский, Елабужском – надворный советник Н. А. Заварзин. Участковые мировые судьи состояли в основном из чиновников, почетные – из купцов и чиновников⁴⁴.

Для контроля деятельности судов палаты уголовного и гражданского судов в губернском городе были объединены под одним руководством. Председателем соединенных палат в Вятке был губернский предводитель дворянства статский советник П. И. Немчинов. Первые открытые заседания местных окружных судов на территории четырех "удмуртских" уездов начались с лета 1874 г.

Изданный 17 апреля 1863 г. закон отменял публичное наказание по приговорам гражданских и военных судов плетями, шпичрутенами, "кошками", клеймение. Однако эта мера носила сословный характер. Телесные наказания сохранились как замена лишения свободы для непривилегированных сословий – до 100 ударов розгами взамен ареста, смиренного или рабочего дома. Применялись розги к штрафным солдатам и матросам, к каторжникам, ссыльным и заключенным в арестантские отделения. Розги сохранялись для крестьян по приговорам волостных судов. Еще Положениями... 19 февраля 1861 г. в деревне вводился сословный крестьянский волостной суд, который судил крестьян по мелким гражданским и уголовным делам на основе обычного крестьянского права, а не государственных законов. Хотя судебная реформа была наиболее последовательной из буржуазных реформ, однако и она сохраняла немало черт сословно-феодальной политической системы. Последующие узаконения вносили в судебную реформу еще

большие отступления от принципов буржуазного суда.

Военные реформы. В 60–70-е гг. XIX в. была проведена целая серия военных реформ, начавшаяся с реформ в области военного управления и завершившаяся наиболее важной военной реформой – введением всеобщей воинской повинности, а также проведением ряда мер по перевооружению армии. Преобразования в армии были направлены на укрепление кадрового состава войск, организации обученной резервной армии на случай войны, повышение профессионального уровня командного состава, перевооружение армии усовершенствованными образцами оружия⁴⁵.

Главная часть программы – введение всеобщей воинской повинности – была закреплена законом от 1 января 1874 г. На основе принятого закона мужчины всех сословий, достигшие 20-летнего возраста, в обязательном порядке должны были отбывать службу в армии: в сухопутных войсках – 15 лет, из них 6 лет действительной службы и 9 лет – запас; во флоте – 10 лет, из них 7 лет действительной службы и 3 года – запас. Всеобщая воинская повинность позволяла иметь надежные воинские резервы. Программой предусматривалось также расширение сети железных дорог. Транспортные средства должны были обеспечить быструю мобилизацию войск и переброску их на театр военных действий. Строевой устав, вновь разработанный и введенный в армейских частях, определил строевые приемы и весь комплекс строевой службы, вопросы дисциплины и порядка субординации от солдата до генерала. Реформа сыграла прогрессивную роль в истории русской армии, ввела передовые принципы ее построения. Всеобщая воинская повинность уже давно существовала в капиталистических странах Европы. Сословные различия сохранялись в русской армии. Командный состав формировался преимущественно из дворян, хотя формально каждый солдат имел право дослужиться до офицерского чина. В армии царил дух кастовости среди офицерского

состава, бесправие, полная беззащитность солдат.

В 1864 г. была реорганизована система военного управления: образовано 15 военных округов, каждый со своим управлением, непосредственно подчиненный своему министерству. Вятская, Пермская, Уфимская губернии, а также Оренбургское, Уральское казачьи войска были включены в состав Казанского военного округа. В губерниях Уральского округа были образованы губернские по воинской повинности и уездные воинские присутствия. В Удмуртии уездные по воинской повинности присутствия, или рекрутские, были образованы в первой половине 1874 г. В состав рекрутского присутствия входили председатель и члены: один из мировых посредников, уездный исправник, военный приемщик, медик, городской голова (при приеме в рекруты). Председателями рекрутских присутствий были, как правило, чиновники: в Глазовском уезде – мировой посредник 3-го участка, титулярный советник П. В. Сунгуров; в Малмыжском – коллежский асессор М. И. Толмачев; в Сарапульском – мировой посредник 2-го участка, надворный советник В. Я. Чайковский, бывший помещик; в Елабужском – мировой посредник, надворный советник Н. А. Заварзин⁴⁶. Первый рекрутский набор произошёл в крае осенью 1874 г.

Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., начиная с отмены крепостного права, являлись шагом вперед по пути развития России к капитализму. Они знаменовали собой существенные изменения в политической надстройке. Однако буржуазные по своему содержанию реформы несли в себе крепостнические черты. Они были половинчатыми и непоследовательными. Наряду с провозглашением буржуазных принципов в управлении, суде, народном образовании и т. д., реформы ограждали сословные преимущества дворянства и фактически сохраняли бесправное положение податных сословий. К тому же российское общество не было готово максимально использовать прогрес-

сивные стороны реформ. Само население в силу существовавших традиций видело в прикреплении людей к городским и сельским общинам средство защитить себя от самовольного ухода налогоплательщиков, связанных круговой порукой.

Таким образом, постепенно крепостное право было упразднено сверху, как и должно быть в правомерном государстве. Однако падение его было делом не только государства, но и всего русского общества. Наибольшее значение для смягчения и отмены крепостного права имели требования предоставления свободы со стороны всех сословий, утверждение частной собственности, влияние европейских порядков, а также объективные политические, военные, экономические и культурные потребности общества и государства. Великие реформы по своему смыслу и содержанию подвели итоги прошлому и настоящему, извлекли уроки из опыта Австрии, Пруссии и других германских государств и создали возможность для трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой. Однако под влиянием ряда факторов в пореформенной деревне сохранилось много пережитков крепостного права. Их изживание в общих чертах завершилось только к 1907 г. вместе с прекращением выкупных платежей, отменой подушной подати и круговой поруки. Корпоративное крепостное право сильно ослабело, но оставалось еще достаточно прочным до 1917 г.

Ссылки на литературу и источники

¹ Мironov Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 361–377.

² Там же. С. 413.

³ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 53; Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861–1895 гг.). Ижевск, 1955. С. 68.

- ⁴ Александров А. А. Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 83–84.
- ⁵ Там же. С. 83.
- ⁶ Там же. С. 84.
- ⁷ Там же. С. 84–85.
- ⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 391.
- ⁹ Александров А. А. Указ. соч. С. 85, 90.
- ¹⁰ Там же. С. 89–90.
- ¹¹ Там же. С. 90.
- ¹² Там же. С. 91.
- ¹³ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 51–53.
- ¹⁴ Александров А. А. Указ. соч. С. 91–96.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 95.
- ¹⁷ Там же. С. 96.
- ¹⁸ Там же. С. 98.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 125–136.
- ²¹ Там же. С. 127.
- ²² Там же. С. 130.
- ²³ Там же. С. 131.
- ²⁴ Там же. С. 98–108.
- ²⁵ Там же. С. 99–100.
- ²⁶ Там же. С. 100.
- ²⁷ Там же. С. 103.
- ²⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 391–393.
- ²⁹ Там же. С. 392.
- ³⁰ Там же. С. 410.
- ³¹ Указ. соч. С. 99–100.
- ³² Субботина А. М. Земство в Удмуртии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2000. С. 15.
- ³³ Александров А. А. Указ. соч. С. 116.
- ³⁴ Субботина А. М. Указ. соч. С. 15.
- ³⁵ Календарь Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870. С. 109–190.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Субботина А. М. Указ. соч. С. 15.
- ³⁹ Александров А. А. Указ. соч. С. 117.
- ⁴⁰ Там же. С. 118.
- ⁴¹ Там же. С. 123–125.
- ⁴² Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год. Вятка, 1873. С. 113–173.
- ⁴³ Александров А. А. Указ. соч. С. 121–123.
- ⁴⁴ Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год. Вятка, 1873. С. 113–173.
- ⁴⁵ Александров А. А. Указ. соч. С. 125–127.
- ⁴⁶ Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год. Вятка, 1873. С. 113–173.

Социально-экономическое развитие Удмуртии

Сельское хозяйство и промышленность

Удмуртия второй половины XIX – начала XX в. – край аграрно-промышленный. Входя в состав Уральского горно-металлургического округа, она носила типичные для него черты, выражавшиеся в соседстве капиталистической промышленности (крупнейших заводов) с полупатриархальной деревней, широко развитыми промыслами, обеспечивавшими нужды крестьянского хозяйства. В территориально-административном отношении четыре "удмуртских" уезда были органичной частью Вятской губернии, связанной с ней преимущественно крестьянским составом населения, общностью природных ресурсов и географического расположения, где первостепенной важности речные пути – Кама и Вятка – сочетались с бездорожьём, препятствовавшим круглогодичному функционированию экономики края в системе общероссийского внутреннего рынка. Экономика Удмуртии в миниатюре отразила все негативные и позитивные процессы, происходящие в России в пореформенный период. В стране с отсталым сельским хозяйством, нищей деревней и узким рынком сбыта был создан мощный сектор тяжелой индустрии, который не мог существовать без постоянных правительственных подачек. Оптимальное соотношение между тяже-

лой и легкой промышленностью составляет примерно 1:4. За годы подъема в России доля тяжелой промышленности поднялась до 1:3. Таким образом сложилась обратная диспропорция. Последствия сказались очень быстро. В 1900 г. разразился промышленный кризис. В России он наступил раньше, чем в других странах, и принял затяжной характер.

Население. К концу XIX в. на территории Удмуртии проживали 1 млн. 336 тыс. 402 человека. Исторический процесс освоения и заселения Удмуртии привел к складыванию здесь этнически неоднородного населения, среди которого наиболее многочисленными были удмурты (29,6 %) и русские (57,6 %). Остальные этносы (более 12 %) были представлены татарами (8,15 %), марийцами (1,44 %), коми (0,60 %), башкирами (0,82 %), тептярями (0,94 %) и т. д.¹ Вторая половина XIX в. – период активного проникновения русских внутрь компактных зон расселения удмуртских крестьян, что объяснялось естественным переселением населения, ощущавшего нехватку земли, в районы, где земли, пригодной для обработки, было еще достаточно. Удмурты принимали выходцев из русских крестьян на вышедшие тяглые дворы; многоземельные общины приглашали их на лишние земельные наделы; среди русских поселенцев встречались и самовольно проживающие. В конце XIX в. на территории Удмуртии не оставалось ни одной чисто удмуртской волости. Из более чем трех десятков национальностей, проживавших в Удмуртии (марийцы, татары, бесермяне, пермяки, немцы, поляки, евреи и др.)², преобладающую часть крестьянского населения во всех уездах составляли удмурты (87,7 %) и русские (99,7%). Зоны с преимущественно удмуртским населением (50–80 %) охватывали в основном северные, восточные и центральные районы Удмуртии; на западе и юго-востоке доля удмуртов была менее 10–20 %³.

Рубеж XIX–XX вв. явился для Удмуртии периодом интенсивного роста народонаселения и увеличения количества населен-

Крестьяне-удмурты д. Бураново
Сарапульского уезда. 1907

Коллекция фотоархива
Музейного ведомства Финляндии

ных пунктов: с 1858 г. по 1898 г. число поселений возросло на 66,9 %, а количество проживающих на 0, 5 млн. человек⁴, что можно объяснить активным освоением природных ресурсов края, внутригубернской миграцией населения, а также демографическим "взрывом". Наибольшие темпы роста численности наблюдались среди удмуртов.

Тяжелые условия жизни и сельскохозяйственного труда вызывали мобильность членов сельского социума не только в пределах губернии. Вятская губерния и, в частности, Удмуртия являлись одним из наиболее крупных районов выхода переселенцев. Если в 80-е гг. XIX в. большинство переселенцев направлялись в южные уезды

Марийцы. 1912

Коллекция фотоархива
Музейного ведомства Финляндии

Мужчины-удмурты. 1927
Коллекция фотосархива
Музейного ведомства Финляндии

Вятской губернии и в соседние регионы, то с конца 90-х гг. большая часть их уже отправлялась в Сибирь.

Преобладающее большинство населения Удмуртии составляло крестьянство (93,7 %). В Сарапуле, Глазове, Малмыже, Елабуге проживало 37 834 жителя, что соответствовало 2,8 % населения Удмуртии (по переписи 1897 г.). К категории горожан следовало бы отнести также население рабочих поселков Ижевска (21,6 тыс. жителей) и Воткинска (18,6 тыс. жителей), которые статус городов еще не получили. В конце XIX в. в рабочих поселках Удмуртии (Ижевском, Воткинском, Омутнинском, Пудемском, Песковском, Залазинском) проживали 74 063 человека⁵.

Общий земельный фонд Удмуртии, по данным земельной переписи 1905 г., исчислялся 5 млн. 555 тыс. дес. Из них более половины 3 221, 4 тыс. дес. (58,2 %) составляли крестьянские общинные земли. Казне, уделу, церкви, учреждениям и городам принадлежало 1 911, 4 тыс. дес. земли (34,2 %). Из них наиболее крупными земельными собственниками были казна, удельное ведомство и заводы – 221 тыс. дес. земли. Остальная земля 422, 2 тыс. дес. (7,6 %) находилась в частном владении. По данным канцелярии вятского губернатора на 1905 г., земельная собственность распределялась следующим образом: дво-

рянам – 76 640 дес., купцам и почетным гражданам – 161 677 дес., духовным лицам – 840 дес., мещанам – 9 745 дес., крестьянам – 69 313 дес. и иным сослови-ям – 9 094 дес. Структура землевладения претерпевала изменения с тенденцией в сторону уменьшения доли удела, государства и дворян и некоторого увеличения разме-ров владений купцов и крестьян.

Аграрные отношения

Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в. явились началом глубоких перемен в соци-ально-экономическом строе российской деревни. Это были реформы, ознаменовав-шие переход к капиталистическим отно-шениям, углубление и расширение которых обострило аграрную проблему во всех ее аспектах – земельном, крестьянском, соци-альном, агрикультурном. Именно аграрно-крестьянский вопрос явился стержнем об-щественной жизни России второй половины XIX – начала XX в., главным содержанием назревавшей в стране народной революции.

Типологически являясь органичной час-тью российского крестьянского сословия, земледельческое население Удмуртии имело свои конкретно-исторические особенности, обусловленные природно-географическими, историческими, этническими и другими фак-торами. Оно было выражено практически всеми категориями, отмеченными в других регионах России, но, безусловно, преобла-дающую часть составляли крестьяне трех бывших разрядов: государственные, удель-ные, помещичьи (95,5 %, 3 % и 1,5 % соответственно)⁶. Численный перевес быв-ших государственных крестьян позволяет говорить о крестьянском пути аграрной эво-люции: хозяйства не были окружены поме-щичьими латифундиями, а крестьянские наделы оставались одними из самых круп-ных в Европейской России.

Аграрные реформы 60-х гг. в результате отмены крепостного права и введения си-стемы выкупа открыли возможности пре-

вращения крестьян в мелких товаропроизводителей. Проводившиеся несколько десятилетий эти преобразования охватили фактически все категории крестьянского населения.

После аграрных преобразований 60-х гг. крестьянство Удмуртии, как и в целом российское земледельческое население, оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, оно вместе со всей страной вступило в эпоху капитализма, что усилило в нем стремление к самостоятельному хозяйствованию, к упорочению и развитию в деревне мелкого товарного производства. С другой – многочисленные пережитки прошлого тормозили поступательное развитие сельского хозяйства, сдерживали процесс становления зрелых буржуазных отношений в аграрном секторе.

Крестьянское землевладение и землепользование

По структуре землевладения Удмуртия была близка к северо-восточным регионам Европейской России, в которых сохранялась высокая доля наделных и казенных земель. Земля приобреталась как частными собственниками, так и обществами и товариществами. Среди частных земельных собственников, преимущественно татар и русских, преобладали бывшие помещицы, горнозаводские и удельные крестьяне.⁷ Определенную роль в концентрации земли в руках капитала сыграл Крестьянский поземельный банк. Казанскому отделению Крестьянского банка в Елабужском, Сарапульском и Малмыжском уездах в 1915 г. принадлежало 40 855 дес.⁸ Государство и удел ежегодно выделяли определенный земельный фонд для продажи. Банки скупали земли у казны, уделов, ведомств и выгодно продавали или сдавали в аренду зажиточной части крестьянства, в основном это были лесные или сенокосные участки.

В начале XX в. экономические характеристики бывших государственных, удельных

и помещичьих крестьян отличались величиной надела, размером платежей и повинностей. В среднем надел земли на один крестьянский двор составлял 17,37 дес. и был выше официальной нормы надела (15 дес.), установленной для многоземельных районов, но при этом у государственных крестьян на двор приходилось в среднем по 16,8 дес., у помещичьих – 9,7 дес., у удельных – 9 дес. Значительно отличались средние размеры наделов по уездам: от 12 дес. на двор в Сарапульском и до 22 дес. – в Глазовском. В 1905 г. 42,3 % крестьянских дворов имели до 15 дес. наделной земли, 49 % – от 15 до 25 дес. Из них 8,6 % дворов имели свыше 28 дес. на хозяйство, причем 3,1 тыс. дворов располагали 105,3 тыс. дес. наделной земли, т. е. в среднем на двор приходилось 34–35 дес. Тенденция к концентрации земельных владений в руках немногих характеризовала процесс капитализации деревни⁹.

Менее ярко проявилась дифференциация удмуртского крестьянства. Средний земельный надел у удмуртов был выше. Так, в Глазовском уезде на двор приходилось 24,6 дес. Безземельных и малоземельных удмуртских дворов было в 3,5 раза меньше, чем русских. Перераспределение земли происходило за счет купли-продажи, а также аренды земельных участков. Согласно подворным земским переписям за 1880–1913 гг. в Глазовском уезде землю в аренду сдавали 14,6 %, Елабужском – 16,7 %, Малмыжском – 15,3 %, Сарапульском – 19,7 % крестьянских дворов. Аренда земли у всех народов Вятского края, за исключением татар, была довольно развита: 22,1 % всех арендующих составляли удмурты, 46,5 % – пермяки, 45 % – русские, 47,3 % – башкиры, 20,3 % – бесермяне, 23,3 % – марийцы. Зажиточные крестьяне-предприниматели арендовали землю в целях расширения производства сельскохозяйственных продуктов на продажу. Аренда земли несостоятельными, бедными крестьянами носила продовольственный характер, так как предпринималась

главным образом для удовлетворения насущных потребностей крестьянской семьи. Сдача земли наблюдалась у всех народов: марийцев (47 %), башкир (35,6 %), русских (18,8 %), удмуртов (17,3 %), бексермян (15,8 %), татар (13,8 %). Аренда, являясь крупным социально-экономическим фактором деревенской жизни, самым непосредственным образом воздействовала на ускорение и обострение процесса расслоения крестьянства, способствуя обогащению одних и обнищанию других. Наиболее распространенной формой аренды земель в крае была натуральная (исполно-отрабочная), что свидетельствовало о довольно низкой стадии развития товарно-денежных отношений. На углубление процесса дифференциации крестьянства указывает и возрастание найма, одного из главных признаков капитализации деревни. В Елабужском уезде многолошадные хозяйства применяли значительно больше наемного труда: 84,4 % всех сенокосных и 70,8 % полевых рабочих, а на 50,9 % дворов двух низших групп приходилось лишь 15,6 % сенокосных и 29,2 % полевых рабочих. Значит, росло число безлошадных и однолошадных: в удмуртской деревне с 27,9 до 38,8 %, в русской – с 60,4 до 65 %¹⁰.

Различный уровень капиталистического развития в «удмуртских» уездах наложил свой отпечаток на особенности крестьянского землевладения. Так, для Глазовского уезда было характерно наличие крупных крестьян лесопромышленников. Другую категорию составляли зажиточные крестьяне-землевладельцы. В каждой волости имелось по 2–3 таких хозяйства. У некоторых из них были довольно крупные земельные участки. Например, Снегирев из Гординской волости владел 351 дес., 335 дес. имелось у Варанкина из Афанасьевской волости и т. д. Но чаще всего крестьяне-земельщики имели угодья от 10 до 50 дес.

В Елабужском уезде отдельных хозяйственников земли насчитывалось немного. Здесь более приметным явлением была форма владения землей обществами и това-

риществами. К началу XX в. в уезде было 84 товарищества, которые владели 15 537 дес. земли. В Сарапульском уезде для них была характерна большая дробность, размельченность крестьянской земельной собственности. Среди владельцев встречались даже хозяйства, имевшие земли всего от 0,2 до 0,01 дес.¹¹

Аграрные преобразования 60-х гг. не предусматривали выделение каждому крестьянину земельных наделов. Сельскохозяйственные угодья (пашня, пастбища, луга, лесные участки) составляли единый хозяйственный комплекс и распределить его между отдельными крестьянами было не под силу правительственным учреждениям. Поэтому по Положению... 19 февраля 1861 г. особое внимание было уделено общине как субъекту землепользования. Именно она, а не отдельная семья, обладала правом собственности на землю.

При распределении земли между своими членами община руководствовалась принципами уравнительного землепользования, беря в расчет численность каждой крестьянской семьи, наличие мужской рабочей силы и т. п. Уравнительное землепользование достигалось путем проведения переделов, которые могли быть частными (в разверстку поступала лишь часть общинной земли, переделываемой между небольшим числом домохозяев) и коренными, общими (в передел поступала вся общинная земля, а в разверстке участвовали все домохозяева). Переделы неизбежно были связаны с чересполосицей, так как наделы отдельных домохозяев оказывались на нескольких участках, а также с дальнотемельем, когда земля находилась за несколько верст от места жительства.

Первые известные факты переделов земли по ревизским душам на территории Удмуртии относятся к 70-м гг. XVIII в., а широко внедряться в крестьянскую жизнь они, видимо, стали в первой половине XIX в. Материалы пореформенного периода свидетельствуют уже о достаточно четко выраженном и отработанном механизме уравни-

нительного раздела мирской земли. Передельную функцию общины, по-видимому, приобрели под давлением ряда правительственных мер (в частности, генерального межевания), замыкавших общинные хозяйства определенными территориальными границами, а также в силу "хозяйственных и агротехнических причин, прежде всего трехполья, как наиболее рациональной системы полеводства при все более сужавшемся количестве удобной земли у крестьян"¹²

Проводя переделы, община, с одной стороны, наделяла каждую крестьянскую семью тем количеством земли, которое соответствовало записанным за этой семьей земельно-раскладочным единицам – "душам", с другой, определяла размеры повинностей общинников в целях выполнения своих фискальных задач перед государством. Кроме того, регулируя эксплуатацию общедеревенских угодий, она осуществляла воспроизводство хозяйственных традиций, без чего процесс сельскохозяйственного производства был бы просто невозможен.

Коренной передел в большинстве общин Удмуртии проводился обычно после ревизий населения, т. е. через 10–12–15 лет. В промежутках между коренными переделами крестьяне периодически проводили частное перераспределение земель (так называемые "скидки – накидки" или "свалки – навалки"), главное отличие которых состояло в том, что они проводились в случаях, когда с ростом населения менялся состав отдельных крестьянских дворов. При частных переделах установленные границы наделных полос, количество и размеры душевых наделов в общине оставались неизменными, участки просто передавались от одной семьи к другой. Такая практика давала возможность общинам избегать довольно сложных и чреватых столкновениями и противоречиями переделов. Анализ крестьянских приговоров показывает, что отсутствие коренных переделов со времени Х ревизии (1858 г.) – весьма характерное явление для общинных организаций

(особенно удмуртских): крестьянство по привычке ожидало очередной ревизии, которая являлась бы своеобразным сигналом для начала передельной кампании. В 80-е – начале 90-х гг. крестьяне, испытывая острую нужду в земельных наделах на подросших детей, осознавая необходимость уравнивания участков, не дождавшись ревизии, приступили к переделам, которые прошли, подобно цепной реакции. В итоге, хотя и временно, была ослаблена тенденция к концентрации земли в руках имущих общинников.

Уравнивательным переделам обычно подвергались сенокосы и пашни. В общинах, страдавших от недостатка леса, переделались и лесные участки. Усадебные места по своему положению приближались к частному владению и переделам не подвергались. В некоторых удмуртских общинах из передельного фонда исключались новоросчистные земли, удобренные полосы. Распределение наделных участков происходило путем жеребьевки, к которой крестьяне относились как к крайне важному делу, не допускавшему никаких неточностей, злоупотреблений и обид.

Развитие капиталистических отношений наложило свой отпечаток на поземельные порядки в общинах. Основной сутью поземельного вопроса в этот период становится борьба между общинными и частнособственническими тенденциями.

В обстановке, когда ревизии прекратились, а состав семей в результате участвовавших семейных разделов стал меняться интенсивнее, когда более быстрыми темпами происходило социальное расслоение, крестьяне были вынуждены все чаще прибегать к частным переделам, сдерживавшим развитие земледельческой культуры, увеличивавшим дробность наделов. И тем не менее бедные и средние слои общины продолжали "цепляться" за переделы, так как они оставались наиболее рациональным средством уравнивания земли и мерой борьбы против частнособственнических устремлений зажиточных слоев деревенского со-

циума, чьи интересы начинали приходить в противоречие с повседневными нуждами рядового крестьянства. Стремясь упрочить свое экономическое положение, зажиточные слои деревни закрепляли за собой удобренные полосы, ближайшие и удобные земли, меняли условия и ход жеребьевок, нарушали традиционные принципы переделов, т. е. всячески стремились ослабить действие уравнилельно-переделной функции общины. Наиболее зримо подобные явления выступали в общинах русских земледельцев, где социальное расслоение достигло большей глубины и остроты, чем в удмуртской общине – бускель.

В пореформенный период стало типичным наделение земель не по ревизским душам (с прекращением ревизий такие "души" становились анахронизмом), а по наличным душам мужского пола, по работникам, едокам или сообразно экономическому состоянию крестьянских хозяйств. К примеру, в Сарапульском уезде в 80-е гг. около 35 % крестьянских общин землю распределяли по ревизским душам, 39 % – по принципу платежеспособности хозяйств, остальные – по числу членов семьи или работников мужского пола¹³. Появилась практика наделения земель женских душ¹⁴.

В одних общинах наделяли земель даже новорожденных мальчиков, в других – детей с 11-летнего возраста и стариков, пожелавших принять на себя земельный надел, в третьих – мужчин старше 60 лет исключали из разверстных списков. В любом случае общины проявляли определенную гибкость, изменяя принципы и условия перераспределения земель в зависимости от сложившихся обстоятельств: численности населения, размеров деревенских угодий, наличия фонда свободных земель и т. п.

В целом община в силу своих особенностей – отсутствия личной поземельной собственности, наличия института выборных, самоуправления – продолжала оставаться той рациональной основой, которая позволяла крестьянам без особого вмешательства извне организовывать свою

жизнедеятельность, являлась, по выражению известного российского крестьяноведа Л. В. Милова, своего рода "компенсационным механизмом" выживания крестьянства.

Конкретно-исторические исследования удмуртской общины показали, что во второй половине XIX в. она по сравнению с русской общиной проявляла еще достаточную устойчивость и крепость внутриобщинных связей и устоев. Порядки землепользования (особенно уравнилельные переделы), общественно-управленческая, обычно-правовая, религиозно-этическая и другие функции общинного союза придавали крестьянскому хозяйству более стабильный характер, способствовали его воспроизводству, поддерживали веру крестьян в силу и надежность "мира" Удмуртский бускель продолжал сохранять традиционные институты и порядки (активно функционировал кенеш – орган местного крестьянского самоуправления; по-прежнему востребованным оставался обычай взаимопомощи и поддержки – веме; удмуртская община в отличие от русской общины оставалась субъектом аграрных культов, молений и празднеств; устойчивыми были нормы обычного права, на которые опирался в своих действиях крестьянский суд, и т. д.). Удмурты проявляли сильную приверженность общинным порядкам и традициям, возможно, и потому, что осознавали: сопротивление национальному гнету, русификации и христианизации, сохранение себя как определенной этнической общности может быть более или менее успешным только в территориально сплоченном социальном и хозяйственном организме. Цементирующим средством традиционных институтов общины были родственные связи, которые и в пореформенный период продолжали охватывать удмуртское крестьянство. Все это придавало локально-историческую специфику и своеобразие удмуртскому бускелю, хотя типологически он не отличался от соседского земледельческого союза русских крестьян и переживал те же процессы, что и в целом российский село.

Тем не менее, в пореформенный период даже в удмуртском обществе с его более слабым социально-классовым расслоением вера крестьян в общину была уже неадекватна потенциам самой общины. Удмуртский бускель переживал общий процесс трансформации под воздействием развивавшегося капитализма: происходила структурная перестройка сложных многодеревенских общин в сторону их упрощения; разрушалась этническая замкнутость "миров"; менял свой характер главный руководящий орган общины кенеш – сельский сход, постепенно превращаясь в арену острых социальных противоречий, борьбы общинных и частнособственнических интересов; претерпевала процесс внутренних изменений семья – основной структурообразующий компонент общины. В итоге община уже не могла ставить перед собой какие-либо новые общественные задачи, а лишь "боролась" за свое существование, проявляя при этом в повседневной практике гибкость и приспособляемость к социальной динамике рассматриваемого периода. Капиталистические отношения проникали во все сферы деревенской жизни, способствуя разложению общины, которое шло по линии не просто имущественной дифференциации, а, по словам В. И. Ленина, по линии социального расслоения, "коренного разрушения старого патриархального крестьянства и создания новых типов сельского населения"

Для развития самостоятельного мелко-товарного крестьянского хозяйства серьезные трудности создавало аграрное законодательство, согласно которому надельная земля не могла отчуждаться от ее владельца, что, по существу, означало насильственное привязывание крестьян к наделу. Продажа земли, приобретенной отдельными домохозяевами, могла производиться, но только внутри своего сельского общества. До погашения всей выкупной ссуды земли, принадлежавшие как сельским обществам, так и отдельным домохозяевам, не могли закладываться. Таким образом, крестьяне, перешедшие после аграрных преобразова-

ний 60-х гг. на выкуп, хотя и числились юридически собственниками наделов, по закону не имели права свободного распоряжения ими, т. е. не могли ни продавать, ни закладывать наделы¹⁵. Средневековые черты надельного землевладения были еще более закреплены известными актами о запрещении семейных разделов (закон от 18 марта 1886 г.), о неотчуждаемости крестьянских наделов (закон от 14 декабря 1893 г.) и др.

Итак, в пореформенный период на развитие землевладения и землепользования воздействовали два основных фактора: старые феодально-крепостнические пережитки и новые капиталистические отношения. Мера влияния этих факторов на отдельные сферы земельных отношений была разной в различных местностях края, в разные периоды и в разных по национальной принадлежности крестьянских общинах. В целом развитие капиталистических отношений в сфере землевладения и землепользования протекало в замедленном темпе (особенно в удмуртских общинах). Последствия реформы 1861–1866 гг. отчетливо проявились здесь лишь к 80–90-м гг. Благодаря отсутствию крупных массивов помещичьего землевладения, ведущей тенденцией аграрной эволюции мог бы стать буржуазно-крестьянский (фермерский, "американский") путь, но он не мог получить достаточного ускорения и интенсивного развития, будучи сдерживаемым общими неблагоприятными условиями развития сельского хозяйства. Явные признаки социально-классовой дифференциации, с одной стороны, и пережитки патриархально-бытовых и хозяйственных форм, с другой – делали противоречия в аграрном секторе края более запутанными, а положение крестьянских масс более тяжелым.

Крестьянское хозяйство

Удмуртию нельзя отнести к числу регионов с благоприятными условиями для сельскохозяйственного производства. Ее

основные земельные фонды состоят из малоплодородных дерново-подзолистых, песчаных и супесчаных почв, требующих больших трудовых затрат. В пореформенный период сельскохозяйственное производство во многом держалось на упорном труде и незаурядной изобретательности и находчивости крестьян, умении приспособиться к тем или иным местным условиям.

Основным занятием крестьянства Удмуртии продолжало оставаться пашенное земледелие с зерновой специализацией. Животноводство и промыслы (охота, рыболовство, пчеловодство) носили вспомогательный характер; повсеместно были распространены домагифактурные формы промышленности: домашняя, ремесло, мелкотоварная.

Зерновое производство в крестьянских хозяйствах развивалось на основе парового трехполья. Время возникновения этой системы земледелия в крае проследить трудно. По-видимому, сначала она распространилась в районах с русским населением, вдоль Волги и Камы и вблизи крупных городов. В удмуртских хозяйствах трехполье с паровым клином, возможно, стало практиковаться уже в XVII в., но как господствующая система утвердилось в XVIII столетии. Наряду с трехпольем, в отдельных деревнях применялось двуполье, обрабатываемое по трехпольному принципу: одно поле отводилось под пар, другое засеивалось озимыми и яровыми культурами. Двуполье и другие отклонения от классического трехполья вызывались экономическими соображениями, обуславливались почвенно-климатическими, погодными условиями.

Прогрессивные черты паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом в исторической науке никем не оспариваются, но не отрицается и тот факт, что естественное плодородие почв трехпольного хозяйства из-за ежегодной вспашки полей примитивными орудиями, посева одних и тех же культур, нехватки органических удобрений быстро уменьшается. Эти обстоятельства определили агротехнические особенности в крестьянском земледелии края: длительное сочетание трехполья с элементами подсеки и перелога.

Деревня Бураново Сарапульского уезда
Коллекция фотоархива
Музейного ведомства Финляндии

Подсека практиковалась преимущественно в форме периодически используемого лесного перелога, когда выжигалось мелколесье, кустарник, дерн, но в наиболее лесистых районах Удмуртии, например в северной полосе Сарапульского уезда, в отдельных селениях Малмыжского уезда, наблюдалась расчистка земель из-под девственного леса. Разделка нови происходила подчеркиванием и сырцовой вырубкой (зеленником). К подчеркиванию обычно прибегали удмурты, к сырцовой рубке – русские.

При сырцовой рубке новинные земли из-под расчищенного леса пускались в эксплуатацию на следующий год; при подчеркивании у остающихся на корню деревьев подсекалась кора, и они превращались в сухостой. Через 3–5 лет деревья срубались, и деланки в течение нескольких лет (от 2–3 до 10–15) отводились под сенокос. Лишь после выкорчевки пней новина распахивалась и либо вводилась в трехпольный севооборот, либо использовалась в качестве периодически распахиваемого лесного перелога.

Приверженность удмуртов более архаичному и продолжительному способу расчистки леса – подчеркиванию, – вероятно, можно объяснить их относительно лучшей обеспеченностью землей в сравнении с русскими. Испытывая меньшую земельную тесноту, удмурты готовили новоросчисти испод-

Хозяйственные постройки
в д. Бураново Сарапульского уезда. 1907
Фото У. Т. Сирелиуса. Коллекция фотоархива
Музейного ведомства Финляндии

воль, в свободное от основных сельскохозяйственных работ время, и ежегодно добавляли к старопахотным участкам нови, которые на первых порах давали богатые урожаи и высоко ценились.

Что касается переложно-залежной системы, в северных лесных районах Урало-Поволжья, в том числе на территории Удмуртии, она, по-видимому, всегда играла второстепенную роль как дополнение к подсеке, а затем – к паровому трехполью (рис. 1).

Во второй половине XIX в. переложно-залежные участки представляли собой оставленные на отдых трехпольные пашни либо истощенные лесные подсеки.

Как известно, паровое трехполье требует интенсивного внесения удобрений. В данный период для крестьянского населения "удмуртских" уездов поддержание плодородия почвы путем ее удобрения было уже привычным явлением, хотя не всегда достижимым. Количество навоза непосредствен-

но зависело от хозяйственной состоятельности дворов, наличия достаточного количества скота, и поэтому безлошадные, бескорневые хозяйства, как правило, не имели возможности удобрять свои поля, тогда как зажиточные старались унавозить все посевные площади. Преобладающая часть крестьянских дворов ограничивалась удобрением ближних полос, предназначавшихся под рожь, ячмень, коноплю, полбу, пшеницу; удмурты интенсивнее всего унавозивали конопляники. Так как удобрение полей было трудоемкой работой, крестьяне организовывали поочередно "помочи" в отработку.

В общинах, стесненных в пастбищных угодьях, своеобразным способом удобрения пашен становилась "голока" – пастьба скота по паровому полю. Такая традиция, по-видимому, восходила к ранним этапам земледельческой культуры и была знакома и другим народам Урало-Поволжья.

Судя по литературным данным, одним из приемов удобрения полей в Вятской губернии было сжигание стерни. Крестьяне намеренно жали хлеба высоко, а оставшуюся стерню весной следующего года сжигали: зимой высокое живнвье задерживало снег на полях, а весной, после пала, зола служила удобрением. Можно предположить, что едва ли во второй половине XIX в. крестьяне повсеместно сжигали стерню: недостаток лугов и пастбищ вынуждал их прибегать к пастьбе скота по убранному полю, при которой стерня вытаптывалась и частично поедалась.

Подготовка земли под яровые хлеба начиналась в апреле. Если весна была

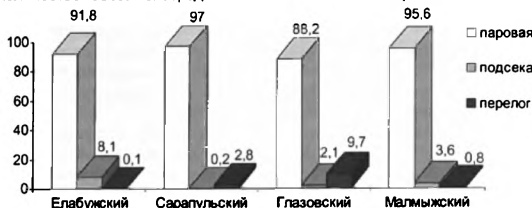

Рис. 1. Соотношение систем земледелия по уездам, %

рания, то в апреле проводили и сев. Сроки полевых работ в известной мере зависели от качества почв и рельефа местности: глинистые места пахали рано, низины – в последнюю очередь. Обработка пара начиналась со второй половины июня (первая вспашка), после нее русские давали земле просохнуть в течение 1–2 недель и бороновили, а удмурты проводили боронование или сразу после вспашки, или незадолго до второй (предпосевной) обработки земли.

После подборонования в 2–3 следа проводили сев озимых (конец июля – начало августа). Сроки посева колебались в зависимости от погодных условий, наличия посевного зерна (иным хозяйствам за неимением семян приходилось ждать обмолота нового урожая). Народная традиция четко определяла оптимальные сроки сева полевых культур, коллективный опыт крестьян в этом деле был гибким, учитывал реальную ситуацию каждого хозяйственного года, естественно-географические условия, особенности почв и т. д.

Коллективным производственным опытом были выработаны и наиболее целесообразные агротехнические приемы: двойная и тройная перепашка, боронование, прополка. Большое внимание уделялось семенному зерну – его отбирали уже при ручном обмолоте и веянии зерна. Такое сортированное зерно давало более сильные и стойкие всходы.

Основными возделываемыми культурами во второй половине XIX в. были рожь, овес, ячмень, пшеница, гречиха, горох, полба, просо, чечевица; из технических – конопля, лен. Культивировались преимущественно семена местных сортов. Значительные площади отводились под озимую рожь (например, в Глазовском уезде – 41,1 %, в Сарапульском – 39,7 % посевов) и ощутимо меньшие – под пшеницу, особенно в северных районах. Конопля, пшеница, ячмень считались наиболее прихотливыми культурами, их сеяли по унавоженной земле. Рожь тоже требовала удобренных почв, но ее сеяли после внесения удобрения вторым или тре-

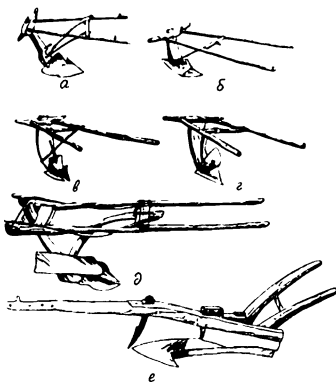

Рис. 2 Традиционные орудия пахоты:
а – чегандинка; б – курашимка; в – соха с брылой,
г – вятский лемех; д – кунзурка; е – плуг
с колесным передком

тым урожаем; лен и репу высевали на новинах; под гречиху отводились неудобренные, истощенные полосы.

Вопросы прогрессивных тенденций в земледельческой культуре крестьянства Удмуртии пока не становились предметом специального научного интереса, поэтому лишь по отдельным данным можно судить о том, что определенные сдвиги происходили и в этой сфере сельского хозяйства. К примеру, в конце XIX – начале XX в. зажиточная прослойка крестьянства стала практиковать многополье, наблюдались единичные случаи полевого травосеяния. Меры правительства и правительства, направленные на внедрение многопольного земледелия, дорогих заводских орудий труда, не приводили к ощутимым улучшениям: многопольные хозяйства исчезали из-за дороговизны агрикультурных мероприятий.

Сельскохозяйственные орудия труда, используемые большинством земледельцев, отличались простотой, но были довольно разнообразны. Наибольшее количество их приходилось на почвообрабатывающую

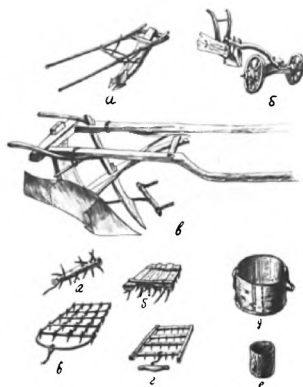

Рис. 3. Традиционные орудия земледелия:

а – соха; б – сабан; в – косуля

Бороны: г – суковатка; б – смык; в – плетеная борона; г – рамная борона
Севалки (д, е)

технику. Орудия уборки – серпы, косы, вилы, молотильные цепи – были самыми архаичными. Медленная эволюция конструкций большинства сельхозорудий компенсировалась их универсальностью и многофункциональностью.

Повсеместно в Удмуртии были известны двуральные сохи с перекладной полицей, именуемые «вотскими», так как чаще всего использовались удмуртами. По характеристике Д. К. Зеленина, подобные сохи стоят «как бы на середине между «черкающими» (древнейшими) пахотными орудиями, с одной стороны, и между «орущими» (новейшими, плужного типа), с другой, соединяя в себе преимущества тех и других»¹⁶. Достоинство «вотской» сохи перед другими вариантами сошных пахотных орудий заключалось в ее легкости и маневренности, недостатками считались слабые возможности при глубокой вспашке и непригодность на почвах со значительной мощностью.

Из усовершенствованных сох наиболее распространенными были кунгурки,

курашимки, чегандинки, имевшие пятую (зачаточный полоз), и потому более устойчивые. Меньшую известность имела, по-видимому, косуля однолемешная – еще более усовершенствованное орудие, близкое по способу действия к плугу, использовавшееся главным образом для обработки почв, освобожденных из-под леса. При подъеме нови, залежей чаще пользовались татарским сабаном или его облегченным вариантом – полусабаном. Распаханность земель, позволявшая обрабатывать почвы легкими пахотными орудиями, и недостаток тягловой силы, необходимой для работы с сабаном, обусловили его меньшее применение в сравнении с орудиями типа сохи.

При подсеке и перелогe широко употребляли «чертеж» (резак, резец, отрез) – обыкновенную соху, имевшую вместо рассохи лопу, – крепкий, почти прямой брусok без раздвоенного конца.

Основным орудием для разрыхления вспаханных земель и заделки семян служила борона – вязаная, долбленая, суковатка. Бороны с железными зубьями чаще встречались в хозяйствах русских крестьян. Например, в Сарапульском уезде их имели 49,3 % русских и лишь 9,6 % удмуртов¹⁷.

Довольно простыми оставались орудия уборки урожая: жали серпами, в случае плохого урожая косили его косами-литовками, сгребали граблями, молотили цепями, веяли с помощью деревянных лопат. В годы сильных недородов урожай убирали старинным способом – дергали руками.

Уборку ржи русские начинали на 3–4 дня раньше удмуртов, так как жали «впрозелень», а удмурты ждали полного созревания зерна. Сжатый хлеб хранили в снопах, при этом удмурты вязали снопы меньшего размера, чем русские, что объяснялось стремлением первых достичь большей просушки зерна прямо в поле, так как у них обычно практиковалась молотба хлеба сыромолотом (особенно в благоприятную погоду), без просушки в овинах. В народе ведренная, высушенная на солнце рожь ценилась дороже высушенной в овинах.

Молотьба

В пореформенное время в целом создались более благоприятные по сравнению с 30–50-ми гг. объективные условия для производства улучшенной сельскохозяйственной техники и ее применения. Развитие товарного хозяйства приводило к образованию внутреннего рынка на новые орудия и машины, так как ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель уже не мог вести торговое земледелие исключительно традиционной техникой, без агротехнических новшеств, не рискуя быть разоренным. Зажиточное и богатое крестьянство, обладая свободными средствами, получило возможность вкладывать часть из них в приобретение новых сельскохозяйственных машин и орудий. Под влиянием спроса на улучшенную земледельческую технику росло промышленное производство отечественных сельскохозяйственных орудий и машин, возникали и расширялись крестьянские промыслы кустарей-специалистов, кузнецов, столяров и т. д. Хозяйственная смекалка и мастерство, знание особенностей местных почв, слабых сторон используемой сельскохозяйственной техники подсказывали им пути ее улучшения.

Пропаганду усовершенствованных орудий вели уездные земства: устраивали выставки-продажи, отдавали плуги и другую технику крестьянским обществам и товариществам на определенный срок в целях "ознакомления населения". Агрономы и смот-

рители техники проводили демонстрационные работы, публиковали небольшие доступные заметки, проводили беседы среди земледельцев¹⁸. Но, несмотря на наличие в Удмуртии крупного производства сельскохозяйственной техники на Воткинском и Ижевском заводах, наиболее распространенными продолжали оставаться орудия кустарного производства, более дешевые и приспособленные под местные почвенные условия.

Наблюдалось значительное отличие в технической вооруженности хозяйств: соха, борона с деревянными зубьями, цеп – в одних хозяйствах, жатвенная машина, веялка-сортировка, молотилка – в других. "Крепкие мужики", зажиточная часть крестьянства, как правило, организовывали комплексное хозяйство: наряду с земледелием занимались торговлей, открывали предприятия (водяные, паровые мельницы, крупорушки, лесопилки, маслобойки и т. д.). Самые предприимчивые крестьяне в начале XX в. смогли основать и фабрику. Формирование сельской удмуртской буржуазии происходило в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией и лесном производстве. В Глазовском уезде крупными скупщиками были хлеботорговцы и лесопромышленники Тимофеевы, Чирковы, Ворончихины, Даниловы, Таракановы, Ивановы, Волковы. В Сарапульском уезде – Русановы, Герасимовы, Никитины, Бехтерева, Вахрушевы и др., в Малмыжском – Ирисовы¹⁹.

Тяжелый и упорный труд земледельцев края вознаграждался не всегда. Урожаи были, как правило, низкими и прогрессивно уменьшались, что являлось отражением не только низкой культуры земледелия и социально-экономических условий эволюции полевого хозяйства, но и следствием капризов природы, малоплодородных почв, кратковременного цикла земледельческих работ (с мая до начала октября), деградации антропогенной зоны экосистемы (эрозия почв, вырубка лесов и т. д.). Только во второй половине XIX в. в Удмуртии неурожайными были 1863, 1869, 1871, 1883, 1885 гг. Недороды случались даже в результате небольших засух, заморозков, холодного лета. В начале XX в. урожайность ржи в Глазовском уезде не превышала "сам- 3,5", в Елабужском – 4,7, Малмыжском – 4,5, Сарапульском – 4. Чистый сбор ее в среднем составлял всего 28–37 пудов с десятины.

Несмотря на это, Вятская губерния и четыре "удмуртских" уезда, в частности, еще с рубежа XVII–XVIII вв. считались житницей России, откуда вывозилось большое количество хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции на север, в районы Поморья, в Сибирь, через Архангельск – за границу. При этом происходила принудительная товаризация продуктов земледелия, а не предпринимательская продажа действительных излишков. В начале XX в. 67–70 % крестьян, продававших хлеб осенью, весной вынуждены были его покупать²⁰.

Огородничество в Удмуртии выполняло подсобную роль и носило в основном потребительский характер. Садоводство было развито слабо. Фруктовые сады имели только священники и захиточные крестьяне.

Второй по значимости отраслью крестьянского хозяйства было животноводство. Оно давало крестьянам рабочий скот, продукты питания, сырье для домашних промыслов и ремесел, органическое удобрение для полей; в хозяйствах удмуртских крестьян, придерживавшихся язычества, часть домашних животных использовалась

в качестве жертв во время традиционных молений и празднеств.

Значение рабочего скота в сельскохозяйственном производстве, жизни и быту сельского населения трудно оценить. От его количества и качества зависели размеры площади засеваемой земли и уровень обработки почвы. Степень обеспеченности крестьянских хозяйств тягловой силой являлась, как известно, одним из важных отличительных признаков различных социальных групп в деревне. Ведущей тенденцией периода капитализма было заметное сокращение количества рабочего скота. В конце XIX в. в Удмуртии насчитывалось 27,9 % удмуртских и 60,4 % русских безлошадных и однолошадных хозяйств, к 1912 г. доля таких хозяйств среди удмуртов возросла до 38,8 %, среди русских – до 65 %. Имеющийся скот у бедноты был не породистым, мелкорослым и слабосильным, что объяснялось недостатком кормов, изнурительной работой, общей бедностью общин пастбищами и т. п.²¹

По категориям крестьянского населения лучше были обеспечены скотом собственники и бывшие государственные крестьяне, хуже – бывшие помещичьи и горнозаводские. Бесермяне, удмурты и мари содержали относительно большее количество скота, чем татары, башкиры и русские. Мероприятия земств и правительства по поддержанию крестьянского животноводства – завоз лошадей новых пород из степных губерний, организация выставок скота, создание случайных пунктов и т. д. – к особо эффективным результатам не приводили. Развитие животноводства тормозилось низкой платежеспособностью населения.

Недостатки трехпольной системы земледелия приводили к распахке пастбищных и луговых участков. Ученый-агроном второй половины XIX в. А. В. Советов отмечал, что зерновые трехполье может держаться при соотношении лугов и пахотной земли 2:1. Это позволяет ежегодно удобрять $\frac{1}{2}$ часть парового поля. Отсутствие указанного соотношения приводит к сокращению поголовья скота, соответственно – к недо-

статочной унавоженности полей, падению урожайности хлебов²². Обострение земельного вопроса на рубеже веков в результате реформ 60-х гг. и роста народонаселения явилось ударом по этому соотношению: происходила усиленная распашка лугов и пастбищ под посевы хлебов. К примеру, в Елабужском уезде сенокосы составляли всего 8,1 %, а выгоны 2,0 % от всех земельных угодий, в Малмыжском соответственно – 10,0 % и 3,0 %, в Сарапульском – 11,2 % и 1,3 %, несколько лучше положение с пастбищами и лугами было у глазовских удмуртов – 13,0 % сенокосов и 2,4 % выгонов²³. Нехватка кормовых площадей вынуждала крестьян прибегать к аренде частновладельческих и казенных участков. В уездах, испытывавших дефицит кормовых площадей, еще с XVII в. наблюдалась практика содержания категории так называемого "испольного" скота: не имея достаточных кормов, крестьяне отдавали свою скотину (особенно коров) "исполну" в другие хозяйства на весьма невыгодных для себя условиях.

Плохое питание, отсутствие теплых хлебов часто приводило к болезням скота. Настоящим бичом для животноводства были эпизоотии, наносившие огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Так, с 1868 г. по 1895 г. в Удмуртии от эпизоотий пало более 80 тыс. голов скота²⁴. Потеря лошади и коровы означала в большинстве случаев крах надежд крестьянина удержаться хотя бы на грани былой хозяйственной состоятельности.

Тяжелое положение значительной части крестьянских хозяйств, доходящее в неурожайные годы до критического, являлось важной причиной длительного сохранения в основном натурального, потребительского характера местного животноводства. В этом состояла одна из особенностей состояния и развития животноводства на территории Удмуртии в период капитализма.

Государственные платежи и повинности

В пореформенные годы XIX в. в обстановке утверждения в деревне капиталистических отношений крестьянство по-прежнему оставалось сословием, несущим на своих плечах главную тяжесть налогового бремени. Как и все российское крестьянство, общинники Удмуртии во второй половине XIX в. продолжали платить подушную подать, земские платежи для удовлетворения государственных и местных потребностей. С них брали оброчную подать, общественный сбор, обязательные страховые взносы. В связи с частыми неурожаями на крестьян падали разорительные платежи погашения продовольственных ссуд и всех мирских сборов сословного характера.

Тяжелым бременем ложились на крестьян всевозможные натуральные повинности, которых в течение года набиралось до десятка и более, например, поставка подвод должностным лицам волостного и сельского управления, ремонт проселочных дорог и трактов, отбывание ночных дежурств в деревне, ремонт пожарных сараев и покупка инвентаря для них, содержание общественных хлебозапасных магазинов, доставка дров для отопления волостного правления и т. д.

По сведениям земства, в 80-е гг. XIX в. всевозможные сборы с вятской деревни поглощали 97,5 % дохода с десятины²⁵. К. Маркс в "Конспектах трудов податной комиссии" привел данные статистики об общей сумме налогов, взимаемых с крестьян губернии. По его подсчетам, вятские крестьяне уплачивали прямых налогов более 7 млн. руб., тогда как весь доход сельского населения губернии составлял 6,2 млн. руб. По Малмыжскому уезду "расчет доказывает, что ни в одной из всех 26 волостей земледельческих продуктов недостаточно для начисленных выше расходов"²⁶. Государственные платежи и повинности, приходившиеся на крестьян Удмуртии,

в 1,5 раза превышали доходность десятины земли.

Постоянный дефицит денежных средств приводил к накоплению больших недоимок (долгов по денежным сборам) за крестьянскими хозяйствами. К примеру, в Большепопекской волости Малмыжского уезда в 1881 г. сумма казенных, земских, мирских поборов с крестьян составила более 26 тыс. руб. (с каждой ревизской души – около 10 руб.). Кроме того, недоимок за волостью числилось на сумму 13 тыс. 254 руб. (на каждого налогоплательщика-недоимщика – 20 руб., на каждую ревизскую душу – 4 руб. 80 коп.)²⁷ По сведениям А. Н. Вахрушева, на рубеже XIX–XX вв. за сельским населением Удмуртии значилось долгов на 1 тыс. 348 руб., т. е. около 60 % к годовой сумме налоговых платежей²⁸. Стремясь избежать окончательного разорения некоторых своих членов, община порой делала определенные послабления, например, выходила к властям с ходатайством об отсрочке платежей. В исключительных случаях платежи несостоятельных общинников раскладывались частично на зажиточных крестьян (на что обратили внимание многие дореволюционные исследователи удмуртской деревни). Помощь соседей в уплате податей заставляла держаться за общину большинство крестьян, но в то же время мелочное наблюдение мира за состоятельностью каждого крестьянина, принудительная отработка податей низводила защитную роль общины до минимума. В целом действия общины на податном поприще были чужды интересам крестьян, что особенно выпукло проявилось в навязанной властями круговой поруке.

Круговая порука – общественная ответственность каждого селения за исправную уплату причитающихся окладов – была оформлена законом 1769 г. Последующие законодательные положения только укрепляли ее. Особенно усилилось действие принудительной круговой поруки в пореформенный период – законодательство возложило на сельский сход в крайних случаях принимать к неплательщикам суровые меры

взысканий: продавать недвижимость и ту часть имущества и строений, которые не составляли первой необходимости в хозяйстве; урезать или полностью отбирать полевой надел. Если и после этого недоимки не погашались, они должны были раскладываться сельским сходом на прочих крестьян²⁹. Опасение отвечать за неисправность другого нередко вызывало беспощадное притеснение миром своих односельчан-недоимщиков, имущество которых в целях погашения долга продавалось по решению схода.

Столыпинская реформа в Удмуртии

Бурные революционные события конца XIX – начала XX в., быстрая политизация крестьянской массы и начавшиеся волнения привели к существенному изменению отношения правительства к аграрной проблеме, к переосмыслению взгляда на сельскую общину. Как известно, к 1905 г. в России сложились два подхода к решению земельного вопроса: революционеры призывали крестьян к захвату земли, правительственные круги заявляли о готовности решить земельный вопрос без какого бы то ни было насилия. Обе стороны, по сути, признавали необходимость передачи земли крестьянам. Победило правительство, приняв столыпинскую аграрную реформу. Первым актом столыпинского аграрного законодательства стал указ 9 ноября 1906 г. о новом, льготном, порядке выдела из общины. Суть закона сводилась к следующему:

1. В общинах, где продолжительное время не было общих переделов, общинный порядок землевладения считается ликвидированным, и они признаются перешедшими к подворному порядку землевладения. Отдельные домохозяева рассматриваются как частные собственники земли, находящейся в их пользовании.

2. Каждому домохозяину предоставляется право во всякое время требовать закрепления находящегося в его пользо-

вании участка надельной земли в частную собственность.

3. Домохозяин может требовать взамен закрепленных за ним чересполосных участков выделения ему отруба или хутора, т. е. сведения всех отдельных участков к одному месту (отрубу) и перенесения туда же усадьбы (хутора).

4. Ограничивается принцип семейной собственности в крестьянском дворе. Собственником земли и имущества двора признается "домохозяин", т. е. глава семьи.

По замыслу инициаторов реформы, значительную роль в ее осуществлении должен был сыграть Крестьянский банк как инструментом разрушения крестьянской общины и насаждения хуторов и отрубов. Банк был призван оказать конкретную помощь крестьянам посредством предоставления кредитов на приобретение земли и обзаведение хозяйством. Кредиты предоставлялись общинам, товариществам (в них объединялись для покупки земли обычно крестьяне среднего достатка) и отдельным крестьянам из расчета 7 % годовых.

Важным инструментом разрушения общины и насаждения мелкой личной собственности было и переселение. Для устранения малоземелья в центральных губерниях правительственная программа предусматривала освоение целинных земель в Сибири с предоставлением льгот.

В российской исторической науке длительное время превалировала точка зрения, сводящая основную цель столыпинской реформы к созданию социальной опоры царизма в деревне в лице кулаков за счет ограбления основной массы крестьянства. В исследованиях последнего десятилетия подобное толкование целей реформы подвергнуто корректировке. Как убедительно показано П. Н. Зыряновым, проводя в деревне преобразования, столыпинское правительство преследовало две главные цели – разрушение общины и создание мелкого собственника с устойчивым хозяйством. Причем первая цель была первоочередной. В ходе реформы "цель видоизменялась,

мелкий собственник был заменен массовым, хозяйство которого было заведомо не крепким, нуждалось в значительной финансовой поддержке". При этом самодержавное государство не хотело ни конкуренции крупного фермерского землевладения с дворянским, ни массового обезземеливания крестьянства³⁰.

Закон 9 ноября в наиболее экстенсивных областях России не оправдал намерений правительства, предпринявшего разрушение общины с целью расчистить путь земледельческому прогрессу. Выделяться из общины стали прежде всего не дворы сильные, многоземельные, а, напротив, такие, у которых земли было меньше среднего размера общинного надела. В целом около 80 % крестьян по-прежнему остались в общинах, а свыше миллиона малоземельных крестьян лишились земли и разорились. Что касается Вятской губернии и Удмуртии, в частности, здесь число закрепивших землю в личную собственность оказалось наименьшим, чем где бы то ни было в России: в Вятской губернии процент закрепления земли в личную собственность составил 4,3, а в Удмуртии – 4,2. Хуторские и отрубные хозяйства по Вятской губернии составили 0,8 %, по четырем "удмуртским" уездам – 0,9 %. Около 30 % выходцев на хутора и отруба были зажиточными хозяевами, остальные – преимущественно бедного и среднего достатка. Размеры землевладения среди хуторян и отрубщиков отличались большой пестротой: наименьший надел составлял от 0,18 до 22 дес., средний – от 65 до 115 дес. и наибольший – 187 дес.³¹ Земельную реформу П. А. Столыпина крестьянство Удмуртии в основной своей массе восприняло как барский закон и оказывало активное противодействие ее реализации. К примеру, в д. Озон Глазовского уезда при отводе лучших земельных участков под хуторское хозяйство для одного из кулаков, вся община воспротивилась и разогнала землеустроительную команду. Земский начальник, прибывший для увещевания крестьян, был избит. В ряде волостей Гла-

зовского, Сарапульского уездов крестьяне, вооруженные кольями, топорами, вилами, разгоняли землеустроителей, не допуская их к работам по отводу земель хуторянам. Были случаи поджогов, потрав в выделившихся хозяйствах. "Большинство крестьян, – указывал земский начальник 8-го участка Сарапульского уезда, – крайне враждебно настроено против закона о землеустройстве и полно решимости бороться мерами насилия над отдельными хозяйственными лицами. В деревнях Шарканской волости происходят кровавые схватки крестьян-общинников с хуторянами, уничтожается у них сельскохозяйственный инвентарь, портятся посевы и скот, уничтожаются межевые знаки"³². Недовольство крестьян распространялось практически на все действия землеустроительных команд. Лишь меры по размежеванию сельских обществ (особенно многодеревенских) на самостоятельные земельные единицы с разверстанием существующей между ними чересполосицы земледельцами воспринимались относительно доброжелательно.

Основная масса крестьян не могла воспользоваться услугами Крестьянского земельного банка, так как землеустроительным комиссиям и Крестьянскому банку запрещалось передавать казенную землю деревенским люмпенам, не имевшим инвентаря и рабочего скота. Поэтому покупать казенные земли на льготных условиях могли лишь относительно состоятельные крестьяне. Но и для них условия продажи земли были достаточно жесткими: за просрочку платежей земля у покупателей отбиралась и возвращалась для новой продажи.

К 1910 г. на территории Удмуртии (преимущественно в Сарапульском и Елабужском уездах) Крестьянским банком для продажи было подготовлено чуть более 1,1 тыс. участков с общей площадью 19 727 дес. Из них было продано 594 участка с общей площадью 9 527 дес., т. е. почти вдвое меньше задуманного³³.

Что касается переселений в Сибирь, то здесь крестьянство Удмуртии, подгоняемое

массовым переселенческим потоком из центральных и западных губерний, проходившим через Вятский край, продемонстрировало довольно высокую мобильность. Земледельцы покидали родные места, отчаявшись получить достаточный хлеб на истощенных землях, испытывая нужду в лесных и пастбищных угодьях (особенно в южных районах Удмуртии) и в надежде наладить самостоятельное хозяйство в далекой Сибири: Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской губерниях. По приблизительным данным Н. Г. Луковникова, с 1896 г. по 1915 г. из четырех "удмуртских" уездов в другие губернии, в том числе в Сибирь, уехало более 38 тыс. человек³⁴. Для многих из них поиски "обетованной земли" закончились окончательным разорением и бедствиями, вынудившими вернуться обратно. С началом первой мировой войны волна переселенческого потока в восточные губернии России спала.

В удмуртской историографии столыпинская реформа и ее итоги для судеб крестьянского населения Удмуртии в целом оцениваются как отрицательные, приведшие к сокращению посевных площадей, среднего сбора зерновых, к падению животноводства, увеличению безлошадности, ослаблению хозяйств середняков, усилению социальной напряженности в деревне и т. д. Отечественные историки-аграрники также довольно сдержанно высказываются относительно ее результатов. В частности, П. Н. Зырянов считает, что реформа, потребовавшая "столь значительной земельной перетряски", не могла "положительным образом сказаться в первые же годы своего проведения". Причины позитивных сдвигов, наблюдавшихся в экономике страны в этот период, были обусловлены четырьмя факторами: отменой выкупных платежей, окончанием мирового сельскохозяйственного кризиса и началом роста цен на зерно, сокращением помещичьего землевладения и как следствие уменьшением кабальных форм эксплуатации, высокими урожаями, полученными крестьянами в 1912–1913 гг.³⁵

Таким образом, социально-экономическое развитие Удмуртии на рубеже XIX–XX вв. в целом было подчинено общероссийским закономерностям, особенно усилившимся в эпоху капитализма. Однако положение крестьянства, развитие крестьянских хозяйств здесь определялось, помимо общих закономерностей, рядом важных факторов регионального значения. Изменения в аграрной сфере носили сложный характер. Они обуславливались природно-климатическими условиями, исторически сложившимися особенностями наделения землей различных категорий крестьянства, этническими традициями, политикой правительства и др.

Высокий естественный прирост населения, отмечавшийся в пореформенные десятилетия, снижение цен на хлеб вследствие мирового аграрного кризиса, усиление административного и финансового контроля со стороны правительства и земств оказали серьезное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Удмуртии. С одной стороны, наметились положительные изменения в материальной базе крестьянского хозяйства, распространении улучшенных сельскохозяйственных орудий и новых технологий в производстве сельхозпродукции. С другой – экстенсивное земледелие, слабая материальная база крестьянских хозяйств, высокое налоговое бремя тормозили интенсификацию сельскохозяйственного производства. При определяющей роли общины в перераспределении земли более заметно проявлялась тенденция на уравнение размеров крестьянского землевладения и землепользования в соответствии с трудовыми возможностями семьи. Выход на сельскохозяйственный рынок на этом этапе носил в основном вынужденный характер.

В XIX – начале XX в. в крестьянском хозяйстве Удмуртии в целом сохранялось воспроизводство традиционных методов жизнедеятельности.

Внеземледельческие занятия крестьян: местные и отхожие

Активное развитие внеземледельческих занятий крестьян в пореформенный период было вызвано социальным расслоением деревни, аграрным перенаселением, низкой доходностью земледелия, с одной стороны, ростом общественного разделения труда, активным развитием капиталистического рынка – с другой.

Для ликвидации дефицита в семейном бюджете крестьяне обращались к различным дополнительным занятиям. Н. Н. Блинов, наблюдая за жизнью удмуртских крестьян, отмечал, что более чем половина населения края «должна усиленно работать, чтобы не только исправно нести повинности, но, чтобы не умереть с голода, должны эти бедняки или зарабатывать деньги посредством промыслов, или наниматься в работники»³⁸. Сказанное определяет значение внеземледельческих занятий для крестьянского хозяйства края. Виды дополнительных работ, к которым обращались крестьяне, были продиктованы природно-географическими, социально-экономическими условиями и правовыми нормами. Все внеземледельческие занятия крестьян подразделялись на местные и отхожие. К местным относились работы, дававшие дополнительный заработок вне своего земледельческого хозяйства, проводившиеся как на месте, так и в радиусе не более 30 км, а с 1894 г. – не далее 50 верст от места постоянного пребывания и не более 6 месяцев не требовавшие оформления документов, таких как вид на жительство или паспорт. На территории Удмуртии в конце XIX в. местными внеземледельческими работами было занято 198 тыс. 877 человек, что составляло 17 % ее населения. Более активное участие в поисках дополнительного заработка наблюдалось у русских крестьян (19,5 %), нежели у удмуртских (12,3 %). Выделялись три категории внеземледельческих работ³⁹.

Первую категорию составляли работы по найму (сельскохозяйственные, строительные,

заводские), которыми были заняты 59,0 % крестьян. Среди этой категории занятий более половины рабочих предпочитали наемные сельскохозяйственные работы (58 тыс. 552 человека), значительная часть предпочитала строительные работы (21 тыс. 759 человек), на местные разработки уходили 17 тыс. 541 человек, на фабриках и заводах дополнительный заработок имели более 10 тыс. 537 человек. Как правило, крестьяне близлежащих деревень, постоянно работая на заводах, овладевали заводской профессией. Так, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., на пиво- и медоваренном и винно-водочном заводах сарапульского купца первой гильдии Н. К. Бахтиярова постоянно работали 3 бригады татар из близлежащей д. Починошной и поч. Багашурской (Арахматовской) в качестве затворщиков, бродильщиков, солодовщиков, сушильщиков, чанчиков, красильщиков, дровозовов, казачиков и т. д. Тем не менее, к работе на заводах они относились как к временному занятию, постоянным делом считали земледелие, все были "приписаны" к деревне, числились в хозяйстве "при отце" или "брате"²⁸.

Вторую значительную категорию составляли обрабатывающие промыслы, охватывавшие 70 тыс. человек, или 34,4 % от числа занятых во внеземледельческих промыслах. На основе имевшихся в крае сырьевых источников, а также потребностей комплексного крестьянского хозяйства в промышленной продукции сложилось более 90 видов промыслов.

Третью категорию занятий составляли добывающие промыслы (охота, рыболовство, бортничество). К концу XIX в. эти древние, традиционные, когда-то широко развитые виды промыслов в силу истощения природных ресурсов, с одной стороны, совершенствования технологии пчеловодства, с другой – утратили свое былое значение. Охотой, рыболовством, бортничеством было занято всего лишь 9 тыс. 188 человек, что составляло 4,6 % всего состава населения, охваченного внеземледельческими занятиями.

Отходничество. Пореформенное время характеризуется активным процессом роста отходничества – временным уходом крестьян из деревень в центры развитой индустрии и на сельскохозяйственные работы в более или менее отдаленные районы. Значительная часть отходников отправлялась в города. Жительство в городе иногда длилось долго, а порой постоянно. Временное отбытие в город легче оформлялось документально и не обуславливалось неременной сдачей надела и ликвидацией всего деревенского хозяйства. Последнее в какой-то мере страховало крестьянина на случай неудач в городе и облегчало, если возникала необходимость, его возвращение в деревню.

Отходничество, тесно связанное с развитием рынка, возрастанием наемного труда, расширением сферы хозяйственной деятельности, превращается в могучий фактор, способствующий разложению крестьянства. В начале XX в. в России в среднем за год в отход уходили 9 млн. 400 тыс. человек; за пределы Удмуртии – не менее 70 тыс. Данные о выдаче паспортов и других видов на жительство (табл. 1) по Удмуртии показывают, что число отходников с 1870-х гг. по 1901 г. возросло в 2,5 раза.

С конца 70-х до 90-х гг. количество годовых паспортов выросло в 1,6 раза, полугодовых – в 4,2 раза, одомесечных видов на отлучку увеличилось в 1,1 раза. К концу XIX в. уходили на заработки с паспортами ежегодно более 50 тыс. человек.

На начало XX в. по долгосрочным, годовым и полугодовым паспортам с территории Удмуртии уходили на заработки более 56 тыс. человек, по краткосрочным – более 12 тыс. человек, всего – более 68 тыс. Показательно, что 67 % крестьян-отходников брали паспорта на год и больше, следовательно, были полностью оторваны от хозяйства, 16 % отходников получали паспорта на полгода и, как правило, уходили на заработки после окончания полевых работ, 17 % организовались краткосрочным уходом на заработки.

Документы на отлучку по трем уездам** Удмуртии

Годы	Паспорта		Виды на отлучку		Всего
	годовые	полугодовые	3-месячные	1-месячные	
1879	2 029	3 067	1 071	22 511	28 678
1884	2 217	3 610	965	25 981	32 773
1885	2 096	3 964	891	29 554	36 505
1890	2 706	5 129	653	27 077	35 565
1893	3 485	10 587	726	29 818	44 745
1894	3 260	13 013	1 001	26 153	43 427

Важно подчеркнуть, что пореформенное время характеризуется активным процессом развития отходничества среди всех этнических групп населения, хотя сама степень интенсивности этого процесса была различной. Так, в Глазовском уезде к концу XIX в. русские крестьяне с отходниками имели 60 % дворов, удмурты – значительно меньше – 26 % дворов, минимальная доля дворов – 14 % – приходилась на остальные этносы.

Следует заметить, что если в целом по России отход крестьян, связанных с работой вне земледелия, составлял более половины общего числа отходников, то по Удмуртии он являлся преобладающим. Самая большая группа была связана с пилкой, рубкой, подвозкой дров к заводам (11 737 человек). Значительное число отходников (9 137 человек) уходило на заводы Урала, прииски Пермской губернии, на копи и золотые рудники. Другая группа (4 690 человек) была связана с работой на лесозаготовках, сплаве леса, его погрузке и разгрузке, подвозке к основным речным магистралям. Кустари-отходники (1 052 человека): столяры, овчинники, красильщики, кульевщики, валенщики, – используя свои профессиональные навыки, обслуживали население Сибири, Поволжья, Прикамья. На речном транспорте в качестве бурлаков, матросов, лоцманов,

грузчиков работало 1 275 отходников и только 300 человек получали дополнительный заработок в отходе на сельскохозяйственных работах. Торговлей как отхожим промыслом было занято 84 человека. В качестве примера приведем данные о характере отходничества в Мериновской волости Малмыжского уезда, откуда ежегодно 395 человек отправлялись на фабрики валяной обуви в с. Кукмор Казанской губернии, на нефтяной промысел в Баку, золотые прииски и каменноугольные копи в Пермскую и Томскую губернии. Отходник в среднем в год имел 62 руб. В Арборской волости того же уезда ежегодно до 300 мужчин, в возрасте от 20 до 40 лет, уходили на Ленские золотые прииски, каменноугольные копи и Амурскую железную дорогу³⁹.

П. Г. Рыдзюнский, исследуя отходничество второй половины XIX в., отметил стремление к "совместительству" в основном у жителей наиболее промышленных местностей и с пониженной производительности земли. Для Приуралья характерны показатели отхода выше средних по Европейской России⁴⁰.

Таким образом, отход стал традиционным явлением. Число отходников особенно ощутимо возросло к концу XIX в. в связи с аграрным перенаселением, пониженной производительностью земли, с одной сто-

* Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 39.

** Исследованием были охвачены Глазовский, Елабужский, Сарапульский уезды.

роны, наличием отлаженных путей сообщения (Сибирский тракт, речное сообщение), относительной близостью мест для дополнительного заработка, в частности Уральской горнозаводской промышленности, которой нужна была дополнительная рабочая сила, существованием огромного лесного массива и т. д. – с другой. Создавалось противоречивое положение: с одной стороны, отходничество подрывало уклад деревни, с другой – до поры до времени поддерживало ее.

Крестьянская промышленность

Такой оригинальный строй народного производства, как мелкая кустарная промышленность, во второй половине XIX – начале XX в. был характерным явлением только для России. В Западной Европе ее уже не было, а на Востоке она еще не появилась⁴¹. Территория Удмуртии в составе Вятской губернии по общему количеству кустарей и отдельным видам промыслов относилась к наиболее развитым районам России. Формирование капиталистических отношений в деревне, отсутствие крупной промышленности, которая удовлетворяла бы нужды крестьянского хозяйства, наличие источников сырья и рынков сбыта являлись основными условиями функционирования промыслов в пореформенное время. Наряду с перечисленными факторами, немало важную роль сыграла покровительственная политика правительства. Согласно реформе промыслового обложения, сформулированной в Положении о пошлинах на право торговли и других промыслов 1863–1865 гг., кустари освобождались от пошлины как владельцы заведений, если в производстве не использовался наемный труд, а также и как торговцы “имели право торговать без пошлин на базарах, рынках и на месте – сельские произведения”⁴².

Основой для развития деревенской промышленности являлось полунатуральное крестьянское хозяйство. Оно было самодо-

статочным, поскольку производило значительную долю сырья, часто на месте подвергая его первичной переработке, а потом и промышленной обработке. Несколько столетий крестьянское хозяйство выступало как производитель, так и потребитель продукции крестьянских промыслов, что, в свою очередь, обеспечивало стабильность жизни сельского населения. Деревня жила самостоятельной жизнью, конечно, с огромными, порой изнуряющими затратами человеческого труда. Промыслы были составной частью крестьянского двора. Они существовали чаще всего как дополнительное к земледелию занятие. Сложившаяся структура крестьянского хозяйства с его многовековыми национальными традициями оказала решающее воздействие на формирование видов промыслов и их экономическую организацию. Для удовлетворения жизненно важных нужд жителей волости, как правило, требовалось до 10 мастеров одной специальности. Если кустари работали на более широкий рынок, то однотипным промыслом была охвачена вся деревня или несколько селений в округе. Для обузаведения промышленным заведением необходимы были следующие условия: наличие первоначального капитала; источники сырья; рынки сбыта; свободное от земледельческих работ время; личные деловые качества; потребность в реализации своего творческого потенциала⁴³.

В отечественной историографии исследователями глубоко проанализированы все экономические формы и переходные состояния крестьянской промышленности. Ученые, как правило, опираются на ленинскую концепцию классификации развития капитализма в промышленности, учитывая познавательные возможности марксистской методологии, подходя к ней творчески, без преклонения и догматической слепоты⁴⁴. По общественно-хозяйственному значению вся домануфактурная промышленность, представленная в основном крестьянскими промыслами, была разделена на четыре экономические формы: домашнюю промышлен-

ность, ремесло, мелкотоварное производство, простую капиталистическую кооперацию. В начале XX в., наряду с развивающейся мануфактурой, на базе крестьянской промышленности образуются небольшие заводы, оснащенные машинами и механизмами. В условиях замедленного процесса развития капиталистических отношений в деревне, переплетения незрелых средневековых форм капитализма со зрелыми, развитыми, экономическая организация деревенской промышленности представляла довольно пеструю картину. В одной и той же отрасли промышленности могли присутствовать все вышеперечисленные экономические формы.

Домашняя промышленность представляет собой производство изделий силами семьи из собственного сырья для удовлетворения нужд крестьянского хозяйства. Наиболее распространенным явлением она была в ткацком, лапотном промыслах, а также в столярном производстве. Определить число крестьян, охваченных ею, довольно трудно, поскольку статистика редко и не в массовом масштабе учитывала эту форму промышленности. Земские переписчики, производившие подворную опись, констатировали, что в каждом крестьянском дворе занимаются лапотничеством, тканьем льняных холстов, вязанием шерстяных чулок и "этими ремеслами занимается каждый хозяин и хозяйка дома, только не на продажу, а для своих семейств"⁴⁵. Дореволюционные статистики сделали попытку определить количество изготавливаемого холста в губернии вообще и среди отдельных народов, в частности⁴⁶. Было установлено, что в 70-е гг. XIX в. в русских и татарских селениях выделялось холста и полотна до 50 млн. аршин, в удмуртских и марийских производилось из конопли более 15 млн. аршин холста. Отмечалось, что эта ткань шла на домашнее потребление. Об изготовлении крестьянами тканей в 70-е гг. XIX в. "только для собственной их домашней надобности" свидетельствуют сельские старосты Понинской, Заблудской, Ветош-

кинской, Юсовской, Балахнинской волостей Глазовского уезда, Малорождинской, Вавожской волостей Малмыжского уезда, Черкасовской, Кураковской волостей Елабужского уезда, Иксенбаевской, Нылги-Жикьянской волостей Сарапульского уезда⁴⁷. Удовлетворив семью в необходимом количестве ткани, хозяйка готовила ее "сверх меры", эпизодически вынося товар на рынок. Такое производство имело смешанный характер – полутоварный, полунатуральный. По отчету вятского губернатора в 1891 г. в губернии изготовлялось льняных, пеньковых и шерстяных тканей до 100 млн. аршин. Объемы производимой продукции указывают и на товарный характер производства, которое получило особенно широкое распространение среди русского населения, где в больших семьях были женщины, постоянно производящие ткань с учетом запросов рынка. Во время подворного обследования кустарных промыслов Глазовского уезда в 1911 г. было зафиксировано 35 % крестьянских дворов, готовящих ткани на реализацию⁴⁸. В 1910 г. из Глазовского уезда сухопутным путем было отправлено 1 млн. 600 тыс. пудов холста на сумму 8 тыс. руб.

Ремесло. Наряду с домашней формой промышленности существовала и ремесленная. В современной научной литературе термин "ремесло" используется в нескольких вариантах. Историки под ремеслом понимают работу мастера на заказ из сырья, принадлежавшего заказчику-потребителю или самому мастеру. Искусствоведы, а часто и этнографы, рассматривая народное творчество, термин "ремесло" используют в значении "ручная работа". Особенно распространенной эта форма промышленности была в красильном, портняжном, скорняжном, войлочно-валяльном, кузнечном, столярном, мебельном промыслах. Ремесленники, как правило, были тесно связаны с земледелием, которое давало им основные средства для существования. Ремеслом занимались "для поддержания домашнего хозяйства". Производственным помещением чаще всего служила крестьян-

янская изба. Сырье принадлежало преимущественно заказчику-потребителю, орудия труда – ремесленнику. Оплата работы была смешанной – натуральной и денежной, но преобладала последняя. Длительный процесс консервации этой формы промышленности, как и домашней, был связан с существованием полунатурального крестьянского хозяйства, самостоятельно производящего необходимого сырья. Переработка его – битье шерсти, изготовление валенок, крашение холста, выделка шкур, шитье обуви, одежды и т. д. – обеспечивали работой на заказ соответствующие заведения и существенно сокращали материальные затраты крестьянской семьи. Так, по данным анкет за 1896 г., 67 овчинных заведений Сарапульского уезда в осенний и зимний периоды работали "...по заказам окружных деревень", деревенские портные выполняли на дому "заказы обывателей из их ткани"⁴⁹, 180 красильен Сарапульского и Елабужского уездов обрабатывали холст и моты их владельцев. Мастерские обслуживались в основном семейными рабочими, но при обилии заказов хозяева прибегали к найму, иногда до 5–7 рабочих. Промысловый сезон длился 3–4 месяца. В качестве примера обратимся к описанию работы красильни крестьянина Сарапульского уезда с. Мышкина Я. А. Крылова. Основным занятием, обеспечивавшим жизнь семье, было "полеводство" В качестве подработки в 1876 г. он построил красильню, затратив на нее 50 руб. В свободное от земледельческих работ время принимал заказы на покраску холста. Однако при отсутствии их использовал красильню как скорняжную мастерскую или как чеботарню.

Мелкотоварное производство имело довольно широкое распространение. Оно представляло собой производство изделий в условиях крестьянского хозяйства для рынка из собственного или покупного сырья. Мелкотоварные заведения присутствовали во всех видах промыслов, однако активное развитие их было зафиксировано в гончарном, веретенном, вялочноном, куз-

нечном, сетном, ложкарном, экипажном промыслах и т. д. В конце XIX в. в мелкотоварном производстве были заняты свыше 70 тыс. крестьян, в том числе 54 тыс. русских (6,7 %), свыше 15 тыс. удмуртов (3,8 %). Предприятия обслуживались семейными или наемными рабочими не более 5 человек. Мастерской служила жилая изба, реже – отдельное помещение; кустари были тесно связаны с землей, наемный труд применялся редко, производство основывалось на семейной кооперации, ориентировалось чаще всего на узкий местный рынок. Наемный труд был зафиксирован в смолодегтарном, сапожном и кузнечном промыслах. В Глазовском уезде центром сбыта продукции многих кустарей был Глазов. Сюда свозили товары посудники, решетники, маслобой Ключевской волости, мебельщики, кузнецы, чеботари Кестымской волости, горшечники Кычановской волости, бердовщики, маслобой Кестымской и Мухомовской волостей, чеботари Залазинской волости Глазовского уезда. В Малмыжском уезде сбывали продукцию на окрестных базарах, торжках, ярмарках кузнецы Мериновской, Сизнерской волостей, санники, тележники Савельской, Узинской, Сизнерской, Мало-рошкинской волостей, посудники Увинской, Сюмсинской волостей. В Сарапульском уезде на рынки Сарапула и с. Каракулина привозили товар бондари, колесники, кузнецы, маслобой, гребеночники Чегандинской волости, ситники, посудники, плетен-

Гончарная мастерская в д. Пирогово
НМ УР

Колесная мастерская И. П. Вавилова в Камбарке
ИМ УР

щи, вязальщики, маслобои Арзамасской волости, рогожники Галановской, Иксенбаевской, Большепорожской волостей, посудники, ткачи, токари, слесари Юринской волости. В Елабугу свозили свои изделия маслоделы, столяры, плетущечники, экипажники из Качкинской волости, токари, рогожники, сётники – из Граховской волости, мебельщики, колесники, валяльщики и т. д. – из Трехсвятской волости.

На основании данных анкет и ведомостей за 1871 г., сохранившихся в фондах ГАКО, и опубликованных материалов земской статистики за 90-е гг. XIX в. нам удалось представить картину количественного развития отдельных экономических форм в динамике. В 70-е гг. XIX в. преобладающей формой была мелкотоварная промышленность, основанная на личном труде, представлявшая собой, по определению В. И. Ленина, самую низкую стадию товарного производства, едва отделявшуюся от ремесла. Предприятия, свободно сбывавшие продукцию непосредственно на рынке, составляли 70 % всех промышленных заведений, 10 % "кустарей" работали на заказчика-потребителя, 20 % мастерских сбывали свою продукцию скупщикам, в них было занято 0,3 % населения края. В начале пореформенных десятилетий в роли скупщика выступали купцы и зажиточные крестьяне. Преобладала наиболее простая форма торгового капитала, едва отличающаяся от обыкновенной купли-продажи, но

и в данном случае скупщик, пользуясь своим монопольным положением, безмерно понижал цену товара.

К концу XIX в. соотношение экономических форм крестьянской промышленности значительно изменилось. С развитием капиталистических отношений в промыслах увеличивалось число наемных рабочих, укрупнялись производства, все глубже и шире становилась власть торгово-ростовщического капитала. Земская статистика чутко уловила разнородность по своему общественно-хозяйственному значению отдельных групп заведений. К концу XIX в. статистиками из общей массы были выделены кустари, работающие на вольный рынок, на заказчика, на скупщика, на хозяина и разных лиц. По сравнению с 1870-ми гг. число мелкотоварных заведений, работавших "на вольную продажу", уменьшилось. Если учесть, что 30,3 % заведений пользовались "домашним сырьем", а 69,7 % – "чужим", то станет ясно, что мелкотоварное производство через рынок сырья и сбыта попадало в зависимость от торгово-ростовщического капитала. Значительную группу представляли капиталистически эксплуатируемые "кустари", как-то: надомники, наемные рабочие в мелких заведениях, производители, подчиненные в разной степени скупщикам. Наемный труд использовали 33,6 % заведений, изготовлявших продукцию на рынок. В большинстве случаев работа про-

Бондарная мастерская
ИМ УР

изводилась смешанным способом – сочетался наем с семейной кооперацией. Количество наемной силы в этой группе заведений, как правило, колебалось от 1 до 3 человек, только в немногих из них участвовали в производстве до 20 человек (чаще всего временные рабочие). Следуя данным источников, находим, что 4 % этих заведений стояло на уровне простой капиталистической кооперации. Особенностью промыслов среди удмуртского народа являлась некоторая замедленность развития капиталистических отношений⁵⁰. Если в промыслах среди русского населения был самый высокий процент мелкотоварных предприятий, то среди удмуртского – ремесленных. Большие различия наблюдались в затратах производства. Так, если в заведениях удмуртских крестьян отдельное производственное помещение имели только 7,2 % дворов, то русских – 11,2 %, соответственно в жилых избах располагалось 83,1 % удмуртских предприятий и 52,1 % – русских. Процент найма в мастерских русских кустарей был выше. В промыслах удмуртских крестьян чаще, чем у русских (22,0 %), использовалось домашнее сырье (31 %). К приобретению сырья на рынке русские мастера прибегали чаще (32,4 %), чем удмуртские (19,4 %). Тем не менее, в промыслах среди удмуртского населения наблюдались все те же процессы капиталистических отношений, что и русского.

Изучение параллелизма в разложении мелких производителей в земледелии и промыслах углубляет картину социально-экономического развития удмуртской деревни. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что в экономике крестьянских хозяйств края наблюдались самые разнообразные формы "соединения промысла с земледелием", которые были выделены В. И. Лениным. В силу замедленного процесса социального расслоения крестьянства, по данным земской статистики, самое большое число промышленных заведений (34,8 %) принадлежало крестьянам-середнякам, имевшим посев от 5 до

10 дес. В связи с этим значительное распространение получило соединение мелкотоварного производства в земледелии с мелкотоварным в промышленности. Данное явление служит одной из причин устойчивости мелкотоварных промышленных заведений, где работа велась силами семьи или еще 1–2 наемными рабочими. В хозяйствах зажиточных крестьян – владельцев красильных заведений – ремесленная форма производства в промышленности сочеталась с мелкобуржуазной в земледелии.

Мелкотоварное производство как первая стадия капитализма трансформируется в простую капиталистическую кооперацию с числом рабочих от 5 до 15 человек, а далее – в мануфактуру с четко выраженным разделением труда и с использованием свыше 15 рабочих. Простая капиталистическая кооперация сложилась в смолодегтекурении, мебельном, рогожно-кулевом, экипажном промыслах. Следует отметить, что технические и экономические характеристики таких заведений радикально отличались от мастерских-одиночек. Такие предприятия располагались, как правило, в отдельном помещении, имели самые разнообразные инструменты, заготовка и сбыт продукции совершались в более крупных размерах⁵¹.

Мануфактурное производство в XIX в. было в зачаточном состоянии. В начале XX в. в отдельных видах промыслов: войлочном, рогожно-кулевым, экипажном – образовалась мануфактура⁵². Большой концентрации рабочей силы отличались войлочном-валяльные заведения Малмыжского уезда. В 1909 г. на 5 мануфактурах работали 819 рабочих, сумма производств составляла 171 600 руб. Самые крупные войлочном-валяльные предприятия принадлежали "Товариществу братьев Родыгиных" в Кукморе и Рудниках, которые обслуживались на 1914 г. 200 рабочими, сумма производств составляла 120 тыс. руб. Остальные войлочном-валяльные заведения имели от 15 до 20 рабочих.

Санная мастерская в с. Муки-Какси
НМ УР

Фабричное производство. Незначительная часть мелких крестьянских предприятий, связанных с деревообработкой, мукомольным и маслобойным производством, переросла в небольшую фабрику. В 1909 г. насчитывалось 8 крестьянских предприятий, оснащенных механическими двигателями. Самыми крупными были "лесопильный завод и фабрика обработки древесной шерсти" крестьянина Д. Горки Малмыжского уезда Хамидуллина, ставшего купцом. Предприятие изготовляло ящики и древесную шерсть*, обслуживалось 26 рабочими, было оснащено паровым двигателем в 77 л. с. Сумма производства составляла 16 826 руб. Другими лесопилками меньших размеров владели крестьяне Малмыжского уезда: А. А. Решетов из д. Сосновки, В. Г. Белорин из д. Ожги-Пельга, А. Е. Болякин из д. Старый Трык. Механическим двигателем (11 л. с.) была снабжена маслобойка (7 рабочих, годовая производительность – 8 960 руб.) крестьянина Д. П. Бехтерева из Сарапульского уезда. В д. Пыхты Дебесской волости крестьянин А. А. Дурыманов основал мельницу для производства крупы, оборудованную паровым и водяным двигателем (30 л. с.).

Анализируя развитие промыслов в крае, следует учитывать их этническую направленность. Как среди русских, так и среди

удмуртских кустарей в силу однотипного характера хозяйства были представлены все виды промыслов, которые существовали в крае. Однако в полиэтнической среде наблюдалась традиционная приверженность определенным промыслам. Среди удмуртского населения были широко развиты ткачество, вязание, сукноделие, столярничество, плетение предметов из древесного материала и т. д. В дореволюционной периодике, на страницах российских журналов и газет можно было встретить такие зарисовки: "Вотяки выделывают кули старательно, не торопясь, и поэтому очень прочно – весом каждый 9–10 фунтов" или "Вотяки делают из бересты красивые люльки (мучко) и даже игральные карты". В преискурантах, пропагандировавших образцовые мастерские Вятской губернии, значилось: "...кругловские вотяки около г. Слободского выработывают хорошую замшу, идущую на рукавицы"⁵³.

На фоне повсеместного существования кустарных промыслов выделились наиболее развитые кустарные центры, где на протяжении столетий складывались устойчивые традиции в изготовлении вещей, их использовании и оформлении. По характеру сырьевых источников (лес, продукты земледелия и животноводства, полезные ископаемые) все промыслы можно разделить на четыре группы: обработка древесного материала, обработка металлов и минералов, обработка животных продуктов, обработка культурных растительных волокон.

Промыслы по обработке растительных волокон охватывают весь Вятский регион. "Выделка холста есть общий труд женского пола"⁵⁴, – отмечалось в отчете вятского губернатора. Деревенские рукодельницы производили широкий ассортимент холста: отборный, рубашечный, подкладочный, хрящевой, мокридный, мешочный, пробойный, – предназначавшийся для пошива военного обмундирования, одежды рабочим заводов и рудников, а также для мешков под зерно и т. д. Из общей массы выделялись отдельные селения, где труди-

* Древесная шерсть – тонкие узкие ленты древесины, получаемые на специальных станках и используемые для упаковок, набивки и т. п.

Ткачиха З. А. Мазитова
из д. Карамаз-Пельга Сарапульского уезда
НМ УР

лись мастера "тонкой работы" – ткачихи узорного холста, ковров, поясов и т. д., вязальщицы узорных варежек и чулок, вышивальщицы, кружевницы. Особенно высоким мастерством прославились умельцы Сарапульского уезда, сел и деревень Сосновской, Козловской, Большепургинской, Пургинской волостей, Лудошурской, Кестымской волостей Глазовского уезда, Казыльской волости Елабужского уезда, Вавожской, Асановской волостей Малмыжского уезда.

Высокое мастерство рукодельниц было отмечено в 1864 г. на Всероссийской выставке сельских произведений в Москве, в 1887 г. на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге, на Казанской научно-промышленной выставке в 1890 г., на Всероссийской Нижегородской выставке в 1896 г., на Всероссийских кустарно-промышленных выставках в 1902, 1903, 1913 гг.⁵⁵ Ассортимент экспонируемых вещей был довольно разнообразным: тонкий холст, украшенные шитьем рукава под названием "чехар-сай весь", скатерти, суконные клетчатые одеяла и нагрудники, вышитые шелком, тканые разноцветные пояса, полотенца с вышивкой и кружевом, всевоз-

можных расцветок салфетки, бумажные, оформленные контрастными по цвету узорами, а также в различной технике исполнения образцы холста: "пестрядь", "полубумажный темно-красный, бело-красный, белый перебор" и т. д. Среди награжденных на выставках были талантливые мастерицы с. Сосновки, которое называли "Местным Парижем": Юлия Григорьевна, А. С. Аверкина; ткачихи-ковровщицы из д. Пиканы Козловской волости – А. П. Мерзлякова, Д. И. Мерзлякова, А. С. Мерзлякова, неоднократно награжденные бронзовыми медалями и денежными премиями; мастерицы из д. Петровки Козловской волости – А. П. Бессмертных; А. П. Курбатова из д. Шевырялово; А. Н. Татаркина из д. Дикуши; А. Е. Мерзлякова из д. Федотово; несколько мастериц из д. Пихтовки Глазовского уезда.

Грамота Спиридона Федорова, выданная за участие на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петербурге в 1913 г.

Кружевоплетение. Традиции плетения кружев уходят корнями в далекое прошлое. Во второй половине XIX в. распространяется кружевоплетение на коклюшках, "рассадником" которого являлось с. Кукарка Вятской губернии, куда земство периодически посылало на учебу в кружевные мастерские удмуртских девушек. Вскоре коллективно освоенный промысел получил широкое развитие в поселках Воткинского, Ижевского, Залазинского заводов, в Малмыже. Лучшие из мастериц – Анна Королькова, Агафья Рогозина, Мезенцева и Бердникова – совершенствовали свой профессионализм в Мариинской школе Санкт-Петербурга. Кружевница Богатырева была приглашена в Нью-Йорк для демонстрации техники плетения русских кружев⁵⁶.

Промыслы по обработке дерева. В Удмуртии имелось более 20 видов промыслов по обработке дерева, свыше 27 тыс. мастеров работали на рынок⁵⁷. Удмуртский край, отличавшийся богатством лесных массивов, многообразием произрастающих пород деревьев, отличался разнообразием ассортимента кустарных изделий, превосходя в этом отношении многие регионы Европейской России. Широкое развитие получили столярный, лапотный, экипажный промыслы, а также плетение из древесного материала бытовых предметов. В силу различных природно-географических условий Удмуртии промыслы имели здесь неравномерное распространение, выделялись наиболее развитые центры.

Так, в Александровской волости Елабужского уезда с преобладающим удмуртским населением (79 %) кулевым промыслом были заняты почти все жители. Путешественники указывали на высокое качество, добротность, прочность изделий удмуртских кустарей. Промысел отличался большой сосредоточенностью мастеров в селах одной местности: Колюшево (600 человек), Каракулино (111 человек), Вятское (600 человек), д. Клестово (36 человек). Широкое развитие, особенно в Сарапульском уезде, получили плетеные изделия из кор-

ней деревьев. Жители 12 селений Полозовской волости Сарапульского уезда и д. Грузилевки Качкинской волости Елабужского уезда плели посуду из корней. Среди русских мастеров большое развитие получил экипажный промысел. Удобные, декоративно оформленные легкие летние кузова для повозок и утепленные зимние кузова изготавливали каракулинские мастера Сарапульского уезда и качкинские плетущечники Елабужского уезда. На выставках высокие оценки получили кустари П. М. Тебенков и Н. Н. Костицын из с. Каракулина, С. Н. Мурин и С. Н. Егоров из д. Новая Тучна Кильмезской волости.

В Удмуртии сложились глубокие традиции по заготовке, обработке сырья, технологии, ornamentации изделий из бересты. Повсеместно в крае плелись пестери, лапти, чаши, солонки, изготавливались орнаментированные детские колыбельки, различной величины бураки, размером от стакана до ведра. Известность получили бурачники починков Сардан и Хороший Ключ Елабужского уезда, Унинской, Елганской и Белезинской волостей Глазовского уезда. Великими мастерами слыли Некрасов (Бисеровская волость Глазовского уезда), Спиридон Федоров (с. Пудга Елабужского уезда).

Изготовление корзины
Кадр из фильма "Южные удмурты"

Последний на Казанской международной выставке в 1903 г. представил пещур берестяной, сумку из лыка с перегородками и без них, чернильные приборы, флягу, туфли, портсигары, папку, очечницы, маленькие лапоточки и т. д.

Промыслы по обработке шерсти. Испокон веков в Удмуртии был широко развит шерстобитный и войлочно-валяльный промыслы по изготовлению верхней одежды, головных уборов, обуви, чулок, носков и других бытовых вещей⁵⁸

В конце XIX в. сферой товарного производства было охвачено 8 тыс. валенщиков и шерстобитов. Значительным объемом производства и высоким качеством изделий, их художественным оформлением славились мастера Елабужского и Малмыжского уездов. Большие поставки шли на сибирский рынок. Ежегодно 122 мастера д. Старые Сарали Елабужского уезда изготовляли свыше 5 тыс. пар валенок, реализуя их в Москве, Мензелинске, Перми, Архангельске, Саратове, Томске, Екатеринбурге, Иркутске, Нижнем Новгороде. Центром промысла в Малмыжском уезде были Сизнерская и Сардыкбажская волости (Нижний

Инструменты для катания валенок.
Деревня Теково Глазовского уезда
НМ УР

Казыкляр). Искусные валенщики – К. Фаизов, А. Гизяуллин, Ш. Сетдеков, С. А. Соловьев, И. С. Данилов (Малмыжский уезд) неоднократно награждались на различных выставках денежными премиями, медалями, похвальными листами. Ассортимент вещей, изготовлявшийся мастерами, был разнообразным: шляпы, перчатки, войлок, кошма заварная, мужские валенки с пятнышками, валеные серые дамские калоши и т. д. Особую популярность в крае получил промысел по изготовлению сукманины, полушерстяной домотканины, из которой изготовлялась верхняя одежда: сукманы, армяки, зипуны, кафтаны – в деревне, "пиджачные пары" – в городе. Высокое качество сукманины, ее практичность в исполнении удмуртских сукноделов Глазовского уезда неоднократно отмечались на всевозможных выставках. В качестве рекламы представлены в каталоге Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. образцы вотских тканей Глазовского уезда. Заказы на изготовление клетчатой, узорчатой, темно-серой, серо-синей, светло-серой сукманины принимали 19 из 26 мастериц. Лучшими признавались мастера Поломской и Кестым-

Шерстобитный снаряд кустаря Т. Г. Ившина
из д. Дондыкар Глазовского уезда
НМ УР

ской волостей, среди них: В. К. Новоструева из пос. Князевского, Д. И. Федоров из д. Бисерти, Г. И. Ложкин из д. Верх-Сыгинской, а также С. М. Князев.

Промыслы по обработке металла. На территории Удмуртии в конце XIX в. насчитывалось 4 277 кузнецов⁵⁹. Среди мастеров по технологии обработки металла и ассортименту изделий выделялись три группы: кузнецы, "работавшие на огне", "холодные" кузнецы, а также слесари-медники и литейщики. Кузнецы, занимаясь ремонтом старых вещей, производили массу продукции для заказчика-потребителя и для реализации на рынке: ральники, сабалы к сохам, ножи, косы-горбуши, серпы, топоры, лопаты, подковы, ухваты, шкворни, заступы, замки, капканы, вилы, багры, ножницы, шила, молотки, скородки, тяпки, долота, лампы, сечки, зубья для борон, шины к колесам, скобели, поддошки для телег, втулки для колес и т. д.

Наиболее талантливые мастера пробовали свои силы в изготовлении самых неожиданных вещей. О виртуозности мастерства, изобретательности говорят уникальные изделия кузнецов, представленные на различных выставках. Кузнецом Старотрыкской волости Малмыжского уезда Городиловым на Нижегородской ярмарке 1896 г. была представлена швейная машина. С. Ислайлов из д. Макашур Елабужского уезда на Казанской выставке 1909 г. продемонстрировал в работе модель парового двигателя. На Казанской выставке 1890 г. Ф. М. Феофилактов из д. Зимней Малмыжского уезда представил серпозубильную машину и велосипед, Л. Г. Питиримов из Елганской волости поч. Балобанова занимался поделкой декоративных вещей: шкапулок, перстней, колец и т. п. В отчете вятского губернатора отмечалось: "Ижевский казенный оружейный завод Сарапульского уезда является рассадником кустарной промышленности по выделке разных изделий, охотничьих ружей, ножей, топоров, земледельческих орудий и пр."⁶⁰ Так, в поселке Ижевского завода основателем производства столовых приборов высших сортов,

травленных и гравированных различными рисунками, стальных ножей и вилок, столовых и десертных, позолоченных и простых, был мастер Л. И. Серебров родом из Златоуста, организовавший мастерскую и имевший талантливых учеников.

Гончарный промысел своими корнями уходит в глубокую древность. В конце XIX в. мелкотоварным производством были охвачены 794 гончара. Наибольшей развитостью отличался Глазовский уезд, где были сосредоточены лучшие по качеству залежи глины. На Московской политехнической выставке 1872 г. демонстрировались образцы белой и огнепостоянной глины из Глазовского уезда. Хорошими гончарами славилась д. Чаня-Бия Малмыжского уезда. Помимо кирпича, изготавливались корчаги, горшки, баки (суйбак) для соленья грибов, блюда, тарелки, чашки, игрушки, свистульки для детей. "Глиняную посуду покупали все, особенно горшки для молока", – вспоминают жители. На Нижегородской ярмарке в 1896 г. экспонировалась посуда Кунгурцева – мастера гончарной земской мастерской из д. Коса Малмыжского уезда и крестьянина М. П. Сарычева из д. Русские Сибь Елабужского уезда.

Художественная обработка кости и рога была в Удмуртии развита повсеместно. Каждый мужчина изготавливал для себя и членов семьи предметы личной принадлежности (ножны, рукоятки для ножей, гребни и т. д.). На рынок в конце XIX в. работало 72 мастера. На Нижегородской ярмарке в 1896 г. экспонировались роговые изделия мастеров Д. Кошкиной Малмыжского уезда.

Таким образом, крестьянская обрабатывающая промышленность в Удмуртии получила повсеместное распространение, удовлетворяя потребности крестьян в одежде, обуви, предметах быта и орудиях труда. Климатические условия, характер сырьевых источников, потребности крестьянского хозяйства, творческий потенциал народа определили отраслевую и видовую структуры крестьянской промышленности. Сохранение полунатурального земледелия,

замедленность темпов социально-экономического развития Удмуртии сдерживали развитие капиталистических отношений в промыслах. В пореформенный период в них переплетались докапиталистические и раннекапиталистические стадии развития. Во второй половине XIX в. крестьянская промышленность была представлена всеми формами домануфактурной промышленности. Мануфактурное производство было в зачаточном состоянии. В начале XX в. в отдельных видах промыслов образовались мануфактура и фабричное производство. На широком фоне развития народных промыслов сформировались развитые «кустарные центры»⁵ В процессе творческого созидания бытовых предметов в течение многих столетий складывались своеобразные способы и приемы художественной обработки различного рода материалов. Узорное ткачество, узорная вязка, резьба по дереву, тиснение и роспись на бересте, сукноделие, вязание, кружевоплетение, ювелирное дело достигли высокого художественного уровня.

Развитие промышленности Удмуртии

Россия второй половины XIX – начала XX в. являлась оплотом абсолютной монархии, тогда как европейские государства развивались в направлении парламентаризма и выборных структур. Особенности политической системы Российской Империи наложили отпечаток на ее промышленное развитие. Если в европейских странах промышленность развивалась естественным путем, в условиях свободных рыночных отношений, то в России со времен Петра I она находилась в основном под контролем государства и формировалась весьма неравномерно, в зависимости от стратегических задач правительства. Соревновательство с европейскими державами вынуждало русское самодержавие прежде всего создавать широкую сеть железных дорог и финансировать в первую очередь тяжелую промышленность.

Начавшись на рубеже 30–40-х гг. XIX в., промышленный переворот в России завершился в начале 80-х гг. XIX в.* В советской историографии под промышленным переворотом понимается совокупность экономических, социальных и политических сдвигов, ознаменовавших переход от мануфактурной стадии капитализма к фабричной системе производства. В западной историографии промышленный переворот отождествляется со сдвигами в технике, существует мнение, что он происходит при каждом крупном техническом открытии в различные эпохи.

В результате промышленного переворота капиталистический способ производства получил соответствующий его характеру технический базис. Из аграрной страны Россия превратилась в аграрно-индустриальную. С развитием крупной машинной индустрии окончательно сформировались основные промышленные районы России – Московский, Петербургский, Уральский, Южный, началась разработка нефтяных месторождений на Северном Кавказе, продолжал развиваться единый капиталистический рынок, происходили важные социальные сдвиги в стране, которые с различной степенью активности распространялись на все ее регионы. Формируется новая генерация – слой отечественных предпринимателей.

В силу огромной протяженности территории России, различных природно-климатических, географических условий, а также этнического своеобразия наблюдались специфические особенности индустриального развития ее регионов. В Удмуртии выявля-

* В Англии промышленный переворот начался в 60-е гг. XVIII в., завершился в середине XIX в., в США – начался во 2-м десятилетии XIX в., а завершился в середине XIX в. в Германии – начался в конце XVIII в., завершился в 70–80-х гг. XIX в.; в Италии – начался в 40-е гг. XIX в., завершился в конце XIX в.; в Японии – начался в последние десятилетия XIX в., завершился после второй мировой войны.

ются общие и особенные тенденции становления и развития промышленности.

С проведением реформ 60–70-х гг. XIX в. в экономике Удмуртии, как и по всей стране, начался необратимый процесс капиталистической перестройки и утверждения новой социально-экономической структуры. Как и повсюду, первые два послереформенные десятилетия в развитии промышленности были периодом разрушения старых хозяйственных отношений и формирования новых сил, накопления капиталов и оснащения техникой. Однако результаты реформы проявились здесь со значительным запозданием: в 80–90-е гг. XIX в. на основе мелкотоварного производства в массовом масштабе складывалась капиталистическая мануфактура и только в начале XX в. происходит оснащение отдельных предприятий машинами и механизмами, возникают фабрики и заводы. В период капитализма как результат многоукладного характера экономики промышленности Удмуртии представляла сложную картину переплетения различных экономических форм и их промежуточных состояний, а именно: ремесло, мелкотоварное производство, простая капиталистическая кооперация, капиталистическая мануфактура, фабрика.

Процесс оснащения предприятий машинами и механизмами не был завершенным, поскольку в ряде отраслей продолжали одновременно существовать все вышеперечисленные формы промышленности.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. происходит неуклонный рост числа предприятий с количеством рабочих свыше 16 человек. К 1912 г. их число по сравнению с 1863 г. возросло в 3,8 раза (рис. 4). Следует учесть, что статистика по разным причинам не учитывала всего состава заведений, а также не все владельцы, спасаясь от налогового прессинга, представляли объективные сведения о своих предприятиях, поэтому какая-то часть заведений оставалась вне учета.

Часто показатели, данные за один и тот же год, не идентичны. В одном случае статистики представляют данные по числу рабочих (не менее 16 человек) на одном предприятии. В другом – оперируют сведениями, включающими объемы производства не менее 1 тыс. руб., а с укрупнением предприятий в начале XX в. не менее 10 тыс. руб.

Так, в конце XIX в. удмуртский край по числу рабочих был представлен 43 предприятиями, а по объемам производства 92.

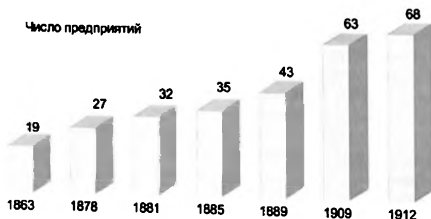

Рис. 4. Рост числа предприятий в Удмуртии с количеством рабочих более 16 человек по годам*

* ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 108, д. 539, д. 1014, д. 1193; РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43; Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Совет съездов представителей промышленности и торговли. СПб., 1909; Список фабрик и заводов Российской империи / Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности; под ред. В. Е. Барзара. СПб., 1912; Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Совет съездов представителей промышленности и торговли; изд. Д. П. Кандауров и сын. Петроград, 1914.

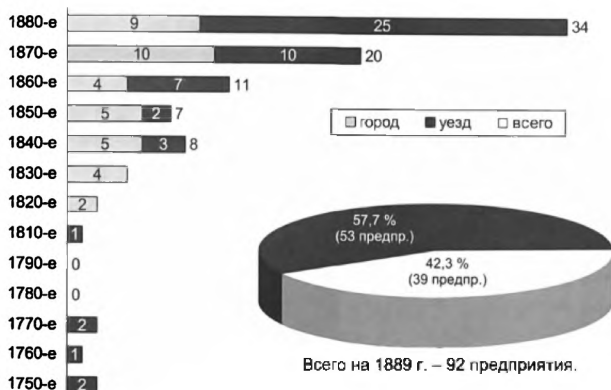

Рис. 5. Хроника возникновения предприятий с годовой производительностью не менее 1 тыс. руб. за 1889 г.*

В число тех и других входило 7 заводов, оснащенных машинами и механизмами. А в начале XX в. таковых стало 56.

Обратимся к другому показателю – годовой производительности предприятий, или стоимости производимой продукции, представленному в сводных ведомостях за 1889 г. и 1912 г. (рис. 5, 6). Серьезное повышение размеров показателя как единицы отсчета – от 1 тыс. до 10 тыс. – свидетельствует о необратимом процессе концентрации производства, поглощении мелких предприятий более крупными. В дореформенный период и в первые два пореформенные десятилетия промышленные заведения в основном создавались за счет привозного капитала. В последующее время превалировал местный капитал. Подавляющее большинство заведений (94,5 %), зарегистрированных в конце XIX – начале XX в., были основаны в XIX в. К наиболее ранним, уходящим корнями в XVIII в., относятся шесть металлургических заводов (Ижевский, Воткинский, Омутнинский, Залазинский, Песковский, Пудемский). Промышленные пред-

приятия, основанные в XIX в., в условиях города начали свою историю в 20-е гг., а в сельской местности – в 40-е гг. (рис. 5). На протяжении каждого десятилетия число вновь возникавших заведений неизменно возрастало. По данным за 1912 г., самое большое число заведений с годовой производительностью не менее 10 тыс. руб. образовалось в 90-е гг. XIX в. и в начале XX в. (рис. 6). При этом наблюдались неустойчивость, краткий срок существования частновладельческих предприятий, особенно мелких. Только незначительное число заведений, возникнув еще в дореформенное время, смогло устоять и в начале XX в. трансформироваться в крупные капиталистические предприятия⁶¹

Наметившееся еще в первой половине XIX в. отраслевое разделение промышленного производства между городской и сельской местностью продолжало углубляться и в пореформенный период. Городская промышленность специализировалась преимущественно на обработке кожевенных и переработке пищевых продуктов. В Сара-

* ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.

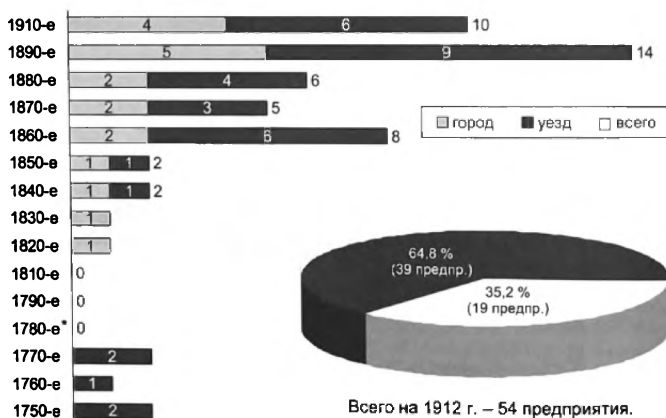

Рис. 6. Хронология возникновения предприятий с годовой производительностью не менее 10 тыс. руб. на 1912 г.**

пуле сформировалось комплексное кожевенно-сапожное производство. В уездах края, помимо металлургического производства, дальнейшее развитие получили вино-водочные, бумажные, канатопрядильные и другие предприятия. В поселке Ижевского завода широкое развитие, наряду с казенным, имело частное оружейное производство. В начале XX в. образуются предприятия по обработке древесного сырья и производству кирпича. Сложившаяся тенденция более активного развития промышленности в сельской местности еще более углубилась в начале XX в. (рис. 6).

В конце XIX в. сложилась устойчивая отраслевая специализация промышленного производства Удмуртии, которое органично вписывалось в экономику России и стало составной частью ее единого промышленного рынка⁶². По концентрации рабочей силы, технической оснащенности и объе-

мам производимой продукции (табл. 2) наибольшее развитие получили отрасли промышленности, связанные с добычей и обработкой металла (объемы производства 8 396 167 руб., 17 заводов, 20 778 рабочих) и переработкой сельскохозяйственной продукции (соответственно 4 795 221 руб., 37 заводов 3 521 рабочих).

На основании данных приведенной таблицы можно сказать, что промышленный облик Удмуртии определяла прежде всего металлургическая, металлообрабатывающая, оружейная отрасли. Кроме того, широкое развитие получила продукция химической, кожевенно-сапожной, вино-водочной, пивоваренной промышленности.

Самыми крупными являлись государственные Ижевский и Воткинский заводы (объем производства – 7 179 902 руб.). Ижевский завод давал стране мартеновскую инструментальную сталь, винтовки,

* В период с 1780-х по 1810-е гг. возникновение новых предприятий не зафиксировано.

** Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград, 1914.

Таблица 2*

Развитие промышленности Удмуртии на 1909 г.

Предприятия по формам собственности	Город			Уезд			Всего		
	Кол-во пред-приятий	Кол-во рабочих, чел.	Объемы произ-ства, руб.	Кол-во пред-приятий	Кол-во рабочих, чел.	Объемы произ-ства, руб.	Кол-во пред-приятий	Кол-во рабочих, чел.	Объемы произ-ства, руб.
	I группа**						Всего		
Государственные:									
металлург., машиностроит., оружейные***	-	-	-	2	092	7 179 902	-	2 092	7 179 902
Частные: металлург.	-	-	-	6	185	35 656	-	3 185	935 656
кожевенно-сапожные, с/х, машиностроит.	2	30	31 500	3	88	87 584	5	118	119 084
оружейные	-	-	-	4	383	161 525	4	383	161 525
Всего	2	30	31 500	15	20 748	8 364 667	17	20 778	8 396 167
II группа****									
Химические	-	-	-	3	1 280	2 738 691	3	1 280	2 738 691
Стекольные	-	-	-	4	545	180 731	4	545	180 731
Кирпичные, цементные	3	69	15 250	3	72	68 414	6	141	83 664
Деревообрабатывающие	-	-	-	13	431	211 777	13	431	211 777
В том числе:									
лесопильные	9	180	64 327	9	180	64 327			
писчебумажные	-	-	-	4	251	147 450	4	251	147 450
Всего	3	69	15 250	23	2 328	3 199 613	26	2 397	3 214 863
III группа*****									
Льно-пенькотрапальные	2	79	62 669	2	41	26 344	4	120	89 013
Войлочко-валяльные	-	-	-	5	819	128 600	5	819	128 600
Кожевенно-сапожные	14	2 025	2 448 910	1	3	12 000	15	2 028	2 460 910
Вино-водочные, пиво- и медоваренные	3	272	1 250 276	4	164	393 096	7	436	1 643 372
Мукомольные, маслобойные и т. д.	2	30	286 572	4	88	188 754	6	118	475 326
Всего	21	2 406	4 048 427	16	1 115	748 794	37	3 521	4 795 221
Итого	26	2 505	4 093 177	54	24 191	12 313 74	80	26 676	16 406 251
Итого, %	32,5	9,4	25,0	67,5	90,6	75,0	100	100	100

* Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.

** I группа – отрасли металлообработки и машиностроения.

*** Сюда отнесены Ижевский оружейный и сталепламенный завод и Воткинский казенный завод (чугунолитейный, сталепламенный, машиностроительный).

**** II группа – частные предприятия, связанные с переработкой природных ресурсов.

***** III группа – частные предприятия, связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства.

револьверы, охотничьи ружья, полевые шрапнели. Воткинский производил сортовое и листовое железо, стальное и чугунное фасонное литье, железнодорожные мосты и крепления, паровозы и суда для речного флота. Частновладельческие заводы Н. П. Пастухова вырабатывали железо кровельное, полосовое, котельное и пр., чугун в штыках и припасах, болванки, чугунное ваграночное литье.

Высоким уровнем технической оснащенности и технологии, качеством и ценностью выпускаемой продукции отличалась химическая промышленность (объем производства – 2 738 691 руб., три завода с количеством рабочих в 1 280 человек). Два химических завода товарищества "Ушков П. К. и К" (объем производства – 2 732 251 руб.), входившие в число первых заводов России данной отрасли, производили сульфаты, соду каустическую, купорос, сернистый глинозем, соляную и хромовую кислоту, белильную известь и т. д.

Удмуртия была известна как постоянный поставщик кожаной обуви, перчаток, рукавиц, дубленок, а также шорных изделий, изготавливавшихся на 14 кожевенно-сапожных предприятиях Сарапула (объемы производства – 2 446 910 руб.), а также валяной обуви и войлока, производившихся пятью предприятиями Малмыжского уезда (сумма выработки – 128 600 руб.).

В крае широко была представлена пивоваренная, вино-водочная отрасли промышленности (объемы производства – 1 643 372 руб.). Предприятия Бодаевых, Александровых, Бахтияровых получили известность не только в России, но и за рубежом – высоким качеством своей продукции, как то: спирт-сырец и ректификат, пиво "баварское", "столовое", "мартовское", "кабинетное", "светло-легкое".

Деревообрабатывающая отрасль промышленности насчитывала девять небольших лесопилен (объемы производства – 64 327 руб.) и четыре писчебумажные фабрики (объемы производства – 147 450 руб.). Также небольшими предприятиями была представлена

стеклянная промышленность (четыре завода, объем производства – 180 731 руб.), производившая листовое полубелое стекло, оконное стекло, бутылки из белого и цветного стекла, аптекарскую посуду и изделия для химических заводов.

Итак, в четырех уездах Удмуртии в условиях модернизации получили развитие самые разнопрофильные отрасли промышленности, появление которых было связано с наличием свободной дешевой рабочей силы, составом имеющейся сырьевой базы, а также со слабым развитием промышленности в предыдущий исторический период. Значительная масса относительно крупных частновладельческих предприятий до 80–90-х гг. XIX в., как уже отмечалось, была основана привозным капиталом. По мере накопления капиталов активная деятельность местного торгово-предпринимательского слоя стала возможной в самом конце XIX–XX в.

Характеристика сословной принадлежности владельцев промышленных предприятий. В развитии промышленности участвовали предприниматели всех слоев общества. Однако удельный вес числа предприятий, принадлежавших представителям того или иного сословия, неизменно менялся. Данные статистики дают возможность представить в динамике удельный вес промышленных предприятий, основанных представителями отдельных социальных слоев. Так, в 1871 г. из 45 промышленных предприятий самую большую группу их владельцев (60,5 %), зафиксированных в крае, составляли купцы, на втором месте стояли дворяне (37,5 %) и только 2 % всех заведений принадлежало крестьянам. Статистика не дает сведений о мещанах, за которыми не числилось ни одного развитого предприятия (рис. 7). В данном случае определенную роль сыграло отсутствие данных о Сарапуле, который был как раз основным центром заведений купеческо-мещанского происхождения.

К 1881 г. картина социальной принадлежности владельцев промышленных предприятий изменилась (рис. 8). Однако

по-прежнему удельный вес промышленных заведений, принадлежавших купцам, был самым высоким – 66 (64,7 %) из 102. До 3 (2,9 %) сократилось количество предприятий, которыми владели дворяне. Характерно, что в этот период большую активность в развитии промышленности проявили мещане: им принадлежало 29 (28,4 %) предприятий.

К концу XIX – началу XX в. по-прежнему в составе владельцев 39 промышленных заведений лидировали купцы (52,7 %), однако наблюдалась тенденция понижения удельного веса купеческих заведений. Купцов начинают теснить крестьяне, которым принадлежало уже 17 заведений – 23,0 %. Удельный вес предприятий (16), принадлежавших мещанам, в этот период понижается, однако он по-прежнему остоает-

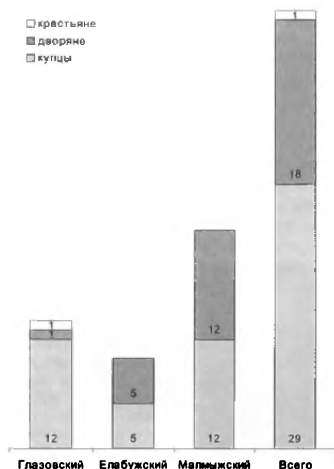

Рис. 7. Владельцы промышленных предприятий в уездах по социальной принадлежности на 1871 г.*

* ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 382.

** ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 539.

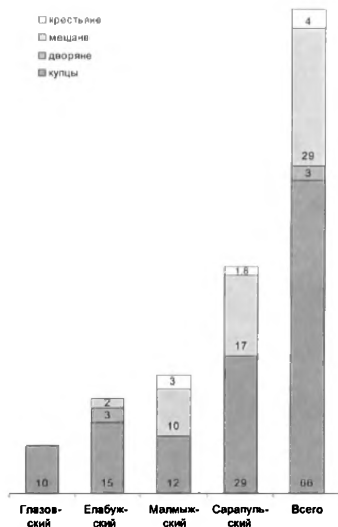

Рис. 8. Владельцы промышленных предприятий в уездах по социальной принадлежности на 1881 г.**

ся высоким – 21,6 %. Сдали свои позиции дворяне, владевшие лишь двумя заведениями – 2,0 % (рис. 9).

Обращение к ведомостям (70, 80, 90-х гг.), содержащим идентичные сведения карточного характера, позволило выявить тенденцию развития предприятий, долю участия в эволюции отдельных отраслей капиталистической промышленности каждого из сословий, зависимость размеров заведений от сословной принадлежности владельцев, а также определить, каким отраслям промышленности отдавали предпочтение представители различных сословий.

В вино-водочной отрасли, по данным ведомостей за 1878 г., владельцами 18 предприятий из 20 были купцы, два предприятия

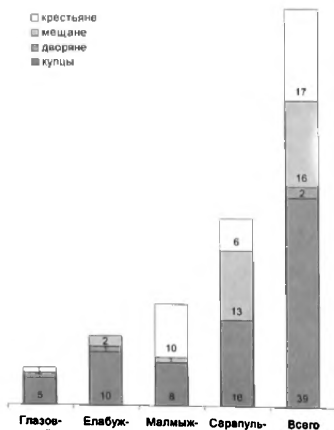

Рис. 9. Владельцы промышленных предприятий в уездах по социальной принадлежности на 1909 г.*

принадлежало государственному чиновнику, коллежскому секретарю С. Е. Скурнихину (Сюмсинский винокуренный завод при с. Сюмси Малмыжского уезда – 30 рабочих, 22 тыс. ведер) и помещику К. А. Юшкову (Константиновский № 23 водочный завод в с. Константиновском Большепорецкой волости, Малмыжского уезда на крепостной земле – 21 рабочий, 18 тыс. ведер). По тому времени это были средних размеров заводы, оснащенные паровыми машинами и механизмами⁶³.

В ведении мамадышского первой гильдии купца, коммерции советника Н. И. Щербакова был Костеневский № 31 винокуренный завод (Елабужский уезд, 80 рабочих, 160 808 ведер). В этом ряду также стояли Байтерьяковский винокуренный завод елабужского купца, почетного потомственного гражданина Н. К. Ушкова (51 рабочий, 62 150 ведер), Тишевский винокуренный завод (Сарапульский уезд) сарапульского купца

Я. П. Смагина (44 рабочих, 26 823 ведра), винокуренный завод близ д. Большие Ошворцы сарапульского купца З. Н. Попова (51 рабочий). Относительно большими среди них были предприятия, принадлежавшие сарапульским купцам И. И. Бодалеву (Сарапульский винокуренный – 61 рабочий, 70 тыс. ведер, Ижевский винокуренный – 6 тыс. ведер, Ижевский пивоваренный – 25 тыс. ведер) и С. Г. Тюнину (Сарапульский пиво- и медоваренный – 4 рабочих, 8 680 ведер, Сарапульский водочный – 4 рабочих, 26 121 ведро, Сарапульский винокуренный – 43 рабочих, 47 668 ведер). Остальные предприятия представляли собой капиталистическую мануфактуру. К 1878 г. они еще не имели парового двигателя. Оставшиеся купеческие предприятия были небольшими, на уровне простой капиталистической кооперации с числом рабочих от одного до шести человек.

С усилением конкурентной борьбы в 80-е гг. общее количество заводов сократилось до 14, однако их производственная мощность возросла⁶⁴. Изменилась картина социальной принадлежности владельцев предприятий. Все 14 вино-водочных и пиво- и медоваренных заведений, зафиксированных в ведомости 1884 г., принадлежали купцам. В ней более не значилось Костеневского № 31 винокуренного завода коммерции советника

И. И. Бодалев
Фото из личного
фонда А. В. Новикова
ЦГА УР

Бодалев Иван Иванович, сарапульский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, родом из Зарайского уезда Рязанской губернии. Имел винокуренный и водочные заводы (Сарапул), пиво- и медоваренный (Ижевский), оптовые винные склады, лавки, трактиры. Участник коллективных актов благотворительности.

* Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912.

Н. И. Щербакова, Константиновского водочно-го завода помещика К. А. Юшкова и Сюмсинского винокуренного завода коллежского секретаря С. Е. Скурнихина, однако, по данным ведомостей за 1889 г., вновь появляется возобновивший свою работу Костеневский № 31 винокуренный завод. Гулюшурминский винокуренный завод № 22 в д. Гулюшурме Асановской волости перешел к фирме "Григория Стахеева – сыновья", с числом рабочих 91 человек и выпуском продукции в 8 625 тыс. ведер. Укрупнились Байтерьяковский винокуренный завод купца Н. К. Ушкова, вошедший в состав семейного объединения фирмы "Ушкова наследники, завод № 17", с 71 рабочим и выпуском продукции в 4 621 тыс. ведер. В Глазовском уезде из четырех ранее зафиксированных предприятий осталось только два. Однако вновь образовалось еще два завода, оснащенных машинами и механизмами. Один из них, основанный в Понинской волости, по-прежнему принадлежал купцу П. Ф. Васильеву, другой – сарапульской купчихе А. П. Бородавкиной под № 16 в д. Тимофеевке той же волости. Самым крупным из них, с числом рабочих в 40 человек и выпуском продукции в 3 436 тыс. ведер, был завод, принадлежавший А. П. Бородавкиной. Остальные два небольшие предприятия обслуживались 2–14 рабочими.

К началу XX в. (по ведомости 1909 г.) на территории четырех уездов функционировало уже 12 заводов по изготовлению спиртных напитков⁶⁵. В Глазове и его уезде предприятия прекратили свое существование. Однако расширяют объемы производства предприятия Елабужского и Сарапульского уездов. Выкуривание вина на Гулюшурминском № 22 винокуренном заводе, принадлежавшем фирме "Григория Стахеева – сыновья", составляло 9 917 460° спирта при 59 рабочих и паровом двигателе в 46 л. с. Им же принадлежал Елабужский № 4 пиво- и медоваренный завод (12 рабочих), оснащенный одним паровым двигателем в 8 л. с. Расширяется производство купца И. И. Бодалева, создавшего фирму. В ее ведении

Документация "Ижевского Торг. Пром. Товарищества" на 1913 г. об объемах товарооборота
Из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

находился "Первенец № 35 винокуренный и ректификационный завод" в Сарапуле (106 рабочих) с производством 3 006 540° спирта и Бодалевский пивоваренный завод № 2 (52 рабочих) в поселке Ижевского завода с годовым производством в 122 548 руб.

В начале XX в. не выдержали конкурентной борьбы предприятия сарапульского купца С. Г. Тюнина. В ведомостях на 1909 г. появляются новые имена купцов, владельцев вино-водочных предприятий. Так, на счету известной фирмы "Торговый дом Н-ков И. В. Александрова" значится Ивановский № 14 винокуренный и ректификационный завод (с. Калинино Малмыжского уезда), обслуживавшийся 60 рабочими с производством продукции 8 034 920°. В материалах статистики появляются данные о двух Бахтияровских заводах под названием "Николаевские", названные по имени их владельца Николая Константиновича: Николаевском

винокуренном № 29 с 15 рабочими и Николаевском пивоваренном с 21 рабочим. Это были средних размеров заводы, оснащенные машинами и механизмами, располагавшиеся вблизи д. Большие Ошворцы (Сарапульского уезда). В ведомостях времени возникновения первого отмечено 1864 г., второго – 1895 г. В Сарапульском уезде зафиксирован и Тимеевский винокурный завод (Киясовская волость), принадлежащий уже не купчихе А. П. Бородавкиной, а купцу В. В. Новокоченнову (39 рабочих, 1998 670°), оснащенный двумя двигателями. Купчихе М. С. Хамитовой принадлежал Болтачевский № 4 винокурный завод (1 527 110°) (Варзи-Ятчинской волости), а Николаевский № 1 винокурный завод (171 030°) в д. Старой Игре Граховской волости – купчихе К. Е. Рязанцевой. Александровский № 6 винокурный завод (2 631 150°), принадлежавший "Торговому дому Булыгин и сын", располагался в с. Старый Бурец Малмыжского уезда с числом рабочих 41 человек. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в четырех уездах Удмуртии существовало 12 вино-водочных и пивоваренных заведений. В конкурентной борьбе выдержали самые именитые состоятельные купцы, монополизировавшие торговлю сельскохозяйственной продукцией в крае, а также имевшие в своем арсенале предприятия и в других отраслях промышленности. Наиболее устойчивыми, значительно расширившими производство оказались предприятия купцов Стахеевых, Бодалевых, Бахтияровых, Александровых.

Обработка продуктов животноводства являлась широко распространенной отраслью промышленности в Удмуртии. По ведомости на 1878 г. было зафиксировано 29 кожевенно-сапожных заведений⁶⁸. Из них 14 принадлежало купцам, 11 – мещанам, 2 – крестьянам и прочим. Владельцами самых крупных предприятий были купцы Г. Д. Пешехонов (21 рабочий), Ф. П. Барабанщиков (26 рабочих), М. Ф. Барабанщиков (26 рабочих), И. Д. Пешехонов (31 рабочий). На всех остальных производствах числилось от двух до пяти рабочих, которых можно

отнести к простой капиталистической кооперации. В 80-е гг. (по ведомости на 1884 г.) число кожевенно-сапожных заведений сократилось до 27. Из них купцам принадлежало 14, мещанам – 10, крестьянам – 3 заведения⁶⁷. Особенно значительное их сокращение (с 10 до одного) произошло в Елабужском уезде, в то время как в Сарапуле число заведений за счет появления новых увеличилось с 14 до 19. В отличие от вино-водочного производства, где, как мы видим, наблюдались централизация производства, появление современной техники, в кожевенно-сапожной отрасли просматривались лишь небольшие сдвиги. Из общей массы предприятий к мануфактуре можно было отнести только шесть с количеством рабочих 11–41 человек, принадлежавших Ф. Г. Пешехонову, А. С. Мощевитиной, В. И. Смагину, И. Д. Пешехонову, П. Н. Михееву. Значительно расширил предприятие купец Ф. П. Барабанщиков, увеличив число рабочих с 26 до 41.

К концу XIX – началу XX в. относительно крупные кожевенно-сапожные заведения остались только в Сарапуле⁶⁸. По ведомостям 1909 г., здесь значилось 14 предприятий, из которых девять принадлежало купцам. Результатом конкурентной борьбы было разорение массы кожевенно-сапожных заведений, принадлежавших мещанам: в их

Н. В. Смагин на юбилейных торжествах в Санкт-Петербурге в честь 300-летия дома Романовых. 1913

Смагин Николай Васильевич, сарапульский купец первой гильдии, почетственный почетный гражданин г. Сарапула. Основатель тов-ва "Смагин Ник. Вас. С-вя. Торг. дом, кож. з-д и производство обуви". Делал пожертвования для церквей, устройства и содержания в г. Сарапуле приюта для беспризорных детей.

владении из 10 осталось четыре небольших предприятия. Однако в развитии купеческих мануфактур произошел большой скачок: образовались четыре фабрики, оснащенные паровыми машинами и механизмами. Самым крупным было предприятие фирмы "Пешехонова Ф. Г. Н-ца М. В. Пешехонова. Кожевенный завод и механическая фабрика обуви", обслуживавшее 500 рабочими, с объемом производства в 600 тыс. руб. "В гору" пошли дела у купцов Смагиных. Вторым по размерам было предприятие под фирмой "Смагин Н. В. с сыновьями. Кожевенный завод и производство" (407 рабочих, объем производства – 168 600 руб.). Несколько отстали от лидеров купцы Барабанщиковы, выступающие под фирмой "Барабанщиков Н. и плем. Торг. д. Кожев. завод и производство обуви". На заводе, оснащенном паровым двигателем, работало 270 рабочих, сумма производств составляла 105 200 руб. Объединение "Т-во братья Кривцовы" владело фабрикой, имевшей 139 рабочих, с суммой производств в 248 тыс. руб. Итак, кожевенно-сапожную отрасль также монополизировали купцы: ассоциировав капиталы, они организовали различного рода товарищества. Мещане, не выдержав конкуренции, свернули собственное производство и обратились к надомным работам, выполняя заказы фабрикантов. Крестьяне, имея небольшие мастерские, обслуживали запросы деревенского потребителя чаще всего на заказ.

Обработка дерева в 70-е гг. в большей степени была аренной деятельностью крестьян⁶⁹. Из 17 смолодегтярных заведений, зафиксированных в ведомостях на 1878 г., 11 принадлежало крестьянам, 6 – купцам. Следует заметить, в данном источнике по деревообрабатывающей отрасли представлены только смолодегтярные заведения, представлявшие собой мелкие предприятия с двумя – пятью рабочими, имевшие самое примитивное оборудование: чаны или котлы, тазаны и печи. Подобные заведения стояли на уровне простой капиталистической кооперации с тенденцией трансформа-

ции в мануфактуру. На двух крестьянских заведениях работало 12–15 рабочих. В 80-е гг., наряду со смолодегтярным производством, появляются новые виды предприятий⁷⁰. В Глазовском уезде согласно ведомости на 1884 г. в с. Уни возникает спичечное производство крестьянина В. И. Яковлева. Помещик К. А. Юшков основывает в д. Дмитриевке (Елабужский уезд) картонную фабрику (8 рабочих). Количество смолодегтярных заведений сократилось до пяти. Три заведения принадлежали купцам Н. А. Саутину (4 рабочих), К. Слесареву (7 рабочих), А. П. Заболотскому (46 рабочих). Владельцами остальных двух дегтярен были крестьяне. Из вышесказанного следует, что в этой отрасли промышленности предприятия стояли в основном на уровне простой капиталистической кооперации и мануфактуры.

К концу XIX – началу XX в. из ведомостей исчезает смолодегтярное производство⁷¹. Оно вытесняется развивающейся нефтяной промышленностью, остаются лишь небольшие крестьянские предприятия мелкотоварного типа, обслуживающие нужды крестьянского хозяйства. В ведомости в этот период вносятся только сравнительно крупные предприятия. Так, зафиксирована спичечная фабрика (499 рабочих) в с. Чепце Глазовского уезда, принадлежавшая торговому дому "Бровкины А. и Н." В селе Калинине Малмыжского уезда уже известный нам купец Александров основал парозлектролесопилку (400 рабочих). В с. Каракулине Сарапульского уезда существовало рогожекулеткацкое заведение крестьянина А. И. Рыболовлева (21 рабочий), параллельно изготовлявшее и соломенные колпаки для упаковки бутылок.

По данным, опубликованным в 1914 г., в начале XX в. в деревообрабатывающей отрасли отмечено 8 предприятий, стоящих на уровне мануфактуры и небольших фабрик. Значительное число мастерских мелкотоварного типа принадлежало крестьянам. Владельцами более крупных, оснащенных техникой, в подавляющем большинстве

были купцы. При этом следует заметить, что такое производство носило вспомогательную роль как одно из звеньев сложного купеческого хозяйства. Среди них товариществу "Юшков К. А. Н-ки" принадлежали три соломенно-картонные бумажные фабрики и одна лесопилка (правление фирмы находилось в Казани). Основным капитал товарищества составлял 300 тыс. рублей. Все три фабрики располагались в Малмыжском уезде. Это Дмитриевская картонно-соломенная фабрика в с. Дмитриевском (сумма производств – 30 тыс. руб., 40 рабочих, 2 водяных двигателя), Константиновская соломенно-бумажная фабрика в с. Константиновском (47 тыс. руб., 86 рабочих, водяной двигатель), там же Мелетская соломенно-бумажная фабрика (54 тыс. руб., 84 рабочих, паровой и водяной двигатели). Товариществу слободских купцов "Александровы братья П. В. и В. В." принадлежала в Малмыже фабрика соломенно-оберточной бумаги и картона (85 тыс. руб., 80 рабочих, паровой двигатель). Кроме этого, имелось еще 5 лесопильных заводов, принадлежавших "Ижевскому торгово-промышленному т-ву" (25 тыс. руб., 20 рабочих, локомобиль), Воткинскому казенному заводу, а также П. М. Кузьмину в д. Куреково, Г. Х. Хамидуллину, по прозвищу Яичный Король, в д. Малой Бодье и в д. Горки.

Металлургическая и металлообрабатывающая промышленность получила дальнейшее развитие в конце XIX – начале XX в. Самая развитая отрасль промышленности размещалась за пределами городов и послужила основанием для образования заводских рабочих поселков: Ижевского, Воткинского, Омутнинского, Пудемского, Песковского, Залазининского. Прикамье с фабрично-заводскими селениями, иногда превосходящими по числу жителей и промышленному состоянию окрестные города, представляло типичное для развивающегося российского капитализма явление. Металлургические заводы Глазовского, Сарапульского уездов в составе Уральского горно-металлургического района состояли

в разных горных округах. В Гороблагодатский горный округ входил Воткинский железоделательный завод. Омутнинский горный округ составляли Песковский чугуноплавильный, Пудемский железоделательный, Омутнинский чугуноплавильный, железоделательный Глазовского уезда и Кирсинский железоделательный заводы Слободского уезда; Вятский горный округ – Нижнезалазинский чугуноплавильный, Верхнезалазинский чугуноплавильный, Белорецкий чугуноплавильный. История развития частной горнозаводской промышленности Вятско-Камского региона тесно связана с двумя купеческими первостатейными династиями: Поклевского-Козелла и ярославских купцов Гастуховых⁷².

Химическая промышленность отличалась большой концентрацией производства и рабочей силы⁷³. Ее развитие своими корнями уходит в 50-е гг. XIX в. и неразрывно связано с фамилией купцов Ушковых, основателей Кокшанского, а позднее и Бондюжского химического заводов. В 80-е гг. XIX в., помимо Ушковых, в ведомостной статистике зарегистрировано "селитерное производство", основанное в д. Варзино-Алексеевке Елабужского уезда титулярным советником Бикмеевым. Это было небольшое предприятие, основанное на ручном труде, с 9 рабочими и объемом производства в 2 400 руб., тогда как Ушковские заводы имели 782 рабочих, объем производства – 704 600 руб. К 1909 г. в этой отрасли промышленности на территории четырех уездов Удмуртии согласно ведомостной статистике числилось четыре завода, а в 1914 г. уже шесть. Самыми крупными, выделявшимися и на российском уровне, несомненно, были химические заводы "Товарищества химических заводов Ушков П. К. и К°"

В сельце Калинине Малмыжского уезда функционировала фабрика олифы "Торгового дома наследники коммерции советника И. В. Александрова", где изготавливались льняная и конопляная олифа, а также краски. В Сарапуле химическая фабрика принадлежала купеческой фирме "Зылева Н. П. Н-ки. Торговый дом". Ее основной капитал состав-

лял 75 тыс. руб., обслуживалась 90 рабочими, была оснащена одним паровым двигателем. Ассортимент продукции – краски, тертые на масле, всех цветов, масло льняное, конопляное и олифа. Склады торгового дома имелись в Перми, Чердыни, Усолье, Нижнем Новгороде, Самаре, Томске (управление находилось в Сарапуле). Б. А. Зиверсу принадлежал завод сухой перегонки дерева, основанный в 1906 г. в д. Лучик Игринской волости, Глазовского уезда. Завод был оснащен одним паровым двигателем в 10 л. с., обслуживался 12 рабочими, производил уксусный порошок, древесный спирт, уголь, смолу и деготь. Годовая производительность составляла 16 тыс. руб. Склады имелись на ст. Балезино и в Нижнем Новгороде. В с. Старые Селты находился масляный завод П. П. Матвеева, изготовлявший очищенный скипидар, паровую и котельную смолы. Таким образом, химическая промышленность, основанная купцами, нашла широкое развитие в крае.

Стекольная промышленность получила значительное развитие среди других производств, связанных с переработкой природных ресурсов⁴. Начало ее распространению в крае было положено помещиками, создававшими небольшие предприятия на своих крепостных дачах. Позднее к расширению производства стеклоделия подключились чиновники, крестьяне, купцы. В одних случаях владения передавались по наследству, в других – через купчую переходили из рук в руки.

На протяжении 1861–1914 гг. небольшая разница в количестве стекольных предприятий наблюдалась в 1861 г. (3 предприятия), в 1878 г. (5 предприятий) и в 1881 г. (6 предприятий). В остальные годы число заведений было стабильным (по 4). Однако за этим внешним постоянством прослеживалась внутренняя активность, проявлявшаяся в развитии экономических форм производства, в смене владельцев заведений, в состоянии производства: разорении одних предприятий, появлении других, объединении под единой фирмой третьих.

Согласно статистике на 1861 г. одним из самых ранних в нашем крае был Сюгинский стекольный завод, находившийся во владении коллежского советника камер-юнкера А. А. Лебедева (приобретенном у купца Ф. Г. Чернова, который основал завод в 1835 г.). Предприятие обслуживалось 80 рабочими, сумма производства составляла 31 275 руб. Основанное в первой половине XIX в., оно просуществовало до наших дней, увеличивая размеры, совершенствуя свое производство. По данным источников, в 1909 г. Сюгинский стекольный завод принадлежал уже другим владельцам – фирме "Сыровев С. А. и Шишков С. А. Т-во Сюгинский стекольный завод" (на паях). Вокруг завода недалеко от одноименного села в Можгинской волости образовался поселок Можга. В 1914 г. это был уже завод, оснащенный паровым двигателем и двумя турбинами. Объем производства составлял 200 тыс. руб., обслуживался 370 рабочими. Ассортимент выпускаемой продукции отличался большим разнообразием: оконное стекло, бутылки "пивные, кислотные, аптекарские и химические". Завод имел склады в самых отдаленных городах страны: Самаре, Елабуге, Мензелинске, Уфе, Саратове, Чистополе, Казани, Мамадыше, Челябинске, Омске, Ташкенте.

В ведомостях за 1861 г. зафиксирован также Кокшанский стекольный завод купца К. Я. Ушкова, располагавшийся в Елабужском уезде при Кокшанском химическом заводе на собственной даче владельца (объем производства – 21 208 руб.). Завод выпускал стекло и посуду, обслуживая нужды химического производства. В последующие годы стекольный завод в ведомостной статистике не был зафиксирован. В 1861 г. в с. Константиновском Большепорежской волости Малмыжского уезда функционировал стекольный завод помещика К. А. Юшкова, построенный на его собственной даче. Объем производства составлял 1 960 руб. В ведомостях за 1889 г. и последующие годы он не числится. Ведомостной статистикой 1878 г. зафиксирован ранее отсутствовавший Ивано-Михайловский стекольный завод, принад-

В. И. Петров

Петров Василий Иванович, владелец оружейной фабрики в поселке Ижевского завода, крупный торговец оружием собственного и тульского производства, иностранных фирм. Продукция завода многократно удостоивалась высших наград на отечественных и международных выставках.

лежавший коммерции советнику Бронницкому и первой гильдии купцу И. А. Кононову, состоящий в его крепостной даче в Мухинской волости Глазовского уезда (61 рабочий, объем производства – 31 602 руб.). По данным за 1881 г., кроме всех перечисленных, появляются еще два завода. Один – в Игринской волости Глазовского уезда на собственной земле потомственной почетной гражданки А. И. Сергеевой (32 рабочих, объем производства – 25 000 руб.). Другой,

Валамазский стекольный завод, располагался на собственной земле коллежского секретаря Л. П. Матвеева (35 рабочих, объем производства – 94 000 руб.) в Леденцовской волости близ с. Селты. В 1914 г. Л. П. Матвееву, наследнику Л. П. Матвеева, принадлежали, помимо стекольного, масляный и винокурный заводы. Стекольный завод был оснащен водяным двигателем (240 рабочих, объем производства – 180 тыс. руб.). На арене появляется новая фирма "Барсков Ил. Гр. с с-ми", которая объединила в 1900 г. под своим началом три завода: Лозанский (ранее принадлежал купцу А. И. Стрижеву), Озочепецкий (ранее принадлежавший крестьянину П. Ф. Кутукову) и Чепецкий. Заводы были оснащены локомотивами (42 рабочих, объем производства – 100 тыс. руб.). В Глазовском уезде Игринской волости в поселке Калиновском в начале XX в. был зафиксирован стекольный завод, принадлежавший С. С. Анисимову. Таким образом, стекольная промышленность представляла собой предприятия средних размеров, оснащенные в начале XX в. машинами и механизмами.

Рекламный лист оружейной фабрики И. Ф. Петрова. Ижевский завод
Фото из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

Оружейное частное производство, зародившееся в крае в конце 60-х гг. XIX в. в форме мелкотоварного производства, к концу XIX в. складывается как мануфактура, переросшая в начале XX в. в фабрику. Владельцами этих заведений стали предприниматели И. Ф. Петров, И. С. Березин, А. Н. Евдокимов, вышедшие из среды сельских обывателей.

Таким образом, в развитие промышленности внесли свою лепту представители всех слоев общества: помещики, купцы, крестьяне, мещане. Но при этом наблюдалась приверженность сословий к занятию определенными видами производств. Однако с развитием торгово-предпринимательского капитала купечество вытесняет другие сословия из наиболее прибыльных отраслей промышленности. Так, купцы монополизировали вино-водочную и пиво- и медоварен-

ную промышленность, отстранив помещиков, завладевшие городской кожевенно-сапожной промышленностью, отстранив мещан. Они же основали химическую промышленность, расширили развитие металлургического производства. Бывшим помещикам, состоявшим на государственной службе и имевшим классные чины, во второй половине XIX в. удалось сохранить за собой стеколоделательные предприятия. Деревенская кожевенная, скорняжная, чеботарная и деревообрабатывающая отрасли остались в руках крестьянского населения. Частные оружейные предприятия были приоритетом сельских обывателей.

Ижевский и Воткинский заводы. Значительную роль в общественно-экономической жизни Удмуртии играли ее заводы – Ижевский оружейный, металлургический и Воткинский металлургический, машино-

Состав инженерно-технических работников оружейной фабрики А. Н. Евдокимова
Фото из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

строительный. Этим двум заводам на протяжении всего периода их существования отводилась весьма ответственная роль в обеспечении оборонной мощи державы. Высокое качество выпускаемой продукции всегда было незыблемым условием их двухвековой деятельности. Заводы постоянно подтверждали свое право входить в число крупнейших и лучших заводов отечества. В сферу своего влияния они включили все население Вятско-Камского региона. Благодаря им, появились два заводских поселка, впоследствии ставшие центрами развития науки, культуры, искусства, отдельных видов традиционных, в том числе и художественных, промыслов. Такова позитивная роль заводов в жизни региона.

Кардинальные перемены на заводах произошли в 30–70-е гг. XIX в., когда мануфактурная стадия в области промышленности закономерно и необратимо уступила дорогу фабричной со всеми ее последствиями.

Ижевский завод. Ликвидация крепостнических отношений в результате проведения реформы 1866 г. содействовала росту производительных сил завода, который постепенно превращался в капиталистическое предприятие. На нем впервые в стране организуется массовое производство литой тигельной стали, которое заменило кричный способ, использовавшийся здесь более ста лет.

В декабре 1871 г. завод передали в аренду капитану гвардейской артиллерии П. А. Биль-

дерпину, поверенным в делах которого был известный шведский промышленник Л. Нобель. Правительство преследовало цель – создать крупную базу сталелитейного производства, стать независимыми от иностранных поставок стали. В данном случае возлагалась большая надежда на Ижевский завод. Казна обязалась снабжать его необходимыми денежными средствами и сырьем. По контракту арендатор должен был обеспечить завод более совершенными машинами и станками, наладить производство стали, стальных стволов и ружейных коробок. В течение 1872–1873 гг. шло переустройство завода: устанавливались новые стволоточные, сверлильные, долбежные, винторезные, шарочные и другие станки, пружинные молоты, вальцы для прокатки штыковых лезвий. Часть водяных колес заменялась паровыми двигателями и турбинами⁷⁵. В течение года была устроена сталелитейная мастерская, и уже в июле 1872 г. завод начал производить сталь. С этого времени он стал называться сталелитейным⁷⁶. Сталелитейное производство подвинулось коренной перестройке: были поставлены 24 газооплавляемые печи производительностью около 300 пудов стали в сутки. Огромное значение имел ввод в действие мартеновской печи 1 февраля 1877 г. под руководством опытного инженера В. Я. Вергера. Материалом для плавки служили горючелюбный чугун, пудлинговое железо, бракованная тигельная сталь, ферромарганец и ферросилиций. Следует отметить, что ижевские металлурги одними из первых в России применили ферромарганец в мартеновском производстве. В 1879 г. на заводе под руководством А. М. Соловьева, опытного металлурга, получившего образование в Уральском горнозаводском училище, была создана химическая лаборатория. Первая мартеновская сталь имела низкое качество и сравнительно высокую себестоимость. В дальнейшем, особенно после того как древесный уголь заменили каменным, процесс сталеварения резко улучшился, соответственно повысилась и качество стали. Ижевские

Дом мастера Ижевского завода. Начало XX в.
ЦГА УР

металлурги полностью обеспечили высококачественным металлом не только ижевских оружейников, но и тульских, и сестрорецких. В результате экспертизы, сделанной на Петербургском оружейном заводе, было дано заключение: ижевская сталь "хорошего качества и вполне может заменить сталь заграничного производства"⁷⁷ На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 г. завод удостоился похвальной награды за ведение стального производства, в особенности за выделку инструментальной стали высшего качества. Завод получил в 1887 г. на Сибирско-Уральской выставке золотую медаль "За отличную постановку стального дела"⁷⁸

С начала 80-х гг. завод продолжал механизацию производственных процессов за счет внедрения новых паровых машин, локомобилей, турбин, станков. В 1882 г. устанавливаются два прокатных стана. С этого времени сталелитейный завод стал вполне самостоятельным предприятием, поставлявшим сталь и полуфабрикаты другим предприятиям страны. Зависимость производства от заграничных фабрикантов окончательно была ликвидирована. С 1885 г. завод перешел в казну и подвергся значительному преобразованию. В 1893 г. была построена вторая мартеновская печь, увеличено число водяных турбин, паровых машин, котлов, станков и приспособлений. В конце 90-х гг. была освоена технология изготовления плотных стальных слитков, что привело к уменьшению брака. Этот способ на длительное время стал главным. Специалисты отмечали, что требования к чистоте поверхности слитков на Ижстальзаводе "несравненно строже, нежели на других заводах"⁷⁹. За разработку технологии щитовой стали завод на Парижской международной выставке 1900 г. получил золотую медаль. Ижевская сталь достигла мировой славы. В 1900 г. была установлена первая паровая электростанция постоянного тока мощностью в 680 л. с. В 1902 г. был построен новый сталелитейный цех с газогенератором, работавшим на дровах, где и сосредото-

точилось все производство тигельной стали. В 1909 г. на Международной выставке новейших изобретений в Петербурге завод получил малую золотую медаль за щитовую сталь. В 1910 г. была пущена в строй новая тигельная мастерская на пять печей с годовой производительностью до 2 тыс. т стали. На протяжении сотен лет завод поставлял тигельную сталь высоких кондиций. В разработку технологии этого вида стали был внесен неоценимый вклад, приумножена слава отечественной металлургии. Были созданы мощные инструментальные мастерские, развивалось сложное лекальное хозяйство. В результате переоборудования завод увеличил свой машинный парк с 300 станков до 3 тыс. машин.

В конце XIX в. заводская практика усложнилась и требовала устойчивой научно-технической базы для определения качества материалов, идущих на изготовление деталей машин, работавших нередко в экстремальных условиях. В 1902 г. на заводе были организованы механическая и химическая лаборатории. Первую возглавил инженер М. Хлыбов, вторую – техник А. И. Соловьев, автор ряда статей о прошлом завода и юбилейной книги "Столетие Ижевского оружейного завода". Среди специалистов высокой квалификации отличались женщины-химики В. М. Котлецова и В. Е. Богдановская. Судьба последней сложилась трагически: она погибла во время проведения опытов.

Группа рабочих-оружейников Ижевского завода, награжденных кафтанами "за особые заслуги"
С гравюры Флюгеля.

Из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

В. Е. Богдановская изучала химию кетонов, получаемых преимущественно окислением вторичных спиртов и служащих растворителями. Ее жизнь и деятельность для последующих поколений стала образцом преданности научному поиску. Высокий профессионализм и прекрасные человеческие качества были присущи инженеру А. Г. Дубницкому, выпускнику Михайловской артиллерийской академии. В своей служебной карьере он прошел путь от начальника марتنовского цеха до руководителя оружейного завода, от низшего военного чина до генерал-майора. В годы первой мировой войны А. Г. Дубницкий был назначен начальником Путиловского завода в Петрограде. Ему принадлежит заслуга в освоении микрофотографического способа исследования металлов. В этих целях для завода был приобретен микрофотографический аппарат и организована лаборатория. Шлифы подвергались тщательному анализу, в результате чего брак на производстве значительно снизился. А. Г. Дубницкий совместно с инженером Э. К. Гермониусом разработали и наладили выпуск высококачественных марок стали "Ижевск-рапид" и "Ижевск-рапид-ванадий", отличавшихся способностью самозакаливанию⁸⁰.

Таким образом, на казенном заводе сложились высококвалифицированные инженерно-технические кадры, сыгравшие большую роль в развитии отечественной металлургии. Но улучшение материально-технической базы завода не изменило его энергетических ресурсов. Часть станков и механизмов по-прежнему приводилась в движение водяными колесами. Турбины и паровые машины внедрялись медленно. В начале XX в. в эксплуатации находилось еще 11 водяных колес. Многие участки оставались без станков и механизмов. Например, рабочий инструмент изготовлялся исключительно вручную, в приготовлении лож также наполвину использовался ручной труд. Уровень производства, количество рабочих колебалось в зависимости от правительственных заказов. Так, если в 1891 г. завод выпустил

20 тыс. 3-линейных винтовок, то в 1895 г. – 133 530. Такая производительность сохранялась до 1900 г. Производство вновь резко расширилось в связи с активизацией политики на Дальнем Востоке и войной с Японией. В 1905 г. выпустили 141 404 винтовки. Помимо этого, произвели 4,5 млн. стволов и 4,7 млн. ствольных коробок.

Воткинский завод. Пореформенный период внес радикальные перемены в развитие Воткинского завода. Именно с этого времени здесь начинает развиваться паровозостроение (1868 г.), производство сельскохозяйственных орудий, мостовых ферм (1891 г.), осваивается прокатное производство, а также дальнейшее развитие получает судостроение, основанное в 1846 г., совершенствуется механическая обработка металлов, вводятся паровые двигатели взамен устаревших водяных колес; происходит соответствующая перестройка заводских помещений, хотя общая планировка завода и поселка была определена еще при их основании в 1759 г.

Научно-техническая служба Воткинского завода отличалась умением уловить кардинальные открытия и внедрить новые, научно обоснованные, проверенные на опыте технологии. Одним из таких примеров было освоение производства бессемеровской стали, по имени изобретателя английского металлурга Г. Бессемера, который еще в 1856 г. предложил конструкцию конвертера. Внедрение бессемирания связано с именем инженера В. А. Алексеева, который прибыл в Воткинск после окончания Горного института. Он опубликовал работу Г. Бессемера на русском языке в собственном переводе. Передел чугуна в сталь по методу Г. Бессемера получил широкую известность в России. Первые успехи бессемирания на ряде заводов в Англии не оставляли сомнения в том, что оно в корне революционизирует производство стали. Признавалось, что в России бессемирание "бросит новый луч света на железную промышленность"⁸¹.

К опытам бессемирания на Урале приступили в конце 1850-х гг. На Воткин-

ском заводе положительные результаты по бесеменированию были достигнуты под руководством инженера В. А. Алексеева, на следующих этапах его работу поддерживали инженеры А. А. Иосса и его сын Н. А. Иосса. На заводе закладывались первые элементы научных основ в области металлургии вообще, бесеменирования в частности. В августе 1864 г. А. А. Иосса, будучи главным начальником уральских заводов, сообщил министру финансов, что "бесемеровский способ в больших размерах был испытан на Воткинском и Нижнеисетском заводах, и результаты весьма удовлетворительны, и надо ввести это производство на Воткинском заводе, где есть устройства" Просьба была удовлетворена. А. А. Иосса за короткий срок пребывания на заводе успел сделать очень много. Оказавшись на олимпе признания, он возглавил Горный ученый комитет, Горный совет, был несколько лет профессором института, в котором когда-то учился, готовил к нелегкому труду горнозаводских деятелей, состоял членом Уральского общества любителей естествознания. В конце XIX в. на заводе было три бесемеровских конвертера.

На смену бесемеровскому способу пришел наиболее совершенный мартеновский. На Воткинском заводе устройством мартеновской печи занимался с 1868 г. талантливый инженер В. Е. Холостов. Идею строительства мартена на заводе поддержал один из ведущих специалистов в этой области А. А. Износков – строитель первой мартеновской печи. В 1871 г. произошла опытная плавка стали на мартене. Очевидцы с восторгом сообщали: "Только энергии и таланту В. Е. Холостова можно приписать, что печь все-таки пошла, и на Венскую выставку 1873 г. уже были посланы образцы стального литья и поковок настолько хороших качеств, что В. Е. Холостов получил бронзовую медаль"⁸². Архивные фонды хранят чертеж воткинского мартена, первого на Урале и второго в России металлургического агрегата, сыгравшего исключительную роль в заводском производстве. К началу XX в.

на Воткинском заводе действовали 3 мартеновские печи, 4 вагранки, 6 отражательных печей. В 1914 г. производилось 1 349 тыс. пудов металла, в 1915 г. – 1 420 тыс. пудов металла, в 1916 г. – 1 830 тыс. пудов металла.

Промышленная база Ижевского и Воткинского заводов находилась на достаточно высоком уровне. На протяжении более 150 лет заводы выпускали железо и сталь, множество разнообразных по своему назначению изделий. Совершенствовались методы и способы их получения: от простых ручных приемов с помощью специальных и кузнечных горнов до сложных тигельных, пудлинговых способов изготовления железа и стали; от бесемеровских конвертеров до мощных в свое время мартеновских печей, давших возможность получения продукции в больших объемах и высокого качества. Исподволь формировались кадры инженерно-технической интеллигенции. Все основные должности, как правило, занимались людьми со специальным образованием. Мастерские, техники, инженеры прошли суровую производственную школу в горячих цехах и мастерских. Предприятия, начиная со второй половины XIX в., работали в системе наука – техника – производство, ориентируясь на передовые научные достижения. И это закономерный итог деятельности Камских заводов⁸³.

Банки. Большую роль в развитии предпринимательского капитала сыграло создание во второй половине XIX в. капиталистической кредитной системы, начавшееся с учреждения 1 июля 1860 г. Государственного банка России в целях "оживления промышленности и торговли" По способу образования оборотного капитала система кредитных учреждений разделялась на государственные, общественные, частные⁸⁴. В удмуртском крае, как и по всей Вятской губернии, кредитная система развивалась довольно медленно. Государственные кредитные учреждения появились здесь лишь в конце 70-х гг.

Наибольшую активность проявили в Вятско-Камском регионе городские обществен-

ные банки, возникшие намного раньше государственных⁸⁵. В 1809 г. в г. Слободском на средства купца К. А. Анфилатова (25 тыс. руб.) и города (3 тыс. руб.) был основан первый в России общественный городской банк. Такого рода банки состояли при местных городских думах. Для учреждения банка требовался капитал не менее 10 тыс. руб. Залогом его являлось свободное городское имущество. В 1866 г. был учрежден общественный банк в Елабуге, в 1869 г. – в Сарапуле, в 1881 г. – в Глазове, позднее – в Малмыже. В 70-е гг. появляются сельские общественные банки в заводских поселках. С капиталом в 15 тыс. руб., "отчисленным из мирских сумм", в 1874 г. в поселке Ижевского завода был открыт Заречно-Нагорный банк. Вскоре начал действовать Воткинский сельский общественный банк. Цель такого типа банков – "доставить сельскому населению возможность пользоваться кредитом и помещать свои сбережения для приращения капитала процентами" Основной капитал формировался "из свободных мирских капиталов и сумм, жертвуемых безвозмездно частными лицами и земством"⁸⁶.

В 1884 г. были открыты две ссудные кассы купцами Плотниковым и Д. Я. Ущеренко. Под большие проценты они давали ссуды предпринимателям, в том числе и купцам. Ссудно-сберегательные товарищества и кассы учреждались на условиях паевых взносов членов товарищества. Иногда в кассу вносились пожертвования земских общественных учреждений и частных лиц. На 1907 г. в Удмуртии действовали четыре городские ссудно-сберегательные кассы, в крупных торговых селах – двенадцать, в заводских поселках – пять. Кассы выплачивали 3 % годовых. Городские, сельские общественные банки, ссудно-сберегательные кассы ориентировались на мелких промышленников и торговцев.

Из государственных банков раньше всего открыл свою деятельность в целях облегчения крестьянам "возможности увеличить свои наделы покупкою продающихся зе-

мель" Крестьянский поземельный банк. "Удмуртские" уезды в составе Вятской губернии обслуживались Казанским отделением Крестьянского банка, учрежденным в 1886 г. Кредиторами банка среди прочих выступали сарапульские купцы А. И. и С. И. Бодалева и Е. И. и А. В. Злыгостевы. Деятельность банка вызвала оживление торговли и расширение промышленности в крае. В Петербург к министру финансов с петицией о необходимости создания филиала Государственного банка была послана депутация из именитых купцов Сарапула. Просьба была удовлетворена, и Государственный банк открыл свое отделение в 90-е гг. XIX в. в Сарапуле.

В 1894 г. было дано разрешение на открытие в Сарапуле отделения Торгово-коммерческого банка, организатором которого был купец Е. И. Злыгостев. В 1895 г. банк имел 122 838 руб. основного капитала, в 1900 г. – 595 тыс. руб.⁸⁷ Частные кредитные установления были представлены Волжско-Камским коммерческим банком, основанным в Санкт-Петербурге в 1870 г. Отделения его были открыты в Казани, Перми, конторы основаны в Вятке, Сарапуле, Елабуге. Банк выдавал на льготных условиях ссуды предпринимателям, а также выплачивал по векселям. В 1912 г. Казанское отделение выплатило сарапульским купцам и промышленникам 33,1 тыс. руб., ижевским заводчикам – 32 тыс. руб., елабужским купцам – 31,7 тыс. руб., малмыжским купцам – 20,6 тыс. руб. Средствами банка пользовались купцы-предприниматели И. В. Петров, Т. Н. Булычев, А. И. Ирисов, Ушковы, а также Сырневы, Лебедевы и др. В 1872 г. был учрежден Сибирский торговый банк в Екатеринбурге, относящийся к акционерным банкам коммерческого типа, имевший филиал в Сарапуле – Сарапульское отделение Сибирского торгового банка. В 1873 г. был учрежден Казанский купеческий банк, относящийся к провинциальным акционерным банкам. Членами банка являлись, наряду с другими, купцы-удмурты Т. Н. Булычев и И. А. Ирисов, имевшие в нем паевой капитал по 40 тыс. руб. каждый⁸⁸.

Таким образом, банковско-кредитная система складывалась в крае с 70-х гг. XIX в. крайне медленно, со значительным отставанием, а банковские учреждения не располагали крупными капиталами. Оживление началось только в 80–90-е гг. XIX в. с организацией отделений и контор столичных банков, к услугам которых прибегали крупные предприниматели края. Большую роль в развитии промышленности региона сыграли банки Казани.

Акционерные общества. Первые российские акционерные компании появились в Москве и Петербурге в конце XVIII в., основанные на принципе ограниченной ответственности компаньонов-акционеров – держателей акций, когда акционер отвечает по обязательствам акционерного общества только в пределах суммы, вложенной им в акционерный капитал. Манифестом Александра I от 1 января 1807 г. "О даровании купечеству новых выгод..." было установлено два вида акционерных компаний: товарищество полное и товарищество на вере. Рост концентрации производства и конкурентная борьба способствовали созданию различного уровня ассоциированного капитала. Товарищеские структуры были для многих капиталистов своеобразным переходным этапом от неорганизованной "дикой" деятельности к предпринимательству новейшей эпохи⁸⁹. В одном из основных законодательных источников действовавшего торгово-промышленного права в Российской Империи – "Уставе торговом" – зафиксированы типы "торговых товариществ": товарищество полное; товарищество на вере; акционерное общество и товарищество на паях; артельные товарищества⁹⁰.

В соответствии с законодательством товарищество полное – одна из разновидностей торгового дома, который "составляется из двух или многих товарищей, положивших заедино торговать под общим названием всех". Товарищество образовывалось на основе договора, "заключаемого по взаимному между товарищами соглашению", который имел силу, "равную закону". Иссле-

Список товариществ: торговых домов – товариществ полных и на вере, акционерных общества (начало XX века)*

1. "Акционерное общество северных заводов наследников Н. П. Пастухова" Заводы: Омутнинский, Пудемский, Песковский (Глазовский уезд), Кирсинский (Слободской уезд) в Вятской губернии. Правление: Санкт-Петербург, Фонтанка. Заводоуправление в Омутнинске. Основной капитал – 9 млн. руб. Годовое производство – 2 млн. руб. Продукция: железо мартеновское – кровельное, сортовое, обручное; пудлинговое, специальное для цепей и подков; чугуновое литье.

2. Фирма "И. А. Поклевский-Козелл". Конкурсное управление. Заводы: Главохолуницкий, Богородский железоделательные, Чернохолуницкий чугуноплавильный и железоделательный (Слободской уезд), Климовский чугуноплавильный, Залазницкий чугуноплавильный, железоделательный, рудники (Глазовский уезд). Правление в Перми.

3. Товарищество "Ижевское нагорное общество". Кирпичный завод в поселке Ижевского завода. Годовое производство – 7 500 руб.

4. "Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К", высочайше утвержденное товарищество на паях. Заводы: четыре химических – в Вятской, Казанской, Самарской губерниях; кирпичные и гончарные – в Вятской губернии; меловой завод в Симбирской губернии; строительной извести и добычи известкового камня в Самарской губернии. Правление: Москва, Варварка. Основной капитал – 2 млн. 400 тыс. руб. Продукция: серная, соляная кислота, сульфат, хромпик и т. д., огнеупорный кирпич, керамические трубы, плитки, изразцы для пола, разные мелкие изделия.

5. Товарищество "Юшков К. А. Н-ки. Т-во цементный завод. Цементный завод, фабрика соломенного картона и лесопильный завод" Фабрики: Дмитриевская картонно-соломенная, с. Дмитриевское Большепорецкой волости, Малмыжского уезда, Константиновская соломенно-бумажная, с. Константиновское Большепорецкой волости, Мелетская соломенно-бумажная, с. Константинов-

* Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). 2-е изд. Петроград, 1914.

Ф. Г. Пешехонов

Пешехонов Федор Гаерлович, сарапульский купец второй гильдии, владелец кожевенного завода и фабрики обуви; основатель торгового дома **Пешехонов Ф. Г. и К^о**, который имел свои отделения во многих городах, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

дователями замечено, что широкому распространению торговых домов способствовал явочный порядок (без специального разрешения правительства) их образования. Учреждение и деятельность торговых домов были лишены строгой законодательной, административной регламентации, характерной для акционерных обществ. Торговые дома создавались, как правило, на базе семейных торговых или торгово-промышленных купеческих предприятий. Отличительная черта торгового дома состояла в том, что товарищи торгового дома "ответствуют за все долги оною вообще и порознь, всем имуществом своим движимым и недвижимым", т. е. это было объединение предпринимателей, действующих совместно с солидарной ответственностью по делам предприятий всем своим имуществом. Подавляющую часть владельцев торговых домов в уездных городах составляли представители высших городских сословий – потомственные почетные граждане и купцы. Данное явление ярко проявилось в Сарапуле в кожевенно-сапожной отрасли промышленности с созданием фирм: "Пешехонова Ф. Г. и К^о", "Смагина Ник. Вас. С-ья", "Ущеренко Дав. Як. с с-ми", "Барабанщиков Ник. и племянники", "Дедюхин Никифор. С-ья", "Кривцовы бр-ья" и т. д.⁹¹ В начале XX в. в Империи наблюдалась высокая степень концентрации наличных капиталов в небольшом кругу фирм. В "Список десяти крупнейших торговых домов России" за 1904 г. был включен слободской купец И. В. Александров (две фирмы) как основатель полного

ское Большепорекской волости. Заводы: цементный и лесопильный. Правление: Казань. Основной капитал – 30 тыс. руб. Продукция: романский цемент, соломенный картон, соломенно-оберточная бумага.

6. Товарищество: "Барков Ил. Гр. с с-ми" Чепецкий, Озонапечский, Лозанский стекольные заводы. Правление: в имении Лозана Игринской волости, Глазовского уезда. Основной капитал – 100 тыс. руб. Продукция: оконное полубелое стекло, бутылки цветного и полубелого стекла, аптечная посуда, разные мелкие изделия.

7. Товарищество на паях "Сырнева С. А. и Шишков С. А. Т-во Сюгинский стекольный завод". Правление в заводском поселке Можгинской волости. Основной капитал – 56 тыс. руб., годовое производство – 200 тыс. руб. Продукция: стекло оконное, бутылки белые, зеленые, пивные, кислотные, аптечные, химические.

8. Товарищество "Матвеев Пав. Лаз., Валамазский стек. з-д" Заводы: стекольные, масляные, винокурный № 11 в с. Селты Леденцовской волости, Глазовского уезда, в собственном имении. Годовое производство – 180 тыс. руб. Продукция: очищенный скипидар, смоляной вар, паровая и котельная смолы, листовое полубелое стекло.

9. Товарищество "Торговый Дом. Наследники коммерции советника И. В. Александрова" Заводы: винокурные и спиртоочистительные в Казани, Малмыж, Слободском, Сосновке Вятской губернии; пивоваренные – в Казани, Саратове, Слободском; минеральных вод – в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, Перми, Уфе, Вятке, Екатеринбурге, Балашихе и других городах. Маслобойный завод и фабрика льняной и конопляной олифы. Главная контора в Казани, правление – в селце Калинине Малмыжского уезда. Продукция: пиво баварское, столовое, мартовское, светлое-легкое, экспортное, кабинетное, идеал.

10. Товарищество "Н-ки Зылева Н. П. Торговый дом. Химическая фабрика". Химическая и канатные фабрики, маслобойный завод в Сарапуле. Правление: Сарапул. Основной капитал – 75 тыс. руб. Продукция: краски тертые на масле, масло льняное, конопляное и всевозможная олифа, канаты, веревки и т. д.

11. "Торгово-промышленное товарищество Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К^о", высочайше утвержденное товарищество на паях. Заводы: два завода крупчатки, две мельницы

Семьи владельцев оружейных заводов
пос. Ижевского завода

В. И. Петрова и Н. И. Березина. Начало XX в.
Фото из личного архива И. Кобзеев

товарищества, зарегистрированного в городах Казани и Малмыже, товарищеский капитал которого составлял 1,4 млн. руб.⁹²

Товарищество полное – это начальная форма ассоциированного капитала. Более высокую ступень ассоциации представляло товарищество на вере, или командитное общество. Оно также могло называться торговым домом “под именем товарищей и компаний”. Командитное общество предполагало две категории участников: полных товарищей, несших личную и имущественную ответственность, и вкладчиков. Привлечение последних к деятельности компании осуществлялось путем реализации особых ценных бумаг товарищеских паев. Вкладчик, “дающий на веру свой капитал, в случае разрушения дома отвечает только наличным вкладом” Распределение прибыли происходило в соответствии с размером пая каждого участника. Типичным примером командитного общества являлся торговый дом, созданный елабужскими купцами Гирбасовыми. К началу XX в. крупнейшие торговые дома как форма организации капитала были неотъемлемой частью всего капиталистического хозяйственного организма, существуя и развиваясь в тесном единстве и взаимосвязи с высшими типами организации капитала, часто расширяя и дополняя зону их деятельности.

Успешно развившееся товарищество на

в д. Вандовке Мамашинского уезда, Казанской губернии. Главная контора в Елабуге. Основной капитал – 500 тыс. руб. Запасной капитал – 29 900 руб. Торговля хлебными продуктами, чаем, сахаром, табачными и другими товарами.

12. Товарищество “Гоголева А. Е. Н-ки” Заводы: крупчатка, мельница в с. Пьяный Бор Елабужского уезда. Перемол ржи и крупы. Годовое производство – 45 тыс. руб.

13. Товарищество “Торговый Дом Булыгин и сын” Александровский № 6 винокурный завод в с. Ст. Бурец Малмыжского уезда. Контора в Казани. Годовое производство – 2 млн. 650 тыс.*

14. Товарищество “Ижевское торг. пром. товарищество”. Фабрика искусственных минеральных вод и водочный завод Заводы: Перевенец № 35 винокурный и ректификационный, водочный, фабрика искусственных минеральных вод в Сарапуле. Управление в поселке Ижевского завода. Управляющий – И. И. Бодалев. Основной капитал – 80 тыс. руб. Пивоваренный завод № 2 в поселке Ижевского завода. Основной капитал – 1 млн. руб. Управляющий – С. М. Северюков. И. И. Бодалеву принадлежал паровой лесопильный завод, водяная мельница в Сарапуле.

15. Товарищество “Барабанщиков Ник. и племянники. Торговый дом. Кожевенный завод и фабрика обуви”, Сарапул. Управляющий – А. Д. Барабанщиков. Годовое производство – 180 тыс. руб.

16. Товарищество “Торговый дом Дедюхин Никифор. С-вья” Торговый дом, кожевенный завод и фабрика обуви, Сарапул. Управляющий – Г. А. Дедюхин. Годовая производительность – 500 тыс. руб.

17. Товарищество “Кривоцы бр-я. Т-во кожевенный завод и фабрика обуви”, Сарапул. Годовое производство – 250 тыс. руб.

18. Товарищество “Мельников Ник. Фед. Т-во кож. завод и производство обуви и шорных изделий”, Сарапул. Годовое производство обуви и шорных изделий – 25 тыс. руб.

19. Товарищество “Михеев Ив. Ник. с с-ми. Торг. дом, кожевен. зав. и фабрика обуви”, Сарапул. Годовое производство – 325 тыс. руб.

20. Товарищество “Пешехонов Ф. Г. Н-ки и К”. Торговый дом, кожевенный завод и фабрика обуви, Сарапул. Основной капитал – 500 тыс. руб. Директора-распорядители: Л. Ф. и В. Ф. Пешехоновы. Управляющий Л. Ф. Пешехонов. Правление М. В. Пешехонова, В. Ф. и Л. Ф. Пешехоновы, И. П. Коршеев и С. И. Бодалев. Контора в Сарапуле.

Семейство сарапульского первой гильдии купца Л. А. Курбатова. 1899

Музей истории и культуры Среднего Прикамья, г. Сарапул

вались вкладыванием капитала в основном в развитие местной легкой промышленности и торговли края (Смагины, Барабанщики, Михеевы, Башенины и т. д.).

Вторая – это предприниматели, сколотившие крупные капиталы на торговых операциях, а затем вышедшие за рамки региона (Стахеевы, Ушковы, Гирбасовы, Александровы). Ассоциировав капиталы, они распространили сферу своей деятельности на те или иные отрасли экономики России.

Третья – это иногородние купцы, охватившие предпринимательской деятельностью Удмуртию. Одни из них (Пастуховы, И. А. Полевский-Козелл) внедрились в экономику края, опираясь на своих представителей, другие, обосновавшись в Удмуртии, приобрели функционирующие предприятия и, наряду с ними, построили новые (Бодаевы, Бахтияровы и т. д.).

Исследование отдельных купеческих династий на протяжении XIX–начала XX в. позволило сделать вывод о том, что консолидация семейного капитала проходи-

ла в несколько этапов. Чаще всего на первом этапе основу процесса составляли торговые дома, товарищества полные, объединявшие, как правило, деда, отца, сыновей. Этот период для нашего края начинается с 70–80-х гг. XIX в., а иногда и в более позднее время. Росли родовые ветви, крепились отдельные семейства, и уже в конце XIX – начале XX в. с усилением в стране конкурентной борьбы начинается второй этап консолидации семейных капиталов: объединение братьев, двоюродных братьев, их детей, внуков и родственников. С дальнейшим ростом концентрации производства и централизации капитала стремление товарищеских ассоциаций, образованных в основном

Стахеева Глафира Федоровна, потомственная почетная гражданка, занималась широкой благотворительной деятельностью: построила здание для Елабужского епархиального училища, поддерживала его материально, делала пожертвования на строительство и содержание храмов, оказывала помощь неимущим.

Г. Ф. Стахеева

на семейных капиталах, к привлечению нескольких посторонних владельцев капиталов привело к появлению более высоких форм товарищества, созданию акционерных компаний, что позволило значительно расширить сферу предпринимательской деятельности и создать достаточно крупные, оснащенные новейшим дорогим и сложным оборудованием предприятия. Такой эволюционный процесс развития прошли товарищеские объединения Стахеевых, Пастуховых, Ушковых, Бодаевых и т. д. С 1883 г. оформлялось, расширялось и усложняло свою структуру акционерное общество "Товарищество химических заводов Петра Капитоновича Ушкова и К°". В 1910–1916 гг. объединение капиталов Стахеевы – Батолины – Путиловы с русскими коммерческими банками привело к образованию мощного

В. Г. Стахеев, елабужский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин

концерна, утвердившего свое влияние почти во всех важнейших отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности страны. В свое время деятельность семьи Рябушинских и концерна Стахеевых современники считали символом предпринимательства новой эпохи. В 1912–1913 гг. при участии нескольких акционеров и Сибирского торгового банка было создано акционерное общество "Северных заводов наследников Н. Пастухова"

Нельзя не отметить, что, какого бы уровня не достигло товарищеское объединение, одним из основных сфер его деятельности оставалась торговля, правда, она носила уже вторичную роль вслед за промышленностью.

Города Удмуртии

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в условиях индустриального развития страны произошла существенная перестройка городов России, повлекшая за собой радикальные перемены в характере труда, образе жизни городского населения, значении городов в жизни страны. Превращение большинства городов из аграрных и административных в промышленные, торговые и культурные центры знаменовало решительный шаг в отделении города от деревни в экономическом отношении и в основных чертах завершилось к середине XIX в., а в полной мере – к началу XX в. Отделение города от деревни происходило в основном естественно, однако следует заметить, что этому процессу до некоторой степени помогало и правительство. Оно игнорировало ходатайства горожан увеличить городской фонд земли, поощряло переселение в города торгово-промышленного населения из сельской местности, стимулировало развитие в городе торговли и промышленности, много сделало для превращения городов в культурные центры. Господствующее положение в системе городов занял промышленный город, усилилось значение торговых городов, резко сдали свои позиции

города смешанного типа и особенно аграрные. Города с преимущественно культурным назначением так и не появились⁶⁴. Структура городских функций является важнейшим показателем уровня и характера социально-экономического развития данной страны в данную эпоху, в том числе и отдельных ее регионов.

Города разного функционального назначения отличались друг от друга экономической ориентацией, числом жителей, их социально-профессиональным составом, структурой производства, количеством земли, доходами, производственно-потребительским балансом и др. По большинству показателей, причем в абсолютном и относительном измерении, промышленные города превосходили все остальные типы городов⁶⁵.

На территории Удмуртии находилось четыре города: Сарапул, Елабуга, Глазов, Малмыж. Изначально эти города являлись уездными административными центрами с главной административной функцией. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в эволюции отраслевой структуры занятости горожан по сравнению с предыдущим столетием произошли значительные изменения. Постепенно утрачивались аграрные функции, на первый план все более выдвигались торгово-промышленные. Сарапул и Елабуга, расположенные вдоль крупных речных путей, в районе полноводной Камы, Малмыж, находящийся вблизи судходной части р. Вятки, Глазов – на р. Чепце, оказавшийся позднее в ареале Пермь-Котласской железной дороги, развивались как узловые торговые центры, были сосредоточием ремесла и промышленности. Однако по своему социально-экономическому уровню, доминирующей функциональной направленности значительно отличались друг от друга.

По стандартам второй половины XIX в. города с численностью более 100 тыс. жителей относились к большим городам, от 20 до 100 тыс. – к средним, менее 20 тыс. – к малым⁶⁶. Согласно переписи населения 1897 г. в четырех городах Удмуртии проживали 37 836 жителей, что составляло 2,8 %

Сарапул. XIX в.

Из буклета "Сарапул" / Удмуртское региональное отделение ВООПИиК Ижевск, 2000

наличного населения Удмуртии, в то время как доля городского населения России в 1897 г. составляла – 12,9 %, что свидетельствует об отставании процесса урбанизации в крае от общероссийских показателей⁹⁷. Самым населенным был Сарапул с числом жителей в 21 398 человек, относившийся к средним городам России. Остальные три города в плане количественного ранжирования считались малыми городами: Елабуга имела 9 764 жителя, в Глазове проживали 3 509 человек, население Малмыжа составляло 3 165 человек⁹⁸. При подведении итогов всеобщей переписи населения статкомитет, выявляя причины слабого развития городов в Вятской губернии, пришел к выводу: "В экономическом укладе губернии преимущественное значение сохраняется за сельскохозяйственными отраслями промышленности, не требующими сосредоточения населения в более крупных поселениях, с другой стороны, процент этот служит также показателем сравнительно еще не развитой обрабатывающей промышленности"⁹⁹. Отмечается, что более значительными на уровне губернии были города – Вятка, Слободской, в том числе города Удмуртии – Сарапул и Елабуга. Следует заметить, что все географические зоны Европейской России, за исключением Приуралья и Севера, имели широкое представительство во всех категориях городов: крупных, средних и мелких. По мнению

исследователей, пережитки прошлого, угнетавшие всю экономическую, общественную, административную и политическую жизнь, отрицательно сказывались на становлении сети городов двух названных регионов. Они задерживали обживание и устройство северных и восточных окраин, отчего там города не развивались¹⁰⁰.

Данные переписи 1897 г. указывают на слабое участие представителей коренной национальности в процессе урбанизации, а соответственно и в развитии городской промышленности. Подавляющее большинство населения городов составляли русские – 95,2 %, татары – 2,5 %, удмурты – 0,9 %, на долю остальных национальных групп приходилось 1,4 %¹⁰¹. Земледелие, скотоводство, промыслы с древних времен являлись основными занятиями удмуртского населения, хотя экономические возможности, особенно удмуртского крестьянского хозяйства, позволяли активнее включиться в предпринимательскую деятельность и связать свою судьбу с городом. Однако консерватизм деревенской социальной структуры, опасность оказаться за нижними пределами потребления в отдаленных национальных районах еще глубже, нежели в центре, пронизывали деревенскую среду. Нельзя не учитывать и такие серьезные факторы, стоявшие на пути крестьянина-удмурта, как: языковой барьер, антидемократическая политика правительства, влекущая за со-

Таблица 3*

Динамика численности городского населения Удмуртии согласно
сословной принадлежности по годам

Города	Кол-во лиц обоего пола по социальному составу, чел.								Всего
	дворяне	духовенство	почетные граждане	купцы	мещане	ремесленники	крестьяне	другие	
				1856 г.					
Глазов	156	189	1	134	710	–	–	–	1 190
Елабуга	134	265	–	465	2 183	8	–	41	3 096
Малмыж	140	34	–	99	732	1	–	9	1 015
Сарапул	299	243	6	390	5 090	–	–	162	6 190
Итого, чел.	729	731	7	1 088	8 715	9	–	212	11 491
Итого, %	6,32	6,4	0,06	9,5	75,8	0,08	–	1,84	100
				1864 г.					
Глазов	192	162	–	224	647	4	210	–	1 439
Елабуга	229	300	18	797	2 453	–	1 137	–	4 934
Малмыж	107	37	66	54	842	9	311	99	1 525
Сарапул	210	225	11	551	4 587	–	429	364	6 377
Итого, чел.	738	724	95	1 626	8 529	13	2 087	–	14 275
Итого, %	5,2	5,1	0,7	11,4	59,7	0,1	14,6	3,2	100
				1897 г.					
Глазов	256	147	66	108	1 022	–	1 861	–	3 460
Елабуга	543	352	200	311	3 989	–	4 265	–	9 660
Малмыж	240	62	64	79	1 135	–	1 504	–	3 084
Сарапул	905	283	215	305	8 806	–	10 754	–	21 268
Итого, чел.	1 944	844	545	803	14 952	–	18 384	–	37 472
Итого, %	5,2	2,3	1,4	2,1	39,9	–	49,1	–	100

бой беспредел в действиях местной администрации, негативизм городского населения и т. д.

Исследователи отмечают, что в каждом функциональном типе городов встречаются одни и те же социальные и профессиональные группы, только в несколько ином сочетании. Везде имелись буржуазия, рабочие, дворяне, крестьяне, земледельцы, промышленники, торговцы, военные и администраторы.

Данные статистики (табл. 3) наглядно показывают, что социальный облик городов

Удмуртии на протяжении второй половины XIX в. подвергся значительным изменениям. В общей массе городского населения самой многочисленной группой были мещане. Следует заметить, что статистики при социальной градации населения рабочих промышленных заведений включили в категорию мещан. С притоком в город крестьян удельный вес мещан значительно снизился. В 90-е гг. в городах Удмуртии крестьяне составляли самую многочисленную сословную группу: 49,1 %, тогда как

* Памятная книжка Вятской губернии на 1857 г. Вятка, 1857. С. 178–179; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 г. и 1867 г. Вятка, 1866. С. 111–115; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: ЦС КМВД, 1904. Т. 10: Вятская губерния. С. 50

Глазов XIX в
Из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

в целом по России на их долю приходилось меньше – 45 % всех горожан. Нельзя не отметить, что крестьяне в составе наличного городского населения России стали во второй половине XIX в. самой многочисленной социальной группой. Что же касается купеческого сословия, то в городах Удмуртии оно переживало процесс абсолютного и относительного сокращения. Идентичная картина уменьшения общей численности удельного веса купечества, увеличения количества мещан с параллельным снижением удельного веса, повышения численности и удельного веса крестьянства наблюдалась в данный период в городах Уральского региона, а также в одном из самых развитых торгово-промышленных центров России – Москве¹⁰².

Количество представителей дворянства и духовенства в Удмуртии было малочисленным. В городах наблюдался незначительный рост абсолютного числа дворян и духовенства, в то же время уменьшался их удельный вес. В пореформенное время для всей общероссийской действительности был характерен отток дворянства из деревни в город, что указывало на его переквалификацию из помещиков главным образом в профессиональную интеллигенцию и чиновников. Точно так же наблюдалось перемещение в город духовенства, главным образом в связи с тем, что паства быстрее росла в городе, чем в дерев-

не. В то же время значительная доля городского сословия в 1857–1897 гг. жила в сельской местности: деревня давала работу почти половине мещан и купцов¹⁰³. Общий вывод Вятского статистического комитета, сделанный после проведения переписи 1897 г., сводится к тому, что "население губернии состоит главным образом из лиц сельских состояний, а затем еще несколько значителен процент городских сословий, среди которых более всего мещан. Все остальные сословные группы крайне незначительны как количественно, так равно и в относительных величинах"¹⁰⁴. Данные, касающиеся сословного состава населения городов Удмуртии на 1897 г., подтверждают этот вывод: 48,6 % составляли крестьяне, 39,6 % – мещане, чиновники – 3,9 %, духовенство – 2,9 %, купцы – 2,1 %, дворяне – 1,2 %, прочие – 1,0 %.

Усложнение социально-профессиональной структуры городов проявлялось в прумножении людей, занятых не только в промышленности и торговле, но и в разнообразных сферах, как в производительных и полупроизводительных, так и в иных.

По данным переписи 1897 г., 74,2 % населения городов Удмуртии были заняты в производственной сфере, остальные – 25,8 % охватывались непроизводительной деятельностью. Соотношение между занятиями в материальном производстве и непроизводительных отраслях местных горо-

дов соответствовало общероссийским показателям, которые на протяжении столетия в европейской части России оставались как 70:30. В производительной сфере наиболее важными показателями являются уровень состояния промышленности и торговли, поскольку поступательное развитие города было возможно только при условии возникновения и совершенствования промышленной и торговой функций, иначе город переживал застой или вообще деградировал. В промышленном производстве городов Удмуртии во всех его формах было занято 14 793 человека, что составляло 39,0 % населения. Торговлей было охвачено с учетом стационарной и периодической сфер 5 536 человек (14,6 %). Сельским хозяйством занимались 1 609 горожан (4,3 %) – выходцев из деревни, которые, обосновавшись в городе, переориентировались на внешлемделельские занятия: приобретали недвижимость, основывали небольшие торговые и промышленные заведения, овладевали какими-либо профессиями. Категория горожан, составляющая 4 631 человек (12,2 %), числилась как "прислуга и поденщики". Эти граждане были тесно связаны с капиталистической эволюцией города, функционируя как резервная армия труда и слой общества, способствовавший организации бытовых условий горожан. Незначительную долю 1 040 человек (2,7 %) составляли рабочие транспорта и связи. В транспортном обслуживании было занято всего лишь 814 человек. Основным средством передвижения в городах Удмуртии являлся извозный транспорт, где была задействована подавляющая часть транспортников – 663 человека. Несмотря на то, что города располагались по судоходным рекам, число обслуживающих водное сообщение в черте городов было незначительным (76 человек), что объяснялось небольшими размерами городов, несостоятельные жители которых передвигались пешим ходом, состоятельные довольствовались конным транспортом, используя как легковых, так и ломовых извозчиков. Железную дорогу, проходившую

только по северной части Удмуртии, через Глазов, обслуживали 55 горожан.

В самостоятельном населении городов в непроизводительной сфере участвовали 8 737 человек (25,8 %). В эту группу входили служащие административных и выборных учреждений – 1 707 человек (4,5 %), служители культа – 992 человека (2,6 %), работники просвещения, медицины, культуры – 1 050 человек (2,8 %), ученые, юристы, лица, жившие доходами с капитала и недвижимого имущества – 1 799 человек (4,8 %), военнослужащие – 679 человек (1,8 %) и "нищие, бродяги, странники, богомолки" и т.д. Непроизводительная сфера не определяет экономический строй общества, но символизирует уровень цивилизации: материальное благополучие людей, состояние их здоровья, уровень просвещения и культурного развития. Наличие категории горожан, имеющих "доходы с капитала и недвижимого имущества, со средств родителей и родственников" (4,8 %), свидетельствует о развитии предпринимательского слоя общества, непосредственно отражавшего концентрацию признаков буржуазного развития города.

Отраслевая структура промышленности в каждом из городов носила однотипный характер. Отличие состояло в большем или меньшем числе горожан, охваченных той или иной отраслью промышленности соответственно уровню ее развития. На общем фоне промышленных занятий (табл. 4) самое большое число горожан было занято пошивом одежды и обуви, значительно меньше – обустройством, ремонтом, содержанием жилья, строительными работами, а также обработкой животных продуктов, волокнистых веществ и дерева. Отсюда следует, что значительную долю в общей занятости населения городов составляли легкая промышленность и сфера услуг. Обработкой металла, изготовлением оптических, хирургических инструментов, транспортных средств было занято незначительное число горожан. В общей картине процентного соотношения отраслевой занятости

Таблица 4*

Занятость городского населения Удмуртии в отдельных отраслях промышленности на 1897 г.

Отрасли	Кол-во рабочих, чел.	Доля рабочих, занятых в промышленности
Обработка волокнистых веществ	541	3,7
Обработка животных продуктов	1 282	8,7
Обработка дерева	777	5,3
Обработка металла	858	5,8
Обработка минеральных веществ	152	1,0
Производство химическое	92	0,6
Винокурение, пиво- и медоварение	393	2,7
Обработка растительных и животных питательных продуктов	946	6,4
Полиграфическое производство	225	1,5
Инструменты: физические, оптические, хирургические	101	0,7
Ювелирное дело, живопись	97	0,6
Изготовление одежды	7 305	49,3
Устройство, ремонт, содержание жилья, строительные работы	1 975	13,4
Производство экипажей, постройка судов	49	0,3
<i>Итого</i>	14 793	100

населения доминировало экономически развитое в крае сарапульское кожевенно-сапожное производство, остальные отрасли были развиты незначительно, в основном ограничивались обслуживанием жителей.

В аспекте национального представительства подавляющее большинство горожан, занятых в промышленном производстве, составляли русские – 97,5 %, на долю удмуртского населения приходилось всего лишь 0,2 %, 1 % составляли татары, а также евреи, еще меньше – представители других национальностей.

Наиболее развитой в городах Удмуртии была легкая промышленность, по своему экономическому уровню до конца XIX в. представлявшая собой мануфактуру и дома-нуфактурные формы производства: ремесло, мелотоварное производство, простую капиталистическую кооперацию. И только

в начале XX в. появилось несколько фабрик, оснащенных паровыми машинами и механизмами. Уровень и динамику эволюции сравнительно развитых предприятий в городе наиболее полно представила статистика в ведомостях за 1884 и 1914 гг.¹⁰⁵ По данным за 1884 г., в четырех городах суммой производств не менее 2 тыс. руб. насчитывалось 51 предприятие, основанное на личном труде. В начале XX в. было зафиксировано 31 предприятие, из которых 11 представляли собой фабрику, оснащенную машинами и механизмами. Развитие капиталистических отношений проявилось в образовании товарищеского капитала, укрупнении производства, оснащении его техникой.

Конкретную картину развития домашно-фабrikурных форм городской промышленности дает анализ социально-профессиональной структуры населения. На протяжении

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. 10: Вятская губерния. С. 192–198, 204–206, 214–216.

второй половины XIX в. профессиональный состав горожан структурно усложнялся и с развитием экономики, а также ростом народонаселения количественно увеличивался: от 2 997 человек в 1863 г. до 6 615 человек в 1895 г., т. е. число мастеров возросло в 2,2 раза. В городах существовало более 72 видов профессиональных занятий¹⁰⁶. Подавляющая их часть была связана с мелкой промышленностью, находящейся на домашней стадии развития, и сферой услуг. К концу XIX в. мелкотоварные производители, ремесленники составляли 17,4 % населения городов. Так, в производстве по обработке металла существовали следующие специальности: кузнецы, лудильщики, медники, оловянщики, литейщики, жестянщики, колоколотейщики, слесари; в производстве по обработке животных продуктов – башмачники, сапожники, скорняки, овчинники, шубники, шапочники, шорники, свечники, кожевники, замшевики, рукавишники, гребенщики; в производстве по обработке растительных и животных продуктов – булочники, калачники, квасники, мясники, уксусники, хлебники, колбасники, кондитеры, пряничники, пирожники; в производствах, связанных с бытовыми услугами – штукатуры, белильщики, красильщики, портные, модистки, фотографы, переплетчики, цирюльники, часовщики, а также кровельщики, сбойщики, пильщики, сплавыщики; в области строительства жилья и ремонта – штукатуры, белильщики, кровельщики, обойщики и т. д., в сфере бытовых услуг – модистки, цирюльники, часовщики, портные и т. д. Рост рабочей силы (в 3,6 раза) наблюдался в строительстве и в сфере услуг (в 2,8 раза), что говорит об улучшении благосостояния и повышении культурного уровня горожан.

Остановимся на распределении функциональной занятости населения в каждом из городов Удмуртии. При определении функционального типа города, как принято в исторической науке, принимается во внимание деятельность жителей, направленная на связь с внешним миром, которая оправ-

дывает бытие города, обеспечивает необходимые ресурсы для его жизни. Деятельность, удовлетворяющая исключительно внутренние потребности горожан, не поднимается до уровня функций: она не обуславливает возникновение города и не объясняет смысл его бытия. Исследователями подсчитано, что процессом градообслуживания, как правило, было занято 8 % горожан, остальные работали на внешнее обслуживание. В качестве количественного показателя различных видов деятельности горожан может быть принято число жителей, их выполняющих¹⁰⁷.

Среди городов Удмуртии к наиболее экономически развитым относился Сарапул. Его доля в общегородском промышленном производстве составляла 74,2 %, остальные города значительно отставали: промышленность Елабуги определялась 16,1 %, Глазова – 5,2 %, Малмыжа – 4,5 %.

Сарапул выступал как город с широко развитой промышленной функцией. Так, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., во всех формах городской промышленности были заняты 21 398 человек (51,6 %), в торговле – 2 569 человек (12 %), прислуга и поденщики, обслуживавшие состоятельный слой общества, составляли 2 446 человек (11,6 %), 828 человек (3,9 %) входили в буржуазный слой общества, живший на доходы с капитала и недвижимого имущества. На долю сельского хозяйства приходилось всего лишь 465 горожан (2,4 %). В области культурного обслуживания было занято 418 человек (1,9 %), культового – 366 человек (1,7 %). Админи-

Сарапул. Начало XIX в.

страция составляла 886 человек (4,1 %). Таким образом, в отраслевой занятости населения превалировала промышленная функция.

В 1884 г. было зафиксировано 34 заведения, каждое с суммой производств не менее 23 тыс. руб., специализирующиеся на обработке растительных и животных питательных продуктов, металла и минералов. Это были небольшие предприятия в основном мануфактурного типа с числом рабочих от 4 до 41 человека. Из них самую большую группу составляли 19 кожевенно-сапожных заведений, которые охватывали более половины жителей города в качестве кадровых, сезонных рабочих, а также надомников. Более крупными объемами производства отличались кожевенные предприятия купцов Ф. П. Барабанщикова (41 рабочий, сумма производств – 179 тыс. руб.) и М. Ф. Барабанщикова (8 рабочих, 53 тыс. руб.), Ф. Г. Пешехонова (21 рабочий, 74 тыс. руб.), И. Д. Пешехонова (16 рабочих, 30 тыс. руб.), В. И. Смагина (11 рабочих, 31 тыс. руб.), А. С. Мошечитина (11 рабочих, 43 тыс. руб.), П. Н. Михеева (11 рабочих, 29 тыс. руб.). Остальные 12 кожевенно-сапожных заведений с числом рабочих от 4 до 6 человек, каждый с суммой производств не более 7 тыс. руб., принадлежали мещанам города.

Пищевая отрасль промышленности представлена винокуренными, водочными и пивоваренными заведениями мануфактурного типа, также принадлежавшими купцам – И. И. Бодалеву и С. Г. Тюнину. Потребности жителей города удовлетворяли свечные, мыловаренные (И. П. Бородин, Д. П. Мошечитин), пряничные (М. А. Овсянников, А. П. Созыкин), солдочное (А. Г. Курбатов), чугунолитейное (Ф. А. Дедюхин), канатное (В. Р. Красильников), красильное (М. Я. Злыгостев), кирпичное (П. М. Мошечитин) предприятия.

В 1914 г. в Сарапуле было зафиксировано всего 23 заведения, однако по своим размерам и формам производства они имели более высокий уровень. Из них восемь были

оснащены паровыми машинами и механизмами. По-прежнему ведущее значение имело кожевенно-сапожное производство, насчитывавшее 11 предприятий, из которых четыре были механизированы. Все они принадлежали корпоративным объединениям, товариществам, созданным сарапульскими купеческими династиями: "Барабанщиков Ник. и племянники. Торговый дом кожевенный завод и фабрика обуви" (285 рабочих, сумма производств 180 тыс. руб.); "Кривцовы бр-я. Товарищество кожевенный завод и фабрика обуви" (140 рабочих, 250 тыс. руб.); "Пешехонов Ф. Г. Н-ки и К" (500 рабочих, 700 тыс. руб.); "Смагин Ник. Вас. С-вья. Торг. дом, кожев. завод и производство обуви" (500 рабочих, 800 тыс. руб.). Остальные семь кожевенно-сапожных заведений представляли собой мануфактуру. В источниках того времени было зафиксировано: "Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви. Во главе производства стоят заводы Барабанщикова, Михеева, Дедюхина и Пешехонова... На заводах происходит, главным образом, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п., большая же часть работы производится ручным трудом, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками"¹⁰⁸

Механизированные предприятия были созданы и в других отраслях промышленности. Товарищество "Н-ки Зылева Н. П. Торговый дом..." владело несколькими предприятиями: маслобойным заводом, химической фабрикой, производящей краску, олифу, масло льняное и конопляное, канатной фабрикой. "Ижевское торг.-пром. товарищество" образовало в Сарапуле винокуренный и ректификационный завод "Первенец № 35" (100 рабочих), водочный завод и фабрику искусственных минеральных вод. И. И. Бодалев основал водяную мельницу с объемом производства 60 тыс. пудов в год. Н. Ф. Жилину и Н. О. Маркову принадлежали кирпичные заводы (25 рабочих, 7 тыс. руб.; 30 рабочих, 6 200 руб.). А. А. Курбатов построил мыловаренный и маслобойный заводы. Товарищество "Ныров Александр

и К^о» владел заводом металлических изделий, изготовлявшим решетки, баки, кровати, железные двери. Легкая промышленность Сарапула обеспечивала продукцией не только жителей города, но была широко представлена и на многочисленных рынках России. Что касается кожевенных фабрик, то выделка кож здесь происходила в больших объемах, однако, по словам владельцев, «сбыт вне губернии не производится, а весь товар перешивается на обувь»¹⁰⁹, чаще на своих же фабриках. Реализация обуви постоянно производилась на Мензелинской, Ирбитской, Нижегородской ярмарках, винно-водочной, пиво- и медоваренной, свечно-сальной продукции – на ярмарках Нижегородской, Пермской, Уфимской, Казанской губерний. Чугунолитейные изделия (котлы, горшки, вышки, решетки, колонны, разная посуда) реализовывались на рынках Пермской, Уфимской, Самарской губерний.

Мелкотоварная и ремесленная промышленность Сарапула в 1863 г. охватывала 2 002 человека, в 1895 г. – 5 089 человек, т. е. число мелких производителей возросло в 2,5 раза¹¹⁰. Самую большую группу составляют мастера, занятые обработкой животных продуктов: в 1863 г. их было 1 227 человек, в 1895 г. стало 3 020 человек, т. е. увеличилось в 2,5 раза. Среди них 1 850 сапожников (на 1895 г.), 814 башмачников, 150 кожевников. Не исключено, что в это число вошли и надомники. В промыслах по обработке металла самую большую группу составляли кузнецы – 128 человек. Специалисты, занятые в приготовлении питательных продуктов, распределялись равномерно: 90 булочников, 69 хлебников, 111 калачников, 78 мясников и колбасников, 56 пряничников. Такая же картина наблюдалась и среди строителей. Горожан обслуживали 148 каменщиков, 188 плотников, 47 печников, 30 маляров, 67 кровельщиков, 70 штукатуров и т. д., обустроивших город, в котором к концу XIX в. резко возросло строительство как каменных, так и деревянных домов. Редким присутствием в провинциальных городах были люди, чья

профессия связана с художественным творчеством. Однако Сарапул по сравнению с другими городами Удмуртии располагал значительно большим представительством творческих профессий. Здесь работало 10 живописцев, 13 «золотильщиков», 24 резчика по дереву, 26 золотых и серебряных дел мастеров, 7 иконописцев, 4 гравера, 4 ковровщика и т. д. Из вышесказанного следует, что преобладающей функцией в экономике Сарапула была промышленная. Широко и в необходимом количестве для удовлетворения нужд горожан была представлена сфера услуг. Отдельные отрасли промышленности активно работали на внешнее обслуживание, вывозя продукцию на широкий общероссийский рынок.

Елабуга – второй после Сарапула город по уровню развитости производительной сферы. Структурное ранжирование отраслевой занятости населения города, исходя из данных переписи 1897 г., показывает, что наибольшее число жителей было занято в промышленности, что составляло 2 298 человек (23,5 %). Однако следует заметить, что охват ее населения был napоловину меньше, чем в Сарапуле. Самый высокий показатель отраслевой занятости горожан Елабуги при сравнении с другими городами составляла торговля – 1 835 человек

Елабуга. Комплекс гостиного двора.
Построен на пожертвования купцов
И. И. Стахеева и Д. И. Стахеева.
Начало XX в.

Из книги «Древняя Елабуга». Елабуга, 2000

(18,8 %) и такая категория горожан, как "прислуга и поденщики", – 1 504 человека (15,4 %), что объясняется присутствием здесь наиболее богатых, первопильдейских, купцов с их крупнейшими апартаментами. Наличие крупного монастыря и многочисленных храмов определяло более высокий процент горожан, занятых в культовом обслуживании, – 500 человек (5,1 %). Администрация составляла 363 человека (3,7 %).

В 1884 г. здесь насчитывалось 9 промышленных заведений, специализировавшихся на обработке животных питательных продуктов и металла, мануфактурного или мелкотоварного типа с числом рабочих от 2 до 21 человека, в основном принадлежавших купеческому сословию. Они предоставляли рабочие места около 150 горожанам. Купчиха Г. Массажутова имела мыловаренное производство (7 рабочих, 53 тыс. руб.); купец В. В. Бусыгин – пряничное (6 рабочих, 9 тыс. руб.) и свечно-сальное (2 рабочих, 5 тыс. руб.). В городе было 4 пряничных заведений, принадлежавших купцам: В. В. Бусыгину (6 рабочих, 9 тыс. руб.), А. К. Баутину (6 рабочих, 9 тыс. руб.), И. А. Пестереву (6 рабочих, 3 тыс. руб.), И. И. Епанешникову (3 рабочих, 2 тыс. руб.). И только свечно-сальным заведением (2 рабочих, 3 тыс. руб.) владел мещанин И. П. Коченов. Единственная в городе фирма "Стахеев В. Г. Сыновья. Т-во" также принадлежала купцам, имела пивоваренное предприятие (21 рабочий, 25 тыс. руб.). Собственностью купца Д. А. Шишкина было хорошо известное в регионе колоколотейное заведение (4 рабочих, 2 тыс. руб.), унаследованное от отца.

В 1914 г. в Елабуге насчитывалось 8 предприятий, т. е. на одно меньше, чем в 1884 г. Однако они превосходили прежние заведения своими размерами и техническими характеристиками. Так, Торгово-промышленное товарищество под фирмой "Ф. П. Гирбасов с с-ми и К^о" имело 2 крупчатки и 2 мельницы. Основной капитал составлял 55 тыс. руб., запасной – 29 900 руб., число рабочих – более 20 че-

ловек. Предприятия были оснащены одним нефтяным двигателем в 50 л. с., имелось 3 постава, 7 паровых вальцов. Модернизировали свое производство и купцы Стахеевы. Так, товарищество "Стахеев В. Г. Н-ки" оборудовало пиво- и медоваренный завод № 4 паровым двигателем в 8 л. с. Основной капитал составлял 150 тыс. руб., число рабочих превышало 50 человек. В городе функционировали также два кожевенных завода С. И. Кисарева и К. Ф. Соловьева, мыловаренный завод товарищества "Баутина А. К. н-ки и Видинеев В. И." Заведения по изготовлению кондитерских и мучных изделий (макароны, пряники), зафиксированные в 80-е гг., по-видимому, были настолько небольшими, что не вошли в ведомостную статистику.

Крупные предприятия работали на внешний рынок, мелкие – удовлетворяли потребности жителей города. Продукция вино-водочных, пиво- и медоваренных заводов сбывалась на рынках Вятской, Уфимской, Пермской, Симбирской, Казанской губерний, воско-свечных – на ярмарках Мензелинска, Бугульмы, Елабуги и Каракулина. Фирма купцов Гирбасовых имела свои склады по реализации товара в Елабуге, Челнах, Вандовке, Нижнем Новгороде, Рыбинске. Таким образом, в Елабуге развитие промышленности набирало силу, однако по масштабам и темпам ассоциирования капитала значительно отставало от Сарапула.

Специалисты, охваченные мелкотоварной и ремесленной формой производства, как в количественном, так и в профессиональном отношении распределялись равномерно, как это диктовал местный потребительский рынок. Самое большое число горожан было занято в сфере обслуживания города: изготовлении одежды (28,0 %), обустройстве, ремонте, содержании жилья (22,0 %), обработке питательных продуктов (10,5 %). Значительная часть населения работала на удовлетворение потребности жителей своего города. В 1895 г. Елабугу обслуживали 1 050 мастеров (в 5 раз меньше, чем в Сарапуле), из них: 54 кузнеца,

Глазов. Преображенская улица. XIX в.
Из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

40 сапожников, 20 шорников. Питательными продуктами город обеспечивали 16 булочников, 55 хлебников, 31 мясник; самую большую группу среди специалистов составляли модистки – 80 человек, обслуживавшие светскую элиту, а также портные – 40 человек и строители: 83 плотника, 48 каменщиков, 67 маляров, 42 печника, 40 кровельщиков, 33 штукатура, 33 белильщика и т. д. Елабуга, как и Сарапул, славилась красотой своих особняков, общественных зданий, соборов. Однако живописцы здесь (на 1895 г.) не прижились, по-видимому, их "выписывали" из других городов. Художественными промыслами занимались 4 золотильщика, 6 золотых и серебряных дел мастеров, 3 иконописца, 3 ковровщицы. Таким образом, жители Елабуги, как и многих подобных городов, были заняты в сферах обеспечения сбалансированной жизнедеятельности своего города. И только незначительная часть небольших заводов работала на российский рынок.

В Глазове в системе отраслевой занятости горожан, по данным переписи 1897 г., ведущее место занимали промышленность – 775 человек (22 %) и торговля – 574 человека (16,4 %). В земледелии по сравнению с числом занятых в этой сфере в других городах был задействован самый большой процент работоспособного населения – 237 человек (6,8 %), в администрации – 281 человек (8,0 %). На поприще культурной дея-

тельности работали 149 человек (4,2 %), культурного обслуживания – 73 человека (2,8 %).

В Глазове в 1884 г. функционировали такие же мелкие предприятия, как и в других городах Удмуртии в этот период. Статистиками было зафиксировано 7 небольших заведений, из которых 6 принадлежали купцам: пряничное – А. П. Яговкина и В. Н. Платунова (по 3 рабочих, сумма производств 6 тыс. руб.; 4 тыс. руб.); два водочных – П. Д. Васильева (2 и 6 рабочих, сумма производств на последнем 13 тыс. руб.); кожевенное А. П. Яговкина (10 рабочих, 35 тыс. руб.); кирпичное – М. П. Шутова (5 рабочих, 2 тыс. руб.) и мыловаренное инженера-техника И. П. Кузьмина.

К началу XX в. промышленность Глазова сократилась и при этом не шагнула выше домануфактурных форм. В 1914 г. статистика фиксирует только одно заведение – мыловаренное А. А. Бровцына (сумма производств 30 тыс. руб.). В плане абсолютных показателей промышленность в городе была развита слабо: преобладающая часть специалистов (70 %) были заняты в сфере обслуживания жителей города.

Мелкотоварным и ремесленным производством были охвачены 259 человек (1895 г.). В сфере общественного питания трудились 20 калачников, 12 булочников, 11 хлебников и 12 мясников. Обувным промыслом были охвачены 18 сапожников и 18 башмачников. Глазовчан обслуживали 15

Глазов. Базарная площадь. Начало XX в.
Фото из личного фонда А. В. Новикова (ЦГА УР)

портных и 6 модисток. В строительных работах также было занято незначительное число мастеров: 15 плотников, 8 каменщиков, 6 печников, 2 маляра, 3 штукатура, 3 белильщика, 3 красильщика и т. д. На заказ работал 21 кузнец. К сожалению, по данным за 1895 г., в Глазове отсутствовали специалисты, чья работа была связана с художественным оформлением предмета: золотильщики, живописцы, резчики по дереву и т. д. Таким образом, промышленность Глазова в основном носила потребительский характер.

В Малмыже, как и в других городах, значительную долю составляла производственная деятельность. При раскладке отраслевой структуры занятости горожан самое большое число жителей (21,6 %) было охвачено промышленностью, обслуживавшей население. Из общей массы людей, занятых в промыслах, – 70 % составляли специалисты по изготовлению одежды, ремонту жилья, обработке растительных и животных питательных продуктов. Торговля охватывала 17,6 % жителей. Земледелием занималось 5,6 % населения.

В 1884 г. в Малмыже работало одно кожевенное предприятие, принадлежавшее купцу М. Ф. Опарину (2 рабочих, 3 тыс. руб.). Однако к 1914 г. промышленность начала оживать, возникли новые предприятия: товарищество "Торговый дом. Н-ки... И. В. Александрова", владевшее фабрикой соломенно-оберточной бумаги и картона с числом

рабочих 80 человек, суммой производств 85 тыс. руб., оснащенной паровым двигателем; паровая мельница, принадлежавшая Н. И. Стукову, перемалывавшая в год 175 тыс. пудов муки. Представленный материал позволяет отнести Малмыж и Глазов к городам смешанного типа, так как население более равномерно было занято в различных сферах материального производства и в непродовольственных отраслях, отсутствовала господствующая функция.

Довольно существенная для развития города функция – торговая. Города Удмуртии, расположенные на пересечении речных и сухопутных транспортных путей, стали эпицентрами товарообмена в крае. Вокруг них складывались торговые районы, связанные сетью дорог с выходом на пристани Вятки, Камы, Чепцы, Сибирский тракт, станции Пермско-Котласской железной дороги. Сарапул и Елабуга становятся торговыми центрами всего среднего Прикамья. Городской рынок представлял собой совокупность различных сфер торговли: стационарной (лавки, магазины, конторы и т. д.); периодической (ярмарки, торжки, базары); развозно-разносной (коробейники, прасолы и т. д.). В стационарной сфере городов были заняты 5 456 человек. Развозно-разносной торговлей был охвачен 151 горожанин. Периодическая сфера рынка количественному анализу не подвергалась, практически в ней принимало участие почти все население края. Рынок был посредником, где происхо-

Ижевск. Базарная улица. Начало XX в.
Фото из личного фонда О. В. Северюкова (ЦГА УР)

дила купля-продажа населением сельскохозяйственной и промышленной продукции. Выявляется два потока товарной продукции: вывоз на крупнейшие рынки страны местной промышленной и сельскохозяйственной продукции и ввоз промышленных изделий и колониальных товаров, которые с узловых складочных пунктов распределялись по собственным стационарного типа заведениям или же продавались владельцам магазинов, мелких лавочек, погребков, трактиров.

Наиболее активно население городов участвовало в периодической сфере рынка. Базары и ярмарки функционировали во всех четырех городах. Торжки работали в Сарапуле и Елабуге. В торговые дни со всех концов сюда стекалось многонациональное население округа. Яркую картину базарного дня в Елабуге воссоздал известный писатель, "купеческий сын", в юном возрасте постоянный участник различного рода торгов И. Д. Стахеев: "...воскресный день, но трудящийся люд, "сеятель и хранитель" русской земли, уже тащился из ближайших деревень на тощих лошаденках в город с тяжелыми возами муки, гороху, ячменя и прочих продуктов сельского хозяйства. Некоторые пешком шли, увешанные решетками, кадочками, жбанами, ведрами и веялками, добром, нужным для хозяйства и добытым работящими, мозолистыми руками, в поте лица"

Среди городских ярмарок самой крупной была Спасская ярмарка, длившаяся шесть дней в Елабуге. Так, в 1883 г. сюда было завезено товаров на 400 тыс. руб., а продано на 71 100 руб. (20 %). По описанию очевидцев: "Сырые кожи, пенка, лен, все хлебные продукты, семя льняное и конопляное, свежая рыба, частично сало и масло, деревянные изделия, лошади, рогатый скот и мясные изделия свозились обывателями окрестных селений Елабужского, Мензелинского, Бугульминского уездов". Географический ареал участников ярмарки был довольно широким. Привозного товара было много. Материя, сукна, бакалейный товар, чай, сахар, кубовая краска доставлялись

из Москвы и как "не реализованный на месте товар с ярмарок Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской" "Выделанный кожевенный товар" (сапоги, башмаки) привозился из Сарапула и Москвы, рукавицы и конская сбруя – из с. Богородского Чистопольского уезда. Крупчатка поступала из Казани, Мензелинской и Бугульминской ярмарок, соль – преимущественно из Перми, рыба, малосольная и сухая, завозилась из Казани и Уральска, табак – из Казани, Нижегородской, Мензелинской и Бугульминской ярмарок. С первых двух ярмарок поставлялись также железные изделия, сало, масло. На Спасской ярмарке в Елабуге скупались не менее 62 % привезенного товара¹¹

В Глазове ежегодно проходили две ярмарки: Успенская (с 17 августа в течение недели) и Никольская (с 5 по 10 декабря). Никольская ярмарка была наиболее типичной для удмуртского края. Так, в 1885 г. на ней принимало участие 150 торговцев. Всего было привезено товаров на сумму 50 700 руб., а сбыто на сумму 21 500 руб., т. е. реализовано 42 % всех товаров. Отличительная особенность глазовских ярмарок – преобладающее участие удмуртского населения. Здесь наиболее успешно производилась торговля льном: весь привезенный на ярмарку в 1885 г. лен на сумму 8 тыс. руб. был реализован. Выращивание льна в Глазовском уезде, как отмечается в делопроизводственной документации, происходило "в размерах более или менее значительных". Остальные виды товаров, доставленные на ярмарку, представлялись следующим образом:

Товар	Стоимость товара, тыс. руб.	Кол-во реализованного товара, тыс. руб.
Пушной	8	4
Шубный	4	2
Кожевенный	8	2,5
Мануфактурный	1,7	3
Галантерейный	18	1
Мелкие изделия	3	1

Из приведенных данных видно, что товары, мануфактурные и галантерейные, привезенные купцами с Нижегородской ярмарки и Вятки, являлись для крестьян "предметами роскоши", "довольства" и сбывались в меньших объемах, чем товары местного происхождения, необходимые в быту. Взаимодействие в условиях рынка различных слоев населения: купцов, крестьян, мещан – отразили уездные власти, давая сведения для отчета губернатору на 1870 г. Так, по сообщению исправника, "купцы г. Глазова производили торговлю рожью, ржаной мукой, пшеницей, ячменем, овсом, ячневой крупой, льном, льняным семенем, салом, кожами рогатого скота. Торговля этими предметами занимает деятельность торгового сословия в высшей степени, оборот по производству оной простирается примерно на сумму до 200 тыс. руб. Из мехов (лисы, куньи), щетины на сумму до 8 тыс. руб." "Все эти товары, – читаем в отчете, – купцы покупали из первых рук от привозящих в г. Глазов для вольной продажи крестьян Глазовского и соседственных с ним уездов и частью в других местах"¹¹²

В данном случае купечество комплексно использовало все сферы торгового рынка, приобретая товар на базарах, торжках, ярмарках через своих агентов-скупщиков, формируя его как оптовый и сбывая более крупным предпринимателям, а также, создавая

сеть стационарных пунктов торговли, продавало его по более высоким ценам, получая доход за счет разницы цен закупаемого и реализуемого товара. Купечество, используя периодическую и стационарную форму торговли в Глазове и Глазовском уезде, торговало

"чаем, сахаром, кофе, табаком, металлическими и галантерейными изделиями, железными, медными и чугунными поделками, шерстяными и бумажными товарами, виноградными винами, различными фруктами, пряностями и разными съестными припасами, как то: крупчаткой-мукой, рыбой, рыбной икрой и др."¹¹³

Подобная картина описывается относительно сарапульских предпринимателей: "Сарапульское купечество и торгующее мещанство занимаются преимущественно закупом на рынках в городе и уезде от местных производителей хлебных припасов, разного рода льняного семени, льна, пеньки, щетины, сырых кож и сала" Форма реализации оптового груза была идентична глазовскому сбыту: "Рожь, мука и хлебные произведения частью сбываются в низовые города на баржах, часть этих произведений покупались в г. Сарапуле чердынскими торговцами" В то же время "мануфактурные, галантерейные, бакалейные и колонияльные товары, чай, сахар, виноградные вина и проч. купечество приобретает в гг. Москве, Казани, на Нижегородской и Мензелинской ярмарках... Торговля с каждым годом постепенно усиливается"¹¹⁴

По данным источника, "капиталы крупных торговцев обращаются не в г. Елабуге или его уезде, а в больших центральных пунктах России – каковы столицы и города Казань, Нижний Новгород и прочее, а также и в Сибири". В самой Елабуге и уезде "торговля вообще незначительна", т. е. здесь периодическая и стационарная сфера рынка, как и в других городах, служит товаро-

Халиуллах Гатиатуллин,
нижегородский купец второй
гильдии
Фото из личного фонда
Г. М. Кутузова (ЦГА УР)

С. Я. Чигвинцев,
нижегородский купец второй
гильдии
ЦГА УР

обмену местного, в основном крестьянского, населения. Аналогичные функции выполнял городской рынок в Малмыже. Купцы занимались "закупкой хлебов, особенно овса, который закупается в г. Малмыже и тут же погружается в баржи и сплавляется в низовые города или в Рыбинск"¹¹⁵

Удовлетворение нужд населения промышленными товарами происходило и через стационарную сферу рынка (лавки, магазины, биржи, оптовые склады). Материалы всеобщей переписи населения 1897 г. зафиксировали сложившуюся в торговле специализацию по видам товаров: металлические изделия, машины, оружие (89 человек), живой скот (58 человек), зерновые продукты (584 человека), остальные продукты сельского хозяйства (2 664 человека), строительные материалы, топливо (183 человека), предметы домашнего обихода (68 человек), ткани и аксессуары одежды (617 человек), кожи, меха (124 человека), предметы роскоши, науки, искусства, культа (15 человек). Итак, товары первой необходимости составляют основной объект внимания покупателей, что является типичной чертой провинциальных городов. В "торговле питейной" было занято 423 человека, а в обслуживании трактиров, клубов, мебелированных гостиных – 409 человек. Таким образом, показатели развития стационарной сферы рынка говорят о слабой покупательной способности населения городов, занятого заботами о хлебе насущном. Аграрная направленность экономики объясняет и самую большую занятость горожан в торговле продуктами сельского хозяйства – 3 306 человек.

Сельскохозяйственная специализация региона наложила свой отпечаток и на стационарную торговую сеть, развив наиболее активную роль владельцев контор. Города являлись центрами отлаженной, регулярной массовой закупки зерна. Формирование оптовой продукции происходило через владельческие конторы. В Елабуге действовало 6 закупочных контор: елабужского купца второй гильдии Е. Е. Емельянова, купившая 113 500 пудов зерна, горо-

ха, льняного семени, елабужского первой гильдии купца Д. И. Стахеева, заготовившая 53 300 пудов зерна, семени, елабужского первой гильдии купца И. Г. Стахеева, заготовившая 115 900 пудов зерна, гречи, льна, елабужского второй гильдии купца В. И. Шабалина, заготовившая 7 тыс. пудов зерна, елабужского второй гильдии купца А. В. Шабалина, заготовившая 62 500 пудов зерна, елабужского второй гильдии купца П. А. Вавилова, заготовившая 10 800 пудов зерна.

В Малмыже функционировало 6 владельцев контор, в числе которых конторы малмыжских купцов братьев Батуевых, закупившие 55 тыс. пудов зерна, контора второй гильдии купца А. П. Кунаева, купившая 55 тыс. пудов зерна, второй гильдии купца А. А. Волкова, купившая 28 тыс. пудов зерна, второй гильдии купца Е. С. Брюхачева, купившая 19 тыс. пудов зерна, и елабужского первой гильдии купца Стахеева, купившая 72 тыс. пудов зерна.

В Глазове функционировало 5 контор, скупавших в Глазовском уезде рожь, ячмень, пшеницу, овес, муку, льняное семя. Владельцами контор были в основном купцы. Так, в 1882 г. конторы принадлежали ярославским купцам первой гильдии Пастуховым, на складах которых находилось 48 774 пуда зерна, глазовскому второй гильдии купцу Я. И. Столбову, купившему 42 тыс. пудов, глазовской купчихе второй гильдии А. Н. Поповой, купившей 7 869 пудов зерна и льна, слободскому первой гильдии купцу П. Г. Ончукову, купившему 33 тыс. пудов зерна, и, наконец, единственная контора, которая принадлежала крестьянину слободского уезда М. И. Столбову, купившему 17 550 пудов зерна и льняного семени.

В Сарапуле было три владельческие конторы по купке хлеба, принадлежавшие сарапульскому второй гильдии купцу П. Н. Дедюхину, купившему 56 400 пудов зерна, крупы, льняного семени, сарапульскому второй гильдии купцу А. Т. Шитову, купившему 140 100 пудов зерна, перм-

У. С. Курбатов

Курбатов Устин Саввич, сарапульский, а позднее нижегородский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, почетный гражданин г. Сарапула; крупный торговец. Отличался щедрой благотворительностью.

скому первой гильдии купцу И. А. Дедюхи-ну, купившему 78 тыс. пудов зерна и льняного семени.

Примером активного использования купечеством периодической и стационарной сферы рынка является торгово-предпринимательская деятельность известного в Поволжье малмыжского второй гильдии купца И. А. Ирисова. Он специализировался на покупке сельскохозяйственной продукции: зерна, льна, шерсти, кожсырья. Льнопродукция скупалась у крестьян "с домов", на базарах, торжках, ярмарках, затем она группировалась по сортам, спрессовывалась в тюки и направлялась на предприятия. Вышедшие сорта льна поступали на Муромскую фабрику, средние шли на Лодзинскую, низкие сорта (куделя) доставлялись на Екатерининскую мукомольную фабрику – для мешковины. Шерсть поступала на Кукморскую пимокатную фабрику. Кожсырье увозилось в Казань на фабрику Агафонова, а также в Германию. Коммерческие операции-сделки с разными фирмами заключались на биржах крупных ярмарок – Нижегородской и Казанской. И. А. Ирисов не пропускал возможности быть в кругу деловых людей, был хорошо информированным предпринимателем. Известно, что приезжая на ярмарки в Нижний, он останавливался в Оглоблинских номерах, а в Казани – в Никольской гостинице. И. А. Ирисов имел свои торговые заведения как купец второй гильдии в пределах Малмыжского уезда. Он возглавлял семейный клан, в предпринимательской деятельности участвовали его

родственники, ближние и дальние. Магазин в Новом Мултане в качестве приказчика обслуживал племянник Ивана Антоновича – И. Е. Ирисов. Поставщиком бакалейных товаров для лавок И. А. Ирисова была казанская Одинцовская кондитерская фабрика. Из Казани и Нижнего Новгорода привозили ткани, обувь, посуду и т. д. Как опытный торговец И. А. Ирисов вез товар с учетом запросов разных слоев населения. Бархат, батист, шелк, изысканная обувь предназначались для состоятельной городской и сельской элиты. Сапоги, добротные башмаки, цветастые ситцы, сатин, полушалки, кумач предназначались для крестьянской публики. Особенно бойко шла торговля в воскресные дни и по престольным праздникам, у Ирисовых были постоянные стационарные точки торговли и на базарных площадях¹⁶

В каждом уездном городе в пореформенный период за сравнительно короткий промежуток времени, как грибы, выросли неповторимые, оригинальные по своей архитектуре жилые купеческие дома, административные учреждения, здания храмов и т. д. – памятники каменного и деревянного зодчества. Школы, гимназии, училища, приюты, площади, а также водопроводы, электрическое освещение – все это было создано при активном участии всех слоев общества, особенно купечества, и органов городского самоуправления. Значительное оживление в культурной жизни городов,

И. А. Ирисов (справа)
Фото из личного архива
А. И. Андреевой

Ирисов Иван Антонович, малмыжский купец второй гильдии. Активный участник благотворительных акций. Внес пожертвования на создание Новомултанской восточной учительской семинарии и земской школы, Салтинской земской больницы.

особенно провинциальных, наступило после великих реформ, с образованием органов местного самоуправления: земства и городской думы.

Таким образом, к концу XIX в. в Удмуртии, как и в других регионах, исторически сосуществовали города различных функциональных типов. Сарапул по своей функциональной направленности сложился как промышленный город, относившийся по численности населения к средним городам России. Елабуга сформировалась как торгово-промышленный город, где преобладало число населения, занятого в оптовой и розничной торговле и промышленности. Города Глазов и Малмыж были смешанного типа, носили multifunctional характер, выполняли административные, экономические, культурные задачи без превалирования какой-либо из них.

Ссылки на литературу и источники

¹ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 53.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 86–89.

³ Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 4.

⁴ Вахрушев А. Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне // Очерки истории XIX века. Ижевск, 1996. С. 143–144.

⁵ Ливенко Н. П. Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 20.

⁶ См. подробнее: Александров А. А. Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 82–140.

⁷ Соловьев А. А. Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Чебоксары, 2000. С. 17.

⁸ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 58.

⁹ Там же. С. 57–58.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Мартынова М. М. Указ. соч. С. 9–10.

¹² Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 182.

¹³ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 74.

¹⁴ Качоревский К. Русская община. М., 1906. С. 258; МСВГ: Сарапульский уезд. Вятка, 1892. Т. 7. С. 19–21, 22; ЦГА УР, ф. 236, оп. 1, д. 590.

¹⁵ Смыков Ю. И. Указ. соч. С. 79.

¹⁶ Зеленин Д. Русская соха, ее история и виды // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 г. Вятка, 1908. Разд. 4. С. 48.

¹⁷ МСВГ. Т. 7. Ч. 1. С. 94.

¹⁸ См. подробнее: Волкова Л. А. Крестьянские орудия труда в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 158–179.

¹⁹ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 58.

²⁰ Садаков М. А. Развитие товарно-денежных отношений в удмуртской деревне в период империализма // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 142–143.

²¹ Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX – до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. С. 168.

²² См.: Крохалева Ф. С. О системах земледелия: Исторический очерк. М., 1960. С. 18.

²³ МСВГ. Т. 12. С. 222, 236.

²⁴ Вахрушев А. Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время... С. 147.

²⁵ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. С. 119.

²⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1955. Т. 13. С. 144, 107.

²⁷ ГАО, ф. 716, оп. 1, д. 83, л. 20–21.

²⁸ Вахрушев А. Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время... С. 146.

²⁹ ГАО, ф. 108, оп. 2, д. 152, л. 42–43.

³⁰ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992. С. 93; Он же. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 64.

³¹ Луковников Н. Г. Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии // Записки УдНИИ. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 110, 111.

³² Указ. соч. С. 178–179.

³³ Луковников Н. Г. Указ. соч. С. 106.

³⁴ Там же. С. 107.

³⁵ См. об этом подробнее: Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России...

- ³⁶ Вятские губернские ведомости. 1865. № 33. С. 67.
- ³⁷ Более подробно см.: *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма. Ижевск, 1991. С. 22–28.
- ³⁸ *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 153–154.
- ³⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 865, л. 262, 269.
- ⁴⁰ *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 61–64.
- ⁴¹ *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 249.
- ⁴² Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. с добавлением по 1 января 1872 г. СПб., 1872. С. 33.
- ⁴³ *Тарновский К. Н.* Указ. соч. С. 5.
- ⁴⁴ Там же. С. 4.
- ⁴⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 389, л. 84.
- ⁴⁶ Календарь Вятской губернии на 1883 г. Вятка, 1883. С. 27; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1261, л. 64.
- ⁴⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 388–389, 391, 394.
- ⁴⁸ ГАКО, ф. 582, оп. 836, д. 139, л. 863.
- ⁴⁹ ГАКО, ф. 616, оп. 2, л. 19.
- ⁵⁰ Более подробно см.: *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма. Ижевск, 1991. С. 52–110.
- ⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 350.
- ⁵² Подробнее см.: *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в конце XIX – начале XX века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 57–70.
- ⁵³ *Романов Н. Н.* Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 215; Каталог Вятского кустарного отдела на Казанской научно-промышленной выставке. Вятка, 1890. С. 4.
- ⁵⁴ ГАКО, ф. 582, 836, д. 139, л. 865.
- ⁵⁵ Каталог Вятского кустарного отдела на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. Вятка, 1890; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1065, 1228; ф. 574, оп. 2, д. 116; ф. 616, оп. 1, д. 949, 1142; оп. 4, д. 15, 20, 77.
- ⁵⁶ Отчеты и исследования по кустарной промышленности. СПб., 1895. Т. 11. С. 124; ГАКО, ф. 616, оп. 4, д. 77, л. 37а.
- ⁵⁷ Более подробно см.: *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность... С. 118–128.
- ⁵⁸ Там же. С. 133–140.
- ⁵⁹ Там же. С. 128–133.
- ⁶⁰ Обзор Вятской губернии за 1912 год. Вятка, 1913. С. 33.
- ⁶¹ Более подробно см.: *Пугаева Н. П.* [Лигенко Н. П.]. Развитие промышленности Удмуртии в период капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Устинов, 1986. С. 59–84.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43.
- ⁶⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.
- ⁶⁵ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43.
- ⁶⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.
- ⁶⁸ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.
- ⁶⁹ РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43.
- ⁷⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 981.
- ⁷¹ Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.
- ⁷² Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград, 1914.
- ⁷³ Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и вел. кн. Финляндским. СПб., 1881. С. 179; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград, 1914.
- ⁷⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 108; д. 1193; д. 1014; РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43; Указатель фабрик и заводов Европейской России... СПб., 1881; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград, 1914.
- ⁷⁵ *Александров А. А.* Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 107–108.
- ⁷⁶ *Фомичев А.* Ижевская сталь. Ижевск, 1977. С. 38–41.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Александров А. А.* Состояние техники и инженерно-технических кадров на Ижевском и Воткинском заводах.
- ⁷⁹ Там же. С. 191.
- ⁸⁰ *Александров А. А.* Указ. соч. С. 216.
- ⁸¹ Там же. С. 202.
- ⁸² Там же. С. 206.
- ⁸³ Там же. С. 216–217.
- ⁸⁴ *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 2. С. 922–923.
- ⁸⁵ *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии... С. 23–25.
- ⁸⁶ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1904. С. 131–221; Памятная книжка Вятской губернии. Календарь на 1903 г. Вятка, 1902. С. 107–140.
- ⁸⁷ *Садиков М. А.* Развитие товарно-денежных отношений в удмуртской деревне в период империализма // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Ижевск, 1981. С. 150–156.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 92.
- ⁹⁰ Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 11. Ч. 2. Раздел 2. С. 63–80.
- ⁹¹ См. подробнее: *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии... С. 90–175.
- ⁹² Там же. С. 81–86.

⁹³ Там же. С. 87–88.

⁹⁴ Там же. С. 87–88.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Первая всеобщая перепись населения 1897 г. СПб., 1904. Т. 10. С. 2.

⁹⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 288.

⁹⁹ Первая всеобщая перепись... С. 4.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 154.

¹⁰² Гавлин И. Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // Исторические записки. М., 1973. С. 336–355.

¹⁰³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 321–326.

¹⁰⁴ Первая всеобщая перепись населения... С. 7.

¹⁰⁵ Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-

заводской статистики / П. А. Орлов. СПб., 1887; Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Кандауров и сын. Петроград, 1914.

¹⁰⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 74; оп. 2, д. 201.

¹⁰⁷ Миронов Б. Н. Русский город во второй половине XVIII – первой половине XIX века // История СССР. 1988. № 5. С. 150–168.

¹⁰⁸ Искра. 1902. 15 янв. С. 142–143.

¹⁰⁹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1193, л. 112–128.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 616.

¹¹² ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 343, л. 56.

¹¹³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 343, л. 57.

¹¹⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 343, л. 63.

¹¹⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 465, л. 75.

¹¹⁶ Искра. 1902. 15 янв. С. 142–143; Андреева А. И. Шапай Иван – удмуртский купец // Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск, 1996. С. 287–290.

Транспорт и торговля

Транспортная система Удмуртии

Густота транспортной сети, транспортная инфраструктура, степень ее развитости зависят от многих факторов: физико-географических условий конкретного региона, размещения производства, плотности и характера занятий населения. Территория Удмуртии, расположенная в Камско-Вятском междуречье, имела разветвленную речную сеть, которая в плане возможности судоходства с начала XIX в. была составной частью Волго-Балтийского – Северо-Двинского водного сообщения. Эти водные системы были связаны между собой каналами, дававшими судам возможность переходить из одного бассейна в другой. Таким образом, грузы с территории Удмуртии могли перемещаться по Волго-Балтийскому пути к Каспийскому морю, Центрально-промышленному району и к Балтийским портам, а по Северо-Двинскому – к Белому морю. Естественная водно-транспортная сеть, представленная Камско-Вятским бассейном, была тесно связана с грунтовыми дорогами, которые обеспечивали не только внутренние перевозки, но и играли заметную роль в межобластном товарообмене. Благодаря водным системам и сухопутным путям, Удмуртия была интегрирована в транспортную инфраструктуру Европейской России и Урала. Развитию торговых, промышленных и

культурных связей Удмуртии с другими регионами препятствовала сезонность транспортных возможностей путей сообщения – замерзание рек, распутицы, снежные зимы. Примитивность средств транспорта была другим фактором, препятствовавшим установлению более широких связей. Перемещение даже небольших партий грузов посредством гужа и сплава требовали огромных трудовых затрат.

Процесс становления буржуазных, рыночных отношений в российской экономике, промышленный переворот привели к увеличению товарности внутреннего рынка, росту объемов перевозок. Изменившаяся обстановка требовала перестройки транспортной системы, усовершенствования средств транспорта. Однако модернизация транспортной системы Удмуртии сталкивалась с рядом трудностей: большая площадь территории, низкая плотность населения и разбросанность населенных пунктов; низкий уровень урбанизации; относительно слабое развитие предпринимательства в крестьянской среде; удаленность от центральных районов и морских портов страны при первоначальном состоянии путей сообщения. Преодоление этих трудностей требовало огромных капиталовложений. Названные проблемы определили особенности и темпы перестройки транспортной системы Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.

Речной транспорт в России всегда выступал важнейшим элементом транспортных коммуникаций. Он обеспечивал связь между различными областями страны, между производителем и рынком. Оказывал непосредственное влияние на степень товарности местного рынка и интенсивность развития того или иного района. Благодаря разветвленной гидрографии России, речной транспорт обеспечивал перевозку грузов на большие расстояния, являясь самым экономичным, дешевым видом транспорта. Значительную роль он играл в Камско-Вятском регионе. Удаленность от центральных рынков и морских портов, отсутствие вплоть до конца XIX в. железных дорог определили

его исключительно важное место в транспортной структуре Удмуртии. Камский бассейн обеспечивал выход товарной продукции на внешний рынок, замыкал на себе многие производственные и торговые циклы.

Реки Удмуртии по возможности несли транспортные нагрузки делились на судоходные и сплавные. Судоходными, т. е. способными проводить пароходы и сплавные суда большой грузоподъемности, были Кама и Вятка (Чепца только в устье). К сплавным, т. е. способным проводить только сплавные суда средней и малой грузоподъемности, относилось большинство рек Удмуртии. Это притоки Камы – Сива (с Воткой и Шарканкой), Иж, Большая Сарапулка, Тойма. Притоки Вятки – Кильмезь (с притоками Валой, Лумпуном, Лобанью), Чепца (с притоками Лекмой, Лозой). Каждая из названных рек имела десятки малых притоков – рек и речушек, которые в силу своей маловодности не несли транспортных нагрузок. Непосредственное воздействие на типы, мощность и грузоподъемность судов Камского бассейна оказывали уровень водности рек, их транспортные возможности. Эти же обстоятельства обусловили сохранение сплава на реках Удмуртии и в начале XX в.

Физико-географические особенности Приуралья, характер рек региона повлияли на создание специфических типов речных судов. Различные источники фиксируют следующие виды сплавных судов: ладьи, подчалки, бархоты, баржи (грузоподъемностью от 40 до 100 тыс. пудов) – для р. Камы; барки, полубарки, коломенки, беляны, гусьны (грузоподъемностью 10–30 тыс. пудов) – для р. Камы и среднего течения Вятки; шитики, расшивы, тихвинки, каюки (грузоподъемностью от 3 до 10 тыс. пудов) – для работы при мелководье и на малых сплавных реках; баркасы, лодки (грузоподъемностью от нескольких сот до 2 тыс. пудов) – для самого сильного мелководья и перевозки небольших объемов грузов¹.

Источники, фиксирующие количество построенных сплавных судов в 60–80-х гг. XIX в. на Каме и Вятке, показывают, что

наиболее распространенными из них были баржи, коломенки, барки – до 50 % из числа вновь построенных судов². Вследствие дешевизны леса в Вятской губернии и высокой стоимости обратной транспортировки большие суда-ладьи, подчалки, беляны, как правило, продавались в конечных пунктах прибытия на дрова; якоря и снасти отправлялись обратно гужом, а зимой развозились по всем пристаням. Средняя стоимость судов составляла 700–1 500 руб., а при продаже на дрова за них выручали не более 10 %. Остальные 90 % раскладывались на стоимости товара или включались в величину фрахта³.

Одним из распространенных видов сплава в Камско-Вятском бассейне был сплав плотов. Удобство сплава лесных материалов по системе рек Камы, а затем в Волгу привел к тому, что в XIX – начале XX в. Вятская губерния стала основным поставщиком леса в Поволжье (более 60 % объема) и занимала одно из первых мест в России по продаже леса. Причем вырубка и сплав леса постоянно возрастали. К концу XIX в. из губернии ежегодно в среднем сплавлялось более 600 тыс. куб. саженой бревен и около 15 тыс. куб. саженой дров. Так, к весне 1900 г. было вырублено и заготовлено к отправке по Каме, Вятке, Чепце, Кильмези около 100 тыс. бревен и 10 тыс. куб. саженой дров, сотни тысяч досок. В навигацию 1900 г. было отправлено по р. Вятке 1 219 плотов. Большое количество леса шло на постройку судов в пределах края, например, на одну барку или беляну нужно было до 400 бревен. Многие сплавные суда в связи с дешевизной вятского леса строились специально для продажи в Поволжье⁴.

Пиломатериал (брус, доски), как правило, перевозился на белянах, барках, насадах. На судно помещалось 70–90 тыс. досок или 500 куб. саженой дров. Лес-кругляк, вырубавшийся в основном в зимнее время по берегам рек, в период весеннего подъема воды сплавлялся на небольших плотках по Вятке, Чепце, Кильмези, Уве, Вале, Нылге или россыпью по малым рекам до их устья.

Самой большой лесной пристанью была пристань "Кильмезское Устье". Здесь концентрировалось огромное количество лесоматериалов и деревянных изделий крестьянских промыслов. В устьях рек бревна (до 1,5 тыс.) перегружались на однорядные или двухрядные плоты. Во второй половине XIX в. на плотках перевозили и грузы, в основном это были дрова, сено, рогожи, кули, кудель и т. п.⁵

Таким образом, характер рек Камско-Вятского бассейна определил тот набор судоходных качеств, которые были необходимы судам для плавания по этим рекам. Способы передвижения сплавных судов по Каме были самыми различными – под парусом, греблей, завозом (подачей), бурлацкой тягой. До появления пароходов сплав грузов вниз по течению осуществлялся на судах средней грузоподъемности под парусами. При отсутствии попутного ветра, а также вверх по течению суда велись бечевой бурлаками. При таком способе передвижения снасть (бечева) свыше 400 м в длину крепилась к мачте судна, а бурлацкие лямки привязывались к концу снасти. Кожаные бурлацкие лямки, надетые через плечи на грудь, тянули по берегу бурлаки. На 1 тыс. пудов груза полагалось от 2 до 6 человек в зависимости от тяжести условий сплава. Крупные сплавные суда (ладья, подчалок), применявшиеся на Каме в основном для перевозки соли и железа, сплавлялись греблей и завозом. Ладьи не имели ни мачт, ни парусов, движением судна управлял лоцман. Сплав таких огромных судов осуществлялся с помощью лодки-завозни, поэтому бурлаки трудились на борту судна. В лодку-завозню, в которой находились якорь (до 20 пудов весом) и снасти более 1 200 м в длину, садились бурлаки и кормщик. После этого лодка отправлялась к берегу – "в поле". Когда снасть кончалась, якорь бросался в реку. Бурлаки на ладье привязывались к бечеве лямкой и, упираясь в лямку грудью, а ногами в палубу, шли от носа к корме, продвигая таким образом ладью вверх по реке. Дохо-

да до кормы, бурлаки перевязывались и продолжали работу. Выработанную снасть вновь укладывали в завозно, поднимали якорь, и процедура продолжалась вновь. Общее количество бурлаков на ладье достигало 120 человек⁸.

Весь бурлацкий рейс от начала до места прибытия назывался путиной. Путины подразделялись на дальние (около 3 месяцев) и короткие (около 1 месяца). Бурлак мог осуществить за лето 1–2 дальние путины или 3–4 короткие. Бурлаков в тот период называли «нижними» или «верхними». «Нижние» обслуживали Волгу от Рыбинска до Астрахани и Каму. «Верхние» – верховья Волги выше Рыбинска. Абсолютное большинство вятских бурлаков относились к «нижним». Во второй половине XIX в. количество лиц, занятых нелегким бурлацким промыслом, неуклонно снижается, что было напрямую связано с успехами пароходства. Так, в период с начала 70-х до начала 90-х гг. XIX в. количество отходников из Удмуртии, занятых бурлачеством, сократилось с 2 717 человек до 1 720 человек, т. е. на 40 %. Эта тенденция продолжала оставаться устойчивой и в последующее время⁹.

Вторая половина XIX в. связана с важнейшим событием в истории водного транспорта – его технической реконструкцией. Этот процесс повлек за собой распространение новых средств транспорта – пароходов, перестройку организации транспортного хозяйства, создание транспортного машиностроения, а также имел широкие социальные последствия. Так, 180-сильный паракорд мог транспортировать до 236 тыс. пудов, 120-сильный – до 150 тыс. пудов, 80-сильный – до 118 тыс. пудов груза. Следовательно, грузоподъемность даже малосильного паракорда оказывалась в 1,5 раза выше самых мощных сплавных судов – подчалков и барж. Средний паракорд мог буксировать груз, для сплава которого понадобилось бы более 300 бурлаков. Скорость доставки грузов паровым транспортом увеличилась в среднем в 4 раза, а перевозка груза обходилась в 1,5–2 раза дешевле⁸.

Регулярное движение пароходов по Каме, как и появление собственно камских пароходств, относится к середине 40-х гг. XIX в. В 1846 г. возникает «Пермское пароходное общество». В 1849 г. открывается пароходство пермского купца И. Любимова, впоследствии положившее начало крупнейшему на Каме пароходству «Любимов и К». В числе пионеров камского пароходства стоят фамилии предпринимателей М. С. и И. С. Колчиных, Саваж и др. По данным Н. Н. Блинова, сарапульские купцы Татаринов и М. С. Колчин строят в 1840 г. первый на Каме кабестанный паракорд для поставки хлеба на нужды армии. При первом же рейсе у паракора сломался шкивный вал. Механических заводов на Волге тогда не было, и, пока заменяли вал, прошло 1,5 месяца. Подряд был сорван, купцы понесли убытки, кабестан был конфискован. Татаринов, владевший тремя паракорами на Волге, вскоре отходит от дел. Один из паракоров («Вера») в конце 40-х гг. он продает М. С. Колчину, впоследствии организовавшему свое пароходство, область деятельности которого распространилась на Волгу и Иртыш. В 1857 г. брат М. С. Колчина, Иван Саввич, также открыл свое пароходство. Позже М. С. и И. С. Колчины перевели свое дело и главную контору пароходства в Нижний Новгород. С 1857 г. И. С. Колчин стал почетным гражданином Сарапула⁹.

Одним из первых пароходовладельцев на Каме был служащий конторы Воткинского завода Саваж. Поняв выгоду транспортировки грузов паракорами, он совместно с управляющим канцелярией горного начальника Севостьяновым организует собственное пароходство. В 1849–1850 гг. им принадлежало два паракора, занимавшихся транспортировкой казенного железа по Каме. В начале 50-х гг. пароходство прекратило свое существование, паракоры были проданы. Впоследствии казенный Камско-Воткинский завод создает свою пароходную базу. В конце XIX в. ему принадлежали пять паракоров («Вулкан», «Перекат», «Воткинский завод», «Шаркан», «Стрела»), а также

баркасы и около 20 барж. Эти суда доставляли в Усть-Речку лесоматериалы и дрова с многочисленных камских участков, чугуна и другие грузы из Перми. Заводской речной флот транспортировал не только заводские грузы, но и брал подряды на перевозку частных. Свой пароход имел и Ижевский завод. Этот небольшой по мощности пароход был построен Воткинским заводом в 1892 г. специально для транспортировки дров по Ижевскому пруду к заводской лесопилке¹⁰.

Большую роль в развитии пароходства в регионе сыграл уроженец Сарапула У. С. Курбатов, самостоятельная купеческая деятельность которого пришлась на начало 60-х гг. Позднее он перевел свое дело в Нижний Новгород, организовав там свое пароходство и создав механический завод, производивший пароходы. За большую благотворительную деятельность в 1879 г. У. С. Курбатову присвоено звание почетного гражданина Сарапула. После его смерти в 1885 г. его пароходство и огромные капиталы перешли к наследнице О. П. Карповой. Свои пароходы имели и другие крупные сарапульские купцы-оптовики — А. Т. Шитов ("Сарапул"), П. Ф. Корешев ("Юноша"). К 1912 г. в Сарапуле зарегистрировано 8 пароходных предприятий. Одним из центров камского пароходства становится Елабуга. В 50–70-е гг. там возникают пароходства купцов Вяхирева ("Елабуга"), Ваулина ("Русский", "Полтава"), А. П. Землянова ("Крылья", "Крым", "Друг", "Ялта"), А. П. Гирбасова ("Русский"), владельцев торговых домов Елабужского уезда Стахеевых ("Веста"), Ушковых ("Химик")¹¹.

В мае 1855 г. по р. Вятке прошел первый пароход пермского купца И. Любимова — "Любимый". Затем р. Вятка обслуживалась исключительно пароходами вятских судовладельцев. Первое вятское пароходство возникло в 1861 г., когда вятские купцы Куклин, Столбов и орловский купец Чудинов создали пароходное товарищество, состоящее из двух пароходов — "Вятка" и "Орлов". В течение 60–80-х гг. образуются

и начинают действовать крупнейшие вятские пароходства Ф. Т. и Т. Ф. Булычевых, В. В. Александрова, И. М. Стойлова, Я. Ф. Тырышкина, Н. Н. и Д. Д. Якимовых, А. А. Казенина¹².

В первые десятилетия большинство пароходов по своему назначению были буксирными или буксирно-пассажирскими. Преобладание буксирных пароходов объясняется не только потребностями перевозки большого количества грузов, но и имеет ряд других причин. Большинство рек Камского бассейна мелководны, поэтому начальная операция транспортировки грузов осуществлялась посредством сплава. Попадая на судоходные реки, сплавные суда отправлялись дальше за буксирным пароходом, который буксировал сразу несколько непаровых судов. Это облегчало провозную операцию, избавляя от необходимости перегрузки грузов.

Потребность в пассажирских перевозках на начальных стадиях развития пароходства удовлетворялась при помощи буксирно-пассажирских пароходов. Этот тип пароходов осуществлял перевозку пассажиров на своей палубе, при этом мог буксировать за собой грузы. Только при достаточном развитии пароходства появляются пароходы, специализированные на перевозке пассажиров. Такой путь развития пароходства прослеживается на Волге, Каме, Вятке. Первые пассажирские пароходы были одноэтажными, и пассажирские помещения располагались в трюмах. Во второй половине 70-х гг. картина изменилась: пароходы стали двухэтажными (американского типа) грузоподъемностью от 80 до 100 человек, были обеспечены электричеством и отапливались мазутом. В весенне-осенний период пассажирские пароходы осуществляли абсолютное большинство дальних пассажирских перевозок в регионе. К концу XIX в. только в пределах Вятской губернии ежегодно перевозилось более 80 тыс. пассажиров. Пассажирские перевозки по Каме и Вятке в конце XIX — начале XX в. осуществляли пароходства следующих предпринимателей

Вятской губернии: Т. Ф. Булычева (Вятка – Казань), Д. Д. Якимова (Казань – Елабуга – Уфа), Я. В. Якимовой (Казань – Елабуга – Уфа), наследников И. А. Александрова (Казань – пристань “Медведок”), Я. Ф. Тырышкина (Вятка – Казань). Камские пристани обслуживали в основном волжские и пермские пароходства. Это “Почтово-пассажирское пароходство Ф. и Т. братья Каменские”, “Иван Любимов и К”, пароходное общество “Дружина”, пароходства М. К. Кашиной, Г. Г. Надымова и др. Все эти пароходства имели свои конторы и пристани практически во всех крупных камских населенных пунктах¹³. С развитием пароходства почтовые перевозки в период навигации осуществлялись исключительно пароходами.

Величина фрахта давала существенные колебания в зависимости от водности рек, урожайности, спроса на хлеб на внутреннем и зарубежном рынке. Так, на протяжении 60–80-х гг. XIX в. за доставку хлеба с Камы до Рыбинска брали 10–14 коп. с пуда. Если средний пароход вел за собой 100–150 тыс. пудов, то за фрахт пароходовладелец мог получить около 10–15 тыс. руб. В годы хорошей воды с Вятки до Казани пароходы успевали сделать по 6 рейсов за навигацию, где сдавали свои баржи волжским пароходовладельцам. В годы хороших урожаев (1863, 1868) провозная цена более чем удваивалась и поднималась до 24–28 коп. Пользуясь своим исключительным положением, судовладельцы удваивали доходы¹⁴.

Основным организатором парового судостроения в крае выступало купечество. Купцы-оптовики, владельцы заводов использовали средства речного транспорта для вывоза своих грузов, чтобы нести меньшие расходы на транспортировку. Большая начальная стоимость пароходов и крупных сплавных судов, необходимость приобретения торгового свидетельства первой гильдии препятствовали проникновению в сферу пароходовладельцев крестьян и мещан. Обобщенные статистические материалы по Вятской губернии за 1870 г. определяют количество судовладельцев в 181 человек

(без Уржумского и Нолинского уездов). Из них только 26 человек были владельцами судов, остальные – собственниками лодок, средняя грузоподъемность которых составляла 20–50 пудов¹⁵. Из общего числа судовладельцев 130 были жителями Елабуги и Елабужского уезда. Особенностью организации пароходства в Удмуртии являлось и то, что пароходства сохраняли частный, семейный характер. Пароходства имели форму полных товариществ, когда двое или более лиц объединяли свои капиталы (паи) или организовывались как частные пароходные предприятия. Такие предприятия, как правило, принимали название “пароходство”. Таким образом, пароходства выступали как элемент единого комплексного хозяйства удмуртских предпринимателей.

В середине XIX в. оборот товарной массы, перевозимой речным транспортом, достиг внушительных масштабов. В 1850 г. по системе Вятки и Камы прошло 923 судна и 1 279 плотов с грузом, общая стоимость которых определялась в 458 830 руб. Благодаря успехам экономического развития в пореформенное время, а также совершенствованию средств транспорта, грузопоток на р. Вятке с 1866 г. по 1900 г. вырос в 3,5 раза и достиг 8 млн. 518 тыс. пудов. За этот период грузопоток на р. Каме увеличился в 2,5 раза, достигая 45 млн. 559 тыс. пудов. В целом с 1856 г. по 1905 г. грузооборот рр. Вятки и Камы возрос в 8,5 раза. Возраставший поток грузов по рекам бассейна требовал увеличения подвижного состава речного флота. К концу XIX в., по данным за 1899 г., на р. Каме в пределах Вятской губернии грузилось 2 518 судов, а разгружалось 3 386, на р. Вятке грузилось – 1 487 судов и 1 580 плотов, а разгружалось 1 080 и 1 031 соответственно. Количество грузившихся и разгружавшихся судов на р. Вятке с 1867 г. по 1900 г. возросло со 173 до 1 386, а на р. Каме с 1 317 до 3 748¹⁶. Значительное увеличение товарного потока подтверждается данными стоимости вывозимой продукции. В 1855 г. ценность грузов, вывезенных из Вятской губернии, составля-

ла 1 млн. 837 тыс. руб., в 1870 г. – 2 млн. 212 тыс. 550 руб., а в 1900 г. – 10 млн. 285 тыс. руб.¹⁷

Неотъемлемой частью речного транспортного хозяйства являлись пристани. Они были не только местом, где строились и обслуживались суда и пароходы, но и являлись пунктами, в которых аккумулировалась большая часть товарной массы, ориентированной на вывоз. В период навигации сюда поступала значительная часть промышленного сырья, а также промышленные товары, предназначенные для дальнейшей реализации на внутреннем рынке Удмуртии. Следовательно, пристани являлись важным элементом хозяйственной региональной структуры. Во второй половине XIX – начале XX в. большинство пристаней имело определенную специализацию по составу грузов. Она зависела от наличия сырьевых ресурсов или потребности в них, специализации производства, развития крестьянских промыслов и др. Учитывая фактор специализации, на территории Удмуртии можно выделить три основные группы пристаней.

Первая группа – пристани, аккумулировавшие продукцию сельскохозяйственного производства, крестьянских промыслов, лесоматериалы и ориентировавшиеся в основном на вывоз. Эти пристани возникали в небольших населенных пунктах или в устье малой реки, куда прибывали небольшие объемы грузов для дальнейшей транспортировки. Среди пристаней этой группы имелись такие, к которым термин пристань можно применять достаточно условно, так как они предназначались исключительно для отправки грузов и их приемки на одном-двух судах в весеннее время. На такой пристани стояли один или два амбара, обычно деревянных, и постройка для судорабочих. Такие пристани чаще всего устраивались частными лицами для отправки своих грузов. Сельскохозяйственные грузы, как правило, свозились зимой и сразу загружались в стоящее на берегу сплавное судно. Весной, в период половодья, оно

отправлялось в пункт назначения. К пристаням этой группы можно отнести "Варзинскую", "Ижевскую", "Камбарскую", "Усть-Ижевскую", "Быргындинскую", "Чегандинскую", "Чепецкую". Были пристани, специализировавшиеся исключительно на отправке лесных материалов – "Усть-Кильмезская", "Усть-Люгинская".

Вторая группа – пристани, находившиеся в крупных населенных пунктах сельского типа и в городах. На них концентрировались грузы смешанного характера, т. е. продукция сельскохозяйственного и промышленного производства. На этих пристанях мощный грузопоток шел в обоих направлениях – как на вывоз, так и на ввоз. Как правило, эти пристани возникали на пересечении водных и сухопутных путей сообщения и в силу выгодности своего положения являлись торговыми центрами близлежащих территорий. Это все городские пристани – "Глазовская", "Сарапульская", "Елабужская", "Малмыжская", а также "Каракулинская", "Пьяный Бор", "Горки", "Вятские Поляны".

Третья группа – пристани, обслуживающие заводское производство, железнодорожное, химическое, т. е. принимавшие в основном промышленное сырье и вывозившие готовую продукцию. Они возникали на сплавных, судоходных реках, в местах, удобных для обслуживания крупного производства. В Удмуртии к таким пристаням относились – "Гольянская" (Ижевский завод), "Усть-Речкинская", "Галево" (Камско-Вотлинский завод). Последняя с 1896 г. в связи с появлением железнодорожной ветки от завода до самой пристани становится основной заводской пристанью на Каме. В 1895 г. между заводом и пристанью действовало телефонное сообщение. К этой группе пристаней можно отнести: "Усть-Омутнинскую" (Омутнинский завод), "Усть-Пудемскую" (Пудемский завод), "Ижское Устье" (Кокшанский завод).

Грузооборот крупнейших пристаней во второй половине XIX – начале XX в. неуклонно возрастает. Крупнейшими пристанями

Удмуртии, грузооборот которых к концу XIX в. превышал 1 млн. пудов грузов, были камские пристани: "Сарапульская" "Караулинская", "Елабужская" (потребительские товары и хлебные грузы), "Гольянская", "Усть-Речкинская", "Галево" (промышленное сырье и продукция заводов).

К концу XIX в. лидирующее положение среди общей массы грузов, вывозимых с пристаней Вятской губернии, занимали лесные материалы – 9 млн. 507 тыс. 602 пуда на 1 млн. 571 тыс. 147 руб. и хлебные грузы – 17 млн. 333 тыс. 103 пуда на 1 млн. 19 тыс. 624 руб., а также продукция химической промышленности – 1 млн. 488 тыс. 526 пудов на 1 млн. 327 тыс. 481 руб., металл и металлоизделия – 858 тыс. 899 пудов на 1 млн. 37 тыс. 765 руб. Из ввозимых товаров преобладали бакалейные – 147 816 пудов на 150 тыс. 401 руб., хлебная продукция – 103 тыс. 800 пудов на 79 тыс. 387 руб., овчина и кожа – 50 тыс. 96 пудов на 66 тыс. 388 руб.¹⁸

Анализ источников и историографической базы по судоходству в Камско-Вятском бассейне позволяет определить этапы технической перестройки речного транспорта в Камском бассейне, расширить представления о содержании этих этапов.

Первый этап – 40-е – конец 70-х гг. XIX в. – характеризуется началом регулярного движения пароходов по Каме, возникновением собственно камских пароходств (середина 40-х гг. XIX в.). К началу 60-х гг. пароходство распространяется на все судоходные притоки Камы, в частности, на рр. Белую, Вятку. Тот факт, что 96 % всех доставленных грузов в верховья Камы и 85 % всех камских грузов перемещались в 60-е гг. за пароходами, свидетельствует о том, что суда на Каме вытесняли мускульные средства передвижения (бурлацкую и конную тягу). Количество бурлаков в Вятской губернии сокращается с 23 тыс. в 50-е гг. до 17 тыс. в 70-е гг. XIX в. К концу 70-х гг. в Вятской губернии насчитывалось более 1,5 тыс. человек, занятых на паровом речном транспорте. На Волге за 1851–1861 гг. число

пароходов увеличилось с 30 до 247, или в 8 раз, на Каме – с 11 до 45, т. е. в 4 раза. Такая несколько замедленная динамика на Каме объясняется тем, что значительную часть грузов перевозили волжские пароходства. За последующие 30 лет с 1861 г. по 1890 г. общее число камских пароходов выросло в 5 раз – с 45 до 276.

Помимо роста числа паровых и непаровых судов, важным свидетельством начавшегося технического перевооружения на речном транспорте явилось создание собственной базы транспортного машиностроения. Одним из первых и крупнейших центров отечественного пароходостроения становится Урал. На Урале паровые суда производили заводы Перми, Кунгура, Екатеринбурга, Воткинска. Только Камско-Воткинским заводом за период 1847–1887 гг. было построено около ста различных судов, к 1917 г. – более 400 паровых и не паровых судов. В начале XX в. Воткинский завод производил в среднем 7 речных судов в год. Номенклатура изделий была самой разнообразной – буксирные и пассажирские пароходы, морские шхуны, баркасы, баржи, плашкоуты, шаланды, дебаркадеры и землечерпалки. Из 55 пароходов, приписанных в 1885 г. к Пермской пристани, 41 был построен в цехах уральских заводов. Из 30 пароходов Вятской губернии, место постройки которых удалось обнаружить, только 2 построены за границей¹⁹ Таким образом, особенностью парового флота Камского бассейна было абсолютное преобладание пароходов отечественного производства с первых шагов его организации. Потребности в машинных судах фактически полностью обеспечивались созданной в середине XIX в. собственной базой транспортного машиностроения.

Второй этап – 1880–1890-е гг. – период интенсификации процесса технической реконструкции на речном транспорте Камского бассейна. В эти годы в 3 раза увеличивается число пароходов на Каме и Вятке, продолжается их техническое совершенствование. В 1885 г. к Камской дистанции

было приписано 146 пароходов – 11 % всего парового флота страны, а через пять лет их было уже 276. Дальнейшее развитие получает железное (стальное) судостроение. Из металла строятся не только пароходы, но и буксируемые суда – баржи, которые служили 40–50 лет и имели большую легкость корпуса, что позволяло увеличивать полезную загрузку судна. В 80–90-е гг. XIX в. для топки паровых котлов стали использовать мазут, тогда как до этого времени котлы пароходов топились преимущественно дровами. В конце XIX – начале XX в. паровые котлы стали постепенно заменяться паровыми турбинами и двигателями Дизеля. Так появились теплоходы. Увеличился уровень комфортности пассажирских перевозок. Отмечаются сдвиги в социальных группах, организующих и обслуживающих речной транспорт, особенно выраженным становится процесс централизации перевозок и капиталов в руках небольшой части наиболее удачливых предпринимателей.

Третий этап – первые десятилетия 1900-х гг. – характеризуется дальнейшим совершенствованием средств речного транспорта, что существенно повлияло на изменение структуры занятости и требований к квалификации судорабочих. В начале XX в. в пределах Вятской губернии наблюдается резкое сокращение судорабочих, до 4 тыс. человек, занятых сплавом, а количество лиц, работающих на паровом транспорте, превысило 3 тыс. человек. В четырех уездах Удмуртии в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. паровой транспорт обслуживали 357 человек. К этому числу следует отнести категорию лоцманов и матросов, или, как их по-прежнему называли, водоливов барж, поскольку в этот период они трудятся “за пароходами”. С учетом этой категории общее количество судовых рабочих на паровом транспорте Удмуртии составляло 446 человек, т. е. равнялось 39 % от общего числа тех, кто считал судовые работы основным промыслом. Таким образом, во второй половине XIX в. начинается форми-

рование отряда транспортных рабочих, для которых обслуживание пароходов становится основным профессиональным занятием. Для работы на пароходах применялся только свободный найм. Судовых рабочих на паровом транспорте принято условно подразделять на две команды – нижнюю, или машинную, и верхнюю. В состав верхней команды, кроме матросов, входили капитаны, их помощники, лоцманы, штурвальные. В состав нижней команды – машинисты, их помощники, масленщики. Команда каждого парохода, его штат включала все названные специальности и в зависимости от его мощности состояла из 10–25 человек. Помимо лиц, служивших на пароходах, на каждой барже полагалось иметь в среднем двух матросов²⁰. Несмотря на успехи, достигнутые в развитии парового флота, гидрологические условия водных путей Удмуртии – мелководье притоков Камы и Вятки, неразвитость сухопутных путей сообщения – способствовали сохранению сплава на малых реках Удмуртии вплоть до начала XX в., что предопределило существование сплавного (деревянного) судостроения и бурлачества.

Возросшая конкуренция, дальнейшая централизация перевозок, экономические кризисы рубежа веков приводят к появлению первых промышленно-финансовых объединений монополистического типа и на речном транспорте региона. Так, с 1900 г. все пароходы по р. Вятке стали ходить под одним флагом, после того как три вятских пароходоладельца – Булычев, Александров, Тырышкин – объединились в конвенцию “Булычев”. С 1902 г. это объединение стало выступать под названием “Товарищество Вятско-Волжское пароходство” с основным капиталом в 3 млн. руб. На Каме возникло два крупных монополистических объединения – пермских пароходоладельцев Любимова и объединившихся фирм Каменских и Мешкова. В 1905 г. начал свою деятельность крупнейший в Прикамье торговый дом “И. Г. Стахеев” с основным капиталом в 7 млн. руб. В состав торгового

дома вошли члены семьи елабужского купца-миллионера И. Г. Стахеева. Торговый дом вел не только обширную торговлю хлебом, мануфактурным товаром, нефтепродуктами на многие миллионы рублей, но и имел в своем распоряжении пароходы, баржи, железнодорожные вагоны специального назначения, пристани и склады, что значительно облегчало проведение широкомасштабных торговых операций²¹

С проведением железных дорог по территории Удмуртии распространенным явлением становится заключение соглашений о прямом грузовом и пассажирском сообщении, а также о передаче грузов. Соглашения заключались между правлениями пароходных компаний и железных дорог. Этот факт является прямым свидетельством складывания единой индустриально-транспортной системы в регионе.

Гужевой транспорт. В Удмуртии до конца XIX в. гужевой транспорт являлся единственным и основным видом сухопутного транспорта. Гужевой транспорт в зависимости от сезона подразделялся на колесный и санный (полосовой), по своему назначению – грузовой и легковой (пассажирский). К полосовым средствам передвижения относились дровни, розвальни, салазки, выездные сани (кошевки). К колесным средствам передвижения – телеги, четырехколесные иногда двухколесные. В зажиточных хозяйствах имелись облегченные экипажи – тарантасы. Для выполнения хозяйственных работ во все времена года применялись волокуши – бесколесные повозки. Огромное влияние на осуществление деятельности гужевым транспортом оказывало состояние сухопутных путей сообщения – грунтовых дорог. Их плотность, конфигурация, благоустройство влияли на активность хозяйственных и культурных связей между различными регионами, степень вовлеченности в товарный оборот того или иного района. Особое значение гужевого транспорта определялось тем, что в отличие от сезонного речного он действовал круглый год за исключением периода весенне-осен-

них распутиц, когда всякое движение из-за непролазной грязи прекращалось.

Важнейшая роль среди гужевых дорог принадлежала трактам. Трактами в России назывались улучшенные грунтовые дороги, соединяющие важные населенные пункты. По своему значению тракты делились на почтовые, коммерческие и земские. Тракты, содержащиеся на средства губернских или уездных земств, подразделялись соответственно на губернские и уездные. Проселочные дороги исправлялись и содержались только за счет натуральной повинности местного населения.

Трастовая система Удмуртии, ее основные направления оформились в первой половине XIX в. Важнейшими из них были три тракта губернского значения. Вятско-Пермский протяженностью 159 верст проходил по северу Удмуртии (Елово – Глазов – Балезино – Дебесы). Вятско-Уфимский протяженностью 170 верст охватывал юг Удмуртии (Малмыж – Вятские Поляны – Умяк – Елабуга). Сибирский тракт протяженностью 325 верст пересекал регион по диагонали, соединяя Уфимский и Пермский тракты, а также такие крупные села, как Кильмезь, Сюмси, Селты, Зура, Дебесы. Они содержались за счет губернского земства и назывались почтовыми. Среди названных трактов главенствующее значение принадлежало Сибирскому. Именно по нему в XVIII – первой половине XIX в. осуществлялись транспортировка товарных грузов из европейской части России в Сибирь и обратно, перевозка пассажиров и государственной почты, этапирование арестантов. Только в 1860 г. по Сибирскому тракту было перевезено до 20 тыс. пассажиров, 3 млн. пудов различных грузов и проследовало 18 тыс. осужденных²². Таким образом, Сибирский тракт являлся основной транзитной магистралью региона и оказывал огромное влияние на торговую жизнь прилегающих территорий Удмуртии. Но с установлением постоянного пароходного сообщения во второй половине XIX в. его значение неуклонно снижается. К концу XIX в. он превращается

в обыкновенный тракт, грузооборот по которому приблизительно равнялся 500 тыс. пудов. Селты являлись местом разделения товарных потоков, идущих по Сибирскому тракту.

Для соединения между собой уездных городов, крупных промышленных и торговых центров прокладывались земские почтовые тракты, находящиеся на балансе уездных земств: Елабужско-Воткинский протяженностью 163,7 версты (Елабуга – Сарапул – Воткинский завод); Сарапул – Ижевск протяженностью 84,5 версты (Сарапул – Гольяны – Завьялово – Ижевский завод). В 50–70-е гг. тракты от Глазова до Ижевского завода и от Глазова до Воткинского завода имели статус земских почтовых, затем они теряют свое значение и переходят в разряд проселочных дорог²³.

Указом 1817 г. были утверждены правила об устройстве почтовых трактов. Для ряда губерний, в том числе и Вятской, под дорогу отводилась полоса в 30 сажень. Из них под проезжую часть – 8–10 сажень, под канавы (кюветы) и придорожные береговые аллеи для защиты от снежных заносов по 5 сажень с каждой стороны. Во второй половине XIX в. вдоль трактов появились первые признаки новых коммуникаций индустриальной эпохи – телеграфные столбы. Почтовые тракты должны были иметь верстовые столбы, указатели населенных пунктов, почтовые станции (постоялые двory). Последние находились на расстоянии 20–25 верст и располагались, как правило, в крупных селениях. Станции имели одинаковые фасады и были местом отдыха пассажиров, нахождения ямщиков. При них содержались лошади для ямской гоньбы, здесь же принималась почта²⁴. С пассажиров взималась плата по 3–4 коп. за версту на одну лошадь. В пределах Удмуртии в 1900 г. на Вятско-Уфимском тракте имелось 11 почтовых станций, Сибирском – 17, Елабужско-Воткинском – 13, тракт Сарапул – Ижевск обслуживали 3 почтовые станции.

Другую категорию грунтовых дорог составляли уездные тракты. Уездные земские собрания присваивали важным для торго-

вого сообщения дорогам статус коммерческих трактов, и их брали на содержание за счет своих средств. Наиболее значимым из них был Нолинско-Глазовский тракт протяженностью 50 верст. Он соединял Пермский и Казанский тракты, давал возможность транспортировки гужом всей товарной массы северо-восточной части Удмуртии как на р. Вятку к пристани "Медведской", так и к Глазову для дальнейшей отправки по Пермской железной дороге. Общее количество пудов достигало к концу XIX в. 900 тыс. пудов, для их перевозки требовалось около 40 тыс. подвод.

Сарапульско-Каракулинский уездный тракт протяженностью 42 версты являлся подъездным путем для 40 селений, соединял крупнейшие торговые центры и пристани Среднего Прикамья – Сарапул и Каракулино. Общий грузопоток между ними к концу XIX в. составлял 450–500 тыс. пудов. Для перевозки этих грузов требовалось до 20 тыс. подвод. В течение года по тракту в обоих направлениях провозилось свыше 410 тыс. пудов хлебных грузов, из них к Каракулинской пристани – 260 тыс. пудов. Значение с. Каракулина определялось тем, что здесь находились 53 торговые лавки, была лесная пристань, где покупался строевой лес. Широко была развита поденная работа на реке, в которой принимало участие свыше 1 200 человек, 900 человек были заняты ткачеством кулей для хлебных грузов.

Немаловажное значение имели и так называемые проселки – проселочные дороги. Именно они сотнями нитей связывали между собой многочисленные деревни и села, давали кратчайший выход к трактам, пристаням, станциям железных дорог. Наиболее значимой была проселочная дорога (Шарканский проселок) протяженностью 85 верст: Воткинский завод – с. Шаркан – с. Дебесы. Проселок давал прямой выход на Сибирский тракт и к Пермской железной дороге. По нему в конце XIX в. завод отправлял к железной дороге по 140 тыс. пудов чугуна и железа, в обратном направлении везли потребитель-

ские товары, около 9 тыс. подвод были заняты на подвозке леса и дров²⁵

По своему техническому состоянию дороги подразделялись на дороги с твердым покрытием (шоссе), улучшенные грунтовые и обычные грунтовые. К концу XIX в. точно определить общую протяженность всех типов дорог не представляется возможным как по причине частого изменения их статуса, технического состояния, так и потому, что измерить все существовавшие проселки было делом дорогим и сложным. По данным земств, к концу XIX в. общая протяженность всех типов дорог в четырех уездах превышала 7 тыс. верст, из которых примерно 1 320 верст относились к трактам различных категорий. Абсолютное большинство этих дорог находилось в первоизданном состоянии, поскольку только чуть более 60 верст из них было замощено и сплошь шошировано. Самым протяженным участком являлась замощенная дорога в 30 верст от пристани «Тихие Горы» к Кокшанскому заводу, которая была сооружена и содержалась за счет средств владельцев «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова»²⁶

На содержание дорог расходовались, казалось бы, внушительные средства. Так, в 1895 г. Вятское земство истратило на содержание губернских дорог 148 тыс. 430 руб. В том числе по Глазовскому уезду – 13 794 руб., Елабужскому – 5 705 руб., Малмыжскому – 18 480 руб., Сарапульскому – 9 995 руб. В 1898 г. губернским земством было ассигновано 273 тыс. руб., а уездными – около 42 тыс. руб.²⁷ Но, учитывая расстояния и нагрузку, которую несли дороги, этих средств было явно недостаточно. Содержание проселочных дорог целиком ложилось на плечи крестьян, их состояние поддерживалось натуральной повинностью местного населения. Для объективности следует отметить, что работа по улучшению трактов давала крестьянам и дополнительные заработки. Крестьянские артели численностью от 5 до 20 человек, работая на заготовке песка и камня, разбивке камня в щебень,

получали в конце XIX в. по 12 руб. за куб.²⁸ Состояние дорог и качество выполнения ремонтных работ находилось под контролем членов земских управ, техников и дорожных смотрителей.

Гужевого транспорт обеспечивали перевозку огромной массы грузов на многие миллионы рублей. В 1895 г. только сухопутно из Вятской губернии было вывезено 1 млн. 500 тыс. пудов сельскохозяйственной продукции. Перевозки этих грузов в основном осуществляли крестьяне-отходники. Огромное количество отходников привлекали промыслы, которые можно назвать подсобными в деле обеспечения торговли, лесного сплава и судоходства – извоз, бурлачество, заготовка и сплав леса, погрузочно-разгрузочные работы. Сухопутную транспортировку гужом обеспечивали извозчики. В конце XIX в. в Сарапульском, Малмыжском, Елабужском уездах на каждые 100 дворов приходилось 160–170 лошадей, а в Глазовском – 240²⁹ Обеспеченность лошадьми давала возможность крестьянам не только успешно заниматься сельским хозяйством, но и иметь дополнительные заработки при занятии неземледельческими промыслами – извозом. Чем больше было в хозяйстве лошадей, тем выше был заработок. Популярность извоза среди крестьян, помимо чисто экономических причин, была связана и с сезонным удобством, поскольку он производился в то время, когда крестьяне заканчивали или еще не начинали полевых работ. Цена провоза непосредственно зависела от спроса на хлеб. Картина резко менялась в случае плохого урожая или низкого спроса на зерно на внешнем рынке. Во второй половине XIX в. цена провоза колебалась от 8 до 20 коп. за пуд. На один воз накладывалось 18–20 пудов груза. Основным предметом извоза были сельскохозяйственные грузы, но извозчики отправлялись и на строительство железных дорог, и на перевозку заводских грузов к пристаням и обратно, и на почтовую службу, и на подвоз леса. Так, Камско-Воткинскому заводу для подвоза

дров и древесного угля ежегодно требовалось более 78 тыс. подвод.

Точный подсчет лиц, занимавшихся извозом, едва ли возможен, так как паспортные книги, в которых регистрировали отходников в волостных правлениях, как и количество купленных билетов на извоз, не дают об этом объективной информации. Часто крестьяне нанимались на извоз прямо на базаре и, получив задаток, отправлялись к месту назначения груза. Поэтому в данных губернской и земской статистики можно отметить серьезные разночтения. В 1870 г. в Вятской губернии насчитывалось 27 тыс. извозчиков, в том числе 4 342 человека в четырех уездах Удмуртии. Эти цифры содержат данные только о тех лицах, кто был занят извозом постоянно, занимался им как профессиональным промыслом. Высокий уровень занятия извозом дают уезды, удаленные от крупных речных магистралей. Так, в Сарапульском и Елабужском уездах извозом занимались 445 и 289 человек соответственно, в Глазовском – 2 264 человека, в Малмыжском – 1 344³⁰. По данным на 1897 г., количество лиц, занятых всеми видами извоза в Вятской губернии, составляло 59 247 человек, из них в Глазовском уезде – 14 051 человек, Сарапульском – 3 129, Малмыжском – 2 301, Елабужском – 1 752 человека. После начала эксплуатации Пермской железной дороги извоз начинает терять прежнее значение на севере региона. Снизился грузопоток по Пермскому и Ношувскому трактам, упали заработки извозчиков, закрылись многие постоянные дворы. В 1899 г. был упразднен почтовый тракт Слободской – Дебесы – Пермь, были закрыты 13 находящихся на нем почтовых станций.

Пассажирские перевозки осуществляли легковые извозчики. Между различными населенными пунктами по почтовым трактам – извозчики-ямщики, в городах – легковые и ломовые извозчики. Так, в 1905 г. в Глазове насчитывалось 32 извозчика, Елабуге – 53, Малмыже – 20 извозчиков, Сарапуле – 54. В начале XX в. в зимнее время между Сарапулом и Воткинским

заводом ежедневно ходил дилижанс, который содержал купец Н. В. Смагин. Плата за проезд составляла 1 руб. 60 коп.³¹ Торговый и пассажирский извоз в городах регулировался городскими думами, которые устанавливали правила извоза, а также взимали особый сбор в пользу города. Обилие лесов и извоз обусловили развитие кустарных промыслов по изготовлению различных типов повозок. Кустарей, производящих гужевые транспортные средства, в зависимости от их наименования называли кошевоичниками, колесниками, кузовщиками, тележниками, ходовщиками, экипажниками, плетюшечниками и санниками.

Железнодорожный транспорт. Конец XIX – начало XX в. отмечены важным событием в дальнейшем развитии транспортной системы Удмуртии – началом функционирования железной дороги и, следовательно, железнодорожного транспорта. Этот процесс имел затяжной характер и ряд особенностей. Несмотря на то, что 1890-е гг. оказались периодом настоящего “железнодорожного бума”, Удмуртия и Приуралье в целом не были включены в единую железнодорожную сеть страны. Это обстоятельство имело ряд причин.

Во-первых, при выборе того или иного направления строительства железных дорог правительство руководствовалось прежде всего военно-стратегическими задачами и стремлением обеспечить подвоз экспортных грузов кратчайшим путем к морским портам. Поэтому Приуралье, имеющее удаленное и глубоководно-континентальное положение, не вошло в приоритетные планы казенного железнодорожного строительства.

Во-вторых, удаленность региона от крупных железнодорожных узлов и уже проложенных железных дорог требовала больших затрат на проведение железнодорожного строительства. Это обстоятельство затрудняло привлечение средств частных лиц, вятских предпринимателей.

В-третьих, наличие в крае удобных для судоходства речных магистралей, сложивша-

яся веками традиция, при которой сельскохозяйственная продукция и заводские изделия отправлялись к месту назначения речным транспортом с учетом сезонности его работы.

Узкоколейная железная дорога специального назначения Воткинский завод –пристань "Галево" – одна из первых железнодорожных линий, проложенных на территории Удмуртии. Воткинский завод находился в 12 верстах от р. Камы. Доставка и отправление заводских грузов с камских пристаней осуществлялись посредством конной силы, что значительно замедляло их транспортировку и вело к увеличению стоимости продукции. Закладка железнодорожной ветки длиной 20 верст состоялась 6 августа 1895 г. Эта железная дорога вступила в эксплуатацию в 1898 г. Она не имела большого значения для хозяйственной жизни округа и предназначалась для перевозки заводских грузов и их дальнейшей транспортировки водою³².

Царское правительство всегда понимало важность соединения Урала и Сибири с центральной частью Империи посредством железнодорожного пути, но решение этой задачи по ряду объективных и субъективных причин откладывалось на неопределенное время. В 60–80-х гг. XIX в. в многочисленных ведомственных и межведомственных комиссиях обсуждались различные варианты железнодорожного соединения Урала с центральным районом страны, а также установление железнодорожного сообщения между Камско-Волжским и Северо-Двинским бассейнами. Правительственные комиссии подчеркивали важность этих направлений железнодорожного строительства необходимостью транзита сибирских и уральских грузов в центральную часть страны и к морским портам, снабжения северных губерний хлебом, а также тем, что железная дорога станет стимулирующим фактором экономического развития прилегающих территорий. Активную роль в этом вопросе играли губернское и уездные земства, неоднократно обращавшиеся к правительству с ходатайствами и обоснования-

ми о необходимости скорейшего строительства железной дороги.

Первые практические шаги, связанные с проведением железной дороги в Приуралье, были предприняты только в 90-е гг. XIX в. в связи с началом строительства Сибирской магистрали. В процессе изучения экономических условий Вятской губернии определилось "северное" направление – по Глазовскому, Вятскому, Котельническому уездам и "южное" – по Сарапульскому, Елабужскому, Малмыжскому уездам. Однако в связи с большими строительными расходами и удлинением пробегов транзитных сибирских грузов "южное" направление было отклонено. В 1894 г. комитетом Сибирской железной дороги были одобрены основные направления ее головных участков, в том числе и линия Пермь – Котлас, техническая рекогносцировка местности которой и работа по составлению сметы расходов на ее строительство были начаты летом того же года.

Весной 1895 г. приступили к сооружению дорожного полотна от Перми до перехода через р. Чепцу и от г. Вятки до с. Котлас. Первоначально строительство велось в Кильмезском направлении по водоразделу Кильмези и Чепцы. Но затем для удешевления строительных работ и по настойчивым ходатайствам Глазовского уездного земства было решено проложить Пермь–Котласскую железную дорогу через Глазов по долине р. Чепцы. Строительство полотна велось подрядным методом, при котором начальник работ И. Н. Быховец заключал договоры подряда с частными лицами. В основном это были купцы первой и второй гильдии из всех уголков России. Подрядчики выполняли работы по сооружению земляной насыпи, мостов, укладке полотна, чугунных и каменных труб. При заключении договора они брали на себя обязательство принимать на работу не менее 50 % рабочих из местного населения. Строительство Пермь–Котласской и Камско–Галевской железных дорог обеспечило работой множество крестьян Вятского, Глазовского, Нолинского, Орлов-

ского и Сарапульского уездов. Работа велась артелями из 15–16 постоянных рабочих, нанятых помесечно, при необходимости принимали временных рабочих с подневной оплатой. Условия труда были тяжелыми. Участки пути изобиловали логами, болотами, мелкими речками. При примитивных орудиях труда на выемке земли и строительстве дамб использовались лошади. Рабочий день продолжался 12–13 часов при средней оплате 1 руб. 20 коп. в день для землекопа и 1 руб. 75 коп. для погонщика с лошастью. Чернорабочие зарабатывали и того меньше – 60–75 коп. в день³³.

В 1898 г. рельсовый путь был уложен на всем протяжении дороги и на некоторых ее участках, в том числе на участке Вятка – Глазов, где 22 октября 1898 г. открылось пассажирское и грузовое движение поездов. В первый год ее эксплуатации было перевезено 138 тыс. пассажиров и 2,3 млн. пудов грузов. С 1 января 1899 г. временно начало функционировать пассажирское и грузовое движение на протяжении 804 верст от правого берега Камы (мост через р. Каму был еще не достроен) до Котласа, а 27 января было открыто движение по Камскому мосту и остальному пути. Регулярное железнодорожное сообщение началось 1 января 1900 г., и с этого дня для удобства административного и хозяйственного управления Пермь-Котласская и Пермь-Тюменская железные дороги были объединены под общим названием Пермская железная дорога³⁴, но и открытие этой железнодорожной линии не дало кратчайшего выхода к центральным районам страны. По-прежнему, вплоть до 1906 г., когда была продолжена ветвь Вятка – Вологда, железнодорожное сообщение Прикамья с центром страны осуществлялось окружным путем через Пермь – Нижний Тагил – Екатеринбург – Челябинск – Самару. При существовавших железнодорожных тарифах такой путь был крайне невыгоден, и поэтому большинство грузоотправителей использовали речной транспорт.

В начале XX в. в связи с ростом капиталистической промышленности, торговли и

сельского хозяйства остро встал вопрос о дальнейшем развитии железнодорожного строительства. Стало очевидным, что пропускная способность железных дорог явно не достаточна. По Пермской железной дороге тогда ежегодно перевозилось до 40 млн. пудов горнозаводских грузов. Потребность Урала составляла 370 млн. пудов, т. е. в перевозке горнозаводских грузов на долю железных дорог приходилось 14,8 %. Так, Воткинский завод, производивший с 1868 г. паровозы, рельсы, формы для железнодорожных мостов, не был соединен железной дорогой с общероссийской сетью и перевозил эту продукцию водоем. На 1 тыс. верст площади на Урале имелось 2,4 версты железных дорог, на юге России – 10 верст, на Урале, по данным на 1905 г., – 3 568 верст железных дорог. Из них на Вятскую губернию приходилось 825 верст. Протяженность железных дорог на Урале с 1876 г. по 1895 г. составила 1 061 версту, а с 1896 г. по 1905 г. – 2 507 верст. Следующий этап активного железнодорожного строительства пришелся на период промышленного подъема 1909–1914 гг. В это время было построено или начато строительство 3 160 верст железных дорог³⁵.

Особенно остро ситуация дефицита железных дорог воспринималась в Приуралье, где такие крупные торгово-промышленные центры, как Сарапул, Елабуга, Ижевский и Воткинский заводы-гиганты оставались не включенными в железнодорожную сеть страны. Отсутствие постоянной связи с Уралом, основным поставщиком сырья, приводило к повышению накладных расходов, удорожанию продукции заводов. В конце первого десятилетия XX в. начались поиски оптимального направления новой железной дороги, соединяющей Центральную Россию с Приуральем и Средним Уралом. Сарапульское уездное земство и городская дума, заинтересованные в дальнейшем развитии торговли и промышленности уезда и города, проявили исключительную активность в деле решения вопроса о прокладке железной дороги именно через Сарапул. В 1908 г.

Сарапульская городская дума создает специальную комиссию в составе крупного промышленника С. И. Бодалева и юриста М. И. Дрягина. Комиссии было поручено организовать запросы, ходатайства, установить связи с влиятельными лицами министерств и ведомств, от которых зависело решение о том, в каком направлении прокладывать линию новой железной дороги. В 1908–1912 гг. появляется множество проектов различных заинтересованных ведомств, регионов, промышленных групп, между которыми происходит жесткая и длительная конкурентная борьба.

В 1912 г. представители правительства, собранные в межведомственных комиссиях, определили предпочтительными два проекта: "Нижегородский" (Ниžний Новгород – Малмыж – Сарапул – Екатеринбург с веткой на Воткинский завод) и "Казанский" (Казань – Малмыж – Сарапул – Екатеринбург). Выбор того или иного проекта оставался благоприятным для Малмыжа и Сарапула. Единственное, против чего активно выступила Сарапульская городская дума, так это против появившейся в феврале 1912 г. идеи о проведении основного направления по линии Малмыж – Ижевск – Оса – Кунгур в обход Сарапула, но этому проекту не суждено было сбыться. Совет министров под председательством В. Н. Коковцева 27 апреля 1912 г. окончательно одобрил проект проведения дороги Казань – Екатеринбург. Концессия на сооружение этого пути была выдана обществу Московско-Казанской железной дороги.

Строительство магистрали Казань – Екатеринбург постоянно откладывалось, и его начало предполагалось только летом 1914 г. Вся строящаяся дорога была поделена на три участка: Казань – Сарапул, Сарапул – Красноуфимск, Красноуфимск – Екатеринбург общей протяженностью 700 верст. Начальником строительства участка Казань – Сарапул был назначен инженер В. В. Сахаров. В течение 1913 г. Сарапульская городская дума согласовывала и утверждала планы прохождения магистрали по городским зем-

лям, место строительства железнодорожной станции и моста через Каму.

В 1914 г. проект железнодорожного моста через Каму был утвержден и начаты подготовительные работы к его строительству. Основным объемом работ был завершен в 1917 г., но его полная эксплуатация началась только после реставрации в 1924 г.

В ноябре 1916 г. было открыто пассажирское и товарное движение по линии Сарапул – Казань³⁶. Первая мировая война подтолкнула правительство на ускоренное строительство железнодорожной ветки к Ижевскому и Воткинскому заводам (51,8 версты), имевшим оборонное значение. Не случайно за этой дорогой закрепилось название "военно-срочной" дороги. В течение 1916 г. железнодорожная линия была проложена от станции Агрыз до Ижевского завода, а к 1917 г. и до Воткинского завода. Для подвозки леса к Ижевскому заводу были построены узкоколейные дороги ("лесоподвозные дороги"): Ижевск – Постоп (1910 г.), в годы первой мировой войны началось строительство ветки Ижевск – Кеюран. Для транспортировки заводских грузов к пристани "Гольянская" была проложена линия Ижевск – Гольяны (1915 г.). В Удмуртии к 1917 г. железные дороги общего государственного пользования составляли приблизительно 375 верст, узкоколейные специального назначения – приблизительно 136 верст. Таким образом, общая длина железных дорог к 1917 г. превысила 500 верст. В первые десятилетия XX в. все крупнейшие населенные пункты Удмуртии были присоединены к общероссийской железнодорожной сети. Но важнейшее направление на Урал для индустриально развитого юга Удмуртии оставалось закрытым вплоть до 20-х гг.

Учет численности железнодорожных рабочих по губерниям нигде не велся. По данным Министерства путей сообщения, в 1904 г. в среднем на одну версту железной дороги приходилось 14,23 человека рабочих и служащих, а в 1909 г. – 14,24 человека³⁷. Подобный принцип подсчета был

применен для определения численности железнодорожных рабочих в начале XX в. по Центрально-промышленному району России. При отсутствии данных по общей численности рабочих и служащих железных дорог в начале XX в. исследователи применяли методику подсчета среднего числа рабочих путем произведения количественного норматива рабочих на 1 версту и общей длины железнодорожного пути.

Если эти данные принять как средние и для Удмуртии, т. е. 14 человек на одну версту железной дороги, то общее количество рабочих, обслуживающих дороги общероссийского значения, могло составлять в 1917 г. 5,2 тыс. человек. Понятно, что эти цифры являются весьма приблизительными.

Создание в Удмуртии сети железных дорог способствовало более интенсивному экономическому развитию прилегающих к ним территорий, была преодолена сезонная изолированность края. Появление железнодорожных линий дало толчок развитию многих населенных пунктов, привело к изменению их облика, некоторые из них превратились в крупные железнодорожные узлы – Агрыз, Глазов, Сарапул. Изменилось соотношение объемов перевозимых грузов. Теперь преимущество отдавалось железнодорожному транспорту. Существенным недостатком географии железнодорожного строительства в Удмуртии было то, что плотность железных дорог оставалась низкой, а две основные транзитные железнодорожные магистрали проходили в широтном направлении по северной и южной части и не были между собою связаны. Это обстоятельство делало невозможным передачу грузов с одной железной дороги на другую в пределах региона, а также сохраняло изолированность большей части центральных районов Удмуртии.

Транспорт – важнейший элемент производственной инфраструктуры, обеспечивающий процессы регионализации. В первой половине XIX в. распределение перевозок осуществлялось только между водным сплавным и гужевым транспортом. Суще-

ствовавшая транспортная система определяла формирование на территории Удмуртии сети локальных рынков и торговых районов, независимо от административного деления. По данным на 1905 г., транспортная система Вятской губернии выглядела следующим образом: протяженность водных путей составляла 2 773 версты, грунтовых улучшенных – 3 981 версту, железнодорожной сети – 825 верст³⁸. Итого всех путей – 7 579 верст. На грунтовые дороги приходилось более половины всех путей – 52,5 %, на водные – 36,4 %, на железнодорожные – 10,8 %.

Технический переворот второй половины XIX в. привел к появлению новых механических средств транспорта – пароходов и паровозов – и имел широкие социально-экономические последствия. В результате его воздействия была решена проблема быстрой перевозки массовых грузов, почти преодолена сезонная изолированность края, окрепли торгово-экономические связи. Он оказал форсированное влияние на развитие базы местного машиностроения. Под воздействием технического переворота изменилась структура занятости на транспорте, образовались новые социальные группы. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. произошла модернизация транспортной системы Удмуртии, которая на первом этапе была представлена только речным паровым транспортом и лишь в самом конце XIX в. с появлением железных дорог формируется единая индустриально-транспортная сеть. Этот процесс носил несколько замедленный характер, поскольку строительство железных дорог началось на несколько десятилетий позже, чем в центре страны и на Урале. Огромные расстояния, недостаток транспортных средств затрудняли создание индустриальной инфраструктуры, адекватной потребностям региона.

Торговля. Виды и формы

Развитие капитализма вширь активизировало экономические связи между центральными областями и отдаленными районами Российской Империи, проявлявшиеся в двух встречных потоках. С одной стороны, происходило вовлечение в широкую сферу деятельности на российском уровне различных слоев провинциальных предпринимателей, с другой – активизировалось перемещение капиталов, в частности, вывоз капитала из центральных районов на периферию. Население Вятско-Камского, как и всякого периферийного региона России, было задействовано одновременно как бы в двух макро- и микроторговых мирах. Первый из них определялся интересами крупного предпринимательского слоя, который сложился на базе привозного и местного капиталов, первоначально взрослых на скупке и продаже зерна и леса. Ареной деятельности его была вся страна, а порой и зарубежье. Второй микроторговый мир представлял собой систему мелких местных рынков и включал в орбиту своей деятельности крестьянское и мещанское население края. Эти два уровня торгового мира были тесно переплетены, зависели один от другого, но в то же время каждый имел свою направленность, разное время возникновения. Многоукладный характер экономики, многоступенчатость торговых оборотов на внутреннем рынке России и во второй половине XIX в. определили сочетание разноуровневых форм торговли. Региональный рынок представлял собой совокупность различных сфер торговли: стационарную (лавки, магазины, конторы, биржи и т. д.), периодическую (ярмарки, торжки, базары) и развозно-разносную (коробейники, прасолы и т. д.). Наиболее прогрессивной являлась стационарная торговля. Однако подавляющее большинство населения региона было охвачено периодическими формами торговли.

Периодическая сфера рынка. Роль торгового капитала

Географическая структура регионального рынка, складывавшаяся столетиями, в XIX в. скорректировалась подключением новых видов транспорта: парового судоходства (40-е гг. XIX в.) и железной дороги (1898 г.). Тем не менее, размещение региональных ярмарок, торжков, базаров определилось Сибирским трактом и речными путями. К концу XIX в. вне зависимости от административного деления на территории Удмуртии сложилось 6 торговых районов (см. карту-схему)³⁹ Их формирование шло вокруг городов, оживленных промышленных центров и торговых сел, связанных сетью дорог с выходом на пристани Вятки, Камы, Чепцы, станции Пермско-Котласской железной дороги и Сибирский тракт, вдоль которого сложились два торговых района. "Водоразделом" их было с. Селты.

Большой торговый район образовался в юго-западной части территории Удмуртии к юго-западу от с. Селты, сгруппировавшись по обе стороны р. Вятки в ареале Сибирского тракта⁴⁰ Именно по Сибирскому тракту транзитные и сформированные здесь зимой грузы гужом шли на Казань. В навигационный период они сосредотачивались на пристанях Вятки: "Горской" (устье Шошмы), "Дмитриевской" и "Науровской" (вблизи р. Кильмези), – откуда отправлялись в Казань, Нижний Новгород, Рыбинск. Прежде чем попасть на пристани, товарные грузы концентрировались в наиболее крупных торговых селах: Селтах, Сюмсях, Кильмези, Вавоже, Водзимонье, расположенных на Сибирском тракте, и г. Малмыже. По проселочным дорогам, выходящим на Сибирский тракт, крестьяне везли в сельские торговые центры на реализацию хлеб, лен, льняное семя, коноплю, волокно, куделю, холст, тряпье, шерсть, поярок, кожу, шетину, яйца, масло, сало, овощи и т. д., а также кустарную продукцию: валенки, кузнечные изделия,

рогожи, деревянную и глиняную посуду, орудия труда и пр.

Рынок был посредником, где происходила купля-продажа населением сельскохозяйственных и промышленных товаров. Наблюдалось многообразие форм торгового капитала: от самых простых до более сложных. Продажа крестьянской товарной продукции на местном рынке прямым путем производитель – потребитель носила еще распространенный характер. Однако отдельные виды сельскохозяйственной продукции подлежали только оптовой закупке, производимой купеческими конторами. В обстановке товарного хозяйства мелкий производитель неизбежно попадает в зависимость от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного массового сбыта над разрозненным мелким сбытом⁴¹. Размеры торгового капитала были самыми различными, как и ареал деятельности скупщиков. Постоянно следящие за конъюнктурой рынка предприниматели с выгодой для себя основательно внедрились в систему периодической сферы рынка. Одни торговцы, как правило, зажиточные крестьяне, ограничивались скупкой хлеба в своей округе и в более выгодное время здесь же перепродавали его, другие выступали в качестве агентов крупных предпринимателей, купеческих фирм, вывозивших зерно для сбыта на внешние рынки или использовавших его на вино-водочных предприятиях. Так, в этом районе через систему скупок действовали торговые фирмы Брандта, Ончукова, Булычева, "Муромская", "Нижегородская"⁴². Зерно на подводах свозилось по Сибирскому тракту на пристань "Дмитриевка"

Торгово-ростовщические операции производили чаще всего зажиточные крестьяне, владевшие мельницами. Так, в д. Малые Малыши Вихаревской волости один крестьянин-"богач", владелец мельницы, закупал в 15 окрестных деревнях до 1 тыс. пудов хлеба и 600 пудов кудели. После обработки он сбывал продукцию в более выгодное для реализации время, как пра-

вило, зимой и весной. Такой же предприниматель действовал в поч. Яшкин. В деревнях он закупал 800 пудов зерна и 400 пудов крупы. Купцы чаще всего специализировались на скупке определенного вида товара. По деревням этого района ездили перекупщики и агенты купеческих фирм и "с домов" скупали яйца, затем отправляли их в Малмыж или на пристани Вятки, где сдавали продукцию более крупным скупщикам-купцам, которые транспортировали груз в Казань⁴³. В качестве примера укажем, что в с. Жирнове проживал скупщик, который разъезжал по деревням Вихаревской волости, скупал яйца и партиями до 30 тыс. штук отправлял на "пристань на реке Вятке"⁴⁴. Так, скупщики яиц работали в свое время на известного всем Г. Хамидуллина⁴⁵. Он вел обширную торговлю яйцами, годовой оборот которой составлял более 1 млн. руб. Г. Хамидуллин происходил из крестьян д. Старый Ирюк, первоначальный капитал сколотил, "возя свой нехитрый крестьянский товар сначала на базар в г. Малмыж", а затем организовал оптовую торговлю хлебом, мясом, дровами. Открыл собственную лавочку. Сосредоточив в своих руках необходимый капитал, купец сделал ставку на оптовую торговлю яйцами, организовал широкую сеть заготовительных контор в различных селениях Вятской губернии, а также поставил на пристанях Камы и Вятки склады для формирования груза. Расфасованный товар сплавлялся в Вятку, откуда по железной дороге отправлялся в Петербург, Москву, Екатеринбург. Г. Хамидуллин организовал слаженное торгово-промышленное хозяйство. Для изготовления упаковочного материала он построил вблизи Малмыжа лесопильный завод. Малмыжский предприниматель вышел на рынки Германии, Франции, Англии. В период расцвета его деятельности визитной карточкой предпринимателя стало прозвище Яичный Король. Однако удача отвернулась от него, "судьба преподнесла злую шутку": в 1915 г. он отвалился на рискованную операцию: отправил трехмиллионную партию яиц морским

путем из Архангельска в Англию. По неопытности боцмана ящики с яйцами уложили в трюм в 20 рядов вместо шести. Груз под собственной тяжестью спрессовался. Да и вскоре спорела лесопильня. Г. Хамидуллин, не выдержав потрясений, скончался. Сыновья не смогли преуспеть в предпринимательской деятельности, как в свое время их отец.

Следующий торговый район сформировался в северо-западной части Удмуртии, вдоль Нолинско-Глазовского коммерческого тракта. Являясь восточным ответвлением Казанского губернского тракта, Нолинско-Глазовский был единственным путем, связывающим указанный район в летнее время с пристанью "Медведок", откуда на речных судах купцы отправляли грузы в г. Рыбинск, в зимний период – с Казанью, Нижним Новгородом. Введение в строй в конце XIX в. Пермско-Котласской железной дороги несколько разгрузило этот тракт, однако в силу отсутствия подъездных путей описываемый район практически был изолирован от железнодорожного пути и крестьяне по-прежнему продолжали везти товары к Нолинско-Глазовскому тракту традиционными, сложившимися веками уездными трактами и проселочными дорогами. Район специализировался в основном на вывозе сельскохозяйственной продукции. Значительную часть в общей массе товара составляла рожь, несколько меньшая приходилась на овес. Общее количество хлебных грузов, вывозимых на 14 тыс. одноконных подвод (в год средней урожайности), достигало 370 тыс. пудов. Кроме зерна, в меньшем объеме доставлялась и другая сельскохозяйственная продукция: лен, куделя, шерсть, поляр, овчина, щетина, кожа, сало, опоек, яйца, холст общим количеством до 200 тыс. пудов с привлечением 10 тыс. подвод. В ассортименте также значилась продукция крестьянской промышленности, которой загружались 5 тыс. подвод объемом 75 тыс. пудов. По этим же путям шел обратный поток оптовых товаров, как правило, подвозившихся на тех же подводах. С пристани "Медведок" через г. Нолинск как распределитель-

ный центр привозились в указанный район необходимые бакалейные, мануфактурные, продуктовые и промышленные товары: крупчатка, соль, рыба, керосин, – что составляло 200 тыс. пудов, или 10 тыс. подвод⁴⁶.

Сосредоточение товарной продукции происходило в селах Уни, Порез, Богородском, Ильинском, Архангельском⁴⁷, где крестьяне окрестных волостей имели "крупный излишек хлеба, что вызвало в нем хлебную торговлю в обширных размерах" и создало "значительные хлебные рынки". Самым крупным торговым хлебным центром являлось с. Архангельское. В 90-е гг. XIX в. здесь сосредотачивалось в среднем по 200 тыс. пудов хлеба в год. В селах Ильинском и Богородском – 170 тыс. пудов. Крестьяне предпочитали вывозить свой хлеб на архангельские базары, несмотря на то, что села Ильинское и Богородское были расположены на 40–50 верст дальше от их местожительства. Причина кроется в том, что с. Архангельское находилось ближе всего к пристани "Медведок", закупочные цены здесь были всегда выше на 6–8 коп. за пуд. Поэтому за каждый зимний воз в 30 пудов крестьяне получали дополнительную прибыль в 2 руб. 10 коп. Все это оправдывало затраты на проделанный лишний путь⁴⁸.

В торговых селах царил несколько скупщиков, на которых работал целый аппарат. Торговцы имели свои конторы и складские амбары для хранения закупленного хлеба. Самым крупным предпринимателем в этом районе был торговец Суслопаров, имевший в с. Богородском 13 складов. Здесь же два склада принадлежали Стрелину и Пенькину. В с. Ильинском насчитывалось 19 хлебных складов, принадлежавших местным торговцам Кропачеву, Шишову, Шумилову⁴⁹.

Третий торговый район частично объединял северо-восточную и центральную части Удмуртии, прилегающие к среднему течению Камы, организованные сетью дорог, ориентированные на крупные населенные пункты (Сарапул, Ижевск, Воткинск) и камские речные пристани ("Таборы", "Оханск", "Очер-

скую»⁵⁰. Административно эту территорию составили волости Малмыжского уезда* расположенные к востоку от с. Селты, северная и центральная части Сарапульского уезда**, юго-восточные волости Глазовского уезда***

Население района везло свою продукцию на камские пристани, откуда она поступала в Поволжье, к железнодорожным станциям Чепца, Бородулино Пермско-Котласской железной дороги, в торговые центры по Сибирскому тракту. Значительную массу торгового хлеба поглощали Ижевский и Воткинский заводские поселки. Связующими звеньями служили прежде всего, начиная к востоку от с. Селты, Сибирская дорога, земские тракты и проселочные дороги. Крупными торговыми селами данного района являлись Воткинск, Шаркан, Дебесы, Петропавловское. Основную статью крестьянской торговли и здесь составляли хлеб, лен, продукты животноводства, а также дрова, строевой материал. Самым крупным хлебным рынком считалось с. Шаркан, к которому хлебные грузы везлись с далекой округи. На еженедельные торжки сюда съезжались жители 90 селений. В сравнительно небольшом населенном пункте имелось 24 торгово-промышленных заведения. Шарканский рынок был монополизирован восемью торговцами, которые в общей сложности закупали здесь до 150 тыс. пудов хлеба в год⁵¹

Другим оживленным торговым центром было с. Дебесы. Крестьянами окрестных деревень, расположенных на 20 верст в округе, привозилось сюда до 56 тыс. пудов хлеба. И для этого района несомненна товарная направленность земледельческо-

го хозяйства. Значительная часть хлеба потреблялась населением Воткинского завода. По данным источников, для удовлетворения потребностей его населения (24 тыс. человек) требовалось 500 тыс. пудов зерна. В заводской поселок поставляли хлеб крестьяне окрестных селений. Необходимые поселку товары: каменный уголь, нефть, мануфактурные и бакалейные (последние в размере 250 тыс. пудов) – поставлялись заводу с камской пристани "Усть-речка" Грузы, идущие с Воткинского завода, транспортировались к камской пристани "Галево" по специально устроенному рельсовому пути. Однако с 1898 г. часть продукции Воткинского завода отправлялась по Шарканскому проселку к Пермско-Котласской железной дороге. В 1898 г. было отправлено 140 тыс. пудов чугуна и железа⁵²

Реализация хлеба и других сельскохозяйственных продуктов также происходила на камских пристанях: "Оханск", "Березовка" "Таборы". В обратном направлении с камских пристаней предприниматели везли необходимую для жителей продукцию: мануфактурные и бакалейные товары, крупчатку, пшено, рыбу, соль, керосин – в торговые центры (Шаркан, Дебесы, Воткинск), где она распределялась по окрестным мелким лавочкам⁵³ Воткинский завод являлся главным торговым и складочным центром края, откуда на расстоянии 50 км стационарные торговые точки обеспечивались различного рода мануфактурными и бакалейными товарами. Ижевский и Воткинский рабочие поселки служили связующим звеном северо-восточного и юго-восточного районов Удмуртии. *

Четвертый торговый район охватывал юго-восток Сарапульского уезда, к нему примыкала восточная часть Елабужского уезда, находившаяся в излучине Камы. Важное значение здесь имел уездный тракт Елабуга – Сарапул – Каракулино, служивший не только связующим путем для этих пунктов, но и подъездным путем для 40 селений. В течение пяти ненавигационных месяцев, с конца октября и до конца марта,

* Новотуклинская, Узинская, Мултанская.

** Дебесская, Петропавловская. Чутырская, Большепургинская, Тыловаяская, Зюзинская, Тойкинская, Яшур-Бодьинская, Сосновская, Шарканская, Полозовская, Люкская, Светлянская, Ижевская, Воткинская, Галевская и т. д.

*** Польшинская, Поломская, Игринская, Святогорская и т. д.

через Сарапульско-Каракулинский тракт шли грузы из Сибири, г. Перми, а также с Ижевского и Воткинского заводов, из Уфимской и других губерний, лежащих южнее Вятской губернии⁵⁴. Главными торговыми центрами не только этого района, но и всего края являлись крупные населенные пункты: Ижевский завод, г. Сарапул, с. Каракулино. На сарапульские и каракулинские торжки, базары, ярмарки прибывало население за 30 верст в округе, в поселок Ижевского завода приезжали крестьяне "с 50-й версты".

Помимо хлебной продукции, активно шла торговля дровами и строевым лесом. Крестьянские хозяйства этого района не имели собственных лесных наделов, поэтому пользовались покупным строевым, поделочным лесом и дровами. Пристань "Каракулино" обеспечивала лесом жителей селений, расположенных в 10 верстах от нее. Остальное население приобретало лес на близлежащих казенных, удельных и отчасти частновладельческих дачах.

Лесным промыслом занимались крестьяне 33 селений лесной полосы. Ежегодно на Ижевский завод поступало 53 тыс. подов с лесными материалами, 13 селений сплавляли строевой лес и дрова по Нылге и Каме. Вероятно, что и этот лес скупали жители южных волостей, не имевшие леса. Кроме этого, Сюгинский стекольный, химические заводы Ушковых, винокуренные предприятия Стахеевых нуждались в большом количестве топлива, поэтому, как свидетельствуют источники, купцы "создали в населении дроворубный промысел в весьма широких размерах: им занято почти все взрослое мужское население описываемого района, не занятое извозом заводских грузов"⁵⁵. Через пристани "Каракулино" и "Сарапул" данный район снабжался привозными товарами. Из 500 тыс. пудов грузов, идущих в Сарапул, 150 тыс. пудов составляла рыба, крупчатка и т. д., 135 тыс. пудов кожи для кожевенно-сапожных заводов Сарапула, Ижевска и Воткинска, а также 15 тыс. пудов ярмарочного товара⁵⁶. Из г. Сарапула в с. Каракулино подвозилось 200 тыс. пу-

дов грузов, а именно: чай, бакалейные и мануфактурные товары, железо и изделия из него, телеги, земледельческие орудия, которые изготавливались на Воткинском заводе.

Из вышеизложенного следует, что в представленных районах значительная часть производимой здесь продукции поглощалась местным рынком, обеспечивая ею крупные населенные пункты. Экспортировалось относительно небольшое количество хлеба.

Другой район, объединенный в единый торговый организм, представляли северовосточная часть Малмыжского (Большеучинская, Волипельгинская, Вавожская волости) и юго-западная часть Елабужского уездов, расположенная в нижнем течении Камы.

Основной ассортимент реализуемого товара из этого района составляли хлеб, продукты животноводства, а также продукция Сюгинского стекольного завода, винокуренного Стахеевского, Ушковского химического заводов. Так, Сюгинский завод в 1898 г. за пределы Удмуртии вывез 373 тыс. пудов изделий из стекла. Основная масса груза отправлялась через "Икское Устье" и Елабугу. Для осуществления производственного процесса завод привозил 602 тыс. пудов сырья. Каменный уголь, железо, пшеницу, марганец и т. д. доставляли через пристань "Икское Устье". Известь, кирпич, песок и т. д. привозили гужом из северных уездов Вятской губернии.

Крупными торговыми пунктами, концентрирующими товарную продукцию, были Елабуга, с. Икское Устье, с. Байтеряково, с. Можга, Сюгинский завод. На можгинских базарах перекупщиками скупались шерсть, овчина, кожа, сало, различные крестьянские изделия. Елабуга была центром сосредоточения привозной продукции, бакалейных, мануфактурных, рыбных и других товаров. Ежегодно из Елабуги местным торговым заведениям поставлялось 20 тыс. пудов подобного груза. Из "Икского Устья" в северные волости Елабужского уезда переправлялось до 150 штук мельничных жерновов.

На севере Удмуртии образовался еще один торговый район, включающий север-

ную и центральную части Глазовского уезда. Первоначально он формировался вдоль Пермского тракта и р. Чепцы. С введением Пермь-Котласской железной дороги значение прежних путей сообщения ослабло. По линии железной дороги появились станции: Козьма, Кез, Чепца, Балезино, Глазов, Яр, – ставшие связующими торговыми центрами. Торговые обороты в Глазове выросли более чем в пять раз⁵⁷. Крестьяне на местные базары, торжки и ярмарки свозили зерно, лен, куделю, кожи и т. д. На рынках этого района господствовали местные перекупщики: Столбов, Гырдымов, Тимофеев, Ончуков и др. Товарный хлеб данного района распределяется следующим образом. В конце XIX в. 100 тыс. пудов скупалось для Омутнинского, Залазинского, Песковского и Пудемского заводов. Значительная масса зерна, как и другой сельскохозяйственной продукции, отправлялась по железной дороге через Котлас на Архангельск, а также частично по р. Вятке в Рыбинск. Аналогично распределялись и другие сельскохозяйственные товары. Известно, что в 1900 г. было вывезено в Рыбинск 150 тыс. пудов льняного семени и 50 тыс. пудов кудели.

Продукцию железодельательных заводов (железо, чугунное литье) отправляли в города Вятку, Нижний Новгород водным путем, а со станции Яр – железной дорогой. Однако, несмотря на строительство железнодорожного пути и некоторых экономическое оживление данного района, по-прежнему наблюдалась его изолированность от остальной территории Удмуртии.

Таким образом, сложилась сеть торговых центров, где центральной фигурой являлся торговец-оптовик, как правило, купец. С одной стороны, происходило формирование оптовой сельскохозяйственной продукции, которая частично перераспределялась в крае, частично вывозилась на крупные оптовые рынки страны. С другой стороны, в этих торговых центрах были складочные пункты, куда предприниматели привозили промышленные и колониальные товары с других оптовых центров для распределе-

ния по стационарным пунктам торговли. Следовательно, стационарная и периодическая сферы рынка находились в тесной взаимосвязи.

На территории Удмуртии на протяжении второй половины XIX – начала XX в., постоянно изменяясь, функционировало значительное число базаров, торжков и ярмарок⁵⁸. Так, если в 1868 г. было 40 ярмарок, 787 торжков, 3 384 базара в 182 селениях, то в 1883 г. действовало 108 ярмарок, 207 торжков, 5 664 базара в 244 селениях, к 1900 г. функционировала 161 ярмарка, 4 торжка (относительно базаров сведений нет). Данные статистики показывают, что с развитием товарно-денежных отношений на протяжении исследуемого периода происходил неуклонный рост числа ярмарок: в 2,7 раза – к 80-м гг. и в 4,0 раза – к 1900 гг., базаров к 80-м гг. – в 1,6 раза. Количество торжков постоянно сокращалось: с 787 в 1868 г. до 4 к 1900 г. Размывание числа торжков происходило в сторону увеличения числа ярмарок, с одной стороны, и числа базаров, с другой⁵⁹ (рис. 9).

Ярмарки, торжки, базары организовывались в определенные, строго установленные местными властями дни и на постоянно отведенном месте. Ярмарки в одном населенном пункте функционировали 1–2 раза в году, торжки – 3–5 раз, базары – еженедельно. Как правило, это были суббота и воскресенье и непременно дни церковных праздников. По объемам товарооборота, ассортименту продукции, ареалу охвата

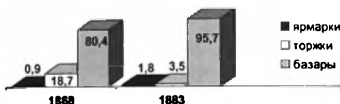

Рис. 9. Количество ярмарок, торжков, базаров, % *

* Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 г. Вятка, 1900. С. 135; ГАКО, ф. 618, оп. 1, д. 306, л. 11–124; ф. 574, оп. 1, д. 957, л. 28–93 об.; ф. 582, оп. 52а, д. 33.

окрестного населения, числу привлеченных торговцев ярмарки превосходили торжки и базары. Более узкий и относительно постоянный круг посетителей имели базары, отражающие этнический состав населения ближайшей округи. Они образовывали свою микросреду, формируя вокруг себя на экономической платформе полиэтническое сообщество. Особенно ярко это было выражено в удаленных от торговых путей районах, полностью изолированных от "мира" в осенне-весеннюю распутицу.

Правительство стимулировало развитие базаров, торжков, ярмарок тем, что давало возможность свободно реализовывать продукты сельского хозяйства и кустарные изделия. По законодательству на базарах, ярмарках и торжках допускалась свободная "продажа припасов и сельских произведений" без приобретения торговых свидетельств и билетов. Однако в базарные дни "местные обыватели, если содержат на базаре лавки... обязаны иметь установленные на оные свидетельства и билеты"; ярмарочные правила отличались более свободными условиями торговли: "допускалась организация лавочной торговли без взятия на то свидетельства и билетов на время действия ярмарки"⁹⁰. При господстве оптовой закупки, монополизированной купцами, при широком распространении в крестьянской среде пережиточных, жестких форм торгово-ростовщического капитала существовавшая в периодической сфере рынка одноступенчатая форма торговли, когда товар из рук производителя попадал в руки потребителя, облегчала сбыт и удешевляла стоимость товара.

Базары и ярмарки функционировали во всех городах удмуртского края (Сарапуле, Глазове, Елабуге, Малмыже), рабочих поселках (Ижевском, Воткинском, Бемьжском, Залазинском, Пудемском и т. д.), а также образовывались и в самых больших селах, как правило, расположенных возле удобных оживленных путей сообщения, таких как Бемьж, Балезино, Юськи, Святогоры, Ухтым, Зура, Игра, Порезское, Кулига Гла-

зовского уезда, Большая Пурга, Каракулино, Данилово, Кигбаево, Петропавловское, Чутырь Сарапульского уезда, Камаево Елабужского уезда, Сюмси, Вавож, Копки, Христорождественское Малмыжского уезда. Торжки работали в Сарапуле и Елабуге. Ярмарки проводились в разное время года: около 40 % приходилось на зиму (чаще декабрь), около 50 % – на осень (чаще ноябрь), 7 % – составляли летние ярмарки, 3 % – весенние. Основная часть ярмарок проходила в свободное от полевых работ время и в период, когда крестьяне могли транспортировать свой груз санным путем. Основным средством передвижения, доступным для крестьянина, был гужевой транспорт.

В законодательных актах ярмаркам давалось следующее определение: это "суть общие торги, на которых в продолжение определенного законом или обычаям времени дозволяется вольная и беспрепятственная для всех сословий торговля всякого рода товарами". Ярмарки делились на главные и обыкновенные. В пореформенное время к главным относили Коренную, или Курскую, Нижегородскую и Ирбитскую. Все другие ярмарки, "учрежденные в городах, местечках и селениях", входили в разряд обыкновенных. Благодаря удобному географическому расположению территория Удмуртии имела прямую связь с Нижегородской и Ирбитской ярмарками.

Немаловажное значение в установлении срока проведения ярмарок имело время функционирования их в ближайших селениях, поскольку торговля шла как бы по кругу – нереализованный товар кочевал с одной ярмарки на другую, что создавало благоприятные условия для сбыта нереализованной продукции и формирования оптовой. Ярмарки создавали условия для постоянной внутренней миграции торговой публики. К примеру, городское общество Сарапула и Елабуги в 1868 г. просило перенести сроки проведения ярмарок с декабря на 8–18 июля первую и на 15–25 августа вторую, объясняя это тем, что в декабре

проходила популярнейшая в регионе Мензелинская ярмарка (Уфимская губерния)⁶¹. Подобного характера было прошение к губернским властям крестьян Вятско-Полянского сельского общества в 1878 г. Население активно реагировало на сам факт существования ярмарки в своем селении и было в этом заинтересовано. Довольно обстоятельно объясняется необходимость организации ярмарки в наказе сельского схода Люкского сельского общества в 1890 г.: "Мы и прочие поселяне нашей Люкской волости постоянно бываем обременены поездкой в другие места на торжки, базары, теряя в пути день, два и более времени, иногда за самую малую покупку и продажею товара, но которые и вынуждены выдают свой товар сбывать развезжающим поселянам, торговцам, кулакам за ничтожную цену, а от последних необходимый товар покупать за дорогую цену, а при имени бы при своем селе еженедельного торжка такие поселяне не были бы лишены возможности свой товар привезти на торжок и там продать по действительно существующей цене, а также купить и необходимый для себя товар. Просим открыть ежегодную ярмарку под названием "Веденовская"⁶². Ярмарочная торговля оживляла жизнь края, собирая торговцев отдаленных мест с самой разнообразной продукцией. Создавая условия для реализации товара, она стимулировала развитие как товарного сельскохозяйственного, так и кустарного производства.

Ярмарки Удмуртии носили региональный характер. Охватывая полиэтническое население Вятской губернии и прилегающих районов Пермской, Оренбургской, Казанской губерний, включали в орбиту рынка русских, удмуртов, татар, бесермян, коми, марийцев, башкир. Система рынка несла широкую многоплановую функцию. Периодическая сфера выполняла основную нагрузку в товарообмене, обеспечении населения предметами первой необходимости. Здесь происходила концентрация продовольствия, хлеба, скота, сырья для промышленности (льна, шерсти, меда, пень-

ки, шкур), реализация крестьянами изделий кустарной промышленности и промыслов, а торговцами – промышленных товаров отечественного производства и импортных товаров, перепродажа товаров друг другу. Сфера рынка являлась катализатором взаимодействия этносов, именно здесь происходили наиболее интенсивные межэтнические контакты. Создавалась та живительная среда, где естественно происходил процесс свободного, ненавязчивого вживания в иную этнокультуру, отбор и заимствование наиболее рациональных форм и технологий производства, а также установление общих этических норм, прежде всего на попроще коммерции.

Ассортимент товаров на всех рынках соответственно потребностям в основном крестьянского населения региона был идентичным, за исключением ярмарок Петровской в с. Балеине и Богородской в с. Бельско-Троицком, являвшихся конными⁶³.

При перечислении преобладающих видов товара, представленного на базарах, сельские старосты указывали прежде всего на "товары местной потребности", "общепотребительные товары", "товары съестной потребности", "жизненные припасы", "съестные припасы", а также мясные изделия, сапожный товар и непременно "красный товар": чай, сахар, крупчатка, бакалея, галантерея и фрукты⁶⁴. Продавцами сельскохозяйственной продукции и произведений кустарной промышленности были крестьяне. Как это было, рассказывает в своем произведении "Базар" Д. И. Стахеев: "На площадь более и более прибывали телеги и устанавливались длинные ряды с поднятыми вверх оглоблями. Они далеко уходили вдаль и скрывались на улице. Площадь заставилась скоро вся, и запоздавшие крестьяне косо посматривали кругом, ставя свои телеги вдоль улицы и оставляя лишь узенькую дорожку для прохода и проезда будущих покупателей"⁶⁵. "Красный и колониальный товар" привозили купцы, реализуя его через многочисленные лавки, рассеянные по селениям Удмуртии, в том числе располагавшиеся на торговых

площадях и работавшие постоянно в базарные и ярмарочные дни.

Таким образом, торговый рынок Удмуртии имел сложный многоступенчатый характер. Территория ее была покрыта сетью мелких рынков. Основной формой товарообмена населения были базары, торжки, ярмарки, где шла бойкая как розничная, так и оптовая торговля. На местном рынке, оторванном от общей железнодорожной сети, продолжали господствовать отсталые формы торгового и ростовщического капитала. Периодическая сфера рынка использовалась купцами как место формирования оптового груза. Следует заметить, что какая-то часть продукции реализовывалась прямым путем: производитель – потребитель, но чаще всего сбыт носил многоступенчатый характер. Многие товары, поступавшие на рынок, проходили уже через руки 3–4 посредников. Эта продукция вновь возами скупалась перекупщиками и поступала в хранилища – складочные амбары, располагавшиеся на пристанях рек, принадлежавшие, как правило, купеческим торговым домам. Оптовое формирование сельскохозяйственной продукции происходило еще и помимо базаров, непосредственно скупкой “с домов” через перекупщиков, чаще всего зажиточных крестьян-ростовщиков. Формирование оптового груза при закупке “со двора” было характерным для зерновой продукции, а также льняного семени, кудели, холста, яиц, меда и даже земляники. Помимо периодической сферы рынка, скупки “со двора”, закуп зерна производили непосредственно в складочных амбарах, куда часто зерно привозили сами крестьяне.

Вся территория Удмуртии была разделена между купцами на постоянные сферы действия по закупке сельскохозяйственной продукции. По имеющимся данным на 1882 г., в Малмыжском уезде действовало 14 крупных торговцев, из них 13 купцов, один мещанин из Глазова⁶⁶. Самые крупные операции по скупке-продаже хлеба проводили братья Батуевы, Кунаев, Волков, Брюхачев, Гущеваров, Платунов, Нир Батуев. Семь

малмыжских купцов формировали свой товар (льняное семя, рожь, овес, муку, лен) в Малмыже, с. Ципье, с. Рожки, где у купцов находились свои конторы. Из иногородних елабужские купцы Стахеевы имели складочные амбары в с. Поляны и Малмыже. Вятский купец Прозоров и казанский купец Алфузов базировали скупленные рожь, овес, семя, куделю, лен в с. Кильмезь, чистопольский купец Суслев – в с. Поляны. В общей сложности купцы, опираясь на широкую сеть скупщиков, приобретали в Малмыжском уезде 752 490 пудов сельскохозяйственной продукции. Из них: ржи – 192 398 пудов, овса – 338 347 пудов, семени льняного – 157 224 пуда, кудели – 30 тыс. пудов, льна – 6 500 пудов, муки – 28 тыс. пудов.

В Елабужском уезде действовали 13 преуспевающих торговцев сельскохозяйственной продукцией, в том числе 12 купцов, 1 крестьянин. Семь купцов Елабужского уезда: Д. И. Стахеев, И. Г. Стахеев, Е. Е. Емельянов, В. И. Шабалин, М. Н. Лошилов, П. А. Вавилов, А. В. Шабалин – формировали свой товар в Елабуге и в с. Пьяный Бор. Самые крупные закупки для Глущурминского винного завода и перепродажи за пределами Удмуртии производила фирма “Торговый дом Г. Стахеев, сыновья” Для Константиновского винного завода скупались рожь, овес, ячмень торговой фирмой “Наследники коммерции советника мамадышского купца Щербачева” Всего в 1882 г. в Елабужском уезде было закуплено 755 580 пудов сельскохозяйственной продукции. Из них: ржи – 103 405 пудов, овса – 188 495 пудов, гречихи – 128 100 пудов, ячменя – 1 080 пудов, семени – 58 500 пудов, муки – 27 600 пудов, гороха – 500 пудов⁶⁷.

В Глазовском уезде скупкой сельскохозяйственной продукции занимались 17 торговцев, из них 16 купцов, 1 крестьянин. Ярославские купцы Пастуховы и 6 глазовских купцов: Н. А. Сергеев, Я. И. Столбов, А. Н. Попова, Н. А. Новиков, Савинцев, И. Ф. Кошечев – сосредоточивали свою продукцию в Глазове, а также в селах Укан-

ское, Ухтым. Большими партиями скупали рожь, муку, овес заводоладельцы – купцы Пастуховы. Скупку ржи, овса, ячменя в уезде производил слободской купец Анчуков. Его складочные амбары находились в с. Уни. Один из крупных заводоладельцев – купец Александров – для винокурного завода приобретал рожь и овес, базируя груз в с. Пышкетском. Для Кокшанского винокурного завода купец Кононов скупал рожь и овес. Всего в Глазовском уезде на 1882 г. приобреталось 620 355 пудов сельскохозяйственной продукции. Из них: ржи – 360 596 пудов, овса – 153 269 пудов, семени – 73 324 пуда, муки – 33 166 пудов⁶⁸.

Несколько иная картина торговли сельскохозяйственной продукцией наблюдалась в Сарапульском уезде. Во-первых, здесь функционировало значительно большее по сравнению с другими уездами число торговцев (30 человек). Во-вторых, преобладающее число скупщиков было из крестьян (22 человека). В этом уезде только шесть купцов: П. Н. Дедюхин, Г. М. Котков, А. Т. Шитов, Н. И. Дедюхин, О. Ф. Зорин – занимались оптовой торговлей сельскохозяйственной продукцией. В-третьих, значительная часть товара оседала в этом же уезде, в таких самых крупных в крае населенных пунктах, как поселки Ижевского и Воткинского заводов, и в Сарапуле. Купеческие конторы, заготавливающие муку, рожь, овес, семя, находились в Сарапуле, в поселке Воткинского завода, с. Каракулине. Зерновая продукция со всей округи свозилась крестьянами в торговые села Петропавловское, Дебесы, Каракулино. В Сарапульском уезде закупалось 461 770 пудов сельскохозяйственной продукции. Из них гречихи – 5 тыс. пудов, крупы – 6 тыс. пудов, овса – 132 тыс. пудов, пшеницы – 1 200 пудов, ржи – 49 570 пудов, ячменя – 16 500 пудов, семени – 174 100 пудов, муки – 77 400 пудов⁶⁹. Таким образом, в 1882 г. в четырех уездах Удмуртии у крестьян через заготовительные конторы скупалось 2 590 195 пудов зерновых и технических культур. В общей массе закупленных товаров самый боль-

шой удельный вес занимала продукция Елабужского (30 %) и Малмыжского (29 %) уездов, в Глазовском уезде он составлял 24 %, а самая малая часть товарного хлеба приходилась на Сарапульский уезд. Из вышеприведенных данных следует, что в 80-е гг. на территории четырех "удмуртских" уездов массовой скупкой сельскохозяйственной продукции занимались 74 конторы, из них владельцами 49 были купцы, 23 – крестьяне, 2 – мещане. В 1882 г. 74 закупочными конторами было приобретено 2 398 275 пудов ржи, муки, овса, пшеницы, ячменя, гречихи, льняного семени и волокна. Рожь, мука, овес составляли 80 % массы всего закупленного товара. Крестьянские закупочные конторы функционировали только в Сарапульском уезде, имея небольшой товарооборот. Закупочный хлеб везли для реализации в Сарапул, Ижевск, Воткинск непосредственно потребителю. Как показывают источники, в формировании оптовой сельскохозяйственной продукции непосредственно на территории Удмуртии в какой-то мере участвовали крестьяне, однако реализация ее за пределами края на внешнем рынке была полностью монополизирована купцами.

Обратимся к рассмотрению вопроса о том, как распределялся годовой запас зерна четырех "удмуртских" уездов и какое место занимало в нем товарное зерно на 1888 г. (табл. 1).

Статистические данные показывают, что подавляющая часть зерновой продукции, т. е. 94,37 %, оседала на месте и только 5,63 % зерна вывозилось за пределы Удмуртии. Значительная масса произведенного хлеба уходила на потребление населением и корм скота, а также оставалась в закромах, на семена, определялась в продовольственно-запасные магазины. В силу неравнозначности почвенно-климатических условий края часть зерна шла на перераспределение между уездами. Зерно использовалось также в качестве сырья в вино-водочной промышленности. И только незначительный процент приходился на вывоз за пределы губернии.

Распределение годовых запасов зерна Удмуртии,
по данным на 1888 г., пуд*

Сферы распределе- ния зерна	Зерновые культуры				Итого	Процент от общего числа
	рожь	пшеница	ячмень	овес		
На семена	5 237 952	208 176	1 250 333	8 270 928	14 967 389	31,11
На продовольствие населению и корм для животных	13 031 120	67 616	429 912	14 809 296	28 337 944	60,9
За границу	22 000	—	—	20 000	42 000	0,09
За пределы губернии	806 056	40 000	131 700	1 862 722	2 640 78	5,63
В соседние уезды	7 200	—	42 992	4 770	54 962	0,13
На винокуренные заводы**	905 976	—	7 375	16 726	930 077	1,99
В продовольственные запасные магазины	41 011	—	432	27 970	69 413	0,15
Всего	19 851 315	315 792	1 882 744	25 012 412	47 042 263	100
Всего, %	42,0	0,6	4,4	53,0	100	

Из Глазовского уезда отправляли за границу рожь (22 тыс. пудов) и овес (20 тыс. пудов), что составляло 0,09 % годового запаса зерна. В общей массе всей вывозимой товарной продукции хлебные грузы занимали всего лишь 16 %.

Следует отметить, что Приуралье, к которому отнесены Вятская и Пермская губернии, являлось одним из регионов с самыми низкими средними экономическими показателями: по тягловой силе (Приуралье – 45,3 руб., Центрально-промышленный район – 59,9 руб.), рабочей силе (соответственно 49, 5 коп. в день и 63,5 коп. в день), земле (36,8 руб. за десятину и 69,1 руб.), основной земледельческой культуре – ржи (57,7 коп. за пуд и 73,3 коп.). В начале XX в. уровень средних цен на тягловый скот, землю находился в соответствии с естественной производительностью земли и степенью развития земледельческого производства. Данные

проблемы для историографии Удмуртии остаются открытыми⁷⁰.

Более полная картина участия удмуртского края в составе единого всероссийского рынка представлена в таблице 2.

Согласно данным Вятского губернского статистического комитета за 1895 г., ведущее положение в отраслевой принадлежности товаров занимала промышленная продукция, на долю которой приходилось 79,1 % стоимости всех товаров. Следует заметить, что из них 50 % – приходилось на частновладельческую промышленность, которая в основном принадлежала купцам. Если же рассматривать отдельно объемы вывозимой товарной продукции по каждому предприятию, то пальма первенства принадлежала Ижевскому оружейному и Воткинскому заводам. По сравнению с уровнем развития сельского хозяйства XVIII в. наблюдается тенденция снижения вывоза продукции

* ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 1146, л. 17–50.

** На винокуренные заводы доставлялся еще горох в количестве 9 500 пудов из Елабужского уезда.

Таблица 2

Вывозимый товар, по данным на 1895 г., руб.*

Продукция и пути ее транспортировки	Глазовский	Елабужский	Малмыжский	Сарапульский	Общая товарная масса	Процентное отношение стоимости товара (без Ижевского, Воткинского, 3-дов)/ Процентное отношение стоимости товара (с Ижевским и Воткинским 3-дами)
<i>Всего сельскохозяйственной</i>	384 469	295 734	1 134 262	591 594	2 406 059	47,4/20
Из нее:						
сухопутно	286 569	3 600	414 712	26 661	731 542	
водой	97 900	292 134	719 550	564 933	1 674 517	
Зерно	34 565	204 070	330 541	242 375	811 551	16
В том числе:						
сухопутно	19 365	—	20 805	13 782	53 952	
водой	15 200	204 070	309 736	228 593	757 599	
<i>Всего кустарной</i>	4 850	7 858	84 450	15 290	112 448	2,3/0,9
Из нее:						
сухопутно	4 850	6 258	84 450	4 050	79 608	—
водой	—	1 600	20 000	11 240	32 840	—
Заводская	347 587	2 140 534	37 500	36 004	2 561 625	50,3/79,1
Из нее:						
сухопутно	3 000	—	8 500	10 920	22 420	—
водой	344 587	2 140 534	29 000	25 084	2 539 205	—
<i>Итого товарной массы</i>	736 906	2 444 126	1 256 212	642 888	5 080 132	100
Из нее:						
сухопутно	294 419	9 858	487 662	41 631	833 570	16,4
водой	442 487	2 434 268	768 550	601 257	4 246 562	83,6
Ижевского и Воткинского 3-дов	—	—	—	7 404 864	7 404 864	—
<i>Всего</i>	736 906	2 444 126	1 256 212	8 047 752	12 484 996	100

этой отрасли: зерновая — 20 %, производства крестьянской промышленности — 0,9 %.

Товарный груз направлялся по нескольким традиционным торговым путям: в Поволжье, на северо-запад страны (в Архан-

гельск, Петербург) и в Сибирь. Так, обувь сарапульских кожевенно-сапожных предприятий была востребована на Нижегородской, Крестовской, Ирбитской, Симбирской, Мензелинской ярмарках. Кожа и юфть из

* ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 150, л. 82-83.

Сарапульского и Глазовского уездов вывозилась в Пермскую, Оренбургскую, Казанскую, Нижегородскую губернии. Мехаовые товары, а также продукция железнододелательных заводов И. Д. Пастухова реализовывалась в Нижнем Новгороде, а соломенно-бумажных фабрик – в Казани и Нижнем Новгороде. Вино-водочные изделия Байтерьяковского, Гулюшурминского, Корсунского и т. д. заводов отправлялись в Москву, Нижний Новгород, Астрахань, Казань, Вятку, Санкт-Петербург, а также за границу. Широкий был ареал сбыта продукции частных ижевских оружейных предприятий. Ружья поступали в оружейные магазины Кавказа и на крупные ярмарки страны: Нижегородскую, Ирбитскую, Мензелинскую. На этих ярмарках, а также на фабриках и заводах Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Перми, Казани, Астрахани, Саратова реализовывалась продукция Кокшанского и Бондюжского заводов купца П. К. Ушкова. Канатно-прядильные фабрики купцов А. Ухтымышева и В. Герасимова нашли рынок сбыта в Ростове-на-Дону и в поволжских городах. Во многие местности страны ввозили товар стекольные заводы края. Продукция кустарных заведений: рогами, смола, деготь, различного рода повозки (летние и зимние кузовы, тарантасы, кошевки, телеги), холст, тканые изделия – поступала на поволжские рынки. В последние два десятилетия XIX в. вывоз крестьянских изделий значительно сократился ввиду возникшей конкуренции кустарной и фабрично-заводской промышленности. Однако возросла потребность на валяную обувь и пеньковую веревку в Сибири. Сельскохозяйственная продукция: хлеб, лен, кудель, конопля, льняное семя – вывозилась в большинстве своем в Поволжье, северные районы страны, поступала в Архангельск и Петербург, оттуда – за границу.⁷¹

Таким образом, местный рынок Удмуртии являлся составной частью общероссийского рынка. В силу подавляющего большинства деревенского населения, мелко-товарного характера крестьянского

хозяйства периодическая сфера рынка играла большую роль в жизни населения края. Небольшие базары, торжки, ярмарки носили локальный характер, служили местом товарообмена, обслуживали население сельскохозяйственной и промышленной продукции. По преобладающему характеру торговли ярмарки относились к узловому розничному типу. Как было показано выше, товары продавались как в розницу, непосредственно потребителю, так и оптом. Узловой сборный тип ярмарки, на которой происходила скупка зерна, муки, крупы, масличного семени, льна, кудели, пакли, яиц, кож, шкур и шкур, формировался купцами. Товар скупался у производителей для дальнейшей продажи потребителям или же торговцам, а также как сырье для предприятий. Купцы при формировании оптового товара использовали самые различные формы торговли. Помимо периодических форм, скупку проводили прямо "со двора" из рук производителя или через склады, располагавшиеся по всей территории Удмуртии: в торговых селах, на пристанях, станциях и т. д.

Стационарная сфера рынка

Удовлетворение нужд населения промышленными товарами происходило и через стационарную сферу рынка: лавки, магазины, биржи, купеческие конторы. На территории четырех "удмуртских" уездов торговлей как профессиональным занятием согласно всеобщей переписи населения 1897 г. было охвачено 14 533 человека, что составляло 1 % ее населения. Торговая отрасль народного хозяйства была зафиксирована в 15 группах. Отдельной группой представлена развозно-разносная торговля, включавшая в себя только 432 человека и торговое посредничество, коим в четырех уездах занимались 52 человека. По-видимому, в последнюю группу вошли только служащие при купеческих конторах торговых домов, а большая масса зажиточных крестьян-посредников, доставлявших сельскохо-

зяйственную продукцию к купочным конторам, статистиками не была зафиксирована.

Остальные 13 групп явно составляли стационарную сферу рынка. Самое значительное число торгующих людей было занято реализацией продуктов сельского хозяйства (4 539 человек, или 32,3 %) и отдельно зерна (928 человек, или 6,6 %). В общей массе торговых людей служащие питейных заведений составляли 1 590 человек, или 0,9 %, а также трактиров, гостиниц, меблированных комнат, клубов – 1 038 человек, или 7,4 %. В торговле тканями и предметами одежды было занято 1 665 человек, или 11,8 %. В отдельную группу были выделены владельцы магазинов (174 человека, или 1,3 %), реализующих “металлические товары, машины, оружие”, а также торгующие предметами роскоши, науки, искусства, культя. Количественный состав был немногочислен, всего 54 человека, что составляло 0,4 %. Относительно территориальной активности самая интенсивная торговля с привлечением наибольшего числа торгующих лиц была в Сарапульском уезде (7 360 человек), в том числе в Сарапуле (2 620 человек), менее активной – в Елабужском уезде, в том числе в Елабуге (3 031 человек) и сравнительно пассивными были Глазовский (1 850 человек) и Малмыжский уезды (1 800 человек). В сельской местности за исключением Елабужского уезда число торговцев было намного больше, чем в городах. В Елабуге торгующих людей было в 1,5 раза больше, чем торгующих в уезде.

Количественный состав коммерсантов среди представителей различных национальностей отличался большим контрастом (табл. 3). В профессионально-торговой занятости русские, так же как и татары, составляли 1,2 % всего населения Удмуртии, удмурты – 0,03 %. Татары отдавали большее предпочтение развозно-разносной торговле. Удмуртское население – зерну и другим продуктам сельского хозяйства. Русское население участвовало во всех видах торговли. Однако самое значительное число

торговцев-русских было занято в реализации сельскохозяйственных продуктов.

В Удмуртии к 1897 г. функционировало 3 736 постоянно действующих торговых заведений. В Сарапульском уезде насчитывалось 1 785 магазинов и лавок, в Елабужском – 749, в Малмыжском – 630, в Глазовском уезде – 572. В 90-х гг. XIX в. сложилась разветвленная узкая специализация в подборе ассортимента товаров. Самый большой процент (26,1) составляли мелочные лавки, а также магазины, торгующие бакалейными, колониальными, гастрономическими, колбасными товарами, чаем, сахаром, кофе.

Торговля зерном, сеном, соломой велась в 335 точках, что составляло всего лишь 9 % общей массы торговых заведений. В то время, по данным переписи 1897 г., в торговлю сельскохозяйственной продукцией было вовлечено самое большое число населения края. Основной объем сельскохозяйственной продукции реализовывался в периодической сфере рынка, где значительную роль играли скупщики, перекупщики, агенты-посредники крупных купеческих контор.

Несмотря на широкое развитие в крае кожевенно-сапожных промышленных предприятий, магазинов по продаже сапог и башмаков насчитывалось лишь 59, что составляло 1,6 % всех торговых точек. Данное явление объясняется тем, что самые крупные купеческие кожевенно-сапожные заведения большую часть продукции вывозили за пределы губернии, в основном в большие города, а также снабжали армию. Нужды крестьян в обувной продукции удовлетворяли ремесленные и мелкотоварные крестьянские заведения. Как правило, крестьяне пользовались сырьем собственного производства и получали от ремесленников готовую продукцию. Широчайшее развитие промыслов по изготовлению одежды, предметов быта в рамках полунатурального крестьянского хозяйства объясняло малочисленность магазинов, торгующих готовым платьем, шляпами, зонтиками, перчатками (55 заведений), а также мебелью, столярно-

Жители Удмуртии (по этническому признаку),
занятые в отдельных видах торговли, на 1897 г.

Объекты торговли и ее виды	Русские, чел.	Удмурты, чел.	Татары, чел.	Итого, чел.
Торговое посредничество	174	–	1	175
Без точного определения	1 493	27	243	1 749
Живой скот	113	–	58	171
Зерновые продукты	–	26	55	911
Остальные сельскохозяйственные продукты	2 771	27	170	2 954
Строительные материалы	335	16	102	441
Вещи домашнего обихода	126	1	11	137
Металлические товары	194	1	18	213
Ткани и одежда	582	8	222	808
Кожа и меха	210	4	47	261
Предметы роскоши, науки, искусства, культы	55	–	12	68
Остальные товары	113	4	11	124
Развозно-разносная	167	1	214	387
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты	936	20	147	1 085
Питейная	1 347	9	19	1 376
<i>Итого</i>	9 446	136	1 330	10 870
Общее количество, %	87,0	0,7	12,3	100

токарными изделиями, экипажами. Такие магазины располагались в городах и заводских поселках. Преобладание крестьянского населения с его строго рационализированным ведением хозяйства, сравнительно низким жизненным уровнем значительной его части, слабая развитость городов определяли ничтожно малое число магазинов (а в некоторых уездах и их отсутствие) по продаже изделий из золота, серебра, драгоценных камней, мельхиоровых, бронзовых сплавов, фарфоровых, фаянсовых, хрустальных изделий, часов.

Необходимый для населения ассортимент товаров не отечественного производства формировался за счет прочно установленных межрегиональных связей. Основная их масса, в том числе колониальных,

скупалась на крупнейших ярмарках страны. Торговля оптовым товаром была полностью монополизирована купечеством, крупными предпринимателями, владельцами промышленных торговых заведений региона.

География происхождения ввозимого в Удмуртию товара была довольно обширной. Так, речным путем на протяжении всего навигационного периода из Нижнего Новгорода поставлялись в Удмуртию сахар, рыба, масло, ветчина, фрукты, вино, пиво, чай, табак, посуда, железо и разные металлические изделия, пенька, кожевенный товар, мебель, луб, бочки, щепной товар, обувь, пряжа, галантерейные, бакалейные товары, вата и т. д. Из Казани торговцы завозили на местный рынок сахар, бакалейные товары, рыбу. Из района Казани поставлялась рыба,

* Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 194–299.

из Соликамска – соль, из Уфимского района в больших объемах – мануфактурный товар, из Мамадышского района – спирт, подсолнечное масло и семя, из Астрахани – мазут, крупа, конопля, пшено, из Перми – кожаный товар. Северная часть Удмуртии, расположенная вдоль железнодорожной линии, испытывала наибольшее тяготение к Перми и Вятке. Южная и центральная часть территории Удмуртии имели установившиеся на протяжении столетий прочные связи с Нижегородской и Казанской губерниями.

Товарная масса, ввезенная в Удмуртию, распределялась по различным торговым сферам. Согласно правилам торговли она делилась на оптовую, розничную и мелочную. Оптовая торговля производилась купеческими конторами, складами, амбарами, нередко торговали прямо с судов. Розничная торговля осуществлялась через лавки, магазины. Если периодическая сфера рынка, т. е. торговля на ярмарках, торжках, базарах, не облагалась пошлиной, то развозно-разносная и стационарная могли производиться только при уплате пошлины, т. е. при наличии свидетельства или билета на право торговли. Территория России в целях сбора пошлины была разделена на пять классов местностей по уровню развитости промышленности и торговли. Сарапульский, Елабужский, Малмыжский уезды были отнесены к четвертому классу податных групп по признаку широкого развития крестьянских промыслов и весьма выгодного торгового положения при крупных реках. Глазовский уезд, располагавшийся в худших природных-географических условиях, был отнесен к пятому классу местностей.

Соответственно плата за свидетельства и билеты на торговые и промышленные предприятия была неидентичной. В декабре 1880 г. по указу правительства пошлины на торговлю и производство при свидетельстве первой гильдии составляли 10 руб., второй – 5 руб., и при свидетельстве на мелочный торг – 3 руб. Ставки обложения были увеличены почти вдвое. За свидетельство первой гильдии – 600 руб., за

свидетельство второй гильдии – 30–100 руб. И вместе с тем за билеты первой гильдии на право иметь промышленное заведение – 20–50 руб., для второй гильдии – 10–30 руб. (в зависимости от класса местностей). При этом купцы должны были платить еще в пользу земства сбор с гильдейских свидетельств в размере не более 25 %, а с прочих свидетельств и билетов – не свыше 10 % их стоимости. Таким образом правительство стремилось внести соразмерность обложения и в то же время сравнительно небольшими налогами дать возможность развиваться частно-владельческой промышленности. Государственным советом признавалось, что относительно налогообложения "торговля и промышленность, по справедливости, должны считаться в положении сравнительно менее обременительными, чем земля и другие недвижимые имущества"

Данные о числе выданных свидетельств на право торговли и промыслов позволили выявить уровень состояния торговли в крае и удельный вес участия в ней представителей различных слоев общества* Число свидетельств и билетов при гильдейских свидетельствах на торговые предприятия неизменно росло с опережающими темпами свидетельств купцов второй гильдии на всем протяжении второй половины XIX в. Купцы первой гильдии обладали более широким спектром действия: они имели право производить оптовую и розничную торговлю, содержать конторы, принимать подряды, поставки и откупа повсеместно, где им заблагорассудится. По свидетельству второй гильдии купцам предоставлялось право производить розничную торговлю только в своем уезде, а также содержать лавки, фабрики, ремесленные заведения, принимать подряды и поставки на сумму не свыше 15 тыс. руб. Любой

* Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 гг. Вятка, 1867. С. 196, 197; ГАКО. ф. 574, оп. 2, д. 146, л. 83; ф. 582, оп. 92, д. 176, л. 32–34.

желающий торговать привозными и фабричными товарами вне городов должен был приобретать свидетельство на развозной или разносной торг. На территории Удмуртии такая торговля шла по возрастающей линии до 70-х гг., в последующее время – по нисходящей. Однако развозно-разносная торговля не получила большого распространения. В 60-е гг. ею было охвачено 74 человека, в 70-е – 307 человек, в 90-е – 263 человека, в 1911-е – 179 человек.

По свидетельству "на мелочный торг" владельцы могли обзаводиться небольшими лавочками. Мелочной торговлей занимались почти все слои общества: купцы, мещане, крестьяне. Во второй половине XIX в. наблюдалось широкое распространение и рост числа мелких лавок с 1 150 в 1864 г. до 2 475 в 1895 г. В материалах Приложения к Всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1895 г. сообщается: "Замечено, что число мелочных лавок с продажей преимущественно чая, сахара и вообще бакалейных товаров в селах и деревнях губернии в последнее время с каждым годом увеличивается, словом, замечается склонность торговли децентрализоваться, не сосредотачиваться в одних более крупных селах, а переходить в мелкие и даже деревни"⁷²

Рост мелких форм стационарной сферы рынка наблюдался и в 1900 г. Податной инспектор 1-го участка Сарапульского уезда докладывал: "Бакалейная торговля мельчала и дробилась, сосредоточиваясь в селениях полуобеспеченных денежным достатком рук деревенских богачей"⁷³ Более детальную картину состояния стационарной торговли представил податной инспектор Елабужского уезда. По его замечаниям, "в Елабужском уезде из года в год замечается стремление в развитии мелкой торговли. Она заключается в открытии преимущественно мелочных лавочек с продажей чая, сахара и съестных припасов. Собственниками таких лавочек являются большей частью местные крестьяне. Не имея большого капитала, они ведут свою торговлю

при оборотах в течение года в несколько сот рублей и, если получается чистого дохода 30–50 руб. в год, считают это вполне достаточным для себя, вследствие того, что торговля составляет для них побочное занятие, расходов с ней немного – помещение свое, ненаемное, привоз товара также бесплатный на своей лошади, права (промысловое свидетельство) недороги, а постоянного нахождения в лавочке не требуется, можно ходить в нее лишь тогда, когда явится покупатель. Хорошим показателем развития такой торговли может служить количество ежегодно выбираемых промысловых свидетельств (3-го разряда, 3-го и 4-го класса) в 15–10 рублях"⁷⁴ Данные факты свидетельствуют об активном развитии в крае на рубеже XIX и XX вв. более передовой сферы рынка – стационарной. Однако по сравнению с центральными районами России в сельской местности она сформировалась позже и на довольно примитивном уровне. Карточные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении по 500 небольшим торговым заведениям Сарапула и 1-го участка Сарапульского уезда, показывают, что в мелочных лавках городов и сел существовала широкая специализация по продаже товаров⁷⁵ Перечень названий лавок представляет их разностороннюю направленность*: часть лавок работала на привозном промышленном или продуктовым товаре, часть – торговала продукцией собственного изготовления, поскольку существо-

* Лавка с булками и белым хлебом; лавка с мукой; лавка с мясом; колбасная лавка в своем доме при колбасной мастерской; лавка с кондитерскими товарами; лавка с рыбой на Базарной площади, при ней склад с рыбой; заведение фруктовых вод; пряничное заведение; лавка с восковыми свечами в своем доме при восковсвечной мастерской; галантерейная лавка при своем доме; магазин дамских шляп; лавка с мужской и дамской обувью; лавка с простонародно кожаной обувью под соборной оградой на Базарной площади; лавка с простою посудой и кожаной обувью; лавка с мебелью; лавка с простонарод-

вала при мелких промышленных заведениях, некоторые заведения специализировались на продаже продукции крестьянских промыслов и т. д.

Из 500 рассматриваемых нами мелких заведений 281 лавка (61,7 %) принадлежала крестьянам, собственниками 122 лавок (26,8 %) были мещане, купцы владели 52 лавками (11,42 %). Остановимся отдельно на бакалейных лавках. Из 82 лавок 54 % принадлежали мещанам, 35 % – крестьянам, 11 % – купцам. Таким образом, мещане в большинстве своем отдавали предпочтение бакалейным лавкам в основном в городах и заводских поселках. Мелочные бакалейные лавки отличались размерами торгового оборота. Это были лавки с годовым оборотом от 500–600 руб. до 180 тыс. руб. В среднем же сумма торгового оборота составляла 8 237 руб. на одно заведение. Годовой оборот 1 200–1 500 руб. имели 57 % всех заведений. Это, как правило, были небольшие лавки, располагавшиеся в одном "покое", в помещении при жилом доме с отдельным входом. При лавке имелся еще склад, где хранилась продукция. Заведение иногда имело вывеску. В качестве примера остановимся на мелочной бакалейной лавке сарапульского мещанина В. П. Паханова. Лавка находилась в доме хозяина, обслуживал ее сам хозяин. На право вести торговлю было взято свидетельство на торговое предприятие и табачную переправу 3-го разряда. Сумма торгового оборота составляла 1 200 руб.⁷⁸

ными и галантерейными товарами; лавка с валяной обувью; магазин с часами и дамскими шляпами; лавка с галантерейными и игольными товарами; лавка с валяной обувью; лавка с сеном; лавка со скобяными, москательными, посудными товарами; ведерная лавка; лавка с письменными принадлежностями для типографии; мануфактурный магазин; иконотасная мастерская; аптекарский магазин; винная лавка; ренсковый погреб; трактир в своем доме; пивная лавка; винно-кондитерский магазин при своем доме.

В начале XX в. с образованием торговых домов, ассоциированных обществ конкурентная борьба усилилась, в том числе и на уровне стационарной сферы рынка. Заявления-анкеты владельцев торговых предприятий, подававшиеся в казначейство за 1910–1915 гг., дают возможность представить конкретную картину состояния стационарных форм торговли в крае, включающую ренсковые погреба, лавки, трактиры, оптовые склады и т. д. На территории Удмуртии стационарную сферу рынка представляли конкурирующие между собой фирмы "Ижевское торгово-промышленное товарищество", "Торговый дом. Н-ки коммерции советника И. В. Александрова", Бахтияровские пиво- и медоваренные заводы, "Воткинское торговое т-во владелицы Катарги", "Т-во Жигулевского пивоваренного з-да А. Вакан и К". Наиболее ярко конкурентная борьба проявлялась в пиво- и медоваренной и вино-водочной отраслях производства. Свои оптовые склады торговые фирмы имели в городах и заводских поселках, как правило, располагавшихся в собственных складских помещениях. При складах сложилась разветвленная сеть торговых точек, занимавших либо арендованное, либо собственное помещение. Как уже отмечалось выше, на право торговли в такого вида заведении приобреталось выборное промысловое свидетельство на торговое предприятие 3-го разряда, выданное местным казначейством. Как правило, организацией торговли в данном случае занимался приказчик 1-го класса, который был довольно значительным лицом в системе стационарной торговли, что было под силу людям грамотным, оперативным, ловким. Он должен был хорошо ориентироваться в конъюнктуре рынка, благоприятно расположить торговую точку, уметь выбрать помещение, искусно организовать реализацию товара. Согласно уставу "приказчик обязан исполнять приказания и поручения своего хозяина во всей точности, быть к нему и семейству его почтительным и в поведении исправным" От приказчика требовалась

предельная порядочность, он "ни под каким видом не должен... брать чужих товаров для продажи... производить торг на имя хозяина собственными своими товарами" "отвращать, по мере возможности, всякие убытки" Приказчик, имея относительную свободу в организации торговли в вверенной ему лавке или магазине, четко следовал установленным ценам: "Если приказчик без письменного от хозяина приказа продаст товар в убыток, против цены, ему назначенной, то он обязан по требованию хозяина таковой убыток заплатить"

В Ижевске пивоваренный завод "Ижевского торгово-промышленного товарищества" имел пять складов: три из них находились при заводе, один – на углу Курённой улицы и переулка Бодалевского и последний – в с. Гольяны "в своем лабазе"⁷⁷ За 1912 г. было продано: пива – 121 402 ведра; барды – 2 698 литров; ростка – 885 пудов. Общий оборот складов имел 109 734 руб. 30 коп., прибыль – 11 472 руб. 86 коп. Годовой оборот за 1913 г. составил 164 тыс. руб., прибыль – 49 200 руб. Реализация пива шла через несколько торговых точек. По Бодалевскому переулку в Нагорной волости в собственном "Товарищества" доме находился "ренсковый погреб" Сам "погреб" состоял из двух зал, при нем имелись два складских помещения. Обслуживался двумя работниками: приказчиком 1-го класса и служащим. "За сокращением пивных лавок" (имеется в виду лавок других владельцев) торговый оборот предприятия увеличился. Товарищество имело еще "рестораны трактирного промысла" Один располагался в Нагорной волости по переулку Бодалевскому, другой – на улице Набережной. Оба находились в собственных помещениях, с годовым оборотом в 8 тыс. руб., прибылью в 1 200 руб. Кроме этого, фирме принадлежали "Пивные лавки с продажей пива и меда распривочно и на вынос" (оборот – 8 тыс. руб., прибыль – 1 200 руб.) в Нагорной волости на углу улицы Базарной и переулка Пурёнова в доме Соколова, в Заречной волости, на углу 5-й улицы и переулка Главышенского в доме

А. Л. Башенина (оборот – 10 тыс. руб., прибыль – 1 600 руб.), на углу улицы Береговой и переулка Вятского в доме Никифорова (оборот – 4 тыс. руб., прибыль – 640 руб.). В Нагорной волости 1 января 1913 г. была открыта еще одна лавка на углу улицы Старой и переулка Ботеневского в собственном помещении.

Таким образом, территория Удмуртии, удачно расположившаяся в междуречье судоходных рек с выходом на мощную Волжскую магистраль и Сибирский тракт, была изначально органично втянута в процесс складывания всероссийского рынка. На протяжении столетий на территории Вятско-Камского междуречья формировалась сеть мелких местных рынков, составлявшая упорядоченную систему периодической сферы рынка. С развитием транспортной системы (особенно во второй половине XIX в.) вне зависимости от административно-территориального деления сложилось шесть самостоятельных торговых районов. Формирование их шло вокруг промышленных и торговых пунктов, организованных сетью гужевых дорог с выходом на пристани Вятки, Камы, Чепцы, в населенные пункты Сибирского тракта и впоследствии – на станции Пермь-Котласской железной дороги. Соответственно многоукладности экономики рынок сочетал в себе различные сферы торговли: стационарную и периодическую, развозно-разносную. Ведущую роль в товарообмене, товарообеспечении в основном крестьянского населения края несла периодическая сфера рынка. Происходил процесс усложнения рыночной и более прогрессивной стационарной его сферы. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. развитие этих двух сфер шло по восходящей линии: увеличивалось, с одной стороны, число базаров, ярмарок, с другой – число магазинов, трактиров, лавок и т. д. Последние возникали в самых отдаленных уголках края. Отдельные сферы рынка, дополняя друг друга, обслуживали население как города, так и деревни.

Четкого размежевания этих двух сфер рынка, как в центральных районах России, здесь не произошло. В торговлю были втянуты все слои общества: крестьяне, мещане, дворяне, купцы. Каждый занял свою нишу в этой слаженной системе товарного рынка. Крестьянин как продавец выступал основным действующим лицом в периодической сфере. Купец в большей степени в этой сфере являлся покупателем-оптовиком определенного вида товаров, именно того, который пользовался спросом на общероссийском рынке. В то же время он выступал как основное действующее лицо в стационарной сфере рынка, как покупатель-оптовик, завозящий товары промышленного производства и колониальные на местный рынок. В свою очередь, через посредников товары растекались по мелким торговым точкам края, владельцами которых довольно часто были как крестьяне, так и мещане. Предприниматель, ведущий комплексное хозяйство, владевший промышленными предприятиями, монополизировал торговлю в крае в сфере своей промышленной специализации через стационарную сферу рынка. Удмуртский региональный рынок, как и многие другие в России конца XIX – начала XX в., был ареной конкурентной борьбы за покупателя. Предприниматель, получив доходы в торговле за счет разницы цен ввозимых и вывозимых товаров, направлял их в промышленную деятельность. Сравнительно высокий уровень развития как государственной, так и частновладельческой промышленности, с одной стороны, мелко-товарный характер земледельческого хозяйства, с другой, отразились и на соотношении объемов вывозимой за пределы края товарной продукции. Около 80 % приходилось на долю «экспортируемой» промышленной продукции. Исследования показывают, что удмуртский край, являясь составной частью Приуралья, был втянут в функционирование единого капиталистического рынка.

Ссылки на литературу и источники

- ¹ Истомина Э. Г. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в период феодализма. Свердловск, 1986. С. 74; Мельников С. Л. Речной транспорт Камско-Вятского бассейна в XIX веке // Очерки истории Удмуртии. Ижевск, 1996. С. 250.
- ² Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России. СПб., 1872. С. 214.
- ³ Вятские губернские ведомости. 1859. № 14. С. 14.
- ⁴ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 г. Вятка, 1900. С. 62; Приложение к отчету вятского губернатора за 1900 г. Вятка, 1902. С. 34.
- ⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 28.
- ⁶ От бурлака до пароходов // Русское судоходство 1886. № 7–8. С. 105–114; Клепиков К. К. Сборник статей вятского старожила. Вятка, 1899. С. 5.
- ⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 228; Подворные переписи: Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1885. Т. 1. С. 201–207; 1889. Т. 6. С. 148–172; 1892. Т. 7. С. 612–615; 1892. Т. 8. С. 800–865.
- ⁸ Журнал для акционеров. СПб., 1857. № 64. С. 6; № 66. С. 88; 1858. № 1. С. 51.
- ⁹ Блинов Н. Н. Первые пароходы на Каме // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914. С. 5; Русское судоходство. 1886. № 7–8. С. 117; Дубинин В. А., Пак А. И. Кама. Молотов, 1950. С. 17.
- ¹⁰ ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 6714; Блинов Н. Н. Первые пароходы на Каме // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914. С. 5.
- ¹¹ РГИА, ф. 174, оп. 1, д. 7497; АОА г. Сарапула, ф. 76, оп. 1, д. 6.
- ¹² Вятские губернские ведомости. 1857. № 30. С. 3; Березин Е. В. Страницы истории Вятского судоходства // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 241–248.
- ¹³ Вятские губернские ведомости. 1875. № 30. С. 3; Приложение к отчету вятского губернатора за 1897 г. Вятка, 1898. С. 48; Поверстное описание рек Волги, Камы и Вятки. Казань, 1899. С. 180.
- ¹⁴ Вятские губернские ведомости. 1858. № 11. С. 78; 1887. № 97. С. 3; № 100. С. 3.
- ¹⁵ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 228.
- ¹⁶ РГИА, ф. 174, оп. 1, д. 43; ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 12; Статистический сборник МПС за 1882–1883 гг. СПб., 1885; Там же. 1891. С. 52; Сутырин Б. А. О некоторых особенностях развития речного транспорта в Камском бассейне в XIX веке // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 10; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. С. 174.

- ¹⁷ ГАКО, ф. 576, оп. 1, д. 749; Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1869. С. 76; Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1900 г. Вятка, 1899. С. 82.
- ¹⁸ Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1901 г. Вятка, 1890. С. 69.
- ¹⁹ РГИА, ф. 173, ф. 174; Воткинские были. Ижевск, 1959. С. 64–66; *Сутырин Б. А.* Роль машиностроительных заводов Среднего Урала в создании отечественного речного транспорта // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1965. Вып. 6. С. 50–64.
- ²⁰ *Мельников С. Л.* Судовые рабочие Вятской губернии во второй половине XIX в. // Государство и общество. Ижевск, 2002. № 1. С. 126.
- ²¹ *Китанина Т. М.* Из истории образования концерна Стахеева // Из истории империализма в России. М., 1959. С. 100–133; *Мельников С. Л.* Речной транспорт Камско-Вятского бассейна в XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 245–259; *Он же.* Особенности технической реконструкции транспорта Камского бассейна во второй половине XIX в. // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 284–286; *Сутырин Б. А.* О некоторых особенностях развития речного транспорта в Камском бассейне в XIX в. // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 142–148; *Он же.* Транспорт Урала в период промышленного переворота (1840–1880) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 66–93.
- ²² *Роговцев П.* Государева дорога // Памятники отечества. Удмуртия, 1995. С. 51.
- ²³ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 75; д. 65.
- ²⁴ СЗ. 1857. Т. 12; Устав путей сообщения. С. 523–802.
- ²⁵ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 19; д. 57; Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1900 г. Вятка, 1899. С. 114.
- ²⁶ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 57; Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1894. С. 59; Россия. Полное географическое описание нашего отечества // Под ред. Семенова-Тян-Шанского. Т. 5: Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 528.
- ²⁷ ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 26.
- ²⁸ Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1900 г. Вятка, 1899. С. 114.
- ²⁹ Статистический ежегодник Вятской губернии за 1900 г. Вятка, 1903. С. 51.
- ³⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 228.
- ³¹ Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1894. С. 59; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 528.
- ³² ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 10037.
- ³³ *Ворончихин А. Ф.* Из истории строительства Пермь-Котласской железной дороги // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 261–286; Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1900 г. Вятка, 1899.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Гаврилов Д. В.* Транспорт горнозаводского Урала XVIII – начала XX века: Процессы модернизации и регионализации // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 224–228.
- ³⁶ Прикамская жизнь. 1912. № 36, 96; 1913. № 54, 195, 281; 1914. № 102; 1915. № 21; 1916. № 204, 251.
- ³⁷ Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб., 1907. Вып. 89. Л. 47; 1909. Вып. 113. Л. 33; *Егоров Е. А.* Творцы революции. Ярославль, 1990. С. 87.
- ³⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 359, 360.
- ³⁹ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 1, л. 2–67.
- ⁴⁰ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 1, л. 7.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 3. С. 359.
- ⁴² ГАКО, ф. 582, оп. 29, д. 27.
- ⁴³ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 1, л. 31.
- ⁴⁴ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 1, л. 37.
- ⁴⁵ *Саламатов Н.* Яичный Король // Сельская правда. Малмыж. 1988. № 3. 7 янв. С. 4.
- ⁴⁶ ГАКО, ф. 616, оп. 7, д. 19, л. 29.
- ⁴⁷ Там же. Л. 28.
- ⁴⁸ Там же. Л. 3.
- ⁴⁹ Там же. Л. 45.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 60.
- ⁵² Там же. Л. 29.
- ⁵³ Там же. Л. 60.
- ⁵⁴ Там же. Л. 86.
- ⁵⁵ Там же. Л. 36.
- ⁵⁶ Там же. Л. 40–45.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ГАКО, ф. 616, оп. 1, д. 306, л. 1–135; ф. 574, оп. 1, д. 957, л. 28–93; ф. 582, оп. 52а, д. 33.
- ⁵⁹ Там же. Л. 11.
- ⁶⁰ Там же. Л. 1–135; ф. 574, оп. 1, д. 957, л. 28–95.
- ⁶¹ Там же. Д. 708, л. 9.
- ⁶² Там же. Оп. 7, д. 1, л. 12–69.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 957, л. 28.
- ⁶⁵ *Стахеев Д.* Духа не угашайте. Казань, 1992. С. 387.
- ⁶⁶ ГАКО, ф. 582, оп. 29, д. 27, л. 24.
- ⁶⁷ Там же. Л. 27; оп. 100, д. 16, л. 17.
- ⁶⁸ Там же. Л. 36, оп. 100, д. 17, л. 4.
- ⁶⁹ Там же. Л. 31.
- ⁷⁰ *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч. С. 352–354.
- ⁷¹ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 343; д. 1007; д. 943.
- ⁷² ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 142, л. 26.
- ⁷³ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 3407, л. 62.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 3415, л. 1–216.
- ⁷⁶ Там же. Л. 95.
- ⁷⁷ ЦГА УР, ф. 3, оп. 1, д. 62, л. 23–24; 49–53.

Общественно-политическое, крестьянское и рабочее движение

Развитие общественного движения в 50-х – начале 90-х годов XIX века

Начало второй половины XIX в. ознаменовано тяжелейшим кризисом всех сфер общественно-экономической, политической жизни России. Крепостное право, как отмечает Б. Н. Митронов, охватывало все общество снизу доверху, оно пронизывало все государственные институты. К середине XIX в. для верховной власти и всех мыслящих людей России стало очевидно, что Россия остро нуждается в модернизации: отмене крепостного права, проведении промышленной революции, просвещении народа, глубоком реформировании политической и правовой систем, важнейших общественных институтов в соответствии с требованиями времени. Самодержавие стремилось ускорить процесс развития страны, чем вносило невероятное напряжение в ее социальную жизнь.

"Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России "Колокола", могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых "очень часто" приходи-

лось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять "Положение"^{*}, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян – мировых посредников применять *такое* "Положение", студенческие беспорядки – при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание – опасностью весьма серьезной", – писал В. И. Ленин о революционной ситуации в России конца 1850-х – начала 1860-х гг.¹

Наращение предпосылок революционной ситуации и ее последующее развитие были сложным процессом, охватившим в неодинаковой степени различные районы Российской Империи. Сложившаяся в стране в условиях политического кризиса общенационального масштаба обстановка выдвигала на первый план решение проблемы крепостных крестьян, которые являлись по причине наиболее бедственного положения основной силой антиправительственной борьбы. Именно интересы помещичьих крестьян в первую очередь защищала разночинная интеллигенция: учителя, врачи, представители духовенства и купечества, мелкие чиновники и др., включавшиеся в общественную жизнь государства и являвшиеся носителями буржуазной и революционно-демократической идеологии. В среде этих людей "разного чина и звания" особо популярными становились идеи, высказываемые А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. Г. Чернышевским, Н. Н. Добролюбовым.

В Вятской губернии в силу особенностей ее социальной структуры (абсолютное преобладание в составе населения государственных крестьян, наличие весьма незначительного числа образованных людей, готовых в той или иной мере примкнуть к

различным течениям общественного движения середины XIX в.) период первой революционной ситуации не ознаменован сколько-нибудь значимыми событиями. Чтобы понять, что собой представляла в это время жизнь провинциального обывателя, достаточно познакомиться с описанием М. Е. Салтыковым-Щедриным Сарапула – второго по величине после Вятки города губернии. Побывав в нем в 1854 г., русский писатель отмечал: "В этом холодном и бесстрастном городе не трепещет ни одно сердце, не звучит ни одна струна... Здесь отсутствует всякая жизнь. В особенности вечером это полное отсутствие жизни принимает грустный, даже мучительный характер. Едва спустились на землю сумерки, как за ними мгновенно исчезает всякое движение по улице – наступает глубокая мертвая тишина, лишь изредка прерываемая лаем спущенного с цепи пса..."² Сосланный в Вятку в апреле 1848 г. за повесть "Запутанное дело" М. Е. Салтыков-Щедрин за неполные 8 лет, что он провел здесь, хорошо ознакомился с неприглядными обычаями и нравами местной "общественности" – взяточничеством, казнокрадством, беззаконием, административным произволом – и отразил их в "Губернских очерках" (1856), в которых, несмотря на вымышленные названия городов, хорошо узнаваемы реалии Вятки (Крутогорск), Сарапула (Полорецк, Срывный, С***), Глазова (Оков), Слободского (Черноборск).

Постепенное пробуждение общественной жизни в Вятской губернии первоначально было связано с появившейся в начале 60-х гг. XIX в. традицией проведения при Вятской гимназии и уездных училищах Елабуги и Глазова литературных вечеров, на которых зачитывались и обсуждались произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского и др. На вечерах в Елабуге, происходивших ежемесячно, собравшиеся знакомились с работами русского литературного критика, публициста, сторонника демократических взглядов В. Г. Белинского. Об одном из первых музыкально-лите-

^{*} Имеется в виду Общее положение о крепостных, вышедших из крепостной зависимости, которое было подписано Александром II 19 февраля 1861 г. вместе с Манифестом, провозгласившим отмену крепостного права.

ратурных вечеров, проведенном в Глазове 15 апреля 1862 г., сообщали "Вятские губернские ведомости" (1862. № 18). "Исполнители пьес и чтения выполнили свое дело как нельзя лучше, публика осталась весьма довольна, многие не перестают высказывать, чтобы подобные вечера были почаще", — писала газета, славившаяся подборкой материалов для "Неофициальной части", за что была причислена редакцией "Современника" к числу немногих прогрессивных губернских газет³. Собранные от вечеров средства шли на устройство библиотек, а в Вятке производился сбор пожертвований на установку памятника А. С. Пушкину. Организаторами и участниками вечеров являлись передовые слои интеллигенции: учителя, учащаяся молодежь, врачи, работники газеты, агрономы, техники. Посещали их также мелкие чиновники, городские ремесленники и крестьяне. Именно эти энтузиасты культурных вечеров позднее стали членами первых кружков революционных народных организаций.

Со вспыхнувшим в 1863 г. восстанием в Польше связана одна из героических и вместе с тем весьма трагических страниц революционной истории края. В условиях подвига национально-освободительной борьбы в Польше между польской революционной партией и организацией "Земля и воля" была достигнута договоренность о взаимной поддержке. В заключенном в Петербурге 23 ноября 1862 г. соглашении, которое подписали представители польского Центрального национального комитета З. Падлевский и представители Центрального комитета "Земли и воли" Н. И. Утин и А. А. Слепцов, в частности, было зафиксировано, что польская сторона "рассчитывает на действенную диверсию со стороны своих русских союзников, чтобы помешать царскому правительству послать свежие войска в Польшу"⁴.

С началом польского восстания в Виленском повстанческом комитете в конце января 1863 г. было рассмотрено предложение И. В. Кеневича об организации вооруженно-

Кеневич Иероним Владислав (1834–1864 гг.), родился в г. Меце (Франция), в 1849 г. (или в 1850 г.) окончил коллеж в г. Нанси, до 1853 г. обучался в училище мануфактур и искусств в Париже. С 1857 г. работал инженером на строительстве железных дорог в России; был тесно связан с руководством Петербургской офицерской организации; в 1863 г. — один из активных организаторов Казанского заговора, казнен 6 июня 1864 г.

И. В. Кеневич

го восстания на Волге и Каме — в местах, "известных в истории бунтами". О планах Казанского заговора знало и польское революционное правительство — Жонд Народовы (польск. *Rząd narodowy*), в которое был преобразован в январе 1863 г. Центральный национальный комитет. В дальнейшем в переговорах с Центральным комитетом "Земли и воли" по поводу необходимости поднятия в Поволжье крестьянского восстания И. В. Кеневич выступал как уполномоченный Жонда. Через членов Московского землевольческого комитета, в котором план заговора в отличие от Центрального комитета получил большую поддержку, были установлены связи с действовавшим в Казани отделением "Земли и воли", являвшимся, по словам А. И. Герцена, образцом "ума и логики"⁵, и офицерскими кружками, состоявшими главным образом из поляков (Н. К. Иваницкий, А. Мрочек, Р. Г. Станкевич и др.).

Несмотря на разногласие по поводу тактики "немедленного выступления", Казанский комитет "Земли и воли" решил поддержать план восстания, изложенный прибывшим из Москвы членом Санкт-Петербургской революционной офицерской организации М. А. Черняком, но с условием,

что вместо подложного манифеста Александра II для агитации среди крестьян будет употребляться составленная казанцами прокламация "Долго давили вас, братцы", адресованная прежде всего бывшим помещичьим крестьянам. Согласно замыслам руководителей заговора предполагалось начать восстание в Казани, распространить его на Урал, захватив по пути оружейный арсенал на Ижевском заводе, вовлечь в революционную борьбу жителей Дона и затем соединиться с белорусскими повстанцами.

После отъезда М. А. Черняка казанцы приступают к подготовке восстания. Члены студенческих кружков, примыкавших к Казанскому комитету "Земли и воли", отправляются в агитационные "апостольские" поездки по деревням. В Вятской и Пермской губерниях распространение прокламаций было поручено "апостолу" И. Я. Орлову, которому в осуществлении этой миссии в числе прочих учащих Казанского университета и семинарий – И. М. Красноперова, Н. Г. Орлова, И. Я. Пономарева и др. – помогал уроженец Глазова, член революционного студенческого кружка М. И. Шулятников. Поездки по деревням показывают, что возможность немедленно поднять крестьян на восстание не велика. В отчете Слядковскому о своей деятельности И. Я. Орлов писал: "Дорогой крепостных я нигде не встречал и поэтому ничего не могу сообщить вам, сколько их находится и в каких селениях и уездах. Воззваний я отдал еще очень не много, всего 2, потому что по дороге в Вятской губернии живу, кажется, большею частью черемисы, вотяки и биссеряхи* и из них очень не многие знают по-русски... С своей стороны я считаю не лишним прибавить, что едва ли что может быть нынешней весной. Коль скоро вы задумали произвести восстание, то нужно было об этом позаботиться раньше, за несколько лет, а скоро-то ничего не поделаешь"⁶

* Биссеряхи – бесермяне (самоназвание *бесер, бесерман*).

В середине апреля 1863 г. в Казань приезжает посланный М. А. Черняком Ю. Я. Сильванд – студент Петербургского университета, который привозит отпечатанные лжеманифесты, прокламации, деньги, револьверы, инструкции и письмо, в котором сообщалось, что М. А. Черняк назначается военным старшиной в Казани на момент восстания. Однако среди участников заговора оказался провокатор – студент И. А. Глассон, который уже 2 апреля проинформировал III отделение о готовившемся восстании. В Казань стягиваются дополнительные войска, что делает невозможным начало революционного выступления с взятия губернского центра, которое, по замыслам заговорщиков, должно было произвести "сильное нравственное влияние на народ" и содействовать расширению числа участников движения. В новой, осложнившейся доносом, обстановке участники Казанского заговора изменили свои планы, решив начать восстание в Спаске Казанской губернии, где размещалась рота, которой командовал Н. К. Иваницкий. Планировалось идти на Ижевский завод, а оттуда, вооружив окрестных крестьян и мастеровых, двигаться на Казань. Этим замыслом не суждено было осуществиться: донос И. А. Глассона и деятельность агитаторов в Вятской губернии, привлекая внимание полиции, способствовали тому, что в конце апреля – начале мая все участники Казанского заговора были арестованы. В одной только Вятке было задержано 9 человек, содействовавших заговорщикам, а 60 воспитанников духовной семинарии, знавших о готовившемся заговоре, но не известивших об этом власти, были исключены из учебного заведения. Всего более тридцати человек были преданы военному суду, который приговорил Н. К. Иваницкого, И. В. Кеневича, А. Мрочека и Р. Г. Станкевича к смертной казни (расстреляны в Казани 6 июня 1864 г.), а остальных – к различным срокам каторги. Военному старшине М. А. Черняку удалось скрыться. Впоследствии он командовал одним из

польских повстанческих отрядов, но был схвачен, доставлен в Казань и казнен 11 октября 1865 г.

Казанский заговор явился наиболее ярким событием периода общественного подъема в России в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в., затронувшим удмуртский край. Первый опыт активной общественно-политической борьбы разночинной интеллигенции со всей очевидностью выявил необходимость установления тесных связей с простым народом, ведения агитации и разъяснительной работы в его среде, чему и посвятили свою жизнь многие деятели набравшего силу в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. народнического движения.

Активизации общественной деятельности в Вятской губернии способствовала реализация в конце 1867 г. положений земской реформы 1864 г., позволившей выборным гласным земских учреждений решать некоторые общественно значимые вопросы, прежде всего относящиеся к "местным хозяйственным пользам и нуждам". Несмотря на недоверие и подозрительность, открыто проявлявшиеся со стороны губернской администрации в отношении деятельности "мужичьего" земства Вятской губернии, последнее прилагало большие усилия по решению круга вопросов, находившихся в его компетенции: местному налогообложению, школьному делу, здравоохранению, книгоиздательству, дорожному строительству, улучшению сельского хозяйства и т. д. По инициативе земства в Вятской губернии с 1869 г. стали проводиться съезды учителей, на которых присутствующие знакомились с прогрессивным педагогическим опытом и новой педагогической литературой. Большую роль в организации и проведении первых съездов, проходивших в Вятке, Глазове, Уржуме, Малмыже, Сарапуле и Елабуге, сыграл инспектор народных училищ Вятской губернии С. А. Нурминский. Однако в 1874 г. правительство, обеспокоенное социальной активностью учительства, запретило их проведение. Круг обсуж-

даемых вопросов следующего съезда учителей, состоявшегося лишь в 1890 г. в Елабуге, был значительно уже в сравнении со съездами конца 60-х – начала 70-х гг. В последующий период до 1917 г. съезды учителей Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов не разрешались или уже подготовленные запрещались. В 1894 г. Вятское губернское земство получило от Министерства внутренних дел разрешение издавать первую в России крестьянскую газету "Вятская газета" на своих страницах уделяла внимание не только пропаганде передовых методов ведения крестьянского хозяйства, но и просветительской деятельности, внушая уважение к знаниям и грамоте.

В немалой степени распространению передовых демократических идей в вятской провинции способствовало принятое царским правительством решение о применении в широких размерах в борьбе с революционным движением высылки "неблагонадежных" лиц из мест постоянного жительства. На время разгрома Казанского заговора приходится утверждение Александром II 26 апреля 1863 г. "Правил полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления", а также списка местностей, "назначаемых для ссылки". В число последних вошла и Вятская губерния, ставшая еще в царствование Николая I местом, куда систематически высылались "неблагонадежные" (в том числе А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.) и просто подозрительные лица. Среди других уездов Вятской губернии вскоре одним из главных районов размещения высланных становится Глазовский уезд. Так, в 1867 г. в Глазове насчитывалось 44 человека, в 1870 – 78 человек, а в 1873 г. – 93 человека. Южные районы губернии, включавшие Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды, редко становились местом высылки ввиду близости транспортных маршрутов по Каме и Волге, что могло содействовать побегу "неблагонадежных" лиц.

Несмотря на стремление властей ограничить общение ссыльных с местным насе-

лением в целях предотвращения распространения ими "возмутительных" идей, для чего использовались методы перемещения выселенных из одного населенного пункта в другой, проверки корреспонденции, обыски, негласный и гласный надзор полиции, многие ссылки активно включались в общественную жизнь губернии.

В 1862 г. в Глазовской ссылке находился 18-летний студент Московского университета, участник студенческих волнений П. И. Войноральский, впоследствии известный революционный народник, один из организаторов "хождения в народ". Допущенный к преподаванию в уездном училище, он за неполных 3 месяца, проведенных в Глазове, успел "заразить" оппозиционным духом некоторых местных деятелей, создав разночинно-демократический кружок, в который вошли учителя уездного училища Рукавишников, Сергеев, Корепанов и учитель удмуртского языка духовного училища, выходец из удмуртской купеческой семьи О. Ф. Зонов. Последний, кроме того, состоял членом "Вольного экономического общества" и находился под наблюдением полиции, поскольку "суждения его о правительстве были и прежде несколько свободны". В сентябре 1862 г. из Петропавловской крепости в Глазов был этапирован студент С. Ф. Смоленский, арестованный за распространение запрещенной литературы и антиправительственных воззваний. Находясь в ссылке в марте 1863 г., он встречался с "апостолом" И. Я. Орловым, за что был вновь подвергнут аресту по подозрению в причастности к Казанскому заговору.

После жестокого подавления восстания 1863 г. в Польше тысячи поляков были высланы в глубинные районы Империи. Значительное количество польских ссыльных, как и после польского восстания 1830 г., было размещено в Вятской губернии, в том числе и на территории "удмуртских" уездов. Среди сосланных за участие в национально-освободительном движении был и один из его руководителей, член Жонда Народова, кандидат юридических наук, автор "За-

писок о польском восстании 1863 г." О. Э. Авейде, местом жительства которому в ноябре 1866 г. вятским губернатором Н. К. Компанейщиковым был определен Глазов. Через год, по просьбе ссыльного и с разрешения министра внутренних дел, а также с согласия наместника Царства Польского, губернатор разрешил О. Э. Авейде переехать в Вятку. Здесь в феврале 1870 г. ему было позволено поступить вольнонаемным писцом в одно из учреждений за исключением полицейского управления, канцелярии губернского, губернского по делам крестьян присутствия и земских управ. Поступив писцом в Вятскую палату гражданского суда, О. Э. Авейде в последующем так и не воспользовался предоставленной ему лишь в 1866 г. возможностью вернуться на родину и до конца своей жизни занимался адвокатской практикой, снискав известность защитника бедных людей. До июля 1869 г. в глазовской ссылке находился выпускник Варшавской медицинской академии, руководитель революционной студенческой организации З. Янчевский. Как врачу ему была позволена частная практика, а с января 1869 г. он исполнял обязанности земского врача городского участка.

За издание сочинений известного литературного критика Д. И. Писарева и сбор пожертвований на увековечение памяти умершего в 1868 г. писателя в Вятку по личному распоряжению Александра II был выслан Ф. Ф. Павленков, содержавшийся до этого решения в Петропавловской крепости. Находясь в ссылке, он испросил себе позволения заниматься переводом иностранных книг и в 1873 г. издал сочинение известного астрофизика аббата Секки "Единство физических сил", однако при этом он опустил те места, где говорилось о непосредственном влиянии божественной силы на свойства материи, что вызвало негодование ревнителей церкви и последующий перевод Ф. Ф. Павленкова в Яранск.

Другой его "возмутительной" акцией стало издание наглядной азбуки, в которой, в ча-

Павленков Флорентий Федорович (1839–1900 гг.), родился в семье тамбовского помещика. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1861 г.), служил в Киевском и Брянском арсеналах. Выйдя в отставку (1866 г.), открыл в Петербурге книжный магазин и занимался переводческой и издательской деятельностью. Издал свыше 750 книг, в том числе произведения Ф. Энгельса, серию "Жизнь замечательных людей" (200 биографий), сочинения А. И. Герцена, Д. И. Писарева, В. Г. Белинского и др., Энциклопедический словарь. Издательство существовало до 1917 г. Неоднократно за свои революционно-демократические убеждения подвергался судебным преследованиям.

Ф. Ф. Павленков

стности, рядом располагались портрет Александра II с надписью: "Царь" и рисунок виселицы, изображение петуха с великопленным хвостом и гребнем и тут же рисунок монаха, облаченного в мантию с длинным хвостом и клобуком на голове. В тексте азбуки встречался следующий диалог: "Как приятно умирать за отечество", – сказал солдат, убегая с поля сражения. – "Я вполне с тобой согласен", – отвечает ему другой, перегоняя его". Справедливо усмотрев в азбуке поругание основ самодержавного строя, цензура ее запретила. После этого решения Ф. Ф. Павленков пошел на хитрость: он подготовил новый вариант азбуки, предвзвешенный предисловием, в котором жестоко критиковалась запрещенная книга. Авторство "Наглядной азбуки" принял на себя Н. Н. Блинов – вятский просветитель, церковный деятель. Цензура допустила данный вариант к изданию, не обратив внимания, что к предисловию был приложен текст конфискованной азбуки, снабженный измененными рисунками. Получив разрешение, Ф. Ф. Павленков при печатании устранил

предисловие, на что он имел право. Лишь при третьем издании Министерство народного просвещения признало азбуку настолько вредной, что строжайше воспретило к употреблению в школах.

В 1874 г. вятский губернатор В. И. Чарыков писал в Министерство внутренних дел: "Павленков, несмотря на пятилетнюю ссылку, не только не изменился к лучшему, но еще более озлобился против правительства, так что не старается уже скрывать своих убеждений... весьма едко порицает действия правительства и глумится над ними... в течение пятилетнего пребывания своего в Вятке он исподволь, незаметным образом успел подчинить своему влиянию некоторых из земских деятелей"¹⁰. В кружок, сформировавшийся вокруг Ф. Ф. Павленкова, входил и высланный в Вятку в 1872 г. "за распространение нигилизма и коммунизма" учитель математики Екатеринбургской мужской гимназии, впоследствии известный ученый-математик В. И. Обреимов. В период с 15 сентября 1872 г. по март 1873 г. он находился в Глазове, поддерживал тесное общение с населением, в результате чего произвел на местного исправника впечатление "личности, весьма подозрительной". В ходе неоднократных перемещений из одного уездного города в другой В. И. Обреимову, наконец, симулировав самоубийство, удается бежать в Швейцарию.

В 1874 г. на основании материалов, полученных в ходе проведенных у Ф. Ф. Павленкова обысков, последний был помещен в вятскую тюрьму и был освобожден лишь через год. По освобождении из тюрьмы, вновь объединив вокруг себя представителей местной передовой интеллигенции и ссыльных, он приходит к мысли о необходимости издания сборника, в который вошли бы материалы о Вятском крае, опубликованные в столичных газетах, а также корреспонденция, не нашедшая отражения на страницах столичной печати по причине своего местного характера, и специальные статьи, подготовленные непосредственно для сборника. В марте 1877 г. "Памятная книжка

Вятской губернии" – ежегодник, издававшийся с 1854 г., – вышла под необычным названием "Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г." Это был первый выпуск задуманного Ф. Ф. Павленковым сборника. Всего в свет вышло 3 выпуска общим тиражом 3 950 экземпляров. В подготовке материалов для "Вятской незабудки" принимали участие В. И. Обреимов, Н. Н. Блинов, вятский врач и общественный деятель В. О. Португальов, учитель Сарапульского реального училища Р. Н. Рума, публицист, выходец из семьи крепостных крестьян Глазовского уезда П. А. Голубев и др. Сборники получили большой общественный резонанс как в Петербурге, где они печатались, так и в самой Вятке, совершенно еще не слышавшей свободного слова.

В материалах, помещенных в "Вятской незабудке", в острой обличительной форме вскрывались "порядки", царившие в Вятской губернии. Разоблачались злоупотребления, чинимые местным начальством, едко высмеивались пороки высшего общества – лихоимство, взяточничество, самодурство. Удачным приемом стало размещение алфавитного указателя, предварявшего сборник, – читатель сразу видел, кого клеймит "Незабудка". В апреле 1878 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев писал: "Вятская незабудка" представляет собой небывалый в русской печати пример диффамации*: авторы статей "Незабудки", скрывая свои собственные имена, позволяют себе не только обвинять публично других, не только обозначать заподозриваемых ими лиц полными именами, не только глумиться над этими лицами, но и употреблять относительно их чисто бранные выражения. Так в "Незабудке" вятский губернатор Н. А. Тройницкий назван "Колюшкой-дурачком", глупцом, человеком, которого можно на все подбить, сознательно покровительствующим самым выдающимся развратникам, казнокрадам!"¹¹ Ав-

торы "Незабудки" предупреждали власти пренебрегающих о скором приходе человека, "страшного по своей неумолимой справедливости", который "подведет всему итог... ничего не забудет, ничего не оставит под сомнением и из всей этой страшной мозаики безобразий составит один общий цельный обвинительный акт. Человек этот уже поднимается. Он встал, он идет... Это коллективный человек – мир."¹² В мае 1878 г. "Вятская незабудка", обвинявшаяся в распространении революционных идей, была запрещена и все усилия Ф. А. Павленкова, находившегося к тому времени уже на свободе и проживавшего в Петербурге, спасти ее не увенчались успехом.

С 3 июня по 25 октября 1879 г. в Глазове жил В. Г. Короленко – выдающийся писатель-демократ, высланный из Санкт-Петербурга вместе с братом Илларионом за участие в антиправительственной деятельности. В. Г. Короленко обвинялся в связи с главными революционными деятелями, в печатании и распространении изданий вольной типографии. В Глазове братья поселились во флигеле мещанина А. П. Бородина, в котором уже жил политический ссыльный, уроженец Финляндии Карл Стольберг. Последний, являясь рабочим Путиловского завода, входил в ряды членов революционной организации "Общество друзей", распространял нелегальную литературу и за участие в рабочей забастовке в декабре 1878 г. был выслан в Вятскую губернию.

Вследствие отказа вятским губернатором Н. А. Тройницким в назначении казенного пособия В. Г. Короленко вынужден был в целях добывания средств к существованию продолжить обучение сапожному ремеслу, начатое еще в Петербурге, когда он, разделяя народнические взгляды, готовился "идти в народ". Освоив ремесло, писатель подыскал себе отдельную комнату, в которой и устроил мастерскую, одновременно продолжая заниматься литературным трудом. Являясь читателем местной земской библиотеки, В. Г. Короленко по просьбе земской управы помогал подбирать

* Диффамация (от лат. *diffamo* – порочу) – распространение порочащих сведений.

В. Г. Короленко

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921 гг.), русский писатель и публицист, почетный академик Петербургской Академии наук (1900–1902 гг.), почетный академик Российской Академии наук (1918 г.). В 1879 г. арестован по подозрению в связях с революционными деятелями и выслан в Вятскую губернию; 1881–1884 гг. — ссылка в Якутию. В 1885 г. разрешено поселиться в Нижнем Новгороде. В 1895–1896 гг. принимал участие в защите удмуртских крестьян на Мултанском процессе. После 1917 г. в письмах к Луначарскому А. В. критиковал революционный террор.

для выписки издания на 1880 г. В октябре 1879 г. за неоднократные жалобы на незаконные действия губернатора и глазовского исправника писатель был перемещен в Березовские починки Бисеровской волости Глазовского уезда — один из самых удаленных уголков "Вятской сатрапии". Здесь он прожил до конца января следующего года, когда за отказ прекратить общение со ссыльной Э. Л. Улановской по сфабрикованному обвинению в попытке побега был выслан в Восточную Сибирь.

Общение с заказчиками, впечатления о жизни заолустных уголков России и личные размышления сыграли решающую роль в отходе писателя от народнических иллюзий в развитии русского общества и дали

ему огромный материал для таких художественных произведений, как "Ненасущный город", "Чудная", "Глушь", "Собор с зарокотом", "История моего современника", на страницах которых под пером мастера нашла отражение неторопливая "призрачная" жизнь российской глубинки конца 70-х гг. XIX в.

Одновременно с В. Г. Короленко в Глазовской ссылке находился местный уроженец, прогрессивный русский книгоиздатель А. П. Чарушников, ставший впоследствии первым издателем произведений А. М. Пешкова (М. Горького). До высылки на родину он проживал в Санкт-Петербурге и примыкал к народникам, разделяя их мировоззрение. В апреле 1879 г. А. П. Чарушников послал по почте в адрес Глазовской земской библиотеки пакет с революционным журналом "Земля и воля". На месте его должен был получить бухгалтер земской управы Н. Я. Вертячих, с которым А. П. Чарушников переписывался и знал о его сочувствии народникам. Однако о связях последнего с неблагонадежными глазовчанами было известно глазовскому исправнику, в результате чего пакет оказался в руках полиции. При обыске в петербургской квартире А. П. Чарушникова была обнаружена нелегальная литература. Последовал арест и высылка в Глазов.

Плодотворной была жизнь М. П. Сажина (прожил 88 лет), родившегося в 1845 г. в семье ижевского купца. В 1858 г. он поступил в Петербургский политехнический институт, где примкнул к деятельности нелегального студенческого кружка. За антиправительственную агитацию в феврале 1868 г. был исключен из института и выслан в Вологодскую губернию. В том же году М. П. Сажин бежал из ссылки и до мая 1870 г. проживал в Америке, скрываясь под псевдонимом Арман Росс. Перебравшись в Женеву, вошел в русскую секцию Интернационала, возглавляемого в то время М. А. Бакуниным и П. А. Кропоткиным. Увлечшись анархистской теорией М. А. Бакунина, стал его близким другом и помощником. В совершенстве владея немец-

ким, английским и французским языками, М. П. Сажин оказывал помощь Г. Лопатину в переводе "Капитала" К. Маркса. Позднее участвовал в доставке отпечатанного труда в Россию. Узнав о революционных событиях во Франции, М. П. Сажин отправляется в Париж, где участвует в баррикадных боях. После поражения Коммуны ненадолго возвращается в Швейцарию и уже в 1875 г. примыкает к участникам освободительного восстания в Герцеговине против османского господства. В 1876 г. возвращается в Россию и, отойдя от анархизма, проникается народнической идеей "хождения в народ", становится членом организации "Земля и воля". За революционную деятельность М. П. Сагина арестовывают и помещают в Петропавловскую крепость. После шести лет тюремного заключения в 1882 г. его высылают в Сибирь, и только через 21 год он получает разрешение жить в некоторых городах европейской части России.

О деятельности ссыльных в Вятской губернии, в том числе и в ее "удмуртских" уездах, лучше всего свидетельствуют слова вятского губернатора В. И. Чарыкова: "Не будет преувеличением сказать, что вся так называемая вятская интеллигенция воспитывалась под оппозиционным влиянием политических ссыльных. Ссылные, в большинстве своем люди образованные, исподволь разводят на месте ссылки знакомства с разными семьями, в особенности же с их детьми, воспитывающимися в учебных заведениях, и другими неопытными молодыми людьми и незаметно не только для полиции, но даже для родителей зачумляют их вредными идеями, а более восприимчивых делают своими учениками и проповедниками своего зловредного учения между товарищами и подругами молодых людей. Кроме того, ссылки заводят знакомства с учителями и учительницами земских народных школ, членами земских управ и другими лицами, и, выставя себя как бы страдальцами за народное благо, незаметно заражают коммунизмом и нигилизмом их окружающих..."¹³ Эти слова

Ильминский Николай Иванович
(1822–1891 гг.),
русский востоковед (труды по многим живым и мертвым тюркским языкам), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1870 г.), профессор Казанского университета, Казанской духовной академии. Организатор просвещения нерусских народов Поволжья и Приуралья во второй половине XIX в.

Н. И. Ильминский

разительно отличаются от высказывания другого вятского губернатора А. И. Середы, писавшего в 1846 г., что "вредные политические мнения" ссыльных "по свойству вятских жителей (т. е. читай из-за их темноты и необразованности. – В. Ч.) не могут быть распространены между последними"¹⁴. Однако происходящие события свидетельствуют о заметном росте и расширении участников общественного движения в Вятском крае в 50-х – начале 70-х гг. XIX в., чему в немалой степени содействовали политические ссылки и деятельность Вятского земства.

Говоря о расширении круга участников общественного движения, нельзя обойти стороной Н. И. Ильминского, приложившего большие усилия для воплощения в начале второй половины XIX в. разработанной им системы "христианского просвещения" нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Разделяя в целом консервативные политические взгляды, что помогло ему установить хорошие деловые отношения с высшим руководством в области образования в лице обер-прокурора Святейшего Синода (1864–1880), министра народного просвещения (1865–1880), графа Д. А. Толстого, Н. И. Ильминский, будучи человеком высокообразованным, хорошо понимал значение родного языка как средства обуче-

ния, что позволило ему создать образовательную систему, "национальную по форме, ортодоксальную по содержанию"¹⁵ Через начавшую распространяться с 60-х гг. XIX в. сеть начальных национальных учебных заведений, применявших на практике идеи Н. И. Ильминского, и возникшую в 1872 г. Казанскую инородческую учительскую семинарию, возглавлявшуюся лично Николаем Ивановичем, получили образование и профессиональную педагогическую подготовку сотни представителей народов Среднего Поволжья и Приуралья, многие из которых активно включались на рубеже XIX–XX вв. в общественно-политическую жизнь края. В числе учеников Н. И. Ильминского были деятели удмуртского просвещения И. В. Васильев, Н. И. Иванов, Т. Е. Ефремов, Г. П. Прокопьев. В тесном сотрудничестве с Н. И. Ильминским работал удмуртский просветитель К. А. Андреев – основатель Карлыганской школы, ставшей впоследствии одним из ведущих центров системы "христианского просвещения"

Мрачным явлением российской действительности второй половины XIX в. оставалась практика "ритуальных процессов", первоначально получившая распространение в западных районах страны после разделов Польши в XVIII в., когда значительное количество еврейского населения приняло подданство российской короны. Легенда о человеческих жертвоприношениях, возникшая в средневековой Европе для оправдания преследования евреев, в период николаевской реакции получила широкое распространение, способствуя появлению у русского населения, в основном своей массе невежественного, предубеждения и в отношении других "инородцев". Так, в 1848–1852 гг. и в 1854–1856 гг. без особой огласки были проведены два следствия над крестьянами д. Новой Би и д. Пазял-Жикья Малмыжского уезда, обвиненными в ритуальных убийствах¹⁶. Несмотря на то, что в ходе длительного разбирательства суд вынужден был оправдать обвиняемых, сам факт расследования уголовных дел о человеческих жертвоприношениях не мог не вызвать массу слухов и толков. Большую известность в середине XIX в. приобрело Саратовское дело 1853 г., по которому обвинение в человеческих жертвоприношениях было предъявлено не только евреям, но и украинцам и немцам-колонистам. Подобные дела в условиях многонационального Поволжья способствовали возникновению устойчивых предрассудков в отношении, прежде всего, народов, придерживавшихся традиционных верований – удмуртов, марийцев, чуваш¹⁷.

Широкий общественный резонанс в первой половине 1890-х гг. получило так называемое Мултанское дело, явившееся, по выражению М. Горького, "идиотским мракобесием самодержавной власти"¹⁸. Обеззакониях, чинимых вятской полицейской и губернской администрациями в ходе проведения следствия по сфабрикованному делу, обвинявшему удмуртов с. Старый Мултан в человеческом жертвоприношении, несмотря на старания властей не предавать ход расследования широкой огласке, благодаря усилиям общественных деятелей стало

Лесная тропа, на которой было обнаружено тело Матюнина
Из книги В. М. Ванюшева "Кин шоры "ыбылз"
Мултан уж?". Ижевск, 1994

известно не только в России, но и в странах Западной Европы.

Основанием для возбуждения уголовно-го преследования мултанских крестьян стали обнаружение 5 мая 1892 г. тела русского нищего К. Матюнина на тропе между русскими деревнями Анык и Чулья в Мултанской волости Малмыжского уезда и показания русских крестьян д. Чулья. Последние, находясь в конфликте с удмуртами соседнего с. Старый Мултан и стараясь избежать судебного преследования (тело К. Матюнина было обнаружено на землях чульинского общества), дав взятку приставу, перенесли убитого на мултанскую землю и обвинили своих соседей в человеческом жертвоприношении. Возглавил ход следствия, длившегося почти два с половиной года, товарищ прокурора Сарапульского окружного суда Н. И. Раевский. Опираясь на слухи и без сомнения приняв версию, подсказанную чульинцами, он провел следствие с многочисленными нарушениями, включавшими пытки обвиняемых, подлог улик и т. п. Однако, несмотря на очевидную фальсификацию хода следствия, на выездном заседании Сарапульского уездного суда, состоявшемся 10–11 декабря 1894 г. в Малмыже, было объявлено о виновности семерых из десяти привлеченных по делу удмуртских крестьян. Адвокат мултанцев – М. И. Дрягин, которому в ходе судебного разбирательства было отказано в вызове свидетелей со стороны защиты, возмущенный решением суда, подал кассационную жалобу в Министерство юстиции. Вятские журналисты О. М. Жирнов и А. Н. Баранов, следившие за ходом процесса и пораженные приговором суда, сделали все возможное, чтобы привлечь внимание общественности к Мултанскому делу, публикуя разоблачающие статьи в газетах "Казанский телеграф" и "Вятский край". А. Н. Баранов

* "Вятский край" – первая в Вятской губернии частная общественно-политическая газета либерального направления, первый номер которой вышел 2 марта 1895 г.

Подсудимые мултанцы в зале судебного заседания. Мамадыш. Июнь, 1896
Снимок Ф. А. Патенко

обратился к своему давнему знакомому В. Г. Короленко с просьбой вникнуть в суть дела и силой писательского дарования довести до широкого круга читателей правду об этом несправедливом процессе.

Рассмотрев кассационную жалобу М. И. Дрягина и обнаружив большое количество недостатков в следствии, обер-прокурор уголовно-процессуального департамента А. Ф. Кони вынес ее на рассмотрение Правительствующего Сената. Жалоба была удовлетворена, приговор отменен, дело направлено в Сарапульский окружной суд для повторного разбирательства с участием другого состава судей и в другом ближайшем от места нахождения подсудимых и свидетелей городе. Новое судебное заседание проходило с 29 сентября по 1 октября 1895 г. в Елабуге. Оно мало чем отличалось от первого и закончилось вынесением обвинительного приговора. Однако на этот раз присутствовавшие в качестве корреспондентов В. Г. Короленко, А. Н. Баранов и В. И. Суходоев ("Вятский край") смогли полностью застенотографировать ход второго судебного разбирательства. Публикуя отчет о Мултанском процессе, В. Г. Короленко обратился к передовой части общества: "Пусть юристы оценят вероятность улик, пусть врачи и этнографы разберут изумительную экспертизу, послужившую к обвинению вотяков в каннибализме"¹⁹. Призыв писателя был услышан. Представители прогрессивной научной общественности – П. Н. Луп-

Оправданные мултанцы и их защитники. Июнь, 1896
Стоят слева направо: В. Г. Короленко,
Н. П. Корабчевский, М. И. Дрягин, П. М. Красников
Снимок Ф. А. Патенко

пов, П. М. Богаевский, В. К. Магнитский, С. К. Кузнецов и др. – в печати и в выступлениях на ученых заседаниях свидетельствовали, что этнографические данные совершенно не соответствуют приведенным в доказательство вины удмуртов обвинениям. Медицинская экспертиза, проанализированная специалистами в области судебной медицины профессором Харьковского университета Ф. А. Патенко и приват-доцентом Э. Ф. Беллиным, была признана несостоятельной.

Под давлением фактов, изложенных в новой жалобе М. И. Дрягина, Сенат, по настоянию А. Ф. Кони, во второй раз отменил решение суда и назначил третье разбирательство дела Казанскому окружному суду. В кассационном заключении А. Ф. Кони отмечал безусловную необходимость проведения следствия по Мултанскому делу с соблюдением всех процессуальных норм, поскольку "судебным расследованием устанавливается здесь не одна лишь виновность тех или иных определенных лиц, фигурирующих в качестве подсудимых, а констатируется известное бытовое явление, произойдет суд над целой народностью или целым общественным слоем и создастся прецедент, могущий иметь на будущее время значение судебного закрепления виновности той или иной группы насе-

ления... вот почему пределы исследования должны здесь раздвинуться, раздаться возможно шире, чтобы приблизиться по всесторонности, полноте и беспристрастию к исследованию научному"²⁰

Третье рассмотрение дела проходило в Мамадыше с 28 мая по 4 июня 1896 г. Назначение места проведения суда (первоначально предполагалось, что дело будет рассматриваться в Казани) было справедливо расценено защитой в качестве стремления судебной администрации Казанского округа скрыть ход разбирательства от внимания широкой общественности и провести его как можно ближе к атмосфере "слухов и толков", ареной распространения которых являлись соседние с Мамадышским Елабужский и Малмыжский уезды. Несмотря на новые отказы в вызове дополнительных свидетелей и экспертов, защите, состоявшей из М. И. Дрягина, В. Г. Короленко, П. М. Красникова и известного адвоката Н. П. Карабчевского, согласившегося по просьбе В. Г. Короленко принять участие в процессе, удалось обличить незаконные действия полиции в ходе предварительного следствия и выявить несостоятельность выводов медицинской и "научной" экспертизы. Последнюю, как и на заседании в Елабуге, предоставил профессор Казанского университета И. Н. Смирнов* . В. Г. Короленко

* В 1890 г. была опубликована историко-этнографическая работа И. Н. Смирнова "Вотяки", в которой в результате неверного анализа удмуртской терминологии родства последняя была отнесена к наиболее архаической классификационной системе (в действительности удмуртская терминология родства соответствует линейно-степенной системе). На основе этого вывода и ряда других неверных суждений И. Н. Смирнов разработал теорию "удмуртского матриархата", которая должна была свидетельствовать о примитивности общественного строя удмуртов и, следовательно, возможности существования у них человеческих жертвоприношений. Именно этим можно объяснить участие исследователя в Мултанском процессе на стороне обвинения, несмотря на

Г. Е. Верещагин

Верещагин Григорий Егорович (1851–1930 гг.), удмуртский просветитель, ученый (труды по этнографии и народной словесности удмуртов и русских Вятско-Камского края, с 1888 г. член-сотрудник Императорского Русского географического общества), писатель. Принял духовный сан в качестве эксперта-этнографа выступал на стороне защиты в двух заседаниях суда по Мултанскому делу. После революции принимал активное участие в общественной и научной жизни Удмуртии. В 1927 г. лишен звания священника.

при помощи удмуртского просветителя этнографа Г. Е. Верещагина, экспертизе которого он дал самую высокую оценку, удалось убедить присутствовавших в беспочвенности заявлений казанского профессора, основанных на слухах и анализе фольклорных произведений. На восьмой день заседания суда, 4 июня 1896 г., в отношении семерых подсудимых был оглашен приговор: «Нет, не виновны»

Вынесение оправдательного приговора явилось блестящей победой представителей передовой общественности, принявших деятельное участие в судьбе оклеветанных мултанцев, а в их лице в судьбе всего удмуртского народа. Однако в условиях царского режима не удалось добиться привлечения к ответственности лиц, сфабриковавших дело. Многим позже были названы и имена настоящих убийц нищего К. Матюнина, так и не понесших справедливого наказания. Ими оказались русские крестьяне д. Анык Т. Васюкин и Я. Конешин, которые постарались переложить ответственность за совершенное преступление на жителей удмуртского с. Старый Мултан. Поводом к этому послужил отказ мултанцев принять Т. Васюкина и Я. Конешина в свое общество, после того как последних за воровство и буйство исключили из общества д. Анык²¹. Несмотря на то, что Мултанское дело не было доведено до логического конца, оно сыграло заметную роль в изблечении самодержавия и затронуло самые насущные проблемы российской действительности, главными из которых являлись бесправие народа и произвол властей²²

отсутствие у него реальных фактов, свидетельствовавших бы о наличии человеческих жертвоприношений у удмуртов.

Волнения крестьян и рабочих в 50-х – начале 90-х годов XIX века

Предреформенный период, ознаменованный для Центральной России нарастанием мощной волны антикрепостнических выступлений крестьян, отмечен отдельными волнениями и в немногочисленных помещичьих имениях Вятской губернии, сосредоточенных в основном в южных уездах.

В 1853 г. характер бунта приняло волнение государственных крестьян поч. Шаршад Елабужского уезда Вятской губернии, поддержанное жителями соседних 12 селений. Поводом к выступлению послужило решение Государственного совета, предписавшее отвести спорные земли, которыми крестьяне пользовались уже более 25 лет, во владение помещику Тевкелеву. Для усмирения шаршадцев, упорно отказывавшихся переселяться на государственные земли, пришлось вызвать жандармов, силами которых зачинщики выступления были взяты под стражу для «предания суду», а остальные жители починка выселены на новое место «без особых мер строгости»²³

Массовыми волнениями помещичьих крестьян в Малмыжском уезде, вызванными стремлением последних после смерти своих помещиков перейти в разряд государственных крестьян, отмечен 1856 г.

Наиболее широкий размах приняли волнения в имении помещицы Е. Озеровой, перешедшем после ее кончины в опекуновское управление. Крестьяне в количестве 814 душ под предлогом малоземелья отказались от платежа податей и несения повинностей, не исполняли распоряжений управляющего и полиции. Для усмирения крестьян вятский губернатор Н. Н. Семенов направил роту солдат Вятского гарнизонного батальона. «Эта мера тем более необходима, — писал он в донесении Николаю I, — дабы влиянием оной удержать в порядке и повиновении не только открыто не повинующихся крестьян имения Озеровых, но и прочих помещиков этого уезда, так как мне известно, что после смерти помещика Дебособра в значительном имении его между крестьянами начинаются уже различные волнения и без особых мер легко могут возникнуть беспорядки»²⁴.

Враждебное отношение к помещикам и крепостному праву делало крестьян восприимчивыми к разного рода слухам. Так, в апреле 1858 г. крепостные крестьяне помещика М. Г. Имшенецкого в с. Тимеевке Сарапульского уезда уклонились от выполнения барщины под влиянием слухов об освобождении из крепостной зависимости, которые распространял бессрочноотпущенный рядовой Николаев²⁵. Случаи неповиновения властям отмечены в этот период и в государственной деревне. В ноябре 1858 г. государственные крестьяне д. Ураскозь-Можга Малмыжского уезда оказали вооруженное сопротивление скупщикам мочала и лесничему, попытавшимся забрать мочало, самовольно заготовленное крестьянами²⁶.

В первое десятилетие после отмены крепостного права крестьянские выступления были направлены против тех положений реформы, которые вели к обнищанию и разорению крестьянских хозяйств. В условиях Вятской губернии помещичьи крестьяне составляли около 2 % и, как отмечал В. В. Берви (Н. Флеровский), автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869), высоко оцененной К. Марксом, они

«может быть, и недовольны, но они слишком малочисленны, чтобы иметь существенное влияние на расположение умов страны»²⁷. Тем не менее, в 60-е гг. отмечаются отдельные выступления бывших помещичьих крестьян, в том числе и на территории «удмуртских» уездов. В феврале 1863 г. в связи со второй годовщиной отмены крепостного права временнообязанные крестьяне в имениях В. Я. Чайковского и Н. Величко отказались от исполнения барщины, посчитав, что окончание двухгодичного периода, отведенного для заключения уставных грамот, ведет к упразднению всех обязательств крестьян перед помещиками.

Менее острая нехватка земли и относительная самостоятельность в хозяйственных вопросах являлись причинами, по которым бывшие государственные крестьяне в пореформенный период воздерживались от борьбы с властями, несмотря на тяжелые выкупные обязательства. В этих условиях особой активностью в отстаивании своих интересов отличались бывшие крестьяне удельного ведомства. Они отказывались принимать уставные грамоты и вносить выкупные платежи, добиваясь восстановления прежних размеров земельных наделов, подвергшихся значительному сокращению в ходе проведения реформы.

Упорно отказывались принять уставные грамоты, закреплявшие уменьшение земельных наделов, бывшие удельные крестьяне Мазунинской, Мостовинской, Галановской, Нечкинской, Козловской волостей Сарапульского уезда. В целях предотвращения «больших беспорядков» и усмирения крестьян в уезд из Казани в мае 1865 г. прибыл 3-й батальон 146-го пехотного Царицынского полка, включавший 337 солдат и офицеров. В августе того же года военнослужащие этого полка участвовали в подавлении волнений бывших удельных крестьян деревень Непряха, Оленьего болота, Гарей, Заборья и с. Мостового. Около полугода продолжались начавшиеся в декабре 1865 г. волнения бывших удельных крестьян селений Альницкая, Санчи, Красно-

перово, Вала, Возжайка, Верхний Кокшан Качкинской волости Елабужского уезда, наотрез отказавшихся вносить выкупные платежи из-за недовольства размерами земельных наделов. После того как полицейские силы оказались не в состоянии усмирить крестьян, в волость был направлен "эзекуционный отряд" Либаевского пехотного полка²⁸

Несмотря на применение силы, телесные наказания участников крестьянского движения, заключение в тюрьмы крестьянских вожаков, волнения в удельной деревне продолжались еще в течение нескольких лет. Властям неоднократно приходилось в 1866 г. и в 1867 г. вводить воинские команды в различные волости Сарапульского уезда – основного района размещения бывших удельных крестьян на территории края. Особый размах приобрели весной – летом 1866 г. выступления крестьян с. Кибеева, поч. Заборье и д. Кукуки Галановской волости, отказавшихся вносить выкупные платежи и обрабатывать земельные наделы. Один из галановских крестьян Е. Дегтярев ходил по близлежащим селениям соседнего Осинского уезда Пермской губернии, показывал кипу газет "Вятские губернские ведомости", в которых сообщалось о волнениях в сарапульских волостях, и призывал крестьян к сопротивлению властям. Несмотря на то что Е. Дегтярев был задержан полицией, под влиянием выступлений крестьян в Сарапульском уезде Вятской губернии в мае – июне отказались вносить выкупные платежи бывшие удельные крестьяне селений Верхний и Нижний Армязь, Гоголи Осинского уезда Пермской губернии. Крестьянское волнение закончилось лишь после введения в волости военных команд²⁹

Одновременно с активными формами борьбы крестьяне широко использовали привычный и менее ущербный для них метод, заключающийся в подаче на имя правительства и царя "прошений" Подобные "прошения", в которых излагались жалобы на местную администрацию и раз-

личные просьбы о смягчении налогового гнета и списании недоимок, оставались без последствий, что постепенно подтачивало традиционную веру крестьян в "доброе" царя. Уже весной 1866 г. среди бывших удельных крестьян распространилась мысль о том, что надо "кончать" с царем. Одной из форм социального протеста в пореформенный период стало сектантское движение. В Галановской, Мостовинской, Мазунинской и других волостях в это время развернула свою деятельность секта молокан, проповедовавших, что "бог сотворил человека, наделив его землей, а потому и выкупа не должно быть" Общее количество молокан в крае было более 1 300 человек, но в связи со спадом крестьянского движения, наметившимся в начале 70-х гг., движение молокан постепенно сошло на нет³⁰

Наплыв новой волны крестьянских выступлений против налогового гнета относится к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в. В 1879–1880 гг. крестьяне Бисеровской и Афанасьевской волостей отказались платить огромные недоимки, которые накопились после реформы из-за непрерывного увеличения податей. В. Г. Короленко, ставший в бытность своего нахождения в березовской ссылке очевидцем сбора податей, так описал это событие: "Со дворов к сельской управе сгоняли скот, и какие-то солидные мужики, как я узнал после, – скупщики – уже слетались, как воронье, на предстоящую распродажу... Село гневно кипело, и в нем царило далеко не покорное настроение. Мужики ходили мрачные, бабы вопили, ругались и местами оказывали сопротивление властям... Когда погнали в волость большое стадо, частью уже запроданное скупщикам, мужики огромной толпой сбегались из села, из лесных деревень и поселков, накинулись на отряд сотских, его сопровождавших, со слезами и дрекольем разогнали его, а скот вернули хозяевам"³¹

Ответом на реформу системы обложения и перевод государственных крестьян с 12 июня 1886 г. на выкупные платежи,

приведшие к увеличению налогового гнета и быстрому росту недоимок, явились многочисленные крестьянские выступления. В политическом обзоре Вятского губернского жандармского управления сообщалось, что "усиленный сбор в истекшем (1887) году недоимок вызвал в некоторых уездах волнения и даже сопротивления властям, в особенности в Глазовском, Уржумском и Малмыжском уездах"³². В 1887 г. по селениям Малмыжского уезда ходил крестьянин д. Нижней Тоймы Н. А. Наумов и, зачитывая царский манифест от 25 мая 1883 г., прощавший прежние недоимки, разъяснял крестьянам, что теперь никто не имеет права взыскивать подати. В результате на протяжении нескольких лет жители деревень Нижняя, Средняя и Верхняя Тойма отказывались уплачивать выкупные платежи и новые недоимки. Как и в предшествующее двадцатилетие, продолжали требовать увеличения наделной земли бывшие удельные крестьяне, часто прибегая к самозахватам. Так, в конце 80-х – начале 90-х гг. жители поч. Верх на р. Перевозной в Сарапульском уезде неоднократно производили распахку отнятой у них уделом земли³³.

Наиболее широкий размах приняли в 1888 г. волнения бывших государственных крестьян Узинской волости Малмыжского уезда. На состоявшемся в д. Зеглуд сходе представителей 68 селений, обсудивших вопрос относительно возбуждения ходатайства о снижении выкупных платежей и переводе их земель в разряд низшей доходности, было решено вновь собраться в волостном центре и добиваться от членов волостного правления удовлетворения своих требований. В с. Узи 10 марта у правления сосредоточилось до тысячи крестьян, во главе которых были отставные солдаты. Особой активностью в отстаивании интересов крестьян выделялся отставной унтер-офицер И. Столбов из д. Кесшур, призывавший собравшихся не платить подати и предлагавший избрать доверенных лиц "для подачи лично государю императору всеподданнейшего прошения о понижении выкупных

платежей" "Беспорядки и недоразумения", как сообщал министру внутренних дел вятский губернатор А. Ф. Анисин, были ликвидированы благодаря "распорядительности и энергии" уездных исправников³⁴. Губернатор пообещал впредь в случаях оказания сопротивления полиции и судебным властям при взыскании выкупных платежей и недоимок прибегать к "чрезвычайным мерам", т. е. военной силе.

Новым поводом для крестьянских волнений послужил закон о винной монополии от 24 апреля 1890 г., запрещавший самогонное варение. На деле борьба с самогонным варением на местах превратилась, по словам В. И. Ленина, в "новое поприще для чиновничьего самодурства и произвола"³⁵. Повальные обыски, высокие штрафы, требование откупных с нарушителей закона стали причинами крестьянских волнений, наиболее значительные из которых произошли в 1894 г. в деревнях Сибирской и Астраханской Елганской волости Глазовского уезда, Алганчи-Игра Пургинской волости, Сарапульского уезда, Кулегурт Волипельгинской волости, Малмыжского уезда, деревнях Черемисский Возжой и Брюшли Граховской волости, Елабужского уезда и др. Крестьянские волнения в связи с произволом акцизных надзирателей и полиции приобрели столь широкий размах, что исправники Сарапульского и Елабужского уездов просили в 1895 г. у вятского губернатора Ф. Ф. Трепова разрешения "на военное вторжение" в некоторые волости, чтобы "продемонстрировать силу акцизного надзора"³⁶.

На фоне многочисленных крестьянских волнений против аграрной и налоговой политики государства, не выходявших, однако, за рамки отдельных разрозненных выступлений, на рубеже 50-х – 60-х гг. рабочее движение в России делает первые шаги. На территории "удмуртских" уездов на борьбу за свои права в апреле 1861 г. поднялись рабочие Западного железодельного завода, принадлежавшего Мосолову. Возмущенные четырехмесячной задержкой

выдачи заработной платы, они воспротивились отправке готовой продукции и пригрозили заводчику уходом с производства. Заводское начальство вынуждено было изыскать средства и выдать зарплату. Тем не менее, уже в 1864 г. ситуация повторилась – рабочие жаловались на невыплату заработной платы в течение 5 месяцев и повышение цен на продукты в заводской лавке³⁷.

С экономическими требованиями в 1863 г. выступили рабочие Пудемского завода, расположенного, как и Залазнинский, в Глазовском уезде. В 1867 г. из-за тяжелых условий труда на Кокшанском химическом заводе П. И. Ушкова (Елабужский уезд) оставили производство наемные рабочие из числа симбирских крестьян. В 1869 г. рабочие Воткинского завода выступили против рекрутского набора и отказались от уплаты податей. Непрекращающееся брожение в среде ижевских и воткинских рабочих вынудило власти в 1871 г. назначить на Ижевский и Воткинский заводы полицмейстеров.

В мае – июне 1874 г. на Бондюжском и Кокшанском химических заводах произошла стачка рабочих, недовольных низкой оплатой и тяжелыми условиями труда. Не выполнив подписанного с хозяином заводов контракта, 30 рабочих Бондюжского завода и 45 – Кокшанского оставили работу и попытались вернуться в Симбирскую губернию, из которой они были завербованы. С помощью полиции большинство из них было возвращено на заводы, однако в июле 32 насильственно возвращенных рабочих вновь попытались бежать. В ходе следствия по факту оставления работы Л. П. Баранов, П. Михайлов, Ф. Кузьмин, Н. Я. Потанин и А. И. Садейкин были обвинены в подстрекательстве рабочих к стачке и высланы за пределы губернии. В 1881 г. на Воткинском заводе был задержан рабочий Орешников, распространявший прокламацию "Земли и воли" и устраивавший их коллективные читки.

В октябре – ноябре 1893 г. на Ижевском оружейном заводе, на котором и прежде, как отмечал сарапульский исправник, про-

исходили "беспорядки", выразившиеся в бунтах и убийстве не угодных для рабочих мастеров, произошла крупная стачка. "Рабочие, – сообщал исправник, – теперь устраивают стачки, требуя повышения сдельной оплаты и сложения наложенных за разные поступки штрафов"³⁸. Стачку удалось прекратить только под угрозой административной ссылки ее руководителей Ф. Алексеева, Ф. Горбунова и др. Однако администрация завода вынуждена была пойти на уступки рабочим и частично удовлетворила их требования.

Как и крестьянские выступления, волнения и стачки рабочих в значительной степени являлись еще стихийными, но они вооружали формировавшийся рабочий класс опытом борьбы за свои права. В ходе стачек из среды рабочих выделялись наиболее активные и сознательные лица, твердо отстаивавшие общие интересы и способствовавшие росту организованности рабочего класса.

Общественное движение на рубеже веков. Революция 1905–1907 годов

Уже через три месяца после восшествия на престол последний российский император, принимая 17 января 1895 г. в Зимнем дворце представителей от земства и городов, дал понять собравшимся, что надежды либералов на расширение прав местного самоуправления и тем более привлечение представителей общественности к решению политических вопросов тщетны. "Мне известно, – говорил Николай II, – что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой покойный незабвенный Родитель"³⁹.

Подобная позиция императора, не желавшего хоть сколько-нибудь ограничить свою власть и прислушаться к "гласу народа", способствовала росту оппозиционного движения, создавая при нерешенном аграрном вопросе и появлении промышленного пролетариата, подвергавшегося жестокой эксплуатации, социальную базу для распространения радикальных идей. Влияние социалистической идеологии, распространявшейся высланными в Вятскую губернию деятелями набиравшего силы социалистического движения, с каждым годом становилось заметнее и в удмуртском крае. В 1899 г. жандармерией были выявлены случаи распространения в механическом цехе Воткинского завода и на кожевенном заводе Дедюхина в Сарапуле запрещенных изданий таких социал-демократических групп, как "Освобождение труда", "Союз борьбы за освобождение рабочего класса", "Союз рабочих социал-демократов за границы" В 1900 г. в департамент полиции поступили сведения, что в поселке Ижевского завода "распространяются брошюры русской с.-д. рабочей партии"⁴⁰

Несмотря на произведенные аресты агитаторов в январе 1900 г., в ходе забастовки рабочие механического цеха Воткинского завода добились удовлетворения своего требования о сокращении рабочего дня на 1 час по субботам. Большим размахом отличалась борьба сарапульских кожевников, работавших на предприятиях Дедюхина. В январе 1900 г. прекратили работу рабочие, проживавшие на хозяйских харчах, недовольные невыносимыми бытовыми условиями в заводских казармах и плохой едой. Ровно через две недели забастовал вторично уже весь завод, выставив требование о сокращении рабочего времени на полчаса в будние дни и на один час по субботам, о расширении помещения мастерской, об улучшении ее вентиляции и освещения. В марте рабочие, добившись своих требований в ходе предыдущего выступления, предложили заводовладельцу пересмотреть условия договора и повысить

оплату труда. По примеру кожевников предприятия Дедюхина летом прошла забастовка на фабрике Ф. Г. Пешехонова, попытавшегося без согласия рабочих удлинить продолжительность рабочего дня⁴¹. 2 июня 1901 г. о начале стачки объявили около 150 рабочих судостроительного цеха Воткинского завода, возмущенных невыплатой полной поденной платы⁴²

Широкий размах приняла начавшаяся 21 марта 1902 г. забастовка рабочих Воткинского завода, которая вошла в историю как одна из крупнейших не только в Вятской губернии, но и на всем Урале. Уже в августе 1901 г. в поселке Воткинского завода действовал первый нелегальный рабочий кружок, ядро которого составляли Х. А. Зисман, В. Ф. Rogozin, А. А. Варышников, Н. В. Лисин, Ф. П. Пестерев, А. Н. Щегольков, К. Г. Колесников, Г. Е. Велоглазов и некоторые другие. Члены кружка устанавливали связи с рабочими, проводили чтения социал-демократической литературы, вели агитационную работу, постепенно готовя почву для общезаводской стачки. В ночь на 21 марта 1902 г. кружковцы провели экстренное собрание, на котором приняли решение о начале забастовки утром следующего дня. Участники собрания обязались "твердо стоять друг за друга, грудью защищая правое дело рабочих"⁴³

В 6 утра 21 марта завод прекратил работу. Тысячи рабочих под красным флагом с надписью: "Все как один!" — направились к дому начальника завода Трояна и вынудили его идти вместе с демонстрантами на площадь. Здесь начальнику завода стачечники предъявили следующие требования: установление 8-часового рабочего дня, предоставление работы всем, увеличение оплаты труда и выдача зарплаты деньгами, а не талонами, установление выборов от цехов по расценкам сдельных работ и повышение самих расценок, выдача спецодежды в металлургических цехах, обеспечение пособиями и пенсиями по болезни и инвалидности, вежливое обращение со стороны администрации и уволь-

нение с работы неугодных рабочим инженера Диомидовского, лесничего Салалина, врача Спасского и др. Рабочие были настроены столь решительно, что прибывшие из Сарапула исправник, прокурор, становые и полицейские предпочли не оставаться в поселке в ожидании подхода войск и переехали в д. Перевозную.

На третий день стачки в Воткинский завод прибыли две воинские команды во главе с прокурором и начальником губернского жандармского управления. Через день приехал лично вятский губернатор П. Ф. Хомутов, а 26 марта в поселок были введены еще три роты солдат. Началась расправа над участниками забастовки. Были проведены массовые облавы и обыски, сотни участников стачки были задержаны, десятки рабочих, в том числе и подростки, подверглись публичной порке, 68 человек было этапировано в Сарапульскую тюрьму, 15 стачечников после судебного разбирательства подверглись принудительной высылке в Сибирь⁴⁴.

Несмотря на поражение, забастовка воткинских рабочих оказала огромное влияние на дальнейшее развитие рабочего движения в крае. Социал-демократическая газета "Искра" отмечала, что в Вятской губернии начинает чувствоваться сильнее, чем прежде, политическое возбуждение. Под влиянием воткинских событий наблюдалось брожение среди рабочих Ижевского завода. В 1902 г. стачки прошли также в Сарапуле на кожевенных предприятиях Н. В. Смагина и Ф. Г. Пешехонова.

Ухудшение экономического положения, вызванного ростом налогового гнета и целым рядом неурожайных лет, обостряло недовольство крестьянства, которое нередко проявлялось в виде стихийных бунтов, сопровождавшихся столкновениями с представителями власти. Налоговый гнет возрос настолько, что крестьяне порою предпочитали отказываться от строительства в селениях земских школ, рассматривая сопряженные с этим расходы в качестве непосильного бремени. Так, 5 февраля 1901 г.

при попытке освободить односельчанина, арестованного за агитацию против открытия земской русско-татарской школы, произошла стычка с полицией около сорока крестьян д. Новая Смаль Малмыжского уезда. В ноябре того же года местным властям, пытавшимся описать имущество одного из жителей деревни, оказали сопротивление крестьяне д. Дургинской Глазовского уезда. Отказ наследников помещицы Халитовой продолжить сдачу земли в аренду спровоцировал в сентябре 1903 г. волнения страдавших от малоземелья крестьян д. Балтачево Елабужского уезда. По-прежнему не решенным оставался вопрос о выделении крестьянам лесных наделов. Самовольные порубки частновладельческого и казенного леса вместе с самовольными захватами земельных угодий являлись основными видами правонарушений крестьян. Вместе с этим в неурожайные годы начала XX в. получили распространение случаи погромов хлебозапасных магазинов. Они отмечались в Сарапульском и Елабужском уездах⁴⁵.

Обстановка в деревне благоприятствовала распространению антигосударственных настроений среди крестьянства, чему не в малой степени содействовало Вятское земство. Весьма показательна оценка его деятельности во второй половине XIX – начале XX в. представителем правого крыла общественного движения, сторонником "Русского народного союза имени Михаила Архангела", писавшим под псевдонимом Вяттич. На страницах журнала "Прямой путь" – печатном органе вышеуказанной партии – в 1910 г. была опубликована статья "Прошлое Вятской революции и заря будущей", в которой Вяттич отмечал: "Для населения Вятской губернии губернское земство, как руководитель уездными, играет огромную роль. Народ привык к нему и соприкасается с ним в очень многих жизненных точках... Среди населения постоянно в разъезде земские агрономы, дорожные инженеры, служащие в оценочной статистике, страховые агенты, сельхозхозяйственные старосты, почтари. Нужно ли говорить, что почти

весь этот разъезжающий земский люд революционизированной управы, был, несомненно, революционного направления и составил первый кадр революционных вятских деятелей. Если к этому числу деятелей приложить еще учителей, учительниц земских школ и лиц медицинского персонала, то кадр выйдет очень и очень внушительный... Агенты, учителя, учительницы, инженеры, агрономы, лица медицинского персонала объясняли крестьянству революционные заманчивые обещания по переделу земли, сложению недоимок, уничтожению власти и устройства выборного правления... Вот где была работа земства для населения"⁴⁶

В начале XX в. в "удмуртских" уездах происходит организационное становление нелегальных социал-демократических организаций. К середине 1903 г. на Урале действовали три социал-демократических комитета: Уфимский, Пермский и Среднеуральский. Не без их помощи осенью 1903 г. членом ЦК РСДРП Р. С. Землячкой была создана социал-демократическая организация в Вятке, ядром которой стали находившиеся там политические ссылки и местные железнодорожники. Возглавил организацию В. С. Горбачев, отбывавший до 1903 г. ссылку в Малмыже. На состоявшейся в 1904 г. Первой Всеуральской конференции социал-демократических организаций был создан Уральский областной комитет РСДРП. По его указанию вятские социал-демократы развернули политическую работу в среде заводских рабочих Северо-Вятского горного округа. В ходе предпринятых ими в 1904–1905 гг. мероприятий был создан ряд низовых социал-демократических организаций, в том числе в Глазове. Вновь созданные организации на правах районных вошли в подчинение Вятской окружной организации РСДРП. Под непосредственным руководством Пермского и Среднеуральского комитетов в 1903 г. из разрозненных социал-демократических кружков Елабуги, Сарапула и Осы была создана Прикамская группа РСДРП, накануне революции 1905–1907 гг. распростра-

нившая свое влияние на все южное Прикамье, включая Ижевский и Воткинский заводы – крупнейшие центры сосредоточения промышленного пролетариата в регионе"⁴⁷

На рубеже XIX – XX вв. делает первые шаги удмуртское национальное движение, представителями которого, преимущественно учителя и служители церкви, сосредотачивают свое внимание на просветительской работе. Среди наиболее известных удмуртских просветителей, многие из которых были выпускниками Казанской инородческой учительской семинарии, были К. А. Андреев, И. В. Васильев, Г. П. Прокопьев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Г. Е. Верещагин, И. В. Яковлев, М. И. Ильин, М. П. Прокопьев и др. С их именами связаны такие важные культурные достижения, как складывание элементов удмуртской национальной школы, развитие педагогической мысли и первые серьезные результаты в других областях гуманитарных исследований, зарождение художественной литературы, в рамках которой в конце XIX в. появляются произведения, имеющие остросоциальный характер, изобличающие полицейский произвол (стихотворение "Кин йыр"/"Кто главный" Г. П. Прокопьева) и моральное разложение провинциальных нуворишей (поэма "Скоробогат-Кашей" Г. Е. Верещагина). Удмуртская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. была уже готова поставить перед удмуртским народом ряд проблем, требующих незамедлительного разрешения, главной из которых являлось достижение равного положения среди других народов России"⁴⁸

Начавшаяся в 1904 г. война с Японией, ненадолго вызвавшая патриотический подъем масс, вскоре сменившийся разочарованием в способностях армейского руководства, привела к значительному ухудшению положения большинства населения страны и ускорила революционный кризис.

О событиях 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге, получивших название Кровавого воскресенья и послуживших поводом к началу первой российской революции, в прикамских уездах Вятской губернии

стало известно со значительным опозданием. Так, в Глазове, через который проходила выстроенная в конце XIX в. Пермь-Котласская железная дорога, о расстреле рабочей демонстрации стало известно в середине января, а в поселках Ижевского и Воткинского заводов лишь в конце февраля.

Одним из первых революционных выступлений в крае стала демонстрация учащих-ся женской гимназии и училища Глазова, проведенная в феврале 1905 г. у стен местной тюрьмы. Собравшиеся требовали освобождения политических заключенных. В марте забастовочное движение охватило рабочих ряда частных железоделательных предприятий Глазовского уезда и фабрик Сарапула; бастовали рабочие и матросы в затонах Дербешки и Челнинском на Каме, требуя повышения заработной платы и предоставления отдыха в воскресные дни. Отдельные выступления были в поселках Ижевского и Воткинского заводов. Первого мая состоялись демонстрации учащих-ся и рабочих в г. Глазове и на некоторых заводах уезда. Первая маевка была проведена в поселке Ижевского завода. Здесь же летом 1905 г. проходили стачки на оружейном производстве: в июне бастовали рабочие магазинно-коробочной мастерской, а в августе – ремонтной и механической.

Однако весной – летом 1905 г., несмотря на рост рабочего движения в "удмуртских" уездах Вятской губернии, участники забастовок выдвигали требования, носившие главным образом экономический характер. Большевицкая газета "Пролетарий" в июле писала, что на Урале "...сравнительно слабо развито классовое самосознание пролетариата... А так как культурный уровень очень низок, также и грамотность, то понятно, что борьба с самодержавием, лозунг "долой самодержавие" пока еще в серой массе не сделался лозунгом дня"⁴⁹ Основной задачей местных комитетов РСДРП, в особенности после III (лондонского) съезда партии, на котором обсуждались вопросы тактики большевиков в ходе революции, стало ведение агитационной работы и подго-

товка широкой базы для вооруженного восстания. Особое внимание в резолюциях съезда в связи с разрастанием крестьянского движения было обращено на развертывание агитации среди крестьянства в целях поднятия его самосознания и привлечения на сторону социал-демократии. Эту же цель преследовало решение, требовавшее в районах с нерусским населением "озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках"⁵⁰

С приходом весны в "удмуртских" уездах Вятской губернии возобновилось крестьянское движение. В апреле крестьяне деревень Шаршад и Балтачево Елабужского уезда захватили 44 дес. помещичьей земли. Жители деревень Мордва и Биктово того же уезда в июне произвели потраву лугов местного помещика. Когда же последний в ответ на это загнал скот на свою усадьбу, крестьяне силой вернули его в свои хозяйства. В том же месяце к волнениям крестьян-удмуртов Ильинской и Федосеевской волостей Слободского уезда, отказавшихся платить подати, присоединились жители некоторых селений Глазовского уезда. Для подавления крестьянского выступления потребовалась мобилизация полицейских сил нескольких уездов Вятской губернии, в помощь которым был придан казачий отряд. Наведение "порядка" приняло характер зверской расправы над крестьянами. Особой жестокостью отличился конный отряд во главе с вице-губернатором, который в течение нескольких дней водворял "законность" в с. Ильинском Слободского уезда⁵¹

Переходу от отдельных выступлений к более массовому и организованному движению крестьянства способствовало расширение летом – осенью 1905 г. агитационной деятельности в его среде представителей партий социалистической ориентации. В очередных рапортах вятскому губернатору А. Г. Левченко земские начальники доносили, что "за последнее время стали усиленно распространяться разными лицами среди крестьян прокламации и листовки,

которые крестьяне охотно берут"⁵² К примеру, в августе 1905 г. полицией у крестьян Граховской, Киясовской и других волостей, а также у жителей Ижевского и Воткинского заводов была обнаружена распространяемая Казанским комитетом РСДРП через членов местных социал-демократических организаций "Резолюция об отношении к крестьянскому движению, принятая на III съезде РСДРП". Подобные политические прокламации, призывавшие крестьянство включиться в политическую борьбу, часто обнаруживались в разных волостях Глазовского, Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов.

Значительную роль в распространении антиправительственных воззваний среди сельского населения, около половины которого составляли удмурты, сыграла сельская интеллигенция: учителя, врачи, агрономы, статистики. Активную агитационную работу в годы первой российской революции среди удмуртского населения вели удмурты И. И. Шкляев, И. В. Яковлев, И. А. Наговицын, М. П. Прокопьев, П. К. Константинов, Ф. И. Волков, Е. И. Боброва и др. Известный общественный деятель, педагог и публицист И. С. Михеев, добившийся накануне революции разрешения издавать ежегодник на удмуртском языке – "Удмурт кылын календарь", неоднократно помещал на его страницах материалы антиправительственного содержания. В вышедшей в 1906 г. отдельным изданием пьесе "Эн лушка" ("Не укради"), изображая деревенский самосуд, он вкладывает в уста одного из персонажей ключевые слова произведения: на просьбу пойманного вора вызвать урядника один из крестьян, выражая общее чувство недоверия по отношению к царской полиции, говорит: "Нам урядник не нужен. Мы удмурты. Мы тебя проучим по удмуртскому обычаю" О методах официального судебного следствия, сопровождавшегося бесчинствами полиции, повествуется в сохранившейся в отрывках поэме "Суд" (1906 г.), написанной удмуртским автором М. Г. Можгиным после ареста друга-революционера.

И. С. Михеев

Михеев Иван Степанович (1876–1937 гг.), удмуртский просветитель, автор и издатель учебников и методических работ, драматург. Окончив в 1896 г. Казанскую учительскую семинарию, год работал помощником учителя в Центральной удмуртской школе с. Карлыган.

Был приглашен на работу учителем образцового начального удмуртского училища при Казанской учительской инородческой семинарии. Занимался переводческой работой. С 1904 г. издавал календарь-ежегодник "Удмурт кылын календарь". С 1917 г. работал редактором удмуртских изданий при Наркомназе в г. Казани. С 1924 г. в разные годы преподавал в вузах Казани, Ходжента, Сталинабада, Самарканды, Йошкар-Олы. В 1937 г. репрессирован и расстрелян.

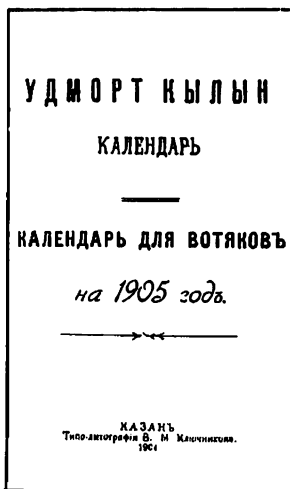
Летом – осенью 1905 г. революционное движение в стране находилось на подъеме. Непрерывно развиваясь вглубь и вширь, оно охватывало все новые районы страны, вовлекая в активную борьбу за демократические преобразования представителей различных слоев общества. В мае – июне на Всероссийском съезде земских и городских деятелей представители либеральной общественности вновь открыто заявили о необходимости введения в стране конституции. Избранная на съезде делегация 6 июня встретилась с императором, и ее глава – князь С. Н. Трубецкой – ознакомил Николая II с требованиями участников съезда.

Необходимость создания представительного органа с каждым днем становилась все очевиднее, и, наконец, 6 августа 1905 г. был подписан манифест, устанавливавший создание в России выборного законодательного учреждения. Процедура выборов в думу была максимально усложнена, носила недемократический характер. Либеральные круги поддержали правительственный проект, разработанный ми-

нистром внутренних дел А. Г. Булыгиным, с оговорами. Группы социалистической ориентации выступили с жесткой критикой, а большевики сразу назвали проект Булыгинской думы "обманом масс" и призвали к бойкоту предстоящих выборов. Однако события, развернувшиеся в России осенью 1905 г., вынудили власть идти значительно дальше по пути уступок радикально настроенной общественности.

Пиком забастовочного движения, принявшего в сентябре лавинообразный характер, стала Всероссийская политическая стачка трудящихся, начавшаяся 7 октября и охватившая основные промышленные районы страны. В условиях нарастания социальной напряженности правящие круги во главе с Николаем II вынуждены были Манифестом от 17 октября пообещать "даровать народу незаблемые основы гражданских свобод". Население "удмуртских" уездов Вятской губернии было ознакомлено с царским манифестом "Об усовершенствовании государственного порядка" в период с 18 по 28 октября. Либеральная интеллигенция и сторонники умеренных взглядов из числа деятелей социалистического движения, прежде всего меньшевики и часть эсеров, с восторгом приняли это известие, удовлетворившись теми результатами революционной борьбы, которые привели к появлению манифеста. С резкой критикой царского манифеста и призывами к дальнейшему расширению революционного движения выступили большевики, добивавшиеся немедленного свержения самодержавия и установления демократической республики.

Вместо общественного успокоения правительство, недооценившее инерционные силы революции, неожиданно для себя после 17 октября столкнулось с ростом антигосударственных выступлений. По случаю обнародования Манифеста 17 октября прошли митинги и демонстрации в Сарапуле, в поселках Ижевского и Воткинского заводов. По сообщению сарапульского уездного исправника "устроители митингов

Удмурт кылын календарь
Обложка первого выпуска 1904 г.

были в большинстве социал-демократы, которые и говорили речи революционного содержания"⁵³. В Сарапуле после митинга на Соборной площади, над которой впервые взвился красный флаг, состоялась мирная демонстрация, в ходе которой исполнялась "Марсельеза" и выкрикивались лозунги: "Да здравствует республика!", "Да здравствует народное представительство!"⁵⁴ Наиболее массовой стала демонстрация 22 октября в поселке Ижевского завода, в которой, в отличие от митинга, состоявшегося здесь 18 октября и собравшего около тысячи жителей поселка, приняло участие порядка 10 тыс. человек⁵⁵. Волнения прокатились в учебных заведениях. Так, 17 октября была организована манифестация учащихся Казанской иногородческой учительской семинарии. Тридцать воспитанников "как наиболее расстроенных и могущих при настоящих случаях вредно влиять на своих товарищей" по реше-

нию педагогического совета были отправлены по домам⁵⁶. Прекратив занятия, с начала забастовки 30 октября объявила воспитанницы женской гимназии Глазова. В петиции, подготовленной группой активисток, были изложены разнообразные требования: предоставление учащимся права собраний в стенах гимназии, устранение "гнусной практики вскрытия корреспонденции", введение преподавания философии вместо Закона Божия, упразднение системы сыска и др.⁵⁷

В условиях подъема рабочего движения в Ижевске в ноябре 1905 г. был создан Совет рабочих уполномоченных в составе 146 человек, в числе которых были большевики В. А. Сухих, И. Д. Пастухов, Е. В. Кириллов, Я. А. Макин и др. Основной задачей Совета стала защита интересов рабочих перед администрациями казенных заводов и частными фабрикантами. К начавшейся всероссийской стачке работников почты и телеграфа 15 ноября присоединились служащие Сарапульской и Глазовской почтово-телеграфных контор. В этот же день в Сарапуле представители рабочих девяти кожевенных заводов подали заводладельцам совместную петицию с требованиями увеличения заработной платы и улучшения условий труда и быта. Большая часть требований была удовлетворена⁵⁸. Митинг с участием крестьян окрестных деревень состоялся 20 ноября в поселке Воткинского завода. Кульминацией событий 1905 г. на заводе стала забастовка, начавшаяся 3 декабря. Бастующими рабочими был избран Совет рабочих депутатов в составе 94 человек и организована рабочая милиция. В Совете рабочие видели свой "собственный суд и самостоятельное управление" и требовали, чтобы его постановлениям подчинялись все граждане, "так как царское правительство в России потеряло свою власть"⁵⁹. В посланной 4 декабря телеграмме на имя председателя правительства графа С. Ю. Витте члены Воткинского Совета рабочих депутатов "от лица народного собрания в количестве десяти тысяч человек" требовали "немедленного

В. А. Сухих

Сухих Василий Аркадьевич (1875–1954 гг.), революционер, член РСДРП (1903 г.). От Сарапульской социал-демократической организации был избран в Прикамский комитет РСДРП. По поручению комитета в 1904 г. в поселке Ижевского завода создал социал-демократический кружок. За участие в демонстрации 9 января 1906 г. был арестован, но выпущен. В ноябре 1906 г. вновь арестован и 29 сентября 1911 г. осужден, выслан в Сибирь. До пенсии (1940 г.) работал на механическом заводе "Востсибуголь" г. Черемхово.

созыва Учредительного собрания, немедленного освобождения... всех политических заключенных"⁶⁰.

Осенью 1905 г. усилилось крестьянское движение. Одной из форм борьбы, принявшей массовый характер, стали порубки казенного и помещичьего леса, особенно распространившиеся в Елабужском, Малмыжском и Сарапульском уездах, где крестьяне испытывали острый дефицит в лесных наделах. В конце октября крестьяне Зуринской волости Сарапульского уезда массами рубили лес в казенных дачах. О таких же самовольных порубках казенного леса сообщалось из Глазовского уезда. В ноябре Малмыжский исправник доносил, что "крестьяне-вотьяки Селтинской волости занялись самовольной порубкой леса в даче лесовладельцев Бушковых, срублено около 500 деревьев и увезено 97 стогов сена и часть гречиши". В конце ноября почти 2 000 деревьев в имении помещиков Халитовых вырубил жители д. Назары Мушаковской волости Елабужского уезда. В течение нескольких дней того же месяца крестьяне деревень Старая, Средняя и Новая Мурзиха Елабужского уезда рубили лес во владениях помещиков Пекен. От самоуправления крестьян д. Шаршад и крестьян со-

седних селений не в первый раз страдали владения князя Шейх Али. Лишь с помощью военной команды удалось прекратить порубку принадлежавшего князю леса. Однако, покидая имение, крестьяне сожгли барский дом⁶¹

В конце ноября серьезные волнения произошли в Глазовском уезде. Причиной выступлений демобилизованных после окончания русско-японской войны солдат стало недовольство размерами пособий, которые получили их семьи. Святогорский волостной старшина сообщал, что с возвращением нижних чинов "население волости находится в крайнем возбужденном состоянии, благодаря своеволию и насилию, производимых в Игринской, Лыпской, Люкской и других волостях... С приходом запасных население волости явно уклоняется от платежа за текущий год поземельных сборов и других по суду в пользу казны взысканий, ожидая всепрощающего манифеста, и приступать на взыскание принудительно указанными в законе способами становится невозможным и прямо опасным"⁶². Исправники почти всех уездов Вятской губернии доносили, что "большая часть крестьян заражена революционными идеями, часто доводящими крестьян до столкновения с полицией"⁶³.

Начиная со второй половины ноября 1905 г., распространенной формой массовых выступлений крестьян стали самовольные сельские и волостные сходы с составлением приговоров, в которых излагались экономические и политические требования крестьян. Активную роль в этом процессе играли эсеры, которые распространили по всем уездам Вятской губернии приговор крестьян с. Макарова Московской губернии как образец для составления мирских приговоров о "насуточных нуждах крестьян". Довольно большое количество подобного рода документов, содержавших требования о скорейшем проведении демократических преобразований и созыве Учредительного собрания, было составлено крестьянством "удмуртских" уездов Вятской губернии⁶⁴

И. Д. Пастухов

Пастухов Иван Дмитриевич (1887–1918 гг.), революционер, член РСДРП (1905 г.). Неоднократно по обвинению в антиправительственной деятельности подвергался арестам, с 1914 г. находился в ссылке в Енисейской губернии, после Февральской революции амнистирован. В июле 1917 г. избран председателем Ижевской большевистской организации, в октябре 1917 г. член Учредительного собрания, в марте 1918 г. председатель Ижевского городского совета. Во время Ижевско-Воткинского мятежа арестован и казнен.

С 30 по 2 декабря в Вятке проходил губернский крестьянский съезд, созданный организационным комитетом в составе представителя центрального бюро Всероссийского крестьянского союза – политической организации, учрежденной на нелегальном съезде в Москве летом 1905 г., и членов местной организации эсеров. На съезде присутствовало около 400 делегатов от 6 уездов Вятской губернии. Заседания посещали также рабочие, солдаты местного гарнизона, служащие. Решения съезда, находившегося под сильным влиянием эсеров, в целом носили революционно-демократический характер⁶⁵

Революционное движение, во главе которого на данном этапе оказались большевики, приближалось к своей наивысшей точке – вооруженному восстанию. По призыву Московского Совета рабочих депутатов 6 декабря началась всеобщая забастовка, переросшая 9 декабря в вооруженное восстание московского пролетариата. Вслед за Москвой поднялись пролетарии других промышленных районов страны. В ответ на призыв Центрального бюро Всероссийского союза железнодорожников 8 декабря прекратили работу железнодорожники Глазова, 12 декабря к ним присоединились

работники станции Яр. На просьбу начальника станции выслать вооруженных солдат губернатор телеграфировал, что ввиду забастовки вятских железнодорожников вооруженный отряд прибыть в Яр не сможет. С 9 по 22 декабря бастовали аптекарские служащие Глазовской земской больницы, к ним присоединились булочники частных пекарен; 13 декабря забастовали рабочие Воткинского завода, оружейники Ижевска, чугунолитейщики с. Шаркан, кожевники Сарапула. К забастовочному движению примкнули речники прикамских портов. Под влиянием массовых выступлений рабочих прокатились волнения среди учеников ижевской оружейной школы и средних учебных заведений Сарапула. В период декабрьских событий, по примеру рабочих других городов и рабочих поселков, жителями Ижевского и Воткинского заводов были созданы рабочие дружины численностью около 30 и 100 человек соответственно⁶⁵.

Революционное движение в Вятской губернии, пиком которого стало вооруженное столкновение 18 декабря боевой дружины рабочих Вятки с полицией и солдатами, вынудило царское правительство пойти на решительные действия: 21 декабря губерния была объявлена на положении усиленной охраны, в Сарапульском уезде введено положение чрезвычайной охраны. Ижевский завод передавался в непосредственное наблюдение начальнику губернского жандармского управления. Для усиления полицейских сил сюда были переведены две сотни уральских и кубанских казаков и рота солдат Казанского военного округа. Дополнительные силы полиции и казаки сотни были размещены также в Сарапуле и в поселке Воткинского завода. Министр внутренних дел П. Н. Дурново требовал: "Арестуйте всех, мешающих водворению порядка, и продолжайте действовать самыми решительными мерами, не щадя мятежников и не входя с ними ни в какие переговоры". Репрессии были направлены не только против участников рабочего движения, но и против крестьянства: в декабре Министер-

ство внутренних дел предписало вятскому губернатору подавлять выступления крестьян "самыми суровыми мерами, с употреблением оружия без всякой пощады, до уничтожения, в крайнем случае, отдельных домов и целых деревень включительно"⁶⁷.

Несмотря на усиление репрессий, прежде всего в отношении сторонников левых партий, революционное движение было еще далеко от своего завершения. Крупными митингами и демонстрациями, вопреки угрозам начальства, отметили рабочие Сарапула, Ижевского и Воткинского заводов годовщину Кровавого воскресенья. В Ижевске траурная демонстрация на всем протяжении своего следования от заводской плотины до Александровского собора встречала сопротивление полиции и даже пожарных, стремившихся помешать шествию. Когда рабочие собрались возле собора для панихиды, силы "правопорядка" "с блестящими на солнце винтовками, штыками, саблями и револьверами ринулись вперед и начали зверское избивание рабочих, которое продолжалось в разных концах завода вплоть до позднего вечера, били всех, не разбирая ни пола, ни возраста, и малолетних детишек и стариков", — описывал ижевские события 9 января 1906 г. корреспондент газеты "Вятская жизнь"⁶⁸.

Используя репрессивные меры в борьбе с революционным движением, царизм вместе с тем возлагал надежды на опубличенный 11 декабря 1905 г. в самый разгар антиправительственных выступлений, избирательный закон о выборах в I Государственную думу, полагая, что эта уступка позволит направить активность масс в мирное русло политической борьбы на арене российского парламента. Новый закон, хотя и расширял круг избирателей, фактически лишил права участвовать в выборах более половины взрослого населения страны; как и в проекте А. Г. Булыгина, предполагал сословно-куриальный принцип проведения выборов. Подобный избирательный закон оказался неприемлемым для левых партий, отстаивавших принцип всеобщих прямых

выборов. Большевики и эсеры, организации последних стали возникать в "удмуртских" уездах с конца 1905 г., призвали к бойкоту выборов.

Расширяя свою деятельность, требовавшую значительных финансовых средств, леворадикальные партии, в особенности эсеры и коммунисты-анархисты, нередко прибегали к так называемым "экспроприациям". Так, на протяжении 1906–1907 гг. небольшие группы анархистов, действовавшие в Елабуге и Сарапуле, неоднократно вымогали деньги "на революционные цели" у местных купцов. В сентябре 1906 г. группа эсеров экспроприировала капиталы казенных винных лавок в с. Завьялове и с. Юськи на сумму более 110 руб. На полученные таким образом деньги было закуплено типографское оборудование, и в начале марта 1907 г. вышел первый номер газеты "Ижевский рабочий"⁶⁹

В условиях, когда две наиболее организованные политические силы – социал-демократы и социал-революционеры – устранились от участия в недемократических выборах, а сторонники правых Вятской народно-монархической партии и Союза русского народа оказались медлительными в вопросах организационного становления, в очень выгодных условиях развернули свою агитацию члены партии конституционных демократов⁷⁰. Первые отделения партии кадетов появились в Вятской губернии в декабре 1905 г., и в начале 1906 г., в преддверии выборов, отмечается рост ее сторонников. Наиболее многочисленной в Вятской губернии была Малмыжская уездная организация кадетов, численностью до 500 человек, из которых около 90 % были крестьянами. Отделения кадетской партии в начале 1906 г. возникли также в Сарапуле и Елабуге⁷¹

Несмотря на усилия большевиков и эсеров, бойкот выборов в I Государственную думу не удался. В результате выборов, проходивших в феврале – марте 1906 г., наибольшего успеха достигли кадеты, получившие в парламенте 161 место. Не последнюю роль в победе конституционных де-

мократов сыграло то, что в стране с 57 % нерусского населения из крупных партий, участвовавших в выборах, партия кадетов была единственной, провозгласившей принцип равноправия народов России. Впрочем, дума, созданная 27 апреля 1906 г., оказавшись несговорчивой с царизмом по аграрному вопросу, предопределила свою судьбу: 8 июля, просуществовав всего 73 дня, она была распущена.

Созыв Государственной думы не приостановил революционного движения. В Сарапуле и в поселке Воткинского завода 1 мая прошли однодневные забастовки заводских рабочих и демонстрации под красными флагами. Попытки властей с помощью конной стражи воспрепятствовать шествиям приняли характер массовых избиений и арестов участников первомайских демонстраций.

В годы революции на многих предприятиях появились и развернули свою деятельность профессиональные союзы. В мае на Воткинском заводе был создан первый в губернии профессиональный "Воткинский союз рабочих по металлу". Начальник жандармского управления докладывал вскоре, что вся нелегальная работа на Воткинском заводе стала сосредотачиваться в легальном союзе⁷². В Сарапуле возникли профессиональные объединения: "Союз труда", "Союз кожевенного и башмачного производства", "Союз учителей". В середине 1907 г. в Ижевском заводе возникло профессиональное общество рабочих по обработке металла, придерживавшееся, по мнению заводского начальства, "антиправительственного направления"

Лето 1906 г. отмечено рядом крупных выступлений рабочих на Ижевском заводе. Начав 28 июня забастовку, рабочие механической мастерской потребовали повышения заработной платы, выдачи казенного инструмента на всех видах работ и возвращения на завод рабочих, уволенных за участие в январской демонстрации. К рабочим механической мастерской присоединились коллективы ремонтной, прокатной и пилотубной мастерских. Чтобы предупре-

дить всеобщую забастовку, администрация согласилась удовлетворить все требования бастующих. Однако вскоре волнения охватили работников частных предприятий. Сарапульский уездный исправник сообщал начальнику губернского жандармского управления: "30 июня забастовали рабочие частных Ижевских оружейных фабрик, требуя сокращения рабочих часов, увеличения заработной платы, хорошего и здорового устройства мастерских и вежливого обращения с ними хозяев". Исправник особо отмечал, что "назначенное около оружейного фабриканта Евдокимова собрание было разогнано конно-полицейской стражей"⁷³

Значительный размах приобрело забастовочное движение ижевских рабочих в конце августа – начале сентября. В ходе двухнедельной забастовки, начавшейся 23 августа и охватившей рабочих нескольких мастерских, был создан Совет рабочих уполномоченных в составе 46 человек. Члены Совета координировали борьбу рабочих за свои права и добивались от заводской администрации выполнения ряда экономических требований. Власти, обеспокоенные активностью Совета, который, по их мнению, являлся "революционным сообществом", запретили его деятельность⁷⁴. Однако, столкнувшись с организованным выступлением рабочих, руководство завода вынуждено было пойти на уступки, и к 15 сентября все требования бастующих были удовлетворены. На 15–20 % увеличены оклады ремонтникам и механикам, рабочий день перед праздниками и по субботам сокращен до 7 часов, рабочим на всех производствах стали выдавать казенный инструмент, улучшилось санитарное состояние заводских помещений, открылся пункт медицинской помощи.

Не прекращалось в 1906 г. крестьянское движение, на которое существенное влияние оказывала агитационная деятельность представителей революционных партий – эсеров и социал-демократов, распространявших среди крестьян антиправительственные прокламации и брошюры, призывавшие

к неплатежу податей, отказу от службы в армии и т. п. Массовый характер продолжали сохранять выступления крестьян в форме самовольных сходок и митингов в период избирательной кампании, деятельности Государственной думы и после ее роспуска.

Как и прежде, страдавшие от недостатка лесных угодий крестьяне ряда волостей производили порубку частного и казенного леса. Так, в Граховской и Козылевской волостях самоуправству крестьян подверглись лесные владения частных землевладельцев Шамшиной и Зайцевой. Кроме того, крестьяне д. Пустоши Граховской волости и деревень Старой, Средней и Новой Мурзихи Козылевской волости, вследствие малоземелья, засеяли 36 дес. пахотной земли, принадлежавшей вышеупомянутой Шамшиной⁷⁵. В августе 1906 г. крестьяне деревень Русский и Крещенский Тыловый, Большой Ярык, Котловский и Марийский Возжай, Адам Учи и поч. Каменного Граховской волости разобрали из 19 магазинов около 20 тыс. пудов хлеба. Действуя сообща, крестьяне отказались в ходе следствия назвать зачинщиков и организаторов беспорядков.

Самым значительным крестьянским волнением за весь 1906 г. стал сентябрьский бунт крестьян с. Новый Мултан, переполошивший губернские власти. Поводом для выступления послужило задержание агитатора, устраивавшего в с. Новый Мултан и его окрестностях беседы антиправительственного характера. Арест агитатора совпал по времени с проводившимся 5 сентября переучетом подлежащих к мобилизации в армию. В ходе предпринятой попытки освободить агитатора был убит один крестьянин, что вызвало озлобление более тысячи собравшихся, устроивших погром полицейского участка. В результате урядник и один из стражников были убиты, несколько полицейских получили тяжелые травмы. Узнав о беспорядках в с. Новый Мултан, губернатор направил в Мултанскую и Узинскую волости конных стражников, которые после подавления сопротивления крестьян учинили жестокую расправу над населением⁷⁶

М. П. Прокопьев

Прокопьев Михаил Прокопьевич (1889–1969 гг.), удмуртский просветитель, писатель, ученый (работы в области биологии и сельского хозяйства). В 1904–1908 гг. учился в Казанской инородческой учительской семинарии. По окончании семинарии работал до 1914 г. и в 1918–1919 гг. при ней учителем образцовой удмуртской школы. Сотрудничал с Михеевым И. С. в подготовке учебников для удмуртских школ. В 1915–1917 гг. и 1919–1922 гг. – на службе в армии. После демобилизации учился в Казанском институте сельского хозяйства и лесоводства. По его окончании занимался преподавательской и научной работой (доктор сельскохозяйственных наук, 1966).

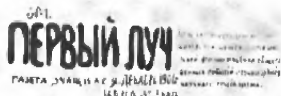
Под влиянием рабочих и крестьянских выступлений в 1906 г. продолжалось движение среди учащейся молодежи. Так, в первомайской демонстрации в Сарапуле участвовали ученики реального училища и гимназии. В Глазове, где было особенно сильно влияние монархических партий*, под руководством прогрессивно настроенных учителей действовал ученический кружок, на собраниях которого обсуждались насущные проблемы общественного развития. В декабре 1906 г. вышел первый номер "ученической газеты" "Первый луч", редакция которой сообщала: "Цель газеты – объединение учащихся, освещение вопросов школьной жизни и оценка общественных

* В 1907 г. Глазовское отделение Вятской народно-монархической партии насчитывало более 40 членов. В 1907 г. членами Глазовского отделения "Союза русского народа" являлись 200 человек. Имелись малочисленные отделения "Союза русского народа" на Воскресенском заводе и в с. Панине Глазовского уезда.

событий с точки зрения научного социализма"⁷⁷ Ответным ходом властей стал арест и последующая высылка за пределы губернии редактора газеты, учителя словесности женской гимназии Н. Н. Колотинского. Вместе с ним высылке подлежали его сестра – классная дама той же гимназии – и ряд учителей, предложивших 6 января 1907 г. на уездном собрании Общества взаимопомощи учителей антиправительственную резолюцию⁷⁸ В 1906 г. – начале 1907 г. происходили волнения в многонациональной среде учащихся Казанской учительской семинарии: устраивались митинги с исполнением революционных песен, предпринимались попытки создания нелегальной библиотеки запрещенной литературы и издания "освободительного" рукописного журнала. В период первой российской революции стараниями удмуртских учащихся семинарии начал выходить нелегальный рукописный журнал на удмуртском языке "Сандан" ("Наковальня"). Его редактором являлся М. П. Прокопьев, ставший впоследствии поэтом, публицистом, общественным деятелем⁷⁹

В обстановке общего спада революционной активности масс и усиления репрессий со стороны властей в начале 1907 г. состоялись выборы во II Государственную думу. В соответствии с "сенатскими разъяснениями" избирательного закона от выборов была устранена часть рабочих и мелких землевладельцев. Однако, несмотря на это, в условиях отступления революционного движения партии социалистической направленности отказались от тактики бойкота недемократических выборов в думу, посчитав необходимым на данном этапе революционной борьбы использовать парламентскую трибуну для разоблачения самодержавия. Несмотря на все ухищрения царского режима, в результате выборов II дума оказалась левее I и заняла столь же не угодную для царизма позицию по аграрному вопросу.

В разгар парламентского кризиса, вызванного попыткой царского режима по ложному

В настоящее время в стране не существует единой системы управления жилищно-коммунальным хозяйством. В настоящее время в стране не существует единой системы управления жилищно-коммунальным хозяйством. В настоящее время в стране не существует единой системы управления жилищно-коммунальным хозяйством.

[illegible]

ПОСЛАНИЕ КЪ ДУХА
 1981 г. издадено от ИК "Искусство" в 100 000 екземпляра. Книжката е написана от един от най-известните руски поети, Владимир Маяковский, а стихотворенията са съставени от поетичния талант на Николай Гумилев. Книжката е написана в 1928 г. и е един от най-известните произведения на Маяковский. Книжката е написана в 1928 г. и е един от най-известните произведения на Маяковский.

1. Алгоритмический язык — язык, на котором
 описываются алгоритмы. Он имеет строгую
 структуру, в которой четко определены
 все элементы и правила. Алгоритмический
 язык не имеет ничего общего с естественным
 языком. Он используется для описания
 алгоритмов в виде текстовых программ.
 Алгоритмический язык является основой
 для создания языков программирования.
 Он используется для описания алгоритмов
 в виде текстовых программ. Алгоритмический
 язык является основой для создания
 языков программирования.

Страница первого номера
"ученической" газеты "Первый луч"

обвинению в подготовке покушения на императора и его семью арестовать депутатов-социалистов, 3 июня был опубликован манифест Николая II о роспуске Государственной думы и изменении системы выборов. Издание нового избирательного закона было расценено прогрессивной общественностью как акт государственного переворота, поскольку в соответствии с Манифестом от 17 октября 1905 г. ни один новый закон не мог быть принят без предварительного одобрения его думой. На фоне спада общественного движения бесцеремонное попрание царизмом демократических завоеваний первой российской революции означало ее поражение.

Развитие общественного движения в годы реакции и нового революционного подъема

Спад революционного движения, разгон II Государственной думы и изменение избирательного закона знаменовали переход инициативы во внутриполитической жизни страны в руки консервативно настроенных деятелей царского правительства во главе с организатором "третьеиюньского переворота" П. А. Столыпиным. На протяжении 1907–1911 гг., до своей трагической гибели от руки эсера Д. Г. Богрова, опираясь на послушную III "помещичью" думу, П. А. Столыпин определял правительственный курс, руководствуясь стремлением обновить страну и не допустить нового роста революционных настроений в российском обществе. Своего рода призывом к действию стали его слова: "Сперва успокоение, потом реформы". По всей стране предпринимались "чрезвычайные меры" против революционеров и их организаций, запрещались многие демократические издания, преследовались профессиональные объединения, Россию наводнили военные суды с упрощенной формой судопроизводства, в национальных районах усилилась русификаторская политика.

Широкий размах приняли репрессии в Вятской губернии, в том числе и на территории ее "удмуртских" уездов. Основной удар местного полицейского начальства, как и в целом по стране, был направлен против леворадикальных партий – социал-демократов и эсеров. Последние летом 1907 г. активизировали свою "боевую" работу, которая незадолго до этого в мае на V съезде РСДРП вновь, как и год назад на IV съезде, подверглась осуждению. По постановлению Ижевского комитета партии социалистов-революционеров 17 июля было организовано покушение на помощника пристава Григоровского, 1 августа брошена бомба в квартиру старшины Ижевско-На-

горной волости В. Н. Самойлова. Эсеры вместе с анархистами продолжали проводить экспроприаций: 7 августа злоумышленники врывались в дома ижевских обывателей, требуя деньги на "революцию" дважды 25 и 26 августа бомбы взрывались в доме купчихи Степановой, отказавшейся предоставить денежные средства революционерам. В этом же месяце были проведены экспроприации казенных винных лавок в селах Кияике, Люке, Норье, Никольском⁸⁰. В последнем случае группа эсеровских боевиков попала в засаду. В ходе перестрелки пятеро из них были убиты, один ранен.

Деятельность эсеров и анархистов незамедлительно вызвала ответные шаги властей. Уже 15 августа начальник Вятского губернского жандармского управления отправил в Сарапульский уезд отряд конной стражи в количестве 30 человек, 22 августа для ее усиления в уезд было послано 46 чеченцев. Когда же предпринятых мер оказалось недостаточно, 26 августа 1907 г. Сарапульский уезд высочайшим указом Николая II был объявлен на положении чрезвычайной охраны сроком на 6 месяцев. В целом Вятская губерния до 4 сентября 1910 г. находилась на положении усиленной охраны. В Вятке, Сарапуле, в поселках Ижевского и Воткинского заводов были расквартированы войсковые и казачьи части, увеличены силы полиции и жандармерии. Тюрьмы губернского и уездных городов переполнились политическими заключенными. В первые годы столыпинского "успокоения" в ходе скоротечных судебных процессов многие участники революционного, рабочего и крестьянского движения были приговорены к смертной казни. В этот период либеральная газета "Вятская жизнь"⁸¹ отмечала, что "число смертных приговоров по Сарапульскому уезду превышало число всех смертных приговоров ко всем остальным десяти уездам губернии, вместе взятым"

В условиях разгула реакции и идейно-политического кризиса в рядах революционных организаций сократилась численность

И. В. Яковлева

Яковлев Иван Васильевич (1881–1931 гг.), удмуртский просветитель, публицист, писатель, ученый (работы по удмуртской этнографии и языкознанию). Окончил Казанскую учительскую семинарию (1901 г.). Работал учителем в Пермской и Вятской губерниях (1901–1907 гг.), в образцовой начальной удмуртской школе при Казанской семинарии (1907 г.). В этот период написал ряд острых полемических статей в защиту преподавания в школах на родном языке учащихся. За участие в волнениях и публикацию антиправительственной статьи осужден (1908 г.) и сослан в Костромскую губернию (1910–1912 гг.). После революции продолжал педагогическую и научную деятельность.

местных социал-демократических и эсеровских организаций. Это было связано как с массовыми арестами революционеров, так и со значительным оттоком после поражения революции многих "попутчиков", не готовых к подпольной работе. Некоторый всплеск боевой деятельности местных эсеров отмечается в 1910 г. и в 1913 г., когда от "экспроприаций" пострадали соответственно Елабужская помещичья земская управа и винная лавка с. Юськи Сарапульского уезда, сиделец которой был убит. Усилиями полиции виновные были арестованы⁸². После поражения революции кризис охватил и местные организации кадетов. Фактически к осени 1907 г. они прекращают свою деятельность и вновь возобновляют ее лишь в 1917 г.

Усилились гонения в отношении прессы, причем пострадали не только нелегальные революционные издания, но и разрешенные газеты либерального содержания. Так, редакторы таких губернских газет, как "Вятская жизнь" и "Вятский край" были высланы за пределы губернии. В 1910 г. за неоднократную публикацию антиправительственных

материалов (данных статистики, указывающих на чудовищную отсталость России по сравнению с западными странами, заметок о роскошной жизни царского двора и нищете крестьян, публицистической статьи И. В. Яковлева "Ачмелэн улоньёсмы"/"Наша жизнь", осуждавшей разгон I и II Государственных дум и призывавшей объединяться вокруг "сознательных людей") и художественных произведений остросоциального характера (стихотворения М. П. Прокопьева "Вузм пилэн эсэбэз"/"Думы молодого человека" и баллады М. Г. Можгина "Беглой"/"Белый") был запрещен выход единственного удмуртского периодического издания "Удмурт кылын календарь"⁸³. Его редактор И. С. Михеев в 1913 г. был уволен из Казанской инородческой учительской семинарии "за причастие к волнениям учащихся"⁸⁴.

В январе 1908 г. на сессии Вятского губернского земского собрания были приняты решения о закрытии земских библиотек, уездных статистических бюро и о прекращении ассигнования на вечернее и воскресное образование⁸⁵. Царским режимом началось наступление на национальную школу. В 1913 г. министром народного просвещения Л. А. Кассо были подписаны новые правила о начальных школах, сильно ограничивавших право преподавания на национальных языках. Подписание этих правил нанесло серьезный удар по системе просвещения Н. И. Ильминского, которая фактически изжила свою узкомиссионерскую направленность, превратившись в систему национального образования, уделяющую огромное внимание роли родного языка в деле просвещения народов Поволжья, в том числе и удмуртов⁸⁶.

Спад революции позволил заводладельцам и фабрикантам усилить эксплуатацию рабочих. Так, несмотря на ряд забастовок, вызванных снижением хозяевами заработной платы, рабочим кожевенных заводов Сарапула в марте 1907 г. не удалось добиться существенных изменений по вопросу о восстановлении прежнего уровня оплаты труда⁸⁷. Отголоском революционной

активности прежних лет стала в 1907 г. августовская забастовка в прокатном цехе Ижевского завода. Поводом к ней, как и в Сарапуле, послужило снижение заработной платы. Забастовка, продолжавшаяся три недели, отличалась организованностью и упорством стачечников. Заводское начальство вынуждено было повысить расценки для прокатчиков на 15 %.

Отдельные выступления против увольнений, увеличения продолжительности рабочего времени и сокращения размеров оплаты труда проходили в 1908–1911 гг. на частных оружейных фабриках Ижевского завода, кожевенных предприятиях Н. В. Смагина и М. В. Пешехоновой в Сарапуле, в ряде цехов Воткинского завода. Незадолго до начала первой мировой войны в 1914 г. первомайские забастовки, в ходе которых социал-демократы старались выдвинуть политические требования, прошли в поселках Ижевского и Воткинского заводов. В целом в годы реакции стачечное движение на промышленных предприятиях края, как и по всей стране, носило экономический характер. Борьба шла, главным образом, за повышение заработной платы и улучшение условий труда⁸⁸.

Несмотря на репрессии, крестьяне "удмуртских" уездов Вятской губернии активно препятствовали проведению столыпинской аграрной реформы. Большинство волнений, отмеченных за период ее проведения, были связаны с борьбой общинников против хуторян и отрубщиков. Крестьяне препятствовали проведению межевых работ, производили потраву посевов выделившихся из общины, жгли их запасы сена и т. п.⁸⁹ Сарапульская землеустроительная комиссия сообщала: "Несмотря на самые энергичные меры, предпринимаемые в ограждении интересов отрубщиков и хуторян со стороны власти, борьба против потравы посевов кончалась в общем неудачно. Не представляется возможным уследить за потравой, обосновать размер потрав и выловить виновных... Администрация защищает хозяйственные интересы отрубщиков и хуторян,

но отсутствие поддержки со стороны местного населения делают эту защиту малоценной⁹⁰

По-прежнему нередкими оставались факты самовольных порубок казенных и помещичьих лесов. Особенно от самоуправства крестьян страдали помещичьи владения в Елабужском уезде. Жители д. Новая Мурзиха 2 июля 1907 г. сожгли имение наследников помещика Пекен. Настоящую войну объявили крестьяне с. Арзамасцева помещице А. И. Барановой, которая в своей жалобе писала: "У меня травят посевы, крадут с полей хлеб, рубят самовольно лес, бьют в моих домах стекла, буйствуют на моей усадьбе, жгут мои строения и клады, грозят мне и моим служащим насильем и даже смертью, всячески стараются "выжить" меня"⁹¹ Общий ущерб, причиненный крестьянами хозяйству помещицы за период с 1907 г. по 1915 г., составил 30 тыс. руб.

Разгул реакции в период третьеиюньской политической системы не принес правительству желаемых результатов. В целом по стране общественное брожение не прекратилось, напротив, со второй половины 1910 г. отмечается новый подъем политической активности масс, достигшей к лету 1914 г. уровня 1905 г. Первая мировая война, лишь временно приостановившая развитие политического кризиса, стала, по словам В. И. Ленина, "лучшим подарком революции" от царского правительства. В ходе бессмысленной для России войны самодержавие до такой степени обострило внутривластную обстановку в стране, что лишило себя какой-либо общественной поддержки в период февральской революции 1917 г. Свержение царизма знаменовало начало нового этапа социальных потрясений в истории Отечества.

Ссылки на литературу и источники

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 5 С. 29–30.

² Решетов А. А. Сарапул. 200 лет. Ижевск, 1980. С. 6.

³ Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994. С. 18.

⁴ Лейкина-Свирская В. Р. "Казанский заговор" 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 425.

⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 27. Кн. 1. М., 1963. С. 302.

⁶ Русско-польские революционные связи. Т. 2. М., 1963. С. 324.

⁷ Вахрушев А. А. Указ. соч. С. 46–59.

⁸ Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 года. Ижевск, 1937. С. 128.

⁹ Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 63–64.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² Там же. С. 65–66.

¹³ Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 168–169.

¹⁴ Луппов П. Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁵ Сепло Лаллука. Казанская семинария учителей и пробуждение финских народов в регионе между Волгой и Уралом // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. С. 47

¹⁶ Гришнина М. В. Мултанский пролог // Мултанское дело: история и современный взгляд. Ижевск, 2000. С. 20–27.

¹⁷ Худяков М. Г. Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в настоящее время // Советская этнография. 1932. № 1. С. 49–50.

¹⁸ Горький М. О литературе: Литературно-критические статьи. М., 1955. С. 411.

¹⁹ Короленко В. Г. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1955. С. 342.

²⁰ Там же. С. 378.

²¹ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 53.

²² В последние годы о Мултанском деле опубликован ряд работ доктора филологических наук В. М. Ванюшева: Ванюшев В. М. Вокруг Мултана: тень на плетень // Известия Удмуртской Республики. 1992. № 52, 53, 56–58, 60–62; Его же. Киншоры "ыбылз" Мултан уж? Ижевск, 1994; Его же. В. Г. Короленко и Удмуртия // Буна М. И. Короленко в Удмуртии. 2-е изд., с уточ. Ижевск, 1995. С. 3–14; См. также: Мултанское дело: История и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции / Сост. В. М. Ванюшев. Ижевск, 2000.

- ²³ Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. М., 1962. С. 394.
- ²⁴ Там же. С. 520–523.
- ²⁵ Там же. С. 596.
- ²⁶ Там же. С. 620.
- ²⁷ Берен-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. Т. 1. М., 1958. С. 234.
- ²⁸ Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг. М., 1964. С. 773.
- ²⁹ Там же. С. 776.
- ³⁰ Александров А. А. Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века в Удмуртии // Очерки истории Удмуртии XIX века. Ижевск, 1996. С. 107.
- ³¹ Кораленко В. Г. Сборник произведений. Ижевск, 1938. С. 48–50.
- ³² Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. М., 1960. С. 764.
- ³³ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. М., 1959. С. 158–173.
- ³⁴ Латышев Н. П. Волнения крестьян Узинской волости в 1888 г.: (Из прошлого крестьянского движения в Удмуртии) // Ученые зап. УдНИИ. Ижевск, 1938. Вып. 8. С. 254.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 4. С. 382.
- ³⁶ Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России (1861–1895 гг.) // Ученые зап. УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 116.
- ³⁷ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2. Ч. 1. М., 1955. С. 122, 602, 605.
- ³⁸ Там же. С. 420–421.
- ³⁹ История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 480.
- ⁴⁰ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968. С. 24.
- ⁴¹ Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987. С. 50–53.
- ⁴² Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Л., 1975. С. 393.
- ⁴³ Революция 1905–1907 годов в Удмуртии: Материалы и документы. Ижевск, 1956. С. 19.
- ⁴⁴ Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. С. 99–101; Воткинск: Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск, 1999. С. 109–112.
- ⁴⁵ Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 22; Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М., 1998. С. 259, 265, 297, 298, 302.
- ⁴⁶ Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939. С. 153–154.
- ⁴⁷ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. С. 22–32.
- ⁴⁸ Уваров А. Н. Особенности публицистики удмуртского дореволюционного просветительства // Вопросы своеобразия жанров удмуртской литературы и фольклора. Ижевск, 1983. С. 59–73; Его же.
- Югдытьс-с. Ижевск, 1994. С. 36–62; Кутявин А. Н. Удмуртское национальное движение в контексте этнокультурной и политической истории народов Волго-Камья в конце XIX – первой четверти XX в. // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000. С. 65–66.
- ⁴⁹ Революция 1905–1907 годов в Удмуртии: Материалы и документы. С. 29.
- ⁵⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1983. С. 132.
- ⁵¹ Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 40–41.
- ⁵² Там же. С. 38.
- ⁵³ Ижевск: Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск, 1984. С. 52.
- ⁵⁴ Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. С. 55–56.
- ⁵⁵ Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 34.
- ⁵⁶ Кутявин А. Н. Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 гг. // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 68.
- ⁵⁷ Глазов: Исторический очерк. Ижевск, 1980. С. 82–83.
- ⁵⁸ Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. С. 57–60.
- ⁵⁹ Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 34–35.
- ⁶⁰ Там же. С. 125.
- ⁶¹ Там же. С. 41; Очерки истории Кировской области. С. 216.
- ⁶² Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии. Материалы и документы. С. 128.
- ⁶³ Там же. С. 42.
- ⁶⁴ Там же. С. 43, 128–131.
- ⁶⁵ Очерки истории Кировской области. С. 217; Бальбердин Ю. А. Политические партии в начале века // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 312.
- ⁶⁶ Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 36–37.
- ⁶⁷ Там же. С. 43; Очерки истории Кировской области. С. 218–220.
- ⁶⁸ Ижевск: Документы и материалы. С. 53.
- ⁶⁹ Бальбердин Ю. А. Политические партии в начале века // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 317–320; Бехтерев С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 37.
- ⁷⁰ Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 122; Бальбердин Ю. А. Указ. соч. С. 321.
- ⁷¹ Шелухаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 300; Непролетарские партии

России в трех революциях. М., 1984. С. 74–75; *Балыбердин Ю. А.* Указ. соч. С. 321–322.

⁷² Революция 1905–1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. С. 132–134.

⁷³ Там же. С. 134.

⁷⁴ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 308.

⁷⁵ Там же. С. 133–134.

⁷⁶ Там же. С. 52, 134–140.

⁷⁷ Глазов: Исторический очерк. Ижевск, 1980. С. 80.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Кутявин А. Н.* Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 гг. // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 68–69.

⁸⁰ *Балыбердин Ю. А.* Указ. соч. С. 317–320; Бехтерев С. П. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 37; *Шумилов Е. Ф.* Город на Иже, 1760–2000: Историческая хроника с прологом и эпилогом, в двух томах, повествующая о славных традициях и драматической истории столицы Удмуртии. Ижевск, 1998. С. 141–142.

⁸¹ Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1. С. 233.

⁸² *Балыбердин Ю. А.* Указ. соч. С. 320.

⁸³ Удмурт кылын календарь. 1905. Казань, 1904; Удмурт кылын календарь. 1907. Казань, 1906; Удмурт кылын календарь. 1908. Казань, 1907; Удмурт кылын календарь. 1910. Казань, 1909.

⁸⁴ *Кутявин А. Н.* Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 гг. С. 67

⁸⁵ Очерки истории Кировской области. С. 229.

⁸⁶ *Кутявин А. Н.* Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 гг. С. 58.

⁸⁷ *Решетов А. А.* Саралуп. 200 лет. С. 11.

⁸⁸ Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. С. 240–241, 244–246.

⁸⁹ Крестьянское движение в России. Июль 1907 – июль 1914 г. М.; Л., 1966. С. 549, 592–593, 619.

⁹⁰ Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. С. 237.

⁹¹ Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917. М.; Л., 1965. С. 166–169.

Культура Удмуртии

Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. обозначили начало капиталистического периода в истории России и оказали влияние на многие стороны общественно-культурной жизни, социальный и духовный облик населения.

В пореформенный период значительно усилились культурные интеграционные процессы, охватившие и российскую провинцию. Растущие экономические связи между регионами способствовали этим процессам, что вело к расширению культурного пространства. Развивающееся индустриальное общество объективно требовало не только элементарной грамотности, но и качественно более глубокой образованности граждан: возрастала необходимость в знаниях, в образованных людях для государственной службы, просвещения, промышленности, торговли, увеличивался спрос на книги, журналы, газеты, театральные зрелища и развлечения.

Подъем отечественной культуры был следствием и одновременно составной частью процесса смены феодализма капитализмом. Реформа 1861 г. ускорила этот процесс. Значительно усложнилась экономическая и социальная жизнь. Рост производительных сил усилил подвижность российского населения. Внутренние миграционные потоки втягивали огромные массы крестьян, охватывая все большие территории. Подъем национального самосознания

народов России оживлял развитие отечественной культуры, придавая ей особую содержательность и цельность. Влияние национальных культур внутри Российской Империи было взаимным и поэтому особенно плодотворным. Освободительное движение против крепостничества и самодержавия, связи со странами Запада и Востока оказали прогрессивное воздействие на развитие российской культуры.

Духовная жизнь отразила бурные перемены, происходившие в стране. В пореформенную эпоху была создана народная школа, появилась система профессионально-технического образования, сформировалась достаточно широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Постепенно складывалась общественно-культурная среда. Ее количественные и качественные характеристики зависели от хозяйственно-экономического состояния региона, контактов с культурными центрами и т. д. Большая роль в формировании культурной среды принадлежит городу или крупному промышленному поселению. В этой связи заметное место занимали города Глазов, Елабуга, Малмыж, Сарапул и Вятка. Традиционным центром притяжения общественных, культурных и научных сил Поволжья и Приуралья являлась Казань с ее университетом, духовной академией и многонациональной культурной средой.

Образование

Во второй половине XIX – начале XX в. в ходе капиталистического развития в России сформировалась сложная многоступенчатая система народного образования. В ней своеобразно отразились сложность и многообразие российской жизни. Вопреки противодействию царизма народное образование переживало период бурного развития. Его основными факторами были резко возросшие потребности страны в обучении населения и энергичная общественная деятельность в области просвещения.

На территории дореволюционной Удмуртии в этот период складывается и развивается система общего начального и среднего образования. Начальная школа была представлена учебными заведениями Министерства народного просвещения и Русской Православной Церкви. В непосредственном ведении Министерства народного просвещения находились "министерские" образцовые школы. Но наиболее многочисленную группу начальных учебных заведений составили земские одно- и двухклассные школы и училища. Духовное ведомство развивало сеть начальных церковных школ, а с 80-х гг. XIX в. в значительном количестве открывало начальные церковноприходские школы, с 90-х гг. – школы грамоты. Полнотническая и поликонфессиональная ситуация в крае принуждала православное духовенство вести активную миссионерскую деятельность – открывать миссионерские школы для удмуртов, бесермян, марийцев и татар, а также миссионерские "противораскольнические" школы. В среде татарского населения формально вне ведомственной принадлежности открывались начальные школы в мечетях.

Система среднего образования начинает формироваться с 70-х гг. XIX в. В уездных городах Сарапуле, Глазове, Малмыже, Елабуге и крупных заводских поселках учреждаются реальные училища, женские и мужские гимназии. Важная роль в становлении и развитии средней школы в крае принадлежала земско-общественной инициативе.

Социально-экономические особенности края нашли глубокое отражение в системе многопрофильного специального образования. Были открыты оружейная и ремесленные школы, среднее механико-техническое училище, земские сельскохозяйственные учебные фермы и сельскохозяйственные школы, учительские школы и учительские семинарии.

В конце XIX – начале XX в. появляются новые предпосылки для ускоренного развития национального просвещения. Зарождаются элементы удмуртской национальной

школы. Борьба нарождающейся удмуртской интеллигенции за национальную школу, за развитие национального просвещения становится составной частью борьбы за демократизацию народного образования.

Начальные школы. Во второй половине XIX – начале XX в. начальная школа России оставалась многотипной. В стране действовало около 60 типов начальных учебных заведений, имевших различные уставы и программы, уровень преподавания и образовательный ценз учителей, ведомственную принадлежность¹. На территории Глазовского, Елабужского, Сарапульского и Малмыжского уездов Вятской губернии в середине XIX в. насчитывалось 79 начальных школ, принадлежавших различным ведомствам. Городские приходские школы и уездные училища находились в ведении Министерства народного просвещения, часть школ Елабужского и Сарапульского уездов принадлежала удельному ведомству, духовные училища, открытые в Глазове, Елабуге и Сарапуле, а также сельские приходские училища – духовному ведомству. Окружное училище, заводские школы и школы для непременных работников Воткинского завода входили в систему народного образования Камско-Воткинского горного округа. Существовали также заводские школы и школы для непременных работников Ижевского завода. Наиболее многочисленную группу начальных школ в Удмуртии представляли "поселенские" училища Министерства государственных имуществ. Количество учащихся во всех начальных учебных заведениях достигало 4 100 человек².

В начале 1860-х гг. правительство решило увеличить число начальных школ посредством привлечения к педагогическому труду рядового духовенства. По просьбе Министерства государственных имуществ священнослужители Вятской епархии с 1861 г. приступили к обучению крестьянских детей молитвам, чтению, письму и счету. Уже к 1862 г. почти при каждой церкви существовали или сельские училища, или

частные школы, содержащиеся на средства священников. Церковные школы этого типа во множестве открывались, но быстро исчезали. Так, в 1861/62 учебном году количество таких школ выросло в губернии с 380 до 608, через год ситуация резко изменилась – было зафиксировано лишь 299 школ. К началу 1870-х гг. число церковных школ быстро пошло на убыль, и в 1872 г. на территории губернии их осталось всего 70³.

Сеть начальных школ расширялась также за счет новых школ Министерства государственных имуществ и удельного ведомства. В 1864 г. в Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Сарапульском уездах насчитывалось 48 мужских и 8 женских школ министерства, в которых обучались 1 363 мальчика и 207 девочек. Удельное ведомство располагало к этому времени 21 мужской и 4 женскими школами в Елабужском и Сарапульском уездах. Затраты на устройство и деятельность школ Министерство государственных имуществ в значительной степени переложило на крестьянские общины, доведя училищный подушный сбор до 9 коп. В 1864 г. этот сбор в Удмуртии составил 17 995 руб., в то время как правительственные ассигнования – 11 287 руб.⁴ Лишь в отдельных школах обучение было поставлено более или менее удовлетворительно, как в Шарканской школе Сарапульского уезда, где все ученицы-удмуртки умели читать, писать и выполнять три арифметических действия⁵. В целом школы этого ведомства являли собой печальную картину, особенно открытые в удмуртских селах и деревнях. В Можгинской женской школе не было стола, скамеек, доски, на 55 учениц – ни одного арифметического задачника, ни одной книжки для внеклассного чтения. В Пышкетской школе Глазовского уезда, ютившейся в наемной комнате, на 30 человек была всего одна парта, не было букварей, книг для чтения, доски, грифелей, прописей, карандашей, бумага⁶. Учителями в них, за редким исключением, состояли священники, дьяконы, псаломщики, мало заботившиеся о результатах

обучения. Неудивительно, что они были более чем скромными: за два-три года учебы русские ученики могли лишь плохо читать и еще хуже писать, а большая часть удмуртских детей оставалась практически неграмотной. Крестьяне, не находя пользы от такого учения, перестали отдавать своих детей в школы.

Потребности развивающегося капитализма, развернувшееся общественно-педагогическое движение в стране заставили правительство приступить к глубоким реформам в области народного просвещения. В Положении о начальных народных училищах 1864 г. утверждался общественный характер народной школы, земство получило право открывать новые и содержать старые школы, выбирать учителей и попечителей, наблюдать за ходом учебного процесса в них. Таким образом, впервые декларировалось право народа на образование. Конкретная реализация этого законоположения в Удмуртии стала реальной лишь с введением в 1867 г. земского самоуправления в Вятской губернии. Школы Министерства государственных имуществ, удельного ведомства, для непременных работников Ижевского и Воткинского заводов, большая часть церковных школ были переданы в непосредственное ведение уездных училищных советов, созданных осенью 1867 г. Наиболее активную и последовательную позицию в училищных советах занимали представители земства. К концу этого года в Удмуртии насчитывалось 116 сельских школ: в Глазовском уезде – 25, в Елабужском – 18, в Малмыжском – 11, в Сарапульском – 62 с более чем 3 000 учащихся⁷. С 1868 г. был отменен подушный училищный сбор с крестьян, и с этого времени большую часть расходов по содержанию училищ взяли на себя уездные земства. К 1874 г. земские сметы на развитие начальной школы в Удмуртии составили 92 638 руб. Это позволило значительно увеличить количество начальных школ.

Наиболее крупными являлись начальные школы в городах и заводских посел-

ках. Так, в Залазнинской школе Глазовского уезда обучалось 75 учеников, в школе Заречной волости Ижевского завода – 64, в школе Нагорной части – 205, в школе Воткинского завода – 105, в Сарапульском приходском училище – 85 учеников.

В этот период ходатайства сельских обществ об открытии начальных школ находили поддержку уездных земских управ. Крестьяне строили или нанимали помещения для школ, отопливали и освещали их, частично оплачивали труд учителей. Земства обеспечивали школы учебными принадлежностями, содержали педагогический персонал. Начальная школа в первое десятилетие деятельности во многом развивалась в русле общественной инициативы. Земское школьное строительство, разворачиваясь на фоне быстрого сокращения количества церковных школ и отсутствия инициативы со стороны Министерства народного просвещения, тем самым приобретало огромную значимость.

Опасаясь дальнейшего усиления роли общественности в школьном строительстве, правительство пошло на ликвидацию прогрессивных последствий реформы начальной школы 1860-х гг. Новое законоположение о начальных училищах 1874 г. ограничивало права училищных советов, в которых число чиновников увеличивалось за счет сокращения земского представительства.

Ижевская женская прогимназия. 1911
Из личного архива А. Н. Кутявина

Таблица 1

Национальный состав учащихся начальных школ Удмуртии в 1884 г.*

Учащиеся	Уезды							
	Глазовский		Елабужский		Малмыжский		Сарапульский	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Русские	1 676	534	1 760	539	1 495	372	3 409	1 949
Удмурты	1 049	54	200	6	335	9	546	11
Бесермяне	49	2	—	—	—	—	—	—
Марийцы	—	—	81	—	22	—	17	—
Пермяки	20	2	—	—	—	—	—	—
Татары	5	1	176	11	104	2	34	—
Другие	—	—	1	2	—	1	6	17
<i>Итого</i>	2 799	593	2 218	558	1 956	384	4 012	1 277

В противовес набравшей популярность земской школе правительство насаждало трехлетние одноклассные и пятилетние двухклассные "образцовые" школы. Они должны были стать эталоном благонадежной во всех отношениях народной школы. Уже в 1875 г. в Удмуртии были открыты одна двухклассная и семь одноклассных министерских школ. В дальнейшем этот тип школ не привился в крае. К началу XX в. здесь насчитывалось всего три двухклассные школы и 18 одноклассных школ непосредственного ведения Министерства народного просвещения с 1 573 учащимися⁶.

В земских губерниях по инициативе министра народного просвещения Д. А. Толстого вводились должности инспекторов народных училищ. В 1875 г. инспектор появился в Елабужском уезде, в 1876 г. – в Сарапульском, в 1877 г. – в Глазовском и на следующий год в Малмыжском. Деятельность училищных советов была поставлена под непосредственный контроль правительственных чиновников в целях оттеснения земства от действительного управления народным образованием. Консервативные мероприятия правительства сыграли свою отрицательную роль в развитии начальной школы в Удмуртии, заметно огра-

ничив инициативу уездных училищных советов в школьном строительстве. С другой стороны, к середине 1870-х гг. бюджетные возможности земств были сильно подорваны вследствие падения платежеспособности крестьянских хозяйств в результате ряда неурожайных лет. С 1875 г. уездные земские управы вынуждены были урезать ассигнования на народное образование и давать разрешение на открытие новых школ лишь при условии твердой гарантии участия сельских обществ в их содержании. При общем сокращении числа начальных школ в период с 1874 г. по 1884 г. численность учащихся в них почти удвоилась. Это свидетельствовало о все более растущей потребности населения в элементарной грамотности.

Неудовлетворительно обстояло дело с образованием нерусских народностей края. В первые годы своей деятельности уездные земства открывали школы для удмуртов, марийцев, татар, бесермян и пермяков на общих основаниях с русскими школами, не учитывая национальной специфики населения края. Более того, земства часто отказывали в материальной поддержке школам с нерусским составом учащихся, ссылаясь на отсутствие специально для них подготовленных учителей. Так, Глазовское земство отказало в содержании удмуртских и бесер-

* ГАКО, ф. 202, оп. 2, д. 1864.

Группа учащихся мужской церковноприходской школы. В центре – священник Л. Рудольфский
Поселок Воткинского завода. 1915
НМ УР

мянских школ в Ежево, Пужмези и некоторых других селах и деревнях, отклонено было и предложение смотрителя Глазовского уездного училища В. М. Шестакова об учреждении специальных «инородческих» школ в уезде⁹

Школы со смешанным составом учащихся (их было большинство) способствовали усвоению детьми нерусских национальностей русского языка, но в то же время преподавание с первого класса исключительно на русском языке являлось существенным сдерживающим фактором в их развитии, особенно в первые годы обучения. Это в значительной степени снижало результаты обучения нерусских учеников. Многие из них уходили из школы, не проучившись и двух лет. Лишь в 1870-е гг. с началом реализации положений циркуляра «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» земства начали проявлять некоторую заботу о национальных школах.

Несмотря на значительные трудности, земство в 1870-е гг. заложило прочное основание начальной школы в Удмуртии. Земская школа стала самой массовой как по количеству учебных заведений, так и по численности учащихся.

Влияние духовенства на начальную школу в пореформенный период было ослаблено вследствие сильнеешего падения авторитета

церкви в народе после отмены крепостного права. Церковные школы постепенно приходили в упадок, и к 1880-м гг. большая их часть была передана земствам. В 1884 г. в число 251 начальной школы Удмуртии входили 44 церковные школы и школы грамоты ведения духовенства¹⁰. С началом политической реакции в 1880-е гг. правительство в области народного образования сделало ставку в своей политике на резкое усиление влияния церкви. В июне 1884 г. были изданы Правила о церковно-приходской школе, а при Синоде был открыт специальный Училищный совет для управления школами духовного ведомства. Церковная школа должна была стать основным орудием в борьбе с земской общественной школой. В октябре 1884 г. был учрежден Вятский губернский епархиальный училищный совет, а его уездные отделения начали действовать с конца 1880-х гг. Церковные школы и школы грамоты были изъяты из ведения училищных советов и вместе со школами Вятского комитета православного миссионерского общества и противораскольническими школами братства святителя и чудотворца Николая были переданы в управление духовенства епархии.

Количество церковноприходских, противораскольнических школ и школ грамоты в Удмуртии в 1886–1900 гг. увеличилось со 114 до 356, соответственно произошли изменения и в численности учащихся. Так,

Земская школа в с. Зура (ныне здание вспомогательной школы)
НМ УР

в Глазовском уезде за указанный период эти показатели увеличились с 1 128 до 4 155 человек.

Как правило, церковноприходские школы открывались на средства церковноприходских попечительств и приходов, но сельские и городские общества также принимали участие в их содержании. Однако с конца 1880-х гг. главным источником их финансирования стали земские субсидии. В 1886 г. в Удмуртии насчитывалось 69 церковноприходских школ, в которых обучались 2 563 учащихся. Заметно возросло их число в середине 1890-х гг. В 1895 г. действовало уже 130 церковноприходских школ с 5 464 учащимися¹¹. Церковность охватывала всю учебную программу церковноприходских школ, включавшую Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, начальные арифметические сведения.

Резкое увеличение к 1895 г. количества школ епархиального училищного совета произошло в основном за счет значительного (с 55 в 1891 г. до 165 в 1895 г.) роста числа школ грамоты. В 1886 г. в четырех уездах насчитывалось 39 таких школ с 744 учащимися. Эти школы ничем не регламентировались, не имели единой программы, учителями в них чаще всего были просто грамотные крестьяне. Школы грамоты, от-

крытые в удмуртских деревнях, имели миссионерский характер. Учителями в них назначались удмурты или русские, владевшие удмуртским языком. Все изменилось с 1891 г., когда были утверждены Правила о школах грамоты. Эти школы подлежали ведению исключительно духовенства, непосредственное попечение о них возлагалось на приходских священников. Учебные программы были приравнены к программам трехлетних церковноприходских школ, а удмуртские и марийские школы с той же программой имели четырехлетний курс. Большая часть школ грамоты содержалась на деньги крестьян (специальный 20-копеечный сбор) и субсидии земства. Наивысшего подъема в своем развитии они достигли к 1901 г., когда в 155 школах края обучались 4 519 учеников. В последующие годы их количество постоянно уменьшалось и к 1911 г. сократилось до 20 с числом учащихся 537 человек. Убедившись в малой полезности школ, крестьянство отказало им в своем содержании. Большая часть школ грамоты была преобразована в земские или церковноприходские¹².

Некоторое распространение в Удмуртии во второй половине XIX в. получили противораскольнические школы. Они открывались на средства братства святителя и чудотворца Николая, созданного в октябре 1882 г. для борьбы с расколом в Вятской губернии. В их финансировании участвовали церковноприходские попечительства, Министерство народного просвещения, уездные земства. Специальных программ для таких школ не существовало, ученики обучались элементарной грамоте, но более всего изучали церковную историю и историю раскола. В 1900 г. на территории Удмуртии насчитывалось 19 братских школ (11 в Глазовском, 2 в Елабужском и 6 в Малмыжском уездах) с 400 учащимися¹³.

Сеть начальных школ епархиального училищного совета в Удмуртии в конце XIX в. расширилась в основном за счет появления новых церковноприходских школ. Это стало возможным вследствие увеличения

Учащиеся Верхнеиригинской земской школы с учительницами. 1914–1915

ИМ УР

ассигнований земств на развитие церковной школы. Количество церковноприходских школ увеличилось со 130 в 1895 г. до 192 в 1905 г. Соответственно и численность учащихся увеличилась в них с 5 465 до 9 388 человек¹⁴.

Кризисные явления в развитии земской школы Удмуртии в конце 1870-х гг. еще более усугубились реакционной политикой правительства в 1880-е гг. Это привело к закрытию или передаче в ведение епархиального училищного совета некоторого числа земских школ. Активизация в деятельности губернского и уездных земств в конце XIX в. привела к расширению сети земских школ. В 1895 г. губернская земская управа выделила уездным земствам беспроцентную ссуду на строительство новых школ – 150 000 руб. Это стало возможным вследствие повышения земских налогов на землю. Значительно возросли расходы земства на народное образование. В Глазовском уезде в расчете на душу населения они выросли с 7,3 коп. в 1890 г. до 26,2 коп. в 1899 г., в Елабужском – соответственно с 12,6 до 26,2 коп., в Малмыжском – с 11,5 до 28,6 коп., в Сарапульском – с 17,9 до 30,2 коп.¹⁵ В результате количество начальных школ уездных училищных советов в крае более чем удвоилось. Особенно заметные изменения происходили в Глазовском и Малмыжском уездах.

Однако при значительном росте расходов земства на народное образование средние ежегодные расходы на одну светскую школу и на одного учащегося к концу XIX в. не только не выросли, но даже имели тенденцию к сокращению. Если в начале 1890-х гг. расходы на одну школу в Глазовском уезде исчислялись 694,4 руб., в Елабужском – 521,8 руб., в Малмыжском – 794,4 руб., в Сарапульском – 696,3 руб., то в 1898 г. они составили соответственно 479,1 руб., 523,3 руб., 514,3 руб., 482,4 руб. Содержание одного ученика в этих школах за этот период в Глазовском уезде сократилось с 8,27 руб. до 8 руб., в Елабужском – с 9,27 до 9,14 руб., в Малмыжском – с 11,04

до 10,17 руб., в Сарапульском с 10,19 до 6,6 руб. в год¹⁶. При заметном увеличении количества школ и численности учащихся комплектование учебным инвентарем, снабжение учеников учебными пособиями практически не улучшалось. Так, в Глазовском уезде в конце XIX в. на книги и учебные принадлежности уездная земская управа расходовала на каждую школу в среднем по 35 руб. в год, т. е. столько же, сколько в конце 1860-х гг. Земские ассигнования на пополнение школьных библиотек даже сократились с 20 руб. в 1879 г. до 10 руб. в 1900 г.¹⁷ Земства предпочитали не строить специальные здания для новых школ. Помещения, часто не приспособленные для обучения большого количества учеников, арендовали у сельских и городских обществ или частных лиц. Значительная часть школ по этой причине не имела общежитий для учеников из отдаленных деревень. Бедность крестьянского населения была основной причиной большого отсева учащихся до окончания полного курса обучения. К концу XIX в. даже земские школы, считавшиеся наиболее благополучными, оканчивали менее половины зачисленных в первый класс¹⁸.

Правительственная политика во второй половине XIX в. сильно сдерживала развитие народного образования в Удмуртии. В 1880-е гг. и в первой половине 1890-х гг. правительству и церкви удалось в некоторой степени навязать обществу церковные школы. Однако такая политика не принесла самодержавию желаемых результатов. Очевидным это стало к началу XX в. Тогда на территории Удмуртии в 356 школах епархиального училищного совета обучались 13 790 учащихся, в то время как в 469 школах уездных училищных советов и Министерства народного просвещения обучались 30 610 учащихся. Церковная школа так и не смогла вытеснить земскую школу.

В ходе капиталистического развития к началу XX в. в крае сформировалась сложная, многоступенчатая система народного образования. Начальная школа была представлена в ней тремя ступенями. Первой

ступени соответствовали одноклассные школы и училища земства, Министерства народного просвещения, церковноприходские школы, приходские училища по Уставу 1828 г., школы грамоты, миссионерские школы Вятского комитета православного миссионерского общества, противораскольнические школы братства св. Николая и Сарапульского Вознесенского братства. Ко второй ступени относились двухклассные школы земства, Министерства народного просвещения, церковноприходские и второклассные церковные школы. К третьей ступени принадлежали уездные училища и близкие к ним по программе городские (по Положению 1872 г.) и духовные. Существовали также 193 неорганизованные школы – мектебе – для татарского населения с 6 901 учащимся (4 098 мальчиков и 2 803 девочки). Общая численность учащихся в 873 школах и училищах всех трех ступеней и татарских мектеб составляла к началу XX в. 53 463 человека, в том числе обучались 40 068 мальчиков и 13 395 девочек¹⁹.

Развитие сети начальных народных школ в Удмуртии и расширение образовательного пространства происходило в условиях резкого обострения противоречий в российском обществе. Благодаря усилиям передовой его части и нарождающейся национальной интеллигенции, укреплялись прогрессивные тенденции в развитии народной школы края. Однодневная перепись начальных школ зафиксировала в январе 1911 г. 1 048 начальных учебных заведений, в которых обучались 48 725 мальчиков и 17 502 девочки. При этом большую часть начальных школ составили земские школы и училища – 670. В них обучались 44 180 учащихся – 32 995 мальчиков и 11 185 девочек²⁰.

Основным типом начальных учебных заведений в городах и промышленных центрах, по Положению 1872 г., должны были стать городские училища. Их цель определялась как «доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования» Это

Учащиеся и преподаватели Воткинского городского училища. Во 2-м ряду 3-й слева – М. А. Остроумов, смотритель школы; 4-й слева – П. А. Глазырин, учитель, в 3-м ряду 1-й справа – П. Н. Козенов. 1908
НМ УР

были преимущественно трехклассные училища с пяти-, шестилетним курсом обучения. Их типовые программы включали Закон Божий, чтение и письмо, русский язык, церковнославянское чтение, арифметику, практическую геометрию, естествоведение, отечественную историю, географию, черчение и рисование. В 1911 г. в Вятской губернии было 20 городских училищ, в том числе Малмыжское, Елабужское, Глазовское, Сарапульское, Воткинское, Ижевское, а также Сямсинское и Старозятцинское. К 1912 г. в них обучались более 1 000 учащихся, в основном детей мещан, купцов и крестьян. С 1913 г. городские училища стали преобразовываться в высшие начальные²¹.

Этот новый тип учебных заведений явился результатом правительственной реакции на стремление земства расширить возможности школы. В 1914 г. в Вятской губернии действовало 25 высших начальных училищ. В них обучались более 3 000 учеников. На территории Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов к этому времени было открыто 11 высших начальных училищ – Сарапульское, Малмыжское, Елабужское, Воткинское, Глазовское, Сямсинское, Юкаменское, Ижевское, Старозятцинское, Вожажское, Петропавловское. Все они содержались на средства правительства²².

Выпуск Глазовского высшего начального училища.
В центре – А. Д. Казимиров, инспектор 1907–1908
НМ УР

С 1860-х гг. земство ставило вопрос о введении в Вятской губернии всеобщего бесплатного начального образования, однако лишь в 1909 г. земские управы предприняли конкретные шаги в этом направлении. К 1919 г. за счет значительных земских инвестиций в народное образование предполагалось увеличить количество начальных учебных заведений.

Среднее образование. Одной из главных задач общественно-педагогического движения, развернувшегося в России на рубеже 1850–1860-х гг., являлось восстановление общеобразовательных целей средней школы, сближение ее с жизнью, придание ей характера всеословности. Устав гимназий и прогимназий 1864 г. частично разрешал эту задачу, утвердив формально принцип всеобщей средней школы, санкционировал учреждение не только классических, но и реальных гимназий. Инициатором открытия мужских средних учебных заведений в крае выступило земство. В конце 1860-х гг. Сарапульская земская управа предложила открыть реальную прогимназию.

На протяжении нескольких десятков лет в Вятской губернии существовала одна мужская гимназия – в губернском центре, открытая еще в 1811 г. Потребность в средних учебных заведениях этого типа в губернии постоянно росла, но многочисленные предложения, ходатайства, запросы земства, обществ и частных лиц не находили

поддержки в Министерстве народного просвещения. Лишь 5 сентября 1904 г. в Глазове по инициативе уездного земства была открыта классическая с изучением одного древнего (латинского) языка четырехклассная мужская прогимназия им. императора Николая Александровича. Первоначально она размещалась в частном доме и содержалась преимущественно на средства уездного земства, а с 1906 г. – в специально построенном для нее земском здании. По настоянию общественности 1 мая 1910 г. прогимназия была преобразована в восьмиклассную гимназию. Общие расходы по ее содержанию к 1917 г. возросли до 43 179 руб., причем 30 134 руб. поступило из государственного казначейства, 5 000 руб. – от губернского и 5 200 руб. от уездного земств, 500 руб. от городского общества и 2 345 руб. в качестве платы за обучение. Деятельность гимназии направлялась попечительским и педагогическим советами, некоторыми правами в этом отношении обладал и родительский комитет. Обучались в гимназии преимущественно уроженцы Глазова и Глазовского уезда. В 1916 г. в числе 250 учеников их было соответственно 129 и 94 человека. Около 100 гимназистов проживали на частных квартирах, нанятых педсоветом и уездной земской управой, еще 13 – в общешкольной при гимназии за плату от 3 до 5 руб. в месяц. Для иногородних на средства родительского комитета, Общества вспомоществования учащимся гимназии и педсовета была устроена столовая. Для учеников бедных родителей выделялись деньги, покупалась одежда, учебники и письменные принадлежности. Небольшое число учащихся получало земские стипендии. В составе гимназистов преобладали дети крестьян. В немалой степени этому способствовала самая низкая в мужских гимназиях Казанского учебного округа плата за обучение, составлявшая для детей плательщиков местных земских налогов всего 10 руб., а для всех остальных – 20 руб. в год. В 1917 г. дети крестьян представляли самую многочисленную группу гимназис-

тов – 123 человека, детей почетных граждан и купцов обучалось 12 человек, детей мещан и рабочих – 51 человек, детей духовенства – 16 человек, детей дворян и чиновников – 48 человек²³

По своему составу Глазовская гимназия становилась все более многонациональным учебным заведением. В 1913 г. в ней обучались 212 русских, 26 удмуртов, 4 поляка, 3 еврея и 1 немец. В сентябре 1917 г. в числе 255 гимназистов было уже около 40 удмуртов.

Учебная программа Глазовской гимназии в целом соответствовала программе классической гимназии с одним древним (латинским) языком. Она включала Закон Божий, математику и геометрию, русский язык и словесность, историю, географию и природоведение, латинский, французский и немецкий язык, рисование, чистописание, гимнастику и пение. Позднее в ее программу были включены законоведение, логика, а в условиях военного времени – с 1916 г. – допризывная подготовка. По предложению Глазовского культурно-просветительного общества и решению уездного земского собрания в учебный курс гимназии с осени 1917 г. был введен удмуртский язык – обязательный предмет для гимназистов-удмуртов и факультативный для остальных гимназистов. Решением педсовета гимназии к преподаванию удмуртского языка был приглашен священник В. Д. Крылов – председатель культурно-просветительного общества удмуртов. Гимназическая библиотека стала пополняться учебниками и пособиями известных удмуртских педагогов И. С. Михеева и И. В. Яковлева.

Под руководством сменявших друг друга инспекторов П. Н. Лаговского, Я. С. Елиашевского и директоров К. Н. Малиновского и А. Н. Пельца Глазовская прогимназия, а затем и гимназия приобрели хорошую репутацию среди местного населения. С 1911 г. по 1917 г. гимназию окончили в общей сложности 104 человека. Более половины выпускников гимназии поступали затем в высшие учебные заведения. Из первых двух гимназических выпусков к 1913 г. в Казанском

университете обучались 10 человек, в Петербургском – 8. В 1916 г. из 13 выпускников 7 человек пожелали продолжить свое образование в университетах, по 3 человека – в высших технических и в военных учебных заведениях. В Казанском и Петербургском университетах сложились сплоченные группы – землячества, которые поддерживали постоянные связи с гимназией и уездным земством. Члены землячеств помогали учащимся гимназии в подготовке для поступления в университеты, поддерживали вновь поступивших, оказывая моральную и материальную помощь. Землячества оказывали сильное влияние на формирование мировоззрения, общественно-политических взглядов студентов-глазовцев. В предреволюционный период значительное распространение в землячествах получили социал-демократические идеи большевистского направления.

В 1912 г. мужская четырехклассная гимназия появилась в Малмыже. Она была преобразована из среднего мужского училища I разряда, открытого 12 сентября 1910 г. по инициативе Общества для содействия открытию в Малмыже мужской гимназии, поддерживанной уездным земством. На момент открытия в гимназии насчитывалось 111 учеников. В 1916 г. с введением восьмого класса общая численность учащихся достигла 226 человек. Малмыжская гимназия содержалась преимущественно на средства Министерства народного просвещения, а также губернского и уездного земств, городского и сельского обществ. Плата за обучение была установлена в размере 30 руб. в год с одного ученика. По составу учащихся гимназия становилась все более "крестьянской". В 1912 г. из 111 учеников 49 были дети крестьян, в 1914 г. из 186 – 92, в 1916 г. – 116.

Острую потребность в мужском среднем образовании испытывали жители не только уездных центров, но и крупнейших промышленных поселений Вятской губернии – поселков Ижевского и Воткинского заводов. В начале XX в. заводская и земская

интеллигенция вновь начала активно обсуждать идею учреждения в поселке Ижевского завода мужского среднего учебного заведения. По инициативе частных лиц училище было открыто 31 октября 1908 г. в составе одного приготовительного и двух первых классов. Оно получило статус частного училища II разряда с программой, соответствовавшей программе первого и второго классов классических гимназий с одним древним языком. Заведующий училищем священник М. В. Люперсолский привлек для работы в нем местную интеллигенцию – офицеров, врачей, учителей, служащих и их жен. Общество устройства и поддержания мужского среднего учебного заведения приобрело для училища здание с участком земли. В 1911 г. оно передало четырехклассное училище Обществу сельских обывателей Ижевских Нагорной и Заречной волостей, которое совместно с Сарапульской уездной земской управой стало его фактическим владельцем. С 1910/11 учебного года заведующим училища становится военный врач В. М. Пушин. Большую часть учащихся в частном училище составляли дети рабочих, служащих и чиновников оружейного и сталелитейного заводов. Массовая безработица, охватившая значительную часть населения Ижевских волостей, сильно подрывала его платежеспособность. Плата за обучение, составлявшая от 25 до 40 руб. в год, оказалась непосильной. Главное артиллерийское управление, несмотря на ходатайства земства и сельских обществ, так и не выделило средств для училища. В 1912 г. на его содержание поступило всего 15 327 руб. 77 коп., в том числе 600 руб. от Ижевского Александро-Невского церковного попечительства, 200 руб. – от управления Ижевских заводов, 5 250 руб. – от уездного земства, 300 руб. – от губернского, 500 руб. – от Общества сельских обывателей Нагорной и Заречной волостей, 204 руб. 30 коп. – в виде процентов с капиталов, пожертвованных училищу частными лицами, 5 330 руб. поступили в качестве платы за обучение. К концу

1912/13 учебного года в шести классах училища обучались 157 учеников, его программа соответствовала программе частного училища I разряда.

Сарапульская уездная земская управа и Общество сельских обывателей сумели убедить Министерство народного просвещения в целесообразности перевода училища в казну с одновременным его преобразованием в мужскую классическую гимназию. Открытие Ижевской мужской гимназии произошло 26 сентября 1914 г. К занятиям приступили 226 учеников. В 1916/17 учебном году в ней обучались уже 269 человек. По-прежнему самую многочисленную группу среди гимназистов составляли дети сельских обывателей Ижевских волостей – 123 человека, детей крестьян было 43, детей мещан и цеховых – 38, детей почетных граждан и купцов – 28, детей духовенства – 12, детей дворян и чиновников – 34. В дореволюционный период Ижевская мужская гимназия произвела три выпуска и в период трагических событий 1918 г. прекратила существование.

В 1912 г. частное мужское училище II разряда (с курсом прогимназии) было открыто в поселке Воткинского завода. Его учредителем стал отставной артиллерийский генерал-майор В. Н. Смирнов. Заведующим училища был избран протоиерей Н. И. Кошурников. В 1914 г. училище действовало в составе четырех основных и одного приготовительного класса, обучались в нем 113 учеников. Плата за обучение была установлена в размере 45 руб. в год. Основные предметы курса классических прогимназий в училище преподавались учителями местных женской гимназии и городского училища, а также инженерами-технологами завода. По ходатайству Общества попечения и поддержания мужского учебного заведения II разряда в поселке Воткинского завода, в руководство которого вошли исполняющий обязанности горного начальника инженер-технолог П. М. Бухтеев, горные инженеры Г. И. Бострем, И. Я. Адарюков и техник Широков, Воткинское училище

было включено в список гимназий, открытие которых планировалось учебным начальством в 1918 г.²⁴

В конце 1860-х гг. Сарапульская уездная земская управа предлагала открыть в уездном центре реальную прогимназию вместо существовавшего уездного училища. Однако земцы не успели предпринять какие-либо конкретные шаги, так как 27 марта 1872 г. последовал Указ о преобразовании реальных гимназий в реальные училища, и 5 мая 1872 г. был утвержден Устав реальных училищ Министерства народного просвещения. Сарапульское уездное земское собрание решило добиваться открытия в Сарапуле реального училища. Перед этим типом учебных заведений ставилась цель – "...доставлять учащемуся в них юношеству общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний". Устанавливался шестилетний срок обучения, причем пятый и шестой классы могли состоять из основного и коммерческого отделений. Реальные училища содержались на средства государственного казначейства, на пособия уездного и губернского земств, обществ, сословий или частных лиц. Независимо от источников содержания они состояли в непосредственном ведении попечителей учебных округов.

Первое реальное училище в Удмуртии было открыто 11 февраля 1873 г. в Сарапуле. Учрежденное на средства уездного земства в составе первых четырех классов, оно разместилось в доме наследников Хвостова. Вскоре под училище было передано каменное здание земской больницы. В 1877/78 учебном году по ходатайству попечительного совета и земства училище было дополнено старшими классами и двумя отделениями дополнительного – общим и механико-техническим. В 1879 г. оно было передано в Министерство народного просвещения и 13 октября 1880 г. получило официальное название: "Сарапульское Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича Ре-

альное училище". Деятельность учебного заведения регламентировалась Уставом, а также циркулярами и инструкциями попечителя Казанского учебного округа, на месте направлялась попечительным и педагогическим советами и хозяйственным комитетом. Министерство ежегодно на его содержание выделяло 22 540 руб., еще 10 000 руб. – земство. В младшие классы училища поступали мальчики в возрасте 10–13 лет – в основном дети жителей Сарапула и Сарапульского уезда, прежде всего из поселков Ижевского и Воткинского заводов, крупных торговых сел. В высшем дополнительном классе обучались и выпускники шестиклассных реальных училищ Вятской и других губерний Поволжья и Урала, желавшие получить законченное реальное образование.

Социальный состав учащихся не "нормировался", как это было в классических гимназиях. Более половины реалистов составляли дети дворян, чиновников, духовенства и купцов. В 1879 г. в числе 160 учеников обучались 50 детей дворян и чиновников, 6 – духовенства и 40 – купцов. Реальные училища были школой для городских, преимущественно торгово-промышленных слоев населения. Плата за обучение – 35 руб. в год – ограничивала доступ в учебное заведение представителям малоимущих слоев, хотя и не закрывала его полностью. Часть учеников бедных родителей освобождались от платы за обучение или плату за них вносило благотворительное общество. Для этой категории учащихся в дополнительном седьмом классе устанавливались земские стипендии. Ежегодно материальную поддержку получали около 20 % учащихся.

Учебный план первых шести классов Сарапульского училища включал Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, математику, географию, историю, естественную историю, физику, химию, механику, чистописание, рисование, черчение и пение. С 1878 г. было введено преподавание гимнастики, а с 1894 г. – музыки. В общем отделении дополнительного седь-

мого класса основными предметами были русский язык и словесность, один из новых иностранных языков, история и математика. В механико-техническом отделении изучали Закон Божий, математику, естественную историю, химию, механику, техническое черчение, различные технологии, землемерие, счетоводство; в мастерских осваивали моделирование по металлу, дереву и глине, строительное искусство. Близко к уровню курса мужских гимназий стояло в училище преподавание русского языка и литературы, несколько лучше, чем в гимназиях, – математики. Сведения по истории, географии, естественной истории, физике и химии давались на самом элементарном уровне. Учебно-воспитательный процесс обеспечивали директор, инспектор, преподаватели предметов и помощники классовых наставников.

Устав 1872 г. предъявлял высокие квалификационные требования к руководству и педагогическому персоналу реальных училищ. В этот период математику и физику преподавали директор училища А. П. Орлов и инспектор П. Н. Адиясевич, получившие образование на физико-математическом факультете Казанского университета; русский язык, историю и географию вел М. М. Власов – выпускник историко-филологического факультета того же университета; Закон Божий – священник А. Никольский, имевший среднее образование, полученное им в Вятской духовной семинарии; естественные науки – А. В. Бастратов по окончании физико-математического факультета Казанского университета; немецкий язык – Л. А. Нит – выпускник Аренбургской гимназии; рисование и черчение – Н. П. Акимов, получивший специальную подготовку в Санкт-Петербургском строительном училище; чистописание – учитель местного уездного училища С. Т. Мотов. И в последующие годы выпускники Казанского университета составляли основу педагогического коллектива училища: в разное время в нем работали А. А. Генкель, К. К. Десницкий, Е. Г. Салищев, Е. М. Си-

няевский, Д. А. Миловзоров, Н. А. Орлов, Б. З. Ваницкий, М. М. Овчинников, В. А. Заляжский, В. А. Ломан, Я. А. Хохряков, А. Н. Воробьин, В. В. Кожевников, М. А. Александров, Н. В. Владимиров и др. Во многом благодаря их усилиям одно из старейших реальных училищ России получило широкую известность и пользовалось заслуженным авторитетом²⁵.

Реальное училище было открыто 10 сентября 1878 г. в Елабуге. С 1882 г. оно размещалось в каменном здании, построенном для него купцом И. Стахеевым. Училище содержалось на проценты с капитала в 150 000 руб., пожертвованных для него И. Стахеевым и другими состоятельными гражданами Елабуги, на пособия городского общества и средства Министерства народного просвещения. Купцы, промышленники, чиновники были непосредственно заинтересованы в развитии реального образования в городе и поэтому охотно жертвовали средства на нужды училища. В нем обучались дети преимущественно этого слоя горожан и жителей уезда, составлявшие в отдельные годы более 90 % его учащихся. Елабужское реальное училище было хорошо обеспечено книгами, наглядными пособиями, физическими и химическими приборами и коллекциями. Основу педагогического коллектива, как и в Сарапульском училище, составляли выпускники Казанского университета. К примеру, в 1885 г. в училище работали пять выпускников этого университета: исполнявший обязанности директора И. Н. Иванов, инспектор В. В. Павловский, физику и математику преподавал П. А. Михайлов, историю и географию – К. П. Соколов, французский язык – А. М. Синяевский. Учителя Н. В. Розов (по химии и естественной истории) и М. В. Семеновский (по коммерческим наукам) окончили Санкт-Петербургский университет, механику и черчение вел выпускник Санкт-Петербургского технологического института С. Г. Попов, чистописание – А. К. Гортов, окончивший Строгановское училище технического рисования²⁶.

В 1914 г. в Вятской губернии действовало семь реальных училищ – Вятское, Елабужское, Нолинское, Орловское, Сарапульское, Слободское и Уржумское. В них обучались 1 967 человек, в том числе в Сарапульском 284 человека и в Елабужском – 289 человек. Беднейшие ученики получали временные пособия из фондов обществ вспомоществования учащимся или содержались на земские стипендии. Выпускники Сарапульского и Елабужского реальных училищ поступали на государственную или частную службу, занимались торговлей, сельским хозяйством, педагогической деятельностью. Часть из них поступала в Московское техническое училище, в Московский университет, в Горный институт, в Рижский политехнический институт, в Петровскую земледельческую академию, в Казанский и Харьковский ветеринарные институты, в Институт путей сообщения и другие специальные высшие учебные заведения страны. Сарапульское и Елабужское реальные училища сыграли заметную роль в развитии мужского среднего образования в крае. Вплоть до 1918 г. они оставались единственными в этих крупных уездных центрах учебными заведениями, открывавшими юношам путь в высшую школу.

История женского среднего образования восходит к 60-м гг. XIX в., когда в Сарапуле и Елабуге были открыты женские училища II разряда. Министерство народного просвещения ставило перед ними цель “сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства” В них девушки обучались Закону Божьему, русскому языку, арифметике, истории, географии, черчению, чистописанию и рукоделию. В 1869 г. в Сарапульском училище попечительницы А. А. Имшеницкой обучались 112 девушек, в Елабужском под руководством попечительницы А. И. Ушковой и начальницы Е. А. Волковой – 89. В 1870 г. оба женских училища были преобразованы в женские прогимназии Министерства на-

родного просвещения. Женская прогимназия 30 августа 1876 г. была открыта в Глазове, а в 1878 г. – в Малмыже. Женские прогимназии содержались в основном на средства земств. Правительственные субсидии обычно не превышали десятой части их бюджетов. Дочери дворян, чиновников и духовенства составляли около 35 % учениц прогимназий, мещан – более 45 % и крестьян – около 20 %. Обучение было платным от 3 до 10 руб. в год. От платы освобождались успевающие ученицы из малообеспеченных семей. Кроме того, они бесплатно снабжались учебниками и учебными пособиями.

Вскоре выяснилось, что прогимназии не способны были удовлетворить потребность женской части населения в повышенном, тем более в среднем образовании. С начала 1880-х гг. в Вятской губернии началось преобразование их в гимназии. В 1881 г. в гимназию была преобразована Сарапульская прогимназия, в 1896 г. – Елабужская, в 1898 г. – Глазовская и в 1905 г. – Малмыжская²⁷. В 1905 г. численность учениц в них достигла 1 401. В 10 женских гимназиях Вятской губернии она составила более 4 000. Изменился и социальный состав учащихся – увеличилась численность учениц из крестьянской среды. К началу 1906 г. в четырех гимназиях края они составляли 33,45 %, в Глазовской гимназии – 64,35 %.

Наряду с процессом преобразования уже существовавших женских прогимназий шел процесс учреждения новых средних учебных заведений, особенно заметный в Сарапуле, на Ижевском и Воткинском заводах. В Сарапуле 1 сентября 1902 г. было открыто частное женское училище II разряда с курсом прогимназии. Ее учредителем стала жена А. Н. Пельца. В начале XX в. частное женское училище II разряда было учреждено Е. Г. Котковой в поселке Воткинского завода. В 1908 г. оно получает статус частной прогимназии, а в 1910 г. становится гимназией Министерства народного просвещения. В ней обучались преимущественно крестьяне – жители заводского поселка и

окрестных сел. Гимназия успешно продолжала свою деятельность до 1918 г. В 1906 г. женская прогимназия была открыта в поселке Омутнинского завода. Летом 1917 г. она была преобразована в гимназию.

В поселке Ижевского завода 11 ноября 1907 г. начала функционировать женская прогимназия. Она была учреждена и содержалась на средства купцов, предпринимателей, местной интеллигенции, церковноприходского попечительства и рабочих, значительная часть которых согласилась добровольно отчислять на строительство гимназии 1 % заработной платы. В 1911 г. Ижевская общественная прогимназия была преобразована в семиклассную гимназию, а с 1912 г. действовала в составе восьми классов. Ее учебная программа включала Закон Божий, русский язык и словесность, математику, физику, космографию, историю, географию, естественную историю, чистописание и педагогику. Первоначально она размещалась в бывшем доме генерала Березина. При ней были созданы ученическая и фундаментальная библиотеки.

Число средних женских учебных заведений в крае пополнило Елабужское епархиальное училище. Первоначально второе епархиальное училище в губернии предполагалось в Сарапуле, но епархиальный съезд решил учредить его в Елабуге. Оно было открыто в 1898 г. на средства почетной гражд.

Группа учащихся и преподавателей
Воткинской женской гимназии
поселка Воткинского завода. Начало XX в
НМ УР

Восьмой класс Воткинской женской гимназии
поселка Воткинского завода. Во 2-м ряду
3-я слева – Е. Н. Котова. 22 апреля, 1916
НМ УР

данки Г. Н. Стахеевой, пожертвовавшей для строительства нового здания 200 000 руб. В 1915 г. в нем обучалось 577 учениц. Оно предназначалось для подготовки учительниц в начальные училища и школы епархиального училищного совета.

В предреволюционный период женское среднее образование в крае было на подъеме – постоянно росла численность в гимназиях, все большее представительство в них получают низшие слои населения. В 1915 г. в шести женских гимназиях обучалось 2 827 учениц (в Воткинской – 271, в Глазовской – 500, в Елабужской – 424, в Ижевской – 634, в Малмыжской – 291 и в Сарапульской – 707)²⁸

К 1917 г. система средних учебных заведений в Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Сарапульском уездах Вятской губернии включала в себя Сарапульское и Елабужское реальные училища, Глазовскую, Ижевскую и Малмыжскую мужские гимназии, Воткинскую, Глазовскую, Елабужскую, Ижевскую, Малмыжскую и Сарапульскую женские гимназии, Елабужское епархиальное училище. Средняя школа, особенно светская женская, развивалась в значительной мере в русле земско-общественной инициативы. Общая численность учащихся в средних общеобразовательных учебных заведениях приближалась в 1917 г. к 5 тыс.

Педагогическое образование. Структура начальной школы породила своеобразную ведомственность и в подготовке учителей для нее. В первое пореформенное десятилетие ведущая роль в подготовке учителей принадлежала духовному ведомству. Это нашло непосредственное отражение в составе педагогического персонала начальных школ. В Глазовском уезде в 1864 г. в числе 30 учителей было 15 священников, 3 дьякона, 6 учеников Вятской духовной семинарии и только один учитель и три учительницы имели светское образование²⁹. Возможности духовенства в подготовке учителей расширились в 1868 г., когда в программу Вятского епархиального женского училища, открытого в 1863 г., была включена педагогика. Его выпускницы направлялись в качестве наставниц в начальные школы земства, миссионерского общества, в школы грамоты и церковноприходские школы. Значительная часть учениц епархиального училища обучались на средства церковных приходов. Позиции духовенства усилил и циркуляр министра народного просвещения, изданный в 1883 г. накануне реформы церковной школы: выпускникам духовных семинарий официально разрешалось работать в светских начальных школах в звании сельского учителя³⁰.

В конце XIX в. епархиальное женское училище было открыто в Елабуге. Учебная программа включала церковнославянский язык, русский язык и теорию словесности, историю литературы, дидактику, математику, физику, историю, географию, естествознание, чистописание, гигиену, кройку и шитье, церковное пение. В 1903 г. в нем обучалась 181 ученица, в 1908 – 242, в 1915 уже 577. Часть учениц обучались на стипендии Вятского комитета православного миссионерского общества. Выпускницы в звании домашних учительниц направлялись в начальные школы епархии, часть из них – в удмуртские, марийские и татарские миссионерские школы.

Контингент учителей церковноприходских школ пополнялся также за счет выпускни-

ков Глазовского, Елабужского и Сарапульского духовных училищ, открытых на протяжении первой половины XIX в.

Во второй половине XIX в. с разрешения Синода в ряде губерний были открыты двухклассные церковно-учительские школы для подготовки учителей в начальные училища всех разрядов. В начале XX в. в стране насчитывалось всего 18 таких школ. Единственным учебным заведением в Удмуртии, близким к этому типу учительских школ, являлась Якшур-Бодьинская двухклассная женская церковноприходская школа, при которой в 1903 г. был открыт специальный педагогический класс. Школе с самого начала был придан миссионерско-педагогический характер. В ней готовились учительницы-удмуртки и русские, владевшие удмуртским языком, для земских, церковноприходских и министерских школ смежных уездов Вятской, Уфимской, Пермской и Казанской губерний³¹.

В конце XIX в. епархиальные училищные советы стали открывать второклассные церковные учительские школы преимущественно с трехгодичным курсом обучения. Основной целью этих учебных заведений являлась подготовка учителей для школ грамоты и одноклассных церковноприходских школ. Каждая второклассная школа должна была охватить половину уезда. В Вятской губернии в 1903 г. действовало 14 второклассных учительских школ. В том числе две в Глазовском уезде (Балезинская мужская с 1897 г. и Сосновская женская с 1899 г.), две в Сарапульском (Сосновская мужская и Нылга-Жикьянская женская с 1901 г.). В 1897 г. мужская второклассная школа была открыта в Елабуге. Выбор местоположения второклассных школ был обусловлен усилившейся деятельностью епархиального училищного совета, направленной на расширение сети церковноприходских школ и школ грамоты в удмуртских приходах, что было неизбежно сопряжено с подготовкой учителей из среды удмуртского крестьянства. Эти учебные заведения пользовались определенным авторитетом среди крестьян-

янского населения. В 1903 г. в пяти второклассных учительских школах на территории Удмуртии обучались 433 учащихся, в том числе 264 русских, 160 удмуртов, 3 бесермянина, 5 мари и 1 татарин³². Беднейшие ученики пользовались стипендиями уездных земств, уездных отделений епархиального училищного совета, Вятского комитета православного миссионерского общества, Вознесенского братства и Вятского братства святителя и чудотворца Николая. В Елабужской школе 3–4 стипендиатов содержал благотворительный комитет купцов Стахеевых. Педагогический состав мужских второклассных школ формировался, как правило, из выпускников Вятской духовной семинарии и учительских семинарий, а женских – из выпускниц епархиальных училищ, гимназий и прогимназий. По данным епархиальных наблюдателей, в начале XX в. 65 % выпускников второклассных учительских школ состояли на учительской службе в системе начальных учебных заведений духовного и светского ведомств³³. В связи с планами введения в Вятской губернии всеобщего начального обучения земства предложили преобразовать второклассные церковные учительские школы в церковно-учительские семинарии с последующей их реорганизацией и передачей в ведение Министерства народного просвещения. Земские деятели мотивировали свою позицию заметной возросшим к 1911 г. стремлением выпускников второклассных школ продолжить свое образование в учительских школах и семинариях Министерства народного просвещения, на различных педагогических курсах. Но земские планы так и не были реализованы вследствие упорного нежелания духовенства епархии лишиться монопольного права контроля над подготовкой учителей для начальных школ духовного ведомства. Даже проекты Синода о преобразовании второклассных школ в высшие начальные училища в связи с кризисным положением школ грамоты не находили поддержки местного духовенства³⁴.

Вопросы подготовки учительских кадров для начальной школы были одними из цен-

тральных в деятельности земства Вятской губернии. Уже в декабре 1868 г. они подробно обсуждались на заседаниях губернского земского собрания. Было признано, что духовенство не способно "...взять исключительно на себя дело народного образования и по подготовке своей не удовлетворяет условиям, требуемым от учителя..." Решено было учредить на земские средства специальное педагогическое учебное заведение. Так, в 1872 г. в Вятке было открыто земское училище для "распространения сельскохозяйственных и технических сведений и приготовления учителей" Глазовское, Елабужское, Малмыжское и Сарапульское уездные земства ежегодно направляли в училище по два своих стипендиата.

Земства выделяли значительные средства на содержание учительских семинарий, гимназий и прогимназий МНП, стремясь получить часть их выпускников в качестве учителей в свои школы. По Положению о гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1870 г. при гимназиях открывался восьмой педагогический класс. Его ученицы занимались по особой программе, основой которой являлись педагогика и дидактика. Каждой ученице предоставлялось право избирать предмет будущей работы и изучить его в объеме программы мужских гимназий. Выпускницы, окончившие педагогический класс с золотой или серебряной медалью, получали звание домашних наставниц, остальные – домашних учительниц. Выпускницы седьмых классов гимназий могли работать в начальных училищах и школах, а окончившие прогимназии получали это право после полугодовой практики в начальной школе. Этот путь формирования педагогических кадров для начальной школы в революционной Удмуртии был едва ли не самым продуктивным. В 1911 г. в крае функционировали шесть женских гимназий – Глазовская, Сарапульская, Воткинская, Ижевская, Елабужская и Малмыжская, а также Омутнинская прогимназия. Существенный вклад

Семинаристки Сарапульской учительской женской семинарии. Во 2-м ряду 2-я слева – М. Н. Лушникова (урожденная Смагина), учительница по русскому языку и словесности. 1912–1913
НМ УР

в подготовку учителей на севере Удмуртии внесла Глазовская женская гимназия. За весь дореволюционный период ее деятельности аттестаты об окончании седьмого класса получили 610 выпускниц, свидетельства об окончании восьмого класса – 304, причем 85 из них с правами домашних наставниц и 219 с правами домашних учительниц. В Сарапульском уезде в 1915 г. учительский контингент состоял в основном из выпускниц Сарапульской, Воткинской, Ижевской, Елабужской и Малмыжской женских гимназий, лишь небольшую его часть составляли выпускники Кукарской и Казанской учительских семинарий, Вирской учительской школы и второклассных учительских школ духовного ведомства³⁵

Средние специальные педагогические учебные заведения появились в Удмуртии только в предреволюционный период. Вопрос об их учреждении многократно обсуждался в земстве еще во второй половине XIX в. В 1912 г. женская учительская семинария была открыта в Сарапуле на основе Положения о четырехклассных учительских семинариях Министерства народного просвещения 1902 г. С 1915/16 учебного года она действовала в составе приготовительного и трех основных классов. При ней была открыта образцовая

двухклассная школа. В 1916 г. численность семинаристок достигла 101 (приготовительный класс – 31, первый – 30, второй – 22, третий – 18). В трех отделениях первого класса образцовой школы учились 29 учениц и в двух отделениях второго класса – 26. В социальном отношении подавляющую часть семинаристок составляли дети крестьян. В 1916/17 учебном году к крестьянскому сословию принадлежали 62 ученицы, или 76 % всех учившихся, из мещан и мастеровых обучались 17 человек и из духовенства и купцов – 2 человека, всего 81 ученица. Плата за обучение не взималась. Для беднейших и иногородних учениц (ежегодно в интернате проживали до 20 семинаристок) назначались ежегодные стипендии в размере 180 руб. В целях подготовки учительниц для русско-татарских школ Сарапульское уездное земство учредило несколько 150-рублевых стипендий. В 1914 г. на них обучались 2 девушки-татарки, в 1917 г. – 3³⁶

Программа семинарии включала русский и церковно-славянский язык, историю и географию, физику и естествознание, черчение и рисование, пение, педагогику, гигиену и гимнастику. В предреволюционные годы в программу были введены основы сельского хозяйства. В семинарии были организованы фундаментальная и ученическая библиотеки, насчитывавшие тысячи названий пособий и книг по разным отраслям знаний. В отличие от большинства женских учительских семинарий России, где главное внимание уделялось "технике учительского ремесла", а общеобразовательные предметы находились на втором плане, в Сарапульской семинарии преподаванию этих предметов уделялось пристальное внимание. Этому способствовал высокий общеобразовательный уровень большинства наставниц семинарии. С момента ее образования и вплоть до 1918 г. в ней трудились наставница математики П. А. Минеева, получившая образование на физико-математическом факультете Санкт-Петербургских высших женских курсов, наставница физики, естествоведения и основ сельского

хозяйства В. А. Козлова – выпускница физико-математического факультета Московских высших женских курсов, наставница истории и географии А. В. Анастасьева, также окончившая Московские высшие женские курсы, преподавательница гигиены В. П. Бушмакина (Родыгина) – врач, получившая специальное образование в Санкт-Петербургском женском медицинском институте. В течение ряда лет педагогику преподавала Е. П. Мизулина, окончившая в 1913 г. словесное отделение Казанских высших женских курсов и в 1914 г. высшие педагогические курсы при управлении Казанского учебного округа. Большой вклад в деятельность семинарии внесла ее начальница М. И. Родевич. Первый выпуск учительниц в количестве 18 человек состоялся в 1916 г., второй – в количестве 13 человек в 1917 г. Все выпускницы получили право преподавания в начальных земских, Министерства народного просвещения и епархиального ведомства училищах и школах³⁷.

На основе Положения 1902 г. 1 июля 1915 г. была открыта мужская учительская семинария в Глазове. В 1916 г. при ней было организовано начальное училище. В октябре 1917 г. семинария действовала в составе одного приготовительного и первых двух основных классов. В семинарию принимались юноши в возрасте 14–17 лет. Предпочтение отдавалось уроженцам Глазовского уезда, окончившим двухклассные или высшие начальные училища, второклассные церковные учительские школы и Карлыганское центральное удмуртское училище. По настоянию уездного земства, заинтересованного в подготовке учителей для начальных школ с удмуртским контингентом учащихся, семинарии был придан "полународческий" характер: в 1917 г. в число 54 семинаристов входили 25 удмуртов. Для большинства обучающихся устанавливалась казенная стипендия в размере 180 руб. в год. Учебная программа в целом соответствовала программе, утвержденной Министерством народного просвещения. В при-

готовительном и первых двух основных классах преподавались в основном общеобразовательные предметы: русский и церковнославянский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, естествоведение, история, география, пение. Были организованы физический и естественноисторический кабинеты, сформирована ученическая библиотека, оборудован класс ручного труда для занятий переплетным и столярно-токарным ремеслами, открыт сельскохозяйственный кабинет. Практические работы проводились на приусадебном участке. В программу были включены занятия по строевой подготовке и гимнастика. Со второго класса семинаристы приступали к изучению педагогики, гигиены, методики преподавания русского языка и арифметики. Первые педагогические навыки приобретались в начальном училище при семинарии. По ходатайству Вотской секции Общества мелких народностей Поволжья и предложению Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов уездное земское собрание в октябре 1917 г. приняло решение о введении 6–8 уроков удмуртского языка в неделю в программу учительской семинарии. Решением педагогического совета к преподаванию удмуртского языка с 26 ноября 1917 г. был допущен священник В. Д. Крылов – председатель Глазовского культурно-просветительного общества³⁸. Большой вклад в организацию и успешную деятельность Глазовской учительской семинарии внес ее бессменный директор С. М. Кутепов.

К 1919 г., ко времени введения всеобщего начального обучения, по земским планам в Сарапульском уезде должно было быть 581 начальное учебное заведение с 40 467 учащимися и 983 учителями. Земские деятели настойчиво добивались открытия учительской семинарии. В своем стремлении они опирались на приговоры сходов жителей Ижевских Заречной и Нагорной волостей, состоявшихся осенью 1913 г. Вотская секция Общества мелких народностей Поволжья, поддержанная комитетом

народного образования при управлении Казанского учебного округа и Сарапульским земством, предложила открыть в поселке Ижевского завода русско-удмуртскую мужскую учительскую семинарию, в которой могло бы учиться и некоторое количество татар. На должность директора учительской семинарии был утвержден инспектор народных училищ Казанского уезда А. Кремлев – выпускник Казанской духовной академии, непосредственно знакомый с делом просвещения нерусских народов Поволжья и Приуралья. Земство предложило под семинарию частный дом на Сенной площади. Занятия должны были начаться с 10 января 1918 г. В 1914 г. решался вопрос об открытии удмуртской учительской семинарии и в с. Сюмси Малмыжского уезда³⁹

Перед Малмыжским уездным земством с 1912 г. стояла проблема об организации татарской мужской учительской семинарии. По инициативе известных земских деятелей В. А. Батуева и П. И. Александрова этот вопрос неоднократно рассматривался на сессиях губернского земского собрания 1914–1916 гг. В июле 1917 г. на губернском мусульманском съезде в Вятке было принято решение об открытии в первую очередь женской учительской семинарии в Ижбобье Сарапульского уезда и далее в Малмыже и Елабуге.

Важными с точки зрения выработки планов развития педагогического образования в крае явились результаты совещания деятелей народного образования Вятской губернии, состоявшегося 27 июля 1917 г. На нем предлагалось открыть параллельные курсы при всех четырех учительских семинариях в губернии, в том числе в Сарапуле и Глазове. Обсуждался вопрос и об учреждении двух новых учительских семинарий для удмуртов и татар. Следует заметить, что эти предложения и планы национальных организаций, земства, управления Казанского учебного округа были учтены советскими органами народного образования при формировании системы педагогических учебных заведений. В 1918 г. в ведении

Вятского губернского комиссариата народного просвещения в крае действовали Глазовская, Сарапульская, Елабужская, Ижевская и Малмыжская учительские семинарии⁴⁰

Уездные земства не ограничивали себя задачами учреждения учительских семинарий. Отдельные из них выдвигали предложения об организации педагогических учебных заведений повышенного типа. Так, Сарапульское уездное земское собрание в 1913 г. просило открыть в честь 50-летия земского самоуправления высшее педагогическое женское училище с четырехлетним курсом обучения. На первый курс предполагалось принимать выпускниц женских гимназий и епархиальных училищ. Однако губернская управа под предлогом неразработанности вопроса и громадных затрат (хотя подобные учебные заведения уже существовали и уездное земство ссылалось на успешный опыт Тверского земства в Московском учебном округе) отклонила просьбу⁴¹

Одним из путей пополнения учительских кадров был экстернат. Его значение возросло с середины 1870-х гг. XIX в. В конце XIX в. около 20 % учителей начальных школ МНП получило учительское звание через специальные испытания⁴². Правами выдачи свидетельств на звание учителей пользовались педагогические советы Сарапульского и Елабужского реальных училищ, Глазовской, Малмыжской и Ижевской мужских гимназий, женских гимназий, учительских семинарий и уездных училищ Елабуги, Сарапула, Глазова и Малмыжа. Педагогический экстернат практиковался и в системе учебных заведений духовного ведомства. Право проводить специальные испытания имели педагогические советы духовных семинарий, Глазовского, Сарапульского и Елабужского духовных училищ. С 1903 г. свидетельства на звание учителей церковноприходских школ выдавал совет Якшур-Бодьинской церковно-учительской школы⁴³

По мере развития народного образования и увеличения численности учительской интеллигенции большое значение для подготовки и профессионального роста учителей

приобретали учительские съезды и педагогические курсы. В большинстве своем они организовывались по инициативе прогрессивной части земского учительства и деятелей народного образования, имели характер уездных, губернских или окружных. Вслед за первыми съездами учителей, прошедшими в 1860-е гг. XIX в. в Харькове, Киеве, Митаве, Одессе, Иркутске и ряде других городов, учительские съезды стали созываться и в Вятской губернии. Летом 1869 г. они состоялись в Уржуме, Глазове и Малмыже. Учителя Глазовского уезда признали необходимость проведения регулярных педагогических съездов и просили земскую управу выписывать все педагогические журналы. Малмыжский съезд обсудил и одобрил звуковой метод обучения грамоте, получивший широкое распространение в начальной школе. В 1870 г. съезды прошли в Вятке, Глазове и Уржуме. В 1871 г. – в Глазове, Елабуге, Сарапуле и во всех уездных центрах губернии за исключением Малмыжа. Большую роль в их организации сыграл инспектор народных училищ губернии С. А. Нурминский. На съезд в Сарапуле прибыли 70 учителей и учительниц. Они обсуждали новейшие достижения педагогики и конкретные методы преподавания арифметики, чтения, письма, Закона Божьего и пения. Резкой критике учителей подвергся практиковавшийся выбор учеников сельскими обществами, когда они направляли в школы детей преимущественно бедных родителей, а те смотрели на учебу как на отправление общественной повинности. Учителя предложили решительно отказаться от такой практики набора учеников в начальные школы. С. А. Нурминский, руководивший сарапульским съездом, поддержал предложение учителей о введении в мужских школах и училищах столярного и переpletного ремесел, а в женских – рукоделия и призвал церковные попечительства и отдельных попечителей училищ к содействию в содержании беднейших учеников. Съезд уделил большое внимание вопросам «иностранческой» школы и постано-

вил вести первоначальное обучение в удмуртских и марийских школах на родном языке учеников, используя кириллицу. Одобрением было встречено начинание учителя Решетова, взявшего на себя труд по составлению удмуртского букваря⁴⁴. Съезды учителей этого периода сыграли заметную роль в развитии начальной школы в Удмуртии. Они явились довольно эффективным средством внедрения прогрессивного педагогического опыта российской школы, помогли учителям более явно осознать их роль в деле просвещения народа. Земские деятели ближе знакомились с проблемами и нуждами народной школы. В середине 1870-х гг. правительство, обеспокоенное увеличением числа съездов, растущей критикой рядовым учительством неудовлетворительного состояния народного образования, опасаясь, не без оснований, превращения съездов в «неблагоприятные» в политическом отношении, предприняло меры к их ограничению. Вследствие такой политики с 1872 г. на территории Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов в продолжение следующих 30 лет прекратилась практика проведения регулярных съездов учителей. В конце XIX в. земство и педагогическая общественность добились частичного восстановления собраний и съездов учителей. Однако в сравнении со съездами начала 1870-х гг., на которых вопросам повышения квалификации учителей уделялось значительное внимание, съезды начала XX в. имели лишь совещательный характер. В августе 1902 г. семидневный съезд состоялся в Елабуге. На нем присутствовали 37 учителей и 88 учительниц. Сарапульское уездное земство на протяжении ряда лет безуспешно пыталось провести учительские съезды⁴⁵.

Более широкое распространение получили разнообразные педагогические курсы. Они приобрели более упорядоченный вид с возникновением земского самоуправления. Заинтересованные земцы учитывали, что большинство работающих учителей не имели

специальной подготовки, к тому же они видели, что развитие начальной школы сильно сдерживалось из-за отсутствия единой методики обучения. В связи с этим на рубеже 1860–1870-х гг. XIX в. возникла потребность в организации краткосрочных педагогических курсов как для повышения квалификации учителей, так и для выработки общих методических правил. К этому времени относится появление первых педагогических курсов в Вятской губернии. Для учителей с низким общеобразовательным и профессиональным уровнем курсы имели большое значение. Слушатели курсов углубляли, а часто впервые получали систематизированные знания по общеобразовательным предметам, знакомились с лучшей педагогической литературой. В мае 1871 г. они состоялись в Уржумском приходском училище. С середины 1870-х гг. организация и проведение педагогических курсов регламентировались Правилами от 5 августа 1875 г. Летом 1875 г. курсы прошли в Глазове, в 1885 г. – в Елабуге, в 1895 г. – в Малмыже и Елабуге, в июле 1899 г. – в Сарапуле. Летние курсы, прошедшие в Глазове в 1901 г., собрали 220 учителей и учительниц начальных школ земства, Министерства народного просвещения и духовного ведомства⁴⁶.

Духовенство и епархиальный училищный совет, опасаясь проникновения крамолы в учительскую среду школ своего ведомства, стремились оградить учителей от участия в земских педагогических курсах, противопоставив им свои. Летом 1897 г. состоялись месячные педагогические курсы для учителей церковноприходских школ губернии в Вятке, в июне 1901 г. – для учителей и учительниц церковных школ Сарапульского викариатства в Сарапуле, в июне 1902 г. – для учителей школ грамоты в Глазовском духовном училище. В дальнейшем начинания епархиального училищного совета не получили широкого распространения. А земства по-прежнему продолжали устраивать педагогические курсы, причем на равных условиях для участия в них

приглашались и учителя школ духовного ведомства. В 1905 г. месячные педагогические курсы прошли в Малмыже, в июне 1910 г. в Пахотниолыинском земском училище Малмыжского уезда, где под наблюдением директора народных училищ Вятской губернии А. Д. Сильникова по программе, включавшей Закон Божий, русский язык, арифметику, пение и сельское хозяйство, обучались 80 учителей. В июле 1910 г. курсы по основам сельского хозяйства состоялись в Малмыже. В 1913 г. были организованы курсы в Уржуме, Малмыже, Нолинске и Глазове. На них приглашались учителя сразу из нескольких уездов. Так, в Нолинск прибыли учителя из Сарапульского, Елабужского и Глазовского уездов. На курсах обсуждались новые пособия и учебники. В школьные библиотеки были рекомендованы педагогические издания А. Анастасиева и И. С. Михеева.

Высокой оценки руководства Казанского учебного округа заслужила инициатива Малмыжского уездного земства, положившего начало проведению педагогических курсов по отдельным предметам. В июле 1913 г. оно впервые в Вятской губернии провело курсы сокольской гимнастики под руководством К. К. Шульца. На них занимались 46 слушателей (13 учителей и 33 учительницы). Таким образом, уездное земство впервые в губернии приступило к подготовке преподавателей физической культуры⁴⁷.

Наиболее содержательные и полезные курсы в этот период проводило Глазовское уездное земство. В июне – июле 1913 г. в помещении женской гимназии в нескольких секциях под руководством педагогов и деятелей народного образования Вятской и Казанской губерний занимались 144 слушателя (27 учителей и 117 учительниц) и 52 вольнослушателя. По методике преподавания русского языка была дана развернутая характеристика основных форм звукового метода. Обсуждались и разъяснялись новейшие методы обучения грамоте: артикуляционный, естественный, отвлеченный и американский. Критический подход был продемон-

Семья основателя центральной удмуртской школы в с. Карлыган Вятской губернии
К. А. Андреева
ИМ УР

стрирован к буквослагательному и слоговому методам и увлечению диктантоманией. Знакомство с методикой преподавания арифметики начиналось с обзорной лекции о взглядах на математику в различные исторические эпохи: греческую, римскую, византийскую и индийскую (восточная математика). Рассматривались методические взгляды И. Г. Пестолоцци, Н. А. Корфа, Стрельцова, Тюрка, Штерна, П. С. Гурьева, А. Грубе, В. А. Евтушевского и др. Также предлагались вниманию методики преподавания Закона Божьего, естествоведения и пения. В период работы курсов действовали бесплатные педагогические библиотеки и педагогический музей. Насыщенная программа была представлена для 142 учителей на педагогических курсах в Глазове и в 1914 г.⁴⁸

На сравнительно небольшой территории Глазовского, Малмыжского, Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии получили развитие практически все основные формы подготовки учителей для начальной школы, сложившиеся в этот период в России. Ярко проявился ведомственный подход к становлению педагогического образования, отразивший основные направления и тенденции в развитии начальной школы в целом. Подготовкой учителей для церковноприходских школ, школ грамоты, братских и миссионерских школ занималось духовное ведомство. В его распоряжении

находились Елабужское епархиальное училище, Глазовское, Елабужское и Сарапульское духовные училища, Якшур-Бодьинская церковно-учительская школа и пять второклассных церковных учительских школ. Для школ Министерства народного просвещения и земства учителей готовили преимущественно женские гимназии и прогимназии, а также уездные училища, мужские гимназии и реальные училища. Завершающим звеном в системе педагогического образования, сложившейся в дореволюционной Удмуртии, стали Сарапульская женская и Глазовская мужская учительские семинарии.

Развитие школьного просвещения среди удмуртского населения. Зарождение элементов удмуртской национальной школы. В 1860-е гг. XIX в. обсуждение вопросов просвещения народов Поволжья и Приуралья получило широкий общественный резонанс. Высказывались различные точки зрения о формах и методах "инородческого" просвещения. В новых условиях старые, преимущественно насильственные, методы духовного подчинения нерусских народов оказались уже недостаточно эффективными. Многолетняя политика принудительной христианизации не дала правительству желаемых результатов. Более того, в середине XIX в. началась новая волна массового "отпадения" новокрещенных от христианства и возвращения их к прежним религиозным верованиям. В конечном итоге правительством и церковью школа была признана одним из важных каналов утверждения нерусских народов в православии и преданности престолу. В первое пореформенное десятилетие была разработана и начала реализовываться новая система "христианского" просвещения Н. И. Ильминского, получившая официальное утверждение в правительственном циркуляре "О мерах к образованию населяющих Россию инородцев" от 26 марта 1870 г. Христианизация и постепенная русификация по-прежнему составляли ее основное содержание. Показательной в этом смысле являлась позиция редакции "Жур-

нала Министерства народного просвещения" В редакционном отклике на статью одного из учредителей миссионерского братства святителя и чудотворца Гурия утверждалось: "...не будем заботиться о развитии татарской, чувашской, черемисской грамотности и о литературной обработке этих наречий, а позаботимся только о христианском их просвещении, хотя бы то, на первых порах, и с помощью их природных наречий и научении их русскому языку и русской грамоте"⁴⁹ Предупреждая сомнения в целесообразности нового подхода, председатель Вятского училищного совета протоиерей И. Фармаковский писал: "...многолетний опыт безуспешности и бесплодности инородческих школ доказал вполне всю несостоятельность прежней системы обучения инородцев... и в настоящее время... надлежит обучать их детей русской грамоте на родном их языке... и объяснять алфавит русский, сложение букв знакомыми... словами их языка... если инородческая школа может встретиться с лицами даровитыми и из инородцев, то уж никак не может она дать настолько образованных людей, чтобы они в состоянии были перевести Библию или даже управиться с менее важным и трудным произведением какого-нибудь русского таланта. Такие личности выходят не из первоначальных школ и не в них образуются". Далее он ясно выразил истинные цели такого подхода к просвещению нерусских народов: "...от вышеизложенной системы обучения... мы ожидаем сохранения их для православной церкви, сближения и постепенного их слияния с русским народом; и отнюдь не опасаемся несколькими руководствами по предмету вероучения, написанными на их языке, пробудить в них стремление к самостоятельному развитию своих народностей: для этого нет у них ни материальных, ни духовных средств"⁵⁰ Казанский профессор Н. И. Ильминский (1822–1891), будучи талантливым педагогом, прекрасно понимал значение родного языка в просвещении и поэтому отводил ему основное место

в своей системе. В 1863 г. в Казани он открыл крещено-татарскую школу. В 1867 г. Н. И. Ильминский становится соучредителем православного миссионерского братства святителя и чудотворца Гурия. Под патронажем братства в Поволжье и Приуралья была развернута сеть начальных, преимущественно братских, миссионерских школ для коренного населения. Такой подход к школьной практике требовал значительного числа учителей, способных вести обучение на родном языке учащихся, и наличия букварей, учебников, вспомогательной литературы на национальных языках. Для разрешения первой задачи в 1872 г. в Казани была открыта инородческая учительская семинария, ставшая организационным и научно-педагогическим центром всей системы. В 1882 г. в Бирске Уфимской губернии была открыта "инородческая" учительская школа для удмуртов и марийцев. В дополнение к ним в 1890-х гг. открыты центральные школы: для марийцев в с. Унка Царевкокшайского уезда, Казанской губернии, для чувашей – в с. Ишаки Козьмодемьянского уезда той же губернии и для удмуртов – в с. Карлыган Уржумского уезда, Вятской губернии. Разрешение второй задачи целиком возлагалось на переводческую комиссию православного миссионерского общества братства святителя и чудотворца Гурия.

Нововведения Ильминского явились в известном смысле отражением стремления самодержавия приспособить свою политику в пореформенный период к новым социально-экономическим и общественно-политическим условиям. Предпочтение перед явно не сработавшими методами насильственной христианизации и русификации было отдано новым, более утонченным и гибким, учитывающим в некоторой степени национальные традиции, жизненный уклад и психологические особенности народностей. Но, как и большая часть преобразований "эпохи реформ", они отличались полумерами и строго регламентировались правительством и церковью. Национальный язык в

школе так и не стал основой обучения, а допускался лишь в качестве вспомогательного при переходе к обучению на русском языке и в основном использовался для насаждения религиозных взглядов и монархических убеждений. Учителям братских миссионерских школ предписывалось заботиться более о "нравственности и религиозности" учеников, нежели о распространении среди них действительной грамотности.

В первый год своей деятельности братство святителя Гурия открыло 22 миссионерские школы, в которых обучались 732 ученика⁵¹. Братские школы представляли собой тип одноклассных школ с двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестиклассными с четырехлетним курсом обучения Закону Божьему, письму, русскому чтению, началам грамоты на родном языке, молитвам и церковному пению. Они содержались преимущественно на средства Синода, МНП и частных лиц, дополнительным денежным источником были поступления от платных лекций, организуемых членами совета братства, и продажи учебной, религиозной литературы.

Первая братская школа для удмуртов была открыта при содействии священника Казанской крещено-татарской школы В. Тимофеева в 1868 г. в с. Ошма Казанского уезда, Казанской губернии. Ее учителем стал крещеный татарин Б. Гаврилов*, приступивший за год до этого "по собственной любознательности" к занятиям удмуртским языком и переведший с помощью двух мальчиков-удмуртов правописание из букваря и молитвы. В первый год удмуртской грамоте и молитвам обучались 10 учеников. Ввиду отсутствия специальных буква-

рей для удмуртских школ совет братства предложил учителям перевести на удмуртский язык начальные учения православной веры и использовать переводы в качестве учебных пособий⁵².

В 1870 г. в ведении братства находились 35 крещено-татарских, 20 чувашских школ и 2 удмуртские школы. Общая численность учащихся в них достигла 1 000 человек. Во всех школах учителями состояли выпускники Казанской крещено-татарской школы. Инспектор народных училищ Казанской губернии, осмотрев в 1871 г. несколько братских школ, в том числе и одну удмуртскую, отмечал, что для них были характерны одинаковые дидактические приемы, особое пристрастие к церковному пению, отсутствие задачников и "крайне неудовлетворительное знание" учениками русского языка. Братские школы значительно опережали русские училища по уровню развития у воспитанников религиозных чувств⁵³. Эта сторона деятельности братских школ была более характерной, поскольку все отступления от религиозного характера обучения в них незамедлительно пресекались советом братства. В последующие годы братские школы для удмуртов были открыты в Нижнем и Верхнем Куморе, Нижней и Старой Уче, Куркино, Важешуре, Балдыке, Уряси, Больших Лыжах, Кня-Юмье, Верхней Юмье, Студеном ключе, Новом Коньсаре, поч. Сутер и Гондырово Казанской губернии⁵⁴. В начале XX в., в пору наиболее активной деятельности братства святителя и чудотворца Гурия, под наблюдением совета находились 62 крещено-татарские, 50 чувашских, 17 марийских, 17 удмуртских, 1 мордовская и 5 русских школ.

Удмуртские школы, в которых система "христианского" просвещения получила реальное воплощение, открывались также земствами и МНП. В Казанской губернии действовало несколько таких школ в Ошторма-Юмье, Старой Юмье, Верхних Шунях, Нырье и Малых Лыжах. В Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии для некрещеных удмуртов и марийцев к 1886 г.

* Гаврилов Борис. В 1866 г. окончил Казанскую крещено-татарскую школу, продолжительное время работал в удмуртских школах Казанского уезда Казанской губернии и Елабужского уезда Вятской губернии. Составленный им сборник "Произведения народной словесности, обряды и обычаи вотяков Казанской и Вятской губерний" (Казань. 1880) получил признание научной общественности в России и за ее пределами.

была открыта 21 школа, в Красноуфимском уезде Пермской губернии – 4. В Осинском уезде Пермской губернии, где проживали до 3 000 некрещеных удмуртов, на средства Пермского комитета православного миссионерского общества в 1872 г. была открыта школа в с. Большой Гондырь, в которой под руководством русского учителя, владевшего удмуртским языком, в 1886 г. обучались 38 удмуртов и 10 русских учеников. По представлению директора народных училищ Пермской губернии В. Н. Шишонко для удмуртов-язычников Осинского уезда в 1886 г. была открыта школа в д. Сухой Кырге, в которой уже в первый год обучались 25 учеников. Преподование в ней велось исключительно на удмуртском языке и, судя по отчету, даже по истечении пяти лет со времени ее открытия учителя "не владели русской грамотой". Всего в Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях к 1886 г. насчитывалось 84 "иностранческие" школы и в 28 из них обучались марийцы и удмурты⁵⁵.

Школы для нерусского населения Вятской губернии открывались губернским комитетом православного миссионерского общества, учрежденным 28 мая 1870 г. Миссионерские школы Вятской губернии строились на тех же началах, что и братские в Казанской губернии. Количество миссионерских школ в Вятской губернии заметно увеличилось к началу XX в. Если в 1881 г. насчитывалось всего 14 школ с 304 учащимися, в том числе 40 удмуртами и 25 бесермянами, обучавшимися в Кузбаевской школе Елабужского уезда, Ляминской, Дизьминской и Ворцинской школах Глазовского уезда, то в 1901 г. в 67 миссионерских школах учились уже 2 325 учеников, в том числе 478 удмуртов (400 мальчиков и 78 девочек) и 53 бесермянина (50 мальчиков и 3 девочки). В этот период для удмуртского и бесермянского населения Вятской губернии миссионерские школы были открыты в Елабужском уезде – Маловоложжвинская (1893), в Малмыжском – Сосновоключинская (1885), Чужьяловская (1885), Вотско-Китяжская (1889),

Тлогуртская (1891), Кушетская (1894), Кушетская (1894) и Новобийская (1894), в Глазовском – Унинская (1883), Мокинская (1893), Гурзинская удмуртско-бесермянская (1897), Жебшурская (1898), Тугбулатовская (1898), Тутаевская бесермянская (1899) и Гулекшурская удмуртско-бесермянская (1902), в Слободском – Городищенская (1893) и Сизевская (1898), в Уржумском – Карлыганская (1883). Некоторые миссионерские школы находились на попечении купцов, зажиточных крестьян и других частных лиц. Так, попечитель Кузбаевской школы елабужский купец И. Г. Стахеев ежегодно снабжал школу учебными принадлежностями и пособиями. Попечитель Сосновоключинской школы крестьянин д. Кельвай Г. Архипов пожертвовал и оборудовал для нее дом. Большая часть школ постоянно испытывала неудобства и материальные затруднения. В Ворцинской школе главной причиной отказа в приеме была теснота помещения, поскольку школа располагалась в верхнем этаже крестьянского дома, здесь же в классной комнате был устроен приток для 8 учеников из дальних деревень. Пика в своем развитии миссионерские школы Вятской губернии достигли к 1905 г., когда в 72 школах обучались 2 253 человека, в том числе 520 удмуртов и 101 бесермянин. В последующие годы часть школ была преобразована в земские или передана в ведение МНП, часть была закрыта.

Целенаправленная подготовка учительских кадров для удмуртских школ осуществлялась в рамках системы Н. И. Ильминского. Наибольшее распространение эта система получила в Казанской и Уфимской губерниях. Вятский комитет православного миссионерского общества направлял своих стипендиатов в Казанскую центральную крещено-татарскую школу и духовные училища губернии. Однако большая часть учителей миссионерских школ получала педагогическое образование во второклассных школах и Карлыганской центральной удмуртской школе. В 1906 г. в 21 миссионерской школе Елабужского, Малмыжского и

Глазовского уездов, где обучались удмурты и бесермяне, учителями состояли 7 выпускников Базезинской, Сосновской и Елабужской второклассных церковных учительских школ, 8 выпускников Карлыганской школы и 4 учителя получили образование в земских начальных училищах⁵⁶

Большую роль в развитии удмуртской школы и в целом культуры удмуртского народа во второй половине XIX – начале XX в. сыграли Казанская учительская семинария и Карлыганская центральная удмуртская школа. Н. И. Ильминский считал подготовку учителей для миссионерских школ одним из основных направлений в реализации своей системы. С начала 1870-х гг. XIX в. учителей-миссионеров начала выпускать Казанская крещено-татарская школа, преобразованная в 1878 г. в центральную двухклассную школу. В ней обучались татары, маришцы, а также некоторое количество удмуртов преимущественно Казанского и Мамадышского уездов Казанской губернии.

Организационным и научно-педагогическим центром системы Н. И. Ильминского являлась Казанская инородческая учительская семинария, открытая 26 октября 1872 г. В речи при открытии семинарии Н. И. Ильминский подчеркнул, что просвещение в ней "должно быть религиозное, нравственное. Религиозность должна составлять душу образования, основание всего..."⁵⁷, сформулировав тем самым идеологическую направленность своей системы и семинарии, в частности.

Начальные сведения об учащихся-удмуртах Казанской учительской семинарии относятся к 1874 г., когда в первый класс были приняты И. Васильев, окончивший Казанскую крещено-татарскую школу, и И. Павлов после окончания Уватукинской удмуртской школы Малмыжского уезда Вятской губернии. И. Павлов вскоре был отчислен, но впоследствии самостоятельно подготовился и работал учителем в Ягул-Каксинской церковноприходской школе Елабужского уезда. И. Васильев успешно окончил в 1878 г.

И. В. Васильев
ИМ УР

**Васильев Иван
Васильевич**

(01.05.1858 г., с. Старая Юмья Мамадышского уезда, Казанской губернии – 1927 г., с. Шаркан Вотской автономной области). Удмуртский иерей, миссионер, просветитель, этнограф. Получил образование в Казанской крещено-татарской

школе и Казанской учительской инородческой семинарии (1878 г.). Первый удмурт, получивший среднее специальное педагогическое образование. Работал учителем в селах Малая Пурга, Юськи, Бураново. В 1885 г. был посвящен в сан иерея. Служил в храмах сел Мазунино, Малая Пурга, Шаркан Сарапульского уезда, Вятской губернии. Возглавлял Шарканский благочиннический округ, являлся окружным миссионером. Опубликовал ряд статей по этнографии удмуртов. Состоял членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Автор книги "Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний" (Хельсинки, 1902. На немецком языке).

семинарию и получил свидетельство учителя начального удмуртского училища. Он стал первым учителем-удмуртом, получившим специальное педагогическое образование⁵⁸. Первые выпускники-удмурты, проработав некоторое время в должности учителя, принимали духовное звание. Это был идеальный путь становления миссионера, конечная цель выпускника Казанской учительской семинарии, предусмотренная для него системой Н. И. Ильминского.

С 1878 г. по 1918 г. в стенах Казанской учительской семинарии было подготовлено около 100 учителей для удмуртских школ. Ее воспитанники явились первыми учителями-удмуртами, получившими среднее педагогическое образование. В числе ее

выпускников Н. И. Иванов – будущий заведующий Карлыганской центральной удмуртской школой, Г. П. Прокопьев – педагог, один из первых удмуртских литераторов, М. И. Ильин – удмуртский поэт, журналист, И. С. Михеев и И. В. Яковлев – крупнейшие удмуртские просветители первой четверти XX в., Крылов В. Д. – организатор Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов 1917–1918 гг., удмуртский поэт и переводчик И. И. Шкляев, организатор народного образования А. З. Ларионов, удмуртский поэт, партийный и общественный деятель Максим П. Прокопьев, будущий известный ученый Мих. П. Прокопьев и др. Некоторое время в ней обучались удмуртский прозаик, поэт, драматург Кедра Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов) и литературный критик С. М. Бурбуров.

В разные годы специальные экзамены на звание учителей начальных удмуртских училищ в педагогическом совете инородческой учительской семинарии держали выпускники Казанской центральной крещено-татарской школы, Базезинской, Елабужской и Сосновской второклассных церковных учительских школ, Яшур-Бодьинской двухклассной церковноприходской школы, двухклассных земских училищ и Карлыганской центральной удмуртской школы. С 1890 г. по 1914 г. эта форма педагогического образования дала удмуртской школе, по неполным данным, более 100 учителей.

Важным фактором развития школьного просвещения среди удмуртов в рамках системы “христианского” просвещения являлась деятельность центральной удмуртской школы в Карлыгане. Устроенная трудами первого удмуртского просветителя К. А. Андреева в конце 1870-х гг. как пятничная школа, она в 1883 г. была преобразована в миссионерскую, а в 1890-х гг. – в центральную в полном объеме учительской школы. Размещалась в двухэтажном доме, построенном специально для нее на средства семьи Андреевых. Ежегодно в ней обучалось более 100 человек. Перед школой были поставлены “миссионерско-воспи-

И. С. Михеев с учениками подготовительного класса Казанской инородческой учительской семинарии

Из фонда А. Н. Кутявина

тательно-образовательные” задачи. С 1890 г. по 1895 г. центральной школой заведовал К. А. Андреев, а с 1895 г. по 1918 г. – священник Н. И. Иванов. В разные годы в ней работали выпускники Казанской учительской семинарии Г. П. Прокопьев, И. С. Михеев, В. Захаров, а также Р. Иванова, Л. Поршнева, М. Ширяева, Я. Кожевников. Постепенно школа превращалась в своеобразный учебно-методический центр, где вырабатывались и проверялись на практике новые педагогические методы. Большая часть выпускников Карлыганской школы успешно выдерживали специальные испытания в Казанской инородческой учительской семинарии и направлялись на службу в удмуртские школы Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской и Самарской губерний. Среди них были известные подвижники удмуртской культуры: А. Векшина (Ашальчи Оки), А. Федорова, Я. Ильин, М. Прокопьев, И. Векшин (Айво Иви) и др. Просветительская деятельность Карлыганской школы дала поразительные результаты: при общей невысокой грамотности удмуртского населения в конце XIX в. (10,5 % мужчин и 0,4 % женщин) количество грамотных в Карлыганском крае приближалось к 30–40 %, причем знающих как русский, так и удмуртский язык⁶⁹.

Развитие школьного просвещения среди удмуртов было сопряжено с движением

К. А. Андреев

Андреев Кузьма Андреевич (1857 г., д. Карлыган Уржумского уезда, Вятской губернии – 16. 09. 1940 г., с. Можга). Первый удмуртский просветитель, миссионер. Не получил системного образования. Некоторое время обучался в Староцилинской школе грамоты и в Сардэбашской миссионерской крещено-татарской школе.

В 1881–1883 гг. основал в с. Карлыган миссионерскую школу. В 1890–1895 гг. заведовал Карлыганской центральной удмуртской школой, ставшей одним из важнейших образовательно-педагогических центров системы "христианского просвещения" Н. И. Ильминского. В начале XX в. работал помощником вятского епархиального миссионера. Вел успешную просветительскую работу среди удмуртского, марийского и татарского населения. Способствовал открытию десятков удмуртских, марийских и татарских школ в Вятской и Казанской губерниях. Сотрудничал с научными экспедициями Ю. Вихмана и А. Хямляйна. Помогал в ознакомительной поездке С. Чичериной. Внес большой вклад в развитие школьного дела, в распространение христианского мировоззрения и подъем культуры удмуртского народа.

за подъем культурного уровня удмуртского народа, за преподавание в удмуртских школах на родном языке учащихся. Еще до появления официального циркуляра в 1870 г. отдельные педагоги и деятели народного образования ставили вопрос о преподавании на удмуртском языке. Штатный смотритель Глазовского уездного училища В. М. Шестаков предлагал подготовить и издать азбуки и грамматики на удмуртском языке для преподавания в удмуртских школах уезда. Убеденным сторонником преподавания на родном языке удмуртов выступал инспектор народных училищ Н. Золотницкий. Главным условием успешности обучения он

считал наличие учебников и книг на удмуртском языке.

Заметным событием в развитии школьного просвещения удмуртов Вятской губернии стало издание в 1867 г. в Вятке специальной азбуки "Лыдзон. Азбука для вотских детей" Ее автором был священник Н. Н. Блинов. Азбука явилась результатом его наблюдений и практической работы в удмуртской школе. В приложение к ней он составил руководство для преподавателей с методическими советами и указаниями. В нем проводилась идея первоначального обучения на удмуртском языке с последующим постепенным переходом к обучению на русском. Азбука предназначалась прежде всего для удмуртских школ Министерства государственных имуществ Глазовского уезда, поскольку была составлена преимущественно на диалекте северных удмуртов⁶⁰. В последующие годы Н. Н. Блиновым был создан еще ряд учебников, учебных и методических пособий для народной школы.

Большое значение в просвещении удмуртского населения Елабужского и Уржумского уездов Вятской губернии имела деятельность В. А. Ислентьева. В 80–90-е гг. XIX в., будучи инспектором народных училищ этих уездов, он прилагал немало усилий для развития удмуртской школы, отстаивая наиболее важный принцип системы Ильминского – преподавание в первые два года обучения на родном языке. По его настоянию уездные земства направляли своих стипендиатов в Казанскую инородческую учительскую семинарию и в Карлыганскую центральную удмуртскую школу.

Широкую известность среди учителей Поволжья В. А. Ислентьев получил как опытный педагог и методист начальной школы, активно пропагандировавший методические идеи К. Д. Ушинского. Руководствуясь идеей просвещения удмуртского народа, В. А. Ислентьев составил в 1888 г. "Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда" В 1889 г. в Казани вышел его "Букварь и первая учебная книжка для

вотьяков Елабужского уезда. По способу наглядного обучения "Букварь..." и "Учебник..." сопровождался специальным методическим пособием для учителей. В. А. Ислентьев пытался реализовать принцип универсальности в учебных пособиях для нерусских школ. В 1897 г. он издал "Учебник русского языка для инородцев", который в большей степени отвечал этому принципу. Педагогические труды В. А. Ислентьева получили распространение в земских и миссионерских школах ряда уездов Вятской и Казанской губерний⁶¹

Во второй половине XIX в., наряду с переводами религиозных книг, в удмуртских миссионерских школах распространяются учебные издания переводческой комиссии миссионерского братства святителя и чудотворца Гурия. В 1875 г. ею был издан "Букварь для крещеных вотьяков" Отдельные издания переводческой комиссии учитывали диалектные особенности удмуртского языка и предназначались для рас-

К. А. Андреев и И. С. Михеев
Из фонда А. Н. Кутяшина

Г. П. Прокопьев

Прокопьев Гавриил Прокопьевич (25. 04. 1874 г., с. Нырья ныне Кукарского района, Республики Татарстан – 1946 г.). Удмуртский педагог-просветитель, поэт. Старший брат поэта-большевика М. П. Прокопьева. В 1885–1888 гг. обучался в Казанской центральной крещено-татарской

школе. В 1892 г. окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию. Работал учителем в Карлыганской центральной удмуртской школе, в Отыинском начальном земском училище Осинского уезда, Пермской губернии, в Верхнебуйском двухклассном училище, в 1912–1918 гг. в школе д. Большой Гондырь Пермской губернии. В 1918 г. вместе с братьями Антоном и Максимом учреждал революционный комитет в г. Осе. Участник съездов и конференций учителей в Москве, Сарапуле и Ижевске. В 1922 г. правительством БАО удостоен звания "Герой Труда". В 1908 г. в Казани выпустил книгу "Муш утыныны дышетсь книга" ("Книга о пчеловодстве"). Перевел на удмуртский язык ряд книг научно-популярного и просветительского характера для крестьянства. Принимал участие в подготовке 3-го издания "Второй книги для чтения на удмуртском языке" (1918). В соавторстве с Н. А. Бобровниковым и И. В. Яковлевым в 1917 г. опубликовал "Удмурт калыклы гожтэм гожтэт" ("Письмо, написанное удмуртскому народу"). Публикация поэтического наследия Г. Прокопьева начинается с 1975 г.

пространения в школах конкретных районов. Так, в 1882 г. в Казани был издан "Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда". В 1888 г. там же православное миссионерское общество выпустило "Букварь для вотских детей". Он был дополнен и переиздан в 1892, 1894 и в 1898 гг. Более значительным стал "Первоначальный учебник русского языка для вотьяков", вышедший в Казани в 1892 г.

К концу XIX в. учебные пособия и книги на удмуртском языке прочно вошли в каталоги библиотек начальных школ и широко использовались для обучения учащихся-удмуртов русскому языку. Вместе с тем дискуссия об изданиях на удмуртском языке и преподавании на нем, развернувшаяся на страницах светской и церковной печати на рубеже веков, показала, что большая часть литературы на удмуртском языке, прежде всего православного миссионерского общества, не отвечала основным требованиям грамматики удмуртского языка. Удмуртский учитель и этнограф Г. Е. Верещатин, отмечая этот факт, предлагал создать в Казани специальную комиссию из квалифицированных педагогов и поручить им составление новых учебников с учетом особенностей фонетики удмуртского языка и проверить их на практике в удмуртских школах.

В конце XIX – начале XX в. правительство приступило к сокращению допускавшегося ранее в пределах системы Ильминского преподавания на родном языке учащихся. В этот период с особой остротой развернулась дискуссия о дальнейших путях и формах школьного просвещения удмуртов. Большая часть священников выступила за усиление обрусительных тенденций в удмуртской школе. В частности, священник В. Кувшинский высказался за полное запрещение обучения на удмуртском языке. Другая часть духовенства и миссионеров выступала за сохранение основных принципов системы Н. И. Ильминского в просвещении удмуртов. В обращении правления Вятских инородческих курсов к духовенству епархии поддерживалась идея преподавания в школах на родном языке учащихся, но вместе с тем предлагалось ограничить школьное образование лишь миссионерскими школами. В обращении говорилось: "...есть немалый риск теперь давать инородцам высшее образование, тогда как уровень религиозного и умственного состояния еще очень низок и когда их общественная организация, быть может, еще не подготовлена к высшему образова-

В. В. Толстая. 1915
НМ УР

**Толстая Вера
Васильевна**

(01. 08. 1879 г., с. Деляново Симбирской губернии – октябрь 1968 г., Москва). Известный педагог-просветитель, заслуженный учитель школы УАССР (1945 г.). Дочь помещика Нижегородской губернии. Окончила Симбирскую женскую гимназию (1898 г.), женские педагогические курсы. В 1899 г. начала работать в Билиарской начальной школе Елабужского уезда, Вятской губернии. С 1903 г. – в Ныш-Каксинской начальной школе Елабужского уезда, затем в Чумойтинской начальной школе Можгинского района Удмуртии. Более 30 лет отдавала обучению грамоте удмуртских детей. Перевела на удмуртский язык *Букварь* и *"Книгу для чтения"* для 1-го и 2-го классов Тухомирова. В 1930 г. вышла на пенсию, но работала в г. Можге в районном отделе народного образования, в библиотеке педагогического техникума, заведовала краеведческим отделом. В 1944 г. переехала в Москву. Награждена орденом "Знак Почета" (1946 г.). Ее имя занесено в Почетную Книгу трудовой славы и героизма УАССР (1966 г.), именем В. В. Толстой названа улица в г. Можге

нию⁶². Последовательным сторонником просвещения удмуртов на их родном языке выступил священник М. Елабужский. Высоко оценивая способности удмуртских учеников, их трудолюбие в овладении грамотой, он определенно высказался за предоставление удмуртам более широких возможностей в образовании, за издание для них учебников и книг⁶³.

В начале XX в. в борьбу за преподавание в удмуртских школах на родном языке, за развитие культуры удмуртского наро-

да в целом активно включилась нарождающаяся удмуртская интеллигенция. С рядом острых полемических статей выступил И. В. Яковлев. Он высказался за коренное улучшение учебного процесса в удмуртских школах, за обязательное обучение всех детей школьного возраста. Будучи сторонником педагогических принципов системы Н. И. Ильминского, считал необходимым вести преподавание в течение первых двух лет на родном языке "по тем соображениям, что развитие учащихся должно начаться тотчас же по поступлении в школу", а уроки разговорного русского языка могли служить подготовкой к обучению в последующие два года на русском языке. К концу четырехлетнего обучения при таком подходе ученики должны были уметь, по его мнению, оперировать знаниями как на русском, так и на удмуртском языке.

Ясно представляя трудности в развитии национальной школы, И. В. Яковлев выдвинул ряд условий для улучшения ее деятельности: школа должна быть четырехгодичной с двумя учителями; учителя должны быть знакомы с принципами "инородческого просвещения" и иметь специальную подготовку; в школах должны быть учебники и руководства для учителей на национальных языках; необходимо регулярно проводить съезды учителей национальных школ для обмена опытом и обсуждения насущных вопросов; обязательно государственное финансирование национальных школ. Отмечая растущую потребность в специальных изданиях, он считал, что переводческая комиссия православного миссионерского общества не способна удовлетворить эту потребность, так как она специализировалась в основном на издании книг для "православно-русского просвещения", и приветствовал частные издания общепросветительского характера. И. В. Яковлев скептически относился к возможностям братских и миссионерских школ и дальнейшее развитие национальных школ связывал с передачей их в ведение земства, одновременно критикуя последнее за пассивность в "инородчес-

ком вопросе". Он первым из удмуртских просветителей выступил в печати с требованием полного равноправия как основы действительного просвещения и развития культуры народов края. В предисловии его книги говорится: "Язык, костюм, обычаи и другое национальное не мешает сделаться истинными подданными русского государства. Для этого инородцам нужны лишь равные права с коренным населением государства, одинаковая забота и просвещение их в коренном смысле и гарантия их национальной неприкосновенности..."⁶⁴

Страстным защитником преподавания в удмуртских школах на родном языке в начале XX в. выступил крупнейший просветитель удмуртского народа – И. С. Михеев. В острой публицистической статье "Вотские переводы и учителя" он дал достойную отповедь противникам преподавания и издания книг на удмуртском языке. Полемизируя с инспектором народных училищ Дидо, И. С. Михеев писал, что для удмуртов "занялась заря новой духовной жизни", имея в виду открытие удмуртских школ и издание книг на удмуртском языке. Вместе с тем он с горечью признавал, что удмурты заметно отставали в просвещении от соседних народов, особенно чувашей, у которых к 1900 г. насчитывалось более 500 учителей (и это благодаря обучению на родном языке, подчеркивал И. С. Михеев), а у удмуртов, по его подсчетам, – не более 100 учителей, способных обучать детей на родном языке⁶⁵.

Исключительно важное значение для развития удмуртской школы имела деятельность И. С. Михеева и И. В. Яковлева по составлению учебников и руководств для учителей. В основу педагогических изданий ими был положен прогрессивный наглядно-переводной метод, предполагавший активное использование в процессе обучения родного языка учащихся. Большой популярностью у педагогической общественности пользовались "Наглядные буквари" для национальных школ, "Учебные книги для чтения" на удмуртском языке, "Грамматические упражнения", "Руковод-

ства" к ведению разговорных уроков в национальных школах и другие педагогические издания. Долгое время они оставались лучшими учебными и методическими пособиями. По ним одновременно были составлены книги для чтения на марийском, татарском языке, на языках народов Средней Азии и Казахстана. Самым известным педагогическим изданием И. С. Михеева стали его "Сочинения по картинкам. Пособие для упражнений в сочинении и изложении мыслей в школе и дома", выдержавшие в дореволюционный период 17 изданий.

В конце XIX – начале XX в. зарождается удмуртское национальное движение. Оно было тесно связано с этнокультурной и социально-политической активизацией нарождающейся национальной интеллигенции. В этот период создаются условия для формирования довольно заметного слоя просвещенных людей. Удмурты получают не только начальное, но и среднее образование в учебных заведениях Глазова, Сарапула, Малмыжа, Елабуги, Ижевского и Воткинского заводов. Удмуртская молодежь постепенно овладевает профессиональным – техническим, сельскохозяйственным, педагогическим – образованием. Отдельные удмурты проявляют интерес к высшей школе⁶⁶. Преимущественно в организационных и мировоззренческих рамках системы "христианского" просвещения постепенно формируется плеяда талантливых людей. Часть из них становятся истинными просветителями удмуртского народа. Деятельность И. В. Васильева (1858–1927), Г. П. Прокопьева (1874–1946), И. С. Михеева (1876–1937), И. В. Яковлева (1881–1931), Г. Е. Верещагина (1851–1930), К. А. Андреева (1857–1930), М. И. Ильина (1876–1935), А. Г. Векшиной (1898–1973), Д. И. Корепанова (1892–1949), М. П. Прокопьева (1884–1919) и др. начиналась с практической педагогической или миссионерской работы. С их именами связывают такие важные достижения в этнокультурной истории, как складывание элементов удмуртской национальной школы, развитие педагогической

мысли, формирование литературного языка, зарождение художественной литературы, первые серьезные результаты в области гуманитарных исследований. Они ставят перед удмуртским сообществом целый ряд проблем, требующих незамедлительного разрешения, выделяя при этом стержневую – достижение равного положения среди других народов России.

Профессионально-техническое образование. Составной частью системы народного образования дореволюционной Удмуртии являлось профессионально-техническое образование. Его зарождение было связано с деятельностью крупнейших промышленных предприятий Вятской губернии – Ижевских и Воткинского заводов. Широкое и многоцелевое заводское производство требовало значительного числа подготовленных рабочих и технически грамотных специалистов. В середине XIX в. горнозаводские школы готовили элементарно обученных рабочих и низший технический персонал. Отдельные их выпускники продолжали профессионально-техническую подготовку у иностранных и русских мастеров на промышленных предприятиях Екатеринбурга, Москвы, Петербурга и других городов России, в Горной технической школе. Оружейников высокой квалификации готовили в Ижевской школе арсенальных учеников. Она была открыта в 1827 г. и действовала до 1867 г. Ежегодно в ней обучалось до 20 учеников, преимущественно детей мастеровых и служащих завода. В основе четырехлетнего курса обучения – освоение ремесел и практическая работа на оружейном заводе. За весь период деятельности школой было подготовлено около 700 оружейных мастеров для арсеналов страны и армейских оружейных мастерских. На Ижевском оружейном заводе практиковалось обучение полковых учеников – пансионеров казачьих войск и различных военных округов России. Высшее техническое образование дети служащих заводов получали в Горном и Петербургском технологическом институтах⁶⁷.

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. XIX в. общеобразовательная и профессионально-техническая подготовка была реорганизована на всем горнозаводском Урале. Проект правил для заводских школ и окружного училища 1848 г. предусматривал охват всех горных заводов и крупных заводских поселков сетью заводских учебных заведений, включавшей заводские школы, окружные училища в каждом из шести горнозаводских округов и как высшую и конечную ступень профессионального образования на Урале – Екатеринбургское горное училище. В 1848 г. в поселке Воткинского завода, в дополнение к действовавшему горнозаводской школе, женскому училищу и школе для "урочных работников" в с. Перевозном было открыто окружное училище. В таком виде система народного образования в Камско-Воткинском горном округе была узаконена 31 декабря 1852 г. Положением об учебных заведениях Уральских горных заводов и просуществовала с незначительными изменениями в течение почти трех десятилетий, а отдельные ее элементы – вплоть до начала XX в.⁸⁸

С отменой крепостного права и упразднением "обязательного обучения" будущих рабочих школа для непрременных работников была передана в ведение Министерства народного просвещения, а численность учащихся горнозаводской школы сократилась почти вдвое: до 170–200 человек. Многие мастеровые предпочли отдавать своих детей на производство в цеховые ученики. Учебная программа горнозаводской школы включала повседневные молитвы, начальные правила арифметики, русское чтение, письмо и только во втором классе ученики приступали к изучению линейного рисования. Долгое время основным методом преподавания в ней был ланкастерский метод. Обучение предметам велось на чрезвычайно низком уровне. По окончании школы дети мастеровых направлялись "в заводские работы", а дети канцелярских служащих и урядников – "в заводскую службу" в различные подразделения

Воткинского завода. Лучшие выпускники имели возможность поступать в окружное училище. Горнозаводская школа продолжала давать начальное образование детям рабочих и в дальнейшем, но с 1879 г. уже в рамках системы начальных школ Министерства народного просвещения, полностью утратив профессионально-техническую направленность.

В женском двухклассном начальном училище, рассчитанном на обучение 50 учениц преимущественно из семей мелких чиновников, унтершхтмейстеров и мастеров, в пореформенный период обучались в основном дети мастеровых и "нижних чинов". Программа женского училища лишь незначительно отличалась от программы горнозаводской школы: вместо линейного рисования девочки обучались рукоделию и ведению домашнего хозяйства. В 1879 г. оно было преобразовано в одноклассное и передано в Министерство народного просвещения.

Высшей ступенью в системе учебных заведений Камско-Воткинского горного округа стало Воткинское окружное училище, открытое 1 августа 1848 г. Оно состояло из двух классов с двухлетним курсом обучения в каждом и предназначалось для детей нижних чинов, мастеровых, чиновников горного ведомства, успешно окончивших горнозаводскую школу или начальные училища и достигших 15-летнего возраста. Его выпускники становились служащими завода в качестве писцов, чертежников, канцеляристов и т. д. Наиболее подготовленные и способные из них направлялись от Воткинского завода в Уральское горное училище в Екатеринбург для дальнейшего обучения или практики. Благодаря усилиям первого смотрителя Воткинского окружного училища М. В. Блинова, учебный процесс зависел от характера заводских работ и требований расширявшегося заводского производства. Ежегодно в нем обучались от 30 до 50 человек. В первом классе преподавали чтение, письмо, арифметику, географию, во втором – Закон Божий, русский язык, арифметику, причем занимались "ре-

шением практических задач по горнозаводскому делу", а также алгебре, геометрии, географии и минералогии (наглядное изучение минералов и руд), в обоих классах – чистописание, черчение и рисование. Кроме того, ученики второго класса занимались "письмом под диктовку с печатных книг и списыванием копий с канцелярских бумаг" Обязательным для всех было изучение счетоводства, устройства заводских машин, механизмов и объяснение действия их моделей, а также обучение ремеслам: столярному, слесарному и кузнечному под руководством опытных мастеров. Практические занятия проводились в мастерских и цехах завода. В училище были устроены библиотека и музей. В начале 1850-х гг. основные предметы преподавал М. В. Блинов – выпускник физико-математического факультета Казанского университета, хранителем библиотеки и музея был А. Семенов, окончивший Горный институт. Остальные учителя получили образование в горнозаводской школе или окружном училище.

С переводом М. В. Блинова в октябре 1852 г. в Уральское горное училище программа Воткинского окружного училища постепенно начала терять профессиональную направленность. Вследствие уменьшилось и число выпускников, направлявшихся в Уральское горное училище. К концу 1870-х гг. по направлению Воткинского завода в Екатеринбург их обучались лишь единицы. В 1879 г. в ходе очередной реорганизации горнозаводских школ Урала Министерство государственных имуществ передало заводские учебные заведения в управление Министерству народного просвещения. Связь училища с заводом прервалась, постепенно исчезла и его профессионально-техническая ориентация. В 1903 г. Воткинское окружное училище было преобразовано в городское по Положению 1872 г.⁹⁹

В 1860-е гг. XIX в. в связи с началом проведения военных реформ и перевооружения армии резко возросла потребность в специалистах на оружейных заводах и в мастерских по ремонту оружия в войсках.

Приказ об учреждении в ведении Главного артиллерийского управления оружейных школ при Ижевском и Тульском оружейных заводах последовал 19 июля 1869 г. И в 1870 г. были открыты обе школы.

Ижевская оружейная школа была рассчитана на одновременное обучение 80 казеннокоштных учеников, 20 пенсионеров различных воинских частей и небольшого числа вольнослушателей. В школу принимались молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет. В основном в ней обучались дети крестьян и сельских обывателей Заречной и Нагорной волостей – рабочих и мастеров Ижевского оружейного завода. В первые годы деятельности школы предпочтение отдавалось выпускникам местного земского двухклассного училища, программа которого в некоторой степени приспособлялась к профилю оружейной школы, а впоследствии – выпускникам ремесленной школы. Преподавательский состав формировался из офицеров и чиновников оружейного завода, лучших заводских мастеров. Продолжительность обучения в оружейной школе составляла четыре года: трехлетний теоретический и практический курс завершался годом практических работ в цехах оружейного завода. В угоду узкопрофессиональной подготовке общеобразовательная часть программы (русский язык, арифметика, геометрия, черчение и рисование) была значительно сокращена. Практическим занятиям по столярному, токарному, слесарному и кузнечному ремеслам отводилось более 60 % учебного времени. В середине 1870-х гг. в программу был включен специальный предмет – история и теория ручного огнестрельного оружия. К концу третьего года обучения ученики должны были уметь изготавливать вручную и на станках инструменты и все основные детали и узлы систем стрелкового оружия, имевшегося на вооружении русской армии, освоить его сборку и отладку. Выпускники получали квалификацию оружейных мастеров 2-го разряда или подмастерьев. Мастера направлялись по назначению Главного артил-

лерийского управления в арсеналы и войсковые оружейные мастерские, где были обязаны прослужить четыре года. С конца XIX в. им присваивалось младшее офицерское звание⁷⁰

На рубеже веков стало ясно, что школьная программа, оставшаяся без изменений на протяжении 30 лет, устарела и над оружейными школами нависла угроза закрытия. В 1913 г. на общем собрании рабочие оружейного завода высказались за открытие среднего технического учебного заведения не в Туле, а в поселке Ижевского завода, отметив при этом, что с упразднением оружейной школы 45-тысячное население Ижевского завода лишилось бы единственного специального учебного заведения, в котором дети рабочих и мастеров получали техническое образование за счет казны. Заводское начальство не поддерживало стремление рабочих к усилению профессионально-технического образования. Статус оружейной школы оставался без изменения, и она продолжала свою деятельность на прежних основаниях. За период с 1870 г. по 1917 г. Ижевская оружейная школа подготовила более 900 оружейных мастеров и, таким образом, внесла определенный вклад в комплектование русской армии техническими кадрами⁷¹

Для детей рабочих существовала специальная заводская школа, находившаяся в ведении Главного артиллерийского управления. Помимо элементарной общеобразовательной подготовки, ученики школы получали представление об "основных заводских работах" и знакомились с заводской техникой. В 1867 г. с отменой крепостного права заводская школа была закрыта.

С переходом Ижевского завода в арендно-коммерческое управление был поднят вопрос об открытии на заводе ремесленной школы. Арендатор завода полковник А. Бильдерлинг возлагал определенные надежды на ремесленную школу как на один из главных каналов подготовки квалифицированных рабочих на заводе. Заручившись поддержкой петербургского заводоладель-

ца Л. Нобеля и профессора Е. Н. Андреева, при содействии комиссии по техническому образованию Русского технического общества, А. Бильдерлинг на совещании инженеров и чиновников завода выработал Положение о школе. Ремесленная школа учреждалась для детей рабочих в целях их общего образования и специальной подготовки из них будущих мастеров для завода⁷²

В ремесленной школе было заинтересовано и население Ижевского завода. Желание поступить в школу, по предварительным данным, выразили 772 мальчика школьного возраста – все дети рабочих и мастеров 12 основных цехов завода. В марте 1876 г. был определен количественный состав школы в 120 человек. Таким образом, более 600 детей рабочих сразу же оказывались вне сферы профессионально-технического образования.

Ремесленная школа была открыта 16 августа 1876 г. на средства арендатора завода и однопроцентные вычеты из жалования рабочих и служащих⁷³ и работала по программе, приближенной к программе школ Русского технического общества. В учебные планы были включены Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, физика, география, история, рисование и черчение. В течение трех лет ученики получали общеобразовательную подготовку и приобретали навыки в обращении с рабочим инструментом, четвертый год отводился практике в цехах и мастерских завода. По окончании четвертого класса часть учеников оставалась в школе и в течение еще двух лет детально знакомились со всеми заводскими работами. Из их числа чаще всего и назначались мастера, браковщики, чертежники, машинисты, надзиратели, конторщики и учителя для работы в этой же школе. Перед школой ставились три задачи: подготовка квалифицированных рабочих; развитие кустарно-ремесленного производства среди заводского населения; подготовка кандидатов к поступлению в оружейную школу. На этих же началах ремесленная школа продолжала действовать и при сле-

дующем арендаторе завода – капитане Стандершельде. При нем почти все выпускники направлялись на заводские работы.

С начала 1880-х гг. в связи с сокращением правительственных заказов на производство оружия наметился некоторый застой в производстве, отразившийся и в деятельности ремесленной школы. В 1884 г. завод вновь перешел в казенное управление. Капитал, проценты с которого шли на содержание школы, не увеличивался, и она временно была закрыта.

Повторное открытие ремесленной школы состоялось 3 декабря 1885 г., когда на заводе были размещены новые правительственные заказы. Вскоре был принят устав школы. Непосредственное заведование ремесленной школой возлагалось на начальника оружейной школы. Проценты с капиталов А. Бильдерлинга и Стандершельда составляли лишь 3 800 руб. в год. Сохранить профессионально-технический характер школы было возможно лишь при сокращении расходов на общеобразовательную подготовку, что и было сделано по указке Главного артиллерийского управления. Программа школы приобрела узкопрофессиональный характер. Обучавшиеся в ремесленной школе обязаны были знать все заводские ремесла и одним из них владеть в совершенстве. Кроме известных приемов работы, учеников знакомили с нововведениями и усовершенствованиями в этой области, «еще не проверенными заводской практикой», для того чтобы «при производстве опытов в мастерских имелся... контингент рабочих, уже имеющих понятие об этих усовершенствованиях и принципиально им не враждебных»⁷⁴. Значительная часть учеников выбывали из школы, овладев лишь элементарными профессиональными навыками, некоторые – с намерениями поступить в оружейную школу. Основной причиной массового отсева из школы являлась материальная необеспеченность родителей, вынужденных как можно скорее определять своих детей на заводские работы. К 1 января 1910 г. Ижевскую ремесленную школу

окончили 209 человек. Попытки ее преобразования в среднее техническое учебное заведение с двумя отделениями сельскохозяйственным и металлургическим (горнозаводским) в начале XX в. натолкнулись на жесткую позицию Главного артиллерийского управления. Решения объединенных сходов жителей Нагорной и Заречной волостей 1908, 1909 и 1910 гг. по усилению профессионально-технического образования, поддержанные Сарапульским уездным земством, не нашли понимания ни в Министерстве народного просвещения, ни в военном ведомстве. Школа продолжала свою деятельность до 1918 г.

Заметную роль в развитии профессионально-технического образования в крае и в подготовке кадров рабочих для местных промышленных предприятий сыграло Елабужское ремесленное училище. Оно было открыто 9 октября 1888 г. на базе частной мастерской, созданной по инициативе жителей города 19 февраля 1880 г. и содержавшейся на добровольные пожертвования и средства елабужских купцов Гирбасовых. В училище принимались дети мещан и крестьян Елабужского уезда. Оно было рассчитано на одновременное обучение 40 «штатных» учеников, находившихся на полном содержании училища, Елабужского земства, Стахеевского комитета или частных лиц. Ежегодно училище выпускало от 5 до 10 слесарей, столяров и кузнецов, которые направлялись преимущественно на Ижевский завод, в частные мастерские и на промышленные предприятия Перми. Оно было передано 1 октября 1899 г. в ведение Министерства народного просвещения и преобразовано в школу ремесленных учеников. В 1902 г. в школе был открыт четвертый практический класс, ученики которого выполняли земские и частные заказы. Значительно укрепилась материальная база благодаря пожертвованиям Гирбасовых и Стахеевых. В 1907 г. начала работать чугуно-меднолитная мастерская и в структуре школы появилось дополнительное литейное отделение. В два раза увеличилась числен-

ность учащихся. Успешной деятельности школы способствовал педагогический коллектив с довольно высокой профессионально-технической и педагогической подготовкой. До 1910 г. Елабужская ремесленная школа подготовила более 200 квалифицированных рабочих. Они распределились в качестве токарей и слесарей на винокуренные заводы Стахеевых в Елабужском уезде, на Ижевский завод и пермские заводы Любимова, масленщиками на пароходы и мельницы, чертежниками на Бондюжский завод и мастерами в частные мастерские Сарапула и Елабуги⁷⁵. Положение школы осталось без изменения вплоть до 1917 г.

Некоторое время с 1877 г. земская ремесленная школа с четырехлетней программой существовала в Малмыже. Для пансионеров – стипендиатов уездного земства – школа являлась закрытым учебным заведением, и по окончании они были обязаны в течение двух лет оставаться при ней, выполняя заказы по изготовлению земледельческих орудий, экипажей, мебели, сапожных и шорных изделий. До 1 января 1890 г. школа подготовила немногим более 50 ремесленников: слесарей, столяров, шорников, кузнецов-литейщиков⁷⁶.

В 1896 г. по решению волостного схода школа ремесленных учеников была открыта в поселке Камбарского завода. Необходимость в профессионально-техническом учебном заведении жители Камбарской волости обосновывали желанием совершенствовать кустарное производство, поскольку ухудшение качества изделий камбарских кустарей привело к снижению их конкурентоспособности на рынках Нижнего Новгорода, Твери, Уфы, Ирбита, Оренбурга, Омска, Тобольска и других городов. Школа была открыта в составе двух отделений – столярно-токарного и кузнечно-слесарного с трехлетним сроком обучения. Четвертый практический класс считался необязательным. В ней обучались уроженцы смежных уездов Вятской, Пермской и Уфимской губерний. С первых лет деятельность школы оказалась настолько успешной, что Мини-

стерство народного просвещения предложило командировать ее представителей на всемирную выставку 1900 г. в Париж по разряду ремесленных училищ и школ ремесленных учеников. Из 77 выпускников первых 9 выпусков только трое остались работать в своих хозяйствах в пределах Осинского уезда Пермской губернии, остальные поступили на работу в ремесленные мастерские, на заводы и фабрики Ижевска, Сарапула, Камбарки, Екатеринбург, Астрахани, на речной и железнодорожный транспорт. В годы первой мировой войны Камбарская школа была сориентирована на выполнение военных заказов, в ее мастерских ученики изготавливали кузнечно-слесарные и столярные инструменты для военных заводов⁷⁷.

В 1898 г. в Сарапуле была открыта низшая ремесленная школа им. Д. Г. Ижболдина, потомственного почетного гражданина города. Учрежденная на средства его наследников, она предназначалась для подготовки специалистов-кожевенников, способных «выяснять качество и пригодность дубильных экстрактов и материалов как иноземных, так и своих», и, таким образом, была призвана «удовлетворить острую потребность кожевенных промыслов Сарапульского уезда в мастерах с более современной подготовкой». Однако результаты ее деятельности в первые 15 лет оказались далекими от ожидаемых. Сказалось, прежде всего, отсутствие единой практически обоснованной программы для кожевенных школ этого типа. Полным провалом завершилась и попытка усиления профессионально-технической подготовки в школе, связанная с приглашением на должность заведующего «на один год в виде опыта» шведского заводоуправителя барона Флитвуда. Ревизия школы, произведенная по многочисленным жалобам в 1908 г., показала, что школа не имела даже простейших приспособлений для анализа материалов, ученики абсолютно не были знакомы со специальной литературой, Флитвуд не соответствовал своему назначению как препода-

даватель школы и как заведующий школьным учебным кожевенным заводом. Существенных сдвигов в деятельности школы не произошло и в последующие годы. С 1910 г. по 1913 г. было выпущено лишь 17 человек. Отсутствие специальной исследовательской лаборатории, абсолютное преобладание ручного труда на учебном заводе и в мастерской приводили к тому, что выпускники не могли самостоятельно поставить опыты по дублению сырья, не были знакомы с работой на машинах, используемых в кожевенном производстве. Вследствие этого хозяева кожевенных заводов Сарапула отдавали предпочтение иностранным специалистам. Выпускники школы поступали рабочими в земские сапожно-посадочные мастерские, мастерами в частные кожевенные и обувные мастерские и в небольшом количестве на частные кожевенные заводы Сибири. Все последующие попытки реорганизации школы, оборудования учебного завода машинами и механизмами в целях создания опытного центра для заводчиков и специалистов-кожевников Сарапула не увенчались успехом⁷⁸.

К концу XIX в. в поселке Воткинского завода было 9 учебных заведений различного типа с общим количеством учащихся немногим более 800. Этого было явно недостаточно для удовлетворения потребности 23-тысячного населения заводского поселка в самом элементарном образовании. По этой причине 48 % детей школьного возраста обречалось на неграмотность, окончившие эти школы не имели возможности продолжить образование, так как на заводе не было специального технического училища. В большинстве своем они поступали на заводские работы чернорабочими за 40-копеечную поденную плату. Большая часть мастеровых высказывалась за открытие на заводе ремесленного училища. В 1895 г. жители завода обратились в МНП с просьбой об открытии низшего технического училища. Сарапульская уездная земская управа в 1897 г. поддержала прошение, отметив при этом, что для удовлетворения

"потребностей завода в служащих и мастерах, контингент которых вербуются из местного населения, необходимо учреждение специального технического заведения, научная постановка которого соответствовала бы главным отраслям заводских производств... и местным условиям..." Необходимость открытия технического училища земство обосновывало и тем, что почти все специалисты Воткинского завода получили знания "единственно долголетней практикой" и отсутствие теоретической подготовки у таких мастеров "отражается весьма неблагоприятно при работах..." Уполномоченные от рабочих завода и крестьян Воткинской волости Н. Столбов, П. Чубуков, Н. Таланкин и С. Семов подали прошение об открытии низшего технического училища. В нем подчеркивалось, что рабочие "сознают необходимость технического образования". В 1905 г. по инициативе земцев состоялось совещание чиновников заводского округа, местных и сарапульских педагогов, представителей населения и рабочих. Совещание постановило "ввиду крайней необходимости" открыть на Воткинском заводе среднее техническое училище, которое должно было стать "рассадником технических знаний" и "уничтожить преграду надлежащего усовершенствования местной промышленности". Рабочие завода сами решили пожертвовать один процент своего заработка (почти 12 000 руб. в год) на строительство здания для училища.

Воткинское среднее механико-техническое училище было открыто в августе 1907 г. на местные средства земства и рабочих на правах частного учебного заведения в составе одного приготовительного класса. Приготовительные классы в средних механико-технических училищах не предусматривались, но в поселке Воткинского завода не было реальных училищ, ученики которых по окончании пятого класса получали право поступать в них, поэтому Министерство народного просвещения разрешило принимать в приготовительный класс выпускников городских училищ. В 1910 г.

училище получило права правительственного учебного заведения. На его содержание было ассигновано 15 915 руб. 50 коп., в том числе 10 000 руб. от уездного и губернского земств и 5 915 руб. 50 коп. от Министерства народного просвещения. С 1912 г. общая сумма составляла 21 941 руб. За право обучения в училище взималась ежегодная плата в размере 10 руб., а средняя стоимость обучения одного ученика в течение года составляла 134 руб. 46 коп.

В училище принимались юноши с первоначальным образованием в объеме не менее трех классов городского училища. Общая численность учеников в различные годы колебалась от 90 до 200 человек. Подавляющее большинство учащихся составляли выходцы из крестьян, мещан и сельских обывателей и только треть из них – уроженцы Воткинского завода. В приготовительном классе изучались общеобразовательные дисциплины. С первого класса большое внимание уделялось математике, механике, черчению и довольно значительное время отводилось на практические занятия в механических мастерских. В третьем и четвертом классах в основном изучали физику и электротехнику, устройство машин и механическое производство, практиковались в мастерских паровозного и механического цехов. По окончании третьего класса часть учеников поступали практикантами в различные подразделения завода. Училище располагало фундаментальной и ученической библиотеками, хорошо оборудованными физическим и естественноисторическим кабинетами. Ежегодно учащиеся старших классов совершали до сорока экскурсий на промышленные предприятия Вятской губернии. По окончании училища большая часть выпускников со званием техника по механической части направлялись на Воткинский завод и в частные мастерские. Отдельные выпускники по договору с уездной земской управой руководили земскими ремесленными мастерскими.

Педагогический коллектив механико-технического училища формировался из инже-

неров и служащих завода с высокой общеобразовательной и технической подготовкой. Продолжительное время со дня открытия училища его директором был кандидат естественных наук П. И. Ищерев, получивший образование в Санкт-Петербургском университете. Учителями в различные годы работали инженеры В. А. Семенов, Ч. Е. Гендриховский, Д. П. Карницкий, выпускники Горного института В. В. Казаринов и М. М. Иванов, Санкт-Петербургского политехнического института Д. Ф. Жигулев и Н. П. Журавлев, инженер-электрик Н. Ф. Соболевский, окончивший Московский университет и Санкт-Петербургский электротехнический институт, инженер-технолог П. И. Лаппа-Старженецкий, получивший образование в Санкт-Петербургском технологическом институте, и горнозаводской техник В. М. Мамушин после окончания среднего Уральского горного училища. Практические занятия в цехах вели технолог Л. М. Храмов, учившийся в Харьковском технологическом институте, и П. Н. Мамушин – горнозаводской техник, получивший специальное образование в среднем Уральском горном училище. Учителем-инспектором работал инспектор Воткинского городского училища П. М. Беляев – выпускник Казанского учительского института.

В предреволюционные годы Воткинское механико-техническое училище выпускало ежегодно 25–30 квалифицированных техников “по механической части”. По уровню профессиональной подготовки они считались одними из лучших в регионе⁷⁹.

Одной из форм ремесленного образования являлось обучение в ремесленных мастерских, ремесленных классах и отделениях при уездных, городских и сельских начальных училищах. Обучение ручному труду в учебных заведениях России началось со второй половины XIX в. В 1868 г. ручной труд преподавался в 8 учебных заведениях Министерства народного просвещения, в том числе в двух училищах Казанского учебного округа⁸⁰. В Вятской губернии идея преподавания ручного труда

в школах была подхвачена земством и начала реализовываться с конца 1860-х гг. В 1869 г. ремесленный класс был открыт при Сарапульском уездном училище. На съезде учителей Сарапульского уезда в 1871 г. было поддержано предложение о введении в мужских школах уезда обучения ремеслам, а в женских – рукоделию. В том же году Глазовское уездное земское собрание решило открыть ремесленные занятия при 4 школах уезда⁸¹.

Ремесленные классы и отделения при учебных заведениях могли функционировать только при условии, если не менее половины расходов на их содержание брали на себя земства, городские или сельские общества или частные лица. Специальных правил и системы обучения ремеслам в них во второй половине XIX в. не существовало. Обучение ограничивалось лишь практической выучкой, связь между общеобразовательной и ремесленной подготовкой не предусматривалась.

В 1872 г. ремесленные отделения существовали при Сарапульском и Малмыжском уездных училищах. Столярному и переплетному ремеслам в них обучались 25 учеников. В 1873 г. на средства земства был открыт дополнительный курс столярного и токарного ремесел в Уканской земской школе Глазовского уезда. В 1875 г. под руководством местного крестьянина им обучались 10 мальчиков. В этом же году Сарапульская земская управа ассигновала 100 руб. на устройство слесарного отделения при Ижевском двухклассном училище. В 1876 г. класс ручного труда открылся при Гольяномском одноклассном училище, в 1886 г. был создан класс сапожно-башмачного ремесла при Уватуклинском училище. Всего в Вятской губернии до 1890 г. ремесленные классы были открыты при 12 учебных заведениях, в том числе пять на территории края⁸².

Крестьянское население постепенно осознавало пользу подобных начинаний земства. В 1895 г. по приговору сельского общества ремесленный класс на 30 учеников был открыт при Юськинской земской

школе Глазовского уезда. Годом ранее класс столярного ремесла появился при Омутнинском начальном училище. Занятия с 39 учениками вел мастер, получивший образование на Верхосунской земской сельскохозяйственной ферме. Классы ручного труда были открыты в 1902 г. при Старозятцинском двухклассном училище, в 1904 г. – при Малмыжском русско-татарском училище. Многочисленный класс ручного труда существовал при Шарканском училище Сарапульского уезда. В 1902 г. в нем числилось 50 учеников. В 1904 г. на средства Министерства народного просвещения открылся ремесленный класс при Зуринском двухклассном училище Глазовского уезда, в котором ремеслам обучал специальный учитель, получивший подготовку в ремесленном отделении при Глазовском городском училище. Ремесленное отделение при Глазовском городском училище считалось образцовым с точки зрения преподавания ремесел. Отделение было открыто в 1899 г. с курсом в объеме программы низших ремесленных школ. Обучение столярно-токарному и кузнечно-слесарному ремеслам велось чисто практическим способом. Численность учащихся в нем к 1912 г. достигла 116 человек. К началу 1913 г. ремесленные классы и ремесленные отделения существовали при 8 учебных заведениях Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов. Более широкое распространение получили классы рукоделия для учениц начальных школ и училищ. Так, в 1902 г. рукоделие преподавалось в 30 школах Глазовского и в 28 школах Елабужского уездов⁸³.

Большую роль в распространении ремесленных знаний среди населения сыграло Сарапульское уездное земство. Если в 1881 г. его расходы на эти цели составили всего 240 руб., то в 1909 г. они возросли до 17 537 руб. К этому времени на земские средства в уезде содержалось 14 учебных ремесленных мастерских: 5 столярных, 3 ткацких, 3 сапожных, 2 портняжные и 1 столярно-кузнечная, а также 2 рукодельных

класса. На содержание каждой мастерской земство выделяло ежегодно по 750–800 руб. По типу учебные мастерские подразделялись: на постоянные – с более полной программой преподавания специальных и общеобразовательных предметов; постоянные, но с облегченной программой; подвижные, переводившиеся через каждые 5–6 лет из одного населенного пункта в другой по мере достижения поставленных перед ними целей. Постоянные мастерские имели трехлетний курс обучения, подвижные – двухлетний.

К первому типу учебных ремесленных мастерских относились Сарапульские ткацкая и столярно-кузнечная. Сарапульская ткацкая мастерская была открыта в 1893 г. по инициативе известной пропагандистки ремесленного образования Доливо-Добровольской, подготовившей в Вятке и первого мастера для нее – крестьянку д. Мельниково Сарапульского уезда А. Ф. Фофанову. В деятельности мастерской широко использовался опыт финских и эстонских ткачих, а также опыт Полтавской практической школы прядения и ткачества и Судажанской ткацкой мастерской. Обучались в основном крестьянки Сарапульского уезда в возрасте от 14 до 45 лет. К 1913 г. искусством ткачества овладели более 400 учениц. По окончании мастерской они получали звание ткачих-ремесленниц и ткачих-учительниц, часть из них впоследствии заводили собственное дело и становились "ткачихами-промышленницами"⁸⁴.

В Сарапульской столярно-кузнечной мастерской, открывшейся в 1901 г., обучались от 30 до 60 учеников. Ежедневная 6–8-часовая работа заканчивалась для них двухчасовыми занятиями в вечернем подготовительном классе по программе начальной школы⁸⁵.

Учебные ремесленные мастерские второго типа были открыты в селах Шаркане (1888 г.), Бызинове (1896 г.), Большой Пурге (1897 г.), Юськах (1898 г.), Киясове (1905 г.), Светлом (1907 г.), Юрине (1907 г.) и Нылге-Жикье (1908 г.). Каждая из них ежегодно

выпускала от 3 до 6 ремесленников, которые затем поступали на работу в частные мастерские Сарапула, Ижевского и Воткинского заводов, на частный завод сельскохозяйственных машин в Шаркане и лишь немногие из них открывали свои мастерские. Подвижные мастерские к 1909 г. располагались в Мостовом, Пурге, Козлове и Нижнем Лыпе. К 1914 г. постоянные учебные мастерские открылись в поселках Ижевского и Воткинского заводов, в Агрызе, Вольшевецком и общем количестве земских мастерских трех типов в Сарапульском уезде достигло 18 при 355 учащихся. Деятельность учебных мастерских Сарапульского земства получила высокую оценку на различных выставках. В частности, на Сарапульской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1907 г. и Казанской международной выставке 1909 г. высших наград по учебному отделу были удостоены обе Сарапульские, Шарканская, Бызиновская и Нылга-Жикинская учебные мастерские⁸⁶, но, как отмечали кустарные техники Сарапульского земства, они не могли удовлетворить потребность населения даже в элементарном ремесленном образовании. Более скромными были результаты деятельности земских учебных мастерских в других уездах. В Малмыжском уезде в 1912 г. действовало всего 6 учебных мастерских с 73 учащимися. В Глазовском уезде в 1915 г. было зафиксировано только 5 земских учебных мастерских⁸⁷.

В 1886 г. по инициативе Воткинской артели кустарных мастеров была открыта в поселке Воткинского завода школа кружевниц. Ее наставницей стала дочь руководителя артели А. Крянгина, получившая профессиональное образование в Петербургской Мариинской практической школе кружевниц и в течение двух лет практиковавшаяся в специальном рисовании в рисовальной школе барона Штиглица. В 1888 г. на основе малой школы А. Крянгиной Сарапульское земство открыло школу обучения плетению и рисованию кружев. Ежегодно в ней обу-

чалось до 60 учениц. Изделия кружевниц были отмечены медалями и похвальными листами промышленных и кустарных выставок в Казани и Петербурге. Наиболее способные ученицы продолжали образование в Мариинской практической школе и в рисовальных классах барона Штиглица. По возвращении занимались плетением кружев для сбыта на рынке, иногда получали места учительниц в школах кружевниц Вятской и соседних губерний. В 1912 г. школа кружевниц была преобразована в земскую учебную мастерскую. Ежегодно в ней обучались от 40 до 70 учениц. Большая их часть покидала мастерскую в течение полугода. Овладев техникой плетения простых кружев, ученицы предпочитали дальнейшему обучению плетение кружев на продажу.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. на территории Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов сформировалась довольно сложная система профессионально-технического образования, отразившая специфику социально-экономического развития края. Вершиной в становлении профессионально-технического образования в дореволюционной Удмуртии явилось Воткинское среднее механико-техническое училище.

Сельскохозяйственное образование. После отмены крепостного права с ростом капиталистического товарного производства сельское хозяйство России приобретало все более устойчивую ориентацию на рынок. Однако его раздробленность, преимущественно экстенсивные формы развития сильно сдерживали увеличение продуктивности сельскохозяйственного производства. В этих условиях все более настоятельной становилась необходимость применения и широкого распространения передовых способов ведения хозяйства, использования сельскохозяйственной техники, что, в свою очередь, требовало подготовки большого числа специалистов и повышения общего уровня сельскохозяйственных знаний населения.

Во второй половине XIX в. заметно увеличивается количество профессиональных сельскохозяйственных учебных заведений. С конца 1870-х – начала 1880-х гг. правительство стремится упорядочить деятельность учебных заведений этого профиля. В 1878 г. были изданы Положения и штаты земледельческого училища, заметно повлиявшие на развитие среднего сельскохозяйственного образования. В декабре 1883 г. получило утверждение Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах, согласно которому все учебные заведения этого типа подчинялись Министерству государственных имуществ. Новые школы могли быть учреждены с его разрешения земствами, обществами или частными лицами на средства учредителей и пособия правительства. По объему учебного курса низшие сельскохозяйственные школы подразделялись на школы первого и второго разрядов. Перед ними ставилась общая цель: "Распространение в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремеслам, преимущественно путем практических занятий"⁸⁸. Таким образом, сеть низших и средних сельскохозяйственных учебных заведений впервые в масштабе всей страны получила законодательное оформление. К концу XIX в. она включала средние сельскохозяйственные училища – земледельческие, землемерные, лесные, садоводства, сельскохозяйственно-технические и т. д., низшие сельскохозяйственные училища и школы, между которыми не было большого различия, а также сельскохозяйственные отделения и классы при общеобразовательных, преимущественно земских, школах. В дополнение к ним в ряде губерний получили распространение учебные отделения при земских сельскохозяйственных фермах, пасаках и периодические сельскохозяйственные курсы, организуемые по инициативе земства для учителей начальных школ и взрослого крестьянского населения.

С изданием в 1904 г. Положения о сельскохозяйственном образовании все профес-

сиональные учебные заведения этого профиля были объединены в систему, в рамках которой разграничивались на высшие, средние и низшие. В 1914 г. в России в системе сельскохозяйственного образования действовало 341 учебное заведение, в том числе 9 вузов, 18 средних училищ и 61 низшее, 74 низшие школы первого и 35 школ второго разряда, 60 практических школ⁸⁹.

Зарождение сельскохозяйственного образования в Вятской губернии было непосредственно связано с деятельностью земства. Уже на первых сессиях губернского и уездных земских собраний во второй половине 60-х гг. XIX в. передовые земцы, анализируя состояние основных отраслей сельского хозяйства, пришли к выводу о необходимости конкретных мер по распространению сельскохозяйственных знаний среди населения губернии. В 1869 г. губернское земство предложило учредить в каждом уезде губернии по две сельскохозяйственно-технические школы. Учителей специальных предметов для них планировалось готовить в губернской учительской семинарии сельскохозяйственного профиля. Эти предложения были реализованы лишь частично: в 1872 г. в Вятке было открыто земское училище для "распространения сельскохозяйственных и технических сведений и приготовления учителей" Глазовское, Елабужское, Малмыжское и Сарапульское уездные земства намеревались обучать в нем ежегодно по два своих пансионера. Вятское училище ежегодно выпускало от 12 до 15 учителей. Однако его деятельность оказалась непродолжительной: в 1880 г. оно было преобразовано в реальное училище, при этом сельскохозяйственная ферма и большая часть мастерских были ликвидированы. Сельскохозяйственно-технические школы в уездах не были открыты, поскольку земская инициатива не получила поддержки правительства и разработанный земством устав этих школ не был утвержден⁹⁰.

Периодические эпизоды, губительно отражавшиеся на народном благосостоянии, отсутствие квалифицированной ветери-

нарной помощи со стороны правительственных учреждений поставили перед земством задачу привлечения на земскую службу ветеринаров. К 1872 г. земству удалось привлечь 11 ветеринарных врачей – по одному на каждый уезд губернии. На них были возложены обязанности по подготовке ветеринарных фельдшеров. Такая практика подготовки ветеринаров низшей квалификации завершилась к 1880 г. и с этого времени вплоть до конца XIX в. ветеринарные фельдшеры набирались преимущественно из отставных военных ветеринаров, обладавших только практическими навыками и не имевших даже элементарной теоретической подготовки⁹¹.

С первых лет деятельности Вятское земство направляло своих стипендиатов в высшие учебные заведения страны. В 1871 г. в числе 29 стипендиатов губернского земства сельскохозяйственным специальностям обучались 10 человек. В том же году Сарапульское земство добивалось права держать в Москве в Земледельческом институте своего стипендиата в целях приготовления из него "ученого земледельца" для преподавания в сельскохозяйственной школе.

В 1870-е гг. ряд уездных земств Вятской губернии приступил к разработке проектов новых сельскохозяйственных школ. В 1878 г. Глазовское земство утвердило проект устава трехклассной начальной школы для распространения сельскохозяйственных и технических знаний. Однако в этот период проект так и не был реализован. Устав первой в Вятской губернии Нартасской низшей сельскохозяйственной школы для Уржумского уезда был утвержден в 1882 г.⁹²

В конце 1880-х гг. Глазовское земство вновь вернулось к проекту организации в уезде сельскохозяйственной школы, но только в 1893 г. при поддержке агрономической комиссии при губернской земской управе добилось разрешения на ее открытие. Низшая сельскохозяйственная школа I разряда была открыта 1 октября 1894 г. в двух верстах от с. Парзи на основе

законоположения 1883 г. Она разместилась на казенном участке в 466 дес. (из них 300 дес. под лесом) и содержалась на средства земства (около 9 000 руб.) и ежегодные правительственные пособия в 3 500 руб. С 1897 г. Парзинская (в последующие годы за ней закрепилось наименование Глазовская) сельскохозяйственная школа действовала в составе пяти классов по особому уставу, одобренному Ученым комитетом Министерства земледелия и государственных имуществ 13 марта 1896 г. Большую роль в становлении и деятельности Глазовской сельскохозяйственной школы сыграл ее первый заведующий П. С. Куприянов – уездный агроном, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии. Ему удалось создать крепкую материальную базу школы, завести обширную ферму, где разводили лошадей вятской и арденно-першеронской породы, крупный рогатый скот ярославской и швицкой породы, йоркширских свиней, романовских овец, оксфордских баранов, гусей, уток и индеек. Большая часть общеобразовательных предметов (русский язык, арифметика, география, естествознание, русская история, чистописание, черчение, пение, Закон Божий) преподавалась в двух первых приговорительных классах, а все специальные – в трех основных. На практических занятиях ученики осваивали прогрессивные приемы возделывания различных сортов овса, ячменя, пшеницы, льна, картофеля, гороха, проводили опыты с севооборотом и фосфорными удобрениями, осваивали ремесла. В хозяйстве школы были два огорода, плодоягодный питомник. Школьная библиотека пополнялась преимущественно учебной и сельскохозяйственной литературой. Ежегодно в школе обучались более 50 мальчиков из крестьян Глазовского и Малмыжского уездов, причем дети крестьян-удмуртов составляли до 40 % учащихся. Третья часть учеников обеспечивалась стипендиями Глазовского и Малмыжского земств⁹³.

В 1909 г. Глазовская школа была преобразована в низшее сельскохозяйственное

училище в составе двухгодичного приговорительного и трех специальных классов. Расходы на содержание училища возросли до 24 000 руб. в год, более 14 000 руб. в этой сумме составляли средства уездного земства. Увеличилась и численность учащихся. В 1914 г. в училище обучались 86 крестьянских детей из различных уездов Вятской и других губерний, 72 из них – на земские стипендии. В учебном процессе много времени уделялось практике. В период сенокоса и уборки урожая ученики третьего класса командировались в окрестные деревни в целях распространения среди крестьян опыта работы на косилках, жнейках, молотилках и сноповязалках, принадлежащих училищу. Широко применялась экскурсионная форма обучения. Учащиеся второго и третьего классов направлялись в Вятку, Пермь, Киев, Казань и другие города для ознакомления с деятельностью земских сельскохозяйственных заведений, заводов, фабрик, там же они экспонировали свои изделия на различных выставках. В выпускном классе учеников знакомили с элементарными сведениями по педагогике и психологии. Глазовская школа, а затем и училище подготовили в общей сложности около 170 специалистов низшей квалификации. Их выпускники поступали на государственную и частную службу по сельскохозяйственной части, работали в землеустроительной комиссии, лесными кондукторами, учителями, продолжали сельскохозяйственное образование⁹⁴.

В Малмыжском уезде 1 июля 1900 г. в имении П. И. и И. И. Александровых и на их средства была открыта Савальская низшая сельскохозяйственная школа I разряда. Перед школой была поставлена задача распространения в народе основных "познаний по сельскому хозяйству вообще и по полеводству, лесоводству, луговодству, огородничеству, садоводству, пчеловодству и ремеслам – плотничному и столярному, в частности" Александровы выделили для школы под усадьбу, учебный сад, огород, питомник, пашку и поле 15 дес.

земли, а также скот, орудия труда, сельскохозяйственные машины и часть своего недвижимого имущества. Ежегодно в ней обучалось около 50 учеников, более половины из них – на земские стипендии. В программе школы большое внимание уделялось общеобразовательной подготовке. П. И. Александров – активный деятель Вятского губернского земства – считал, что без общего образования, без поднятия культурного уровня крестьянского населения невозможно плодотворное распространение специальных знаний. В качестве одной из основных дисциплин выделялся курс ветеринарии. До 1916 г. Савальскую школу окончили 112 человек. Ее выпускники находились на должностях земских сельскохозяйственных старост, служили учителями, священниками, садовниками, конторщиками, писцами, чертежниками, управляющими и приказчиками в имениях, приказчиками на земских сельскохозяйственных складах, лесничими.

Крестьяне, остро чувствуя потребность в специальном образовании, сами выступали инициаторами устройства сельскохозяйственных учебных заведений. Так, в 1899 г. доверенный от крестьян с. Новые Зятцы Малмыжского уезда И. Боровиков направил в адрес Министерства земледелия и государственных имуществ прошение об открытии в селе сельскохозяйственной школы. Крестьяне готовы были выделить 5 дес. лучшей земли и построить здание для школы. Однако в этой просьбе им было отказано. В 1900 г. в телеграмме в адрес Министерства земледелия и государственных имуществ крестьяне вновь изложили свою просьбу, мотивируя ее тем, что местное русское и удмуртское население остро нуждается в земледельческих и ремесленных знаниях, но вновь, как и прежде, был получен отрицательный ответ. Запросы крестьян в отдел Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию в 1904, 1908 и 1911 гг. также не были удовлетворены⁶⁵.

С планами открытия среднего сельскохозяйственного училища в 1906 г. выступи-

ло Сарапульское уездное земство. Уездная управа рассчитывала на капиталы купца Г. П. Солодовникова, завещанные им в качестве пожертвования на устройство в течение 20 лет, начиная с 1901 г., женских общеобразовательных училищ и профессиональных школ в Вологодской, Архангельской, Вятской, Тверской губерниях и в г. Серпухове. Училище должно было готовить специалистов для южных районов Вятской губернии. Его открытие планировалось с 1914 г. Специально для Сарапульского уезда земцы надеялись открыть в этом же году школу домоводства и домостроительства. Начавшаяся война разрушила планы земства.

Предположительно в 1911–1912 гг. в Малмыжском уезде начала действовать Сюмсинская низшая лесная школа, находившаяся в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. С 1912 г. школой руководил лесничий К. М. Подлесский.

Некоторое распространение в Удмуртии получила и такая форма сельскохозяйственного образования, как сельскохозяйственные отделения при начальных школах. Еще в конце XIX в. Вятское губернское земство просило Министерство государственных имуществ и департамент уделов наделить наиболее крупные сельские начальные школы и училища участками земли в 10–15 дес. В 1902 г. Вятский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности предложил включить курс сельскохозяйственных знаний в программы начальных школ. В этом же году было решено организовать сельскохозяйственные занятия при Новозятчинской, Малорожкинской и Большекильмезской школах Малмыжского уезда. Сарапульский уездный комитет поставил вопрос о выделении земским и церковноприходским школам пособий на устройство при них садов и огородов. Сарапульские земцы в 1906 г. открыли двухгодичное сельскохозяйственное отделение при земской школе в с. Арзамасцеве, в 1907 г. – при земских училищах в селах Колесникове и Большой

Пурге. В сельскохозяйственном отделе, открытом при Шарканском земском училище в 1909 г., обучались 23 мальчика. Несмотря на меры, предпринимаемые земством и правительством, эта форма сельскохозяйственного образования вследствие неразвитости материально-технической базы народной школы, отсутствия единых программ по сельскому хозяйству, недостатка подготовленных учителей не получила широкого распространения.

Одной из форм подготовки квалифицированных специалистов и распространения сельскохозяйственных знаний среди населения являлись земские сельскохозяйственные фермы. В Вятской губернии они появились в конце 80-х гг. XIX в. К 1903 г. насчитывалось 7 ферм. В Казанской губернии к этому времени была открыта одна земская ферма, по две фермы в Костромской и Вологодской губерниях. Учебные отделения функционировали при трех земских фермах: Верхосунской – в Глазовском уезде; Асановской – в Елабужском; Окуневской – в Уржумском. Перед фермами с учебными отделениями ставились три задачи: служить образцом для крестьянских хозяйств в деле рационального ведения хозяйства; быть теоретической школой сельского хозяйства для крестьянских мальчиков-подростков; превратиться в уездные центры по опытной работе, распространению удобрений, сельскохозяйственных машин.

Верхосунская земская учебная ферма была открыта в 1891 г. В разное время ее деятельностью руководили Э. А. Дидрихль, Н. Д. Федоров и А. П. Праздников. К 1904 г. ферма имела 229 дес. земли, в том числе 78 дес., отведенных под четырех-, восьми- и девятипольный севообороты, ряд сложных сельскохозяйственных машин, более двух десятков голов крупного рогатого скота холмогорской и ярославской породы, овец романовской породы, йоркширских свиней и 11 лошадей. Ферма продавала окрестным крестьянам отборные семена ржи, пшеницы, гороха, вики, льна,

овса, сельскохозяйственные орудия труда, молодняк крупного рогатого скота, пропагандировала многопольные севообороты, применение фосфорных удобрений. В кузнечно-слесарно-литейной мастерской на ферме ремонтировались все типы сельскохозяйственных машин и орудий для крестьян Глазовского, Нолинского и Слободского уездов. В учебном отделении ежегодно обучалось от 18 до 32 крестьянских детей. В первом его классе преподавались в основном общеобразовательные предметы – русский язык, арифметика, геометрия, история и география, во втором классе к ним добавлялись ботаника, основы химии, огородничество, в третьем классе изучались исключительно специальные предметы, в том числе общее и частное земледелие и скотоводство. К 1906 г. Верхосунская земская учебная ферма подготовила около 70 специалистов. В 1906 г. учебное отделение на ферме было закрыто и все ученики были переведены на Асановскую земскую учебную ферму⁹⁶.

Вторая земская учебная сельскохозяйственная ферма на территории Удмуртии была открыта 15 сентября 1897 г. в 4 верстах от с. Асанова Елабужского уезда. Она располагалась на лесном участке в 100 дес., выкупленном земством из Алнашской лесной дачи и переданном ферме в бесплатное пользование. Асановская ферма должна была служить образцом для крестьянских хозяйств лесной части Елабужского, Сарапульского и Малмыжского уездов. При ферме были разбиты сад, огород и питомник. Ферма продавала окрестным крестьянам молодняк швицко-альгауского скота, овец романовской породы, овощи, ремесленные изделия, пропагандировала многопольные севообороты, производила бесплатную сортировку крестьянского зерна. Образовательная программа трехлетнего курса обучения практически соответствовала программе низшей сельскохозяйственной школы. На Асановской ферме специальное образование получили около 90 человек. В 1910 г. ферма была

закрыта. Земство, стремясь сохранить один из немногих в губернии центров сельскохозяйственного образования, согласилось на ее преобразование. На основе земской фермы была открыта Асановская низшая женская сельскохозяйственно-домоводческая школа I разряда. Она находилась в ведении Министерства земледелия и действовала в составе трех классов. Ежегодно в школе обучалось от 40 до 80 учениц, часть из них содержалась на тридцатирублевые стипендии Сарапульского земства. За первые шесть лет своей деятельности под руководством Е. И. Клеменчик школа выпустила около 50 специалистов по садоводству, огородничеству и молочному животноводству⁹⁷.

Глазовское, Елабужское, Малмыжское и Сарапульское земства обучали своих стипендиатов в Нартасской низшей сельскохозяйственной школе Уржумского уезда, в Вятском среднем сельскохозяйственном техническом училище, в Вятской и Казанской ветеринарно-фельдшерских школах. Стипендиаты губернского земства от этих уездов обучались в высших сельскохозяйственных учебных заведениях страны и на высших сельскохозяйственных курсах в Петербурге.

Определенную роль в распространении сельскохозяйственных знаний среди населения и в развитии пчеловодства в Удмуртии сыграли земские учебные пасеки. В 1892 г. учебная пасека открылась в с. Умяк Елабужского уезда. На ней под руководством известного вятского пчеловода С. К. Красноперова занимались пчеловоды ряда уездов Вятской губернии. Крестьяне Глазовского, Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов практиковались также на Вятской учебной пасеке, открывшейся в 1893 г. Постоянные двух-, трех- и восьмимесячные курсы пчеловодов проводились при пчеловодном складе губернского земства, учредившего по одной стипендии на каждый уезд. Известностью и большим авторитетом пользовалась Юськинская учебная пасека Сарапульского уездного земства,

открытая в 1897 г. При ней ежегодно проводились шестимесячные курсы, которые к 1910 г. окончили более 100 человек. Учебное дело на Юськинской пасеке было поставлено настолько хорошо, что в 1909 г. она была отмечена премией и медалью Русского общества пчеловодов. Широко были известны и шестимесячные курсы при Ижевской земской учебной пасеке. Ежегодно на них обучались до 30 человек. Краткосрочные курсы по пчеловодству организовывались и при некоторых земских школах. Так, в 1913 г. десятидневные курсы были проведены для 60 слушателей в Петропавловском земском училище. На следующий год курсы для пчеловодов планировалось провести в селах Галанове, Июльском и Мостовом. Курсы по пчеловодству устраивались на пасеке Товарищества Ушкова и К^о в Елабужском уезде, на пасеке Верхосунской земской фермы, при Уканском и Пудемском обществах пчеловодов в Глазовском уезде и т. д.⁹⁸

С конца 1880-х гг. губернское земство практиковало командировки народных учителей на различные сельскохозяйственные курсы за пределы губернии. В 1891 г. на земской службе в Елабужском уезде состояли первые три учителя, получившие таким образом право читать лекции и вести практические занятия по сельскому хозяйству. На следующий год на курсах при Казанском земледельческом институте в числе 90 учителей Нижегородской, Казанской, Симбирской и Пермской губерний присутствовали и 10 учителей из Вятской губернии: по два из Малмыжского, Уржумского и Яранского и по одному из Котельнического, Глазовского, Нолинского и Орловского уездов.

Первые опыты убедили в необходимости проведения сельскохозяйственных курсов для учителей внутри губернии. В 1893 г. курсы были проведены для учителей при Вятской земской сельскохозяйственной ферме. Явились 100 человек, в том числе 14 из Сарапульского уезда, 6 из Глазовского и несколько человек из Елабужского и Мал-

мыжского. Для слушателей была предложена довольно насыщенная программа, включавшая ботанику (морфология, физиология, систематика), агрономию (краткие начала общего и частного земледелия), теоретическое и практическое лесоводство, растениеводство и методы борьбы с болезнями растений, огородничество, садоводство и пчеловодство. Курсы при Вятской земской ферме стали ежегодными. В 1900 г. планировалось провести курсы на Верхосунской и Асановской земских учебных фермах. В последующие несколько лет сельскохозяйственные курсы для учителей устраивались лишь время от времени. В дальнейшем земство предпочло проводить сельскохозяйственные курсы для взрослых крестьян. В 1913 г. заявку на проведение таких курсов сделало Ижевское сельское общество. В 1915 г. с большим успехом прошли курсы в Сосновке Сарапульского уезда. Программа курса включала 114 часов теоретических и 128 часов практических занятий. Для 45 слушателей в возрасте от 17 до 43 лет земские агрономы К. Е. Гаврилов, А. К. Козлов, В. Я. Дембовский, С. С. Прозоров и инструктор по льнообработке Ч. Ф. Соболевский предложили следующие разделы: химия, ботаника, геология, почвоведение, травосеяние, луговоеводство, лесоводство, льноводство, скотоводство, организация хозяйства, кооперация. Крестьяне высказали желание сделать курсы постоянными, с более обширной программой, особенно по разделам ветеринарии и кооперации. Сосновские курсы наглядно показали, что при умелой организации эта форма сельскохозяйственного просвещения может принести большую пользу. В августе – сентябре 1915 г. в с. Нылга – центре западного льноводческого района Сарапульского уезда – под руководством Ч. Ф. Соболевского в помещении чайной попечительства о народной трезвости были организованы курсы по льноводству. Цель курсов заключалась в том, чтобы «дать крестьянам вполне законченный цикл знаний по льноводству, привить

им навыки в приемах рациональной обработки льна»⁹⁹

В конце XIX – начале XX в. земство использовало и такую форму распространения сельскохозяйственных знаний, как чтения и беседы. Их проводили, как правило, агрономы, ветеринарные врачи и фельдшеры, учителя, сельскохозяйственные старосты. В 1903 г. сельскохозяйственные чтения состоялись на Верхосунской и Асановской земских учебных фермах. На следующий год чтения предполагалось провести при волостном правлении в с. Юськи Глазовского уезда. Организовать чтения пожелали в правлениях Юсовской и Гыинской волостей того же уезда. Чтения прошли и в некоторых волостях Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов. После правительственного Указа о временных правилах о публичных собраниях 1906 г. право устраивать чтения получили лишь уездные агрономы и заведующие земскими фермами. В 1912 г. уездные агрономы провели чтения и беседы в 36 населенных пунктах Глазовского уезда. Агрономы Сарапульского уезда в 1914–1915 гг. провели чтения в 24 населенных пунктах 11 волостей и собрали на них более 1 000 слушателей¹⁰⁰

В конце XIX – начале XX в. в Удмуртии сложилась система сельскохозяйственного образования, включавшая Глазовскую (Парзинскую) и Савальскую низшие сельскохозяйственные школы, Верхосунскую и Асановскую земские сельскохозяйственные фермы с учебными отделениями, сельскохозяйственные отделения и классы при некоторых начальных, преимущественно земских, школах и училищах. Заметную роль в распространении сельскохозяйственных знаний среди населения сыграли различные сельскохозяйственные курсы и чтения, проводимые по инициативе земства. В предреволюционный период были открыты Сюмсинская лесная школа и Асановская женская низшая сельскохозяйственно-домоводческая школа I разряда. Во всех сельскохозяйственных учебных заведениях преобладали практические формы обу-

чения. В их деятельности постепенно проявлялась направленность на специализацию сельскохозяйственного образования. Низшие сельскохозяйственные учебные заведения и учебные отделения при земских фермах в дореволюционный период в общей сложности подготовили около 500 специалистов низшей квалификации.

Наука

Значительный рост техники, наличие в Удмуртии крупных промышленных предприятий металлургии, машиностроения, химической промышленности, возникновение и развитие новых отраслей и развертывание железнодорожного строительства способствовали более широкому и повсеместному распространению научно-технических знаний. Научными трудами, экспериментальными и опытными работами А. Ф. Дерябина (1770–1820 гг.), Л. Ф. Сабакина (1746–1813 гг.), С. И. Бадаева (1778–1847 гг.), П. П. Аносова (1797–1851 гг.), П. М. Обухова (1820–1869 гг.) и других специалистов горного дела, металлургии и промышленности в целом были заложены важные предпосылки для дальнейшего развития научно-технической мысли и практического решения технических проблем в крае во второй половине XIX – начале XX в.¹⁰¹

Важным средством распространения научно-технических знаний стали различные сборники, журналы и другие отраслевые издания, которые выписывались и посылались на периферию. Материалы о развитии отдельных отраслей и предприятий Удмуртии в конце XIX – начале XX в. помещались в "Горном журнале", в "Трудах Вятской ученой архивной комиссии" и других центральных и региональных периодических изданиях. В некоторых из них нередко публиковались также переводные статьи известных иностранных ученых-металлургов, механиков, химиков и других специалистов. На крупных предприятиях в этот

период создавались группы из инженеров, которые готовили рефераты и проводили обзоры из зарубежных и отечественных технических изданий. На предприятиях налаживался обмен результатами опытов, чертежами и другими материалами.

Необходимость распространения технической мысли особенно актуализируется в связи с внедрением на промышленных предприятиях новых производств. В Воткинске, например, такими стали судостроение, затем паровозостроение, мостостроение, изготовление сельскохозяйственных орудий, освоение прокатного производства. Предприятия закупали современное оборудование. Уровень оснащенности некоторых казенных и частных предприятий Удмуртии был достаточно высоким. Академик В. П. Безобразов, побывавший здесь в 1867 г., отмечал: "...техника на Воткинском заводе доведена до европейского совершенства... он имеет большое значение вследствие своих заводских сооружений и совершенства технических производств, ставящих его в этом отношении, бесспорно, на первое место между всеми казенными заводами Урала"¹⁰².

Развитие техники и промышленного хозяйства Удмуртии опиралось как на достижения отечественной технической науки, так в определенной мере и на зарубежную материальную базу и научно-техническую мысль. Ведущие предприятия в рассматриваемый период старались внедрять и использовать некоторые иностранные технологии. На Ижевском сталелитейном и оружейном заводах распространяется контазский (французский) способ изготовления железа. Здесь же в 1863 г. опыты по отливке тигельной стали провел И. Брюно. В 1880-е гг. на предприятии вступает в строй сталелитейная печь Мартена. При реконструкции Ижевских заводов в этот период широко использовались технологии и оборудование с машиностроительного завода Л. Нобеля из Санкт-Петербурга. Ценные технические соображения известного предпринимателя также получали поддержку на

предприятиях¹⁰³ Не прекращалось изучение и освоение современного отечественного и зарубежного технического опыта, внедрялись новые технологии и приемы получения металла на Воткинском железодельном заводе. В 1863 г. здесь вводится метод английского изобретателя-металлурга Г. Бессемера по изготовлению стали. Через некоторое время бессемерование уступает свое место более передовому мартеновскому способу. Изобретения иностранцев Г. Бессемера и П. Мартена, достаточно широко использовавшиеся на российских предприятиях, внесли "...решающий переворот в технике передела чугуна в сталь или железо..." обеспечили "...гигантский прогресс в черной металлургии"¹⁰⁴ Ряд технических и технологических новшеств появляется на других предприятиях края. На Бондюжском химическом заводе производство соды осуществлялось по способу французского химика Н. Леблана. В конечном итоге из суммы этих используемых нововведений складывался прогресс промышленного производства. Были также налажены контакты с некоторыми иностранными фирмами, которые посылали сюда техническую документацию, каталоги и проспекты на выпускаемую продукцию.

Одной из характерных особенностей развития науки являлось стремление связать ее с практическими потребностями промышленного и аграрного хозяйства Удмуртии, выявлением экономического потенциала и естественных природных ресурсов. В конце XIX – начале XX в. продолжают работы по выявлению, изучению и использованию местных природных богатств, новых сырьевых источников и энергетических ресурсов. Обращается внимание на ввод в хозяйственный оборот в аграрном секторе и использование в промышленном производстве такого ценного источника, как торф. В 1894–1895 гг. на торфяных залежах около Воткинского было добыто 15 820 куб. м торфяного топлива для опытного сжигания на Воткинском заводе¹⁰⁵ Изучаются

возможности наиболее полного использования и других ресурсов края.

Основными центрами сосредоточения научно-исследовательской мысли являлись города и крупные заводские поселки, отдельные села. Местные деятели науки и техники устанавливали и поддерживали связи с учебными заведениями Вятки, Перми, университетами Казани, Москвы, Петербурга. Они сотрудничали с техническими обществами, Вольным экономическим обществом, Русским географическим обществом.

На крупных предприятиях Удмуртии работали специалисты, имеющие хорошую техническую подготовку. Некоторые из них побывали за границей и прошли там курс обучения. Полученные знания они старались применять с пользой для производства. После окончания в 1877 г. Горного института в Петербурге на Воткинский завод поступил на работу Н. Г. Славянов (1854–1897 гг.). Он внес большой вклад в строительство механических цехов и оборудование завода. Осуществление ряда мероприятий по разработанному им плану реконструкции позволило поднять производство на более высокий уровень. Н. Г. Славянов впервые использовал сварочный генератор постоянного тока, предложил способ горячей сварки металлическим электродом с предварительным подогревом изделий¹⁰⁶

Заметные сдвиги во второй половине XIX в. были достигнуты в сфере вооружения. Стремясь преодолеть техническую отсталость России, особенно отчетливо проявившуюся во время Крымской войны, военное ведомство предпринимало широкие мероприятия в этом направлении. Во многом новые перемены были связаны с реализацией научно-технических решений, выдвинутых специалистами, окончившими Инженерную и Артиллерийскую академии. При этом некоторые их труды выходили далеко за рамки военного дела и обогатили отечественную научно-техническую мысль. На Ижевском оружейном заводе все более широко внедрялось машинное производство стрелкового оружия взамен старой,

преимущественно ручной, обработки изделий. В 1867 г. здесь начали выпускать первые нарезные шестилинейные ружья, заряжающиеся не с дула, а с казенной части, с 1874 г. завод стал изготавливать новые 4-линейные ружья системы Бердана¹⁰⁷. На Ижевском сталелитейном и оружейном заводе большую известность получил А. М. Соловьев. С 1879 г. он заведовал мартемом, кроме этого, занимался изучением руд, экспериментами по производству "зеркального" чугуна и введению бессемеровского передела чугуна, состоял членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ)¹⁰⁸. Его коллега инженер А. Г. Дубницкий в 1898 г. сконструировал аппарат для микрофотографирования структуры металла. Его модель была представлена на всемирной выставке 1900 г. в Париже. А. Г. Дубницкий занимался также созданием быстрорежущей стали, получившей название "Ижевскрапид"¹⁰⁹. Среди видных деятелей научно-технической мысли в этот период следует отметить В. Е. Богдановскую (1867–1896 гг.). Она получила прекрасное образование на высших женских курсах в Петербурге и в Женевском университете, приобрела опыт работы в химических лабораториях Петербургской Медико-хирургической академии и Российской Академии наук. В октябре 1895 г. В. Е. Богдановская приехала в поселок Ижевского завода, на место службы мужа. Здесь она продолжала свои опыты, обратилась к выяснению ряда особенностей восстановительных реакций над дибензилкетонем в присутствии фосфора.

Большой вклад в отечественную науку внес энтомолог Л. К. Круликовский (1865–1920 гг.). Он окончил Сарапульское реальное училище, а затем естественно-историческое отделение физико-математического факультета Казанского университета (1888 г.). Ученый опубликовал многочисленные научные статьи по чешуекрылым разных регионов России. В 1909 г. был издан капитальный труд Л. К. Круликовского о фауне бабочек "Чешуекрылые Вятской губернии". Всего им было выявлено в

фауне губернии 1 395 видов чешуекрылых. Кроме этого, он занимался изучением рыб, фауны моллюсков, амфибий и рептилий. Л. К. Круликовский поддерживал связи с российскими и иностранными учеными-фаунистами, был членом ряда отечественных и западно-европейских научных обществ. Другой видный уроженец Сарапула А. П. Ильинский (1888–1945 гг.) окончил в 1912 г. Петербургский университет, участвовал в различных экспедициях, в 1910–1911 гг. по заданию Петербургского общества естествоиспытателей выполнял флористические и геоботанические исследования в Сарапульском и Елабужском уездах Вятской губернии¹¹⁰. Удмуртия дала отечественной науке немало других известных ученых. Однако большинство будущих выдающихся деятелей техники и естествознания – уроженцы Удмуртии В. Г. Имшенецкий (1832–1892 гг.), П. И. Кротов (1852–1914 гг.), М. Ф. Перескоков (1888–1929 гг.) – из-за отсутствия стационарных специализированных научно-исследовательских центров и невозможности проведения здесь своих работ выезжали за пределы края. Они сосредотачивались и работали в научных и университетских центрах Москвы, Петербурга, Казани, Харькова и др., где начиналась научная, исследовательская и преподавательская деятельность большинства выходцев из нашего края. Некоторые из них приезжали в Удмуртию для сбора материалов и включали в последующем их в свои научные исследования.

Связи с нашим краем поддерживал российский химик Д. И. Менделеев (1834–1907 гг.). В 1880-е гг. он производил опыты по получению бездымного пороха на Бондюжском химическом заводе и в 1890–1891 гг. предложил способ его получения¹¹¹. Д. И. Менделеев был страстным приверженцем изучения и промышленного использования естественных богатств страны, горячим сторонником развития ее производительных сил, разрабатывал проекты промышленного использования ресурсов Урала.

Вместе с тем уже в этот период, наряду с успехами в развертывании технического прогресса, отмечаются и его отрицательные последствия на среду обитания. В печати, в частности, появляются материалы о нарушении экологии в крае. Значительный урон наносило природе и населению химическое производство. Так, газета "Вятская речь" в июле 1910 г. отмечала, что Бондюжский химический завод "...выбрасывает массу окислов азота в окружающую атмосферу", спускает отработанные кислоты и отвалы в р. Тойму, отчего ее берега покрыты ржавчиной и "...рыба начинаетдохнуть, и громадные лещи всплывают на поверхность вод"¹². Этой некачественной водой пользовались местные крестьяне не только для полива своих огородов, но и для скота.

Таким образом, наличие в крае крупных промышленных предприятий металлургии, машиностроения, химической и стекольной промышленности во многом определяло развитие научно-технических знаний. Вместе с тем отсутствие стационарных научных и высших образовательных центров препятствовало сосредоточению здесь значительных научно-исследовательских кадров. Наиболее крупные деятели науки и техники были в основном заняты в промышленном секторе. Свидетельством высокого развития рабочего мастерства, научной и инженерно-технической мысли стала высокая оценка, полученная отдельными видами продукции предприятий Удмуртии на всемирных и международных выставках во второй половине XIX – начале XX в.

Развитие капитализма, интенсивное освоение края обусловили дальнейшее более разностороннее исследование как местных природных условий, так и общественных отношений. Появились лучшие, чем прежде, возможности для научных поисков и публикации трудов. Возникло значительное количество исследований по истории, этнографии, культуре и языку.

При изучении древностей начали применяться археологические раскопки. Большая заслуга в этом принадлежит препо-

давателю Вятской гимназии А. А. Спицыну. В 1880–1890-е гг. он собирал сведения о древностях Прикамья, обследовал многие памятники бассейнов Вятки, Пижмы, Чепцы и средней Камы, раскопал 218 погребений на Зуевском и 40 захоронений на Ныргындинских могильниках, проводил исследования на Иднакаре, Сабанчикаре, Вессьякаре, Кушманском, Маловенижском городищах и могильнике Чемшай. Результатом изысканий стали работы: "Приуральский край" (1893), "К истории вятских инородцев" (1888), "Вещественные памятники древних обитателей Вятского края" (1889), в которых А. А. Спицын описал особенности административного устройства, землевладения и податного положения населения Вятской земли в XV–XVII вв., разработал хронологию и периодизацию археологических памятников, впервые сделал вывод о формировании удмуртского народа в глубокой древности на территории Камско-Вятского междуречья, а происхождение названия Вятки связывал с именем удмуртского племени Ватка.

Среди дореволюционных исследователей, изучавших историю и культуру удмуртов, следует отметить и Г. Н. Потанина. Во время экспедиции летом 1881 г. по Елабужскому уезду он собрал богатый полевой материал об обрядах, легендах и преданиях удмуртов, обобщив его в работе "У вотяков Елабужского уезда". В исследовании приводится картина общественного моления, впервые описываются удмуртские украшения. В сочинениях Н. Г. Первухина, в течение 1885–1889 гг. проработавшего в Глазове инспектором народных училищ, представлено подробное описание археологических памятников Глазовского уезда с указанием площади, мощности культурного слоя, стратиграфии, остатков укреплений, перечнем находимых вещей, приведены легенды о возникновении памятников и о героях удмуртского эпоса. Известным специалистом в области этнографии финноязычных народов Поволжья являлся профессор Казанского университета И. Н. Смирнов. С 1888 г.

он совершал регулярные исследовательские поездки и опубликовал ряд монографий, в том числе и "Вотяки" (1890), в которых считал необходимым "научно систематизировать материалы, собранные предыдущими исследователями"¹¹³. И. Н. Смирнов поставил изучение этнографии поволжских народов на уровень требований современной ему исторической науки, что сделало его труды заметным явлением.

Значительный вклад в изучение удмуртов во второй половине XIX в. внесли зарубежные исследователи. Венгерский ученый, лингвист, этнограф, литературовед, фольклорист Б. Мункачи, финские ученые, языковеды, философы Т.-Г. Аминов, Ю. Вихман, этнограф и историк религии У. Хольмберг (Харва), австрийский ученый Р. Лак, немецкий этнограф М.-Г. Бух изучали вопросы исторической фонетики, лексикологии, этимологии, морфологии, словообразования и диалектологии удмуртского языка; религиозные традиции и мифологии финно-угорских народов, подготовили и издали монографии, статьи, словари, представляющие огромную научную ценность.

Краеведы дореволюционной эпохи, историки того времени опирались в своей деятельности в основном на учебные заведения, официальные и общественные организации, научные общества. Объединяющим и координирующим центром для краеведов Вятской губернии во второй половине XIX в. стал Вятский губернский статистический комитет. Расцвет его деятельности относится к 1880-м гг. Сбор и систематизация огромного материала, характеризующего различные стороны жизни Вятского края, — главная заслуга деятельности комитета. Распространению исторических знаний о крае способствовало издание статкомитетом ежегодных "Памятных книжек" Вятской губернии, наполненных разнообразным статистическим, этнографическим материалом, данными по экономике, культуре и др. В 1854–1916 гг. вышло 50 томов этих книжек, каждая тиражом в несколько сот экземпляров¹¹⁴.

Вятская губернская ученая архивная комиссия, основанная в 1904 г., главной целью своей деятельности определяла сбор и публикацию архивных документов. Местные историки конца XIX — начала XX в. ставили перед собой задачу создания скупупежно прокомментированного, тщательно выверенного корпуса источников по истории феодализма.

Развитию краеведения на территории Удмуртии с 1845 г. содействовало и крупнейшее в мире научное объединение XIX в. — Русское географическое общество, рассылавшее по уездам и приходам всевозможные инструкции, вопросники, программы и анкеты, с 1863 г. — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 1871 г. действовало его Уральское отделение), с 1878 г. — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Отчетливо видна взаимозависимость развития истории и ряда других наук, в первую очередь естественных. Первыми краеведами с середины XIX в. становились представители земской интеллигенции — врачи, учителя, агрономы, инженеры. Большинство любителей истории являлись людьми разноплановыми. В их формировании большая роль принадлежала центральной и местной публицистике: именно она позволяла приобщиться к тем проблемам, которые составляли содержание общественной жизни того времени.

По своему социальному происхождению многие историки были выходцами из духовенства. И явление это было социально обусловленным: в селе, приходе официально функции историка, регистратора течения времени, возлагались именно на священника. Существование церковного архива, где часто находились документы за несколько веков, ведение метрических и исповедных книг, составление клировых ведомостей делали этих людей сопричастными к ходу истории. Наиболее распространенными были этнографические описания родных мест, быта, нравов, обычаев, верований, сбор фольклора, изделий художественных промыслов, запись народных

песен, сказок, загадок, молитв. В трудах Г. Е. Верещагина ("Вотяки Сосновского края", "Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии", "Остатки язычества у вотяков", "Старые обычаи и верования вотяков" и других) нашли отражение почти все стороны жизни удмуртов: социальная структура, материальная и духовная культура. Понимание быта, всего строя, повседневной жизни крестьянства и их детальное исследование резко подняло сегодня научную значимость такого рода работ, которые, впрочем, и в то время были высоко оценены специалистами. Русское географическое общество наградило Г. Е. Верещагина тремя серебряными медалями и избрало в 1888 г. своим членом-сотрудником¹¹⁵. Как ученый-этнограф, фольклорист, лингвист, писатель и просветитель он положил начало возникновению оригинальной удмуртской литературы демократического направления, оказал определенное воздействие на зарождение национального самосознания удмуртского народа.

В начале XX в. в научную деятельность включилась новая группа представителей зарождающейся удмуртской интеллигенции. Усилиями И. С. Михеева, И. В. Яковлева, М. И. Ильина разрабатывались в этот период теория и технологии обучения детей родному языку, издавались учебники, учебные пособия и словари на удмуртском языке, собирался народный фольклор¹¹⁶. В 1906–1907 гг. в "Вятских епархиальных ведомостях" был опубликован ряд этнографических статей И. В. Васильева. На немецком и русском языке была издана и его книга "Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний", составленная из графического и фольклорного материала, в том числе языческих молитв и их переводов. П. Н. Луппов продолжил изучение распространения христианства среди удмуртов в первой половине XIX в.

Большой вклад в развитие научных знаний внесли также педагоги-просветители и священники-миссионеры: Н. И. Ильминский, Н. Н. Блинов – автор и издатель

П. Н. Луппов

Луппов Павел Николаевич (1867–1949 гг.) – выдающийся историк, краевед, деятель просвещения, магистр богословия (1899 г.), доктор церковной истории (1913 г.), доктор исторических наук (1944 г.), заслуженный деятель науки Удмуртской АССР (1945 г.). Окончил Вятское духовное

училище и семинарию, в 1887 г. поступил в Казанскую духовную академию, из которой был отчислен в 1889 г. за участие в деятельности студенческого кружка. В 1893–1895 гг. учился в Московской духовной академии, по окончании которой защитил диссертацию "Христианство у вотяков со времени первых известий о них до XIX в.". Диссертация была издана в 1899 г., переиздавалась в 1901 г. и в 1999 г. В 1896–1917 гг. работал в Синодальном училищном совете в Санкт-Петербурге, после революции – в Московском и Главном управлениях архивного дела. В 1919 г. возглавил Вятский архивный комитет, преподавал в Вятском пединституте, советской партийной школе, был сотрудником Вятского НИИ краеведения и Удмуртского научно-исследовательского института (с 1936 г.). П. Н. Луппов внес большой вклад в создание архивной службы, в развитие археографии и историкоисследования, в разработку проблем широкого круга социально-экономического и социально-политического развития, этнической истории и демографии. Им был выявлен и обработан огромный комплекс новых источников и написано свыше 250 книг и статей по истории Удмуртии и Вятского края, создана собственная концепция истории удмуртского народа XIV – первой половины XIX в.

первой удмуртской азбуки, В. А. Ислентьев, Г. П. Прокопьев, М. П. Прокопьев, К. А. Андреев, трудами которых создавалось будущее удмуртской педагогики, лингвистики, литературоведения, этнографии.

Таким образом, широта и многообразие фактического материала в работах ученых середины XIX – начала XX в., близость к источникам являются их безусловным достоинством и неоценимым преимуществом. Однако в концептуальном плане имело место отставание и зависимость работ местных исследователей от трудов крупнейших ученых России. Уровень распространенности знаний в уездных городах и селах оставался невысоким и всецело зависел от субъективного (личностного) фактора. Культура мышления историков, лингвистов испытывала значительное влияние традиционных народных представлений о мире. Координирующую роль продолжали играть научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Вятки, представители которых активно занимались изучением нашего края.

Периодическая печать, книгоиздание, культурно-просветительные учреждения

Отмена крепостного права повлекла за собой глубокие изменения во всем укладе российского государства, в том числе в области идеологии. Активизировалась общественная жизнь, общественная мысль. В конце 1861 г. министром внутренних дел П. А. Валуевым была сформулирована новая программа политики в области печати. Тенденции экономического и общественного движения вступающей в капитализм России давали о себе знать и на территории Удмуртии. Наметились коммерциализация издательского дела, начался процесс демократизации провинциальной журналистики, увеличилось количество периодических изданий, расширилась читательская аудитория, появилось книгоиздание на удмуртском языке, активизировалась культурно-просветительная деятельность.

Периодическая печать. Долгое время печать российской провинции была представлена практически лишь официальными

губернскими ведомостями. С 1838 г. в Вятской губернии выходила газета "Вятские губернские ведомости"¹¹⁷. Несмотря на то, что по замыслу правительства она должна была быть проводником правительственной политики и идеологии со строго определенным кругом затрагиваемых вопросов, "Вятские губернские ведомости" включали неофициальную часть, которая с первых дней своего существования не соответствовала установленным идеологическим рамкам и стала рупором общественности¹¹⁸.

Газета учитывала характер аудитории, преобладание крестьянского населения губернии. Поэтому регулярно велась сельскохозяйственная, агрономическая пропаганда. Постоянное освещение находили темы медицины, санитарного дела. На протяжении многих лет губернский орган затрагивал вопросы образования и просвещения. Большую научную ценность представляли публикации исторического, этнографического, фольклорного характера о народах, населяющих губернию. Много писалось о вотяках, черемисах, зырянах, татарах¹¹⁹.

Особую роль в редактировании неофициального отдела сыграли М. В. Блинов, И. Н. Савинов, Н. И. Золотницкий, Н. Спаский. В 1899 г. неофициальная часть стала издаваться в виде отдельной газеты под названием "Приложения к Вятским губернским ведомостям" и выходила три раза в неделю. В 1905 г. вместо "Приложений..." возникла самостоятельная газета "Вятский вестник". По замыслу губернской администрации она должна была ликвидировать неофициальный отдел и стать рупором власти. Поэтому с 1905 г. по 1917 г. "Вятские губернские ведомости" выпускались лишь в казенной, официальной, части, утратив бывшее общественное и краеведческое значение.

Религиозная периодика была представлена журналом "Вятские епархиальные ведомости", который издавался в Вятке с 1863 г. по 1918 г. Кроме официального, в журнале был духовно-литературный отдел, сыгравший положительную роль в формировании нравственной атмосферы общества¹²⁰.

Особым типом официального издания стали "Памятные книжки Вятской губернии" (с 1854 г. по 1916 г. их вышло 50), которые отличались богатством материалов об экономике, культуре, истории, населении края. В них сотрудничали выдающиеся местные ученые А. С. Верещагин, А. С. Спицын, Н. А. Спасский (главный составитель и редактор), Г. Е. Верещагин, Д. К. Зеленин и др. В 1897–1898 г. издание выходило под названием "Вятская незабудка" (три выпуска), инициатором и издателем был сосланный в это время в Вятку Ф. Ф. Павленков. Яркое обличительное содержание "Вятской незабудки" сделало ее, по сути, первым образцом неофициальной демократической местной печати¹²¹.

В 1894 г. Вятское губернское земство получило от Министерства внутренних дел разрешение издавать газету под названием "Вятская газета, сельскохозяйственная и промышленная". Она вышла 31 марта того же года. Первыми ее редакторами были председатель земской управы А. П. Батуев и губернский агроном А. Новиков. Программа газеты охватывала широкий круг обсуждаемых вопросов от правительственных распоряжений по сельскому хозяйству и промышленности до сообщений сельских местных поэтов. В 1897 г. с включением литературно-исторического отдела тематика газеты значительно расширилась. В каждом номере присутствовала рубрика "Вопросы и ответы", где сотрудники давали интересующую население информацию, старались ответить на каждый вопрос. Издание крестьянского народного органа явилось яркой страницей в истории провинциальной печати. В 1899 г. Комиссия императорского Высочайшего экономического общества "за просвещенную и энергичную деятельность" и "за широкое ее распространение среди народа" присудила Вятскому губернскому земству большую золотую медаль¹²².

Коммерческие частные издания в Вятской губернии появились позже, чем в других регионах. Так называемые ярмарочные листки ("листки объявлений") начали изда-

ваться в Сарапуле и Елабуге в 1890-е гг. Они открыли новый тип местной печати – коммерческий.

Возникновение первой общественно-политической частной газеты "Вятский край" связано с именем П. А. Голубева, видного журналиста, большого знатока местного края. Ее первый номер вышел 2 марта 1895 г. Публикации "Вятского края" отличались демократичным характером изложения, заботой о просвещении самых широких слоев населения. На страницах издания разворачивалась борьба вятской интеллигенции в защиту обвиняемых удмуртов – жителей с. Старый Мултан. Все это не могло остаться незамеченным со стороны властей. Газета "Вятский край" прекратила свое существование в 1898 г.¹²³

В годы революции 1905–1907 гг. в Вятской губернии появилось до 10 газет различных направлений. Либерально-демократических позиций придерживались "Вятская жизнь" и "Вятская газета", проправительственные взгляды выражали "Вятский вестник" и "Вятское слово", органом кадетов были "Елабужские вести". В 1906 г. в Сарапуле начала выходить ежедневная общественно-политическая, литературная, коммерческая газета "Прикамский край". С 1904 г. с разной степенью регулярности издавались "Ижевские телеграммы", а в 1914 г. появились "Объявления Ижевска"¹²⁴. Распространялась социал-демократическая печать: "Известия прикамского рабочего" в Сарапуле, "Бюллетень" в Воткинске, "Рабочий листок" в Ижевске, "Первый луч" в Глазове, сотни листовок. Легальным выразителем взглядов эсеров была "Крестьянская газета". Пресса социалистической ориентации подвергалась репрессиям со стороны правительственных органов.

Книгоиздательство. Во второй половине XIX в. книгоиздательство значительно расширяется, возрастает число типографий, улучшается полиграфическая база книгопечатания. Складывается несколько местных издательских центров (Казань, Вятка, Сарапул, Глазов). В уездных городах Вятской

губернии к 1890-м гг. было 17 типографий. Проводившиеся в России выставки образцов книгопечатания неоднократно отмечали успехи книжной продукции типографий Вятской губернии.

Крупными издательскими организациями были губернский статистический комитет и земство. Ими ежегодно публиковались статистические сборники и отчеты губернатора, труды по статистике губернии, народному образованию, журналы и доклады собраний и заседаний земских органов, учебники для школ и училищ. Большое значение имел выпуск статей и исследований известных историков, археологов и этнографов края (Н. Г. Первухина, А. А. Спицына, Н. И. Блинова, П. Н. Луппова, Г. Е. Верещагина). Пользовались популярностью книги и брошюры по сельскому хозяйству, медицине, кустарным промыслам и производству классической литературы. Предметом особой заботы было народное образование. В 1860-е гг. вышли учебные пособия для начальных школ: "Азбука для вотских детей", "Грамота" (Н. Н. Блинов), "Букварь и первая учебная книжка" (В. А. Ислентьев). В 1890-е гг., приступив к организации сельских библиотек, Вятское земство издает для них дешевые книги.

Следующий этап книгоиздательского дела в губернии связан с "Вятским книгоиздательским товариществом", созданным группой местной интеллигенции (1903–1918 гг.). Оно организовало выпуск дешевых популярных книг, в том числе тематических сборников произведений русских и иностранных писателей. С 1905 г. издавались "Труды Вятской ученой архивной комиссии", посвященные истории края.

Типографское и печатное дело развивалось и в уездных городах. В Глазове в 1865 г. была открыта небольшая частная типография, печатавшая объявления, бланки и ярлыки. В 1867 г. появилась печатня Н. Сарычева¹²⁵. Типография в Сарапуле была открыта в 1866 г. "Общество изучения Прикамского края", организованное в Сарапуле в 1913 г., имело право издания научной литературы¹²⁶.

К началу XX в. относится появление в Вятской губернии нелегальных типографий. Так, в Вятке были оборудованы Вятским комитетом РСДРП две нелегальные типографии. В них печатались политические листовки, газета "Вятский листок". Нелегально выпускала листовки и типография Ижевского завода.

Возникновение печати на удмуртском языке. Период конца XIX – начала XX в. вошел в историю неполноправных народов России как период национального пробуждения или национального возрождения. Основное его содержание выразилось в усилиях первых представителей национальной интеллигенции по развитию национальной культуры. Ее важной составной частью являлось национальное книжное дело, которое выполняло функцию укрепления связей между народом и деятелями культуры, создавало благоприятные условия и возможности для распространения и усвоения идей национального самосознания.

Для раннего периода развития книжного дела было характерно использование для выпуска и распространения национальной печатной продукции уже существовавших издательско-типографских фирм за пределами этнической территории удмуртов, в инонациональных городах. Первые публикации появляются в Санкт-Петербурге в XVIII в. В дальнейшем центром развития национального книжного дела становится Казань (прежде всего типография Казанского университета), где сосредоточились основные силы национальной интеллигенции поволжского региона.

Вятская губерния входила в состав Казанского учебного округа с центром в Казани. И именно с этим городом связано появление учебной литературы на удмуртском языке, благодаря деятельности переводческой комиссии, в которую входили специалисты, владеющие языками. Они работали над богослужебными книгами, букварями, молитвами. Наибольшую ценность представляли учебники (буквари, грамматики) и словари, работы по истории и

этнографии удмуртов. В 1890-е гг. в изданиях православного миссионерского общества, кроме религиозно-нравственной литературы, появились брошюры медицинского и педагогического характера на удмуртском языке.

В административном центре удмуртов – Вятке – первые книги на удмуртском языке были изданы несколькими десятилетиями позже. В дальнейшем, уже в начале XX в., тенденции развития книгоиздания приводят к расширению числа издательско-типографских заведений, специализирующихся на выпуске национальной литературы, в том числе и за счет частного книгоиздания. Книгоиздание на удмуртском языке в этот период осуществлялось в Вятке, Елабуге, Казани, Уфе, Сарапуле, Глазове. В годы назревания первой российской революции, после разрешения правительством частного книгоиздания в Казани, удмуртский педагог И. С. Михеев начал выпуск календарей-ежегодников на удмуртском языке¹²⁷. Их первоначальной задачей была культурно-просветительская пропаганда, затрагивающая вопросы правильного ведения земледелия, животноводства, пчеловодства. Наряду с публицистикой печатались и художественные произведения. В январе 1915 г. в Вятке начала выходить газета "Войнаись ивор" ("Весть с войны") на удмуртском языке.

Культурно-просветительные учреждения. Для популяризации литературы и распространения печатной продукции земство устраивало уроки в воскресных школах, народные чтения, бесплатную раздачу книг, организовывало книжную торговлю, создавало доступные библиотеки. Продажа книг осуществлялась через книгоношей, книжные лавки, магазины. Вятское земство открыло книжный склад с отделениями во всех уездных городах в 1894 г.¹²⁸

Неоценимый вклад в развитие культуры, повышение образованности населения внесли библиотеки. В конце XIX – начале XX в. расширилась их сеть, увеличился книжный фонд. Старейшая в Вятской губернии публичная библиотека, открытая в 1835 г., существовала в Сарапуле. Она имела значе-

ние не только для города, но и для уезда, так как бесплатно рассылала книги всем учащимся. В 1887 г. в ней было 176 подписчиков¹²⁹. В 1891 г. среди ее читателей насчитывалось 242 платных подписчика и 120 учителей, пользовавшихся книгами бесплатно, книжный фонд составлял 2 200 названий¹³⁰.

В Глазове в 1867 г. была открыта земская публичная библиотека. В 1879 г. в ней было 143 читателя, книжный фонд достиг 3 756 томов. Большое общественное звучание получила организация в городе в 1897 г. бесплатной народной читальни им. М. И. Шулятикова, осужденного в 1863 г. за участие в "Казанском заговоре". После помилования он многие годы служил в Глазовском земстве секретарем управы, был инициатором и сторонником многих прогрессивных начинаний земства. В 1897 г., после его смерти, по инициативе А. П. Чарушникова и при поддержке земства, его друзьями-глазовчанами, собрав деньги, открыли читальню им. М. И. Шулятикова в знак признания глазовчанами его заслуг. При открытии читальни инспектор народных училищ Д. К. Петров сказал: "Глубокая благодарность лежит в основе этого пожертвования, благодарность памяти человека, посвятившего много трудов на то, чтобы вывести в люди своих земляков"¹³¹.

Техническая библиотека существовала при Ижевском заводе. В период подготовки и празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина на ее базе в одном из залов главного заводского корпуса была открыта доступная для рабочих библиотека и бесплатная читальня¹³². Пушкинские библиотеки открылись также в Глазове, Елабуге, Малмыже.

До конца XIX в. библиотеки существовали только в уездных городах. По инициативе А. П. Батуева Вятское земство в 1894–1895 гг. получило разрешение на создание бесплатных сельских библиотек. Впоследствии они получили название "пятирублевых", так как на каждую выделялось 5 руб. В Глазовском уезде к 1899 г. существовало

274 бесплатные пятирублевые библиотеки, в Сарапульском уезде – около 300¹³³. К началу XX в. они появились во всех волостях и сыграли важную просветительскую роль. Такие же библиотеки устраивались земством при больницах.

Одновременно организуются народные библиотеки и библиотеки-читальни. Они создавались по постановлениям волостных сходов на крестьянские, земские и частные средства. Большую помощь оказывал Санкт-Петербургский комитет грамотности. Так, в августе 1895 г. на его средства при содействии уездного земства в с. Вавож Малмыжского уезда была открыта народная библиотека-читальня. "Вятская газета" сообщала: "Население очень сочувственно отнеслось к этому новому учреждению, и число читателей в библиотеке увеличивается с каждым днем"¹³⁴. Библиотекой заведовала местная учительница В. В. Никонова. В Елабужском уезде в 1895 г. функционировали три, в Сарапульском уезде – шесть бесплатных библиотек-читален¹³⁵. На частные пожертвования в 1894 г. была открыта народная библиотека в с. Пьяный Бор Елабужского уезда. К концу 1895 г. она располагала 857 книгами, в том числе Полными собраниями сочинений Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, произведениями Ж. Верна, Ф. Купера, Ч. Диккенса, В. Скотта. За год побывал 301 читатель, взято было 4 237 книг¹³⁶. В 1910 г. в Глазовском уезде на средства земства содержалось 33 библиотеки-читальни¹³⁷.

В 1894 г. по инициативе земского агронома Я. В. Федорова в г. Слободском были устроены первые народные чтения на территории Вятской губернии¹³⁸. Вскоре они получили большую популярность. Особенно привлекали население чтения с показом "туманных картин", для чего сельские общества на свои средства приобретали "вольшебные фонари".

В конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии появились так называемые "именные" библиотеки, носившие имя того или

инного общественного деятеля. После трагической гибели в 1896 г. А. П. Батуева по инициативе Вятского земства открылись библиотеки, посвященные его памяти. На территории Удмуртии библиотеки им. А. Батуева появились в с. Балежине Глазовского уезда, Сарапуле, с. Троицком Елабужского уезда¹³⁹.

В начале XX в. уездные земства получили возможность открыть доступные библиотеки на средства, оставленные известным книгоиздателем Ф. Ф. Павленковым, который завещал весь свой капитал на открытие двух тысяч народных библиотек в наиболее бедных и глухих селениях. В Вятской губернии были открыты 194 павленковские библиотеки, из них на территории Глазовского уезда – 18, Сарапульского уезда – 8, Малмыжского уезда – 65¹⁴⁰.

Успешно развивались библиотеки учебных заведений края – школ, училищ, гимназий, прогимназий. Открывались и частные библиотеки. Среди учителей, земских и других служащих было немало библиофилов, имевших уникальные личные собрания литературы. Например, в Елабуге пользовалась известностью библиотека И. Н. Кибардина¹⁴¹. Увеличивалось количество выпускаемых населением газет и журналов.

Часто библиотеки становились своего рода центром культурной и общественной жизни. Так, в Воткинске функционировала первая доступная для населения библиотека Воткинского железоделательного завода (с 1823 г.). Там же располагался музей, имелся минералогический кабинет, сотрудники библиотеки являлись организаторами любительских спектаклей и концертов. На Ижевском заводе рядом с библиотекой расположился заводской театр, именно рабочие-актеры чаще пользовались художественной литературой. А в 1902 г. здесь же появилась музыкальная школа¹⁴².

В жизнь горожан все больше входили любительские концерты и спектакли, литературно-музыкальные вечера. Уже в 1873 г. "Вятские ведомости" рассказывали о литературно-музыкальных вечерах в Глазове.

Известным историком русской литературы и общественной мысли В. Е. Чехихин-Ветринским в 1897 г. было создано "Литературно-музыкальное и народнообразовательное общество" в Глазове. Цель общества заключалась в том, чтобы "дать его членам большую возможность следить за успехами литературы, науки и искусства, делиться друг с другом своими наблюдениями и исследованиями в различных областях знаний и в изучении местного края, оказывать посильное содействие народному образованию путем поддержки и устройства библиотек, читален, народных чтений, народного театра, воскресных школ" Музыкально-вокально-литературный вечер, часть вырученных денег от которого была передана для подготовки юбилея великого русского поэта А. С. Пушкина, состоялся 28 января 1899 г. Средства на проведение юбилея были получены также от купца первой гильдии Н. П. Пастухова, владельца заводов Омутнинского горного округа, в сумме 100 руб., а также от слободских купцов Александровых – 25 руб., от Глазовской городской думы – 50 руб., от Глазовской земской управы – 25 руб., от глазовского мещанского общества – 25 руб. Торжества проходили в городе три дня – 25, 26, 27 мая. В "Вятских губернских ведомостях" за 1899 г. был представлен "Отчет по устройству юбилейных Пушкинских торжеств в г. Глазове", включивших в себя довольно интересные, разнообразные мероприятия. Для проведения спектакля была построена ротонда. Концерт памяти А. С. Пушкина состоялся 25 мая. Публика получила на память портрет Александра Сергеевича и томики его произведений. Для увековечения памяти поэта было решено построить в городе "Пушкинский дом" – двухэтажное каменное здание, в котором должны были размещены народная школа и актовый зал для народных чтений. На строительство "Пушкинского дома" уездным земством был выделен капитал в 20 тыс. руб. и горожанами по добровольной подписке была собрана значительная денежная сумма¹⁴³

Воткинская интеллигенция, театралы и художники с 1909 г. группировались вокруг общества им. П. И. Чайковского¹⁴⁴

В 1890-е гг. началось повсеместное введение обществ трезвости, в функции которых входило устройство чайных, народных читален и библиотек, народных чтений в целях распространения трезвого образа жизни. С 1893 г. существовало общество трезвости в Сарапуле. Оно снимало целый этаж дома с чайной. При чайной была устроена бесплатная читальня, там же имелись шашки, шахматы, рояль, проводились уроки хорового пения, оркестровой игры, кройки и шитья. На сцене, устроенной тут же, в 1895 г. членами общества было показано 14 любительских спектаклей. Очень популярны среди населения были бесплатные народные чтения с "туманными картинами" и музыкой, вечера с танцами. В 1895 г. общество насчитывало 500 членов, в основном работников кожевенной промышленности, в работе принимала участие и сарапульская интеллигенция¹⁴⁵ Ижевское общество трезвости открылось в 1895 г., насчитывало 300 членов. При нем имелась библиотека-читальня с книгами на 300 руб. (подарок Петербургского комитета грамотности), две дешевые чайные. В январе 1896 г. состоялся первый любительский спектакль, поставленный силами его членов. Были показаны комедия Н. В. Гоголя "Женитьба" и водевиль И. Каратыгина "Школьный учитель"¹⁴⁶ Общество трезвости Воткинского завода имело чайную, библиотеку, каток зимой, зрительный зал и книжную торговлю. Библиотека имела 6 тыс. томов и обслуживала около 100 абонентов. Зрительный зал использовался для танцевальных вечеров, народных чтений, для киносеансов¹⁴⁷

В 1890-е гг. появилась такая форма организации досуга, как ученические вечера, елки. Силами местной интеллигенции, в основном учителей, во многих школах стали устраиваться елки для детей. Их проводили и общества трезвости для своих членов. Например, Малмыжское обще-

ство трезвости в рождественские праздники 1910 г. организовало танцевальные вечера, маскарад, детскую елку, на которых с успехом выступал духовой оркестр под управлением М. И. Столбова, созданный при содействии общества и на частные пожертвования¹⁴⁸. Ученические вечера во многих селах, лишенных каких-либо культурных учреждений, были почти единственной доступной формой народных развлечений. Так, вечер мужского земского училища в с. Базезине Глазовского уезда 31 января 1910 г. привлек к себе внимание местного крестьянского населения. Перед публикой были разыграны сценки, прочитаны басни, исполнены песни, в том числе и на удмуртском языке. Особая заслуга в организации детского удмуртского хора принадлежала Е. Ф. Безперстовой¹⁴⁹.

Активизировалось музейное дело. В 1887 г. в главном корпусе Ижевского завода стал действовать заводской музей. В начале XX в. на территории Удмуртии открываются краеведческие музеи. Группой местной интеллигенции, любителями истории и природы края в апреле 1909 г. был создан музей в Сарапуле, который быстро пополнялся экспонатами в основном за счет даров земляков. Пожертвованы были уникальная коллекция бабочек, старинное оружие, доски для выпечки пряников, кокошники, книги и многое другое¹⁵⁰. В октябре 1909 г. открылся краеведческий музей широкого профиля в здании Сарапульской женской гимназии, созданный земством¹⁵¹.

Литература и искусство

Литература. Местные литераторы группировались в первую очередь вокруг вятских периодических изданий (Д. Бирюков, Ф. Горностаев, Г. Яринский, А. Базаров, П. Второв, А. И. Веселицкий и др.). В них помещали и произведения крестьян (стихи И. Лебедева, рассказы А. Грудicina, С. Егорова). Большим спросом у читателей пользовались рассказы о народе И. А. Да-

нилина, А. Н. Баранова, В. И. Дмитриевой, В. Г. Богораза, С. Н. Миловского, И. Селивановского, И. Г. Шадрина¹⁵². В ижевских газетах со стихотворными произведениями выступал Н. Новиков (псевдонимы Н. Иванович, И. Страхон)¹⁵³. На страницах региональной прессы, в местных издательствах публиковались также произведения известных русских и зарубежных писателей.

Русский прозаик С. Н. Миловский (1861–1912 гг.), работавший с 1895 г. в Сарапуле, как писатель известен под псевдонимами С. Елеонский и Николай Шиханов. Его рассказы печатались в лучших журналах страны: "Вестник Европы", "Русское богатство", "Нива". В местных изданиях он публиковался под псевдонимами Горюн, Пеплов, Провинциал и др. В 1904 г. и в 1911 г. вышли два тома избранных рассказов. Героями его произведений были "маленькие" люди, к которым писатель относился доброжелательно, с незлобивым юмором¹⁵⁴.

Активно занимался литературной деятельностью А. П. Батуев (1863–1896 гг.). Он написал трехтомный роман "На распутье" (опубликован в отрывках), сборник "Живой портрет и рассказы" (под псевдонимом А. Антеев, 1895 г.). Его рассказы появлялись в местной периодике под подписью "А. Прорубов" или без подписи.

В 1864 г. был опубликован роман "Ливанов" М. И. Осокина, церковного и земского деятеля, посвященный разночинцам и детям духовенства, настойчиво пробивающим себе дорогу в жизнь. Ранее в журнале "Современник" были помещены его документально-художественные очерки "Записки о Малмыжском уезде" (1856) и "Сельская свадьба в Малмыжском уезде" (1857)¹⁵⁵.

На развитие местной журналистики, литературного дела сильно влияние оказывали политические ссыльные. Издаваемый Ф. Ф. Павленковым "Вятская незабудка" содержала художественно-публицистические очерки, рассказы, фельетоны, сказки. Их авторы (Ф. Ф. Павленков, В. О. Португалов, П. А. Голубев, В. Я. Заволжский и др.) создали оригинальные произведения, ис-

пользував творческие приемы М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁵⁶

В 1879 г. в Глазове жил выдающийся писатель В. Г. Короленко, высланный сюда с братом Илларионом. Жизнь провинциального города и его окрестности дала писателю материал для многих его художественных произведений: "Ненасущный город", "Чуждая", "Глушь", "Собор с зарокотом", а также для значительной части его главного произведения "История моего современника". Он состоял читателем местной земской библиотеки, по просьбе земской управы помогал формировать книжный фонд. Короленко выписывал для себя из Петербурга книги русских писателей, которыми охотно пользовались горожане, много времени он проводил в беседах с людьми. В Глазове о В. Г. Короленко осталась память как об умном, душевном, добром и справедливом человеке. Одновременно с ним в городе находился в ссылке прогрессивный русский книгоиздатель, уроженец Глазова А. П. Чарушников, первый издатель произведений А. М. Горького.

Миссионер, этнограф и педагог Н. Н. Блинов более сорока лет, начиная с 1861 г., постоянно публиковал разнообразные статьи в десятках столичных и губернских периодических изданий. Он стал автором нескольких художественных переводов и литературных переложений. Самое известное из них – "Жизнь Робинзона" Д. Дефо (1879). Постепенно появляются и оригинальные литературные произведения: пьесы "Свет и во тьме светит" (1887, 1888), "Мирон Петрович" (1888), рассказы "На ниве народной" (1894, 1895, 1903, 1916), "Батюшка в селе" (1899)¹⁵⁷

Известным российским писателем был сын елабужского купца Д. И. Стахеев (1840–1918 гг.) – автор ряда путевых очерков, романов, повестей, рассказов и стихотворений. Популярность имели его романы "Домашний очаг" (1879), "Неугасающий свет" (1893), "Студенты" (1884) и др. Д. И. Стахеев был редактором журналов "Нива" (1875–1877 гг.), "Русский вестник" (1896 г.), газеты "Русский мир" (1876–1877 гг.). Профессиона-

льная литературная критика отмечала прекрасное знание Стахеевым особенностей характера и быта различных сословий России: "...романы Стахеева – это как бы целый музей типов русского общества, целая галерея самых разнообразных личностей, в которых отразилась Россия последнего полувека, со всеми ее светлыми и темными сторонами"¹⁵⁸ В 1870 г. писатель был избран действительным членом Географического общества за очерки о Байкале и Сибири. В 1902–1903 гг. издано 12-томное Собрание сочинений Д. И. Стахеева. Некоторые его произведения были переведены на английский и чешский язык.

В предреволюционные годы в Сарапуле и Осе вышли книги писателя-старообрядца П. Н. Шмакова, отличавшиеся любовью к родному краю, вниманием к сочному, выразительному русскому слову: "Чиглан Идель. Очерк Прикамья", "Тайны Поволжья", "Шепот прикамских лесов", "Стоны камской чайки" и др.¹⁵⁹

К периоду конца XIX – начала XX в. относится зарождение удмуртской литературы. Процесс самопознания у народов в районе Волги и Камы начинается в среде очень тонкой прослойки интеллигенции, состоящей из священников, студентов, учителей и слушателей учительских семинарий. Именно из них вырастают основоположники национальной литературы. Удмуртская литература формировалась, с одной стороны, на базе народного творчества, народной этики и эстетики, а с другой – освоения художественного опыта русской классической литературы. В этом отношении характерным примером является творчество Г. Е. Верещагина. Не случайно первое написанное им оригинальное стихотворение на удмуртском языке "Чагыр, чагыр дыдыке..." ("Сизый, сизый голубочек...") было напечатано под видом народной песни в книге "Вотки Сарапульского уезда Вятской губернии" (1889). Им были созданы и другие литературно-художественные произведения: стихи ("Песня вдовца", "Одинокая пряжа"), пьесы ("Олохмеляющий

ся", "Ловелас", "Удмуртский пир"), перевод "Сказки о рыбаке и рыбке" А. С. Пушкина, сказка-поэма "Одежда батыра". О творческих связях с русской литературой свидетельствуют русскоязычные произведения Г. Е. Верещагина – пьесы и поэмы, в которых прослеживается влияние А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина¹⁶⁰.

Многое из литературного наследия Г. Е. Верещагина осталось в рукописях, однако его творчество не прошло бесследно. У него появилось много последователей: И. С. Михеев, М. И. Ильин, Мих. Прокопьев, И. В. Яковлев, М. Г. Можгин, М. П. Прокопьев, Д. И. Корепанов (Кедра Митрей), К. П. Чайников (К. Герд) и др.

Этнограф, историк, языковед М. И. Ильин первые свои стихотворения опубликовал в правительственной газете "Весть с войны"¹⁶¹. Несмотря на их небольшую художественную ценность, они сыграли определенную роль в формировании удмуртского литературного языка.

Преподаватель учительской семинарии И. С. Михеев организовал из обучающихся в Казани студентов-удмуртов кружок, задачей которого было изучение жизни удмуртов, их истории. В учебниках, написанных Михеевым, были помещены наиболее удачные, талантливые произведения его учеников, рассказы, жанровые картины. Обращался к творчеству и сам И. С. Михеев. Его пьеса "Эн лушка" ("Не воруй"), напечатанная в 1906 г. в Казани, стала одним из первых произведений удмуртской художественной литературы, изданных отдельной книгой¹⁶².

В 1904–1909 гг. И. С. Михеев выпускал календари-ежегодники на удмуртском языке, в которых наряду с просветительской публицистикой стали появляться и художественные произведения. В календаре за 1906 г. было напечатано стихотворение Мих. Прокопьева "Вузм пилэн эсэбэз" – вольный перевод "Раздумий селянина" А. Кольцова, в календаре на 1910 г. – баллада М. Г. Можгина "Беглый" ("Беглый").

В этот период в учительских семинариях все более популярными становятся ру-

кописные журналы, в которых авторами, художниками и редакторами являются студенты. С них начинался творческий путь некоторых удмуртских литераторов. Так, редактором журнала "Сандан" ("Наковальня"), издававшегося в Казанской учительской семинарии, был Мих. Прокопьев. В нем часто участвовал в качестве автора и художника Д. И. Корепанов (Кедра Митрей)¹⁶³.

В 1911 г. Д. И. Корепанов написал автобиографическую повесть "Дитя большого века" на русском языке, в 1912 г. – трагедию "Эш-Тэрек". В эти же годы начинается творческая деятельность К. П. Чайникова (К. Герда). В 1915–1916 гг. на русском языке он написал поэму "Над Шошмой" по мотивам народных легенд и преданий. Русскоязычное творчество этих и других удмуртских авторов по праву принадлежит удмуртской литературе, так как по идейной и художественной направленности тесно связано с духовной жизнью и культурой удмуртского народа.

Таким образом, первыми произведениями удмуртской литературы стали лирические стихотворения и поэмы, наиболее близкие к песенной народной поэзии, к началу XX в. формируются жанры драмы, рассказа и повести.

Изобразительное искусство. С середины XIX в. художественным центром края становится Сарапул, где работали иконописные мастерские и профессиональные художники (Н. Л. Андронов, Г. А. Гришин, А. В. Захаров, С. Т. Мотов, У. Свиныин). Наиболее значительным было творчество А. П. Беркутова. В 1881 г. он окончил с большой серебряной медалью Петербургскую Академию художеств и впоследствии преподавал в Сарапульском реальном училище. Его работы, созданные в разных жанрах ("Автопортрет", "Овин", "Вотак и вотячка с гусями в своей избе на досуге", "Благовещение"), отличались хорошей техникой и мастерством композиции. Картины А. П. Беркутова первыми из произведений местных профессиональных живописцев были продемонстрированы за пределами

Сарапул, ул. Вятская
Из личного фонда О. В. Северюкова (ЦГА УР)

Удмуртии (на художественно-промышленной выставке в Казани в 1900 г.)¹⁶⁴

В Глазове просветительской работой в области изобразительного искусства занимался преподаватель гимназии Г. И. Чемесов, ученик В. А. Серова. Он вел воскресные занятия по живописи и рисунку. Братья А. Н., В. Н., С. Н. Чистосердовы занимались росписью церквей и иконописью¹⁶⁵.

Определенное значение для развития изобразительного искусства имела кратковременная творческая работа на территории Удмуртии ряда русских художников, в том числе Н. А. Ярошенко и И. И. Шишкина. Часто навещали свое сарапульское имение известные русские художники – братья П. А. и А. А. Сведомские. На развитие церковной живописи оказывало влияние творчество В. М. Васнецова, питомца Вятской духовной семинарии. Так, в основном по его образцам в 1911 г. был расписан храм с. Никольского¹⁶⁶.

Организация первых типографий, издание книг и иной печатной продукции стимулировали становление книжной и печатной графики (В. И. Порфирьев).

Начало широкого производства на местных заводах украшенного охотничьего оружия и литых бытовых изделий содействовало подъему искусства гравировки и художественного литья. В этот период складывается ижевская школа художественной обработки металла (Л. И. Серебров). В 1880-е гг. берет начало воткинское художественное

литье. Всевозможные дверные ручки, бюлдо, подсвечники, ограды и т. п. изготавливались с большой выдумкой, они разнообразны по орнаментации и художественным приемам. Изделия воткинских литейщиков, резчиков, художников имели успех на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в мае 1896 г.¹⁶⁷

В конце XIX – начале XX в. на Камских заводах пользовалось известностью творчество художника-самоучки И. Н. Ситникова, который не только писал портреты и оформлял любительские спектакли, но и создал скульптурный памятник А. Ф. Дерябину. Этот памятник, появившийся в 1907 г. к столетнему юбилею завода, обладал выразительным силуэтом и органично вписался в ансамбль застройки заводской плотины¹⁶⁸.

В начале XX в. число живописцев возросло (Н. Л. Андронов, А. В. Быков, Г. А. Гришин, Е. М. Чудинов). В культурную жизнь городов входят художественные выставки. Первая открылась в актовом зале глазовской женской гимназии 10 октября 1909 г. Это было публичное экспонирование огромной картины П. А. Сведомского "Труп Ермака, расстреливаемый татарами". Выставка дважды продлевалась и закрылась в ноябре 1910 г.¹⁶⁹ В Ижевске первая художественная выставка открылась зимой 1909 г.¹⁷⁰ В 1913 г. к церемонии открытия в Сарапуле общества изучения Прикамского края была приурочена экспозиция картин исторического и пейзажного жанров А. П. Беркутова¹⁷¹.

Архитектура. Особенности исторического развития городов и городов-заводов Удмуртии определяли и своеобразие их облика. Период второй половины XIX – начала XX в. отмечен новыми явлениями в русской архитектуре, нашедшими то или иное воплощение в архитектуре Удмуртии. Строительство промышленных объектов и зданий гражданского назначения сопровождалось использованием новых строительных материалов. Господство классицизма сменялось эклектикой, которая характеризовалась механическим сочетанием архитектурных стилей различных эпох и направлений.

Сарапул. Дом Г. И. Коренева, сарапульского купца второй гильдии. Начало XX в.
ЦГА УР

Сарапул. Развитие промышленности, торговли, ассоциированного капитала в лице торговых домов, укрепивших коренные купеческие династии Сарапула, способствовали развитию городского хозяйства, его архитектуры. В Сарапуле как уездном центре ярко выступал детинец с различными административными учреждениями, учебными заведениями, церквями, жилыми домами купеческой элиты. Сарапульская земская и городская управы, купеческое сословие приложили достаточно большие усилия, чтобы благоустроить свой город, построить административные, церковные, учебные здания, превратить его в один из впечатляющих городов Вятско-камского региона. Н. Н. Блинов о Сарапуле 1880-х гг. писал: "Вид города с реки довольно красивый... В нем шесть каменных церквей... Из зданий обращают на себя внимание: помещение окружного суда, общественный дом (в нем женская гимназия, городская управа, банк и лавки), три корпуса, выстроенные Курбатовым (для богадельни, родильного приюта и для вдов с детьми), дома купцов и проч." О крепкой не только экономической, но и родовой связи купеческих династий красноречиво свидетельствуют жилые кварталы с единым монолит-

ным фасадом, всего лишь в нижней части разделенным арками, которые давали возможность войти в глубь двора, к складам и другим подсобным помещениям. Каждое здание имело два назначения. Верхний этаж использовался в качестве жилого помещения, нижний – как магазин или какое-либо учреждение с индивидуально оформленными вывесками: "Готовое платье и прием заказов. Абрам Исакович Сидельман", "Музыкальный аккорд", "Галантерейные товары Леденцова" и т. д. Типичной для Сарапула застройкой стали жилые дома Щипилина, Хвостова, Дедюхина, Стригина, Шитова, составлявшие целый квартал (современная улица Раскольниково). Украшением города являлся дом купца Смагина – редкий для провинции образец архитектуры модерна, уникальный по своему стиливому единству. По предположению искусствоведов, особняк строился по проекту И. А. Чарушина. Выделялись в городском ансамбле

Сарапул. Петропавловская церковь. Конец XIX в.
ЦГА УР

жилой дом, декорированный в русском и готическом стилях, и дача купца П. А. Башенина, построенная И. А. Чарушиным в стиле модерн (начало XX в.). Одним из лучших жилых зданий был дом купца Ф. П. Корешева, отличавшийся гармоничностью декора в формах необарокко (1907 г., И. А. Чарушин). Все особенности "кирпичного" стиля, появившегося в России в конце XIX в., сконцентрировались в здании женской гимназии (1905 г., архитектор И. А. Чарушин). Карниз был выполнен кирпичной кладкой, напоминающей кисти русских полотенец, на стенах, благодаря объемной кладке, создана рустовка квадратами. Завершали панораму дореволюционного города возвышающиеся над крышами домов церковные купола. В Сарапуле в начале XX в. насчитывалось 16 церквей, в том числе 5 домовых.

Глазов. Развитие капитализма вызвало оживление городской жизни. К началу XX в. население Глазова удвоилось (с 2 240 в 1856 г. до 4 240 человек в 1897 г.). Число зданий за указанный период увеличилось с 234 до 496, в том числе 38 каменных¹⁷². Каменные постройки представляли собой чаще всего нештукатуренные здания, декорированные в духе позднего классицизма или русского стиля. Из них выделяется типовая постройка женской гимназии (1898 г.), духовное училище (1907 г.), мужская гимназия, построенная в стиле модерн (1905 г., вятский архитектор Я. П. Максимович). Для

Глазов. Здание духовного училища. Начало XX в.
ЦГА УР

Елабуга. Реальное училище. Конец XIX в.
Из книги "Древняя Елабуга". Елабуга, 2000

деревянного зодчества характерна строгость, скупость декора, внимание к прочности, удобству. Двухэтажные дома строились без террас и мезонинов, как на юге Удмуртии¹⁷³.

Елабуга. Особенности природной среды и рельефа в значительной степени определили неповторимый облик Елабуги. Развитие города как торгового и промышленного центра стимулировало его активную застройку. Большую роль в этом сыграло купечество Елабуги, выделявшее значительные средства на городское строительство. На средства купцов Ф. П. Гирбасова, И. И. Стахеева, Н. И. Ушкова, Г. Ф. Стахеевой и других построены не только промышленные, торговые и жилые здания, но и учебные заведения, культовые постройки.

Все шире внедрялись новые типы промышленных и общественных зданий, отвечающих возросшим экономическим и социальным потребностям: банки, клубы, гимназии, городские думы, корпуса, народные дома. Одним из наиболее крупных градостроительных элементов Елабуги второй половины XIX в. стал комплекс зданий Пантелеймоновской богадельни (1864 г., на средства купца И. И. Стахеева). Для построек 1860–1880-х гг. было характерно использование стиля эклектики классицистического

Елабуга. Здание епархиального женского училища
Начало XX в

Из книги "Древняя Елабуга". Елабуга, 2000

направления. Так возведены здания городской больницы (1863 г.), уездного казначейства (1870 г.), пожарной части (1878 г.), Александровского ремесленного училища (1880 г.), реального училища — крупнейшего учебного заведения не только Елабуги, но и всей губернии (1870–1880-е гг., по проекту архитектора С. В. Бечко-Друзина). В 1890-е гг. появились мужское училище слепых в стиле "кирпичной" эклектики, городское трехклассное училище (эклектика). В конце XIX — начале XX в. расширилась сеть магазинов. Новые здания для них сооружались с использованием стиливых особенностей модерна. Веяние времени отразилось в постройке клуба торговых и банковских служащих (начало XX в.) — эклектика

Елабуга. Усадьба купцов Стахеевых. Конец XIX в.
Из книги "Древняя Елабуга" Елабуга, 2000

классицистического направления с элементами модерна. Епархиальное женское училище (1903 г., по проекту И. А. Чарушина) также сочетало в себе элементы эклектики и модерна. Редкий образец стиля модерн представляло здание городской больницы (начало XX в.) и Елабужского уездного казначейства (1914 г.). В начале XX в. получает распространение русский стиль (здание мужского земского училища).

Типичным образцом промышленной архитектуры конца XIX в. "кирпичного" направления эклектики является комплекс зданий пивоваренного завода Стахеевых. Из красного кирпича была возведена и водонапорная башня с готическими элементами декора (1900 г.).

Для купеческих особняков были характерны эклектичные постройки с кирпичным первым этажом, где располагались хозяйственные службы, и деревянным вторым — жилым этажом. Наряду с элементами классицизма, модерна, они включали элементы деревянного зодчества. Редким образцом усадебного комплекса в стиле эклектики классицистического направления стала усадьба купцов Стахеевых (вторая половина XIX в.). Все компоненты усадьбы (магазин, двор, жилой дом, сад) были расположены на одной оси и образовывали единый ансамбль, поддержанный пластическим решением фасадов. Массовая жилая застройка в конце XIX — начале XX в. деревянными и кирпичными домами в один или два этажа, иногда с мезонинами велась с заимствованием стиливых особенностей классицизма, модерна, русского стиля, использованием элементов народного зодчества.

Среди культовых построек 1860-х гг. выделяется Казанско-Богородицкий женский монастырь (по проекту архитектора Г. А. Боссе). Его пятиглавая Казанско-Богородицкая церковь в русском стиле создавала градостроительную доминанту при въезде в город со стороны Вятки и Уфы¹⁷⁴.

Воткинский завод. Ансамбль промышленной, гражданской и культовой застройки, искусственный водоем и окружающая

Воткинск. Богдельня А. И. Созыкина. Начало XX в.
Из личного фонда О. В. Северюкова (ЦГА УР)

природа придавали неповторимый облик жилому массиву. Продолжалась застройка центральной части – предзаводской (Соборной) площади. В едином стиле с собором в 1882 г. было построено здание заводууправления (поздний классицизм). Редким для Удмуртии типом постройки являлась богдельня А. П. Созыкина (1906 г.), построенная по проекту И. А. Чарушина в русском стиле. Русский стиль развивали и культовые постройки: Пантелеймоновская церковь (1890 г.), Спасо-Преображенская кладбищенская церковь (1897 г.). Гражданское каменное зодчество было развито не столь высоко, как в Сарапуле и Елабуге. Оно представляло собой сочетание производственных, торговых, складских и жилых помещений, что было характерно для провинциального каменного строительства конца XIX – начала XX в. Здесь также сложился самобытный тип деревянного жилого дома. Это двухэтажное строение с верандой, а иногда еще и мезонином с балкончиком. Наличники украшались специфическим воткинским мотивом скрещенных якорей¹⁷⁵

Ижевский завод. В застройку стали включаться здания в неовизантийском стиле, стиле модерна, неоклассицизма, необарокко. Во второй половине XIX – начале XX в. появился ряд зданий, отличавшихся эклектичностью архитектуры. Центральное место среди них занял Михайловский собор, выдержанный в русском стиле (1896–1907 гг., по проекту архитектора И. А. Чарушина). Пышно украшенный, расположенный на холме собор сразу стал новым центром градостроитель-

ной композиции. В русском стиле выдержаны и другие культовые постройки И. А. Чарушина: Покровская церковь (1903 г.), Успенская деревянная церковь (1916 г.).

В начале XX в. в Ижевске насчитывалось уже 42 тыс. жителей, что было больше, чем в губернском центре Вятке и в таких губернских городах, как Пермь или Новгород. Строились двухэтажные купеческие и чиновничьи дома, эклектичные по стилю, выдержанные в формах классицизма, а к началу века – модерна. Оригинальная деревянная дача в стиле модерн была построена И. А. Чарушиным для крупнейшего ижевского фабриканта И. Ф. Петрова. Основную застройку Ижевска представляли деревянные дома мастеровых. Если в первой половине XIX в. их облик регламентировался заводскими архитекторами, то с середины века они становятся более нарядными и разнообразными. В деревянном зодчестве широко распространилась домовая

Ижевский завод. Михайловский собор. Начало XX в.
ЦГА УР

резьба, отличавшаяся орнаментальной щедростью и техническим разнообразием (кружевная пропильная резьба, раскраска). Появились узорочные подзоры и дымники из жести, балконы с витыми деревянными колоннами, фигурная тесовая обшивка ворот. В результате постройки получали неповторимое своеобразие и законченность облика¹⁷⁶

Среди промышленных зданий выделяют пивоваренный завод И. И. Бодалева, оружейная фабрика И. Ф. Петрова (конец XIX в.). Оружейная фабрика А. Н. Евдокимова возведена в 1905 г. в русском стиле. Для линии заводского водопровода в 1915 г. построена "неоготическая" водонапорная башня¹⁷⁷

Театр. Во второй половине XIX в. на территории Удмуртии не существовало профессиональных театров. Первые самостоятельные кружки появились в этот период в Сарапуле. Уже в 1861 г. в здании приходского училища были поставлены драма "Слепая" и комедия "Племянник из Индии". В 1874 г. учениками реального училища была осуществлена постановка комедии Н. В. Гоголя "Женитьба". Первые любительские публичные платные спектакли прошли в Глазове в 1863 г.¹⁷⁸ В конце XIX – начале XX в. любительские театральные постановки получили значительное распространение.

В 1900 г. С. Н. Демин, большой любитель сценического искусства, организовал в Сарапуле музыкально-драматический кружок. В его репертуар входили произведения А. П. Чехова, Г. Ибсена, А. Н. Островского. Летом 1910 г. совместно с артистом Малого театра (Москва) А. И. Истоминым, уроженцем Сарапула, начавшим артистическую карьеру в кружке, с большим успехом была поставлена комедия А. Н. Островского "Лес".

Кроме этого кружка, в Сарапуле функционировали другие любительские коллективы. Так, 20 марта 1909 г. в помещении профессионального общества была поставлена комедия Н. В. Гоголя "Женитьба". В 1914 г. учениками ткацкой мастерской с успехом показана пьеса А. Н. Островского "Не все коту масленица"¹⁷⁹.

На стыке двух веков русские театральные коллективы появились и в других населенных пунктах Удмуртии: в 1890 г. в Воткинске, в 1895 г. в Можге Сарапульского уезда, в 1896 г. в Вавоже Малмыжского уезда¹⁸⁰. В 1900 г. на Ижевском заводе по инициативе инженера И. Л. Васильева был создан любительский театр, открывшийся спектаклем "Тарас Бульба" по Н. В. Гоголю. В 1908 г. участниками заводского театра были 268 рабочих. До 1912 г. театром было показано 119 спектаклей, кроме того, несколько литературных вечеров, елок и концертов¹⁸¹. Общество любителей музыкального и драматического искусства им. П. И. Чайковского, образованное в 1909 г. в Воткинске под председательством врача С. Г. Макарова, ставило целью "доставлять своим членам возможность собираться для исполнения различных произведений музыкального и драматического искусства". Репертуар драматической труппы составляли в основном произведения русской классики.

В конце XIX в. Удмуртия впервые стала принимать у себя гастролирующие коллективы. В 1863 г. в Сарапуле выступала балетная труппа¹⁸², в 1876 г. – театральная труппа во главе со С. М. Славской. Чуть позже начали прибывать целые товарищества – коллективы актеров, создававшиеся, как правило, на один сезон. В 1879 г. в Сарапуле гастролировало товарищество под руководством Д. А. Хотеева-Самойлова. В дальнейшем гастроли актерских товариществ и отдельных трупп приобрели систематический характер¹⁸³.

Музыка. Подъем музыкально-концертной жизни в России во второй половине XIX в. затронул и Удмуртию. Развивалось хорошее певческое искусство, создавались музыкальные кружки и общества, регулярно занимавшиеся концертной деятельностью. Проводились благотворительные концерты, балы с выступлениями любителей, стали популярными литературно-музыкальные вечера, на которых исполнялись музыкальные произведения, песни, романсы.

В учебных заведениях разного профиля обучали музыкальным навыкам, нотной грамоте, хоровому пению. При каждом соборе и церкви в городах и селах были свои хоры. Известность в крае получили зуринский хор девочек-удмурток, народно-церковный хор д. Уровай, детский церковный хор из с. Селты Малмыжского уезда. Ими руководили талантливые мастера хорового искусства: диакон П. Сергиев, иерей М. Шерстенников, псаломщик Базезин, псаломщик И. Домрачев. Одним из самых крупных на территории Удмуртии был хор Покровской церкви в Сарапуле. В начале 1910-х гг. он состоял из 35 человек во главе с регентом Г. С. Голубевым¹⁸⁴.

В 1902 г. при Ижевских заводах организована школа хорового пения и оркестровой музыки. Хором любителей-заводчан управлял артиллерийский офицер П. Н. Сорочинский. Исполнялись произведения русской и зарубежной классики, русские, украинские, чешские народные песни¹⁸⁵.

Особенно активно музыкальная жизнь в начале XX в. протекала в Сарапуле. Здесь были открыты музыкальная школа и училище, образовано местное отделение Русского музыкального общества. Широко развернулась гастрольная деятельность: выступал с концертами С. В. Рахманинов, приезжали известные певцы, оперные труппы.

Профессиональным композитором стал сарапульский протоиерей А. Н. Чистяков – член местного отделения Русского музыкального общества, действительный член Вятского церковно-певческого общества. В 1911 г. он опубликовал сборник своих произведений. Большой популярностью пользовалось сочинение "Вечери Твоея Тайныя". Один из рецензентов писал о концерте, данном хором Покровской церкви в Сарапуле: "Лично меня тронули произведения местного духовного композитора Чистякова "Блажен муж" и "Вечери Твоея Тайныя". Его композиции проникнуты настоящим церковным молитвенным настроением и до того просты, что трогают именно этой простотой. На духовном концерте не принято рукоплес-

кать, но хору почти после каждого номера программы хлопки невольно вырывались у восхищенных слушателей..."¹⁸⁶

Здравоохранение

Вторая половина XIX – начало XX в. представляет собой совершенно особый этап в развитии системы здравоохранения в крае, когда забота о здоровье людей была во многом возложена на общественную инициативу в лице земского самоуправления. Именно в рамках земской медицины был поставлен на практическую основу вопрос о доступности квалифицированной медицинской помощи крестьянскому населению. Земцами в тесном сотрудничестве с врачами были выработаны новые подходы к организации стационарного и амбулаторного лечения, санитарно-профилактической работы. Поэтому особенности земской медицины в значительной степени определили основные тенденции развития здравоохранения на территории Удмуртии в изучаемый период.

Систему медицинских заведений земства получили в наследство от Приказа общественного призрения, Министерства государственных имуществ и Министерства двора и уделов. Врачебный устав 1892 г. подтвердил, что "устройство медицинской части в селениях возлагается на попечение земских учреждений"¹⁸⁷. Надзор за деятельностью медицинского персонала и состоянием лечебных заведений осуществлял губернский врачебный инспектор, состоявший при врачебном отделении губернского правления. В остальных вопросах организации здравоохранения земства пользовались достаточно высокой степенью самостоятельности, тем более что до начала XX в. земская медицина финансировалась полностью из земских средств.

Принципы организации медицинской помощи населению вырабатывались местными земствами в тесном сотрудничестве с врачами и с опорой на мировой и отече-

ственный опыт. Показательно, что основные направления развития земской медицины в крае заложил председатель Вятской губернской земской управы врач Матвей Матвеевич Синцов. На обсуждение первого губернского земского собрания 1867 г. он представил записку, в которой предложил такие меры, как организация приема больных в участковой больнице, бесплатность медицинской помощи, независимость уездных земств от губернского в вопросах здравоохранения, создание при губернской управе "комитета здоровья" из врачей¹⁸⁸.

В соответствии с предложением М. М. Синцова губернское земское собрание передало все медицинские учреждения в уездах в ведение уездных земств. На баланс губернского земства были приняты лишь губернская больница в г. Вятке, лечение психиатрических больных и санитарно-противоэпидемические мероприятия.

Функции взаимодействия земств и медицинского персонала осуществляли съезды врачей и земско-медицинские советы, обладавшие правом совещательного голоса по отношению к решениям земских собраний. Первый в России съезд земских врачей состоялся в Тверской губернии в июле 1871 г. В 1873 г. Вятское губернское земское собрание приняло соответствующее предложение врача и гласного Яранского уездного земского собрания И. И. Моллесона. Всего состоялось 8 съездов врачей Вятской губернии: первые три в 1874–1876 гг., четвертый в 1883 г., пятый в 1888 г., шестой в 1893 г., седьмой в 1897 г., восьмой в 1909 г. В декабре 1913 г. Вятское губернское земское собрание 46-й очередной сессии постановило созывать съезды врачей через каждые три года. Девятый съезд был назначен на 1915 г. Начавшаяся первая мировая война помешала осуществлению планов земства. В съездах, помимо земских врачей, участвовали также представители земства, обычно председатели и члены земских управ. Каждый съезд вызывал всплеск активности со стороны губернского и уездных земств в отношении развития

системы здравоохранения в крае. Многие решения съездов были воплощены земством в жизнь.

Земско-медицинские советы, такие как и съезды врачей, впервые возникли в 70-е гг. XIX в. Однако только в начале XX в. они приобрели характер постоянно действующих органов. К началу первой мировой войны медицинские советы действовали при губернской и всех уездных земских управах. Помимо врачей, в состав советов входили члены управ и представители земских гласных. Возглавлялись медицинские советы председателями соответствующих земских управ. Советы созывались несколько раз в год для обсуждения разнообразных вопросов организации земской медицины.

Рекомендации врачей легли в основу создания земствами новой системы медицинского обслуживания населения. До этого был распространен разъездной тип оказания медицинской помощи, при котором врачи и фельдшеры в определенные дни объезжали специально назначенные пункты. Рожденная земской медициной стационарная система в сочетании с участковым принципом обслуживания предполагала осуществление приема больных в участковой больнице с постоянно находящимися в ней врачом, фельдшером и акушеркой. Показательно, что сам термин "стационарная" был впервые введен именно в Вятской, а также в Самарской губерниях. Однако в действительности в крае долгое время преобладала стационарно-разъездная (смешанная) система медицинского обслуживания. Поскольку число врачей и больниц было недостаточным, на территории каждого медицинского участка располагалось несколько самостоятельных фельдшерских пунктов. Наблюдение за их деятельностью осуществляли участковые врачи, которые выезжали в фельдшерские пункты в определенные дни или по вызову фельдшеров и больных.

С конца 90-х гг. XIX в. земства края, стремясь придать большую планомерность своей деятельности по расширению медицинской сети, поставили перед собой за-

дачу добиться сокращения радиуса медицинского участка до 15–20 верст и количества жителей в нем до 15–20 тыс. Однако перспективная программа развития медицинской сети с четким указанием сроков и подробными картами, как это было в отношении школ, так и не была создана. Открывая новый участок, земства, как и прежде, руководствовались «соображениями момента» и имеющимися в их распоряжении средствами.

К 1869 г. на территории Удмуртии было 9 участков, на каждый из которых приходилось свыше 98 тыс. человек населения, работало 7 врачей, 43 фельдшера, 5 акушеров и 80 оспопрививателей. Уже к 1869 г. было открыто 23 участка (численность населения на участок соответственно уменьшилась до 51,3 тысячи человек), имелось 22 больницы и приемных покоя, 27 врачей, 88 фельдшеров, 19 акушеров и 42 оспопрививателя. Численность жителей, которых должен был обслуживать один врач, при этом уменьшилась втрое (со 126 750 до 43 899 человек).

Активный рост земской медицинской сети наблюдался в 1860–1870-е гг. и в 1890–1910-е гг. К 1913 г. на территории Удмуртии было открыто 37 медицинских участков, на территории которых работали 49 врачей, 207 фельдшеров и фельдшериц, 55 акушеров, 20 оспопрививателей, действовало 36 больниц и приемных покоев. Наиболее крупными и хорошо оборудованными являлись городские и заводские больницы: Сарапульская на 100, Елабужская на 65, Воткинская на 60, Ижевская и Малмыжская на 50 коек. Из сельских больниц своими размерами выделялись Сосновская Сарапульского уезда (65 коек), Можгинская Елабужского уезда (31 койка), Унинская Глазовского уезда (35 коек)¹⁸⁹.

Тем не менее, поставленные земствами задачи не были полностью решены. На каждый медицинский участок в среднем приходилось 1 542 квадратные версты (при радиусе в 22 версты вместо предполагаемых 15 верст) и 43 294 человека (вместо

запланированных 15 000). Следует учесть, что Московское, Петербургское и некоторые другие земства преодолели в этот период уже десятиверстный и десяти тысячный барьер. Еще более явным было отставание по обеспеченности врачебной помощью. На территории Удмуртии земский врач обслуживал 32 570 жителей, в Глазовском уезде – 41 768. С учетом вклада других учреждений, а не только земств, в 1913 г. в Вятской губернии на одного гражданского врача приходилось 20,4 тыс. человек, в то время как в 51 губернии Европейской России этот показатель составил 6,4 тыс. человек¹⁹⁰.

В условиях недостаточного количества персонала медицинская помощь в изучаемый период носила универсальный характер. Лишь в области психиатрии и родовспоможения работали узкие специалисты. В начале XX в. наметилась тенденция к выделению хирургии и офтальмологии.

По уровню развития психиатрической помощи Вятская губерния приближалась к ведущим губерниям страны. Большая роль в этом принадлежала губернскому земству и вятским губернаторам. В 1869 г., по предложению губернатора В. И. Чарыкова, Вятское губернское земское собрание постановило лечить психиатрических больных бесплатно. Благодаря усилиям другого вятского губернатора А. Ф. Анисына, Вятское земство одним из первых в стране перешло к децентрализованной системе психиатрических лечебных заведений. В пожертвованном в г. Елабуге потомственным почетным гражданином С. Ф. Гирбасовым каменном доме в 1891 г. губернское земство открыло отделение душевнобольных¹⁹¹.

В начале XX в. на территории Вятской губернии действовали центральная психиатрическая лечебница в г. Вятке на 700 коек и 4 ее отделения на 60 коек, в том числе в Елабуге и Сарапуле (с 1904 г.). По числу больных, пользовавшихся услугами психиатрических лечебных заведений, Вятская губерния занимала второе место (после Петербургской) среди других земских губерний страны. В 1911 г. психиатрические боль-

ные в ней составляли 24 % по отношению к общему числу стационарных больных¹⁹².

В отличие от психиатрии родовспомогательная помощь в крае была развита слабо. В 1869 г. на службе земства в четырех уездах состояло 5 акушеров, 4 из которых работали в Сарапульском уезде. К 1896 г. число акушеров увеличилось до 19, к 1913 г. — до 55, не считая фельдшериц-акушеров, работавших в больницах и на самостоятельных фельдшерских пунктах. Приведенные цифры были явно недостаточны. Кроме того, в Глазовском уезде, например, на акушеров возлагались также обязанности по оплодотворению. Негативное влияние на результаты работы в данном направлении земской медицины оказывали и традиции населения. В 1914 г. количество родившихся с акушерской и врачебной помощью колебалось от 5 до 10 %¹⁹³.

Широкое распространение в крае имели заболевания глаз, особенно трахома. В 1892–1901 гг., например, страдающие глазными болезнями составляли по отношению к числу признанных не пригодными к военной службе в крае до 32,5 %¹⁹⁴. Неслучайно проблема лечения этого вида заболеваний привлекала пристальное внимание медицинских работников и земства. Еще в 80-е гг. XIX в., по инициативе врачей И. Е. Егорова и А. П. Тепляшина, в Сарапульском и Глазовском больницах были организованы глазные отделения. И А. П. Тепляшин, и И. Е. Егоров были выпускниками Казанского университета, оба самоотверженно трудились в земских больницах, заслужив большую благодарность народа, а затем работали в качестве приват-доцентов Казанского университета. А. П. Тепляшин, живя в Казани, не порывал связей с Глазовским земством, в отпускное время приезжал в Глазов, безвозмездно вел прием больных и делал операции, работал в глазных отрядах. Им был написан ряд научных статей, среди которых "Точные сведения о слепых призывного возраста по Глазовскому уезду Вятской губернии". Научную работу, наряду с практической, вел земский

врач Сюминской больницы Дедюрин, проработавший здесь с 1891 г. по 1896 г. В журнале "Вестник офтальмологии" за 1893 г. он опубликовал статью, где объяснял распространенность заболеваний трахомой неблагоприятными условиями жизни и быта удмуртов. Научные статьи хирурга-окулиста И. Е. Егорова, который практиковал в Сарапульской земской больнице, выходили в журналах "Медицинское обозрение" и "Вестник офтальмологии". Кроме И. Е. Егорова, к хирургической практике в Сарапуле обращался врач П. И. Ильинский, также печатавший научные статьи в "Хирургическом вестнике" и в "Протоколах Общества казанских врачей". Летом 1904 г. хирургическим отделением Сарапульской больницы заведовал и занимался активной оперативной деятельностью приват-доцент по топографической анатомии А. В. Вишневский (будущий выдающийся советский ученый, блестящий хирург и создатель метода местного обезболивания). Позднее они появились и в других уездных больницах, а с 1895 г. глазное отделение было открыто в губернской земской больнице в г. Вятке. В 10-е гг. XX в. Сарапульское и Малмыжское земства ввели должность окулиста.

Интересный опыт предприняло Елабужское земство по организации санаторно-курортного лечения. В 1873–1875 гг. оно санционировало исследование варзи-ятчинских серных источников и грязей, после чего открыло в Варзи-Ятчах временный приемный покой. По инициативе земств, а чаще врачебных обществ, в Глазовском и Сарапульском уездах работали глазные отряды из клиник Казани, Москвы и Петербурга. Они лечили больных трахомой, проводили санитарно-просветительскую работу, обучали местный медицинский персонал методам диагностики и лечения этого заболевания. Так, в 1900 г. в Глазовском уезде работал отряд доктора Гарнье, в Сарапульском — приват-доцента Военно-медицинской академии, доктора медицины Н. И. Андогского¹⁹⁵. Большую роль в исследовании лечебных факторов варзи-ятчинских грязей сыграли

химики Казанского университета Грабовский и Ломан, в 1883 г. их результаты подтвердил химик Бондюжского завода англичанин И. О. Макмилэнд¹⁹⁶. В 1889 г. купец, владелец крупнейших в крае химических заводов и земский гласный П. К. Ушков пожертвовал земству отстроенные им здания лечебницы и больницы, а также средства на их содержание в первые годы. В 1894 г. представленные земством на Всероссийской гигиенической выставке в Казани экспонаты варзи-ятчинских источников получили бронзовую медаль. Грязелечебница действовала в летние месяцы. Заведовал ею врач расположенного в Варзи-Ятчах медицинского участка, в первый период это был А. К. Зейдель. С 1889 г. по 1913 г. число посетивших лечебницу возросло с 24 до 484 человек¹⁹⁷.

Созданная земствами медицинская сеть, помимо общих и специализированных лечебных заведений, включала также земские аптеки. Собственные аптеки земства начали учреждать с конца 60-х гг. XIX в. в целях уменьшения затрат на медикаменты. Сначала аптеки открывались при городских больницах. Позднее Сарапульское и Глазовское земства организовали аптеки и в других крупных населенных пунктах (в Ижевском и Воткинском заводских поселках, селах Уни и Укан). В начале XX в. на территории Удмуртии действовало 8 "нормальных" аптек и 2 аптечных склада (в Сарапуле и Глазове). Небольшие аптечки имелись также в сельских больницах, приемных покоях и у фельдшеров. Земские аптеки обслуживали нужды земской медицины, выдавая лекарства по рецептам земских врачей и фельдшеров. В условиях широкого распространения бесплатной выдачи медикаментов особенно выгодной была так называемая "вольная" продажа. Однако разрешение на нее земские аптеки получали далеко не всегда, поскольку в этом случае они могли составить конкуренцию частным аптекам.

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризовались значительным распространением инфекционных заболеваний.

В 1906 г., например, в Вятской губернии на их долю приходилось 33 % всех смертных случаев. Наибольший процент смертности давали "детский понос" (49,75 % умерших от инфекционных заболеваний), коклюш (12,7 %), скарлатина (8,7 %), оспа (4,6 %) и тиф (3,9 %) ¹⁹⁸. Положение усугубляли периодически повторявшиеся эпидемии холеры. Особенно тяжелые последствия в Вятской губернии имела эпидемия начала 90-х гг. XIX в., охватившая 6 уездов. Только в Сарапульском уезде в 1892 г. заболели 6 652 человека, 3 484 из них умерли¹⁹⁹. Сложная эпидемическая ситуация ставила перед земством задачу выработки специальных методов профилактики и ликвидации эпидемий.

Уже в 1873 г. Вятское губернское земство учредило должность санитарного врача. Первым санитарным врачом Вятской губернии стал В. О. Португалов. После его ареста в 1874 г. соответствующие обязанности выполняли А. Рудольский и А. Н. Радаков. В 1877 г. должность санитарного врача земством была упразднена и восстановлена только перед началом первой мировой войны.

Несмотря на неоднократные попытки, создать стройную земскую санитарную организацию в крае так и не удалось. Из всех предложений реальное воплощение получили только санитарные советы и эпидемическая организация. Роль санитарных выполняли созданные накануне первой мировой войны земско-медицинские советы. Постоянный штат эпидемических и "запасных" земских врачей и фельдшеров появился в конце XIX – начале XX в. А в 1911 г. губернское земство приняло решение о создании эпидемической организации в составе 11 эпидемических фельдшеров (по одному на уезд). С 1914 г. она была дополнена 12 эпидемическими врачами (1 – губернский и 11 – уездных) и 11 дезинфекторами²⁰⁰.

Среди профилактических мер целенаправленно и последовательно осуществлялось только оспопрививание, возложенное на

земство законом. В разные годы обязательно по оспопрививанию выполняли фельдшерско-акушерский персонал и специальные оспопрививатели. Несмотря на заметные успехи, добиться полного охвата населения края противооспными прививками земствам тоже не удалось. В 1910-е гг. привитые по отношению к родившимся составляли от 82 % (Елабужский уезд)²⁰¹ до 44 % (Сарапульский уезд)²⁰². Отставание Сарапульского уезда стало следствием непоследовательности местного земства в деле оспопрививания.

Необходимость производства высококачественной вакцины против оспы и бешенства выдвинула идею организации в крае бактериологических исследований. В 1909 г. губернское земство постановило пригласить врача-бактериолога и открыть бактериологический кабинет. В 1913 г. было принято решение о строительстве здания бактериологического института. В его структуру вошли пастеровская станция, ветеринарно-диагностическая лаборатория и оспенный телятник²⁰³.

Вопрос о выработке более эффективных методов предупреждения массовых инфекционных заболеваний встал перед земствами края после эпидемии холеры начала 90-х гг. XIX в. В 1895 г. вышли "Обязательные постановления для населения Вятской губернии о мерах охранения народного здоровья", составленные губернским земством при содействии врачей и утвержденные губернатором. В 1913 г., переработанные и дополненные, они были переизданы. Постановления регламентировали сбор мусора и нечистот, захоронение трупов животных, изготовление и продажу пищевых продуктов, определяли санитарные нормы для общественных учреждений и промышленных предприятий. В целях борьбы с эпидемиями население обязывалось сообщать о заболевших, отводить для них помещения, производить дезинфекцию и др.²⁰⁴

Несмотря на предпринятые усилия, в деятельности земств края в целом преобладала работа по ликвидации уже разразившихся эпидемий, нежели их профилактика. В число

противоэпидемических мер входили бесплатное лечение инфекционных больных, открытие постоянных "заразных" отделений при больницах и временных эпидемических больничек в местах локализации эпидемий, а также наем временного персонала.

Профилактические и противоэпидемические мероприятия были усилены в годы первой мировой войны при непосредственном участии государственных органов. В целях усиления работ по профилактике оспы 18 июня 1915 г. правительство выпустило "Правила о курсах подготовки к оспопрививанию лиц немедицинского звания". Организованные Вятским губернским и уездными земствами курсы были рассчитаны, главным образом, на интеллигенцию. Глазовское земство, например, привлекло к ним учителей. Из специфических противоэпидемических мероприятий в этот период следует отметить противотифозную вакцинацию всех выписывающихся из земских госпиталей, санитарные осмотры беженцев (только на 1915 г. их было назначено в Вятскую губернию 100 000 человек)²⁰⁵, поездов и др.

Одна из приоритетных задач земства – обеспечить медицинской помощью главного земского налогоплательщика – крестьянство, принимая во внимание его бедность и недоверие к медицине. Поэтому земствами последовательно осуществлялся дифференцированный подход к оплате медицинских услуг.

С первых лет правом бесплатного стационарного лечения в крае пользовались несостоятельные, инфекционные и психиатрические больные. В разные годы это право распространялось на земских служащих, учителей народных школ, учащихся некоторых учебных заведений и воспитанников приютов. По действительной стоимости оплачивали содержание своих больных различные ведомства (внутренних дел, военное, железнодорожное и др.). В 1873/74 отчетном году суточное содержание одного больного в городских больницах края обходилось ведомствам от 45 до 67 коп., в 1910/11 г. – от 74 коп. до 1 руб. 10 коп.,

в 1916/17 г. – от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 38 коп. В отношении других категорий населения помесечная оплата сначала была заменена посуточной, а в 70-е гг. XIX в. земства перешли к бесплатному стационарному лечению налогоплательщиков. Сарапульское, Елабужское и Малмыжское земства оставались верны принципу бесплатности стационарной помощи вплоть до 1917 г. Глазовское земство возобновило взимание платы с коечных больных в 1883 г. Ее размер составлял 10 коп. в сутки для жителей Глазовского уезда и 20 коп. для всех остальных²⁰⁶. Однако даже в Глазовском уезде число бесплатных больных было значительным. В 1910 г., например, в земских больницах уезда из 4 041 пациента бесплатно лечились 1 542 (38 %), за полную стоимость (ведомственные) – 260 (6,4 %), за плату 10 коп. – 2 078 (51,4 %)²⁰⁷.

Позиция земства и врачей в отношении бесплатности амбулаторного лечения также не оставалась неизменной. В 60–70-е гг. XIX в. амбулаторная помощь жителям края оказывалась бесплатно. Более того, широкое распространение получила практика бесплатной выдачи медикаментов. С конца 1880-х гг. наметилась тенденция к взиманию платы за рецепт или за сам прием. В начале XX в. в Глазовском уезде взималось по 5 коп. за каждый рецепт и 3–5 коп. за посуду. В Елабужском уезде за совет врача больной должен был заплатить 5 коп. В Малмыжском уезде пятачковый сбор существовал в 1903–1905 гг.²⁰⁸ В Сарапульском уезде плата взималась только при обращении в аптеку, фельдшерами медикаменты по-прежнему выдавались бесплатно²⁰⁹.

К началу первой мировой войны земская медицина заняла ведущее место в системе охраны здоровья населения края как по числу медицинского персонала и лечебных учреждений, так и по их финансированию. В 1914 г. на земской службе состояло всех врачей – 71 %, фельдшеров и фельдшерниц – 81 %, акушеров – 91 %, в ведении земства находилось больниц и приемных покоев – 70 %²¹⁰. Кроме того, земства

обеспечивали почти 80 % всех расходов на здравоохранение²¹¹. Однако главным результатом земской деятельности в сфере здравоохранения стало значительное увеличение спроса населения на медицинские услуги. Если в 1869 г. обращаемость за медицинской помощью на территории Удмуртии составляла всего 2 человека на 1 000 жителей, то в 1913 г. – уже 750 человек²¹².

Доступность квалифицированной медицинской помощи способствовала снижению уровня смертности населения, начиная с 90-х гг. XIX в. В 1861–1865 гг. коэффициент смертности в Вятской губернии составлял 42 человека на 1 000 жителей, к 1911–1913 гг. он опустился до 36²¹³. Однако сравнительный анализ состояния здравоохранения по России в целом свидетельствует об отставании территории Удмуртии от многих регионов страны. Если смертность в Вятской губернии с начала 1860-х гг. до начала 1910-х гг. сократилась на 13,1 %, то в 50 губерниях Европейской России сокращение составило 25,8 %, а в некоторых земских губерниях (Полтавской, Московской, Херсонской) – более 40 %²¹⁴. Определенную роль в таком положении сыграло отставание края по обеспеченности жителей врачебной помощью. Спрос на медицинские услуги в значительной степени удовлетворялся за счет фельдшерского персонала. Так, в 1914 г. доля обратившихся за амбулаторной помощью к фельдшерам в Сарапульском уезде составила 34 %²¹⁵, в Глазовском уезде – 53 %²¹⁶.

В годы первой мировой войны царское правительство использовало организационные возможности земства для создания системы оказания медицинской помощи раненым и беженцам. В целях координации действий в этом вопросе 30 июля 1914 г. был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (впервые он был создан еще в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.), принятый в 1915 г. под эгиду Красного Креста.

На средства союза земства Вятской губернии в 1914 г. открыли 7 госпиталей (5 –

в Вятке, 1 – в Глазове и 1 – в Котельниче), рассчитанных на 826 кроватей²¹⁷. В 1915 г. были открыты временные госпитали в Сарапуле на 200 и Слободском на 15 кроватей. Всего в 1915 г. 9 госпиталей насчитывали 850 кроватей. Кроме того, в губернии действовало 16 лазаретных палат на 860 кроватей для легко раненных²¹⁸. В начале войны были попытки организации госпиталей и со стороны уездных земств, в частности Сарапульского. Госпиталь на 50 коек просуществовал в Сарапуле с 11 сентября по октябрь 1914 г., после чего на выделенные средства до 1 мая 1915 г. Сарапульское земство содержало 15 коек в госпитале Красного Креста в Вятке²¹⁹.

Мобилизация в годы войны вызвала сокращение штата постоянных медицинских работников более чем наполовину. Недосток кадров земство пыталось компенсировать за счет учащихся фельдшерских школ и санитарных курсов, студентов и временно-го персонала. А к началу 1917 г. экономическая и продовольственная ситуации настолько ухудшились, что перед земством встал вопрос о сокращении числа коек в больницах и увеличении платы за лечение.

Итак, благодаря усилиям земства, за более чем полувековой период в крае была создана развернутая сеть врачебных и фельдшерских участков и больниц, введен дифференцированный подход к оплате медицинских услуг (для многих категорий населения они были бесплатные), поставлен вопрос о необходимости профилактической работы. В земский период квалифицированная медицинская помощь стала доступна широким массам крестьянского населения. Об эффективности сложившейся системы свидетельствует снижение уровня смертности населения. Однако в своей деятельности земства столкнулись с рядом проблем. Во-первых, рационализация системы здравоохранения требовала значительных затрат. Между тем местные земства располагали достаточно ограниченными возможностями. Выделяя на нужды медицины до 30 % и более своего бюджета, они в несколько раз

отставали по медицинским расходам на душу населения от Москвы и Петербурга. Во-вторых, в отличие от начального образования, в сфере здравоохранения земствами так и не были разработаны программы развития с четким определением сроков и показателей. В-третьих, самостоятельность уездных земств в вопросах организации медицинской помощи жителям своих уездов приводила к значительным колебаниям между ними по основным показателям. Самым отстающим оказался Глазовский уезд в силу особенностей территории и платежеспособности населения. В-четвертых, существенные изменения требовались в крестьянской среде как в отношении бытовых условий, так и в отношении к методам лечения. Перечисленные факторы находили свое выражение в недостаточном количестве врачебного персонала, низком материальном уровне больниц, широком распространении эпидемий, высокой смертности, особенно детской. Несмотря на все перечисленные недостатки, нельзя не подчеркнуть еще раз, что земская медицина дала много значительных идей в области теории и практики здравоохранения, а из среды земских врачей вышло немало ученых, обогативших отечественную медицинскую науку. Основанный в 1865 г. журнал "Архив судебной медицины и общественной гигиены" и журнал Пироговского общества "Общественный врач" и другие журналы охотно печатали статьи земских врачей А. Тепляшина, П. Тихова, А. Вейса, Е. Колбановского, Е. Шкляева, Ф. Федорова (Глазовское земство), А. Добронравова, К. Круликовского, И. Купрессова, И. Егорова (Сарапульское земство). В них содержался глубокий обстоятельный анализ состояния здоровья населения, публиковались статистические разработки заболеваемости и обращаемости за медицинской помощью и исходов лечения. В 70–90-е гг. XIX в. в печати появились обширные работы А. Романова "Ижевский оружейный завод", К. Рома "О некоторых антигигиенических условиях г. Сарапула" и А. Радакова "Санитарный

очерк быта вотяков с. Сосновки Сарапульского уезда", "Медико-статистическое описание г. Сарапула", А. Тепляшина "Очерк развития и современного состояния земско-медицинского дела в Глазовском уезде" и Н. Тезякова – "Вотяки Большегондыревской волости", А. Потапова "Взгляды вотяков Глазовского уезда на заразные болезни и способы борьбы против них" и т. д.

Статьи А. Романова, А. Радакова и Н. Тезякова являлись примером медикотопографических описаний с ярко выраженным акцентом на социальную сторону – общие экономические условия жизни населения как источник патологии²²⁰. Полемический характер, направленный против утверждений земского врача А. Романова, имела работа старшего врача Ижевского завода И. Андржеевского "Ижевский оружейный завод", опубликованная в "Военно-медицинском журнале" за 1877 г. Он возражал против неблагоприятной оценки условий труда и быта ижевских рабочих, утверждая, что причины их высокой заболеваемости и смертности заключаются в нездоровой, болотистой местности вокруг завода, а не в социальной обстановке. Тем не менее, И. Андржеевский был первым, определившим среднюю продолжительность жизни жителей поселка Ижевского завода: она составляла менее 17 лет. Рост населения шел за счет механического притока.

Гораздо ближе по своим взглядам к выводам А. Романова оказался старший врач Воткинского заводского госпиталя И. А. Спасский, в 1888 г. представивший А. защите на степень доктора медицины диссертацию на тему "Опыт изучения влияния некоторых работ ижевских оружейников на их здоровье и физическое развитие". Сопоставляя свои материалы с данными А. Андржеевского, он углубленно изучил влияние профессиональных условий труда на заболеваемость и физическое развитие оружейников, выявив, что у работающих подростков 12–18 лет рост и округлость груди ниже, чем у не работающих на заводе. Подробно исследовав заболеваемость рабочих по

цехам, профилям и возрасту, И. А. Спасский установил большое число заболеваний органов дыхания, указал на профессиональные вредности. Особенно он подчеркнул большую заболеваемость туберкулезом в цехах, где рабочие имели постоянный контакт с металлической пылью²²¹.

Определенные итоги развития здравоохранения в крае были подведены в статье старшего врача Сарапульской больницы А. К. Добронравова, проработавшего здесь 35 лет, "Сарапульская земская больница за 25 лет ее существования (24 августа 1862 г. – 24 августа 1892 г.)". Материал был подготовлен по единой программе, разработанной группой врачей по решению Пироговского съезда. В статье не только подводились итоги, но и высказывались замечания о необходимых условиях для дальнейшего развития здравоохранения и медицины²²².

Религия

В середине XIX в. религия являлась доминирующей частью духовной жизни всего населения Удмуртии. В условиях Российской Империи иначе и не могло быть, так как Россия вплоть до 1918 г. не была светской страной. В Российской Империи православие имело статус государственной идеологии, церковь и государство были слиты воедино. Все официальные мероприятия, праздники, государственные торжества были связаны с церковью. Понятие "просвещение" также отождествлялось с понятием "православие". Однако Удмуртия не была регионом с исключительно православным населением. Специфика включения Удмуртии в состав Русского государства и особенности ее геополитического положения обусловили складывание на ее территории различных этноконфессиональных групп. Помимо представителей трех самых крупных конфессий: православия, ислама и старообрядчества, на этой территории проживали члены еще четырех религиозных общин – язычники (0,58 %), иудеи

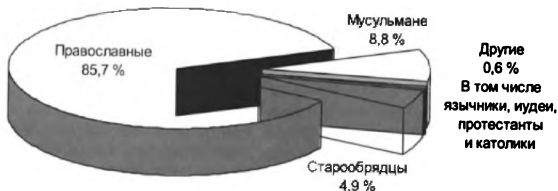

Рис. 1. Конфессиональный состав населения Удмуртии в 1897 г.

(0,04 %), протестанты (0,02 %) и католики (0,01 %).

Православная церковь, являясь господствующей конфессией, имела наиболее мощную и разветвленную структуру, пользовалась поддержкой государства и управлялась Святейшим Синодом. Другие конфессии Удмуртии были подведомственны департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий при МВД.

Православная церковь была государственной, а император имел статус верховного защитника и хранителя христианской веры. Государство в законодательном порядке поддерживало православную церковь. За покушение на православную веру, честь и достоинство священнослужителей, за переход из православия в раскол или "совращение других в раскол", за обращение православного в нехристианскую веру полагались уголовные наказания, вплоть до ссылки в Сибирь.

Существовало две категории православного духовенства: белое и черное (монашествующие). К черному духовенству относились митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и смотрители, игумены и настоятельницы женских монастырей и монахи. Все руководящие должности по церковному управлению занимали представители исключительно черного духовенства. К белому духовенству принадлежали священники, протопресвитеры, иереи, протодиаконы, диаконы, иподиаконы и причетники. По специфике служения

белое духовенство подразделялось на несколько групп: приходское сельское – самая многочисленная и наиболее общественно значимая группа; приходское городское; военное; причты монастырских и архиерейских домовых церквей; причты церквей при российских посольствах и придворное. Приходское духовенство также подразделялось на две категории: священнослужителей (священников и дьяконов) – старших членов причта и церковнослужителей, или причетников (дьячков, пономарей, псаломщиков), – младших членов причта.

Во второй половине XIX в. положение православной церкви в государстве значительно изменилось. В дополнение к общегосударственным реформам церковные и светские власти провели в 1860–1870-х гг. церковную реформу. Государство предпринимало реформу церкви, в первую очередь, во имя охранения основ самодержавия. Основные направления реформы были обозначены следующим образом: "1) расширение средств материального обеспечения приходского духовенства; 2) увеличение личных его гражданских прав и имущества; 3) открытие детям церковнослужителей для обеспечения своего существования всех поприщ гражданской деятельности; 4) открытие духовству способов ближайшего участия в приходских и сельских училищах"²³ Главным результатом реформы должно было быть повышение авторитета православного духовенства в народе. В 1880-х гг. церковная реформа была продолжена, хотя и несколько

ко иными методами. В целом все попытки реформирования православной церкви не изменили ее жесткой зависимости от государства и не привели к повышению авторитета духовенства.

Задачи церкви и духовенства. Государство и церковь совершенно по-разному представляли себе задачи церкви. Согласно "Символу веры" "Христианская Церковь – это собрание избранных Богом людей, призванных хранить Его слово, исполнять Его волю и совершать Его дело в мире"²²⁴. И поэтому главной задачей церкви является помощь человеку в общении с Богом и наставление его на путь спасения. Государство понимало предназначение более утилитарно. Одной из главных обязанностей православной церкви в Российской Империи являлось утверждение в населении покорности государственной власти и уважения к царской семье. Приходское духовенство должно было во время богослужения совершать поминовения о здравии царской семьи, а в "царские дни" (тезоименитство царя) совершать специальные богослужения. Все царские манифесты обязательно оглашались в церкви после окончания служб.

Церковь выполняла функции "регистрации" актов гражданского состояния" православного населения: рождения, брака, смерти с исполнением обрядов крещения, венчания, отпевания. Духовенство должно было докладывать властям о распространении суеверий, раскола и сектантства, о непосещении прихожанами церкви и несоблюдении постов. После реформ 60-х гг. священники были обязаны руководить деятельностью в приходе разных обществ, учреждений и братств, проводить народные чтения, следить за читальнями, волостными и деревенскими библиотеками.

Церковь сохраняла свой суд. В церковном суде рассматривались дела о колдовстве, о расторжении брака, о насильственном пострижении в монахи, о нарушении духовными лицами своих обязанностей.

Православная церковь имела широкую сеть духовно-учебных заведений для под-

готовки сыновей духовенства и священно- и церковнослужителей. Обучение начиналось в духовных училищах, затем в семинариях и, по желанию, в одной из четырех духовных академий.

Управление церковью. Руководство православной церкви осуществлялось через Святейший Правительствующий Синод. Синод располагал исполнительной властью и имел право издавать указы, обязательные для исполнения в духовном ведомстве. Управление церковными административными единицами осуществлялось через епархиальных архиереев и духовные консистории. Главу епархии назначал император из кандидатов, предлагаемых Синодом. Епископ рукополагал священнослужителей, определял их на соответствующие должности, освещал антиминсы* и руководил всей жизнью епархии. Вся Россия в церковно-административном отношении делилась на округа – епархии, границы которых с конца XVIII в. совпадали с губернскими. Во второй половине XIX в. их насчитывалось 57. Все епархии России были разделены на 3 класса по размерам штатных окладов, определяемых для епархии из государственной казны. В 1867 г. в связи с церковными реформами Александра II деление епархий на классы было отменено.

Епархиальный архиерей осуществлял церковное руководство совместно с духовной консисторией. Духовная консистория занималась всеми делами в епархии за исключением непосредственного архиерейского суда, призрения бедных духовного звания и духовного образования. Призрением занималось особое Попечительство о бедных и сиротах духовного звания, а духовным образованием – правления семинарий и училищ, съезды духовенства и училищные советы.

* Антиминс – шелковый или льняной четырехугольный плат, на котором изображается положение Христа во гроб; по углам помещаются изображения четырех евангелистов, а на верхней стороне вшиваются частицы мощей. Кладется на престол под Евангелие, на нем совершается освящение Святых Даров.

Все епархии подразделялись на более мелкие церковно-административные единицы – благочиннические округа. Во главе округа стоял благочинный священник, назначаемый епархиальным архиереем*. В обязанности благочинного входило наблюдение за порядком в пределах округа. В частности, благочинный следил за обеспечением храмов церковной утварью и богослужебными книгами, за сохранностью и ремонтом церковных зданий, за поведением духовенства, за правильным и своевременным исполнением богослужений и треб, составлял полугодовые рапорты о состоянии церквей, духовенства и прихожан. По существу, благочинный являлся посредником между епархиальным начальством и приходским духовенством. Помимо благочинного, в округе существовали должности духовника, следователя и наблюдателя за церковно-приходскими школами.

В церковно-административном отношении Удмуртия являлась составной частью Вятской епархии. К 1857 г. четыре удмуртских уезда входили в состав трех духовных округов: Сарапульского (Сарапульский уезд), Елабужского (Елабужский и Малмыжский уезды) и Глазовского (Глазовский уезд). Эта территория была разделена на 12 благочинных округов и 179 приходов. В среднем в каждом благочинном округе удмуртских уездов было 14 приходов, тогда как среднее число приходов в благочинии по епархии составляло 12. При этом средняя численность населения в приходе в Удмуртии составляла 3 680 человек (по Сарапульскому округу – 5 500 человек, по Глазовскому округу – 4 283 человека, по Елабужскому округу – 2 591 человек). Сред-

няя численность населения в приходе в целом по епархии составляла 4 168 человек²²⁵, а по России – 1 500 человек²²⁶.

В связи с церковными реформами в 1867 г. произошли изменения и в структуре управления Вятской епархией. Существовавшие до этого духовные правления в городах Орлове, Яранске, Нолинске, Елабуге, Сарапуле, Глазове, Слободском были закрыты. В 1868 г. в епархии была учреждена должность викарного епископа**. Викарий Вятской епархии именовался епископом Сарапульским, однако местом его постоянного пребывания был определен г. Вятка.

Продолжавшиеся и в царствование Александра III церковные реформы привели к новым изменениям в управлении Вятской епархией. В 1889 г. в Сарапул переносится кафедра викарного архиерея, при которой было создано Сарапульское духовное правление²²⁷. Епископ Сарапульский получил в самостоятельное управление Сарапульское викариатство, в состав которого вошли Сарапульский, Малмыжский и Елабужский уезды. В связи с этим вводится должность второго викария Вятской епархии – епископа Глазовского. В отличие от первого викария – епископа Сарапульского – второй викарий являлся лишь помощником епархиального архиерея и не имел самостоятельных прав по управлению Глазовским уездом. Он проживал в г. Вятке.

Приход являлся первичной церковно-административной единицей. Жизнь прихода руководили церковные причты при помощи церковных старост, избираемых прихожанами. Обычный сельский причт состоял из священнослужителей (протоиерей, иерей, дьякон) и церковнослужителей

* В 1867 г. было разрешено избирать благочинных на окружных съездах духовенства, однако в 1881 г. подобная практика была отменена.

** При Екатерине II в епархиях был учрежден институт вспомогательных архиереев – викариев. Викарные епископы обычно посвящались на фиктивную кафедру одного из уездных городов, от которого и получали свой титул. Однако по отношению к этому уезду они не имели самостоятельных прав управления. Лишь несколько викарных архиереев, в силу исключительных местных обстоятельств действительно могли вести церковное управление в выделенном из епархии округе. К началу XX в. таких викариев было три: епископ Люблинский Холмско-Варшавской епархии, епископ Устюжский Вологодской епархии и епископ Сарапульский Вятской епархии.

(причетники, дьячки, пономари, псаломщики). Штат большинства приходов состоял из священника (настоятеля прихода), дьякона (его помощника) и псаломщика.

К середине XIX в. в Вятской епархии действовало 890 православных храмов, из них в Удмуртии 292²²⁸. В 1909 г. количество православных храмов в Удмуртии возросло почти в полтора раза и составило 463 церкви. При них состояло положенного по штату духовенства 1 032 человека, из них: 61 монашествующий, 5 протоиереев, 384 священника, 173 дьякона и 409 псаломщиков²²⁹.

Помимо обычных приходских, на территории Удмуртии существовали и другие типы церквей:

многоклирные (в многолюдных приходах практиковалось укомплектование церкви двумя и более, вплоть до пяти, стандартными – священник и псаломщик – штатами священно-, церковнослужителей, которые в соответствии с числом штатов назывались двух-, трех-, четырех- или пятиклирными); **кладбищенские** (располагались на территории кладбища и предназначались для отпевания умерших; при них часто отсутствовал постоянный причт, а службу совершали священники близлежащей приходской церкви); **приказные и богоугодных заведений** (церкви, существующие при тюрьмах, богадельнях и приютах, чаще всего имеющие не полный клир, состоящий обычно из одного священника); **приписные** (не имели собственного прихода и были приписаны к какой-либо приходской церкви; без постоянного собственного причта); **домовые** (приписаны к учебным заведениям, чаще всего имеющие не полный клир); **единицы** (службы по раскольничьим книгам совершали православные священники).

Положение духовенства. К середине XIX в. православное духовенство обладало всеми чертами сословия. Для него были характерны: наследственность социального статуса и профессии, особые права и словесный менталитет. Православное духо-

венство, как и духовенство других конфессий, имело ряд привилегий. Оно не платило личных податей, не несло повинностей, в том числе и рекрутской. Начиная с 1722 г., все гражданские дела между духовными лицами и уголовные преступления, кроме самых тяжких, были переданы в юрисдикцию специального церковного суда. С 1801 г. к священнослужителям нельзя было применять телесные наказания. Духовенство в юридическом отношении очень близко стояло к дворянству. При этом оно долгое время было замкнутым сословием. Лицам податных состояний поступление в духовенство, особенно на священническое место, было сильно затруднено. Выйти из сословия было также затруднительно и невыгодно: сложившего сан ждало наказание, а его дети теряли все льготы. Кроме того, белое духовенство было обязано отдавать своих детей в духовные учебные заведения.

В 60–70-е гг. XIX в. правительство и руководство православной церкви попытались провести реформу, направленную на улучшение материального обеспечения духовенства и повышения его общественного статуса. В целях расширения прав духовенства 26 мая 1869 г. был издан закон, согласно которому дети духовенства объявлялись не принадлежащими к сословию, однако за ними сохранялись все права и льготы, в том числе свобода от рекрутской повинности и возможность обучаться в духовных учебных заведениях. В соответствии с другим законом от 30 апреля 1871 г. в зависимости от положения отцов дети получали права дворян или почетных граждан. Была категорически запрещена наследственная передача церковных должностей. Отменялись различные ограничения на свободу слова и печати для духовенства. Духовные школы открывались для детей всех слоев населения.

Тем не менее, в первые годы после издания закона духовенство не спешило воспользоваться своими новыми правами. Только спустя несколько лет дети духовенства начали поступать на гражданскую службу и в светские высшие и специаль-

ные учебные заведения. В 1914 г. из 2 187 выпускников 57 семинарий только 47,1 % остались в духовном ведомстве, остальные поступили в светские учебные заведения (39,1 %), на гражданскую службу (4 %) и в другие сферы (9,8 %)²³⁰

В пореформенный период духовенство постепенно утрачивает сословные черты. И хотя среди духовенства доля выходцев из других сословий составляла к 1904 г. всего 3 %, это было уже следствие традиции. Духовенство из сословия превращалось в профессию, так как все юридические основания для существования духовенства как сословия были разрушены²³¹

Материальное положение приходского духовенства, в особенности сельского, во многом зависело от взаимоотношений с прихожанами. По закону каждый сельский приход был обязан выделить из своего земельного фонда приходскому причту 30 дес. пашни и других угодий или заменить этот земельный надел денежной или натуральной (зерно, фураж) платой – ругой. Одних приношений и платы за требы в абсолютном большинстве приходов для обеспечения духовенства было недостаточно. Поэтому сельское духовенство практически повсеместно вело такое же хозяйство, как и прихожане: пахало землю, косило сено, разводило скот. Кроме того, при крайней нужде сельский священник занимался даже мелким ремеслом. Однако в отличие от крестьян, он не мог посвятить сельскому хозяйству все свое время. В связи с этим материальное положение основной массы сельского духовенства было неудовлетворительным. Казенное жалование, выплачиваемое с 1842 г., было достаточно скромным, к тому же из-за недостатка средств распространялось лишь на незначительное число приходов. Бедность причтов ставила их в зависимость от прихожан, что часто порождало вымогательство большей платы за требы. Все это приводило к нежелательным явлениям во взаимоотношениях с прихожанами, вызывало конфликты, вело к снижению авторитета духовенства и церкви в народе.

Правительством неоднократно предпринимались попытки улучшения материального положения духовенства. В 1864 г. было издано Положение о приходских попечительствах при православных церквях. По своему желанию приходские общины могли избирать приходские попечительства с обязательным участием в них священников. Приходские попечительства должны были заниматься поисками дополнительных средств на содержание церкви и духовенства, сбором средств на школы, больницы, богадельни, приюты и на помощь беднейшим прихожанам, заботиться о соблюдении прав причтов, об устройстве домов для них. Основным источником поступлений являлись пожертвования, но допускались и сборы с прихожан. Однако население не поддержало создание приходских попечительств. Оно увидело в этом, и не без основания, попытку решить материальные проблемы духовенства за счет прихожан.

А вот что писал по поводу материального обеспечения духовенства благочинный четвертого округа Сарапульского уезда Александр Пинегин: "Источником содержания причта служат добровольные подаяния прихожан за требоисправление деньгами и продуктами сельского хозяйства. Источник этот довольно тощ и скуден, что доказывается следующими данными. На содержание всех причтов по общим и частным кружкам поступило за первое полугодие текущего 1916 г. 9 373 руб. 53 коп., из коих на долю священника приходится 260 руб. 37 коп., дьякона – 173 руб. 58 коп., псаломщика – 86 руб. 79 коп. Добровольные подаяния натурой вследствие природной скудости, невежества, иногда бедности и частных неурожаев многие из прихожан доводят до степени нищенских, при этом часто укоряют духовенство в том, что чиновники служат и исполняют свои обязанности, ничего с них не требуя, а духовенство, как выражаются они, дерет с живого и мертвого, вместо того чтобы требовать себе содержание от казны или же зарабатывать его личными трудами. Совершение служб и треб

они не считают особым трудом, а больше ценят физический труд"²³². Вообще, значительная часть духовенства считала неправильным такое положение, когда их доходы зависели от прихожан, поэтому в рапортах благочинных очень часто высказывалась мысль о необходимости перевести духовенство на полное государственное обеспечение. Однако немногие из них понимали, что это невозможно. В этой связи есть любопытное свидетельство об отношении руководства епархии к подобным идеям приходского духовенства. Сарапульским епископом Алексеем в 1894 г. на полях рапорта одного благочинного, рассуждавшего о том, какие прекрасные отношения сложатся между прихожанами и духовенством, если последние будут получать содержание от казны, была сделана карандашная пометка "благочестивая химера"²³³.

Церковные общества и объединения. В ходе церковной реформы Александра II в 1864 г. было издано Положение о православных церковных братствах. Эти братства должны были состоять из православных разных званий и состояний и служить для "противодействия посягательствам на права православной церкви со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения"²³⁴. Кроме братств, можно было открывать разного рода общества. Церковные братства и общества создавались при церквях и монастырях с благословения и утверждения епархиального архиерея и обычно ограничивались в своей деятельности рамками одной епархии или ее частью. На территории Удмуртии также стали появляться церковные экономические, миссионерские и просветительские общества и объединения.

В 1870 г. был создан Вятский комитет православного миссионерского общества, считавший главной своей задачей содействие распространению православия путем открытия школ и печатания религиозно-нрав-

ственной литературы. Для миссионерской деятельности среди раскольников в 1881 г. было создано Вятское братство святителя и Чудотворца Николая. Братством финансировалась открытая еще в 1875 г. Вятская противораскольничья школа, где готовились учителя для сельских и деревенских школ в местах проживания раскольников. Братство также занималось открытием и материальным обеспечением этих школ и, кроме того, распространением через них бесплатных брошюр противораскольничьего содержания. В 1892 г. было создано православное Братство при Сарапульском Вознесенском соборе. Главными задачами братства являлись содействие инородческой и противораскольничьей миссии и распространение христианского просвещения. В ведение Братства были переданы все церковно-приходские школы Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов. Кроме содержания школ, Братство устраивало религиозно-нравственные чтения, распространяло книги, иконы и крестики, открывало библиотеки. Для улучшения миссионерской работы в епархии в 1908 г. был создан епархиальный миссионерский совет. Деятельность этого совета была сосредоточена главным образом на приобретении и бесплатной раздаче религиозной литературы, направленной против раскола, сектанства и язычества.

Просветительские цели преследовало и отделение Православного императорского Палестинского общества, основанное в 1882 г. Главной его задачей было поддержание православия на Святой Земле и поощрение о посещающих ее православных паломниках. Вятское отделение общества занималось преимущественно распространением сведений о прошлом и настоящем Святой Земли. Для этого обществом устраивались публичные чтения с показом "туманных картин" и выпускалась соответствующая литература. С 1908 г. в епархии действовал комитет для ведения религиозно-нравственных чтений в Епархиальном доме. Всеми учебными заведениями духовного ведомства, начиная с 1884 г., заведовал

Вятский епархиальный училищный совет, учрежденный согласно Правилам о церковно-приходских школах от 9 ноября 1884 г. Уездные отделения епархиального училищного совета были открыты согласно Правилам о церковно-приходских школах, утвержденным 28 мая 1888 г.

При Вятской духовной консистории действовало Попечительство о бедных духовного звания. Задачами этого Попечительства являлись рассмотрение прошений и назначение пособий заштатным вдовам и сиротам, решение дел о наследстве, назначение попечителей и опекунов, прикрепление к церквям оставшихся без средств к существованию лиц духовного звания. С 1875 г. в поселке Ижевского завода действовала богадельня при Александро-Невском церковноприходском попечительстве. Для призрения престарелых духовного звания в 1900 г. в г. Вятке была открыта епархиальная богадельня. В Вятской епархии существовала и эмеритальная касса. Обязательными участниками этой кассы были все лица духовного звания, а по желанию могли участвовать и лица других сословий, служащие в учреждениях духовного ведомства. Эмеритальная касса выплачивала дополнительные пенсии всем своим членам в зависимости от суммы взносов. В 1906 г. было открыто специальное отделение эмеритальной кассы – погребальная касса. Через эту кассу выплачивалось погребальное пособие всем участникам в соответствии с суммой взно-

сов. Членство в погребальной кассе было обязательно для всех лиц духовного звания, служащих в епархии. В некоторых учебных заведениях существовали благотворительные братства для помощи бедным ученикам. Это были: Васильевское братство Елабужского епархиального женского училища (основано в 1907 г.); братство апостола Иоанна Богослова Вятской духовной семинарии (основано в 1908 г.); Введенское братство Вятского епархиального женского училища (основано в 1908 г.); братство в честь Богоматери Глазовского духовного училища; Покровское братство при Елабужском духовном училище.

Православное население. Православные являлись самой крупной религиозной общиной и составляли 85,7 % населения. Для православного населения Удмуртии был характерен весьма разнообразный национальный состав.

Русские составляли подавляющее большинство православного населения. Удмурты являлись второй по численности национальной группой православного населения. В середине XIX в. крещеные удмурты проживали в 30 приходах Глазовского уезда, в 28 приходах Малмыжского уезда, в 27 приходах Сарапульского уезда и в 15 приходах Елабужского уезда. Православные марийцы проживали в 7 приходах Елабужского уезда, в 6 приходах Сарапульского уезда и в 13 приходах Малмыжского уезда. Крещеные татары проживали в приходах сел Укан, Ежево, Юкаменское Глазовского

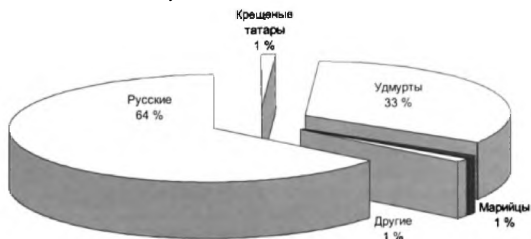

Рис. 2. Национальный состав православного населения Удмуртии

уезда; Кулыгино, Дерюшево, Мамсинеры, Цыпья Малмыжского уезда; Мушаково Сарапульского уезда; Верхнеиргинское, Кураково, Тихогорское, Челны, Пьяный Бор, Грахово, Варзи-Ятки, Кырынды, Елово, Петропавлово, Бемышево, Космодамианово, Удаово Елабужского уезда. В числе православного населения Удмуртии были и бесермяне. В середине XIX в. они проживали исключительно на территории Глазовского уезда (Момский, Ежевский, Пышкетский, Юкаменский, Люкский, Карсовайский, Базезинский и Ягошурский приходы) численностью 4 540 человек.

Религиозно-нравственное состояние большей части православного населения современниками единодушно оценивалось как высокое. В источниках всячески подчеркивалась набожность городских и сельских жителей. Но усвоение православия даже русским населением оставалось поверхностным. Внешняя сторона обрядности, следование традициям предков абсолютно преобладала над пониманием существа христианского учения. На бытовом уровне продолжали сохраняться сильные пережитки язычества и очень высок был уровень мистицизма общественного сознания.

Православное миссионерство. К середине XIX в. процесс формальной христианизации населения Удмуртии можно считать в основном завершенным. Но из рапортов приходского духовенства выяснялось, что большая часть новокрещенных приняла православие лишь формально и по-прежнему была подвержена язычеству²³⁵. Поэтому главной задачей миссионерской деятельности церкви в этот период было христианское просвещение новокрещенных.

К 1850 г. в Вятской епархии сложилась четкая вертикальная структура, занимающаяся миссионерской деятельностью. Общее руководство этой работой в русле общегосударственных тенденций осуществлялось Вятским епископом и епархиальным инородческим миссионером. Вся епархия была разделена на миссионерские округа во главе с окружными инородчески-

ми миссионерами. Кроме того, благочинные священники также отвечали за миссионерскую работу на подведомственной территории. Практическим же осуществлением миссионерской деятельности занимались окружные инородческие миссионеры совместно с приходским духовенством.

В 60-е гг. XIX в. в конфессиональной политике государства происходят значительные изменения. Массовые волнения и восстания в ислам крещеных татар в связи с Крымской войной заставили правительство обратить пристальное внимание на христианизацию народов Волго-Уральского региона. К тому же с назначением Иннокентия Вениаминова главой Московской епархии в руководстве православной церкви усиливается интерес к миссионерской деятельности. В частности, это выразилось в основании в 1868 г. Православного миссионерского общества во главе с митрополитом Иннокентием. Главная цель общества состояла в том, чтобы содействовать православным миссиям в деле обращения в православие "обитающих в пределах Российской Империи не христиан". Начинается издание специальных миссионерских журналов "Миссионерское обозрение" и "Православный благовест". Кроме того, правительством была одобрена разработанная Н. И. Ильминским "Программа школы для крещеных инородцев Восточной России". В соответствии с этой программой христианизация населения и укрепление новокрещенных в православной вере должны были происходить преимущественно на родных языках нерусского населения. Впоследствии в Казанской епархии Н. И. Ильминский основал миссионерское братство святого Гурия и учительскую семинарию для инородцев.

В 1870 г. на территории Удмуртии начинает действовать Вятский комитет православного миссионерского общества. Удмуртия в этот период была разделена на три миссионерских округа: Глазовский, Малмыжско-Сарапульский и Елабужско-Сарапульский. Во главе округа стоял один из приходских священников, совмещаю-

щий свои непосредственные обязанности с должностью инородческого миссионера. К 1916 г. сложилась следующая структура миссии: епархиальный инородческий миссионер священник Павел Глезденев, помощник епархиального миссионера учитель Косьма Андреев и окружные миссионеры – приходские священники. В частности, на территории Удмуртии работали: в Глазовском уезде – 4 миссионера, в Елабужском – 3, в Малмыжском – 4, в Сарапульском – 6 миссионеров. Из них 8 удмуртов, 4 татарина, 3 русских и 2 марийца.

Из многочисленных указов миссионерам и приходскому духовенству, касающихся миссионерской деятельности, можно выделить основные языческие заблуждения, характерные для крещеных удмуртов и марийцев середины XIX в.:

поклонение языческим божествам (Инмару, Юмо, Шайтану, Керемету), воршуду (под воршудами православное духовенство понимало родовых домашних богов удмуртов, а также лукошко или коробку со священными предметами, в которых присутствует особый дух и перед которыми совершаются моления);

Окончание ритуального пира у удмуртов
д. Старая Юмья Казанской губернии. 1911
Из книги "Iso Karhu". Lahti, 1980

совершение жертвоприношений (помимо самого обряда принесения в жертву домашних животных и птиц, духовенство осуждало и следующий за этим ритуальный пир);

обращение к знахарям и колдунам, т. е. ворожбу;

безбрачные сожительства (в отчетах духовенства и распоряжениях епархиального начальства термины "безбрачное сожительство", "сводный брак", "сводное сожительство", "незаконный брак" употреблялись в случаях, когда речь шла о парах, живущих без венчания в церкви);

ночные посиделки (вызывали особое неприятие православного духовенства, так как считалось, что на этих посиделках "...парни и девушки проводят время в песнях и играх, часто не скромных и не целомудренных. На таких собраниях большинство теряет невинность и начинает распустоваться..."²³⁸;

култ предков (языческие поминки, обращение к предкам за помощью);

неисполнение или неправильное исполнение христианского долга исповеди и причастия;

несоблюдение постов, праздничных и воскресных дней;

редкое посещение церкви.

В июле 1870 г. состоялся первый съезд миссионеров Вятской епархии. Его участники пришли к выводу о необходимости совместных действий с приходским духовенством по распространению православия. Наиболее полезными мерами по обращению язычников в христианскую веру по христианскому просвещению новокрещеных были признаны: сближение приходских священников с населением, открытие церковно-приходских и миссионерских школ, издание доступных и занимательных книг для детей и взрослых на удмуртском и марийском языке, отказ приходского духовенства от получения руги и платы за требы в течение нескольких лет после принятия язычниками крещения, материальные пособия беднейшим новокрещеным, поощрение лучших учащихся.

Большинство этих мер оставалось на бумаге, не претворяясь в жизнь. Этому было много причин, одна из которых – материальная зависимость священников от своих прихожан и плохое финансирование миссионерских мероприятий. Например, согласно распоряжению епархиального начальства средства на покрытие дорожных расходов инородческие миссионеры должны были изыскивать из местных источников, т. е. из личных доходов или путем сбора с прихожан²³⁷.

Если судить по отчетам инородческих миссионеров, в религиозной жизни православного нерусского населения наблюдались сдвиги к лучшему. Например, миссионер по Глазовскому уезду Михаил Фармаковский в 1878 г. отмечал, что вера православных удмуртов уезда «чиста, хотя не совсем сознательна». Большинство удмуртов имеют представление об основных догматах православной церкви. Долг исповеди и святого причастия ими исполняется, хотя и без достаточной подготовки, т. е. перед этим они редко постятся и молятся. Но исповедываются и каются в грехах искренне. Младенцев крестят охотно. Больных и умирающих обязательно напутствуют. Случаи сводных браков крайне редки. Однако, продолжает Фармаковский, среди удмуртов сохраняется обычай умилять шайтана и укладывать в гроб разные предметы, которые, по их мнению, могут пригодиться покойному на том свете. Церковь посещают редко, обычно в воскресные и праздничные дни. Кроме того, случается, что на исповедь приходят пьяные. А в воскресные и праздничные дни, хотя и не работают, но мужчины выпивают, а женщины и молодежь устраивают игры и посиделки. Особые сложности, по мнению миссионера, у удмуртов вызывает соблюдение постов. Объясняют они это обычно так: «У них в постные дни есть нечего, если не есть мясо», или тем, «что жены их не умеют и не могут готовить постной пищи»²³⁸.

В целях искоренения языческих обрядов духовенству инородческих приходов

предлагались следующие меры: «1. Организовывать крестные ходы с привлечением как можно большего числа жителей не только в дни, установленные уставом церкви, но и в любое время по просьбе прихожан. 2. Совершать богослужения на церковно-славянском и инородческом языках, с тем, чтобы в них принимали участие дети и взрослые. 3. Объяснять инородцам порядок и смысл богослужения. 4. Проводить внебогослужебные собеседования не только в церкви, но и в деревнях, рассказывать о чудесах, совершенных Христом и святыми, показывать туманные картины и организовывать коллективное пение молитв на инородческом языке. 5. Проводить публичные диспуты с жрецами и ворожжами о преимуществе православной веры. 6. Устраивать церковные школы и школы грамоты для инородцев на местные средства. 7. В каждом приходе составить русско-инородческие словари. 8. Переводить религиозно-нравственную литературу на инородческие языки и распространять эти переводы среди населения на средства церковных попечительств»²³⁹.

Духовенство инородческих приходов должно было изучать язык своих прихожан. Сведения о том, кто из членов причта и в какой степени владеет местными языками, необходимо было сообщать благочинным, а также отражать эту информацию в клировых ведомостях²⁴⁰.

Священник в Карлыганской школе. Конец XIX в.
Из книги «Россия Полное географическое
описание нашего отечества». СПб., 1914. Т. 5

Епархиальное начальство постоянно напоминало миссионерам об их обязанностях. При этом некоторые требования повторялись от указа к указу: "Чаще посещать инородческие приходы и инородцев, вести там беседы с целью вразумления и просвещения неверующих светом учения Христова, вести записи о каждом посещении и о каждой беседе подробные, в отчетах о своей деятельности говорить и о деятельности приходских священников – только о той, которая направлена была к обращению неверующих в христианство, или утверждению нетвердых в вере и христианской жизни"²⁴¹.

Постановка миссионерского дела была значительно улучшена после издания в 1885 г. нового Положения о духовенстве, согласно которому разрешалось назначать священниками лиц без специального образования и привлекать к "противораскольнической" и "противосектантской" работе мирян. Издание этого Положения позволило увеличить, хотя и не значительно, число нерусских священников. Кроме того, появилась возможность привлекать к миссионерской деятельности представителей местного населения нерусских приходов. В частности, во многих приходах появляются должности книгонош и помощников миссионеров. В начале XX в. книгоноши появляются практически в каждом благочинническом округе с нерусским населением. Они распространяли среди своих соплеменников книги религиозно-нравственного содержания, крестики и иконы и иногда проводили беседы о христианстве. Так, крестьянин-удмурт д. Ляльшур Шарканского прихода Иван Яковлев Анисимов, книгоноша четвертого округа Сарапульского уезда, помимо продажи книг, проводил беседы в деревнях на религиозно-нравственные темы. Содержание этих бесед он записывал в специальный дневник, выданный ему благочинным. За свою работу Анисимов получал от духовенства округа по 3 руб. в месяц. По словам благочинного, прихожане округа с интересом участвовали в беседах и в благодар-

ность проводили книгоношу "из деревни до деревни на лошади"²⁴². В первом благочинническом округе Елабужского уезда также была учреждена должность книгоноши. В 1916 г. на эту должность был назначен с оплатой 70 руб. в год крестьянин-мариец Козьма Васильев. Помимо распространения литературы религиозно-нравственного содержания, он проводил с жителями деревень беседы на удмуртском, марийском и татарском языке²⁴³.

Добровольные помощники миссионеров появляются значительно позднее книгонош. В конце XIX в. в роли помощников миссионеров первоначально выступали учителя и ученики миссионерских школ. Затем духовенство начинает привлекать к миссионерской работе и крестьян. Так, в 1901 г. инородческий миссионер первого округа Сарапульского уезда Василий Домрачев обратился в Сарапульское духовное правление с просьбой о назначении ему в помощники марийца Козьму Сидорова, который проживал в д. Гондырево Черемисское Новогорского прихода. Вернувшись со срочной службы, Сидоров решил искоренить языческие обычаи у своих соседей: "Доказывая всю нелепость языческих верований, Сидоров объяснял соседям своим Закон Божий, в свободное от работы время читал священную историю, вел вечерние беседы и затем вырубил у них все рощи (количеством пять) и на местах этих поставил иконы. Беседами своими Козьма Сидоров достиг, наконец, того, что все соседи его один по одному сделали православными христианами и не по наружности только, а по внутреннему убеждению. Такое же влияние своими беседами Козьма Сидоров оказывает и на другие инородческие селения. Как инородец, умеющий говорить по-русски, вотски и черемисски, знающий все обычаи черемис, твердый в религиозных убеждениях, Козьма Сидоров может быть весьма полезным сотрудником по миссии"²⁴⁴. Сарапульское духовное правление утвердило просьбу миссионера, и институт добровольных помощников начал раз-

виваться. К 1916 г. в Удмуртии насчитывалось уже 6 официальных помощников миссионеров из числа крестьян²⁴⁵

Большую помощь в распространении христианства русским священникам оказывало духовенство из числа местного населения. Так, о псаломщике-марийце с Большой Китьяк Малмыжского уезда Иване Васильевиче Бажанове благочинный писал следующее: "Много проявлял усердия в деле просвещения христианской верой своих сородичей-черемис, для чего вел чтения по печатным черемисским брошюрам, а иногда читал им поучения, которые переводил на черемисский язык сам с татарского издания Казанского братства, а иногда с русского на черемисский язык (по моему указанию или собственному выбору). Вообще как служитель церкви Бажанов всегда был настроен благочестиво, свое благочестивое настроение проявлял в поведении и старался, по мере сил, привить и черемисам"²⁴⁶ К сожалению, точное число нерусского духовенства установить невозможно из-за отсутствия сведений о национальности в клировых ведомостях. Известно, что из 19 инородческих миссионеров, работавших на территории Удмуртии в 1916 г., только три человека были русскими.

В 1908 г. в Вятской епархии появляется новая форма миссионерской работы – миссионерские экскурсии. В этих экскурсиях обычно принимали участие инородческие миссионеры, члены причтов, учителя и ученики миссионерских школ и иногда книгоноши. Проходили экскурсии в летнее время в приходах с нерусским населением. Участники экскурсии совершали богослужения на языке местных жителей, часто под открытым небом, произносили проповеди, проводили беседы, отвечали на вопросы прихожан. Успешность первых экскурсий заставила епархиальное начальство увеличить их количество.

Окончательному христианскому просвещению нерусского населения, по мнению духовенства, мешали следующие причины: "1) разбросанность инородческих дере-

вень и отдаленность многих из них от приходской церкви и пастырского влияния; 2) разноплеменность состава местного населения, требующая от пастыря-миссионера весьма много и притом заставляющая его в своей деятельности разбрасываться (Елабужский и Малмыжский уезды); 3) недружелюбное отношение к инородцам русских крестьян, сопровождающееся часто обидными для первых словами ("лопарь, саврасый,мышь, орда" и т. п.) и насмешками; 4) несочувствие к отправлению богослужения на их родном языке совместно с церковнославянским в смешанных приходах; 5) замкнутость, необщительность и преданность своей старине с ее верованиями и обычаями самих инородцев, чему иногда и благоприятствуют еще 6) дурные примеры жизни и поведения православных русских; 7) пропаганда ислама, которая замечается в большей или меньшей степени в некоторых приходах Малмыжского, Уржумского, Елабужского, Сарапульского и Глазовского уездов, в селениях черемисских, вотских, бесермянских и даже между крещеными из них, и если не всегда достигает обращения их в ислам, то много вредит миссии возбуждением их против христианства; 8) ничтожное число средств, отпускаемое на издание и покупку книг и брошюр на инородческих языках; 9) несочувствие части русского духовенства всему делу миссии; 10) неподготовленность к миссионерской деятельности большого числа наличного состава духовенства и отсутствие лиц, подготовленных к миссионерскому и пастырскому служению среди инородцев"²⁴⁷

Все же в начале XX в. в результате миссионерской деятельности православной церкви часть удмуртов и марийцев начинала вполне сознательно усваивать основы христианской веры и нравственности. Особенно интересно сообщение из второго округа Малмыжского уезда. В д. Яголуд Вавожского прихода образовался кружок ревнителей православия. В состав этого кружка вошли семья крестьянина-удмурта Белкова и их друзья. Ранее он, по его словам,

не думал о своей душе и не особенно размышлял о христианстве, машинально исполняя положенные обряды. Но постепенно, под влиянием бесед со священником он изменил свои взгляды, оставил все языческие обряды и стал ревностным христианином. Сам Белков и его семья соблюдают все посты, исполняют долг исповеди и святого причастия, регулярно посещают церковь, находящуюся в 13 верстах от деревни, ежедневно совершают утренние и вечерние домашние молитвы. У Кондрата Белкова дома собрана маленькая библиотека из книг преимущественно религиозно-нравственного содержания. Сам Кондрат, его сын Николай и дочь Ксения часто беседовали с соседями, читали книги и произносили молитвы. Ксения даже собралась поступить в монастырь, но приходской священник убедил ее остаться в миру, чтобы просвещать соседей. Ксения организовала хор, состоящий из двадцати человек детей и взрослых. Деревенский хор пел духовные стихи и молитвы на удмуртском и русском языке и собирался участвовать в богослужении. Под влиянием семьи Белкова религиозно-нравственное состояние жителей деревни значительно улучшилось.²⁴⁸

Надо отметить, что внедрение христианской веры не везде проходило гладко. Иногда, чаще всего при уничтожении священных рощ, духовенство встречалось с открытым сопротивлением населения. Например, 31 августа 1901 г. при попытке вырубить священную рощу марийцев у д. Ильнет Елабужского уезда местные жители оказали духовенству вооруженное сопротивление. Люди, прибывшие вместе со священниками, были избиты, а самим священникам едва удалось избежать побоев, благодаря вмешательству местной полиции.²⁴⁹

В некоторых случаях неприятие христианства выражалось в других формах. Очень интересно сообщение о крестьянине-марийце Николае Камышеве, задержанном по подозрению в организации крупного жертвоприношения марийцев и удмуртов на Сырневой горе близ с. Цыпья Малмыжского

уезда. При обыске у Камышева были найдены копии указов императора о том, чтобы дела об исполнении языческих обрядов передавать на рассмотрение духовному ведомству. По сообщениям некоторых свидетелей, Камышев устраивал публичные чтения указов и разъяснял собравшимся, что император разрешает им совершать языческие обряды и проводить жертвоприношения, после чего показывал всем бумаги с гербами и печатями. Именно под воздействием бесед с Камышевым многие крещеные марийцы и удмурты решились принять участие в жертвоприношении.²⁵⁰

В рапорте миссионера по Малмыжскому уезду Филиппа Трифонова за 1872 г. сообщалось о том, что удмуртский крестьянин д. Улюпуд Селтинской волости Антон Сидоров (по прозвищу Шапей) утверждает, ссылаясь на Священное Писание, что удмурты не должны оставлять свои языческие обряды. На рубеже XIX–XX вв. среди удмуртов и марийцев было широко распространено мнение о том, что их вера гораздо правильнее и древнее православия, так как восходит еще к Аврааму. Так, в 1901 г. один из миссионеров сообщал о том, что язычники отстаивают свою веру, ссылаясь на некоторые положения Ветхого Завета. Они считали, что их вера более правильная, так как идет от Авраама, который тоже совершал жертвоприношения.²⁵¹

Несмотря на то, что в начале XX в. православие все глубже проникало в среду нерусского населения, окончательной победы над язычеством не произошло. Этому было много причин. В конце XIX в. у многих народов России происходит становление национального самосознания, что, в свою очередь, сталкивается со стремлением государства к унификации. В результате этого для некоторых из них, например, для удмуртов и марийцев, религия становится средством национальной самоидентификации. Не случайно принявших православие соплеменников называли "русковы". И действительно, религия обладала мощным ассимилирующим фактором. На примере Удмур-

тии можно увидеть, что часть удмуртов, давно принявших православие, совершенно обрусела, так же как принявшие ислам отатарились. В этой ситуации старая дедовская религия представлялась единственным способом сохранить свое национальное своеобразие. Нежелание принимать православие было связано и с неприязненным отношением части русского населения к удмуртам и марийцам. И, наконец, воспринимавшее православие население было в подавляющем большинстве крестьянским. Это обуславливало его консерватизм и недоверие ко всему новому. Поэтому марийские и удмуртские крестьяне крепко держались за традиционные, проверенные веками формы религии и не спешили довериться христианству. Язычество с его изобилием аграрных культов было более приспособлено к повседневной крестьянской жизни. Русскому крестьянству удалось выработать действенный, но весьма своеобразный православно-языческий комплекс мировоззрений и ритуалов, хотя ему для этого потребовалось гораздо больше времени. Возможно, при отсутствии других неблагоприятных для христианизации факторов удмуртам и марийцам и удалось бы через несколько веков создать свой вариант народного православия.

Старообрядцы. Помимо православных, на территории Удмуртии проживали представители и других христианских конфессий. Достаточно крупной была старообрядческая община – 4,9 % населения. Будучи абсолютно мононациональной, она, тем не менее, не обладала религиозной однородностью.

Старообрядцы, согласно официальной статистике, появляются на территории Удмуртии в 1764 г. Среди старообрядческих толков существовали две основные категории: поповцы (принимавшие священство) и беспоповцы (отвергающие священство). Каждая категория, в свою очередь, делилась на множество согласий. Старейшим согласием поповцев были белгородовцы. Члены этих общин переманивали священников официальной церкви, которые стано-

Семья старообрядцев. Начало XX в.

вились "беглыми попами". В 1846 г. возникло белокриничское, или австрийское, согласие с собственным митрополитом, проживающим в с. Белая Криница на территории Австрийской империи, который рукополагал епископов и священников. В 1870 г. в Глазовском, Малмыжском и Сарапульском уездах было более 9 000 приверженцев "австрийского согласия". Поповцы как признававшие официальную церковь и власть считались терпимой конфессией. Светские и церковные власти стремились соединить поповцев с православной церковью на основе сохранения у них старых обрядов. Так, в 1800 г. появилась компромиссная форма, называемая единоверием. Единоверие – это условное соединение старообрядцев с православной церковью: во имя союза с церковью старообрядцы принимали от нее законное священство, а церковь позволяла им сохранять старые обряды и книги. Церковные и светские власти полагали, что единоверие послужит средством перехода старообрядцев поповского толка в православие. Единоверцы совершали богослужение по неисправленным (дониконновским) книгам и обрядам, но подчинялись православной церкви. В отличие от других старообрядцев единоверцам разре-

Таблица 2*

Распределение старообрядческого населения Удмуртии на толки и согласия в 1908 г.

Старообрядческие толки и согласия:	Количество населения по уездам				Всего, чел.	Всего, %
	Глазовский	Малмыжский	Елабужский	Сарапульский		
Поповцы, всего	10 548	11 525	241	6 116	28 432	59
В том числе:						
беглопоповцы	9	0	79	5 235	5 323	11
австрийское согласие (окоужники)	7 136	11 509	87	124	18 858	39
австрийское согласие (противоокоужники)	3 403	16	75	757	4 251	9
Беспоповцы, всего	13 518	4 231	1 034	846	19 629	41
В том числе:						
даниловцы	8 699	2 148	0	249	11 096	23
федосеевцы	1 301	1 532	809	0	3 642	7
аввакумовцы	0	0	0	127	127	0,3
филипповцы	3 266	312	0	127	3 705	7,7
рябинники	0	143	0	9	152	0,3
часовенники	252	96	0	0	348	0,7
поморцы	0	0	210	0	210	0,4
"бегуны"	0	0	15	186	201	0,4
немоляи	0	0	0	27	27	0,05
молокане	0	0	0	26	26	0,05
хлысты	0	0	0	61	61	0,1
спасовцы	0	0	0	34	34	0,05
<i>Итого</i>	24 066	15 576	1 275	6 962	48 061	100

шалось официально открывать свои храмы, монастыри, печатать книги по не исправленным никовской реформой образцам. На территории Удмуртии существовало два единоверческих благочиния в Сарапульском и Глазовском уездах²⁵².

Беспоповцы отрицали православную церковную иерархию, в том числе и священников, заменив их выборными наставниками и начетниками. Беспоповское направление в старообрядчестве отличалось огромным разнообразием согласий и толков, нередко враждующих друг с другом. Наиболее вредными согласиями считались

"бегуны" и молокане, не признававшие не только официальную церковь, но и любую государственную власть. На территории Удмуртии наибольшее число приверженцев имело австрийское согласие (48 %) и даниловский толк беспоповцев (23 %).

В царствование Александра II гонения на раскол прекратились. Утвержденные в 1864 г. Правила легализовали значительную часть старообрядческих толков. Были признаны имеющими юридическую силу старообрядческие метрические записи рождений, брака и смерти. Старообрядцам дозволялось заниматься иконописанием,

* Вятская епархия: Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 76–77.

учреждать свои школы грамотности, занимать некоторые общественные должности. Но эти права не распространялись на старообрядческие толки, признанные "вредными" ("бегуны", хлысты, скопцы), отрицавшие не только церковную, но и светскую власть.

В 1880-е гг. продолжалась работа по смягчению положения старообрядцев. Законом от 3 мая 1883 г. старообрядцам было разрешено работать в общественных должностях, заниматься промышленно-торговой деятельностью и получать паспорта на общих основаниях. Однако им по-прежнему было запрещено устраивать крестные ходы и распространять свое учение среди православных.

Законами 1905–1906 гг. старообрядцы были практически полностью уравнены в правах с православным населением.

Мусульмане – вторая по численности религиозная община в Удмуртии, составляющая 8,8 % населения. Эта конфессия была в основном представлена татарами – 92 278 человек и башкирами – 13 868 человек²⁵³

Организация мусульман. Мусульмане Удмуртии входили в состав Оренбургского муфтиата, образованного в 1788 г., которому за исключением Крыма и западных губерний подчинялось все мусульманское население России. Их деятельностью руководил муфтий и духовное собрание, избирающиеся из числа казанских мулл. С 1889 г. муфтий стал назначаться лично императором, а члены собрания – Министерством внутренних дел по представлению муфтия. Мусульманское духовное собрание занималось контролем над духовенством и профессиональной школой, регулированием семейно-брачных отношений, разрешением на принципах шариата наследственных споров и ведением метрических книг. Кроме того, в его компетенцию входили вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов на религиозные и учительские должности. При этом деятельность собрания была ограничена жесткими рамками. Под давлением властей члены собрания

часто принимали постановления, запрещающие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам Российской Империи.

Первичной территориальной единицей мусульман была религиозная община или махаллинское (мечетское) общество, существовавшее в каждом селении. Во главе общины обычно стоял один из служителей мечети.

Мусульманское духовенство. Термин мусульманское духовенство носит условный характер, так как в исламе в отличие от других мировых религий нет особого духовного сословия, обладающего божественной благодатью, как нет и института церкви, служащего посредником между верующими и Аллахом. Поэтому теоретически любой совершеннолетний мусульманин, имеющий достаточные знания и пользующийся морально-нравственным авторитетом, с согласия верующих может руководить религиозной жизнью без специальной процедуры посвящения в сан, не приобретая при этом никаких социальных привилегий. Духовный наставник мусульман в зависимости от уровня знаний и рода основной деятельности назывался: муфтий (знаток шариата, имеющий право принятия решений в форме особого заключения фетвы); кадий (судья, управляющий судопроизводством на основе шариата); мухтасиб (должностное лицо, контролирующее соблюдение мусульманами норм исламской морали в личной и общественной жизни); ахун (старшее духовное лицо); хатиб (духовное лицо, читающее в дни пятничных и праздничных молитв проповедь); имам (руководитель общей молитвы в мечети и глава мусульманской общины); мулла (часто употребляется как синоним слова имам или в качестве собирательного названия мусульманского духовенства); муэдзин (служитель мечети, призывающий на молитву); шейх (почетное прозвание авторитетных духовных лиц); карий (чтец Корана); мударрис (преподаватель, руководитель медресе); мугаллим, или хальф (помощник мударриса, учитель)²⁵⁴

В XIX в. в России выборность мусульманского духовенства почти полностью была ликвидирована. Кандидат в муллы после выдвижения его соответствующей общиной должен был пройти длительную и сложную проверку. Первоначально он сдавал экзамен по теории и практике ислама в Оренбургском магометанском духовном собрании. По окончании экзамена присуждалось духовное и педагогическое звание, что подтверждалось соответствующими свидетельствами. Затем документы кандидата (утвержденный волостным правлением приговор сельского общества, выписка из журнала заседаний духовного собрания, свидетельство уездного училищного совета о знании русского языка) поступали на утверждение губернского правления. Здесь главное внимание уделяли политической лояльности. При отсутствии каких-либо компрометирующих сведений ему выдавали именной императорский указ о назначении на искомую должность.

В Российской Империи мусульманское духовенство подразделялось на высшее и низшее. К высшему духовенству относились: муфтий и кадии (члены мусульманского духовного собрания) и ахуны. Муфтий и кадии получали содержание от казны. Правительство было заинтересовано в их лояльности, и поэтому они в полной мере пользовались словесными правами и привилегиями. Ахунство же было почетным титулом, присуждаемым муфтиатом или Министерством внутренних дел имамам соборных мечетей за их особые религиозно-административные заслуги. На рубеже XIX–XX вв. ахуны являлись посредниками между муфтиатом как высшим правительственным религиозным учреждением и низшим духовенством. Именно через них Оренбургское собрание проводило в жизнь свои решения, касавшиеся мулл и муэдзинов. Низшее мусульманское духовенство было представлено хатимами, имамами, муллами и муэдзинами. Хатибы и имамы должны были регулярно посещать мечети, содержать в порядке культовые места,

освящать важнейшие события в жизни каждого мусульманина (рождение, свадьба, смерть и т. д.), решать семейно-бытовые и наследственные споры. Прямым их служебным долгом являлось обучение детей основам и обрядам ислама. Кроме того, в пределах своей махаллы они вели записи актов гражданского состояния в метрических книгах и отчитывались перед духовным собранием. Единственной законодательно оформленной привилегией служителей мечети было освобождение от телесных наказаний. Сельские общества своими приговорами могли освободить духовенство от всех денежных и натуральных податей и повинностей, приняв их на себя, что и делалось повсеместно. В обязанности муэдзинов входило: возвешение о времени начала очередной молитвы, чтение особой молитвы, содержание мечети в чистоте и порядке. Эти немногочисленные, но почетные обязанности обычно брал на себя кто-нибудь из местных жителей или сам имам мечети. Источником материального обеспечения служителей мечети являлись: обязательный денежный (в 80-е гг. XIX в. в среднем около 200 руб.) и натуральный налоги с членов общины, пожертвования в дни религиозных праздников (не менее 20 коп. с одного дома), плата за исполнение богослужебных обрядов и за учительский труд. В пореформенный период совокупный годовой доход татарских мулл в бедных общинах составлял около 200 руб., в богатых – до 700 руб.²⁵⁵

Теоретически каждая исламская община могла открыть в своем селении столько мечетей, сколько позволяли средства. Практически количество мечетей строго контролировалось государством и православной церковью. Мусульманам Удмуртии, для того чтобы открыть новую мечеть, помимо согласия Оренбургского магометанского духовного собрания, требовалось еще и разрешение чиновников Министерства внутренних дел и Казанского архиепископа. В городах обычно существовало несколько мечетей, из них одна была главной и называлась по

аналогии с православными храмами соборной. Иногда мечеть открывалась и содержалась за счет казны, как в поселке Ижевского завода, или за счет заводоладельца (Кокшанский завод).

На территории Удмуртии в середине XIX в. имелось 116 мечетей, из них только две были каменными. Наибольшее число мечетей было в Малмыжском уезде – 69, в Елабужском – 36, в Сарапульском – 8 и в Глазовском – 3 мечети²⁵⁶. Количество мечетей постоянно возрастало и через 40 лет достигло 139. В Глазовском уезде на одну мечеть приходилось 1 574 человека, в Елабужском – 869 человек, в Малмыжском – 726 человек и в Сарапульском – 830 человек²⁵⁷, а по Удмуртии на одну мечеть в среднем – 1 000 человек мусульманского населения.

При каждой мечети существовала школа высшей ступени – медресе или, как правило, низшей ступени – мектебе. В этих школах как мальчиков, так и девочек обучал мулла. Процесс обучения официально был бесплатным, однако мулла мог получать от родителей учеников небольшое вознаграждение в денежном и натуральном виде.

Язычество. Язычники в Удмуртии составляли 7 653 человека, или 0,58 % населения, и проживали на территории Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов. По данным официальной статистики, в Сарапульском уезде было 950 язычников, из них 52 удмурта и 898 марийцев (Мушаковский, Мазунинский, Ермолаевский, Новопоселенный и Кулюшевский приходы), в Малмыжском – 1 778 человек, из них 509 удмуртов и 1 269 марийцев (Дерюшевский, Мамсинерский, Черемисско-Малмыжский, Цыпинский, Рожкинский, Новобурецкий, Быльишский, Рождинский, Новоустьинский, Новоустьинский и Зонский приходы) и в Елабужском – 4 925 человек, из них 3 542 удмурта и 1 383 марийца (Кураковский, Алнашский, Крымско-Слудинский и Бемышевский приходы)²⁵⁸. Но, несмотря на малочисленность своих представителей, язычество оказывало большое влияние на крещеных удмуртов и марийцев.

Система язычества марийцев и удмуртов отличалась значительной сложностью и развитостью. Для них был характерен многочисленный пантеон, служители культа, особые места молений и детально разработанные обряды с ритуалами жертвоприношений.

Удмуртский пантеон состоял из большого числа, более 40, различных богов, божеств, духов и мифологических существ. Наибольшее значение имели высшие божества Инмар, Кыдысин, Кереметь, хозяин леса Нюлэсмурт, хозяин воды Вумурт. Значительное количество богов требовало регламентации их отношений и выработки комплекса ритуальных действий. Этими вопросами, а также посредничеством между богами и людьми должны были заниматься служители культа. Но у удмуртов не выделялась специфическая группа людей, занимающаяся делами культа. Поэтому удмуртскими жрецами, как правило, были выборные представители с элементами наследования.

Жрецы исполняли свои обязанности пожизненно или в течение 12 лет. Главный жрец назывался обычно *восья* (тот, кто молится), *утись* (тот, кто охраняет) или *куриськись* (тот, кто закликает). Существовали также помощники жрецов: *кунул кутись*, *парчась*, *тылась*, *тусьты-дурь миськись*²⁵⁹. Удмуртские жрецы имели особую одежду: длинный холщовый кафтан с широкими рукавами светло-лилового цвета, подпоясанный кушаком. На голову надевался вязанный колпак с кисточкой из разноцветных ниток. Для всех других участников молений обязательным цветом ритуальной одежды был белый. Кроме жрецов и их помощников, на жертвоприношениях обязательно присутствовал *тöро* – наиболее уважаемый и почетный человек. Он не принимал непосредственного участия в ритуальных действиях, хотя своим присутствием как бы освящал и санкционировал их. Еще одним важным лицом религиозной жизни удмуртов был туо. Он выполнял функции ворожца, гадателя или шамана. С его помощью избирали жрецов, он определял

Поминование умерших предков у удмуртов
д. Старая Кырга Пермской губернии 1911
Из книги "Iso Karhu". Lahti, 1980

места нового святилища, животных, наиболее подходящих для жертвоприношения, причины болезни и т. д. Общение удмуртских жрецов с богами осуществлялось через жертвоприношения.

Для исполнения религиозных обрядов у удмуртов существовали особые священные места. Они были четко определены в каждом населенном пункте, кроме того, имелись свои святилища и для объединения нескольких деревень. Из всего многообразия молитвенных мест наиболее значимыми являлись куала и Луд. Существовало два типа куалы: покчи (малая) и быдзым (великая, или родовая). Малая куала использовалась для семейных молений и имела практически в каждом дворе. Большая куала объединяла представителей одного рода и обычно находилась во дворе жреца или в лесу за околцей. Помимо большой куалы, почти в каждой деревне имелись свои священные рощи – Луд или Кереметь. Эти рощи специально огораживались, в них соблюдалась чистота, загрязнение и рубка деревьев там строжайше запрещались. В случае нарушения виновника ждала страшная кара богов, вплоть до смерти.²⁶⁰

У удмуртов был выработан четкий, детально разработанный обряд жертвоприношения. Божествам и духам предписывались разные жертвоприношения, и сам ритуал был различен. В качестве жертвы

выступали всевозможные предметы, представлявшие реальную или символическую ценность. Существовали календарные жертвоприношения и экстраординарные, связанные со стихийными бедствиями, неурожаями и эпидемиями. Кроме того, для удмуртского язычества был характерен и развитый культ предков.

Языческая система марийцев мало отличалась от удмуртской. У них также имелся разнообразный пантеон божеств, только под другими названиями, существовали выборные служители культа – карты и мужаны. Моления проходили в священных рощах – кюсотах и сопровождались жертвоприношениями, аналогичными удмуртским.²⁶¹

На территории Удмуртии проживали представители и других конфессий. Однако в силу своей малочисленности и замкнутости они не оказывали практически никакого влияния на религиозную обстановку. Католики появились в Удмуртии и вообще в Вятской епархии после Польского восстания 1863–1864 гг. Ссылные поляки составляли большинство католической общины и, несмотря на свое положение, сумели наладить хорошие отношения с руководством губернии. В 1899 г. им даже удалось получить разрешение на строительство в Вятке католического костела. Лютеране появляются на территории Удмуртии в 1807 г. в период строительства Ижевского и Воткинского заводов. Они составляли немногочисленную, но достаточно сплоченную религиозную общину. В поселке Ижевского завода в 1872 г. за счет казны была построена лютеранская кирха.²⁶² Иудеи проживали преимущественно в Сарапуле и в поселках Ижевского и Воткинского заводов, занимались мелким ремеслом и торговлей. Известно, что, по крайней мере, с 1856 г. в поселке Ижевского завода существовала единственная в Удмуртии того времени синагога.

В заключение необходимо отметить, что в начале XX в. в Удмуртии, как и по всей России, уровень религиозности населения уменьшается. И эта тенденция была характерна для представителей всех конфессий.

Тесная связь православной церкви с государством и ее консерватизм приводили к тому, что авторитет духовенства неуклонно снижался. К тому же после реформ 1860-х гг. начался отток наиболее способных и прогрессивно настроенных деятелей из духовенства в другие сферы. Огосударствление ислама, проводимое в Российской Империи, вело к тому, что и мусульманское духовенство утрачивало роль духовного лидера. Таким образом, для большей части населения Удмуртии духовенство уже не являлось авторитетом, а усиливающиеся контакты с городом обуславливали проникновение в крестьянскую среду рационалистических и атеистических идей. Все это постепенно подготавливало почву для последующих социальных потрясений.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время большого культурного подъема всех народов России. Были достигнуты выдающиеся успехи в области общественной мысли, науки, техники, литературы, изобразительного искусства, театра, музыки, ставшие достоянием мировой культуры в целом. Во второй половине XIX в. решительно увеличивается удельный вес писателей, ученых, художников, музыкантов – выходцев из разночинской интеллигенции. Значительно расширились связи русской культуры с культурой других народов. Взаимный обмен творческими ценностями принес весьма плодотворные результаты.

Ссылки на литературу и источники

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / Под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. М., 1991. С. 101.

² Гришукина М. В. Народное образование в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1981. С. 153–155.

³ Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864–1874). Вятка, 1875. С. 48.

⁴ Там же. С. 36–53.

⁵ Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864–1874). С. 90.

⁶ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 42–44.

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. 127. С. 195–196.

⁸ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Вятка, 1901. С. 59.

⁹ РФБ УИИЯЛ Уро РАН, д. 375, л. 75.

¹⁰ ГАКО, ф. 205, оп. 2, д. 1864.

¹¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 261. С. 50; Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. С. 46–49.

¹² Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год. Вятка, 1902. С. 238; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Казанский учебный округ. СПб., 1913. Вып. 6. Ч. 2. Табл. 1.

¹³ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Вятка, 1901. С. 59.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. С. 23, 28.

¹⁶ Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. С. 23, 28.

¹⁷ Народное образование в Глазовском уезде. Вятка, 1903. С. 15.

¹⁸ Голубев П. А. Сборник историко-статистических сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896. С. 77.

¹⁹ Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках. Ижевск, 1990. С. 140.

²⁰ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Казанский учебный округ. СПб., 1911. Вып. 6. Ч. 1. С. 6, 8.

²¹ Кутявин А. Н. Городские училища // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 283.

²² Кутявин А. Н. Высшие начальные училища // Там же. С. 256.

²³ Кутявин А. Н. Развитие среднего образования в дореволюционной Удмуртии // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С. 89.

²⁴ Там же. С. 92–95.

²⁵ Там же. С. 82.

²⁶ Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1885 год. Вятка, 1884.

²⁷ Кутявин А. Н. Развитие среднего образования в дореволюционной Удмуртии // История, историография и источниковедение Удмуртии. С. 97.

²⁸ Там же. С. 101.

²⁹ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 42.

³⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Ч. 230. С. 23–24.

³¹ Луппов П. Н. Об открытии учительского класса при Яхшур-Бодынский двуклассной церковноприходской школе Сарапульского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1903. № 1. С. 14–19.

- ³² Вятские епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 216–217.
- ³³ Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках. С. 145.
- ³⁴ Вятская речь. 1917. № 191.
- ³⁵ Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках. С. 147.
- ³⁶ ГАКО, ф. 205, оп. 5, д. 133, л. 70.
- ³⁷ ЦГА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 18942, л. 7; д. 23106, л. 2–23; ГАКО, ф. 205, оп. 4, д. 3407, л. 8–18; оп. 5, д. 133, л. 70.
- ³⁸ ЦГА УР, ф. 81, оп. 1, д. 210; ф. 121, оп. 1, д. 6, л. 1–16; д. 23, л. 78; д. 26, л. 126; ЦГА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 23898, л. 8.
- ³⁹ ЦГАИ Рф, ф. 733, оп. 180, д. 54, л. 8, 22; оп. 227, д. 52, л. 1–2; ГАКО, ф. 205, оп. 4, д. 3410, л. 4, 7.
- ⁴⁰ Вятская речь. 1917. № 158, 162; ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 95, л. 39.
- ⁴¹ Журналы Сарапульского уездного земского собрания 47-й очередной сессии 1913 года с приложениями к ним. Вятка, 1914. С. 331.
- ⁴² Фармаковский В. Начальные школы Министерства народного просвещения. СПб., 1910. С. 141.
- ⁴³ Полное собрание законов Российской Империи. 3-е собр. СПб., 1905. Т. 23. Ч. 1. С. 557.
- ⁴⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. 157. С. 23.
- ⁴⁵ Кутявин А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках. С. 157.
- ⁴⁶ Там же. С. 158.
- ⁴⁷ Там же. С. 159.
- ⁴⁸ Там же. С. 160.
- ⁴⁹ Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 52.
- ⁵⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 23. С. 427–432; № 24. С. 441.
- ⁵¹ Машанов М. А. Обзор деятельности братства за 25 лет. Казань, 1892. С. 72–73.
- ⁵² ЦГА Рф, ф. 91, оп. 3, д. 405, л. 323.
- ⁵³ Остроумский Д. Начальные народные училища Казанской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. 201. С. 72.
- ⁵⁴ ЦГА Рф, ф. 91, оп. 3, д. 406, л. 640–751; Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии. Казань, 1899. Вып. 1: Татары. Вятки. Мордва. С. 49–57.
- ⁵⁵ Новопольский А. Очерк народного образования в Осинском уезде Пермской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. 274. С. 150–151.
- ⁵⁶ Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 35.
- ⁵⁷ Ильминский Н. И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892. С. 47–48.
- ⁵⁸ Кутявин А. Н. Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 63, 64.
- ⁵⁹ ЦГА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 602, л. 1, 15.
- ⁶⁰ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 170, л. 1.
- ⁶¹ ЦГА РТ, ф. 420, оп. 1, д. 87, л. 3.
- ⁶² Кушинский В. В какой грамоте нуждается вотяк, по словам его самого // Вятские епархиальные ведомости. 1902. № 2; Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 23.
- ⁶³ Елабужский М. В защиту инородцев // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 24; Пользование русским и вотским языком в деле просвещения вотяков // Вятские епархиальные ведомости. 1902. № 11; О новых изданиях на вотском языке // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 17.
- ⁶⁴ Яковлев И. Как просвещать вотяков – по-русски или по-вотски? // Вятские епархиальные ведомости. 1902. № 19. С. 1017; Он же. Современные вопросы инородческого просвещения // Русская школа. 1906. № 7–8; Он же. Современные вопросы инородческого просвещения. СПб., 1907. С. 2–3, 16–17.
- ⁶⁵ Михеев И. С. Вотские переводы и учителя // Русская школа. 1900. № 5–6. С. 193–203.
- ⁶⁶ Кутявин А. Н. Школьное просвещение среди удмуртов в XVIII – начале XX в. // Historia fennougrica 1:1. Oulu, 1996. С. 673–684.
- ⁶⁷ Александров А. А. Профессионально-техническое образование на Ижевском заводе (1870–1918 гг.) // Уч. зап. Удмуртского гос. пед. ин-та. Ижевск, 1958. Вып. 14; Гришкин М. В. Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ и подготовка кадров специалистов в первой половине XIX века // Вопросы истории культуры Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 3–23.
- ⁶⁸ Кутявин А. Н. Развитие профессионально-технического образования на Воткинском заводе во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Устинов, 1986. С. 100–119.
- ⁶⁹ Кутявин А. Н. Развитие профессионально-технического образования на Воткинском заводе во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Устинов, 1986. С. 111.
- ⁷⁰ ЦГА УР, ф. 274, оп. 1, д. 3, л. 1–2; ф. 4, оп. 1, д. 2116.
- ⁷¹ Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. СПб., 1910. Ч. 2. С. 82–83; ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 4327, л. 29, 119.
- ⁷² ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 2211, л. 27, 37.
- ⁷³ РГИА, ф. 1152, оп. ТХ, д. 198, л. 2–5.
- ⁷⁴ ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 3421, л. 3, 9.
- ⁷⁵ ЦГА Рф, ф. 741, оп. 6, д. 200, л. 25, 67; оп. 7, д. 4, л. 119, 123.
- ⁷⁶ Анопов И. А. Опыт статистического обозрения материалов к изучению среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889. С. 347–349.

- ⁷⁷ РГИА, ф. 741, оп. 7, д. 7, л. 41; д. 480, л. 392.
- ⁷⁸ РГИА, ф. 741, оп. 6, д. 213, л. 44–73.
- ⁷⁹ Кутявин А. Н. Развитие профессионально-технического образования на Воткинском заводе во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Устинов, 1986. С. 113–117.
- ⁸⁰ Ульянов И. И. Классы ручного труда и ремесленные отделения ведения Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1908 Ч. 17. С. 189.
- ⁸¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Ч. 157. С. 231.
- ⁸² РГИА, ф. 733, оп. 205, д. 2115, л. 7, 8; Мероприятия Сарапульского уездного земства Вятской губернии по распространению ремесленных знаний. Сарапул, 1909. С. 2.
- ⁸³ РГИА, ф. 741, оп. 8, д. 131, л. 2, 12; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год. Вятка, 1914. С. 74–75.
- ⁸⁴ Сарапульская учебная ткацкая мастерская уездного земства с 1909 по 1912 год. Сарапул, 1912. С. 1, 5, 7.
- ⁸⁵ РГИА, ф. 395, оп. 1, д. 2186, л. 34–43, 113, 187.
- ⁸⁶ Там же. Л. 136, 404.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 741, оп. 6, д. 214, л. 82, 83.
- ⁸⁸ Полное собрание законов Российской Империи. 3-е собр. СПб., 1886. Т. 3. С. 492.
- ⁸⁹ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 23. С. 639.
- ⁹⁰ Журналы Вятского губернского земского собрания V очередной сессии. Вятка, 1872. Т. 1. С. 288–294; Голубев П. А. Вятское земство среди других земств. Вятка, 1901. С. 88.
- ⁹¹ Отчет по ревизии земских учреждений Вятской губернии. СПб., 1905. Т. 3. С. 135.
- ⁹² РГИА, ф. 398, оп. 42, д. 13709, л. 1, 14.
- ⁹³ Кутявин А. Н. Сельскохозяйственное образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 77.
- ⁹⁴ Там же. С. 78, 79.
- ⁹⁵ Там же. С. 82.
- ⁹⁶ Там же. С. 86, 87.
- ⁹⁷ Там же. С. 88–90.
- ⁹⁸ Там же. С. 91.
- ⁹⁹ Там же. С. 92, 93.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 94.
- ¹⁰¹ Александров А. А. Семен Иванович Бадаев. 1778–1847. М., 1971.
- ¹⁰² Воткинские были: (Исторические очерки). 1759–1959. Ижевск, 1959. С. 65.
- ¹⁰³ Шумилов Е. Ф. Город оружейников. 1807–1917. Т. 1. Ижевск, 2002. С. 250.
- ¹⁰⁴ Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 226.
- ¹⁰⁵ Жуланов В. И. Торф и его значение для народного хозяйства Удм. АССР: Сб. ст. / Общество по изучению производительных сил Удмуртской АССР. Ижевск, 1940. Вып. (5). С. 17.
- ¹⁰⁶ Ими гордится удмуртская земля: Биобиблиографический указатель литературы. Ижевск, 1978. Вып. 2: Деятели науки и техники. С. 67, 68; Краткий очерк истории русской культуры. С древнейших времен до 1917 года. Л., 1967. С. 349.
- ¹⁰⁷ Латышев Н. Вклады Камских заводов в историю русской техники в XIX веке: (К 190-летию основания Ижевского и Воткинского заводов) // Записки. Ижевск, 1950. Вып. 13. С. 66, 67.
- ¹⁰⁸ Шумилов Е. Ф. Город на Иже. 1760–1945. Ижевск, 1990. С. 133, 134, 592.
- ¹⁰⁹ Развитие науки в Удмуртии. Технические и естественные науки. Ижевск, 1977. С. 63.
- ¹¹⁰ Известия Сарапульского музея: (Музей истории и культуры Среднего Прикамья). Сарапул, 1994. Вып. 5. С. 3–7, 8, 9.
- ¹¹¹ Краткий очерк истории русской культуры. С древнейших времен до 1917 года. Л., 1967. С. 351.
- ¹¹² Вятская речь. 1910. 28 июля.
- ¹¹³ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 642.
- ¹¹⁴ Энциклопедия земли вятской. Киров, 1999. Т. 9. С. 150.
- ¹¹⁵ Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 226.
- ¹¹⁶ Развитие науки в Удмуртии. Ижевск, 1977. С. 14.
- ¹¹⁷ Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994. С. 16.
- ¹¹⁸ Там же. С. 24.
- ¹¹⁹ Там же. С. 27.
- ¹²⁰ Там же. С. 29.
- ¹²¹ Там же. С. 30–36.
- ¹²² Там же. С. 47–58.
- ¹²³ Там же. С. 59–67.
- ¹²⁴ Шумилов Е. Ф. Город на Иже. Ижевск, 1990. С. 228.
- ¹²⁵ Фролова Г. Д. Удмуртская книга. История книгопечатания. Современная книга. Ижевск, 1982. С. 56.
- ¹²⁶ Там же. С. 57.
- ¹²⁷ Там же. С. 30.
- ¹²⁸ Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии. С. 42.
- ¹²⁹ Историко-статистическое описание города Сарапула и его уезда. Сарапул, 1887. С. 27.
- ¹³⁰ Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. Вятка, 1893. С. 84.
- ¹³¹ Глазов: Исторический очерк. Ижевск, 1980. С. 61–62.
- ¹³² Шумилов Е. Ф. Город оружейников. Ижевск, 2002. С. 365.
- ¹³³ Егорова Е. В. Из истории библиотек Сарапульского и Глазовского уездов Вятской губернии // История библиотечного дела и книги Удмуртии. Ижевск, 1999. С. 7.
- ¹³⁴ Вятская газета. 1895. 28 сент.
- ¹³⁵ Вятская газета. 1895. 28 сент., 2 нояб.
- ¹³⁶ Вятская газета. 1895. 21 дек.

- ¹³⁷ Вятская речь. 1910. 14 июля.
- ¹³⁸ Вятская газета. 1896. 1 февр.
- ¹³⁹ Егорова Е. В. Из истории библиотек Сарапульского и Глазовского уездов Вятской губернии // История библиотечного дела и книги Удмуртии. Ижевск, 1999. С. 41–42.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 46.
- ¹⁴¹ Энциклопедия земли Вятской: откуда мы родом? Киров, 1999. С. 246.
- ¹⁴² Шумилов Е. Ф. Город оружейников. С. 366.
- ¹⁴³ Глазов: Исторический очерк. С. 63–64.
- ¹⁴⁴ По родному краю. Ижевск, 1987. С. 74.
- ¹⁴⁵ Вятская газета. 1895. 2 нояб.
- ¹⁴⁶ Вятская газета. 1896. 4 янв.
- ¹⁴⁷ Вятская речь. 1910. 12 мая.
- ¹⁴⁸ Вятская речь. 1910. 22 янв.
- ¹⁴⁹ Вятская речь. 1910. 6 февр.
- ¹⁵⁰ Федорченко-Шемякина Л. Н. Сарапульская старина. Сарапул, 1993. Кн. 3. С. 77.
- ¹⁵¹ По родному краю. Ижевск, 1987. С. 125.
- ¹⁵² Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии. С. 52.
- ¹⁵³ Шумилов Е. Ф. Город оружейников. С. 228.
- ¹⁵⁴ Город Сарапул. Памятная книжка на 1912 г. Сарапул, 1912. С. 44–45.
- ¹⁵⁵ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 248.
- ¹⁵⁶ Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии. С. 34–35.
- ¹⁵⁷ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 317.
- ¹⁵⁸ Цит. по: Дмитрий Иванович Стахеев: Библиографический указатель / Сост. Н. Г. Валеева, Н. М. Валеев. Елабуга, 1995. С. 6.
- ¹⁵⁹ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 249.
- ¹⁶⁰ История удмуртской советской литературы. Т. 1. Ижевск, 1987. С. 33–38.
- ¹⁶¹ Там же. С. 186.
- ¹⁶² Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 186.
- ¹⁶³ Там же. С. 176.
- ¹⁶⁴ Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии. Устинов, 1986. С. 26; Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 227.
- ¹⁶⁵ Поляк А. И. Зарождение профессионального изобразительного искусства Удмуртии // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып. 1. С. 5–6.
- ¹⁶⁶ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 229.
- ¹⁶⁷ По родному краю. Устинов, 1987. С. 74.
- ¹⁶⁸ Шумилов Е. Ф. Роль архитекторов и художников Камских заводов в развитии культуры и искусства Удмуртии // Вопросы искусства Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 92.
- ¹⁶⁹ По родному краю. Устинов, 1987. С. 125.
- ¹⁷⁰ Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии: Справочник. Устинов, 1986. С. 27.
- ¹⁷¹ Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии: Справочник. С. 29.
- ¹⁷² Глазов: Исторический очерк. Ижевск, 1980. С. 47, 67.
- ¹⁷³ По родному краю. Устинов, 1987. С. 160.
- ¹⁷⁴ Памятники истории и культуры Елабужского района // Древняя Елабуга. Елабуга, 2000. С. 177–220.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 78–79.
- ¹⁷⁶ Шумилов Е. Ф. Архитектура Ижевска. Ижевск, 1978. С. 28.
- ¹⁷⁷ Памятники истории и культуры Удмуртии. Ижевск, 1990. С. 11–15.
- ¹⁷⁸ Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии: Справочник. Ижевск, 1986. С. 22.
- ¹⁷⁹ Ложкин В. В. Театральная жизнь Сарапула предреволюционных и первых лет советской власти // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск, 1989. С. 88.
- ¹⁸⁰ Ложкин В. В. Театральное искусство Удмуртии. Ижевск, 1994. С. 15.
- ¹⁸¹ Шумилов Е. Ф. Город оружейников. Ижевск, 2002. С. 369, 372.
- ¹⁸² Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987. С. 42.
- ¹⁸³ Ложкин В. В. Театральное искусство Удмуртии. С. 15–16.
- ¹⁸⁴ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 244.
- ¹⁸⁵ Шумилов Е. Ф. Город оружейников. С. 366.
- ¹⁸⁶ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 312.
- ¹⁸⁷ Ст. 258 "Устава врачебного" 1892 г. // Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. СПб., 1896. С. 383.
- ¹⁸⁸ ВГВ. 1867. № 26. С. 204–206.
- ¹⁸⁹ ГАКО, ф. 587, оп. 19, д. 76; ЦГА УР, ф. 246, оп. 1, д. 99, л. 11 об.; Журналы Глазовского уездного земского собрания 44-й очередной сессии 1910 г. Вятка, 1911. С. 484; Куковякин С. А. Земская медицина Вятской губернии. Киров, 1996. С. 69.
- ¹⁹⁰ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 189–191. С. 212.
- ¹⁹¹ ГАКО, ф. 616, оп. 6, д. 50, л. 1–19.
- ¹⁹² Журналы Вятского губернского земского собрания юбилейной экстренной сессии 20–24 мая 1914 г. Вятка, 1914. С. 48.
- ¹⁹³ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 41, л. 112; Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 9 и 10 февраля 1914 г. Малмыж, 1914. С. 42.
- ¹⁹⁴ Статистический ежегодник Вятской губернии на 1901 и 1902 гг. Вятка, 1907. Ч. 1. С. 195.
- ¹⁹⁵ Архив УИИЯЛ УРО РАН, ф. проф. Н. Н. Ежовой, л. 53–54, 56–59.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁹⁷ ГАКО, ф. 587, оп. 19, д. 76, л. 459 об.
- ¹⁹⁸ При подсчете использованы данные: Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год. Вятка, 1908. Отд. 1. С. 43.
- ¹⁹⁹ Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий 1882–1903 гг. Вятка, 1908. Т. 2. С. 248.

- ²⁰⁰ Журналы Вятского губернского земского собрания 46-й очередной сессии 1913 г. Вятка, 1914. Т. 1. С. 110.
- ²⁰¹ ГАКО, ф. 587, оп. 19, д. 76, л. 487.
- ²⁰² Протоколы VII съезда врачей Вятской губернии. Вятка, 1897. С. 202; ЦГА УР, ф. 246, оп. 1, д. 72, л. 23 об.
- ²⁰³ Журналы Вятского губернского земского собрания юбилейной экстренной сессии 20–24 мая 1914 г. С. 49.
- ²⁰⁴ Обязательные постановления для населения Вятской губернии о мерах охранения народного здоровья. Вятка, 1995; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1913 год. Вятка, 1913. Отд. 1. С. 138–162.
- ²⁰⁵ Куковьякин С. А. Земская медицина Вятской и других северных губерний Европейской России. Киров, 1998. С. 188.
- ²⁰⁶ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 41, л. 112.
- ²⁰⁷ Журналы Глазовского уездного земского собрания 44-й очередной сессии 1910 г. Вятка, 1911. С. 477.
- ²⁰⁸ Куковьякин С. А. Земская медицина Вятской губернии. С. 60, 69, 71.
- ²⁰⁹ Журналы Сарапульского уездного земского собрания 46-й очередной сессии 1912 г. Сарапул, 1913. С. 355.
- ²¹⁰ ЦГА УР, ф. 246, оп. 1, д. 65, л. 15.
- ²¹¹ Субботина А. М. Земская медицина в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 110.
- ²¹² Субботина А. М. Там же. С. 104.
- ²¹³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 189–191.
- ²¹⁴ Там же. С. 189–191.
- ²¹⁵ ЦГА УР, ф. 246, оп. 1, д. 99, л. 4.
- ²¹⁶ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 41, л. 112.
- ²¹⁷ Обзор Вятской губернии за 1914 год. Вятка, 1914. С. 135.
- ²¹⁸ Куковьякин С. А. Земская медицина Вятской и других северных губерний Европейской России. С. 175–176.
- ²¹⁹ Там же. С. 177.
- ²²⁰ Архив УИИЯЛ Уро РАН, ф. проф. Н. Н. Ежовой, л. 34–36.
- ²²¹ Там же. Л. 59–60.
- ²²² Там же. Л. 61–62.
- ²²³ Римский С. В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 40.
- ²²⁴ Холко Ф. Основы православия. Минск, 1991. С. 66.
- ²²⁵ Памятная книжка Вятской губернии за 1857 г. Вятка, 1857. С. 165–167.
- ²²⁶ Федоров В. А. Православная церковь и государство // Очерки русской культуры XIX в. М., 2000. Т. 2: Власть и культура. С. 269.
- ²²⁷ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 29.
- ²²⁸ Памятная книжка Вятской губернии на 1857 г. Вятка, 1857. С. 159.
- ²²⁹ Вятская епархия: Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. С. 165–262, 311–349, 429–486.
- ²³⁰ Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. С. 107.
- ²³¹ Там же.
- ²³² ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7217, л. 6.
- ²³³ ЦГА УР, ф. 245, оп. 4, д. 225, л. 69.
- ²³⁴ Суворов Н. Развитие церковного устройства. СПб., 1898. С. 37.
- ²³⁵ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 77, 80, 115; оп. 2, д. 461, 507, 658; оп. 3, д. 199–210; оп. 4, д. 41–51; ГАКО, ф. 237, оп. 152, д. 3, 508, 2433.
- ²³⁶ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7217, л. 16.
- ²³⁷ Указ Вятской духовной консистории № 1389 от 21 января 1903 г.
- ²³⁸ Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 21. С. 523–542.
- ²³⁹ Указ Вятской духовной консистории № 7838 от 5 мая 1903 г.
- ²⁴⁰ Указ Вятской духовной консистории № 15849 от 11 сентября 1903 г.
- ²⁴¹ Указы Вятской духовной консистории № 2823 от 28 февраля 1892 г. и № 8952 от 1 июля 1902 г.
- ²⁴² ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7217, л. 8.
- ²⁴³ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7217, л. 66 об.
- ²⁴⁴ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 1820, л. 1–2.
- ²⁴⁵ Вятские епархиальные ведомости. 1916. № 35–36. С. 99.
- ²⁴⁶ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 5194, л. 95.
- ²⁴⁷ ГАКО, ф. 852, оп. 150, д. 130, л. 44–53.
- ²⁴⁸ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7217, л. 81–81 об.
- ²⁴⁹ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 1653, л. 21 об. – 22.
- ²⁵⁰ ГАКО, ф. 237, оп. 153, д. 182, л. 11–91.
- ²⁵¹ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 7651, л. 12.
- ²⁵² Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 37.
- ²⁵³ Первая всеобщая перепись населения. 1897 г. Вятка, 1904. С. 90–121.
- ²⁵⁴ Ислам на территории бывшей Российской Империи: Энциклопедический словарь. М., 1999. Вып. 2. С. 67.
- ²⁵⁵ Там же. С. 71.
- ²⁵⁶ Памятная книжка Вятской губернии за 1857 г. Вятка, 1957. С. 197.
- ²⁵⁷ Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 г. Вятка, 1898. С. 30.
- ²⁵⁸ Первая всеобщая перепись населения. 1897 г. Вятка, 1904. С. 90–121.
- ²⁵⁹ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 104.
- ²⁶⁰ Там же. С. 109.
- ²⁶¹ Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889. С. 146–217.
- ²⁶² Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. С. 41.

Хроника событий

Конец XII в. – 1489 г.

Существование Вятской земли – независимого политического образования.

1489 г., август – сентябрь

Присоединение северной части Удмуртии в составе Вятской земли к Московскому великому княжеству.

1496 г.

Восстание арских людей против сибирского царевича Мамука, захватившего Казань.

1503–1504 гг.

Писцовое описание Вятской земли.

1540 г., 8 февраля

Губная грамота Ивана IV населению Слободского уезда с предоставлением элементов самоуправления на волостном уровне.

1542 г., 2 марта

Губная грамота населению Вятской земли, в том числе и Каринского стана, о праве выбирать из своей среды старост, целовальников и десятских.

1552 г., сентябрь

Поход на Арскую землю. Осада и взятие Арска войсками Ивана Грозного.

1552 г., октябрь

Падение Казани. Приведение южных удмуртов к присяге на верность Русскому государству с обязательством платить в казну ясак.

1552–1557 гг.

Восстание народов Казанского края, в котором активное участие принимали южные удмурты (арские люди).

1555 г.

Создание Казанской епархии, в ведении которой оказалась и Вятская земля.

1557 г., 25 февраля

Жалованная грамота Ивана Грозного удмуртам Сырьянской волости Слободского уезда, пожелавшим принять христианство

1572–1574 гг.

Восстание народов Казанского края, охватившее и Арскую землю.

1579 г.

Первое упоминание о Сарапуле в писцовой книге Чердынского уезда.

1580 г.

Основание Успенского Трифонова монастыря в г. Хлынове, владения которого распространились и на территорию Удмуртии.

1582–1584 гг.

Восстание народов Среднего Поволжья с участием южных удмуртов.

1588 г.

Жалованная грамота Федора Иоанновича о ликвидации власти бывших арских князей над северными удмуртами и бесермянами и подчинении последних непосредственно Москве, минуя вятских наместников.

1590 г.

Писцовое описание Вятской земли, в том числе и Каринского стана.

1594 г.

Создание в Москве Новой четверти, которой подчинялась Вятская земля с Каринским станом.

1599 г.

Преобразование Новой четверти в Новгородскую, управлявшую районами Поморья, в том числе и Вятским краем.

1606–1610 гг.

Народы Среднего Поволжья в восстании И. И. Болотникова.

1609 г.

Участие вятчан, в том числе и северных удмуртов, в борьбе с польской и шведской интервенцией.

1611–1612 гг.

Участие населения Казанского и Вятского края, в том числе и удмуртов, во Втором народном ополчении под руководством Минина и Пожарского.

1612 г.

Казанско-Вятское ополчение в борьбе с интервентами под Москвой.

1615–1616 гг.

Восстание народов Среднего Поволжья, в том числе и удмуртов.

1635 г.

Народное восстание на Вятке против местной власти, в котором принимали участие каринские и верхочепецкие удмурты.

1657 г., 16 октября

Учреждение Вятской епархии, в состав которой вошли православные церковные приходы северной Удмуртии.

1678 г.

Проведение подворной переписи населения, охватившей северные и южные районы Удмуртии.

1679–1681 гг.

На северных удмуртов распространена подворная подать в форме "стрелецких денег"

1699–1704 гг.

Проведение сысков (массовых следствий) на севере Удмуртии, направленных на урегулирование поземельных отношений между удмуртским, татарским и русским крестьянством, между податным населением и воеводской властью.

1681–1684 гг.

Восстание башкирского народа, охватившее прикамские территории и имевшее отзвуки в северных районах Удмуртии.

1704–1711 гг.

Восстание башкирского народа, распространившееся на прикамские районы Удмуртии.

1708 г.

Северная часть Удмуртии вошла в Сибирскую губернию.

1719 г.

Созданы Вятская и Казанская провинции, включившие в свой состав соответственно северные и южные районы Удмуртии.

1720 г.

Лесные массивы по рр. Каме, Вятке и их притокам объявлены заповедными и учтены в вальдмейстерских книгах.

1724 г.

Выступления удмуртов против введения и сбора подушной подати.

1727 г.

Вятская провинция передана из Сибирской губернии в Казанскую.

1732 г.

Основание Коринского медеплавильного завода.

1735 г., 26 февраля

Указ императрицы Анны Иоанновны о создании миссионерских новокрещенских школ.

1745 г.

Выступления удмуртов д. Глазовой против насильственной христианизации.

1749 г.

Открытие новокрещенских школ в Елабуге, Свияжске и Казани. Набор учащихся, в том числе и удмуртов.

1756 г.

Основание Бемышевского медеплавильного завода.

1758 г.

Основание Воткинского железоделательного завода

1759 г.

Основание Пудемского железоделательного завода.

1760 г.

Основание Варзино-Алексеевского медеплавильного завода.

1760 г.

Основание Ижевского железоделательного завода.

1760–1764 гг.

Волнения приписных крестьян и мастеровых Камских заводов.

1767 г.

Основание Камбарского железоделательного завода.

1768 г.

Основание Пыжманского медеплавильного завода.

1767–1769 гг.

Работа Комиссии об уложении, в которой принимали участие депутаты от государственных крестьян, русских и нерусских.

1773–1775 гг.

Восстание под предводительством Е. И. Пугачева.

1775 г.

Издание первой грамматики удмуртского языка "Сочинения, принадлежащие к грамматике вятского языка"

1779 г.

Указ Екатерины II о производстве якорей на Воткинском заводе.

1780 г.

Открытие Вятского наместничества.

1780 г., 11 сентября

Дворцовая слобода Вознесенское и с. Глазово стали уездными городами – Сарапулом и Глазовом.

1783 г.

Указ Екатерины II о строительстве тракта Санкт-Петербург – Вятка. Соединение его с основным Сибирским трактом через с. Дебесы.

1790 г., 22 сентября

Открытие Сарапульского малого народного училища.

1797 г.

Преобразование Вятского наместничества в губернию.

1807 г., 20 февраля

Начальнику Гороблагодатских, Камских и Пермских заводов А. Ф. Дерябину поручено наладить оружейное производство на базе Ижевского железоделательного завода.

1807 г., 10 июня

Открытие оружейной конторы.

1807–1808 гг.

На Камских заводах открыты малая (Воткинский завод) и главная (Ижевский завод) горные школы для подготовки технических кадров.

1807–1808 гг.

Волнения удмуртов Завьяловской и Юськинской волостей Сарапульского уезда по поводу причисления к непрямым работникам Ижевского завода.

1808 г.

Открытие госпиталя в поселке Ижевского завода.

1812 г., 14 июня

В Вятской губернии объявлено о формировании народного ополчения для борьбы против наполеоновских войск. В Удмуртии прошла запись добровольцев.

1817 г., 25 февраля

Открытие уездного и приходского училища в г. Сарапуле.

1817 г., 19 июня

Открытие малого народного училища в г. Глазове.

1823 г.

На Воткинском заводе открыта первая в Удмуртии техническая библиотека.

1824 г., октябрь

Посещение Александром I г. Глазова, Ижевского завода и удмуртских сел: Дебесы, Зура, Балезино, Полом.

1824 г.

Открытие Горного ученого общества на Воткинском заводе.

1824–1834 гг.

Волнения мастеровых Ижевского завода.

1825 г.

Завершено строительство Арсенала Ижевского оружейного завода.

1827 г., 6 декабря

Открытие в г. Глазове уездного училища.

1827 г.

Открытие арсенальной школы для детей мастеровых на Ижевском заводе.

1828 г., 7 февраля

Воткинский завод выделен в самостоятельный Камско-Воткинский горный округ.

1828 г., сентябрь

Открытие в с. Перевозном школы для детей непрямых работников Воткинского завода.

1829 г., 19 июня

Открытие на Воткинском заводе минералогического кабинета, преобразованного в "заводской музей"

1831–1834 г.

Волнения удельных крестьян Сарапульского уезда, так называемые "картофельные бунты"

1834 г.

Основание чугунолитейного завода Н. М. Ижболдиной в г. Сарапуле.

1835 г.

Пущен в эксплуатацию Сюгинский стекольный завод.

1835 г., 1 января

Открытие публичной библиотеки в г. Сарапуле

1835 г., 2 мая

Образование Вятского губернского статистического комитета.

1837 г.

Открытие первой губернской выставки в г. Вятке.

1837–1841 гг.

Реформы государственной деревни под руководством П. Д. Киселева. Создание Министерства и губернской палаты государственных имуществ, окружных и волостных правлений.

1838 г., 1 января

Начало издания газеты "Вятские губернские ведомости" (ВГВ). Выходила до 1917 г

1841 г.

Открытие на Воткинском заводе школы для девочек.

1841–1842 гг.

"Картофельные бунты" в селениях государственных крестьян.

1842 г., 27 июня, 23 ноября

Указы об обучении детей государственных крестьян, в соответствии с которыми в волостях Удмуртии открыто 40 приходских училищ.

1845 г.

Регулярное движение пароходов по Каме.

1847 г.

Начало строительства речных пароходов на Воткинском заводе.

1848 г., 1 августа

Открытие на Воткинском заводе окружного горнозаводского училища с четырехлетним сроком обучения.

1849 г., 29 августа

Открытие первой выставки сельскохозяйственных произведений в г. Вятке.

1849 г.

Основание чугунолитейного завода в с. Шаркан.

1850 г.

Основание Кокшанского химического завода К. Я. Ушковым.

1851 г.

Воткинский завод на Всемирной выставке в Лондоне награжден большой и малой бронзовыми медалями за представленные образцы продукции.

1851 г., 30 июня

Открытие вольной аптеки в г. Сарапуле.

1854 г.

Создана акционерная компания "Камско-Волжское пароходство"

1857 г.

Создаются Камские пароходства: Колчина (г. Сарапул), Каменских (г. Сарапул).

1857 г., декабрь

На Воткинском заводе изготовлен каркас шпиля для Петропавловского собора.

1861 г., 19 февраля

Отмена крепостного права. Александр II подписал Манифест и "Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости"

1861 г., 8 марта

Издание "Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов"

1863 г.

Казанский заговор.

1863 г., 26 июля

Издание "Положения о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных"

1864 г., 1 января

Земская реформа. Положение о губернских и уездных земских учреждениях.

1864 г., 14 июля

Школьная реформа. Положение о начальных народных училищах.

1864–1865 гг.

Волнения бывших удельных крестьян в Сарапульском и Елабужском уездах в связи с введением уставных грамот.

1864 г., 19 ноября

Устав классических и реальных гимназий.

1864 г., 20 ноября

Судебная реформа. Утверждение судебных уставов.

1865 г.

Учреждение торгового дома "Григория Стахеева сыновья"

1865 г.

Создание Малмыжской городской публичной библиотеки купцом К. М. Пафнутьевым.

1865 г.

Открытие Вятского отделения Государственного банка.

1866 г.

Открыт общественный банк в г. Елабуге.

1866 г., 18 января

Положение о преобразовании общественного правления государственных крестьян и передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений.

1866 г., 22 ноября

Положение о перечислении в гражданское ведомство приписанных к Ижевскому оружейному заводу людей.

1867 г.

Основание Бондюжского химического завода К. Я. Ушковым.

1867 г.

Обследование Уральских казенных горных заводов академиком В. П. Безобразовым.

1867 г., октябрь

Глазов. Открыта первая в городе библиотека.

1868 г.

Воткинский завод приступил к производству паровозов.

1868 г., 12 марта

Закон о мерах к обеспечению быта горнозаводского населения.

1868 г.

Основание Ижевской оружейной школы.

Середина 1860-х – конец 1870-х гг.

Деятельность в г. Вятке революционно-народнических кружков.

1869 г., 28 ноября

Открыт в г. Сарапуле общественный банк.

1870 г.

Создание "Благотворительного братьев Д. И. и И. И. Стахеевых комитета"

1870 г., 16 июня

Городская реформа. Утверждение Городового положения.

1870 г.

Введение губернских земских учреждений в Вятской и Пермской губерниях.

1870 г.

Начал функционировать Волжско-Камский коммерческий банк в Санкт-Петербурге, конторы которого были открыты в гг. Вятке, Сарапуле, Елабуге.

1871 г., 18 февраля

На Воткинском заводе пущена в действие первая на Урале и третья в России мартеновская печь.

1871 г., 17–24 июня

I съезд учителей Прикамья (г. Сарапул).

1871 г., 18 ноября

Открытие на Ижевском заводе телеграфной станции.

1872 г.

На р. Каме появился первый (в России) двухэтажный пароход.

1872 г.

Открыт Сибирский торговый банк в г. Екатеринбурге с отделением в г. Сарапуле.

1873 г., 11 февраля

В г. Сарапуле проведена однодневная перепись населения.

1873 г.

Открытие отделений Волжско-Камского частного банка в гг. Казани, Перми и контор в Вятке, Сарапуле, Елабуге.

1873 г.

Открыт Казанский купеческий банк.

1873–1875 гг.

Промышленный кризис в России.

1874 г., 1 января

Военная реформа. Введение всеобщей воинской повинности.

1874 г.

Открыт Заречно-Нагорный банк в поселке Ижевского завода.

1875 г., 30 августа

Открытие в г. Глазове женской гимназии.

1879 г., 19 марта

Образование Камского акционерного общества железоделательных и сталелитейных заводов.

1879 г., 31 декабря

Открытие Воткинского комитета Общества Красного Креста.

1879–1881 гг.

Волнения бывших государственных крестьян в Глазовском уезде.

1881 г.

Открытие купцом Я. Ф. Тырышкиным "Буксирно-пассажирского пароходства по рекам Вятке, Волге"

1881 г., декабрь

Открытие первой удмуртской школы в с. Карлыган (ныне Республика Марий Эл).

1881 г.

Открыт общественный банк в г. Глазове.

1881 г., 28 декабря

Закон о переводе с 1 января 1883 г. временнообязанных крестьян на обязательный выкуп.

1882 г.

Воткинский завод на Всероссийской промышленно-художественной выставке в г. Москве за представленные изделия награжден золотой медалью.

1882 г., 1 июля

Закон о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах.

1883 г.

Создание акционерного общества "Ушков П. К. и К° Товарищество 2 химических заводов"

1884 г.

Открыты две ссудные кассы купцами Плотниковым и Ущеренко в Сарапуле.

1885 г.

Воткинский завод приступил к изготовлению металлоконструкций для железных дорог России.

1886 г.

Открыто Казанское отделение Крестьянского банка.

1887 г., 15 июля

Открытие в Екатеринбурге Сибирско-Уральской промышленной выставки.

1887–1889 гг.

Массовые волнения крестьян в Глазовском и Малмыжском уездах Вятской губернии. Отказ от уплаты недоимок, нападение на местные власти и полицейских.

1889 г., 12 июля

Закон о земских начальниках.

1889 г.

Открытие движения по железной дороге Екатеринбург – Тюмень.

1891 г.

Ижевский оружейный завод перешел на выпуск трехлинейной винтовки системы С. И. Мосина.

1891–1892 гг.

Неурожай и голод в Вятской губернии, сопровождавшийся эпидемией холеры.

1892 г.

Создание торгово-промышленного товарищества на паях "Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К°"

1892–1896 гг.

"Мултанское дело" Обвинение властями крестьян-удмуртов с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии в принесении человеческой жертвы языческим богам.

1892 г., 9 марта

Закон о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти заводы и промыслы.

1893 г.

Воткинский завод на Всемирной научно-технической выставке в г. Чикаго за представленные изделия удостоен высшей награды.

1893 г.

Создание крупнейшего в России торгового дома "Наследники коммерции советника И. В. Александрова"

1893 г.

Всемирная выставка в Чикаго.

1893 г., 19 мая

Закон о завершении пореформенного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах.

1893 г.

Д. И. Менделеев был командирован на Бондюжский завод в целях внедрения технологии производства пироколлоидного пороха.

1893–1899 гг.

Промышленный подъем в России.

1894 г.

Открытие отделения Торгово-коммерческого банка в г. Сарapulе, созданного купцом Е. И. Злыгостевым.

1895 г., декабрь

Создание в Петербурге под руководством В. И. Ленина "Союза борьбы за освобождение рабочего класса"

1896 г.

Воткинский завод выпустил сотысячный железный плуг, который экспонировался в Московском политехническом музее.

1896 г., 6 августа

Открытие первой железной дороги в Удмуртии Воткинск – Галево.

1896 г., лето

Открытие Варзи-Ятчинской грязелечебницы

1897 г., 28 января

Первая всеобщая перепись населения в России.

1897 г., 2 июня

Закон о продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности.

1897–1907 гг.

Строительство Михайловского собора в Ижевске.

1898 г., 1–3 марта

I съезд РСДРП в Минске.

1899 г.

Открылось регулярное движение поездов по линии Пермь-Котласской железной дороги.

1899 г., июнь – август

Исследование состояния и перспектив развития уральской горнозаводской промышленности экспедицией ученых во главе с Д. И. Менделеевым.

1900 г.

Создание торгового дома "В. Г. Стахеева и-ки"

1900 г.

Всемирная выставка в Париже.

1902 г., март

Забастовка рабочих Воткинского завода.

1904 г., 28 февраля

Создание Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК).

1904 г.

Учреждение торгового дома "И. Г. Стахеев с 12 участниками – членами его семьи"

1904–1910 гг.

Издание календаря для удмуртов "Удморт кылын календарь" Вышло 4 номера.

1905 г., 9 января – 1907 г.

Первая буржуазно-демократическая революция в России.

1905 г., ноябрь – декабрь

На Ижевском и Воткинском заводах образованы Советы рабочих депутатов.

1905 г., 7–17 октября

Всероссийская политическая стачка.

1905 г., 18–22 октября

Политические митинги и демонстрации рабочих и служащих городов и поселков по поводу Манифеста 17 октября.

1905 г., 21 и 28 декабря

Объявление властями Пермской и Вятской губерний городов и заводских поселков на положении чрезвычайной охраны.

1906 г., 5–11 сентября

Восстание крестьян Новомуланской волости.

1906 г., 9 января

Забастовки, политические демонстрации и митинги на Ижевском и Воткинском заводах, предприятиях г. Сарапула.

1906 г., 1 мая

Забастовки и демонстрации рабочих на Ижевском и Воткинском заводах, предприятиях г. Сарапула.

1906 г.

Создание в г. Вятке отделения Русского для внешней торговли банка.

1909 г.

Основан музей Сарапульского земства, с 1913 г. – музей Общества изучения Прикамского края, с 1996 г. – Муниципальный музей истории и культуры Среднего Прикамья.

1910 г.

Создание "Ижевского торгово-промышленного товарищества"

1912 г., 29 июля

Начало издания в г. Глазове газеты "Глазовская речь" Вышло 6 номеров.

1913 г., начало апреля

Стачка 1,5 тыс. рабочих Ижевского оружейного завода.

1914 г., 1 мая

Первомайские стачки рабочих Воткинского завода.

1914 г., 10–22 мая

Стачка 3,5 тыс. рабочих Воткинского завода.

1915 г.

Начало издания на удмуртском языке газеты "Войнаись ивор" ("Вести с войны").

1915 г., июнь

Открытие Народного дома в с. Вавож.

1916 г.

Учреждение концерна на паях "Иван Стахеев и К"

1916 г.

Открытие железной дороги Агрыз – Ижевск – Воткинск.

1917 г., 15 февраля

Открытие в Ижевске Гражданского клуба (Народного дома).

1917 г., 27 февраля

Победа февральской буржуазно-демократической революции. Свержение царизма.

1917 г., 14–27 марта

Забастовка рабочих Ижевского завода и частных оружейных фабрик с требованием повышения заработной платы и улучшения условий труда и быта.

Словарь некоторых устаревших и специальных терминов

Алтын – серебряная монета достоинством в 3 копейки.

Архимандрит – настоятель монастыря, обладающий священническим саном, также ректор духовной семинарии и начальник духовной миссии.

Аршин – устаревшая мера длины, равная 28 английским дюймам, или 16 вершкам, или 71,12 см.

Барка – общее название сплавных плоскодонных судов для перевозки груза, речное грузовое судно грубой постройки.

Бархат (бархот) – большая барка длиной до 20 сажень, грузоподъемностью до 35 тыс. пудов.

Бортъ – улей для разведения пчел в форме колоды или дерева с дуплом.

Бурмистр – в России при крепостном праве управляющий помещичьим имением или староста, назначенный помещиком.

Вальдмейстер – смотритель лесов при казенных заводах и адмиралтействах; наблюдал за казенными лесными дачами, оберегал их от пожаров и несанкционированных вырубок.

Верста – мера длины, равная 500 саженьям, или 1,0668 км.

Вече (от ст.-сл. *вет* – совет) – народное собрание в Древней и средневековой Руси для обсуждения наиболее важных вопросов (войны и мира, призвания и изгнания князей, заключения договоров с другими землями и т. д.).

Воевода – славянский термин, обозначавший военачальника, правителя. Первоначально – название главы народного ополчения или княжеской дружины, с середины XVI в. так называемые городовые воеводы возглавляли управление города с уездом.

Волостель – должностное лицо в России XI–XVI вв., управлявшее волостью от имени великого или удельного князя и ведавшее административными и судебными делами.

Воротники – стража, охраняющая ворота города.

Вотчина – вид феодального землевладения, характеризующийся правом наследования.

Гильдии – купеческие корпорации, в России известны с XII в. В XVI–XVII вв. существовали привилегированные корпорации гостей, торговых людей суконной и гостинной сотни. Термин гильдия впервые упомянут в регламенте Коммерц-коллегии (1719 г.). Выделялись 3 гильдии: первая (капитал более 10 000 руб.), вторая (капитал 10 000–1 000 руб.) и третья (1 000–500 руб.).

Голова – название военных и административных должностей в России XVI–XVII вв. Сотенный голова являлся начальником сотни в дворянском ополчении, стрелецкий голова – начальником стрелецкого приказа, засечный голова ведал засечными чертами, татарский голова – нерусским населением Казанской земли и т. д.

Голубец – голубая краска.

Городище – остатки древнего укрепленного поселения или города.

Городничий – представитель местной администрации, возглавлял исполнительную власть в уездном городе.

Губа – территориальный округ в России XVI–XVII вв., в котором действовали губные власти, осуществлявшие судебно-полицейские функции.

Губные грамоты – великокняжеские (позже царские) грамоты в России XVI–XVII вв., определявшие организацию и компетенцию органов губного самоуправления. Согласно губным грамотам расследование дел о разбое и воровстве передавалось от наместников и волостей губным старостам из числа местных дворян.

- Гуртовщик** – хозяин гурта (стада); пастух, работник при нем; скупщик товара оптом, гуртом.
- Деньга** – монета достоинством в полкопейки.
- Десятина** – 1) подать, составляющая 1/10 долю с имущества или дохода; 2) поземельная мера: казенная десятина (80 х 30 или 60 х 40 сажен, что составляет 1,0925 га), хозяйственная косая (80 х 40 сажен), хозяйственная круглая (60 х 60 сажен), бахчевая (80 х 10 сажен), сотенная (100 х 100 сажен).
- Доводчик** – доносчик, обвинитель, свидетель, а также сыщик, следователь.
- Докончание** – договор, соглашение (от глагола *докончали* – утвердить, заключить).
- Ез (яз)** – приспособление для ловли рыбы, частокол или плетень, поставленный поперек всей реки.
- Епархия** – церковно-административная территориальная единица в православной (а также католической и англиканской) церкви, возглавляемая епархиальным архиереем.
- Житьи люди** – категория феодальных землевладельцев в Новгородской земле в XIV–XV вв. Активно участвовали в торговле, в посольствах и судопроизводстве, занимали должности старост улиц и др. Были известны также в Пскове, Вятке и Твери.
- Засека** – заграждение, устраиваемое из деревьев, поваленных крест-накрест.
- Засечные черты** – система оборонительных сооружений XVI–XVII вв. на южных и юго-восточных границах Русского государства. Состояли из лесных завалов – засек, чередуясь в безлесных районах с частоколами и земляными валами.
- Засыпка** – помошник мельника, засыпает зерно в ковш, заполняет мешки мукой и т. д.
- Затинщики** – в России XVI–XVII вв. категория служилых людей, обслуживавших “затинную” (стоявшую за крепостной стеной) артиллерию.
- Земство** – органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы), созданные в ряде губерний России по земской реформе 1864 г.
- Земщина** – основная часть территории Русского государства, не включенная Иваном Грозным в особый государев удел – опричнину.
- Каюк** – речное грузовое судно, род полубарки с двускатной крышей, загнутым носом и каютой на корме.
- Коломенка** – речное судно длиной 12–20 сажен и грузоподъемностью 7–12 тыс. пудов.
- Колотовка** – водяная мельница.
- Кормление** – способ содержания должностных лиц за счет местного населения в России (до середины XVI в.).
- Кортома** – аренда, наем, откуп.
- Кортомщик** – арендатор.
- Коштан** – мироед, крестьянин, живущий на мирской кошт (счет); ходатай по мирским (общинным) делам.
- Краска брусковая** – кубовая, индиго, лучшая синяя.
- Кумач** – простая бумажная ткань обычно алого, иногда синего цвета.
- Курултай** – съезд монгольской военно-феодалной знати во главе с членами правящей династии, созывался в особо важных политических случаях (например, для выбора хана).
- Лавра** – высший сорт кубовой, т. е. синей, краски.
- Ладья** – речное судно длиной до 25 сажен, грузоподъемностью до 90 тыс. пудов; морская ладья – палубное плоскодонное трехмачтовое грузовое судно.
- Ландрат** – в России в 1713–1719 гг. советник из среды уездных дворян. Должность ландрата введена Петром I. Для управления губернией образовывалась губернская коллегия в составе 8–12 ландратов (в зависимости от числа уездов). В 1719 г. ландраты были заменены воеводами, назначавшимися правительством.
- Лашманы** – категория государственных крестьян, занятых заготовкой корабельных лесов.
- Мануфактура** – предприятие, основанное на разделении труда и ручной ремесленной технике.

Митрополит – высший духовный сан в православной церкви.

Мурза (от перс. *мирза*) – титул феодальной знати в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Сибирском ханствах и Ногайской Орде.

Мутовка – водяная мельница.

Мыт – одна из древнейших пошлин с товаров и лиц, а также место ее сбора. Взималась при провозе товаров через заставы городов и селений.

Насад – речное судно с поднятыми, надстроеными бортами.

Недельщик – должностное лицо, обязанностью которого было препровождение обвиняемых в суд.

Новина – необработанная земля, целина.

Оброк – продуктовые или денежные платежи, выплачивавшиеся зависимыми крестьянами феодалам в качестве земельной ренты.

Острог – 1) укрепленный населенный пункт, обнесенный деревянной оградой, сверху заостренной; 2) в XVIII–XIX вв. тюрьма, окруженная стеной.

Пестрядь – пеньковая грубая ткань пестрой или полосатой расцветки.

Пильная мельница – приспособление для распилки бревен, где применялась лошадиная сила, а также сила воды и пара.

Пищаль – название тяжелого ружья и артиллерийского орудия, находившихся на вооружении русских войск в XV–XVII вв.

Погост – 1) сельская крестьянская община и ее центр в России XI–XVIII вв.; 2) в центральных уездах небольшое поселение с церковью и кладбищем; 3) кладбище, чаще всего сельское.

Подвойский – 1) глашатай и исполнитель приговоров веча; 2) судебный пристав, обязанностью которого было объявление решения суда.

Подсека – система земледелия, при которой сельскохозяйственные растения в течение нескольких лет выращивают на землях, освобожденных от леса путем его вырубки и выжигания. После утраты плодородия участок забрасывали и осваивали новый.

Подушная подать – прямой основной налог в России XVIII–XIX вв., которым облагалось все мужское население податных сословий. Введен в 1724 г. взамен подворного обложения.

Подьячий – низший чин администрации в России XVI – начала XVIII в. Под руководством дьяков выполняли основную делопроизводственную работу в центральных и местных государственных учреждениях.

Половники – одна из форм зависимости населения в России XIV – первой половины XIX в. Заключение договор с землевладельцем, половники получали земельный участок и ссуду для ведения хозяйства, выплачивая за аренду от половины до 2/3 доли урожая.

Поместье – вид феодального землевладения в России конца XV – начала XVIII в.; первоначально название земельного участка, предоставлявшегося дворянам за военную службу без права наследования и продажи. В XVI–XVII вв. шло сближение поместья с вотчиной, установилось наследственное владение поместьем. С изданием в 1714 г. Указа о единонаследии произошло объединение поместья с вотчиной в единый вид земельной собственности дворян – имения.

Посад – 1) предместье, торгово-ремесленная первоначально не укрепленная часть русского города; 2) в XVII–XVIII вв. торгово-промышленный центр, который с момента возникновения не имел крепости, но причислялся к городам, а его население входило в состав посадских людей.

Посконь – мужские растения конопли, содержат в стеблях больше волокна (пеньки) лучшего качества; ткань из посконного волокна.

Посол – натуральный налог, подать зерном и хлебом.

Поташ – карбонат калия, щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы.

Праведчик – судебный чиновник, взыскивающий с виновных по приговору.

- Правец** – по древнерусскому праву способ исполнения судебного решения, принуждение к уплате долгов, пошлин и других взысканий в форме ежедневного публичного наказания батогами.
- Приказы** – органы центрального управления в России XVI – начала XVIII в. В XVI в. сложилась основная сеть приказов: Земский, Казанский, Казенный, Печатный, Посольский, Разрядный, Стрелецкий и др. Возглавляли приказы дьяки, непосредственное делопроизводство велось подьячими.
- Пристав** – 1) должностное лицо, обязанностью которого было приглашение ответчиков в суд; 2) общее название должностных лиц, приставленных к чему-либо (смотрители, надзиратели, караульные, конвойные и т. п.); 3) полицейский чиновник, в ведении которого находилась определенная часть города.
- Протопоп** – старший священник, устаревшее название протоиерея.
- Путик** – охотничий участок леса; ловушка, силос, капкан для зверей и птиц.
- Пушкарь** – артиллерист, воин при пушке.
- Расшива** – 1) большое морское парусное судно; 2) речное судно плоскодонной постройки длиной 8–24 сажени и грузоподъемностью 12–24 тыс. пудов.
- Рекрут** – новобранец, поступивший в солдаты, в рядовые по повинности или по найму.
- Рота** – клятва, присяга.
- Сажень** – старинная русская мера длины. В XI–XVII вв. различались прямая сажень (152 см и 176 см), косая сажень (216 см и 248 см). Указом 1835 г. размер сажени был определен в 7 английских футов, или 84 дюйма, что составляло 3 аршина, или 48 вершков (213,36 см).
- Сафьян** – кожа растительного дубления для верха обуви, книжных переплетов и т. п., выделяваемая из шкур овец, коз.
- Слобода** – вид поселений в феодальной России. В XII – первой половине XVI в. – отдельные поселения, в том числе около города-крепости, жители которых освобождались от налогов и повинностей. В XVI в. в городах формируются слободы служилых людей, ремесленников, иностранцев. В первой половине XVIII в. в связи с реформами слободы, сохранив свое название, превратились в обычные села и деревни или в поселения городского типа, а слободы городов – в городские кварталы.
- Сотский** – низший чин сельской полиции. Существовал с XVI–XVII вв., но официально оформлен по Положению о земской полиции 1837 г. как ближайший исполнитель распоряжений станového пристава. Избирался крестьянами на сельском сходе.
- Соха** – 1) земледельческое пахотное орудие; 2) единица податного обложения на Руси в XIII–XVII вв., с которой собирался государственный поземельный налог – посошное. До середины XVI в. соха измерялась количеством рабочей силы. При сборе податей к сохе приравнивались и другие хозяйственные единицы: чан кожевничий, невод, лавка, кузница и т. д. В 1679–1680 гг. посошное было заменено подворным обложением.
- Стан** – в XIV–XV вв. административно-территориальная единица, подсудная представителям княжеской власти. С конца XV в. – название части уезда. В XVI–XVII вв. станы образовывались во вновь учрежденных окраинных уездах.
- Старец** – 1) чернец, монах, инок, отшельник, скитник; 2) нищий, просящий подаяние.
- Староста** – 1) в Древней Руси представитель низшей княжеской администрации, обычно из холопов. В Русской Правде упоминаются староста сельский (ведаль населением вотчины) и староста ратный (ведаль вотчинной пашней); 2) должностное лицо крестьянского общественного управления.
- Стольник** – дворцовый, затем придворный чин в России в XIII–XVII вв. В XVI–XVII вв. столтники прислуживали во время торжественных трапез ("столов") у великих князей и царей. Стольники назначались также на воеводские, посольские, приказные и другие должности.
- Стрельцы**, стрелецкое войско – русское войско XVI – начала XVIII в., вооруженное огнестрельным оружием. Стрельцы несли караульную службу, принимали участие в военных действиях. Городовые стрельцы выполняли поручения местной администрации. Подчи-

нялись Стрелецкому приказу. Жили отдельными слободами, получая от казны денежное и хлебное жалованье.

Стряпчий – 1) в Московском государстве XVI в. царский чиновник при хлебном, конюшенном и других дворах; 2) с 1775 г. название помощника прокурора по уголовным делам, в компетенции которого была правовая защита казенных интересов; 3) с 1864 г. поверенный в делах при коммерческих судах.

Съезжая изба – в России в XVII в. канцелярия воеводы, где собирались (съезжались) служилые люди.

Сюзерен – в Западной Европе в средние века крупный феодал – верховный сеньор территории (король, герцог, князь), являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам. Власть сюзерена была основана на пожаловании им вассалу феода.

Тамга – особый знак (клеймо, тавро), которым отмечалось право собственности.

Тиун – в XI–XIII вв. в Древней Руси название привилегированных княжеских и боярских слуг. В XIV–XVII вв. различались тиуны великого князя, занятые в его хозяйстве и в управлении отдельными волостями и городами, тиуны наместников и волостелей – для первичного разбора судебных дел, тиуны архиереев, наблюдавшие за исполнением обязанностей церковных служителей.

Толмач – устный, словесный переводчик с иностранного языка.

Торг, торжок, торжище – рынок, базар, место продажи и купли.

Трехполье – севооборот с чередованием культур: пар, озимые, яровые.

Тур – 1) межевая насыпь; 2) корзина, набиваемая землей, для защиты от пуль.

Турка – ружье, короткий, широкодульный дробовик.

Тын – 1) сплошной деревянный забор; 2) городская стена в виде частокола.

Тяглец – податный крестьянин, обложенный податью (налогом).

Тягло – система денежных и натуральных государственных повинностей крестьян и посадских людей в России XV – начала XVIII в. Основная окладная единица тяглого населения – соха (с 1679 г. – двор). Термин тягло после введения подушной подати был заменен словом подать, но употреблялся как условная единица обложения в XVIII–XIX вв.

Удел – удельное княжество (от слова *дел* – доля, часть), феодальные владения на Руси XII–XVI вв., образовавшиеся вследствие дробления крупных княжеств, возникших на месте Древнерусского государства.

Удельные крестьяне – феодально-зависимое сельское население России конца XVIII – середины XIX в., проживавшее на дворцовых (удельных) землях, принадлежащих императорской семье и управлявшихся департаментом уделов. До 1797 г. назывались дворцовыми крестьянами.

Уклад – сырьевая сталь, которую получали из железной крицы.

Уланы – в монголо-татарском войске XIII–XIV вв. конные воины, вооруженные копьями с флюгерами в отличие от основной массы конницы, вооруженной луками.

Улус – 1) в период формирования монгольского государства в начале XIII в. – группы семейств, подчиненные нойонам и кочевавшие на их землях; 2) собственно монгольское государство Чингисхана; 3) уделы чингисидов, ставшие во второй половине XIII в. самостоятельными государствами (ханствами).

Ухожаи – хозяйственные уголья (лесные, бортевые и пр.).

Хан – тюркский и монгольский титул. Первоначально обозначал вождя племени. В монгольской империи XIII–XIV вв. – правитель улуса.

Холопы – категория феодально-зависимых людей в России X – начала XVIII в. По правовому положению приближались к рабам. Холопами становились в результате пленения, самопродажи, продажи за долги или преступления, женитьбы на холопке.

Целовальник – должность в России в конце XV–XVIII в. Вступая в должность, целовальник давал присягу (целовал крест). Наряду с головами и старостами, целовальники, будучи их помощниками, отвечали перед центральной и местной администрацией за исправное поступление денежных доходов, а также участвовали в суде.

Чеботарная – сапожная мастерская.

Челобитье – просьба, жалоба.

Черносошные крестьяне – категория сельского населения России в XIV–XVII вв., зависимого непосредственно от государства, а не от частных владельцев. Жили на казенных землях, платили подать от черной сохи. В результате реформ Петра I вошли в состав государственных крестьян.

Чертец (чертеж) – 1) вид пахотного орудия, сохи; сошной отрез; 2) нож.

Четверть – 1) мера площади, равная 0,5 десятины; 2) мера объема сыпучих тел, равная 4 пудам зерна ржи (XVI – начало XVII в.), или 8 пудам (конец XVII в.); 3) мера объема жидких тел (1/4 ведра, или 3,0748 л); 4) мера длины в XVI–XVII вв. (1/4 сажени, около 18 см).

Чети – четвертные приказы, центральные государственные учреждения России второй половины XVI–XVII в. с финансовой и административно-судебной функциями по отношению к тягловому населению определенной территории государства.

Шерть – присяга мусульман на подданство.

Шитик – мелкое речное судно, крытое округлой палубой, с нашитыми бортами.

Яека – вид пошлины с товара.

Ямская гоньба – в X–XVIII вв. почтовая повинность (содержание станций, перевоз грузов и должностных лиц).

Ярлык – 1) дипломатическая документация и документы внутригосударственного управления в Золотой Орде; 2) письменный документ, исходивший от монголо-татарских ханов, выдавался князьям Северо-Восточной Руси на великое или удельное княжение, а также русским митрополитам, по которым владения русской церкви освобождались от повинностей.

Ясак – натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья и Сибири. Вносился в казну пушниной, иногда скотом.

Ясачные люди – плательщики ясака, мужчины в возрасте от 18 до 50 лет (позже 16–60 лет), которых записывали в так называемые ясачные книги.

Рекомендуемая литература

Опубликованные источники

- Воткинск: Документы и материалы. 1758–1998. Ижевск: Удмуртия, 1999.
- Глазов: Документы и материалы. 1678–1989. Ижевск: Удмуртия, 1992.
- Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / Сост. П. Н. Луппов. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1958.
- Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Приложение ко 2-му тому сб. "Столетие Вятской губернии". Вятка, 1881.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XVI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XV–XVI в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
- Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902). Вятка, 1906. Вып. 1.
- Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов / УдНИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1974.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов и материалов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1; М., 1976. Т. 3.
- Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Т. 1; М.; Л., 1949. Т. 3.
- Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1889–1893. Вып. 1–5.
- Материалы по истории Татарской АССР: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1932.
- Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1885, 1889, 1890, 1892. Т. 1, 6–8.
- Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России. СПб., 1872.
- Приложения к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1871–1900 годы. Вятка, 1872–1901.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 10: Вятская губерния.
- Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия, 2000.
- Сарапул: Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск: Удмуртия, 1987.
- Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т. 1; Вятка, 1881. Т. 2.
- Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Вятка, 1907–1908. Вып. 2. Т. 9–11.
- Вятская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб., 1876. Т. 10.
- Таможенные книги Московского государства XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2.
- Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века. М.: Наука, 1965. Вып. 1.

Исследования, научно-популярные работы

- Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1981.
- Александров А. А. Ижевский завод. Ижевск: Удмуртия, 1957.
- Александров А. А., Садаков М. А. Гнев народа: К 200-летию Пугачевского восстания. Ижевск: Удмуртия, 1974.
- Бехтерева С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.
- Блинов Н. Н. Историко-статистическое описание города Сарапула и его уезда. Сарапул, 1887.
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1984.
- Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1991.
- Вопросы истории Удмуртии: Сб. статей / УдНИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1974.
- Вопросы истории культуры Удмуртии: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1984. Вып. 2.
- Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1986.

- Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв.: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1981.
- Вопросы этнографии Удмуртии: Сб. статей / УдНИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1976.
- Воткинские были: (Исторические очерки). 1759–1959. Ижевск: Удмуртия, 1959.
- Государство и общество. История. Экономика. Право. СПб.: Ижевск, 2002. № 1.
- Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск: Удмуртия, 1977.
- Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994.
- Гришкина М. В. Удмурты: Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994.
- Гришкина М. В., Корепанов К. И. Даурьёс пыр. Ижевск: Удмуртия, 1996.
- 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей. Ижевск: УдНИИ при СМ УАССР, 1976.
- Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.
- Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.
- Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994.
- Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Устинов: Удмуртия, 1987.
- Институт: история и современность: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989.
- История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990.
- История, историография и источниковедение Удмуртии: Сб. статей / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992.
- Историография истории Удмуртии / Под ред. В. Г. Гусева. Ижевск / УдНИИ при СМ УАССР, 1977.
- Климов К. М. Ансамбль как образная система в удмуртском народном искусстве XIX–XX вв. Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 1999.
- Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. Т. 3.
- Куликов К. И. С этой минуты Россия спасена! Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.
- Латышев Н. Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939.
- Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.
- Лизенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск: Удмуртия, 1991.
- Лизенко Н. П. Купечество Удмуртии: Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.
- Материалы по истории Удмуртии с древнейших времен до середины XIX века: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995.
- Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1982.
- Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.
- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001.
- На удмуртские темы: Сб. статей. М.: Центриздат народов СССР, 1931. Вып. 2.
- Новые исследования по истории Удмуртии: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991.
- Очерки истории Кировской области. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1972.
- Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1958. Т. 1.
- Очерки истории Удмуртии XIX века: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996.
- Первой удмуртской грамматике 225 лет: Материалы научно-практической конференции: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
- Поздеев П. К. Русские писатели об Удмуртии. XVIII – начало XX в. Ижевск: Удмуртия, 1978.
- Проблемы аграрной истории Удмуртии: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1988.
- Проблемы этногенеза удмуртов: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Устинов, 1987.
- Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. Вып. 1.
- Социально-экономическое и культурное развитие Удмуртии в XVII – первой половине XIX в.: Сб. статей / УдНИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1981.
- Туганав В. В. Аграритоценозы современного земледелия и их история. М.: Наука, 1984.
- Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993.
- Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000.

Рекомендуемая литература

Фомичев А. Ижевская сталь. Ижевск: Удмуртия, 1977.

Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1991.

Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы к республиканской научно-теоретической конференции. Ижевск: Комитет по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики и Издательский дом "Удмуртский университет", 2000.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, 1990.

400 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск: Удмуртия, 1958.

425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. Ижевск: Удмуртия, 1983.

Чудова Г. Ф. В те далекие годы. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981.

Шумилов Е. Ф. Архитектура Ижевска. Ижевск: Удмуртия, 1978.

Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство: XVI – начало XX века. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2001.

Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956.

Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996.

Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Киров, 1994–1996.

Оглавление

Часть первая. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века. (М. В. Гришкина)	
Введение	5
Глава первая. Присоединение Удмуртии к Российскому государству	17
Образование Вятской земли Присоединение северных удмуртов в составе Вятской земли к Московскому государству	17
Внешняя политика Русского государства XV – первой половины XVI века и присоединение южной части Удмуртии	32
Восстание 1552–1557 годов	46
Восстания 1572–1574 и 1582–1584 годов	49
Глава вторая. Удмуртия в XVI–XVII веках	54
Социально-демографическая ситуация после завершения процесса присоединения	54
Социально-экономическое развитие	67
Административно-территориальное деление и управление краем	82
Подати и повинности	84
Формы социального протеста крестьянства	92
Глава третья. Удмуртия в XVIII веке	104
Реформы управления и административно-территориального деления	104
Население. Изменения в его численности и расселении	109
Экономическое развитие. Состояние сельского хозяйства и аграрной культуры	111
Крестьянская промышленность	114
Развитие крупной промышленности	116
Социальные отношения	120
Расслоение крестьянства	123
Углубление товарно-денежных отношений	125
Податная и этноконфессиональная политика	128
Социальный протест крестьянства. Удмуртия в период восстания Е. И. Пугачева	131
Глава четвертая. Удмуртия в первой половине XIX века	143
Демографические и социально-экономические процессы	143
Неземледельческие промыслы, местные и отхожие	157
Мануфактурная промышленность	160
Города	167
Торговля. Пути сообщения	173
Фискальная и этноконфессиональная политика государства	182
Реформы удельной и государственной деревни	186
Этноконфессиональная политика	190
Формы социального протеста населения	193
Удмуртия в Отечественной войне 1812 года	196
Глава пятая. Культура и быт населения Удмуртии в XVI – первой половине XIX века	203
Народные эмпирические знания	203
Народное творчество и искусство	207
Язычество и христианство	208

Народное образование	212
Становление профессиональной медицины	221
Развитие технической мысли и заводской технологии	223
Развитие архитектуры и домостроительства	227
Быт населения	236
Семья и община	241
 Часть вторая. Удмуртия во второй половине XIX – начале XX века (Н. П. Лигенко, Г. А. Никитина, С. Л. Мельников, В. С. Чураков, А. Н. Кутявин)	
Глава шестая. Буржуазные реформы. Отмена крепостничества	251
Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века	251
Освобождение крестьянства	252
Буржуазные реформы 1863–1874 годов в области местного управления	266
Глава седьмая. Социально-экономическое развитие Удмуртии.	276
Сельское хозяйство и промышленность	276
Крестьянское землевладение и землепользование	279
Крестьянское хозяйство	283
Государственные платежи и повинности	290
Столыпинская реформа в Удмуртии	291
Внеземледельческие занятия крестьян: местные и отхожие	294
Крестьянская промышленность	297
Развитие промышленности Удмуртии	307
Города Удмуртии	332
Глава восьмая. Транспорт и торговля	351
Транспортная система Удмуртии	351
Торговля. Виды и формы	368
Периодическая сфера рынка. Роль торгового капитала	368
Стационарная сфера рынка	380
Глава девятая. Общественно-политическое, крестьянское и рабочее движение	389
Развитие общественного движения в 50-х – начале 90-х годов XIX века	389
Волнение крестьян и рабочих в 50-х – начале 90-х годов XIX века	402
Общественное движение на рубеже веков. Революция 1905–1907 годов	406
Развитие общественного движения в годы реакции и нового революционного подъема	419
Глава десятая. Культура Удмуртии	426
Образование	426
Наука	475
Периодическая печать, книгоиздание, культурно-просветительные учреждения	481
Литература и искусство	487
Здравоохранение	496
Религия	504
Хроника событий	529
Словарь некоторых устаревших и специальных терминов	540
Рекомендуемая литература	546

Научное издание

ИСТОРИЯ УДМУРТИИ

Конец XV – начало XX века

Печатается по решению ученого совета Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и НИСО УрО РАН по плану выпуска 2002 г.

ЛР № 020764 от 24.04.98 г.

Редактор и корректор *Н. В. Глотова*

Технический редактор *Е. И. Иванова*

Обложка, компьютерная обработка иллюстраций художника *В. Е. Романова*

Компьютерный набор *В. А. Кузьменко*

Оригинал-макет *Е. И. Ивановой*

Компьютерная верстка *Е. И. Ивановой, Н. Ю. Бегишевой*

НИСО УрО РАН № 113(03). Сдано в набор 3.01.03.

Подписано в печать 05.02.04. Формат 70х100^{1/16}.

Бумага офсетная Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 49,32.

уч.-изд. л. 45,5 Тираж 3000 экз. Заказ № 6029.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения
Российской академии наук
426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4

Отпечатано в Ижевской республиканской типографии
426057 Ижевск, ул. Пастухова, 13